

Р. Х. ГУГОВ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Нальчик 2017

ББК 83.3 (2Р-6КБ)
Г93

*Подготовлено к печати Владимиром Гузовым;
издано на средства членов семьи Рашада Хусейновича Гугова*

*Составитель и редактор
Виктор Котляров*

Гугов Р. Х.
Г93 Научное наследие. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых,
2017. – 592 с.

ISBN 978-5-9368-1015-2

Рашад Хусейнович Гугов – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки КБР и РФ. Почти 50 лет он проработал в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, оставив о себе память как о высококвалифицированном историке, незаурядном организаторе науки, чутком руководителе, порядочном и отзывчивом человеке. Его научная продукция составляет более 200 печатных листов, в том числе десять монографий.

Р. Х. Гугов избирался депутатом Верховного совета КБР, награжден орденом Почета; одна из улиц города Нальчика названа его именем.

Том «Научное наследие», приуроченный к 90-летию Рашада Хусейновича Гугова (1927–2002), включает его фундаментальную работу «Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией», а также воспоминания современников об известном российском ученом.

© Р. Х. Гугов, 2017
© Издательство М. и В. Котляровых,
2017

ВСЕСТОРОННЕ И ГЛУБОКО

...Для меня имя Рашада Хусейновича Гугова неотделимо от слова «ученый». По его работам я писал курсовые, учась в университете, брал у него интервью, работая в газете, готовил к изданию его книги, будучи редактором издательства. Горжусь, что именно в ИТЦ «Эль-Фа» в 1999 году вышла его, пожалуй, самая главная работа – монументальное исследование «Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией», а через год – сборник документов и материалов «Трагические последствия Кавказской войны для адыгов», одним из составителей которого был и Рашад Хусейнович.

В процессе подготовки к печати этого многостраничного фолианта, вобравшего в себя источники второй половины XIX – начала XX века, не раз приходилось уточнять у Рашада Хусейновича датировку каких-то документов, происшедших событий, правильность написания фамилий, населенных пунктов, других самых разнообразных сведений. И вот что поражало: ответы на задаваемые вопросы он давал практически сразу, правда, при этом добавлял, что ему еще кое-что надо уточнить, сверить с архивными материалами. И если он допустил неточность, то обязательно перезвонит или зайдет.

Стоит вспомнить и о том, что Р. Х. Гугов непосредственно причастен к установлению даты присоединения Кабарды к России. Вот что писал по этому поводу известный историк В. Крикунов: «Сегодня мало кто знает, что установление даты добровольного присоединения Кабарды к России связано с именем Р. Х. Гугова. Большинство ведущих историков страны склонялось к мнению, что это событие произошло в 1555 году. Рашад, еще совсем молодой человек, без степеней и званий, осмелился выступить против мнения маститых ученых. Он апеллировал к летописным источникам, был последователен в отстаивании своей точки зрения, что требовало немалой смелости, скажу больше – отваги. Время подтвердило его правоту – впоследствии датой присоединения Кабарды к России был назван именно 1557 год».

А если еще к этому добавить, что человеком он был мягким, добродушным, отзывчивым, внимательно прислушивающимся к пожеланиям и, самое главное, принимающим их, если речь шла о пользе дела, то станет ясно – работать с таким автором было в удовольствие. Впрочем, настоящий ученый, любящий науку в себе, а не себя в науке, и не может быть другим.

И поэтому, когда Володя Гугов пришел в наше издательство и предложил подготовить книгу, посвященную памяти своего отца, раздумий и отговорок не было. Имя Рашада Хусейновича – ученого, педагога, общественного деятеля – неотделимо от истории Кабардино-Балкарии второй половины XX века. И память о том, как он работал, каким был человеком, что его заботило и волновало, должна быть сохранена.

Так сложилась книга «И жар души, и хлад ума. Вспоминая Рашада Хусейновича Гугова», вышедшая в 2004 году. В новое издание, озаглавленное «Научное наследие», вошла монументальная работа Р. Х. Гугова «Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией», а также воспоминания об ученом – расширенные и дополненные.

ПРАВДИВО И ОБЪЕКТИВНО

Рашад Хусейнович Гугов – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки КБР (1971), РСФСР (1981), академик Российской академии естественных наук и Адыгской (Черкесской) академии наук, лауреат специальной республиканской премии КБР. Почти 50 лет проработал он в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН – научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующим сектором истории (1972–1988), директором (1988–1997), с 1997 года до конца жизни (2002) – главным научным сотрудником сектора истории института. Он оставил о себе память как о высококвалифицированном историке, незаурядном организаторе науки, чутком руководителе, порядочном и отзывчивом человеке.

Р. Х. Гугов родился 20 мая 1927 года в селении Красное Гедуко Прималкинско-го района Кабардино-Балкарской автономной области. В 1934 году он поступил в Красногедукскую начальную среднюю школу, которую окончил в 1941 году. Затем окончил два курса Нальчикского педучилища и год работал директором Красногедукской НСШ. В 1946 году он обучается на подкурсах при Кабардинском госпединституте и в 1946 году поступает на исторический факультет Кабардинского государственного пединститута.

Рашад Хусейнович учился весьма успешно, глубоко овладевал историческими знаниями, был одним из лучших студентов факультета и в 1950 году закончил учебу, получив диплом с отличием. Ученый совет института оставил его ассистентом кафедры истории СССР исторического факультета. Студенты, которых он обучал, до сих пор хорошо помнят содержательные лекции Р. Х. Гугова, проводимые им семинарские занятия.

В январе 1954 года молодые преподаватели педагогического института – историки Т. Х. Кумыков, Р. Х. Гугов и филолог З. М. Налоев решением бюро Кабардинского обкома КПСС были переведены в Кабардинский научно-исследовательский институт в целях его укрепления и для участия в подготовке «Истории Кабарды».

Являясь ученым с широким научным диапазоном, Р. Х. Гугов разрабатывал проблемы далекого прошлого и современной истории Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа. Он внимательно изучал архивные материалы, имеющуюся литературу, много читал.

Р. Х. Гугов много сделал по выявлению и публикации архивных материалов по истории народов Кабардино-Балкарии в Москве, Ростове, Орджоникидзе, Нальчике. Он участвовал в составлении и публикации таких сборников, как «За власть Советов в Кабарде и Балкарии» (Нальчик, 1957), «Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1960), «Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации в 1917–1922 гг.» (Нальчик, 1963), «Бетал Калмыков» (Нальчик, 1960), «Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века» (Нальчик, 2000) и др.

Р. Х. Гугов – автор таких важных научных исследований, как «Борьба трудящихся за власть Советов Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1957), «Кабардино-

Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР» (Нальчик, 1961). Основные положения этой монографии стали основой его кандидатской диссертации, которая была успешно защищена в институте истории Академии наук СССР в том же году.

Его работа «Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1967) не потеряла своей ценности и по сей день. В соавторстве Р. Х. Гугов написал исследование «Победа Советов на Тереке» (Орджоникидзе, 1983). Итогом многолетних научных поисков явилась монография «Совместная борьба народов Терека за Советскую власть» (Нальчик, 1975), ставшая основой докторской диссертации, которую Рашад Хусейнович успешно защитил в Ростовском государственном университете. Работа эта получила высокую оценку у научной общественности Северного Кавказа. К примеру, И. Л. Осадчий в своей книге «Партия большевиков – организатор социалистической революции на Северном Кавказе» отмечал, что Р. Х. Гугов в значительной мере сумел обобщить почти всю литературу по данной проблеме. А журнал «Вопросы истории» (1979. № 1) назвал эту работу наиболее значительной по истории борьбы за советскую власть на Северном Кавказе. Академик И. И. Минц и известный историк В. П. Наумов назвали работу Р. Х. Гугова в числе наиболее интересных исследований по истории революционного содружества народов, интернационального сплочения трудящихся в первые годы советской власти.

В 1986 году Р. Х. Гугов публикует исследование «С. М. Киров на Тереке», а в 1988 году издает (в соавторстве) «Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе», ставшие заметным вкладом в историческую науку не только Северного Кавказа, но и страны в целом.

Настоящим научным подвигом можно назвать капитальный труд Р. Х. Гугова «Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией», изданный в 1999 году. Восемнадцатое столетие – одно из самых интересных и сложных в нашей многовековой истории. Поэтому работа Р. Х. Гугова представляется весьма ценной. В ней довольно подробно изучены такие вопросы, как социально-экономическое развитие, культура и быт кабардинцев и балкарцев, их взаимоотношения с Русским государством. На документальной основе раскрываются уходящие своими корнями в древность связи горцев Северного Кавказа с Русским государством.

Будучи одним из ведущих историков Кабардино-Балкарии, Р. Х. Гугов внес значительный вклад в подготовку и издание таких фундаментальных обобщающих трудов, как «История Кабарды» (М., 1957), «История Кабардино-Балкарской АССР» в двух томах (М., 1967), «Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС» (Нальчик, 1971), для которых им написан ряд глав.

Р. Х. Гугов также является одним из авторов учебного пособия по истории Кабардино-Балкарии для средних школ, лицеев и колледжей (Нальчик, 1995), для которого написал две главы.

В целом его научная продукция составляет более 200 печатных листов, в том числе десять монографий. Являясь руководителем проблемной группы по подготовке очерков истории городов и селений Кабардино-Балкарии, он внес огромный вклад в организацию авторского коллектива, сбор материалов и их написание.

Его труды помогают при подготовке других обобщающих работ, широко используются преподавателями вузов, лицеев, колледжей и школ, студентами и учащимися.

Р. Х. Гугов был председателем редакционного издательского совета республиканской «Книги Памяти», пять томов которой были изданы в 1995–1999 годах, заслужив высокую оценку общероссийского оргкомитета по проведению пятидесятилетия победы в Великой Отечественной войне и удостоившись республиканской премии Кабардино-Балкарии.

На протяжении многих лет Р. Х. Гугов преподавал по совместительству в КБГУ историю СССР, заведовал кафедрой всеобщей истории. В 1985 году ему было присвоено ученое звание профессора.

Р. Х. Гугов известен не только как солидный ученый, но и как умелый организатор науки. Работая заведующим сектором истории, он подготовил целую плеяду ученых, которые ныне работают в НИИ и вузах республики; являясь директором института, сумел создать нормальную атмосферу в коллективе, добиться укрепления материально-технической базы, значительно улучшить условия труда и быта сотрудников. Именно в период работы Р. Х. Гугова директором КБНИИ были подготовлены и изданы такие капитальные и обобщающие работы, как первый том «Толкового словаря карачаево-балкарского языка», «Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев», серия работ об адыгских и балкарских просветителях и деятелях культуры, завершилась работа над «Толковым словарем кабардино-черкесского языка». Впервые за всю историю института была организована научная экспедиция в Сирию, Турцию и Иорданию для изучения культуры и быта адыгской и балкарской диаспор.

Р. Х. Гугову были присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» (первому из ученых республики) и «Заслуженный деятель науки КБАССР», он награжден орденом Почета, четырьмя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КБАССР.

Р. Х. Гугов избирался депутатом Верховного Совета КБР. Его именем названа одна из улиц г. Нальчика.

Данный сборник – дань памяти ученому, внесшему большой вклад в историческую науку Кабардино-Балкарии.

Галим Мамбетов

**КАБАРДА И БАЛКАРИЯ
В XVIII ВЕКЕ
И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
С РОССИЕЙ**

О КНИГЕ «КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В XVIII ВЕКЕ»

Настоящая монография занимает особое место в богатом научном наследии Р. Х. Гугова и является последней крупной работой ученого, вторым изданием книги, опубликованной в 1999 году, за три года до ухода из жизни.

Перед нами широкое, многоплановое исследование, в котором отражены в наиболее полной форме различные аспекты социально-экономической, политической, культурной жизни Кабарды в сложный, переходный для нее XVIII век. В конце этой эпохи взаимоотношения кабардинцев с Россией испортились окончательно и переросли в открытое противостояние, определив трагическую перспективу зависимого, униженного положения народов Кабарды в составе Российской империи.

Рашаду Хусейновичу удалось представить яркую картину всех сторон жизни кабардинского и балкарского обществ. Книга содержит подробное описание территории, поселений, численности, социального строя, быта, духовной жизни, политических, торгово-экономических и культурных связей Кабарды и Балкарии на протяжении целого столетия. По словам автора, драматические события этого периода «перекроили этнический облик Кавказа»¹.

Оперируя множеством разнообразных данных, Р. Х. Гугов показывает, что в течение XVIII века территория Кабарды, охватывающая до этого большую часть Северного Кавказа, резко сократилась. Сократилась и ее численность: к началу XIX века (в 1810 г.) в пять раз, в 1820-х годах более чем в 10 раз. Вслед за другими учеными (Г. А. Кокиевым, Н. А. Смирновым, В. Х. Кажаровым и др.) автор рассматривает основные причины такого упадка. Среди них – недостаточно развитые феодальные отношения и стагнация социальных связей и отношений, феодальная междоусобица, нашествия крымских ханов, российская экспансия и др.

Отмечается, что, несмотря на это, Кабарда вплоть до ее покорения и утраты независимости в 1822 году оставалась самым крупным и могущественным политическим образованием в этом регионе. Позиция Кабарды в силу этого обстоятельства определяла решительным образом ситуацию на всем Северном и Западном Кавказе и во многом даже в соседней Грузии. Она была средоточием исторического, духовно-нравственного опыта, единства и целостности Кавказа.

В связи с этим большое внимание уделяется в книге месту Кабарды и входящих в ее состав горских обществ (Балкарии, Осетии, Ингушетии, Карачая) в системе международных отношений XVIII века. На большом фактическом материале в динамике социальных и политических процессов и изменений XVIII века рассматриваются взаимоотношения кабардинцев и балкарцев с Россией, с другими народами Кавказа: чеченцами, осетинами, ингушами, карачаевцами, народами Грузии и Дагестана. Показано, как специфические традиции кабардинцев, балкарцев и других – соседних народов взаимно дополняли друг друга, создавали целостный образ кавказской культуры и цивилизации. По своим убеждениям Рашад Хусейнович принадлежал к кавказоведам старой (восходящей к П. К. Услару, А. Дирру, Н. Я. Марру, В. И. Абаеву и др.) школы, которых объединяла идея принципиального единства кавказской культуры и цивилизации.

Автор подчеркивает, что стратегическое географическое и военно-политическое положение Кавказа на стыке Европы и Азии сделало его ареной борьбы за господство

¹ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. С. 683.

в этом регионе могущественных государств, и прежде всего Ирана, Турции, России. При этом ключевое значение на Северном Кавказе имела, безусловно, Кабарда. Именно здесь завязывался узел противостояния мощных держав того времени, когда на фоне петровских реформ и завоеваний резко обострились отношения России с Швецией, Турцией, Ираном. В этот трудный для Петра I исторический момент кабардинцы подтвердили свою приверженность политическому, культурному, экономическому сближению с Россией, дружбе и единству со всеми соседними народами. Также как и в XVI–XVII веках Кабарда оставалась в этот период гарантом относительной (максимально возможной в сложных условиях этой эпохи) стабильности на Кавказе: мира, взаимопонимания, взаимовыручки горских народов, взаимовыгодных отношений с Россией.

Большое внимание уделяется в данной связи Канжальской битве 1708 года, когда Крым, подстрекаемый султанской Турцией, обрушился всей своей военной мощью на Кабарду. Подчеркивается, что сокрушительное поражение крымско-турецких войск в этом сражении (потери противника достигали только убитыми 30 тыс.) спасло от разорения и порабощения народы Кабарды. И стало, кроме того, одним из важнейших условий победы Петра I в Полтавской битве 1709 года. «Татары, – пишет Р. Х. Гугов, – уже не смогли прийти на помощь шведам под Полтаву, как это предусматривалось договором с Карлом XII»¹.

Рассматривается в книге и другой весьма примечательный исторический сюжет, связанный с помощью, которую оказала Кабарда Грузии в начале 1750-х годов в ее борьбе с нашествием иранских войск. Так, в начале 1750 года и затем в 1751 году войска, прибывшие из Кабарды и Осетии, способствовали разгрому иранских полчищ в Шамшадиле и Кирх-Булахе. В 1752 году грузинский царь Ираклий II вновь обратился за помощью к кабардинцам, когда хан Шеки-Ширвана, объединившись с владельцами Дагестана стоял на подступах к Тифлису. Благодаря выступившему на стороне грузинских сил двухтысячному войску кабардинцев Грузия и на этот раз избежала захвата Тифлиса и всей территории страны Ираном, а Северный Кавказ и Россия – опасного соседства с давним соперником.

Однако отношение России к Кавказу и к Кабарде круто изменилось после восшествия на престол Екатерины II. Не довольствуясь сложившимся на Северном Кавказе статус-кво, она выбрала путь радикального, экспансионистского решения проблемы южных границ России, начав необъявленную войну с Кабардой. Р. Х. Гугов показывает, что, будучи вынуждены принять этот вызов, кабардинцы и другие народы Кабарды в течение полувека, с 1763-го по 1822 год, героически сражались за свою независимость, за свободу и независимость всех народов Кавказа. Вместе с тем лидеры национально-освободительного движения в Кабарде прилагали большие усилия для решения вопроса мирным, дипломатическим путем, без ущемления суверенных прав кавказских народов. И это также хорошо показано в работе Р. Х. Гугова.

Беспощадно разоблачая царизм – виновника Кавказской войны, автор остается твердым сторонником исторической дружбы с Россией и русским народом. Вообще идея дружбы народов является лейтмотивом всей монографии Рашада Хусейновича. С большой теплотой и любовью описывает он многовековую дружбу и братство кабардинцев и балкарцев, а также их добрососедские отношения и тесные культурные контакты с другими народами Кавказа, в том числе с казачеством, с добрым и отзывчивым украинским, русским народом.

Вместе с тем Р. Х. Гугов подробно излагает основы политики царских чиновников и генералов на Кавказе, в различных ее областях. В Кабарде она была направлена по

¹ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. С. 439–440.

преимуществу на физическое истребление и ограбление местных жителей, на расстройство, порчу складывавшихся веками традиций, обычаев, нравов, в том числе и традиций многовековой дружбы кабардинцев, балкарцев и других соседних народов.

Будучи весьма осторожным и деликатным в подобных вопросах, он сводит к минимуму свои собственные суждения и оценки на этот счет, предлагая судить о колониальной политике царизма на Северном Кавказе и о трагедии ее народов по свидетельствам и отчетам самих генералов об их неблагоприятных делах в Кабарде. В частности, приводит слова главнокомандующего на Кавказе А. П. Тормасова об изъятии у кабардинцев лучших земель, о жестоком обращении с народом и доведении его своими грабительскими набегами до полного отчаяния. Откровенно и, кажется, с оттенком сожаления, пишет Тормасов и о принципе «разделяй и властвуй», который был взят на вооружение царскими чиновниками для внесения раздора в кабардинское общество. В частности, о мерах, направленных на то, «чтоб чрез сокровенные пружины поссорить нижний класс, то есть узденей и народ, с князьями и держать их в междоусобной борьбе, для того, чтобы сим губительным способом ослабить сей мощный народ»¹.

По свидетельству А. П. Тормасова, все это привело к тому, что уже к 1810 году численность кабардинцев сократилась в пять раз².

В результате эскалации военных действий в течение последующих 15 лет и массового уничтожения народа численность кабардинцев в покоренной Кабарде составляла не более 5–10 % от их прежнего числа. Р. Х. Гугов рассматривает эту трагедию в качестве первого этапа Кавказской войны, вслед за которым последовало массовое уничтожение и «насильственное выселение адыгов». В его понимании Кавказская война была несправедливой войной, трагической ошибкой истории. «Это, – по словам Р. Х. Гугова, – был период, полный драматических картин, гибели многих тысяч ни в чем не повинных людей, приведшей к крупнейшей демографической катастрофе, которая вместе с усиленной колонизацией края перекроила традиционный этнический облик Кавказа»³.

Автор уверен, что правильная оценка этих событий «способна прояснить и современную ситуацию, и будущую», позволяет увидеть «истоки нынешних проблем»⁴.

Еще в 2002 году в рецензии на первое издание настоящей книги я писал, что в таком объеме и на таком обширном достоверном материале история Кабарды и Балкарии XVIII века еще никогда не была представлена. Среди трудов, посвященных истории Центрального Кавказа в данную эпоху, книга Р. Х. Гугова не имеет аналогов и знаменует собой новый этап в исторической науке Кабардино-Балкарии и во всем кавказоведении⁵. Такую же оценку дали ей тогда многие другие историки. Труд Р. Х. Гугова стал настольной книгой всех ученых, интересующихся историей Кавказа, и теперь, спустя почти 20 лет после ее первого издания – библиографической редкостью.

Поэтому так важно переиздание настоящего труда, приуроченное к 90-летию Рашада Хусейновича Гугова.

Б. Бгажноков,
доктор исторических наук

¹ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. С. 241.

² Там же.

³ Там же. С. 682.

⁴ Там же.

⁵ Бгажноков Б., Асанов Ю. Исследование, не имеющее аналогов // КБП. 2002. 14 сент.

БОЛЬШОЙ ВКЛАД В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

Р. Х. Гугов, будучи исследователем с широким научным диапазоном и одним из ведущих историков края, разрабатывает проблемы далекого прошлого и современной истории Кабардино-Балкарии, Северного Кавказа и Дона. В последние годы он переключился на изучение проблем феодальной Кабарды и Балкарии, к монографическому исследованию истории народов края в XVIII веке и их взаимоотношений с Россией. С привлечением широкого круга источников не только исторических, но и смежных с историей дисциплин – археологии, этнографии, фольклора, а также языка и литературы, с использованием достижений отечественной историографии, исследовал обширный круг узловых проблем истории Кабарды и Балкарии в XVIII веке: социально-экономические и внутривластные отношения в Кабарде и Балкарии, торгово-экономические и культурные связи последних с Россией, место Кабарды и Балкарии в системе международных отношений и их роль во взаимоотношениях Российского государства с другими народами Кавказа.

Монография состоит из четырех крупных глав, каждая из которых является как бы самостоятельным разделом и в то же время они дополняют друг друга в последовательном историческом освещении важнейших проблем исследуемого периода. Вызывает особое уважение умение ученого улавливать в исторических фактах основные проблемы, составляющие стержень тех или иных событий, компетентно, высокопрофессионально разобраться в непростых вопросах, отобрать, обобщить и подать материал.

В работе на документальной базе раскрываются уходящие своими корнями в древность связи горцев Северного Кавказа с Россией, определяется характер русско-кабардинско-балкарских отношений, как военно-политический союз с последующим их изменением. Разоблачив завоевательный, захватнический характер политики царизма на Северном Кавказе, автор увидел и показал не только отрицательные, трагические моменты, но и серьезные объективно-позитивные, перспективные аспекты этих взаимоотношений.

В заключительной главе ученый со всей скрупулезностью рассматривает обширный круг вопросов, связанных с многосторонними взаимоотношениями России с народами Северного Кавказа, а также с Грузией, которая, являясь добрым соседом Кабарды и Балкарии, постоянно нуждалась в дипломатической и военной помощи со стороны Российской империи.

На ряде архивных документов Р. Х. Гугов показывает ту значительную роль, которую сыграли Кабарда и Балкария в оказании всесторонней помощи ослабевшей тогда от притеснений Ирана и Турции Грузии.

Работа написана с большой симпатией автора к жителям гор, и в частности к адыго-черкесам, которые в суровой и неравной борьбе мужественно отстаивали свою свободу и независимость.

Как со всей убедительностью свидетельствует сама история, отмечает автор, они мало когда жили спокойно, безмятежно, всецело отдаваясь своим любимым мирным занятиям. На их долю выпала нелегкая судьба. С незапамятных времен они вынуждены были с оружием в руках защищать свой край от многочисленных диких орд, пронесившихся по территории Кавказа из края в край, как огненный смерч, сметая все на своем пути.

В контексте внутренних этноисторических проблем XVIII века весьма профессионально освещаются в монографии вопросы внешнеполитической обстановки

на Северном Кавказе, политики иностранных государств в данном регионе. На основе архивных документов и материалов, источниковедческих работ Р. Х. Гугов убедительно доказывает причину того, почему данный регион на протяжении длительного времени оставался в центре политических интересов султанской Турции, шахского Ирана и других держав. Заключение автора: здесь, на Кавказе, остро столкнулись геополитические интересы агрессивных иностранных держав по причине исключительной важности региона, находящегося на стыке двух материков – Европы и Азии, в военно-стратегическом и торгово-экономическом отношениях. Кавказ, пишет далее исследователь, став ареной ожесточенной борьбы, его жители невольно были вовлечены в нескончаемый водоворот военных конфликтов, не знали покоя, несли тяжелые невосполнимые потери и в живой силе, и материально. И если они выстояли в этой неравной, жестокой борьбе, сумели отстоять землю своих предков, сохранить свой язык, национальную индивидуальность, свои народные традиции и обычаи, не исчезли с исторической арены, как это случилось со многими племенами и народностями, оставившими в анналах истории лишь свои этнические названия, то это во многом благодаря единству и сплоченности свободлюбивых жителей гор, которым не помешали языковые и отчасти религиозные различия сохранить мир и солидарность в борьбе с врагами, умению прислушиваться к голосу разума, находить компромиссы во избежание различных коллизий, которыми всегда полна жизнь. Их объединяла не только территориальная близость, но неизменное чувство добрососедства, общность исторических судеб, сходство обычаев и традиций, религиозных верований, которые были органической частью их духовной жизни. Но будучи в последние века в основном мусульманами, горцы Кавказа никогда не страдали религиозным фанатизмом, отличались веротерпимостью, не несли в себе заряд ненависти к людям другого вероисповедания. Они всегда поддерживали тесные добрососедские отношения с христианской Византией; на севере – с Русью, а на юге – с Грузией.

Из рецензируемого исследования легко прийти к заключению, что и теперь, когда в наши дни исламские фундаменталисты и другие реакционные силы безуспешно стремятся превратить наш Кавказ в центр международного терроризма и ваххабизма, мы должны дружно, в один голос, твердо и решительно заявить: нет места терроризму и религиозному экстремизму на Кавказе! Да избавит нас бог, весь наш родной, горячо любимый Кавказ от этой нечисти!

Историк своим исследованием подводит читателя к мысли: от взаимопонимания, мира и межнационального согласия всегда выигрывают все народы и каждый гражданин в отдельности, а от нестабильности и военно-конфликтных ситуаций, эскалации национального сепаратизма проигрывают и страдают все.

Подвергая острой критике завоевательную аннексионистскую политику царя и его опричников на Кавказе, автор в то же время остается твердым сторонником тесного союза и дружбы с Россией, русским народом, проведя эту линию красной нитью через все исследование.

Работа написана хорошим стилем, живым, образным языком. Поэтому она читается легко, с большим интересом. Думаем, не будет преувеличением сказать, что монографическое исследование Р. Х. Гугова является крупным вкладом в развитие исторической науки на Северном Кавказе. Эта книга является образцом научного исследования большой и сложной эпохи, каким был для Кабарды и Балкарии XVIII век.

Х. Малкандуев, Б. Керефов

...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой Бог нам дал ее.

А. С. Пушкин

ВВЕДЕНИЕ

Исследование истории взаимоотношений народов Кавказа с Россией и поныне остается актуальной задачей отечественной исторической науки. Одним из кардинальных аспектов этой задачи является проблема развития русско-кабардино-балкарских отношений в XVIII в. Подробное, базирующееся на широком круге источников, изучение этой проблемы позволяет раскрыть многоплановый спектр русско-кавказских связей в целом. Без глубокого, специального анализа этой проблемы не представляется возможным воссоздать правдивую историю Северного Кавказа досоветского периода, стержневым вопросом которой являлись взаимоотношения его народов с Россией, определившие их историческую перспективу.

Вступив под покровительство Русского государства и заключив с ним военно-политический союз еще в середине XVI в., Кабарда не только положила начало тесному сближению народов Кавказа с Россией, установлению патроната царского правительства по отношению к феодальным правителям, но и продолжала оказывать заметное влияние на дальнейший ход развития русско-кавказских отношений. Являясь одной из наиболее крупных этнических групп и одним из развитых в социально-экономическом и политическом отношении среди северокавказских народов, кабардинцы занимали доминирующее положение и играли значительную роль в становлении их внешнеполитической ориентации. О том, какой вес имели кабардинцы среди северокавказских горцев в рассматриваемое время, свидетельствует высказывание осведомленного в этом вопросе последовательного проводника колонизаторской политики царизма, генерал-поручика П. С. Потемкина, назначенного в 1784 году генерал-губернатором саратовским и кавказским. Оставаясь одновременно на посту командира Кавказского корпуса и начальника Кавказской линии и проявляя повышенный интерес к местному населению, П. С. Потемкин писал: «Приложив всевозможное старание познать нравы и состояние всех народов в Кавказских горах и вокруг оных обитающих, не пропустил я ничего, что только могло мне подать об них познание, и, собрав разные сведения по объявлениям наилучших людей, нахожу достойным описать кабардинцев, яко главнейших между всеми народами, занимающими все пространство земли, лежащей у подошвы Кавказских гор, между Каспийским и Черным морем»¹.

О лидирующей роли адыгов-кабардинцев (адыги – понятие собирательное, подразумевающее единую этническую общность современных кабардинцев,

¹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы к материалам: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 359 (далее: КРО).

адыгейцев и черкесов, происшедших от одного корня) среди северокавказских народов издавна писали и русские историки и этнографы, занимавшиеся историей Кавказа. «Большая Кабарда, – отмечал этнограф К. Сталь, – имела огромное моральное влияние не только на все черкасские народы, но и на соседних осетин и чеченцев»¹. Воинская доблесть кабардинцев была широко известна на всем Кавказе. «Он храбр, как черкес!» – говорили грузины. «Он подобен черкесу», – хвалили чеченцы. «Рыцарская Кабарда была законодательницей мод и вкуса, – писал военный историк И. Попко, – для всех воинственных адыгских обществ от Сунжи до Черного моря»². Высокие боевые качества кабардинца-воина выковались в жестокой, длительной и многовековой борьбе с внешними врагами, и прежде всего с османско-крымскими завоевателями. Острые их агрессии на Северном Кавказе было направлено прежде всего против Кабарды, так как она не только успешно защищалась в этой неравной борьбе, но и служила своеобразным барьером, прикрывавшим от экспансии другие северокавказские народы.

Прежде чем попасть в Осетию, Ингушетию и Чечню, следовало пройти через территорию Кабарды, которая препятствовала дальнейшему проникновению иноземных захватчиков и служила немалым препятствием на пути их разбойничьих набегов на южнорусские земли. С другой стороны, значимость географического и стратегического положения Кабарды и Балкарии была обусловлена тем, что, занимая центральную часть Кавказа, они служили своеобразным мостом, связывающим Россию с Закавказьем. «Единственная военная дорога, заслуживающая это название, – отмечал К. Маркс, – вьется от Моздока к Тифлису, проходя через теснины Дарьяльского ущелья...»³. Здесь надо заметить, что у входа в Дарьяльское ущелье были расположены родовые поселения осетин-тагаурцев – Ларс, Чми, Балта, известные еще в источниках XVI–XVII вв. Они находились под покровительством кабардинских князей Мударовых⁴. Все жители этих селений носили фамилию Дударовых, входившую в состав одиннадцати феодалных фамилий тагаурцев. Позже из среды Дударовых выделились Слоновы. На обе эти родственные фамилии тагаурские феодалы возлагали в течение многих лет охрану Дарьяльского прохода и сбор дорожных пошлин. Эти селения, и в частности сел. Чми, не только находились под покровительством кабардинских князей Мударовых, но и принадлежали им⁵. Следовательно, часть дороги, о которой говорил К. Маркс, находилась под контролем князей Кабарды. Кроме того, у входа в Куртатинское ущелье находились владения князей Гиляхстановых (Гиляхсановых). Далее, к западу, располагались феодалные владения: Кубатей, Эльтюхов-кабак, Камбекулов-кабак, Тузуров-кабак и другие⁶. Таким образом, в руках кабардинских феодалов находились северные предгорные равнины до самых входов в осетинские ущелья.

Представляется, что для аргументации нашего тезиса о лидирующей роли Кабарды на Северном Кавказе достаточно приведенных свидетельств и обоснований.

¹ Сталь К. Этнографический очерк черкасского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 91.

² Попко И. Терские казаки с стародавних времен. СПб., 1880. Т. 1. С. 110.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 408.

⁴ Кокиев Г. А. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // Исторические записки. 1938. Т. 2. С. 180; Кушева Е. И. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI–30-е гг. XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 241.

⁵ Калоев Б. А. Осетины: (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1967. С. 46–47.

⁶ Кокиев Г. А. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. С. 180.

Хронологические рамки исследования обусловлены следующими соображениями. В истории Кавказа XVIII в. – это время, насыщенное бурными военно-политическими событиями, установления колониального режима русского царизма на Северном Кавказе. В этом столетии, и особенно во второй его половине, значительно активизировались русско-кавказские связи. Но связи эти были переменчивыми. Труден и неровен был путь к сближению народов, что во многом объяснялось политикой царизма, которая становилась все более наступательной с использованием временами силы вместо политических методов решения кавказской проблемы, нередко приводившей к серьезным осложнениям и кризисным ситуациям в регионе. Именно в этот период в основном завершился длительный процесс включения Северного Кавказа в административную систему России. Несмотря на субъективные колонизаторские цели и внешнеполитические устремления царизма, связанные с противоборством с Османской империей и шахским Ираном, Россия объективно сыграла положительную роль в истории северокавказских народов. В 1774 г. по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора 10(21) июля кабардинский вопрос был решен в пользу России, т. е. турецкий султан признал Кабарду в составе Российской империи. Согласно ст. 21 договора Большая и Малая Кабарда считались подданными Российской империи¹. Кючук-Кайнарджийский договор сказался в дальнейшем не только на русско-кабардинских отношениях, но и исторических судьбах других народов Кавказа. В это же время (1774) к России присоединилась основная часть Осетии, а в 1781 г. в ее состав вошла и Западная Осетия. Заметно усилились связи России с Дагестаном и Закавказьем. 24 июля 1783 г. генерал-поручик Павел Потемкин, назначенный командующим Кавказским корпусом, принял в своей штаб-квартире (в крепости Георгиевск) полномочных представителей Картли-Кахетинского царя Ираклия II, Иоанна Мухран-Батони и Гарсевана Чавчавадзе (отца Александра Чавчавадзе) и от имени своего правительства подписал трактат («Дружественный договор») о принятии Грузии под покровительство России и обещал помощь в борьбе с многочисленными внешними врагами. Царь Ираклий II признал покровительство России. 24 января 1784 г., по истечении семи месяцев со дня его подписания, договор был ратифицирован царем Ираклием II. Осенью 1783 г. солдаты, направленные Потемкиным в Дарьяльское ущелье, проложили колесную дорогу в Закавказье через Главный Кавказский хребет. Дружественный трактат 1783 г. с Россией, по существу, был выражением давней мечты грузинского народа.

Еще в начале XVIII в. феодалы Восточного Кавказа, особенно те, владения которых располагались близко к южным границам России и которые поддерживали с ней торгово-экономические связи, стали обращаться в Москву с просьбой принять их под покровительство России. Вскоре начался процесс включения этих феодальных владений в состав России. В 1775 г. владельцы Дагестана уцмий Кайтагский Амир-Гамза и Табасаранский Рустам-Кади «присягнули на верное подданство России и представили в Дербент аманатов». Феодальные владельцы Северо-Восточного Кавказа, таким образом, уже признавали верховную власть России. Но правительство России во избежание осложнения отношений с Ираном и Турцией воздержалось от принятия присяги этими феодалами и вернуло им аманатов².

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 441.

² Археолого-этнографический сборник. СПб., 1869. Ч. 2. С. 787–789.

24 мая 1786 г. в Екатериноград – столицу Кавказского наместничества, учрежденного Екатериной II своим указом Сенату от 5 мая 1785 г., приехало посольство от шамхала Тарковского – Бамата – для объявления его решения о присоединении к Российскому государству. «50 пушечных выстрелов, музыка и грохот барабанов возвестили городу о принятии шамхала в русское подданство...» – писал русский военный историк В. А. Потто в книге «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях».

Словом, XVIII в. – это новый этап в русско-кавказских отношениях, характеризовавшийся нарастанием политической и военной активности русского царизма на Кавказе, укреплением позиции России на Центральном Кавказе, открытием прямого беспрепятственного доступа через перевалы Большого Кавказа в Грузию и другие районы Закавказья, развитием экономических, политических и культурных связей, установлением на Северном Кавказе власти царской администрации и подчинением народов колониальному режиму со всеми вытекающими из этого последствиями.

В XVIII в. вступили в новую фазу русско-чечено-ингушские связи. Во время похода Петра I в Прикаспий были приняты под покровительство России равнинные чеченцы, находившиеся в зависимости от кумыкских и других владельцев. К середине XVIII столетия определилась русская ориентация основной массы вайнахов, а русско-чечено-ингушские отношения начали приобретать систематический характер: отныне они не ограничиваются только сферой военно-политических контактов, а включают и область торгово-экономических, социально-культурных связей. Во второй половине XVIII в. под покровительством царского правительства уже находился не только третий по численности народ Чечено-Ингушетии – карабулаки, но и вся Ингушетия и часть Чечни. Под патронат России вступил и Карачай. Объявление р. Кубани в 1783 г. российской границей явилось закреплением акта принятия карачаевцами подданства России¹. В материалах Российского государственного военно-исторического архива хранится документ – прошение карачаевских старшин на имя генерала П. А. Текелли, относящееся к 1788 г. и являющееся одним из наиболее ранних письменных подтверждений принятия Карачая в подданство России, так как они называют себя в нем «зависимыми Российской империи»².

Вторая половина XVIII в. – это время прекращения существования Крымского ханства (1783) и учреждения Кавказского наместничества (1785). Это был период массовой колонизации степного Предкавказья, совпавший по времени и связанный, по существу, с началом разложения феодально-крепостнической системы в России.

В данной работе сделана попытка более обстоятельно изучить историю Кабарды и Балкарии и проблему их взаимоотношений с Россией в XVIII в., показать роль последней в защите горских народов обширного многонационального Северо-Кавказского региона от внешних врагов, место Кабарды в налаживании и расширении связей России с Кавказом.

Основным источником для данного исследования послужили документальные материалы, большая часть из которых впервые вводится в научный оборот. Нельзя не согласиться с суждением историков В. П. Крикунова и Х. Х. Рамазанова, которые пишут: «Без трудного и напряженного поиска и накопления фактов историческая наука не может существовать. Это условие и закон ее развития.

¹ Карачаевцы (Историко-этнографический очерк). Черкесск, 1978. С. 25.

² ЦГВИА, ф. 52, оп. 1194, св. 120, д. 481, л. 44.

Отсюда вытекает необходимость не только вчитываться в опубликованные уже (как в давние времена, так и в нашу эпоху) источники, но и раскрывать новые массивы неизданных еще архивных фондов, искать пути их познания. Ведь именно обнаруживаемые исследователями документы побуждают многое пересмотреть и изменить во взглядах на прошлое, поскольку старые представления – в частности о народах Кавказа, казаках, крестьянах-переселенцах – поневоле складывались на скудной документальной основе и во многом зависели от «установок», с какими подходили к их изучению историки»¹.

Документальные материалы, на базе которых написана настоящая работа, сосредоточены в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном историческом архиве в г. Санкт-Петербурге (РГИА СПб.), Архиве внешней политики России Министерства иностранных дел РФ (АВПР МИД РФ), в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИЛ), Центральном государственном архиве Астраханской области (ЦГЛАО), Центральном государственном архиве Краснодарского края (ЦГАКК), Центральном государственном архиве Северной Осетии–Алании (ЦГА Сев. Осетии–Алании), Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), Центральном государственном архиве Дагестанской Республики (ЦГЛ Даг. Респ.), Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК). Некоторый материал можно найти и в архивохранилищах Тбилиси и Ростова-на-Дону.

В различных фондах этих архивов хранятся документы, которые представляют большую ценность для истории русско-кабардино-балкарских отношений в рассматриваемый период. В частности, одним из важнейших и ранних источников по интересующей нас проблеме являются дела Посольского приказа и Коллегии иностранных дел по сношениям с народами Кавказа, находящиеся в фондах «Кабардинские и черкесские дела» Российского государственного архива древних актов. Здесь же имеется большое собрание источников по истории народов Северного Кавказа, сосредоточенное в фондах бывшего Государственного архива Российской империи в Разряде XXIII – «Кавказские дела» (1762–1804). В фонде «Посольский приказ. Кабардинские дела» содержатся сведения о хозяйственном быте кабардинцев, об экономических и политических связях Кабарды с Россией. В фонде «Кавказские дела» РГАДА собраны материалы, свидетельствующие об общественной жизни кабардинцев, о притеснении феодалами своих зависимых крестьян, бегстве последних как результат обострения социальных противоречий внутри горских обществ.

Немалый интерес для нашей темы представляют и документы, собранные в делах Посольского приказа и Коллегии иностранных дел РГАДА по сношениям России с Крымом, Турцией и Ираном, поскольку одним из главных в них был вопрос о горских народах Северного Кавказа.

Наконец, некоторые сведения по интересующей нас проблеме имеются и в других собраниях РГАДА: в фондах Разрядного приказа, Оружейной палаты, Коммерц-коллегии, в делах по сношениям с Грузией, Осетией и т. д.

Вопросы развития торговли Кабарды с Россией в XVIII в. нашли довольно полное отражение в «Таможенных книгах» (фонд 394) и «Книгах по сбору пошлин» (фонд 681), хранящихся в Центральном государственном архиве Астраханской области.

¹ Крикунов В. П., Рамазанов Х. Х. Некоторые проблемы источниковедения истории народов Северного Кавказа // Известия СКНЦ ВШ. Ростов н/Д, 1978. № 3. С. 4.

Особенно обширны «Кабардинские дела» Архива внешней политики России (АВПР). В этом фонде сосредоточен богатейший ценный фактический материал, позволяющий осветить все важнейшие стороны главного вопроса темы – историю русско-кабардино-балкарских отношений. Материалы этого фонда проливают свет на эволюцию экспансии и колониальной политики российского царизма, на пути и методы ее осуществления в Кабарде и Балкарии. Фонд «Кабардинские дела» содержит интересные сведения о кабардино-балкаро-осетинских отношениях. Материалы, содержащиеся в «Кабардинских делах» АВПР, убедительно свидетельствуют о реакционной роли Турции и Крыма в развитии русско-кабардино-балкарских отношений, о захватнической политике султанской Турции на Кавказе, о ее стремлении к порабощению его народов, в том числе кабардинцев и балкарцев, к превращению этого края в военный плацдарм для дальнейшего осуществления своих экспансионистских стремлений. Об этом же говорят и материалы, содержащиеся в делах Архива внешней политики России по сношениям России с Крымом, Турцией и Ираном. В этих же документах названного фонда прослеживается и экспансионистская политика царской России, стремившейся установить колониальный режим в присоединенных кавказских владениях.

Ценные сведения по исследуемой проблеме отложились также в фондах, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), особенно в фонде Военно-ученого архива (ВУА) и личном фонде князя Г. А. Потемкина-Таврического, занимавшего должность вице-президента, а с 1784 г. – президента Военной коллегии, новороссийского, азовского и астраханского генерал-губернатора, а также командующего всеми иррегулярными войсками, в фонде Штаба войск Кавказской линии, в Черномории расположенных, и в Коллекции материалов по истории России.

Ценные источники по истории горских народов Северного Кавказа, в том числе и по связям с Россией в XVIII в., имеются также в архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН. Это, прежде всего, фонд Астраханской приказной палаты, а также фонд Астраханской таможенной избы, представляющие интерес для изучения истории хозяйственного освоения края. Некоторые сведения по исследуемой нами теме имеются в Архиве РАН (фонды П. Г. Буткова и А. М. Шегрена), Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Отделе письменных источников Государственного исторического музея, Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Секторе восточных рукописей Института востоковедения РАН, Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге.

Из местных архивов интересными материалами располагает Центральный государственный архив Дагестанской Республики, где хранится ценный фонд Кизлярского коменданта. Многие документы этого фонда погибли во время бесконечных перевозок из одного города в другой (Кизляр, Владикавказ, Ставрополь, Тбилиси, Махачкала), но даже в том виде, в каком архив сохранился, он представляет большую научную ценность. Это и понятно, ибо с 1735 г. Кизляр являлся, по существу, административным и торгово-экономическим центром Северного Кавказа. Кизлярский же комендант, подчиненный астраханскому губернатору и с большим усердием осуществлявший колонизаторскую политику царизма, фактически стал правителем Терского края, куда входили Кабарда и Балкария. Значительна была роль Кизляра во внешней торговле. 15 мая 1755 г. в Кизляре были учреждены пограничная таможня и форпосты «для взимания

пошлин с ввозимых из-за границы и вывозимых за границу товаров». Такое положение Кизляр занимал до 1785 г., до того времени, когда царским указом была образована Кавказская губерния из двух областей – Кавказской и Астраханской. Центром Кавказской области, подразделявшейся на 5 уездов, стал Екатериноград¹.

В архиве Кизлярского коменданта содержится большой фактический материал о русско-кавказских политических, торгово-экономических и культурных связях, о социальном строе и хозяйственном развитии горских народов Северного Кавказа, обострении классовых противоречий (жалобах крестьян на притеснения «своих» владельцев, их побегах от феодалов и волнениях), в том числе у кабардинцев и балкарцев, в XVIII – первой половине XIX в., о многогранных добрососедских связях местного населения с русским и другими народами, терско-гребенским казачеством, о все более тесном сближении горцев с Россией, связи с которой уже стали доброй традицией.

Говоря в целом о документах рассматриваемого периода, хранящихся в центральных и местных архивах, надо заметить, что они в основном представляют собой акты государственной власти и различные виды переписки внутригосударственного и международного характера. Значительную часть материалов составляют рапорты и донесения в центр представителей администрации кордонной линии, командующих войсками на Кавказе, астраханских и терских воевод, войсковых и наказных атаманов казачьих войск. Основное внимание в этих документах сконцентрировано на вопросах политической жизни народов Северного Кавказа. Все эти документы свидетельствуют о жестокой колониальной политике царского самодержавия на Северном Кавказе, о претворении в жизнь его пресловутой тенденции по принципу «разделяй и властвуй».

Сравнительно полное отражение в архивах нашло внешнеполитическое положение Северного Кавказа и населяющих этот регион народов. В них содержится большой материал, красноречиво свидетельствующий о сложности международной обстановки, сложившейся в XVIII в. на Северном Кавказе, в результате захватнических действий Турции, Крыма и Ирана в этом регионе, об усилении этих действий в изучаемый период в связи с разложением и кризисом Османской империи и поисками выхода из него на путях расширения агрессии.

Архивные документы говорят о том, что внешняя угроза еще больше сблизила народы Северного Кавказа, дружно выступавшие против порабощения со стороны Турции, Крыма и Ирана, и что в этой своей нелегкой борьбе они находили активную поддержку у своего могущественного северного соседа – России.

Так, в XVIII в., независимо от экспансионистских устремлений царизма, происходило дальнейшее расширение разносторонних связей между самими народами Северного Кавказа и России.

В документальных материалах архивов страны четко прослеживается совместная борьба русского и кавказских народов против турецкой, крымской и персидской агрессии, участие северокавказских горцев в Персидском походе Петра I в 1722–1723 гг., в результате которого были присоединены к России Прикаспийские провинции, в Русско-Турецкой войне 1735–1739 гг. и войнах с Турцией во второй половине XVIII в. Имеются в этих документах сведения и о противодействии части горских феодалов продвижению русских войск через Северный Кавказ и о вооруженных столкновениях между ними. Много документов о сооружении кавказских укрепленных линий и размещении в них царских войск и казачества.

¹ Гаджиев В. Г. Архив Кизлярского коменданта // Известия СКНЦ ВШ. 1978. № 2. С. 7.

Гораздо меньше необходимых сведений содержится в архивах о внутренней жизни народов Северного Кавказа, в том числе кабардинцев и балкарцев, об их экономической и социальной истории. И тем не менее в них содержится некоторый материал о трудовой деятельности населения, его занятиях, о хозяйственном развитии края: об освоении новых земельных массивов, о сдвигах в земледелии и скотоводстве, внедрении новых полевых и огородных культур, развитии садоводства, разведении улучшенных пород скота. В документах можно найти также сведения о развитии ремесла и мелкотоварного производства, расширении торговых связей горцев с Россией, а также между народами самого Северо-Кавказского региона, свидетельствовавшие об ускоренном развитии экономики края, о постепенном включении его в орбиту интенсивно складывавшегося все-русского рынка.

Документы содержат сведения об общественном и политическом строе горцев в рассматриваемый период, об острой междоусобной борьбе князей, уорков и таубиев, являвшейся следствием недостаточной развитости социально-экономических отношений, что не давало возможности для преодоления состояния феодальной раздробленности и создания устойчивого централизованного государственного образования.

К сожалению, архивы содержат очень незначительное количество материалов о социальном развитии на Северном Кавказе, что в значительной степени препятствует раскрытию подлинной решающей роли народных масс в историческом развитии края.

Совсем мало в архивах данных о материальной и духовной культуре горцев¹. Для изучения этой и некоторых других сторон жизни народов использованы иные виды источников, в частности устное народное творчество кабардинцев и балкарцев.

Легенды, песни, предания и другие свидетельства, сохраненные в народной памяти при их строго научном использовании, установлении их исторической основы, способствуют более полному освещению многих событий, их пояснению, раскрытию роли в них народных масс. Фольклор дает возможность судить о психологическом климате эпохи, настроениях широких масс трудящихся, об их социальных импульсах. «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории», – говорил Максим Горький². И именно устное народное творчество кабардинцев и балкарцев особенно богато материалами, отражающими их дружеские исторические связи с русским народом.

Существенный материал, проливающий дополнительный свет на изучаемые в данной работе проблемы, содержится в опубликованных источниках. Ценными источниками, в частности, для выяснения картины расселения кабардинцев в XVIII в. являются «Карта Большой и Малой Кабарды», составленная в 1744 г. русским геодезистом Степаном Чичаговым, и описание населенных мест к этой карте, сделанное им же, а также запись объяснения к ней, данного в Коллегии

¹ В известной мере эта проблема раскрыта в кн.: История Кабардино-Балкарской АССР: (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1967. Т. I. Гл. 19. С. 246–276, см. также: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 467–505.

² Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 27. С. 311.

иностранных дел 5 ноября 1753 г. приезжавшими в Петербург кабардинскими узденями Умаром Минкишиевым и Мамбетом Усейном Аджакоевым ¹.

Большой интерес представляют также такие дореволюционные публикации материалов, как «Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией» (АКАК), учрежденной в 1864 г., и изданные в 1866–1904 гг. в 12 томах в Тифлисе. В этих «Актах...», являющихся публикацией серий официальных документов архива Главного управления наместника Кавказского, содержится большое количество ценных документальных материалов по истории народов Кавказа. Основное содержание АКАК составляют документы за 1762–1862 гг., содержащие важные сведения по истории Кавказа, в частности Кабарды и Балкарии и их взаимоотношений с Россией в XVIII в. Правда, в АКАК больше всего документов по военной истории, мало по социально-экономическим отношениям – результат тенденциозности и отрывочности в подборе источников. К данной категории источников в определенной степени можно отнести и публикации документов, осуществленные С. А. Белокуровым ², а также и работу академика П. Г. Буткова ³, в которой архивные документы публикуются вместе с записками путешественников и собственными впечатлениями о Кавказе, где он находился ряд лет на службе при главных начальниках Кавказского края в конце XVIII в. В труде содержится немало различных ценных сведений о Кабарде и кабардинцах, об их исторических и политических связях с Россией, а также с соседними горскими народами. Большой ценный фактический материал содержится и в трудах известных военных историков-кавказоведов Н. Ф. Дубровина и В. А. Потто.

При всей своей ценности документы и материалы, хранящиеся в центральных и местных архивах, а также содержащиеся в публикациях, страдают существенными недостатками. Они часто носят на себе печать монархических, великодержавно-шовинистических тенденций, отличаются узостью освещения и не могут раскрыть всех сторон изучаемой проблемы. В них, как правило, отсутствуют сведения о народных массах, об их положении и настроении, о социальных противоречиях. Многие из них не лишены ошибок и искажений и требуют к себе очень внимательного, критического подхода и оценки.

Отрицательную роль, безусловно, играет и отсутствие местных письменных источников и скудность археологических материалов.

Эти недостатки обусловлены не только и не столько ограниченностью источниковой базы публикаций, сколько принадлежностью их составителей и авторов к монархическому направлению отечественной историографии.

Наряду с документальными материалами по истории русско-кабардино-балкарских отношений XVIII в. имеются и другие источники: «дневники», «воспоминания», «путешествия», «записки», «сочинения» и др., опубликованные на русском и иностранных языках.

Наибольшего внимания среди публикаций заслуживает «Краткое описание о кабардинских народах», сделанное в 1784 г. генерал-поручиком Павлом Потемкиным ⁴. На десяти рукописных страницах в нем отражены важнейшие разносторонние сведения и выводы о кабардинцах – их истории, местах расселения, быте, традициях, обычаях и верованиях, затрагиваются вопросы о генеалогии княже-

¹ КРО. Т. 2. С. 114–115, 194–196.

² Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889.

³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1–3.

⁴ КРО. Т. 2. С. 359–364.

ских фамилий, нравах феодальной знати, формах общественного правления. Ценность этого труда состоит в том, что его автор, живя продолжительное время на Кавказе, писал о том, с чем был знаком непосредственно. Примечательно, что этот высокопоставленный царский чиновник вынужден был признать в своем «Описании...» жестокое притеснение кабардинских крестьян своими феодалами, возрастание социальных противоречий между ними.

В XVIII в. начинается организованное, систематическое, более интенсивное изучение Кавказа. Важную роль в становлении и развитии научного кавказоведения, и в частности в изучении народов Кабарды и Балкарии, сыграла Российская академия наук в Петербурге, созданная по указу Петра I в 1724 г., в ведение которой перешли все производившиеся в России экспедиционные работы по всестороннему изучению природно-географических условий различных регионов страны и других проблем. В это время, т. е. в начале XVIII в., ею были организованы экспедиции и поездки отдельных ученых на Кавказ для сбора материалов самого различного характера о народах, населяющих этот большой и малоизученный регион. В 1717–1720 гг. по поручению Петра I была организована научная экспедиция Г. Шобера на Терек, в результате которой было проведено географическое обследование означенного района и собраны некоторые сведения о проживающих здесь народах. В 1728 г. сюда же был направлен русским правительством капитан Иоганн Густав Гербер, который составил описание местностей и населения прикаспийских областей Кавказа, озаглавив его: «Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 г.». В «Записках...» Гербера содержится ценный фактический материал о социальной структуре, нравах и быте различных народностей Северного Кавказа, в том числе и кабардинцев.

Много ценных сведений содержится в «Описании...» члена Петербургской Академии наук, врача и естествоиспытателя, известного путешественника И.-Антоня Гюльденштедта¹. Основное место в путешествии Гюльденштедта – участника академических научных экспедиций по изучению производительных сил страны (1768–1775) – занимало исследование Кавказа (он был руководителем одной из двух Астраханских экспедиций, или, как их называли, отрядов). Экспедиция эта выехала из Петербурга 19 июня 1768 г. и, следуя на юго-восток, в декабре 1769 г. прибыла в Астрахань. Зимой 1770 г. Астраханская экспедиция Гюльденштедта по береговой полосе Прикаспийской низменности и Ногайской степи проехала из Астрахани на Терек, в крепость Кизляр, ставшую главной ее базой на Северном Кавказе в течение более трех лет. Отсюда Гюльденштедт совершил несколько экспедиций по Кавказу (1770–1773). А участник геологической экспедиции Степан Вонявин составил карту Терека (1772).

Из Кизляра, куда он прибыл 23 января, Гюльденштедт с членами экспедиции совершил поездки во многие районы Северного Кавказа. 18 мая 1771 г., покинув Кизляр, Гюльденштедт в течение лета 1771 г. объездил всю Малую Кабарду, а затем через Осетию отправился в Грузию, где он находился более года, и лишь 12 ноября 1772 г. вернулся в Кизляр. В мае – июне того же года Гюльденштедт объездил Большую Кабарду, после чего через Пятигорье направился на север и проехал весь Северный Кавказ до Черкаска и устья Дона. Затем он побывал на Украине и вер-

¹ Гюльденштедт И.-А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия академика И.-А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770–1773 гг. СПб., 1809.

нулся в Петербург в марте 1775 г.¹ Во время поездок по Кавказу большую помощь Гюльденштедту оказали проводники и переводчики из числа местного населения, а также представители местной знати, твердо ориентировавшиеся на Россию. В частности, в Кабарде Гюльденштедт пользовался покровительством и содействием князя Арсланбека Таусултанова².

Помимо выполнения своих непосредственных задач по изучению «географических и физических свойств» края, И.-А. Гюльденштедт старался как можно лучше ознакомиться с обитающими на Кавказе народами, с их хозяйственным и общественным бытом. И надо сказать, что он, наблюдатель тонкий и вдумчивый, неплохо справился с этой задачей. Собранные им во время экспедиции обширные сведения послужили материалом для описания Кавказа, какого, по словам профессора М. А. Полиевктова, «не было еще ни в русской, ни западноевропейской кавказоведческой литературе»³. Этим своим трудом, изданным посмертно в двух томах на немецком языке в Петербурге в 1787 и 1791 гг. участником академических экспедиций академиком, естествоиспытателем, географом П.-С. Палласом под названием «Путешествие по России и Кавказским горам», И.-А. Гюльденштедт открыл «новый отдел в истории русского научного кавказоведения XVIII века»⁴. На русском языке сокращенные извлечения из «Путешествия...» Гюльденштедта были изданы К. Германом в Петербурге в 1809 г. под названием «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из «Путешествия...» академика И.-А. Гюльденштедта»⁵. «Его посмертные труды, – писал В. И. Вернадский, – результаты семилетнего путешествия (1768–1775) – были частью изданы по поручению Академий Палласом, но часть их осталась в рукописи и в 1834 г. издана Клапротом. Гюльденштедт дал первые точные и яркие наблюдения для Кавказа и для юга России, пополняя работы Палласа»⁶.

Дневник путешествий Гюльденштедта по России интересен подробным описанием некоторых сторон хозяйственной жизни, бытовых и природных особенностей Кавказа 2-й половины XVIII в. В частности, он содержит всевозможный конкретный материал о Кабарде, кабардинцах, балкарцах, их быте, занятиях, нравах, социально-экономических отношениях, политическом строе. Автор, говоря о социальной структуре кабардинского общества, выделяет «князей», «многочисленное дворянство» и «простой народ», который повинуется первым. Как характерную черту Кабарды XVIII в. он отмечает феодальную раздробленность и междоусобную борьбу. Указывает на скотоводство, как на главное занятие кабардинцев, особенно разведение овец. В области хлебопашества особо выделяется просо – основная хлебная культура⁷. Он также приводит ценные сведения о балкарских обществах, перечисляет их населенные пункты, описывает быт, нравы и обычаи балкарцев, их торгово-экономические и культурные связи с соседними горскими народами⁸. Гюльденштедт уделял большое внимание языкам балкар-

¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 203 (далее: АБККЕА).

² Там же. С. 203.

³ Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. С. 125.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ АБККЕА. С. 204.

⁶ Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 229.

⁷ АБККЕА. С. 206.

⁸ Гюльденштедт И.-А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 146–151.

цев и карачаевцев, кабардинцев, черкесов и абазинцев, сделал первые записи об этих языках, дав тем самым толчок их изучению.

И.-А. Гюльденштедт даже пытался установить этимологию слова «Кабарда», считая, что на грузинском языке обозначает «сторона», «в сторону» или «на другой стороне». «По сему имя сие может быть грузинское и взято от положения в отношении Грузии»¹. Гюльденштедт зарисовал и описал руины Татаргупа и каменную статую вблизи ручья Этока-Дука-Бек.

Зимой 1771 г. на Тереке побывал начальник и другого отряда Астраханской экспедиции, врач, натуралист С. Г. Гмелин.

В 1768–1772 гг. совершил путешествие по России и замечательный русский ученый, долгое время занимавший должность неперемного секретаря учрежденной в 1783 г. Российской академии, Иван Иванович Лепехин, который, как выразился его ученик Озерецковский, «от севера прошел претрудными путями до моря, что Кавказ своими жмет хребтами»².

В это же время, т. е. в 1773 г., на Тереке побывал и шведский натуралист, ученик знаменитого Карла Линнея, И. П. Фальк. После его смерти (1774) остались документы, которые сохранил и позднее привел в порядок доктор медицины, с 1783 г. действительный член академии И. Г. Георги. В подготовленный им к печати отчет Фалька «Материал для топографического знания Российской империи» включены его дневники и описания посещенных им районов. Потом натуралист, этнограф Иоганн Георги опубликовал обобщающий труд «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» (1776–1777), являющийся ценным историко-этнографическим источником³. Уже из названий некоторых книг Георги ясно, насколько широк и многогранен спектр его интересов: «Открытая Россия, или Собрание национальных костюмов всех народов, живущих в Русском государстве» (СПб., 1774), «Описание всех национальностей Русского государства, их образ жизни, религия, обычаи, квартиры, одежда и прочие интересные факты» (СПб., 1776–1779)⁴.

В 1793–1794 гг. наш край посетил и другой академик-натуралист и путешественник, с 1767 г. профессор истории Петербургской академии, один из крупнейших ученых-энциклопедистов XVIII в. Петр-Симон Паллас, предпринявший ряд научных поездок, продолжительных и весьма успешных, по огромной России. В 1768–1774 гг. он возглавлял академическую экспедицию для исследований юго-восточной окраины России, Урала и Сибири. В период второго путешествия в Поволжье, на Северный Кавказ и в Приазовье (1793–1794) он посетил Кабарду и Балкарию. Во время путешествий Паллас собрал колоссальный материал, который лег в основу исследований во многих областях науки. Он проявлял большой интерес к местному населению и на основе собранного большого этнографического материала сделал описания образа жизни, быта, общественного строя многих народов, в том числе и горцев Северного Кавказа⁵.

Данные о народах Северного Кавказа приводятся Палласом в двухтомнике

¹ Гюльденштедт И.-А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 139.

² См.: Некрасов С. Российская академия. М.: Современник, 1984. С. 121.

³ См.: Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М.: Мысль, 1970. С. 256, 257, 263.

⁴ См.: Грабош У. К вопросу о немецко-русском обмене научными знаниями в XVIII в. // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М.: Изд-во Московского университета, 1987. С. 15.

⁵ Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 759.

«Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 гг.». Первый том содержит описание путешествия от Астрахани до Георгиевска и по всему Северному Кавказу и обратного пути в Петербург. Основная работа ученого, посвященная народам Северного Кавказа, озаглавлена: «Описание народов, населяющих Кавказ, особенно черкесов». Здесь перечисляются все адыгские племена, дается картина их территориального расселения, характеристика их общественного строя, культуры и быта, отличающаяся своей глубиной и достоверностью. В «Описании...» сказано об основных занятиях кабардинцев, о которых Паллас смог собрать наиболее ценные и подробные сведения, заключающихся в «обработке земли и разведении многочисленных стад»¹, дается описание земледельческого и скотоводческого труда: «Они возделывают землю большими плугами, запряженными от шести до восьми быков; водят стада на пастьбу... жнут хлеб и косят траву, которой зимой кормят животных»². Паллас подробно рассматривает сословно-классовую структуру кабардинского общества, приводит генеалогическую схему наиболее известных кабардинских фамилий, начиная от легендарного Инала и кончая князьями XVIII в., высказывает свое мнение относительно происхождения кабардинцев, раскрывает систему вассальных отношений у них, пишет об угнетенном положении зависимых крестьян, об их повинностях, выступавших в виде барщины и оброка³.

Паллас не обошел своим вниманием балкарцев и карачаевцев, которых он считал ветвью ногайцев, приводит сведения об их занятиях скотоводством и земледелием, и различными промыслами, подробно описывает их взаимоотношения с кабардинскими и другими соседними народами.

Паллас отличался «широтой своих научных интересов, попытками научного, глубокого творчества в области искания обобщений в наблюдательных науках...»⁴ «Труды Палласа, – писал В. И. Вернадский, – лежат до сих пор в основании наших знаний о природе и людях России. К ним неизбежно, как к живому источнику, обращается географ и этнограф, зоолог и ботаник, геолог и минералог, статистик, археолог и языковед – раз только он столкнется с вопросами, связанными с природой и народами России. Его путешествия, совершенные по поручению Академии наук, являются в своих изложениях неисчерпаемым источником разнообразнейших крупных и мелких, но всегда научно точных данных»⁵.

В результате работы академических экспедиций 1768–1774 гг. «были собраны богатейшие материалы о животном и растительном мире, о минералах, о жизни народов, населяющих эти области...»

Книги участников экспедиций до сих пор не потеряли своей научной ценности и познавательного интереса⁶. Имена участников этих экспедиций и их руководителей – «академик Палласа, Гюльденштедта, Георги, Гмелина, Лепехина должны остаться навсегда памятными для русского общества»⁷. С их именами неразрывно связано возникновение научного кавказоведения. Именно они положили начало этому.

¹ АБКИЕА. С. 222.

² Там же. С. 220.

³ Там же. С. 216–220.

⁴ Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 223–224.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М.: Просвещение, 1987. С. 112.

⁷ Вернадский В. И. Указ. раб. С. 215.

Труды академиков Гюльденштедта и Палласа, помимо историографического значения, представляют интерес как исторические источники. И.-А. Гюльденштедт и П.-С. Паллас зорким исследовательским глазом подметили существование феодальных отношений у адыгов. Однако вопрос об общественном и политическом строе у черкесских народов в их трудах получил лишь беглое, поверхностное освещение.

Ценные сведения по интересующей нас проблеме содержатся и в трудах русских историков второй половины XVIII в. М. Д. Чулкова и М. М. Щербатова. Особую значимость для освещения русско-кабардинских связей, раскрытия торгово-экономического аспекта этих отношений в XVIII в. имеет работа М. Д. Чулкова «Историческое описание Российской коммерции...»¹. Автор пишет о предметах товарообмена между горцами и русскими, о местах нахождения основных очагов торговых сделок. Он показывает, что торговля с Россией, ставшей основным партнером в этой важной сфере, велась кабардинцами в XVIII в. главным образом через Кизляр и Астрахань. Говоря о покровительственной политике петровской России, торговле с горцами, о характере сделок, Чулков отмечает их обменно-меновую форму с частичным использованием кабардинцами русских, персидских и турецких денежных знаков.

Другой историк – М. М. Щербатов был одним из тех, кто внес значительный вклад в развитие русской науки в XVIII в. Его перу принадлежит «История Российская от древнейших времен»². Он ввел в научное обращение большое количество документальных материалов, в том числе и летописных, о русско-кабардинских исторических связях, начиная с древнейших времен до XVIII в. В его трудах значительное место отводится Кабарде, ее взаимоотношениям с Россией, раскрытию предпосылок их военно-политического союза, который был направлен против реальной внешнеполитической угрозы, нависшей над северокавказскими горцами со стороны турецко-крымских агрессоров, на укрепление южных границ Российского государства.

Подробные обзорно-обобщающего характера сведения о Кабарде, о ее территории и расселении кабардинцев, об их экономическом и социально-политическом положении, языке и религии приводятся в «Географическом словаре Российского государства»³, составленном М. М. Максимовичем и А. Щекатовым. Что особенно важно – в нем содержится подробный очерк о русско-кабардинских связях с древнейших времен до конца XVIII в.

Ценные сведения по интересующей нас проблеме содержатся в фундаментальном труде одного из крупнейших исследователей истории, географии и этнографии Кавказа первой половины XVIII в., грузинского историка и географа Вахушти Багратиони⁴, в личной судьбе которого, как известно, кабардинцы сыграли положительную роль при его переезде вместе со своим отцом, картлийским царем Вахтангом VI, в Россию. Труд Вахушти, выдающееся историко-этнографи-

¹ Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненная Михаилом Чулковым. СПб., 1791–1798. Т. 1–7.

² История Российская от древнейших времен. Сочинена князем Михаилом Щербатовым. СПб., 1794–1805 Т. 1–7.

³ Географический словарь Российского государства. М., 1801–1809. Ч. 1–7.

⁴ Вахушти. География Грузии // Записки Кавказского отделения императорского географического общества. Тбилиси, 1904. Кн. 24. Вып. 5. С. 136–153.

ческое произведение своего времени, помогает уточнить границы территории расселения кабардинцев в первой половине XVIII в.; содержит данные о торгово-экономических связях между соседними горскими народами Центрального Кавказа, с жизнью которых он хорошо был знаком.

Исторические известия о горских народах Северного Кавказа содержатся в «Записях показаний, находившихся в С.-Петербурге кабардинских владельцев Магомета Атажукина и Адилгирея Гиляксанова и кумыкского владельца Алиша Хамзина, ноября 1743 г.»¹.

Небезынтересные наблюдения, которые не всегда можно найти в других разновидностях исторических источников, содержатся в «путешественных записках», в число которых включается и «Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г.», принадлежащий офицеру русской службы Штедеру и впервые напечатанный в 1796 г. П.-С. Палласом. В работе Л. Л. Штедера нашли отражение вопросы классовой борьбы в горской деревне, взаимоотношения соседних северокавказских горских народов между собой, поддержки осетинских феодалов-баделят кабардинскими князьями.

Интересные сведения о черкесах, об их торговых связях содержатся в работе другого автора XVIII в. К. Пейсонеля².

Важные проблемы кавказоведения, поднятые учеными XVIII в., получили в дальнейшем плодотворное развитие у последующих представителей русской науки.

Одним из источников изучения истории народов Кавказа, в частности кабардинцев и балкарцев, является обширное и разностороннее сочинение С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (СПб., 1823. Ч. 1, 2). Работа написана на основе большого документального материала, литературных источников, а также личных наблюдений, содержит интересные подробные сведения о хозяйственном быте и торговле кабардинцев, об их социально-политическом строе, об обострении классовых противоречий в кабардинском обществе. Однако, правильно определив общественный строй кабардинцев как феодальный, он допустил ошибку относительно генеалогии кабардинских феодалов. Наподобие норманской теории происхождения киевских князей, С. М. Броневский представил кабардинских феодалов пришельцами, а феодальные отношения в Кабарде, возникшие на основе внутреннего процесса развития, разложения патриархально-родового строя, воспринятыми извне.

В 20–40-х гг. XIX в. за изучение истории своего народа принялись природные адыги – ученые и просветители, в трудах которых исследуются различные проблемы социально-экономической и культурной жизни адыгских народов.

Ценным источником исследования истории русско-кабардино-балкарских отношений в рассматриваемый период является работа первого кабардинского ученого и просветителя первой половины XIX в. Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа» (Нальчик, 1947). Труд этот, составленный на основе богатого и многообразного фольклора адыгов, которому автор, как известно, придавал исключительно большое значение, рассматривая его как основной материал для воссоздания истории народа, и архивных данных, подводит итог многолетним пытливым раздумьям Ногмова над прошлым и настоящим своего многострадального края.

¹ Кокиев Г. А. Материалы по истории Осетии XVIII в. Орджоникидзе, 1933. Т. I. С. 31–44.

² Пейсонель К. Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг.: (В изложении Е. Д. Фелицына). Краснодар, 1927.

Замечательное сочинение Ш. Ногмова воссоздает историю сближения и связей адыгов с русскими. «Память союза и дружества с русскими, – пишет Ш. Б. Ногмов, – сохранилась по настоящее время в нашем народе». Он повествует о героической борьбе адыгов за родную землю против турецких, крымских и иных захватчиков, многократно вторгавшихся в Кабарду, рассказывает о дружбе русских и кабардинцев, об их совместных действиях против общих врагов, о том, какие важные причины побудили кабардинцев «искать союза с русскими». Ш. Б. Ногмов приводит поговорку, издревле бытующую у кабардинцев и свидетельствующую о том, что в народе жива «память союза и дружества с русскими». «История адыгейского народа» пронизана идеей дружбы кабардинцев и русских, причем Ногмов правильно определил характер взаимоотношений Кабарды с Россией, подчеркивая, что «более всего народ был обрадован союзом и покровительством России»¹.

Эту мысль Ш. Б. Ногмов повторяет неоднократно и в подтверждение ее приводит песню, в которой кабардинский народ воспеваает совместные боевые подвиги своих и русских воинов.

Большой интерес представляет и работа адыгского ученого, историка и этнографа, писателя и просветителя первой половины XIX в. Хан-Гирея «Записки о Черкесии», являющиеся весьма ценным исследовательским трудом, содержащим глубокую и всестороннюю характеристику адыгских народов, их политической, общественной и культурной жизни. «Записки о Черкесии» проникнуты глубоким историзмом. Их автор Хан-Гирей, говоря о современном ему быте черкесов, их хозяйстве, общественном и политическом строе, материальной культуре, неизменно обращается к историческому прошлому адыгских народов, раскрывая изменения, происходившие в их жизни под влиянием социально-экономических и политических обстоятельств. «Никто до него с такой ясностью и четкостью не показал, – пишут в предисловии к «Запискам...» В. К. Гарданов и Г. Х. Мамбетов, – специфику феодальных отношений у адыгов, обострение антагонизма и ход классовый борьбы в Черкесии в конце XVIII и первой трети XIX в.»² Вместе с тем Хан-Гирей ошибочно считал, что крепостные крестьяне образовались «через насилие», т. е. из числа захваченных в плен людей во время набегов «на соседние или отдаленные племена»³.

«Записки о Черкесии», написанные убежденным сторонником русской ориентации, пронизаны идеей союза и дружбы с Россией. Их автор подчеркивает укрепление русско-кабардинских отношений в XVIII в. и ратует за дальнейшее еще большее их расширение. Однако Хан-Гирей не одобрял жестокую военно-феодальную завоевательную политику царизма. Он не выступал прямо против нее в целом, призывал, однако, к более лояльной «человеколюбивой» политике по отношению к адыгским народам, придерживаясь линии приведения «черкесского народа в гражданское состояние кроткими мерами с возможным избеганием кровопролития»⁴.

Таким образом, «Записки о Черкесии», несмотря на то, что в них содержится ряд ошибочных положений, обусловленных методологическими воззрениями и социальной принадлежностью автора, общим состоянием исторической науки в тот период, являются очень ценным источником по истории русско-адыгских

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 144.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 35.

³ Там же. С. 124.

⁴ Кумыков Т. Х. Хан-Гирей. Нальчик, 1968. С. 96–97.

отношений, содержат много достоверных разнообразных сведений по интересующей нас проблеме.

Большой материал о Кавказе, о русско-кабардинских отношениях мы находим и в 12-томной «Истории государства Российского» видного историка, писателя, публициста Н. М. Карамзина, знаменовавшей новый этап в развитии дворянского направления в русской исторической науке, и многотомной «Истории России с древнейших времен» крупнейшего профессионала-историка России 1840–1870-х гг. академика С. М. Соловьева. В этих трудах, написанных на основе огромного материала, преимущественно архивного, содержатся конкретные сведения и по истории общественно-экономической и политической жизни северокавказских горцев, об их взаимоотношениях с Россией, о русско-кабардинских исторических связях, начиная с «касожского периода» до XVIII в. Разумеется, от Н. М. Карамзина, выступавшего выразителем дворянско-монархической исторической концепции, отводившего решающее место в истории отдельным великим людям и прилагавшего все свои усилия к раскрытию идейных и моральных мотивировок их действий, ожидать освещения истории народных масс и показа их действительной роли было бы неправомерно.

Определенный вклад в изучение истории народов Северного Кавказа, в том числе кабардинцев и балкарцев, внесли дореволюционные историки-кавказоведы: К. Ф. Сталь¹, И. Дебу², Н. Дубровин³, Ф. Лсонтвич⁴, М. Ковалевский⁵, Ф. Щербина⁶, И. Бларамберг⁷.

При всей ценности содержащихся в них материалов и наблюдений, касающихся русско-кавказских взаимоотношений, работы эти отличаются апологией царской политики на Кавказе и требуют к себе особенно строгого критического подхода. Так, один из этих авторов, историк Кубанского казачьего войска Ф. А. Щербина, рассматривая проблемы экономического строя адыгских народностей, отрицал существование у горцев института частной собственности на землю.

Подобное же утверждение содержится и в многотомном труде военного историка Н. Дубровина, считавшего вслед за К. Сталем, что дворяне, как и князья, «не имели отдельно от своего народа никакой поземельной собственности».

Как и Н. Дубровин, утверждавший, что адыги (черкесы) находились на стадии разложения родовых отношений и образования племенного союза, приносил уровень социально-экономического и политического развития этих народов и профессор Одесского университета, видный ученый, историк права Ф. И. Леонтович. Он, внесший большой вклад в русское кавказоведение своими трудами об адатах кавказских горцев, при оценке социально-экономического строя Кабарды и других горских народов сохранившиеся здесь патриархально-родовые пережитки ошибочно считал господствующими. В результате слишком примитивно изображает общественный строй у черкесов, утверждая, что они еще «к середине XIX в. находились на стадии перехода от кочевого быта к... территориальной общине». Известный историк, юрист и социолог, один из

¹ Сталь К. Ф. Указ. соч.

² Дебу И. О Кавказской линии. СПб., 1829.

³ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. 1870. Т. 1.; *Его же*. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991.

⁴ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882–1883. Ч. 1, 2.

⁵ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1–2.

⁶ Щербина Ф.. Общинный быт и землевладение у горцев // Северный Вестник. 1886.

⁷ Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.

наиболее крупных представителей русского кавказоведения второй половины XIX в., выдающийся знаток обычаев, обычного права кавказских народов М. М. Ковалевский, наоборот, определял общественный строй кабардинцев до-реформенного периода как строй завершеного феодализма, но рассматривает последний не как способ производства, а как политико-правовое понятие, как совокупность правовых и политических институтов, выводит феодальные отношения не из закономерностей внутреннего развития общества, а связывает с политическими причинами, внешними факторами, расценивая их как результат завоевания кабардинскими князьями данной территории и устройства ими своей жизни на феодальных началах.

В целом, в научной деятельности выдающегося русского ученого М. М. Ковалевского важное место занимало изучение Кавказа. С этой целью он совершил три поездки на Кавказ. В результате им был собран огромный материал, легший в основу его многочисленных фундаментальных трудов по Кавказу, посвященных исследованию различных сторон социально-политической и духовной жизни горских народов края. Наряду с разработкой общетеоретических проблем кавказоведения М. М. Ковалевский изучил общественный строй и обычное право северокавказских горцев, в том числе кабардинцев и балкарцев. В его трудах, посвященных кавказской тематике, особое место занимает вопрос о горском феодализме. Однако развитие феодальных отношений как социальной категории у кабардинцев и соседних горских народов М. М. Ковалевский считал скорее результатом воздействия внешнего фактора, нежели следствием внутреннего развития горских обществ, т. е. влияния кабардинского феодального строя. Рассмотрев во всех аспектах общественный строй Кабарды, он делает вывод, что этот строй почти целиком был воспринят соседними горцами Северного Кавказа, длительное время находившимися в экономической и политической зависимости от феодальной Кабарды. «Кабарда, стоявшая намного выше соседних горских обществ по уровню социально-экономического развития, – пишет Б. А. Калоев, – действительно оказала определенное влияние на формирование в них феодальных отношений. Однако М. М. Ковалевский слишком преувеличивает это влияние, не признавая самостоятельного развития социальных организаций внутри этих обществ»¹. При этом М. М. Ковалевский предполагал наличие развитого феодализма не только у кабардинцев, но и у всех других горских народов Северного Кавказа, к которым был занесен извне, т. е. из Кабарды. «Однако такой феодализм был характерен только для кабардинцев; у других горцев, в том числе осетин и балкарцев, феодальные отношения находились лишь на стадии созревания. М. М. Ковалевский настолько был уверен в своей оценке уровня развития горского феодализма, что сравнивал его с классическим западноевропейским феодализмом»². «Мы рассмотрели, – пишет М. М. Ковалевский, – один за другим важнейшие факторы горского феодализма и обусловленной им сословной системы. В существеннейших чертах эти факторы не отличаются ничем от тех, которые повели к возникновению феодальных отношений на Западе Европы»³. М. М. Ковалевский, таким образом, в ущерб внутренним причинам преувеличивал значение влияния внешнего фактора на развитие горских народов Северного Кавказа, их общественную организацию, обычаи и нравы, складывание у них феодальных отношений.

¹ Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 145.

² Там же. С. 146.

³ Там же.

К числу дореволюционных авторов, уделивших особое внимание истории русско-кабардинских отношений, относится Владимир Кудашев¹. Источниковедческой основой работы В. Кудашева явились архивные источники и материалы устного народного творчества. На основе большого количества исторических источников прослеживаются давние связи русского и кабардинского народов и их из века в век укрепляющееся развитие. Тесное сближение Кабарды с Россией В. Кудашев рассматривает как органическую потребность исторического пути развития кабардинского народа, указывает на закономерность этого процесса. Однако подход его к освещению этого вопроса страдает односторонностью. Находясь под влиянием русской официальной историографии, он, как и другие кавказские историки Ш. Б. Ногмов и Хан-Гирей, идеализировал политику русского царизма на Кавказе. Остались неотмеченными очень важные аспекты русско-кабардинских отношений. Он видел и освещал только политическую сторону вопроса, оставляя без внимания торгово-экономические и культурные связи русского и кабардинского народов.

Что касается общественного строя кабардинцев, то В. Кудашев правильно определил его как феодальный. Более того, он в отличие от многих дореволюционных исследователей справедливо отметил наличие в Кабарде феодальной собственности на землю. Вместе с тем в труде В. Кудашева содержится немало ошибочных положений, игнорируются некоторые узловые вопросы истории кабардинского народа. Все это в основном обусловлено историческими взглядами автора, его общеисторической концепцией.

Если делать резюме из сказанного о дореволюционной кавказоведческой литературе, касающейся Кабарды и Балкарии XVIII в., их взаимоотношений с Россией в этот период, то следует сказать, что она представляет определенную ценность, содержит большой фактический материал, помогающий раскрытию поставленной проблемы со многих ее сторон. Однако она написана в апологетическом ключе, характерном для исторических сочинений той эпохи, содержит немало принципиальных ошибок и недостатков, проистекающих из методологических воззрений и социальной принадлежности авторов. Представители историографии того периода интересовались прежде всего и главным образом историей господствующих классов и деятельностью отдельных его представителей, старались показать успехи политики самодержавной власти в усмирении непокорных «диких» горцев, а также благотворную роль царских чиновников в «устроении» края. А творческая созидательная деятельность народных масс, их решающая роль в поступательном развитии общества, как правило, затушевывались, выпадали из их поля зрения. Оставался не раскрытым такой вопрос, как влияние России на развитие социально-экономической, политической и культурной жизни горских народов.

Только с дальнейшим развитием отечественной историографии историки смогли лучше разобраться в сложных перипетиях общественной жизни и критически оценить историческое прошлое народов Северного Кавказа, используя путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

Предметом тщательного изучения отечественной исторической науки, наравне с другими коренными проблемами истории нашей Родины, стал и вопрос о связях народов Кавказа с Россией, выяснение сущности и объективной направленности этого исторического процесса.

¹ Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

В результате убедительно показана интернациональная природа русско-кавказских связей, характер отношений кавказских народов к России и их историческая закономерность. Вместе с тем были подвергнуты обоснованной критике имевшие место антинаучные концепции и теории, в том числе стремление представить реакционную колониальную политику самодержавия как благотворительную и прогрессивную.

Создание высококвалифицированных кадров исследователей-историков как в центре, так и на местах, расширение и укрепление источниковой базы способствовали решению проблемы русско-кавказских отношений, правильной научной интерпретации роли России в исторических судьбах малочисленных народов нашей страны.

Определенные искажения и отход от историзма и объективности претерпело и советское кавказоведение, придерживаясь схемы, которая усматривала в основном положительные, безоблачные факты и события из истории народов Кавказа. Особенно заметный вред был нанесен проблеме русско-кавказских, в том числе русско-кабардино-балкарских, отношений XVIII в. Выпячивалась прогрессивная, цивилизаторская роль России, предавалась забвению, почти замалчивалась жестокая колонизаторская роль царизма, его военной администрации. Это, в свою очередь, наносило урон современным русско-кавказским отношениям, межнациональным связям. Все это мешало консолидации и дружбе народов, приводило к межнациональным трениям, непониманию последствий присоединения Кабарды и Балкарии, как и других областей, к России.

Все эти негативные наслоения, культивировавшиеся в области исторической науки, являлись опорной базой для извращения сути русско-кавказских отношений, народно-освободительных движений некоторыми историками-«новаторами». На несостоятельность схем и построений этих историков было указано на Всесоюзной научной конференции, состоявшейся в июне 1989 г. в Махачкале.

Одним из зачинателей изучения истории кабардинского народа в советское время был известный кавказовед Г. А. Кокиев. Начав заниматься историей Кабарды еще в 20-е гг., он с неослабевающим интересом, с любовью изучал ее и внес ценный вклад в создание необходимых предпосылок для написания научной истории кабардинского народа. В 1926–1929 гг. им были опубликованы интересные, содержательные, не потерявшие и до настоящего времени научной ценности исследования¹. Он обращался и к вопросам расселения народов, социально-экономической и политической истории, борьбы трудящихся масс за независимость с иноземными захватчиками, аграрного движения и многим другим. Всего по истории Кабарды и Балкарии им написано более 30 научных работ².

¹ Кокиев Г. А. К вопросу об аталычестве // Революция и горец. Ростов н/Д, 1929. № 3. С. 38–52; Он же. Борьба кабардинских феодалов в первой половине XVIII в. // Революция и горец. Ростов н/Д, 1929. № 9. С. 41–74; № 10. С. 29–31; Он же. К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. // УЗ Института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. 2. С. 72–88.

² Кокиев Г. А. Некоторые сведения из древней истории адыгов-кабардинцев. Нальчик, 1946. С. 36; Он же. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. № 28–30; Он же. Классовая структура кабардинского феодального общества в середине XIX в. // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. № 4–6; Он же. Военно-колониационная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. Ростов н/Д, 1929. № 4. С. 30–35; № 5. С. 33–37; № 6. С. 32–37; Он же. Некоторые исторические сведения о древних городах Татартуп и Дзулот // Записки С.-К. горского НИИ. Ростов н/Д, 1925. Т. 2. С. 205–215; Он же. Переселение кабардинских холопов в Моздок в XVIII в. // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. № 30; Он же. Аграрное

Критикуя политику царизма на Кавказе, Г. А. Кокиев отмечал объективно-исторически-прогрессивный характер присоединения народов Северного Кавказа к России. Оценивая присоединение Северной Осетии к России, он подчеркивал, что «это присоединение имело исторически-прогрессивное значение»¹. В научных статьях Г. А. Кокиев затрагивал вопрос о русско-кабардинских отношениях в XVIII в., отмечая расширение и укрепление отношений как ведущую тенденцию в русско-кабардинских связях, установившихся с давних времен. В то же время заслугой Г. А. Кокиева является его пристальное внимание к освещению колониальной политики царизма. И это правомерно.

Проблемам обострения социальных противоречий, выступлениям крестьян в Кабарде и Балкарии во второй половине XVIII в., массовым бегствам крепостных в русские пределы, борьбе горцев против колониальной политики царизма, социально-экономическому аспекту истории народов Северного Кавказа, его месту и роли в системе международных отношений, хозяйственному освоению Предкавказья в изучаемый период, вопросам дальнейшего сближения русского и северокавказских народов посвящены монографические исследования Б. В. Скитского, А. В. Фадеева, Е. Н. Кушевой, Е. И. Дружининой и др.²

Важнейшие аспекты русско-кабардино-балкарских взаимоотношений в XVIII в. (выяснение места Кабарды в русско-османско-крымских отношениях, роль кабардинского общества в укреплении связей с Россией, влияние последней на экономическое и культурное развитие горцев Северного Кавказа), присоединение Кабарды к России, феодальные отношения и основы феодального строя в Кабарде рассмотрены в монографических исследованиях Н. А. Смирнова, С. К. Бушуева, Е. И. Дружининой, Т. Х. Кумыкова³. Частично эти вопросы нашли отражение в работах Н. Х. Тхамокова, З. В. Анчабадзе⁴ и др.

Глубокие исторические корни добрых взаимоотношений между народами Северного Кавказа, Грузии и другими народами Закавказья, место и роль Кабарды и Балкарии, как связующего моста между ними и Россией, определяющие факторы грузино-северокавказских и русско-кавказских взаимоотношений – эта и другие аспекты проблемы подвергнуты аргументированному изучению в рабо-

движение в Кабарде в 1913 г. Нальчик, 1946; *Он же*. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // УЗКНИИ. Нальчик, 1948 Т. 4. С. 25–65 и др.

¹ *Кокиев Г. А.* Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 93–94.

² *Скитский Б. В.* Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды 1739–1779 гг. Владикавказ, 1930; *Он же*. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1956. Т. 17; *Фадеев А. В.* Очерки экономического развития Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957; *Кушева Е. Н., Дружинина Е. И.* Народы Северного Кавказа // Очерки истории СССР. 2-я половина XVIII в. М., 1957.

³ *Смирнов Н. А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVII вв. Нальчик, 1948; *Он же*. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958; *Бушуев С. К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956; *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955; *Кумыков Т. Х.* Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957; *Он же*. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959.

⁴ *Тхамоков П. Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961; *Анчабадзе З. В.* Кабарда и политика России на Кавказе в XVIII в. // История Кабарды. М.: Наука, 1957.

тах Т. Д. Боцвадзе, З. В. Анчабадзе, Г. Х. Мамбетоза, М. С. Тотоева, В. К. Гарданова, В. Г. Гаджиева, Н. П. Гриценко, А. П. Пронштейна, Ф. В. Тотоева¹.

«Кабарда, – сказано в работе Т. Д. Боцвадзе, – явилась тем связующим звеном, посредством которого Грузия в течение XVI–XVIII вв. смогла вырваться из указанного окружения (Турция, Крымское ханство и Иран), сблизиться и в конечном итоге окончательно связать свою судьбу с Россией, а через нее установить связи с Западной Европой»².

Из исследований этой группы советских историков несколько выделяется монография В. Н. Гамрекели, в которой прослеживаются тенденции к освещению недружественных, негативных факторов во взаимоотношениях между Грузией и горцами Северного Кавказа. В ней делается акцент на социальное явление, имевшее место в XVIII в. под названием «Лекианоба», и на искусственное деление народов Северного Кавказа на равнинных (т. е. мирных) и горных (т. е. экспансивных)³.

Героическое прошлое Кабарды, его боевое содружество с русскими войсками, с воинскими ополчениями других народов Северного Кавказа и Закавказья, совместная борьба России и северокавказских горцев против иноземных завоевателей в далеком прошлом, и особенно в XVIII в. (в русско-турецких войнах против Османской и крымской агрессии), освещены в специальных работах В. Б. Вилинбахова, Е. Дж. Налоевой и в других исследованиях⁴.

В. Б. Вилинбахов показывает развитие военного дела в Кабарде, достигшего здесь высокого совершенства и во многом являвшегося образцом для других народов Северного Кавказа и Закавказья. В работе раскрывается влияние кавказских, в том числе кабардинских, военных обычаев на русскую армию, особенно на те ее части, которые действовали на Кавказе, и на казачество. В заключение подчеркивается: «Боевое содружество Кабарды и России было плодотворным для обеих сторон. Пользуясь поддержкой России, защищавшей Кабарду от постоянной угрозы турецко-крымского порабощения, кабардинцы верно и отважно выполняли свои обязательства, многократно плечом к плечу сражаясь рядом с русскими воинами. Через столетия пронесли они свою заслуженную воинскую славу «рыцарей Кавказа», и память об этом священна не только для кабардинского, но и для русского народа»⁵.

Несмотря на некоторую фрагментарность в отдельных своих частях, труд В. Б. Вилинбахова является интересным и ценным исследованием, раскрываю-

¹ Боцвадзе Т. Д. Грузино-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. Тбилиси, 1965. – На груз. яз.; Он же. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1978; Анчабадзе З. В. Кабарда и политика России на Кавказе в XVIII в. // История Кабарды. М., 1957; Мамбетов Г. Х., Тотоев М. С., Анчабадзе З. В., Боцвадзе Т. Д. Взаимоотношения Кабарды и Балкарии с соседними народами в XVI–XVIII вв. // История Кабардино-Балкарской АССР: (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1967. Т. 1. Гл. 14. С. 176–196; Гарданов В. К., Гаджиев В. Г., Гриценко П. П., Пронштейн А. П., Тотоев Ф. В. Народы Северного Кавказа во второй половине XVIII в. // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. Гл. 16. С. 435–466.

² Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974. С. 4.

³ См.: Гамрекели В. И. Вопросы взаимоотношения Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1972.

⁴ См.: Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977; Налоева Е. Дж. Участие кабардинцев в русско-турецких войнах первой половины XVIII в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI–70-е годы XX века). Грозный, 1982. С. 277–280 и др.

⁵ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 230.

щим новые страницы славной боевой дружбы кабардинцев с русским народом, уходящей своими корнями глубоко в седую древность.

Значительное место исследуемой проблеме отведено и в двухтомной «Истории Кабардино-Балкарской АССР», вышедшей в издательстве «Наука» в 1967 г.

Изучению актуальной проблемы в советской историко-этнографической науке – общественного строя адыгских народов, составлявших одну из самых значительных этнических групп кавказских горцев, посвящен капитальный труд известного кавказоведа В. К. Гарданова¹. Проблема эта, хронологически охватывающая XVIII – первую половину XIX в., решается в монографии в широком историческом плане, на фоне истории народов всего Северо-Кавказского региона, что дало автору возможность не только дать социально-экономическую характеристику одного из наиболее сложных периодов в истории народов Кавказа, но и сделать из анализа обширного нового документального материала и других источников обобщения и выводы, имеющие важное научно-теоретическое значение.

В книге рассматривается широкий круг узловых вопросов истории адыгских народов: территория и численность населения, основные черты хозяйственного строя, система адыгского феодализма, особенности социальных противоречий и общественно-политического строя, четко прослеживается последствие влияния России на развитие общественного строя адыгских народов, в том числе и кабардинского, в рассматриваемую эпоху. В другой работе В. К. Гарданова отражено все наиболее важное и ценное из того, что сообщают об адыгах, балкарцах и карачаевцах в своих сочинениях европейские авторы с XIII до середины XIX в.² В отечественной историографии русско-кавказских отношений изучаемого в данном исследовании периода и всех аспектов истории народов Северного Кавказа, их взаимоотношений с Россией, Турцией, Ираном и Крымским ханством в сфере критического изучения находилась и зарубежная литература всех направлений, и особенно консервативная (крайне правая) и либеральная. Историки российские и кавказские подвергли аргументированной критике извращенную интерпретацию проблемы русско-кавказских, в том числе и русско-кабардинских, отношений в XVI – первой половине XIX в. В частности, критические работы, отражающие новейшие фальсификаторские схемы и построения изучаемой проблемы, принадлежат перу Хаджи Мурата Ибрагимбеили и опубликованы им в 80-х гг.³

Достижение новых рубежей в изучении новейшей зарубежной историографии ставит дальнейшие задачи, сводящиеся в целом к ликвидации «белых пятен» в истории народов Северного Кавказа XVIII–XIX вв., без конъюнктурщины, теоретизирования и искусственного лакирования фактов истории.

В 1984 г. в издательстве Московского университета вышла обобщающего характера работа Н. С. Киняниной, М. М. Блиева, В. В. Дегоева «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России». В монографии на фоне международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке рассматривается история политиче-

¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVII – первая половина XIX в.). М., 1967.

² АБККЕА

³ Ибрагимбеили Х. М. Критика современной англо-американской буржуазной историографии присоединения Северного Кавказа к России // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2; Он же. Современная турецкая буржуазная историография внешней политики России первой половины XIX в. // Актуальные проблемы историографии Востока нового и новейшего времени. М., 1985; Он же. Россия и Северный Кавказ в XVI – первой половине XIX в. в освещении современной буржуазной историографии // История СССР. 1982. № 2.

ских и дипломатических связей России с народами Кавказа и Средней Азии на протяжении с середины XVIII до 80-х гг. XIX в.

Интересные сведения для данного исследования почерпнуты автором из этнографических работ проф. Г. Х. Мамбетова и научных статей кандидата исторических наук Е. Дж. Налоевой, опубликованных в различных изданиях КБГУ и КБНИИ. В последней главе использован рукописный материал К. Ф. Дзамихова, впоследствии опубликованный им в печати.

Ценные сведения по интересующей нас проблеме содержатся в многочисленных документальных публикациях, использованных нами в работе ¹.

Таким образом, историографический обзор существующей литературы свидетельствует о том, что в целом отечественными историками, в том числе и учеными Кабардино-Балкарии, проделана большая работа по воссозданию исторического прошлого кабардинского и балкарского народов. Однако предстоит сделать еще многое для его всестороннего и глубокого изучения. А что касается русско-кабардино-балкарских отношений в XVIII в., то они не подвергались еще специальному монографическому исследованию. Между тем вопрос этот является стержневым в истории северокавказских горцев. Без тщательного изучения взаимоотношений Кабарды и Балкарии с Россией невозможно правильно разобраться в сложных исторических процессах, происходивших внутри горских обществ. Экономические, политические и культурные связи кабардинцев и балкарцев с Россией коренным образом влияли на все стороны внутренней жизни горцев, а также на их внешнеполитическое положение. На международной арене Россия защищала интересы горцев, ограждала их от захватнических устремлений со стороны турецко-крымских и других агрессивных сил, что обеспечивало их относительное внутреннее спокойствие, способствовало хозяйственному оживлению, открывало историческую перспективу. Сказанное отнюдь не означает, что можно сбрасывать со счетов реалии истории, связанные с военно-феодальной экспансией российского царизма на Северный Кавказ и его жестокой колонизаторской политикой, проводившейся по отношению к горским народам.

¹ *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1, 2, 3. СПб., 1862, 1869; *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. 1578–1615. М., 1889; *Броссе М.* Переписка на иностранных языках грузинских царей с Российскими государями от 1639-го по 1770 г. СПб., 1861; *Цагарели А. А.* Сношения России с Кавказом в XVI–XVII столетиях. СПб., 1891; *Он же.* Переписка грузинских царей и владетельных князей с государями Российскими в XVIII столетии. СПб., 1890; *Он же.* Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 1. 1768–1744. СПб., 1891; *Он же.* Новые архивные материалы для истории Грузии XVIII столетия. СПб., 1883; *Дианашвили М. Г.* Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып. 22; ПСЗРИ. Т. 19 и др.; АКАК; Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: (Статейные списки). М.; Л., 1954; *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935; Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615–1640) / Подгот. М. Полиевктов. Тбилиси, 1937; *Гамрекелли В. Н.* Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. 1962. Ч. 1; 1976. Ч. 2; Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Сост. В. Н. Гамрекелли. Тбилиси, 1968; *Мочерадзе В. Г.* Материалы по истории русско-грузинских отношений II половины XVIII в. Тбилиси, 1968. Ч. 2; Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии (конец 60 – начало 90-х гг. XVIII в.): Документы и материалы. Тбилиси, 1980; *Табагуа И. М.* Материалы для истории Грузии первой четверти XVIII в. Тбилиси, 1982; История Осетии в документах и материалах: (С древнейших времен до конца XVII века). Цхинвали, 1962; Русско-осетинские отношения в XVIII в.: Сб. документов в 2-х т. / Сост. проф. М. М. Блиев. 1976. Т. 1; 1084. Т. 2; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: В 2 т. XVIII в. / Сост. В. М. Букалова. М.: Изд-во ЛИ СССР, 1957; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы / Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ В XVIII ВЕКЕ

§ 1. Территория и население

Как свидетельствуют исторические источники, Кабарда в XVIII в., как и в предшествующий период, продолжала занимать в основном территорию, включавшую обширные равнинные пространства и предгорья в бассейне Терека, – примерно от рр. Большой Зеленчук (приток Кубани) и Кумы на западе до р. Сунжи на востоке. На протяжении почти всего рассматриваемого времени кабардинцам принадлежали все земли, лежавшие к северу от Черных гор.

«В далеком прошлом кабардинцы занимали огромную площадь – от Кизлярских степей на востоке и до р. Кумы на западе; почти от Главного Кавказского хребта на юге и далеко за рр. Куму и Куру на севере. Кабардинцы кочевали со своими стадами на всей этой территории, летом уходя в предгорье, а на зиму спускаясь на плоскость к рр. Куме и Куре»¹.

«Исторические границы Кабарды в сторону Ингушетии и Осетии, как известно, – пишет далее С. И. Месяц, – доходили до р. Сунжи. Кабардинские аулы были разбросаны в районе аула Назран и далее по р. Сунже»². Это подтверждается археологическими данными и историческим эпосом о вайнахо-кабардинских отношениях. «В преданиях предельно точно показываются места обитания кабардинцев, традиционно именуемых у вайнахов «чергси» (черкесы)», – пишет В. Б. Виноградов. Это – «окрестности Назрани, на правом берегу Сунжи»; там, где находится село Яндырка; «где ныне расположено село Насыр-Корт»; «недалеко от сел. Далаково и Кантышево»; «близ села Экажево» и т. д. Терский хребет, именуется у вайнахов «Черкесским» («Чергазийн parl») ³.

И позже, т. е. в XVIII в., Кабарда, как и прежде, занимала обширные пространства в бассейне Терека – примерно от р. Кумы на западе и до р. Сунжи на востоке⁴. Но эта территория была заселена неравномерно. Интересы безопасности вынуждали кабардинцев селиться поближе к горам и даже отчасти в их ущельях. Последние являлись местом расположения укрепленных «дворов» кабардинских князей⁵ и балкарских поселений.

Как известно, Кабарда примерно с начала XVI в. делилась Терекком на две части – Большую и Малую. Подавляющее большинство кабардинских поселений

¹ Месяц С. И. Население и землепользование Кабарды. Воронеж, 1928. С. 36.

² Там же. С. 48.

³ Виноградов В. Б. Исторический эпос о вайнахо-кабардинских отношениях: (События и реалии) // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988. С. 138.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 132.

⁵ Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII веке // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1965. Т. 23. С. 77.

находилось и Большой Кабарде, здесь были 74 деревни и 8 княжеских замков – «дворов», обнесенных каменными стенами, а на территории Малой Кабарды – 45 деревень и два замка¹.

Характерной особенностью кабардинских поселений, основанных не на родовом, а на территориальном принципе, т. е. присущих классовому обществу, было их сильное тяготение к берегам рек. «Близость реки считалась сакральной необходимостью, ибо, по понятиям адыгов, с рекой прямо связывалось и «небесное благоденствие» – «ниспослание дождя»². Адыги считали, что каждый участок земли имеет своего покровителя. «О существовании у адыгов культа земли, – пишет Аскерби Шортанов, – покровителя или патрона местности говорит и обряд выбора нового места для постройки дома, подсобных помещений и хозяйственных объектов, когда на ночь закапывали на избранном месте сосуд, до краев наполненный водой, и если на ночь вода не убавлялась, то место считалось годным для поселения и застройки. Если же вода убавлялась, оно признавалось несчастливым, т. е. дух или патрон этого места не принимали ублажительного подношения»³. Близость к водным источникам, пахотным и сенокосным угодиям являлась общим фактором для выбора места поселения у горцев Кавказа. Но у кабардинцев, имевших для этого все условия и возможности, это проявлялось особенно рельефно. Кабардинские поселения, представлявшие собой феодальные кабаки, лежали также на вьючных путях, соединявших нагорную полосу с Северо-Кавказской равниной и русскими пограничными крепостями, с которыми горцы общались на почве обмена⁴. По сведениям Ж. Б. Тавернье, П.-С. Палласа, Г.-Ю. Клапрота и др., они представляли собой замкнуто-укрепленный тип поселения с круговой или кареобразной планировкой. Дома и другие постройки возводились главным образом из плетня, покрывались соломой или камышом и имели круглую форму.

Сведения о кабардинских жилищах составной части традиционной материальной культуры, являющейся наиболее устойчивым элементом культуры этого народа, как и любого другого этноса, – содержатся в работе весьма хорошо знавшего опыт адыгов, составившего сводное описание народов Кавказа Иоганна Бларамберга: «Жилища эти радуют взор; они стоят в ряд, обнесенные оградой, изящные усадьбы и отдельно стоящие домики, предназначенные, по обычаю гостеприимства, для проживания гостей (путешественников, приезжих)»⁵. В другом месте этот же автор, возвращаясь вновь к вопросу о черкесских поселениях и жилищах, пишет: «...каждый черкес независимо от степени состоятельности имеет обширный квадратный двор, в котором стоят отдельно друг от друга три домика: один – общий, другой – для женщин, третий – для гостей – «кунацкая». В аулах дворы удалены друг от друга, они не вытянуты в линию и не образуют улиц, напротив, они беспорядочно разбросаны. С обоих концов аула стоят две башни, плетеные и обмазанные глиной, поднимаясь на которые, жители по очереди несут караульную службу»⁶.

Наибольшее число поселений Большой Кабарды располагалось по рр. Баксан (20 деревень и 5 замков), Нальчик (24 деревни), Чегем (10 деревень), Куркужин (9 деревень и 2 замка), Шалушке (6 деревень и 2 замка). На р. Кишпек были 2 поселения, на Урухе, Гунделене и Малке – по одному. В значении «поселе-

¹ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 132.

² Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982. С. 87.

³ Там же. С. 73.

⁴ Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С. 33.

⁵ Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 31.

⁶ Там же. С. 70.

ние», «аул», «хутор» в русских исторических документах, относящихся к Кавказу, встречается слово «кабак», как, например, в документе 1775 г.: «Под властью одного владельца Кайтуки имеются 40 сильных кабаков, почему он пред прочими силу и власть имеет»¹. Таким образом, особо густо были заселены районы рр. Чегема, Шалушки и Нальчика, где на сравнительно небольшом пространстве находилось почти две трети всех поселений Большой Кабарды². Как свидетельствуют исторические документы, наиболее раннее упоминание о поселениях на р. Нальчик относится к 1745 г. В это время здесь находилось 19 аулов. В конце XVIII – начале XIX в. на р. Нальчик располагалась резиденция князя Кабарды Кучука Джанхотова. Документ, подписанный им 13 марта 1809 г., помечен, что он составлен в «Ур. Нальчик». Следовательно, за дату основания г. Нальчика можно принять 1745 г.

Наибольшее число поселений в Малой Кабарде находилось в ее западной части. По течению Терека (до впадения в него р. Малки) были 34 деревни и замок князей Геляхстановых. Центром этой западной части Малой Кабарды являлось ныне известное городище Татартуп, описанное А. С. Пушкиным в «Путешествии в Арзрум»: «Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной дороге, между курганами, обросшими липой и чинаром... Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между горами камней, на берегу иссохшего потока»³. В менее заселенной восточной части Малой Кабарды, вплоть до р. Сунжи, располагались 11 деревень и замок князей Таусултановых⁴.

Кабардинские земли доходили до устья Терека. На Владикавказской равнине, называвшейся тогда «Кабардинской степью», кабардинские поселения (деревни) «были расположены в значительном количестве и простирались до самых входов в осетинские ущелья»⁵.

До середины XVIII в. все центральное предгорье, ныне входящее в состав Северной Осетии, находилось во владении малокабардинских князей⁶.

Исторические источники и картографические материалы позволяют воссоздать примерную картину размещения в XV–XVIII вв. на современной Осетинской равнине кабардинских деревень, находившихся здесь вплоть до 90-х гг. XVIII в. Они располагались по среднему и нижнему течению р. Терек и простирались к югу до самых входов в осетинские ущелья⁷. Границы Кабарды здесь доходили до самых гор. «В Кабарде пала из гор в Терек река Ардан, протоку 50 верст»⁸, – сказано в «Книге Большому Чертежу», т. е. общей географической карте Русского государства XVII в. и описании ее. Согласно «Книге...», в тексте которой встреча-

¹ Скитский Б. В. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей 1739–1779 гг. Владикавказ, 1930. С. 20.

² История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 132.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 6. С. 437–438.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 132.

⁵ Тотоев М. С. Кабардино-балкарско-осетинские отношения в XVI–XVIII вв. // Известия СОНИИ. Т. 25. С. 140.

⁶ Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. С. 27.

⁷ Там же.

⁸ Книга Большому Чертежу. М., 1846. С. 65; КРО. Т. 1. С. 387.

ются упоминания и о чеченцах, ингушах и др., Осетинская равнина включалась в состав территории Малой Кабарды.

На «Карте Большой и Малой Кабарды» С. Чичагова подробно нанесены все населенные пункты. К карте приложен «Табель подробного описания деревням и знатым местам Большой и Малой Кабарды». На нынешней Осетинской плоскости между «Терком» и «Урефом», Татартупом и выходом Терека из гор нанесены 26 кабардинских кабаков. Южнее всех находились пять деревень Алемурзиных. Они располагались до середины XVIII в. северо-западнее теперешнего г. Алагира, в «20 минутах ходьбы». Эти селения были позднее перенесены на берег р. Урсдон.

Ученый-ориенталист (востоковед) Г.-Ю. Клапрот, путешествуя по Осетии в 1807–1808 гг., еще застал развалины этих кабаков, принадлежащих узденю малокабардинского князя Таусултанова Алимурзину. Кроме того, на правом берегу Терека, северо-западнее теперешних осетинских селений Брут и Дарг-Кох, обозначены девять кабаков Анзорова¹.

Наряду с «Картой Большой и Малой Кабарды» С. Чичагова основным источником для восстановления картины размещения малокабардинских поселений на нынешней Осетинской равнине является карта мастера горных дел Степана Ванявина. На ней городище Татартуп обозначено на левом берегу Терека, а к востоку от него, на противоположном берегу реки, севернее теперешнего сел. Карджин и южнее сел. Заманкул, находились рядом два кабардинских кабака Боташевых. Севернее этих кабаков размещалось поселение самого крупного малокабардинского князя Таусултанова. На карте Степана Ванявина на правом берегу Терека больше нет кабардинских кабаков. А на самом же деле они были. Об этом свидетельствуют остатки старинных кладбищ на правобережной территории Северной Осетии, которые в народе известны под названием «кабардинские кладбища». Остатки эти сохранились между г. Бесланом и сел. Зилги, севернее сел. Брут, недалеко от сел. Хумалаг и Старый Батакоюрт. Об этом же говорят и документы².

На левом берегу Терека, южнее Боташевых кабаков, между рр. Ардон и Урсдон, у самого впадения первой из них в Терек, находилось сел. Тузароко, а к юго-западу от него – тоже кабардинское сел. Камбекуково. Еще южнее, на правом берегу р. Дур-Дур, в месте ее впадения в р. Урсдон, находились селения, известные по одним источникам как Эльхотовские кабаки, а по другим – Елдух или Элтюповых. Западнее от этих кабаков, на р. Дур-Дур, располагались три кабардинских селения под названием Муртазовых кабаков, из которых одно находилось на правом, а два – на левом берегу указанной реки. Кабардинские поселения располагались еще и южнее, ближе к ущельям Центрального Кавказа, ведущим в горную Осетию. Так, перед Дигорским ущельем находились владения кабардинских феодалов Мударовых, у входа в Алагирское ущелье стояли кабаки Алимурзина³, а у начала Дарьяльского ущелья, между Балтой и Ларсом, также находилось кабардинское сел. Кайтуково⁴.

На правом берегу реки Фиагдон, у самой границы Куртатинского ущелья, недалеко от современного осетинского сел. Дзуарикау, располагалось кабардинское сел. Борукино. Во второй половине XVIII в. население кабака Борукина, владельцами которого были малокабардинские князья братья Девлет и Батоко Анзоровы,

¹ Берозов Б. П. Указ. соч. С. 28–29.

² Там же. С. 30; КРО. Т. 2. С. 115, 377.

³ Там же. С. 31.

⁴ Кокиев Г. А. Малокабардинские поселения в XVI–XVIII вв. на Северном Кавказе // Ученые записки КНИИ. 1947. Т. 2. С. 24.

состояло из 80 дворов. В 1808 г. здесь побывал Г.-Ю. Клапрот, сообщив об этом в своих записях. Селение просуществовало до 1819 г., а затем было перенесено¹.

Под покровительством кабардинских князей началось частичное переселение с гор на плоскость некоторой части осетинских феодалов. В результате в XVII–XVIII вв. в предгорных равнинных районах образовался ряд осетинских выселков – селений. Но переселение осетин на плоскость в это время носило еще крайне ограниченный характер. Массовое их переселение началось только с утверждением в центральной части Северного Кавказа власти Российского государства. В начале XIX в., т. е. к 1810–1815 гг., Владикавказская равнина, а точнее, ее правобережная часть, окончательно была оставлена кабардинцами. На всей территории от Терека до кабардинских хребтов не осталось кабардинских поселений². «Пространство земли, – сказано в документе, – на правом берегу Терека, от Сунжи и до Терека и Кабардинского хребта, принадлежащее также Мударовым и Ахловым, оставшееся пустопорожным, было отдано Назроковским ингушам... в 1810 году... и Дударовым»³.

Пятигорье – некогда самый густонаселенный, цветущий район Кабарды, служивший древним ее центром, – в рассматриваемое время в результате неоднократных нашествий крымских феодалов пришло в полное запустение. Жители некоторых кабардинских деревень были насильно уведены крымцами за Кубань, а остальное население ввиду реальной угрозы физического истребления вынуждено было еще в самом начале века покинуть свои насиженные места и находить более безопасное пристанище в бассейнах рр. Малки и Баксана⁴. Обезлюдению района Пятигорья в начале XIX в. способствовали также чумные эпидемии и военно-карательные экспедиции царских войск, вытеснившие кабардинцев из этого традиционного центра их земель, что отмечалось многими современниками, в том числе и А. С. Пушкиным. Однако после такого запустения Пятигорье оставалось местом расселения кабардинцев. Только в 1815–1816 гг. генерал А. П. Ермолов выселил кабардинцев, проживавших между Пятигорьем и Малкой, за р. Малку, объявив эти земли кордонными, но границы Кабарды официально не менялись. Крымский хан Каплан-Гирей, хорошо понимая, с чем связан уход кабардинцев из района Пятигорья (отказ выполнить неслыханное требование – уплатить Каплан-Гирею при его вступлении на ханский престол (1706) не менее трех тысяч ясырей), хотел воспрепятствовать этому. Но уговор специально присланного им в Кабарду своего калги* (принца) не дал желаемых результатов. Тогда хан сам во главе большого войска прибыл в Кабарду с целью силой взять ясырей и вернуть кабардинцев «на прежнее место жительство у Бештау»⁵. Но поход этот закончился полным разгромом крымского войска. Однако опасность новых нашествий оставалась, постоянно напоминая кабардинцам о себе при выборе ими места новых поселений. Лишь в 70-х гг. XVIII в., после заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г., в Пятигорье наступило относительное спокойствие и у Бештау снова появляются кабардинские поселения. В начале XIX столетия район этот был уже густо заселен кабардинцами.

¹ Берозов Б. П. Указ. соч. С. 31.

² Там же. С. 52.

³ РГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 511, л. 5.

⁴ См.: История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 133.

⁵ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. Одесса, 1889. С. 9–10.

* Калга – высший после хана титул в Крыму или второе после хана лицо в Крымском ханстве.

А. С. Пушкин в поэме «Кавказский пленник», воспевая этот край, писал:

Во дни печальные разлуки
 Мои задумчивые звуки
 Напоминали мне Кавказ,
 Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
 Аулов и полей властитель пятиглавый,
 Был новый для меня Парнас...

Хотя постоянная внешняя угроза с запада, со стороны Турции и Крыма, заставляла кабардинцев тесниться на юг, жить скученно, строя свои поселения близко одно от другого, главным образом в центре Кабарды и нередко ближе к труднодоступным отрогам Главного Кавказского хребта, служившим естественной защитой от врагов, они хорошо знали свои земли, даже самые отдаленные, ревниво оберегали их от всяких притязаний со стороны врага.

Одной из специфических черт поселений средневековой Кабарды была их подвижность, что было связано с особенностями хозяйственного быта их жителей. Сложности внутреннего и внешнеполитического положения края: переложная система земледелия и отгонное, или яйлажное, скотоводство, феодальная междоусобица и частые опустошительные набеги турецко-крымских агрессоров. Не разобравшись со всем этим, некоторые историки, такие как Гаврилов, писали о примитивном «отсутствии в народе понятия о частной поземельной собственности», полукочевом образе жизни кабардинцев¹, хотя это на самом деле было, как правильно подметил историк казачества И. Попко, «подвижное оседлое обитание».

Как правильно отмечено осетинским этнографом В. С. Уарзиати, подвижность кабардинских поселений «не была аналогичной кочевничьей. Все они имели свои четко очерченные, закрепленные обычным правом и исторической традицией земли, в пределах которых и передвигались в силу обстоятельств хозяйственного быта или военной опасности. Эти же обстоятельства, главным образом внешняя опасность, вынуждали первых осетинских переселенцев на предгорной равнине использовать опыт своих соседей кабардинцев»². «Их поселения, – писал И.-А. Гюльденштедт, – ...полностью похожи на черкесские; они большие или маленькие; построены аналогично черкесским и также часто переносятся на новые места»³.

При большой плотности населения, концентрации поселений кабардинцев на сравнительно небольшой территории, их угодья – пашни, особенно сенокосы, пастбища и леса, – занимали обширные пространства, раскинувшиеся на многие десятки и сотни верст от мест их жительства. К середине 1764 г. земли кабардинцев простирались от р. Кумы и старинного средневекового г. Маджара, в Новогригорьевском уезде Ставропольской губернии (близ села Прасковья), вниз по течению р. Терек до урочища Мекеня, а также «на одной реке Тереку, ниже урочища Моздоку, приблизительно на 60 верст»⁴.

Только со второй половины XVIII в. началось формирование осетинских поселений на равнине Северного Кавказа. Наиболее ранними равнинными поселен-

¹ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. 2. М.: Аدير, 1992. Раздел: Горская летопись. С. 1–85.

² Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1990. С. 63.

³ Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967. С. 69.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 133.

цами являются моздокские осетины цайта, вышедшие из разных мест Северной Осетии. Они поселились в Моздоке сразу после его основания в 1763 г. кабардинским князем Кончокиным. Верхние кварталы этого города-крепости были заселены осетинами и беглыми холопами кабардинских князей. Переселенцы принимали здесь православную веру и принимали русское подданство. Кроме того, часть их размещалась на хуторах, недалеко от города, в Моздокских степях. В 1792 г. в некоторых хуторах осетины селились вместе с другими горскими переселенцами, в частности с кабардинцами. На хуторе Лепилина с кабардинцами поселились осетинские фамилии: Габуловы, Хатаговы, Сокаевы, Яковлевы (Савкуевы), Хадиковы и др. На хуторе Агабатыр, основанном в 60-х гг. XVIII столетия, жили армяне, осетины, кабардинцы и др. Здесь числилось 200 осетинских поселенцев. Во второй половине XVIII в. осетинские общества через своих старшин неоднократно обращались к царскому правительству и его администрации на Кавказе с просьбой предоставить им для поселения предгорные равнины. Однако, как отмечено выше, массовое переселение осетин в предгорья – на Владикавказскую (Осетинскую) равнину – началось лишь в первой половине XIX в., после ликвидации в этих местах кабардинских феодальных владений¹.

На западе кабардинские наездники, переходя р. Куму, считали, что они уже в безопасности, на своей территории. Так, в одной из уоркских песен есть такие слова:

В безлунные ночи лесами он бродит,
В дерзких набегах стада отбивает,
По бездорожью свой путь находит,
Овец и коней на Куму пригоняет.

Что касается территории, где жили балкарцы, то они в XVIII в., как и прежде, обитали на северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта. Сдавних пор они делились на пять обществ: Хуламское, Безенгиевское, Чегемское, Урусбиевское (по р. Баксан) и собственно Балкарское (по Черекскому ущелью). На севере по Скалистому хребту проходила граница с Большой Кабардой, на западе по северным склонам отрогов Эльбруса – с Карачаем, на востоке – с Осетией. На юге, по Главному Кавказскому хребту, балкарцы соседствовали со сванами. О земле басианов, т. е. балкарцев, писал в своем труде «География Грузии» известный историк и географ Грузии XVIII в. царевич Вахушти.

Балкарские поселения находились в труднодоступных ущельях рр. Черек Балкарский, Черек Хуламский, Чегем, а со второй половины XVIII в. и Баксана, представлявших собой один из самых высокогорных районов Кавказа.

«Ущелье р. Восточный Черек считается, по преданию, – пишет Л. И. Лавров, – первоначальным местом поселения балкарцев. Оно и его население издавна у балкарцев носит имя Малкърар, у кабардинцев – Балкърар, а у грузин – Басиани»². И.-А. Гюльденштедт делает различие между Малкърар и Чегемом, давая последнему грузинское название – Джики. И он дает название деревень по Чегему, среди которых и поныне известен Чегем (Нижний, Верхний и др.)³.

¹ Калоев Б. А. Осетины: (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1967. С. 59, 120, 121.

² Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1969. № 4. С. 77.

³ Гюльденштедт И.-А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из Путешествия г-на академика И.-А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73-м годах. СПб., 1809. С. 147.

Природно-климатические условия высокогорья, малоземелье накладывали свой отпечаток на характер балкарских поселений, которые называют термином «Эл». Они влияли на выбор места жительства, определяли специфические особенности поселений, строительства жилищ и хозяйственных построек. Балкарцы строили свои дома и подсобные хозяйственные помещения на непригодных для земледелия каменистых горных склонах, на естественных террасах, а имевшиеся небольшие участки на ровной местности использовали очень экономно, отдавая их только под пашню.

Этнограф Ю. Н. Асанов, специально занимавшийся изучением поселений, жилищ и хозяйственных построек балкарцев в прошлом, пишет: «Для поселения обычно выбиралась самая широкая часть ущелья, имеющая достаточно условий для занятия скотоводством и, отчасти, земледелием, т. е. в первую очередь должны были быть учтены хозяйственные нужды: наличие вблизи источников воды, пахотных земель, покосных и пастбищных участков. Как правило, в такой горной долине или же котловине, выбранной для поселения, имелось очень много боковых речушек, которые создавали удобные проходы на альпийские пастбища. В то же время они являлись основным источником питьевой воды, использовались также для орошения пахотных полей и, там, где это было возможно, покосных участков. Именно к этим боковым речушкам, а не головным магистральным рекам ущелий, которые в хозяйственном отношении были почти что недоступны, привязывались балкарские села»¹. Селения, располагавшиеся на крутых и пологих склонах, вблизи водных источников, в естественно защищенных местах, имели хорошо известный в условиях высокогорий Кавказа еще с глубокой древности «резко выраженный террасированный характер, т. е. жилища устраивались уступами так, что крыши нижележащего террасного ряда вместе с узкой улицей служили как бы дворами для вышележащего террасного ряда и т. д. по всему склону. Обычно в таких селениях более или менее были выражены улицы, которые тянулись серпантинном по склону, сообразно террасовому расположению домов»².

Одной из существенных особенностей старинных балкарских поселений, как отмечают в этнографических исследованиях, являлась большая скученность жилищ (строились они из горного рваного камня, без связующего раствора), высокий коэффициент плотности населения и количества дворов³. Характерным в развитии жилищ балкарцев в рассматриваемый период был переход от однокамерных жилищ без хозяйственных построек к многокамерным домам и усадьбам с хозяйственными помещениями, объединенными под общей кровлей, образуя так называемые «крытые двory». При этом наблюдается нарушение родового принципа расселения, переход от семейной общины к сельской.

Расположенные на северной стороне центральной части Главного Кавказского хребта Кабарда и Балкария имели важное военно-стратегическое значение. Их территория, ущелья и дороги в рассматриваемый период продолжали служить основными коммуникациями, связывавшими Россию с Закавказьем, хотя имелась связь Северного Кавказа с последним и морским путем через Черное и Каспийское моря, а также сухопутным – через узкие «железные ворота» по берегу Каспия. Чтобы выйти на Военно-Грузинскую (в Дарьяльском) и Военно-

¹ Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976. С. 9.

² Там же. С. 26.

³ Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии. I. Топография поселения // Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1960. Вып. 11. С. 95.

Осетинскую (в Алагирском ущелье) дороги, по которым, главным образом, осуществлялась связь России с Грузией, надо было сначала пройти территорию Кабарды, ибо земли до самого входа в Дарьяльское ущелье по Тереку принадлежали владельцам Большой Кабарды. Кроме того, существовал и другой путь, связывавший Северный Кавказ с Закавказьем. Это – по ущелью Баксана, через перевал Донгуз-Орун, через который еще в середине XVII в. русское посольство по территории Кабарды и Балкарии направлялось в Грузию. Дороги эти в то время были вьючными, пролегли через трудные и малопроходимые перевалы.

Царское самодержавие было заинтересовано в присоединении Балкарии к России, так как учитывало важное военно-стратегическое значение ее глубоких ущелий по долинам рек для связей с Грузинскими царствами. Через Чегемское и Баксанское ущелья царское командование на Северном Кавказе получало возможность контролировать сношения кабардинцев с закубанскими адыгскими народами¹.

Дороги, связывавшие Россию с другими северокавказскими горцами, также проходили через территорию Кабарды.

Прямых сведений о численности и плотности населения Кабарды и Балкарии в XVIII в. нет. Для их выяснения приходится делать расчеты, используя для этого имеющиеся данные о количестве поселений и дворов. Известно, что к 1753 г. в Кабарде насчитывалось 129 поселений (119 деревень и 10 княжеских замков). Что же касается количества дворов, то в первой половине XVIII в. в Большой Кабарде их было 8500². И если предположить, что в Малой Кабарде дворов имелось вдвое меньше, чем в Большой, то их общее число по всей Кабарде составляло около 13 тыс. И далее надо иметь в виду, что, как это принято в отечественной этнографической науке, у кабардинцев в XVIII в. преобладающей была такая форма семьи, которую называют семейной общиной, или большой семьей, состоящей из нескольких «малых семей» – супружеских пар разных поколений: деда и бабушки, отца и матери, взрослых сыновей с их женами и детьми. Говоря о семье, представляющей собой первичную социальную ячейку общества, и в частности о большой семье, Ф. Энгельс указывал, что она охватывала «несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов»³. И если иметь в виду такую форму семьи, то, по сведениям кавказоведов-этнографов, средний численный состав ее достигал 50–60 душ и более⁴.

Один из крупнейших исследователей семейной общины, или патриархальной большой семьи, у кавказских народов М. Ковалевский во время своих поездок по Кавказу был свидетелем бытования у горцев, в частности у осетин, больших семей, численность которых составляла от 20 до 100 человек⁵. А по сведениям Т. Лапинского, в середине XIX в. семейная община у черноморских адыгов состояла из нескольких поколений, и количество членов в такой семье иногда достигало ста человек. По его словам, «в каждом дворе живут кроме отца и матери

¹ См.: Азаматов К. Г. К вопросу о русско-балкарских отношениях и XVII–XVIII вв. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX века). Грозный, 1982. С. 274.

² Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1965. Т. 23. С. 81.

³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948. С. 68.

⁴ Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. С. 60; Карачаевцы. Черкесск, 1978. С. 228; Калмыков И. Х. Черкесы. Черкесск, 1974. С. 209–210.

⁵ Ковалевский М. Современный обычай и древний закон М., 1886. Т. 1. С. 69.

женатые сыновья, а также неженатые сыновья и незамужние дочери... Такие семьи, особенно где живут несколько братьев с детьми, часто очень многочисленны, иногда до 100 человек живут в одном дворе»¹. Но семьи с таким численным составом были редкостью. Даже в Карачае, где слишком большой семье негде было поставить большой дом на маленьком участке, трудно было прокормиться с небольшого сабана, и то, как свидетельствуют литературные источники и информаторы, в больших семьях отцовского типа, состоявших в основном из трех-четырех поколений ближайших родственников, обычно считывалось 25–30 человек².

Что касается конкретно Кабарды просматриваемого периода, то о форме семьи здесь и численном ее составе красноречиво свидетельствуют исторические документы XVIII в. Так, в кратком историко-этнографическом описании кабардинского народа, составленном кавказским генералом-губернатором П. С. Потемкиным и относящемся к 1784 г., сказано: «Пища их одинакова повсюду, и если у них нет, как у спартанцев, публичных столов, то в сходство оным каждое семейство от прадеда до позднего поколения живет нераздельно и пищу употребляют из одного котла, и по сему самому здесь народ не говорит «сколько семей или дворов», но «сколько котлов»³. Это конец XVIII в. Такое положение тем более верно по отношению к ее первой половине. В архивах сохранилось письмо кабардинского князя Касая Атажукина, в котором он жалуется астраханскому губернатору (1747), что «Мисостовой фамилии чагаров... разделили по себе на каждого женатого владельца по три двора (в которых бывают мужеска и женска полу душ по 30–40 и 50)...»⁴. Об этом свидетельствует и другой документ, относящийся к концу XVIII в. В 1784 г. князь Малой Кабарды Федор Ахлов (сотник Моздокской казачьей команды) просил у командования Кавказской линии разрешения переселить к крепости Екатериноград 25 дворов своих подвластных. При этом Ахлов указал, что «считается в каждом дворе мужеска и женска полу душ не ровно, а есть в оном сорок, тридцать, двадцать и менее (душ)»⁵. Не только они, но и другие авторы, за очень малым исключением, единодушны в том, что в XVIII в. у адыгов преобладающей формой семьи была семейная община, то есть большая патриархальная семья. Е. Н. Студенецкая считала, что большая семья у кабардинцев была широко распространенной, доминирующей формой среди мелких дворян-уорков, вольноотпущенников-азатов и крепостных крестьян на протяжении феодального периода и уступила главенствующее место малой семье лишь к концу XIX в. Точно так же мнения исследователей не расходятся относительно того, что распространенной формой семьи у балкарцев во второй половине XIX в. оставалась семейная община, что лишь в конце века или, по крайней мере, после отмены крепостного права малая семья становится основной социальной ячейкой балкарского общества.

На факт распространения еще в 80-х гг. XIX в. большой патриархальной семьи у кавказских горцев указывали не только В. С. Миллер, И. Ивановов и М. Ковалевский, но и другие авторы. Посетивший в это время Урусбиевское общество Балкарии С. Ф. Давидович отмечал, что горцы не любят семейных разделов, и у них не редкость семьи в семьдесят человек, состоящие из нескольких поколений, но живу-

¹ Цит. по кн.: *Калмыков И. Х.* Черкесы. Черкесск, 1974. С. 209.

² Карачаевцы. С. 228

³ КРО. Т. 1. С. 361.

⁴ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1747 г., д. 6, л. 41.

⁵ *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов М.: Наука, 1967. С. 166.

щие и трудящиеся вместе¹. О том, что горцы избегали семейных разделов и число душ в семействе доводило нередко до 20–30, а иногда и до 40 человек, писал и балкарский историк М. К. Абаев². Кто-кто, но он это знал хорошо.

Таким образом, если считать, что в каждом дворе в среднем было 20 человек, то можно определить общую численность населения Кабарды в 260 тыс. человек. Близость данного подсчета населения Кабарды в первой половине XVIII в. к реальности можно подтвердить и другими сведениями того времени, из которых наиболее существенное значение имеют данные о численности войска, которое кабардинцы могли в случае необходимости выставить в XVIII в. при поголовном наборе. Сопоставляя и анализируя данные источников, В. К. Гарданов приходит к выводу, что «максимальный размер кабардинского войска можно определить для первой половины XVIII в. в 30 тыс. человек»³. Такую же цифру называли кабардинские послы в 1707 г. во время своих переговоров с азовским губернатором Ф. М. Апраксиным, заявив, что «в нужный случай... их соберется тысяч 30 или больше»⁴. Такие же данные и на тот же год дает и Н. А. Смирнов⁵. Таким образом, возможности Кабарды (Большой и Малой вместе) выставить в данный период войско достигали «тысяч 30 или больше» (10 % населения). Даже 30 тыс. воинов нельзя считать пределом возможностей кабардинцев выставить войско в то время. В 1822 г. Э. В. Бриммер отмечал, что «сильное племя кабардинцев могло в прежние времена выставить в поле, под начальством своего вали, до 25 тысяч конных, хорошо вооруженных воинов»⁶. Как известно, основу кабардинского войска составляло дворянское ополчение и в состав конницы входили лишь представители феодального класса – князья и уорки. Пешее войско составляли главным образом холопы. Следовательно, при поголовном наборе воинов это количество должно было удвоиться за счет пешего войска и достигнуть 50 тыс. К концу XVIII в. население Кабарды должно было, естественно, увеличиться.

Учитывая суровые черты эпохи и специфические условия жизни кабардинцев, мешавшие нормальному росту населения (феодалные междоусобные войны, частые нашествия крымских ханов и т. д.), позволительно предположить увеличение общей численности населения Кабарды к концу XVIII в. примерно до 350 тыс. человек. Эти цифры можно подтвердить и данными пристава Кабарды генерала Дельпоццо, который в 1809 г. писал, что количество кабардинцев к этому времени по сравнению с периодом конца XVIII в. «сократилось более чем в 10 раз», т. е. с 350 до 35 тыс. человек⁷. Как известно, такому жестокому опустошению, резкому катастрофическому сокращению численности кабардинцев способствовали и чумные эпидемии, «выкосившие» целые аулы, унесшие в могилу тысячи и тысячи людей, и военно-карательные экспедиции царских войск. О жуткой картине, сложившейся в Кабарде в результате массовой эпидемии чумы – Черной Смерти, – этого страшного бича человечества того времени, говорится и в рапорте штабс-капитана князя Шаховского барону Розену от 24 декабря 1834 г., где сказа-

¹ Давидович С. Ф. Восхождение на Эльбрус // Исторический вестник. 1887. Т. 28. № 5. С. 356.

² Абаев М. К. Балкария: (Исторический очерк) // Мусульманин. Париж, 1911. № 14–17. С. 614.

³ Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII веке // Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 83.

⁴ Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 42.

⁵ Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948. С. 37.

⁶ См.: Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера // Кавказский сборник. Тифлис, 1884. Т. 15. С. 81.

⁷ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18491, л. 7, 16 об.

но: «...кабардинцы были одним из сильнейших народов Кавказа... но в начале XIX в. появилась чума и, свирепствуя 14 лет кряду, истребила более пяти шестых онога»¹. А вот что писал о чуме, страшно опустошившей некогда многочисленную и сильную Кабарду, генерал А. П. Ермолов – командующий Кавказским корпусом и главнокомандующий в Грузии во время Кавказской войны: «Против центра линии лежит Кабарда, некогда многолюдная, коей жители, почитаемые храбрейшими между горцами, нередко по многолюдству своему отчаянно противостояли русским в кровопролитных сражениях. ...Против левого крыла линии лежит Малая Кабарда, хотя остатки жителей от моровой язвы ограничиваются ныне числом не с большим трехсот семейств, и нет следов прежних больших селений». И далее Ермолов, крайне немилосердно демонстрируя, что великодушие по отношению к горцам ему совершенно несвойственно и неизвестно, с откровенной циничной прямоотой заключает: «Моровая язва была союзницею нашею против кабардинцев; ибо, уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и производя опустошение в Большой, до того их ослабила, что они не могли уже, как прежде, собираться в больших силах, но делали набеги малыми партиями; иначе и войска наши, на большом пространстве частями слабыми рассеянные, могли бы подвергаться опасности»². Свою резко отрицательную роль сыграли и очень частые опустошительные турецко-крымские набеги. Сводя причины обострения русско-кабардинских отношений к принятию ислама, подстрекательской роли Оттоманской Порты, А. П. Ермолов писал, что она, т. е. Порты, «с намерением» подсылала своих агентов, но «жителей спокойных, сделавших к нам привычку, долго не могла поколебать в их приятном к нам отношении». Но затем «люди, прежде нам желавшие добра, охладели, неблагонамеренные сделались совершенными злодеями»³. Кабардинцев, считал Ермолов, сделавшимися «совершенными злодеями» потому, оказывается, что они, т. е. кабардинцы, «веру и учреждения свои решились все защищать единодушно»⁴.

Таким образом, данные о количестве населения Кабарды в XVIII в., приводимые в некоторых исследованиях, на наш взгляд, сильно приуменьшены. Одна из основных причин этого, видимо, состоит в ошибочном отождествлении авторами двух неидентичных понятий – «двор» и «семья» – как следствия игнорирования социально-экономической природы двора феодальной эпохи при определении численного состава кабардинского населения.

Кабарда в XVIII в., хотя и неравномерно, но относительно плотно была населена. Вопреки тенденциозным утверждениям царских чиновников, стремившихся под предлогом изъятия «излишеств» забрать у кабардинцев их земли и включить в колонизационный фонд царизма на Северном Кавказе, свободных, не находившихся в хозяйственной эксплуатации угодий в Кабарде не было. Русский офицер Гастотти, посланный правительством в Кабарду для выявления свободных земель в 1769 г., доносил командованию на Кавказе, что «все лежащие около Кабарды способные к поселению места... заняты селениями Большой и Малой Кабарды, почему к поселению других народов удобных мест не отыскалось»⁵.

Что же касается сведений о численности балкарцев в рассматриваемый период, то, по свидетельству Ксаверио Главани, к 1723 г. в Балкарском ущелье имелось

¹ АКАК. Т. 4. С. 469.

² Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. А.: Высшая школа, 1991. С. 283, 285.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же.

⁵ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 134.

«500 жилищ»¹. А по данным И.-А. Гюльденштедта, который посетил Кабарду и Балкарию в 70-х гг. XVIII в. (1773), в четырех балкарских обществах насчитывалось 1560 дворов (семейств), в том числе в Балкарском – 1000, в Безенгиевском и Хуламском – по 100, в Чегемском – 360². Но есть и другие сведения, которые дают основания думать, что количество семейств в некоторых балкарских обществах несколько приуменьшено у Гюльденштедта. Так, К. Главани, упомянув о чегемцах (1724), писал, что они насчитывают 500 дворов³. «Волость Чегем» и «Чегемцы» упоминаются в документе 1768 г., где сказано, что Чегем состоит из 700 семейств⁴. При этом надо иметь в виду, что у Гюльденштедта речь идет о четырех балкарских обществах (Балкарском, Безенгиевском, Хуламском и Чегемском), тогда как документ 1743 г. говорит о балкарском народе весьма конкретно и определено, что он «состоит в разных пяти волостях и по оным и звание свое имеет. А общего всему народу звания нет»⁵. Во всех этих документах отсутствует упоминание о балкарском населении Баксанского ущелья, известном до революции под названием «урусбиевцы», о которых становится известно только в начале 80-х гг. XVIII в. По этому поводу Л. И. Лавров пишет: «Среди балкарских «волостей», перечисленных и частично описанных в документе 1743 г., нет известий об урусбиевцах, но зато говорится о какой-то «волости Хусыр», которая упоминается между «волостями» Хулам и Малкар. Дальнейшие исследования покажут: не скрывается ли под Хусыром область, которую тогда занимали урусбиевцы? Во всяком случае, их еще не было в Баксанском ущелье, которое в 1743 г. оказалось временно занято сванами»⁶. Если же иметь в виду, что каждая большая балкарская семья состояла из 10–12 человек, то население Балкарии (с учетом Баксанского ущелья) составляло в XVIII в. от 15 до 18 тыс. человек⁷. Эти подсчеты ориентировочны, ибо имеющиеся официальные данные по этому вопросу за 20–40-е гг. XIX в. значительно расходятся с ними, хотя особые причины для такого резкого сокращения населения к этому времени нам неизвестны. Так, согласно кратким выпискам «Из извлечения о положении дел Кавказской области в военном и гражданском отношении до управления генерала от кавалерии Емануеля и о состоянии оных с того времени» в пяти горских обществах Балкарии (Балкарском, Урусбиевском, Чегемском, Хуламском, Безенгиевском) на начало 1827 г. значилось всего 658 семейств, в которых насчитывалось 4148 душ обоего пола⁸. Близки к этому и данные Ш. Ногмова, согласно которым в 1841 г. в Балкарском, Чегемском, Хуламском и Безенгиевском обществах насчитывалось 4450 душ обоего пола⁹. Однако с этими двумя документальными источниками не согласуются сведения о количестве населения Балкарии, которые дает барон Вревский, обследовавший Кабарду в 1837 г. По нему в пяти горских обществах Балкарии числилось 5010 душ одного только мужского пола. Из них: балкарцев – 2120, безенгиевцев – 256; хуламцев – 280, чегемцев – 2024, урусбиевцев – 330¹⁰.

¹ Главани К. Описание Черкесии // СМОМПК. Вып. 17. С. 155.

² Гюльденштедт И.-А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 146.

³ Главани К. Указ. соч. С. 155.

⁴ КРО. Т. 2. С. 281.

⁵ Кокиев Г. А. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1934. Т. 6. С. 31.

⁶ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. С. 82.

⁷ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 134.

⁸ Архив РАН (Ленинградское отделение), ф. 32, оп. 1, д. 66, л. 6.

⁹ ЦГА КБР, ф.-и. 16, д. 90, оп. 1, л. 194.

¹⁰ Госархив Грузии, ф. 1083, оп. 6, д. 1136, л. 3.

Сведения о численности населения Балкарии содержатся и в работе Иоганна Бларамберга, написанной в 1834 г. Сведения эти приводятся отдельно по уществам. Он пишет, что численность населения балкарцев доходит до 4 тыс. душ, а число воинов – около 500 человек, и перечисляет их главные поселения. Далее сообщает сведения о чегемцах, население которых достигает 2 тыс. душ, из которых может быть выставлено 300 воинов, и приводит названия их поселений. И наконец, под названием «Баксанцы» дает численность населения, называемого русскими «уруслеевцами», – не достигает и 800 душ¹. Таким образом, по сведениям Бларамберга, численность балкарцев составляла около 7 тыс. человек.

Здесь же следует оговориться, что по истории Балкарии XVIII в., к сожалению, очень мало документов, поэтому приходилось пользоваться ретроспективно материалами XIX в.

§ 2. Хозяйственное развитие Кабарды и Балкарии

В XVIII в. основными занятиями кабардинцев и балкарцев по-прежнему оставались оседлое скотоводство и пашенное земледелие, оснащенные довольно совершенными для того времени орудиями труда, составлявшие основу их хозяйственно-экономической жизни, издревле сложившуюся в соответствии с физико-географическими и климатическими условиями. К этому времени эти отрасли уже имели богатые многовековые производственные традиции, устойчивые трудовые навыки по обработке земли и выращиванию скота. Адыгскими народными селекционерами были выведены новые сорта сельскохозяйственных культур, новые породы скота, хорошо приспособленные к местным природным условиям². При этом скотоводство, при сравнительно высоком уровне экономического развития Кабарды и Балкарии в целом, в силу разных причин продолжало занимать ведущее место в общей системе хозяйства кабардинцев и балкарцев, достигнув своего расцвета. Э. Кемпфер сообщал, что у черкесов главным богатством является скот и особенно прекрасные лошади, которые «ценятся наравне с испанскими...»³. По сведениям же Гюльденштедта, «скотоводство, наипаче разведение овец», составляло «главнейшее... упражнение» балкарцев⁴. В карачаево-балкарском языке общим наименованием всех видов домашних животных выступает термин «мал» (скот), уходящий своими корнями в историческую древность. В связи с отождествлением у тюркских народов богатства и имущества с наличием скота это слово приобрело новые значения: «имущество», «богатство»⁵. Это вовсе не говорило о неразвитости общественных отношений, примитивности хозяйства горцев и, в частности, об отсталости земледелия Кабарды, как это в свое время утверждали царские чиновники, а вслед за ними и представители дворянско-буржуазной историографии, а также и некоторые современные авторы. К числу тех авторов, которые принижали уровень земледельческой культуры адыгов, в том числе и кабардинцев, относились Н. Дубровин, Ф. А. Щербина, даже Хан-Гирей. Дубровин, например, неверно характеризуя раз-

¹ Бларамберг И. Указ. соч. С. 202.

² Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов М., 1967. С. 74–75.

³ АБКИЕА. С. 116.

⁴ Там же. С. 206.

⁵ Улаков М. З. Термины животноводства в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. ф. н. Баку, 1983. С. 5.

вите земледелия у адыгов, совершенно необоснованно утверждал, что оно у них «вообще находилось в первобытном состоянии»¹. На основе тщательного изучения и анализа широкого круга источников по земледелию адыгов В. К. Гарданов в своей фундаментальной монографии «Общественный строй адыгских народов» опроверг эти несостоятельные утверждения и убедительно доказал, что оно у них в XVIII – первой половине XIX в. не только не являлось примитивным, но и даже «достигло довольно высокого уровня развития»². Широкое распространение и развитие в Кабарде и Балкарии животноводства, его преобладание в хозяйстве кабардинцев и балкарцев в рассматриваемый период было связано не только с уровнем их общественной жизни, но и с природно-климатическими условиями и конкретно-исторической обстановкой, обусловившими наличие или отсутствие стимулов для преимущественного развития той или иной отрасли.

В Балкарии животноводство всегда являлось ведущей отраслью сельскохозяйственного производства. Это было вызвано, прежде всего, природными горными условиями, более благоприятствующими скотоводству: сравнительно мягкий климат, горные реки, прекрасные альпийские и субальпийские луга с сочным и высоким травостоем на склонах, умело использовавшиеся для выпаса скота и сенокосения. Здесь земли, пригодной для занятия земледелием, было мало, населению не хватало своего хлеба, и оно вынуждено было покупать или выменивать его у соседних народов, в частности у кабардинцев, на продукты скотоводства, все больше расширяя для этого масштабы занятия им.

О том, что преимущественное развитие животноводства с древнейших времен являлось одной из отличительных особенностей Балкарии в плане социально-экономических условий, свидетельствует и топонимика высокогорья края. «Большую группу в карачаево-балкарском языке составляют топонимы, – пишет Б. Х. Мусукаев, – в основу которых положены прямые хозяйственные признаки объектов, хозяйственная деятельность людей. Хозяйственная деятельность населения любой территории многогранна. Здесь занятие и животноводством, и охотой, земледелием, торговлей, кузнечным делом, лесным и горнорудным промыслами и т. д. Но наибольшим разнообразием отличается подгруппа топонимов, так или иначе связанных с основным занятием горцев – животноводством»³. Преимущественно скотоводческий характер хозяйственного уклада балкарцев нашел свое отражение в духовной культуре, фольклоре. Покровителем крупного рогатого скота считался Долай, а мелкого – Аймуш⁴.

Что же касается причин преобладания скотоводства в хозяйстве кабардинцев, проживавших в предгорно-плоскостной зоне, являвшейся основным земледельческим районом, то здесь это объяснялось тем, что, хотя земледелие было древнейшим традиционным занятием – объективно существовали благоприятные условия для его развития – и занимало в XII–XIII вв. ведущее место в их хозяйстве, оно в силу целого ряда причин внутреннего социально-экономического и внешнеполитического характера уступило доминирующее положение скотоводству. Происходившее в этот период дальнейшее углубление процесса феодализации Кабарды, сопровождавшееся захватом обширных крестьянских земель владельцами с целью расширения масштабов занятия скотоводством, особенно табунным коневодством, приводило к сокращению и упадку земледелия, до-

¹ Дубровин // Ф. Черкесы (Адыге). Краснодар, 1927. С. 27.

² Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. С. 77–79.

³ Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик, 1981. С. 94–95.

⁴ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 221.

стигшего до этого высокого уровня развития. Такое положение в полеводстве затянулось надолго, захватив и рассматриваемый период. К тому же оно в XVIII в. все еще не получило достаточно серьезных стимулов для своего развития до размеров, могущих изменить существующее соотношение между двумя основными отраслями хозяйства. Внутренняя потребность в продуктах земледелия исчерпывалась в основном одними продовольственными нуждами населения Кабарды и Балкарии, так как для корма скота, технических и других целей зерно тогда здесь почти не использовалось. Кроме того, накладывало свой отпечаток на хозяйственную жизнь горцев постоянно тревожное, крайне неустойчивое внутреннее и особенно внешнеполитическое положение Кабарды и Балкарии в рассматриваемый период. В условиях непрерывных феодальных междоусобиц и очень частых грабительских нашествий крымских войск сравнительно легче было сохранить скот, скрыв его в труднодоступных горах, чем свои закрома с зерном, которые, как правило, приходилось бросать на разграбление врагу.

Что касается вывоза и продажи хлеба за пределами Кабарды, то спрос на него в то время был сравнительно незначителен. Поблизости от Кабарды в XVIII в. не было крупных городов или важных хлебных рынков, которые служили бы местом сбыта зерна, а везти его на большие расстояния при тогдашнем состоянии дорог и транспортных средств было крайне невыгодно.

Иначе обстояло дело с развитием скотоводства.

Обширные сенокосные угодья, тучные пастбища с сочной и мягкой травой, раскинувшиеся на огромных просторах, сравнительно мягкий климат, возможность содержать скот почти круглый год на подножном корме и, наконец, «меньшие затраты на единицу площади по сравнению с земледелием»¹ – все это создавало исключительно благоприятные условия для развития скотоводства в крае. «Все пространство Закубанской равнины и Кабарды, не покрытое лесом, есть обширное плодородное место, весьма пригодное для пастбища скота, пашни и сенокосов, – писал Н. Ф. Дубровин. – Трава здесь отличается своим ростом и необыкновенною питательностью. «Один год – теленок, а другой год – корова», – говорит черкесская поговорка, лучше всего выражающая питательность местной травы»². Скотоводство было для кабардинцев и балкарцев основным источником получения средств существования, основой их благосостояния. Благоприятные природные условия, традиционные навыки по выращиванию скота, особая любовь к коню и верховой езде, впитанная каждым кабардинцем с молоком матери на протяжении веков, упорный и целеустремленный труд горцев позволили им вывести непревзойденную породу овец и одну из самых первоклассных в мире породу кабардинских скакунов. Скот являлся мерилем богатства как целых обществ, так и отдельных семейств, средством платежа и важнейшим товаром. Он и кормил, и одевал кабардинцев и балкарцев. Обеспечивал их не только основными продуктами питания – мясом, молоком и производимыми из них продуктами, но и тягловой силой, давал шкуры, кожи, шерсть, служившие сырьем для большей части обрабатываемой промышленности, для изготовления почти всей необходимой одежды, обуви, постельных принадлежностей, предметов снаряжения, сбруи и т. д. В то же время скот и продукты животноводческого хозяйства кабардинцев и балкарцев имели товарное значение, находили широкий сбыт как на внутреннем, так и на

¹ Кочекаев Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Алма-Ата; Черкесск, 1973. С. 64.

² Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 48.

внешнем рынках и цены на них были гораздо более высокие, чем на продукты земледельческого хозяйства.

Скот был выгодным товаром еще и потому, что если для доставки на рынок продуктов земледелия нужно было затрачивать много тягловой силы и значительные денежные средства, то скот мог передвигаться своим ходом, не требуя дополнительных расходов. При этом скот в то время выступал в качестве мерила стоимости и основной платежной единицей при торговых сделках.

Все это, вместе взятое, делало более целесообразным, экономически выгодным занятие скотоводством, чем земледелием, определяло масштабы производства, удельный вес той или иной отрасли хозяйства. Об этом свидетельствуют данные об экспорте продуктов скотоводческого хозяйства кабардинцев и других адыгских народов и, в частности, сведения дипломата и политического деятеля, консула французского короля при крымском хане Карла Пейсонеля, автора середины XVIII в., тщательно изучившего причерноморскую торговлю «Черкесии», т. е. всех адыгов, населявших территорию от берегов Черного моря до Кабарды, о чем будет сказано ниже. Данные Пейсонеля, касаясь только причерноморской торговли Черкесии, естественно, не исчерпывали всего объема кабардинского и балкарского экспорта продуктов скотоводства, которые вывозились также в большом количестве в русские северо-кавказские города, в Закавказье, на Дон, в Астрахань и во внутренние области России. На внешнем рынке особенно высоко ценились кабардинские лошади, а также вывозившаяся из Кабарды в большом количестве шерсть, которая по своим качествам не уступала лучшим известным сортам европейской шерсти. Иностранцы путешественники обычно сравнивали ее с шерстью испанской овцы. Разнообразная и щедрая природа края, его благодатный климат и плодородные почвы служили прекрасным условием для развития скотоводства и земледелия как прочной основы хозяйства кабардинцев и балкарцев. Но природные условия, какими бы они ни были благоприятными, не могли сами по себе обеспечить высокие качества, которыми отличались кабардинские кони и овцы. Для выведения одной из самых лучших в мире пород лошадей адыгов (адыгская лошадь) и замечательной породы овец – «адыгэмэл» (адыгская овца) нужен был упорный целенаправленный труд многих поколений, многовековой опыт народа по уходу за скотом, умение и талант, преемственность древних традиций превосходных потомственных скотоводов. Среди кабардинцев и балкарцев было немало знатоков, известных народных самородков-ветеринаров, которые весьма успешно лечили многие болезни животных, используя для этого отвары различных трав и другие средства.

Таким образом, хозяйственное развитие Кабарды и Балкарии стимулировалось экономическими потребностями эпохи. Оно отвечало не только внутренним нуждам, но и конъюнктуре на внешнем рынке, сохраняя еще на данном этапе и даже несколько позже преимущественное развитие скотоводства. «Почва земли хорошая, – писал Платон Зубов, говоря о Большой и Малой Кабарде, – хотя частично глиниста, изобилует пастбищными местами и способна для земледелия; но кабардинцы гораздо более занимаются скотоводством и имеют отличные и многочисленные табуны лошадей, коров и овец»¹.

Как и у других горских народов Северного Кавказа, у кабардинцев и балкарцев существовала давно сложившаяся отгонная, или яйлажная, система содержания и ухода за скотом, прекрасно приспособленная к локальным местным

¹ Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель. СПб., 1835. Ч. 2. С. 148.

условиям и вместе с тем требовавшая много труда и забот, не рассчитанная на пользование готовыми дарами природы, как это наивно представляли себе некоторые, плохо знавшие горскую жизнь, сторонние наблюдатели.

Говоря о давних традициях отгонного скотоводства на Северном Кавказе, Е. И. Крупнов писал, что «многочисленные находки предметов степных культур (особенно скифского типа) в высокогорных пунктах Северной Кавказа (вплоть до Дигории) подсказывают мысль о расширении хозяйственных связей между обитателями гор и равнин и о широком развитии яйлажной, или кошевой, системы овцеводства на Северном Кавказе в период бытования позднекобанской культуры, точнее, в конце первой половины I тысячелетия н. э.»¹.

Отгонное животноводство с сезонными перекочевками скота с равнины в горы и обратно – многовековой вид хозяйственной деятельности кабардинцев и балкарцев – предполагало развитый уровень оседло-земледельческой культуры (зимние оседлые жилища, заготовки кормов и т. д.). Отгонная, или яйлажная, форма скотоводства, которая оставалась здесь господствующей и в XVIII в., давала возможность рационально использовать кормовые ресурсы всех трех природных зон края – степной, предгорной и горной. Годовой цикл скотоводческого хозяйства начинался ранней весной, т. е. в конце февраля – начале марта, когда скот выгонялся из зимних стоянок – хуторов и кошей – на пастбища в степь, где обычно уже в это время стаивал снег и появлялась первая весенняя трава. Степные просторы Предкавказья представляли собой в то время прекрасные пастбища почти во все времена года, где скот в течение 9–10 месяцев в году находил себе сытный подножный корм. Степи по Куме и за Терекком, на которых в XVIII в. пасли свои стада кабардинцы, отличались еще и тем, что имели соленые озера, а также на многие километры были покрыты налетами поваренной и глауберовой соли, что было очень важно для обеспечения потребности скота в соли². Кстати, кабардинцы обеспечивали солью не только свой скот, но и еще в рассматриваемый период выступали ее поставщиками для соседних горских народов: балкарцев, осетин и ингушей. По сведениям Г.-Ю. Клапрота, они «ходили... целыми караванами астраханскими путями между Кизляром и Астраханью к находившимся там озерам за солью, которую брали там просто так». Для доставки соли они использовали большие арбы, в которые впрягали от 6 до 8 быков. После проведения Кавказской военной линии по левому берегу Терека дорога в Астрахань для кабардинцев была закрыта. Тогда они стали покупать соль у русских, продолжая поставлять ее своим соседям-горцам³.

С приближением летней жары и выгоранием трав на весенних пастбищах кабардинцы и балкарцы постепенно начинали перегонять почти весь свой скот поближе к горам. Дома оставляли лишь небольшое число дойных коров и необходимых для работы волов, количество которых в силу большого удельного веса полеводства в хозяйстве кабардинцев было значительным. Рабочий скот почти круглый год пасли на приаульных выпасах. Перегон скота на горные пастбища был сложным и весьма ответственным периодом в хозяйственной жизни горцев и требовал тщательной подготовки как к важному событию. Он был сопряжен с большими трудностями, связанными с отсутствием мостов и хороших дорог, что особенно остро ощущалось весной, при разливах рек, когда в бурных горных потоках погибало немало телят, овец и ягнят. Перегон, начатый в конце весны

¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 308–309.

² Ученые записки КЕНИИ, Т. 23. С. 89.

³ Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа М.: Наука, 1993. С. 125.

(май), заканчивался к началу лета (июнь), и весь скот оказывался в предгорных и горных районах, где он пасся все лето. «Здесь, – писал В. П. Пожидаев, – в старые годы на прохладных и тучных предгорьях величавой горы (Канжал. – Р. Г.) собиралось иногда 800–900 тысяч голов мелкого скота и сотни тысяч крупного рогатого скота и лошадей. Тут было все богатство и все благосостояние свободной скотоводческой Кабарды»¹. Интересно заметить, что с животноводческим бытом, и в частности с перегоном скота, было связано наименование трех самых ярких звезд созвездия Волосы Вероники – «Вапъуэ баш» («вагъуэ» – звезда, «баш» – палка, «Іэхъуэ» – пастух). Считалось, что это созвездие появляется на небе с мая и находится там до исхода августа. Этот период, по мнению адыгов, являлся самым благоприятным для скота, отправляемого, как правило, на высокогорные альпийские пастбища.

Свежий высокогорный воздух и прекрасные тучные альпийские луга с сочными душистыми травами благотворно влияли на состояние скота, способствовали повышению его продуктивности и улучшению качества приплода.

Адыги, в том числе и кабардинцы, практиковали различные формы организации труда при выпасе скота. Несколько крестьян, владевших небольшим количеством скота, объединялись в группы («хъудзмэл», «башзэхэт») и выбирали из своей среды старшего – «лэгъупэжъ» (распорядитель котла). Им обычно был самый старший, обладавший организаторскими способностями и опытом в хозяйственных делах, умело направлявший и руководивший всей работой на коше. Он был важной фигурой, полновластным главой кошевого объединения. Все остальные члены товарищества должны были выполнять его распоряжения. Иногда мелкие хозяева присоединяли свой скот к стаду крупных скотовладельцев. Главой такого объединения являлись последние. За совместный отгон мелкие хозяева должны были пасти скот крупных владельцев².

В Балкарии, так же как и в Кабарде, маломощные хозяйства перед отправкой скота на летние пастбища составляли кошевые объединения – «кьошнегерлик»³.

На летних пастбищах отдельно пасли овец, лошадей и коров. При стравливании пастбищного участка пастухи переходили на новый⁴.

Кабардинские пастухи меняли пастбищные места через каждые 15–20 дней во избежание излишнего загрязнения почвы и в поисках лучшего корма для овец⁵.

Кабардинцы и балкарцы, будучи прирожденными скотоводами, не могли не уважать и не ценить звание и знания пастуха, роль которого особенно возросла с развитием отгонной системы содержания скота, когда последний продолжительное время года находился вдали от поселений. В этих условиях пастухом мог быть только физически сильный человек, отличавшийся большой смекалкой, храбростью и мужеством. Для того «чтобы стать хорошим пастухом, – пишет Б. А. Калоев, – горцу приходилось пройти в хозяйстве целую школу трудового воспитания. Нередко эта профессия становилась потомственной. Опытные пастухи были известны далеко в округе, их с большой охотой нанимали крупные овцеводы, платившие им намного выше обычного»⁶. Кабардинцы и балкарцы

¹ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды: Историко-этнографический очерк. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 23.

² Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980. С. 66–67.

³ Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961. С. 51.

⁴ Культура и быт адыгов. С. 67.

⁵ Студенецкая Е. Н. Кабардинцы и черкесы // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 144.

⁶ Калоев Б. А. Указ. соч. С. 152.

считали пастухов хранителями духовно-нравственного богатства народа, всякого рода народных традиций и всего известного на весь Северный Кавказ «адыгэ хабзэ» – системы взглядов и убеждений, ценностей воспитания, выработанных веками и кристаллизовавшихся в нормы поведения, определяя и направляя каждый поступок, каждый шаг кабардинца. «Адыгэ хабзэ» (адыгский этикет), проникнутая духом рыцарской чести и жесткой дисциплины, не только строго соблюдалась кабардинцами, но она перенималась и соседними горскими народами, была «предметом изучения и подражания далеко за пределами маленькой Кабарды»¹. По этому поводу В. П. Пожидаев пишет: «Подражание началось с внешности, и черкеска – национальный костюм адыге – делается общим достоянием всех горцев Северного Кавказа. Удивлялись их умению выращивать и выезжать бесподобных коней и ездить верхом, и силились быть похожими и в этом на кабардинца. Но и самый характер кабардинцев, конечно, высшего содержания, их рыцарски вежливое обращение друг с другом и с посторонними, их умение принять и проводить гостей, весь их уклад жизни и весь их «адыгэ хабзэ» (адаты, обычаи на все случаи жизни) – все это удивительно действовало на впечатлительных горцев, и они сами добровольно отдавали своих сыновей на воспитание в семьи кабардинских узденей, откуда те возвращались настоящими кабардинцами, так что держать себя и говорить по-кабардински считалось для всякого горца, вплоть до покорения Кавказа, верхом воспитанности и лоска; и сказать горцу, что он держит себя или ездит, как кабардинец, считалось верхом похвалы»². Намного раньше об этом писали и многие другие авторы, и в частности Н. Ф. Дубровин: «Нравы, обычаи и особенности быта черкесов служили образцом, достойным подражания для многих соседних им племен...»³.

Первым и верным помощником пастуха в системе яйлажного скотоводства выступала собака, роль которой возрастала с расширением масштабов горского овцеводства. У кабардинцев издревле водится ее особая порода, известная под названием «мэлыхъуэхъэ» (чабанская собака).

Пробыв в альпийской прохладной зоне жаркие месяцы (июль, август), стада начинали спускаться с гор в предгорья, а в конце октября снова перегонялись на равнину, где их ожидали богатая питательными веществами стерня и пастбища, успевшие за время их отсутствия вновь покрыться после первых осенних дождей сочными травами. Здесь стада находились до первых сильных морозов.

Таким образом, годовой цикл скотоводческого хозяйства кабардинцев наряду с отгонной, горно-альпийской, его формой, включал и широкое использование местных степных (равнинных) лугов и пастбищ весной, поздней осенью, а иногда частично и зимой, что сводило время стойлового содержания скота к минимуму. С наступлением холодной и снежной зимы стада и отары возвращались в предгорья, где для их стойлового содержания имелись зимние стоянки, теплые хлева и заготовлены необходимые запасы сена, просяной соломы, кукурузных стеблей и других видов кормов. Но в предгорьях и зимой мелкий рогатый скот мог отчасти содержаться на подножном корму – в более теплые дни в малоснежных местах выгоняли на приаульные пастбища. Кроме того, имевшиеся здесь, в предгорьях Северного Кавказа в XVIII в., обширные ореховые и буковые леса и кустарниковые заросли, использовавшиеся горцами для устройства зимовок, не только защищали скот от ветров и буранов, но давали подножный питательный

¹ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 104.

² Там же. С. 86–87.

³ Дубровин И. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 247.

корм (буковые орешки и лещина) для овец и коз, которые при недостатке кормов поедали молодые ветви и побеги. В зимнее время на несколько месяцев на кабардинские земли выгоняли свой скот и балкарцы¹.

Скотоводство в Кабарде и Балкарии, которое продолжало по-прежнему носить экстенсивный характер, в рассматриваемый период все больше начинает приобретать и черты интенсивности, чему в значительной мере способствовало развитие сенокосения как результат дальнейшего роста производительности труда в хозяйстве горцев.

Хотя кабардинцы и балкарцы не испытывали недостатка в пастбищах, а природные условия и отгонная система позволили им значительную часть года держать скот на подножном корме, они большое внимание уделяли заготовке кормов на зиму. Без этого невозможно было бы достичь сравнительно высокого уровня развития скотоводства. Поэтому тщательная подготовка к стойловому содержанию скота в зимних условиях, своевременная заготовка для него необходимых запасов сена и других кормов были важнейшими хозяйственными занятиями кабардинцев и балкарцев. В необходимости изменения традиционных форм хозяйствования, т. е. перехода к интенсивным методам скотоводства, крестьянина-горца убедил его собственный многовековой трудовой опыт. Это нашло свое отражение даже в кабардинских и балкарских адатах, которые предусматривали этот вид работы – заготовка сена в числе главных обязанностей крепостных крестьян.

Согласно обычному праву балкарцев каракиши – так называлась категория крестьян – ежегодно должны были с каждого двора давать таубию по одному косарю на один день, а для сбора и перевозки скошенного сена – одного работника с парой быков².

О том, какое важное место в практической деятельности кабардинцев, в их скотоводческом хозяйстве занимало сенокосение, насколько оно было давним занятием и насколько оно прочно вошло в хозяйственную жизнь горцев, указывает тот факт, что крестьянин в тогдашней феодальной Кабарде назывался, как и сейчас называется, «мэкъумэшыц1э», что в дословном переводе означает «сено-просо возделывающий». Первая часть этого слова – «мэкъу» (сено). Многовековая скотоводческая культура горцев отразилась и в народном сельскохозяйственном календаре, в основе которого лежала большая трудовая практика крестьянства. Названия многих месяцев года соответствуют определенным видам сельскохозяйственных работ, например, август назывался у кабардинцев «мэкъуауэзгъуэ мазэ» (сенокосный месяц)³. Завершающей операцией, связанной с заготовкой сена, являлась его перевозка с поля домой, начало которой связывалось с появлением на небе созвездия Андромеды – ВагъуэКапсэ («вагъуэ» – звезда, «к1адыгов. По ним, в частности, определяли погоду. Считалось, что если на небе появилось созвездие Андромеды, то настала пора, когда с полей нужно вывозить сено, т. е. наступал период прекращения дождей и сухой погоды перед зимой – ноябрь, который так и назывался – «мэкъушэжыгъуэ мазэ» (месяц перевозки сена)⁴. Таким образом, многовековой опыт скотоводческого хозяйства, связанный тесным общением с природой, наблюдения за природными явлениями лежали в основе многих отраслей народных знаний кабардинцев и балкарцев.

¹ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 136.

² Крестьянская реформа в Кабарде: Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 г. Нальчик, 1947. С. 92.

³ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 73.

⁴ Там же.

Начало сенокосения отмечалось с особой торжественностью, как большой народный праздник: с жертвоприношениями, обильными трапезами, распевались специальные, связанные с этим событием, сенокосные песни (мэкъяуэ уэрэд)¹. У балкарцев, как отмечает М. Абаев, торжественный день выхода на сенокос называется «Зына».

Непосредственно с занятием скотоводством было связано название и другого месяца у кабардинцев – апреля. Он назывался «мэлльхуэгъуэ мазэ» (месяц окота овец). Обычно в апреле в связи с нехваткой корма, неустойчивостью погоды и резкими температурными перепадами часто случался повальный бараний мор. И это породило такие выражения: «Апрелыр мэлыжьыхьщ» (Апрель месяц, уносящий старых, слабых овец); «Мэлыжьыхь мазэу зызэредзэкI» (Переменчив, как месяц, уносящий старых баранов). Такие названия месяцев свидетельствовали о том, что кабардинец или балкарец – скотовод и земледелец – в историческом прошлом вел счет времени с учетом основных циклов сельскохозяйственных работ. По такому же принципу давались названия месяцам у многих народов, в частности кавказских: чеченцев, осетин и др.²

Покосные угодья и расположенные вблизи зимние хутора с запасами сена находились в XVIII в. по всей предгорной полосе Большой и Малой Кабарды. Сено заготавливалось кабардинцами, и особенно балкарцами, в горах и ущельях.

О том, какое значение придавалось заготовке сена на зиму и в каких масштабах это проводилось, красноречиво свидетельствуют документы тех лет. Так, в сентябре 1753 г., когда кабардинских феодалов кашкатавской партии выселили с Баксана в район Кашкатау, они категорически настаивали, чтобы их скот оставался на зиму 1753/54 г. «в баксанских местах и зимних хуторах, ибо-де они в Кашкатаве сено нынешним летом не заготавливали, а заготавливали в тех баксанских местах...». На предложение же вывезти сено с Баксана, которое сделали прибывшие в Кабарду для переселения «кашкатавцев» представители царского командования – майоры И. Барковский и П. Татаров, кашкатавские владельцы ответили, что «заготовленное сено никаким образом перевезти невозможно, потому что оно заготовлено в дальних местах по немалому числу, а паче всего... на высоких горах и в ущельях и телегами с тех гор свозить никак невозможно»³.

Примечательно, что в целях получения более высоких урожаев трав кабардинцы и балкарцы еще в то время устраивали специальные каналы для орошения лугов⁴.

При сравнительно высоком уровне развития в целом всего скотоводческого хозяйства роль и значение отдельных его отраслей были различными. Самой развитой, главенствующей отраслью хозяйства являлось прежде всего овцеводство. Овца, по мнению В. П. Пожидаева, являлась «первым и древнейшим домашним животным у кавказских аборигенов»⁵. Первые известия о разведении адыгами овец мы находим у автора второй половины XV – начала XVI в. Интериано. Ж. Б. Тавернье (XVII в.) считал, что овцеводство было основным богатством черкесов (адыгов). Наиболее ясное представление о масштабах овцеводства в рассматриваемый период дает К. Пейсонель. Описание адыгской овцы и сведения, связанные с овцеводством, оставили П.-С. Паллас, Г.-Ю. Клапрот и другие уче-

¹ Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1966. Т. 24. С. 174. (Серия филологическая.)

² Чибиров Л. И. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. С. 33–34.

³ Цит. по ст.: Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII веке // Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 90.

⁴ Там же.

⁵ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 18.

ные-путешественники, побывавшие в Кабарде в XVIII – начале XIX в. О балкарцах Г.-Ю. Клапрот писал, что «их стада овец значительны». Овцеводство превосходило другие отрасли как по количественному составу, так и по качеству (по родистостью) и, главное, по своему значению в деле удовлетворения экономических потребностей населения. При этом овцеводство в отличие от коневодства, являвшегося привилегией горской знати, было более доступным занятием для крестьян и главным источником их существования. Поэтому им предпочтительно занимались почти во всех хозяйствах кабардинцев и балкарцев. Разводились собственной породы («адыгэ мэль» и «таулу кьой») грубошерстные овцы, не требовательные к условиям существования.

Высокопородные кабардинские овцы привлекали внимание и соседних народов, которые разводили их в немалом количестве. Говоря об этом, П. Зубов писал: «В Кизлярском уезде водятся калмыцкие овцы, а в Моздокском и прочих – малороссийские и черкесские, из коих находящиеся в Ставропольском уезде преимущественно отличаются длинной и мягкой шерстью, чему, без сомнения, способствует сочная и пышная зелень богатых пастбищ и прохладный воздух»¹. «Общие черты ведения скотоводческого хозяйства имели абазины и адыги, жившие по соседству с древнейших времен, – пишет Б. А. Калоев. – Абазины восприняли у адыгов не только систему скотоводства, в том числе формы содержания овец, но и породу овец, известную под тем же названием, что у адыгов...»²

Проблемы межхозяйственных контактов, широкого использования русскими и украинскими новоселами многовекового опыта местного горского населения в области животноводства рассмотрены и в современной отечественной литературе. «Развитие скотоводства, – сказано в одной из работ, – у горских и кочующих народов на огромных степных просторах и предгорных районах способствовало развитию его среди русских и украинских переселенцев в этом крае в дореформенный период. Последние, используя этот веками накопленный опыт в кочевом, полукочевом и отгонном скотоводстве, заимствовали у горских народов те породы скота, которые лучше всего были приспособлены к местным условиям»³.

Говоря о роли овцеводства в хозяйственной жизни горцев, большой ее знаток Хан-Гирей писал: «Это доброе животное чрезвычайно полезно черкесу: из овечьей кожи делает он шубу, единственную свою защиту от стужи, а из волны ткется сукно. Баранье мясо предпочитается мясу всех других животных; оно даже некоторым образом как бы почитается между ними, так сказать, за особенно благородную пищу»⁴. «У черкесских овец мясо более светлое и более вкусное, чем у наших, – писал Иоганн Бларамберг. – Частое употребление баранины в пищу не вызывает пресыщения. Овец доят и из их молока делают сыр...»⁵ Из молока балкарцы делали превосходный овечий сыр и прекрасный айран.

Продукция овцеводства большими партиями шла на продажу как на внутреннем местном рынке, так и за пределами Кабарды и Балкарии. Поэтому, следовательно, этой отрасли скотоводческого хозяйства уделялось особое, повышенное внимание. «Относительно воспитания овец, – писал Хан-Гирей, – черкесы... прилагают довольно попечения. Весною держат стада овец на лучших долинах, где они и распложаются. Ягнят не выпускают довольно долго пастись вместе с

¹ Зубов П. Картина Кавказского края... Ч. 2. С. 96.

² Калоев Б. А. Указ. соч. С. 38.

³ Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века: (Заселение и хозяйство). Изд-во Ростовского госуниверситета, 1977. С. 122–123.

⁴ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 259.

⁵ Бларамберг И. Указ. соч. С. 73.

матками, а держат в особливых хлевах, где их и холостят. Летом... угоняют стада свои на высокие отлогости гор для устранения их от жаров... С наступлением осени стада пасутся предпочтительно на покосенных местах, равно как и на низах, где после жатвы остаются обыкновенно отпавшие стебли проса с зернами. На зиму же снова загоняют овец в зимовки, где обыкновенно выстраивают теплые хлева. Немошных овец держат в особливых хлевах и всех вообще кормят сеном, но в хорошие дни не дают сена жирным, отделенным стадам, а выгоняют их на пастбища»¹.

Что касается коз, то их равнинные жители держали в ограниченном количестве. Большими стадами их разводили жители гор. Это объяснялось в основном природно-географическими условиями высокогорной Балкарии, благоприятствовавшими их разведению в значительном количестве. Для кормления коз не требовалось особенно много сена, для заготовки которого условия в горах были ограничены. Для них даже не запасались сеном. Козы настолько неприхотливы к корму, что их загоняли в лес, которым были покрыты горы, пригорки и холмы, и здесь они, почти не имея топографических препятствий, питались ветвями деревьев. Не случайно кабардинская поговорка гласит: «Держи больше проса и коз. Просо можно разводить на камне, а коз – в лесу». «Коз, – писал Хан-Гирей, – поистине можно назвать как бы сотворенными только для горных жителей: целые стада их, быстро бегая по скалам, питаются. Мясо и молоко их служат в пищу, а кожа употребляется с пользой»². Козлятина считалась обладающей высокими вкусовыми качествами и вкуснее баранины. У кабардинцев издавна имеется поговорка: «Мэл зыхэвэ нэхърэ, бжэн зыхэпк1э». Козий жир и козье молоко считались целебными и употреблялись, главным образом, в качестве лечебной пищи. Из пуха козы делали высококачественные сукна, а кожа использовалась для выделки сафьяна.

Кабардинцы и балкарцы разводили в значительном количестве и крупный рогатый скот. Но он в рассматриваемый период составлял гораздо меньшую часть их стада и уступал полностью овцам не только по своему количеству, но и по качеству, и имел меньшее значение в хозяйстве... В то же время крупный рогатый скот у кабардинцев и балкарцев был вынослив, неприхотлив и как нельзя лучше был приспособлен к местным условиям. У адыгов этот вид скота служил мерилем стоимости и платежной единицей. Им уплачивали калым, штрафы за кровь, увечья и бесчестье³.

Мясо крупного рогатого скота, хотя и употреблялось в значительно меньшей степени, чем баранина, представляло ценный продукт питания для горца. Из коровьего молока, отличавшегося большой жирностью, изготовлялось масло, а из выделанных кож крупного рогатого скота – обувь, конская сбруя и пр.

Иностранцы путешественники Тавернье, Кемпфер и другие отмечали, что адыгские коровы и быки высоко ценились на европейских рынках. Качественная характеристике крупного рогатого скота у адыгов (черкесов) содержится в «Записках о Черкесии» Хан-Гирея, который в главе о скотоводстве писал, что коровы их «весьма обильны молоком»⁴. Он считал этот вид скота важнейшим, жизненно необходимым для адыгов – черкесов. При этом автор отмечал, что наибольшее распространение у адыгов предгорья имела собственная порода ро-

¹ Хан-Гирей. Указ соч. С. 260.

² Там же. С. 261.

³ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 87.

⁴ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 258.

гатого скота, хорошо приспособленная к местным условиям и отличавшаяся высокой продуктивностью. Поэтому скот этой породы с большой охотой покупали русские поселенцы и соседние горские народы. Вообще Кабарда, располагавшая богатой кормовой базой, «относительно развития крупного рогатого скота» не имела «соперников среди всех иных местностей России»¹, как писал один из современников.

Крупный рогатый скот разводили и балкарцы, но в гораздо меньшем количестве. При этом разводили низкорослую горную породу, как нельзя лучше приспособленную к местным природным условиям.

Кабардинцы разводили также и буйволов – «хыв» (букв.: морской бык), но в небольшом количестве из-за трудности их содержания (требовалось большое количество кормов, теплое помещение, наличие водоемов), и имели их в основном князья и дворяне. По-видимому, это название «хыв» (морской бык), как считает Н. Ф. Яковлев, пришло к кабардинцам с «Черноморского побережья», от других этнографических групп адыгов².

Особо важное значение в хозяйстве кабардинцев и балкарцев имели волы и ослы, служившие единственной тягловой силой, так как в XVIII в. лошадей еще не запрягали, а использовали исключительно для верховой езды. «Грешно есть хлеб, полученный с пашни, вспаханной лошадей», – гласит старая кабардинская пословица³.

Волы местной породы были хорошо приспособлены к локальным природным условиям, отличались силой и выносливостью. Они являлись теми домашними животными, без которых была бы немыслима трудовая деятельность горского крестьянина. На них производилась почти вся работа в хозяйстве – пахали, бороновали, убирали хлеб, перевозили сено, ездили в лес за дровами и т. д. Роль быка в экономике горского крестьянского земледельческого хозяйства была столь велика, что соседние осетины наделяли его даже «магической силой воздействия на плодородие полей»⁴.

«...Волы, – писал Хан-Гирей, – чрезвычайно полезны для черкес, которые все работы производят ими, потому что у них почти нет употребления впрягать лошадей. Вообще рогатый скот необходим в жизни черкеса как для мяса и молока, так равно и для работы; также и из кожи этого животного делают поселяне обувь, а наездники – сбрую конскую и прочее»⁵.

Именно той важной ролью, которую играл в хозяйственной жизни горцев крупный рогатый скот, особенно рабочие волы, объяснялась большая забота о нем кабардинцев и балкарцев.

По свидетельству Хан-Гирея, черкесы, в том числе и кабардинцы, в «воспитании рогатого скота прилагают довольно попечений: содержат в зимнее время в теплых хлевах и тогда кормят трижды в день сеном, а именно: на утро, в полдень и на ночь; также и поят в сутки по два, а иногда и по три раза. Само собою разумеется, что больных и слабых держат в особенных хлевах, летом же на ночь загоняют скотину в летние хлева. Телят холостят на второй весне, и как между черкесами нет искусных людей для этой операции, то много телят от нее погибает»⁶.

¹ Калоев Б. А. Указ. соч. С. 58.

² Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М., 1948. С. 281.

³ Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. С. 122.

⁴ Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. С. 83.

⁵ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 258.

⁶ Там же. С. 258–259.

Важной традиционной отраслью хозяйства горцев, особенно кабардинцев, неразрывно связанной со всем укладом их жизни, было коневодство. С давних времен они выводили лошадей местной породы, которые завоевали мировую известность. А так как лошадь, считает Я. А. Федоров, появилась на Северо-Западном Кавказе, у исконных жителей – предков адыгов, «уже на ранней стадии развития майкопской культуры (т. е. в середине III тыс. до н. э.)», и «предводитель племени был вождем – конником»¹. Известно место лошади, кстати, наряду с Передней и Средней Азией, «впервые одомашненной в сухих степях Северного Причерноморья»², ставшей эпохальным достижением, одной из основных вех всемирного цивилизационного процесса в мировой истории, особенно в жизни кочевых обществ, роль которых в этнической судьбе Старого Света чрезвычайно велика. «Перемещаясь на огромные расстояния, смешиваясь с оседлыми народами, кочевники, или, как их еще называют, номады, не раз перекраивали этническую карту целых континентов, создавали гигантские державы, изменяли ход общественного развития, передавали культурные достижения одних оседлых народов другим, наконец, и сами внесли свой вклад в историю мировой культуры»³. И при этом конь служил главным средством передвижения, являлся «сверхоружием», клавшим к ногам номадов целые страны. Со временем значение коня меняется, но он и в рассматриваемую эпоху остается средством для быстрого передвижения, грозным союзником при схватке с неприятелем, спасителем при бегстве от более сильного врага, продолжая играть немаловажную роль не только в жизни кочевых обществ, но и давно оседлых скотоводческо-земледельческих народов, какими были и адыги, жившие в зоне ее одомашнивания и проявлявшие к ней особую любовь и заботу. Лошадь для черкесов, народа, по словам Н. Ф. Дубровина, по преимуществу военного, поголовно вооруженного, воинственного, неустрашимого, способного переносить невероятные трудности, являлась необходимым атрибутом военных походов, показателем силы и престижа.

«Коневодство, – пишет В. П. Пожидаев, – национальный промысел, душа и гордость не только кабардинского, но и всего адыгского народа. Давность этого промысла теряется во мраке глубокой старины... Конь в Кавказских степях появился не менее двух с половиной тысяч лет тому назад. Надо думать, что также давно он знаком и черкесам... Четыреста, а может быть, и пятьсот лет тому назад кабардинский конь пользовался уже прочно установившейся репутацией»⁴. О том, какое место занимал конь в жизни черкеса-воина, говорит и тот факт, что «про кабардинского скакуна, его красоту, силу и ловкость, его выносливость и привязанность к хозяину, среди горцев сложился целый цикл песен, сказок, пословиц и поговорок». Происхождение лучших конских заводов в Кабарде овеяно поэтическим вымыслом, нередко сказочного характера. Так, в легенде о знаменитом конском заводе Шолоха, записанной еще академиком Палласом, сказано, что «первый жеребец его завода чудесным образом вынырнул из моря»⁵. Все это говорит о том, что кабардинцы проявляли особую любовь и заботу о коне. Это и понятно, ибо их главную военную силу составляла конница, которая считалась лучшей на Кавказе, пользовалась заслуженной легендарной славой. Еще в начале

¹ Федоров Я. Л. Историческая этнография Северного Кавказа. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 82.

² Еремеев Д. Е. На стыке Азии и Европы: (Очерки о Турции и турках). Наука, 1980. С. 9.

³ Там же.

⁴ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 46.

⁵ Там же. С. 47.

XVIII в. А. П. Волынский, хорошо знавший край и его народы, военное искусство кабардинцев, уходящее своими корнями в вековой опыт борьбы народа против иноземных захватчиков, так оценивал ее боевые качества: «...все – такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо что татар или кумыков тысяча, то черкесов довольно двухсот»¹. Говоря о выступлении кабардинцев весной 1804 г., В. Потто писал: «Боевое поле, говорит очевидец, превратилось в арену, на которой состязались лучшие в мире наездники – линейные казаки и кабардинцы»². В истории другого казачьего полка сказано: «Эта удалая конница являлась перед казаками на прекрасных, статных конях, закованная в кольчуги и стальные шапки и вооруженная несравненно лучшим оружием, чем они. На первых порах горцы представляли для казаков грозную силу, способную внушить страх и зависть ввиду их безумной дерзости в набегах и отчаянной храбрости в бою... Их дикая фанатическая храбрость в бою доходила до полного самозабвения: горцы почти голыми руками брали наши укрепления даже с довольно сильными гарнизонами...»³.

Историю военной организации и военного искусства черкесов – кабардинцев подробно описал военный историк начала XIX в. Семен Броневский. Он пишет: «Когда кабардинцы снаряжаются в дальний поход или к отражению сильного неприятеля, избирают главного полководца из князей не по старшинству рода, но по личной храбрости и общему доверию... В поле он имеет власть казнить ослушников смертью без суда и разбора лиц... Вообще учреждение единодушных действий и успех предприятий зависят более от искусства соглашать умы либо от приближения явной опасности, нежели от должной подчиненности, к коей малоспособны горские народы. Военная конституция и набор войск весьма просты. Всякой первостепенный уздень обязан поставить известное число воинов, распределенных по числу дворов и по другим местным удобствам. По собрании сих участков старший в своем роде князь ведет их против неприятеля, сохраняя всегда начальство над своим участным отрядом. Каждый отряд состоит из панцирников, простой конницы и пехоты. Князья и уздени, одетые в панцири, с ближними их людьми составляют отборную конницу наездников; прочие разделяются на простую конницу и, смотря по обстоятельствам, на пехоту, в коей служат одни крестьяне, отправляя звание стрелков при случае защиты тесных проходов. Нападение делают кучами и врассыпную, но всегда с осторожностью против артиллерии. После первого выстрела, пущенного в меру, бросаются в сабли, преследуют, отступают и, подобно парфянам, заманивают неприятеля в засады через притворное бегство. Опыты доказали, что бегущий черкес не есть разбитый неприятель и что никакая легкая, ни тяжелая конница не может держаться против конницы черкесской. Князья подают собою пример неустрашимости, находясь всегда там, где предстоит опасность, и вменяя себе в бесчестие, если бы случилось простому воину или узденю превзойти своего князя храбрыми подвигами»⁴. Еще более строгие требования предъявлялись к главному предводителю адыгского войска: обладать природными военными дарованиями, мужеством и огромной

¹ См.: Соловьев С. Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. 1868. Т. 2. С. 174.

² История 44-го Драгунского Нижегородского Его Императорского Величества Государя наместника цесаревича полка / Сост В. Потто. СПб., 1892. Т. 2. С. 67.

³ История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. Ч. 1–2. 1696–1896. Тифлис, 1901. Ч. 1. С. 137.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 121–123.

силой воли, всегда быть твердым и решительным, уверенным в себе и передавать это чувство подчиненным.

Специальную статью военному воспитанию кабардинцев в прошлом под тем же названием посвятил известный кавказовед Г. Л. Кокиев, который показал высокие боевые и моральные качества кабардинских воинов, неразлучных с конем и оружием, обусловленные конкретными историческими условиями их жизни, необходимостью вооруженной борьбы с многочисленными внешними врагами. «Постоянная забота о своей безопасности, – писал он, – с раннего детства вынуждала кабардинцев упражняться в военном искусстве...»¹ Автор прав, ибо для адыгов, постоянно, ритуально участвовавших в войнах, для которых готовность к войне и участие в ней были образом жизни, существовала настоятельная необходимость неустанно совершенствоваться в боевом искусстве и поддерживать боевой дух молодых воинов, так как от военного мастерства мужчин зависела судьба родины и народа. «Любовь к родине, – пишет автор, – развила в кабардинце глубокое сознание необходимости ее защиты от врагов»². Поэтому в целях воспитания выносливых и отважных воинов – защитников родного края, мальчиков с детства приобщали к секретам боевого искусства, обучали мастерству владеть всеми видами оружия, приучали к верховой езде, стойкости и выдержке, умению владеть собой, переносить холод и голод и преодолевать всякие другие трудности.

Важную роль, отмечает автор, в военном воспитании играло атальчество – весьма распространенный среди кавказских горцев древний обычай, являвшийся в условиях кабардинской действительности своеобразной военной школой, в которой дети проходили суровую военную выучку. Большое значение при воспитании в кабардинце и черкесе отважного и храброго воина, способного на героические подвиги, имели весьма распространенные в адыгском обществе военные игры. Для любого юноши-кабардинца не было почетнее занятия, чем посостязаться в ловкости и отваге и стать победителем. «В кабардинском обществе, – пишет Г. А. Кокиев, – известность и славное имя можно было завоевать только храбростью, мужеством и отвагой. О храбром и смелом воине в народе слагали песни, его имя окружали ореолом славы»³.

Статья Г. Л. Кокиева содержит сведения о вооружении кабардинцев, которое состояло из сабли, кольчуги, железного шлема, панциря, кожаного и железного щита, позже появилось кремневое ружье. Самым страшным для врага и самым любимым для кабардинца оружием была шашка. Лучшие сорта кабардинских шашек были двух марок – «Гурда» и «Волчок». Автор пишет также о формах и способах ведения войны кабардинцами, выработанных ими в течение веков: молниеносный налет на противника, действие в основном небольшими партиями, прекрасное умение пользоваться местностью, маневренная тактика, внезапное появление в тылу неприятеля и неожиданное исчезновение, умение отвлекать противника ложным шумом и стрельбой. Кабардинцы были способны не только на ведение маневренной войны. С таким же успехом могли вести и такой вид военных действий, как оборона, «и даже развили у себя фортификационное искусство»: превращение своих сел в военные укрепления, обнесение их глубоким ровом, устройство завалов, засек и других препятствий⁴.

¹ Кокиев Г. А. Военное воспитание у кабардинцев в прошлом // Учение записки КНИИ. Нальчик, 1946. Т. 1. С. 131.

² Там же. С. 130.

³ Там же. С. 141.

⁴ Там же. С. 135.

Кабардинцы, охраняя свою свободу и независимость, выбирали удобные для обороны позиции и строили там крепости и завалы. Но, будучи уверенными в своей силе, они не увлекались возведением оборонительных стен, считая, что «твердость не в каменной ограде, а в мужестве людей». Как известно из истории, стены, действительно, не всегда могли спасти. Так, «для борьбы с кочевыми народами Монголии и Сибири была построена Великая Китайская стена, которая, однако, не спасла империю Цинь – через 14 лет она пала под ударами народа Хань»¹.

Ф. Торнау, русский офицер Кавказской армии, писал, что кабардинцы «составляют лучшую конницу, какую мне встречалось видеть»².

Высочайшую оценку черкесской коннице дал и Иоганн Бларамберг, говоря, что «кавалерия этих народов превосходит любую кавалерию в мире»³. Подробно описав систему военной организации черкесов, «приученных с самого раннего возраста к силовым физическим упражнениям, верховой езде и владению оружием», особенности их военного искусства, автор далее пишет о князьях, которые, по его словам, «показывают образцы храбрости, они всегда в самых опасных местах боя, и для них было бы большим бесчестьем, если какой-нибудь уздень, а тем более простой крестьянин, превзошел бы их в храбрости или ловкости и доблести»⁴. Одного из князей избирали на роль главного вождя, предводителя. И этот выбор определялся «не знатностью происхождения, но исключительно признанием личной храбрости и всеобщего доверия»⁵.

Говоря о кабардинских лошадях, Бларамберг пишет, что они «просто неоценимы, так как они преодолевают по 60 верст в день иноходью, не уставая»⁶.

Другой, не менее осведомленный автор пишет: «Главное богатство черкесов, особенно кабардинцев, составляли: пчеловодство, огромные табуны лошадей и отары овец; как те, так и другие славились своею доброкачеством. Кабардинская лошадь не требует особого ухода, пасется круглый год в поле, питается зимою кореньями трав, вырывааемых ею из-под снега копытами. Лошади кабардинские не знают ковки, но в течение целого месяца легко делают переходы от 60 до 100 верст в день, без дневок»⁷. И далее он писал, что кабардинцы, «живя на более равнинной местности и владея большим числом лошадей, образовали отличную конницу»⁸. Конницей кабардинцев восхищался и генерал А. П. Ермолов, очень высоко ставя ее боевую мощь: «...они превосходят по своим боевым качествам даже казаков. Кабардинцы, имея против нас превосходную в доброте конницу, могут быть опасными нашим казакам, паче же донским»⁹.

Поэтому русское правительство, давно уже знавшее об отличных качествах кабардинской породы лошадей, ремонтировало ею свои кавказские и даже центральные кавалерийские полки. На российских конских заводах наряду с селекцией отечественных пород были лошади «шведской, немецкой, английской, испанской, итальянской, арабской, кабардинской, черкесской, персидской и других

¹ Гребенюк А. В. Цивилизации античного мира и средневековой Европы. М., 1994. С. 36.

² Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864. Т. 10. С. 456.

³ Бларамберг И. Указ. соч. С. 112.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 48.

⁸ Там же. С. 227.

⁹ АКАК. Тифлис, 1875. Вып. 7. № 69. С. 445.

пород»¹. В частности, в Астрахани в 1820 г. был устроен конный завод лошадей черкесской и персидской породы.

Коневодство в Кабарде, располагавшей обширными земельными угодьями, занимая в XVIII в. большую часть равнины и предгорья Центрального Кавказа, достигло высокого развития, выдвинулось в самостоятельную отрасль хозяйства. Кабардинцы накопили богатый многовековой опыт по выращиванию лошадей, создав, говоря словами В. П. Пожидаева, целую науку о коне и его воспитании². Адыги вывели несколько весьма ценных пород лошадей, отличавшихся чрезвычайной выносливостью, неприхотливостью к корму, резвостью и быстротой бега, способных без особого труда покрывать большое расстояние, свободно передвигаться по крутым горным тропам, переходить через бурные потоки, ориентироваться в ночное время независимо от рельефа местности, т. е. теми качествами, которые особенно были важны в условиях частых, длительных и изнурительных походов. «Поскольку черкесы являются превосходными всадниками, они уделяют много внимания разведению лошадей... Лучшая порода называется «шолох»³, – писал Иоганн Бларамберг. И далее, говоря об основных отличительных качествах черкесских лошадей, он отмечал: «...легкость, неутомляемость, а также очень крепкая нога»⁴.

Подробнейшую качественную характеристику кабардинской породе лошадей дал И. Мердер, который писал: «Горские лошади по свойству климата или от смешения двух пород: настоящих черкесских с лошадьми арабскими; (они) сильны, резвы, полны огня, смелы, внимательны, в ногах крепки – качество, необходимое при путешествии по горам; они также весьма чутки, т. е. хорошо слышат, так что в самую темную ночь можно положиться на лошадь, что она, по каким бы скалам ни пробивалась, не споткнется и проберется по узкой тропинке осторожно. Сбившийся с пути седок вполне может вручить ей себя; она довезет по данному ей направлению к знакомому уже ей месту, и в это время она бывает неимоверно осторожна, беспрестанно водит ушами, прислушиваясь ко всему; если что-нибудь малейшее покажется ей сомнительным, она остановится для удостоверения, а если ошиблась, то без понуждения ее седоком тотчас сама тронется с места с такою же осторожностью, как и прежде. Горские лошади имеют необыкновенно тонкий слух и обоняние; если поверить в ее чуткость и принудить идти в то место, куда она обратила внимание и упорствовала идти, наверно окажется, что осторожность ее была не напрасна и что она не обманулась и чувствовала или хищного зверя, или притаившегося врага.

Горские лошади могут переносить различный климат так хорошо, что едва ли порода других лошадей может в этом случае выдержать с ними сравнение. По сродности же с местностью гор, состоящих преимущественно из камней, черкесская лошадь без подков несетя во весь карьер по твердому грунту, не жалуется на ноги, в которых не чувствует от того боли... Горские лошади очень послушны, они скоро привыкают к ездокам и приноравливаются удобнее к желаниям и правилам их хозяев; они не имеют капризов, обыкновенных в породе других лошадей; выносят крайнюю нужду в продовольствии и как будто понимают невозможность доставления им оногo, так что при самом крайнем недостатке в

¹ Очерки русской культуры XVIII в. Изд-во Московского университета, 1985. Ч. 1. С. 113.

² Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсурсы, осетины и кабардинцы: Краткий историко-этнографический очерк. М.; Л., 1926. С. 79.

³ Бларамберг И. Указ. соч. С. 71–72.

⁴ Там же. С. 72.

продовольствия горская лошадь нимало не изменит своей ретивости, останется такою же доброю, как и при хорошем корме... разве только несколько спадет ее игривая веселость»¹. Добавим: «Кабардинская лошадь не боится ни воды, ни огня»².

Кабардинская порода лошадей стала известна на Северном Кавказе еще в XIV в., а в конце следующего столетия слава о ней распространилась далеко за его пределы³. Сообщение о том, что черкесы имеют прекрасных лошадей, мы встречаем у автора XV в. – венгерского путешественника И. Барбаро. Превосходные породы кабардинских лошадей не перестали удивлять путешественников и в последующие века. А так эту породу стали выращивать еще задолго до этого. Об этом пишет Е. И. Крупнов, который считает, что «вряд ли будет большой натяжкой отнести начало выращивания чисто местной прославленной крупной, сильной и выносливой кабардинской породы лошади именно к IX–VIII вв. до н. э.»⁴.

О высоких достоинствах адыгской (кабардинской) лошади, явившейся результатом многовековой селекции, с восторгом писали многие авторы. К. Пейсонел (середина XVIII в.) указывал, что «черкесские лошади чрезвычайно ценятся. Они высокие, хорошо сложены, чрезвычайно сильные и выносливые как в беге, так и в усталости»⁵. Он называет самые известные породы – шолох и бекан.

Копыто адыгской лошади имело особую форму. Академик Паллас еще в конце XVIII в. специально зарисовал его. Копыто это (нижняя часть его) «представляет собою почти сплошное сросшееся кольцо («стаканчик»)»⁶. Адыгскую лошадь не подковывали, так как ее копыта отличались удивительной прочностью. «Значительная твердость копыта тамошних лошадей... Они выдерживают скорую и продолжительную езду, не повредив копыта. Адыге, с одной стороны, заботится о содержании своей лошади, с другой – требует с нее почти невозможного. Старые и молодые имеют обыкновение жать лошадь, перескакивать через рвы и овраги, быстро останавливать на бегу, скакать на гору и с горы», – писал Т. Лапинский⁷.

Опытные коневоды-кабардинцы с успехом лечили многие болезни лошадей. «Конские лекари, – писал С. Броневский, – не менее славятся своим искусством в лечении лошадей»⁸.

У кабардинцев существовала целая система содержания лошадей. В основе этой системы коневодства у кабардинцев, являвшегося их давнишним традиционным занятием и наложившего свой заметный отпечаток на весь их хозяйственный быт и культуру, производственную деятельность, лежало табунное содержание, при котором лошадь почти круглый год, во всякую погоду – в дождь, в снег, метель и мороз – содержалась на подножном корму, постоянно находясь под открытым небом. Делалось это не из-за отсутствия хозяйственных помещений или нехватки корма, а для того, чтобы закалить лошадь в суровых условиях, приучить ее к перенесению всевозможных невзгод и лишений будущей опасной

¹ Мердер И. Исторический очерк русского коневодства и конезаводства. СПб, 1897. С. 102–104.

² Кокиев Г. А. Военное воспитание у кабардинцев в прошлом // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1946. Т. I. С. 1.34.

³ Книга о лошади. М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной лит-ры, 1955. Т. 2. С. 262.

⁴ Крупнов Е. П. Древняя история и культура Кабарды М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 105.

⁵ АБКИЕА. С. 197.

⁶ Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. М.; Л., 1926. С. 78.

⁷ Цит. по кн.: Калмыков И. Х. Черкесы. Черкесск, 1974. С. 70.

⁸ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и использованные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. 2. С. 149.

походной жизни. «Превосходство черкесских лошадей для верховой езды, – писал Хан-Гирей, – описывать здесь было бы излишне: кто из господ русских офицеров, хотя раз бывших в походе, кто из коннозаводчиков не убедился опытом, что лошадь черкесская есть верх совершенства относительно способностей, нужных для бега и для перенесения грузов?»¹

Об адыгской лошади, слава которой давно уже перешагнула границу Кабарды, было известно в самых отдаленных уголках бывшей Российской империи, о чем свидетельствовал тот факт, что даже «забайкальские казаки распевали песню про лихого коня с кабардинским тавром»². И «запорожцы гордились черкесской лошадейю и черкесским седлом»³.

Свою тамгу, которой таврили лошадей, имели только княжеско-дворянские верхи, занимавшиеся табунным коневодством и выращиванием лучших пород лошадей, обладатели фамильно-родовых знаков собственности. По мнению Б. А. Калоева, тамги, несомненно, были связаны с коневодством. Он пишет: «...кабардинцы были знакомы с тамгами уже в XVI в., о чем свидетельствуют русские документы, в которых отмечается, что приводимые в Москву кабардинскими князьями в дар царю аргамаки мечены «тамгами». Почти с этого времени ведет свое происхождение тамга знаменитой кабардинской породы лошадей «шалохо». Известно также, что во второй половине XVIII в. академик Паллас, побывавший в Кабарде, зафиксировал значительное количество тамг, которыми таврили коневладельцы своих лошадей. Можно утверждать, что знакомство с тамгами жителей горной зоны шло от адыгов через Кабарду»⁴. Здесь надо заметить, что таврение стало практиковаться у адыгов, вероятно, намного раньше, чем в XVI в., когда их аргамаки попали в Москву в качестве подарка царю.

В. П. Пожидаев, прекрасно описавший процесс таврения у кабардинцев на основе личного наблюдения, констатировал: «Тавро (по-кабардински: «дамыгэ») – родовой или фамильный знак собственности – подобие герба или именной печати» и «в прежние годы являлся принадлежностью только привилегированных фамилий»; «коневод-кабардинец, видя незнакомого всадника, свободно узнавал по тавру, какой фамилии или какого завода под ним лошадь»⁵. Для кабардинских феодалов коневодство не только имело определенное хозяйственное значение, но и являлось престижным занятием, свидетельством их материального положения и социальной прерогативы.

Хан-Гирей пишет о хорошо продуманной системе выращивания черкесских лошадей, «этих прекрасных и справедливо везде перевозимых животных». Уход за лошадьми был более тщательным, чем за другими животными. Во время табунного содержания, которое в XVIII в. продолжалось до девяти лет, лошадь постепенно начинали объезжать с 5-летнего возраста. Обычно жеребчиков зимой брали из табуна в конюшню, где содержали на хорошем корму, и с наступлением весны их отпускали в табун, а на зиму опять брали в конюшню и уже приучали к езде, сначала без седла, а потом и с седлом, и снова отпускали в табун. Так продолжалось до тех пор, пока они на свободе, в условиях вольной табунной жизни, достаточно не окрепнут и «не придут в совершенный рост и силу»⁶.

¹ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 261.

² Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. М.; Л., 1926. С. 77.

³ Христианович В. П. Сельскохозяйственные районы Кабарды. Воронеж, 1926. С. 153.

⁴ Калоев Б. А. Указ. соч. С. 82.

⁵ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 36.

⁶ Броневский С. Указ. соч. С. 135.

«Черкесы замечают, – писал Хан-Гирей, – что лошади хороших пород до девяти лет постепенно укрепляются в теле и достигают не прежде этого времени всех качеств, требуемых от доброй наездничьей лошади. Черкесы полагают, что соразмерные труды необходимы для молодой лошади, чтобы она сделалась сильнее и добротнее»¹.

Так готовились в табунах верховные лошади, которые состояли исключительно из меринов (жеребят холостили на четвертом году)². Кобылиц же чистопородных, называемых шагъди, отделяли в косяки или небольшие табуны и с отборными племенными жеребцами пасли «особливо на самых лучших пастбищах»³. После того как верховая лошадь достигала зрелого девятилетнего возраста и ее окончательно брали из табуна и переводили на стойловое содержание, уход за ней становился особенно тщательным. «Удивительно, – отмечал Хан-Гирей, – с какою неутомимостью и тщанием черкесы содержат верховых лошадей: дважды в году они откармливают своих любимых коней: летом – при наступлении жары и зимою – при наступлении стужи. Откармливаемую летом лошадь ставят в конюшню, со тщанием обмазанную глиною и темную, чтобы мухи не беспокоили лошадей, в ней содержимых. Однако ж эти конюшни не теплы в зимнее время, хотя черкесы и не употребляют попон для покрывания лошадей... Сначала дают понемногу овса, и эта дача продолжается таким образом с неделю, потом ставят перед лошадью бочку, которая стоит перед ней всегда наполненная овсом в продолжение трех или четырех недель. Каждое утро моют хвост, ноги, брюхо и вообще со тщанием чистят лошадь, что делается в день дважды. По прошествии же месяца или сорока дней начинают помаленьку ездить на раскормленной лошади, въезжая в день по нескольку раз в холодную воду, и в это время дают ей просо, а сначала кормят овсом или ячменем. Таким образом, выдержанная лошадь, когда придет в такое состояние, что уже ей жир не будет причинять усталости, то наездники пускаются искать на них опасности, славы и добычи в удалстве»⁴.

Однако и тогда, когда лошади не находились на специальном откорме, они не испытывали недостатка в корме. «Черкес, какого бы он знания ни был, скорее сам согласится быть голоден, чем лошадь свою допустит до этого»⁵, – писал Хан-Гирей. Это и понятно, ибо она являлась основным мериллом его богатства. Черкес всегда высоко ценил лошадь, связывая свое благополучие во многом с нею.

Дж. Интериано писал, что адыги весьма щедры и «дарят охотно все свое имущество, за исключением коня и оружия»⁶. Адыги определяли богатство семьи по количеству лошадей и скота⁷. «Их главное богатство, – отмечал Жан Батист Тавернье, побывавший в XVIII в. на Кавказе, – заключается в стадах, в особенности в прекрасных лошадях, очень сходных с испанскими»⁸. Об этом же говорят и стихотворные строки А. С. Пушкина о черкесе:

¹ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 262.

² Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 92.

³ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 261.

⁴ Там же. С. 262.

⁵ Там же. С. 263.

⁶ Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное путешествие // АБКИЕА. С. 49.

⁷ Бронеvский С. М. Указ. соч. С. 136.

⁸ Тавернье Ж. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет... // АБКИЕА. С. 74.

Его богатство – конь ретивый,
 Питомец горских табунов,
 Товарищ верный, терпеливый...¹

О верности коня своему хозяину и других достоинствах его говорят замечательные слова старинной горской песни, вложенные великим Лермонтовым в уста Казбича, одного из персонажей его бессмертной «Бэлы»:

Много красавиц в аулах у нас,
 Звезды сияют во мраке их глаз.
 Сладко любить их – завидная доля,
 Но веселей молодецкая воля.
 Золото купит четыре жены,
 Конь же лихой не имеет цены:
 Он и от вихря в степи не отстанет,
 Он не изменит, он не обманет².

Небезынтересно здесь отметить, что черкесскую лошадь хорошо знали и ценили и многие другие знаменитости России. Так, из воспоминаний современников мы узнаем о том, что Н. П. Огарев, любивший ездить верхом, поехал однажды провожать своих друзей «на своей черкесской лошади...»³.

Чтобы показать многочисленность скота, горцы сравнивали его с кабардинскими конными табунами. Так, в балкарской песне «Долай», которая пелась во время сбивания масла в бурдюке, есть такие слова: «...идет скот, как кабардинский конный табун»⁴.

Лошади отводилось также важное место и в кабардинском фольклоре – в героических песнях, преданиях и сказаниях. Так, в одной из самых популярных адыгских традиционных песен историко-героического жанра об Андемиркане повествуется о рождении, подвигах и гибели героя. Его ненавидели враги за превосходство в силе и мужестве. И предания, и песни рисуют Андемиркана как эпического героя, обладателя богатырского оружия и чудесного коня по кличке Жаманшарык, с которым он был непобедим. В песне этой есть такие слова:

Всадники рванутся – и
 ...земли не касаясь, он первым приходит.

 Его глаза что ни увидят,
 ...От Жаманшарыка не уходят.

Зная это, враги обманным путем разлучают их: выводят героя за околицу аула без боевого коня и оружия. Там Андемиркан попал в засаду и был убит в неравной схватке, став жертвой предательства⁵.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 2. С. 299.

² Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М.: Художественная литература, 1972. С. 579. (БВЛ.)

³ Н. П. Огарев в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. С. 88. (Серия литературных мемуаров.)

⁴ Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983. С. 255.

⁵ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: Советский композитор, 1986. Т. 3. Ч. 1. С. 80–92.

И не только в кабардинском, но и в сказочном эпосе, легендах и преданиях других соседних горцев, в которых нашли отражение мировоззрение, нравы, обычаи, общественный и хозяйственный быт народов Кавказа, прослеживается общность их сопредельных фольклорных традиций, обусловленная общностью исторических судеб, сходством социально-экономической и культурной жизни, взаимосвязью и взаимовлиянием на протяжении многих столетий. Редко когда волшебные и героические сказки, легенды и предания горцев обходятся без витязя и его коня. Внимание к этому животному было настолько велико, что «образ коня являлся в них наиболее характерным и постоянным. Так, о «быстроногом черкесском коне» говорится в вайнахских (чечено-ингушских) легендах – жанре, который определяется как «созданный устно, эпический прозаический рассказ, имеющий установку на достоверность» и основным содержанием которого является «нечто необыкновенное, чудесное...»¹.

«Любовь чеченца-джигита к прекрасной лошади хорошо всем известна из чеченского фольклора и художественной литературы русских писателей, живших на Кавказе, – пишет Н. П. Гриценко. – Лошади обычно были черкесской породы, овцы – черкесской и калмыцкой пород»².

Кабардинская порода лошадей пользовалась большой популярностью и славой и среди других горских народов Северного Кавказа. И те, у кого была кабардинская лошадь, гордились этим. Так, в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева об одной из пород – шоулохе, которой он посвятил специальную статью, сказано, что это «высоко ценимая в старину порода коней». И далее в качестве иллюстративного материала в словаре приводятся выдержки на осетинском языке с переводом на русский – «конь шавлоховской породы», «девять всадников... ружья (у них) – ерадзып *, крымские, кони шавлоховские», «лети, мой шавлоховский (конь), как ветер», «возьми моего шавлоховского (коня) с седлом, с уздечкой», «из прославленного табуна Заза он двух самых лучших коней – двух шавлоховских – пригнал во двор», «он закачался на своем вороном шавлохе», «шавлоховская (кобыла) из твоего табуна ожеребилась», «из них один сидит на чернохвостом, черногривом сером шавлоховском коне», «уж и конь у них был настоящий шавлоховский», «уж и бурка у них – настоящая андийская»³. Но эта ономастическая единица обратила на себя внимание исследователей не только как название одной из знаменитых пород черкесских лошадей, но и как вполне возможное отражение древнерусско-адыгских контактов. В связи с этим В. И. Абаев заметил: «Быть может, не случайным созвучием, а наследием древних русско-адыгских связей является донская казачья фамилия Шолоховы»⁴.

¹ Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М.: Наука, 1983. С. 16, 321. (Серия «Сказки и мифы народов Востока».)

² Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 45.

³ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Наука, 1979. Т. 3. С. 46. (Далее: ИЭСОЯ.)

⁴ Абаев В. И. ИЭСОЯ. Т. 3. С. 47.

* Ерадзып – высоко ценимая в старину марка (кремневого) ружья. По адыгским преданиям, это название восходит к собственному имени прославленного в свое время оружейного мастера на Западном Кавказе. Оно является одной из адыгских фамилий. Ержыбхэ – Ержибовы. Название этой старинной марки ружья воспринято у своих соседей кабардинцев осетинами (Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936. С. 641; Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. С. 412; Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965. С. 33).

Название породы, пишет В. И. Абаев, происходит от кабардинской княжеской фамилии Шолоховых, как и название породы коней трама от фамилии Трамовых. По сведениям Сталья, фамилия Шолох относилась к бесланеевской ветви кабардинского народа: «Народ бесланеевский живет в 11 аулах и имеет князей и дворянство; старшие князья у них Каноковы и Шолоховы, потомки Беслана, сына Инала Касая, родоначальника кабардинских князей»¹. «Шаулах – конь горских заводов с тавром на правой ляшке»². «Кони данной породы славились по всему Кавказу», – пишет В. И. Абаев и приводит слова М. Ю. Лермонтова, который в очерке «Кавказец» рисует колоритный образ старого служаки Кавказской армии. Его обязательные атрибуты: «...шашка, настоящая гурда, кинжал – старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь – чистый шаллох и весь костюм черкесский...»³.

«Самая лучшая порода называется «шалох» и носит особый знак на заднем бедре, – писал Генрих-Юлиус Клапрот. Такие лошади, как правило, принадлежат богатой княжеской семье и насчитывают не более 200 голов в табуне. Лошади этой породы чаще всего бурой или белой масти... лучшие из них стоят около ста рублей серебром, в то время как за обычную лошадь платят от пятнадцати до двадцати пяти рублей»⁴.

О шолоховской породе адыгской лошади сказано и в знаменитой повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». «Хаджи-Мурату, – пишет Лев Николаевич, – было разрешено кататься верхом вблизи города и непременно с конвоем казаков». В один из таких дней верховой прогулки «Хаджи-Мурат ехал шагом. Казаки и его нукеры, не отставая, следовали за ним. Выехали шагом по дороге за крепостью. Встречались женщины с корзинами на головах, солдаты на повозках и охраняющие арбы на буйволах. Отъехав версты две, Хаджи-Мурат тронул своего белого кабардинца; он пошел проездом так, что его нукеры шли большой рысью. Так же ехали казаки.

– Эх, лошадь добра под ним, – сказал Феропонтов. – Кабы в ту пору, как он немирной был, ссадил бы его.

– Да, брат, за эту лошадку триста рублей давали в Тифлисе»⁵.

По преданиям адыгов, шоулоховская порода лошадей была выведена в результате длительной и тщательной селекции и тренировки. «Есть сказ о старом Шоулохе, выведшем шоулоховскую породу адыгского коня. Говорят, что за всю жизнь в табуне Шоулоха число лошадей не превышало ста голов. Когда же он, состарившись, передал это дело своим сыновьям, те за несколько лет довели число голов до тысячи. И вот сыновья стали нескромно хвастаться перед отцом: ты, мол, за всю жизнь смог вырастить только сто голов, а мы за несколько лет вон сколько развели. Тогда старик велел сыновьям построить большой загон с крепкой высокой оградой. Он приказал пригнать табун и запереть в этом загоне, после чего велел выстрелами и гиком напугать лошадей. Испуганные лошади заметались в загоне, и, говорят, только пятьдесят лошадей из тысячи смогли перепрыгнуть через высокую ограду и ускакать. Тогда старый Шолох сказал сыновьям: «Вот те,

¹ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 83.

² Броневский С. Указ. соч. С. 229.

³ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. М.: Л., 1959. Т. 4. С. 477.

⁴ Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. С. 267.

⁵ Толстой Л. Н. Повести и рассказы. М.: Современник, 1987. С. 526–527.

что перепрыгнули через ограду, – это кони моей породы. А те, что остались в загоне, – те не кони, а коровы, и я их не считаю»¹.

Широко были известны и другие породы лошадей, и в частности порода кабардинских чистокровных лошадей шагъди. «Адыги немало трудов потратили на то, чтобы вывести «шагди» – так называют коня чистой адыгской породы»². Из адыгского (кабардинского) слово «шагъди» попало в осетинский язык и означало породу кабардинских чистокровных лошадей³.

Не только адыги, но и другие народы Северного Кавказа имели свою, отвечавшую местным условиям, породу лошадей, выведенную в результате многолетнего целеустремленного труда. С качественно отличительными чертами собственная порода лошадей была и у балкарцев, хотя не получившая такой широкой известности и громкой славы, как кабардинская лошадь. «Термины коневодства в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, довольно многочисленны и разнообразны, – пишет М. З. Улаков, специально занимавшийся их изучением. – Это связано с тем, что тюркские народы с древнейших времен разводили лошадей и широко использовали их. Так как лошадь была наиболее подвижным животным, она более соответствовала кочевому образу жизни тюрков. О большой популярности лошади у тюркских народов говорит то, что о ней сложено немало легенд, сказок, она воспевается в героических песнях; на основе наименований лошади образовано много слов, устойчивых словосочетаний, пословиц, поговорок, загадок». По мнению автора, «термины, обозначающие породы лошадей, характеризуют степень выносливости или место их разведения: *алк* – «конь местной породы», *тажал агг* – «выносливый конь», *шаулух ат* – «шаулуховская, или благородная, порода лошадей», *тулпар* – «богатырская лошадь», или «тяжеловоз», *малгъар ат* – «мингрельская лошадь», *чагъы дей ат* – «тонконогая беговая чистокровная лошадь кабардинской породы», *къарачай ат* – «скаковая лошадь карачаевской породы»⁴.

Скотоводство, в том числе коневодство, у кабардинцев, балкарцев и других северокавказских народов, веками проживавших по соседству и поддерживавших тесные хозяйственные контакты, имело, естественно, много общих черт, но вместе с тем сохраняло локальные и этнические особенности, как и все другие отрасли горской экономики.

Надо сказать, что лошадь не только служила средством для передвижения и являлась объектом торговли и обмена. Мясо ее шло в пищу. Наряду с мясом домашних и диких животных адыги ели и конину, считали, что она обладает лечебными свойствами, предохраняя легкие от простуды. Особенно ценилось мясо молодых жеребят, которое, не имея обычного специфического запаха конины и обладая отличными вкусовыми качествами, считалось даже исключительным лакомством, и им, как дорогим фирменным блюдом, угощали гостей и кунаков. Они употребляли также кобылье молоко (кумыс). У кабардинцев и балкарцев широко было развито и птицеводство, которое считалось чисто женской отраслью труда. Разводили кур, индеек, гусей и уток для удовлетворения своих домашних потребностей.

XVIII в. не дал Кабарде и Балкарии ученых-исследователей, экономистов-теоретиков, которые могли бы еще тогда теоретически высоко оценить значе-

¹ Керашев Т. Дочь шапсугов. Майкоп, 1951. С. 53–54.

² Керашев Т. Указ. соч. С. 53.

³ Абаев В. И. ИЭСОЯ. Т. 1. С. 286.

⁴ Улаков М. З. Указ. соч. С. 11, 12, 13.

ние земледелия – главного источника благосостояния человеческого общества. Между тем «развитие хозяйства возможно лишь при органической связи всех его отраслей, и основой всегда остается земледелие, обеспечивающее кормовую базу для скота»¹. И кабардинцы, обладавшие большим трудовым и духовным потенциалом, являвшиеся носителями древней оседлой земледельческой культуры, как и многие другие народы, путем многовекового практического занятия вполне постигли пользу занятия земледелием, любили и добросовестно обрабатывали землю, научились обращаться с нею, как с драгоценностью, накопили немалый опыт и знания в этой отрасли хозяйства, которые благодаря преемственности традиции передавались из поколения в поколение, превращаясь в прирожденное для крестьянина-хлебороба качество. Земледелие имело жизненно важное значение в Кабарде и Балкарии, занимая второе после скотоводства место в хозяйственной деятельности населения.

«Адыхе издревле занимались хлебопашеством», – писал Ш. Б. Ногмов. И в подтверждение этого он говорил, что «на нашем языке есть названия всех хлебов, исключая сарачинского пшена»².

Древность земледельческой культуры у кабардинцев объясняется своеобразием исторической судьбы народа, его экономической, политической и культурной жизни. Прежде всего заслуживает быть отмеченным тот факт, что территория расселения далеких предков кабардинцев и вообще адыгов считается одним из древнейших очагов возникновения земледелия. На земледельческих и других хозяйственных традициях предков кабардинцев сказалось близкое соседство и тесные культурно-экономические связи с Передней Азией – древнейшим очагом мировой цивилизации. Кавказ, как известно, играл роль своеобразного моста, который с древнейших времен связывал Переднюю Азию с Причерноморскими степями и всей Юго-Восточной Европой. Обогатились они в результате контактов и культурного взаимовлияния с народами греко-римского мира, славянскими и некоторыми другими племенами, которые были известны уже как земледельческие.

Еще в конце XIX в. в Адыгее, в Майкопском кургане, проф. Веселовским были обнаружены следы земледелия, относящиеся к рубежу III и II тысячелетий до н. э.³

Говоря о земледелии в Прикубанье, Страбон отмечал, что восточное побережье Азовского моря населяют меоты, занимающиеся земледелием⁴. А на «синдских монетах иногда изображен колос, символизирующий большую роль земледелия у синдов»⁵.

О древности земледельческой культуры на берегах Черноморья и Кубани, родины адыгов, говорит и экспорт хлеба. «Афины, – пишет В. П. Пожидаев, – каждый год беспрепятственно получали из Босфора, т. е. с Черноморского побережья, около 300 000 медимнов хлеба, что составляет на наш вес 600 000 пудов. Этот исторический факт говорит как о древности культуры хлебов на землях, занятых адыге и их предками, так и о размерах ее»⁶. И далее он пишет, что «адыге как

¹ Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М.: Мысль, 1980. С. 55.

² Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 71.

³ См.: Лавров Л. И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы земледелия СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 195.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 64.

способный и наблюдательный народ давно уже ознакомились с названной культурой и как народ скотоводческий, по преимуществу, занимались земледелием в меру возможности и надобности»¹. Ареал оседлой земледельческой культуры, носителями которой на Северном Кавказе были адыги, все расширялся. Богатая многовековая земледельческая традиция адыгов получила свое дальнейшее развитие на благодатной почве предгорий Центрального Кавказа, включавшихся в ареал распространения связанной с ними майкопской культуры. Район этот, как и весь Кавказский регион в целом, считается одним из древнейших очагов земледельческой культуры. «Кавказ является одним из мировых очагов происхождения важнейших культурных растений пшеницы, ячменя, ржи, большей части европейских плодовых культур»², – писал академик Н. И. Вавилов. «Нельзя, от мечал он, – понять эволюцию пшеницы и ржи без Кавказа»³.

Природные богатства края были неисчерпаемы. Почва здесь отличалась высоким плодородием, что позволяло выращивать практически все сельскохозяйственные культуры.

О том, насколько древним было занятие черкесов, в том числе и кабардинцев, земледелием, пишет Хан-Гирей: «Исследование и определение времени, когда этот народ перешел от пастушеского состояния к состоянию земледельца, было бы любопытно, но это обстоятельство с вероятностью определить невозможно, хотя, судя по народным вековым песням и преданиям, можно предположить, что хлебопашество введено в Черкесии с весьма древних времен, ибо в описаниях божеств мифологии этого народа мы видели, что в Черкесии чтили некоторого Созереша, покровителя хлебопашества, и ему в известное время приносили благодарственные молебствия»⁴. Об этом свидетельствует также тот факт, что все культы, верования, праздники и обряды адыгов, связанные с земледелием, уходят своими корнями в глубь веков, в языческую эпоху. Ни христианство, ни ислам не смогли вытеснить их из быта. В религиозных представлениях горцев сохранялся целый пласт мифологических образов. Эти древние культы и верования, праздники и обряды, имевшие у адыгов широкое распространение, находятся в прямой связи с древней земледельческой культурой, которая так глубоко укоренилась в народный быт, так вросла в плоть и кровь народного организма, что, помимо практического использования ее достижений, отдельные ее элементы стали объектам почитания и даже святости⁵. Земледельческая культура нашла отражение и в пантеоне языческих божеств балкарцев, среди которых выделяются божество земли – Дауле, божество молотбы – Эрирей⁶.

Земля, почитаемая как мать-кормилица, имела своих определенных божественных покровителей, от которых, по мнению адыгов, зависела урожайность тех или иных культур, их защита от засухи, саранчи и других стихийных бедствий. В честь этого высокопочитаемого божества плодородия, покровителя земледелия, адыги всей сельской общиной ежегодно устраивали празднества, ритуальные пиршества и т. д. Эти и другие празднества, посвященные богам и покровителям, происходили на лоне природы в священных местах. Каждый из общадыгских божеств выступал покровителем определенной сферы трудовых

¹ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 64.

² Вавилов Н. И. Горное земледелие на Северном Кавказе // Известия АН СССР. 1957. № 5. С. 591. (Серия биологических наук.)

³ Там же.

⁴ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 257–258.

⁵ Читая Г. С. Земледельческая система и пахотные орудия Грузии // ВЭК. Тбилиси, 1952. С. 92.

⁶ Карачаевцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 72.

занятии человека, и образ его раскрывался главным образом в производственной деятельности.

Покровителем хлебопашества, дарующим обилие и достаток, у адыгов был Тхагаледж (Тхьэгъэлэдж) – один из самых почитаемых божеств языческого пантеона адыгов. Устное народное творчество кабардинцев, являющееся одним из важнейших источников истории народа, не имевшего своей письменности, чрезвычайно богато сказаниями, хохами, ритуальными и магическими песнями, посвященными Тхагаледжу – этому популярному общеадыгскому божееству земледелия¹. В обрядах аграрного цикла тесно переплетались земледельческие и скотоводческие культы, аграрные представления адыгов об особых божеествах – покровителях урожая, покровителях различных пород скота. В сказаниях часто рядом с Тхагаледжем выступают его брат Амиш – покровитель скотоводства или Тлепш – бог металла и кузнечного мастерства. Они втроем действуют сообща, согласованно, поддерживая друг друга, занимают одно из центральных мест в богатейшей адыгской мифологии, которая как форма общественного сознания была многоохватной по своей структуре, свидетельствуя о материальной основе народных сказаний, о том, что скотоводство и земледелие в своем сочетании испокон веков являлись важнейшими занятиями горцев. «Появление в мифологии адыгов этой триады, видимо, не случайно, – пишет А. Т. Шортанов. – В ней опосредованно отразились исторически сложившиеся социально-экономические основы ведения хозяйства. Из истории известно, что адыгские племена в разные периоды своей жизни отдавали предпочтение то скотоводству, то хлебопашеству, но во все времена они занимались и тем и другим. Резкого отделения скотоводства от хлебопашества, видимо, не было. Об этом говорит, по крайней мере, само адыгское слово «мэкъумэш» (букв: «сено-просо», то есть сельское хозяйство в целом). Дуальная система ведения хозяйства определяется и другим термином – «мэкгумэшыщІэ» (букв.: «возделывающий сено-просо», то есть крестьянин). Вполне естественно, что в данном случае хозяйственный уклад жизни отразился в мифологии адыгов, которые в своих мифах, легендах и сказаниях соединили Амышша с Тхагаледжем, объявив их даже братьями»². В честь Тхагаледжа, занимавшего самое почетное место в адыгском пантеоне мифологических божеств, кабардинцы совершали ежегодные религиозные празднества, устраивая застолье и прося щедрого урожая в наиболее важные периоды сельскохозяйственного года – перед началом пахоты и после ее окончания и т. д. Праздники, проводившиеся в различные времена года, сопровождались культовой и ритуальной церемонией, жертвоприношением, пиршеством с танцами и состязаниями. Все календарные праздники связывались с определенным периодом земледелия, его хозяйственным циклом. Тхагаледжу, наделенному сверхъестественными человеческими чертами, которому кабардинцы как земледельческий народ поклонялись, как своему божееству плодородия, посвящены хохи (здравицы) в честь первой борозды, песни при молотье, песня о токе, которые стойко, сквозь века, сохранились в обрядовом фольклоре адыгов. Одна из здравниц в честь Тхагаледжа звучала так:

О наш бог,
Тхагаледж, чудотворец,

¹ Калоев Б. А. считает Тхагаледжа не общеадыгским, а «чисто» кабардинским аграрным божееством, возникшим на территории современной Кабарды.

² Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982. С. 78–79.

Пусть начатые нами дела умножатся...
О наш бог,
Пусть будет счастливым наш лемех,
Удачной наша первая борозда,
Земля бы нагрелась теплом,
Она бы дала нам богатый урожай,
О наш Тха, пусть будет так!¹

Тхагаледж по количеству посвященных ему сказаний занимает одно из самых видных мест в адыгском устном народном творчестве. В этих сказаниях древние адыги-земледельцы свою мечту об изобилии выражали в образе Тхагаледжа, который, по их религиозным представлениям, выступает как великий труженик, первый умелый могучий пахарь, научивший людей земледелию, получавший невиданно высокие урожаи. Он всемогущ, и ему покровительствует сам бог, выполяя все его просьбы. Он пашет на двух волах, которых не может догнать даже знаменитый нарт Дзахуш на своем великолепном скакуне. С их помощью великий жнец Тхагаледж в один сезон

Жмень сто в одном снопе,
Снопов сто в одной копне,
Копен сто в одном возе,
Возов сто в одной скирде.
Скирд восемьсот убрал.

Необычны были и орудия труда Тхагаледжа, а хлеб, выращенный им, обладал особым качеством. Тхагаледж выступает не только как покровитель хлебопашества, дарующий обилие и достаток. Хохи в честь Тхагаледжа произносились в связи с прокладкой первой борозды, окончанием сельхозработ, испечением первого хлеба из зерна нового урожая. Такое особое почитание Тхагаледжа было связано с тем, что у адыгов, как и у многих других народов, продукт опекаемого им земледелия – хлеб – считался священным, «первым даром бога». Сказания о нем свидетельствуют о том, что земледелие не только являлось древнейшим занятием адыгов, но и имело огромное значение в их хозяйственной жизни. Даже будучи уже мусульманами, кабардинцы не забывали об общеадыгских божествах, героях адыгской мифологии, от покровительства которых, как считалось, зависело благополучие на земле, их собственное благополучие. Их продолжали почитать, как свидетельство существования религиозного синкретизма, т. е. смешения понятий и культов различных религий. Языческому богу земледелия Тхагаледжу посвящались многие песни, которые пелись во время сельскохозяйственных работ.

О древности занятия хлебопашеством говорит и религиозный праздник, связанный с земледелием, – обряд почитания божества грома и молнии Шибле (Щыблэ). Шибле – это владыка неба, обладатель небесного огня, божество погоды, распорядитель судеб урожая, проявлявший себя в виде грома и молний, воспринимавшихся как ниспослание небесной благодати. И поскольку с атмосферными явлениями (дождем) тесно связано плодородие, то культ погоды и культ плодородия представлялись в одном едином образе – образе Шибле – божества грома и молнии и земледелия. Таким образом, культ Шибле в верованиях ады-

¹ Адыгский фольклор. Нальчик, 1963. Т. 1. С. 45, 62. – На каб. яз.

гов отличался синкретизмом, являясь божеством грома, молнии и плодородия. Считалось, что молния и гром – это деяния богов. Поэтому обычно место, пораженное молнией, становилось «святым» и выбиралось как почитаемое, где устанавливались знаки, приносились жертвы и организовывались общественные моления с танцами («Шибле удж») и магическими песнями о ниспослании дождя. Человек, погибший от молнии, считался блаженным, и его хоронили с особыми почестями. Описание обряда Шибле встречается у иностранных путешественников: Ж. Б. Тавернье, Дж. Белла, Л. Я. Люлье и других. По свидетельству Тэбу де Мариньи, «родственникам убитых молнией приносят поздравления по случаю такого «счастливого» события»¹. Трупы людей и животных, убитых молнией, считались священными, и хоронили их, как правило, на месте гибели. При этом у могилы такого «святого» человека, пораженного молнией, организовывались семидневные общественные моления с жертвоприношением, пиром, скачками и стрельбой в цель из ружья и лука². Таким образом, бог-громовержец Шибле олицетворял собой культ плодородия, с ним связывались надежды на получение хорошего урожая, забота о котором на протяжении веков была в центре внимания и кабардинского, и балкарского крестьянства и вызвала к жизни многочисленные обряды и суеверия, возникшие еще в древнейшую эпоху матриархата. При этом наибольшее количество обрядов и суеверий было связано с главным бичом земледельца – засухой, которая сводила на нет все усилия крестьянина: губила посевы, оставляла без корма домашний скот. Народы, будучи бессильными в борьбе с природной стихией, жили верой в чудеса, прибегали ко всяким магическим приемам, лишь бы низвести небесную влагу на иссохшие хлебные поля и луга. Именно поэтому вода и связанные с нею явления природы занимали важнейшее место в жизни крестьянина, в частности в его земледельческом хозяйстве. Божества плодородия имелись и у других народов региона. И в частности у балкарцев, которые в честь божества хлебов – Эрирея – произносили здравицу при проведении первой борозды³. Верховным божеством у адыгов был Тхашхо, а у балкарцев им считался Уллу Тейри («Великий Тейри») – бог неба, дарующий обилие и благополучие. Божеством, «обеспечивающим хорошие всходы посевов и урожая кормовых трав, признавалось божество, носившее три разных имени: Элиа, Чоппа и Ишыбла» (вариант «Шыбла») ⁴. Несмотря на разные названия, все эти божества имели много сходных черт, что свидетельствовало об общекавказском характере божества плодородия: эти имена «являлись всего-навсего лишь вариантом наименования одного и того же древнего общекавказского бога грома и плодородия»⁵. Большое сходство связанных с ними и многих других обычаев и обрядов этнически разнородного населения Кавказа было следствием очень длительного соседства и культурного взаимовлияния народов региона.

Древним и не менее популярным был и другой обряд – вызывания дождя, который тоже непосредственно был связан с земледельческой производственной деятельностью людей. Происхождение его уходит еще в языческую эпоху, когда для вызывания дождя во время засухи с молением обращались за помо-

¹ См.: Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды Института этнографии. М., 1959. Т. 51. С. 217. (Новая серия.)

² Там же.

³ Шаманов И. М. Народный календарь карачаевцев // СЭ. 1971. № 5. С. 14.

⁴ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1969. С. 108.

⁵ Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. С. 219; Кантария М. В. Полеводство в Кабарде: Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1965. С. 25.

щью к покровительнице речных вод – богине адыгского пантеона Психогуаше, совершая при этом полоскание в воде и обливание ею друг друга. Позже возник другой обряд аграрного культа вызывания дождя – путем купания Ханцегуаши (дословно кабард.: *хээнцэ* – «деревянная лопата», *гуацэ* – «госпожа», «княгиня», т.е. «госпожа-лопата», «княгиня-лопата»). А некоторые это название переводят как «деревянная кукла»¹. Почти все горцы Северного Кавказа восприняли этот популярнейший земледельческий обряд «ханцегуаша» от соседних адыгов. В частности, его восприняли абазинцы, частично ногайцы, предгорные жители Балкарии, Карачая, Чечено-Ингушетии, ряд равнинных сел осетин-дигорцев, а также все горские поселенцы Моздокского района. «Причем он фигурирует почти под таким же названием – ханцегуаша»². Б. А. Калоев считает, что появление обряда «ханцегуаша» в регионе могло случиться не ранее принятия адыгами мусульманства, а может быть, и позднее.

О том, что земледелие являлось одним из важнейших и древних занятий адыгов, свидетельствует и народный сельскохозяйственный календарь кабардинцев, подразделявший хозяйственный год на циклы земледельческих работ. В нем название трех месяцев прямо связано с земледелием: май назывался «Вэгуэ мазэ» (месяц пахоты), сентябрь – «Гъавэ Iухыжыгъуэ мазэ е гъуэгыгъуэ мазэ» (месяц уборки хлеба или рева зверей), а октябрь – «Iуэгъуэ мазэ» (месяц молотбы)³.

Как пишет Л. Я. Люлье, один из дней недели – «мэрем» (пятница) своим названием был связан с покровительницей посевов и пчеловодства⁴. И женское божество адыгов, известное также под названием «Мэрем», Л. И. Лавров относит к земледельческим культам⁵.

Приметы и фенологические наблюдения адыгов, непосредственным образом связанные с их трудовой деятельностью, с определенными хозяйственными периодами, подразделяются на земледельческие и животноводческие. К земледельческому быту, например, относятся: «Сэтэней къэщхьэлэм, гъунэ Iумыльэж» (Когда начнет цвести лабазник, надо кончать пахать), «Вагъэмбэкъум бахъэ къыдихмэ, щIэхыу жылэ хэлъэх» (Если из борозды идет пар, то посевай скорее), «Гъатхэр гъэгъэ нэгумэ бжьыхьэр гъавэ гуплIэщ» (Если весна в разноцветии, то осень богата урожаем) и т. д.

У адыгов бытовали и песни о токе (хьэм уэрэд), о молотбе (IуакIуэ уэрэд), которые распевались перед началом уборки урожая⁶.

Окончание сельскохозяйственных работ, уборки урожая, стрижки овец адыги, как и балкарцы, отмечали большим всенародным праздником – праздником урожая, устраиваемым поздней осенью. Он сопровождался обильными жертвоприношениями, молитвами и пиршеством всей общины или селения, играми, танцами и песнями. Этот праздник урожая французский путешественник Тавернье, давший подробное и интересное описание всех обрядов, связанных с ним, считал главным праздником черкесов⁷.

Свободолюбивые горцы, для которых защита отечества была превыше всего, умели почитать не только такие яркие проявления духа, как воинская доблесть,

¹ Ученые записки КБНИИ. Т. 24. С. 180.

² См.: Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 196.

³ Ученые записки КБНИИ. Т. 24. С. 212.

⁴ Люлье Л. Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // ЗКОРГО. Тифлис, 1862. Кн. 5. С. 126.

⁵ Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. С. 219.

⁶ Ученые записки КБНИИ. Т. 24. С. 174.

⁷ Там же.

героизм и мужество, которые формировались и проявлялись в трудных испытаниях, жизненных бурях, и были особенно необходимы им в исторических условиях суровой действительности их бытия, но умели также высоко ценить и мирный труд скромного хлебопашца, как уважаемого члена общества. Это подтверждается множеством народных легенд и сказаний, в которых наряду с восхвалением героического начала в человеческом характере, ратного подвига воина, морально-психологический статус которого в адыгском обществе был исключительно велик, отдается немалая дань возвеличению занятия добросовестного и заботливого землероба, являющемуся своеобразным выражением гимна труду.

Горцы держали в руках не только меч, но они никогда не расставались и с оралом. Процесс труда поднимается ими до строгости и чистоты священного ритуала. Правильно заметил М. И. Кандур в своей исторической трилогии «Кавказ», что «именно трудолюбие народа создало все, чем так привлекателен Кавказ». В частности, много ритуалов сложилось и сформировалось у них в связи с трудовым процессом пахоты и непосредственно с плугом. Кстати, изобретение колесного плуга, как и одомашнивание лошадей, относилось к числу эпохальных достижений человечества и явилось одной из основных вех всемирного цивилизационного процесса¹.

Адыги, как и другие кавказские горцы, обожествляли не только землю, но даже и земледельческие орудия, в частности плуг, которому приписывали магическую силу. Поэтому очень популярен был праздник, посвященный богу железа, орудия и кузнечного мастерства – Тлепшу, а у балкарцев таковым был Дебет Златоликий. Но с течением времени и накоплением эмпирических знаний многие древние религиозные обряды и верования аграрного цикла, представлявшие собой весьма сложную цельную систему, подверглись трансформации, изменились и даже совсем исчезли из народного быта, свидетельствуя о постепенном развитии стихийно-материалистических элементов в сознании крестьянина-земледельца. Другие суеверно-религиозные земледельческие культы еще долго сохранялись, а некоторые из них в трансформированном виде, завуалированном разными религиозными наслоениями, дошли и до наших дней.

Таким образом, кабардинцы и балкарцы с очень давних времен занимались земледелием, знали толк в нем, проявляли тонкую природную наблюдательность, разумное и почтительное отношение к хлебопашеству, как к одному из важнейших хозяйственных занятий.

По оценке многих компетентных авторов-специалистов, адыги сумели создать исключительно разумную, рациональную для того времени систему сельского хозяйства и тем самым поднять культуру земледелия на очень высокий уровень. Тем более невозможно представить кабардинцев и балкарцев в XVIII в. без посевов зерновых культур, которые являлись неотъемлемой частью сельского хозяйства².

Однако занятие земледелием в Кабарде и Балкарии в XVIII в. было сопряжено с большими трудностями внутреннего и внешнеполитического порядка. Это прежде всего были частые разорительные нашествия полчищ крымских ханов и бесконечные феодальные междоусобицы, от которых сильно страдало земледельческое хозяйство кабардинцев на плоскости, а также балкарцев в горах, куда из-за недостатка зерна часть его доставлялась из Кабарды.

¹ Гребенюк А. В. Цивилизации античного мира и средневековой Европы. М., 1994. С. 5–6.

² Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 93.

Причины постоянной военной активности Крымского ханства, крившиеся в его экономике, впервые в науке были вскрыты А. А. Новосельским¹. Он писал о «несомненной связи военной активности татар с их внутренним строем»².

«Справедливы выводы Новосельского относительно социально-экономической природы Крымского ханства, – пишет другой автор, Г. А. Санин. – Уничтожение и захват материальных ценностей в других странах, угон в полон людей и работорговля были основными «статьями дохода» и бюджета крымских феодалов – хана, беев и мурз. Плоды грабительских набегов, и прежде всего полона, доставались главным образом им – до 40 %. Поэтому военные походы особенно выгодными были для них. Именно они являлись инициаторами и организаторами грабительских набегов, нередко прибегавшими к принудительной мобилизации татарской бедноты, мало выигрывавшей от этих походов³. Собственное хозяйство, основанное на примитивном кочевом скотоводстве и земледелии, в условиях ограниченных земельных площадей Крыма, из-за частой засухи, бескормицы и неурожаев не могло обеспечить необходимыми продуктами. Отсюда постоянная агрессивность Крымского ханства, отсюда извечное стремление обосновать свои «права» на грабеж соседей, выдавать себя за прямых наследников Золотой Орды»⁴. Поставив на первое место внеэкономический способ добывания жизненных средств, татары чуть ли не всем составом боеспособного населения систематически совершали набеги либо на Польшу, либо на Московию, или же на Черкесию. Они угоняли огромное количество пленных, которых превращали в рабов. Больше всего гнали рабов в Кафу, которая в XVI–XVIII вв. являлась одним из наиболее обширных невольничьих рынков Европы. По свидетельству Пейсонеля, «торговля рабами в Крыму очень обширна. Порабощенные принадлежат к четырем различным национальностям: черкесской, грузинской, калмыцкой и абхазской», причем предпочтение отдавали черкесам⁵.

От крымско-османской агрессии прежде всего страдали закубанские народы: собственно в Крыму обитали так называемые татары перекопские, а орда ногайских татар, составлявшая основную и наиболее воинственную часть татарского войска, кочевала в Причерноморских и Прикубанских степях, а так называемые малые ногаи, подчинявшиеся крымскому хану, – в восточном Приазовье⁶. Но не могла «уберечься от набегов Крымского хана и Кабарда, хотя она находилась в большем отдалении от Крыма, чем народы Закубанья. О том, насколько отрицательно сказалась на развитии хозяйства Кабарды крымско-османская агрессия в XVIII в., свидетельствует тот факт, что кабардинцы вынуждены были в 30–40-х годах XVIII в. прекратить пользование землями Пятигорья, являвшегося одним из наиболее важных в экономическом отношении районов Кабарды, который долгое время в прошлом служил даже ее центром»⁷. Набеги крымцев совершались методически и планомерно, как правило, весной, с целью сорвать весенне-полевые работы, помешать производить посевы, или когда хлеб еще не был сжат,

¹ См.: Троицкий С. М. Россия в XVIII в. М.: Наука, 1982. С. 83.

² Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 418.

³ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л.: Наука, 1964. С. 136.

⁴ Итоги и задачи изучения внешней политики России // Советская историография. М.: Наука, 1981. С. 97.

⁵ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л.: Наука, 1964. С. 136.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 375.

с тем чтобы уничтожить его на корню. Враг рассчитывал тем самым поставить «строптивых» кабардинцев в безвыходное положение, наказать и подчинить их своей воле. Подобно урагану пронеслись из конца в конец Кабарды феодалские междоусобицы, результатом которых были вытоптаннные посеы и выжженные хлебные поля, не говоря о неисчислимыах человеческих жертвах. Но несмотря на все это, кабардинские и балкарские крестьяне сохраняли спокойствие и веру в лучшие дни, с удивительным упорством преодолевая вызванные ими хозяйственные разорения и социальные потрясения, продолжали прилежно заниматься земледелием, обеспечивая его поступательное развитие, так как оно служило основой их хозяйственной деятельности, одним из главных источников их существования. Они денно и ночью охраняли свой урожай, как и скот, всегда были начеку, чтобы отразить набеги налетчиков-грабителей. Кабардинец и балкарец были не только пастухами и земледельцами, но и воинами. В этих трудных и сложных условиях только посылавшиеся на помощь русские войска помогали кабардинцам и балкарцам выстоять в борьбе с врагами, сохранить свое хозяйство от полного разорения, продолжать занятие хлебопашеством¹.

Новый сельскохозяйственный год у кабардинцев наступал в марте, который называли «гъатхэпэ мазэ» (начальный весенний месяц). Считалось, что в первый день нового года происходит деление года на лето и зиму, на теплые и холодные дни (гъэрэ щырэзэхокI). Первые три дня нового года адыги праздновали. С этим празднованием был связан обряд «мафIащхэ джэд» (жертвоприношение в честь очажного огня). И в настоящее время многие адыги, особенно в сельской местности, продолжают соблюдать этот традиционный обряд, связанный с наступлением весеннего равноденствия – нового года.

Начинался годовой цикл земледельческих работ с пахоты. По древнему воззрению, благополучный исход любого дела зависел от хорошего начала. Поэтому, как и все кавказские горцы, кабардинцы и балкарцы широко праздновали день выхода на пахоту, являющуюся важнейшим моментом в их хозяйственной жизни. Праздник сопровождался различными церемониями и магико-религиозными обрядами, большими ритуальными общественными пиршествами. С помощью ритуальных действий и магических слов древние горцы стремились создать условия для обильного урожая. У адыгских народов был даже специальный покровитель пахотных волов – главной тягловой силы при земледелии – Хакусташ². Первый выход на весенне-полевые работы торжественно отмечали и балкарцы большими празднествами – Сабан-той.

Пахота начиналась организованно в обязательный для всех день, назначенный обществом. Кабардинцы и балкарцы приурочивали начало пахоты и сева ко времени весеннего равноденствия, которое приходится в разные годы на период от 18-го до 23 марта. Как правило, начало пахоты приурочивали к 21 марта соответственно григорианскому солнечному календарю. Адыги считали, что только с установлением весеннего равноденствия в землю начинают проникать солнечные лучи, обогревающие ее, начинается дуть теплый ветер – «жыы гуу» (букв.: жыы – «ветер», гуу – «бык-производитель»), который способствует набуханию почек, опылению, благоприятствует будущему урожаю.

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела. 1730–1733 гг д 1 л 16 об– 17, 22–22 об.; д. 2, л. 77–77 об., 214–215 об.

² Люлье Л. Я. Ворования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов. С. 126.

Таким образом, пахота, как начало весенне-полевых работ, была большим событием в жизни многих народов, и том числе и адыгов, которые торжественно отмечали праздник первой борозды¹.

«Праздник первой борозды у всех народов Дагестана, например, сопровождался общим молением, жертвоприношениями, угощениями, песнями, танцами, соревнованием в спортивных играх, скачках». Перед началом пахоты лакцы произносили «дуа» (молитву-пожелание)².

Ритуальный обряд первой борозды был известен очень многим земледельческим народам, и трудно определить, откуда получило распространение празднование начала весенне-полевых работ. «Тем не менее, – пишет Л. А. Чибиров, – одним из таких возможных центров мог быть Кавказ – страна с древнейшими земледельческими традициями, где до последнего времени так ярко сохранились пережитки весенне-праздничной обрядности»³. Далее он говорит о том, что сравнительно-историческое изучение этого праздника ярко свидетельствует о тесных осетино-кавказских культурных параллелях и что они «были вызваны к жизни не только одинаковыми природно-географическими условиями, но и сходством исторических судеб, общественного строя и образа мышления народов Центрального и Западного Кавказа»⁴.

Еще до выезда в поле пахари выбирали главного распорядителя (вак1уэ тхъ-мадэ), которым обычно становился старший из них, всеми уважаемый человек в ауле, обладавший богатым хозяйственным опытом и организаторскими способностями. На время пахоты распорядитель, выполнявший эту роль по несколько лет подряд, был полновластным хозяином, которому беспрекословно подчинялись все пахари. Все обряды и церемонии, связанные с пахотой, совершались под его руководством. Работа в поле начиналась с рассвета и прекращалась с разрешения распорядителя с заходом солнца, по сигналу: поднятый вверх шест с флагом означал, что пахари должны начинать работу; шест опущен – значит, наступило время завтрака, обеда или окончания трудового дня и прекращения работы.

Семьи, которые не имели возможности сами самостоятельно вспахать свою землю, объединялись в супругу (дзей), которую нередко использовали наиболее состоятельные хозяева как одну из форм эксплуатации под покровом патриархальности и народных традиций. А те крестьяне, которые не имели ни тягла, ни инвентаря, осуществляли трудовую взаимопомощь (щ1ыхъэху)⁵. Во время пахоты исполнялась специальная песня – «Песня пахарей».

Плугарь запевал ее, а погонщики подпевали. «В период пахоты, – пишет адыгейский этнограф М. А. Меретуков, – поле представляло собой как бы громадную сцену, где в некотором беспорядке размещалось множество хоровых коллективов. Песни их, раздававшиеся отовсюду, сливались в общий разноголосый хор»⁶.

После обработки земли приступали к посеву, который производился вручную, вразброс. Сеяльщик брал правой рукой горсть зерна из сплетенной из орешника корзинки с дощатым дном, впоследствии замененной мешком, перекинутым через левое плечо (в ряде мест для этой цели кабардинцы широко применяли и обычный кавказский башлык), и разбрасывал его равномерно по поверхности

¹ Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. С. 221.

² Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. С. 135.

³ Чибиров Л. А. Указ. соч. С. 128.

⁴ Там же.

⁵ Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980. С. 17.

⁶ Там же. С. 23.

земли. Сев считался весьма ответственным делом и не обходился без какой-либо церемонии. И не всякому поручалась эта работа – только опытным сеяльщикам. Если сеяльщиков было несколько, то они шли по полю в один ряд, имея специальных помощников, подносивших им семена. Сеяли семена зерновых культур по вспаханному полю. Но существовал и такой способ сева: семена кукурузы сеяли по поверхности земли, а затем запахивали. Посеянные зерна прикрывали землей при помощи специальной бороны-волокуши (тейльафэ), сделанной из терновника. В большинстве случаев это делалось сразу же после сева. После появления всходов снова бороновали поле, что способствовало их быстрому росту¹. Как и посев, прополка и уборка производились исключительно вручную. Поэтому уборочная страда, которая в разных зонах (равнинной, горной, высокогорной) начиналась в разное время, затягивалась до четырех месяцев.

Кабардинцы и балкарцы не только отмечали начало весенне-полевых работ, но и окончание пахоты и сева, устраивая по этому важному случаю особый большой народный аграрный праздник «Возвращение с пахоты» (Ваклуэ ихъэж) с участием всего населения аулов. Это было живописное карнавальное празднество, насыщенное ритуальными действиями, сопровождавшееся скачками, стрельбой в цель, танцами и песнями, торжественным водружением в честь возвращения с пахоты специального знака в виде флага – ваклуэихъэж бэракъ. У. М. Кантария этот обряд просто назван «барак» (бэракъ) – «знамя». «Бэракъ», вокруг которого совершался весь ритуал, представлял собой длинный шест с прикрепленным сверху четырехугольным куском материи желтого цвета. Весь ритуал сводился к водружению «бэракъ». При этом длина шеста символизировала большой урожай, а желтый цвет знамени – созревшие зерна². Праздник «Возвращение с пахоты» с главным персонажем ритуала-торжества – ажигафа, содержавшего элементы народного театрального искусства адыгов, «наиболее богато, красочно и многообразно... отмечался у кабардинцев, что объясняется, по-видимому, общественным характером процесса пахоты у них. Кабардинский праздник «Возвращение с пахоты» вызвал большой интерес многих исследователей»³.

Много общего с обрядами народов Северного Кавказа, и частности адыгов, совершаемыми в честь окончания пахоты, имеет обряд дагестанцев «ходить козлами». Козел у горцев, как известно, являлся ритуальным животным, олицетворяющим добро. И не только у горцев. Ему, «начиная с античности, в земледельческих религиях приписывалась особая плодovitость и соответствующая ей сила»⁴.

В XVIII в. основной и ведущей, самой распространенной зерновой полеводческой культурой у кабардинцев оставалось просо, являвшееся исконным, традиционным, древнейшим и важнейшим злаком в хозяйственной жизни адыгов, о чем свидетельствуют археологические данные. Оно ими когда-то обожествлялось, ему приписывали сверхъестественные свойства. Именно просу специально посвящали обряд моления перед началом посева, который производился в определенные сроки. Одним из древнейших очагов распространения проса считается Причерноморье, и оно еще в древности составляло «один из важных продуктов питания у меото-сарматских племен»⁵. С просом был связан и старинный

¹ Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980. С. 33, 40–42.

² Кантария М. В. Полеводство в Кабарде. С. 26.

³ Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа М.: Наука, 1981. С. 198.

⁴ Цит. по сб.: Традиционный фольклор народов Дагестана М.: Наука, 1991. С. 127.

⁵ Анфимов Н. В. Древние поселения Прикубанья. М., 1953; Возникновение и развитие земледелия. М.: Наука, 1967. С. 156, 157.

обряд адыгов, в частности кабардинцев, называвшийся «гъубжэдэх» (снятие серпа)... Согласно этому обычаю кабардинцы, вернувшись домой после уборки проса, вешали на шею хозяйки дома один из серпов. Она не имела права снимать его с шеи, пока не организовывала праздничный стол, угощение. За столом проносились здравицы в честь покровителя хлебопашества Тхагаледжа, его просили, чтобы убранный урожай был обильным (берикет) и т. д.¹

О просе говорится и в устном народном творчестве адыгов. Герой нартского эпоса Сосруко, защищая интересы народа, борется с чудовищем, чтобы вернуть людям семена проса.

Просо занимало важное место в хозяйственном быту не только кабардинцев, но и соседних осетин, у которых его название даже вошло в наименование божества хлебных злаков и урожая². «То, что в названии хлебного божества мы находим именно просо, а не другой злак, – пишет В. И. Абаев, – говорит о том особом значении, какое имело для древних осетин культура проса по сравнению с другим злаком»³. Говоря о зерновых культурах средневековых алан, В. Рубрук особо подчеркнул, что «просо имеют они в большом количестве»⁴.

Просо являлось земледельческой культурой, хорошо приспособленной и распространенной в то время переложно-залежной системе земледелия, давая высокие и устойчивые урожаи⁵. Об этом свидетельствуют русские документы, относящиеся именно к рассматриваемому периоду, в которых указывается на абсолютное преобладание среди возделываемых культур равнинными жителями Северного Кавказа – кабардинцами – проса, служившего для собственного употребления и поставляемого на рынок. В одном из таких документов, составленном в 1748 г., просо характеризуется чуть ли не единственным возделываемым злаком в Кабарде, служившим основным продуктом питания населения. «Настоящая у общего их народа пища – просо, которым и лошадей стоялых кормят, а для себя на год запасенное зарывают в ямы. А пшеницы и ячменя мало употребляют и затем и сеют немного»⁶. Более того, В. П. Христианович свидетельствует об абсолютном преобладании проса на посевных площадях в Большой Кабарде вплоть до начала XX в.⁷ Это объяснялось, видимо, «наибольшей устойчивостью этой культуры к местным равнинным климатическим условиям, а также тем, что она требовала для возделывания, по сравнению с озимыми посевами, значительно меньших затрат труда»⁸. В результате многовековой практики адыги вывели несколько различных сортов проса. По данным одного из лучших знатоков адыгского быта Хан-Гирея, писавшего о том, что просо они «более всякого рода хлеба сеют»⁹, им были известны три сорта этой культуры. А по полевым этнографическим материалам, они выращивали девять сортов этого злака¹⁰. Это – черное просо (хуфЫцІэ), белое просо (хухужь), красное просо (хупльыжь), желтое просо (хугъуэжь) и т. д. Просо не только было, но остается и сейчас из-

¹ Ученые записки КЕНИИ. Т. 24. С. 175.

² Чибиров Л. А. Указ. соч. С. 182.

³ Цит. по кн: Чибиров Л. А. Указ. соч. С. 181.

⁴ Рубрук В. Путешествие в восточные страны // Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967. С. 16.

⁵ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 138.

⁶ КРО. Т. 2. С. 160.

⁷ Христианович В. П. Сельскохозяйственные районы Кабарды. Воронеж, 1926. С. 51.

⁸ Калоев Б. А. Моздокские осетины. М.: Наука, 1995. С. 75–76.

⁹ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 59.

¹⁰ Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980. С. 36.

любленным продуктом питания у кабардинцев, которые из него приготавливали и приготавливают много национальных кушаний и хмельной напиток, называемый *махъсымэ*, пекли хлеб (хумэжаджэ). Кстати, говоря о пище горцев, являющейся наиболее устойчивым существенным элементом их этнической материальной культуры, И. Ф. Бларамберг, отметив, что «в целом кавказские народы очень умерены в еде», писал: «Горцы неукоснительно воздерживаются от употребления вина и алкогольных напитков, за исключением некоторых старшин, которые не ограничивают себя в этом отношении; к тому же буза, когда она хорошо перебродит, тоже опьяняет»¹. Почти все кабардинцы не представляют себе и сейчас стола с мясными блюдами без очень популярного традиционного национально-го блюда – пасты, крутой пресной каши из просяной крупы. «В Черкесии, – писал Дортелли д'Асколи, – зерновой хлеб не употребляется, хотя зерно и сеется; но взамен хлеба едят густо сваренное в котле просо без соли и называют его паста. Она делится на куски, которые подаются к трапезе»². Эта просяная каша заменяла адыгам хлеб с незапамятных времен. Кабардинское выражение «шыгъу-пластэ», равнозначное русскому «хлеб-соль», служит доказательством древности этого национального кушанья. Просо шло также на корм для верховых лошадей, превосходя по своим питательным качествам даже овес, способствуя уменьшению потливости коня, а солома проса (гъупщ) – считалась лучшим после сена кормом для крупного рогатого скота, овец.

Теплолюбивое просо, занимавшее до конца XIX в. такое почетное, ведущее место в структуре площадей Кабарды, не получило широкого распространения в Балкарии, где суровые горные климатические условия местности не благоприятствовали его культивированию. Оно не успевало созревать в горах, и поэтому его здесь не сеяли. Говоря о хозяйственных занятиях балкарцев, кабардинские князья Магомет Атажукин, Адильгирей Гиляхстанов и кумыкский владелец Хамзин в Коллегии иностранных дел в 1743 г. сообщили, что у них «родится пшеница, ячмень и местами овес, а просо не родится»³. Жители гор познакомились с этой культурой лишь по мере их переселения в предгорья и на равнину. Л. И. Лавров отмечает, что «начиная со втором половины XVIII в. источники содержат указания и на посевы проса» в Балкарии⁴. Таким образом, здесь культивировали почти все главнейшие зерновые злаки. При этом крайняя стесненность в пригодных для хлебопашества землях в горах требовала особо больших усилий для занятия земледелием от балкарского крестьянства. Даже те небольшие клочки земли, пригодные под пашни, были отвоеваны у немилостивой природы ценой огромного труда многих поколений. Каждый вершок земли поистине был добыт потом и кровью жителей гор. Чтобы превратить каменистые крутые горные склоны, узкие речные долины в плодородные поля, необходимо было очистить их от кустарников, массы камней, доставить туда землю вьюками на санях или на специальных арбах, провести оросительные каналы-арыки, водопроводы, часто используя для этого глинобитные, гончарные трубы, а также соединенные между собой деревянные корытообразные колоды из стволов деревьев, обнести искусственно созданные террасные участки каменной оградой⁵.

¹ Бларамберг И. Указ. соч. С. 32–33.

² АБККЕА. С. 64–65.

³ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 138.

⁴ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. IV. М.: Наука, 1969. С. 84.

⁵ Тульчинский Н. П. Пять Горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. С. 181.

О создании террасных участков при горном земледелии в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева говорится следующее: «...в процессе пахоты на склоне горы часть земли и камней сбрасывается вниз и образует гребень между данной пашней и нижележащей, а весь обрабатываемый склон приобретает террасообразный вид, где полосы пашен чередуются с гребнями необрабатываемых межей «саппов»¹. Террасные участки надо было еще обильно унавоживать. Ибо без внесения органических веществ каменная почва в горах, которая обрабатывалась непрерывно из-за острой нехватки земли, не могла дать даже самого скудного урожая. «Без навоза нет зерна», «из камня на камне нет урожая», – гласят горские поговорки. Наиболее ценным удобрением считался овечий навоз, а затем – крупного рогатого скота. У балкарцев и карачаевцев навоз заготавливался совместно несколькими родственными семьями в селах и на кошах. Транспортировку удобрения на террасные поля на склонах гор осуществляли в основном вьюками на ослах. А что касается орошения, то автор, опираясь на археологические и письменные источники, а также на полевой этнографический материал, отмечает, что у этих народов «эта традиция идет еще со средневековой аланской эпохи», что «обычай, связанный с постройкой ирригационных сооружений и пользованием водой для полива, совершенно един у балкарцев и карачаевцев, что свидетельствует об их близком родстве»². Древность средневековых оросительных каналов, многочисленные следы которых обнаружены на территории Балкарии, отмечал в 80-х гг. XIX в. в своих неопубликованных полевых записках М. М. Ковалевский. «Есть предание, – пишет он, – что в башне, в которой спасалась одна княжна от Темура, вода проведена была через турий рог и рога воловьих»³.

Рядом с крохотными полями-сабанами в горной Балкарии до недавнего времени, а местами и поныне, высились пирамиды из собранных с участков камней – немые свидетели тяжелой в прошлом жизни горца, памятники удивительному, поражающему воображение трудолюбию и упорству народа, его земледельческой культуре. Часто обвалы и горные потоки – сели – в течение нескольких минут уничтожали результаты многолетнего добросовестного труда по созданию пахотных и сенокосных участков, строительству оросительных каналов на склонах холмов и гор. И тем не менее земледелие, хотя и не получило здесь широкого развития, носило подсобный характер, оставалось важным занятием балкарцев. Со своих крошечных земельных участков им удавалось получать относительно неплохие урожаи, однако доставались они ценой чрезвычайно больших затрат тяжелого физического труда.

В XVIII в. кабардинцы сеяли и пшеницу, являвшуюся также одной из основных древнейших традиционных земледельческих культур края. Народам Северо-Западного Кавказа она стала известна 8 тыс. лет тому назад⁴. С пшеницей были связаны различные представления культурного характера. По свидетельствам этнографов, она, будучи возведенной в ранг священной зерновой культуры, издавна имела важнейшую магическую функцию. А что же касается вопроса о возделывании пшеницы в Кабарде в XVII–XVIII вв., то это подтверждается документальными источниками. «А на Тереке-де покупают пуд пшеницы по гривне, а идет на Терек пшеница из Кабарды, из Кумык», – писал в марте 1614 г. самарский

¹ Абаев В. И. ИЭСОЯ. Т. 3. С. 31.

² Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 217, 218.

³ См.: Там же. С. 65.

⁴ Калмыков И. Х. Черкесы. С. 175.

воевода князь Дмитрий Пожарский со слов пришедшего в Самару из Астрахани «гулящего человека» Гаврилки Омельянова¹. Об этом же говорят и документы, относящиеся и к следующему столетию. Прибывший 11 марта 1745 г. от кабардинских князей кашкатауской партии кизлярский дворянин Василий Черкасов сообщал кизлярскому коменданту, что кашкатавцы собираются весною переселиться «к Бешговым горам» и потом вместе «пахать просо, пшеницы и ячмень»². О посевах пшеницы в Кабарде говорится и в «Описании кабардинского народа», составленном в Коллегии иностранных дел в мае 1748 г.³, и других документах, следовательно, не только не имело оснований существовавшее до недавнего времени мнение о том, что в XVIII в. в Кабарде еще не сеяли пшеницу, но нет даже оснований и для утверждения, что эта культура здесь в то время не получила большого распространения. Один тот факт, что еще в начале XVII в. этот ценнейший продукт выращивался в таком количестве и в иные годы приносил значительные по тем временам урожаи, что он даже вывозился из Кабарды и поступал на внутренний и внешний рынок, говорит об обратном.

Другое дело, что урожайность в рассматриваемый период была низка, так как она даже к 60-м гг. XIX столетия составляла всего лишь сам-8, тогда как просо давало сам-17–18⁴. При этом надо иметь в виду то, что, по данным П. И. Лященко, в целом для России XVIII в. по основным зерновым культурам (озимая рожь, пшеница, ячмень) в хорошие годы урожаи были «сам-3–4–5»⁵. Если взять Кавказскую губернию, то здесь урожайность в целом всех зерновых культур в 1789 г. составляла сам-4,4 и в 1790 г. – сам-5⁶. Даже на Дону, который уже в рассматриваемое время был районом высоких урожаев по сравнению с другими районами крепостнической России, во второй половине XVIII в., по свидетельству современников, урожай пшеницы, ржи, овса, проса был «по меньшей мере сам-десять»⁷.

Видимо, низкая урожайность пшеницы в Кабарде по сравнению с урожайностью проса была связана, как подмечено В. К. Гардановым, с тем, что кабардинцам в то время была известна только яровая пшеница, не совсем хорошо переносившая более суровый в то время климат края, часто погибавшая от весенних или осенних заморозков. Но зато к тогдашним погодно-климатическим условиям хорошо подходило просо, которое сеяли обычно поздно весной, в мае, т. е. после весенних заморозков, а убирали рано – в сентябре, а иногда в начале октября, т. е. до наступления осенних холодов. Эти сроки как нельзя лучше подходили также и для другой культуры – полбы (гъашэ) – этой древней предшественницы своей родственницы пшеницы, которая, как просо, не боялась осенних холодов. В. П. Пожидаев считал полбу у кабардинцев «второй культурой по древности» после проса и отмечал ее широкое распространение по всей Кабарде⁸. О важном значении этой культуры в нашем крае говорят и данные С. Броневского, согласно которым она занимала пятое место среди зерновых культур⁹ и явля-

¹ Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 94.

² АВПР, ф. Кабардинские дела, 1745 г., д. 2, л. 10.

³ Там же. 1748 г., д. 6, л. 18 об.

⁴ Грабовский Н. Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. С. 22.

⁵ Лященко П. И. Крепостное хозяйство России XVIII в. // Исторические записки. М., 1945. Т. 15. С. 116.

⁶ Дон и степное Предкавказье. С. 113.

⁷ Там же. С. 80.

⁸ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. С. 70.

⁹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе... Ч. 2. С. 135.

лась древнейшим продуктом питания кабардинцев. В Кабарде в XVIII в. имелись довольно значительные посеы полбы. Ее сеяли, «начиная с плоскости и кончая предгорьями»¹. Полба (гъашэ) давала высокие устойчивые урожаи – «иногда пудов сто и больше с одной хозяйственной десятины»². Она шла в пищу в виде каши, служившей населению хлебом. По сведениям В. Христиановича, культура полбы в небольшом количестве была зарегистрирована экономическим обследованием 1922 г. в селении Анзорова. Полба (гъашэ) была распространена и в Балкарии, где называлась «быдыш»³.

В XVIII в. кабардинцы продолжали сеять и ячмень – хъэ, который являлся наиболее стойкой культурой при неблагоприятных климатических условиях и шел главным образом на корм лошадям. Из ячменной муки издавна пекли хлеб – *хъэцIакхъуэ*, а из очищенных зерен ячменя варили суп – *хъэгулывэ*. Характерно, что в кабардинском языке не только многие термины, связанные с земледелием, образованы от корня «хъэ» (ячмень), но в нем сохранились многочисленные названия блюд и продуктов, начинающиеся со слова «хъэ», что свидетельствует о том, что ячмень был не только наиболее древней полевой культурой, но и когда-то являлся основным компонентом адыгской национальной пищи.

Наибольшее распространение ячмень имел в Малой Кабарде, и особенно в горных зонах Северо-Кавказского региона, в том числе и в Балкарии. Он возделывался в основном здесь, так как наилучшим образом отвечал местным климатическим и почвенным условиям. Ячменя было несколько разновидностей и много сортов, отличавшихся высоким качеством зерна, продуктивностью и морозостойчивостью. В конце XVIII в. в Кабарде в хозяйственный оборот стала внедряться и кукуруза, которая из огородной превращалась в полевую. Первое знакомство кавказских народов с кукурузой относится к XVII в.⁴ Примерно в это же время она появилась и на Северном Кавказе и получила название «нартиху», что у адыгских народов означает буквально «богатырское нартское просо» и связано с крупным, необычным размером початков и зерен, вызвавшим, по-видимому, некоторое удивление при первом знакомстве с этим новым растением. Впоследствии адыгское наименование этой новой и популярной продовольственной культуры – кукурузы – было заимствовано абазинами, карачаевцами, балкарцами и ногайцами. Через кабардинцев с нею познакомились и другие горцы Северного Кавказа. Хотя кукуруза попала к нам сравнительно недавно, она являлась одной из древних культур. Она упоминается в античной истории в связи с походом Александра Македонского в Индию: «Поход в Индию в 324 г. до н. э. закончился разгромом войск царя Пора. На реке Гидасп Александр широко применил тактику рассеянного строя. Укрыв своих воинов в кукурузе вдоль западного берега реки, он поставил противника в тупик относительно направления основного удара. Демонстративные шумные передвижения кавалерии без очевидного плана буквально гипнотизировали индийского царя, заставив его прекратить задуманное сосредоточение войск. Тем временем Александр с личной гвардией обошел индийские войска с тыла и разгромил их наголову»⁵.

¹ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. С. 74.

² Там же.

³ Кантария М. В. Указ. соч. С. 92.

⁴ Джавахишвили П. А. Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1930. Кн. 1. С. 363; Бжания Ц. Г. Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, 1962. С. 36.

⁵ Гребенюк А. В. Цивилизации античного мира и средневековой Европы. М., 1994. С. 109.

В первое время кукуруза не входила в систему полеводства, а была лишь огородной культурой. Ее сеяли на приусадебных участках наряду с огородными культурами, а потом сфера ее применения расширилась¹. Причем кабардинцы культивировали несколько сортов кукурузы. Со временем она, ввиду чрезвычайно высокой урожайности, а также большого спроса на рынке, заняла одно из первых мест в адыгском полеводстве, стала излюбленной пищей кабардинцев, которые из нее приготавливали многочисленные блюда. Кроме того, зерно и стебель ее шли на корм скоту. «Адыхе, – писал Ш. Б. Ногмов, – издревле занимались хлебопашеством и сеяли просо, ячмень, кукурузу, полбу и огородные овощи... На нашем языке есть названия всех хлебов, исключая сарачинского пшена»².

В рассматриваемый период в Кабарде, как и прежде, земледелие велось с применением основных систем полеводства, но господствующей оставалась переложно-залежная система, отвечавшая уровню совершенства сельскохозяйственных орудий, удачно сочетавшаяся с преимущественным занятием населения скотоводством и коневодством.

Кабардинцы обрабатывали земельный участок на протяжении от 6 до 12 лет. Затем его оставляли на длительный срок и использовали под пахоту другой участок³. «Переложно-залежная система, известная еще с эпохи скифо-сарматов, – отмечает Б. А. Калоев, – практиковалась исключительно на равнине, где располагались большие пахотные угодья. Поэтому эта система, можно сказать, характерна для равнинных жителей, и прежде всего кабардинцев. Другие горцы, в частности балкарцы и карачаевцы, осетины, ингуши, чеченцы, познакомились с ней позже, по мере того, как спускались с гор на равнину»⁴. Другими словами, для нормального функционирования переложно-залежной системы требовалось намного большее количество земли, чем для ведения интенсивного полеводческого хозяйства в горных районах. Практиковавшаяся издавна и достигшая большого совершенства на равнинной зоне Северного Кавказа, особенно у кабардинцев, переложно-залежная система была воспринята от ее создателей-горцев последующими переселенцами этого региона, в том числе русскими⁵. Земли, находившиеся нередко в перелог по 10–12 и более лет, постепенно восстанавливали плодородие, продолжая служить хозяйственным целям в качестве пастбищ и сенокосных угодий, которые, в свою очередь, время от времени распахивались под посевы зерновых культур.

Полевые этнографические исследования и картографирование, проведенные Б. А. Калоевым, показали распространение на территории Северо-Кавказского региона почти всех систем земледелия. До 80–90-х гг. XIX в. характерной чертой развития земледелия на Северном Кавказе являлось многообразие зерновых культур. К 90-м гг. XIX в. просо в регионе было вытеснено кукурузой и пшеницей, но почти до конца века оставалось преобладающей культурой у кабардинцев⁶. Обратив особое внимание на соотношение горного и равнинного земледелия, Б. А. Калоев отмечает: «Земледелие в горах характеризовалось почти до

¹ Калмыков И. Х. Черкесы. С. 86.

² Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 33.

³ Студенецкая Е. Н. Кабардинцы и черкесы // Народы Кавказа. М., 1960. С. 146.

⁴ Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 53.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ Калоев Б. Л. Изучение земледелия народов Северного Кавказа: (В плане историко-этнографического атласа) // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тезисы докладов (секция этнографии, фольклора и антропологии). Тбилиси, 1971. С. 45–46.

60-х гг. XIX в. довольно интенсивным развитием. Об этом свидетельствуют остатки большого количества террасных полей по всему горному Кавказу и древних оросительных каналов, четко прослеживаемых особенно на территории балкарцев и карачаевцев»¹. Зато не прав Б. А. Калоев, когда он пишет: «... земледелие в Кабарде никогда не играло ведущей роли в хозяйстве и находилось почти до конца XIX в. на низком уровне»². Во-первых, было время, когда в хозяйстве адыгов доминирующее положение занимало земледелие, но начиная с раннего Средневековья в этой области наступает определенный упадок, некоторый застой в развитии, в результате чего животноводство вышло на первое место. «Исторически, в процессе своего развития, земледелие и скотоводство сменяли друг друга в роли ведущей отрасли с небольшим преобладанием одной над другой. Иначе и не могло быть. Но если по сравнению с земледелием скотоводство на первый взгляд представлялось более передовой отраслью, то лишь потому, что оно, особенно коневодство, было показателем престижа для высших слоев населения и их мощи»³. Во-вторых, в основном в равнинной Кабарде почти не использовался ряд агротехнических приемов, как в горных хозяйствах. И это лишь потому, что «необходимость в их применении вообще отсутствовала ввиду условий, благоприятствующих полеводству, а не из-за низкого уровня развития... Кабардинцам незачем было террасировать горные склоны, ибо они располагали обширными полями, пригодными для земледелия»⁴. Следовательно, было бы неправильным делать обобщающие выводы путем сравнения двух разных типов хозяйств. Обратила на это внимание грузинский историк-этнограф М. В. Кантария, которая пишет: «Земледелие в высокогорной Балкарии интенсивное, несмотря на то, что не является ведущим, так как в местных условиях необходимо использование интенсивных средств освоения земель (удобрение почв, орошение, террасирование склонов), и наоборот, равнинное земледелие, как правило, экстенсивное ввиду того, что высокоплодородные почвы равнин не требуют интенсивных способов обработки. Исходя из этого, можно утверждать, что земледелие в Кабарде – традиционная отрасль, что подтверждают в первую очередь археологические материалы. Но земледелие – экстенсивное, применяется трехпольная залежная система»⁵.

В итоге монографического историко-этнографического комплексного исследования традиционных форм хозяйственной культуры народов Центрального и Северо-Западного Кавказа М. В. Кантария приходит к выводу об оседлости хозяйства адыгов на протяжении всего средневековья и о взаимообусловленности скотоводства и высокоразвитого переложно-залежного земледелия в Кабарде в XVII–XVIII вв. «Таким образом, – заключает она, – в результате социально-экономического развития и исторического своеобразия в этой стране сложилось хозяйство, представляющее собой симбиоз земледелия и скотоводства, обусловленный существующей экосистемой. И говорить об одной преобладающей отрасли не имеет смысла»⁶.

Между прочим террасное земледелие в прошлом было известно и адыгам. Речные и морские террасы использовались адыгами (горными жителями) для

¹ Калоев Б. А. Изучение земледелия народов Северного Кавказа... С. 45.

² Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 22.

³ Кантария М. И. Экономические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси: Мецниереба, 1989 С. 84.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 83.

сельскохозяйственных культур. На склонах гор создавались искусственные террасные поля. Для защиты полей и садов от ливней адыги проводили водоотводные каналы, которые укрепляли камнями в более крутых местах. Канавы эти в то же время служили дренажом, использовались и для осушения почвы, склонной к заболачиванию. Для защиты плодородной земли от заносов укреплялись русла рек и ручьев. Адыгам было знакомо и оросительное земледелие, ирригационные сооружения. При помощи канав от речек и ручьев они подводили воду к хлебным полям, орошали низменные плато ущелий, террасные поля. Известно, что жившие при Терках кабардинцы «наряду со скотоводством, а отчасти и рыболовством, пахали землю, сеяли просо и пшеницу, поливая свои пашни-сабаны водами Терека»¹. От кабардинцев и других кавказских соседей «казаки переняли некоторые приемы ведения сельского хозяйства, в частности нового для них полвного земледелия...»².

Более того, благодаря добрососедским отношениям и тесным экономическим связям, установившимся между казаками и горцами, гребенцы, служившие как бы живым мостом, связующим Россию с Кавказом, «значительно раньше, чем донские казаки, начали заниматься земледелием, составившим основу их хозяйственной деятельности. И если донцы жили исключительно привозным из Руси хлебом, то гребенцы в значительной мере обеспечивали им себя сами»³. Для повышения плодородия почвы и урожайности зерновых культур адыги проводили агрокультурные мероприятия. Они периодически удобряли землю навозом, золой, птичьим пометом. Чтобы сохранить в почве больше влаги, защитить поля от действия иссушающих и холодных ветров, адыги местами оставляли деревья на хлебных полях или сажали их вокруг них. Ограждали деревьями террасные поля на склонах гор. В местах выхода водяных источников и вдоль их русла, а также на земельных участках, которые подвергались вымыванию ливнями, насаждали лес. И наконец, для повышения урожайности зерновых культур адыги широко использовали севооборот⁴. Все это являлось показателем высокой культуры земледелия у адыгов-кабардинцев уже в рассматриваемое время.

Симбиоз скотоводства с земледелием, носившим в основном альпийский, высокогорный характер естественной среды, определил главные свойства хозяйственной деятельности балкарцев, своеобразные черты их полеводческого хозяйства.

Это своеобразие, правильно подмеченное М. В. Кантария, по отношению к горной части Осетии, находившейся в сходных условиях с Балкарией, «обуславливалось малоземельем, разработкой искусственно созданных участков сложными агротехническими приемами, террасированием, орошением и т. д. Вышеуказанные хозяйственные условия, – говорит далее автор, – содействовали созданию трудоемкой системы полеводства, которая, несмотря на свой замкнутый характер, является признаком высокоразвитой земледельческой культуры»⁵.

Техника пашенного земледелия у кабардинцев в XVIII в., как справедливо подчеркивает В. К. Гарданов, находилась на довольно высоком уровне. Очень ва-

¹ Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 24.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 24.

⁴ См.: Меретуков М. А. Хозяйство у адыгов // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980. С. 29–31.

⁵ Кантария М. В. Формы взаимопомощи в горной Осетии // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и агриграфических исследований 1970 г.: Тезисы докладов. С. 79.

жен такой вывод одного из самых авторитетных современных кавказоведов, ибо земледельческие орудия труда, в формировании которых основная роль принадлежит социально-экономическим условиям и географической среде, являясь фактором, непосредственно определяющим уровень сельскохозяйственного производства, в свою очередь, наряду с другими элементами культуры, дают возможность воссоздать картину традиционной земледельческой культуры, судить о состоянии и масштабах развития этой отрасли хозяйства. О справедливости оценки В. К. Гарданова свидетельствует хотя бы тот факт, что на равнине, где в основном производили посевы, землю пахали большим тяжелым деревянным передковым адыгским плугом (пхъэ1эщэ) с массивными железными лемехом и резак, имевшим приспособление для регулировки глубины вспашки и ширины захвата. Адыгский тяжелый плуг состоял из двух главных частей: собственно плуга и передка. Главные части плуга – лемех (вабдзэ) и резак (ф1эбдз) – изготовляли из отточенного железа. Лемех был очень массивным, весом 10–12 килограммов, а резак – 5–7 килограммов. Передок состоял из деревянной оси, двух деревянных колес и дышла. При этом имелись два типа передков: с колесами одинакового диаметра и с колесами разного диаметра, что объяснялось рельефом местности. В равнинных местах региона наибольшее распространение имел плуг с колесами одинакового диаметра; в предгорных районах, наоборот, применению такого орудия мешал рельеф местности. Для регулирования борозды плуг имел специальное приспособление на оси между двумя колесами¹.

О том, что в рассматриваемое время адыги пользовались этим пахотным орудием, имеется указание у Гюльденштедта. Ему и Палласу мы обязаны первым упоминанием о тяжелом адыгском (черкесском) плуге. Более того, он был не только упомянут, но и описан сначала Гюльденштедтом, а затем и Палласом. Об адыгском плуге, приводя его чертеж и местное название, Гюльденштедт говорит: «Плуг сей употребляют для новой, тяжелой, глинистой и весьма твердой почвы; ибо легкие плуги в такой почве ломаются»². А. Паллас сам лично наблюдал в Кабарде вспашку большими и тяжелыми плугами, в которые впрягали, по его словам, до 6–8 волов³. Это же подтвердили в своих исследованиях Г. С. Читая и В. К. Гарданов.

Плуг изготовляли из дерева, о чем свидетельствует само название «пхъэ1эщэ» (пхъэ – «дерево», 1эщэ – «орудие»). Интересно заметить: деревянный плуг исчез давно, но и в настоящее время сохранился этот термин в значении железного плуга. Все виды пахотных орудий назывались в прошлом и сейчас называются одинаково – «пхъэ1эщэ». Его делали из прочной древесины, чаще всего из чинары или дуба, а резак – из железа. Плуги адыгские изготовлялись самыми искусными мастерами. Железные части делали кузнецы, а деревянные – плотники. В плуг обычно впрягалось три или четыре пары волов, в зависимости от почвы, и управляли ими трое мужчин – плугарь и два погонщика. По данным Б. А. Калоева, дневная пахота адыгского тяжелого плуга не превышала более 0,5 дес.⁴

В Кабарде и Балкарии было немного хозяйств, имевших полный плуг, т. е. необходимое количество скота (четыре пары быков) и прислуги. Поэтому, не имея возможности самостоятельно обрабатывать свои земли, крестьяне, как правило, вынуждены были объединяться в трудовые коллективы для совместной вспаш-

¹ Подробно об этом см.: Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 119, 125–126.

² Там же. С. 118–119.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 125

ки – входить в супряжничество (дзей). К последней, являвшейся издавна самой распространенной формой трудового объединения крестьян на всей территории Северо-Кавказского региона, прибегали как жители равнинной, так и горной зон. Для вхождения в супрягу считалось минимально необходимым наличие пары волов. От количества рабочего скота, включенного в дзей, зависел как размер пахотного участка, так и объем феодальных повинностей. Адыгам были известны все простые виды взаимопомощи и совместного труда, генетически связанные с древнейшим периодом их истории. Земледельческие и другие наиболее трудоемкие работы часто по традиции выполнялись сообща. У балкарцев и карачаевцев организация обработки земли имела свои особенности. У этих народов «в отличие от других народов региона практиковалась общинная форма вспашки. Целый аул или большая фамилия часто составляли одно трудовое товарищество на весь период вспашки, имея 6–8 пахотных орудий. Члены артели выезжали вместе в поле и вспахивали сначала участок одного, затем другого и т. д.»¹. На равнине, как отмечено выше, землю пахали тяжелым адыгским деревянным плугом, который как в экономическом, так и техническом отношении более выгоден, чем остальные виды пахотных орудий. Это тяжелое земледельческое орудие, в которое впрягалось четыре пары быков (вэрэвий) *, позволяло поднимать целину, производить глубокую вспашку долголетне-залежных земель, приближающихся по твердости почвы к целинным.

Адыгский (черкесский) тяжелый деревянный плуг с колесным передком являлся наиболее распространенным пахотным орудием во всей равнинной зоне Северо-Кавказского региона. Этим плугом обрабатывали земли не только сами адыги-кабардинцы, черкесы и адыгейцы, но и другие соседние горские народы края. Это традиционное земледельческое орудие адыгов было заимствовано их соседями – чеченцами, ингушами, осетинами, балкарцами и карачаевцами – по мере их переселения с гор на равнину. Для абазин и оседлых ногайцев адыгский плуг издавна служил главным пахотным орудием. Свидетельством такого заимствования являлся и термин «черкесский плуг» или «кабардинский плуг», встречающийся в языках многих из указанных народов. Хотя у каждого из этих народов это орудие изготовлялось своими мастерами, оно сохранило у них адыгское наименование: у горцев Центрального Кавказа – «кабардинский плуг», у жителей Северо-Западного Кавказа – «черкесский плуг»².

Тяжелый плуг являлся давнишним пахотным орудием адыгов, которые считали его настолько древним, что говорили: «Сколько существуют адыги, столько

¹ Там же. С. 129.

² См.: Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 219–220.

* Примечательно, что в одном из сказаний о нарте Сосруко встречаются такие слова:

Бжэньщрэ хьэцыпэу
уэгум сыщызэрихьэщ,
щ'Ыльгэм сыкъырихьэхри
Нарт вагъэбдзумиблыр
Блыпкъыпэк'Іэ сигъавэщ,
Вэрэвийм я пщ'Іэнт'Іэпсыр
Си нат'Іэпэм кьыхихуш.

Словно козий пух, с седла меня снял,
Когда опустил на землю.
Сколько восемь волов не вспашут,
Столько заставил меня плечом вспахать.
Словно из восьми волов пот из меня вышиб.

(Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. С. 362)

существует их плуг». Это, конечно, преувеличение, но нет сомнений в том, что в рассматриваемый период и позже он служил главным пахотным орудием на Предкавказской равнине. «Наличие у черкесов (адыгов) тяжелого плуга, во многом отличного от древнерусского (украинского) и грузинского плугов, – пишет Б. А. Калоев, – известно нам по литературным данным еще со второй половины XVIII в., а по археологическим находкам (чресала и лемеха) – со средневековья»¹.

В горных районах, где из-за природно-географических условий в рассматриваемый период хлебопашеством занимались в небольших масштабах, но земли находились почти постоянно под посевами, кабардинцы и балкарцы пользовались более простой конструкцией – легким безотвальным пахотным орудием типа рало, а также беспередковым плугом типа грузинского малого плуга. Такой плуг вспахивал неглубоко, был приспособлен к природным условиям гор с их тонкослойными, часто искусственно созданными почвами. Там, где было возможно, использовался и тяжелый плуг. На равнине для вспашки мягкой земли, а также для вторичной пахоты после тяжелого плуга с колесным передком применяли легкое пахотное орудие – рало. Поэтому Попко в своем труде «Терские казаки» говорит о земледелии кабардинцев: «...кабардинцы народ земледельческий, они работают легким плугом, пахут мягко, тонкими пластами, с геометрической правильностью линий, зерно сеют близко к солнечному лучу и атмосферическому воздуху»².

То же самое говорит и другой автор – В. А. Потто. Он пишет: «Еще живя на Гребнях, присматриваясь к соседям кабардинским, гребенские казаки заметили разумную постановку у них земледелия: кабардинцы пахут легким плугом, не забирая глубоко; сеют зерно близко к поверхности, нагреваемой солнцем, и почти не знают неурожаев. Все это усвоили себе и наши гребенцы...»³. На крутых горных склонах, где нельзя было применять плуг, землю обрабатывали мотыгой, используя ее для расчистки подсечных участков, разрыхления земли, уничтожения сорных трав. «Основными орудиями земледельческого труда, – сказано в «Очерках истории балкарского народа», – служили известный деревянный плуг «сабан-агач» с металлическим лемехом «сабан-темир», в который впрягали одну пару быков; вспаханную землю разрыхляли примитивно изготовленными боронами «кыйытхы», «сибирки»⁴. Говоря об этом, Хан-Гирей писал: «Жители же ущелий и гор, не имеющие привольных долин для хлебопашества, имеют другого рода плуг, а именно: малый и запрягаемый в одну пару волов. Этого же рода плуг употребляют и жители равнин для вспахивания мягких мест, годных под огородные растения. Те же из жителей гор, которые не имеют удобных мест даже и для пахания этими маленькими плугами, обыкновенно раскапывают землю особенного рода железными лопатами, имеющими вид топорика; в этих местах, по причине беспрестанного употребления, почва нив делается чрезвычайно мягкой, и нередко употребляют унавоживание, что вовсе не известно жителям равнин»⁵. Однако, видимо, нельзя безоговорочно согласиться с Хан-Гиреем, когда он утверждает, что «черкесы стараются сеять и собирать хлеба лишь столько, сколько им потребно для продовольствия до будущей жатвы, отчего, не имея запасов, в случае неурожаев подвергаются всем ужасным последствиям голода».

¹ Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 219.

² См.: Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 67.

³ Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 64.

⁴ Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961. С. 53.

⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 257.

И немалою причиною «такого нерадения черкеса в хлебопашестве» он считал то «обстоятельство, что у них нет удобного сбыта хлеба посредством торговли, которая бы поощряла трудолюбие селянина»¹. Спору нет, что в Черкесии бывали годы неурожайные и голод, что хозяйства горцев в то время носили натуральный и замкнутый характер. Но нельзя не учитывать, во-первых, что черкесы, в том числе и кабардинцы, будучи издревле земледельцами, хорошо знали цену хлебу и всегда делали его запасы. Во-вторых, с годами нарушалась замкнутость хозяйства черкесов.

Кабарда и Балкария, как и другие национальные районы Северного Кавказа, постепенно втягивались во всероссийский рынок, который начал складываться с XVII в. Как сказано выше, еще в XVII в. кабардинцы не только полностью удовлетворяли свои потребности в продуктах земледелия, но и вывозили зерновые в Кизляр и другие поселения, а также хлеб из Кабарды через Терский город поступал на рынки центральной России. Еще в начале XVII в. самарский воевода Дмитрий Пожарский сообщал, что «на Терек-де хлеб идет из Черкасских гор»². Кроме того, Кабарда в неурожайные годы за счет излишка снабжала хлебом и некоторые соседние народы, в частности Балкарию. Так, в одном из документов, относящихся к 1629 г., говорилось, что «балкарцы покупали хлеб в Кабарде и доставляли его в мешках на себе в горы», поскольку «телегами проехать теми месты немочно»³. И тем более вывод Хан-Гирей о положении у горцев с хлебом неправилен относительно XVIII – первой половины XIX в., когда торговля горцев с Россией, в том числе и хлебом, намного расширилась по сравнению с предшествующими веками.

Возвращаясь к вопросу о земледельческих орудиях в Кабарде и Балкарии в XVIII в., надо сказать, что если сравнивать их на плоскости и в горах, то они отличались значительным единообразием и в то же время имелись и их локальные варианты, что было связано с различными природными условиями, а также в известной мере с этническими особенностями. Таким образом, у адыгов-кабардинцев были различной конструкции пахотные орудия, вполне соответствовавшие географическим условиям края. На равнине они использовали для вспашки тяжелый плуг, а в горных районах – более простое и легкое пахотное орудие, каким являлось адыгское рало с одной парой быков. Но кое-где они пользовались и плугом, и ралом, которые в известной мере дополняли друг друга. «Плугом в таких случаях поднимали новь и вообще производили первую вспашку, а ралом перепахивали землю вторично – факт, свидетельствующий о высокой культуре земледелия»⁴.

Авторы «Очерков русской культуры XVIII в.», говоря о господствовавших в то время в русском земледелии типах орудий, заключают: «Главная же суть прогресса культуры русского земледелия состояла в гибкости применения этих орудий, в функциональном их многообразии»⁵.

Наряду с различными типами орудий в горах и на равнине имелось много сельскохозяйственных орудий, применявшихся в одинаковой мере в обеих зонах. К ним относятся орудия посева, уборки урожая, отчасти пахоты, боронова-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 257.

² Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. С. 411, 424.

³ КРО. Т. 1. С. 121.

⁴ Кантария М. В. Указ. соч. С. 125.

⁵ Очерки русской культуры XVIII века. Изд-во Московского университета, 1985. Ч. 1. С. 74.

ния и молотьбы¹. Жатву производили серпами, а также косами, но последними очень редко в горах и широко на равнине, особенно при уборке просяных посевов.

Распространенным способом молотьбы было «топтанье» на току колосьев копытами животных. Был и другой способ, когда зерно обмолачивали, гоня по ровному разложенному на току развязанным снопам быков, припряженных к молотильной доске, «на которую наваливали тяжесть»². Количество используемого скота зависело от величины площади для молотьбы – гумна (тока), которое устраивалось дома, во дворе дома или прямо в поле (хъэм).

Собранный урожай хранили в зерновых ямах, появившихся почти одновременно с плужным земледелием на Северном Кавказе. Средняя их емкость составляла около 100 пудов зерна. Их строили непосредственно на пашне или же во дворе дома. Из хлебных злаков больше всего хранили в зерновых ямах просо (на очень длительное время – более 20 лет). Поэтому у адыгов, прежде всего у кабардинцев, для которых эта культура являлась традиционной, зерновые ямы имели наибольшее распространение. Наряду с горцами зерновые ямы широко использовали и терские, и кубанские казаки, воспринявшие их от своих горских соседей³.

Археологические, этнографические, лингвистические данные, фольклорный материал, а также хорошо сохранившаяся сложная и цельная система обрядов и верований, связанных с полеводством, говорят о высоком уровне развития земледелия в Кабарде в исследуемый период. В то же время сведения о хозяйственном быте и культуре кабардинцев, балкарцев и других северокавказских народов, об орудиях труда, применявшихся в земледелии, наряду с другими данными, рассмотренными в историко-сравнительном плане, со всей убедительностью свидетельствуют о том, что «своеобразная, самобытная культура Кабарды существовала и развивалась в тесной связи с общекавказской культурой и является ее составной частью. Этим можно объяснить существование того удивительного сходства, которое зачастую перерастает в идентичность по форме и функции. Такое сходство проявляется, с одной стороны, между кабардино-грузинскими и абхазо-адыгскими параллельными материалами, а с другой стороны, тот же кабардинский материал обнаруживает много общего с восточно-кавказским – чечено-ингушским, осетинским элементами. Формирование этой общекавказской культуры обусловлено определенными обстоятельствами, среди которых следует назвать социально-экономические факторы развития общества, общность исторических судеб и тесные многовековые соседские взаимоотношения, а часто и схожие географическо-природные условия»⁴.

Земледелие у кабардинцев, как и у других горцев Северного Кавказа, развивалось в тесном контакте с русскими поселенцами, которые с самого начала их переселения обращали особое внимание на хлебопашество. Длительное соседство и все расширяющиеся непосредственные связи не могли не отразиться на хозяйственной деятельности тех и других, вели к перенятию друг у друга хозяйственных навыков и традиций быта. Русские переселенцы, выходцы из внутренних губерний России, передавали горцам свой богатый опыт, накопленный еще на прежнем местожительстве, в деле ведения земледелия, в развитии своей

¹ Калоев Б. А. Указ. соч. С. 46.

² Броневский С. Указ. соч. С. 134.

³ Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. С. 157, 159.

⁴ Кантария М. В. Из истории хозяйственного быта Кабарды. Тбилиси, 1982. С. 238–239.

экономики. В то же время переселенцы «в значительной степени перенимали все лучшее у соседних горских народов. Широкое распространение получили в то время озимая и яровая рожь, пшеница, овес, ячмень, просо, гречиха. Семена многих этих культур, лучше приспособленные к местным почвенно-климатическим условиям, были тоже позаимствованы у местного населения»¹.

Положительное влияние на дальнейшее развитие виноградарства и огородничества у горцев Северного Кавказа, в том числе у кабардинцев, оказало русское население края. «Переселенцы из внутренних губерний, в основном русские и украинцы, как сказано в монографии «Дон и степное Предкавказье», принесли в Ставрополье и прежние навыки в развитии огородничества и садоводства. Кроме того, много было заимствовано у горских народов и выходцев из Закавказья. В результате огородничество и садоводство стали составной частью экономики на всей территории осваиваемого края. Об этом свидетельствуют, в частности, арабские источники позднего Средневековья: «Черкесы, русские, асы имеют благоустроенные и населенные города, горы, засаженные плодосными деревьями. Растут у них хлеба, дают соски скота молоко, текут реки, происходит сбор плодов»². Однако в целом «продукция этих отраслей оставалась незначительной и шла главным образом на удовлетворение собственных потребностей...»³.

В XVIII в. получило дальнейшее развитие одно из древнейших занятий кабардинцев и балкарцев – бортничество (пчеловодство), являвшееся большим подспорьем в их хозяйстве. О развитии пчеловодства у адыгов писали многие авторы, а один из них, Н. Дубровин, причислял его к главным их богатствам⁴. Горцы достигли в этом деле большого мастерства и имели, по словам современников, «много меда»; «знатные пчельники» получали мед, обладающий превосходными качествами. По словам Т. Лапинского, адыгейский мед не имел равного себе во всем мире⁵. Успешному разведению пчел благоприятствовала сама кавказская флора, в целом насчитывающая 6 тыс. видов и богатая различного рода медоносной растительностью. Мед всегда высоко ценили в Кабарде и Балкарии, широко употребляли в пищу, из него приготавливали разного рода национальные напитки. Его использовали и как лечебное средство при простудных заболеваниях и болезнях желудка. Мед не только пользовался большим спросом на внутреннем рынке, но и вместе с воском являлся важнейшей статьёй черкесского экспорта. По данным Пейсонеля, из Черкесии ежегодно вывозили 5–6 тыс. центнеров «превосходного меда и более 800 центнеров воска»⁶.

Семен Броневский в перечне предметов, которыми торговали кабардинцы с русскими, называет мед и воск.

В Кизляре специально заготавливали в большом количестве кабардинский воск для императорского двора. 20 сентября 1745 г. астраханский губернатор В. Н. Татищев писал кабинет-секретарю И. А. Черкасову о том, что «куплено здесь потребного к высокому двору ее императорского величества привозного из Кизляра кабардинского топленого воску 31 пуд 23 фунта по разным ценам на 216 руб. 18 коп., которой воск минувшего августа 29-го дня отправлен в Москву в

¹ Дон и степное Предкавказье... С. 113.

² Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1964. С. 53–54.

³ Дон и степное Предкавказье... С. 117.

⁴ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 27.

⁵ См.: Тхагушев Н. Адыгейские сады. Майкоп, 1956. С. 40.

⁶ Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 96.

Главную дворцовую канцелярию» для отправки затем «в Санкт-Петербург в придворную ее императорского величества контору к вашему превосходительству». И далее сообщалось, что посланные «для покупки ж воска в Кабарду, сюда еще не возвратились»¹. Как видно из переписки военных и гражданских властей, в 1749 г. «в силе присланного ее императорского величества из Астраханской губернской канцелярии указов» Кизлярская гражданская канцелярия заключила контракт с армянином Арютюном Романовым на поставку «для отправления к высочайшему ее императорского величества двору самого чистого кабардинского воску двухсот пудов». 25 августа 1749 г. Арютюн Романов доносил, что к указанному сроку он закупил и поставил 160 пудов воска, а поставка остальных 40 пудов задерживается из-за отсутствия привоза этого продукта кабардинцами в Кизляр, чему виною являются различные препятствия, чинимые таможенниками².

В другом документе сказано, что кабардинский желтый воск самый чистый и он по «доброте» своей «особливо потребен для... свеч в комнаты ее императорского величества»³.

О значительных масштабах производства в Кабарде меда и воска говорят и архивные источники XVIII в., подчеркивая, что избыток этих продуктов постоянно вывозился в Россию⁴. Об этом же сказано и у Хан-Гирея. «Во всех племенах Черкесии более или менее занимаются пчеловодством, – писал он. – В иных же местах имеют весьма значительные пчельники, которые приносят владельцам чрезвычайно много пользы: кроме употребления в домашней жизни, мед и воск с большою выгодой ими продаются. Для домашнего же употребления мед составляет главнейшее лакомство. Из воску делают свечи и клеенки»⁵. По сведениям Иоганна Бларамберга, у черкесов были пчеловоды, которые имели до 300 ульев⁶. «Кабардинцы занимаются также и пчеловодством, и их мед – один из лучших на Кавказе», – писал он⁷.

Пчел содержали в населенных пунктах или же с наступлением весны вывозили в поле с медоносными растениями. Вывозили пчел и хозяева, располагавшие большими пасеками, и семьи, имевшие незначительное число пчелиных семей. Но для содержания пчел в полевых условиях последние объединялись в коллектив и нанимали пчеловода, который караулил пчел и ухаживал за ними⁸. Иногда владельцы небольших пчельников вывозили свои ульи в поле и держали их поблизости от тех мест, где сами были заняты различными видами сельскохозяйственных работ.

Разводили пчел и вывозили их в удобные для пасеки места в небольших плетеных и обмазанных глиной сапетках – ульях, которые легко было переносить с места на место. Когда в степях и предгорьях отцветали медоносные растения и пчелы оставались без взятка, более или менее значительные пасеки перевозились в горы на альпийские луга, где они оставались до осени. При наступлении же «того времени, – отмечал Хан-Гирей, – когда пчелы перестают уже состав-

¹ Научное наследство. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. С. 316.

² ЦГА Даг. Респ., ф. 339, оп. 1, ед. хр. 36, л. 77–79.

³ Там же, ед. хр. 37, л. 119–119 об.

⁴ Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 96.

⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 283.

⁶ Бларамберг И. Указ. соч. С. 35.

⁷ Там же. С. 124.

⁸ Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. С. 83.

лять соты, их морят посредством курения, оставляя лишь нужное число ульев для расплода»¹.

В XVIII в. немаловажную роль в хозяйственной деятельности кабардинцев и балкарцев играла охота на диких животных, зверей и птиц, которые в изобилии водились в то время в горных и степных зонах края. Охота, служившая определенным дополнительным источником для горцев, являлась одним из древнейших занятий. Сцены охоты нашли отражение в нартских сказаниях и других жанрах устного народного творчества кабардинцев и балкарцев. О давних истоках этой отрасли производственной деятельности адыгов и их предков свидетельствуют археологические материалы, а также их мифология, где говорится о боге леса и охоты (Мэзэтыхэ), покровительствовавшем охотникам, и наличие целого комплекса культовых празднеств и исполнявшихся на них охотничьих песен, восходящих к седой древности, построенных на широком использовании мифологической лексики, метонимических слов, названий многих местностей, связанных с охотой и занимающих важное место в адыгском фольклоре². Культ охоты, воспринимавшийся как магический акт, выработал свой собственный язык. Об этом же свидетельствует существование еще в недалеком прошлом особого языка, отличного от обычного разговорного, называемого «щэкIуэбзэ» (щэкIуэбзэ – букв.: «охотничий язык»), с описанием которого мы впервые встречаемся в литературе у Якоба Рейнегтса, приехавшего на Кавказ в 1779 г. и несколько лет жившего у грузинского царя Ираклия II. Наличие специального «охотничьего» языка у кабардинцев зафиксировано и русским академиком Г.-Ю. Клапротом во время двухкратного (1807–1808) посещения им Северного Кавказа. Благодаря ему сохранился небольшой словарь «Шакобзе». Материалы по «охотничьему» языку кабардинцев, собранные в Большой и Малой Кабарде, помещены в первом томе описания Клапротом своего путешествия, изданного в двух томах на немецком языке в Галле и Берлине в 1812–1814 гг.

О наличии специфического «охотничьего» языка у адыгов, в том числе у кабардинцев, писали и многие другие авторы – путешественники, историки, этнографы и др. При этом вопрос «о социальной функции охотничьего языка, его отношении к общенародному языку, территориальным диалектам и другим формам существования языка остается неясным»³. Разные авторы по-разному освещали этот вопрос. Так, например, Я. Потоцкий (1761–1815) утверждал, что «охотничий» язык являлся особым обрядовым языком представителей высшего сословия – князей. В первые дни сентября каждый черкесский князь покидает свой дом, удаляется в горы или в лес, где строит шалаш из вековых деревьев. Его сопровождают преданные ему дворяне, но никто из его семьи не смеет приблизиться к шалашу, будь даже его брат. Здесь все присутствующие пребывают замаскированными, т. е. они закрывают лицо и совершенно не говорят по-черкесски; все разговоры ведутся на неком жаргоне, который они именуют «шэкIобзэ»⁴.

О наличии особого «охотничьего» языка у черкесских князей и дворян, только им одним понятного и не имеющего никакого сходства с обыкновенным разговорным, отмечал также и Фредерик де Монпере (1798–1850), совершивший путешествие в 1833 г. вдоль Черноморского побережья Кавказа. «Помимо этого, –

¹ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 263.

² Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос М.: Наука, 1985. С. 17.

³ Там же. С. 17–18.

⁴ Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА. С. 232.

писал Иоганн Бларамберг, – у кабардинских князей есть также свой особый язык, на котором они говорят только между собой»¹. Но надо заметить, что «охотничьим» языком пользовались не только представители высшего сословия – князья и дворяне, но и другие адыгские охотники, независимо от их сословной принадлежности. Развитию охотничьего промысла в Кабарде и Балкарии способствовали благоприятные природные условия и изобилие всякого рода зверей и птиц. Как раз к XVIII в. относится свидетельство путешественника Абри де ла Мотрэ, который, побывав в Кабарде, писал: «Почти невозможно поверить тому огромному количеству диких животных и дичи, которые встречаются в этой стране, несмотря на то, что их убивают...»². Наиболее распространенными здесь дикими животными были медведи, кабаны, волки, барсуки, олени, туры, косули, лисицы, зайцы и др. Водились фазаны, куропатки, утки, голуби и т. д. Местный этнограф Х. М. Думанов, специально занимавшийся изучением обычаев и традиций, связанных с охотой у кабардинцев, отмечает, ссылаясь на Абри де ла Мотрэ: «Охотничий сезон длился обыкновенно с октября текущего по февраль следующего года. Учитывались необходимость воспроизводства дикой фауны и получение качества и наибольшего количества дичи. Весной и летом охота запрещалась, так как в это время животные и птицы размножались. Кроме того, с октября по февраль крестьяне в основном освобождались от полевых сельскохозяйственных работ»³. Занятие охотой привлекало как представителей господствующего класса, так и трудовое горское крестьянство. Князья и дворяне забавлялись охотой, организуя травлю зверей, выезжая иногда на целый месяц стрелять оленей, коз и других диких животных. Для них ловить зверей с целью продажи их меха считалось постыдным делом, и они этим не занимались. Крестьяне же не только стреляли зверей, но и ловили их с помощью железных или деревянных колпаков и других средств. Охотой они пополняли свои съестные припасы. Мясо многих животных шло в пищу, а шкура – на изготовление одежды. Вообще охота в Черкесии, в том числе и в Кабарде, была настолько распространенным занятием населения, что отсюда вывозили большими партиями на внешний рынок волчьи шкуры, мех лисиц, куниц и других пушных зверей. С. М. Броневский также называет пушнину в числе важнейших статей кабардинского вывоза в Россию⁴.

Охота являлась давним и существенным источником жизни и для балкарцев. И поэтому эта отрасль хозяйственной деятельности нашла отражение в их фольклоре и поверьях и имела своего покровителя. Им был Апсаты – бог охоты, занимавший почетное место среди других божеств. О нем сложена песня, в которой содержится просьба, чтобы он одарил охотников хорошою добычей⁵. Говоря об этом божестве, покровителе охотников у балкарцев, Л. И. Лавров пишет: «Существовали охотничьи обрядовые песни с просьбами к Апсаты, чтобы он послал охотнику жирного оленя, козу или другую дичь. Развалины одной из старинных башен у сел. Верхний Чегем носят название Апсаты-къала, т. е. «крепость Апсаты»⁶. У балкарских охотников, как и у кабардинских, был свой тайный, табуированный язык, предназначенный для сокрытия ими своих целей и удачной охоты. «Долитературный период формирования карачаево-балкарского

¹ Бларамберг И. Указ. соч. С. 124.

² АБКИЕА. С. 138.

³ Думанов Х. М. Некоторые обычаи и традиции, связанные с охотой у кабардинцев в XIX – начале XX века // Этнография народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1977. Вып. 1. С. 37.

⁴ Броневский С. М. Указ. соч. С. 143.

⁵ Очерки истории балкарского народа. С. 177.

⁶ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в С. 108.

языка характеризуется бытованием в его лексико-семантической системе функционального разговорного стиля. В состав последнего входили такие подсистемы, как «уучу тил» (охотничий язык). Древний метафорический «охотничий язык» отличался иносказательностью повествования, поэтому неосведомленный слушатель не мог понять завуалированное содержание речи. В формировании этого стиля были использованы перекодировки обычных слов. Такой стиль функционировал во многих языках Кавказского региона. Однако в целостном виде он почти нигде не сохранился. Несмотря на это, все же в ряде современных языков элементы «охотничьего языка» до сих пор употребляются в живой речи. Например, у карачаевцев и балкарцев наиболее часто используется животноводами в бытовом общении¹. О том, какое значение имела охота в жизни балкарцев, свидетельствует песня, в которой сказано:

Покуда головы туров не падут, дом сыт не бывает.
Покуда большие головы не падут, кош сыт не бывает².

В другом варианте песни, заимствованном из тетради Н. И. Урусбиева, есть такие строки:

Ты (Апсаты) не даешь нам с голоду и ходьбы умереть,
Твои милости мы душевно почитаем³.

Охота была тяжелым занятием, а вовсе не развлечением для трудового горца, и далеко не всегда бывал милостив бог охотников Апсаты, как это отразилось в охотничьей песне:

Когда говорят: несчастный – несчастный,
То кто же несчастнее охотника?
Топчет он все дорожки и тропинки.
Ни одной не оставляет балки, не заглянувши туда.
Подобен он курице желтого цвета *.

.....
Орайда! У матери пусть не родится сын,
А если родится, да не будет охотником.
Если же тот молодец сделается охотником,
Его постигнет смерть в горах.
И носимое убогое платье послужит ему саваном⁴.

Важное место в хозяйственной жизни кабардинцев и балкарцев в XVIII в. занимали различного рода домашние промыслы и гончарное производство, разнообразнейшие изделия которых удовлетворяли главным образом внутренние потребности каждой семьи и частично шли на продажу. Кабардинцы и балкарцы сами производили почти все необходимые им для собственного потребления

¹ Улаков М. З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1994. С. 10.

² Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983. С. 249.

³ Там же. С. 250.

⁴ Там же. С. 250–251.

* Здесь охотник уподобляется курам, которые просыпаются на рассвете, когда небо на востоке только начинает желтеть.

орудия труда, средства передвижения, одежду, обувь, предметы домашней утвари, мебель, конские сбруи и т. д. Вся домашняя утварь изготовлялась из дерева или глины. Кроме того, они занимались разработкой руд, плавкой металла, изготовлением оружия. Такое явление было характерным для средневековья, обычным в условиях господства натурального хозяйства, когда крестьянин выступал и как производитель сырья, и как производитель продукции из этого сырья, и как потребитель данной продукции.

Выделение профессий ремесленных специальностей протекало в характерных для той эпохи формах, когда крестьянин «специализировался на выработке готового изделия. Он проводил в своей мастерской все операции – от исходной до конечной, сочетая при этом разные занятия и имея дело с различными материалами. Так, чтобы изготовить щит, ремесленник должен был обладать навыками кузнеца, плотника, шорника. Для изготовления седла мастеру требовалось знать не только кожевенное дело, но и уметь обращаться с кузнечными снастями, владеть искусством чеканки и т. п.»¹. «Домашней промышленностью, – писал В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России», – мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»². И дальше: «Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»³.

Домашние промыслы все больше приобретали характер ремесла – производства изделий на заказ. Но наличие обмена не противоречило натуральному характеру хозяйства. «Как известно, – писал В. И. Ленин, – товарное обращение предшествует товарному производству и составляет одно из условий (но не единственное условие) возникновения этого последнего»⁴.

Наряду с домашними промыслами в рассматриваемый период довольно широкое развитие получило нечуждое в некоторых видах перерастание в мелкое товарное производство ремесло: кузнечно-слесарное, оружейное, ювелирное, шорное и седельное, деревообделочное и столярно-плотничье, производство шерстяных тканей и других шерстяных изделий. Письменные источники свидетельствуют о высокой ремесленной культуре горцев, качественном уровне их изделий, дальнейшем углублении общественного разделения труда в домашнем производстве, профессиональной специализации в нем.

Ремесленники-профессионалы работали в основном на заказ и удовлетворяли прежде всего и главным образом внутренние нужды населения Кабарды и Балкарии. Характеризуя ремесленное производство, В. И. Ленин писал: «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя»⁵.

Ремесло в Кабарде и Балкарии развивалось на местной сырьевой базе. И ремесленники были местными жителями. Говоря о развитии кустарных промыслов и ремесел у кабардинцев, С. Броневский отмечал: «Какие ремесленники потребны черкесам для ограниченного круга их надобностей, те у них есть, а именно: кузнецы, оружейники, седельники, скорняки*, ременьщики и серебряного дела мастера. Сии последние наводят чернь с золотою насечкою на серебре и

¹ Буганов В. И., Преображенский Л. Л., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 60.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 328.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 553.

⁵ Там же. С. 329.

стали для конских уборов и других оружейных украшений, на такой же образец и едва ли с меньшим искусством в отделке, как работают в Великом Устюге¹. Об этом же свидетельствует и Хан-Гирей, который писал, что «черкесы имеют ремесленников всякого рода, какие только им потребны для ограниченного круга их надобностей...»².

Техника кустарных промыслов и ремесла была невысокой, орудия труда самыми простыми. «Мелкое товарное производство характеризуется совершенно примитивной, ручной техникой, которая оставалась неизменной чуть ли не с незапамятных времен», – писал В. И. Ленин³. И тем не менее благодаря большому искусству мастеров изделия отличались прочностью, совершенством работы, красотой отделки. Хан-Гирей указывал, что «ни ружейники, ни серебряных дел мастера не имеют достаточных даже хороших инструментов», но это «не мешает им производить прекрасные работы»⁴.

В XVIII в. возрастает связь непосредственных производителей, т. е. кабардинских ремесленников, с рынком. Все большая и большая часть их высококачественных ремесленных изделий стала поступать на рынок, особенно внешний. А как известно, работу уже на рынок, а не на заказчика, считают характерным для развитого ремесла. «В исторической литературе существует взгляд на ремесло XVIII в. как мелкое производство, ориентированное на рынок. При таком понимании ремесло в это время начинает выступать как форма мелкотоварного производства»⁵.

В обрабатывающей промышленности Кабарды и Балкарии существовало распределение профессиональных обязанностей между мужчинами и женщинами. Тогда как мужчины были кузнецами, плотниками, оружейниками, золотых и серебряных дел мастерами и шорниками, женщины занимались ткачеством, портяжничеством, золотошвейным рукоделием и т. п.

Домашними промыслами, наиболее древним и распространенным из которых являлась обработка шерсти, издавна шедшая на удовлетворение домашних потребностей, у кабардинцев и балкарцев, как и у других народов Северного Кавказа, занимались исключительно женщины. Своими умелыми руками мастерицы, сохранившие традиции своих далеких предков и усвоившие богатый опыт народа, накопленный на протяжении веков, изготавливали в большом количестве превосходные изделия из шерсти: домашние сукна, войлоки, бурки и другие виды одежды. Главным сырьем служила овечья шерсть, которая снималась два раза в год – весной, перед отгоном отар на летние пастбища, и осенью, после возвращения их оттуда. Стрижка овец считалась одним из важных событий в скотоводческом календаре горцев, в том числе кабардинцев и балкарцев. Ее приурочивали к определенному «счастливному» дню и отмечали как большой праздник. При этом хороший, умелый работник-стригаль мог обработать в день 50–60 голов⁶. Шерсть осенней стрижки, как наиболее качественная, шла на изготовление сукна, башлыков, штанов, рубашек, шляп, а шерсть весенней стрижки употреблялась для изготовления войлока, из которого делали ковры, головные уборы,

¹ Бронеvский С. Указ. соч. С. 141–142,

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 267.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 543.

⁴ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 267.

⁵ Очерки русской культуры XVIII века. Изд-во Московского университета, 1985. Ч. 1. С. 157.

⁶ Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа. С. 148.

* Скорняк – мастер по выделке мехов из шкур, по выработке меховых изделий.

плащи-накидки и пр. Самую лучшую, мягкую шерсть отбирали на сукно, производство которого имело широкое повсеместное распространение. Этому способствовал многовековой опыт, которым обладали горцы в этом деле. «Отпечатки плетенки на некоторых сосудах показывают, – пишет Я. А. Федоров, – что принцип ткачества был известен в пору ранней бронзы на Северном Кавказе»¹. В рассматриваемое время оно, став одним из основных промыслов кабардинцев и балкарцев, достигло значительного совершенства. Домашние сукна горцев пользовались большим спросом на кавказских рынках. Говоря о процветании сукноделия, Платон Зубов писал, что «сукна для собственного употребления кавказские поселения умеют готовить довольно прочно и красиво; холсты ткются во всех селениях и бывают хорошей доброты»².

Еще раньше Пейсонель (видный французский ученый и дипломат, посол Франции в Крыму во 2-й половине XVIII в.), говоря о торговле черкесов с Крымом, замечает, что черкесы на заказ готовят белое сукно столь высокого качества, что он принял материю за французскую ткань, по его словам, ему стоило большого труда убедить себя, что в этой стране можно найти шерсть, пригодную для производства столь хороших сукон³. Факт, весьма примечательный в этом отношении, приводит в своей статье адыгейский ученый-этнолог М. А. Меретуков. Он пишет: «Во Франции, одной из экономически развитых стран, чье суконное производство славилось на мировом рынке, было в цене и имело определенный спрос адыгское сукно... Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, на который отнюдь не случайно обратил внимание известный французский писатель и тонкий наблюдатель Андрэ Моруа, осмысливая художественный образ Бальзака со всех сторон: «Бальзак, обутый в меховые домашние туфли, кутался в халат из термоламы, черкесской ткани, удивительно теплой и легкой»⁴.

«Что касается прядильного станка, – пишет В. П. Пожидаев, – то он гораздо проще, чем русские «кросна» и, однако, по качеству кабардинское сукно не ниже русской суконной онучи. С примитивным станком (основа, прикрепленная к гвоздю или крючку противоположной стены) свободно управляется и девочка-подросток, тогда как за русскими «кроснами», за тканьем холстов или дерюги, или сукна обычно работают только взрослые»⁵.

«Кабардинские и черкесские сукна, – пишет С. А. Токарев, – по своему качеству стояли на очень высоком уровне»⁶. Работа эта была очень трудоемкой. Особенно много времени занимало прядение. Так, для заготовки пряжи на одну черкеску требовалось около 20 человеко-дней⁷.

Адыги, в том числе и кабардинцы, также сортировали шерсть по полу и возрасту овец. Шерсть яловых овец и ягнят обладала и самыми лучшими качествами. Из шерсти яловых овец изготавливали сукно, бурки, из шерсти ягнят – бурки, ноговицы, башлыки и тонкое сукно, известное под названием черкесского. Шерсть

¹ Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. Изд-во Московского университета, 1983. С. 83.

² Зубов П. Картина Кавказского края... Ч. 2. С. 99.

³ См.: Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 81.

⁴ Меретуков М. А. Энциклопедия адыгской культуры // Наука – Адыгее. Майкоп, 1991. С. 210–211.

⁵ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 82.

⁶ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 248.

⁷ Калмыков И. Х. Черкесы. С. 95.

баранов-производителей была прочной, но грубой. Она шла на изготовление войлока и веревок¹.

Работа по обработке шерсти, являвшаяся монополией женщин, велась силами семьи или с помощью родственниц или соседок.

Особенно трудоемкой была работа по изготовлению бурок (щIаkIуэ) – древнейший вид верхней теплой одежды мужчины-кавказца. Одежда, и в частности бурка, являлась составным элементом материальной культуры горцев – лучшей хранительницы этнических традиций. Бурочное производство, требовавшее совместного труда 6–8 женщин, было не только давним, но и широко распространенным видом ремесла у горцев, что обуславливалось родом их занятий, и прежде всего скотоводством. Бурка, отличавшаяся своею легкостью и непромокаемостью, – одежда уникальная, самобытная, не имеющая аналогов во всем мире – незаменима в быту, в походной жизни. «Одинаково надежно защищала горца-скотовода, проводившего большую часть времени вне своего дома и аула, в пути и на пастбищах, от дождя как превосходный непромокаемый даже в самый сильный ливень плащ и холодного ветра, летнего зноя и зимней стужи, заменяя ему теплую хату в непогоду и постель. Длинные волнистые пряди шерсти, вкатанные в войлок, не только создавали своеобразный декоративный эффект, во время дождя по ним скатывалась вода, и бурка не промокала. Она спасала от непогоды также и огнестрельное оружие»². Поэтому хорошая бурка ценилась наравне с лошадьёю. А кабардинские бурки как раз и отличались высоким качеством и заслуженно пользовались широкой славой и спросом у соседних кавказских народов, которые и сами имели солидную давнюю практику в их изготовлении. К тому же бурка, как и другие предметы мужской одежды, не только вошла в быт, но и стала частью воинской казачьей формы. В Военном энциклопедическом словаре сказано: «Бурка, войлочный безрукавный плащ. В рус(ской) армии входила в обмундирование кавк(азских) кав(алерийских) войск и кон(ного) конвоя императора»³. По мнению искусствоведа Ж. Аппаевой, «никакие ее прикладные свойства не сравнимы с эстетическими. Широкие прямые плечи придают всаднику черты воинственности, мужества и романтизма. И вообще весь комплекс одежды кавказца, в отличие от костюма других народов, носит военизированный характер, т. е. в ней находят отражение героизм, смелость и решительность»⁴. Кстати, бурку носил на своих могучих плечах и знаменитый атаман войска Донского, известный герой Отечественной войны 1812 г. М. И. Платов, что нашло свое отражение в памятнике, открытом ему в Новочеркасске. Бронзовая фигура Платова была отлита в литейной мастерской Академии художеств под наблюдением П. К. Клодта, автора знаменитых скульптурных групп на Аничковом мосту в Ленинграде. «Платов был изображен пешим, в парадном, генеральском мундире, в кивере и с буркой на плечах, как бы развеваемой ветром. Стремительное движение фигуры подчеркнуто и взмахом обнаженной сабли, которую атаман держит в правой руке, а в левой – булаву, которой указывает в сторону Триумфальных ворот, на Запад, куда он водил свои казачьи полки до самого Парижа»⁵.

¹ Меретуков М. Л. Хозяйство у адыгов (XIX–начало XX в.) // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980. С. 69.

² Кабардино-Балкарская правда. 1994. 21 янв.

³ Военный энциклопедический словарь. М.: Военное издательство, 1983. С. 107.

⁴ Кабардино-Балкарская правда. 1994. 21 янв.

⁵ Кулишов В. И. В низовьях Дона. М.: Искусство, 1987. С. 101.

Здесь же можно отметить и такой факт, как сильное влияние кавказской моды и на польскую моду, что «одежда польских послов почти ничем не отличалась от грузинской и черкесской. Польский король Ян Собеский одевался обычно в кавказскую одежду. О том, какой была мода в краю черкесов или Грузии, он узнавал от специальных посланцев. Седла и конная упряжь тоже изготовлялись по черкесской или грузинской моде»¹.

Проникновению кавказской моды в Польшу способствовала довольно широкая военная эмиграция из различных районов Кавказа. Как отмечено в исследовании польского историка Б. Барановского, посвященном вопросам взаимоотношений Польши и Кавказа в XVII – начале XVIII в., на польской военной службе находилось «много черкесов и других горцев Северного Кавказа, которых обычно тоже называли черкесами, пятигорцами, людьми с Бештау, и т. д. Иногда даже целые черкесские отряды нанимались на польскую службу. Их заслуги были велики в борьбе с турками и татарами, и особенно со шведами. О влиянии черкесского военного искусства на польское может говорить то, например, что в литовском войске XVII в. были многочисленные так называемые части пятигорской кавалерии. Имелись также вооруженные, а частично и одетые на черкесский манер отряды, в которых служили главным образом поляки, белорусы, украинцы и литвины»².

Одним из важных предметов мужской одежды горцев, как уже сказано, являлась бурка. «Когда-то бурочное производство процветало в Кабарде и являлось здесь до некоторой степени национальным ремеслом, в котором кабардинцы достигли большого искусства, так что название «кабардинская бурка» являлось в значительной степени гарантией прочности и красоты этого своеобразного горского одеяния», – писал В. П. Пожидаев³. Об этом писали многие дореволюционные и советские исследователи, и в частности А. С. Пиралов, который отмечал, что состоятельные осетины Северной Осетии отдавали особое предпочтение кабардинской бурке⁴. Б. Л. Калоев и др., говоря о материальной культуре осетин, и в частности об их одежде, пишет: «Большим спросом у южных осетин, как у грузин, пользовались андийские бурки, а у северных – кабардинские, как отличавшиеся лучшим качеством»⁵. То же самое отмечала и крупнейший специалист по одежде народов Северного Кавказа, большой знаток истории развития народного костюма, разработавшая вопросы типологии и классификации этого самобытного явления культуры, ленинградский этнограф Е. Н. Студенецкая. «На Северном Кавказе особенно ценились кабардинские бурки – легкие и плотные»⁶.

А в одной из героико-эпических песен чеченцев и ингушей – «Илли о Темирко, сыне Ахи», сказано:

На черкесской бурке черной
Он припасы разложил –
И вступил в сраженье смело⁷.

¹ Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 256.

² Там же. С. 258–259.

³ Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 79.

⁴ Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913. С. 36.

⁵ Калоев Б. А. Осетины: (Историко-этнографическое исследование). С. 151–152.

⁶ Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. С. 84.

⁷ Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979. С. 44.

Окраска шерстяных изделий обычно являлась заключительным актом производства тканей и войлочных изделий. Для этого употребляли в основном растительные краски¹.

По мнению Л. И. Лаврова, адыгские женщины в свободное от других работ время занимались также и лепкой посуды. «Частые находки глиняной посуды в адыгских погребениях раннего Средневековья, – пишет он, – позволяют предполагать существование у адыгов гончарного производства. В первую очередь это относится к производству лепной кухонной посуды. Она найдена во всех перечисленных выше могильниках этого времени»², т. е. с периода раннего Средневековья (IV–XII вв.). Женщины, кабардинки и балкарки, славились своим искусством золотого шитья, имевшим богатые многовековые традиции, приводили в восхищение своим мастерством исследователей-путешественников. С. Броневский писал: «...для домашнего быту нужные ремесла отправляют женщины: ткут сукну (чекмень) и ковры, валяют войлоки и бурки, шьют женское и мужское платье, шапки, башмаки (чирики), делают шелковые с серебром и золотом тесьмы для обшивки кафтанов и шапок...»³. При этом, «как и представительницы благородных семей, что описаны у Гомера, женщины в черкесском княжеском доме не освобождены от этих работ, даже наоборот, для них является честью прославиться своим мастерством среди прочих женщин»⁴.

В тесном общении и взаимовлиянии с другими народами кабардинцы и балкарцы создали уходящее своими корнями в глубокую древность самобытное декоративно-прикладное искусство – органическую часть национальной художественной культуры со своими специфическими, ярко выраженными национально-этническими чертами, обусловленными особенностями культурно-исторического развития этих народов, своеобразием их жизненного уклада, уровнем социально-экономического развития, а также природно-географической средой и рядом других обстоятельств.

При этом кабардинские и балкарские мастера, обладая высоким художественным вкусом, умели достигать удивительного гармонического сочетания прекрасного и полезного, практической полезности вещей с их поразительной красотой и качеством. «Черкешенки, – писал Н. Ф. Дубровин, – отличаются замечательным искусством в работах; скорее изнашивается и разорвется самое платье, чем лопнет шов, сделанный их рукою; серебряный галун черкесской работы крепок и изящен. Во всем, что работали женщины, виден тонкий вкус и отличное практическое приспособление. Уменье хорошо работать считалось после красоты («красота их, – по его же словам, – с давних пор не находила соперниц: правильные черты лица, стройный стан, маленькие руки и ноги, походка и все движения являли что-то гордое и благородное. Все, кто только мог видеть черкесских женщин, свидетельствуют, что между ними встречаются такие красавицы, при виде которых невольно останавливаешься, пораженный изумлением») первым достоинством для девушки и лучшею приманкою для женихов»⁵. Их художественные изделия, выполненные с большим техническим мастер-

¹ Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г.: Тезисы докладов. С. 104.

² Лавров Л. И. Адыги в раннем Средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 4. С. 27.

³ Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 141–142.

⁴ Бларамберг И. Указ. соч. С. 98.

⁵ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 138.

ством, приводили в восторг любопытных иностранцев. «Путешественники XVI–XVIII вв. писали о черкешенках и кабардинках как о замечательных мастерицах золотого шитья по ткани и коже. Вышивкой и галунами они отделявали одежду, предметы домашнего убранства, воинского и конского снаряжения, отличавшиеся изяществом узоров и высоким качеством работы»¹.

Говоря о золотошвейном комплексе адыгов, известный исследователь-искусствовед Е. М. Шиллинг писал, что он «обладает значительной сложностью, богатством, разнообразием составных частей, отличаясь высоким художественным уровнем и совершенством техники. На Северном Кавказе, включая сюда и Дагестан, мы не находим золотошвейных работ, стоящих по качеству выше адыгских (и в частности кабардинских)»². По мнению этого же автора, с укреплением связей Московского государства с Кавказом в XVI в. адыгское золотошвейное искусство оказало влияние на русское³.

Техника золотого шитья, материалом для которого служили золотые и серебряные нитки, ввозившиеся сначала из Западной Европы и Грузии, а в XIX в. – из России, была общей у всех народов Северного Кавказа. Это объяснялось «не только длительными связями между соседними народами, но и спецификой данного вида искусства. Оно было распространено более всего в феодальной среде, где наибольшее распространение имели межнациональные браки. Жена, взятая из иной национальной среды, приносила с собой вкусы и умение, воспитанные и привитые в родной семье с детства»⁴. Об этих межнациональных родственных связях и смешанных браках у горцев писал Г.-Ю. Клапрот, указывая, что осетинские феодалы женились на кабардинских княжнах и на дочерях балкарских таубиев. Осетинские старейшины (алдары) рождались, также с дочерьми черкесской знати (узденей). В свою очередь, эта знать рождалась с дочерьми осетинских старшин⁵.

Мужчины же занимались обработкой металлов, дерева, камня и кожи. Они, как отмечал Ш. Б. Ногмов, «вырабатывали из собственного железа и меди котлы, топоры, ножи, сошники, косы и серпы. Также они были искусны и в делании всякого оборонительного и наступательного оружия из стали. Уцелевшие древние надгробные монументы из камня с изображением витязей в шлемах с мечами, щитами и прочим вооружением и гладкие каменные плиты с выпуклым изображением рук, копыт, мечей, щитов и других фигур служат свидетельством об искусстве наших предков в ваянии»⁶.

Живя в краю, богатом лесами, изобиловавшими ценнейшими породами древесины, кабардинцы и балкарцы достигли большого мастерства в обработке дерева, плотничая, широко использовали его как строительный материал, изготавливали из него различные сельскохозяйственные орудия, мебель, домашнюю посуду и другие предметы, необходимые в хозяйстве и быту. В частности, адыги из дерева делали двухколесную быстроповоротную арбу, бытовавшую у них с эпохи раннего Средневековья. «Этот вид транспорта, – пишет И. Х. Калмыков, – получил широкое распространение у всех народов Кавказа без исключения»⁷.

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 483.

² Шиллинг Е. Адыгский узор // Искусство. 1940. С. 160.

³ Там же.

⁴ Карачаевцы: (Историко-этнографический очерк). С. 307.

⁵ См.: Калоев Б. А. Осетины: (Историко-этнографическое исследование). С. 195.

⁶ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 75.

⁷ Калмыков И. Х. Черкесы. Черкесск, 1974. С. 98.

Общеизвестно, что легкую поворотливую двухколесную кабардинскую арбу, запряженную волами, высвобождая лошадей только «для седла», стали использовать также и русские поселенцы на Тереке, заменив ею тяжелую русскую телегу¹. Для закупки повозок, сделанных горскими мастерами, казаки выезжали в горские селения и там приобретали их для нужд жителей станиц. В документах содержится сообщение о посылке в Малую Кабарду в 1738 г. по распоряжению атамана Ауки казаков для покупки «черкесских арб... в гребенские, семейные и терские станицы»². На арбы и «аробные колеса горского производства со стороны казаков был такой спрос, что местные власти обложили их высокой пошлиной»³.

«Адыгская деревянная арба имела очень простую конструкцию, и в то же время была прочна и хорошо приспособлена для перевозки различных грузов», – отмечает И. Х. Калмыков. «Простота и бесхитрость этого экипажа, – писал Е. Марков, – доходит до гениальности: в нем нет ни одной лишней палочки, посвященной удобству едущего, в нем только то, что крайне необходимо, без чего или экипаж катиться не будет, или скотина не будет везти»⁴.

Как об этом свидетельствуют археологические находки, а также фольклор, предки адыгов еще в глубокой древности начали заниматься горным промыслом – добычей и обработкой металла. Из железа изготавливали орудия труда, боевое оружие, кольчуги, наконечники для стрел, различные предметы домашнего обихода. По сведениям Ш. Б. Ногмова, руда для выплавки металла (железа и серебра) добывалась местными жителями в рудниках Черкесии и Кабарды⁵. Сохранилось и свидетельство автора 80-х гг. XVII в. Кампфера, который писал, что адыги «очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников, которое они также куют и изготавливают из него всякого рода орудия»⁶. «Добыча металлов – железа, меди, свинца и серебра – была специализирована. При этом добыча серебра составляла профессиональную тайну немногих лиц»⁷. Занимались обработкой металла кузнецы и оружейники, чьи профессии считались очень важными и почетными, поражая своим мастерством их обработки. Более того, кузнечное ремесло, в частности железоделательное, играя издревле важную роль в жизни адыгов и балкарцев, восходило в народной поверии к сверхъестественным явлениям. Об этом свидетельствует исключительно важное значение культа кузни у кабардинцев и балкарцев, считавших ее священным местом; существовал также культ железа, покровитель кузнечного дела и кузнецов. У кабардинцев таким покровителем был Тлепш, а у балкарцев таковым являлся Дебет Златоликий.

Столь раннее и широкое освоение железа далекими предками адыгов (еще синдские племена в I тыс. до н. э. имели значительные успехи в добычании железа и его обработке), сказавшееся на развитии производительных сил, способствовавшее преобразованию всей материальной культуры и общественной жизни, нашло свое отражение и в их мифологии, и в героическом нартском эпосе. В нартском эпосе не только назван первый легендарный кузнец – Дебет, но и в нем утверждается, что свое мастерство и инструменты кузнецы получили

¹ Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. 1986. С. 45.

² ЦГА Респ. Сев. Осетия–Алания, ф. 1, ед. хр. 1, д. 76, л. 5.

³ Кокшев Г. А. Указ. соч. С. 71.

⁴ Марков Е. Д. Очерки Кавказа. СПб., 1887. С. 45.

⁵ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947. С. 37.

⁶ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 163.

⁷ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 382.

от своего покровителя – бога огня, впоследствии бога кузнечного ремесла, покровителя оружия Тлепша, который, будучи сам чудесным кузнецом, оружейных дел мастером и обладая необычайной гигантской силой, выковал нартским богатырям их непобедимое оружие, а нартским земледельцам дал первые орудия земледельческого труда. Сами кузнецы (горцы всегда преклонялись перед железом и перед теми, которые имели с ним дело) представлялись сверхъестественными существами, обладателями оккультных сил, были окружены волшебным ореолом, считались способными вселить в железо душу. Многовековые традиции кузнечного дела, доведенного до большого совершенства и мастерства, явились основой для выделения его одним из первых в самостоятельное ремесло. Начиная с XVIII в. центры важнейшего кузнечного ремесла сложились в селениях Муртазово (Дейское), Хапцево (Хамидие), Абаево (Урожайное), Астемирово (Верхний Акбаш), Боташево (Плановское), Тамбиево I (Кызбурун III), Атажукино I (Заюково), Атажукино III (Куба), Коново (Куркужин), Клишбиево (Нартан), Тохтамышево (Лечинкай), Мисостово (Урвань), Жанхотово (Псыгансу), Куденетово I и II (Чегем I и II), Догужоково (Аушигер), Баксан и др.¹

Нередко обработка металла была наследственным занятием, переходившим от деда к отцу, от отца к сыну. Профессор Г. Х. Мамбетов, специально исследовавший кузнечное ремесло в Кабарде, пишет: «В Кабарде... жили целые поколения кузнецов, которые ведут свое начало с конца XVIII – начала XIX в. Так, в сел. Кызбурун III жили известные на всю Кабарду кузнецы Мамхеговы. Мамхегов Иналуко был известным кузнецом в середине XVIII в. Он научил своему мастерству сына Аслануко, а тот своего сына Тхазрита... Искусными кузнецами стали также его сыновья Исуф и Теркан, сын последнего Махамет. И последним представителем этой фамилии кузнецов является... Мамхегов Каншобий Махометович...». Такие же поколения кузнецов, ведущих свое начало с XVIII в., жили в Куденетово I (Чегем I) – Добаговы, в Жанхотово (Псыгансу) – Заниловы, в Мисостово (Урвань) – Хашевы и в других селениях².

О наследственном характере кузнечного ремесла свидетельствует также происхождение родовых фамилий ряда кабардинских кузнецов. Так, Гучевы происходят от слова «гьукIэ» (кузнец), Дышкековы – от «дышэкI» (ювелир), Гоплачевы – от «гъуэпльашIэ» (медночеканщик), Гетегежевы – от «джатэгъэж» (ковать меч), Гетегежевы – от «джатэгъей» (большой меч) и т. д.³ К этой группе относится и фамилии Гятовы и Гатаовы.

Так из поколения в поколение передавались, совершенствовались и обогащались приемы художественного мастерства и профессиональные навыки, выработанные многими поколениями народных умельцев прошлых эпох. «Кузнечное дело и работы по благородному металлу являются единственными отраслями, которые находятся в руках небольшого числа профессиональных мастеровых»⁴, – отмечал Иоганн Бларамберг. Имена многих оружейников были известны и за пределами Кавказа⁵. Если женщины-горянки воплощали свои вы-

¹ Мальбахов Б. Х. Кабардинское народное декоративное искусство. Нальчик, 1984. С. 21.

² Мамбетов Г. Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик, 1962. С. 76.

³ Мальбахов Б. Х. Указ. соч. С. 22.

⁴ Бларамберг И. Указ. соч. С. 99.

⁵ Веселовский А. Н. Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев (Георгий Интериано). О быте и нравах черкесов, 1504 г. // Записки русского географического общества. Отдел этнографии. СПб., 1869. Т. 2. С. 27.

сокие художественные дарования и вкусы в изделиях из шерсти или золотошвейном искусстве, то мужчины – кабардинцы и балкарцы – в дереве, металле, камне и коже, с которыми имели дело на практике, будучи плотниками, кузнецами, шорниками, оружейниками, золотых и серебряных дел мастерами. Горцы, отмечал Иоганн Бларамберг, достигли высшей степени совершенства в изготовлении оружия. «Их кольчуги, ружья, кинжалы, сабли (шашки) и т. д. превосходны и высшего качества. Самые лучшие оружейники – кубачинцы в Дагестане и у черкесов. Их золотых и серебряных дел мастера украшают золотом и серебром оружие, корнетки для пороха, поясные ремни т. д.

Совершенство этого вида работ, красоту и гармонию рисунка, который они воспроизводят чернью по золоту или серебру, посредством кислоты, трудно себе представить»¹. То же самое отмечал и Н. Ф. Дубровин, который писал: «Главная промышленность черкесов, доведенная до довольно высокой степени, было ювелирство. Они имели искусных золотых дел мастеров, которые особенно отличались изобретением рисунков для черняди на серебре, и покрывали ею рукоятки пистолетов, шашек, ножны кинжалов и проч.»².

Особенно больших успехов в обработке камня и в строительстве из камня достигли балкарцы, среди которых к тому времени выделились специальные мастера-строители. Высокое мастерство в камнерезном искусстве балкарцев проявлялось при строительстве склепов – мавзолеев и усыпальниц, оборонительных сооружений – башен, крепостей, замков, сооруженных из хорошо обработанных камней, на крепком известковом растворе в малодоступных местах горных утесов. Полуразрушенные остатки таких древних сооружений, покрытых пылью веков, сохранились и в наши дни в горной зоне республики как архитектурное наследие Кабардино-Балкарии. О том, что балкарцы с древнейших времен использовали горные богатства края, свидетельствует и топонимическая лексика, подтверждающая и дополняя имеющиеся исторические сведения по этому вопросу. Так, в Чегемском ущелье по левому берегу Чегема в районе сел. Верхний Чегем находится горный хребет, который носит название «Къургъашинли-тау» (Свинцовая гора). И действительно, в результате археологических раскопок здесь, у селений Верхний Чегем, Верхняя Балкария, Верхний Баксан и др., были обнаружены древние горные выработки меди, железа, свинца и серебра, копи, рудники, относящиеся к раннему Средневековью. Сохранились и такие названия, как «Гюрбежи тала» (Поляна кузнеца), «Кукуртлу-сырт» (Серный холм) и т. д.³ Горнорудное дело в Балкарии нашло отражение в народных преданиях и легендах о Боташе, нартских сказаниях о первом кузнеце Дебете и других фольклорных сюжетах⁴. Это находит свое подтверждение и в письменных источниках.

В Кабарде и Балкарии некоторое развитие в это время получила и горнодобывающая промышленность. В 1732 г. в Коллегии иностранных дел России были получены сведения о том, что балкарцы «сами делают серу горячую, порох, свинец и железо из руд, находящихся в горах». С. Броневский также отмечал, что в Балкарии «из горы Коргашин-тау (Свинцовая гора), лежащей на полдень в вершинах реки Чегема, жители добывают свинцовую руду, из коей делают пули; умеют готовить селитру и продают порох; есть также у них железная

¹ Бларамберг И. Указ. соч. С. 37.

² Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 49.

³ Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик, 1981. С. 36, 98, 99.

⁴ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 222.

руда, которую они плавят»¹. Об этом же писали и очевидцы-путешественники – Э. Кемпфер, И.-А. Гюльденштедт и др.

У адыгских народов, которым на протяжении тысячелетий приходилось постоянно защищаться от нападений чужеземных врагов, с давних пор было высоко развито связанное с военным делом ремесло – производство оружия как предмета первой необходимости. Это отмечали все иностранцы, посещавшие Черкесию в XV–XIX вв.

Вооружение кавказского горца издавна состояло из оборонительного доспеха – кольчуги, шлема, наручей и из наступательного оружия – лука со стрелами, копья, дротика, сабли и кинжала.

В начале XVIII в. распространилось огнестрельное оружие. Вооружение горца обогатилось ружьем и пистолетом, которые имелись у большинства кабардинцев мужчин. Их делали местные мастера-оружейники, владевшие секретом изготовления огнестрельного оружия. Таких мастеров было не так уж много, и они находились на особом счету. С этим связано появление фамилии Фокичевы – от слова «фочыш1э» (специалист по изготовлению ружья). Молодечество, любовь к оружию и то огромное значение, которое придавалось богатству военной экипировки кавказскими горцами, послужили поэтической лирой для влюбленного и Кавказ М. Ю. Лермонтова, выразившего все это образно в следующих строках:

Вокруг оседланные кони;
Серебряные блещут брони;
На каждом лук, кинжал, колчан
И шашка на ремнях наборных,
Два пистолета и аркан,
Ружье; и в бурках, шапках черных...²

При этом такое «изобилие оружия на черкесе нисколько не стесняло его и при движении не выдавало его бряцанием или блеском. Все это было ловко приспособлено: кинжал носился в деревянных, оклеенных кожей ножнах на поясе спереди... Ружье носилось в войлочном косматом чехле через правое плечо, а пистолет – или за поясом сзади, или в кожаной кобуре с левой стороны около шашки. Погонный ремень на винтовке был так пригнан, что после выстрела черкес вешал ружье на левую руку и заряжал на всем скаку»³.

Говоря об этом, Н. Ф. Дубровин отмечал: «Несмотря на то, что черкес был с ног до головы обвешан оружием, оно пригонялось так, что одно оружие не мешало другому; ничто на нем не брнчало, не болталось... Весь костюм черкеса и его вооружение приспособлены были как нельзя лучше к наездничеству и к конной драке», – писал он⁴.

То же самое отмечал и Иоганн Бларамберг, говоря: «Можно было бы подумывать, увидев воина, столь перегруженного оружием, что его движения должны быть стесненными и неуклюжими, однако черкес на коне со всем этим оружием являет собой пример подвижности, ловкости и прекрасных качеств всадника»⁵.

¹ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 22.

² Лермонтов М. Ю. Кавказский пленник // Собр. соч. в 4 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 22.

³ История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Тифлис, 1901. Ч. 1. С. 55.

⁴ Дубровин И. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 14–15.

⁵ Бларамберг И. Указ. соч. С. 65.

Далее он писал: «Главная ценность у черкесов состоит в их оружии; хотя их особенно интересует само качество оружия, они все же равнодушны к богатому украшению оружия. Их сабли (шашки), кинжалы, пистолеты, ружья, сбруя и т. д. покрыты украшениями из серебра и золота прекрасной работы. Седла и ножны шашки украшены галунами»¹. Поэтому, по его словам, хотя «оружие у черкесов обычно превосходное, но стоит оно очень дорого; полное обмундирование, например, князя стоит не менее двух тысяч рублей серебром»². Черкесы «никогда не продают свое лучшее оружие, и оно обычно переходит по наследству от отца к сыну»³.

Некоторые виды оружия и боеприпасов – стрелы, наконечники, копья, а также порох – изготовлялась дома, более сложные же – мастерами-профессионалами. Изделия некоторых из них были отмечены яркой индивидуальностью, т. е. были профессионально-авторскими. Иногда мастера на своих изделиях указывали свое имя и дату. Так, целую серию шлемов сделал в 80-х гг. XVIII в., как следует из надписи, мастер Али, сын Хаджи Бека⁴.

Тело воина защищала кольчуга-рубашка, сплетенная из металлических колец. При этом различают кольчуги и панцири. Кабардинские панцири, изготовление которых было одной из сложных и трудоемких работ, требующих долголетней выучки, хорошей специальной подготовки и большого мастерства, пользовались широкой популярностью. Их даже закупали для персидского шаха. Турки брали дань с черкесов людьми, лошадьми и панцирями. И это не случайно, ибо многие виды вооружения горцев служили непревзойденными образцами художественного и продуманного производства. Такие горские оборонительные доспехи, как кольчуги (адыгам было известно пять видов кольчуг), которые можно назвать одним из чудес средневековья, были удивительно надежны. Они существенно отличались от европейских легкостью и прочностью – лучшие их образцы можно было уместить на ладонях мужчины и имели вес от 3500 до 4500 граммов. Не каждый кинжал или шашка мог разрубить такие рубашки, собранные из 20–30 тыс. и более железных колец. Ружейные пули пробивали их лишь с близкого расстояния, и то редко. Создатели кольчуг заботились не только о прочности, но и о красоте, для чего запонки к ним изготовлялись из золота⁵.

О черкесских кольчугах Иоганн Бларамберг писал: «Их кольчуги обычно очень дорогие; и, говорят, что среди них есть настолько искусно сделанные, что для испытания их кладут на теленка и стреляют по нему из пистолета, заряженного пулями, в результате чего животное испытывает лишь небольшой толчок»⁶. Поэтому кабардинские кольчуги высоко ценились, занимали почетное место в коллекциях русских царей, персидских шахов, турецких султанов и калмыцких ханов, ногайских мурз. Вообще на многих изделиях горских мастеров лежала печать высокого профессионализма. Предметы их оружейного производства удивляют мастерством и творческой фантазией народных умельцев, несомненно обладавших богатейшими традициями и художественными приемами. По уровню совершенства многие их изделия поднимались над ремеслом, из которого они развились, перерастали чисто прикладные, узко практические функции,

¹ Бларамберг И. Указ. соч. С. 66.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 66.

⁴ Кавказское оружие. Государственный исторический музей. Внешторгиздат. Изд. № 644 р.

⁵ Яхтанигов Х. Х. Экспонаты повествуют. Нальчик, 1984. С. 5.

⁶ Бларамберг И. Указ. соч. С. 30.

превращались в произведения настоящего искусства. К сожалению, имена этих мастеров, говоря словами Б. Л. Пастернака, чьи изделия «ремесла того времени были на одном счету с искусствами»¹, в большинстве случаев остались нам неизвестны. Кстати, нельзя считать случайным, «что в древнегреческом языке нет отдельного слова со значением «искусство»: термин «техне» обозначал и искусство, и ремесло». Словом, долгое время искусство существовало в синкретическом единстве с трудом, что подтверждается многочисленными примерами из мифологии различных народов. «Делал – не только древнегреческий Гефест, он одновременно и первый архитектор. В нем воплощаются и начала искусства, и виды ремесла. Такой синтез наблюдается и в образе Тлепша»². На Руси кабардинские панцирные мастера работали в Астрахани, а затем и в Москве, вызванные туда «как булатных дел сварщики самые добрые мастера». Здесь кабардинские мастера ковали оружие для воинов Ивана Грозного, Дмитрия Пожарского, царя Алексея Михайловича, обучали мастерству русских специалистов по военному снаряжению. В документальных источниках сохранились имена двух адыгских мастеров-оружейников: «Калюбал и Бад»³. Услугами кабардинских мастеров широко пользовались и калмыки. «За недостатком в улусах хороших мастеров по изготовлению панцирей и сабель, нойоны посылали своих людей для прохождения обучения в Кабарду; или же за хорошую плату приглашали оттуда соответствующих специалистов»⁴.

Важным предметом горских боевых доспехов были шлемы, о которых еще в «Задонщине», памятнике древнерусской литературы конца XIV в., повести о Куликовской битве 1380 г., сказано, что «русские полки были одеты в шлемы черкасские».

Такие элементы боевых доспехов, как наручни, или налокотники, защищали руку от удара клинка. Поверхность наручней иногда украшали гравировкой или позолотой с надписями. Представляя читателю «удалого кабардинца», М. Ю. Лермонтов писал:

...Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них⁵.

В снаряжение воина входили перчатки из красного или черного сафьяна с нашитыми поверху кусками кольчужной сетки и с кожаными шнурками для прикрепления к руке.

В XVIII в. у адыгов появился новый классический вид холодного оружия – шашка, ставшая затем самым распространенным видом оружия рукопашного боя у них. Ее создателями были сами адыги. Само слово «шашка» – кабардино-черкесское и означает «длинный (или «большой») нож».

И Военном энциклопедическом словаре и Советской военной энциклопедии содержится довольно-таки подробная характеристика шашки, где сказано: «Шашка (от кабардино-черкес. сашхо – букв.: длинный нож), рубяще-колющее холодное оружие»⁶. «Осн(овные) части ш(ашки) – клинок, эфес (без гарды) и нож-

¹ Борис Пастернак об искусстве. М.: Искусство, 1990. С. 147.

² Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982. С. 99–100.

³ КРО. Т. 1. С. 193–194.

⁴ Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1993. С. 125.

⁵ Лермонтов М. Ю. Дары Терека // Собр. соч. в 4 т. Т. 1. С. 459.

⁶ Военный энциклопедический словарь. М.: Военное издательство, 1983. С. 814.

ны. Первоначально на вооружении рус(ской) иррегулярной кавалерии состояла ш(ашка) кавказского типа, которая имела клинок небольшой кривизны (стрела изгиба до 30 мм) с лезвием на выпуклой стороне и обоюдоострым передним концом (боевой частью); длина 700–900 мм, ширина до 40 мм, масса с ножнами до 1200 г.»¹

В Государственном Историческом музее в Москве хранится шашка самой ранней датировки – на ее клинке 1713 г.²

В Черкесии шашка стала настолько популярной, что она совершенно вытеснила саблю. Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики гребенских казаков (усвоивших военное воспитание адыгов и позаимствовавших у них образцы вооружения и снаряжения) сменили на горский кинжал и шашку. Горская шашка приобрела широкую популярность и в русской армии. Об этом в Военном энциклопедическом словаре сказано: «В России ш(ашка) в XVIII в. – оружие иррегулярной (казачьей), а в XIX в. – и регуляр(ной) кавалерии, кон(ной) арт(иллерии); с кон(ца) XIX в. ш(ашкой) вооружились также офицеры всех родов войск, кон(ная) и пешая полиция. В Сов(етской) Армии на вооружении состояли ш(ашки) обр(азца) 1881 и 1927 гг.»³ Как правило, русские офицеры, попадая на Кавказ, приобретали прежде всего горскую шашку.

«Благодаря превосходному вооружению, – сказано в «Истории Хоперского полка Кубанского казачьего войска», – черкесская шашка «волчок» и гурда, кинжал дамасской стали, пистолет с арабским или английским замком и нарезное ружье – составляли предмет зависти и желаний для казака»⁴. В развитие этой мысли можно привести оценку, данную Н. Ф. Дубровиным черкесской шашке, которая гласит: «Последнее оружие черкес особенно любил и владел им в совершенстве. Черкесская шашка остра как бритва, страшна в руках наездника и употреблялась им не для защиты, а для нанесения удара, который почти всегда бывал смертелен»⁵. Лучшей шашкой у горцев считалась гурда, перерубавшая кольчугу, ружейные стволы. Ею можно было разрубить шаль, подброшенную в воздух, волос, лежащий на воде, можно было бриться и даже опоясываться. Гурда была исключительной редкостью и пользовалась легендарной славой. Она изготовлялась на домашних горнах из местной руды. Гурда, как и сабля, считалась почетным оружием, переходящим по наследству от предков. Горец даже такого лихого коня, как Карагёз Казбича, мог променять на шашку-гурду, что убедительно описано в «Бэле» М. Ю. Лермонтова: «...отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь, – а шашка его настоящая гурда: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется; а кольчуга такая, как твоя, ничо чем»⁶, – говорил княжеский сын Азамат абреку Казбичу, предлагая ему гурду за его скакуна Карагёза. Адыгская шашка (сэшхуэ) и некоторые другие старинные оружия потом оказались в коллекции древностей знаменитого шотландского романиста Вальтера Скотта.

¹ Советская военная энциклопедия. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР. 1980. Т. 8. С. 496.

² Аствацатурян Э. Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. в 2 ч. М.: Наука, 1977.

³ Военный энциклопедический словарь М.: Военное издательство, 1983. С. 814.

⁴ История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. Ч. 1, 2. 1696–1896. Тифлис, 1901. Ч. 1. С. 137.

⁵ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 14.

⁶ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Собр. соч. в 4 т. Т. 4. С. 291.

Вальтер Скотт не был на Кавказе, а оказались они в его собрании через прославленного героя Отечественной войны 1812 г., поэта-воина, ценителя и знатока прекрасного, Дениса Давыдова – духовного собрата и почитателя В. Скотта, с которым тот был знаком заочно через своего племянника В. П. Давыдова, учившегося в Эдинбурге и часто видевшегося с ним в его деревне – усадьбе Абботсфорд.

В 1827 г. Давыдов отправил подарок с комментариями: «Эти немногие вещи я имею честь препроводить Вам... Ныне черкесы (кавказские горцы) воюют так же, как и мы: с помощью хороших винтовок и пистолетов, а из своего прежнего оружия сохранили только короткую саблю, называемую шашкой...»

В том же письме он упоминает о посещении Кавказских Минеральных вод, «находящихся в краю, населенном теми самыми воинственными племенами, чье оружие я вам посылаю».

В XVIII в. луки и стрелы еще широко бытовали наряду с огнестрельным оружием, которое привозилось из Крыма и Дагестана и частью изготовлялось на месте. Черкесские стрелы покупали татары и ногайцы ежегодно около 300 тыс. штук¹. Черкесы «сами делают свои стрелы... – сообщил современник еще в XVI в., – и в целом мире не найти стрел, которые хватили бы так далеко и имели бы столь закаленное острие»².

Мастерами по изготовлению пороха (гын) из местного сырья слыли и черкесы (кабардинцы). Это отмечал Хан-Гирей, дав подробное описание, как его делали. Он пишет: «Нет почти ни одного черкеса, который не имел бы огнестрельного оружия, ибо и земледelec под защитою ружья обрабатывает землю. После этого трудно ли, что потребность пороха чрезвычайна у этих племен, и это самое [является] причиною, что в каждом ауле в небольшом количестве приготавливают порох следующим образом: соразмерные количества селитры, серы и угля смешивают вместе, и всю эту смесь надлежащим образом толкут. Потом в сухом пузыре, довольно сильно качая, сушат, а после массу эту пропускают сквозь сетки, нарочно для этого приготовленные. Крепость или слабость пороха зависит от размера составов: селитры, серы и угля. Жители отдаленных мест от пещер, где добывается селитра, добывают это вещество из травы, называемой черкесами «дчез» или «ежьашхо». Сушеные стволы этого растения варимы бывают в воде и по остужении окажется осадка селитры на отварной воде. Это средство добывать селитру делает то, что черкесы более нуждаются в сере, нежели в селитре»³.

«Кабардинцы для добывания селитры, – пишет В. Христианович, – употребляли золу очищенных от листьев стеблей быльника, собиравшегося с этой целью в июле месяце»⁴. Горцы даже торговали порохом собственной фабрикации.

Процесс вовлечения Кабарды и Балкарии, как и других районов Северного Кавказа, во всероссийский рынок получил в XVIII в. более заметное проявление. Промышленные изделия горских крестьян (балкарские сукна, кабардинские бурки, башлыки, черкески, холодное оружие, седла и т. д.) не только продолжали пользоваться большим спросом внутри Кабарды и Балкарии, но и получили довольно широкое распространение по всему Северному Кавказу, в России и за ее пределами, убедительно свидетельствуя о превращении некоторых отраслей ремесла и кустарных промыслов кабардинцев и балкарцев в мелкотоварное производство.

¹ Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 644.

² Веселовский А. Н. Указ. соч. С. 20.

³ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 266–267.

⁴ Кабардинская автономная область: (К годовщине автономии). Нальчик, 1922. (Перепечатка). КБНИИ. № 73. С. 127.

В работе «Развитие капитализма в России» Ленин отмечал, что производство крестьянами «продуктов промышленности в виде товара» кладет первое основание отделению промышленности от земледелия и взаимному обмену между ними, хотя «промышленник от земледельца на этой стадии развития в большинстве случаев еще не отделяется»¹. Ленин писал, что развитие мелкотоварного производства в домашних крестьянских промыслах и ремеслах идет одновременно с расширением рынка сбыта для их изделий. Им, который бывает первоначально крайне узким, постепенно начинает служить не мелкий сельский базар или ярмарка, а «целая область, затем вся страна, а иногда даже и другие страны»².

О высокой степени развития ремесленного производства в Кабарде и Балкарии в XVIII в. свидетельствовала и существовавшая среди ремесленников узкая специализация, способствовавшая повышению их профессионального мастерства. Так, например, кабардинские седла изготовлялись обычно мастерами четырех специальностей. Деревянную часть седла делал арчачник (уэнащIэ), кожаные принадлежности седла: подушки, тебенки, ремни – шорник (фащIэ), металлические принадлежности – кузнец (гьукIэ), серебряные и позолоченные украшения – ювелир (дыщэкI). Вообще изготовление седла было настолько сложным и тонким делом, что стоимость его приравнивалась к стоимости коровы. Седельное производство исстари, как требующее значительной мускульной силы, находилось в руках мужчин.

Ювелиры принимали также участие в украшении оружия, конских уборов, мужских поясов, достигнув в этом искусстве большого совершенства³. В некоторых селениях Кабарды жили потомственные златокузнецы. Даже и сейчас есть целые роды, носящие фамилию Дышековы (золото-кузнецы).

Не случайно многие изделия кабардинских и балкарских специалистов-ремесленников и промысловиков получили довольно широкое распространение, пользовались повышенным спросом на Кавказе и за его пределами: они отличались, как правило, высоким качеством и прекрасной отделкой, как будто наши предки нарочно задумали поразить своих потомков редкостным завидным мастерством и вкусом исполнения.

Интересно заметить, что «ремесло», «мастерство», «искусство», «уменье», «сноровка», а также «произведение», «изделие» в осетинском языке, как отмечал В. И. Абаев, идет из кабардинского⁴. Об этом, кроме других источников, говорит и фольклор северокавказских горцев. Так, в вайнахской легенде «Как чеченцы присоединились к России» говорится о том, как во Владикавказ прибыл русский падчах (царь, шах, король, государь у восточных народов) и, узнав об этом, чеченцы снарядили к нему пятьдесят всадников из пятидесяти сел. Горцы рассказали падчаху, удивленному их красотой и статностью, о себе, о своем народе. «Затем, – как сказано в заключение легенды, – всадники и солдаты падчаха стали состязаться, и всадники во всем одолели солдат. Падчаху очень понравились всадники и их одежда. Он попросил для своей свиты двенадцать всадников и присоединил чеченцев к России.

С тех пор, говорят, при дворе падчаха стали носить черкесскую форму»⁵. Это легенда. Как и всякий миф, она не должна восприниматься на веру, однако лю-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 332.

² Там же.

³ Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 98.

⁴ Абаев В. И. ИЭСОЯ. Т. 1. С. 28.

⁵ Сказки и легенды ингушей и чеченцев // Сказки и мифы народов Востока. М.: Наука, 1983. С. 325.

бой миф имеет под собой земную основу, так и в ней есть отголоски действительной истории.

Черкеска – наиболее известная мужская верхняя одежда, национальный костюм адыге, которая шилась в основном из домотканого сукна, имела широкое распространение и у других северокавказских горцев. Ее носили также народы Дагестана. Насколько ценима и популярна была черкеска у дагестанцев, говорит тот факт, что она, эта одежда, попала в фольклор народов Страны гор. Так, в одном из вариантов аварской «Песни о разгроме Надир-шаха» иранцы просят:

Давайте, горцы, заключим мир...
Хотите, юношей-князей дадим,
Наряженных в черкески из добротного сукна.

Но горцы отвергают дань побежденного врага ¹.

В Закавказье черкеска стала народной одеждой абхазов и грузин, была популярна и у представителей высших сословий Армении и Азербайджана. К ней предпочтительно относились русские, украинские и другие переселенцы. Красота и изящество покроя, легкость и удобство отличали черкеску, обладающую и поныне непреходящей эстетической ценностью. Именно такие качества сделали ее привлекательной и популярной, известной во всем мире. Не зря выдающийся адыгский просветитель и этнограф Хан-Гирей писал, что «мужская одежда у черкес красотой и удобностью превосходят все одеяния, мне известные, не только в Азии, но и даже в Европе...»². Это видно и из следующего сюжета: «...он надел черкеску из черного сукна, тонкую талию стянул позолоченным серебряным поясом», «его черкеска из фряжского (итальянского, генуэзского) сукна истрепалась»³.

Покрой верхней одежды у кабардинцев и ингушей также имел нечто общее. Так, русский посол в Грузии князь Федор Волконский, проезжая через горную Ингушетию в первой половине XVII в., писал в донесении царю Михаилу Федоровичу об ингушах, что «ходят мужики по-черкесски» (в данном случае говорится о костюмах черкесов-кабардинцев, которые в то время были больше известны русским, чем черкесы Северо-Западного Кавказа)⁴.

В балкарских частушках, опубликованных Вильгельмом Преле, содержатся такие строки:

Очень (тебе) идет
черкеска, в которую ты одет.
.....
Пусть черкеска на мне
Вся распорется по швам!
Если (твой) отец тебя за меня не отдаст.
Пусть (твоего) отца (вся) кровь вытечет⁵.

¹ Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. С. 69.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 240.

³ Абаев В. И. ИЭСОЯ. Т. 3. С. 118.

⁴ Рандоникас Т. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н. э. – конец XVII в.). Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1990. С. 120.

⁵ Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. С. 374–375.

Черкеска была также воспринята кубанским и терским казачеством в качестве официальной формы. Она проникла даже на Дон. Так, баллада «Молодец после кровавой битвы», записанная у донских казаков в начале XIX в., начинается словами:

Не травушка, не ковылушка в поле шаталася,
 Как шатался, волочился удал добрый молодец,
 В одной тоненькой в полотняной во рубашечке,
 Что во той-то было во кармазинной * черкесочке:
 У черкесочки рукавчики назад закинута,
 И камчатны ее полочки назад застегнуты...¹

Даже сам Ермак Тимофеевич – казачий атаман, предводитель похода в Сибирь, положивший начало присоединению Сибири к России и ее освоению, в свое время, как это поется в одной из русских исторических песен, красовался в черкеске²:

Тут-то Ермак убирается,
 Тут-то Тимофеевич снаряжается,
 Вздевает сапожки сафьяновые на босу ножку,
 Кармазинную черкесочку наопашечку.

Само название «черкеска» (цей) было дано этой одежде по этнониму «шэр-джэс» (черкес), под которым известны адыги внешнему миру, «русским, которые впервые увидели ее на черкесах»³. Кстати, этноним «черкес» (черкас, джеркас), как пишет Н. Г. Волкова, известен в письменных источниках 40-х годов XIII столетия. Впоследствии имя «черкас» появляется во всех исторических источниках как синоним «адыг»: арабских, персидских, западноевропейских сочинениях и в русских летописях. Черкесы – основное этническое название, под которым адыги широко известны в разноязычных источниках⁴. «Имя черкес, – пишет далее тот же автор, – сменив предшествующие ему этнические названия «зихи» и «касоги», прочно вошло в литературу всех времен и народов»⁵. И сейчас этот термин употребляется некоторыми народами Северного Кавказа для обозначения адыгов: ногайское – «черкели», карачаевское и балкарское – «черкесли», чечено-ингушское – «черси, черказо», осетинское – «кашкон».

Краткое описание черкески содержится в Военном энциклопедическом словаре, где сказано: «Черкеска – однобортный суконный кафтан без ворота, в талии со сборками, имеющий на груди нашитые гнезда для патронов (газыри); предмет воен(ной) формы одежды у черкесов (отсюда назв(ание) и др(угих) кавказ(ских) горцев), а также у терского и кубанского казачества»⁶.

Известный абхазский этнограф Ш. Д. Инал-Ипа, говоря об общих элементах мужской и женской одежды у адыгов и абхазов, пишет: «Невозможно предста-

¹ Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Л., 1984. С. 289.

² Русская историческая песня. Советский писатель (Ленинградское отделение), 1987. С. 383.

³ Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. С. 91.

⁴ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: 1973. С. 24.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Военный энциклопедический словарь М.: Военное издательство, 1983. С. 107.

* Кармазинная черкесочка – черкеска из ярко-алого сукна.

вить себе внешний облик как абхазов, так и адыгов без, можно сказать, идентичного одеяния, которое не случайно все-таки стало широко известно под названием именно «черкеска». Черкеска, получившая столь широкое распространение на всем Кавказе, а частично и за его пределами, является неотъемлемой национальной мужской одеждой прежде всего адыго-абхазских народов, которым, вероятно, принадлежит заслуга создания этого замечательного костюма, зародившегося много веков тому назад (по Е. И. Крупнову, в X–XI вв., а газыри стали пришивать позднее – после широкого распространения огнестрельного оружия в XVIII в.) и связанного по своему происхождению с военным бытом всадника»¹.

Русские и иностранные авторы единодушно отмечали, что черкесские (кабардинские) мастера и мастерицы производили превосходные изделия, которые служили образцом для других народов Северного Кавказа. Так кабардинские оружейники и ювелиры, седельники и шорники, ткачихи и портнихи заслуженно пользовались широкой известностью в крае и за его пределами и выступали законодателями горской моды. Прочность и красота, легкость и удобство создавали славу их изделиям, начиная от убранства коня и кончая костюмом всадника, который получил распространение на всем Кавказе². Говоря о главных причинах первенства адыгов и их влиянии на других соседних горцев, А.-Г. Кешев заключал, что «адыги не остановились, подобно своим соседям, на ступени обыкновенного военного общества, но развили свои воинственные наклонности до идеальной тонкости, до настоящей виртуозности, воплотили принцип военно-аристократических свободных учреждений в живые, привлекательные формы и возвели их в целую стройную систему»³.

Материальная культура кабардинцев имела много общего с материальной культурой соседних народов Северного Кавказа, что свидетельствует о существовании тесных и продолжительных связей и взаимовлиянии между ними. Кабардинцы не составляли исключения. Народы в ходе своего исторического развития, как правило, вступали в межэтнические контакты, сопровождавшиеся многообразными и разноплановыми взаимодействиями и взаимовлияниями, как естественный, закономерный процесс. И в то же время это общее не доходило до абсолютного сходства, всегда сохранялись и различия. Материальная культура кабардинцев, как и других народов, характеризовалась ярко выраженными специфическими особенностями, присущими только ей. «Одежда осетин похожа на черкесскую, – пишет Клапрот, – но несколько длиннее и сделана с меньшим вкусом»⁴. А большой знаток адыгской одежды Е. Н. Студенецкая фиксирует: «Удобный и изящный мужской костюм, приспособленный к образу жизни горцев, широко распространился за пределами Кабарды и Черкесии»⁵.

Как свидетельствовали современники, мечтой казаков было «купить полный черкесский наряд, запастись черкесским оружием, которому отдают преимущество перед тульским»⁶. Военный историк, исследователь казачьего быта И. Попко пишет: «В походном и домашнем быту казаки носят черкесскую одежду, предпочитая ее своей форме как за легкость и удобство покроя, так и прочность сукна. Черкесская одежда, черкесское оружие, черкесский конь составляют предмет

¹ *Инал-Ипа Ш. Д.* Об абхазо-адыгской общности // *Культура и быт адыгов.* Майкоп, 1991. С. 9.

² *История Кабардино-Балкарской АССР...* Т. 1. С. 141.

³ *Кешев А.-Г. (Каламбий).* Записки черкеса. Нальчик, 1998. С. 223.

⁴ См.: *Калоев Б. А.* Осетины: (Историко-этнографическое исследование). С. 148.

⁵ *Народы Кавказа.* М., 1960. Т. 1. С. 170.

⁶ *Калмыков И. Х.* Черкесы. С. 159–160.

войскового щегольства для урядника и офицера. Вообще все черкесское пользуется уважением и предпочтением между казаками»¹.

«Поселившись на Кавказе и ближе познакомившись со своими соседями, – писал другой автор, – старшины и казаки Хоперского полка стали исподволь обзаводиться предметами черкесского снаряжения и вооружения, начали приобретать одежду и обувь одинакового с горцами образца и покроя... У казаков появились черкески с газырями на груди для патронов и бешметы с боковыми грудными карманами, чувяки и ноговицы; сабли и штуцера постепенно исчезли, а взамен их казаки обзавелись шашками, кинжалами, винтовками и пистолетами...»². Позже для всех казаков Кавказского линейного войска было установлено «однообразное обмундирование, вооружение и снаряжение черкесского образца, подобно кабардинскому... казаки переняли также от черкесов их военные игры – скачки, джигитовку, выpravку и много других приемов ловкого и лихого наездничества»³.

Долгие годы совместной жизни настолько сблизили казаков и горцев, что порою трудно было отличить одних от других. В одежде, вооружении, постройках, убранстве, обычаях было очень много поразительного сходства. Одежда горцев (бурка, башлык, черкеска, шапка, обувь, пояса с наборными украшениями и кинжалом, и шашкой) была воспринята казаками сначала на Тереке, а потом на Северном Кавказе. И не только казаками. Говоря о А. П. Ермолове, покорителе и усмирителе Кавказа, А. С. Пушкин писал: «...он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе»⁴. Носили черкеску и герой Кавказа Шамиль, и его окружение. Когда он, по описанию М. Чичаговой в работе «Шамиль на Кавказе и в России», после взятия Гуниба и пленения прибыл в Калугу, увидел здесь «офицера в мундире кавказской армии, служившего на Кавказе, глаза его засверкали; он подошел к нему и спросил:

– Что значит ваш черкесский убор?

– Я служил на Кавказе.

– Давно ли вы оттуда?

– Уже восемнадцать лет.

– Вы мой земляк и мне приятно вас видеть, – сказал Шамиль».

«По словам Ригельмана, – пишет историк Г. В. Губарев, – казаки в его время одевались в кафтан и полукафтанье или бешмет и штаны широкие, сапоги и шапки черкесские». То же и казачки «с черкесского обычая» носили собольи шапки. Фасон казачьего кафтана создан глубоко в веках и тоже на юге»⁵.

Таким образом, кавказские казаки, заимствовав от горцев, в первую очередь от кабардинцев, буквально все, начиная от одежды и кончая тактикой ведения боя, резко выделялись среди всех казачьих войск. «Всегда отличались они, – писал А. П. Ермолов, – от прочих казаков особенной ловкостью, исправностью оружия и добротой лошадей»⁶. «Своеобразие и боевые качества кавказского казачества оказали определенное влияние не только на соседних донских, но так-

¹ Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Пб., 1858. С. 199.

² История Хоперского полка Кубанского казачьего войска Ч. 1–2. 1696–1896. Тифлис, 1901. Ч. 1. С. 85.

³ Там же. С. 85–86.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 6. С. 641–642.

⁵ Губарев Г. В. Казаки и их земля в свете новых данных. Вторая книга о казаках. Буэнос-Айрес: Изд. Г. В. Карпенко, 1974. С. 351.

⁶ Записки Л. П. Ермолова. 1798–1826. М.: Высшая школа, 1991 С. 270.

же и на остальных, более далеких, казаков. Постепенно Кавказ в той или иной степени наложил отпечаток на все русские регулярные войска¹. В связи с этим здесь уместно сказать о том, как казаки в войне против Наполеона привлекли было внимание к себе всей Европы, став синонимом доблести среди союзных армий. И Наполеон сам давал высокую оценку военному искусству казачьих войск. Он говорил, что надо отдать справедливость казакам. Это они доставили успех России в этой кампании. «Казаки – это самые лучшие легкие войска среди всех существующих. Если бы я имел их в моей армии, я прошел бы с ними весь мир»². Черкесы, и в частности кабардинцы, как и казаки, в своем быту совмещали качества хорошего земледельца, скотовода и др., не отрываясь от хозяйственной деятельности, могли поддерживать в своей среде высокие военные качества. У черкесов, в том числе у кабардинцев, не было регулярной армии. Более того, у них не было никаких постоянных и определенных установлений относительно военной службы, исполнения воинского долга. И тем не менее черкесы, «храбрые по своей природе, привыкшие с детства бороться с опасностью», были настоящими вителями, превосходными воинами. Н. Ф. Дубровин, который близко и хорошо был знаком со всем этим, писал, что такие условия жизни «развивают присутствие духа, быстроту соображения, а постоянные физические упражнения и деятельность способствуют развитию телесной красоты, гибкости и силы. Черкесы богато одарены как умственными способностями, так и красотой; но все духовные способности употреблялись на... войну. Между черкесами то семейство, в котором один из членов не был убит или ранен в каком-либо сражении с врагами, вошедшими в пределы его родины, не пользовалось уважением соотечественников»³. Правда, автор ошибочно считал, что все свои способности черкесы направляли «более на жизнь удалую, чем на мирную и спокойную», находя «величайшим благом дикую и необузданную жизнь». Эта сама жизнь лишила действительно свободолюбивых черкесов «мирной и спокойной жизни» и толкнула их к этой «дикой и необузданной свободе». Это был не выбор самих черкесов, ни один из которых не предпочел бы войну, если был бы возможен мир, к которому в их натуре таилась божественная искра любви. На войну черкесы смотрели, как на печальную необходимость. Они не имели замысла захватывать не принадлежащие им земли. Они лишь постоянно защищались в ожесточенной борьбе, свято оберегая честь, свободу и независимость и даже существование своей Родины, традиции предков. Екатерина II в рескрипте генерал-поручику де Медуе от 30 апреля 1773 г., незаслуженно упрекая кабардинцев, писала: «... по всем прошедшим временам... доказывается, что единодушны они только в защищении себя и своих жилищ, когда общая и извне наносимая им опасность угрожает, а почти никогда не были согласны и устремлены на общие за своими пределами предприятия...»⁴. Они были за мир, однако с одним условием, что им будет позволено жить на своей исконной земле, не покушаясь на нее, согласно традиционным порядкам, установленным самим адыгским народом. Но положение, в котором они оказались, почти полностью исключало возможность мир-

¹ Вилинбахов В. Б. К истории влияния кабардинцев на военный быт казачества // Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 129.

² Гордеев А. История казаков. Со времени царствования Петра Великого до начала Великой войны 1914 года. М., 1992. Ч. 3. С. 201.

³ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 85.

⁴ Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1763–1774 гг.; Сборник документов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. Т. 1. С. 389.

ной жизни. «Адыг по натуре храбр и решителен, но не любит бесполезно проливать кровь и не жесток. Ему нравится подвижная жизнь, однако он неохотно остается долго вдали от своей родины. Он больше всего на свете любит свои леса и горы; свою личную свободу он рассматривает как высшее благо; кротостью и убеждением он позволяет собой руководить, как ребенком, к переносит даже строгость, но восстает против всякой несправедливости»¹.

Много общих черт было в системе воспитания молодежи у черкесов и в древнем государстве Эллады – Спарте. Особенно по части стремления развивать силу и ловкость у воспитанника, сделать последнего прежде всего первоклассным воином. Но в отличие от Спарты, где спартиатам с младенчества прививалось презрение к физическому труду, в Черкесии большое внимание уделялось трудовому воспитанию. Черкесская молодежь не считала единственным своим предназначением войну, как юноши-спартиаты. Адыги не были жестоки, но жестока и несправедлива была сама жизнь, вызов которой они приняли смело и решительно и соответственно приспособились к условиям суровой действительности. В результате война невольно сделалась стержнем всей общественной и религиозной жизни черкесов, а оружие превратилось в божественный символ и осязаемую гарантию их политических прав и свобод, и они установили тот культ воинского духа, который удивлял писавших о них, о их быте и нравах авторов. Как подмечено специалистами², одна из специфических черт кабардино-черкесского фольклора состоит в возвеличении героя в тех произведениях, где говорится о боевых делах, в пример и на подражание другим. Черкесы говорили о нем: «Его могила разрушится, а песня до конца мира не исчезнет». Но в песнях не только возвеличивали героя, воспевали его воинскую отвагу, но и осмеивали труса – на вечный позор. Так кабардино-черкесский фольклор соприкасался с тем моральным кодексом, который господствовал среди этого этноса. М. Ю. Лермонтов, опиравшийся в своих кавказских произведениях в основном на кабардино-черкесский исторический, этнографический, народно-поэтический материал, написал произведение, по своему духу близкое сути адыгских строгих представлений о чести воина, каковым является его «Беглец», который звучит вполне в духе кабардино-черкесской фольклорной традиции. Гарун бежит, не отомстив за смерть отца и братьев, и он предан проклятию:

В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.

В произведении говорится о том презрении, которое встречает Гарун в родном ауле. Его старый друг Селим, находившийся на смертном одре, гонит его из своей сакли, говоря:

Ступай – достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..

¹ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа, 1995. С. 117.

² Андреев-Кривич С. А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова // Ученые записки КНИИ. Нальчик: Кабиздат, 1946. Т. 1. С. 265–268.

Далее поэт дает песню «Месяц плывет» – «песню старины», в которой есть такие строки:

Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароят.
Месяц плывет,
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.

Услышав эту песню, Гарун не осмеливается даже показаться своей возлюбленной. И наконец, последнее: Гарун отвергнут и матерью:

«А где отец и братья?» – «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли». –
«Ты отомстил?» – «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...» –
«Молчи, молчи! Гяур лукавой,
Ты умереть не смог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!»

«Адыг больше всего на свете боится быть названным трусом в национальных песнях – в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране», – писал Теофил Лапинский¹.

Говоря о боевых качествах черкесов и причинах, послуживших основанием для подражания им, другой автор-современник писал, что этот народ «вследствие своей храбрости и военного гения, мог бы сделаться весьма могущественным, если бы все народности, составляющие его, были объединены под главенством одного руководителя. Но этот горский народ совершенно забыл о своем едином происхождении и быстро разделяется на враждебные племена. Это дробление и является причиной того, что кубанские черкесы к настоящему времени значительно утратили свое бывшее могущество... Однако черкесы Кабарды, хотя и отделились от других своих соотечественников, все еще являются наиболее могущественными на северных склонах Кавказа. Это превосходство привело к тому, что их соседи подражают им во всех манерах, поэтому описанием этого народа мы даем представление о всех других народах Кавказа»².

¹ Лапинский Т. Указ. соч. С. 123.

² Аноним. Описание местностей между Черным и Каспийским морями / Пер. с фр. // В. М. Аталиков. Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 199.

Об изделиях кабардинских мастеров говорилось даже в песнях народов гор, и в частности Дагестана, который, как известно, сам издавна славился своими домашними промыслами и ремеслами. В одной из аварских исторических песен говорится:

Ты черкесское седло положил
На коня своего, снарядился в путь ¹.

А в даргинской балладе «Всадник на трехлетнем коне» поется:

Был парень молод и удал,
Он на рассвете дня
Седлом черкесским оседлал
Чеченского коня.

К седлу приладил он хурджин,
А к поясу – клинок,
И на виду седых вершин
Пустился в путь седок ².

Не только дагестанцы, но и другие горские народы высоко ценили адыгское седло, производство которого находилось в тесной связи с коневодством и походной боевой жизнью кабардинца. В героико-эпической песне чеченцев и ингушей «Илли об Уме, сыне Товты» есть слова о том, что он «черкесским седлом скакуна оседлал!»³. А в другой песне о славном джигите из Дады-Юрта сказано:

Он привязал коня к коновязи,
Тонким черкесским седлом покрыл,
Сбруей украсил, достойной князя,
Споро в далекий путь снарядил.
Тут же и сам джигит понемногу
В дальнюю стал собираться дорогу⁴.

«Образец седельного набора, – отмечал известный исследователь и крупный знаток кустарных промыслов горцев Северного Кавказа О. В. Маргграф, – занесенный из Кабарды, до сих пор господствует на Северном Кавказе между горским и казачьим населением и называется «кабардинским» или «черкесским». Конструкция седла была «оригинальной и имела практическую направленность: она сжимала ноги всадника выше колена и не давала всаднику упасть с лошади, и даже убитые не выпадали из седла, и тренированные, хорошо обученные кони вывозили их с поля битвы»⁵. Им восторгался и известный военный историк В. А. Потто. «Седло черкеса, – писал он, – было легко, покойно и не портило лошадей даже тогда, когда по целым неделям оставалось на ее спине»⁶. «Их седла и

¹ Антология дагестанской поэзии. Песни народов Дагестана. Махачкала, 1980. Т. 1. С. 21.

² Там же. С. 90–91.

³ Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. С. 103.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 158.

⁶ Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. С. 375.

другие изделия из кожи знамениты своей долговечностью и легкостью, так что казаки на Линии стараются обзавестись рамами от черкесских седел (арчег)», – писал Иоганн Бларамберг¹.

Черкесские седла пользовались широкой популярностью и среди донских казаков, о чем красноречиво свидетельствуют их народные песни, которые поются и пелись на Дону с глубокой старины, о которых В. Г. Белинский писал: «Донские казачьи песни... более заслуживают названия исторических, чем собственно так называемые исторические русские народные песни. В них весь быт и вся история этой военной общины, где русская удаль, отвага, молодечество и разгул нашли себе гнездо, широкое и привольное. В них и исторической действительности больше, в них и поэзия размахистей и удалей».

«Седельчко черкесское» славилось в казачьих песнях и рассказах, воспето в песнях исторических, принесших из глубин веков в день сегодняшней правдивое повествование не только о былых значительных событиях в жизни родной земли как узловых моментах истории, но и о картинах жизни обыденной. Таковы песни «Ай да не горы-то сы горами сходилися», «Ай, вот и не светило солнышко», «По полюшку было Куликовскому», «Ой да, что не пылочка», «Ой, станы вы мои» и др. В одной из них, а именно в песне «Ай, вот и не светило солнышко» поется:

Ай, ну добра коня.
Вот берет жа, берет млад Добрынюшка
Седельце черке... ну, черкесское.
Ай, ну черкесское.
Как и эта-го, вот эта да седилица,
Она об двена... двенадцать подпруг.

О черкесском седле поется не только в песнях исторических, но и в так называемых служивских, таких как «Черный ворон», «Ой да, как во поле было». В последней песне есть такие слова:

Ай, вот, добра коня.
Ой да, оседлаю его,
Раздобрый я мо... ну-ка, молодец,
Все черкесским-то легеньким его седлом,
Аи, легеньким седлом.
Ой да, ну, поеду во поле,
Удал добрый мо... добрый молодец,
Да во чистое, во чисто поле гулять².

Небезынтересно отметить, что даже в народной балладе «Молодец и река Смородина», записанной в Сибири в XVIII в., сказано³:

¹ Бларамберг И. Указ. соч. С. 98.

² Песни донских казаков. Волгоград, 1982. С. 17–19, 22–24, 24–26, 40–42, 67–70, 122–123, 131–135.

³ Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Л.: Художественная литература (Ленинградское отделение), 1984. С. 298–301.

Пошел добрый молодец
 Он на свой конюшенный двор,
 Брал добрый молодец
 Он добра коня стоялого,
 Наложил добрый молодец
 Он уздицу тесняную,
 Седелечко черкасское,
 Садился добрый молодец
 На добра коня стоялого,
 Поехал добрый молодец
 На чужу дальну сторону.

И далее в балладе повествуется о том, как «добрый молодец», благополучно переправившись через реку Смородину, расхвастался, не оценив оказанной ему услуги, и за что был наказан, когда стал возвращаться обратно:

Поехал-де молодец
 Он глубокими омуты:
 Он перву ступень ступил –
 По черев * конь утонул,
 Другу ступень ступил –
 По седлечко черкесское,
 Третью ступень конь ступил –
 Уже гривы не видети...¹

О черкесском седле сказано и в исторической песне XVIII в. «Некрасов уводит казаков». Она записана у уральских казаков в конце XIX в. и входит в обширный цикл, посвященный восстанию на Дону под руководством К. Ф. Булавина в 1707–1708 гг. и уходу большой группы казаков под предводительством И. Некрасова на Кубань, а позднее, в 1740 г., в Турцию. Узнав об этом, Петр I неоднократно обращался к турецкому султану с просьбой о выдаче казаков, обосновавшихся за Кубанью. Все это нашло отражение в исторической песне:

Доведался о том батюшка православный царь,
 Выходил батюшка на красен крылец,
 Возговорил батюшка православный царь таковы слова:
 «Уж вы гой еси, мои слуги верные!
 Вы подайте мне коня резвого сивогривого,
 Оседлайте его вы седелищем черкасским,
 Побегу я, православный царь, ко Игнатьюшке,
 Ворочу его я, Игнатьюшку, его со путинушки»².

«Черкесское седло» имело широкое распространение и на Украине, где, как свидетельствуют разные по времени и происхождению письменные источники, в Поднепровье еще в XIII–XV вв. жили переселенцы с Северного Кавказа, выходцы из «Черкесской Кабарды», оказавшие, несомненно, влияние на формирова-

¹ Русская народная поэзия. С. 298–301.

² Там же. С. 250.

* По черев – по брюхо.

ние казачества на Украине. Описывая события, имевшие место в конце XIII в., С. Броневский отмечал, что «в 1282 г. татарский баскак Курского княжества призвал черкесов из Бештау (или Пятигорска), населил ими слободу под названием казаков». Но впоследствии, как пишет далее автор, «князь Курский по дозволению ханскому разорил их жилища, многих из них побил, а прочие разбежались... Многолюдная их шайка, не обрета безопасности там, ушла в Канев (под Киев) к баскаку, который назначил им место к пребыванию ниже по Днепру. Тут построили они себе городок и назвали его Черкасск, по причине, что большая часть из них была породою черкесы, которые прославились потом под именем запорожских казаков»¹. Другой вариант об этом же мы находим у проф. Г. А. Кокиева, который, со ссылкой на И. Попко, пишет: «Сохранилось известие, по которому после завоевания Тамерланом Северного Кавказа, в конце XIII в., наместник Тамерлана в Курском княжестве, Ахмат, вывел из Беш-Тау, или Пятигорья, значительное количество кабардинцев, которых поселил в Курском княжестве для охраны южных границ княжества. В дальнейшем эти кабардинцы совместно с русскими участвовали в свержении на Руси татаро-монгольского владычества»².

О том, что в формировании этногенеза казаков черкесский компонент занимает не последнее место, писали и другие авторы, и в частности известный ученый-естественник и путешественник Карл Кох, который считал вероятным, что «из черкесов возникли... как днепровские, так и донские казаки...»³. На наличие ряда культурно-бытовых параллелей между украинцами и северокавказскими народами, а в особенности адыгами, свидетельствующих о их давних разнообразных и тесных связях, на проживание на вышеуказанной территории «пятигорских», «кабардинских черкес», ставших одним из «этнических вкраплений», одним из «компонентов в составе украинской народности», передавших местному населению свое название «черкасы», которым официально именовались украинцы Поднепровья в актах Русского государства начиная с XVI в. и вплоть до первой половины XVIII в., историки обратили внимание уже давно. И не без оснований пишут об этом и в настоящее время⁴. А «историографы, специально писавшие в XVIII в. о происхождении украинского казачества, выводили его от хазар (и касогов, упоминаемых вместе с хазарами летописями под 965 и 1023 гг.) и из страны Гиркании. Именно последняя подробность, расшифровка которой вызывала позже затруднения, указывает на использование старых источников»⁵.

Говоря о прошлых связях северокавказских народов с населением Поднепровья, о культурно-бытовых параллелях, исследователь В. Ф. Горленко пишет: «В дополнение к приведенным сведениям Аф. Шафонского и Ал. Ригельмана о сходстве костюма, монументальной архитектуры, нравов можно указать на широкое распространение у украинцев, как и у жителей Кавказа, обычаев побратимства, бытование в прошлом у тех и у других близкого по конструкции тяжелого деревянного плуга, сходных типов турлучного жилища с навесом на

¹ Броневский С. М. Указ. соч. С. 79.

² Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 44.

³ Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // АБКИЕА. С. 615.

⁴ Горленко В. Ф. Об этнониме «черкасы» в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в. // Советская этнография. М., 1982. № 3. С. 96–107.

⁵ Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего Средневековья Восточной и Центральной Европы // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1964. С. 43–44.

столбах, традиции отапливать жилище кизяком, наличие у запорожцев «черкасского» седла и многое другое»¹.

Говоря о днепровских казаках, тот же Ал. Ригельман писал, что «их не напрасно называли черкесами, так как они «сходство лица, одежды и несколько жителя, обычаи и во многом обряды равные с черкесами имеют». Все брили бороду и носили длинные усы. По черкесскому обычаю, товарищи на кругом бритой голове оставляли чуприну... Основной одеждой мужчины служили: льняная или конопляная рубашка без воротника и пуговиц, лишь на завязке, очень широкие шаровары из плотного материала, бешмет с низким воротником и закрытой грудью, верхний кафтан – кирея с узким шалевым воротником и с широкими, короткими выше локтя, рукавами, на ногах сапоги или расхожие чувяки из сыромятной кожи, так называемые апостолы. Головным убором служил черный колпак различной высоты, иногда монашеская скуфья, а иногда высокий с верхом, падающим на правую сторону, *тумана*, из разного плотного материала – войлока, толстого сукна или телячьей кожи. От дождя и холода казаки укрывались мохнатой буркой, которую они называли словом, подобным черкеско-татарскому»².

О замечательных качествах черкесских изделий, о народных умельцах с восхищением писал Хан-Гирей: «Черкесы по справедливости должны быть причислены к тем... народам, которых рукоделия заслуживают удивления. Оружейники, золотых дел мастера и ткачихи производят превосходные изделия, в которых видно особенное их искусство, во многом достигающее высокого совершенства. В Персии и Турции, и в других местах Азии вы найдете оружия более богатые, нежели в Черкесии, но с таким прекрасным вкусом обработанных там не увидите... Серебряные изделия достойны удивления по прочности и чистоте отделки. Чернь и позолота, с величайшим искусством на них наводимые, превосходны в полном смысле этого слова, и, что важнее всего, эта чернь и эта позолота почти никогда не сходят»³.

Хан-Гирей, отметив исключительное мастерство, достигнутое черкесами в производстве оружия, которое, по его словам, «носит особую печать изящного вкуса, прочности, красоты, соединенной с удобностью для употребления», указывает и на причины, послужившие к его совершенствованию. Это – сама жизнь, полная опасностей и тревог, бесконечные войны, обстановка, заставлявшая черкеса всегда быть при оружии и проводить в седле больше времени, чем под крышей своей сакли.

Наиболее распространенным и развитым у балкарцев было изготовление узорных войлоков, в котором они «сказали свое особое, неповторимое слово»⁴. Войлок с аппликацией – нашитыми узорами – расценивается в историко-этнографическом очерке «Карачаевцы» как «особая и яркая страница в народном искусстве карачаевцев и балкарцев, неизвестная другим народам Северного Кавказа»⁵. Балкарские войлоки, подобно осетинским, карачаевским, черкесским и другим, «со вкатанным растительным орнаментом, пользовались издавна большим спросом на рынках...»⁶.

¹ Горленко В. Ф. Указ. соч. С. 105–106.

² См.: Губарев Г. В. Казаки и их земля в свете новых данных. Вторая книга о казаках. Буэнос-Айрес: Издание Г. В. Карпенко, 1984. С. 566–567.

³ Хан Гирей. Указ. соч. С. 265–266.

⁴ Карачаевцы: (Историко-этнографический очерк). С. 300.

⁵ Там же. С. 301.

⁶ Калоев Б. А. Осетины: (Историко-этнографическое исследование). С. 85.

В XVIII в. кабардинские и балкарские мастерицы достигли большого совершенства и в производстве галунов, в золотошвейных работах. Славились здесь и мастера по изготовлению сабель, до совсем недавнего времени служивших грозным оружием и находивших в рассматриваемое время применение наряду с огнестрельным оружием. В это время среди горских ремесленников, особенно оружейников, получает распространение отходничество. Нередко кабардинские ремесленники в одиночку или небольшими группами выезжали на заработки к соседним народам, а также в города Астрахань, Черкасск и др.

С большим риском для себя кабардинские и балкарские оружейники ездили даже в районы Кубани, находившиеся тогда под властью крымского хана, где они нередко подвергались ограблению и издевательствам.

§ 3. Социальные отношения в Кабарде и Балкарии в XVIII веке

В XVIII в. Кабарда не представляла единой территориальной целостности. Она делилась на две части: Большую и Малую. Обособленно жила и Балкария.

Население вело оседлый образ жизни. Основными занятиями кабардинцев, как это показано выше, были скотоводство и земледелие, а балкарцев – животноводство, которые носили патриархально-натуральный характер. В основном продукция скотоводства и земледелия потреблялась в самом же хозяйстве, где она производилась. Лишь незначительная ее часть использовалась для обмена или продажи. Но уже со второй половины XVIII в. намечаются некоторые определенные сдвиги в развитии товарного производства и товарно-денежных отношений. Это было связано прежде всего с усилившимся освоением Россией Северного Кавказа и не противоречило известному в науке пониманию «натурального хозяйства», которое отнюдь не исключает наличие товарно-денежных отношений в сфере обмена ¹.

Господствующей формой общественных отношений в Кабарде в этот период были вполне сложившиеся развитые феодальные отношения с ярко выраженной и четко организованной стройной иерархической социальной структурой, состоящей из ряда сословий и сословных групп. А как известно, основой производственных отношений феодализма как способа производства в истории является феодальная собственность на землю, экономической формой реализации которой служит монопольное право землевладельца, как говорил Маркс, «присваивать в виде ренты, без всякой компенсации, плоды чужого труда». Поэтому В. И. Ленин отмечал, что при феодализме земля была источником «силы и власти». «Проблема формирования собственности и прежде всего земельной, является одной из узловых» для историка-исследователя, «занимающегося эпохой феодализма, поскольку именно с землей в докапиталистическую эпоху так или иначе были теснейшим образом связаны и полностью от нее зависели практически все основные виды трудовой деятельности человека»². Как раз этот вопрос, вопрос о существовании земельной собственности в Кабарде, долгое время подвергался сомнению. Ряд историков пытались отрицать наличие феодальной частной собственности на землю у кабардинцев. Так, И. Ф. Мужев писал, что «феодальные отношения у них базировались, прежде всего, на частной собствен-

¹ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. С. 272.

² Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. Главная редакция восточной литературы. М.: Наука, 1980. С. 208.

сти на окот. Частная собственность на землю в Кабарде, по свидетельству многих исследователей, не получила развития»¹. Известный этнограф-кавказовед Л. И. Лавров в одной из своих последних работ писал: «До сих пор нет у нас ясности и в вопросе о землевладении при феодализме. Кавказские материалы склоняют к выводу, что существование или отсутствие частной собственности на землю зависело не только от уровня развития социальных отношений, но и от наличия свободного земельного фонда. Например, отчетливое представление о земельной собственности давно сложилось как у большинства жителей Закавказья и необеспеченных земель горцев Балкарии и Осетии, так и у населения «вольных обществ» горной Чечни и Дагестана. А наряду с этим земельная собственность к XIX веку еще не успела окончательно сформироваться у ногайцев и кабардинцев, обитавших на достаточно обширных степных просторах, а также в тех районах Адыгеи, где преобладало подсечное земледелие»². Эти и ряд других исследователей, ссылаясь в своих работах на дореволюционных историков-кавказоведов Н. Грабовского, Ф. И. Леонтовича, Н. Кулишера, К. Ф. Сталья, М. Ковалевского, Н. Ф. Дубровина и др., фактически сами повторяют их ошибочные концепции по вопросам частной монополевой собственности феодала на землю как основы феодальных производственных отношений, как основы эксплуатации крестьян крепостниками. Так, доказывая отсутствие у адыгов феодальной земельной собственности, К. Ф. Сталь писал, что «поземельной собственности отдельно от своего народа князья и дворяне у черкес никогда не имели»³. То же самое повторил Н. Ф. Дубровин: «Подобно князьям и дворяне не имели отдельно от своего народа никакой поземельной собственности»⁴. Более того, М. М. Ковалевский, например, находит у кабардинцев и черкесов «существование племенной, братской и родовой собственности на землю и рядом с этим господство переложной системы хозяйства – этой первобытной формы земледелия...»⁵, умалчивая о наличии у них феодально-княжеской земельной собственности. Он также допускал ошибку при характеристике общественного быта урусбиевцев, считая, что «у них сохраняются родовой строй и присущие ему родовые порядки»⁶.

Несостоятельность вышеупомянутой концепции об отсутствии в Кабарде дореформенного периода частной феодальной собственности на землю как экономической основы сюзеренно-вассальных отношений опровергнута исследованиями большой группы советских кавказоведов (Е. Н. Кушева, Б. В. Скитский, Т. Х. Кумыков, В. К. Гарданов, А. В. Фадеев, Н. А. Смирнов, Е. Дж. Налоева и др.). Они доказали, что господствующей формой общественных отношений в Кабарде XVI–XVIII вв. были феодальные, основой которых служила монополевая собственность господствующего класса на землю.

Частная собственность возникла не внезапно, а появилась после продолжительного функционирования и разложения коллективной собственности на определенном этапе и уровне развития общества, его производительных сил.

¹ Мужев П. Ф. Предпосылки крестьянской реформы и Кабарде // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического и учительского института. Нальчик, 1951. Вып. 3. С. 94.

² Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 26–27.

³ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 153.

⁴ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 175.

⁵ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 64.

⁶ Калоев Б. А. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 100.

Первоначально, как известно, земля считалась коллективной собственностью племени, а затем общины. Потом вместо этих коллективных форм собственности, подвергшихся в ходе исторического развития разрушению, возникли более развитые типы земельной собственности – родовая и семейно-патриархальная, наконец, частная земельная собственность как следствие, результат разложения предыдущих форм собственности. Параллельно формированию основных классов – сословий феодального общества – феодалов и зависимых от них крестьян и в неразрывной связи с ними формируется сначала корпоративная («родовая»), а затем и различные виды частной собственности¹.

Что же касается непосредственно Кабарды, то здесь институт частной собственности, в том числе и земельной, в рассматриваемое время был достаточно развит. При этом феодальная земельная собственность возникла и развивалась в ней из коллективной родоплеменной, поскольку Кабарда перешла к феодальному строю, минуя рабовладельческую стадию развития. Частная феодальная собственность на основное, ведущее, средство производства – землю – утвердилась через посредство ряда переходных форм, тысячами нитей связанных с доклассовыми отношениями, была завуалирована сохранявшимися теми или иными чертами общественной собственности, часто вводившими исследователей в заблуждение.

Ф. Энгельс указывал: «Все культурные народы начинают с общей собственности на землю. У всех народов, перешагнувших уже через известную ступень первобытного состояния, эта общая собственность становится в ходе развития земледелия оковами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность»². В какой бы форме ни возникало новое классовое общество, «как рабовладельческое или как феодальное, его основой становится частная собственность с теми или иными специфическими особенностями»³. И далее академик. Е. М. Жуков писал: «Необходимо со всей определенностью отмежеваться от попыток отрицать частнособственническую природу феодальных отношений, которые якобы определяются личностными связями и тем самым как бы выключаются из решающей сферы экономического детерминизма»⁴.

Сейчас уже совершенно бесспорным является, что основой феодальных отношений у кабардинцев являлась сословная монополярная собственность кабардинских феодалов на пахотные земли, сенокосные угодья, зимние и летние пастбища. Другое дело, что наличие частной земельной собственности у кабардинцев не получило четкого юридического оформления. Но адаты (обычное право) зафиксировали существование в XVIII – первой половине XIX в. различных крестьянских повинностей. В связи с этим встает вопрос о месте адата в юридической надстройке, о соотношении взаимосвязи и взаимовлияния норм обычного права с юридическими нормами.

Нормы адата (арабск: обычай), сложившиеся как древнейшая форма правовых отношений еще в условиях господства родоплеменного строя и в известной степени воплощавшие демократические начала, с развитием феодализма в силу изменившихся внутренних и внешних политических условий в течение веков дополнялись и видоизменялись, уступая постепенно позиции феодальным отношениям, утратили свой первоначальный характер и как феодальное право широко исполь-

¹ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 247.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 115.

³ Жуков В. М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980. С. 128.

⁴ Там же.

зовались для эксплуатации трудящихся¹. «Адат не оставался неподвижным, – писал Н. Ф. Дубровин. – По мере того, как народ развивался, являлись новые потребности, новые интересы, которые усложняли и отношения между людьми»².

Говоря о социальных функциях адата как формы права, о соотношении его норм с юридическими нормами, надо сказать, что еще в глубокой древности было замечено, что обычаи (традиции) суть законы. Геродот, представляя обычай как закон, называет его «царем и повелителем мира». Обычай у Софокла – «от века установленный закон»³.

Посредством традиций и обычаев определялись права каждого члена, осуществлялись и управление, и регулирование общественных отношений и семейной жизни. Они аккумулировали опыт социального развития, выполняли регулирующую функцию.

Как известно, есть обычное право, записанное, кодированное и санкционированное и выступающее в качестве государственных правовых норм. Но есть и неписаное обычное право, передававшееся веками устно из поколения в поколение, которое также продолжительный период играло важную роль в жизни общества. Это хорошо видно на примере России, где волостные суды вплоть до Октябрьской революции должны были в ряде случаев руководствоваться местными обычаями⁴. Некодифицированные и даже несанкционированные обычаи служат основой судебных разбирательств во многих «развивающихся странах»⁵. Так и черкесы не имели писаных законов. Они с незапамятных времен управлялись своими древними обычаями, которые изустно передавались из рода в род. «Совокупность этих обычаев, – писал Н. Ф. Дубровин, – служащих руководством для каждого черкеса в его семейной и общественной жизни, называется адатом»⁶. По мнению этого автора, «каждое из поколений черкесского народа имело свой собственный адат, но все адаты, в общих основаниях, сходны между собою». И далее он отмечал: «В прежнее время адат кабардинский считался лучшим и был принят почти всеми черкесами»⁷. Несмотря на все видоизменения, адаты сохраняли свою основу. Они помогают определить внутреннее содержание социально-экономических, общественно-политических, бытовых отношений в горских обществах. Обычное право является особой, специфической частью юридической надстройки. Оно, зародившись исторически раньше, чем юридические законы, представляет собой в определенном отношении начальную стадию формирования правовой надстройки, ее основу и базу, выступает одним из источников государственного законодательства. С другой стороны – юридическое законодательство оказывает заметное влияние на обычное право. Анализ обычного права горцев Кавказа показывает, что оно несет, помимо других, следы римского, византийского и русского законодательства⁸.

Обычное право в классовом обществе было правом сильного. Оно на протяжении веков служило для правящих классов средством, обеспечивающим их господство, средством угнетения народных масс, отличной ширмой, прикры-

¹ Большая Советская Энциклопедия. М., 1970. Т. 1. С. 218.

² Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 210.

³ Плахов В. Д. Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования М.; Мысль, 1982. С. 81.

⁴ Плахов В. Д. Указ. соч. С. 143–144.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 209–210.

⁷ Там же. С. 210.

⁸ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2; Плахов В. Д. Указ. соч. С. 145.

вающей истинный классовый характер правовых отношений. «В определенном отношении, – справедливо замечают некоторые ученые, – централизованное единое законодательство было даже не в интересах рабовладельцев и феодалов, ибо оно могло в определенной мере ограничивать их произвол; обычное право оставляло свободу действий»¹.

Таким образом, обычное право горцев, которое в XVIII в., в сущности, было феодальным, оставалось еще неписанным, но имело непреложную силу закона, поэтому оно является одним из важных источников для изучения социальных отношений в Кабарде и Балкарии, решения вопроса о частной земельной собственности и праве наследства у кабардинцев и балкарцев. С принятием ислама у кабардинцев и балкарцев появилось и мусульманское право – шариат. Но он не мог вытеснить у горцев адат (обычное право). В адатах, оставшихся главенствующей формой права, ясно и четко отразилась господствующая роль у кабардинцев феодальных отношений, которые, развиваясь вглубь и вширь, постепенно вытеснили пережитки дофеодальных форм социальной организации общества.

К. Маркс, характеризуя основные особенности феодальной собственности, писал, что крупные земельные собственники осуществляют присвоение прибавочного труда непосредственного производителя (крестьянина) при помощи трех последовательно развивающихся форм феодальной ренты: отработочной, ренты продуктами и денежной. Он отмечал, что эти три формы земельной докапиталистической ренты соответствуют различным ступеням развития общественного процесса производства².

«Зрелому феодализму соответствует в наибольшей степени оброчная земельная рента, становящемуся феодализму – отработочная, а загнивающему – денежная феодальная земельная рента»³.

Из названных трех форм земельной ренты у кабардинцев в рассматриваемый период прослеживается наличие первых двух форм. При этом, как известно, в кабардинском обществе рассматриваемого периода размер ренты, взимаемой феодалами с подвластных крестьян, зависел от числа пар волов, используемых ими на пашне, а следовательно, площади пахотной земли⁴.

Как известно, феодальная собственность на землю является сословно-иерархической. Она выступает в расчлененном виде вследствие того, что право феодальной собственности на землю принадлежит не одному феодалу, а нескольким, стоящим на разных ступенях сословной лестницы.

У кабардинцев еще в начале XVIII в. основным видом господствующей феодальной земельной собственности выступили еще неразделенные фамильные владения княжеских семей, которые во главе со старшим в семье владели группой деревень, населенных крестьянами. Согласно адату, верховными собственниками всей земли в Кабарде и Балкарии в XVIII в. считались князья и таубии, или владельцы – по терминологии русских документов.

Вся территория Кабарды в это время была поделена между шестью княжескими фамилиями. В начале XVIII в. земли Большой Кабарды находились во владении трех княжеских фамилий – «родов», или «колен», – Атажукиных, Мисостовых и Джамбулатовых. К середине XVIII в. Джамбулатовы разделились на две «фамильные» родственные группы – Бекмурзиных и Кайтукиных. Таким образом,

¹ Плахов В. Д. Указ. соч. С. 148–149.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 344–379.

³ Вазюлин В. А. Логика истории: Вопросы теории и методологии. М.: Изд-во Московского университета, 1988. С. 265.

⁴ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 113.

в Большой Кабарде в XVIII в. существовали четыре княжеские «фамильные» родственные группы – Атажукины, Мисостовы, Бекмурзины и Кайтукины. В Малой Кабарде земля принадлежала двум княжеским родам – Талустановым и Гиляхстановым (Мударовым)¹. В Кабарде уже была установлена монополия класса пши – уорков – на земельную собственность. Хотя внешне здесь существовал широкий земельный простор, но уже не было нефеодализированных земель, фонд которых совпадал «со всей ее территорией... Границы между всеми феодальными владениями были определены и известны каждому кабардинцу, хотя они не фиксировались документально, ограничиваясь общими ориентирами. Обычное право весьма жестоко регламентировало отношения между субъектами земельной собственности, а также их переселения из одного места в другое. Князья и знатные дворяне переселялись только в пределах собственных фамильных владений. Вассалы селились собственными аулами лишь с разрешения своих сюзеренов»². Так было в средневековой Кабарде, хотя специфической особенностью феодальной собственности являлось «отсутствие точных границ и размеров ее. Феодальная собственность могла иметь и то и другое, но не обязательно»³. Если к XVII – началу XVIII в. основным фондом феодальной земельной собственности выступали неразделенные «фамильные» владения, то уже к концу первой половины XVIII в. наблюдается усиленный процесс дробления фамильного землевладения. В этой связи исследователь Ю. Н. Асанов замечает: «...несмотря на то, что каждая княжеская родственная группа в Кабарде в XVI–XVIII вв. имела общую территорию... тем не менее составляющие ее семьи, как свидетельствуют документы и родословная роспись кабардинских князей XVII в., ...были децентрализованы в территориальных границах своего «родового владения»⁴. Такое положение получило широкое распространение скорее всего лишь в XVIII в., особенно во второй его половине. Население, жившее на удельных землях, было подвластно соответствующим княжеским фамилиям.

Например, в 50–60-х гг. XVIII в. шли непрерывные ссоры из-за раздела отцовского земельного владения между сыновьями старшего кабардинского князя Асланбека Кайтукина. Младшие братья объединились против старшего Хамурзы, требуя от него раздела отцовского имения. В ссору братьев Кайтукиных вмешались их уздени, пытаясь примирить их. Но эти попытки оказались безуспешными. В мае 1761 г. находившийся в Большой Кабарде майор Петр Татаров получил известие, что у Хамурзы Асланбекова произошла очередная ссора с братьями из-за раздела «отцовской пажити»⁵.

Постепенно на смену фамильной феодальной земельной собственности приходит малосемейная или личная собственность феодалов на землю. Кабардинские князья считали землю своей неприкосновенной собственностью и свободно распоряжались ею, передавая ее по наследству. «Всякий князь, – писал один из исследователей начала XIX века, – имеет владение, которое переходит детям из рода в род»⁶. В. И. Ленин отмечал, что «институт наследства предполагает уже

¹ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 148.

² Кажаров В. Х. Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 65.

³ Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973. С. 94.

⁴ Асанов Ю. Н. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. Нальчик, 1990. С. 67.

⁵ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. С. 144.

⁶ Русский инвалид. СПб., 1827. № 44. С. 175.

частную собственность...»¹. В большинстве случаев именно из-за земельных споров возникали частые междоусобицы между кабардинскими князьями в рассматриваемый период.

Вместе с феодальной княжеской земельной собственностью существовала земельная собственность первостепенных уорков (узденей) – тлекотлешей и деженуго, занимавших почти одинаковое положение внутри господствующего класса. Представители этих сословий стояли вторыми после князей в иерархии феодальной знати и по своим земельным правам в известной мере напоминали русских бояр-вотчинников. Они имели не только крепостных крестьян, но и зависимых уорков, владели землями, которые переходили к ним по наследству не только от отца к сыну, но и от братьев, дядей и т. д. Но эти наследственные имения находились под контролем кабардинских князей, поскольку последние считались верховными собственниками земли, а первостепенные уорки – их вассалами.

Беслан-уорки и уорк-шаутлугусы тоже могли владеть землей на «поместном» праве, с условием военной службы своим сеньорам. А феодализму, как известно, «вообще присущ условный характер земельной собственности»².

По «Карте Большой и Малой Кабарды», составленной Степаном Чичаговым в 1744 г., четко можно проследить типы феодальных владений³. Всего, по данным архивов, указанной «Карты...» и комментарий к ней, в Большой Кабарде тлекотлешам и деженуго принадлежало 47 деревень-кабаков (по русской терминологии XVII–XVIII вв.), а беслан-уоркам и уорк-шаутлугусам – 13; в Малой Кабарде соответственно – 32 и 6⁴. Следовательно, беслан-уорки и уорк-шаутлугусы выступали аульными владельцами на наследственном праве. Их именовали «кьюэжэпщ» (букв.: князь села). Аулы, находившиеся во владении беслан-уорков, уорк-шаутлугусов, назывались по родовому имени или фамилиям последних, как хозяев этих населенных пунктов, являясь основной единицей адыгского феодального общества XVIII в., кабардинские аулы – кью1ажэ – по своей социальной природе представляли собой вотчину того или иного знатного или незнатного узденя-владельца. По этому поводу Н. Ф. Дубровин писал: «Дворяне не-владельцы, или уздени второй и третьей степени, могли владеть крестьянами и иметь свою деревню; но деревня и ее владелец были причислены к владению одного из тлякотлешей. В этом и состояло все отличие владельцев дворян от невладельцев»⁵. В кабардинских селениях кроме их владельцев проживали в разной степени от них зависимые «безаульные дворяне», которые пользовались наделами вотчинной земли, имели своих собственных крестьян лагунапытов и огов. Первые обрабатывали их земли, а вторые вносили оброк. Двор такого «безаульного дворянина» и прилегающие к нему крестьянские дворы образовывали в селе отдельный, в какой-то мере обособленный квартал (хьэблэ), являвшийся, по существу, «вотчиной – в вотчине», составляя низшее звено вотчинной системы, охватывавшей весь княжеский удел. Эти мелкие, первичные ячейки вотчинной системы в зависимости от социального статуса их вотчинников подразделялись на феодальные и крестьянские. Последними в условиях уже сложившегося развитого феодального общества становились хозяйства крестьян-вольноотпущенни-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 152.

² Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М.: Наука, 1981. С. 124.

³ КРО. Т. 2. С. 114–116.

⁴ Там же.

⁵ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 168.

ков (азатов) и оброчных крестьян (огов). Существовала ли в Кабарде исследуемого периода еще какая-нибудь другая форма собственности, кроме феодальной?

Некоторые исследователи (Н. Х. Тхамоков и др.) считают, что в интересующий нас период существовала и общинная собственность на землю. Наличие самой общины, главными признаками которой являлись уравнильный, земельный передел и круговая порука, у кабардинцев вполне научно доказано, хотя этот вопрос еще мало изучен. Пока очень трудно сказать, существовала ли наряду с феодальной общинная собственность на землю в XVIII в. и в каком соотношении они находились. Но нам представляется вполне допустимым, что община в этот период могла иметь в общей собственности некоторые средства производства (например, дорога, колодец, бык-производитель (кьюажэгуу) и пр.). Она также могла совместно пользоваться некоторыми земельными угодьями, например выпасами.

Известно, что община при феодализме в основном уже не единый производственный коллектив, а коллектив индивидуальных хозяйств. Вряд ли общинная собственность в период более или менее развитых феодальных отношений могла существовать равнозначно феодальной собственности на землю. Наверное, будет более правильным говорить, что в Кабарде XVIII в. основной, господствующей формой земельной собственности была феодальная при наличии общинно-переделного землепользования, которые продолжительное время сосуществовали, находясь в тесном единстве, и функционировали в рамках одной социально-экономической организации кабардинского общества. Другими словами, здесь имели место совпадения «объектов феодальной земельной собственности и общинного землепользования. Собственность владельца села была в то же время объектом общинного землепользования. И наоборот, вся общесельская земля являлась его собственностью»¹. Поэтому «общинные земли в Кабарде, по существу, рассматривались как феодальная собственность владельца аула»². Кьюажэпш, полномочный хозяин вотчины – общины, экономической основой которой являлась феодальная земельная собственность, а следовательно, собственник всей общеаульской земли, выступал в то же время в роли пайщика последней³, т. е. при очередном переделе общесельского пахотного клина получал надел из своей же собственной земли, пользуясь по обычаю лишь одним преимуществом перед другими – правом составлять полный плуг и распахать оставшиеся необработанными участки пахотного поля. При всей сложности внутренней структуры кабардинского общества (многоукладности) ведущим, главенствующим укладом, который представлял «способ производства, определяющий формационную принадлежность данного общества»⁴, был феодальный, который расширялся и укреплялся как закономерный результат поступательного развития.

Наличие частной собственности на основные средства производства, и в первую очередь на землю, как основы феодализма предполагало и наличие в Кабарде того времени двух противоположных классов общества: класса феодалов и класса феодально-зависимого сельского населения, труд которого составлял экономическую основу кабардинского общества.

¹ Кажаров В. Х. Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 46.

² Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). 1967. С. 156.

³ По мнению В. Х. Кажарова, «что составляло главную особенность поземельных отношений в вотчине-общине» (Кажаров В. Х. Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 43).

⁴ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 109.

Класс феодалов распадался на несколько групп: пши, тлекотлеши, деженуго, беслан-уорки и уорки-шаутлугусы.

Пши (князья), титул которых переходил по наследству, стояли на самом верху многоступенчатой иерархической социальной лестницы феодального общества. Они находились во главе кабардинского народа и пользовались огромной, неограниченной властью. Их монопольное право на землю как верховных ее собственников соединялось с политическими правами.

До установления российской централизованной власти в Кабарде решение всех важных вопросов внутренней жизни и внешней политики, а также предводительствование вооруженными силами принадлежало исключительно княжескому сословию¹. По словам К. Ф. Сталя, князь считался «главою своего народа (чилле), начальником его вооруженных сил; народ обязан его уважать как высшего по происхождению, как старшего между владетельными дворянами. Лицо, покушавшееся на жизнь князя, будет непременно истреблено с целым семейством»².

Сами же князья редко наказывались за свои проступки. Их мог судить только княжеский суд и приговорить лишь к уплате штрафа. Какой бы проступок ни совершил князь, его не могли лишить княжеского титула. Князья требовали от своих подданных безусловного подчинения, оказания знаков высшего уважения и почета, вершили суд и расправу над ними. «Князь пользуется совершенною свободою и ни от кого не зависим»³, – говорится в адыгских адатах. По первому требованию князя любой уздень должен был немедленно явиться к нему и находиться при нем столько времени, сколько князю заблагорассудится. «Звание князя почиталось столь священным для адыгов, – пишет Ш. Б. Ногмов, – что всякий подданный считался обязанным для защиты владельца жертвовать не только имуществом, но и жизнью»⁴.

Оскорбление личности князя и покушение на его имущество сурово наказывались. Умершего князя хоронили с особым почетом в отдельной могиле (украшенной памятником) на высоком кургане⁵.

Князь имел право через своих узденей наказывать своих подданных, «народ же терпеливо сносит присуждаемые от князя наказания и не может ничему противиться, ибо не разбирает – право или неправое поступает князь»⁶. Князь волен был над личностью и имуществом своих подданных, мог взять у них любое имущество и присвоить, и никто не имел права противиться этому. Это узаконивалось адатом.

Князья владели значительным количеством скота, собирали налоги со своих подданных, обладали большим числом крепостных крестьян, над которыми (и их имуществом) имели неограниченное право. Они получали таких крестьян по наследству от своих предков, и именовались они родовыми. Крестьян приобретали путем покупки у других владельцев, а также захватывали в качестве пленных во время набегов. «Владельцы, – говорится в адатах, – делают между ними суд

¹ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 146.

² Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. С. 144.

³ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа Одесса, 1882. Вып. 1. С. 120.

⁴ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 86.

⁵ Скитский Б. В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XVII. Орджоникидзе, 1956. С. 170.

⁶ Цит. по: Гарданов В. К. Указ. соч. С. 159.

и расправу сами, без участия других лиц, употребляют и работу по своему произволу, продают и дарят, кому пожелают, семействами и раздробительно, даже могут лишиться жизни и за сие не подвергаются никакой ответственности...»¹

Власть кабардинских князей частично распространялась и на соседние народы, которых они брались, как сказано в источнике, «от всяких насилий и обид их защищать», защищать от внешних врагов². Народы эти, находясь в вассальной зависимости, обязаны были платить ежегодно определенную дань.

В распространении и удержании власти кабардинских князей над соседними горцами важную роль играл классовый союз, существовавший между кабардинскими феодалами и привилегированной частью этих народов. Этот союз служил общим эксплуататорским интересам социальных верхов и был направлен против трудового горского крестьянства.

Для поддержания своей власти над соседними горцами кабардинские князья опирались на феодальную или феодализирующуюся эксплуататорскую верхушку этих народов, нередко устанавливая для этого брачно-родственные связи и отношения.

Основная причина такой зависимости части горцев от кабардинских феодалов, видимо, объясняется тем, что жителям гор необходимо было осенью и зимой пользоваться равнинными землями для содержания своего скота. За это они вынуждены были нести определенные повинности в пользу кабардинских феодалов – собственников этой земли. «Горцам Северного Кавказа, занимавшимся скотоводством, – пишет Н. Г. Волкова, – жизненно необходимы были зимние пастбища. Равнинные земли находились в основном во владении кабардинских князей, что ставило горцев в политическую зависимость от Кабарды и выражалось в уплате дани»³. Намного раньше об этом писал Г. А. Кокиев: «Вся предгорная равнина со всеми выходами из ущелий Центрального Кавказа была занята кабардинскими поселками, принадлежавшими кабардинским феодалам Таусултанову и Гиляксанову и их многочисленным вассалам.

Монопольное владение кабардинскими феодалами предгорной равниной и пролегавшими по ней торговыми путями, которые соединяли нагорную полосу с предгорьем и русскими пограничными крепостями, ставило горцев Центрального Кавказа в экономическую и политическую зависимость от кабардинских князей»⁴.

За князьями (пши) в сословной иерархии следовали тлекотлеши, что буквально означает «рожденный от могущественного», и деженуго – «позолоченное серебро». По терминологии русской администрации их именовали узденями * 1-й степени. Как уже было сказано выше, эти сословия имели своих уорков – вассалов, наличие которых было «отличительным признаком всякого тлекотлеша и деженуго»⁵.

В постановлении о сословиях в Кабарде эти узденские вассалы так и назывались «узденскими узденями». Они были старше по званию княжеских узденей⁶.

¹ Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Вып. 1. С. 120.

² РГВИА, ф. 13454, оп. 8, д. 18, л. 5; Скитский Б. В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИЯЛ. История. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 1; Радожицкий И. Т. Законы и обычай кабардинцев // Литературная газета. 1946. № 1. С. 8.

³ Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX–XX в.) // КЭС. IX. М.: Наука, 1989. С. 172.

⁴ Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 65–66.

⁵ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. С. 186.

⁶ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 179.

* В русских документах XVII – начала XVIII в. применительно к уоркскому сословию использовался термин «уздень».

Первостепенные уздени имели крупные потомственные земли, как бы удельные владения в пределах своих князей, жили отдельными от них деревнями с принадлежащими им наследственными земельными участками и наделяли землей не только своих крестьян, но и своих вассалов-уорков. Эти права привилегированных феодальных землевладельцев особо выделяли первостепенных уорков – тлекотлешей и деженуго – из общей массы адыгских уорков и делали их более независимыми от князей¹. В источниках иногда их называли «знатными» узденями. Они имели рабов, владели значительным количеством скота и другим имуществом.

Об относительной самостоятельности представителей тлекотлешей и деженуго свидетельствует тот факт, что они наряду с князьями имели свою собственную «тамгу»* (т. е. родовой или фамильный герб – показатель (знак) собственности и символ рода, который употреблялся преимущественно для таврения лошадей), пользовались правом переходить к другому князю вместе со своими подвластными крестьянами и уорками и служить ему, получая от него за службу узденскую дань, включавшую в себя землю, скот, «подарки» – дорогое оружие и т. д. В случае если вассал отходил от сеньора, что бывало очень редко, первый должен был возвратить полученные «подарки».

По своему сословному положению тлекотлеша приравнивались к осетинским алдарам и баделятам, балкарским таубиям.

Первостепенных уоркских фамилий было очень мало. К тлекотлешам и деженуго в феодальной Кабарде относились Анзоровы, Тамбиевы, Куденетовы и т. д. В первой половине XVIII в. упоминаются в Кабарде деревня Тамби, 15 деревень Куденет, 14 деревень Анзор. Впоследствии, в XIX в., Анзоровы считались одними из самых крупных в Кабарде земельных собственников².

В постановлении о сословиях в Кабарде, которое содержится в ногмовской «Истории адыгейского народа» в качестве приложения, к числу тлекотлешей, или высокостепенных узденей, отнесены Коголковы и Нардоковы³.

Плата за кровь тлекотлеша и деженуго – представителей высшего общественного слоя – была ниже княжеской, но значительно выше платы за кровь прочих феодалов. Личное оскорбление первостепенных уорков считалось большим

¹ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 186.

² АВПр. Ф. Кабардинские дела. 1753 г. № 12; Кудашев В. И. Исторические сведения о кабардинском народе. С. 117–120.

³ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. С. 179.

* Тамги – это знаки, выполнявшие самые разнообразные функции: от знака собственности до фамильного герба. Их имели многие народы, в том числе и коренные народы Сибири. «Возникнув как родовые знаки, – пишет крупный специалист в области социально-экономической и политической истории России XVIII в. С. М. Троицкий, – тамги на протяжении столетий эволюционизировали в индивидуальные знаки собственности» (Троицкий С. М. Россия в XVIII веке // Сборник статей и публикаций. М.: Наука, 1980). По определению же известного этнографа-кавказоведа В. П. Пожидаева, тавро (по-кабард.: дамыгэ) – это «родовой знак собственности и фамильный герб своего рода, в прежние годы являлся принадлежностью только привилегированных фамилий» (Пожидаев В. П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925). Жители же удельных аулов или кварталов метили свой скот тамгой своих владельцев. Л. И. Лавров, дав первое объяснение ареала кавказских тамг, выявил три их основные функции: знака собственности, производственного клейма и герба. «Таким образом, – заключает автор, – функции кавказской тамги были разные, но первоначально являлась, вероятно, знаком собственности у скотоводов, особенно у владельцев конских табунов» (Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. С. 103). Родовыми гербами, тамгами украшались кабардинские удельно-княжеские знамена, являвшиеся прежде всего атрибутом военно-походной жизни.

преступлением, виновники которого обычно бежали со своим семейством из Кабарды, чтобы избавиться от наказания¹.

Тлекотлеши стояли по социальному своему положению выше, чем деженуго. Представители обоих сословий находились в вассальной зависимости от своего удельного князя.

К второстепенным уоркам относились беслан-уорки и уорки-шаутлугусы (всадник, сопровождающий уорка).

Беслан-уорки стояли на более высокой ступени социальной лестницы, чем уорки-шаутлугусы, которые составляли вооруженную силу князя и получали от него в награду за свою службу землю с крестьянами. По мнению Т. Х. Кумыкова, название этого сословия было произведено от собственного имени кабардинского князя Беслана².

Беслан-уорк обязан был жить рядом с князем или на его земле. Видимо, именно к этому сословию относится характеристика М. М. Ковалевского: «По своему отношению к князю и к земле уорки, по крайней мере в прежнее время, всего более отвечали понятию служилых людей Московского государства и их прототипу – дружинников Новгородской и Киевской Руси. Они, как общее правило, не имели других земель, кроме тех, которыми князь наделял их в награду за службу»³.

Затем шли уорки-шаутлугусы, которые становились беслан-уорками и пополняли категорию последних, если они получали от князя за службу какой-нибудь ценный подарок в виде земельного участка, скота, дорогого оружия и т. д. Получив подобный подарок – так называемый «уорктын»⁴, который в русских источниках был известен под названием «узденной дани», уорк-шаутлугус становился беслан-уорком, селился вблизи князя и усердно служил ему. Здесь надо заметить, что уорктын могли получить не только уорки-шаутлугусы и не только от князя, но и беслан-уорки, и даже те немногочисленные тлукотлы, сумевшие выбиться в ряды второстепенных уорков и в так называемые «старшины», этой социальной группы крестьян, и от первостепенных узденей – тлекотлешей⁵.

В отличие от беслан-уорка, уорк-шаутлугус не пренебрегал физическим трудом, не считал зазорным лично заниматься земледелием и другой «черной» работой. «Разница между уорками была та, – пишет Б. В. Скитский, – что шаутлугуса в иных случаях жизни мог заниматься физическим трудом, а беслан-уорки – никогда не занимались им, чтобы не опорочить себя. Эти два разряда уорков – беслан-уорков и уорков-шаутлугус – равнялись почти одной трети кабардинского населения и составляли главную военную силу народа»⁶.

¹ Кумыков Т. Х. Указ. соч. С. 148.

² Там же.

³ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М, 1890. С. 242.

⁴ Институт «уорктын» регулировал отношения между привилегированными сословиями. Он определял нормы и обязанности сторон, закрепляя соподчиненность сословий. В понятие «уорктын» входило правило дарения сюзереном своему новому вассалу населенного пункта с последующим ежегодным вознаграждением его ценными подарками: дорогим оружием, лошадьми, рабами и т. д. За это уорк обязан был нести военную службу своему господину и являться по первому его зову. Несоблюдение сюзереном традиционного ежегодного вознаграждения уорка приводило не только к конфликтам, которые разбирались судом, но и к расторжению вассальных отношений. При этом вассал обязательно переходил к другому сюзерену (Налоева Е. Дж. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 21).

⁵ Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Вып. 1. С. 180.

⁶ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 171.

По документальным источникам можно установить, что не только первостепенные уорки, но и другие уздени могли переходить от одного князя к другому.

В постановлении о сословиях в Кабарде было зафиксировано, что все уздени «добровольно, непринужденно» служат князьям и вправе переселиться в другое место, если будут обижены князем¹. В том случае, если уздень второй или третьей степени не поладил и уходил со всеми своими крестьянами от князя или тлекотлеша к другому представителю феодальной знати, то он обязан был возратить полученные им от прежнего владельца в виде вспомоществования скот и разные продовольственные запасы, носившие особенное название «уорктын»².

Значит, служба уорка одному и тому же князю была необязательной, он был свободен в выборе себе владельца.

К господствующему эксплуататорскому классу в Кабарде относилось и высшее мусульманское духовенство. Но, как отмечают источники в XVIII в., мусульманское духовенство было немногочисленно и не имело особого значения³. И тем не менее, освещая своим авторитетом власть князей и уорков, систему господства и подчинения, борясь с остатками язычества и христианства, оно выступало в качестве идеолога и защитника феодального строя в Кабарде, способствовало его дальнейшему упрочению, углублению здесь процесса феодализации.

К низшей прослойке господствующего феодального класса Кабарды примыкали степенные уздени, т. е. личные княжеские уздени, называемые «пшикеу». Согласно постановлению о сословиях в Кабарде «степенные узденья, где бы ни находились, по первому извещению князя должны явиться к нему и находиться при нем, сколько заблагорассудится князю», исполняя все его приказания. Как сказано в этом же постановлении, пшикеу занимали весьма своеобразное положение в социальной градации населения Кабарды: они «не вроде холопов, но и не равняются узденям», «исправляют... домашнюю работу» князя, «смотрят за порядком в его доме и охраняют его, а князь защищает их от всяких несправедливых обид, по обычаю вступаясь за них, наказывает виновных...»⁴.

Итак, господствующий класс феодалов Кабарды XVIII в. делился на несколько сословных групп, каждая из которых в большей или меньшей степени являлась собственником земли и скота, имела своих вассалов (князья и первостепенные уздени) и крепостных крестьян, пользовалась большими сословными привилегиями, закрепленными адатом, т. е. обычным правом кабардинцев, выражавшим волю и эксплуататорские интересы князей и уорков. Последние составляли вооруженную силу Кабарды и занимались военными делами и наездничеством. Они жили за счет эксплуатации феодально-зависимых крестьян – единственных непосредственных производителей материальных благ в кабардинском феодальном обществе рассматриваемого периода.

Феодальный строй в Балкарии, отличавшейся по географическим условиям обитания населения, характеру экономики, определяемой этими условиями, и уровню социально-экономического развития, имел свои отличительные черты. Сравнительно неблагоприятная естественно-природная среда наряду с некоторыми другими факторами, несомненно, оказала здесь свое определенное воздействие на развитие производительных сил и форму складывающихся общественных отношений.

¹ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 181.

² Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. С. 188.

³ О народах, соседственных Астраханской губернии // Русский инвалид. СПб., 1822. № 35; Льюль Л. Я. Черкесия // Историко-этнографический сборник. Краснодар, 1927. С. 26–28.

⁴ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. С. 180.

И тем не менее в Балкарии в XVI–XVII вв. «шел процесс разложения родовых устоев и укрепления новых, феодальных порядков»¹. Е. Н. Кушева утверждает, что «источники XVII–XVIII вв. не оставляют сомнения в том, что в это время феодальные отношения в Балкарии и Карачае уже имели место»². Еще грузинский историк и географ XVIII в. царевич Вахушти писал, что в Басиани (Балкарии) были помещики, «имеющие крепостных крестьян»³.

«Незавершенность процесса феодализации в Балкарии наложила свой отпечаток на сословную структуру балкарцев: у них не сложилась феодальная лестница, присущая обществам с развитыми феодальными отношениями»⁴. Здесь надо сразу же заметить, что нельзя смешивать такие разные понятия, как «незавершенность процесса феодализации» и «неразвитость феодальных отношений». Процесс феодализации не был завершен не только в Балкарии, но и в Кабарде. Даже в России, которая еще в XII в. вступила в период развитого феодализма, процесс феодализации не был завершен к концу XV в.⁵ Так что в данном случае следует говорить о более слабом развитии феодальных отношений в Балкарии по сравнению с Кабардой.

Феодалы Балкарии именовали себя людьми белой кости («ак сюек»), отделяя себя от «черного» народа («кара киши»). В адатах они именовались «бассиат» или «секельт». А позже, к середине XIX в., российское правительство признало за балкарскими старшинами-феодалами право называться таубиями, т. е. горскими князьями⁶.

В материалах обычного права балкарцев («Адаты малкарцев»), опубликованных Ф. И. Леонтовичем, наиболее известными фамилиями таубиев (*тау* – «гора», *бий* – «князь»; букв.: «горский князь») считались: в Черекском ущелье – Абаевы, Айдебуловы, Джанхотовы, Мисаковы; у хуламцев – Шакмановы; у безенгиевцев – Суншевы; у чегемцев – Балкаруковы, Келеметовы, Битовы; в Баксанском ущелье – Урусбиевы⁷.

Это им и другим феодальным фамилиям принадлежали грандиозные каменные башенные сооружения, носившие фамильные и личные имена князей, феодальные замки, надземные склепы-мавзолеи, являвшиеся немymi свидетелями имущественного неравенства и социальной дифференциации у балкарцев, материальным отражением становления у них раннефеодальных отношений. Наличие таких укрепленных мест на территории Балкарии красноречиво говорит о возраставшем социально-политическом влиянии опиравшейся на них феодализирующейся знати. Еще в начале XVII в. в письменных источниках появляются термины «владельцы», «мурзы» балкарские.

Балкарские таубии являлись верховными собственниками земли и скота. Но, как уже было сказано выше, они находились в определенной вассальной зависимости от кабардинских князей.

Как и класс феодалов, крестьяне (или холопы – в русских документах) в Кабарде и Балкарии подразделялись на несколько характерных для феодального

¹ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. С. 225.

² Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 172.

³ Вахушти Б. География Грузии // ЗКОИРГО. Тифлис, 1904. Вып. 24. С. 156.

⁴ Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1968. С. 45.

⁵ Черепнин Л. И. Вопросы методологии исторического исследования М.: Наука, 1981. С. 157.

⁶ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 105.

⁷ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1. С. 273–274.

общества социальных категорий, отличавшихся друг от друга имущественным и правовым положением, размерами и содержанием выполняемых ими повинностей в пользу своих владельцев. В Кабарде это были крестьяне-общинники, именовавшиеся тлхукотлями; разряды крепостных крестьян – лагунапыты и оги, объединявшиеся под общим названием «пшитль». По своему социальному положению пшитли были похожи на русских крепостных крестьян. Кроме того, существовала категория унаутов, представлявших собою в первоначальном своем виде домашних рабов из числа пленников и постепенно превратившихся в дворовых крепостных.

Тлхукотли составляли, по выражению Хан-Гирея, «самый многочисленный класс народа», основную массу крестьянства и находились в зависимости от феодалной знати. В рассматриваемое время тлхукотли уже не представляли социально однородной массы. В результате развития феодальных отношений в кабардинском обществе происходило имущественное расслоение сельской общины, разложение тлхукотлов – крестьян-общинников. «...Большая часть тфокотлей при этом оставалась на положении непосредственных производителей, эксплуатировалась феодалами, а незначительная часть тфокотлей, представлявшая их наиболее состоятельный верхушечный слой, пополняла собой ряды господствующего класса, становясь эксплуататорами феодального типа»¹.

Как подчеркивает В. К. Гарданов, «наличие в составе тфокотлей наряду с основной массой непосредственных производителей, которых мы с полным основанием можем причислить к классу крестьянства, а также и старшинской верхушки, которая по своему социальному положению должна быть отнесена к классу феодалов, было, таким образом, отличительной особенностью» этой категории адыгского крестьянства².

Нормами обычного права не были твердо определены повинности, которые выполнялись тлхукотлями. Наверное, это было связано с тем, что у этой древнейшей социальной группы крестьянства шел еще процесс превращения их из вольных земледельцев – свободных общинников в феодально-зависимую категорию, обязанную платить оброк и отрабатывать барщину. Процесс этот не был завершен, хотя и зашел он довольно далеко, поэтому положение тлхукотлей, степень их зависимости и размеры феодальных повинностей еще оставались неопределенными, не получили достаточно ясного и четкого отражения в адыгских адатах. И тем не менее основная масса тлхукотлей уже стояла на грани потери свободы, находилась в известной личной зависимости от князей и уорков и должна была выполнять различные повинности в их пользу. Эксплуатация ранее свободных крестьян-общинников владельцами осуществлялась как в виде продуктовой ренты, так и ренты отработочной, являвшихся экономической формой реализации земельной феодальной собственности.

Тлхукотли в течение года были «обязаны работать на князя или знатного по три дня – для косьбы и для уборки дров с их доставкой на дом. Они должны были сверх того давать один раз воз или семь мешков проса для каждого быка, которого те (феодалы) имеют. Каждый жених этого класса обязан также давать своему господину двух коров и двух быков»³. На пахоту, жатву хлебов, сенокос, рубку и вывозку леса крестьяне выходили на своих волах и арбах, со своими орудиями труда, а владельцы только снабжали их продовольствием. Тлхукотли обязаны

¹ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 197.

² Там же. С. 200.

³ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 149.

были также отбывать воинскую повинность, выразившуюся в сопровождении князя во время войны.

Но не только тремя днями трудовых повинностей ограничивалась работа, выполняемая тлхукотлями в пользу пши и уорков. Как свидетельствуют адаты, «когда встретится еще надобность, то народ приглашается вновь»¹. Эта эксплуатация труда тлхукотлей прикрывалась мнимой «добровольностью» помощи (ш1ыхьэху) – якобы работы в хозяйстве князя «не вменены сему народу в непрерывную обязанность и делаются им по приглашению князя и по доброй своей воле, единственно из уважения к его званию»². А на самом деле это была плохо замаскированная феодальная эксплуатация тлхукотлей. Согласно адыгским адатам таким же способом имели право эксплуатировать тлхукотлей и другие представители господствующего класса. Любой уорк мог приглашать на работу крестьян этой социальной категории, но только того аула, в котором он сам имел «свое жительство» и в котором не проживал князь³.

В первую очередь тлхукотли находились в поземельной зависимости от своих феодалов, являвшихся монопольными земельными собственниками. В ноябре 1777 г. «старейшины черного кабардинского народа», т. е. старшинная верхушка тлхукотлей, в своей жалобе астраханскому губернатору указывали, что «они владельцам подданными почитаются по одной только земле, а не природные крепостные»⁴.

По адату, если тлхукотл считал себя обиженным владельцем села, то он, хотя во многом формально и ограниченно, но все-таки имел право переселиться к другому феодалу. Такое положение не отвечало интересам феодальной знати, поэтому она прилагает все усилия для постепенного установления личной зависимости тлхукотлей от владельцев селений, где те жили. И уже к концу XVIII – первой половине XIX в. фактически и юридически свободных тлхукотлей оставалось все меньше и меньше. Они постепенно утрачивали независимость и попадали в кабалу к князьям и уоркам.

Процесс насильственного закрепощения основной массы тлхукотлей владельцами аулов к концу рассматриваемого периода зашел уже достаточно далеко. Даже у так называемой «демократической» группы адыгских племен, у которых значительно слабее были развиты феодальные отношения, чем у «аристократической», к которой относились кабардинцы, тлхукотли, по свидетельству Хан-Гирея, оказались в своем большинстве подчиненными князьям и уоркам на таких «тягостных условиях», что ранее вольные земледельцы сближались по своему социальному положению с крепостным крестьянством. «Крестьяне, – писал С. Броневский, – суть хлебопашцы, привязанные к земле и посредством многих способов угнетения доведенные почти до рабского состояния»⁵. Тлхукотли не были еще в полном значении этого слова крепостными. Не был завершен их переход из свободных членов сельской общины в таковые, но по существу они уже были теми же феодально-зависимыми крестьянами, обязанными нести в пользу землевладельцев разнообразные натуральные и отработочные повинности. Говоря о тлхукотлях, Иоганн Бларамберг писал: «Они – труженики, прикрепленные к земле, но, хотя они подвергаются сильному угнетению, но все же не являются рабами, поскольку продавать их, за редким исключением, ни целыми

¹ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1. С. 123.

² Там же.

³ Там же.

⁴ КРО. Т. 2. С. 323.

⁵ Броневский С. Указ. соч. С. 136.

семьями, ни по одиночке никто не имеет права. Большинство их... принадлежит узденям, остальные находятся в непосредственной собственности князей»¹. От былой личной свободы тлхукотлей, их права перехода от одного владельца к другому согласно старым нормам адата мало что осталось к началу XIX в. Все это было сведено к минимуму, приобрело почти что формальный характер. О далеко зашедшем процессе стирания сословных граней между массой рядовых тлхукотлей и крепостными крестьянами свидетельствовал и тот факт, что обычное право адыгов устанавливало уже личную зависимость тлхукотлей от владельцев тех аулов, в которых они проживали. Эта зависимость прикрывалась формой «подданства», или «покровительства», сопровождавшейся для тлхукотлей существенным ущемлением прав, ограничением их личной свободы². Согласно обычному праву адыгов владелец обладал и средствами внеэкономического принуждения, мог даже прибегнуть к лишению свободы не повинующегося ему тлхукотля, т. е. содержать его «под арестом»³. По старым нормам адыгского адата, тлхукотли еще сохраняли формальное право на переход от одного феодального владельца к другому. Но это ничего не меняло в сложном и трудном социальном положении тлхукотлей, так как они оказывались в личном подчинении нового покровителя. Более того, было немало и таких тлхукотлей, которые уже лишились даже этого формального права ухода от владельцев тех аулов, в которых они проживали, и оказались на положении закрепощенных крестьян. Согласно обычному праву адыгов к таковым, т. е. юридически прикрепленным к своим аульным владельцам, относились те тлхукотли, которые или сами, или их предки давали им присягу «оставаться всегда на жительстве под их покровительством...»⁴. Вопреки формально действовавшим нормам адата, признававшего личную свободу тлхукотлей, запрещавшего превращения в раба и крепостного свободного по рождению черкеса, адыгские тлхукотли из вольных земледельцев становились обыкновенными феодально-эксплуатируемыми крестьянами. Они теряли свою былую свободу, которая, по словам Хан-Гирея, отделяла их от крепостного крестьянства. Даже размер калыма, уплачиваемого за дочь тлхукотля и дочь крепостного крестьянина, был один и тот же. «А калым, – пишет В. К. Гарданов, – у адыгов, как и у других народов Кавказа, обычно определялся в соответствии с сословным происхождением невесты и являлся наряду с «ценой крови» главным показателем общественного положения данной семьи»⁵.

Все это свидетельствовало о том, что адыгские адаты к этому времени, т. е. в конце XVIII – начале XIX в., уже склонились к признанию социального равенства рядовых тлхукотльских масс с крепостными крестьянами, что наступило время окончательного закрепощения бывших свободных крестьян-общинников, составлявших большинство кабардинского населения.

Исследуя «некоторые аспекты изучения статуса свободных общинников в раннесредневековых славянских государствах», академик Ю. В. Бромлей отмечал, что «от того или иного решения вопроса о статусе свободного сельского населения в период существования раннесредневекового государства во многом зависит вообще представление о генезисе феодальных отношений» и сразу же подчеркивает «условный характер самого понятия «свобода», к тому же далеко не одинакового для дофеодального и феодального общества». И далее он пишет:

¹ *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 127.

² *Гарданов В. К.* Указ. соч. С. 206.

³ *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 1. С. 148.

⁴ Там же.

⁵ *Гарданов В. К.* Указ. соч. С. 215.

«Непосредственные производители, уже оказавшиеся в зависимости от земельных собственников, хотя и продолжавшие сохранять элементы личной свободы, в частности право выхода, в данную категорию, как правило, не включаются...»¹.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что общественный строй Кабарды в рассматриваемую эпоху был феодальным. Вопрос в другом – в степени зрелости феодальных отношений. Одни исследователи обходят этот вопрос молчанием, другие слишком, на наш взгляд, принижают уровень развития феодализма у адыгских народов, представляя его, как нечто на века законсервированное и застывшее на одном месте, лишенное внутренних импульсов движения и изменений, тогда как общество – «живой, находящийся в постоянном развитии организм...»².

«Во всех случаях необходимо учитывать, – пишет академик Е. М. Жуков, – что каждая социально-экономическая формация – живой развивающийся организм, переживающий естественные стадии возникновения, роста, достижения зрелости, а затем упадка»³. Значит, феодализм, как особая стадия цивилизации, не просто существовал в Кабарде, но функционировал и развивался. При всей замедленности социально-исторических процессов и средневековое кабардинское общество не стояло на месте.

Если бросить взгляд вглубь истории, то известно, что зарождение и становление феодальных отношений у адыгов относятся еще к IV–XII вв.

В дальнейшем, несмотря на застойный характер феодализма, на свойственную ему замедленность развития, на его консервацию под негативным, тормозящим воздействием неблагоприятных внешнеполитических факторов, хотя и медленно, но происходили постоянные изменения в области развития производительных сил, развивались вширь и вглубь установившиеся феодальные отношения. В результате наступления феодализма, усиления процесса феодализации и социальной дифференциации кабардинского общества неуклонно сокращалось количество свободных крестьян-общинников, терявших землю и свободу, попадавших в зависимость от феодалов, изменялось экономическое и правовое положение всего феодально-зависимого населения, усиливалась классовая антифеодальная борьба в горской деревне.

В XIII–XV вв. феодальная иерархия у кабардинцев была уже довольно сложной и многостепенной. Край был охвачен бесконечной феодальной междоусобицей – борьбой между мелкими князьями и правителями.

Говоря об отрицательном замедляющем воздействии внешнеполитических факторов на общий ход исторического процесса, развития феодальных отношений в Кабарде, особо следует указать на удары грандиозных разрушительных волн кочевого мира, опустошительное монголо-татарское нашествие, явившееся крупнейшей катастрофой для всего Северного Кавказа, резко перекроившей всю жизнь в регионе, а затем и на крайне агрессивные, захватнические акции султанской Турции, которые сопровождалась исключительно негативными демографическими последствиями, т. е. уничтожением большой массы людей, систематическим разрушением производительных сил, упадком хозяйственной и культурной жизни, консервацией, а то и регрессом установившихся общественных отношений.

¹ Бромлей Ю. В. Некоторые аспекты изучения статуса свободных общинников в раннесредневековых славянских государствах // Исследования по истории и историографии феодализма. М.: Наука, 1982. С. 127–128.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 165.

³ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 109.

По поводу исключительно тормозящего воздействия ряда держав на историческое развитие других стран академик Е. М. Жуков пишет: «Крупные феодальные державы, господствовавшие длительное время, оказывались в дальнейшем серьезно отстающими в общем историческом процессе. Их воздействие на ход мировых событий, главным образом в результате агрессивной завоевательной политики господствующих классов этих стран, имело преимущественно негативный характер. Упадок этих стран был предопределен слабостью или придавленностью в них элементов прогрессивных общественных отношений. Примерами такого развития могут служить феодальная Испания, Оттоманская империя, государство Чингизидов¹.

Как известно, историческое развитие не всегда идет по прямой линии. Так оно было и в Кабарде. Но несмотря на массу препятствий, лежавших на пути общественного прогресса, на отступления и зигзаги, не было прервано поступательное развитие кабардинского общества. Невзирая ни на что, жизнь продолжалась со всеми ее радостями и заботами. С XVI в. происходит дальнейшее усиление состояния феодальной раздробленности и окончательное ее возобладание, что имело прямое отношение к развитию производительных сил, нарастают антифеодальные выступления и растет социальная дифференциация, обостряется междоусобная борьба, достигшая особой остроты в последующие века, что являлось, как известно, прямым органическим следствием углубления процесса феодализации кабардинского общества, политического обособления отдельных княжеств, укрепления феодальной собственности на землю. В общем, налицо углубленное развитие феодального способа производства.

Уже в XVII–XVIII вв., даже и раньше, у некоторых кабардинских князей появляются объединительные идеи, ведется борьба за ликвидацию княжеских междоусобиц, хотя в Кабарде при наличии государственности не было необходимых экономических предпосылок государственной централизации, объединения отдельных княжеств в централизованное феодальное государство.

Так, как это гласят адыгские предания, Иналу – легендарному родоначальнику кабардинских, бесланеевских и темиргоевских князей, жившему в начале XV в., удалось на какое-то время объединить более или менее значительные адыгские группы под своей властью². Как пишет Ш. Б. Ногмов, он «упрочил свою власть и успел примирить враждующие стороны и соединить разъединенные силы». Непокорных князей Инал усмирал силой. В народе его любили и почитали. Было у него пять сыновей, но ни один из них «не обладал качествами отца, необходимыми для управления столь обширной землей»³. После смерти Инала вновь начались княжеские междоусобицы. Дальнейшее развитие феодального способа производства в Кабарде вело, хотя и не успело привести к переходу от феодальной раздробленности к централизованному государству. Отрицательную роль сыграл и внешний фактор.

Основная масса адыгского населения – тлхукотлы, как сказано выше, в ходе и под влиянием длительного развития феодальных отношений претерпели существенную эволюцию, подверглись глубокой социальной дифференциации и пауперизации и попали к концу XVIII – началу XIX в. в частновладельческую зависимость, вплотную приблизившись по своему социальному положению к крепостному крестьянству. Как уже отмечалось в литературе, в первой половине XIX в.

¹ Жуков Е. М. Указ. соч. С. 165.

² История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 83.

³ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. С. 112–114.

сам социальный термин «тлхукотл» в источниках не встречался. К этому времени он приобрел унизительно-оскорбительный, бранный оттенок. И самое главное, антифеодальное выступление зависимого кабардинского крестьянства достигает большой остроты. В этих условиях трудно согласиться с таким утверждением, что «адыгское общество XVIII – первой половины XIX в. представляло собой общество раннефеодального периода...»¹. По этому поводу профессор Т. Х. Кумыков пишет: «...накануне реформы в Кабарде существовал рабовладельческий уклад в форме патриархального рабовладения, тесно переплетающийся с феодальными отношениями. Это и есть одна из специфических особенностей общественного строя Кабарды, свидетельствовавших о незрелости кабардинского феодализма»². В наличии патриархально-родовых пережитков, тесно переплетавшихся с феодальными отношениями, видит одну из особенностей кабардинского феодализма, свидетельство его «неразвитости» и Н. Х. Тхамоков³. «По уровню феодальных отношений Кабарда является самой развитой страной на Северном Кавказе, тем не менее феодальные отношения в Кабарде не получили полного развития»⁴, – пишет грузинский этнограф М. В. Кантария. Она считает более приемлемым для Кабарды термин «протофеодализм».

Изучение и осмысление накопленных историографией конкретных данных, характеризующих сущность социальных явлений и процессов, позволяют, на наш взгляд, сделать заключение об относительно высокой стадии развития адыгского феодального общества. В конце XVIII – первой половине XIX в. оно по всем признакам (установление безраздельного господства феодальной земельной собственности, раскол общества на резко поляризованные классы, поглощение общины вотчиной, исчезновение прослойки архаически свободных крестьян – общинников – и распространение крепостнической формы зависимости на все крестьянство и т. д.), несомненно, представляло собой общество с развитым феодализмом.

Процесс феодализации Кабарды шел особенно интенсивно со второй половины XVI в., в чем, несомненно, сказалось положительное воздействие на развитие горских народов Северного Кавказа более передовых социально-экономических явлений, характерных для России, в истории которой, по определению В. И. Ленина, примерно с XVII в. наступает «новый период» – период «позднего феодализма, когда в недрах сохраняющего господство крепостнического режима зарождаются новые явления, приводящие в середине XIX в. к победе капиталистического строя»⁵.

Такое позитивное влияние России на развитие горских народов было исторически обоснованным, закономерным, ибо «для всемирной истории человечества характерно неуклонное нарастание взаимосвязи и взаимовлияния всех стран и народов. Если для древнейших эпох это взаимовлияние было сравнительно невелико и лимитировалось контактами непосредственных соседей, то уже в классовых обществах – в рабовладельческом, феодальном и особенно в капиталистическом – экономические и культурно-политические связи самых отдаленных

¹ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 201.

² Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 150.

³ Тхамоков Н. Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961. С. 159.

⁴ Кантария М. В. Из истории хозяйственного быта Кабарды. С. 240–241.

⁵ Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. С. 269.

районов стали обычными. Естественно, что это способствовало не только ускорению темпов исторического развития, но и тому, что общие закономерности этого развития начали выявляться более рельефно, с меньшим количеством частных отклонений»¹. Это положение тем более правильно по отношению к России и Кабарде, ибо они были не только «непосредственными соседями», но и между ними был заключен военно-политический союз еще за 150 лет до начала исследуемого периода. Эта продолжительная взаимосвязь, естественно, сделала более тесными давние исторические взаимодействия народов России и Кабарды. Языковые, религиозные и другие различия не были непреодолимой преградой на пути постепенного налаживания разносторонних хозяйственных связей между русскими и коренными жителями края. Прогрессивные черты исторических взаимосвязей и взаимодействия народов нашей страны пробивали себе дорогу сквозь рогатки самодержавно-крепостнического гнета.

Собственно, крепостные крестьяне у адыгов, в том числе у кабардинцев, подразделялись на две основные группы, из которых одна называлась огами, а другая – лагунапытами.

Оги – категория крепостных крестьян, которые происходили от лагунапытов. По свидетельству источников, он получал свое такое наименование «по особому расположению владельца», который в то же время забирал себе часть его имущества. Но если ог не исполнял как следует установленных обязанностей по отношению к своему господину, он мог быть вновь превращен в лагунапыта.

Главной отличительной чертой между огом и лагунапытом было то, что первый жил отдельно, вне двора своего владельца, а второй обычно жил в одном дворе со своим господином.

Ог всегда имел свой дом и свое отдельное хозяйство, в том числе и свой надел, тогда как лагунапыт далеко не всегда располагал этим. «Не мог быть огом тот, кто не в состоянии был «пахать землю в две пары волов...» Ог имел право выкупиться и перейти в категорию вольноотпущенных»². Как оги, так и лагунапыты несли натуральные и трудовые повинности в пользу феодалов. Но, если эксплуатация огов преимущественно выражалась в натуральном оброке, размеры которого точно были определены обычным правом, то лагунапытов – в барщине, поглощавшей в отдельных случаях «все рабочее время этого разряда крепостных, и тогда господин переводил их, подобно русским помещикам первой половины XIX в., на «месячину», т. е. на продовольственный месячный паек; такая разновидность лагунапытов иногда не имела даже своего дома, получив название «унешхорис» (бездомные)»³.

Степень эксплуатации огов была меньшей, чем лагунапытов. Во время покоса каждый мужчина-ог (начиная с 16 лет) обязан был косить для владельца три дня и убирать скошенное сено два дня, а затем доставить его в аул или на хутор к владельцу; от такой обязанности освобождались лишь овцевод и пчеловод. Зато последний должен был доставлять господину ежегодно три сапетки меду. Во время покоса и уборки сена для владельца ог получал от него продовольствие. Далее, в качестве оброка за собственный посев каждое семейство огов платило владельцу с каждой пары быков, впрягаемых в плуг, от 40 до 60 мер проса и сверх того ежегодно доставляло владельцу, смотря по состоянию и урожаю, от 2 до 4 арб проса

¹ Жуков Е. М. Указ. соч. С. 172–173.

² Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. С. 152–153.

³ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 222.

по 30 мер в каждой, привозило от 7 до 10 возов дров¹. «При выдаче замуж своих дочерей они обязаны были давать (из калыма) двух быков и двух коров; при разделе семейства они платили владельцам 100 быков или раба. Во время поста делали по очереди ужин для господ, во время похорон члена дома господина – обед (по очереди). При женитьбе владельца или его сына в течение года должны были содержать в своей сакле новобрачных, кормить и одевать их»².

За эти и другие повинности владелец обязан был предоставлять огу «нужные земли под пашню, покос и пастбища», оказывать разного рода помощь и покровительство³.

Как свидетельствуют документы, этот разряд крепостных крестьян был многочисленным.

Остальную часть зависимых крестьян в Кабарде составляли лагунапыты. Категория крестьян-лагунапытов являлась основным, самым многочисленным массовым разрядом адыгских крепостных крестьян. В буквальном своем значении термин «лагунапыт» означает в переводе с кабардинского «приделанный или пристроенный к дому». Бывший свободный крестьянин попадал в зависимость от феодала, «пристраивался» к его дому и становился дворовым крестьянином владельца. «Лагунапыты, как и оги, имели личные и имущественные права. Они могли распоряжаться своим имуществом (с согласия владельца), могли иметь своих рабов, могли выкупиться на волю; их нельзя было продавать вне Кабарды и их семейства нельзя было раздроблять»⁴.

Крестьяне этой категории жили особыми саклями и отдельными семьями во дворе владельца или вблизи от него. «Мужчины исполняют все полевые и домашние работы, возят и рубят дрова, косят, убирают и свозят сено и хлеб, присматривают за пчелами, скотом, лошадьми и баранами, вывозят лес для построек и строят дома и службы и вообще исполняют все работы, какие потребует владелец»⁵. Жены их выполняли самые разнообразные виды домашних работ.

А владелец, в свою очередь, обязан был «кормить и одевать своих логанаут» (лагунапыт). Во время пахоты, покоса и жатвы мясо и другие продукты лагунапыты получали от владельца. В случае неурожая или отсутствия запасов хлеба владелец обязан был прокормить как обрядных, т. е. лагунапытов, так и необрядных своих холопов. На пахоту выходили мальчики с 12 лет, а на покос – с 16, от полевых работ освобождались только те мужчины, которым уже было за 50 лет⁶. Лагунапытов как непосредственных производителей материальных благ феодал обязан был наделять средствами производства, и прежде всего землей. Крестьянский земельный надел, по характеристике В. И. Ленина, «был как бы натуральной заработной платой – «исконным» средством присвоения прибавочного продукта»⁷.

Рабочий скот, топор, косу, железо для плуга лагунапыт получал от владельца; арбы и деревянную оснастку к плугу должен был сделать он сам. Каждому лагунапыту владелец обязан был «дать, по крайней мере, пару рабочих быков, если их много, то и две пары, а при женитьбе добавить ему хотя бы одну дойную корову и котел»⁸. И феодальный владелец давал все это лагунапыту, ибо, как отмечал

¹ Крестьянская реформа в Кабарде. Нальчик, 1947. С. 85.

² Скитский Б. В. Указ. соч. С. 171–172.

³ Крестьянская реформа в Кабарде. С. 86.

⁴ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 172.

⁵ Крестьянская реформа в Кабарде. С. 86.

⁶ Там же. С. 86, 87, 88.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 473.

⁸ Крестьянская реформа в Кабарде. С. 87–88.

В. И. Ленин, «собственное хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» некрестьянина – средствами к жизни, а помещика – рабочими руками»¹.

Строго определенными были и обязанности жен лагунапытов. Женщины должны были по очереди носить в дом владельца воду, доить коров, мазать и белить сакли, мыть утварь, стирать белье, рушить просо на ручных просорوشках, вести огород и т. д.²

Если лагунапыты и оги считались обрядными зависимыми, т. е. адыгский адат определял правовое положение этих категорий крестьян, их повинности, устанавливал нормы и правила их взаимоотношений, в известной степени признавал за ними личные и имущественные права, то иначе было положение с унаутами – рабами, делившимися на «природных» и ясырей (военнопленных). На эту категорию зависимых – безобрядных, или холопов (рабов), – вообще не распространялись действия обычно-правовых норм. «Унауты (мужчины и женщины) – бесправные, или безобрядные, холопы – безотлучно живут в доме владельца и обязаны во всякое время исполнять всякую работу владельца и его жены»³.

Унауты не имели никакой собственности и никаких прав – ни имущественных, ни семейных, находились на положении домашних рабов. Они всецело находились в полной, не ограниченной нормами адата личной власти владельцев, которые могли поступить с ними как им заблагорассудится: продать, как вещь, как животных, – порознь, кому угодно и куда угодно, т. е. за пределы Кабарды, и даже лишить жизни. Они не имели права без согласия господина вступать в брак. «За убийство раба хозяин получал вознаграждение, как и за потерю имущества»⁴.

Источниками пополнения числа унаутов являлись покупка, военные добычи, включавшие и живой товар – пленников, обращение в них феодально-зависимых крестьян за непослушание владельцам, за неспособность вследствие крайнего обнищания выполнять свои повинности.

Унаутов, являвшихся в условиях Кабарды носителями патриархально-родовых пережитков, выступавших в виде домашнего рабства, тесно переплетавшегося с феодальными отношениями, было сравнительно немного. Но эти унауты-рабы, хотя не являлись и не могли являться основной производительной силой в хозяйстве феодалов, выполняли обширный и разнообразнейший круг нелегких домашних и других работ. Они, будучи лишены всяких человеческих прав, находясь вне адата, подвергались самой жестокой, ничем не ограниченной эксплуатации и гнету своих владельцев.

Рассматривая категорию крестьян, надо выделять из их среды азатов (вольнотпущенников). Это был особый разряд крестьян, получивших личную свободу, но оставшихся экономически зависимыми от феодалов, продолжавших жить при своем владельце и исполнявших некоторые повинности, такие как прислуживание в кунацкой при приеме гостей, сопровождение владельца в поездках и т. д.

В документах об азатах сказано: «Выкупившиеся или выпущенные на волю всех званий холопы получают имя вольнотпущенников; азат – человек лично свободный.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 184.

² Крестьянская реформа в Кабарде. С. 86.

³ Там же. С. 88.

⁴ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 172.

Они обязаны жить в аулах с прежним владельцем, следовать за ним, если он переселяется на жительство в своем обществе, и всякая услуга прежним владельцам в их доброй воле и есть следствие привычки и добрых отношений, но несколько не обязательные.

Девушка (холопка), лично отпущенная на волю, при выходе замуж вносит прежнему владельцу 30 рублей, или лошадь, или пару быков, стоящих этих денег.

Вольноотпущенники очень охотно берут к себе на воспитание детей прежних своих владельцев, делаясь через это близкими к ним людьми»¹.

Таким образом, и азаты – уже лично свободные крестьяне – продолжали подвергаться эксплуатации своих владельцев под благовидным прикрытием якобы «их доброй воли», «привычки и добрых отношений».

Между рассмотренными выше категориями феодального класса и зависимого крестьянского населения Кабарды существовала промежуточная прослойка бейголей, которых иногда некоторые исследователи ошибочно относят к феодальному классу. В эту промежуточную прослойку входили выходцы из тех же феодально-зависимых крестьян, которым поручалось своими владельцами исполнение функций полицейских, судебных исполнителей, сборщиков налогов, посыльных и т. д. С их помощью решались все текущие дела². Сословно они еще не входили в число уорков, но эксплуатировали крестьян, выделенных в их подчинение князем или другим представителем феодальной знати.

В отличие от кабардинского, структура балкарского крестьянства очень трудно поддается анализу. Это связано с тем, что в русских источниках XVIII в. мало содержится сведений о балкарцах. Но даже те отрывочные сведения, которые дошли до нас, позволяют сделать вывод, что в этот период балкарское крестьянство было дифференцированным. Например, в «Географии Грузии» Вахушти упоминается, что в первой половине XVIII в. в Балкарском ущелье у помещиков были «крепостные крестьяне»³.

Процесс дифференциации зависимого населения, как и у других народов, у балкарцев занимал длительный период. Пользуясь методом ретроспекции, исследователи на основе различных документов, относящихся к XIX в.⁴, выводят следующие категории у балкарских крестьян: каракиши, ясакчи, чагары и казаки (мужчины-рабы назывались казаками, женщины-рабыни – караушами). В сословие каракишей, или, как их иначе называли, «узденей», «караузденей», входила основная часть феодально-зависимого крестьянского населения балкарских обществ. Каракиши – это лично свободные крестьяне-общинники, имевшие собственное хозяйство. Они пользовались землей, на которой были поселены, на правах неотъемлемой собственности, но не имели права продавать ее без разрешения на то таубия, которому они были подвластны. При переселении в другое общество каракиши могли передать свою землю одному из своих родственников, если он соглашался отбывать в пользу господина все повинности, следуемые с переселяющегося. Если же последний не имел родственников или таковые не брали на себя обязательство нести необходимые повинности в пользу владельца, земля поступала в полное владение таубия⁵.

¹ Крестьянская реформа в Кабарде. С. 91.

² АВПр, ф. Кабардинские дела, 1747 г., д. 6, л. 41; 1750 г д 9, 1762 г., д. 3, л. 27.

³ Вахушти Б. География Грузии // ЗКОИРГО. Тбилиси, 1904. Кн. 24, Вып. 5. С. 150.

⁴ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 92.; Крестьянская реформа в Кабарде. Нальчик, 1947; Документы по истории Балкарии 40–90-е годы XIX в. Нальчик, 1959.

⁵ Крестьянская реформа в Кабарде. С. 92

В случае смерти каракиша, у которого не было прямого наследника, брата или другого родственника, его имущество переходило к таубию, которому он был подвластен¹.

В рассматриваемый период каракиши уже не были социально однородной массой. В результате расслоения они постепенно разделились на две основные группы: первая – это сравнительно небольшая по своей численности и принадлежащая к зависимому от таубиев сословию, но разбогатевшая верхушка, эксплуатировавшая своих же сородичей, имевшая своих «холопов» и владевшая большим количеством скота и другим имуществом; вторая – это бедняцкая, лично свободная, но экономически зависимая часть, которая и составляла основную эксплуатируемую массу каракишей. Верхушечная эксплуататорская часть каракишей по своему имущественному положению приближалась уже к таубиям, могла соперничать с ними, не имея возможности перехода в сословие последних в силу лишь строгой замкнутости феодальной касты. Но при всем этом почти все каракиши, вплоть до отмены в 1867 г. крепостного права в Балкарии, находились в экономической, и прежде всего в поземельной, и политической зависимости от таубиев – верховных собственников земли, хотя они юридически считались свободными. Таубии не могли продавать своих каракишей, как людей лично свободных, но могли продать повинности, которые они должны были отбывать, другому владельцу. Цена этой повинности, которую мог выкупить и сам каракиш, определялась в 60 рублей ежегодной платы². В работе Т. Х. Кумыкова содержится утверждение, что «каракиши имели право выкупиться, уплатив эту сумму»³, тогда как это была стоимость общегодовой повинности каракишей.

В характеристике положения и повинностей каракишей, составленной в 1864 г., говорится: «Во время сенокоса каракиши с каждого двора должны дать таубию одного косаря на один день. Для сбора сена и поставки копен каракиши с каждого двора дают на один день одного человека. Для перевозки сена каракиши с каждого двора обязаны дать своему таубию одного человека с парюю быков на один день. Во время этих работ таубий дает все продовольствие. В покосное время каракиши обязаны дать своему таубию с каждого двора, у кого не менее 60 баранов, одного барана, назначаемого в пищу косарю. Для распашки полей каракиши с каждого двора обязаны дать своему таубию на один день одного человека с парюю быков и земледельческими орудиями... Для жатвы каракиши с каждого двора дают таубию на один день одного человека»⁴. Также каракиши обязаны были помогать своим таубиям при уборке и перевозке урожая, при удобрении поля навозом, вывозке леса для постройки, содержания зимой скота.

Таубии получали от своих каракишей определенную долю имущества при их женитьбе, выдаче своих дочерей замуж, разделе семьи и при уплате за кровь. В случае смерти совершеннолетнего таубия каракиши с каждого двора давали для его поминок трехгодовалую скотину. Во время поминок, делаемых каракишами, они обязаны были доставлять к столу своего таубия одного барана, если поминок были большими, а когда малыми, то смотря по количеству приготовленной пищи. Если каракиш резал для себя большую откормленную скотину, то должен был прислать часть мяса своему таубию, а если он варил пиво, то обязан прислать своему таубию один кувшин. Во время уразы (поста) каракиши должны

¹ Крестьянская реформа в Кабарде. С. 95.

² Там же. С. 92.

³ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. С. 156.

⁴ Крестьянская реформа в Кабарде. С. 92–93.

были дать своему таубию с каждого двора девять лепешек из пшеничной муки и бурдюк бузы¹.

Кроме исполнения в пользу владельцев обязательных видов повинностей, регламентированных обычно-правовыми отношениями балкарцев, каракиши делали самые различные виды приношения таубиям, оказывали им всевозможные услуги, которые зачастую выступали в завуалированной в родовую оболочку безобидной и благовидной форме личных даров и добровольной помощи.

Таким образом, каракиши несли повинности как в виде отработочной, так и продуктовой ренты. Но, как свидетельствуют обязанности каракишей, в отношении своих владельцев зафиксированная адатами балкарцев отработочная рента, которую несли крестьяне этой категории, преобладала. «Натуральная рента существовала рядом с ней и еще не вытеснила ее»².

Следующая категория балкарских крестьян – ясакчи («жасакчы»). Это были податные, но лично свободные крестьяне, находившиеся в экономической зависимости от феодальной верхушки. Они пользовались землей на правах условного владения, выполняя за это определенные феодальные повинности. За обрабатываемую землю под посевы хлебов, в зависимости от его размера, ясакчи надо было платить таубию от 2 до 9 мешков (пять мер каждый) различных видов зерна в год. Стоимость всей этой повинности на деньги, по средним ценам, составляла от 5 до 23 рублей. За пользование покосными и пастбищными землями ясакчи отдавали таубию, в зависимости от количества скота, от 1 до 3 овец ежегодно в продолжение четырех лет. А на пятый год они платили полную подать, смотря по состоянию ясакчи, от 15 до 100 овец. Кроме того, начиная с весны и до зимы ежегодно ясакчи обязаны были давать своему владельцу одну корову для «доения или взамен ее двух баранов, или же 4 рубля серебром». В период сенокоса на питание для косарей таубия каждый двор ясакчи должен был дать одну овцу. Если таубии строил себе дом, то ясакчи от каждого двора давали пару быков для перевозки леса. При убое крупного рогатого скота ясакчи отдавали филейные части туши своему таубию. В случае смерти таубия каждый двор ясакчи представлял его семейству один мешок солода для варения пива³.

Если о категории ясакчи относительно XVIII столетия данные очень скудны, то в этот период уже в источниках чаще встречается категория крестьян под названием «чагары» или «кулы». По своему положению эту категорию балкарских крестьян можно сравнить с кабардинскими лагунапытами⁴.

Чагары (кулы) не считались безобрядными, т. е. они имели личные и имущественные права. Но права эти были крайне ограничены и условны. Чагары находились в личной и экономической, поземельной зависимости от таубиев. Они были лишены права свободного перехода от одного владельца к другому. Владельцы распоряжались судьбой чагар по своему усмотрению, т. е. могли их продать или подарить всем семейством и по одиночке⁵. Обычно они жили при дворе своего владельца, имея свое небольшое хозяйство, «собственные земли, подаренные старшинами или купленные самими», как это сказано в адатах балкарцев. Степень эксплуатации чагаров была значительно сильнее, чем таких категорий зависимых крестьян, как каракиши и ясакчи. Чагары выполняли все

¹ Крестьянская реформа в Кабарде. С. 94.

² Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. С. 51.

³ Крестьянская реформа в Кабарде. С. 95–96.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. С. 277.

виды работ в хозяйстве своего владельца. Их труд использовался во время пахоты, сева и уборки урожая, в период заготовки сена и на других хозяйственных работах. Причем в период сенокосения и заготовки дров их труд не был нормированным, подтверждение чему мы находим в адатах: «Кулы по очереди привозят дрова старшинам на старшинских ишаках и косят сено, сколько старшинам угодно»¹. Со временем владельцы неограниченно, полностью стали использовать труд чагар по своему усмотрению.

В докладной записке о зависимых сословиях в Кабардинском округе и об их обязанностях, в отношении владельцев, приложенной к рапорту начальника Терской области от 8 сентября 1866 г. на имя помощника главнокомандующего Кавказской армией, о чагарах оказано: «Чагары исполняют все работы по приказанию владельца во всякое время; их можно сравнить с логанаутами (читай: с лагунапытами) кабардинцев. Кроме того, если у чагара есть бараны, он дает своему господину одного барана летом и одного барана зимою; при выдаче в замужество дочери из числа полученного калыма платит таубию одного быка и корову; в случае недостатка денег, собранных с каракиши и ясакчи на покупку казака или караваша, чагары вносят деньги, недостающие до покупной цены. Если у владельца чагар нет караваша, ни ясакчи, ни безобрядных холопов, то чагары, мужчины и женщины, обязаны по очереди исполнять в доме своего таубия все работы, надлежащие казакам и каравашам. Во время покоса чагары обязаны взять себе для продовольствия по одному барану из своих собственных овец, если имеют таковых. При разделе имущества чагара между членами семейства последние обязаны уплатить владельцу или землею, или скотом, или деньгами до 300 рублей серебром»². Процитированный документ относится к более позднему времени, но тем не менее он дает представление о круге обязанностей чагаров в предшествующий период.

Судя по всем имеющимся сведениям, в XVIII в. присвоение прибавочного труда чагаров осуществлялось в основном при помощи самой простой формы феодальной ренты – ренты отработочной и частично – рентой продуктами. Слаборазвитый уровень феодальных отношений, имевший место у балкарцев в этот период, исключал эксплуатацию владельцами труда зависимых от них крестьян в форме денежной ренты.

В особенно тяжелых условиях находилась категория крестьян, именовавшаяся казаками (мужчины – рабы) и каравашами (женщины – домашние рабыни), стоящие вне адата, т. е. безобрядные. Обычное право не устанавливало норм, ограждающих их личность. Они не имели никакой личной собственности, ни семейных, ни иных прав. По своему положению они напоминали кабардинских домашних рабов – унаутов и унауток. «Это те же унауты и в той же неограниченной зависимости от владельцев, что и у кабардинцев»³, – сказано в документе. Казаки и караваша жили в доме владельца и выполняли «все домашние, дворовые и комнатные работы по приказанию своего господина или госпожи»⁴. Владельцы их могли продавать, обменивать, дарить и нередко пользовались этой возможностью, чиня неограниченный произвол и насилие над подвластными крестьянами. Это нашло свое отражение и в устном народном творчестве, в народных песнях, в которых проклинались князья-насилыники.

¹ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. С. 277.

² Крестьянская реформа в Кабарде. С. 96.

³ Там же. С. 96–97.

⁴ Там же. С. 96.

Так, в одной из балкарских песен есть такие строки, выражающие чувства народного гнева¹:

Пусть острый меч поразит господина,
Дурно обращающегося с черным холопом.

Таким образом, анализ социальных отношений в Кабарде и Балкарии позволяет заключить, что здесь в XVIII в. имелось ярко выраженное социальное неравенство. В общественной жизни кабардинцев и балкарцев господствовали феодальные отношения, хотя еще сильны были патриархально-родовые пережитки, существовал рабовладельческий уклад в виде патриархального домашнего рабства. Это и понятно, ибо «чистых формаций» никогда в истории не было, формации всегда представляли большую или меньшую совокупность самых различных хозяйственных укладов, среди которых лишь один (и отнюдь не во всех случаях преобладающий) являлся носителем формационного (системного) отношения»². Основные средства производства, в первую очередь земля и скот, находились в руках феодалов. Господствующий класс не был однородным, существовала иерархическая лестница господства и подчинения.

Уровень общественного развития Кабарды и Балкарии был неодинаков. В XVIII в. Кабарда находилась на более высокой стадии социально-экономического развития, чем Балкария. Если в Кабарде феодальные отношения в результате длительного их развития достигли к концу исследуемого периода степени зрелости, то феодализация балкарских обществ, начавшаяся гораздо позднее, оставалась на более ранней, низкой стадии процесса. Феодализм в Балкарии как система общественного устройства был развит значительно слабее, чем в Кабарде, где он был представлен в виде зрелой, хотя, быть может, не в «классической» форме. М. Н. Покровский писал, что социальное устройство черкесов дает «картину развитого феодального общества, напоминающая Европу XI–XII веков»³. О том, что Кабарда с ее стойкой традиционной древней культурой, строгим и стройным этикетом служила образцом зрелого феодального общества на Северном Кавказе, отмечали многие авторы. «В XVI–XVIII вв. Кабарда, пережившая расцвет феодализма, – пишет видный кавказовед В. И. Абаев, – достигла значительного могущества и получила преобладающее влияние на Северном Кавказе. Эпитет «кабардинский» был в это время синонимом аристократической изысканности и комильфотности»⁴.

§ 4. Антифеодальные выступления в Кабарде и Балкарии

В XVIII в. в Кабарде и Балкарии происходило дальнейшее усиление социальных противоречий. Феодальная верхушка постепенно сосредоточивала в своих руках основные средства производства – землю и скот.

Это приводило ко все большему усилению экономической зависимости непосредственных производителей-крестьян от феодальных владельцев. Наряду с экономической оформлялась и политическая зависимость крестьян от феодаль-

¹ Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. С. 252.

² Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. С. 21–22.

³ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 200.

⁴ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 88.

ной знати. Это находило свое выражение в изменении правового положения общинников (нарушение обычного права, которое разрешало переход лично свободных крестьян от одного владельца к другому; удержание владельцами в холопстве жен отпускаемых крестьян; присвоение ими прав на холопов своих крестьян), что приводило к закабалению и переходу большей части бывших свободных тлхукотлей в разряд зависимых.

Как известно, форма и степень эксплуатации в эпоху феодализма были связаны с переходом от отработочной ренты к ренте продуктами или денежной ренте. При этом в механизме движения феодальной ренты – этой экономической формы реализации феодальной собственности – наиболее зримо проявляется эксплуататорская сущность периода феодальной цивилизации. А классовое «сопротивление угнетенных играет роль решающего социального двигателя данного способа производства по пути исчерпания им заложенных в нем исторических потенций»¹. Социальные противоречия, вытекавшие из развития общественных структур, составляли важнейшую черту внутренней жизни Кабарды и Балкарии рассматриваемой эпохи. В Кабарде исследуемого периода преобладала отработочная рента-барщина – наиболее тяжелый для крестьян вид повинности, в связи с чем нужно отметить одну особенность, определявшую формы феодальной эксплуатации. К. Маркс писал, что «как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда»².

Нам представляется, что это высказывание в некоторой степени можно отнести к Кабарде и некоторым другим народам Северного Кавказа в изучаемое время. Особенно оно приемлемо при рассмотрении вопроса о положении зависимого сословия и выступления крестьян в Кабарде, которая со второй половины XVIII столетия начинает активно втягиваться Россией в орбиту своего влияния. Прежде всего это выразилось в развитии торговых отношений между Кабардой и Россией. Они начинают активно развиваться с середины XVIII в., когда Кавказская укрепленная кордонная линия, являвшаяся русской границей по отношению к северокавказским народам, подошла близко к их территории. Горцы посещают в торговых целях города Кизляр и Моздок и другие северокавказские населенные пункты. Например, в 1744 г. в Кабарду «из Кизляра разных людей приехало с товарами более 100 человек»³.

Торговля прочно входила в быт горцев. Кабардинские князья (1765) просили царское правительство, «от следующих из нашей Кабарды для торгу наших народов сильно излишеством пошлин не брать», «ничем их не обижать, (иначе) ездить не будут». Характерно, что требование о свободной торговле содержалось и в обращении к правительству России, в котором они настаивали не строить Моздок и возвратить беглых рабов. Столь насущной, видимо, была для кабардинцев потребность в торговле, что они поставили о ней вопрос наряду с важным политическим требованием⁴.

¹ Барг М. А. Указ. соч. С. 265.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 247.

³ Скитский Б. В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1956. Т. 17. С. 175.

⁴ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 176.

Расширение торговых отношений с Россией способствовало развитию экономики горцев. Но оно имело и другую сторону. Феодалная верхушка в своем стремлении к обогащению все больше и больше усиливала эксплуатацию крестьян. С каждым годом увеличивались размеры феодальных повинностей, выполняемых зависимым населением. В свою очередь, это вызвало сильное недовольство крестьян, обострение социальных противоречий в горской деревне. На усиление феодальной эксплуатации, увеличение повинностей крестьяне отвечали растущим сопротивлением, выражавшимся в различных формах борьбы вплоть до восстаний.

Говоря о выступлении крестьян в Кабарде и Балкарии в рассматриваемый период, надо иметь в виду, что это было время, когда социальные противоречия во всей Российской империи были обострены до крайности. Они выливались в цепь народных движений, более или менее крупных, принимавших различные формы вплоть до мощных крестьянских войн.

Терек, где жили горские народы, казаки и др., которые тысячами нитей были связаны с крестьянскими выступлениями на юго-востоке России, не мог остаться в стороне от социального и национального движения в стране и на ее окраинах. К тому же вожди народных антифеодальных выступлений XVII–XVIII вв. Степан Разин и Емельян Пугачев сами бывали на Тереке еще до того, как были развернуты крестьянские войны под их предводительством, потрясшие основы дворянско-крепостнического государства. Поэтому они хорошо были осведомлены о положении дел здесь и в определенной степени связывали с ним планы своих действий.

Так, еще в 1667 г. казачий атаман Степан Тимофеевич Разин организовал поход донской казачьей голытьбы «за зипунами» на Каспийское море, явившийся прологом крестьянской войны, которая станет полыхать на Дону и в Нижнем Поволжье. В связи с этим в июне была направлена царская грамота воеводам всех поволжских городов, в том числе Астрахани, и на Терек с предупреждением об усилении опасности от «воровских казаков» и с приказом «казаков с Волги сбить и на море не пропускать»¹. И, тем не менее, в апреле 1668 г. разинцы прибыли к устью Терека. Здесь они сделали продолжительную остановку, расположившись лагерем на острове Чечень у западного побережья Каспийского моря. Разин, на сторону которого сразу перешли несколько стрельцов, потребовал, чтобы «князь Каспулат Муцалович отправил к нему зелье, свинец и вино. Послал ли Каспулат эти запасы, неизвестно...»². Но известно другое: «...когда в июне 1668 г. астраханский воевода, не надеясь полностью на русский гарнизон Терки, приказал служившему при этом городе кабардинскому князю К. М. Черкасскому выступить со своей конницей, насчитывавшей примерно 500 всадников, против отрядов донской казачьей голытьбы, то он отказался выполнить это распоряжение, сославшись на «малолюдство» своего войска. Главная же причина этого отказа, несомненно, крылась в том, что князь не мог, конечно, не знать, на чьей стороне находились симпатии трудовых масс края, в том числе и нерусских народностей. Именно благодаря всему этому разинцы, несмотря на значительное численное превосходство над ними терского гарнизона, вели себя здесь довольно смело и решительно»³. У города Терки Разин объединился с отрядом С. Кривого⁴. Этот поход разинцев на Каспийское море содействовал усилению

¹ Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Изд-во Казанского университета, 1982. С. 147.

² Потто В. А. Два века терского казачества. 1577–1801 гг. Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 80.

³ Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 58.

⁴ Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1976. С. 77.

недовольства трудового населения низовьев Терека феодально-крепостническими порядками и обострению социальных противоречий в крае, в том числе и среди горского крестьянства. Вернувшись на Дон, Разин весной 1670 г. вновь поднял восстание казаков, которое вскоре переросло к крестьянскую войну, охватившую значительную часть территории Русского государства. А. С. Пушкин, проявивший глубокий интерес к этому восстанию, называл его предводителя Степана Разина единственным поэтическим лицом русской истории¹. Перейдя в начале лета с Дона на Волгу, разинцы захватили Царицын, а 22 июня – Астрахань, ставшую эпицентром восстания на юго-востоке страны. Здесь до 27 ноября 1671 г., т. е. почти 1,5 года, существовала своеобразная повстанческая республика. Управление возглавлял сподвижник Разина Василий Ус².

Разин сам не раз бывал в Астрахани. Он был здесь и по случаю посольства к калмыкам. Есть отписка астраханского воеводы Черкасского, где сказано, «чтобы донских казаков Василия Гладкова, Степана Разина и запорожских черкес отпустить из Астрахани в калмыцкие улусы к тайшам, не задержав, безо всякого мешканья»³.

Заняв Астрахань, Степан Тимофеевич стал готовиться к продолжению борьбы – походу вверх по Волге «на Русь», где он и его товарищи мечтали расквитаться с народными притеснителями – «с боярами повидатца»⁴. 20 июля Разин вышел из Астрахани примерно с 11 тыс. повстанцев. 2 тыс. во главе с Василием Усом остались в городе. Разинские струги плыли вверх по Волге. 4 августа на виду Царицына показались разинцы, о которых народ складывал поэтические легенды и песни⁵:

Ты взойди, солнце красное,
Солнце красное, солнце красное,
Освети ты Волгу-матушку,
Волгу-матушку, Волгу-матушку,
Обогрей нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев на чужой стороне.
Мы не сами-то идем,
Нас нужда ведет, нужда горькая,
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы помощнички.

Разинцы, плывшие по волжским стремнинам, распространяли слух, что вместе с ними находится царевич Алексей Алексеевич и бывший патриарх Никон. «Роль первого исполнял молодой пятигорский князь Андрей Канбулатович Черкасский, взятый в свое время в плен. Ему отвели отдельный струг, обитый красным бархатом. Имя «царевича», которого разинцы хотели бы посадить на трон в качестве «хорошего царя», служило на этом этапе как бы знаменем, символом движения. Когда впоследствии повстанцы бросились в бой с царскими карателями и кричали «Нечай», они имели в виду именно «царевича», якобы нечаянно-негаданно пришедшего к ним, чтобы поддержать их святое дело. На

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 121.

² Феодализм в России. М.: Наука, 1987. С. 284.

³ Марков А. Забытые страницы. М.: Советская Россия, 1984. С. 32.

⁴ Буганов В. И. Указ. соч. С. 94.

⁵ Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. М.; Л.: Наука, 1956. С. 59.

втором струге, обитом черным бархатом, будто бы плыл Никон, «обиженный» царем и боярами, которые свергли его с патриаршего престола и сослали в Кирилло-Белозерский монастырь»¹. В это время Ус как главный правитель города Астрахани старался расширить пламя народной войны. Он направлял посольных в Терский город и к гребенским казакам с призывом примкнуть к восставшим разинцам. И призывы эти не остались без ответа. Значительная часть населения низовьев Терека, где обстановка была также очень накаленной, приняла непосредственное участие в движении. Более того, в самом Терском городе – главном военно-административном центре края – произошло народное восстание, в результате чего власть в городе перешла в руки восставших².

В это время в Терках, втором после Астрахани по величине и значению городе на юго-востоке страны, главном оплоте России на Кавказе, находилась резиденция кабардинских князей Черкасских, вассалов царя, командовавших конницей. К. М. Черкасский вначале не вмешивался в происходящие события, а позже даже вел переговоры с руководителями астраханских повстанцев, а на самом деле он, видимо, держал сторону царских властей, оставаясь верным присяге. «Каспулат Муцалович, – сказано в документе, – близкий к русским феодальным кругам, принял участие в подавлении движения Разина в районе Астрахани»³. Он и многие другие служилые мурзы, опасаясь встречи с разинцами, временно откочевали в горы, хотя и не порывали связи с Черкасской слободой, где остались жить многие их люди, которые вместе с другими горцами, жившими в самом городе, были живыми свидетелями и участниками вспыхнувшего в Терском городе восстания⁴.

Вторая крестьянская война закончилась поражением повстанцев. В июне 1671 г. на помосте около Лобного места под топором палача скатилась голова Степана Тимофеевича Разина. В составе приговора, объявленного Степану Разину перед казнью, наряду с другими обвинениями было и такое, что он «приходил к Тереку в ближние места и многие воровство учинил», т. е. поднял на Тереке восстание⁵. Еще при допросе Разина бояре, которые вели его, в первую очередь «стремились выяснить, пытался ли воспользоваться восстанием бывший патриарх Никон и полунезависимый кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский, поскольку ясности в этом у правительства не было»⁶.

Отношениями восставших разинцев с кабардинскими князьями интересовался сам царь. В пунктах допроса Разина, составленных собственноручно Алексеем Михайловичем, были и такие: «4. Для чего Черкасского вичил, по какой от него к себе милости?.. 9. О Каспулате, где он?»⁷ «Вопросы могут относиться к двум князьям Черкасским, – пишет А. Марков, – крещеному князю Григорию Сунчалеевичу, который одно время был астраханским воеводой и умел ладить с казаками*, и его племяннику кабардинскому князю Каспулату Муцаловичу,

¹ Буганов В. И. Указ. соч. С. 95–96.

² Васильев Д. С. Указ. соч. С. 56.

³ КРО. Т. 1. С. 421.

⁴ Васильев Д. С. Указ. соч. С. 61, 62.

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Пронштейн Л. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Изд-во Ростовского университета. 1983. С. 180.

⁷ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. 3. С. 81.

* Имена бояр князей Г. С. Черкасского и И. А. Воротынского Разин и казаки на круге называли как «добрых» правителей.

владевшему Терским городком под условием службы царю. Всего скорее оба вопроса относятся к Каспулату Муцаловичу»¹. Каспулата Муцаловича Черкасского Разин хорошо знал. Еще в 1661 г. они вместе договаривались о выступлении против крымского хана. Казаки Разина должны были чинить поиск вместе с конными черкесами². «Мы знаем, – пишет тот же автор, – что Степан Тимофеевич был в посольстве к калмыкам и хорошо знал Каспулата Муцаловича. До восстания они неоднократно встречались. И в расспросе Андрюшка Романов говорил, что в письмах, которые он вез Каспулату Муцаловичу, говорилось, чтоб «он примирился с братом своим»³. Здесь речь идет о том, как во время штурма Астрахани разинцами люди Каспулата Муцаловича, засевшие в Пыточной башне, оказывали отчаянное сопротивление и были сильно побиты восставшими. «Это, наверное, – говорит автор, – создало натянутые отношения между кабардинским князем и донским атаманом. Но Разин ради великого дела борьбы за свободу готов был примириться с себялюбивым князем. Он через своих атаманов шлет к нему посыльных и старается перетянуть на свою сторону, и можно даже предполагать, что Разин был названным братом Каспулата. Ведь они когда-то вместе ходили громить крымского хана. И в письме, переданном черкасскому князю, Степан Тимофеевич «вичил» его, называл по имени-отчеству Каспулатом Муцаловичем. Мы можем лишь гадать о содержании письма, переданного Каспулату, но устно князь ответил Андрюшке, «что они в том знаются», то есть он поддерживает связь с «братом»⁴. Когда состоялась встреча Андрюшки Романова, пользовавшегося большим доверием разинских атаманов и выполнявшего важные их поручения, с К. М. Черкасским, осторожный князь не написал письма Разину и астраханским атаманам. Он передал ответ устно. Андрюшка должен был его запомнить. В расспросе Романов лишь выдал из себя сказанную Каспулатом фразу, «что они-де в том знаются» и обращаются друг с другом по имени-отчеству. Но даже это насторожило царских властей. В чем могли знаться горский князь и атаман гольтыбы? И тогда страшно обеспокоенный царь нацарапал второпях на листе вопрос, который на дыбе должны были задать Степану Тимофеевичу: «Для чего Черкасского вичил, по какой от него к себе милости?»⁵ Царские слуги пытали Разина, добываясь, чтобы он выдал неких знатных людей, имевших с ним связь, но все осталось тайной. Пытали они Андрея Романова, возившего письма астраханских атаманов к черкесским князьям в городок Терки и под Симбирск – Степану Тимофеевичу Разину. «Дорого бы дало царское правительство, чтобы знать, что было в тех письмах... Андрея Кабакайку пытали множество раз в Астрахани, отослали в Москву – и там пытали, но не добились ничего. В Москве и принял свою смерть мужественный разинец Андрей Романов»⁶, по прозвищу Кабакайка.

Но связи астраханцев и терчан на этом не прекратились. В самом начале рассматриваемого периода, т. е. в 1705 г., произошло восстание в Терском городе – первое крупное выступление трудящихся низовьев Терека против своих угнетателей, являвшееся частью народного восстания 1705–1706 гг. на юго-востоке России, эпицентром которого была Астрахань.

¹ Марков А. Забытые страницы. М.: Советская Россия, 1984. С. 94–95.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 95–96.

⁶ Там же. С. 96.

5 августа группа астраханских повстанцев в количестве 10 человек на судне прибыла в Терки. Она привезла с собой три отдельных письма-обращения, одно из которых было адресовано служившим при Терках кабардинским князьям Дивею и Адильгирею Черкасским.

Попытки терского воеводы Д. Молостева воспрепятствовать вступлению в Терки посланцев восставших астраханцев успеха не имели. На стихийно возникшей сходке посланцы рассказали о победе восстаний в Астрахани, прочли письмо-обращение астраханцев, призыв к терчанам последовать их примеру и послать к ним свое войско для участия в совместном походе «под Царицын». Вечером того же дня состоялось собрание круга, где читали обращение астраханцев, выступил возглавлявший посланцев стрелец И. Емельянов. На следующий день на площади около Приказной избы состоялось новое собрание круга, на котором присутствовали все жители Терского города, среди которых были «кабардинские князья Дивей и Адильгирей и их уздени, окоченя и кочевые татары», то есть «подвластные этим князьям кабардинцы, чечены и другие нерусские жители города»¹. По примеру вольных казаков и астраханских повстанцев они решили ввести у себя систему кругового управления, избрали совет старейшин.

«На заседании круга все население Терского города, в том числе и его нерусских слобод, было приведено к присяге, при этом русские и новокрещены целовали «святое Евангелие», а мусульмане – Коран. Тогда же было составлено и послано ответное письмо астраханцам, в котором говорилось, что терчане с ними заодно. Затем старшины отправились к воеводе и, согласно решению круга, забрали у него «государеву» печать, а также ключи от городской казны и пороховых складов»². Однако в марте 1706 г. восстание в Астрахани было подавлено с помощью царских войск. Потерпело поражение выступление и в Терках.

Не миновало Северный Кавказ и вспыхнувшее вслед за этим народное восстание на Дону (1707–1708), возглавляемое Кондратием Булавиным. В начале июня 1708 г. Булавин посылает своих представителей на Кубань с просьбой о помощи³. Более того, сохранился документ, который «прямо указывает на то, что между терско-гребенскими казаками и Булавиным имелась договоренность, согласно которой терцы обязались поддержать поднятое им восстание, т. е. прийти к нему на помощь»⁴.

Вопрос о привлечении на сторону восставших «горских черкес» фигурировал в переговорах, которые велись булавинцами⁵. Для этого были у них все основания, ибо не в лучшем положении находилось и горское крестьянство, не раз поднимавшееся на вооруженную борьбу против феодально-крепостнической эксплуатации и колониального гнета.

Не случайным было и появление на Северном Кавказе Е. И. Пугачева еще до начала Крестьянской войны 1773–1775 гг. Среда для классовых выступлений здесь была исключительно благоприятной. «Сюда издавна стекалась наиболее вольнолюбивая часть населения – решительные и смелые искатели свободы»⁶.

¹ Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 160–161.

² Там же. С. 161.

³ Буганов В. И. Указ. соч. С. 137.

⁴ Васильев Д. С. Указ. соч. С. 165.

⁵ Пронштейн Л. П., Мининков П. Л. Указ. соч. С. 239.

⁶ Чекменев С. Л. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск, 1967. С. 315.

Видимо, Пугачев не исключал и возможности привлечения на свою сторону и угнетенного горского крестьянства. Думать так дает основание многонациональный состав Пугачевского восстания, в котором широкое участие приняли представители многих малых нерусских народов России, выступавшие против усиления феодальной эксплуатации, против национального и религиозного гнета. Это были «и калмыки, и казахи, и татары, и киргизы, и мордва, и мещера, и башкиры, и черкесы, и даже пленные турки»¹. Каждый «влагал свое неудовольствие в движение». Поэтому в манифестах, указах и воззваниях из лагеря Пугачева – этого, по словам А. С. Пушкина, «славного мятежника», – старались учитывать политические, национальные, экономические и религиозные интересы восставших: крестьян, казаков и нерусских народов, «координировать их действия, предупредить возможные конфликты на национальной и религиозной почве. В указах, обращенных к башкирскому населению от 1 октября 1773 г., провозглашается равенство народов и вероисповеданий, освобождения от налогов, рекрутчины и, самое главное, от крепостной неволи...»². Указы Пугачева, отправленные в Башкирию, были адресованы «не только башкирам, но и другим мусульманским народностям («мухаметанцам»), а также и калмыкам Ногайской и Сибирской дорог Уфимского уезда»³.

Указы Пугачева, обращенные к этим народам, лейтмотивом своим имевшие лозунги социального и национального освобождения, несомненно, могли бы вызвать такой же живой отклик и привлечь на сторону восстания и другие нерусские народы, в том числе и горцев. И это сильно тревожило царские власти. Тем более все больше расширялись масштабы и диапазон распространения указов Пугачева. Они не только расходились в районе непосредственных действий войска Пугачева, но и посылались в пункты, отдаленные сотнями верст, – в Прикаспийскую степь и др.⁴

Правительственный лагерь, с возрастающим беспокойством следивший за событиями, рассылал антипугачевские манифесты Екатерины II и указы Сената. «Увещевания с призывом сохранять верность «Божьей помазаннице» Екатерине II и законным властям, а одновременно и с угрозами самых жестоких кар и казней тем, кто будет содействовать Пугачеву, рассылались и другими военачальниками, а также и гражданскими властями. Особым рвением отличался генерал П. С. Потемкин, который, помимо... обращения к населению Поволжья, в августе 1774 г. посылал увещевания к яицким казакам и к башкирам, в сентябре – к кабардинским князьям и старшинам»⁵.

«Предположение, что Пугачев будет стараться теперь пробраться на Кубань и поднять там казачье и горское население, – пишет Н. Ф. Дубровин, – заставило генерал-майора П. С. Потемкина отправить к кабардинцам премьер-майора Горича с воззванием и приглашением поймать самозванца»⁶.

«Уповая на верность вашу, – писал П. С. Потемкин 3 сентября 1774 г. кабардинским владельцам кн. Мисостову, Кайтукину, Атажукину, Татарханову и дру-

¹ Шахмагонов Н. Ф. Храни Господь Потемкина. М.: Товарищество советских писателей, 1991. С. 80.

² Столетие безумно и мудро. История отечества в романах, повестях, документах. Век XVIII. М.: Молодая гвардия. 1986. С. 277–278.

³ Овчинников Р. В. Манифесты и Указы Пугачева. М.: Наука, ЮНО. С. 43.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 159–160.

⁶ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 3. С. 257.

гим, – поскольку предки ваши всегда верными пребывали российскому императорскому двору и ваше сиятельство сохранили верноподданническую должность к службе всемилостивейшей государыни, отправляю я сей лист к вам, чтобы вы посланному от меня г. Горичу, служащему императрице и самодержице всероссийской в победоносной армии премьер-майором, чинили всякое вспоможение противу бунтующего донского казака Емельяна Пугачева, принявшего дерзостно звание покойного государя Петра III. Я обещаю по данной мне власти от ее императорского величества каждому, кто его, сего злодея и бунтовщика, поймает и приведет живого, дать награждения 30 тысяч рублей не мешкая ни минуты; кто его убьет и привезет тело его – дать 5000 р. Всем же тем, кто пребудет в верности князьям кабардинским и черкесам, – медали и грамоты для вечной им чести». Горич не доехал до Кабарды; он возвратился с дороги в Казань, как только узнал, что Пугачев находится в руках правительства¹. Н. Ф. Шахмагонов, перечислив все малые народы, в том числе и черкесов, представители которых принимали участие в восстании Пугачева, пишет, что сначала расследованием причин этого восстания руководил казанский губернатор Брант, а после его смерти – троюродный брат Григория Александровича Потемкина, Павел Сергеевич Потемкин. «Это был образованный человек, выпускник Московского университета, боевой генерал, прекрасно показавший себя в боевых действиях с турками. Дело он вел добросовестно, всячески помогая высокому родственнику дойти до истины. Павел Сергеевич направлял в станицу депутации и представителей малых народов, дабы дать Григорию Александровичу возможность побеседовать с людьми из глубинки. Интересно, что Потемкин определил две главные причины восстания: крепостное право и плохое управление инородцами»².

Таким образом, выступления крестьян в Кабарде и Балкарии нельзя рассматривать изолированно от окружающего мира, хотя главной его причиной была и оставалась внутренняя – рост феодально-крепостнической эксплуатации, дополнявшаяся и осложнявшаяся усилением национального и религиозного гнета.

Борьба трудовых масс кавказских горцев против своих угнетателей перекликалась с общей борьбой трудящихся России против самодержавно-крепостнического гнета, сливалась с нею.

«Изучение истории антифеодальных выступлений крестьян в Кабарде и Балкарии в основном ведется по трем группам источников: а) устного народного творчества; б) на основе русских письменных источников; в) записок путешественников и дневников российских ученых.

Материалы первой группы не дают нам исчерпывающих сведений о тех или иных событиях, но они представляют большую ценность в установлении общей динамики крестьянских выступлений. Народная память, воплощенная в произведениях, устных легендах и рассказах, передаваемых от поколения к поколению, имела большое значение в духовной жизни народов, в накоплении и сохранении исторических знаний, «распространении традиций: классовой борьбы...»³.

Из всех форм и жанров фольклора наиболее насыщенной реально-историческим материалом является героико-историческая поэзия (жанр исторических песен). Она «создается как отклик на текущие события, как народная оценка их.

¹ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 3. С. 257.

² Шахмагонов Н. Ф. Храни Господь Потемкина. М., 1991. С. 81.

³ Преображенский А. А. Классовая борьба в России XVII – начале XVIII в. и социальный опыт народных масс: (К постановке проблемы) // Феодализм в России. М.: Наука, 1987. С. 253.

Песни возникают на основе фактов и явлений реальной действительности: ею, этой действительностью, обусловлена их конкретно-историческая основа и в целом их художественно-эстетическая природа и специфика»¹.

Начиная с XVI в., особенно интенсивно в XVII–XVIII вв., в связи с усилением феодальной эксплуатации и ростом социальных противоречий «складываются произведения, пронизанные духом протеста против угнетения и притеснения народных масс»². Эти песни «социального протеста своей тематикой и идейной направленностью, своим глубоким и во многом достоверным содержанием в определенной степени могут быть использованы в качестве дополнений к историческим документам»³.

«Исторические песни, – пишет другой автор, – всегда связаны с действительными событиями... Поэтому сюжеты песен должны как-то соответствовать... фактам»⁴. Говоря об этом, Н. Ф. Дубровин писал, что «песни черкесского народа заключают в себе более достоверности, чем все другие сказания»⁵. По мнению этого же автора, по своему содержанию к историческим песням примыкают и песни плачевые (гъыбзэ), которые «относятся к описанию исключительно бедственных событий, каковы, например, истребление целых племен и аулов войною и заразительными болезнями, а иногда в них воспеваются и бедственная участь отдельных лиц»⁶.

В то же время, как и всякое художественное произведение, народная историческая песня, отражающая своеобразие художественного мышления народа, его идейно-философские и нравственно-этические взгляды на жизнь, создается не по принципу натурального воспроизведения фактов и событий, а обязательно предполагает художественное обобщение, типизацию»⁷. На основе устного народного творчества историкам удалось установить подробности двух крупных восстаний кабардинских крестьян в первой половине XVIII в.

Ш. Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа», написанной на основе преданий, пишет о восстании кабардинских крестьян в начале XVIII столетия⁸. Это восстание было связано с походом хана Каплан-Гирея во главе турецко-крымского войска в Кабарду. После жестоких и кровопролитных сражений с кабардинцами на Подкумке и Баксане крымский хан, вторгшийся в Кабарду, разорил многие деревни, пленил людей, потребовал выплаты большой, непосильной дани. Феодалы, чтобы отвести от себя удар, согласились уплатить ее, но за счет своих крестьян, у которых и без того положение было тяжелым. Крестьяне отказались платить дань. Попытка князей и дворян принудить их уплатить дань крымцам вызвала возмущение крестьянских масс, выступивших одновременно против своих князей и крымских завоевателей. Во главе восставших крестьян стал кузнец Машуко. Он со своим отрядом, скрываясь в горах, совершал дерзкие налеты на крымцев и местных угнетателей – феодалов. «Никакими мерами не могли привести в повиновение» восставших крестьян. Тогда «разгневанный хан

¹ Ахлаков А. А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. С. 67–68.

² Там же. С. 136.

³ Там же.

⁴ Соколова В. К. Русские исторические песни XVI – XVIII вв. М., 1960. С. 255.

⁵ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик. 1991. С. 125.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ Ахлаков А. А. Указ. соч. С. 165–166.

⁸ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, Нальчик, 1958. С. 167–168.

приказал забрать их жен и детей» и отправить в рабство в Крым. В числе их была и родная сестра Машуко¹. Но даже и эта жестокая мера не оказала желаемого для хана и местных феодалов воздействия на восставших крестьян, борьба которых продолжалась несколько месяцев – пока врагам не удалось убить их мужественного предводителя. Гору, где скрывался Машуко со своим отрядом, народ назвал его именем – Мэшыкьуэ Гуашхэ (Гора Машуко)².

Историко-героические песни социального протеста (о борьбе с феодалами и гибели героя) достигают в своем развитии «классических» форм в рассматриваемый период, т. е. в XVIII в. Новым в историко-героических песнях, главной темой которых теперь выступает борьба крестьян, становится изображение не только героев-одиночек, подвигов отдельных людей, проявивших храбрость и мужество в борьбе, но и выступление эксплуатируемых крестьянских масс, борющихся против своих угнетателей – феодалов и иноземных захватчиков. Вместе с главным героем появляются также и «его люди», «его войско».

Одним из наиболее ранних произведений такого типа считается известная кабардинская антифеодалная песня «Дамалей – Широкие Плечи». Тлхукотл Дамалей, человек высокой нравственности, выразитель интересов крестьян, ведет свое войско пастухов и земледельцев – «Джэдыгу-гьурыдзэ» (войско, одетое в шубы из простой овечьей шкуры) – против эксплуататоров (князей и дворян), становясь грозой для них. Восставшими было выставлено требование, состоявшее из 11 пунктов. Они достигают некоторых успехов, захватывают княжеские имения, наводят страх на эксплуататоров, и те «бегут от повстанцев и прячутся, в трепете, в чаще лесной», не решаясь открыто выступить против доблестного героя и его крестьянского войска. Однако отважный, но доверчивый Дамалей становится жертвой вероломства князей и дворян:

Княжеское хаса созывают – мужчину смелого,
Ой, в круг вводят.
Дамалея храброго, клятвой
Обманув, захватывают.
Они Богом клянутся тем, что нас освободят
И обманным путем
В пустое место
Славного вожака нашего войска заводят...³

Песенный конфликт здесь является художественно-поэтическим выражением социального конфликта между двумя противоположными классами – крестьянами и феодалами.

Прототип героя Дамалея – это историческое лицо, жившее в XVIII в. и возглавившее выступление кабардинских крестьян. Говоря о дате восстания в комментарии к сказанию «Дамалеево войско», М. Е. Талпа, ссылаясь на историка П. Г. Буткова, отмечает, что «в основе повести лежит исторический факт: в 1769 г. «черный народ» настоял на вынесении постановления об облегчении притеснений «черного народа» («...содержать точно на основании обычаев предков и отцов их»)⁴.

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, Нальчик, 1958. С. 168.

² История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 152.

³ Аутлева С. Ш. Адыгские историко-героические песни XVI–XIX вв. Нальчик, 1973. С. 122.

⁴ Кабардинский фольклор. М.; Л.: Академия, 1936. С. 614.

Это было второе крупное крестьянское выступление в Кабарде. Местом восстания стал район между нынешними селениями Чегем II и Лечинкай. Восстание возглавил тлхукотл Мамсырыко Дамалей. Еще до этого он выступил против владельца, стремившегося закрепить его. За это у него отобрали все имущество, а членов семьи сделали холопами. И тогда Дамалей дал клятву до конца жизни бороться против своих угнетателей. Ненависть восставших крестьян к феодалам была очень велика. Главным требованием восставших было ограничение произвола феодалов, восстановление нарушенных ими старых народных обычаев, выработанных в Кара-Терке (урочище на правом берегу Терека близ нынешней станции Котляревской). По Ногмову, урочище Кара-Терек находится «близ нынешнего Екатеринограда»¹. Часть же крестьян требовала бороться за полное уничтожение всякого рабства и эксплуатации. Соорудив укрепления для своей защиты, восставшие, к которым стекались крестьяне со всей Кабарды, не раз переходили в наступление. Перепутанные князья, уорки прибегали к услугам мусульманского духовенства и с их помощью вступили в переговоры с восставшими. Они вынуждены были дать обещание, что ограничат феодальную эксплуатацию. Среди восставших начались разногласия, чем воспользовались феодалы, и восстание было подавлено, а его вождь Дамалей схвачен и убит².

Наиболее полную картину о крестьянских выступлениях в Кабарде можно получить на основе изучения и анализа русских письменных источников, относящихся к XVIII столетию.

С самого начала XVIII в. мы встречаемся в источниках с настойчивыми просьбами горских владетелей к царскому правительству: не принимать в русские города и укрепления убегающих от них крепостных крестьян или возвратить обратно ранее сбежавших. Кабарда не составляла в этом исключения. Бегство крестьян от своих владельцев в города и другие земли, которое непрерывно продолжалось «в течение всего средневековья»³, было одной из самых распространенных форм протеста в эпоху феодализма, показателем остроты социальных противоречий в деревне. «Не следует думать, – пишет Е. В. Анисимов, – что крестьяне сразу же брались за топор и вилы. Можно только поражаться долготерпению крестьянских масс, использовавших все возможные способы легальной борьбы за свои права». И далее: «Лишь после того, как все возможные легальные формы борьбы были исчерпаны, крестьяне брались за оружие, баррикадировались в своих деревнях, бежали на новые места»⁴. Так было и в Кабарде, где в процессе становления феодально-крепостнического строя росло сопротивление крестьян, которое то сильно обострялось, то временно затухало, но никогда не прекращалось. Но здесь в XVIII в. не было своих городов. Особенностью этих побегов было то, что кабардинские крестьяне убежали в пограничные русские города и укрепления, которые объективно сыграли и положительную роль в социально-экономической и политической жизни горцев.

Открывавшаяся для кабардинских крестьян возможность в случае недовольства своими владельцами уйти в русские пределы сделала их более смелыми и решительными в борьбе с угнетателями, еще больше обострила социальные противоречия в кабардинской деревне⁵.

¹ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 116.

² История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 152.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 51.

⁴ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. С. 77–78.

⁵ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 150.

Бежавшие крестьяне могли сравнительно легко получить землю на новом месте, так как земельный вопрос в степной части Северного Кавказа не стоял еще так остро. Крестьяне горские освобождались от крепостной зависимости и могли не возвращаться к своим бывшим владельцам.

В результате побегов крепостных крестьян кабардинские феодалы лишались не только части непосредственных производителей, но и ставилось под угрозу выполнение феодальных повинностей оставшимися у них крестьянами. Это обстоятельство являлось наиболее важным, так как бежавшие не составляли, конечно, большинства зависимого крестьянского населения Кабарды.

Кабардинские феодалы хорошо осознавали, какую угрозу представляли для них побегі зависимых крестьян, все больше принимавшие массовый характер. С этим связаны и их неоднократные обращения к Российскому правительству: не принимать беглых крестьян в русские города, а возвращать беглецов к прежним владельцам. Например, еще в 1712 г. они просили Петра I о возвращении их беглых подданных, находившихся в Терском городе и Астрахани¹. Но царизм не спешил выполнять просьбу кабардинских феодалов. В этот период Россия сама была заинтересована в увеличении населения новых русских городов на юге страны. Поэтому туда охотно принимали беглых крестьян, давали им землю, принимали на военную службу. Отказ от выдачи беглых мотивировался царскими властями прежде всего тем, что они приняли христианство, т. е. согласно существовавшим в то время правилам христиане не могли отдаваться прежним владельцам – не христианам, а мусульманам.

Так, в грамоте Петра I кабардинским князьям Атажуке Мисостову и другим от 20 марта 1718 г. говорилось: «Что же просите нас, великого государя, чтоб из Черкас ваших служителей и рабов, которые уходят, не крестить и не принимать, и которые крестятся, тех бы отдавать; и по нашему христианскому закону никому из иноверных, приходящих и просящих крещения, отказывать невозможно, но должно всех таких принимать с любовью и крестить в православную христианскую веру. А которые уходят с любовью, своровав что у вас, а не для восприятия нашей веры, и те будут вам отданы»².

Политика царских властей на Кавказе о невозврате беглых крестьян при принятии ими христианства продолжала действовать в рассматриваемый период. Но уже за каждого беглого «новокрещена» прежним их владельцам в качестве компенсации выдавалось 15–30 рублей³. Сумма эта не была твердой и постоянной. Так, в 1783 г. кизлярский комендант И. И. Вешняков в своем разъяснении шамхалу Тарковскому писал, что он имеет указание от правительства: беглых крестьян не возвращать их прежним владельцам, а «чинить за плату за каждую душу без разбора пола и возраста кабардинцам по пятидесяти и кумыкам по двадцати пяти рублей»⁴. Но это не удовлетворяло владельцев, и они продолжали борьбу за возвращение своих беглых крестьян.

Кабардинские владельцы в своих многочисленных прошениях объясняли, что многие беглые крепостные наши «от нас уходят и крестятся не для того, чтоб христианскую веру принять, но чая, что будут вольными и освободят-

¹ РГАДА, ср. Посольский приказ, Кабардинские дела, 1712 г., д. 1, л. 24.

² КРО. Т 2. С. 17.

³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722-го по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1. С. 164.

⁴ Умаханов М.-С. К. Побегі – как одна из форм антифеодальной борьбы в Дагестане (XVII–XVIII вв.) // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983. С. 36.

ся из неволи». Поэтому они просили «таких бы людей не принимать и нам возвращать»¹.

На протяжении всего XVIII в. просьба о недопуске беглых крепостных крестьян в русские города или их возвращении обратно проходила красной нитью почти через все прошения кабардинских владельцев. Насколько разрешение этого вопроса владельцы рассматривали для себя значительным, показывает то, что они его считали важнее, чем просьба о присылке русских войск в Кабарду в связи с нависшей угрозой нашествия крымского хана.

Царское правительство на эти многочисленные прошения кабардинских владельцев отвечало по-разному: то давало категорический отказ, то уклончивые ответы, то велело «разыскать и по розыску их отдать». Это зависело в первую очередь от международной обстановки, от отношений, которые складывались на данном этапе, и складывающейся в связи с этим ориентации кабардинских владельцев. «А в протчем, – говорилось в Указе Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору А. П. Волынскому, – обходиться тебе и поступать с ними, кабардинскими владельцами, також и с присланными от них со всякою ласкою, дабы тем наипаче утвердить к верности его царскому величеству»².

Побеги кабардинских крестьян в пределы России не только лишали владельцев многих своих подвластных, но и отрицательно действовали на остальных, вызывая массовые неповиновения крестьянских масс, которые видели в возможности ухода в русские города перспективу избавления от крепостной зависимости. По мере обострения классовых противоречий в Кабарде все реальнее становилась угроза всеобщего антифеодального восстания. Феодалная знать понимала, что надо приостановить растущее тяготение закрепощенного горского крестьянства к освобождению путем ухода в пределы России, пока оно не приняло массового характера. Хотя в 1718 г. Петр I категорически отказался выдавать крестившихся и принявших православную христианскую веру беглых, кабардинские феодалы вновь обращались к нему с настоятельной просьбой в августе 1720 г. «При сем доносим вашему царскому величеству, – писали они, – что подданные наши пахотные люди многие для своей свободы от нас убегают в Терки и в Астрахань и крестятся. И когда оных мы требуем назад и нам их не возвращают». Князя просили царя: «...повели наших беглых людей нам отдать назад и впредь таких не держать и не принимать, и о том дать нам свой, великого государя, указ, чтоб оных наших пахотных и работных людей отдать нам по-прежнему»³. На этот раз в правительстве с большим вниманием отнеслись к просьбе кабардинских феодалов. Коллегия иностранных дел по распоряжению Петра I направила астраханскому губернатору А. П. Волынскому указ о возвращении кабардинским князьям не принявших «благочестивые веры греческого исповедания» беглых крестьян⁴. Это, наверное, было вызвано тем, что в обстановке готовящегося Петром I Персидского похода необходимо было привлечь кабардинских феодалов на сторону России.

В 1743 г. последовал царский указ «О разных преимуществах, представляемых магометанам за восприятие греко-российского исповедания». Согласно ему те из иноверцев, которые закрепощались по заемным крепостям и заемным письмам, взятым от контор крепостных дел, после крещения должны были вы-

¹ РГАДА, ф. Посольский приказ, Кабардинские дела, 1717 г., д. 6, л. 1 об.

² АВПР, ф. Кабардинские дела. 1720–1721 г., д. 5, л. 136 об.

³ Там же, л. 97–98.

⁴ Там же, л. 136 об.

платить определенную сумму заимодавцам и только тогда становились свободными; закрепощенных же по частным заемным письмам предлагалось «учинить свободных же без всякого задержания и платежа». Новокрещенные, попавшие в кабалу, отпускались по этому указу на волю¹. Этот указ тоже оказал влияние на увеличение количества побегов, так как он давал возможность кабардинским крестьянам, попавшим в пределы России, избежать вторичного закрепощения.

Своей наибольшей остроты вопрос о беглых крепостных из Кабарды в русские города и крепости достиг в 60-х гг. XVIII в. Этот период характеризовался значительным количеством побегов. В первую очередь это было связано с основанием городов Кизляра и особенно Моздока, находившегося вблизи от Кабарды, у самой ее границы, что облегчило побег. Число крестьян-переселенцев особенно увеличилось после крещения князя Малой Кабарды Кургоки Кончокина, переселения его со своими людьми в урочище Моздок. Этому содействовало также и разрешение кабардинцам производить беспошлинную торговлю в Кизляре (1764). Беглые горские крестьяне оседали в основном вблизи Моздока, поэтому с самого основания этого города кабардинские феодалы требовали его уничтожения.

Немного забегаая вперед, можно привести данные за 1789 г., когда в одном только Моздоке проживал 381 человек беглых от кабардинских владельцев крестьян, а в 1790 г. ушло от своих феодалов до 1000 крестьянских хозяйств, которые поселились на р. Малке за Кавказской линией².

Вопрос о побеге крестьян был настолько острым для кабардинских князей и осложнял взаимоотношения Кабарды с Россией, что даже самые преданные русскому правительству горские феодалы угрожали неповиновением. «А вы нас потеряете, – писали в ультимативном тоне Касай Атажукин и Казий Касинов (в 1767 г.), – за наших беглых грузинских, армянских и каджарских (иранских. – Р. Г.) ясырей. Окромe того, мы от ея императорского величества никакой обиды не видим, токмо от того мы пропадем»³. Они давали понять, что если «холопий вопрос» не будет разрешен в их пользу, то они могут перейти на сторону Турции. Вышеупомянутый Касай Атажукин писал кизлярскому коменданту в 1768 г.: «Ваше превосходительство, можно ль слезам нашим взирать и можно ль за урочища Моздока и за беглых наших холопьев нас яко многочисленного народу оставить. Ваше превосходительство, изволите рассудить сами, что, ежели подлинно между двумя империями положено учинить войну и мы будем и под покровительство Оттоманской Порты перейдем, уповаю, что тогда достать нас будет трудно»⁴.

Боязнь перед потерей крепостных крестьян, убегающих от своих владельцев, способствовала консолидации сил и мероприятий феодальной верхушки Кабарды. В частности, в 1753 г. между княжескими фамилиями Джамбулатовых и Бекмурзиных было принято соглашение о том, чтобы друг у друга «узденей и холопей... не принимать же и к себе не допускать»⁵. Представители различных феодальных группировок объединились для того, чтобы вместе заставить Россию срыть Моздок. Но когда кабардинские князья убедились, что Россия ни за что не пойдет на это, они решили сами уничтожить этот город. При этом они, не

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т 11.

² Анчабадзе З. В. Кабарда и политика России на Кавказе // История Кабарды. М., 1957. С. 55.

³ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 179.

⁴ Там же. С. 179–180.

⁵ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1753 г., д. 7, л. 228.

рассчитывая на поддержку собственных крестьян, в июле 1764 г. договорились с правящей верхушкой темиргойцев, бесленеевцев и ногайцев «общими... силами... учинить нападение на Моздок...»¹.

Царское правительство, узнав обо всем этом, в свою очередь, начало укреплять Моздок. На территории между Кизляром и Моздоком были поселены волжские казаки из района Дубовки. В Кабарду был направлен большой отряд дубовских и донских казаков и сильный калмыцкий улус. В то же время на «вспоможение выходящим из гор поселенцам» было назначено 250 рублей, сумма, которая впоследствии отпускалась постоянно. Были использованы «все способы для успокоения Порты на счет строения Моздока»².

Стремясь перекрыть пути побегов крестьян за пределы Кабарды, местные феодалы во многих местах устраивали заставы. И наконец, чтобы подальше удалиться от северокавказских русских владений, они готовы были переселиться со своими подданными на р. Куму и даже за Кубань. Но, боясь вступить в открытый конфликт с Россией и опасаясь всеобщего восстания крестьян, князья колебались и не предавали гласности свои планы. И тем не менее крестьяне узнали об этом, и попытка переселить их в верховья р. Кумы послужила поводом к началу крупного восстания в Кабарде, начавшегося в июне 1767 г. Крестьяне не хотели идти туда, куда их звали владельцы, не из-за благоговейного чувства к московскому монарху и его военной администрации, а просто от привязанности к родным местам и потому, что они инстинктивно чувствовали ложь в тех призраках свободы, которые им выставляли, по опыту зная о тяжести гнета крымских ханов и турецких султанов, в сфере влияния которых находились закубанские земли. В силу освященного опытом сознания пользы союза с Россией, они оставались верны этой державе, с народом которой тесно сблизилась в результате совместной жизни и труда. Крестьяне, отказавшиеся следовать за владельцами на Куму, выбрали для своего выступления удачную ситуацию, сложившуюся в результате обострения отношений между кабардинскими феодалами и царским правительством. По сведениям кизлярского коменданта, количество восставших крестьян доходило до 10 тыс. человек³. Это говорит о большом размахе восстания, в которое, по всей вероятности, были вовлечены все слои зависимых крестьян и рабы. Восставшие собрались на р. Чегем, потом перешли на р. Черек и, наконец, вышли к Тереку, напротив урочища Бештамак^{*}. «На устьях при реках Терке, Черке, Бахсане, Балке и Малой речки Бахсаны расположились укрепленным лагерем»⁴.

Крестьяне выдвинули из своих рядов в качестве руководителей Калабека Кепова, Мусу Пшиготижева и Марема Бичоева. В то же время они воздвигли укрепление от р. Черек до Терека, а через р. Малку, при впадении ее в Терек, был сооружен мост. Это было не случайно и объясняется тем, что крестьяне хотели иметь сообщение с русским населением. А это говорит о том, что они чувствовали симпатии простых русских людей, на помощь и поддержку которых могли рассчитывать в случае необходимости.

¹ КРО. Т. 2. С. 235.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 3. С. 107.

³ КРО. Т. 2. С. 270.

⁴ Там же. С. 29.

* Бештамак (беш – «пять», тамак – «горло, горловина»). Кстати, здесь, в районе Нижнего Джулата, в урочище Бештамак, произошла в 1395 г. одна из крупнейших битв эпохи Средневековья между золотоордынским ханом, потомком Чингисхана – Тохтамышем, и среднеазиатским полководцем и завоевателем эмиром Тимуром (Тамерланом), в которой первый потерпел сокрушительное поражение.

Кабардинские князья, напуганные размахом крестьянского выступления, сразу же стали готовиться к его подавлению вооруженной силой, одновременно призывали восставших к переселению. От Касаея Атажукина и других владельцев к ним были посланы уздени Кази Тамбиев и Анзор Куденетов «для подговору их к общему переселению, но они, почитая ласковые их подзвывы за обман, не дав никакого ответа, тех узденей отослали...»¹.

Но когда восставшие узнали, что кабардинские феодалы спешно собирают в районе р. Чегем «войска для захвата их к себе силою» и что закубанские владельцы хотят прийти им на помощь, было решено обратиться за поддержкой к русскому командованию. К полковнику Копытовскому от крестьян были посланы нарочные К. Касаев, Х. Сазаруков, И. Джанмурсов «для испрошения от России им подкрепления». Это было 24 июня, а через 5 дней – 29 июня – восставшие вновь направили к нему же своих представителей в количестве 5 человек с той же просьбой².

Посланцы объяснили Копытовскому, что восставшие крестьяне не собираются креститься и переходить в Моздок или Кизляр. Но если кто пожелает этого, то тому и противиться не будут. Как видно из документа, повстанцы оставили свои места только временно, чтобы освободиться от своих владельцев, не подчиниться их желанию переселиться на новое местожительство – на р. Куму³.

Кабардинские феодалы продолжали уговаривать крестьян, «чтоб они возвратились обратно к ним, владельцам, и были бы в их послушании». На это «холопы», как сообщали владельцы, им ответили: «Ежели-де вы перейдете на прежние места и обижать нас не стали, то возвратимся, а в другое место итти не хотим, а если силою (князья) обижать станут, то должны они просить помощи от российской страны»⁴. Царские власти решили использовать создавшуюся ситуацию и воздействовать с ее помощью на непокорных феодалов. В этих условиях в Петербурге было принято решение: обнадежить «холопов» и узденей своей поддержкой, чтобы «владельцам возыметь причину притти в раскаяние и успокоение»⁵. Для этого к восставшим крестьянам был послан майор Петр Татаров (кабардинец по происхождению), который передал им, чтобы они «своих владельцев... не слушали... а, оставаясь в нынешних мыслях, надеялись бы непременно на здешнее защищение...»⁶.

Напуганные массовостью восставших, обещанием царских властей оказать им помощь, князья и дворяне пошли на переговоры с крестьянами, чтобы вернуть их к себе обратно. Для этого к ним были посланы 26 самых знатных и влиятельных князей и уорков во главе с князем Касаем Атажукиным. Восставшие выдвинули ряд требований перед своими владельцами:

1. Сохранить старый порядок, по которому крестьянин, поссорившись с господином, имел право перехода к другому феодалу и пребывания у него до тех пор, пока прежний хозяин не удовлетворит претензий оскорбленного.

2. Сохранить обычай, по которому крестьяне имели право разводиться по своему желанию с женами и обязать князей не удерживать у себя в холопстве жен крестьян, которых они хотят отправить к родителям.

¹ КРО. Т. 2. С. 270.

² Скитский Б. В. Указ. соч. С. 180–181.

³ КРО. Т. 2. С. 270.

⁴ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 181.

⁵ Скитский Б. В. Холопский вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости Кабарды» (1739–1779). Владикавказ, 1930. С. 15.

⁶ КРО. Т. 2. С. 270.

3. Восстановить умеренную подать пшиуоркам по старому обычаю ¹.

Анализ этих требований дает ясную картину тех путей, по которым шел рост феодальной эксплуатации кабардинских крестьян. Как видно из требований, это крупное восстание было в первую очередь направлено против увеличения феодальных повинностей и усиления крепостной зависимости.

Следовательно, усиление эксплуатации кабардинских крестьян шло по двум основным направлениям: а) по линии увеличения феодальных повинностей; б) по линии усиления крепостного права.

Положение было настолько серьезным, что феодальная знать нашла более целесообразным пойти на уступки восставшим. Они были вынуждены пообещать крестьянам, что все их требования будут выполнены. Владельцы обязывались подтвердить это присягой и дать письменное обязательство, а также заверяли, что и все остальные владельцы «при Чегеме» тоже принесут присягу и дадут подписку. Крестьяне приняли на веру клятвенные обещания представителей князей и урков. Так окончилось восстание, продолжавшееся около месяца.

Насколько лживыми были обещания феодалов, свидетельствует тот факт, что, как только восставшие покинули свой укрепленный лагерь, оставшаяся здесь часть феодалов со своими людьми во главе с Д. Сидаковым разрушила мост через Терек, отрезав таким образом путь на Моздок и в близлежащие русские села. После этого владельцы Сидаков и Татарханов заехали к представителю русских властей майору Татарову, которому Джанхот Сидаков «с суровостью выговаривал» и заявил ему, что хотя он «их чагар и подзывал... во здешнюю сторону, но не предупел...»². Высказал свою обиду и Джанхот Татарханов, который заявил, что «якобы их Россия отгоняет принятием в Моздоке их холопей, чего они терпеть не могут»³.

Восстание 1767 г. в Кабарде было одним из самых крупных в истории народов Северного Кавказа этого периода. Оно отличалось от других выступлений своим размахом и целеустремленностью. Это восстание носило ярко выраженный антифеодальный характер. По своей «организованности и четкости антифеодальных требований, выставленных его участниками», это восстание не имело «себе равных в истории антифеодальной крестьянской борьбы народов Северного Кавказа в XVIII веке»⁴. Кабардинское крестьянство выступило в ней против своего дальнейшего закрепощения. Одним из основных требований восставших было сохранение за тлхукотлями права свободного перехода от одного владельца к другому. Крестьянская масса выдвинула общие требования о том, чтобы они оставались свободными, «как были напредь сего вольны». Но восстание, продолжавшееся около месяца, закончилось безрезультатным компромиссом для крестьян, которые не добились фактического улучшения своего положения.

Основными причинами его неудачи было то, что слишком сильны были патриархально-родовые пережитки среди кабардинского крестьянства. Нормы обычного права, патриархальные традиции в конечном итоге затушевывали классовые противоречия в отношениях крестьян и владельцев. Достаточно было феодалам дать восставшим клятвенные обещания в том, что они будут при-

¹ КРО. Т. 2. С. 272.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Букалова В. М. Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII века // Вопросы истории. 1961. № 6. С. 84.

держиваться старых обычаев и уменьшат повинности, как восстание пошло на убыль. А «старые обычаи», о которых шла речь, уже давно не были патриархальными установлениями периода родоплеменных отношений, в известной степени воплощавшими демократические начала, а являлись нормами того же феодального адата, регулировавшими взаимоотношения владельцев и крестьян и поддерживавшими определенный уровень феодальной ренты. Слишком сильны были иллюзии восставших крестьян и в отношении царской военной администрации, которая обещала им помощь. Они не учли, что, как сказано в русской пословице, «Слово царское изменчиво», так и его администрации, которая вообще не собиралась оказывать поддержку восставшим. Она лишь рассматривала движение крестьян против своих владельцев как средство для обуздания непокорных кабардинских князей. Это было проявлением традиционной политики царизма, суть которой Екатерина II выразила словами: «Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие. На это денег не жалеть». Хотя восстание 1767 г. в целом было стихийным и не добилось успеха, оно имело и свое положительное значение. Кабардинские феодалы впервые были поставлены перед фактом массового выступления своих крестьян. А крестьяне поняли, что совместными усилиями можно заставить владельцев пойти на уступки. Немаловажно и то, что это восстание внесло разногласия в среду феодальной правящей верхушки по вопросу о переселении в верховья р. Кумы. Лишь незначительная часть феодалов переселилась, основная же масса осталась на прежних местах. Это, конечно, объяснялось только боязнью владельцев перед новыми выступлениями своих крестьян.

Большое значение, с точки зрения исторической перспективы, имел тот факт, что и в таком стихийно возникшем выступлении крестьян были налицо те зародыши организованности и сплоченности, которые будут характеризовать классовую борьбу позднейших времен. В результате восстания были развеяны надежды кабардинских крестьян-повстанцев на «помощь русских начальствующих лиц в антифеодальной борьбе. Это, в свою очередь, привело к тому, что борьба крестьян против феодального гнета в конце XVIII в. слилась с борьбой против завоевательной колониальной политики царизма»¹.

В следующем году началась русско-турецкая война (1768–1774). Турция и Крым стремились перетянуть кабардинских феодалов на свою сторону. Их многочисленная агентура заверяла кабардинских феодалов от имени своих правителей, что на помощь им будут посланы войска и Моздок будет разрушен. Эти обещания окрыляли часть кабардинских феодалов, которые снова настойчиво стали ставить вопрос перед царским правительством об уничтожении Моздока и возвращении беглых холопов. Кабардинское же крестьянство стало на сторону России, что в значительной степени облегчало русским войскам ведение боевых действий против турок. Ротмистр А. Киреев, посланный в Кабарду в этот период, сообщал 26 апреля 1769 г.: «Подвластный же кабардинский народ приходил ко мне в кош неоднократно человека по два и по три объявить, что они к России доброжелательствуют... а к крымскому хану в подданство до смерти своей итти не хотят...»².

Кабардинское крестьянство все еще надеялось на вооруженную помощь России в борьбе против своих владельцев. Представители царских властей доносили из Кабарды кизлярскому коменданту: «А холопы, по разговорам, все же-

¹ Букалова В. М. Указ. соч. С. 84.

² АВПР, ф. Кабардинские дела, 1763–1774 гг. д. 11, л. 471 об–472.

лают, чтоб неотменно поступлено было с кабардинцами (князьями) военной рукой; они, холопы, такое намерение имеют, что как бы скорее войска российские к ним со стремительством нападения подошли, тотчас предаться к нему, а через то владельцы и уздени их обессилеют и противиться уже не смогут»¹.

Но царское правительство не собиралось оказывать никакой помощи кабардинским крестьянам для улучшения их положения. Оно лишь направило против «непокорных» кабардинских феодалов и закубанцев корпус регулярных войск во главе с генералом де Медемом, который разбил их в районе урочища Эшкакон в верховьях р. Кумы. Де Медем заставил «непокорных владельцев» признать себя подданными России и потребовал от них «возвратится на прежние места, учинить верность и присягу и исполнять всегда и во всем по требованию кизлярского коменданта». Эти феодалы были вынуждены переселиться обратно на берег р. Баксан, где «они прежде жительствоваали...»².

В обстановке войны с Турцией царское правительство вновь использует «холопий вопрос» для привлечения кабардинских феодалов на свою сторону. В договоре с владельцами было оговорено, что русские власти «убегающих холопей точных мусульман не будут принимать», а будут «возвращать».

Крепостные крестьяне, не дождавшись помощи от царского правительства, продолжали волноваться и искали выход из своего трудного положения. Они готовы были перейти к тем, кто окажет им конкретную помощь и поддержку против своих владельцев. На это указывали русским властям сами феодалы: «За неимением от вас поможения, подвластные наши из воли нашей выходят; для воздержания нашего народа если от вас к нам войска послано не будет, то они перебегут к неприятелям»³. Угроза всеобщего восстания, которое могло привести к потере кабардинскими владельцами своих подданных, была настолько велика, что феодалы предпочитали подданство России переселению в верховья р. Кумы или за Кубань.

В условиях войны с Турцией России было далеко не безразлично, какую позицию займут кабардинские феодалы. Коллегия иностранных дел, обеспокоенная враждебностью части кабардинских князей, требовала от кизлярского коменданта Потапова более активных действий по привлечению местных феодалов на сторону России⁴. Ему было предложено немедленно вернуть последним реквизируемый у них ранее скот (24 тыс. баранов)⁵. А когда в 1770 г. кабардинская знать через специальное посольство из 15 урков во главе с князьями Кургокой Татархановым и Джанхотом Сидаковым обратилась с просьбой об уничтожении Моздока и возвращении беглых холопов, то царское правительство решило частично удовлетворить эту просьбу.

Вопрос же об уничтожении Моздока, как и прежде, был отвергнут категорически. При этом в указе Коллегии иностранных дел содержался упрек Н. А. Потапову: «...такой ваш поступок производит и удивление, и неудовольствие». И далее напоминалось, что «едва только признаки войны оказываться стали, то вам указом из Коллегии иностранных дел от 26 октября прошлого года (1768) изъяснено было, что естли кабардинцы пристанут к противной стороне, подвержен будет опасности порученной вам край. Когда же война уже точно решилась, то другим указом

¹ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 181.

² АВПР, ф. Кабардинские дела за 1769 г., д. 1, л. 2.

³ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 182.

⁴ КРО. Т. 2. С. 282–284.

⁵ Там же. С. 287–288.

от 16 ноября предписано вам употребить и старание отторгнуть горских жителей, за рекою Кубанью живущих, для ослабления неприятельских сил, от сообщества с кубанскими татарами и преклонить их в здешнее подданство, представляя им разные выгоды, каких они, будучи в подчинении ханов крымских, никогда иметь не могут»¹. И в то время, когда изыскивались пути и средства, чтобы обратить на сторону России горские народы, которые находились в подчинении Порты, говорится в указе Коллегии иностранных дел: «...не странно ли долженствует казаться, что вы напротив того такой народ, который издревле держался Всероссийской империи, которой, несмотря на бывший с Портою Оттоманскою последний трактат, однако же из здешняго подданства себя не исключал, хотя и свободным был оставлен, и который теперь, когда война настоит, заботится удостовериться, что и еще доброжелателен, изыскивая к тому способы то чрез наместника ханства калмыцкого, то чрез губернатора астраханского, привели строгим вашим поступкам в отчаяние»². А между тем, как сказано в документе, «кабардинской народ есть наиспособнейший сделать пример всем на Кубанском кряжу живущим народам», и применить к нему строгости, особенно в условиях начавшейся войны, нельзя, ибо это может оттолкнуть его от России³.

В указе Коллегии иностранных дел тому же кизлярокому коменданту Потапову от 27 марта 1769 г. также выражались неудовольствия его недостаточными усилиями и малыми успехами в деле привлечения кабардинских владельцев на сторону России⁴.

В грамоте Екатерины II кабардинским владельцам (1 августа 1771 г.) указывалось, что «заведенное в Моздокском урочище селение... никогда уничтожить не согласимся...» И далее, в обоснование этого категорического отказа, в грамоте говорилось, что Моздок расположен не на землях Кабарды и что он «содержится не для наложения оков на свойственную кабардинцам вольность, как тщетно в сем народе воображалось, но единственно на тот конец, чтоб лежащая впусте земля в некоторую для пограничных жителей обращена была пользу». Тем более нет необходимости в сыртии города Моздока теперь, сказано в документе, «когда кабардинцы признали себя нашими подданными и сами желать должны, дабы в соседстве их укрепленное жилище находилось для защищения в опасных случаях и толь удобнейшего получения и разных со здешней стороны потребных вещей и товаров»⁵.

Что касается просьбы кабардинских владельцев относительно того, чтобы не принимать в русские пределы беглых горских крестьян, а возвращать их обратно, то она была удовлетворена. «Рабы же кабардинские, – говорилось в грамоте императрицы, – как принадлежат господам своим без всякого изъятия, составляя их доход своею работою и податью...» И далее: «...узаконяем, чтоб все природные кабардинские холопы, впредь выбегать могущие, назад возвращаемы были в предупреждение умаления нужных для работы людей в таком обществе, коего благополучие теперь нам приятно»⁶. Таким образом, грамота Екатерины II кабардинским владельцам еще больше ужесточила и без того тяжелое положение крестьян, узаконила их крепостную зависимость от своих феодалов. Последние

¹ КРО. Т. 2. С. 287–288.

² Там же. С. 288.

³ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 288.

⁴ Там же. С. 289–290.

⁵ Там же. С. 301.

⁶ Там же. С. 302.

заверялись, «чтоб все наши начальники, до которых кабардинские дела касаться будут, принимали ваши представления с уважением и во всем том, в чем будет справедливость, оказывали удовольствие, о том ныне и вновь императорскими нашими указами подтверждено»¹.

Это была уступка со стороны царского правительства, которую получили кабардинские феодалы, пользуясь политической ситуацией. Для привлечения кабардинских князей и дворян на свою сторону царизм был вынужден гарантировать им их эксплуататорские права.

В отличие от позиции правящих верхов России, русский народ, в частности крестьяне и казаки близлежащих к Кабарде сел, сочувственно относились к борьбе кабардинских крестьян против своих угнетателей. В этой борьбе они оказывали им посильную помощь. Рядовые казаки втайне от горских феодалов провожали ходатаев от кабардинского крестьянства к русскому начальству. Они помогали им составлять письма к русской администрации с жалобой на притеснения со стороны владельцев. Имеется даже факт, когда крестьяне обеих сторон договаривались о совместных выступлениях против своих угнетателей. В апреле 1773 г. майор Чорин сообщал приставу при кабардинцах секунд-майору Д. В. Тоганову, назначенному русской военной администрацией в 1796 г. на эту должность, о том, что к кабардинским крестьянам написано «письмо от гребенских казаков, будто оне затеснены от России и как бы можно оне, кабардинцы, выступили к нам с войском и выручили бы их, тогда и оне к ним сообщатся, а у его-де превосходительства войска очень мало»².

Грамота Екатерины II гарантировала феодальной знати ее классовые права и открывала возможность для еще большей эксплуатации своих крестьян. А для народной массы классовый смысл этой грамоты оставался неизвестным. Крестьяне по-прежнему усиленно добивались сохранения порядков, по которым ушедший в русские поселения получал свободу. Крестьяне тайно посылали своих старейшин с жалобой на владельцев к астраханскому губернатору И. В. Якоби. «Неутешно они жаловались мне, – писал Якоби в Коллегию иностранных дел, – что князья и узденья их не только разоряют, но, отнимая жен и детей их, продают во отдаленные горския жилища, в Крым и в самую турецкую область, так что навеки принуждены расставаться с ними и сверх сего збирают с них совсем неумеренные подати, кто што захотел только взять». И как сказано далее в рапорте астраханского губернатора, все приходившие к нему старейшины «чернаго кабардинского народа просили освободить их от наложенного на них ярма и тяжкаго бремени»³.

Чтобы освободиться от гнета князей и уорков, «черный кабардинский народ» заявлял о своем общем желании вступить в русское подданство. В апреле 1773 г. находившийся в Кабарде майор Чорин писал приставу при кабардинцах Д. В. Тоганову о тайном от владельцев приезде к нему старшин кабардинских крестьян Едикула, Мерема и Паче, которые просили защитить их от произвола феодалов, помочь им отправиться в Россию⁴. У крестьян было такое безвыходное положение, что они «открылись» и заявили в 1777 г. астраханскому губернатору И. В. Якоби, в бытность его на Линии, что «если от России к ним благословения не будет, то всех

¹ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 303.

² Там же. С. 310.

³ Там же. С. 323.

⁴ Там же. С. 310.

князей своих истребят и укроются в горы»¹. При этом в рапорте Якоби в Коллегию иностранных дел отмечалось, что «черный» народ решительно отказался от участия в затевавшемся некоторыми кабардинскими владельцами нападении на Моздок, что старшины «черного» народа, приезжавшие к нему, заверяли его, что «преданность их пред Россией непоколебима», но если им не будет оказана помощь, то в «таком случае оне свои меры ко освобождению своему сами предьявляя, что нисколько не хотят быть в их подданстве»². Эти заявления свидетельствуют о решении крестьян вести решительную борьбу против феодалов.

Обеспокоенный заявлениями крестьян, И. В. Якоби доносил в Коллегию иностранных дел, что он опасается, как бы «они и в самом деле сего не учинили, а более сего, дабы не произошло смятения и бунту» в Кабарде. Он испрашивал «резолюцию» и «наставление» у Коллегии иностранных дел насчет позиции, которую следует занять по отношению к «черному народу», и какие предпринять меры в случае «предприимчивости черни к побегу или к другим вредным и буйным помыслам». Царское правительство вполне понимало, что отказ кабардинского крестьянства от участия в борьбе за срытие крепостей укреплял позиции России на Северном Кавказе. Но оно опасалось усугублять недовольство кабардинских феодалов и обострения классово-борьбы. Борьба кабардинских крестьян против своих феодалов также могла послужить примером для населения русских сел и городов пограничной полосы. Поэтому российское правительство проводило осторожную политику и предписывало кавказским властям не вмешиваться в отношения между владельцами и их крестьянами. Но это не означало прекращения вмешательства царской военной администрации во внутренние дела горцев вообще. Наоборот, происходило дальнейшее расширение сфер военно-казахской колонизации края, строительство новых кордонных линий и крепостей на отнятых у кабардинцев и других горцев землях. Сплошная цепь военных укреплений, протянутая от Кизляра до Моздока в 1760-х гг. и положившая начало возведению Кавказской линии, была продолжена. В конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. была создана Азово-Моздокская линия протяженностью в 500 верст, с поселением в крепостях волжских и хоперских казаков. По соседству с Кабардой, непосредственно на ее территории, возникло около десяти новых укреплений: Екатериноградское на р. Малке, Павловское на р. Куре, Георгиевское на р. Подкумке, Александровское на р. Томузловке и др. При этих крепостях основывались станицы из переселенцев на Кавказ – казаков с Дона, Волги и бывших запорожцев. Так, в 1770 г. была заселена волжскими казаками 80-верстная Линия по Тереку – от границ земель гребенских казаков до Моздока. Горцы, хорошо понимая предназначения станиц в колониальной политике царизма, говорили: «Укрепление – это камень, брошенный в поле; дождь и ветер снесут его; станица – это растение, которое впитывается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает все поле». Действительно, строительство крепостей и станиц более надежно закрепляло занятые земли и создавало условия для дальнейшего продвижения во внутренние районы края, вглубь Кавказских гор, овладения берегами Черного, Азовского и Каспийского морей. Но, с другой стороны, все это приводило к лишению горцев, и в частности кабардинцев, большей части пахотных земель и пастбищ, что вызвало недовольство кабардинских феодалов. В 1778 г. кабардинские феодалы предприняли ряд нападений на укрепления

¹ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 325.

² Там же.

Линий – Марьинское, Павловское, Георгиевское, Ставропольское. К своим нападениям они стремились склонить и крестьян, однако в их лице не нашли поддержки¹.

В связи с обострением отношений между кабардинскими князьями и дворянами, им подвластными, с одной стороны, нападениями кабардинских феодалов на русские укрепления – с другой, царское правительство в 1778 г. приняло определенную линию в отношении кабардинского «черного народа». Коллегией иностранных дел было выработано «Рассуждение» по крестьянскому вопросу в Кабарде, которое так же, как и грамота Екатерины II 1771 г., обнажало классовую сущность царизма в отношении к кабардинскому крестьянству.

В ответ на утверждение крестьян в своих жалобах о том, что они находятся в зависимости от кабардинских феодалов только по земле, в «Рассуждении» заявлялось: «Право же кабардинских владельцев над живущим под их управлением народом откуда бы свое начало не имело, по наследству ли и природе, или же по добровольному подчинению тех людей, или же, наконец, и по землям, на которых оные люди живут, но рассмотрение онаго есть дело совсем для здешней стороны постороннее, и всякое в том посредство здешнее со властью и повелением неминуемо показалось бы насильственным вторжением кабардинцам в такие их собственности...»². Более того, в «Рассуждении» утверждалось, что кабардинские феодалы издревле имеют в немалом количестве своих подвластных, но «чтоб тогдашние владельцы поступали с ними склоннее, а нынешние со своими суровее, кажется, поверить трудно... вероятнее, что прежние сносили, чего нынешние не хотят, пришед во покушение свободы от приближения к их жилищам здешних крепостей»³.

«Как бы то ни было, – говорилось далее в «Рассуждении» Коллегии иностранных дел, – но принятием в особенное защищение кабардинского черного народа совершенно уничтожилось бы данное кабардинским владельцам высочайшею ея императорского величества в 1771 году слово и обнадёживание о возвращении всех бегавших от них людей, не здешних только подданных, с тем, что и за убегающих от них пленников христианских законов производима им будет плата»⁴.

Таким образом, царское правительство, которое и раньше менее всего беспокоила участь кабардинского крестьянства, теперь, после успешного окончания войны с Турцией 1768–1774 гг. и покорения части кабардинских феодалов крымской ориентации, окончательно укрепилось в Кабарде и сбросило с себя маску заигрывания. Оно с полной откровенностью выявило свое пренебрежительное отношение к кабардинскому трудовому народу, приняв «Рассуждение» о нецелесообразности защиты крестьян от их владельцев и отдав их на полный произвол господ. «Все сие с избытком показывает, – читаем мы в «Рассуждении» Коллегии, – что, в каком бы положении не находились черные кабардинские люди, коль мало они, однако же, заслуживают, чтоб за них приходило с кабардинскими владельцами в новую и жестокую остуду и некоторое новое и вообще и на все дела с Крымом и Портою предосуждение навлекать умноженною опасностью»⁵. Это ясно показывало истинное лицо царизма и его политики, ко-

¹ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 325.

² Там же. С. 329–330.

³ Там же. С. 330.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 331.

торый использовал классовые противоречия в Кабарде лишь для усиления своего влияния.

В этом плане небезынтересно содержащееся в «Рассуждении» Коллегии иностранных дел положение относительно опасения астраханского губернатора И. В. Якоби о том, что кабардинские крестьяне, не найдя поддержки со стороны русских властей и придя в отчаяние, могут учинить бунт и истребить своих владельцев. По этому поводу в «Рассуждении» Коллегии сказано: «Пускай все сие и случится, тут ничего не потеряется, но еще будет выигрыш, когда владельцев кабардинских убудет, или же у них подвластных действо будет собственной их судьбы, но нареканию и неудовольствию, относимому к здешней стороне, не будет места никакого. Для чего, ежели бы кабардинцы по примечаемой губернатором в них противности и действительную нужду произвели их паки усмирить и наказать, пристойнее и с высочайшим ея императорского величества достоинством сходственнее будет обратиться по-прежнему на них здешнее оружие, чем никто соблазниться не может, как обыкновенными в таких случаях мерами и самим их поведением вынуждаемыми»¹.

Царское правительство, как и прежде, умело пользовалось классовыми противоречиями в кабардинском обществе для проведения своей колонизаторской политики. Когда осенью 1779 г. проводились карательные экспедиции генералами Якоби и Фабрицианом, они отдельно расправлялись с феодальным войском и народным ополчением²... Даже присяга принималась от них в раздельности.

Владельцы от Большой и Малой Кабарды 9 декабря 1779 г. принесли присягу на верность, покорность и на подданство российскому императорскому престолу. Они выразили раскаяние, что «дерзали своими поступками оскорблять ея императорское величество, требовали уничтожить крепость». В то же время они обещали «исполнять все повеления... врагам российским, где бы то ни было, сопротивляться; ни в чем поставленному начальству не противиться и находиться всегда в спокойном пребывании»³.

Продолжая использовать классовые противоречия и вражду между кабардинскими феодалами и их подвластными, царские власти обещали последним свободу за верность в случае измены их владельцев. Принятый народом текст присяги гласил, что он будет оставаться верным России и в том случае, «если кто из господствующих владельцев учинить злоумышление и удалиться куда-нибудь, чтоб тем избегнуть из подданства ея императорского величества». В таком случае народ клялся: «...отрицаемся от повиновения им и, не входя с ними ни в какое согласие, остаемся на прежних своих местах неподвижными и независимыми от их власти. О таковых владельческих предприятиях объявить одолажаем-ся главному своему начальству»⁴.

Чтобы держать в повиновении кабардинских феодалов, царское правительство добилось внесения особой поправки к присяге. Согласно ей «черный народ» имел право отходить от владельцев и «переселяться внутрь Линии», если владельцы будут притеснять его непомерным повышением повинностей или будут «принуждаемы к противным России предприятиям и действиям»⁵. Фактически

¹ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 331.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1809. Ч. 2. С. 56–57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 182.

⁵ Бутков П. Г. Указ. соч. С. 60.

эта поправка ликвидировала те обещания, данные Екатериной II в грамоте от 17 августа 1771 г., что русские власти не будут принимать беглых холопов в укрепления и города.

Царское правительство на протяжении всего XVIII столетия широко пользовалось политикой заигрывания с «черным народом» для усиления своих колониальных позиций в Кабарде, так же как и в других районах Северного Кавказа, по принципу «разделяй и властвуй». Политику социального раскола кабардинского общества царизм особенно широко стал практиковать со второй половины XVIII в. Осуществляя эту политику, он поощрял княжеские междоусобицы, старался обострить противоречия между князьями и дворянами, разжигать антагонизм феодалов и крестьян. Выступления последних, любые вспышки сословно-классовой неприязни старались использовать для дестабилизации обстановки в Кабарде, призывая крестьян не повиноваться своим владельцам, перейти под защиту российского правительства.

В 1780 г. вспыхнуло антифеодалное выступление крестьян Малой Кабарды. Оно было вызвано тем, что владельцы Таусултановых кабаков хотели заставить своих подданных переселиться в горы, подальше от русских крепостей. Владельцы принуждали «подданных своих к тому усильно, делали им разные притеснения, а напоследок, видя их упорство и несогласие, рубили саблями и выгоняли вон»¹. Однако, как сказано в документе, «чернь, окрепясь и храня данную в присяге клятву, не сделала им и по той строгости послушания, а, оставя жен и детей в их руках, перебралась к Моздоку более 800 человек и просили защищение...»².

Создавшаяся обстановка дала возможность генералу Фабрициану в апреле 1780 г. внести особый пункт в текст присяги феодальной знати Малой Кабарды: «Владельцам и узденям подвластный им черный народ не притеснять, излишней подати не требовать, а содержать точно на основании обычаев и учреждений от предков и отцов их; паче же всего их самих, холопов, жен и детей их и имеющих при них обоего пола холопов же не только куда в чужие руки отдавать, продавать и дарить, но и к себе в дома не брать, а что пред сим за 2 года у них отнято, ныне возвратить, и за принесенную ими справедливую жалобу отнюдь упреков и мщения не чинить. Если же кто вопреки всего вышеописанного поступит, то должен лишиться своих холопов вечно»³.

Эта поправка была внесена отнюдь не из-за любви к кабардинскому крестьянству, а для удержания их владельцев в зависимости от царского правительства под угрозой потери ими своих подданных.

Особенно широко и ловко использовал обострение классовых противоречий в Кабарде в интересах царизма назначенный в 1782 г. командующий Кавказским корпусом генерал П. С. Потемкин. Сразу же после приезда на Кавказскую линию он стал выступать в роли «защитника» кабардинского «черного народа», считая такую политику лучшим средством держать владельцев «в некотором обуздании», так как феодалы ничего так не боялись, как побегов своих «холопов» в русские укрепления⁴. В этих же целях П. С. Потемкин не спешил удовлетворять просьбы кабардинских владельцев о возвращении беглых крестьян, напротив, обещал свое покровительство нескольким кабардинским семействам, поселившимся близ Георгиевской крепости.

¹ КРО. Т. 2. С. 336.

² Там же.

³ Бутков П. Г. Указ. соч. С. 61.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 157.

П. С. Потемкин твердо придерживался наставления князя Г. Д. Потемкина о том, что «не худо держать» кабардинских владельцев и «подлый народ» в некоторой друг ко другу зависти». Стремясь угодить Г« А. Потемкину, который ука- зывал, что всегда надо поддерживать «черный народ» против своих владельцев с целью ослабления Кабарды, П. С. Потемкин доносил ему, что это средство «есть одно самое действительное», «ибо народ большею частию ненавидит своих вла- дельцев и не желает лучшего, как только б им позволить переселиться за нашими крепостями; я уверен, что к будущей весне большая часть оных переселится, ибо после того обнадеживания, которое я дал поселенным близ Георгиевской крепо- сти, многие уже старики (т. е. старшины кабардинского «черного народа») ко мне являлись и просили отвода земель»¹.

Царская администрация искусственно разжигала классовые противоречия в кабардинском обществе. В частности, П. С. Потемкин с этой целью решил воспользоваться набегам кабардинских князей и дворян на русские укрепления. При этом ответственность за их грабежи он взваливал на весь народ, хотя точно знал, что виновными являются феодалы. По приказу П. С. Потемкина пристав при кабардинцах А. Е. Ураков начал агитацию среди кабардинских крестьян, с целью внушить им, что от набегов владельцев в первую очередь страдают они сами. Так, Ураков сообщал 6 декабря 1782 г. в своем рапорте П. С. Потемкину, что к «черному народу» отправлены офицеры Чорин и Закай, которым приказано внушать крестьянам, что они терпят убыток «за своих владельцев и узденей, по причине часто производящего ими воровства», чтобы обратить их «ненависть против своих владельцев...»².

Таким образом, царское правительство преднамеренно обостряло и без того сложную обстановку в Кабарде. Все больше провоцировалось и разжигалось не- довольство крестьян своими феодалами. Эта политика принесла свои плоды – «народ крайне на них (владельцев) вознегодовал, что за дерзость и плутовство свое владельцы с них собирают пеню»³.

Доведенный до крайности тяжелым гнетом местной эксплуататорской вер- хушки и провоцируемый царскими военными властями кабардинский «черный народ» решительно потребовал от своих владельцев удовлетворить его нужды за все причиненные ему обиды. Об этом сразу стало известно командующему Кавказским корпусом П. С. Потемкину. Он получил из Кабарды сведения о том, что 13 декабря 1782 г. на состоявшемся «на Нальчике за Баксаном» общекабар- динском народном собрании представители «черного народа» «публично в со- брании входили в претензии на владельцев... угрожая, (что) естли не будут во всем удовольствованы, то они разойдутся отчасти под защиту российского на- чальства, а отчасти к тем владельцам, кои будут поступать с ними великодуш- нее», и якобы владельцы «присягою подтвердили их во всем удовольствовать...»⁴.

Кабардинские феодалы были настолько напуганы угрозой всеобщего восста- ния, что пошли на некоторые уступки, дали присягу удовлетворить требования крестьян. Такой исход не отвечал интересам царского правительства, которое затеяло всю эту провокацию единственно лишь с целью обуздать и сделать бо- лее послушными кабардинских феодалов, отвлечь их от участия в политической борьбе между Турцией и Россией, в которой они могли занять протурецкую по-

¹ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 157.

² КРО. Т. 2. С. 352.

³ Там же. С. 351.

⁴ РГАДА, д. 13, ч. 1, л. 90 об.

зицию. Царизм хотел направить все внимание и силы кабардинских феодалов на борьбу с собственным народом, на удержание его в полном повиновении. Поэтому представители царской администрации на Кавказе упрекали кабардинских владельцев в том, что они «распустили чернь». В частности, П. С. Потемкин даже обвинил старшего князя Джанхота Татарханова, говоря, что он «не имеет власти держать народ в повиновении»¹. Но никакие строгие меры феодалов не могли внести успокоения в среду подвластного им крестьянства, сдержать взрыв его негодования.

Весной 1783 г. в Кабарде начались сильные волнения крестьян. Они начали массами переселяться за Линию в надежде получить свободу. Многие представители феодальной знати под угрозой лишения своих подданных решили удалиться подальше от Линии – переселиться на Кубань и в Грузию.

В последней четверти XVIII столетия антифеодальные выступления кабардинских крестьян становятся составной частью национально-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа против все активизировавшейся колониаторской политики царизма. Стремясь в этих условиях как-то нейтрализовать феодальную верхушку кабардинского общества и направить ее усилия всецело против подвластного ей населения, царизм предпринимает шаги по пути укрепления своего классового союза с ней. В июле 1784 г. проводили мероприятия по причислению дворянства Кавказской губернии к дворянству России. В их числе были и кабардинские князья и первостепенные уздени, лица магометанского вероисповедания, имевшие от русских царей жалованные грамоты на земли и другие доказательства их «благородства»².

Однако эти действия не дали ожидаемых результатов. Целый ряд представителей феодального класса не только продолжал участвовать в борьбе против царизма, но и выступал в роли ее организаторов и руководителей.

Крестьянские массы принимали в этих выступлениях активнейшее участие. Это вызывалось их тяжелым положением, в результате усиления феодальной эксплуатации, с одной стороны, с другой – крестьяне начали понимать, что никакой реальной помощи от царского правительства им ожидать не следует, так как оно само проводило в жизнь политику национального закабаления.

В силу этих обстоятельств призывы руководителя восстания оказались созвучными настроению крестьян и части феодалов Малой Кабарды, которые приняли участие в движении шейха Мансура (Ушурма), вспыхнувшего в 1785 г. в Чечне. Феодальная знать хотела использовать это движение, направленное против политики царских властей на Кавказе, в своих интересах. Она хотела выторговать у царизма определенные льготы для себя. Но наряду с антиколониальной направленностью восстание имело антифеодальный характер в силу активнейшего в нем участия горского крестьянства.

В следующем, 1786 г. положение в Кабарде вновь обострилось. Это было вызвано проектом 1786 г., по которому кабардинцы привлекались к военной службе. Было сформировано девять сотен милиции, на которую возлагалась ответственность за охрану русских дорог и поселений на Кавказской линии от нападений местных жителей. Предполагалось также использовать эти милиционные формирования для подавления как антиколониальных, так и антифеодальных выступлений народных масс. Но и это очередное мероприятие царизма провалилось.

¹ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 158.

² КРО. Т. 2 С. 364–365.

Почти до конца XVIII в. в Кабарде не было органов администраций царского правительства. Вся административная и судебная власть находилась в руках феодалной знати.

Политика русского царизма по отношению к разным народностям национальных окраин не была одинаковой. В первой половине XVIII в. чуваша, мордва, мари и татары платили «окладной» ясак хлебом («осьмину» ржи, 2 четверти ржаной муки и четверть овса) и деньгами с 15–20 дес. пашни и 10 дес. сенокоса 6–7 руб. В среднем каждый крестьянский двор должен был выплачивать ежегодно 3 руб. 50 коп. По сравнению с XVII в., хлебный ясак в первой половине XVIII в. возрос в два раза¹.

Что же касается подданства Кабарды и Балкарии России, то оно до конца XVIII в. оставалось номинальным. Они не были включены в территорию Российского государства, сохраняли независимость от царской административной системы государственного управления, на них не распространялось русское территориально-государственное устройство и действие русских законов. Здесь не было никакого воеводства, как в самой России, не несли каких-либо обязательств перед нею – военных, хозяйственных и т. д. В этом отношении характерным является обращение в апреле 1654 г. мурзы Казиевой Кабарды Алегуки Шогенукова с челобитной в Терскую приказную избу с отказом выслать ратных людей в распоряжение терских воевод. В челобитной говорилось: «Прислана ваша государева к нам грамота с жалованным словом, а написано в той вашей грамоте, чтоб нам, Алегуке да Атогожуку, дать ратных людей... А мы, Алегука и Атогожук, по вашей государской милости присягали на Коране на том: что услышим со всех четырех сторон какие вести и умысел на ваше государство или какую недружбу... и войну уведем, и нам про то сообщить вам, великому государю, ведомо в правду, а не на том, что нам вам, великому государю, людей давать»². Характерно, что кабардинцы и балкарцы каких-либо податей (ясак) не платили, не получили здесь распространения и другие общероссийские государственные повинности. В Грамоте Петра I кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу от 4 марта 1711 г. прямо было сказано: «И ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалованье давать определим... как вы прежде всего бывали у предков наших в подданстве и получали у них жалованье...»³. Так было и после Петра I. В инструкции полномочному министру русского правительства на мирных переговорах с Турцией относительно обеих Кабард прямо было сказано (16 мая 1771 г.), что «они не платили никогда податей...»⁴. Внешняя сторона сношений русского правительства с горцами Северного Кавказа имела формы, характерные для отношений между самостоятельными сторонами: в Петербурге горскими делами ведал и решал все вопросы, касавшиеся их, Посольский приказ, т. е. внешнеполитическое ведомство царского правительства, а затем заменившая его Коллегия иностранных дел (Иностранная коллегия) – центральное государственное учреждение России, ведавшее также внешней политикой государства.

¹ Клокман Ю. Р. Город в законодательстве русского абсолютизма во второй половине XVII–XVIII в. // Абсолютизм в России. М.: Наука, 1964. С. 365.

² КРО. Т. 2. С. 319–320.

³ Там же. С. 3.

⁴ Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления Екатерины II. 1763–1774 гг.: Сборник документов. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 2. С. 335.

Горцы в вопросах внешних сношений (и прежде всего войны и мира) руководствовались в первую очередь собственными соображениями и интересами, которые не всегда совпадали с планами русской дипломатии. Еще меньше воздействия испытывала внутренняя жизнь феодально-раздробленных горских обществ, в которую царское правительство долгое время активно не вмешивалось, не вносило в нее каких-либо перемен, о чем свидетельствуют многие документальные материалы, вышедшие из недр самой российской стороны. Так, в ответ на донесение астраханского генерал-губернатора Кречетникова в связи с обострением отношений между кабардинскими владельцами и подвластными им крестьянами, Коллегия иностранных дел писала в своем «Рассуждении», что до сих пор у российского правительства не было необходимости уделять много внимания «внутреннему» положению кабардинского общества и оно «довольствовалось только присвоением их в политическом или наружном отношении к здешней стороне»¹, т. е. оно считало достаточной одной формальной присяги. Всякое разбирательство между народом и владельцами Коллегия находила внутренним делом самого кабардинского общества и непосредственное вмешательство в эти дела со стороны русской администрации на Кавказе – нарушением данного кабардинцам в указе Екатерины II от 9 августа 1771 г. обещания «содержать их в подданстве е. и. в. при всех их правах и вольностях с предоставлением собственному их распоряжению всех дел, касающихся до внутреннего их состояния и хозяйства»². Об этом же говорит и другое предписание Коллегии иностранных дел на этот раз командующему русскими войсками на Северном Кавказе генералу де Медуе от 5 сентября 1774 г., связанное с организацией геологоразведочной экспедиции на территории Осетии, находившейся под покровительством Кабарды. Во избежание возможных осложнений в этой непростой ситуации Коллегия предписала де Медуе «для лутчаго их (кабардинцев) утверждения в приверженности к здешней стороне дать им знать, коим образом здешнее намерение в том только и состоит, чтоб их иметь в числе подданных, но без предосуждения, однакож, их образу жизни»³. «Короче говоря, – пишет член-корреспондент РАН А. П. Новосельцев относительно характера присоединения народов Северного Кавказа, Калмыкии и т. д. к России, – это была очень своеобразная форма отношений, которую, на мой взгляд, никак нельзя определить как присоединение тех или иных областей и народов к Русскому государству»⁴.

Таким образом, кабардинцы, как и другие горцы, как сказано в указе Павла I от 28 мая 1800 г., находились «в более вассальной зависимости, чем в подданстве» Российского государства, фактически оставаясь самостоятельной политической единицей. «Черкесы обеих частей Кабарды, – писал еще в 1728 г. Иоганн Густав Гербер, – являются одним и тем же народом и с давних времен до настоящего времени были свободными людьми, ибо хотя они во всякое время оказывали большую склонность к России и многие из их князей со своими людьми считали себя ее подданными, однако это было только на словах и их свобода благодаря этому нисколько не пострадала»⁵. А независимость для свободолюбивых горцев, живших «не признавая над собой никого, кроме Бога» (Дж. Итериано), была превыше всего. Они считали свободу и независимость высшим счастьем и

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1751–1776 гг., оп. 115/210, д. 3, л. 273.

² Там же, л. 281.

³ АВПР, ф. Осетинские дела, 1775 г., оп. 128/2, д. 1, л. 206.

⁴ См.: Советская культура. 1989. 12 окт.

⁵ АВКИЕА. С. 153.

дорожили ими намного более, чем жизнью, принося новые и новые жертвы на алтарь свободы своей земли. В них для горца, по словам царского наместника на Кавказе, «заключается все, чем ему мила жизнь»¹. Не случайно, как это отмечалось в рапорте генерала Якоби князю Потемкину от 9 декабря 1779 г., после подавления кабардинцев силою оружия, они послали просить прощения, но «и при сем случае, однако же, в письме своем объявили, что с самых времен царя Иоанна Васильевича они никогда не были российскими подданными, а находились так, как кунаки (гости или приятели) в покровительстве, и что и ныне желают покориться на тех же условиях»².

В другом документе о тех же кабардинцах сказано: «Также имели оные всегда склонение к России, и князья их во оной империи всегда в великом почтении были и щастие свое там получили, чего ради оные со своими уездами под власть Российской подались и кабардинцев яко подданных Российской империи почитаются. Токмо понеже народ непостоянной и всякий живет самовольно, то их больше вольными людьми почесть можно, нежели подданными»³. Таким образом, установление Кабардой тесного союза с Россией и покровительства со стороны последней, как это подтверждено опытом совместной жизни, было объективно прогрессивным событием в истории народов Кабарды и Балкарии. Но это было не единовременным актом, а более или менее длительным процессом, происходившим в сложной политической обстановке, особенно обострившейся к концу рассматриваемого периода по вине царизма, нередко ставшего прибегать к силовым методам, завоевательной политике.

Обращение адыгов к русскому правительству не означало их немедленного вхождения в состав России, включения и территории во владения Московского государства. Вступление под патронат России воспринималось ими не как превращение в подданных русского царя и прекращение своей государственной самостоятельности. Первоначально это был своеобразный взаимовыгодный военно-политический союз Кабарды с Россией, с большим одобрением воспринятый всеми слоями кабардинского народа – и феодалами, и крестьянами, проявлявшими обоюдный интерес к поискам сильного союзника – защитника и покровителя в борьбе против реальных угроз иноземного порабощения. Разумеется, это не исключало наличия социальных противоречий внутри кабардинского общества и борьбы феодальных группировок. Однако в главном вопросе было проявлено необходимое единение. Говоря об этом, Ш. Б. Ногмов писал, что «более всего народ был обрадован союзом и покровительством России»⁴. Это был союз, направленный против их общих внешних врагов и плодотворно служивший их обоюдным интересам, серьезным предупреждением для внешних врагов горских народов – турецких и крымских захватчиков. Хотя впоследствии условия этого союза часто и нарушались, но он имел для того времени исключительно важное значение, что отразилось на последующей их истории. Это был акт мудрой, принципиальной политики Темрюка Идарова, оказавшегося выразителем общенародных национальных интересов. В условиях, когда на карту было поставлено само существование Кабарды, весь ум, богатая интуиция, предвидение

¹ РГИА (СПб.), ф. 1268, оп. 9, ед. хр. 445, ч. 1, л. 5 об.

² Выписки из кабардинских дел, в Коллегии иностранных дел находящихся, от 1762-го до 1779 г. // АКАК, 1866. Т. 1. Ч. 2. С. 91.

³ История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд.-во вост. лит., 1958. С. 66.

⁴ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 144.

подсказывали Темрюку решить эту проблему именно так, как он ее решил, а никак иначе.

Историк Г. В. Губарев, говоря о том, почему казаки, «оказавшись на Дону, все же были поставлены в необходимость считаться с интересами царя Московского и не прерывать сношений с его страной», пишет: «Причины были те же, что потянули к Москве кабардинцев с их князем Темрюком: угроза, висевшая над Доном со стороны турок. Все они отклоняли фактическую зависимость, но надеялись на помощь и покровительство в трудные минуты. Государь оставался настоящим хозяином только на землях Московии...»¹.

Тот же автор разбирает смысл, содержание термина «холоп», который часто употреблялся в обращениях к московскому царю: «По точному определению Н. И. Костомарова, «холопами в обширном смысле назывались все те, которые были обязаны какой-нибудь службой другому лицу. В этом отношении и бояре, и князья писались царскими холопами. Таким образом, – заключает автор, – понятие «холоп» на протяжении средних веков определяло и в Киеве, и в Москве служебные отношения между двумя лицами, а не принадлежность одного из них к бесправному общественному классу. Обидного, уничижительного значения этот термин в XVI столетии не имел и в таком смысле не употреблялся». И далее: «Если слово «холоп» имело обидный смысл, то владельцы независимых княжеств не позволяли бы писать себя в грамотах холопами, видели бы в этом ущерб своей чести. Но кабардинские князья в обращениях к московскому царю себя так называли постоянно...»². То есть термин «холоп» употреблялся ими не более как риторический прием и не следует делать из этого далеко идущие выводы. С другой стороны, в военно-политическом союзе была заинтересована и Россия. Этот союз с наиболее многочисленным, воинственным и влиятельным в регионе народом, как кабардинцы, мог содействовать реализации задач Русского государства, направленных на расширение южных границ, укрепление своих позиций на Северном Кавказе, защиту от турецко-крымских агрессоров, совершавших частые грабительские набеги не только на адыгские, но и русские земли. Говоря об этой заинтересованности со стороны Русского государства в военно-политическом союзе, Иоганн Бларамберг писал: «Была ли эта женитьба (речь о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне) следствием любви или политическим расчетом, но это было весьма благоприятно для России: сблизиться с горскими народами, особенно с кабардинцами и терскими и закубанскими черкесами, которые принимали активное участие в походах царя Ивана Васильевича в Ливонию, Польшу и против крымских татар. Их признанная храбрость много способствовала победам этого монарха»³. Давая оценку военно-политическому союзу, заключенному между Россией и Кабардой в 1557 г., профессор Н. А. Смирнов писал уже в наше время: «Нет сомнения, что уже в то время русское правительство отдавало себе отчет в том, какое важное значение имеет Кабарда для поддержания добрососедских отношений России с народами Кавказа и с Ираном и для охраны южных пределов государства. Укрепление дружеских отношений с Кабардой, установление родственных связей Ивана IV с наиболее могущественным кабардинским родом способствовали не только возвышению самой Кабарды и росту ее авторитета среди кавказских народов,

¹ Губарев Г. В. Казаки и их земля в свете новых данных. Вторая книга о казаках. Буэнос-Айрес: Издание Г. В. Карпенко, 1974. С. 527.

² Там же. С. 395–396.

³ Бларамберг И. Указ. соч. С. 48.

но и облегчали задачу установления дружеских отношений Русского государства с различными народами и племенами, населяющими Кавказ и прилегающие к нему степные территории. Нельзя забывать, что устье Волги и Астрахань могли быть в безопасности только тогда, когда спокойно было в Кабарде»¹. Возвращаясь к этой мысли и развивая ее, Бларамберг в другом месте писал: «Из всех горских племен кабардинцы завоевали наиболее громкую известность благодаря своему рыцарскому и воинственному духу, храбрости, проявленной ими в борьбе против крымских татар и в других исторических ситуациях, а также в силу того главенствующего положения, которое они занимали по отношению к своим соседям»². Поэтому Кабарда в XVI в., как и в последующем, как была политически самостоятельной, так и оставалась самостоятельной. Она продолжала поддерживать связи с Россией в рамках союзнических, а иногда и сюзеренно-вассальных отношений, строящихся на определенных условиях, выполнение которых в одинаковой степени было обязательным для обеих договаривающихся сторон. Российская администрация пока не покушалась на ее независимость, на традиции, обычаи, быт, нравы и верования горцев, не спешила с разрушением их традиционного уклада жизни, специфики их хозяйственного и общественного бытия. Колониальный акцент политики царизма не был еще ярко выраженным. Для него на первом месте стояли политические цели, а не задачи колониального захвата земель горцев, их порабощения. Однако время меняло обстановку и заодно политику. Изменилось положение к концу столетия, когда царизм стал стеснять свободу народов, подвергать поруганию их традиции и обычаи, имевшие силу закона, захватывать их земли и возводить на них военные крепости и укрепления. Из года в год их становилось все больше и больше. «Земли не только за р. Малкою, прежде кабардинцам принадлежащие, – писали владельцы, – но даже и в самой Кабарде, начиная от кр. Владикавказской до Кубани... отняты под крепости и для казенных сенокосов без всякой платы за оные»³. И такое систематическое и упорное земельное стеснение, отбирание права быть хозяевами на собственной земле, естественно, вызывало возмущение у горцев: как это, мол, можно, не спрося согласия хозяев, вторгаться и строить свои военные укрепления и казачьи станицы на земле, которая принадлежит только им с незапамятных времен, как это можно совсем не считаться с народом, живущим своей самостоятельной национальной и духовной жизнью, с его священными правами на землю предков, обильно политую потом, слезами и кровью коренных ее жителей.

До 1774 г. Россию еще сдерживали условия Белградского договора 1739 г., в соответствии с которыми она не имела права вмешиваться во внутренние дела Кабарды, хотя практически эти условия никогда не соблюдались. Но политический статус Кабарды резко меняется, когда она по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. перестает быть субъектом международного права, уходит к России, которая теперь не только могла вмешиваться в дела Кабарды, но и по своему усмотрению менять ее внутреннее устройство. Итак, постепенно, шаг за шагом, путем различных ограничений кабардинцы, как и всякий народ по-своему уникальный, теряли свою былую свободу, а их край – политическую самостоятельность. Царизм, переходя от осторожных и гибких методов и средств к более решительным и прямолинейным силовым действиям, все настойчивее

¹ Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948. С. 18–19.

² Бларамберг И. Указ. соч. С. 115.

³ АКАК. Т. 7. С. 366.

вторгался во внутренние и внешние дела Кабарды, стремясь подчинить ее своему полному контролю, действию общероссийских законов. И наконец, дело дошло до того, что любой вопрос, касающийся Кабарды, русская военная администрация во главе с царскими генералами, которые вереницей сменяли друг друга, с тем чтобы кануть в небытие, оказавшись на обочине жизни и оставив о себе недобрую память, стала решать грубыми военно-колониальными методами, с позиции силы, считая кабардинцев прямыми подданными Российской империи. Отдельные трезвые голоса в пользу применения мирных средств в отношениях с горскими народами тонули в общем хоре ярых сторонников жестокого пресечения любых форм сопротивления горцев, называвших последних не иначе как «дикарями» и «хищниками». За «провинность» отдельного владельца или небольшой группы лиц сурово наказывали всех жителей села и нескольких населенных пунктов, огульно обвинив их в разбоях и воровстве. Попытка кавказской военной администрации утратить горцев силой и жестокостью, ее склонность решать возникающие проблемы обращением к оружию в конечном счете наносили ущерб основам взаимоотношений между Россией и народами Северного Кавказа. Для утверждения своей власти здесь царизм не стеснялся пускать в ход все методы колониальной политики, использовал не только военные силы, но и другие средства: подкуп и привлечение на свою сторону отдельных владельцев, христианизацию населения и пр. Свободолюбивые горцы этого не воспринимали, для них было непонятно, даже дико, положение, в котором они оказались в результате полицейского режима, установленного русской военной администрацией в кабардинских аулах, психологического давления, которое приходилось им испытывать. Эти действия самодержавия, вносящие его колониальной политикой изменения в традиционную, что называется от Бога устроенную, жизнь никак не вписывались в привычные представления горцев, становились нетерпимы. Для них было оскорбительно, когда все больше ограничивали свободу каждого человека, когда им приходилось ездить по своей собственной земле по документам, когда не проявлялось уважительное отношение к их истории, не считаясь с духом свободы адыгов, вмешивались в их повседневную жизнь. Был установлен строгий военно-карательный режим. Из Кабарды могли выезжать по делам торговым только по специальным пропускам (билетам). Такое нарушение традиционных, устоявшихся, привычных обычаев их жизненного уклада в результате установления режима царского правления неизбежно расшатывало устои общества, разрушало его базисную основу, вело к потере независимости и священной для каждого адыга личной свободы. Переход царизма от взаимовыгодных военно-политических связей к открытым силовым действиям, нередко доходившим до жестокого произвола и насилия, творимых царскими военачальниками и многочисленным чиновничеством, разгром аулов и угон скота вызывали большое недовольство горцев, ненависть их к местной администрации, вели к возникновению межэтнической напряженности, вооруженным столкновениям. Не смириться же было горцам с тем, когда, не стесняясь в средствах, посягали на их поля и луга, леса и реки. И поэтому адыги, по словам Я. Абрамова, умевшие постоять за свое личное достоинство, но и в то же время «умевшие уважать и в другом это достоинство»¹, не могли спокойно, безропотно снести такие притеснения, они защищались, предпочитая свободу порабощению. Они боролись стойко, ожесточенно, устраивали время от време-

¹ Абрамов Я. Кавказские горцы // Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 71.

ни набеги, совершали их неожиданно и дерзко. Тем самым они защищали свою землю, свою свободу, свои национально-исторические традиции, обычаи, свою культуру, язык, свою веру и святыни, могилы тех, кто пал в боях за свободу и независимость своей Родины. Именно из-за невозможности мирно ужиться с царским режимом горцы вступили на путь повстанческой борьбы. Это была борьба отважная, отчаянно-смелая, рыцарская. Ничего не убоявшиеся горцы сознательно шли на самопожертвование, схватились с военной силой, которая далеко превышала их по своей численности и вооружению, но не превышала их мужества, которое могло родиться только на почве национального чувства.

Они продемонстрировали способность на сопротивление, на борьбу, на лишения и жертвы во имя высоких духовных целей, во имя идеи свободы. Ничто не могло поколебать страстной веры черкесов в правое дело идеи свободы, которой они так сильно были привержены и одухотворены. Владимир Кудашев, человек твердой российской ориентации, отметив, «каким громадным стеснением в жизни кабардинцев» должно было быть строительство крепостей на землях Кабарды, писал, что «колонизация была не мирная, не культурная, а боевая, военная, что заранее уже определяло настроение поселенцев, вовсе не миролюбивое по отношению к кабардинцам. Последние отвечали тем же»¹. Об этом намного раньше написал и А. С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум»: «Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены...» Мирные черкесы «всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам»². Грубое вмешательство в жизнь горцев, излишне жестокие и неоправданные меры царизма наносили ущерб уважению и доверию, которые большинство адыгов питало к России, вели к возникновению межэтнической напряженности, к этническому конфликту, который подобен пожару. Шекспир писал: «Небольшой костер нетрудно затоптать, но если дать ему разгореться, то рек не хватит, чтобы потушить пожар». Правда, это был конфликт не между русскими и горцами, а последними и царизмом. И тем не менее это был конфликт, который можно было предупредить, найти пути несилowego его решения, не дать разгореться, избежать его трагического поворота с огромными человеческими жертвами. Но, увы! Этого не было сделано. Наоборот, межнациональные обиды, трения искусственно подогревались царизмом, с одной стороны, так и частью местных феодалов и иностранной агентурой – с другой. В результате разгорелся грозный пожар, охвативший весь Северный Кавказ и получивший название Кавказской войны, последствия которой были страшно трагическими для народов, вовлеченных в ее бурные события.

Кавказская война была не первой войной для черкесов. Ей предшествовало немало кровопролитных сражений с внешними врагами Кавказа и России, в результате которых они и так были значительно обескровлены. Выражая свою глубокую душевную боль за кавказцев, М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Кавказу» напишет:

Кавказ! Далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..

¹ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе Киев, 1913. С. 438.

² Пушкин. А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. 6. С. 438.

Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! Прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

Нескончаемая, длившаяся по сути дела почти век, навязанная истребительная война, которая была скорее похожа на расправу, чем на войну, ибо, по образному выражению А. Т. Шортанова, у противной стороны на вооружении была «пушка вместо пистолета у кабардинцев»¹. Как грозный обвинительный акт против царского самодержавия прозвучала написанная и эти годы поэма Т. Г. Шевченко «Кавказ», первоначальные строки которой гласят:

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровью политы².

В поэме есть и такие вдохновенные строки:

Вы боритесь – поборите,
Бог вам помогает!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Чурек и сакля – все твое,
Не выпрошенное мольбами,
За хлеб, за жалкое жильё
Не окуют тебя цепями³.

Война не только приводила к колоссальным материальным и людским жертвам, нанося невосполнимый урон генофонду адыгского этноса, сильно подрывала устои хозяйственной жизни, но и оказывала деформирующее и травмирующее воздействие на общественную психологию и нравственный потенциал, ведя к разрушению веками сложившихся народных традиций и обычаев, менталитета, утверждению низменного принципа: кто сильнее, тот и прав. И это в то время, когда адыги превыше всего ставили и ревностно оберегали свои обычаи и традиции, имевшие глубокие корни в древности, служившие для них основой самосохранения и жизнестойкости; разрушение которых они считали равносильным гибели самого народа, прекращению его существования вместе со своей самобытной и своеобразной военной и обычно-правовой организацией внутренней жизни, со своей историей, культурой. Любому народу жив, пока жива его культура, сохраняются его язык, традиции и обычаи.

¹ Шортанов А. Т. Горцы. Нальчик, 1982. С. 297.

² Шевченко Т. Г. Кобзарь: Стихотворения и поэмы / Пер. с укр. М.: Художественная литература, 1972. С. 297.

³ Там же. С. 299.

В этой сложившейся ситуации правда была на стороне древнего племени – адыгов, сохранивших величие духа, веру в то, что наполняло смыслом их мир и жизнь: любовь к свободе и независимости, чувство национальной чести. И вера эта придавала им мужество и силы; она была тем огнем, который зажигал энергию действия – решительность и упорство, полные пусть даже в чем-то романтической безрассудной отваги в борьбе за свое самосохранение. Только на почве национального чувства, когда народ сознательно шел на самопожертвование, одухотворенный идеей свободы и независимости, мог быть проявлен такой пример высших форм героизма, принесший ему громкую славу, показав всему миру, на что способны люди, желающие оставаться свободными и независимыми. Самоотверженность черкесов достойна глубокого понимания и восхищения. Слава борцов за свободу вечна. Она живет всегда, ибо живуче и неискоренимо стремление людей к свободной и достойной жизни. Адыги в неравной борьбе противопоставляли силе оружия силу своего боевого гордого национального духа, не отдавая предпочтения жизни, своей свободе и независимости.

Не все русские офицеры разделяли политику царя на Кавказе, не говоря уже о простых солдатах, которым незачем было убивать мирных жителей, разорять и предавать огню аулы. В связи с этим уместно привести слова А. И. Герцена: «Все те, которые не умеют отделять русское правительство от русского народа, – ничего не понимают. По счастью, Зимний дворец – не вся Россия, даже не весь Петербург...»¹ Адыги, предпочитая свободу порабощению, сражались, проявляя мужество, стойкость и военное мастерство. Но с какой бы беззаветной храбростью ни дрались, как ни отстаивали свою независимость и свободу, свою землю, они были побеждены военной мощью империи. «Чувствовалось, что этот могучий народ, который если и был побежден русскими, тем не менее отстаивал свою страну сколько мог, и что, во всяком случае, в нем не было недостатка ни в храбрости, ни в энергии»², – напишет позже в своих путевых заметках участник Кавказской войны на стороне черкесов А. Фонвиль. Заключительным аккордом всех тяжелейших невзгод, выпадавших на долю адыгов в конце Кавказской войны, явилось их насильственное переселение в Турцию. Но было бы неверно считать, что сложившиеся в стародавние времена дружественные деловые связи между русскими и горцами, и в частности кабардинцами, с усилением колониальной политики царизма испортились окончательно. Трагедия, пережитая горцами в связи с Кавказской войной, не могла зачеркнуть всего совместно пройденного с русскими пути. Она была лишь продуктом временного сплетения роковых обстоятельств, порождением политики царизма и подстрекательских действий некоторых иностранных держав, а вовсе не неизбежным результатом естественных исторических предпосылок, заложенных в основу их взаимоотношений.

Трудные времена проходят, а народы остаются и продолжают свой путь, создавая все новые и новые непреходящие материальные и духовные ценности, тесно взаимодействуя и обогащая друг друга опытом своих достижений. Таков закон жизни.

Русско-адыгская дружба имела настолько глубокие и прочные корни, что Кавказская война при всей своей жестокости не могла лишить народы исторической памяти: веками накопленного опыта совместной жизни и труда, опыта бо-

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. П., 1920. Т. 14. С. 11.

² Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг. // Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 405.

евого содружества против общих врагов России и Кавказа. Один из современных кавказоведов, глубоко изучивший историю материальной культуры северокавказских горцев, писал: «Начиная с контакта, который установили между собой племена Северного Кавказа и племена катакомбной культуры Южнорусских степей еще в эпоху бронзы, через сложные противоречивые взаимоотношения древних кавказцев со скифо-сарматскими и ираноязычным миром, а позднее – адыгов и касогов с Тмутараканской Русью, и кончая тесными узами связей Кабарды с Московской Русью XVI века – таков длительный, выдержавший испытание временем и обстоятельствами, опыт развития связей одного из крупнейших этнических массивов Северного Кавказа с русским народом»¹. Эти связи еще больше расширились и укрепились в последующие XVII–XVIII вв. Поэтому даже в самые острые критические моменты борьбы кавказских горцев за свою независимость, в годы военных столкновений, инспирированных внешней и внутренней реакцией, не зарастала тропа, ведущая друг к другу, – путь мира и дружбы. Эта историческая тропа, которой суждено было со временем превратиться в широкую столбовую, достаточно наезженную, дорогу, соединяющую Россию с Кавказом, была проложена еще в середине XVI столетия адыго-черкесами. И поэтому «основной путь, связывающий Московское государство с первыми его союзниками на Кавказе – Кабардой и Грузией, назывался в источниках «Дорога в Черкасы», «Черкасской дорогой»². С другой стороны, о сочувственном отношении русских солдат к освободительной борьбе горских народов говорит, между прочим, «факт массового перехода русских солдат на сторону горцев и совместной их борьбы против царизма...»³. С большой симпатией к народам Кавказа, ведшим освободительную борьбу против русского царизма, относились все прогрессивные представители России. К их числу относился и В. Г. Белинский, который остро и чутко ощущал «давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем»⁴. И тем не менее царизм все больше и больше пускал в ход оружие, вызывая отчаянное сопротивление обескровленных в неравной борьбе горцев. Что это было именно так, свидетельствовал генерал Торماسов, который в сентябре 1810 г. писал военному министру: «При самом вступлении моем в командование здешним краем я всегда был противником мнения относительно темы, около полувека тщательно поддерживаемой командовавшими на Линии, чтобы сопредельных ей народов держать не только в повиновении, но и в жестоком порабощении, ежегодно употребляя против них силу оружия, – под тем предлогом, чтобы гордый дух их не возвысился и не счел нас слабыми». Говоря непосредственно о кабардинцах, Тормасов отмечал, что «народ сей был многочислен и благороден в образе своих мыслей... Народ сильный, хотя в зависимости России состоящий, но не бывший в прямом подданстве, требовал сей благоразумной осторожности... Вместо того расширение Линии на счет лучшего достояния принадлежавших им земель сделало их нам недоверчивыми, жестокости командовавших на Линии приводили их в уныние, система, принятая, чтоб чрез сокровенные пружины поссорить нижний класс, то есть узденей и народ, с князьями и

¹ Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1947.

² Магомадова Т. С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI–XVII вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 26.

³ Кокиев Г. А. Из истории сношений России с Кавказом (IX–XIX вв.) // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1946. Т. 1. С. 73.

⁴ Белинский В. Г. ПСС. В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 7. С. 373.

держат их в междоусобной борьбе для того, чтобы сим губительным способом ослабить сей мощный народ так, чтобы не восстал, родила в них привычку к войне... наконец, суетное желание некоторых из командовавших на Линии отличить себя деяниями (забыв, что благоразумное управление и привлечение сердец народов лучше блеску подъятых военных подвигов) ввело почти в обыкновение каждый год выводить войска на Линии против кабардинцев или закубанцев, нередко без причины, и ожесточило сердце сих народов до того, что кабардинцы от своей прежней могущественности едва только пятую часть имеют...»¹. И далее генерал спрашивает и отвечает сам на свой вопрос: «...в существе своем погубя сей сильный, воинственный народ и бывший некогда весьма покорный, принесла ли она пользу России? Я думаю, что если более 50 лет протекшего времени в испытаниях силы доселе не победили строптивый дух сего народа, то не бесполезно кажется было бы испытать действие благотворения, которое смягчит самые жестокие сердца...».

Укрепив к этому времени свои позиции на Северном Кавказе (в 60-х гг. уже было завершено возведение Кизляр-Моздокской военной линии, а в 70-х гг. как ее продолжение начато строительство Азово-Моздокской линии – стратегической базы царизма для овладения всей территорией региона), он проводит ряд мероприятий, направленных на то, чтобы сосредоточить внутреннее управление краем в руках царских чиновников. Прежде всего в Кабарде в 1769 г. было введено приставство, положившее начало замене традиционных общественных институтов колониальными органами власти. Первым приставом для правления Кабардой был назначен состоявший при Коллегии иностранных дел секунд-майор Дмитрий Тоганов. По этому поводу в рескрипте Коллегии иностранных дел генерал-майору де Медему говорилось: «Настоящее в Кабарде содержание офицера, которого Вы там оставили, весьма желательно, чтоб обратилось в неприменное обыкновение; будучи сие распоряжение наилучшее, без раздражения кабардинской нежности к свободе, – содержать их впредь всегда в некоторой зависимости»². Кабардинские владельцы с введением приставства были обязаны согласовывать все действия с назначаемым царским правительством приставом. Время, когда они по своему собственному усмотрению решали все свои дела, уходило в прошлое. Фактически для феодальной знати, которая, постепенно лишаясь самостоятельности и реальной власти, вынуждена была теперь все время оглядываться на отношение к своим поступкам и действиям со стороны царского правительства и его местной администрации, это было началом существенного поворота в характере русско-кабардинских отношений к новому политическому статусу Кабарды.

В дальнейшем (в 90-х гг.) начинается постепенное преобразование судопроизводства кабардинцев. Царизм хотел ослабить влияние местной феодальной знати, поставить ее под свой контроль, с тем чтобы прибрать к своим рукам управление краем, прямо подчинить кабардинцев власти военной администрации на Кавказе. С этой целью в 1793 г. генерал И. В. Гудович, командовавший в то время царскими войсками на Кавказской линии, учредил в Большой Кабарде по повелению Екатерины II два суда, названных «родовыми» (для разбора дел «владельцев», т. е. князей и их подвластных), и две так называемые «родовые расправы» (для узденей и их подвластных), а в Малой Кабарде на том же основа-

¹ Архив, оп. 2, д. 24, л. 239–245.

² Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1763–1774 гг.: Сборник документов. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 308.

нии – один родовой суд и одну родовую расправу, действовавшие под надзором созданного в Моздоке особого Верхнего пограничного суда.

Каждый родовой суд составлялся из владельцев – одного председателя и двух заседателей, занимавших свои должности по три года. Каждая родовая расправа составлялась из узденей: одного председателя и 7 заседателей, из которых один был от духовенства¹.

Родовые суды и родовые расправы должны были разбирать по адату лишь гражданские дела и мелкие уголовные преступления, а все крупные уголовные дела (убийства, разбои, грабежи, явное неповиновение начальству и т. д.) рассматривались и решались на основе законов Российской империи в Верхнем пограничном суде в Моздоке, не считаясь с народными понятиями, с традиционным укладом жизни кабардинцев, их обычно-правовыми нормами. Он был составлен из шести владельцев и шести узденей обеих Кабард, двух русских штаб-офицеров под председательством коменданта Моздокской крепости и имел власть над родовыми судами и расправами². Без разрешения родовых судов и расправ даже воспрещалось созывать высший представительный и законодательный орган кабардинского общества – хасу. Это было стремлением царского правительства прибрать к своим рукам не только административное управление, но и судебную власть, по возможности распространить на кабардинцев действия общероссийских законов, подменяя ими их традиционные обычно-правовые нормы, передавая судебное разбирательство в руки царской администрации, укреплять тем самым колониальный режим на территории Кабарды, ослабить и ликвидировать политическую самостоятельность местной феодальной знати, а затем и упразднить государственность Кабарды. Так оно и случилось.

Новая юрисдикция, навязанная, не понятная для горцев, «вторгавшаяся в область их вековых народных обычаев, вызвала среди кабардинцев общее неудовольствие»³, – писал В. А. Потто. Это подтверждал и Иоганн Бларамберг, который отмечал, что «кабардинцы никогда не соглашались подчиняться решению этих судов...»⁴. Учреждение родовых судов и расправ как новых органов царской власти в Кабарде было встречено феодальной знатью и духовенством враждебно. Они ясно представляли себе, что эта судебная реформа ущемляет и ограничивает их политические права и привилегии. Князьям запрещалось «отлучаться за границы России без дозволения главного воинского начальника в крае, мстить самовольно убийцам, укрывать преступников под видом обычая гостеприимства... созывать общественные собрания без особого на то повеления и распоряжения родовых судов и расправ»⁵. Духовенство стремилось, как и раньше (когда суд производился по шариату), держать в своих руках всю полноту судебной власти. Поэтому представители духовенства совместно с феодальной верхушкой, используя недовольство народных масс стремлением России навязать им новые судебные органы, хотели ликвидировать родовые суды и расправы. Неудовольство охватило все слои кабардинского общества.

В феврале 1794 г. неповиновение судам и расправам, начавшиеся волнения переросли в крупное национально-освободительное движение, во главе которо-

¹ Бутков П. Г. Указ. соч. С. 264.

² РГВИА, ф. 144, ед. хр. 434, ч. 5, л. 240.

³ Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 204.

⁴ Бларамберг И. Указ. соч. С. 128.

⁵ Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость: (Исторический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 176.

го стояли кабардинские феодалы, отстаивавшие свое «самовластие»¹. Восстание, в котором приняли участие представители всех слоев кабардинского общества, насчитывало в своих рядах несколько тысяч человек и возглавлялось Измаилом и Адильгиреем Атажукиными, Атажуко Хамурзиным из рода Кайтукиных и другими князьями. Восстание было подавлено вооруженным путем², а его руководители сосланы в отдаленные места.

Восстание повторилось в 1795 г., в результате чего в Кабарду был введен «воинский деташамент», который «в течение пяти месяцев успел восстановить нарушенную тишину»³. «Но при этом, – сказано у П. Г. Буткова, – особенно замеченные в воспламенении умов и в предприимчивости увлекать оные (с правого пути) владельцы Большой Кабарды Атажукина рода, подполковник и Георгиевский кавалер Измаил Атажукин, просвещеннейший из всех своих земляков; брат его Адиль-Гирей Атажукин, больше других содействовавший в 1793 г. установлению нового в отечестве своем правления, и Жамбулатова рода Атажука Хамурзин, подполковник, по высочайшей воле отправлены в Екатеринослав для содержания под присмотром...»⁴

Восстание в Кабарде в 1795 г. было направлено не только против учрежденных царскими властями здесь судов и расправ, но и против своих феодалов. По свидетельству академика П. Г. Буткова, когда возникли эти «неустройства» и неповиновения судам и расправам, «знатная часть народа с владельцами своими и узденями уклонилась в горы». И далее у П. Г. Буткова сказано: «...а между владельцами, узденями и народом учинен письменный договор, силою коего знатнейшие уздени Большой Кабарды обязались клятвенно черному народу не допускать его до притеснения владельцев; доставить ему вознаграждение в справедливых и по обычаю предков присягою утвержденных претензиях на владельцев своих, а до того времени иметь его под своею защитою (в кунаках). При том все сословия учредили, что если кто из владельцев удалится в горы из обыкновенного места жительства своего, таким отказать от права на подвластный им народ, который с той поры остается в непосредственном управлении российском»⁵.

В 1799 г. во время выборов в суды снова началось восстание, прекратившееся лишь после появления на Баксане трех батальонов пехоты, «расположившихся лагерем ввиду большого собрания кабардинцев... и увещания, сопровождаемые угрозением от командующего на Кавказской линии генерал-лейтенанта Кнорринга...»⁶. Если на первом этапе антиколониальную освободительную борьбу в Кабарде возглавляли в основном представители феодальной знати, то в дальнейшем к этой борьбе активно подключилась и часть мусульманского духовенства во главе с эфендием Исхаком Абуковым, и выступления развертывались под религиозными лозунгами, приняв характер шариатского движения. Мусульманская религия, окончательно утвердившаяся в Кабарде и Балкарии во второй половине XVIII в., становится идеологическим знаменем в антиколониальной борьбе горцев, еще не освещенной ясной политической программой. Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. роль религии в общественно-политической жизни Кабарды усиливается. Шариат выступает в качестве консолиди-

¹ Бутков П. Г. Указ. соч. С. 263–265, 267.

² Там же. С. 267.

³ Там же. С. 268.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 268.

⁶ Там же. С. 561.

рующего фактора, собрав под своим знаменем представителей всех слоев кабардинского общества, в том числе среднего и мелкого дворянства, среди которых большой популярностью пользовалась идея социального равенства.

Движения, вызванные судебной реформой в Кабарде в конце XVIII в., носили антифеодальный и антиколониальный характер. Активное участие в них крестьянских масс можно объяснить тем, что тяжелое положение, в котором они находились, усугублялось судебной реформой царского правительства. Народу больше было понятно древнее судопроизводство по народным обычаям, поэтому он боролся за его сохранение. Феодальная же знать и духовенство возглавили эти движения, лишь преследуя свои узкоклассовые интересы. В борьбу были вовлечены все слои кабардинского общества, хотя причины недовольства и движущие мотивы борьбы в различных его социальных слоях были различны, так же как и степень недовольства, но царское правительство вооруженным путем подавило эти народные движения.

Отсутствие письменных источников по истории Балкарии в XVIII в. не дает возможности представить сколько-нибудь полной картины выступления крестьян в балкарском обществе интересующего нас периода. Но даже те отрывочные сведения, дошедшие до нас, говорят о классовых противоречиях в балкарском обществе. В частности, об этом свидетельствует устное народное творчество – фольклор, богато представленный легендами, преданиями, песнями, сказками, историко-героическими сказаниями и др., из глубины веков дошедшими до наших дней. При отсутствии письменности и литературы фольклор был единственным видом художественного творчества, выражением духовного опыта народа, как результат многолетней истории его развития, мировоззрения, формой народной памяти, по существу, заменявшей все известные способы закрепления и передачи культурных ценностей, фиксирующей явления общественно-политической жизни. В нем находит отражение немало разного рода исторических фактов и событий, имевших место в жизни этноса в отдаленном и недавнем прошлом. Поэтому фольклор является одним из важных источников для реконструирования истории народа с той или иной степенью достоверности. В частности, данные фольклора отразили жалобы крестьян на гнет со стороны феодалов Абаевых в Верхней Балкарии, Шакмановых в Верхнем Хуламе и др. В исторической песне «Бек-Болат» рассказывается о том, как простой горец-балкарец Бек-Болат заступает за народ и вступает в единоборство с угнетателями, чтобы отстоять честь и достоинство притесняемых людей труда. Этот бесстрашный джигит и народный заступник убивает бия Умара Шакманова за присвоение себе позорного права первой ночи¹.

Имущественное неравенство, обезземеливание крестьянства, усиление эксплуатации, несправедливое отношение к балкарским трудящимся против социального гнета и иноземных поработителей – все это нашло художественное отражение в таких народных историко-героических песнях, как «Ачей-улу Ачемез», «Сарыбий и Карабий», «Татаркан», «Канамат», «Бек-Болат», «Атабий», «Гапалау» и др. Историко-героические песни возникли как отклик на события общественной и военной истории. «Героический репортаж в песнях XVII–XIX вв., – пишет У. Б. Далгат, – обычно характеризуется исторической достоверностью изображаемых событий, если не сказать больше – летописностью; благодаря этому обстоятельству героико-исторические песни содержат богатейший материал, запечатлевший и острую социальную

¹ Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961; *Аптаев Х. З., Пипинис В. Ф.* Место историко-героических песен в балкарском фольклоре // УЗ КБНИИ. 1961. Т. 18. С. 68.

и антифеодальную борьбу, войны и междоусобицы. Все это – существенный показатель меры историзма героико-исторического жанра»¹.

Героев вышеназванных балкарских песен, являющихся частью героико-исторического эпоса народов Северного Кавказа, объединяет ненависть к угнетателям и поработителям трудового народа.

История сохранила сведения о помощи балкарских крестьян во главе со своим старшиной Бекби дигорским крестьянам во время восстания 1781 г.² Общность социального положения сблизила, таким образом, трудовых осетин и балкарцев в борьбе против угнетателей.

Таким образом, изучение истории классовой борьбы в Кабарде и Балкарии в рассматриваемый период позволяет сделать вывод, что с развитием феодальных отношений происходило дальнейшее закрепощение лично свободных крестьян, число которых в конце XVIII в. было уже незначительным. Наряду с процессом закрепощения усиливалась степень эксплуатации крепостных крестьян. Все это приводило к обострению социальных противоречий. Крестьяне Кабарды и Балкарии пользовались активными и пассивными методами борьбы. Наиболее ярким проявлением этой борьбы было восстание кабардинских крестьян в 1767 г. Это было одним из самых крупных антифеодальных выступлений по своему размаху и целенаправленности не только в истории Кабарды и Балкарии, но и в истории всех народов Северного Кавказа этого периода.

Постоянно страдая от феодальных междоусобных распрей и набегов крымских ханов, горское крестьянство заняло пророссийскую ориентацию, что значительно укрепило позиции царизма на Северном Кавказе. При этом трудовое крестьянство надеялось в борьбе против своих угнетателей на помощь России. Однако политика царизма, направленная прежде всего против народных масс, на классовый союз с местной феодальной верхушкой, не оправдала эти надежды. И, в свою очередь, это привело к тому, что антифеодальная борьба крестьянских масс слилась с народно-освободительной борьбой против жестокой колониаторской политики царизма.

§ 5. Политический строй Кабарды и Балкарии. Феодальная междоусобная борьба

В XVIII в. Кабарда не представляла единой территориальной целостности. Она, как и прежде, делилась на две части: Большую и Малую³. Между ними существова-

¹ Далгат У. Б. К проблеме историзма героико-исторических песен народов Северного Кавказа и Дагестана // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988. С. 12.

² Штедер А. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 64–65.

³ В отношении времени распада Кабарды на Большую и Малую в исторической науке высказывалось несколько мнений. В записанном Ш. Б. Ногмовым предании это разделение относится ко времени князя Шолохова Таусолтана, известного по русским источникам как князь Шолох Тапсаруков, княжившего в конце XVI – начале XVII в. (История адыгейского народа. Тифлис, 1861). П. Бутков датировал это событие второй половиной XV в. (Об имени Козак // Вестник Европы. М., 1822, № 21–24). В. Н. Кудашев считал, что это «могло произойти раньше XIII столетия христианской эры». Он не подкреплял этот вывод никакими аргументами (Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913). Г. А. Кокиев полагал, что, судя по генеалогической карте, Кабарда распалась на две части при Пшиапшукке Бесланове, сын

ли слабые экономические и политические связи. Большая и Малая Кабарда, в свою очередь, делились на территориальные уделы. Первая – Атажукины, Мисостовы, Жамболатовы, от которых, в свою очередь, образовались Бекмурзины и Кайтукины. Вторая – на уделы князей Келехстановых и Таусолтановых¹. Владельцами уделов, как мы видим, выступали целые княжеские фамилии.

В 1748 г. в Большой Кабарде насчитывалось более 20 владетельных князей, в Малой² – 12. Но постепенное развитие феодальных отношений в Кабарде привело к дроблению крупных уделов на ряд мелких, владельцами которых выступали первостепенные уздени – тлекотлеши и второй степени – деженуго. Например, владение тлекотлешей Тамбиевых входило в удел княжеской фамилии Мисостовых; Куденетовых – в удел Атажукиных; Анзоровых – в удел Кайтукиных³.

Все уорки, жившие в уделе, беспрекословно подчинялись своему удельному князю или «знатному узденю».

Княжеские уделы имели определенное количество земли, на которой стояли кабаки с крестьянами. Обособленно от них находились «дворы княжеские», где жили удельные князья. Именно такое расположение поселений имела карта первой половины XVIII в., где отмечены «2 двора князя Магомета Кургокина», «двор князя Алия Исламова», «двор князя Касая», «двор князя Алдигирея», «двор князя Казия» и т. п.⁴

Иногда в исторической литературе (особенно в дореволюционной) наблюдается путаница в определении терминов, касающихся территориальных подразделений, что, в свою очередь, приводит к неправильным представлениям о структуре поселений в территориальном и административном плане. В русских письменных источниках и картах, составленных в XVI–XVIII вв., поселения кабардинцев обозначались терминами «кабаки» и «деревни». На карте, составленной геодезистом Степаном Чичаговым в 1744 г., все поселения, кроме «дворов княжеских», он дает как деревни⁵. Возможно, исходя именно из такого обозначения, Е. Дж. Налоева считает, что «самой мелкой административной единицей в уделах была деревня – кьуажэ, или кабак, по терминологии XVIII в.»⁶.

Можно ли допустить, что все поселения, обозначенные на вышеупомянутой карте, являлись поселениями типа «кьуажэ»? Нам кажется, что часть из них могла являться «хьэблэ» (общинами), которые выступали как наиболее ранний тип поселений у кабардинцев. В поддержку этой мысли можно сослаться на адыгейского этнографа, профессора М. А. Меретукова, который со ссылкой на Б. А. Калоева и Э. Л. Коджесау пишет: «Село, как правило, состояло из нескольких патронимических кварталов. В отдаленном прошлом у горцев существовали патронимические поселки. В XVII – второй половине XIX в.

которого Кази Пшиапшук Бесланов являлся современником Темрюка Идарова, жившего в середине XVI в. И отсюда Кокиев считал, что приблизительной датой распада Кабарды является середина XVI в. (К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII веке // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. 2. С. 76). На основе изучения многочисленных источников установлено, что распад Кабарды на Большую и Малую произошел в начале XVII в., и эта дата взята на вооружение исторической наукой (История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 458).

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. С. 92.

² Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая четверть. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 742.

³ Кудашев В. П.. Указ. соч. С. 198.

⁴ КРО. Т. 2. С. 114–115.

⁵ Там же. С. 114–115, 119–195.

⁶ Налоева Е. Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в. // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 72.

они сохранялись у народов Северного Кавказа в отдельных местах»¹. Потом из патронимических поселков (хьэблэ) образовались села (кьуажэ). В пользу такого утверждения можно сослаться и на известного абхазского этнографа Ш. Д. Инал-Ипа, который в статье «Об абхазо-адыгской общности» пишет: «Так, по существу совершенно однотипный характер носят поселения и жилища. Наблюдается, в частности, общая тенденция селиться отдельными усадьбами, образующими в совокупности село, квартал под одним общим названием (абх.: ахабла, адыг.: хабль – поселок, община)»². По-абхазски общества так и назывались: «хабль». Небезынтересны и сведения Н. Ф. Дубровина по этому вопросу. Он пишет: «У всех поколений черкесского народа, не имеющих князей, народ разделялся на отдельные самостоятельные общества, или псухо, и общины, или хабль. Каждое из них управлялось само по себе, отдельными старшинами»³. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует и то, что многие кабардинские селения сохранили такие названия, как: «Кьэрмэ-хьэблэ, Кьуэн-хьэблэ, Кьэсей-хьэблэ, Инал-хьэблэ, Кьылышбий-хьэблэ, Жэнхьуэт-хьэблэ». Со второй половины XVIII в. в источниках начинает появляться термин «кьуажэ»⁴. Трудно датировать, с какого времени существуют кьуажэ как тип поселения, но господствующей формой он, наверное, стал не раньше второй половины XVIII в. А к 60-м гг. XIX в. кьуажэ становится единственной формой поселения в результате кампании по укрупнению кабардинских селений. Нам кажется, что деревни – кьуажэ – образовались слиянием таких поселений, как хьэблэ. И в данном случае термин «хьэблэ» имеет двойное значение: а) конкретный тип поселения, б) родовой квартал, околоток такого поселения, как кьуажэ.

Данное предположение, что наиболее ранним видом поселений и более мелкой административной единицей в кабардинских уделах в XVI–XVIII вв. было хьэблэ, нам кажется в какой-то мере близко к мнению Е. Н. Кушевой, что «кабардинские кабаки – кьуажэ возникли как поселения крестьянской общины, в той или иной ее форме»⁵.

В основном поселения кабардинцев назывались по имени феодалов. Так из 122 населенных пунктов, зафиксированных на карте 1744 г., 116 назывались по имени или фамилии владельцев⁶.

Группа поселений, расположенных в долине одной реки и ее притоков, у адыгских племен называлась «псухо». Но если псухо у западных адыгов играло административную роль, потому как каждое из них управлялось своею мирскою сходкою – зэлуцлэ⁷, то у кабардинцев псухо не имело административного значения. Оно было лишь географическим понятием, обозначавшим территориальные рамки того или иного удела. Например, в Жамболатов удел входили Чегемпсыхо, Шхалукопсыхо, Налшыкпсыхо, Кенжепсыхо, Черекпсыхо, Урухпсыхо, а в Атажукин и Мисостов уделы – деревни, лежавшие по долинам рек Баксана, Гунделена, Золки, Малки, Куркужина и их притокам⁸.

¹ Меретуков М. А. Из общественного быта адыгов (XVIII – первая полов. XIX в.) // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991. С. 103–104.

² Инал-Ипа Ш. Д. Об абхазо-адыгской общности // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991. С. 8.

³ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 178.

⁴ Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 г. // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Т. 5. С. 170.

⁵ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 116.

⁶ КРО. Т. 2. С. 114–115, 194–196.

⁷ Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазы // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1902, Кн. 22. Вып. 4. С. 40.

⁸ КРО. Т. 2. С. 114–116, 194–196.

Размеры кабардинских поселений были небольшие – в среднем по 30–60 дворов. Распределение деревень в уделах было неравнозначным. По карте 1744 г. и комментариям к ней 1753 г. в Жамболатов удел входили 34 деревни, а в Атажукин – 17, Мисостов – 27; в уделах Келехстанова и Таусолтановых вместе¹ – 44. Основное количество деревень принадлежало знатым узденям из фамилий Куденетовых, Анзоровых и Тамбиевых.

Во главе указанных уделов обычно стоял старший по возрасту князь, облеченный сравнительно большими полномочиями. В его компетенцию входили военно-оборонительные, административно-политические функции. Он не выбирался, а автоматически вступал в свои права по смерти старшего в роду князя и правил пожизненно. Князь управлял уделом при помощи специального аппарата: казначея, дворецкого, писаря, «ближних узденей» – личных телохранителей, сравнительно большого числа бейголей и пшихеу, выполнявших обязанности сборщика податей, судебного исполнителя, полицейских, посыльного и др.²

При удельном князе существовали два института – большой и малый советы. Малый совет состоял из ближайших родственников князя и знатных узденей. На нем обсуждались все дела, по маловажным текущим вопросам принимались решения, а остальные передавались на рассмотрение большого совета. Хозяйственная связь между этими мелкими национально-государственными образованиями феодального типа была чрезвычайно слаба, а зависимость их владельцев-вотчинников от старшего князя Кабарды ограничивалась в основном участием в общих военных действиях адыгских ополченцев, оставаясь в остальном разобщенными, живя каждое из них своей свободной самостоятельной экономической и политической жизнью и придерживаясь той или иной политической ориентации, которую считало для себя более приемлемой и выгодной.

Все уорки, жившие в уделе, являлись вассалами удельных князей или же их вассалов – первостепенных уорков. Именно они составляли военно-политическую силу удела, являясь ядром удельного войска. Уорки несли своему князю обязательную вассальную службу, имевшую ярко выраженную военную направленность. Они составляли дворянское войско, служившее главной вооруженной силой удела, на которую владелец опирался, осуществляя управление княжеством, его охрану от вражеских нашествий.

Сложное внешнеполитическое положение, в котором постоянно находилась страна, заставляло кабардинцев уделять особое внимание подготовке воинов – защитников своей родины. Фактически каждый черкес, достигший зрелого возраста, должен был участвовать в «беспрестанных войнах и набегах, претерпленных нашим народом с конца XIII века»³, потому быть отлично подготовленным воином, лихим наездником и метким стрелком, готовым в любой момент встать на защиту своей родины. «Вся жизнь черкеса, – писал Хан-Гирей, – проходит на войне, и старцы на краю гроба благословляют дни свои, ознаменованные подвигами храбрости»⁴. Поэтому государственное устройство адыгов устойчиво сохраняло пережитки военной демократии. Удельный князь, находившийся во главе своего войска, мог в пределах своих владений объявить войну и заключить мир. Если уделом владели несколько князей, то такое право принадлежало по обычаю

¹ КРО. Т. 2. С. 114–116, 194–196.

² Налоева Е. Дж. Указ. соч. С. 75.

³ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 114.

⁴ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1974. С. 310.

старшему годами, но при этом и он должен был советоваться с другими князьями и могущественными узденями.

Таким образом, те или иные вотчины удельных кабардинских князей или первостепенных уорков являлись не чем иным, как минигосударственными образованиями со своим сувереном, со своей системой политической организации и управления, сбора податей и несения повинностей, судопроизводства, комплектования войска и даже со своей внешнеполитической ориентацией.

Высшим законодательным органом в Кабарде являлся общий кабардинский совет или круг, именуемый иначе хасой. По мнению историка В. Х. Кажарова, специально исследовавшего историю адыгской хасы, это сословно-представительное учреждение кабардинцев возникло в условиях феодального общества, еще до отделения кабардинцев от основного этнического массива, т. е. до XIII–XIV вв.¹, до возвращения части адыгов (кабардинцев) в Центральное Предкавказье, на современную территорию Кабардино-Балкарии, где жили протоадыги до вторжения сюда широко известных в истории многочисленных ираноязычных и тюркских племен. Оно было сословно-представительным, где каждое сословие заседало отдельно. Источники свидетельствуют, что «прибыв в назначенное место, они разделяются по ступеням, а именно: владельцы, уздени и народные старшины, каждый род особенно»².

«Не в пышных чертогах, – писал Н. Ф. Дубровин, – а под открытым небом, на местах, освященных каким-нибудь важным событием или прахом знаменитого праотца, собирались черкесы на совещание... По прибытии на место совещания собравшиеся разделялись по сословиям на отдельные кружки: князья отдельно, уздени также и т. д. Всякое предложение выходило от владельцев, князей, старшин и других представителей народа»³. Адыгская хаса в основном выполняла законотворческие и военно-оборонительные функции, а также на ней выбирался верховный князь Кабарды.

В обычное время этот традиционный сословно-представительный институт периода феодализма состоял из двух палат: княжеской и уоркской, но в военное время или в других экстремальных условиях, связанных с обострением классовых противоречий в кабардинском обществе и борьбой против колониальной политики царизма, заседала и третья палата, в которую входили представители народа – «старшины черного народа». По мере дальнейшего развития феодальных отношений роль третьей палаты все более уменьшалась, а решения княжеского круга навязывались и двум остальным⁴.

Наряду с большим, или высшим, сословно-представительным кабардинским советом – хасой, имелся и малый совет. Здесь обычно предварительно обсуждались все вопросы, но окончательное решение принимали лишь на хасе. Причем для вынесения окончательного решения требовался сбор всех князей, узденей и их единогласие. «Второй голос» в решении вопросов здесь играли представители духовенства⁵. Но С. Броневский здесь явно преувеличивает роль духовенства, ибо «в XVIII в. мусульманское духовенство было немногочисленно и не играло особой роли»⁶. Наряду с общекабардинским институтом – хасой – были и хасы

¹ Кажаров В. Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992 С. 84.

² Зубов П. Картина Кавказского края... Ч. 2. С. 97; Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА. С. 227.

³ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 220.

⁴ Описание горских народов. Курск, 1794; КРО. Т 2. С. 360–361.

⁵ Броневский С. Указ. соч. С. 115.

⁶ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 115.

Большой и Малой Кабарды. Хаса была и в уделах, иногда князья, дворяне двух или трех уделов объединялись в одну общую хасу – сословно-представительное собрание. Как высший законодательный орган хаса определяла особенности судопроизводства в Кабарде, регулировала вопросы взаимоотношения кабардинского общества и других народов, решала проблемы регулирования социальных конфликтов. В зависимости от периодов и обстановки повышались или понижались интеграционные функции хасы.

В Кабарде исследуемого периода еще сохранялся обычай выбора старшего, или большого, князя для всей Кабарды. Старшего князя именовали олиипшем. Этот титул давал преимущества среди других князей, ставил его обладателя в особое положение. Поэтому одной из основных причин феодальных междоусобиц в Кабарде являлась борьба князей за звание старшего (пщы-уэлий). Его выборы в Кабарде прослеживаются по русским источникам начиная с середины XVI в. Как они свидетельствуют, «больших князей» выбирали на съездах «всей кабардинской земли» – Хасэшхуэ, т. е. по очереди и по старшинству из разных линий кабардинского княжеского рода. Например, терский воевода А. И. Хворостинин так доносил об этом царю: «А ведетца-де, государь, у них так, что на княженье сажают рядом; а ныне-де ряд Осланбеков пришел»¹. Однако такой порядок выбора князя-валия нередко нарушался, что приводило к обострению борьбы между различными феодальными группировками, каждая из которых стремилась к верховодству над остальными. Положение осложнялось еще и вмешательством царского правительства в кабардинские дела, нарушением им давно сложившегося порядка выбора старшего князя Кабарды, требуя не сажать на княжение без «государева указа». Но эти попытки московских властей активно вмешиваться в иерархию кабардинских князей часто оканчивались неудачей: избирали на должность князя-валия Кабарды не того, кто получил царскую грамоту на «большое княжение», а другого.

Некоторые из старших князей пытались объединить Кабарду и установить здесь централизованную власть. Одним из них являлся легендарный Инал, про которого Ш. Б. Ногмов писал: «Инал был щедро одарен природой: он имел все качества великих и добродетельных людей. Под его твердым и благоразумным управлением прекратились смуты и беспорядки между адыгейцами. Приобрет доверенность народа, он упрочил свою власть и успел примирить враждующие стороны и соединить разъединенные силы»². Как свидетельствуют источники, к их числу относился и старший князь Темрюк Идаров, обладавший необычайно трезвым практическим складом ума, которому при поддержке Русского государства удалось привести «в послушание» почти всех кабардинских феодалов, которые «и дани ему учали давати и во всей учинился ея в Темрюкове – князей воле»³. Но политика объединения адыгских народов встретила сильное противодействие князей, веками привыкших к раздольному, необузданному своеволию удельного житья, к тому же часть из которых во главе с князем Пшеапшоко Кайтукиным ориентировалась на Крым. Несмотря на неудавшиеся попытки укротить с помощью России непокорных адыгских феодалов, укрепить свою власть князя-валия и объединить разрозненные удельные княжества Кабарды под своей властью, Темрюк Идаров заслужил добрую память у своих потомков

¹ РГАДА, ф. Кабардинские дела, 1589 г., д. 3, л. 7–8.

² Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 94.

³ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 344.

тем, что он, будучи крупной личностью, своим неординарным государственным умом глубоко осознав безвыходность внешнеполитического положения, в котором оказалась Кабарда, и невозможность отстоять ее независимость только своими силами, сумел подняться до понимания подлинно прогрессивных тенденций времени и правильно определить в ту далекую эпоху тот единственный путь, на котором только можно было приобрести гарантию безопасности, надежду на лучшее будущее для своего народа – это путь тесного сближения, союза с Россией, вне всякого сомнения отвечавшего его коренным интересам. Не есть ли это заслуга перед историей, перед народом и свидетельство большого ума? Правда, после Темрюка Идарова, по характеристике известного историка Белокурова, знаменитого князя, потомка славного Идара, воинственного и предприимчивого, являвшегося истинным представителем рыцарского народа и во многом напоминавшего собою русского князя Святослава¹, смело взявшегося за создание централизованного государства в Кабарде на базе института князя-валая, всякое было в кабардино-русских отношениях, в них были и мирные и немирные периоды, сложные и драматические этапы. Но ведь история отнюдь не прямолинейна, а со множеством зигзагов, которые имели место и в кабардино-русских отношениях. Но что произошло, то и произошло, в истории нет вариантов. Варианты возможны только в будущем, а в прошлом их не существует. Но мы не оставляем прошлое в прошлом, а обращаемся к нему, чтобы строить лучшее будущее, чтобы оградить грядущее поколение от повторения ошибок и трагедий прошлого.

Положение не изменилось и в XVII–XVIII вв. Власть старшего князя постепенно ослабевала в результате экономического и политического усиления вассальных княжеств, а где-то уже со второй половины XVIII в. она существовала чисто номинально по традиции. «Обычай выбора старшего князя для Кабарды сохранялся, – например, в 1730–1740 гг. таким был князь Большой Кабарды Росланбек Кайтукин; однако это звание давало не столько реальную власть, сколько «знаки наружного почтения»; по временам бывало два «старших князя» – для Большой и Малой Кабарды»². Но так или иначе выборы старшего князя в Кабарде всегда являлись большим событием, вокруг которого часто разгоралась острая борьба между представителями различных группировок. Бывало, что князья в своей борьбе часто обращались за помощью к России и Турции, которые охотно принимали участие в выборной кампании, чтобы укрепить свои позиции в Кабарде и иметь на должности старшего князя своего сторонника.

Обычно олиипшем – старшим князем Кабарды – становился кто-нибудь из удельных князей, старший по возрасту. С этого времени его замок – «двор внутри каменной ограды» – становился резиденцией олия (олиипша), как бы столицей, политическим центром всей Кабарды. Но ввиду низкого уровня развития базиса политическое объединение затрагивало незначительные сферы³.

Формально олиипш считался верховным владельцем всей кабардинской земли, призванным управлять всеми ее внешними и внутренними делами. Но фактически, как было уже отмечено выше, Кабарда дробилась на княжеские уделы, где правителями были удельные князья со своими землями, вассалами, войсками, управленческим аппаратом и подвластным населением. Княжеские

¹ Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 6.

² Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая четверть. С. 742.

³ Налоева Е. Дж. Указ. соч. С. 82.

уделы Кабарды XVIII в. напоминали мелкие феодальные государства в Западной Европе и удельные княжества Руси периода феодальной раздробленности. Следует заметить, что авторитет и престиж власти пщышхуэ во многом определялись внешнеполитической обстановкой, наличием или отсутствием угрозы независимости страны, степенью остроты классовых противоречий в кабардинском обществе. Все удельные князья Кабарды объединялись при возникновении реальной угрозы захвата страны и ее порабощения врагом. В этих экстремальных ситуациях, затрагивающих само существование народа, когда дело безопасности страны приобретало особо важное значение и общеэтнические интересы спасения родины возобладали над всеми другими соображениями, власть пщышхуэ, становившегося во главе всего княжеско-дворянского ополчения, вновь возрождалась в полном объеме. Соответственно с повышением роли высшей исполнительной власти в лице верховного князя усиливалось и значение высшего законодательного и распорядительного органа – Общекабардинской хасы, символизировавшей единство всей Кабарды. И наоборот, с установлением относительно благоприятной, спокойной внешнеполитической обстановки и классового мира брали верх антиинтеграционные тенденции и центробежные силы, происходило падение авторитета и престижа власти пщышхуэ, и обе кабардинские хасы превращались в номинальную и даже фикцию. Поскольку внутреннее положение и внешнеполитическая обстановка были крайне неустойчивыми, то соответственно часто менялись местами триумф и падение власти верховного князя и общекабардинской хасы в системе общественно-политического строя Кабарды XVIII в., который, по мнению историков-адыговедов, специально занимавшихся его изучением, представлял собой княжескую республику во главе с верховным князем, избираемым княжеским «советом» или верхней «палатой» хасы. Или, другими словами, государственно-политический строй Кабарды XVIII в. можно определить «как сословно-представительную монархию в форме феодальной княжеской республики»¹.

Важнейшей доходной статьей казны старшей хасы была подать с населения и штрафы. Сбором дани занимались бейголи, за которыми следил олиипш². У черкесов, в том числе и у кабардинцев, не было ни полиции, ни тюрем, все строилось на строгом исполнении обычно-правовых норм и установлений, на высоком, непререкаемом авторитете древних народных традиций, на уважении князя, старшин и вообще старших, на пиетете самого звания «адыга», означавшего «благородный, воспитанный, честный, мужественный человек», когда их сразу останавливали слова: «Уадыгэкъэ уэ, адыгэм укьилъхуакэ?» (Разве ты не адыга, не от адыга родился?). Иначе говоря, существовал неписанный свод законов «Адыгэ хабзэ», регламентировавший все стороны жизни адыгского общества, а наряду с этим был и другой свод неписаных законов – «Уэркъ-хабзэ» – для феодальной верхушки. Эти неписанные правила выполнялись по долгу чести, работали столетия не менее надежно и эффективно, чем писанные законы. Словом, это был, по существу, морально-этический и правовой кодекс, выработанный адыгами, веками жившими без централизованного государственного устройства, без писаных законов, который мог бы сделать честь любому другому цивилизованному народу.

Старший князь мог взыскивать с населения всей Кабарды штраф за провинности и уклонение от воинской службы. В журнале капитана Барковского за 1747 г.

¹ Кажаров В. Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 72.

² Налоева Е. Дж. Указ. соч. С. 82.

отмечены факты штрафования старшим князем Кабарды Батокой Бекмурзиным крестьян и узденей Мисостова удела за нарушения его приказа: не оказывать помощи беглым князьям. В другом месте того же журнала сказано: «...а на узденей владельцев Мисоусова детей штрафы кладут по одному, по два и по три ясырей с каждого двора»¹.

Олиипш – главный представитель власти – имел своего соправителя – кодза (кьюэдзэ), который избирался из среды знатных уорков. Влияние кодзов в общекабардинских делах было значительным.

Делопроизводство велось сугубо устно, но в штате олиипша числился и писарь, который использовался при составлении писем к главам различных государств. В основном переписка велась на тюркском или арабском языках и скреплялась личными печатями князя.

Старший князь Кабарды являлся и главнокомандующим всеми воинскими ополчениями Кабарды. По его призыву все удельные князья выступали со своими уоркскими ополчениями, состоявшими исключительно из конницы. Перед лицом военной опасности объединялись не только уделы Большой Кабарды, но и даже Малая Кабарда оказывала помощь Большой. Например, в 1732 г. на вопрос вице-канцлера России А. И. Остермана, «во время баталии Малая Кабарда Большой Кабарде вспоможение чинит ли?», кабардинский князь Магомет Атажукин ответил, что «до сего времени от них им никакого вспоможения чинено не бывало, токмо в бытность ево, владельца, нынешней осени в Сулак, когда приходило на Большую Кабарду крымское войско, то он, владелец, слышал, что и Малая Кабарда, соединясь с Большою, с крымцами баталию имели»².

Выше уже было отмечено, что уоркские ополчения составляли главную военную силу кабардинских князей. Вассальная служба князю была обязанностью всех без исключения уорков, живших в его владениях. Они составляли княжескую дружину, на которую опирался князь для поддержания своей власти над народом и совершения походов. Подобно тому, как это было в любом феодальном государстве, кабардинские уздени должны были по зову своего князя выходить на войну лично, а если они имели своих вассалов-узденей, то брать и их с собою. «Согласно их феодальной системе, – писал П.-С. Паллас о черкесах, – знатный, и даже всякий человек, способный носить оружие, должен сопровождать князя во время войны»³. То же самое сообщал и Г.-Ю. Клапрот: «Уздени должны следовать за князем на войну всякий раз, как это требуется, и снабжать стольким числом своих подданных в качестве вспомогательных войск, сколько нужно князю и сколько они в состоянии выставить»⁴. На такую чисто средневеково-рыцарскую форму организации общественно-политической жизни черкесов обратили внимание европейские и русские авторы. Академик П.-С. Паллас увидел здесь, в Кабарде, где он побывал в конце XVIII столетия, классический образчик «рыцарской феодальной знати»⁵. Другой известный ученый Фредерик Дюбуа де Монпере, говоря о черкесах, тоже писал, что «это образец феодальной рыцарской средневековой аристократии...»⁶. Такого же мнения был и известный

¹ Налоева Е. Дж. Указ. соч. С. 82.

² Цит. по кн.: Тхамоков Н. Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. С. 175.

³ АБКИЕА. С. 221.

⁴ Там же. С. 261.

⁵ Кубанский сборник. Краснодар, 1909. Т. 14. С. 328.

⁶ Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхиду, Армению и Крым // АБКИЕА. С. 237.

европейский кавказовед Карл Кох: «В их обычаях так много рыцарского и прекрасного, что это трудно себе представить»¹. Рыцарь той эпохи – это, прежде всего, отважный, искусно владеющий оружием, щедрый, великодушный защитник слабых. Наивысшая ценность для него – честь и верность. Таков основной смысл, который вкладывался в данном случае в понятие «рыцарство». Ополчения, дружины кабардинцев могли собираться в сжатые сроки, когда кто-либо шел на них войной. Магомет Атажукин в беседе с вице-канцлером России Остерманом в 1732 г. говорил, что «когда от них повестка военным людям учинится, то в одне сутки все, со всякою готовностью, собраться могут»². В середине XVIII в. княжеские дружины Большой Кабарды составляли «с лишком 6 тысяч человек», а Малой Кабарды – «с небольшим 3 тысячи человек», только из одних князей и уорков³.

Вооруженные ополчения Кабарды периода феодализма, таким образом, являлись орудием, призванным защищать господство горских феодалов и страну от внешних врагов.

Важное место в общественной жизни кабардинцев занимало судопроизводство, юридической основой которого являлось обычное право, основанное на преданиях предков. Судопроизводство, как и перечисленные выше институты, являлось орудием угнетения трудящихся масс, оно закрепляло социальное неравенство и угнетение одних другими.

По данным Ш. Б. Ногмова, в каждом ауле, в пределах которого вотчинник (кьюэжэпщ) осуществлял высшую военную и административно-политическую власть, существовало «...по одному хеезжа, т. е. «третейский суд», в котором разбирались все дела, кроме уголовных, и жалобы местных жителей. Суд этот составляли несколько человек из благонадежных узденей и депутатов со стороны народа, ежегодно им избираемых с утверждения самого князя... Жалобы же на судей, также уголовные и относящиеся до всего народа дела разбирались и решались под предводительством князя в хе, т. е. «главном суде», учреждавшемся в постоянном месте жительства князя»⁴. Представителей, заседавших в хей, утверждал сам князь, и зачастую он сам председательствовал при рассмотрении наиболее важных вопросов.

Суд был гласным. Судебное разбирательство проходило открыто. В доказательство требовалось свидетельство двух лиц. При отсутствии улик присяга обвиняемого признавалась доказательством невиновности. Прениям сторон отводилось большое место. Вместо вдов и сирот выступали ближайшие родственники, называемые «очиль» («уэчыл» – защитник). Приговор выносился устно, а стороны присягой заверяли соблюдать решение суда⁵.

В качестве мер наказания применялись: общественное порицание «пуналат», которое выступало и как дополнительная мера по отношению к лицам, совершившим тягостное преступление, возмещение убытка, наложение штрафов, изгнание из общества и т. д. Самой распространенной, однако, была система штрафования⁶. Надо здесь отметить, что как и в XVIII в., так и позже из-за отсутствия денежной системы у кабардинцев (как и у других народов Северного Кавказа) компенсация за различного рода преступления взималась с виновного натурой – круп-

¹ Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли// АБКИЕА. С. 604.

² КРО. Т. 2. С. 55.

³ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1748 г., д. 6, л. 12. об.–13.

⁴ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. С. 148.

⁵ Налоева Е. Дж. Указ. соч. С. 83.

⁶ Там же. С. 83–84.

ным и мелким скотом, лошадьми, оружием, материей, металлической домашней посудой и другими вещами, а также рабами и крепостными крестьянами. Это хорошо прослеживается по адатам, опубликованным Ф. И. Леонтовичем.

При наказании за воровство и другие правонарушения непременно учитывалась не только степень совершенного преступления, но и сословная принадлежность как истца, так и ответчика. Одно и то же преступление, совершенное различными по своей сословной принадлежности лицами, влекло за собою различное наказание. Так, в материалах Терско-Кубанской сословной комиссии был зафиксирован такой факт: «По смерти одного из Тамбиевых... по обыкновению, в дом умершего со всех мест Кабарды съехались жители для совершения дуа... В числе приходивших был один Седаков из сословия беяслан-ворк... который, пользуясь бывшею в доме суматохою, украл из конюшни Тамбиева лошадь. Воровство из дома считается для пострадавшего тяжкою обидою, в настоящем же случае она становилась кровною, так как воровство совершено было в печальный для Тамбиевых день похорон ближайшего их родственника. Весь народ принял участие в положении оскорбленных, он сам отыскал виновного, сейчас же по совершении воровства бежавшего из Кабарды, и немедленно лишил его жизни. Если бы на месте Тамбиевых (они принадлежали к сословию тлякотлешей. – Р. Г.) был Седаков, а на месте Седакова – Тамбиев, то ничего подобного не случилось бы, т. е. Тамбиев заплатил бы Седакову стоимость лошади или возвратил бы ту же самую лошадь, несмотря ни на какое ее изнурение, и уж, конечно, не имел бы никакой нужды в побеге»¹.

Из сказанного следует, что судопроизводство в Кабарде в целом носило классовый характер и стояло на страже интересов господствующих классов, представители которых, в отличие от эксплуатируемых масс, фактически были ненаказуемы за совершенные уголовные преступления.

В это время в Балкарии функционировал институт Тёре – высший выборный орган управления общественной и политической жизнью средневековых горских обществ, носивший это древнетюркское название, означавшее «святой совет». Выборы в Тёре проходили один раз в семь лет на сельском сходе в количестве 5–7 наиболее достойных людей. Избранники общины выбирали из своей среды одного представителя в общеущельский совет, или Гитче Тёре, – Малый Тёре. Последний, в свою очередь, выдвигал одного тёрегивхалкь Тёре – Общенародный Тёре. Кроме того, функционировал Уллу Тёре – Большой Тёре, или Верховный Тёре, а также «бий кенгеш» (княжеский совет) – Бий Тёре. В отличие от Малых Тёре, Общенародный Тёре не был постоянно действующим органом и собирался раз в два-три месяца для решения вопросов, касающихся всех входящих в союз общин, а также в случаях обострения политической обстановки. Верховный Тёре созывался редко, по исключительно важным вопросам. На его заседаниях присутствовали члены общенародного Тёре, а также и представители малых советов. Княжеский совет собирался для обсуждения вопросов, касавшихся лишь самой социальной верхушки. Каждое ущелье и аул Балкарии имели свои места схода. Но особое место отводилось Балкарскому обществу, Балкарскому Тёре. Поскольку Большая Балкария считалась местом первых поселений предков-балкарцев, ей придавалось особое значение: здесь заседал Общенародный Тёре, в котором принимали участие представители из других балкарских ущелий, а также из Карачая и Осетии. Об особой роли, ко-

¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. С. 240.

торую играло Балкарское Тёре, писал Басият Шаханов, подчеркивая, что «по всем наиболее важным, уголовным и гражданским делам обращались к нему, для чего ездили из других обществ в Балкарское». А по словам В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского, Балкарское Тёре было еще и высшей апелляционной инстанцией. Вопросами особой заботы Тёре были проблемы суверенитета и защита территориальной целостности, войны и мира, укрепления дружественных взаимоотношений с соседними народами. Тёре часто выступал посредником между феодалами и крестьянством, между балкарскими обществами. На нем разбирались и решались поземельные споры и различные гражданские и уголовные дела. В балкарской надписи, датируемой Л. И. Лавровым 1715 г., рассказывается о спорных земельных вопросах между балкарскими обществами (Балкария, Безенги, Хулам, Чегем, Баксан), которые по обычному праву решал третейский суд. В его составе, согласно историческим преданиям балкарцев, кроме последних участвовали приглашенные представители соседних народов – сванский князь Отар Дадешкелиани и кумыкский Агалар-хан. Среди участников совместного судебного разбирательства третейского суда, по данным Л. И. Лаврова, были кабардинский князь Асланбек Кайтукин, широко известный в русских документах первой половины XVIII в. (князь Большой Кабарды, глава кашкатауской партии), дигорский владетель Караджава; осетин Битаров. Решением третейского суда балкарский таубий Исмаил Урусбиев получил согласие соседних феодалов на владение землей у границ Большой Кабарды и Осетии. Помимо самих балкарцев в этот народный суд (Тёре) нередко обращались также жители Карачая и Дигории¹.

Заседание Тёре происходило под председательством старейшего и достойнейшего из таубиев, носившего титул олий (вали). Последнему принадлежала верховная власть над всеми таубиями и всем народом. В его распоряжении имела военная дружина. По его зову все таубии должны были явиться к нему верхом при полном вооружении в сопровождении своих узденей с отрядами. Олий как верховный правитель созывал народное собрание, в котором участвовали все таубии, уздени, а иногда и крестьяне. Решения народного собрания, которые подлежали неуклонному исполнению всеми без исключения, а также и Тёре, утверждались олием. Такие народные собрания и суды существовали во всех балкарских обществах. Но главный, верховный Тёре, в котором решались наиболее жизненно важные для всего народа вопросы, собирался в Верхней Балкарии². Включение Балкарии, как и Кабарды, в административную систему Российского государства, распространение на горцев его правовых норм подорвали основы общинного управления, началось постепенное ослабление и угасание деятельности института Тёре в Балкарии.

Таким образом, характерной чертой Кабарды исследуемого периода являлась феодальная раздробленность, причины которой крылись в логике развития и зрелости феодальной собственности, феодальных отношений вообще, острота классовых противоречий и сложность внешнеполитического положения. Развитие феодальных отношений здесь достигло такого уровня, что процесс обособления и консолидации удела был завершен, а удельные князья превратились в типичных феодальных «государей» со всеми присущими им при-

¹ Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // Кавказский этно-графический сборник. 9. М.: Наука, 1989. С. 199.

² Более подробно см.: Малкандуев Х. Х. О балкаро-карачаевском Тёре // Мир культуры. Нальчик, 1990. Вып. 1. С. 57–68.

знаками. Сохранившийся обычай выбора старшего князя не мог предотвратить растущее дробление уделов между отдельными князьями, хотя попытки объединения предпринимались в различные периоды отдельными историческими деятелями.

В Кабарде XVIII в. можно говорить о наличии феодального государственного образования, государственности, предполагающей, как известно, деление общества на классы – «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства...»¹. Но здесь имелись еще только лишь отдельные слабые, неразвитые политические надстройки, присущие централизованной государственной власти. Это объяснялось отсутствием соответствующего экономического базиса. Здесь не было развитых экономических связей. Феодальные владения, на которые распалась Кабарда, были политически и экономически обособлены.

Феодальная раздробленность – одна из характерных черт, присущих кабардинскому обществу в XVI–XVIII вв. Ей, как и во всех других феодальных обществах, где она имела место, в Кабарде сопутствовали междоусобные войны со своими трагическими и драматическими последствиями.

По мнению некоторых ученых, если с конца XVI и в начале XVII в. в основном вражда происходила между отдельными княжескими родами из-за права на «старшее княжение», то с 30-х гг. XVII в. борьба феодалов идет из-за кабаков, их крестьянского населения и из-за узденей, особенно имеющих свои кабаки².

Порядок княжения по очереди постоянно нарушался, что вело к непрекращающимся раздорам, смутам и столкновениям. На главенство претендовали более сильные княжеские фамилии. Но если в XVI в. в борьбе за власть феодальные фамилии выступали сплоченно, то с постепенным дроблением княжеских семей борьба разгоралась уже внутри этих семей одного княжеского рода. Процесс распада феодальных фамилий достиг своей наивысшей остроты в XVIII в., когда междоусобная борьба в Кабарде приняла массовый характер³.

К этому времени в Большой Кабарде сложились, как сказано выше, две важнейшие группировки, или «партии», феодалов – баксанская (в районе р. Баксан) и кашкатауская (в районе горы Кашкатау, в верховьях р. Черек, р. Чегем стала границей), которые на протяжении всего XVIII столетия вели между собой ожесточенную борьбу. Баксанскую партию возглавлял Исламбек Мисостов со своими сыновьями Исмаилом, Алко, Наврузом и Картыком и племянниками Магомедом и Нитчею Кургокиными, Карамурзою Алиевым, Касаем Атажукиным, с братьями Магомедом, Алегуком, Казием и Бахтыгиреем. Кашкатауская партия возглавлялась племянниками Исламбека – Асланбеком (Расланбеком) и Джамбулатом Кайтукиными с родными братьями Келемурзой, Касбулатом и Каниметом. К этой же партии примкнули двоюродные братья Кайтукиных – Батоко и Эльмурза Бекмурзины. Представители этой партии ранее тоже жили на Баксане, но после ссоры были вынуждены покинуть его берега и поселиться в Кашкатау⁴.

В основе обострения борьбы между феодалами Большой Кабарды и образования этих группировок, членами которых являлись ближайшие родственники,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

² См.: Моков Б. М. Феодальные группировки, междоусобная борьба в Кабарде в XVII в. и отношение к ней русского правительства // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. С. 74.

³ КРО. Т. 2. С. 83–84.

⁴ Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 78.

лежали социально-экономические причины, а именно: вопрос о феодальных наследственных земельных владениях.

В исследуемый период в Кабарде на смену фамильному принципу феодального владения появился новый принцип частносемейного владения. Если в XVI–XVII вв. основной вид земельной собственности представляли неразделенные фамильные владения, то уже в XVIII в. наблюдалось дробление феодального землевладения. И проявлением борьбы старого и нового принципов феодального владения явилось возникновение баксанской и кашкатауской группировок в Большой Кабарде. Это была борьба между ближайшими родственниками за земельные владения по р. Баксан. А «Баксан, – как свидетельствовали источники, – изо всех при Кавказских горах лежащих мест почитается за крепкое, хлебородное и скотопажитное место»¹. Именно здесь, по Баксану, располагались центральные угодья Большой Кабарды.

О том, что эта борьба велась именно за земельную собственность, свидетельствует обращение Асланбека Кайтукина в 1745 г. к кизлярскому коменданту В. Е. Оболенскому. Ниже приводится этот документ полностью, потому что до последнего времени отдельные ученые пытаются отрицать частную собственность на землю в Кабарде, и будто бы владельцы здесь об этом понятия вообще не имели². Асланбек Кайтукин, прося примирить его с «баксанскими владельцами», писал: «А кто будет нас в наших делах разбирать и по тому, что есть моево владения, подданных людей на Баксане то б мне отдать и меня со всем моим владением посадить на отцовском старом жилище на Баксане. Понеже имеются около реки Баксану мои сенные покосы и пашенные земли, также и горы, на которых в летнее время скотские табуны и овцы пасутся, а ежели на Баксане со владением моим русские люди посадить не пожелают, я готов жить и на Малкереке или здесь, у Бештовых гор, токмо вышеписанные бы мои сенные покосы и пашенную землю и по горам угодья отданы бы были мне, понеже я в своем владении имею скота, и овец, и лошадей довольно число»³.

Из изложенного явствует, что в этот период в Кабарде существовала частная собственность на землю, что зачастую кровопролитная междоусобица в среде феодальной знати разгоралась именно из-за земельных владений.

Борьба между князьями Большой Кабарды за владение землей на Баксане лишний раз подтверждает несостоятельность вышеупомянутых утверждений. Совершенно ошибочным был подход к этому вопросу и в дворянско-буржуазной историографии. Так, К. Ф. Сталь считал, что у черкесов было слишком много свободных земель, и они их поэтому не ценили и не пытались присваивать в личную собственность⁴. Но на самом деле земля кабардинскими феодалами, располагавшими большим количеством крупного и мелкого скота, табунами лошадей, ценилась настолько высоко, что ради нее они шли на эти кровавые распри.

Состав двух враждовавших группировок постоянно менялся. Баксанская партия располагала конницей до 5 тыс. всадников, а кашкатауская – до 2 тыс. Но несмотря на это, кашкатауская партия все-таки считалась сильнее, так как в ее состав входило больше феодалов, а это имело в то время важное значение. Как

¹ КРО. Т. 2. С. 160.

² Здесь имеется в виду последняя работа Л. И. Лаврова «Историко-этнографические очерки Кавказа» (Л., 1978).

³ КРО. Т. 2. С. 125–126.

⁴ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. С. 130–132.

известно, личность кабардинских князей была священна и неприкосновенна не только для их подданных, но и для всех адыгов, и никто не мог на них поднять руку. По словам К. Ф. Сталя, лицо, «покусившееся на жизнь князя», подлежало непременно истреблению «с целым семейством»¹. «При сражениях, – указывалось в документе XVIII в., – владелец узденей и подданных их бьет и рубит, а уздени на противного им владельца по древнейшим их обычаям и рук своих поднять не могут и только что сами от них ретируются и спасают живот свой»².

Внешнеполитическая ориентация враждующих группировок тоже постоянно менялась в зависимости от политической ситуации. Руководство Коллегии иностранных дел в 40-х гг. XVIII в. взяло курс на поддержку силами России баксанской партии, в связи с чем она стала официально рассматриваться как ориентирующаяся на Россию, а кашкатауская – как ориентирующаяся на Крымское ханство. В действительности же «кашкатавцы» добивались поддержки России, а когда не получили ее, искали союзников на Кубани и в Крыму. Аналогично поступали и «баксанцы». Для того чтобы добиться перевеса над своими соперниками, феодалы прибегали к помощи извне. В результате систематических междоусобиц наносился огромный вред трудовому народу, представители которого в большом количестве гибли в бесплодной борьбе, резко ослаблялась хозяйственная жизнь Кабарды, поскольку выжигались деревни, вытаптывались пашни, угонялся скот. «Сами князья были причиной бедствий своей родины; спор за право владения никогда не прекращался, – писал Ш. Б. Ногмов. – Не находя достаточно сил в земле своей, они (князья) призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам»³. Обрисовав критическое положение Кабарды, представлявшей в ту эпоху «вид рассеянного воинского стана, где каждый, ополчась, охранял свое имущество вооруженной рукой», Ногмов пришел к заключению, что «уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды»⁴. Ногмову как историку хорошо было известно, что ослабление и гибель не только отдельных родов, но и целых государств и народов, оставивших лишь покойников и их могилы, начались с внутренних раздоров и неурядиц.

В первой четверти XVIII в. Баксанская партия неоднократно призывала крымцев и кубанцев, используя их в борьбе с «кашкатавцами». Последние были настолько обеспокоены, что обратились за помощью к России. В 1721 г. Петр I приказал астраханскому губернатору Волынскому выступить в Кабарду. Сюда были введены русские войска совместно с калмыками и донскими казаками. Крымцы и кубанцы были вынуждены покинуть территорию Кабарды. Волынский, при посредничестве бывших при нем калмыков от Тайши Аюки, созвал руководителей враждующих группировок и примирил их. При этом он добился, чтобы они от всех кабардинских владельцев принесли присягу на верность России⁵. Кстати, присяга или клятва с древнейших времен являлась способом обеспечения международных обязательств. На практике такой способ встречался вплоть до конца XVIII в. Что же касается России, то здесь при принятии в свое подданство или

¹ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. С. 144.

² АВПР, ф. Кабардинские дела, 1744 г., д. 4, л. 140 об.

³ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. С. 134–135.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ См. об этом: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. Т. 17–18. С. 375; Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 79; КРО. Т. 2. С. 153–154.

покровительство мусульманских народов или отдельных владетелей, как непрелюбое условие закрепления этого акта, производилась «шертная (клятвенная) запись». При этом клятва давалась на Коране – этом основном кодексе учения ислама. А вот кахетинский царь Александр подписывал в 1587 г. при царе Федоре «крестоцеловальную запись», поскольку он был христианского вероисповедания и представлял единоверную христианскую Грузию.

Но затишье длилось недолго. После приведения к шерти (присяге) некоторые из кабардинских феодалов баксанской партии, как, например, племянники Ислама Мисостова – Магомед Кургокин, Кара-Мурза Алиев, Касай Атажукин – оставались верными России, но не прекращали своих враждебных действий против кашкатауской группировки. Поэтому в 1722 г. один из лидеров «кашкатавцев» Асланбек (Расланбек) Кайтукин обратился во время Персидского похода к Петру I с просьбой о защите их от «баксанцев». Помощь была обещана, но не оказана, наверное, из-за осложнившихся русско-иранских отношений. В 1724 г. баксанские феодалы изгнали из Кабарды главных кашкатавских феодалов, а их крестьян, подчинив себе, перевели ближе к Баксану, поселив их по берегам рек Нальчика и Черека. Не получив помощи от России, Асланбек Кайтукин стал добиваться покровительства Крымского ханства. Наверное, хан эту просьбу не оставил без внимания, потому что в этот период крымские и кубанские войска часто вторгались в пределы «баксанцев».

В 30-х гг. Асланбек снова призвал крымцев, вернулся в Кабарду и даже был избран старшим князем. Тем временем «баксанцы» обратились к России за помощью, и Асланбек Кайтукин был опять вынужден бежать за Кубань, где и умер в 1746 г. После этого «по нем оставшие владельцы, братья и дети его в 1747 г. со старшим баксанским владельцем Магомедом Кургокиным, посредством детей его, от Расланбековой сестры рожденных, примирились», но здесь же они «выгнали с Баксану Касая Атажукина с его братьями, а сами и со своими подданными для житья перешли в Баксан и завладели Касаевыми подданными». Касай Атажукин с братьями прибыли в Кизляр с просьбой помочь им вернуться в Кабарду, но их противники отказались с ними вообще примириться¹.

Как видим, в междоусобной борьбе применялись чисто феодальные методы войны – захват и разорение подданных своих соперников, угон скота и т. п. Более того, междоусобица не учитывала родство. Борьба шла между близкими и дальними родственниками, вчерашние союзники зачастую становились кровными врагами. Известно, что соседние горские народы находились в зависимости от кабардинских князей. Так или иначе, но они тоже оказывались втянутыми во внутренние распри кабардинских князей. Например, когда в 1747 г. в результате междоусобной борьбы князя Мисостовы были побеждены, то князя-победители во главе со старшим князем Кабарды Батоккой Бекмурзиным делили владения Мисостовых как внутри Кабарды, так и за ее пределами. Для решения этого вопроса в Кабарду были приглашены представители соседних народов. Прибывший в этот период в Кабарду с особыми поручениями русский капитан И. Банковский рапортовал в Астрахань, что в Кабарде обнаружил «...сбор множества старшин чеченских, дугурских, балкарских, карачай... абазинских», о чем поручил Яковлеву разведать². Яковлев в своем доезде писал по этому поводу: старшины «объявили ему, Яковлеву, что из них некоторая часть была подвластна Касаю Атажукину с братьями (т. е. Мисостовым) и призвали-де нас для

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1748 г., д. 6, л. 1–8.

² Налоева Е. Дж. Указ. соч. С. 77.

того, чтоб ныне по ссоре Бамата Кургокина с реченными их владельцами (т. е. Мисостовыми) нам подвластными их людьми не называться. И разделили-де нас Батоко и Бамат с братьями по себе и чтоб нам тех владельцев самих и жен их в жилища свои не пущать и ничем не снабдевать... и, ежели у кого есть оных владельцев, Месовусовых, холопов или какой скот, – оных им объявить, а тем владельцам не отдавать. И в том берут с нас присягу»¹.

В 1760 г. баксанская группировка снова затеяла междоусобицу, пытаясь с помощью Турции и Крыма изжить «кашкатавцев» из Кабарды и завладеть их имениями и крепостными. Для примирения враждующих сторон царским правительством в Кабарду был направлен майор Татаров². Ему временно удалось прекратить междоусобицы, но с его отъездом они опять начались.

Лишь в последней четверти XVIII в., после присоединения Крымского ханства к Российской империи, появилась возможность как-то ограничить междоусобную борьбу кабардинских феодалов.

Князя Большой Кабарды помимо борьбы между собой предпринимали нападения на Малую Кабарду. В 1755 г. феодалы Малой Кабарды просили царское правительство «повелеть», чтобы владельцы Большой Кабарды вернули им «захваченные... кабаки... и впредь ни под каким образом обид и разорения не чинили» им³. Ввиду непрекращающихся нападений князей и узденей Большой Кабарды, причинявших разорения и бедствия, подвергавших «подвластных дедовских узденей и рабов» насильствам и нападкам, владельцы Малой Кабарды просили, чтобы с «подвластными людьми нашими при границе вашего императорского величества переведены были в одно место, где мы будучи можем исполнять по высочайшим вашему императорского величества указам повеленныя службы»⁴.

В связи же с этим в записи, сделанной в Коллегии иностранных дел в октябре 1760 г., русские пределы из-за обид, причиняемых владельцами Большой Кабарды⁵.

Как видам, некоторые кабардинские князья вместо того, чтобы способствовать экономическому и политическому развитию Кабарды, были прямой помехой этому. Претендуя на роль «покровителя» народа, они фактически были его притеснителями и разорителями, мало заботясь о своих подданных, не думая о необходимости создания мирной, спокойной обстановки для подвластного населения.

Гордые, властолюбивые, своенравные кабардинские князья, ревниво следившие за своей владельческой «честью», проявлявшие болезненное неравнодушие к авторитету и славе друг друга, отчаянно боролись между собой за верховенство, за власть, каждый из них непременно хотел быть первым, главным, только он – и никто другой – должен был «властвовать один над кабардинским народом»⁶. И эта постоянная междоусобица, подпитываемая извне, истоки которой уходят в далекое прошлое, явилась одной из немаловажных причин того, что адыги на протяжении веков не смогли преодолеть политическую раздробленность, найти общий язык, воспринять объединительные идеи и стать под общим национальным флагом, создав единое централизованное государство, способное преобразовать феодальную анархию в прочный общественный порядок. Из-за различных причин центробежные силы здесь оказались непреодо-

¹ Налоева Е. Дж. Указ. соч. С. 77–78.

² Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 г. С. 167–224.

³ КРО. Т. 2. С. 198–199.

⁴ Там же. С. 200–201.

⁵ Там же. С. 203–204.

⁶ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 103.

лимыми. Феодалная вольница взяла верх над центральной властью, порядок не смог победить анархию. Костер междоусобия продолжал гореть. Его губительное, зловещее пламя поднималось все выше. И это не случайно, ибо, как известно, развитие феодальных отношений приводит к децентрализму, усилению раздробленности и местной обособленности, так характерной для феодальной эпохи, феодального строя, как, впрочем, и в средневековой Европе, и на Руси. Ожесточенная междоусобная борьба князей и других знатных самолюбивых и независимых владельцев оставалась сильнейшим препятствием на пути к единению адыгов, созданию из мелких государственных образований, каковыми были уделы, одного целого, крупного государства с единой политической системой управления. Нескончаемым бедствием для народа и кровавой преградой к более полному раскрытию его духовного потенциала на всем протяжении затянувшейся на века феодальной эпохи и серьезно помешавшей своевременному созданию единого централизованного государства в Кабарде. Еще в X в. арабский историк и путешественник Масуди, сочинения которого являются важным историческим источником, обратил внимание на это слабое, уязвимое место в политической организации адыгов, указав, что «они не допускают назначить над собой царя, который объединил бы их»¹. Подмеченная историком черта в характере адыгов в самом деле постоянно проявляла себя на протяжении всей сложной крутой истории Кабарды. Передовые адыги решительно выступали против столкновений знати за власть, все чаще потрясавших Кабарду, против, говоря словами и Хан-Гирея, ужасной гидры «кровавых раздоров и мщений», повергшей «кабардинское поколение в страшные бездны бедствий». И далее: «Села пылали и пустыли, а нивы земледельцев обгалялись их кровью. Княжеские и многие дворянские фамилии вовсе были истреблены, а другие, покинув свое отечество, где все было жертвою меча и мщения, искали спасения под чужим небом и в покровительстве иноплеменников»². Междоусобная борьба все более и более разгоралась. Особенно частыми были конфликты между князьями и первостепенными узденями, что приводило к разрыву вассальных отношений между ними. Уоркское сословие, пользуясь правом перехода от одного князя к другому, стремилось обогатиться за счет более могущественных князей.

Феодалный адыгский адат «уорк-хабзе» осуждал разрыв вассальных связей как подрывавший основы феодального господства. Политического единства не было у адыгов и в последующие века. На это обращали внимание средневековые писатели и авторы нового времени. «Черкесия разделена между многими владельцами... – отмечал католический монах Доминиканского ордена, возглавлявший в 1624–1634 гг. доминиканскую миссию в Каффе, автор «Описания Черного моря и Таврии», составленного в 1634 г., Эмиддио Дортелли д'Асколи. – Они более склонны к междоусобицам, чем христианские владетели...»³. «Каждый князь, каждый дворянин, даже отпущенник – сам себе хозяин и подчиняется только самому себе, – писал о черкесах Дюбуа де Монпере. – Тысячи интересов раскололи этот народ на множество независимых племен и родов, ревниво относящихся друг к другу, ревниво оберегающих свою свободу»⁴. На такое состояние адыгов, на значение в этом некоторых их национальных черт характера указывал Ш. Б. Ногмов. Он писал: «Народ наш не имел гражданского устройства и, не зная

¹ См.: Материалы по истории СССР. М., 1985. Вып. 1. С. 291.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 155–156.

³ АБКИЕА. С. 63.

⁴ Там же. С. 438.

выгод правительства сильного, не терпел неограниченных правителей в земле своей, и думал, что лучшее благо для человека есть необузданная свобода...»¹. Но несмотря на это, такие конфликты почти не прекращались. Особенно значительными были столкновения между князьями и 1-й степени узденями – тлекотлешами и 2-й – деженуго. Тлекотлешы имели большой вес в общественной жизни Кабарды. У каждого кабардинского князя в XVIII в. были свои «старшие уздени» из тлекотлешей. Кроме того, во главе узденей каждой из феодальных группировок – кашкатауской и баксанской – тоже стоял кто-либо из тлекотлешей. Согласно записи в «журнале» бригадира Петра Кольцова, находившегося в Кабарде, к нему в лагерь 20 мая 1744 г. приезжали «баксанской партии владельцы... и при них старшие уздени Азамат и Ханшока Тамбиевы». Аналогичное сообщение мы встречаем и в «журнале» о пребывании в Кабарде в 1753 г. майоров Ивана Барковского и Петра Татарова. В записи от 26 августа 1753 г. говорится, что был у майоров «кашкатавской партии первый уздень» Батыр Куденетов².

Первостепенные уздени Куденетовы, Тамбиевы, Анзоровы не были безусловно привержены своим князьям из враждующих партий и какой бы группировке ни принадлежали, сохраняли между собой тесные родственные связи. Это в какой-то степени сдерживало разорительные действия ослепленных междоусобной враждой кабардинских князей. Так, Батыр Куденетов в июне 1744 г., когда «старший владелец» «кашкатавцев» князь Асланбек Кайтукин, не желая примириться с баксанцами (на чем настаивал прибывший в Кабарду бригадир Кольцов), собирался уйти из Кабарды «в крымскую сторону», решительно выступил против этого. 8 июня 1744 г. уздени кашкатавской партии, возглавляемые Куденетовыми, прислали бригадиру Кольцову письмо, что они готовы принять все меры к примирению кашкатауских и баксанских владельцев, а если кто из них «к миру склонен не будет, то, сообщась с русскою командою, на того противника должны нападение учинить и ево убить»³.

При этом кашкатауские уздени заявляли, что «они от своих жилищ, чтоб оставя дедовские и отцовские жилища, в другое место, яко в Крым, намерения никакова не имеют и неспособно, и между ими таких людей не сыщется, ибо то как российской стороне, так и им противно». Кашкатауские уздени были уверены, что они добьются от своих владельцев согласия на их предложение, так как «имеют своих владельцев в руках, как от них никуда не уйдут»⁴.

Уздени кашкатауской партии просили бригадира Кольцова устроить встречу с баксанскими узденями. «А после того, может быть, кто из владельцев с обеих сторон помирятся, а ежели который владелец... не помирится, от того они отстанут, и ежели за противность ево повелено будет наказывать, то они ево разорить и наказать могут или выгнать безо всего из Кабарды»⁵. Это заявление исходило в первую очередь от первостепенных узденей, которые чувствовали себя достаточно сильными, были недовольны непрекращающимися междоусобицами и стремились к установлению мира. Владельцы обеих группировок, встревоженные заявлениями узденей, не хотели допустить их встречи. Но когда Кольцов настаивал на этом, «баксанцы», боясь лишиться помощи России, вынуждены были согласиться, только при этом заявили: «...весьма б то хорошо было, чтоб они,

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 61.

² Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. С. 189.

³ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 190.

⁴ АВПР. Ф. Кабардинские дела, 1744 г., д. 4, л. 126.

⁵ Там же, л. 126.

владельцы, сами при том были, а не заочно, а ежели им отпустить одних узденей, то паче чаяния как уздени их согласятся с кашкатаускою партиєю и присовокупятся к ним и от них, владельцев, отстанут»¹. И все же князьям удалось сорвать намечавшуюся встречу и возможность соглашений между узденями враждующих группировок. Но приведенный факт свидетельствует о том, что против княжеских междоусобиц выступали и уздени, иногда даже первостепенные – тлекотлеши, которые, обладая известной самостоятельностью, могли составить серьезную оппозицию кабардинским князьям.

Отношения между последними и уорками продолжали обостряться по мере дальнейшего развития феодальных отношений. Это была борьба за захват богатств, и в первую очередь – земли.

Происходившие внутриклассовые столкновения особенно обострились во второй половине XVIII в. «Кабардинские все узденья, – писал командующий Отдельным Кавказским корпусом П. А. Текелли генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину в 1788 г., – с владельцами находятся теперь в великом несогласии. О причиняемых якобы от сих последних первым обидах положили между собою, если владельцы их не удовольствуют, то узденям с ними никуда не ездить и, кто имеет на воспитании владельческих детей по их обычаям, возвратит к отцам и их не принимать. А кто противу сего предпримет и обличен будет... таковых, собравшись всем узденям, разорить»².

Как видно из документа, отношения были настолько обострены, что уздени отказывались от традиционных уз аталычества, связывавших их с владельцами. Но какими бы ни были столкновения между князьями и узденями, они не могли привести к окончательному разрыву и обычно заканчивались общим согласием.

В конечном итоге и от междоусобной борьбы, бушевавшей на протяжении всего XVIII столетия в Кабарде, и от внутрисословных противоречий между князьями и уорками страдали трудящиеся массы. Междоусобицы, сопровождавшиеся многими людскими жертвами и разорением, приводили к разрушению производительных сил, к обнищанию народных масс, к общему ослаблению края, что облегчало, в свою очередь, проникновение турецко-крымских агрессоров в Кабарду, в отношениях с которой они придерживались обычной политики всех завоевателей, выражающейся в словах «разделяй и властвуй»: они вмешивались во внутренние дела Кабарды, поддерживали взаимную неприязнь кабардинских феодалов, разжигали между ними огонь внутреннего несогласия, доводя междоусобицу до кровавой развязки; осуществление колонизаторской экспансии царизма в регионе. Здесь обращает на себя внимание двойственность политики царизма по отношению к феодальной междоусобице: с одной стороны, раздоры среди кабардинской знати были ему на руку, ибо игры на противоречиях группировок феодальной верхушки давали возможность царским властям постоянно вмешиваться во внутренние дела Кабарды, эффективнее влиять на поведение владельцев, ослабляя и подчиняя их своей воле. Но, с другой стороны, наличие враждебных группировок с различными внешнеполитическими ориентациями в какой-то степени осложняло и затрудняло установление своего безраздельного господства в крае. О том, насколько серьезно подрывала силы и мощь горцев эта междоусобная борьба, свидетельствует Иоганн Бларамберг, который писал: «Если бы не было причин для раздоров в их среде, горцы стали бы очень опасны»

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1744 г., д. 4, л. 127–127 об.

² РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 2, св. 120, л. 112.

ми соседями, и можно не без основания применить к этим народам то, что говорил Фукидид о древних скифах: «Нет ни в Европе, ни в Азии народа, который мог бы оказать сопротивление скифам, если бы последние объединили свои силы»¹. Обнищание крестьянства в результате междоусобных войн вело к обострению социальных противоречий. А феодалы, предавая забвению свои междоусобицы, объединялись для подавления крестьянских выступлений, как это было в 1767 г.

К концу рассматриваемого периода Кабарда значительно потеряла политическую самостоятельность, общественно-политический строй кабардинцев подвергся деформации. Некоторые традиционные социальные институты в силу их несовместимости с правовой системой России прекратили свое существование, другие были расшатаны и подорваны, пришли в упадок, третьи приспособились к новому административно-политическому режиму, установленному здесь колониальными властями. Был нанесен невосполнимый ущерб самолюбию гордых кабардинских князей. Къуажэщ, который ранее был всемогущим, полным, неограниченным хозяином положения у себя в вотчине, являлся гарантом ее целостности, безопасности и интересов своих подданных крестьян, считался блюстителем вековых народных обычаев и традиций, чистоты нравов, теперь его права и действия в сфере управления, суда и военной защиты были ограничены, и он вынужден был считаться с распоряжениями местной российской администрации, установившей контроль над краем.

Неуклонное и все расширяющееся активное вмешательство царизма во внутреннюю и внешнеполитическую жизнь горцев, подмена прерогатив княжеской власти распоряжениями его местной администрации неизбежно вели к определенной деформации социально-экономического и хозяйственно-бытового укладов жизни, традиционного общественного сознания и культуры, на которых веками держалась власть и авторитет горской знати, потере общественно-политическими институтами своего влияния и социальной базы. Верховенство закона, т. е. обычаев и традиций, уступало место праву сильного, что вело к резкому падению престижа кабардинских владельцев в глазах подвластного им населения. «Вообще у черкесов, до последнего времени, князья имели большое значение, – писал Н. Ф. Дубровин, – но, по мере того как народ покорялся нам, князья постепенно теряли свою власть и силу. Народ, утратив свою независимость и видя, что русский пристав имеет больше силы и значения, чем их князь, переставал подобострастно смотреть на последнего. На мирских сходах стал даже возбуждаться вопрос: нужен ли князь тому народу, который покорился русскому правительству? Нужно ли сохранять князю те выгоды, которые народ предоставлял ему в период своей независимости? Вопросы эти разрешались в неблагоприятную сторону для князей, и общество нередко восставало против платежа ясака на том основании, что, покорившись России, они не нуждаются в вооруженной силе, представителями которой были князья»².

¹ *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 27.

² *Дубровин Н. Ф.* Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 173–174.

Глава II

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
В XVIII ВЕКЕ

§ 1. Торгово-экономические связи Кабарды и Балкарии с Россией

В XVIII в. продолжились и значительно развились русско-кабардино-балкарские торгово-экономические связи, основы которых были заложены в предыдущие столетия.

Как известно, одной из распространенных форм экономических связей в эпоху Средневековья являлось товарное обращение, торговля. Внутренний рынок в Кабарде и Балкарии в рассматриваемый период оставался слабым, не получив сколько-нибудь значительного развития по сравнению с предыдущим периодом. Это было следствием неразвитости производительных сил, сохранявшегося господства натурального хозяйства и крайней слабости географического разделения труда внутри рассматриваемого региона.

В Кабарде и Балкарии в то время, да и позже не было городов и крупных ремесленных центров, как и в других соседних феодальных владениях региона. Занятие населения на всей означенной территории носило единообразный характер, каковым являлось сельское хозяйство, а также традиционными были и домашние промыслы, с которыми была связана каждая кабардинская и балкарская крестьянская семья, занимавшаяся самообеспечением. Кроме того, здесь сказывалась и национальная черта, которая выражалась в этнических различиях, в число которых входило и различие в экономической деятельности, в том числе и торговле.

Последняя в то время в Кабарде и Балкарии считалась непрестижным занятием (как ростовничество в средневековой Европе было уделом только евреев), а в Китае она даже являлась презируемой сферой деятельности¹. Поэтому местное купечество было малочисленно и бедно. Все это, вместе взятое, не способствовало созданию благоприятных условий для развития торговли, определяло незначительность масштабов внутренней торговли, которая продолжала быть еще меновой, и главным мерилom в ней оставался скот. Она находила свое выражение главным образом в том, что балкарцы выменивали у кабардинцев хлеб, который редкий год они собирали в необходимом количестве, а также покупали у них и соль. О неразвитости внутренней торговли в Кабарде и Балкарии в XVIII в. свидетельствует и отсутствие здесь в тот период собственной денежной системы. Обмен был безденежным, натуральным, товар на товар. Горцы просто обменивали свои ремесленные изделия и скот на предметы первой необходимости у русских поселенцев.

По сравнению с размерами внутреннего обмена солидными выглядели выручки кабардинцев и балкарцев от внешней торговли, которая издавна велась с

¹ *Игрунов В.* Экономические реформы как один из источников национальной напряженности // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993. С. 52.

народами Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, Византией и другими странами. Что же касается торговли между кавказскими горцами и Россией, то она активно велась в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, Терках и других городах. Главной статьёй вывоза на внешний рынок в XVIII в. служила продукция овцеводства, коневодства, пчеловодства, охоты и различные изделия местной обрабатывающей промышленности. Вывозились также и излишки земледельческих продуктов.

По любопытным ведением, содержавшимся в обстоятельных записках об «импортной» и «экспортной» торговле «черкесских» и соседних им народов Карла Пейсонеля, в середине XVIII в. (с 1750-го по 1762 г.) из Черкесии, в том числе и из Кабарды, ежегодно вывозилось через Тамань в Каффу (Феодосия. – Р. Г.), торговавшую с Южной Европой, до 10 млн кг мытой высококачественной овечьей шерсти, 100 тыс. кусков сукна «чекмень», 5–6 тыс. шитых чекменей, 60 тыс. суконных шаровар, или штанов из чекменя, 200 тыс. бурок, 5–6 тыс. бычьих кож, 500–600 тыс. кг меда, 50 тыс. куньих, 100 тыс. лисьих, 100 тыс. волчьих, 3 тыс. медвежьих, 500 тыс. бараньих шкур, много воска, огромное число рогов бычьих и диких баранов и т. д.¹ И все это «не считая рабов обою пола и лошадей. Объем такой торговли должен был достигать 8 млн руб.»². Такой сравнительно широкий размах внешней торговли был связан с развитием сельского хозяйства и различных ремесел и промыслов, приведший к значительному росту разделения труда и специализации производства, что, в свою очередь, привело к заметному увеличению избыточных продуктов, поступающих на рынок.

Эти цифры воскрешают перед нами живую картину хозяйства и быта адыгов (черкесов). Овцеводство, коневодство, земледелие и промыслы, пчеловодство и охота – вот основы их тогдашнего хозяйства. Кроме того, примечательным в этом перечне является упоминание об экспорте готовой продукции, т. е. страна не только сбывала сырье, но и вывозила на внешний рынок и готовые изделия, что свидетельствовало о том, что искусство адыгских (черкесских) мастеров ценилось в то время и за пределами Кавказа.

Таким образом, для обеспечения только экспортных нужд в масштабах, учтенных Пейсонелем, Черкесия, в том числе и Кабарда, должна была содержать в XVIII в. ежегодно значительное количество крупного рогатого скота и свыше 11 млн овец. Из этого числа на долю Кабарды относился минимум один миллион овец, учитывая, что из Кабарды вывозилась примерно $\frac{1}{10}$ часть общего экспорта Черкесии, шедшего через порты Таманского полуострова³. Кроме того, в Крым и Турцию вывозилось большое количество скота, и особенно важную статью торговли составляли черкесские лошади, которые «чрезвычайно» ценились. Кабардинские (черкесские) лошади, замечательные качества которых в XVIII в. были хорошо известны не только на всем Северном Кавказе, но и в Закавказье, Крыму, России, Иране и Турции. Лошадей кабардинской породы, высоко ценившихся на мировом рынке, из Крыма затем вывозили в Польшу, Литву, Молдавию и Венгрию.

«Наконец, – пишет польский историк Б. Барановский, – следует упомянуть о значительном импорте в Польшу кавказских лошадей... В магнатских табунах можно было в то время увидеть много кавказских лошадей – черкесских, «георгиевских» и др. За них уплачивали огромные деньги. Цены на них были гораздо

¹ Пейсонель К. Трактат о торговле на Черноморье // АБККЕА. С. 195–197.

² Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 109.

³ Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 86.

выше цен на турецких и персидских лошадей. Это были в то время самые дорогие лошади, покупаемые польскими магнатами»¹. Что же касается популярности и спроса на кабардинскую лошадь у соседних народов, то желание приобрести ее было заветной мечтой очень многих. «Мне бы иметь осетинскую девушку и кабардинского коня», – гласит ингушская поговорка².

Пейсонель отмечал, что «наиболее известными породами» кабардинских лошадей в его время были шолох и бекан. Цена кабардинских лошадей в Крыму, куда они продавались в большом количестве, была в 10–13 раз выше обычной. А стоимость отдельных образцов кабардинских лошадей знаменитых пород колебалась в пределах от 500 до нескольких тысяч пиастров, превышая среднюю стоимость крымской лошади минимум в 25 раз³. В изучаемый период широкое распространение получила работорговля. «Рабы, – отмечал К. Пейсонель, – являются одним из главных предметов торговли Черкесии»⁴. Рабы из Черкесии представлялись почти на все невольничьи рынки Средиземноморья. Организацией работорговли занималась султанская Турция, которая, опираясь на своего услужливого вассала Крымское ханство, на протяжении нескольких столетий методично и регулярно тысячами ежегодно выкачивала людские ресурсы Черкесии, разрушая и уничтожая тем самым генофонд нации. А что касается предметов импорта, то ими служили различного рода хлопчатобумажные, полотняные и шелковые ткани, а также выделанные кожи типа сафьяна, юфты и опойки⁵. Эти предметы совсем не производились в Кабарде и Балкарии. Но в число ввозимых товаров входили и такие, которые в ограниченном количестве изготавливались на месте. К ним относились ружья и порох, которые поступали из России и Крыма. Порох покупали также в Грузии и Дагестане.

Потребность Кабарды в железе, свинце и серебре не только не уменьшилась, а наоборот, еще больше возросла, но их добыча здесь была почти прекращена. Это, казалось бы, парадоксальное явление объяснялось тем, что с расширением торговых связей покупать эти металлы стало более выгодным, чем добывать их из местных руд. Поэтому кабардинцы и балкарцы импортировали все необходимое им железо, свинец и серебро. Свинец покупали «у российских и крымских купцов», а железо «у тавлинских (дагестанских. – Р. Г.) народов»⁶.

Вышеперечисленными предметами далеко не исчерпывался ассортимент импортируемых в XVIII в. в Кабарду и Балкарию товаров. Ввозили сюда также чугунную, медную и жестяную посуду, сундуки, различные ткани, хлопчатобумажные и шелковые нитки, иголки, бритвы, зеркала, женские украшения и многие другие предметы. Кабардинцы закупали у русских купцов большое количество соли. Феодалы покупали и предметы роскоши, и не в малом количестве.

Пейсонель в своем обширном трактате о торговле на Черноморье называет, например, в числе большого перечня самых разнообразных товаров, ввозившихся из стран Европы и Азии в Черкесию, в том числе и в Кабарду, не только хлопчатобумажные ткани (более 100 тыс. кусков ежегодно), полотно (150 тыс. кусков), железо в брусках (2–3 тыс. центнеров), свинец (3 тыс. центнеров), олово (1500–1800 фунтов), иголки и другие «мелочные железные товары всякого

¹ Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 254.

² Калоев Б. А. Осетины: (Историко-этнографическое исследование). С. 195.

³ Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 87.

⁴ Пейсонель К. Указ. соч. С. 197.

⁵ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 142.

⁶ КРО. Т. 2. С. 55, 62.

рода», которые являлись предметом широкого потребления, но и такие товары, которые предназначались для удовлетворения изысканных потребностей черкесских князей и знатных узденей. Эти предметы роскоши включали такие товары, как сафьян (1000 кож), фабричные тонкие сукна (4 тюка), шелковые ткани (7–8 тыс. кусков), крученые шелковые нитки (до 1500 фунтов), кисея для женских покрывал (1000 кусков), румяна и белила (600–900 фунтов), самшитовые и роговые гребни (1–1,5 тыс. штук), шерстяные одеяла (400–500 штук), купальные простыни (500–600 штук), а также кофе, рис, сушеные винные ягоды, маслины, перец, инжир и другие восточные пряности¹. Часть этих товаров: шелковые и хлопчатобумажные ткани, кисея, сафьян, восточные пряности, инжир и другие сушеные фрукты – ввозились в Кабарду и Балкарию из Закавказья. Оттуда же поступали серебряная и медная посуда, ковры, бисер, драгоценные камни, золото и серебро. Многие товары, поступавшие из Закавказья, были персидского, турецкого и индийского производства².

Торговля с Закавказьем поддерживалась главным образом по старинному пути, ведущему из Грузии по Дарьяльскому ущелью на Северный Кавказ. Но товары отсюда поступали в Кабарду и Балкарию и через Дагестан, с которым также с давних времен поддерживался постоянный и оживленный товарообмен. Еще в 1789 г. указом Екатерины II было разрешено дагестанцам беспошлинно ездить для торговли с Кабардой «по русской стороне»³. А сами кабардинцы и балкарцы с целью торговли выезжали в калмыцкие улусы, к осетинам и другим соседним горским народам.

В рассматриваемый период, особенно в первой его половине, Кабарда и Балкария продолжали играть определенную роль в качестве связующего звена между Западным и Восточным Кавказом, между портами Черного и Каспийского морей. Такая роль обеспечивалась торговым значением транзитного пути от Тамани до Дербента, шедшего через их территорию. По этому же пути кабардинцы и балкарцы поддерживали постоянные торговые контакты с адыгскими племенами в Закубанье, а через их земли доставляли свои товары к черноморским портам и получали отсюда крымские, турецкие и западноевропейские изделия. Источники содержат противоречивые сведения об объеме адыгской торговли с Западной Европой и Востоком через Черноморское побережье. Но если взять вполне достоверные данные К. Пейсонеля, относящиеся к 50–60 гг. XVIII в., то сумма черкесского импорта составляла 834 630 руб. серебром по тогдашним ценам, а экспорта – до одного миллиона рублей⁴.

Однако в XVIII в., особенно во второй его половине, значение причерноморской торговли для Кабарды и Балкарии неуклонно падает. В связи с усилением позиций России на Северном Кавказе и расширением торгово-экономических связей местных народов с нею, ослаблением Крыма и Ирана теряет свое былое торговое значение и транзитный путь, шедший через территорию Кабарды и Балкарии, от Тамани до Дербента.

И, наоборот, снова оживляется и начинает приобретать все большее и большее значение заглошшая было до этого старинная дорога из Закавказья по Дарьяльскому ущелью на Северный Кавказ как наикратчайший и безопасный путь, связывающий Грузию с Россией.

¹ Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII веке // Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 100–101.

² Там же.

³ ПСЗРИ. Т. 18. № 16810.

⁴ См.: Клинген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 62–63.

Поскольку в то время выход из Дарьяльского ущелья еще находился в руках кабардинских князей и дорога, шедшая дальше на север, пролегла по территории Кабарды, то ее оживление имело немаловажное значение для расширения торгово-экономических связей Кабарды и Балкарии с Россией и Грузией.

Северокавказские народы издавна поддерживали тесные торговые связи с русским населением края. Как свидетельствуют источники, еще терские казаки с начала их поселения на новых местах, т. е. с середины XVI в., устанавливали тесные торговые отношения с местными коренными жителями – горцами.

Важную роль в налаживании и укреплении этих связей играл терский город Терки, который был заложен на этот раз на правом рукаве Терека – Тюменке, при впадении его в Каспийское море, в 1588 г. во владениях кабардинского князя Канклыча Черкасского «для утверждения царской власти в пятигорских черкасах»¹. Первая русская крепость на Северном Кавказе, которая была заложена еще в 1563 г. по «челобитной» Темрюка Идарова, но потом несколько раз сносилась по требованию Турции и Крыма, однако вновь и вновь возводилась. Она находилась по берегу Терека и получила название Терки.

Городок-крепость Терки, ставший центром царской администрации на Северном Кавказе, являлся важнейшим стратегическим и опорным сторожевым военным форпостом и одновременно важным торгово-экономическим центром, вокруг которого объединялись все существовавшие к этому времени по Тереку поселения русской вольницы². С возникновением Терков связи северокавказских горцев с русским населением стали разносторонними, постоянными и устойчивыми. В Терках был сосредоточен большой военный гарнизон «стрельцов», хранились военные и продовольственные запасы. В кладовых находившихся здесь терских воевод постоянно хранились пушнина, меховые шубы и другие ценности для подарков и подкупов приезжавших сюда местных горских феодальных владельцев и гостей – послов из других стран. Наряду с военнотрудовым населением здесь жили и русские торговые люди, а также представители восточных и западных стран. Терский городок был не только русской крепостью и резиденцией царских воевод: очень скоро крепость уже не могла вместить все увеличивающееся население, поэтому вокруг образовались четыре слободки с многочисленным пестрым, разноплеменным местным населением, кабардинские князья со своими узденями, приходившие сюда служить, основали Заречную (за рекой Тюменкой) Черкасскую слободу (самая крупная), населенную выходцами из Кабарды, рядом с нею возникли слобода Новокрещенская, населенная выехавшими в Терский город и крестившимися северокавказскими жителями, слобода Татарская из ногайцев, чеченцев, «кумыков и других горцев и слобода Окоцкая»³. Терский город был на Северном Кавказе центром не только местной, но и транзитной торговли. Из Терского города шли пути к Азову на Дон, на Рязьк, к Москве, на Астрахань, в Закавказье и Иран⁴. Известно, что через Терский город ехало в 1650 г. из Москвы в Имеретию и обратно русское посольство во главе со стольником Толочановым и дьяком Иевлевым. В Балкарии послов радушно принимали и снабдили вьючными лошадьми и провизией владелец Айдабол и старшина Алибек. В Терках были гостиные дворы для восточных купцов и русские торговые ряды. Уже в XVII в. здесь имелись лавки и два раза в

¹ Попко И. Терские казаки с стародавних времен. Т. 1. С. 111.

² Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М.: Наука, 1981. С. 22.

³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 293.

⁴ Там же.

неделю устраивались базары, а кроме того, периодически проводились специальные конские базары. Сюда горцы со всего Северного Кавказа пригоняли для продажи большое количество скота, особенно лошадей, доставляли продукты животноводства, земледелия и изделия кустарной и ремесленной промышленности, выменивая на них у казаков металлические изделия, сукна, «мягкую рухлять», т. е. меха, соль, рыбу, домашние холсты, овощи и т. д. С первых дней обоснования в Черкасской слободе его основатель, один из влиятельнейших кабардинских князей Сунчалей Канклычевич Черкасский, сохраняя верность присяге и союзническому договору, активно содействует укреплению Терского городка, возведенного на его наследном владении, расширению через него сферы влияния России на Кавказе, играет посредническую роль во взаимоотношениях первой с другими северокавказскими и грузинскими правителями. Он был пожалован русским княжеским титулом и титулом князя «Терских черкас и всего нерусского населения». Впоследствии его власть распространилась и на проживающих в городке казаков. Его власть и титул, ставшие фактически наследственными, передавались от отца к сыновьям, внукам и правнукам, которые управляли, предводительствовали горцами и казаками во время походов и сражений. Наиболее яркий след в истории как князя – правителя «нерусским населением» и казаками Терского города, полководцы и дипломаты оставили Муцал Сунчалеевич и Касбулат Муцалович.

Постройка городка на Тереке имела не только торгово-экономическое, но и важное военно-политическое значение, перекрыв путь османам в Среднюю Азию через Северный Кавказ, укрепив позиции России среди горских народов региона, взятых ею под свою защиту от турецко-крымской агрессии. В 1640 г. в Черкасской слободе, основанной князем Сунчалеем Канклычевичем Черкасским, была произведена перепись населения, зависимого от сына ее основателя князя Муцала Сунчалеевича Черкасского, и в ней числилось около 180 дворов «дворовых» и «задворных» узденей Муцала, зависимых от него и его узденей «черкес» и «окочан», тезиков и татар – «закладчиков» Муцала ¹.

В 1724 г. после Персидского похода было завершено строительство крепости Святой Крест на р. Сулак, и Петр I 22 сентября подписал указ, которым генерал-майору М. Л. Матюшкину, оставленному вместо себя командовать русскими поисками и флотилией на Каспии, предписывалось перевести туда гарнизон и жителей Терков. Из Города Терки в крепость Св. Крест переселили всех жителей со своими семьями, скотом и домашним скарбом. В числе переселившихся были два знатных кабардинских владельца – князь Эльмурза Черкасский и Асланбек Калиметов со своими подданными. В полуверсте от крепости Св. Крест они основали слободу Ахочинскую, населенную кабардинцами и другими горцами Северного Кавказа, перешедшими в русское подданство. Их насчитывалось около трехсот фамилий. В 1735 г. терские казаки были включены в состав кабардинских переселенцев, перешедших на русскую службу с князем Эльмурзой Черкасским, и вместе составили Терско-Кизлярское казачье войско. Войсковым атаманом был генерал-майор князь Эльмурза Черкасский, которому было определено жалованье в размере: 1300 руб. деньгами, 100 ведер вина и 500 четвертей муки ². Горцы, поселившиеся здесь, завели хозяйство, занимались скотоводством, торговлей и различного рода промыслами. Здесь были открыты лавки, караван-сарай. У «черкесов», живших в слободе, пишет В. Б. Вилинбахов, одно из видных мест занимала торговля. Это свидетельство «тем более важно, что, когда

¹ КРО. Т. 1. С. 192–197.

² *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. С. 70.

речь идет о торговле в крепости Святого Креста, обычно полагают, что ею занимались только русские, армянские и грузинские купцы»¹.

Важное значение для дальнейшего укрепления позиции России в регионе и развития политических и торгово-экономических связей терских народов с нею, в частности товарообмена Кабарды и Балкарии с русским населением, имело основание на Северном Кавказе, в непосредственном соседстве с горами укреплений-поселений и городов-крепостей Кизляра (1735) и Моздока (1763), ставших центрами торговли в крае.

Кстати, с первыми русскими городами на Северном Кавказе связаны знаменитые на весь мир имена великого русского полководца А. В. Суворова и его ученика и сподвижника, прославленного полководца, героя Отечественной войны 1812 г. П. И. Багратиона. Что касается героя Шенграбена, Бородина и многих других сражений Петра Ивановича Багратиона, чья боевая служба овечна бессмертной славой, то он родился в Кизляре в 1765 г. в семье отставного полковника из старинного рода грузинских князей Багратидов².

Эти города Северного Кавказа, хотя и возникли как форпосты русской оборонительной линии и опоры колониальной политики царизма на подступах к горному Кавказу, играли объективно и иные важные функции в краю горцев. Они не только служили опорной базой в защите народов Северного Кавказа от турецко-крымской и персидской агрессии, но и превратились в центры ремесленного производства и главные торговые пункты, где местное население сбывало свою продукцию земледелия, животноводства, домашних промыслов и скот и приобретало необходимые изделия русской промышленности. С основанием этих городов торговые связи горцев и русских становятся постоянными. По торговым делам в эти города приезжают представители всех горских народов.

С 30-х гг. XVIII в. и до начала XIX в. Кизляр – первый старейший на Северном Кавказе город, долгое время остававшийся единственным во всем Предкавказье, – являлся не только административным и военно-стратегическим центром Северо-Восточного Кавказа, откуда исходили все нити управления огромным краем, но и местом, с самого возникновения приобретавшим все большее значение оживленного товарообмена с Россией³. «В продолжение 50 лет до устройства на Кавказе Моздокской линии, – писал известный кавказовед академик Берже, – Кизляр был, так сказать, русской столицей на Кавказе»⁴. «Кизляр, с одной стороны, – отмечал другой кавказовед Б. В. Скитский, – являлся главной цитаделью русского могущества на Северном Кавказе; здесь размещались ближайшие к горцам представители русской власти. С другой же стороны, он представлял из себя центр экономической связи и зависимости горских народов от русских властей»⁵. Кизляр рано устанавливает торговые связи с Кабардой, о чем можно судить хотя бы по примеру: в 1747 г. из Кизляра в Кабарду прибыл караван русских купцов в числе более 100 человек⁶. В самом Кизляре в конце XVIII в. имелись три гостиных купеческих дома – русский, армянский и татарский, несколько рынков, лабазов и

¹ Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 153; Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера. Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся. М., 1979. С. 37.

² Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 2. С. 36.

³ Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая четверть. С. 747.

⁴ АКАК. Т. 1. С. 10.

⁵ Скитский Б. В. Социальный характер движения Имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута. Орджоникидзе, 1932. Т. 9. С. 111.

⁶ Гриценко Н. П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965. С. 20.

лавок. «Под татарским гостиним домом нужно понимать купеческую корпорацию, состоявшую из представителей горских народов»¹. В городе имелось множество соляных магазинов, где горцы в большом количестве покупали соль – этот ценнейший продукт, необходимый в повседневной жизни как для людей, так и для многочисленных стад. Сюда, к Кизлярской крепости, были переведены жившие при крепости Святой Крест кабардинцы и представители других национальностей. Командование над находящимися на русской службе представителями северокавказских народностей, проживавшими в Кизляре, принадлежало кабардинскому князю Эльмурзе Бековичу Черкасскому и его потомкам. Здесь князья Черкасские имели свое подворье с домом, а неподалеку от города (к востоку от него) большое земельное владение, дарованное им за службу царским правительством. Черкасский квартал, или Черкес-аул, был населен кабардинцами, переведенными сюда из крепости Святой Крест. Большая часть их продолжала служить русскому государству в рядах кабардинской конницы, входившей в состав Кизлярского гарнизона. Начальствование над нею как в военном, так и в гражданском отношении принадлежало генерал-майору Эльмурзе Бековичу Черкасскому. «В наиболее опасные моменты при нападении неприятеля на Кизляр», командование над Терско-Кизлярским войском поручалось кабардинским князьям Бековичам Черкасским². Здесь, в Кизляре, сосредоточивалась почти вся торговля Предкавказья с народами Кавказа. Через Кизляр поддерживались обширные торговые связи не только с северокавказскими народами, но и с Закавказьем и Ираном, оказавшимся на важном транзитном пути из этих стран во внутреннюю Россию. Некоторые восточные страны имели в Кизляре свои консульства. Кизляр вел обширную торговлю с Астраханской, Нижегородской, Екатеринославской, Харьковской губерниями, Москвой, Петербургом, Ригой и другими городами. Из внутренней России русские и армянские купцы привозили сюда, в Кизляр, «хлопчатобумажные ткани, шерстяные изделия, лес, железо, чугун, свинец и другие товары, которые часто сбывали горцам в обмен на соль, рыбу, икру и предметы ремесел, а частью продавали в Закавказье»³. Согласно архивным данным, в торгово-обменных операциях на базарах Кизляра участвовали и торговые люди из Кабарды и Балкарии. Так, в 1758 г. в Кизляр за товарами отправились 11 подданных кабардинских владельцев Касая Атажукина и Бамата Кургокина. «Одной из важных статей дагестано-кабардинского товарооборота являлись прекрасные кабардинские скакуны»⁴. Как свидетельствуют те же архивные документы, в октябре 1761 г. на Червленской таможне были зарегистрированы следующие товары, ввозимые в Кизляр из Кабарды: «...прибывшие от Большой Кабарды тамошние жители... Константин Асламов, при нем масла коровьего – 4 тулука, армянин Зураб Исмаилов с одним товарищем, при них войлоков – 60; князя Бамата Кургокина уздень Толя Уржуков с одним же товарищем, при них войлоков – 40, меду – 3 тулука. Уздень же Исмаила Усейнов с тремя товарищами, при них войлоков – 30, небольшое число нетолченого проса...»⁵. Сведения о торговых людях из Кабарды встречаются и на страницах регистрационного журнала

¹ Гриценко Н. П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965. С. 22.

² Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 82–83, 86, 91, 96–97, 114.

³ Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М.: Наука, 1981. С. 32.

⁴ Иноземцева Е. И. К вопросу о товарно-экономических связях Дагестана с народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 52.

⁵ Там же. С. 51.

Дербентской таможни¹. На базары в Дагестан кабардинцы привозили «хлеб, мед, сукна, бурки, войлоки, чекмени, бараньи овчины, кабардинские шашки, седла, арбы, аробные колеса, конскую сбрую, приводили на продажу лошадей»². В Эндери велась и довольно оживленная работорговля, служившая одной из доходных статей для горских феодалов, перепродававших рабов в Турцию и Персию. Несколько уточняя этот имевший место у горцев факт, отметим, что «все же на Кавказе с рабами» обходились «обычно менее жестоко, чем в Хиве или у киргизов». Иоганн Бларамберг – офицер Генерального штаба Российской империи, служивший в Отдельном Кавказском корпусе, пишет, что «те, кого продает горская знать, – это не их собственные крестьяне, а как раз те, которые попали в плен во время их внутренних войн»³. В другом месте этот же автор, говоря конкретно о черкесах, отмечает, что они «очень редко продают туркам представителей своей нации, разве что это будут украденные рабы»⁴.

Торговля с местными северокавказскими горцами носила преимущественно меновой характер. Вот примерная таблица обменных цен в рублях в переводе на другие товары, относящихся к 60–80-м гг. XVIII в.: лошадь (одна) стоила от 10 до 30 руб., или от 1 до 3 сабель, или от 20 до 60 аршин кисеи; корова – от 5 до 8 руб., или от 3 до 8 котлов (больших медных), или от 10 до 16 вершков сукна; баран – от 1 до 2 руб., или одна пара сапог, или один большой котел; седло кабардинское – от 3 до 10 руб., или одно простое ружье, или один сундук, кованный железом; сукно один вершок – 50 коп., или 10 аршин грубого холста; чекмень – 5 руб., или 5 баранов средних, или одна корова; ружье – от 10 до 50 руб., или от 1 до 5 лошадей по 10 руб. каждая, или от 4 до 33 баранов; сабля – от 10 до 12 руб., или 1 лошадь, или 12 баранов средних; шашка – от 5 до 30 руб., или от 5 до 30 баранов средних, или от 1 до 6 коров⁵. Еще в 1742 г. астраханские купцы-армяне, Ширванов с товарищами, получили привилегию на «содержание в Астрахани и Кизляре фабрик шелковых и бумажных тканей, с правом беспошлинно торговать по всей России своими изделиями тридцать лет...»⁶. А другому армянскому купцу Макарову дано было право торговать в розницу, и «дворы его в Москве, Петербурге, Астрахани и Кизляре были свободны от всяких повинностей»⁷. Кизлярские купцы находились в постоянных торговых связях с соседними горскими народами⁸, которые из года в год крепили и расширялись. Уже в 50-х гг. XVIII в. в Кизляр привозилось различных товаров на 6–7 тыс. рублей, а в начале XIX в. 90 % всех товарных оборотов Кавказской линии принадлежали Кизляру, что составляло более 600 тыс. руб.⁹ Следующие данные характеризуют оборот торговли Кизляра за 4 года с народами Кавказа¹⁰:

¹ *Иноземцева Е. И.* Указ. соч. С. 52.

² *Васильев Д. С.* Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 96.

³ *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 23.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ *Васильев Д. С.* Указ. соч. С. 97.

⁶ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1888. Т. 2. С. 341.

⁷ Там же. С. 342.

⁸ Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века. С. 194.

⁹ *Гриценко Н. П.* Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 72.

¹⁰ *Маркова О. П.* Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII в. // Ученые записки института востоковедения АН Азербайджанской ССР. Баку, 1959. С. 113.

	1777 г.	1778 г.	1779 г.	1780 г.
Привоз	118 539	94 906	55 868	83 765
Вывоз	77 430	80 191	82 460	93 976
Всего	195 969	175 097	138 328	177 741

Другим важным городом в регионе, имевшим не только военное, оборонительное значение, но и призванным стать опорным пунктом русско-кавказских торгово-экономических и культурных связей, был Моздок, основателем которого был малокабардинский князь Кургоко Канчокин. «Князь Малой Кабарды Кургоко Канчокин перешел с 1759 г. на русскую территорию по левому берегу Терека, спасаясь от репрессий князей Большой Кабарды, – писал Иоганн Бларамберг. – Он принял христианскую религию и стал основателем города Моздока, расположившись там со своей семьей и подданными»¹. Правда, здесь допущена некоторая неточность: земля-то, на которой строился Моздок, была кабардинская. Только в результате колониально-завоевательной политики царизма она оказалась «русской территорией». Само слово «Моздок» означает в переводе с кабардинского «темный, глубокий лес». И действительно, местность эта представляла собой в то время дремучее лесистое урочище, вокруг которого расстилались широкие степные просторы, служившие пастбищем для многочисленных табунов и стад кабардинских владельцев. Спустя годы, военный историк В. Потто с восторгом пишет: «Екатерина с самых первых дней своего царствования начинает уже серьезно заниматься Кавказскими делами, и то, что было сделано ею в Моздоке, было только началом той великой программы, на выполнение которой потребовалось целое столетие и миллионы материальных жертв и нравственных усилий. Первоначальная идея, так счастливо и вовремя подказанная Канчокиным, с течением времени развилась до колоссальных размеров и при основании Моздока едва ли кто подозревал, что мы кладем краеугольный камень завоеванию Кавказа»². Еще до возникновения Моздокской крепости, т. е. 9 октября 1762 г., был составлен доклад Сената на имя императрицы Екатерины II об отведении урочища Моздок для поселения крестившихся кабардинцев во главе с владельцем Малой Кабарды Кургокой Канчокиным (А. Ивановым), построения там крепости и превращения Моздока в центр распространения промышленности и торговли.

Основанием для доклада Сената послужило представление, сделанное Коллегией иностранных дел относительно просьбы находящегося в Петербурге Кургоки Канчокина (Андрея Иванова), принимавшего активное участие в возведении Екатерины II на престол и награжденного золотой медалью, пожелавшего переселиться на новое место жительства с братьями и подвластными им людьми.

В начале доклада сказано о положении Большой и Малой Кабарды, определенном 6-м артикулом Белградского мирного трактата 1739 г. Здесь же приводятся некоторые сведения об осетинах, киштинцах (ингушах). Далее излагается заявление Кургоки Канчокина о желании его двоюродных братьев – Ислама, Гирея и Алхаса – принять, как и он, христианскую веру и с просьбой поселить с восемьюстами подданными «по реке Тереку между урочищ Моздока и Мекеня»³. «Помянутые оба урочища, – сказано в докладе, – принадлежат бесспорно к здеш-

¹ Бларамберг И. Указ. соч. С. 122.

² Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 85.

³ КРО. Т. 2. С. 218–219.

ним границам и к поселению удобны, да и турецкому двору, когда сей крещеной кабардинской владелец с другими таковыми ж новокрещенными в здешняя границы переведен будет, по 8-му пункту заключенного трактата, претендовать неможно. Итак, по прошению его надлежит отвести на поселение их место на Моздоке или на Мекене, или где в тамошней стороне, по усмотрению кизлярского коменданта и по соглашению с ним, владельцем, причем запотребно быть видитца, построить тут со временем, когда какое-нибудь начало зделаетца к переселению его, и крепость небольшую, имянуя по урочищу, при котором заложена будет, а в ней церковь и для владельца хоромы. В той же крепости при церкви быть может и архимандрит Пахомий с духовными персонами, езда оттуда и в горы по временам»¹.

Планировалось поселить в Моздоке не только кабардинца Кургоку Канчокина с его братьями и их подвластных, а также и представителей других горских и негорских народов. «Сверх же того, – говорилось в докладе, – можно позволить для усиления Кизлярского краю о поселении и всякой нации людей, то есть чеченцев, кумык и других из горских народов и ногайцов, креститься желающих, поручая в ведение одного владельца; а для размножения шелку и мануфактур – о дозволении селитца и всех христианских наций людям, как то: грузинам, армянам и другим, находящимся за границами Российской империи; располагая их селения по реке Терку между новой крепости и гребенского казачьего Червленнаго городка; и каждой нации особливими слободами, давая волю в строении церквей для отправления службы Божией каждому по своему закону, а магометан не селить. И остаецца теперь только отпустить отсюда помянутого владельца Андрея Канчокина в дом его с надлежащим объявлением и удовольствием»².

Сенат, рассмотрев представленные Коллегией иностранных дел соображения относительно поселения на новом месте малокабардинского владельца Кургоки Канчокина (Андрея Иванова) и его братьев с их подданными, пришел к заключению, которое и доложил императрице Екатерине II.

«Сенат, – сказано в докладе, – по слушании всего того определил вышеозначенных осетин, киштинцев, кабардинцев и других из тамошних горских народов, креститца желающих, на кизлярских границах; позволяя селитца с ними же и другим охотникам из христианских народов, как для лутчаго оных безверных народов к христианству приведения, так и ради скорейшаго усиления Кизлярского край... учинить во всем по тому Коллегии иностранных дел рассуждению, позволяя им такие вольности, кои б к благосостоянию их и империи вашего императорского величества способствовали. И о том сочинена будет как инструкция командиру, так и привилегия для жителей тех мест; и потому помянутого крещеного владельца Андрея Иванова наградить чином подполковничьим и позволить писаться князем Черкасским-Канчокиным с произвождением ему жалованья такого, какое в рассуждении по пребыванию его в разных местах назначено; и учиня ему надлежащее объявление в верной вашему императорского величества службе, привесть к присяге и отпустить в дом его, удовольствовав при отпуске...» Канчокина и его узденей денежным вознаграждением³.

Сенат, поддерживая предложение Коллегии иностранных дел, рекомендовал теперь же определить при владельце Андрее Иванове «особливого, способного из здешних же человека», знакомого с положением дел на Терекке, могущего за-

¹ КРО. Т. 2. С. 219.

² Там же. С. 218–219.

³ Там же. С. 219–220.

воевать авторитет и влияние среди местных народов, «а и при первом случае возможное без разглашения старание употребить о перезыве на поселение в здешнюю сторону осетин и киштинцев...»¹.

По мнению Коллегии иностранных дел и Сената, отвечающим этим требованиям был находящийся «при калмыцких делах» подполковник Петр Гак, «который в тамошней стороне неоднократно бывал; следовательно, о состоянии тамошних народов и о происходящих с ними делах не может быть несведом»².

На будущее, в целях дальнейшего поощрения северокавказских горцев к принятию христианства и переселению в район Моздока, в целях более быстрого заселения края и увеличения численности не только русских переселенцев, но и своих новых приверженцев в лице христиан из горских новокрещенцев, в докладе Сената императрице предусматривались меры материального, т. е. денежного, вознаграждения.

«Да сверх того, – говорилось в докладе Сената, – для лутчаго поощрения на предыдущее время к поселению в здешнюю сторону помянутых народов, также и кабардинцев, подвластных означенному кабардинскому владельцу Кургоке Канчокину, и других, которые креститься пожелают, давать им при первом случае единожды из казны из кизлярских доходов, а в случае оных недостатка, и из астраханских, так как на нужное и со временем существенную пользу приносящее дело, старшинам и узденям единожды по десяти, а рядовым – по пяти рублей на семью; а холостым против того вполы, чего ради о вышеписанном Сенат просит ваше императорское величество высочайшего указа»³.

Екатерина II утвердила представленный ей доклад Сената. Окончательное положительное решение по вопросу ходатайства К. Канчокина было принято в Сенате 15 октября 1762 г.

11 декабря 1762 г. в Коллегии иностранных дел была сделана запись об отведении места к переселению кабардинскому владельцу Кургоке Канчокину, пожаловании его чином подполковника и приведении его к присяге.

«По указу ея императорского величества, полученному из Правительствующего Сената от 15 минувшего октября, – сказано в записи, – в котором объявлено, что представленное от Коллегии иностранных дел рассуждение о живущих в Кавказских горах за Малою Кабардою осетинах и киштинцах и по прощению находящегося ныне здесь Малой Кабарды крещенаго владельца Коргоки Канчокина, а во святом крещении Андрея Иванова, о переселении их на другие места, Правительствующим Сенатом опроб[ир]овано, и учиненное о том в Правительствующем Сенате определение и высочайшего ея императорского величества конфирмациею, подписанное на поданном от Сената докладе, подтверждено; в Коллегии иностранных дел определено помянутому крещеному кабардинскому владельцу Андрею Иванову, призвав в Коллегию, учинить ему объявление, постановленное в том же рассуждении, следующего содержания:

Ея императорское величество всемилостивейше изволит за благо принять приступление к христианскому закону Малой Кабарды владельца Коргоки Канчокина, а во святом крещении Андрея Иванова, также и всеподданнейшее прошение и переселении его с братьями его и подчиненными людьми, креститься желающими, в здешния границы. По ея императорского величества указу, позволяется ему и братьям его с подчиненными им людьми, принимающими

¹ КРО. Т. 2. С. 220.

² Там же.

³ Там же.

святое крещение, перейти на просимые им места, причем обнадеживаются и высочайшею ея императорского величества милостию и защищением, однако же остается им на те желаемые ими места переходить самим без здешней помочи для того, что, будучи постановлено по настоящему между Всероссийскою Империею и Портою Оттоманскою трактату, кабардинский народ оставить вольным; всякое малейшее сего вольного народа принуждение было бы несходно с оным трактатом; но чтоб ему в том потребное в протчем вспоможение делано было, для того определится к нему нарочной, способной штаб-офицер, и для защищения на тех местах, куда они переходить будут, и некоторой конвой, и притом, сколько в Кизляре и Гребенских городках сыщется принадлежащих к нему людей, оные все ему отдадутся»¹.

Андрею Иванову с того времени «позволялось писаться» князем Черкасским-Канчокиным. Ему также определялось годовое жалованье «...ежели перейдет жить в здешние границы со своими подданными – 500 рублей; но ежели подчиненные его креститься и перейти с ним не похотят, то может он перейти в Кизляр на житье, где для него и дом казенным коштом построен быть может. И жалованья определится ему по 300 рублей; ежели ж он в Кизляр на житье перейти не похочет, а останется по-прежнему в Малой Кабарде, и тогда ему жалованья производимо быть может против кизлярскаго половинное, для получения которого также и для подтверждения своего в христианском законе надобно будет ему приезжать в Кизляр по три раза в год и службу свою отправлять, где повелено будет...»². Таким образом, Андрею Черкасскому-Канчокину представлялось право выбора, где служить, и в зависимости от этого, определялся и размер годового жалованья, но предпочтение явно отдавалось его переселению на новое место; «однакож здесь надежда полагается, что он по усердию своему к христианскому закону и к службе ея императорского величества со многими или малыми людьми в здешния границы перейдет, и к тому ж переходу и крещению и братьев своих уговорит, которым тогда также особое... жалованье определено быть может; и все они особой ея императорского величества милости удостоятся...»³.

Согласно записи, Андрея Черкасского-Канчокина должны были пригласить в Коллегию иностранных дел и здесь объявить ему обо всем и вручить записку на русском и татарском языках, а также привести его здесь же к присяге, что и было сделано в присутствии трех сопровождавших его узденей и одного служителя.

Запись в Коллегии иностранных дел содержит текст присяги, к которой кабардинский владелец, князь Андрей Черкасский-Канчокин был приведен 17 декабря 1762 г. Она гласит, что он будет Российскому правительству «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, как верному подданному надлежит, не щадя живота своего до последней капли крови, и никакой противности ни явно, ни тайно не чинить» и своих «подчиненных до того не допускать и от всяких противных случаев интересы ея императорского величества предостерегать и оборонять», должность свою «надлежащим образом исправлять» и подданных и подчиненных «своих» в добром послушании содержать... и во всем таким образом себя вести и поступать, как доброму и верному... подданному благопристойно есть и подлежит...»⁴. После крещения жена Кургоки Канчокина Каншофа

¹ КРО. Т. 2. С. 221.

² Там же.

³ Там же. С. 221–222.

⁴ Там же. С. 222.

получила имя Веры. У них были две дочери: Надежда и Любовь, а также была с ними и сестра Кургоки – Александра¹.

В 1763 г., вскоре после издания указа о поселении в урочище Моздок крестившихся горцев, здесь началось строительство крепости, которая была воздвигнута за два года и сразу же стала укреплением российской пограничной линии, способствовавшим дальнейшему развитию связей Кавказа с Россией. В 1765 г. Моздок получил постоянное войско, комендантское управление. С целью укрепления Моздокско-Кизлярской линии правительство переселило сюда казаков с Дона и Волги. Население новой Линии пополнялось также за счет местных народов. Уже в 1764 г. в Моздоке поселилось 200 человек мужчин и женщин, преимущественно крестьян из Кабарды и Осетии. Переселение поощрялось деньгами и земельными участками. По указу 1762 г., селившимся в районе Моздока представлялись «вольности»; зависимые крестьяне, приняв христианство, переходили в категорию «свободных»². Так, новая русская крепость на Тереке – Моздок – стала одновременно местом притяжения для угнетенных горских крестьян и источником недовольства представителей феодальной знати, и в то же время ее существование способствовало расширению и укреплению экономических, политических и культурных связей между Россией и народами Кавказа. Значение Моздока быстро росло, чему во многом способствовало его выгодное географическое местоположение. Располагаясь на Центральном Кавказе, он находился поблизости от территории многих горских народов. Через него проходила Кавказская дорога, которая шла дальше на юг, являясь единственной сухопутной трассой, связывающей Россию с Грузией, а на севере она соединяла Предкавказье через Каспийский водный путь с Астраханью, Нижним Новгородом, Москвой и другими торговыми центрами России. И уже в 1765 г. моздокское поселение было переименовано в город, а в 1785 г., при открытии Кавказского наместничества он стал уездным городом³. Вскоре после своего основания Моздок превратился в центр экономической, политической и культурной жизни почти всего Северного Кавказа, притягивая к себе на поселение местное горское население, приезжавшее сюда в поисках убежища и защиты от притеснения своих князей и уорков и мести кровников. По этой причине Моздок отличался от других городов края пестрым национальным составом. Уже в 1763 г. в Моздоке насчитывались 200 крещеных черкесов и осетин. По данным 1803 г., здесь проживало 4097 человек (без гарнизонных войск), в том числе русских – 436, армян – 1411, грузин – 811, осетин – 451, других горцев – кабардинцев – 429. Местные жители, поселившиеся в Моздоке, в порядке поощрения получали широкие права для беспошлинной торговли, земли под пашни, сады и огороды. По другим источникам, во второй половине XVIII в. в Моздоке проживало черкесов-кабардинцев 419 человек (9,4 %) ⁴. Каждая народность селилась компактно отдельной слободой. Население города жило замкнутыми национальными общинами, управлявшимися выборными лицами и придерживавшимися своих обычаев. Из числа переселенцев была в 1764 г. создана Моздокская горская казачья команда для несения

¹ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 153.

² АКАК. Т. 1. С. 81; Скитский Б. В. Холопский вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779). Владикавказ, 1930; Киняпина Н. С., Блиев М. М., Девоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Изд-во МГУ, 1984. С. 23.

³ Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 85, 148.

⁴ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 52.

охранной службы под командованием крещеного кабардинского князя Андрея Канчокина-Черкасского. Проезжавший через Моздок в 1770 г. известный путешественник, академик И.-А. Гюльденштедт отмечал, что эта крепость населена горскими народами, принявшими христианство: кабардинцами, осетинами, а также грузинами, армянами и другими народами. Одна из улиц Моздока носила название «Черкасская», а другая – «Кабардинская». Горцы, поселившиеся в самом Моздоке, как и их сородичи, жившие на хуторах, обрабатывали землю, содержали крупный и мелкий рогатый скот, занимались перевозкой купеческих товаров¹. В Моздоке была открыта первая школа для детей горских народов со стипендией и пансионом и первая на Северном Кавказе типография. В 1774 г. здесь велись важные переговоры, завершившиеся присоединением Северной Осетии к России.

Моздок выполнял значительные торговые функции. В 1794 г. в городе насчитывалось 101 торговое заведение. В 1799 г. в нем была открыта первая ярмарка². Еще с 70-х гг. XVIII в. Моздок стал одним из основных пунктов обменной торговли русских переселенцев с коренными местными жителями. В Моздок и Кизляр на городские базары, отличавшиеся многолюдностью и большой оживленностью, съезжались со всех уголков края кабардинцы и осетины с лесом и хлебом, медом и другими продуктами, ногайцы и калмыки с рогатым скотом и лошадьми, овчинами и пр., чтобы выменять здесь у казаков соль, рыбу, икру, а у русских и армянских купцов хлопчатобумажные ткани, железо, чугун, свинец, посуду, калмыцкий кирпичный чай, кожи и др.³ В Моздоке были построены специальные склады товаров и магазины для стационарной торговли с северокавказскими горцами⁴. Через год после возникновения Моздока, т. е. в 1765 г., на Малке была основана станица Прохладная – вначале как село «государственных крестьян – малороссиян».

В результате сооружения сплошной кордонной Азовско-Моздокской линии в 70–80-х гг. XVIII в. в Предкавказских степях выросли новые крепости, в том числе Св. Георгия, т. е. Георгиевская, (1771) на р. Подкумке, Екатерининская (позже Екатериноградская) (1777) на р. Малке, Ставропольская (1777), ставшие впоследствии городами, а также Павловская на р. Куме, Марьинская на р. Малке, Александровская на р. Тумузловке. В 1780 г. в четырех верстах от горы Машук на левом берегу Подкумка была заложена Константиногорская крепость, положившая начало будущему городу Пятигорску. На правом берегу Терека, у входа в ущелье Дарьяла, «6 мая 1784 года после торжественного молебствия с водосвящением, при гrome русских пушек заложено было... укрепление, названное Владикавказом»⁵.

Владикавказская крепость не только выполняла военно-стратегические и политические функции, но и служила важной базой торговли с Закавказьем и странами Ближнего Востока, а также одним из центров обмена товарами с горцами. Вскоре под защитой грозных стен этой и других крепостей выросли постоянные дворы, торговые дома, лавки и прочие спутники цивилизации. Уже в марте 1780 г. по распоряжению князя Потемкина для «приласкания ка-

¹ Калоев Б. А. Моздокские осетины. М.: Наука, 1995. С. 11, 24, 40.

² Кокиев Г. Ф. Система городских поселений Северной Осетии. Орджоникидзе, 1979. С. 20–21.

³ Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М.: Наука, 1981. С. 35.

⁴ Там же.

⁵ Потто В. А. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. С. 144.

бардинского народа к российской стороне» велено было построить на Азовско-Моздокской линии – в крепостях Ставропольской, Георгиевской и Моздокской – на казенный счет амбары для хранения «мелочных товаров» и лавки для продажи их. В 1783 г. в тех же целях князь Потемкин указывает: «Ко взаимной торговле назначены по линии три города для обмена и продажи товаров: Екатериноград, Георгиевск, Ставрополь»¹.

Таким образом, через несколько лет после основания названные крепости уже официально именовались городами. Претерпев эволюцию от укрепления-ostroга до города в социально-экономическом понимании слова, помимо своего военно-стратегического назначения, эти города в столь многонациональном регионе, каким являлся Северный Кавказ, сыграли и посредническую роль, быстро становясь важными пунктами торгово-экономических и культурных связей с народами Кавказа, способствуя их дальнейшему, более тесному сближению с русским народом. Благодаря этим контактам оживились рыночные связи и хозяйственная деятельность горских народов, которые и охотно вступали в торговые сношения с русскими; под воздействием объективного хода социально-экономического развития региона северокавказские русские города, в свою очередь, несмотря на сохранявшиеся условия натурального хозяйства, на тормозившее влияние господства феодально-крепостнических порядков в стране, стали быстро развиваться и менять свой первоначальный облик. Менялся социальный состав городского населения, возрастал удельный вес купцов и мещан.

К концу XVIII в., хотя подавляющая масса городских жителей по-прежнему продолжала заниматься сельским хозяйством, повысилась роль промышленной торговой деятельности населения, определенная его часть уже обратилась к различным промыслам и торговле. Так, в пяти городах Кавказской губернии (Кизляре, Моздоке, Ставрополе, Георгиевске и Александровске), по данным 1804 г., 34 % населения были мастеровые и рабочие, занятые в промышленных заведениях и в садоводстве; купцы и мещане составляли 19,2 % городского населения. Значительная часть горожан также принимала участие в торговле и ремесле; армяне, грузины, осетины, черкесы в Кизляре и Моздоке числились казенными крестьянами, а фактически занимались торговлей².

Особенно быстро по темпам роста, обгоняя все другие города Предкавказья, развивался Ставрополь, расположенный в центре Главного кавказского торгового тракта. Через него проходил Большой Черкасский тракт (кстати, главная улица самого города называлась Большой Черкасской), соединявший Петербург и Москву с Кавказом. Путь от Москвы до Ставрополя занимал 15 дней, а от Ставрополя до Тифлиса – 10³.

По мере заселения и экономического освоения Предкавказья все больше возрастало значение Ставрополя как важного торгового и транзитного центра, серьезного соперника Кизляра, считавшегося главным пунктом русско-кавказских обменных связей. Здесь быстро менялся социальный состав городского населения, увеличивался удельный вес торгово-промышленной прослойки в его среде, представителей купеческого сословия (15 %). Купцы и мещане составляли основные городские сословия, вместе их доля достигала без малого 37 %. Около половины купцов и почти 60 % мещан всей Кавказской губернии было сосредоточено

¹ Шацкий П. А., Муравьев В. Н. Ставрополь. Исторический очерк. Ставрополь, 1977. С. 15.

² Куприянова Л. В. Указ. соч. С. 38.

³ Шацкий П. А., Муравьев В. Н. Указ. соч. С. 20.

в уездном городе Ставрополе. В 1804 г. здесь уже имелось 39 купеческих товарных лавок, один трактир, несколько кабаков¹.

С появлением северокавказских городов встречи горцев с русскими на базарах и ярмарках теперь стали более регулярными, чем прежние эпизодические, а затем и просто обычным явлением. Ломались старые устои. Круг лиц, связанных с рынком, заметно расширился. В торговлю уже вовлекались многие горские крестьяне, которые раньше из-за дальности поездок не имели возможности участвовать в товарообмене в южнорусских городах. Торговля сулила большие выгоды не только в сфере материальной, но и духовной. Ведь на ее основе происходило частое общение кабардинцев и балкарцев с казаками, знакомство их с бытом, материальной и духовной культурой русских. Торговля сближала и горские народы друг с другом. Она создавала более благоприятные условия для развития мирных и дружественных отношений кабардинцев и балкарцев с соседями: осетинами, ингушами, чеченцами, кумыками, карачаевцами и другими, содействовала дальнейшему укреплению связей и дружбы северокавказских горцев с Россией. Многие горцы и русские находились в приятельских, дружеских отношениях, водили, как говорится, хлеб-соль.

Благородный и древний обычай горцев – куначество – этот своеобразный обычай кавказского побратимства, видимо, порожденный свойственным им рыцарским духом, сильно развитый среди коренного населения, теперь широко распространялся и на русских, с которыми горцы нередко устанавливали лично приятельские, близко дружественные отношения, выражавшиеся не только во взаимном традиционном кавказском гостеприимстве, закон которого предписывал удовлетворять все потребности своего гостя как священной особы и нести ответственность за его личную безопасность, даже рискуя своей жизнью, быть готовым грудью защитить его от любой беды, но и во взаимной помощи и поддержке в любых, даже в самых стрессовых ситуациях.

Об этом свидетельствует факт заимствования слова «приятель», «кунак» из тюркского во многие языки, в том числе в русский: «кунак» (конак) – «приятель», «знакомый, с кем вожу хлеб-соль»². Дословно «кунак» означает по-тюркски «гость», отсюда «куначество» – «гостеприимство», «взаимопосещение». Объяснение такого характера прослеживается во многих трудах по истории народов Северного Кавказа.

Между тем некоторые историки интерпретируют этот термин несколько иначе. В частности, В. К. Гарданов, возражая против такой трактовки слова «кунак», утверждает, что не «всякий гость у горцев, в том числе и у адыгов, считался кунаком, а лишь тот, кто был связан с хозяином дома особыми узами дружбы – куначества, которые в эпоху распада родовых отношений в известном отношении были даже сильнее кровно-родственных»³.

Представляется, что утверждение В. К. Гарданова несколько гипотетично, тем более что выражает субъективное предположение автора, не подкрепленное источником. И тем не менее, видимо, нельзя отождествлять эти два понятия – куначество и гостеприимство, хотя они имеют общее начало, составлявшее одну из важнейших добродетелей народа, и были тесно связаны между собою. «Гостеприимство, свято чтимое между черкесами, – писал еще Н. Ф. Дубровин, –

¹ Шацкий П. А., Муравьев В. Н. Указ. соч. С. 17.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. С. 218.

³ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 308.

не следует смешивать с правами покровительства, или куначества, также весьма распространенного в народе»¹.

Куначество играло исключительно важную роль в общественной жизни горцев. Оно способствовало сближению и установлению близких, дружественных отношений не только между различными горскими племенами и народами, но и между ними и соседним русским населением.

О зарождении и развитии особого вида дружественных взаимоотношений между горцами и русскими – куначества – красноречиво свидетельствуют многие сведения, сохранившиеся с тех далеких времен. Так, один из жителей тогдашнего Моздока, Иван Петров, поддерживавший приятельские отношения с горцами, в своем челобитье на имя императрицы Екатерины от 3 августа 1769 г. писал о том, что по заведенному «в разных горских и прочих местах с тамошними народами кредиту, приезжающих в Моздок знакомцев (а по их названию – кунаков), принимаю к себе в дом, обеспечивая их жильем, питанием с кормом для лошадей сеном, и, кроме того, делал им ответные подарки»². Так поступал не один И. Петров, но и многие другие жители того же Моздока, Кизляра, «казацких городов» и других русских поселений, которые принимали приезжавших со своими товарами горцев на правах своих близких друзей-приятелей – кунаков. Казаки, взаимоотношения которых с коренными жителями строились на основе взаимной экономической заинтересованности и совместной борьбы с иноземными захватчиками, первыми воспринявшие этот обычай куначества от горцев, «гордились своей дружбой к передавали ее детям как священный завет от поколения к поколению»³. Коренные жители гор и казаки со временем настолько сблизились, что отлично понимали друг друга, легко находили общий язык, у казаков появились близкие друзья – кунаки в аулах, а у горцев – в станицах и городах, они делили горе и радость, перенимали друг у друга положительный житейский опыт. Иначе не могло и быть, ибо горцы и казаки жили по соседству, по одним и тем же тропам ходили, из одних и тех же речек пили воду, живя совместной жизнью, измеряемой веками. Кунаки часто приезжали друг к другу в гости, делали подарки, а в случае необходимости оказывали трудовую и иную взаимную помощь. Многие казаки выезжали в аулы, где строили дома, мельницы, конюшни, разводили сады, делали мебель для зажиточной горской верхушки. Очень часто горцы для изучения русского языка отдавали своих детей в казачьи семьи, в которых они жили как равноправные члены. В результате такого длительного тесного повседневного общения горцы усваивали русский язык, а многие казаки свободно владели языками горцев. «История казачье-горских отношений XVIII века убедительно показывает, – пишет Г. А. Кокиев, – что знание горских языков, в особенности кабардинского, считавшегося на Северном Кавказе «международным», среди русских казаков сделалось массовым явлением. Все научные и военные экспедиции, отправляемые царизмом в различные районы горских народов, дипломатические и прочие переговоры с горцами царизм осуществлял при посредстве гребенских казаков, прекрасно знавших нравы, обычаи и свободно владевших местными языками»⁴. Этому немало способствовали женщины-горянки, которые попадали в станицу главным образом путем хищения, так как в момент основания казачьей вольницы в нижнем течении р. Терек среди

¹ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 31.

² Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 1. С. 1768-го по 1774 г. / Под ред. А. А. Цагарели. СПб., 1891. С. 95.

³ Записки Терского общества любителей казачьей старины. Екатеринодар, 1914. № 2. С. 74.

⁴ Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 72.

гребенцев совершенно отсутствовал женский элемент. Оказавшись в станице, горская женщина продолжала поддерживать тесные связи со своими родственниками из аула. Дети от этих смешанных браков имели двойные имена – русское и горское. На основе тесного взаимного общения происходило взаимовлияние в сфере хозяйственной жизни и быта казаков и горцев. У последних появились более теплые современные европейского типа строения – жилища с русской печкой вместо сакли с традиционным дедовским очагом, дымарем, деревянные кровати заменяли нары, появились столы, стулья, стали разводить овощные культуры, горский стол стал более разнообразным и т. д.

И рассматриваемый период в России основной ведущей формой товарного обращения была периодическая, в особенности ярмарочная, торговля сельскохозяйственными продуктами и промышленными товарами. В целях ее поощрения правительство наделило ярмарки определенными привилегиями. «Практически ярмарочная торговля в отличие от стационарной в течение 1754–1881 гг. осво-бождалась от всякого рода поборов, что, конечно, не могло не способствовать ее развитию»¹.

Первые ярмарки на Северном Кавказе появились при Ставропольской и Георгиевской крепостях в 1781 г.²

Наиболее крупными являлись ярмарки Ставрополя. Здесь были учреждены две ярмарки, собиравшиеся, как правило, вначале дважды в год – Троицкая (весной) и Ивановская (осенью). Торг проходил не более недели на площади за Тифлисской заставой (ныне площадь Орджоникидзе)³. Сюда съезжались люди из сел и станиц Северного Кавказа, горских аулов и от кочевых народов (ногайцы, калмыки, туркмены), торговцы с «персидскими товарами» из Тифлиса, купцы из Москвы, Ростова, Новороссийска, Воронежской, Курской и Екатеринославской губерний. Из Таганрога и со знаменитой Макарьевской (впоследствии Нижегородской) на Волге, близ Нижнего Новгорода, ярмарки в Ставрополь привозили сукна разных сортов, полотно, позументы и другие товары. «Ставропольские ярмарки представляли собой красочное зрелище. В эти дни в городе царил необычайное оживление, население его удваивалось, среди пестрой толпы появлялись приехавшие на ярмарку горцы и кочевники Кавказа в своих национальных одеждах»⁴. Ставрополь, Георгиевск и некоторые другие южно-российские города со временем стали одними из традиционных организаторов крупнейших в России ежегодных ярмарок, по обилию сделок и яркости убранства мало чем уступавших знаменитой Нижегородской.

Горцы, в том числе кабардинцы и балкарцы, приезжали на ярмарки не только в Ставрополь, но и в Георгиевск, Моздок, Пятигорск, а также Кизляр, который в 1780–1790 гг. получал и отправлял товары во многие места России, в том числе на Оренбургскую и Троицкую ярмарки Оренбургской губернии⁵. Охотно посещали они и Екатеринодар, где с 1794 г. проводились четыре ярмарки в год⁶.

Ярмарки эти имели большое значение в деле постепенного дальнейшего вовлечения населения Северного Кавказа в рыночные связи, проникновения в деревню товарно-денежных отношений, развития торгово-экономических кон-

¹ Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981. С. 106.

² Дон и степное Предкавказье... С. 191.

³ Шацкий П. А., Муравьев В. И. Указ. соч. С. 28.

⁴ Там же. С. 18, 29.

⁵ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 213.

⁶ Куприянова Л. В. Указ. соч. С. 33.

тактов России с горскими и кочевыми народами края, для нужд которых купцы привозили сюда холст, недорогие шелковые и полушелковые ткани, зеркальца, металлические изделия (ножницы, ножи, иглы и др.)¹. Горские и кочевые народы, принимавшие активное участие в ярмарочной торговле в русских городах, селениях и станицах, в свою очередь, пригоняли сюда для продажи лошадей, крупный рогатый скот, овец, привозили продукты животноводства (овечью и верблюжью шерсть, кожи), овчины, овчинные шубы, шапки, кустарные изделия из шерсти, сукна, бурки, башлыки, черкески), лес, лесоматериалы, деревянные изделия, арбы, колеса аробные, а также мед, воск и т. д. Взамен горцы получали просо, пшеницу, муку, пшено, хлопчатобумажные ткани, металлические предметы и другие промышленные товары².

Многие ярмарки во всех основных районах России по срокам их проведения и передвижению товаров и купцов действовали в определенном порядке, по принципу круга или цепи. Такая цепь ярмарок существовала в Предкавказье «между главными торговыми центрами края: Екатериноградом, Ставрополем, Александровском, Георгиевском, Моздоком и Кизляром»³. Наличие такого определенного порядка в проведении ярмарок давало возможность купечеству последовательно быть на многих из них и «одновременно поддерживать оживленные торговые отношения с обеими столицами, с волжскими городами и «Макарием», с новороссийскими и украинскими ярмарками, Астраханью и с границей»⁴. В России второй половины XVIII – первой половины XIX в. действовала сложившаяся система ярмарок, функционировавшая по принципу цепи, который удовлетворял производителей, потребителей, торговцев и является в экономических и географических условиях России того времени чрезвычайно целесообразным. Такая система ярмарок, охватывавшая все важнейшие районы страны, способствовала развитию и упрочению межрайонных торговых отношений, служила одним из свидетельств наличия единого всероссийского рынка⁵.

Наряду с ярмарочной торговлей в городах края, а также в ряде крупных селений и станицах функционировали еженедельные базары, имевшие важное значение во внутренней торговле, втягивании в нее все больше местных народов, служившие средством осуществления экономических связей города с деревней.

Особенно большое место в торговле занимал скот, который в большом количестве, целыми гуртами перегонялся по Черкасскому тракту из Предкавказья в крупнейшие торговые центры страны – Москву, Петербург и другие и районы Центральной России, где он хорошо был известен и высоко ценился.

Наряду с другими источниками об этом свидетельствуют описания подмосковных имений русской аристократии во второй половине XVII – начале XVIII в., при которых, как известно, заводились небольшие, но сравнительно усовершенствованные хозяйства. При усадьбах были пашенные земли, фруктовые сады, сенокосы, конюшенные и скотные дворы, в которых содержался породистый скот, в том числе волы и бараны черкасские⁶.

¹ Шацкий П. А., Муравьев В. Н. Указ. соч. С. 18.

² Там же.

³ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 226.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Там же. С. 229.

⁶ Бахрушин С. Исторический очерк б. Московского уезда // Московский краевед. М., 1930. Вып. 5(13). С. 61; Тихонов Ю. А. Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVIII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сборник статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского. М.: Наука, 1975. С. 151, 155.

Кавказский крупный рогатый скот, под названием черкасского, продавался не только в Москве и Петербурге, но и в Воронеже, Харькове, Саратове, Туле, Калуге, Белгороде, Тамбове и даже в Риге и многих других городах; овцы – в Москве, Саратове, Арзамасе и других приволжских городах. Строевых лошадей отправляли для пополнения конского состава кавалерии регулярных частей Кавказского корпуса и в другие районы империи¹.

С развитием товарно-денежных отношений в Предкавказье все больше увеличивалось значение постоянной оптовой и розничной торговли, сосредоточенной в торговых помещениях – палатках, балаганах, лабазах, складах, лавках и магазинах, имевших распространение главным образом в городах. Так, например, в Кизляре для постоянной торговли существовали три рынка – отдельно для русских, армянских и татарских купцов. В самом городе стационарная торговля велась в местных лавках (в начале XIX в. их, т. е. торговых лавок, насчитывалось до 250), расположенных преимущественно в армянских и татарских кварталах. Торговали в лавках «в малых количествах» бархатом, парчой, «посредственными» сукнами, изредка кисеи и полотнами, а по большей части недорогими мелочными товарами².

При канцелярии кизлярского коменданта имелись огромные склады ткани, доставляемой из Нижнего Новгорода на правительственные дорожные расходы. Так, в 1770 г. за три месяца было израсходовано 15 860 аршин холста³. Все прибывавшие в горские земли имели при себе определенное количество холста, который «размером в одну рубашку» шел в основу оплаты пошлины, взимаемой на таможенных заставах дружинниками кабардинских князей. Такие заставы были расположены по всем торговым путям. У самого выхода из Куртатинского ущелья находилась застава Барукино, а к северу от нее по той же магистрали располагались заставы Баташево, Таусултаново и, не доезжая станицы Червленной, Девлет-Гиреево⁴. Таможенные заставы имелись также и на других торговых путях, пролегавших через территорию Кабарды.

На протяжении всего XVIII в. горцы поддерживали оживленные торговые связи не только с Терками, Кизляром, Моздоком, станицами гребенских казаков – Брагунской, Шедринской, Червленной, но и с Астраханью, которая была одним из крупнейших, перворазрядных русских городов, старейших торговых пунктов на Волге и Каспии, главным узловым, связующим звеном между Россией и Азией, Северным Кавказом и Закавказьем. Астрахань отличалась особым колоритом торговой жизни. Она в то время, вплоть до начала XIX в., занимала «главенствующее положение в торговле России со странами Востока»⁵. Из Москвы через Астрахань направлялись торговые караваны и посольства в Закавказье, Иран, Бухару, Хиву и другие края. В городе было три торговых двора – русский, индийский и армянский, в которых помещались купцы со своими товарами. Здесь базировалась основная коммерческая деятельность восточных купцов в России, которые вели здесь постоянную торговлю в больших размерах, играли важную роль в расширении и укреплении экономических связей России с Востоком, способствовали превращению первой и посредницу в торговле между Востоком и Европой.

¹ Дон и степное Предкавказье. С. 191.

² Куприянова Л. Н. Указ. соч. С. 34.

³ Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. С. 163.

⁴ Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С. 34.

⁵ Очерки русской культуры XVIII века. Изд-во МГУ, 1985. Т. 1. С. 235.

Это был порубежный город, расположенный при выходе волжского торгового пути в Каспийское море, где сплетались волны различных цивилизаций. Этому способствовал великий астраханский торг. Еще в 1636 году, посетив Астрахань, немецкий поэт Пауль Флеминг воскликнул:

Хоть ты невелика, но торг тебя прославил
И дальних множество племен к тебе направил.
.....
Грань лучших двух частей вселенной здесь проходит,
И, в Астрахань являясь, всяк в обе разом входит,
Он руку может здесь Европе протянуть
И, потянувшись, вновь на Азию взглянуть...
(См.: Марков А. Указ. соч. С. 160)

В числе «дальних множество племен», направленных в крупнейший пункт торговли с Востоком – Астрахань, на ее великий торг, были и горцы, которые вели оживленную торговлю с ее купечеством и жителями, привозили отсюда главным образом соль, железо и русские фабричные ткани, а также товары западноевропейского и восточного производства в обмен на шерстяные и кожаные полуфабрикаты и другие предметы, производимые кабардинцами, балкарцами, осетинами, ингушами и другими горцами¹. Посещение Астрахани с торговой целью горцами, особенно жившими в Терском городе, было регулярным обычным явлением. Их ремесленные изделия через этот город попадали во многие другие места России. Наиболее оживленным из всех северокавказских торговых путей, соединявших Центральный Кавказ с Астраханью, считался путь, шедший по Фиагдону на север, через Борукино и Осетинский монастырь. В районе теперешнего Ардона дорога разветвлялась: одна из них, пересекая р. Ардон, через кабардинские поселки Тузароко, Камбекуково и Эльтюхово уходила в Большую Кабарду через Татартуп, а другая дорога, перейдя на правый берег Гизельдона, через поселки Баташевы уходила в северо-восточном направлении; напротив Моздока она поворачивала на восток и правым берегом Терека шла через Девлет-Гиреево в станицы терско-гребеноких казаков².

С появлением Кизляра, Моздока и других русских поселений на Северном Кавказе для горцев, в том числе кабардинцев и балкарцев, отпала острая необходимость ездить по торговым делам в отдаленные города России, такие как Астрахань, Черкасск, Ростов-на-Дону и другие.

О том, что кабардинцы, балкарцы и другие горцы Кавказа совершали такие далекие поездки с торговой целью в рассматриваемый период, сохранились достоверные сведения. Известно, что еще во время Азовских походов 1695–1696 гг. Петром I на территории нынешнего Ростова, с полным основанием названного «воротами Кавказа», ставшего потом одним из крупнейших торговых центров не только Донского края, но и Южной России, было облюбовано место для постройки крепости. Этим местом явились крутые склоны Дона и источник, который он окрестил Богатым колодезем, или Богатым источником. Здесь в 1713 г. появилось небольшое селение, где стали селиться беглые крестьяне и различные «гуляющие люди». Была создана таможня. Таможенный контроль за привозимыми и увозимыми товарами с Дона был введен со времени появления русских войск на Дону

¹ Берозов Б. П. Указ. соч. С. 33.

² Там же. С. 33–34.

при Петре I. Тогда вблизи Черкаска – главного города войска Донского, – на так называемых Васильевских буграх, была создана таможня, а на речных перевалах возникли заставы. Теперь она была создана здесь. По этому поводу в грамоте императрицы Елизаветы Петровны (декабрь 1749 г.) повелевалось: «Учредить таможню русскую на Дону, у устья реки Темерника, против урочища, называемого Богатый Колодезь, где и донские казаки могут вести свою торговлю с приезжими греками, турками и армянами». Эта таможня положила начало Ростову-на-Дону. А год 1749-й стал годом рождения города¹. А затем последовал указ императрицы о перенесении таможни из Черкаска в район Богатого Колодца. Начались строительные работы – были построены пристань, пакгауз, здание торговой Темерницкой таможни и т. д. Так возник небольшой поселок, живописно расположенный на высоком берегу Дона, несколько западнее нынешней территории завода «Красный Дон». С учреждением 15 декабря 1749 г. Темерницкой таможни почти вся внешняя торговля перешла сюда из Черкаска. В 1756 г. была образована «Российская в Константинополь торгующая коммерческая компания», которая, обладая значительным капиталом и получив ряд льгот и особые привилегии на право торговли со странами Черного, Эгейского и Средиземного морей – Персией, Турцией, Венецией и другими средиземноморскими странами, развивала активную деятельность. Компания, учрежденная купцами В. Хастатовым, Н. Шемякиным, А. Ярославцевым, Б. Исхаковым в Темерницком порту и Астрахани, вела торговлю и в Ливорно. Она осуществляла свои операции до середины 70-х гг.² Темерницкий порт тогда был единственным русским портом на юге России, через который она вела морскую торговлю со странами этих морей. Поэтому внешнеторговый оборот через Темерницкую таможню быстро рос. Через нее вывозилось за границу кроме железа и чугуна большое количество топленого масла, паюсной икры, холста, мехов и других товаров. Греческие, армянские и итальянские купцы ввозили сюда шелковые и бумажные материи, ладан, фрукты и другие предметы. «Помимо прочего, в районе таможни была самая удобная переправа через Дон на Кавказе»³.

С возникновением этого важного торгового поселения и созданием вблизи него Темерницкой таможни развивалась не только торговля с заморскими странами. Русские купцы принимали на Темернике как в важном торговом центре на юге страны гостей не только из Константинополя или далекой Венеции, но и с Кавказа. На правом берегу пограничной тогда между Россией и Турцией р. Темерника «осенью собирались огромные татарские базары», куда приезжали ногайцы с большими стадами овец, коров и лошадей, черкесы с бурками, седлами и изделиями из кожи, крымские татары с солью, русские купцы с холстом, металлическими изделиями и ситцем»⁴.

Источники говорят, что не только горцы посещали такие отдаленные русские города с торговой целью, но и, наоборот, купцы из этих городов нередко приезжали со своими товарами в горские районы Северного Кавказа большими группами и в одиночку. Обычно для организации таких торговых экспедиций богатые донские казаки или старшины объединялись. Так, в 1772 г. казаки станиц Середней и Павловской, Андриан Сулин и Еким Рябчиков, с товарами на сумму

¹ Моложавенко В. С. От Иван-озера до Азовского моря. Путешествие по Дону. М.: Профиздат, 1982. С. 212.

² Шаркова И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л.: Наука, 1981. С. 175.

³ Моложавенко В. С. Указ. соч. С. 212.

⁴ Ростов-на-Дону. Исторические очерки. Ростов, 1979. С. 8–9.

900 руб. ездили для торгового промысла в Едисанскую Орду и Персию, приезжали в Большую Кабарду¹. Несколько ранее приезжал сюда же в Большую Кабарду торговать разными товарами казак станицы Павловской Федор Фатяшкин². Что же касается астраханских, кизлярских, моздокских и других русских купцов, ездивших к горцам для торгового промысла, то они очень часто встречались в Кабарде и Балкарии. Так, в 1744 г. из Кизляра в Кабарду выехало «разных людей с торгом более 100 человек»³. В одном из документов того же XVIII в. – в донесении некоего моздокского купца, направленном в 1779 г. генерал-майору Ф. И. Фабрициусу, сообщалось: «В прошлом году в марте месяце отпущен был с разными товарами в Большую Кабарду, куда прибыв, торговал близ Бештовых гор в кабаке владельца Джанхота Сидакова подвластных его узденей... у которых я... с товарами своими стоял в их доме»⁴. 15 марта 1773 г. пристав при кабардинцах Д. В. Тоганов в своем рапорте командующему войсками на Северном Кавказе И. Ф. де Медему в связи с появлением моровой язвы писал: «Находящихся в Кабарде для торгу астраханских, кизлярских и моздокских купцов я в скорости по нынешним обстоятельству выслать не премину, о чем от меня и моздокскому коменданту господину полковнику Иванову сообщением знать дано»⁵. При этом активную посредническую роль в торговле между горскими народами и русскими, и украинскими поселенцами нередко играли купцы из армян, греков, евреев, которые, в какой-то мере усвоив языки горцев, их нравы и обычаи, найдя себе покровителей, проникали в самые отдаленные, глухие аулы и селения, доставляя туда русские и европейские товары, выменивая на них или закупая у местного населения седла, бурки, черкески и другие предметы для продажи их казакам и крестьянам.

При поездке горцев в отдаленные русские города перевозка товаров стоила дорого и требовала длительного времени, отнимая 12–14 и более дней в один конец, а до Тамани и Крыма еще больше, тогда как до Кизляра и Моздока можно было доехать в течение одного-двух дней.

Такое значительное сокращение времени и средств, затрачиваемых на эти поездки, разумеется, повышало выгоды от торговли для горцев, усиливало их заинтересованность в дальнейшем ее расширении. Торговля эта была взаимовыгодной и перспективной как для России, делавшей большие успехи в развитии своей промышленности, так и для Кабарды и Балкарии, не имевших промышленности для удовлетворения потребностей своих народов в ее изделиях. Так, в одной из записок о кабардинцах, составленной в 70-х гг. XVIII в. по материалам Коллегии иностранных дел, указывалось на положительное влияние установившихся прочных торговых связей Кабарды с Россией, продажи горцами в значительных количествах продуктов своего хозяйства на русских рынках на развитие экономики кабардинцев. «Главное хозяйство их, – говорилось в записке, – состояло в скотоводстве, земледелии и пчеловодстве, а богатство – в избытках, от того занятия получаемых, как то: в масле коровьем, меду, овчинах, в сукнах и бурках тамошнего изделия, кои привозили из Кабарды купцы их в знатном количестве в Кизляр, Астрахань и Черкасск, куда пригоняли так же на продажу, равно и в другие места, лошадей во множестве, рогатый скот и овец стадами»⁶.

¹ Пронштейн А. П. Земля донская в XVIII веке. Изд-во Ростовского госуниверситета, 1961. С. 103.

² Там же. С. 103–104.

³ Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая четверть. С. 741.

⁴ Цит по: Кавказский этнографический сборник. IX, М.: Наука, 1989. С. 182.

⁵ КРО. Т. 2. С. 309.

⁶ Там же. С. 318.

Более подробный перечень изделий мелкой крестьянской промышленности горцев, поступавших на рынки в обмен на русские товары, дается в проекте кизлярского коменданта генерал-майора Н. А. Потапова о таможенных привилегиях для кабардинцев и других горцев, поселенных при Моздоке. В нем сказано, что «весь торг состоит из собственного их рукоделия, яко то бурки, сукна серые, шитые кафтаны, шервары, чулки, шапки, овчинные шубы, мед, воск, арбы и колесы аробные, что все возят в Кизляр и в казачьи городки и меняют на рыбу, холст, соль, чугунные котлы, иглы и прочую мелочь, а в случае недорода, на пшеницу и пшено»¹.

Небезынтересны и даже более полны сведения С. М. Броневского о русско-кабардино-черкесской торговле конца XVIII в. Он пишет: «К черкесам отпускают: холсты, набойки, выбойки бумажные, аладжи, бурмети, бязи, кичатаки, сукна в малых кусках и обрезках, юфти, опойки черные и красные, канифасы, чугунные котлы, сундуки, окованные жостью и простые, ларчики, жестяные кувшины, кружки, ковши, крашенные шелки, иголки, миски деревянные под лаком и простые и еще некоторые мелочи. Взаем сих товаров получают от черкесов: волосьи шкуры, овчинки, медвежьи кожи, волчьи, лисьи, заячьи, куныи, выдровые (шкуры. – *Р. Г.*), воск, мед, лошадей, рогатый скот, овец, овечью шерсть, узкое сукно (чекмень) и шитые из онаго кафтаны под тем же именем чекменей, бурки, войлоки (кошмы), коровье масло...»².

И XVIII в. кабардинцы и балкарцы, как и другие горцы Северного Кавказа, продолжали поддерживать торговые связи, хотя не так широко и не в таких масштабах, как с Россией, и со странами Востока – Турцией, Ираном, феодальными государствами Закавказья и другими. Но здесь необходимо указать на различие характера, самого содержания этой торговли. Горцы предпочитали товары русского происхождения турецким, персидским и другим. Они были чрезвычайно заинтересованы в торговом обмене с Россией, что было обусловлено обеспечением потребностей широких слоев горского населения. Что касается торговли со странами Востока, то оттуда кабардинцы и балкарцы получали в основном предметы роскоши, потребителями которых выступала незначительная привилегированная часть населения, в обмен на которые требовались ценная древесина (самшит, тис), дорогие меха, особенно живой товар, т. е. рабы, девушки для пополнения многочисленных турецких гаремов. Продукция мелких крестьянских хозяйств и домашних промыслов мало интересовала турецких купцов, тогда как она пользовалась повышенным спросом со стороны русских новоселов. Один из представителей прогрессивного русского офицерства рассматриваемого периода, оставивший многочисленные ценные сведения по истории и этнографии кавказских народов, Ф. Ф. Торнау свидетельствует, что «турки, доставлявшие горцам разный товар, не меняли его иначе чем как на девушек и мальчиков»³.

Поэтому, если торговля с Россией удовлетворяла потребности широких слоев горского населения в промышленных товарах производственного и бытового назначения и в значительной степени стимулировала дальнейшее более быстрое развитие экономики горцев, отраслей местного хозяйства – животноводства, земледелия, домашней промышленности и ремесла, открывая для их продукции выгодный рынок сбыта, подрывавший основы натурального хозяйства и патриархальных пережиточных форм общественного быта, то торговля со странами

¹ КРО. Т. 2. С. 229–230.

² Броневский С. Новые географические и исторические известия о Кавказе... Ч. 2. С. 142–143.

³ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1964. С. 120.

Востока, особенно с Турцией и Крымом, способствуя расширению работорговли и консервации рабовладения, носила иной характер. Она поддерживала и поощряла разбойничьи инстинкты по добыче «живого товара», оказывая тем самым в итоге разрушительные, тормозящие действия на экономику Кабарды и Балкарии. Только в связи с крупными успехами русского оружия в борьбе против турецко-крымских завоевателей было ускорено уничтожение этого позорного пережитка варварства в Черкесии, в том числе и в Кабарде. Поэтому горцы намного охотнее шли на торговлю с Россией, чем со странами Востока, всегда предпочитали товары российского происхождения турецким, иранским и другим как по-своему хозяйственно-бытовому назначению, так и по доступности для эквивалентного обмена. «Хозяйственное тяготение горцев к России было, по общему признанию, очень сильным и немало беспокоило открытых врагов сближения их с русским народом»¹.

Явные преимущества торговли с Россией вели к неуклонному расширению масштабов кабардино-балкаро-русской торговли, с одной стороны. Но с другой – увеличение размеров этой торговли повысило фискальные интересы царизма, стремившегося извлечь из этого для себя максимальную выгоду. Царские власти рассматривали торговлю с кавказскими народами как средство расширения и усиления своего политического влияния и орудия экономического подчинения Кавказа и с этой целью стремились учредить в Кизляре пограничную таможенную, находившуюся в непосредственном ведении Коммерц-коллегии, руководившей российской торговлей. Начиная с середины XVIII в. жалобы кабардинцев и балкарцев на непомерно высокие торговые пошлины становятся частым явлением. Горские князья все чаще и чаще начинают настойчиво ставить вопрос об отмене пошлин на привозимые их подданными в Кизляр и вывозимые ими оттуда товары. Справедливость этих жалоб нередко вынуждены были признать даже кизлярские коменданты, хотя основными виновниками этих жалоб являлись они сами. Так, еще 26 февраля 1762 г. кизлярский комендант А. Ступишин сообщал в Коллегию иностранных дел о жалобе кабардинских владельцев, что «с приезжающих от них в Кизляр узденей и людей их за привозимые ими туда и вымениваемые в Кизляре по небольшому числу для собственного потребления вещи берется в таможене великая и несносная пошлина, рассуждая, что сие по указу ея императорского величества, но собственно от коменданта кизлярского чинится и что они прежде спокойны не будут, пока позволено им будет через одного из них, владельцев, сюда отправляемого, принести жалобу самому ея императорскому величеству или пока не последует к ним точного о том указа из Коллегии иностранных дел»². Хотя кабардинцев считали подданными России, их торговля в Кизляре рассматривалась чиновниками пограничной таможни как заграничная. И результате пошлины в общей сложности составляли 50 % всего торгового оборота³.

Естественно, чрезвычайная обременительность взыскиваемых с них таможенных сборов вызывала многочисленные жалобы и протесты кабардинцев и других горцев. И Коллегия иностранных дел, куда направлялись сведения об этих недовольствах, вынуждена была прореагировать на них. По ее представлению еще в ноябре 1764 г. состоялось решение правительства «о дозволении

¹ Дон и степное Предкавказье... С. 199.

² КРО. Т. 2. С. 218.

³ Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII веке // Ученые записки КЕНИИ. Т. 23. С. 106.

торговать в Кизляре кабардинцам и кумыкам беспошлинно собственными их продуктами». Но решение это было половинчатым и не решало проблемы русско-горской торговли. Согласно указу 1764 г. беспошлинной продаже в Кизляре подлежали только лишь одни сельскохозяйственные продукты (зерно, шерсть, мед, воск, масло и т. п.), а также скот и шкуры диких зверей. А изделия же домашней промышленности и ремесла по-прежнему облагались пошлиной с той лишь разницей, что ее должны были платить теперь не горцы, а покупатели их товаров. Сохранялись пошлины и на товары, которые горцы покупали в Кизляре, опять лишь с той разницей, что вывозную пошлину уплачивали продавцы товаров¹. Такой новый порядок оплаты пошлин вызвал, естественно, сильное недовольство кизлярского купечества, которое, стремясь не остаться в проигрыше и компенсировать свои затраты на уплату пошлин, стало снижать цены на привозимые в Кизляр горцами товары. А это, в свою очередь, вызвало протест со стороны горцев, не желавших продавать свои товары ниже установившихся на рынке цен. Тогда кизлярские купцы стали повышать цены на свои товары, с тем чтобы заставить их самих оплачивать те самые вывозные пошлины, от которых они освобождались по указу 1764 г.² В связи с этим 17 апреля 1765 г. кизлярский комендант Н. А. Потапов обратился с рапортом в Коллегию иностранных дел о мерах по развитию торговли через Кизляр с кабардинцами и другими горскими народами. В рапорте говорилось об осложнениях, вызванных указом от 29 ноября 1764 г. В частности, констатировалось, что «привозимый рукодельный товар кабардинские и кумыцкие жители не продают им меньше тех цен, какие в обыкновение вошли. За каким случаем такие привозные товары не единожды приезжающими уже и назад отвезены...». Далее отмечалось, что в связи с тем, что кизлярские купцы, будучи принуждены платить ввозные и вывозные пошлины, повышают цены на свои товары и т. д. Как выход из создавшегося положения Потапов предлагал с «привозимых сюда из Кабарды и Кумык рукодельных товаров, тамошними народами и купцами продаваемых в Кизляре, и с здешних покупающих то с купцов совсем пошлин не брать»³. Но Коллегия иностранных дел не поддержала мнение кизлярского коменданта. В указе от 31 июля 1765 г. генерал-майору Н. А. Потапову было сказано: «На сие вам объявляется, что как о взятые пошлин с покупающих в Кизляре у кабардинцев и кумык всяких рукодельных товаров и с продающих им разных вещей, имянное ея императорского величества повеление есть, то в отмену того от Коллегии иностранных дел теперь ничего и сделано быть не может...»⁴. Но Н. Х. Тхамоков со ссылкой на тот же документ почему-то утверждает, что в 1765 г. Коллегия иностранных дел дала указание кизлярскому коменданту «с привозимых в Кизляр из Кабарды и Кумык рукодельных товаров, а также и с предаваемых кабардинцам и кумыкам в Кизляре совсем пошлин не брать»⁵. Это было предложение кизлярского коменданта, которое отклонялось в указе. Здесь все наоборот.

Таким образом, этот указ не только не решал проблему устранения препятствий, встречавшихся на пути дальнейшего развития русско-горской торговли, но и даже внес в нее на какое-то время некоторые осложнения и дезоргани-

¹ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 145.

² Там же. С. 146.

³ КРО. Т. 2. С. 245–248.

⁴ Там же. С. 249–250.

⁵ Тхамоков Н. Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961. С. 104.

зацию. И это было вполне закономерно, ибо политика царизма в области внутренней торговли России, как правило, отличалась противоречивостью и консервативно-охранительным характером. Поэтому вопрос об отношении царского правительства к торговле с горцами нельзя рассматривать оторвано от его общей внутриторговой политики, которая после таможенной реформы 1753–1757 гг. оставалась преимущественно либеральной и поощрительно-покровительственной, как этого требовали потребности экономического развития страны, фискальные нужды казны, интересы прежде всего правящего класса дворянства, а потом уже и другого привилегированного сословия – гильдейского купечества. Выражая интересы последнего, автор И. Т. Посошков в труде «Книга о скудности и богатстве» (написана в 1724 г.) видел главное средство обогащения страны в развитии ремесла и торговли, улучшении положения ремесленников и в создании мануфактур. В соответствии с этим он требовал осуществления принципов меркантилизма и протекционистской политики, развития свободной торговли. «А торг – дело великое! Купечеством всякое государство богатитца, а без купечества и малое государство быть не может, и того ради под великим охранением блюсти их надлежит и от обид их оберегати»¹. Работа эта, как писал один из самых замечательных историков России С. М. Соловьев, самим названием своим давала знать, что в это время «более всего лежало на сердце у мыслящего русского человека, пробужденного движением преобразовательной эпохи»². Политика «просвещенного абсолютизма», проводившаяся в начале царствования Екатерины II, выразилась, в частности, «в попытках создать более благоприятные условия для развития торговли и промышленности (отмена в 1762–1763 гг. торговых и промышленных монополий и т. д.)»³.

Несмотря на свою половинчатость, правительственный указ, вышедший в ноябре 1764 г., сыграл определенную положительную роль в укреплении торгово-экономических связей кабардинцев и балкарцев с русским населением Северного Кавказа. Указ открывал для горцев возможности беспошлинной торговли сельскохозяйственными продуктами не только в Кизляре, но и в Моздоке, и во всех других русских поселениях Северного Кавказа, число которых начиная с XVIII в. в результате массового заселения и интенсивного хозяйственного освоения края быстро росло, чем расширялся рынок сбыта для продуктов местного горского хозяйства, создавался новый стимул развития торговли. «Независимо от воли самодержавного правительства, а часто вопреки его интересам», освоение земель Дона и степного Предкавказья имело «прогрессивное значение для развития производительных сил не только самого края, но и всей страны. Усилиями русского народа малообжитые территории со слабо развитыми формами хозяйственной жизни за короткое время превратились в край сравнительно развитой экономики с быстро «растущим земледелием, скотоводством, городами, многочисленными селениями и станицами»⁴, – пишет проф. А. П. Пронштейн.

Купцам северокавказских городов разрешалось скупаемые у кабардинцев в Кизляре и Моздоке, а также в самой Кабарде продукты продавать беспошлинно во всех русских поселениях означенного региона. Что же касается изделий

¹ Источниковедение истории СССР. М.: Высшая школа, 1981. С. 196–197.

² Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. С. 98–99.

³ Троицкий С. М. Обсуждение вопроса о крестьянской торговле в комиссии о коммерции в середине 60-х годов XVIII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI – XVIII вв.: Сборник статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского М.: Наука, 1975. С. 229.

⁴ Дон и степное Предкавказье... С. 6.

кабардинской и балкарской домашней крестьянской промышленности и ремесла, то их вывоз на рынок во второй половине XVIII в., несмотря на сохранение ввозных пошлин, продолжал расти, удовлетворяя потребности местного русского населения, и прежде всего казачества, составлявшего в рассматриваемый период его основную массу в крае. Особенно большой спрос со стороны казаков был на такие виды товаров горцев, как одежда, оружие и конская сбруя, широко внедрявшиеся в их быт. Из скота у казаков водились, как сказано в источнике, лошади, коровы и овцы, по большей части «черкесские», купленные у соседних кабардинцев.

Одежда казаков была «на кабардинский вкус». «Сии казаки, – писал И. В. Ровинский, – по долговременному своему пребыванию в Кавказских горах между горских народов, не токмо что оружие и одежды, но даже и виды лиц своих имеют подобные лучшим кабардинцам»¹.

Важное место в товарообмене между горцами и казаками занимал хлеб. Терские воеводы в своих донесениях отмечали, что хлеб для русских поселенцев на Тереке «идет из Черкасских гор». Казаки выменивали у горцев хлеб непосредственно в станице или же с выездом в горские селения. Так, в 1740 г. войсковой атаман Гребенского войска просил об отпуске 10 казаков в Малую Кабарду «для проведения мены» на хлеб, «понеже казаки в хлебе имеют великую нужду», в 1745 г. был направлен в Кабарду за хлебом на 80 арбах обоз при 90 лошадях². В том же 1745 г. в донесении войскового атамана сообщалось о поездке казаков Каргалинской станицы в Кабарду: «...а для мены при них имеется рыбы 500 спиннок, икры 30 кулей, соли 8 пудов». В пути к ним присоединились гребенские казаки, и дальнейший путь они совершали вместе «до сказанной Кабарды, для той означенной мены хлеба, платья и воску»³.

Во второй половине XVIII в. в крае были открыты первые меновые дворы. Они создавались как официальные пункты для торговых сношений горского и русского населения, для продажи горцам соли, хлеба, проса, масла и других товаров.

Особенно важное значение имела для горцев-скотоводов соль – этот действительно важный продукт, «к содержанию жизни необходимый». В указе Екатерины II командующему войсками на Кавказской линии И. В. Гудовичу от 19 апреля 1793 г. содержался специальный пункт о снабжении солью народов Северного Кавказа. В нем говорилось: «2-е. Для выгоды, подданных наших кабардинцев, шамхала Тарковского – владельца дагестанского, осетинцев и других народов, за рр. Терекон и Малкою живущих, распорядить снабжение их солью из озер Можарских, близ р. Кумы, позади Кавказской линии находящихся, постановя также цену для них сходную; и в рассуждение, что все сии народы избилуют более скотом и разными продуктами, нежели деньгами, устроить мену, где прилично»⁴. Сюда, на меновые дворы, для обмена горцы привозили бурки, кожи, мед, воск, лес, пригоняли скот. Однако царское правительство, рассматривая и торговлю как средство укрепления своих политических и экономических позиций в крае, как орудие давления и воздействий на горское население, всячески регламентировало обменную торговлю с ним. Поэтому в 1780 г. были указаны только три пункта для меновой торговли с горцами – Екатериноград, Георгиевск,

¹ Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 418–433.

² Омельченко И. Л. Терское казачество Владикавказ: Ир, 1991. С. 172.

³ Там же. С. 239.

⁴ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. документов. М.: Наука, 1988. С. 225.

Ставрополь. В указе от 9 мая 1785 г. об открытии Кавказского наместничества также говорилось о необходимости закладывать города «для обуздания своевольных народов», для развития торговли с ними.

С открытием меновых дворов горцы были поставлены в жесткие условия, стеснены в своих торговых операциях обязательностью обмена своих товаров только в указанных пунктах. Обмен товаров совершался под непосредственным присутствием представителей царской администрации, которые вместе с чиновниками меновых дворов нередко прибегали к различным злоупотреблениям с целью наживы и обогащения. На меновых дворах всячески обманывали неискушенных в торговых операциях горцев, сбывая им часто недоброкачественные товары по заведомо завышенным ценам. «Среди владельцев этих дворов были и донские казаки, наживавшие в результате неэквивалентной торговли и связанных с ней злоупотреблений большие капиталы»¹. Возникновение меновой торговли обнажило колонизаторскую сущность экономической политики царизма на Кавказе, что «выразилось прежде всего в том, что горские народы: кабардинцы, осетины, балкарцы и др. – должны были подкупать хлеб, соль и другие товары за деньги, а сбывать свою продукцию только путем обмена товара на товар. Существовал целый ряд ограничений: надзор за меновой торговлей, который осуществлялся чиновником, специально назначенным царской администрацией, карантинное очищение товаров, строгий перечень товаров, разрешаемых для обмена, и т. д.»²

Разумеется, все это не могло удовлетворять ни горцев, ни русских и других торговых людей, заинтересованных в свободной торговле. Поэтому они начинают искать новые пути торговых контактов, минуя меновые дворы с их жесткой, стеснительной регламентацией. Царизму так и не удалось до конца монополизировать меновую торговлю с горцами, торгово-хозяйственные связи с русским населением которые все больше и больше расширялись благодаря ярмаркам и другим формам товарного обмена.

В XVIII в. кабардинцы и балкарцы не имели монет собственной чеканки – кусочков металла, одетых в «национальный мундир», – свидетельство слабости развития товарно-денежных отношений. За неимением денег торговля их продолжала носить преимущественно характер обмена натурой, т. е. была меновой, хотя при явной тенденции роста товарно-денежной. Одной из самых распространенных форм «денег» в древности до появления металлических монет как универсального средства обмена был скот. Корова, бык, овца – вот к чему приравнивались и чем определялись цены других товаров, которыми торговали многие народы, прежде чем у них появились настоящие деньги.

Таким было положение и у кабардинцев, и балкарцев в исследуемый период. Однако в связи с развитием торгово-экономических отношений с Россией, а также и другими странами в Кабарде и Балкарии в XVIII в., уже в первой его половине, торговля все более приобретает денежно-товарные черты, появляются зачатки денежного обращения. Хотя здесь не чеканили собственных монет и очень незначительна была роль денег в торговле, сохранявшей преобладающе обменный характер, по словам кизлярского коменданта Н. А. Потапова, горцы «в больших торгах и деньгах знания не имели», и тем не менее развивалась и товарно-денежная форма торговли, кабардинцы и балкарцы неплохо были знакомы с денежными знаками других стран и порой пользовались ими в своей торговле при расчетах. Так, во время археологических раскопок кабардинских

¹ Дон и степное Предкавказье... С. 182.

² Куприянова Л. В. Указ. соч. С. 35.

курганов в районе Пятигорья были обнаружены золотоордынские монеты, а в могильнике у сел. Ташлы-Тала – 14 турецких монет. Из них три монеты чеканились в 1703–1704 гг. в Константинополе и Мисре при Ахмеде III (1703–1730). Девять экземпляров биты в Константинополе в 1730–1731 гг. при Махмуде I (1730–1754)¹. Еще в 1728 г. И.-Г. Гербер писал о кабардинцах: «У них не чеканят никаких денег. Они употребляют русские, персидские и турецкие монеты»², приводил факты крупных денежных торговых сделок горских купцов. Это были деньги, говоря словами К. «Маркса, «торговых наций». При этом больше всего имели хождение русские деньги «да грузинские абазы (двугривенные), и то в обращении их было весьма немного»³. О распространении денег, наряду с другими данными, свидетельствуют и факты обнаружения во многих местах на территории Кабардино-Балкарии целых кладов российских средневековых монет, чеканенных в XVIII в. Так, в 1947 г. в городе Нальчике на улице Набережной при разборке старой, обветшалой времянки, построенной из саманных кирпичей, в одной из ее стен оказался замурованный в нее монетный клад: 300 серебряных копеек времен Петра I, реформа которого была важнейшей вехой в истории русского монетного дела⁴. Чеканка серебряной копейки (на ней был изображен всадник с копьем) была прекращена в 1718 г.⁵ Позже, в 1962 г., на окраине села Прималкинского были найдены спрятанные некогда в землю 114 медных российских «пятаков», чеканенных с 1758-го по 1791 г. (общий их вес – около 6 килограммов). Общая сумма клада – 5 руб. 70 коп., сумма довольно значительная по меркам того времени. Для сравнения: «Две копейки в день могли сытно прокормить человека, а народный суконный кафтан, например, стоил около двух рублей»⁶.

Старые монеты, в том числе и обнаруженные на территории Кабардино-Балкарии, будучи вещественными остатками древнего денежного обращения, древней торговли, являются одним из важных исторических источников, свидетельствуя о глубинных процессах, происходивших в социально-экономической, а подчас – политической жизни народов в далеком прошлом. Они содействуют более углубленному изучению проблем торговли, обмена, степени интенсивности денежного обращения, помогают уяснить и сделать выводы о торгово-экономических и культурных связях между народами и странами.

О том, какой большой интерес стали проявлять к деньгам кабардинцы и балкарцы, свидетельствуют исторические источники. В письме кабардинских князей царскому правительству от 22 августа 1731 г. содержалась просьба выдавать им жалованье «деньгами, а не мехами или другими вещами»⁷. Возрастание элементов товарно-денежных отношений свидетельствовало о растущем активном процессе разложения натуральной формы хозяйства, углублении общественного разделения труда, поступательной направленности социально-экономического развития Кабарды и Балкарии.

¹ Мизиев И. М. Могильник у селения Ташлы-Тала // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 118.

² Гербер И.-Г. Записки о находящихся на Западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // АБКИЕА. С. 154.

³ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 49.

⁴ Виноградов В. Б., Делпуева А. Б. Старинные монеты – свидетели прошлого. Нальчик, 1990. С. 60.

⁵ Нумизматический словарь. Львов, 1975. С. 72.

⁶ Там же.

⁷ КРО. Т. 2. С. 46.

Во второй половине XVIII в. вместе с ростом вывоза сельскохозяйственных продуктов и изделий крестьянской промышленности и ремесел в русские города и поселения происходит систематическое увеличение и ввоза в Кабарду и Балкарию русских промышленных товаров. Нормальному, еще более плодотворному развитию торгово-экономических кабардино-балкаро-русских отношений нередко мешало царское правительство, стремившееся взять под свой контроль и извлечь как можно больше выгоды для себя из расширяющейся из года в год торговли с горами Северного Кавказа. Оно даже и после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. продолжало придерживаться условий указа 1764 г., облагая торговлю с Кабардой пошлиной, как «внешнюю». Развитию горско-русской торговли препятствовали не только эти, но и другие ограничения царского правительства, которые чем дальше, тем больше давали о себе знать, вызывая законный протест со стороны коренного населения.

Естественному течению жизни, развитию производительных сил и товарообмена препятствовали турецко-крымские феодалы, совершавшие частые набеги на кабардинцев и балкарцев. Значительный урон развитию торговли наносили и эксплуататорские верхи Кабарды и Балкарии, который становился особенно чувствительным в условиях феодальной раздробленности с ее спутниками – бесконечными междоусобицами и разбоями, терзавшими край на протяжении всего рассматриваемого периода, многочисленными таможенными заставами, ограблениями купцов. Чтобы в какой-то мере обезопасить себя от грабежей, насилий и убийств, приезжие купцы вынуждены были за значительную плату заручаться покровительством наиболее известных и влиятельных кабардинских князей и балкарских таубиев. Кроме того, с них взимались специальные пошлины, произвольно устанавливаемые местными феодалами.

Большим препятствием на пути развития торгово-экономических связей между кабардинцами, балкарцами и другими народами Кавказа, а также с русским населением края, в XVIII в. было крайне неудовлетворительное состояние путей сообщения, полное отсутствие колесных дорог в горах. Связь с соседними народами поддерживалась главным образом вьючным путем через трудные и малопроходимые перевалы, «по горным тропам, по которым пробирались вьючные животные, причем каждая поездка на плоскость в Кабарду отнимала 4–6 суток»¹. Говоря о трудностях и сложностях, связанных с отсутствием дорог, Иоганн Бларамберг писал, что «сообщение в горах, и без того весьма затруднительное, прерывается на несколько месяцев в году: летом – потому что реки, из-за таяния снегов разливаясь, затопляют дороги; зимой – потому что снежные завалы перекрывают дороги к высокогорным долинам...»². Но, несмотря на турецко-крымскую экспансию, колониальные, военно-феодально-великодержавные методы политики царизма, произвол царских чиновников и военных властей, приносивший немало бед и страданий, злобную антирусскую пропаганду врагов сближения горцев с Россией, феодальную междоусобицу, экономическую и территориальную разобщенность народов края и другие препятствия, жизнь брала свое, горцы тянулись к развитию взаимовыгодной торговли с Россией. Постепенно, с годами преодолевались консерватизм, патриархальные пережитки среди горцев относительно торговли (традиционное игнорирование денег в торговых сделках или иных услугах и т. д.), о которых писал С. Броневский: «Не только бедность в наличных деньгах и недостаток рукоделий, но и предрассудки

¹ Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961. С. 58.

² Бларамберг И. Указ. соч. С. 38.

их не позволяют им постоянно заниматься торговыми оборотами, вменяя себе в стыд купеческое звание и продавая избытки своих произведений только в случае крайней надобности в деньгах или вещах необходимо нужных»¹.

Даже в условиях шаткой гарантии и больших расходов купцы из Кизляра, Моздока, Астрахани и других русских городов, нередко рискуя жизнью и своим имуществом, все больше и чаще посещали с торговой целью горские районы Северного Кавказа. К тому же здесь не было ни гостиниц, ни постоялых дворов. Единственное, на что они могли рассчитывать, – это на обычай гостеприимства, один из древних общественных институтов адыгов и других горцев, когда любой путник мог остановиться в качестве гостя в доме любого горца и получить все необходимое бесплатно – жилье, еду, постель, стойло и корм для лошадей – и находиться под надежной защитой хозяина, считавшего, что нет такой жертвы, которую нельзя было бы принести во имя гостеприимства. Хорошо сказано об этом в поэме «Измаил-Бей» М. Ю. Лермонтова:

Гордились дружбою взаимной:
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был ².

«Лучшее качество адыгов, – писал Т. Лапинский, – это гостеприимство. Путник может проехать всю страну насквозь без копейки денег, и нигде его не задержат, и в каждом дворе, куда он зайдет, он найдет кров, постель и еду для себя, стойло и корм для своей лошади. Можно, не спрашивая позволения, сойти с лошади перед саклей для гостей и войти в нее – таков обычай. Сейчас же со двора приносятся матрацы, подушки, вода и полотенца, в камине зажигается большой огонь, и хозяин дома и его семья прислуживают гостю. Невежливо спрашивать, откуда он приехал, куда он едет, кто он. Хозяин только приветствует гостей и не начинает разговора, пока они сами не спросят или не начнут рассказывать. Приезд чужестранца и уважаемого гостя – событие во всей местности. Из всех близлежащих дворов спешат люди, чтобы увидеть гостя, послушать от него новости и принять участие в пиршестве, которое является следствием такого посещения»³. Обычай гостеприимства – один из священнейших и универсальных, всеми особо чтимых компонентов общеадыгского этикета – тесно связан с историческим прошлым черкесов, уходит своими корнями в глубокую древность, в эпоху первобытнообщинного строя, его распада, выделения родовой знати и выдвижения военного предводителя – вождя племени, т. е. на стадии «военной демократии», когда народы весьма подвижны и воинственны, их жизнь полна опасностей. Адыги – народ, соединявший в себе благородные элементы средневекового рыцарства, народ с сильно развитым институтом наездничества. С этим было связано и наличие среди общеадыгских божеств «зек1уэтхэ» (букв.: походный бог и покровитель наездничества), в честь которого произносились дифирамбические хохи перед выступлением в поход. Особенно велико было в походном деле адыгов значение звезд: «...будучи природными наездниками, отправляясь в дальние походы, они в основном нападали на врага ночью. И во всех случаях ориентирами в пути служили звезды, и это отражено в пословице: «ЖэщкІэ

¹ Броневский С. Указ. соч. С. 145.

² См.: Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: в 2 т. Л., 1989. Т. 2. С. 211.

³ Лапинский Т. Указ. соч. С. 121.

зекIуэ лыхъужьхэр ШыхульагъуэIэ мэзекIуэ» («В путь едущие герои держатся Млечного Пути»)»¹. Семен Броневский отмечал: «Общая склонность к рыцарскому странствованию произвела естественным образом всеобщее почтение к гостеприимству»². Эту точку зрения разделял и Хан-Гирей, по мнению которого, гостеприимство у адыгов – действительно одна из священных добродетелей народа, «с незапамятных времен укоренившаяся в домашнем быту черкесов», обратила «особу гостя», его безопасность «в некую святыню»³. Для торговли с горцами купцы широко использовали также их древний обычай – куначество. Установив куначеские отношения с кем-нибудь из горцев, превыше всего чтивших честь, верность дружбе, они обеспечивали себе защиту и безопасность⁴. Словом, куначество вместе с гостеприимством имело не только бытовое, но и политическое, международное значение. В условиях феодальных междоусобиц и территориальной разобщенности горцев оно способствовало развитию торгово-экономических и культурных связей между горскими народами, а также и с соседним русским населением. Но и в этих условиях серьезная опасность не исключалась. Это было время, когда она подстерегала путника всюду и везде, особенно в чужих владениях. О том, насколько был велик риск отправиться в дорогу в ту пору, писал известный историк академик С. М. Соловьев: «...но вот предстоит беда, нужда требует выехать за город, отправиться за несколько верст в другой город, в деревню: пишется духовное завещание, в семье плач, прощаются, как с человеком, идущим на войну, потому что дороги наполнены разбойниками»⁵. В условиях Центрального Предкавказья положение осложнялось и обострениями отношений между горцами и царизмом, между феодальными владельцами и царской военной администрацией. Но в хозяйственных, торговых и бытовых контактах между народами и отдельными их представителями есть, видимо, что-то более притягательное, чем в официальных связях и соглашениях между государствами, политическими образованиями, – это чувство нужды друг в друге, необходимость в сотрудничестве, взаимопомощи и обмене, дружбе, вытекающие из потребностей реальной практической жизни, в особенности жизни близких непосредственных соседей. Совместное проживание и постоянное общение, которое происходило обычно помимо и часто вопреки воле как царских властей, так и антирусски настроенной части горских феодалов, взаимозависимость в процессе трудовой деятельности делали связи между горцами и русскими казаками и крестьянами с самого начала их соприкосновения естественно необходимыми. Жизнь есть жизнь, она требует своего. Она сильнее всякой препоны. Людям надо есть, одеваться, обуваться, обустроить свой дом, свое хозяйство. Поэтому горцы и русские казаки и крестьяне часто сами вступали в торговые связи, устраивали обмен и продажу своих товаров без всякого ведома и согласия властей, помимо и вопреки воле и желанию как царских чиновников, так и горских феодалов. Словом, несмотря на натянутые временами отношения между горцами и казаками, на вооруженные столкновения между ними, и те и другие часто встречались на базарах или ярмарках, где торговались, обменивались своими товарами, радовались своим приобретениям. Однако отношения горцев и русских поселенцев далеко не всегда были безоблачными. Люди всегда и везде,

¹ Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982. С. 36.

² Броневский С. Новые географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 130.

³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 302.

⁴ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 312–313.

⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 103.

при любых обстоятельствах остаются людьми. Даже в жизни одного этноса немало проблем, противоречий и раздоров, а тут еще и национальные, и религиозные различия, да и языковой барьер, осложнившийся и усугублявшийся грубой, ничем не прикрытой наступательной колониальной политикой царизма, непродуманными действиями, притеснениями, произволом и насилием над местными народами со стороны кавказской администрации, игнорированием обычаев и традиций горцев. Поэтому неудивительно, что периоды мирного затишья и спокойствия сменялись периодами немирными, острых конфликтов, мятежами горских феодалов, антифеодальными, антиколониальными выступлениями горского крестьянства. Но осложнения и острые столкновения, порой имевшие место в отношениях между горцами и русскими казаками и крестьянами, были частным моментом на фоне обычно мирных в своей основе и добрососедских связей в хозяйственно-экономической, торговой, культурной и бытовой сферах. «Не следует изображать в идиллических тонах отношения жителей этих славянских порубежных городов с коренными обитателями Предкавказья, – пишет А. В. Фадеев, говоря о более раннем периоде русско-кавказских связей. – Конечно, зарево войны нередко вставало над степью... Но не надо забывать и о другом. Как ни часты бывали военные тревоги, но периоды мирного затишья были более длительными. Простые люди разных племен и наречий, земледельцы и скотоводы, испытывали потребность в общении друг с другом, в обмене продуктами своего труда, освоении производственного опыта соседей. На степных просторах протоптавались новые дороги. Это были пути мира и дружбы»¹. Это положение тем более верно по отношению к рассматриваемому нами периоду. Несмотря на всю сложность политической обстановки, дело расширения и укрепления тесных дружественных отношений между русским и горскими народами пробивало себе путь. Что же касается торговли, то как горцы, так и русские купцы рисковали, шли навстречу неизвестности. Но риск этот был оправданный, стоящий, сулящий большие выгоды. Более того, это было проявлением закономерного, объективного процесса постепенного вовлечения Кабарды и Балкарии, как и других горских народов края, в общее русло экономического развития России XVIII в., в истории которой он характеризовался «крупными экономическими сдвигами: быстрым ростом производительных сил, углублением общественного разделения труда, усилением хозяйственной специализации районов, значительным развитием обмена между ними, ускорением процесса складывания всероссийского рынка»². Именно экономические связи горцев с русским населением, развитие производительных сил, неуклонное втягивание Кабарды и Балкарии в систему всероссийского рынка и определили перемены, происходившие в жизни кабардинцев и балкарцев, в том числе и сдвиги в области торговли. Она значительно расширилась и окрепла, изменились объем и ассортимент товаров, которыми торговали в крае, увеличилось число людей и хозяйств, связанных с рынком, постепенно вовлекавшихся и водоворот товарных отношений. Далеко продвинулось вперед в рассматриваемый период формирование всероссийского рынка, начатое в XVII в. Многочисленные ярмарки и базары действуют по всей стране. В торговые связи, рыночные отношения включаются Кабарда и Балкария. В первую очередь во всероссийский рынок стали «втягиваться» феодальные владельцы – князья, мурзы и другие представители социальной верхушки горцев. Особо активную торговую деятельность развернули кабардинские князья Черкасские, жившие с конца XVI в.

¹ Фадеев А. В. Указ. соч. С. 40.

² Дон и степное Предкавказье... С. 173.

в Терском городе и правившие всеми слободами города, где обитали представители многих кавказских народов. Экономическое и политическое положение князей Черкасских настолько было прочным, что они соперничали с царскими воеводами, оспаривая у них верховную власть в Терском городе. Князья Черкасские вели торговлю с русскими городами, Закавказьем и Ираном. Торговые обороты этих князей нередко достигали больших размеров. В 1621 г. князь Сунчалей Черкасский отправил в Россию большой караван своих товаров. Торговые дела владельцев Черкасских из года в год принимали все более широкий размах. Спустя 10 лет они отправили в Астрахань своих товаров на 1000 руб. В 1651 г. уздени Муцала Черкасского из Терского города в Москву отправили около 250 килограммов шелка высшего качества, 194 дараг кармазинных, 80 дараг гиянских, 14 юфтей сафьянов, всего на 4242 руб. На Черкасских работали десятки зависимых от них торговых людей из представителей горских народов, живших в Терском городе, а также купцов-тезиков. Торговля приносила князьям Черкасским большие доходы, дававшие им возможность жить на широкую ногу. Главный из них – Муцал Черкасский – имел роскошный дом с усадьбой не только в Терском городе, но и в Астрахани. Во всероссийский рынок «втягивались» не только горские владельцы, но и средние слои населения – зависимые и свободные уздени, превратившиеся в «купчин»¹, что свидетельствовало о дальнейшем поступательном развитии производительных сил края, расширении и укреплении его торгово-экономических связей с Россией, чему способствовали преодоление экономической разобщенности страны и складывание всероссийского рынка.

Вместе с расширением вывоза и ввоза товаров, ростом объема торговли неуклонно увеличивалась и сумма торгового оборота. По сведениям С. Броневского, торговый оборот кабардинцев с Россией в конце XVIII в. составлял «круглым счетом... до 100 000 рублей» в год². Ежегодный оборот русско-кабардинской торговли в 1762–1763 гг., по данным В. К. Гарданова, колебался примерно в пределах 30–33 тыс. руб., а к концу XVIII в. он достиг 75 тыс. руб., т. е. увеличился более чем в два раза³. Главный наблюдатель над меновыми дворами Шевцов писал, что торговля горцев с русскими характеризовалась «обоюдною пользою продавца и покупателя», она сближала их между собою «тесною дружбою и хлебосольством»⁴. Хорошо сказал о значении торговли один из ярких представителей адыгской общественной мысли середины XIX в. А.-Г. Кешев, видевший в ней способ преодоления недоверия между народами, преобразования жизни черкесов на мирных началах. «...Торговля, – писал он, – лучшее средство к сближению народов; в ней исчезает все, что разъединяет их друг от друга». Кешев считал, что торговля будет способствовать обеспечению существования черкеса, «вызовет в нем дух предприимчивости, сметливости и все то, что до сих пор сокрыто в его богато одаренной натуре. Торговля изгонит из его головы те беспокойные, отжившие понятия, которые ставят его в прямое противоречие с настоящим положением дел. Торговля, наконец, введет в семейный быт черкеса неизвестные доселе удобства, изменит к лучшему семейные и общественные отношения, отодвинет на задний план винтовку...»⁵. Посещение рынков и ближайших торгов, ярмарок, посещение

¹ Гриценко Н. П., Хасбулатов А. И. Начало вовлечения Чечено-Ингушетии во всероссийский рынок // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 47–49.

² Броневский С. Указ. соч. С. 145.

³ Гарданов В. К. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // Ученые записки КБНИИ. Т. 23. С. 110.

⁴ Дон и степное Предкавказье... С. 199.

⁵ Кешев А. Г. Избранные произведения. Нальчик, 1976. С. 66.

городов... – все это несколько расширяло горизонты жизни крестьянства, давало пищу для наблюдений и размышлений»¹.

Велика роль торговли во все прошлые времена, а также и в наши дни. Говоря о значении взаимовыгодной торговли и налаживании мирных, добрососедских отношений между странами и народами, американский бизнесмен, доктор Арманд Хаммер, хорошо известный своими многолетними, плодотворными торговыми связями с Россией, в предисловии к русскому изданию своей биографии пишет: «Ведь недаром еще с античных времен весы – символ торговли – противопоставлялись мечу – символу войны»². И далее Хаммер, энергично пропагандировавший и доказывавший на практике возможность успешной торговли Востока с Западом, говорил: «Я совершенно согласен с тем, что дальнейшее развитие внешней торговли, экономического и научно-технического сотрудничества с иностранными государствами будет способствовать реализации принципов мирного сосуществования и закреплению разрядки. Как говорил один из основателей нашей республики Бенджамин Франклин, «торговые партнеры обычно не воюют друг с другом»³.

Таким образом, к концу XVIII в. кабардинцы и балкарцы уже имели прочно сложившиеся торговые навыки и традиции, их торговля с Россией получила заметное развитие, заняв ведущее, главенствующее место в торговом обороте горцев. Она развивалась все более интенсивно, стала носить регулярный характер с появлением зачатков денежного обращения, вела к росту производительных сил, к прогрессу в экономике горцев. В ходе этого длительного и непростого процесса были достигнуты первые успехи в разрушении вековой хозяйственно-экономической замкнутости горцев, в подрыве основ патриархально-феодалных отношений, в объективно неизбежном вовлечении края в общероссийский рынок и товарно-денежный обмен, в постепенном становлении денег эквивалентом.

Развитие торговли, усиление экономических связей способствовали дальнейшему сближению между собой многочисленных разноплеменных, стоявших на разных ступенях социально-экономического развития горских народов, установлению взаимопонимания и дружбы между ними, укреплению их отношений с русским населением края, расширению рамок взаимовлияния их культур и быта.

§ 2. Культурные связи Кабарды и Балкарии с Россией

Особое место в социально-политической жизни кабардинцев и балкарцев в XVIII в. занимали отношения к России и русскому народу, которые не ограничивались политическими связями и экономическими контактами, а распространялись и на другие сферы жизни горцев.

Кабардинцы и балкарцы, являясь коренными жителями Кавказа, входя в состав многочисленных разноязычных племен и народов, населяющих этот прекрасный и в то же время суровый край, для защиты которого все время приходилось держать меч вынутым из ножен, не потеряли присутствия духа под натиском бесчисленных, сменявших друг друга грозных завоевателей, обнаружив беззаветную верность родной земле и ее культуре. История полна приме-

¹ Очерки русской культуры XVIII века. Изд-во МГУ, 1985. Ч. 1. С. 29.

² Консидайн Б. Больше, чем жизнь. Удивительная биография доктора Арманда Хаммера / Под общ. ред. Мэлоу Стурюа. М.: Прогресс, 1981. С. 7.

³ Там же. С. 9.

рами упадка и даже гибели и исчезновения с карты тогдашнего мира обществ, государств и целых народов, оказавшихся в аналогичном положении. Но горцы нашли в себе силы, чтобы противостоять обрушившимся на них жестоким ударам и потрясениям. Они, вдохновляемые духом предков, устоявших под всеми ударами судьбы, не только мужественно и стойко с легендарной отвагой защищали свою независимость и свободу, но и прилежно трудясь, участвуя в историческом творчестве, творя свою собственную историю, в течение многих поколений не только производили материальные блага, но и сумели создать и развить самобытную, со своим неповторимым национальным, этническим колоритом, древнюю культуру, базировавшуюся на определенной социально-экономической основе и менявшую свое содержание в процессе исторического развития, что свидетельствует об уровне их общественных отношений. Они показали, что обладают большим творческим, созидательным духом, потенциальной силой жизни и возрождения, неистребимой способностью восстанавливать силы, сумели бережно пронести через всю свою многотрудную историю, все тягчайшие испытания и катаклизмы и сохранить такое сокровище, как свой язык¹, основу национальной культуры, средство овладения культурой и общения в ее сферах, первейший залог национального самосознания, первостепенный исторический источник, несущий в себе весь комплекс исторических сведений о жизни народа, представляющий собой, говоря словами В. И. Абаева, «его исторический опыт, обобщенный и зафиксированный в словах – понятиях и грамматических категориях»², а также и другие важнейшие элементы неповторимо самобытной культуры, свое национальное лицо, свой антропологический тип, не поддавшись обезличивающему влиянию многих завоевателей, не оставивших другого следа в истории, кроме горькой недоброй памяти и проклятия как символов зла.

Вопреки всему апологеты царского самодержавия – некоторые историки дворянско-буржуазного направления – всячески искажали правду о кавказских горцах и их духовном богатстве, культуре, отрицали их способность к нравственной и культурной жизни. Так, историк Н. Данилевский утверждал, что горцы якобы свыклись «с дикой жизнью и сделались совершенно недоступными просвещению и гражданственности»³. И такое сказано о таких горских народах, как кабардинцы, предки которых создали ядро знаменитой майкопской культуры, которое как итог большого исторического процесса в цепи мирового развития имеет общечеловеческое содержание и является вкладом в мировую историю. Такое сказано о таких народах, как древние адыги, у которых еще в эпоху железа появилось величайшее поэтическое творение – нартский эпос, вошедший в сокровищницу мировых духовных ценностей⁴. Такое высказывание Н. Данилевского и иже с ним близко не подходило ни к одному из горских народов Северного Кавказа, каждый из них имел свою древнюю самобытную культуру.

Подобная концепция принижения уровня развития духовности горцев преследовала определенную цель: обосновать тезис, что горцы – «дикари», что они

¹ На языке абхазо-адыгской группы, одном из древнейших языков, говорили еще хатты, или протохатты, «по всем данным, тесно связанные с Кавказом» (Редер Д. Г., Черкасова Е. А. История древнего мира: в 2 ч. Ч. 1. Первобытное общество и Древний Восток. М.: Просвещение, 1985. с. 188). О родстве протохетского языка с абхазо-адыгскими языками пишут многие видные ученые (см.: Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии М.: Наука, 1964. С. 122–125).

² Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 9.

³ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 8.

⁴ Меретуков М. А. Энциклопедия адыгской культуры // Наука – Адыгея. Майкоп, 1994. С. 200–201.

неспособны вообще к самостоятельному существованию и общественному развитию, доказать цивилизаторскую роль царизма на Кавказе, привить и укрепить среди его населения монархические чувства и взгляды.

Совершенно по-другому подходили к многовековой истории народов и к оценке их духовной культуры – культуры, связанной с их мышлением, интеллектом, нравственностью, то есть с тем, что называется национальным менталитетом, – передовые представители России. Это и понятно, ибо в высшей степени благородными идеями, пронизывающими прогрессивную русскую культуру, определяющими ее основные черты, были: народность, свободолюбие, гуманизм, уважение к национальной самобытности и т. п. Выступая настоящими, подлинными ценителями культурного наследия малочисленных народов, и в частности северокавказских горцев, они призывали к гуманистическому его осмыслению и объективной оценке, к бережному, заботливому отношению к материальным и духовным ценностям всех народов. «Вообще признание за каждым народом больших духовных человеческих достоинств оставалось исконной чертой русской духовной культуры. Ей всегда было присущи национальный такт и глубочайшее уважение к характеру и быту выходяца из нерусской национальной среды»¹.

Большой знаток жизни и быта горцев С. М. Киров, говоря об этом, отмечал: «В быту и традициях горцев угадывается столько сдержанного благородства, столько моментов самобытности и древней культуры, что ими может гордиться любой цивилизованный народ». В статье «К изучению Кавказа» С. М. Киров решительно выступал против умаления роли северокавказских народов в развитии общечеловеческой культуры, разоблачал клевету в адрес горцев, будто бы имеющих врожденные наклонности к разбою и грабежам и неспособных к восприятию современной цивилизации и культурных достижений, призывал верить в могучие творческие силы этих народов, что «если смотреть на Кавказ открытыми глазами без всякого предвзятого мнения, то мы найдем в нем много элементов совершенно мирной культурной работы...»². Об интеллектуальной и нравственной высоте, достигнутой горцами, свидетельствует и известный абхазский художник А. К. Шервашидзе (Чачба), в дневниковых записях которого имеются такие строки: «Мы живем среди народа с красивыми древними обычаями, с большой красивой внутренней душевной культурой... Мне чрезвычайно грустно, когда я думаю о том, что может исчезнуть все то, что так дорого ценишь в абхазах, вообще в горах наших. Я представляю себе их стройных, ловких, очень вежливых, с большим достоинством, молчаливых, умеренных во всем, стойких и твердых. В этом вся наша культура»³. Глубоко правы были и С. М. Киров, и А. К. Шервашидзе. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить историю развития культуры этих народов, корни которой уходят в седую древность и теряются в ней, что определяется даже по тем чрезвычайно скудным, дошедшим до нас из тьмы веков, отрывочным сведениям.

Несмотря на крайне неблагоприятные внешнеполитические и внутренние условия, которые часто и искусственно задерживали развитие кабардинцев и балкарцев, замедляли темпы их восхождения к более высоким уровням творческой деятельности, их культурное развитие, как и у других народов, не прекращалось, являясь неотъемлемой, органической частью общего исторического процесса. Даже в самые тяжелые и мрачные периоды истории, независимо от геополити-

¹ Гамзатов Г. Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. М.: Наука, 1982. С. 88.

² Терек. 1911. 6 февр.

³ Зайцева-Шервашидзе Р. Разум и сердце – Родине // Лит. Грузия. 1984. С. 210.

ческих бурь, духовная жизнь народов здесь никогда надолго не замирала, не стояла на месте, их культурные силы пробивали себе дорогу. Культурное развитие, прерванное или нарушенное различными невзгодами, превратностями судьбы, возобновлялось, трудовые народы, для которых развитие производительных сил всегда было живым делом, откладывали в сторону меч, как только смолкал его звон, и снова нетерпеливо принимались за мирный созидательный труд: пахали, сеяли, собирали урожай, пасли скот, косили сено, ковали железо, строили дома, шили одежду, а вместе с тем восстанавливалось движение по пути культурного прогресса.

Как известно, кабардинцы и балкарцы до начала 20-х гг. XX в. не имели своей письменности, если ее понимать как одну из форм функционирования и одно из условий развития и совершенствования языка. Это было большим пробелом в их духовной жизни, ибо письмо – это один из основных аспектов культуры, важнейший источник информации и средство расширения круга ее обладателей, языковой и этнической консолидации, без него нет, собственно говоря, связанной истории человеческой культуры.

Однако содержащиеся в исторических источниках отдельные скупые отрывочные данные дают основание для утверждения, что кабардинцы и балкарцы, как и многие другие народы, с очень давних времен пользовались различными способами письма, использовали письменность других народов, знаки и буквы, взятые из них для фиксации своих мыслей. Еще синды, являющиеся далекими предками адыгов, в том числе и кабардинцев, имели свою письменность.

Если говорить непосредственно о кабардинцах, то о наличии кабардинской эпиграфики греческого письма в прошлом пишет ленинградский ученый-эпиграфист Г. Ф. Турчанинов. Как известно, еще в июле 1773 г. академик И.-А. Гюльденштедт, путешествуя по Большой Кабарде, обнаружил на р. Этоко (каб.: Ет1экъуз), притоке Подкумка, фигурный памятник (статую) с греческой надписью. В 1849 г. Этоковский памятник был перенесен сначала в Пятигорск, а затем перевезен в Русский исторический музей в Москву. С тех пор, а именно с конца XVIII в., когда описание путешествия Гюльденштедта было опубликовано акад. П.-С. Палласом, этот памятник вызывал интерес у исследователей.

Заинтересовался кавказскими памятниками, находящимися в Русском историческом музее, среди которых находился и Этоковский памятник, известный эпиграфист акад. В. В. Латышев. Осмотрев внимательно памятник, он снял тщательно проверенную копию с надписи и опубликовал ее в приложении к статье «Кавказские памятники в Москве» (Зап. РАО (НС). СПб., 1887. Т. 11. Вып. 1).

В. В. Латышев предложил чтение первых пяти строк с внесением в них грамматических и орфографических поправок.

В наше время изучением текста надписи на Этоковском памятнике серьезно занялся эпиграфист Г. Ф. Турчанинов, который пришел к следующим выводам:

- «1) в начале XII в. кабардинцы применили эпиграфическое письмо с использованием для него греческого алфавита; работу эту выполнили собственные мастера;
- 2) среди кабардинцев в начале XII в. было распространено христианство;
- 3) в конце XI – начале XII в. кабардинцы занимали земли, прилегающие к левому берегу р. Малки;

4) кабардинский язык в начале XII в. уже выделился из общего слоя черкесской (адыгской) речи и представлял собой в некоторой мере самостоятельное лингвистическое явление»¹.

¹ Турчанинов Г. Ф. Памятники письма к языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971. С. 109–113.

Тот же автор – Г. Ф. Турчанинов занимался дешифровкой и другой кабардинской приписки к надгробной надписи греческого письма конца XVI в. (1581). Приписку эту обнаружил на малокабардинском надгробии и вместе с основной надписью опубликовал в конце прошлого столетия акад. В. Ф. Миллер в своей статье «Отголоски кавказских верований на могильных памятниках». И так как эта приписка не поддавалась чтению, исходя из греческого языка, он высказал предположение, что она является черкесской. Занявшись этой припиской, Г. Ф. Турчанинов полностью согласился с догадкой В. Ф. Миллера и сделал следующее заключение: «Надпись свидетельствует о том, что греко-византийская культура коснулась Кабарды не только в области пропаганды доктрин христианства. Принесенная сюда греческая письменность использовалась в эпиграфических целях, но этому письму не суждено было развиваться до пределов всеобщего признания»¹. По свидетельству европейского путешественника XVIII в. Иоанна, «черкесы пользовались своим древним письмом...». Но, к глубокому сожалению, следы этой адыгской письменности затерялись к дебрях истории.

Имели свое собственное письмо и одни из предков балкарцев и карачаевцев – кавказские болгары-язычники еще до перехода через Дунай². О бытовании древнетюркского рунического письма у предков балкарцев и карачаевцев свидетельствуют памятники письма, найденные в 1960 г. в верховьях Кубани (в Хумаринском городище), датируемые X–XI вв.³ Известный археолог В. А. Кузнецов отмечает, что эти письмена имеют прямое отношение к балкарцам и карачаевцам⁴. Есть и некоторые другие сведения, свидетельствующие об этом же.

К рассматриваемому периоду относится каменная плитка с надписью на балкарском языке, датируемая 1715 г. Об этом еще в 1903 г. сообщал Н. П. Тульчинский, как о надписи, «вырезанной арабскими буквами на горском языке». По словам Н. П. Тульчинского, в 1890-х гг. «в Хуламском ущелье, выше селения Скуру, в развалинах башни нашли два плитовых камня: один большого размера, а другой – малого; на большом камне вырезаны арабскими буквами на горском языке слова, которые гласят, что собравшиеся почетные люди (имярек) от крымского хана, из Кабарды и от горцев установили границы горских владений от крымских и русских владений. На другом камне тем же шрифтом и языком начертано, что вследствие спора каракеша Бекмурзы Гиргокова с кем-то (не указано с кем) свидетели: из Баксана Исмайыл Урусбиев, из Балкарии Муртазали Биев, из Хулама Султан Шакманов и другие – установили границы владения Бекмурзы Гиргокова; судя по этим границам, у него оказываются обширные владения. Все это произошло по магометанскому счислению в 1127 г., а по нашей эре в 1715 г.»⁵

Приблизительно так же интерпретировал вторую надпись в 1911 г. историк М. К. Абаев⁶. В 1933 г. в журнале «Революция и горец» (№ 8) статью об этом памятнике под названием «Заметки по истории Балкарии» опубликовал И. Тамбиев. И наконец, много лет спустя к этому памятнику обратился Л. И. Лавров, который пишет: «Н. П. Тульчинский, М. К. Абаев и И. Тамбиев, к сожалению, превратно поняли ее содержание; сама она оставалась забытой до 1953 г., когда автор этой работы

¹ Турчанинов Г. Ф. Указ. соч. С. 106–109.

² См.: Известия ал-Бекра и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. С. 127.

³ Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976. С. 90.

⁴ Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища // Советская археология. 1963. № 1. С. 303.

⁵ Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 169.

⁶ Байчоров С. Я. Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к болгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 115.

заново нашел ее. Оказалось, что она написана в 1715 г. на верхнебалкарском («цо-кающем») диалекте, является важным источником по истории и культуре балкарского народа и представляет собой единственный сохранившийся памятник письменности на карачаево-балкарском языке в XVIII в. Написана надпись арабским алфавитом, но весьма своеобразно: начертания, применяемые в арабском письме только для букв в конце слова или для отдельно стоящих, очень часто встречаются в надписи также и в середине слова. Видимо, что писец плохо знал правила арабской письменности. То, что он писал по-карачаево-балкарски, объясняется скорее всего незнанием арабского языка, а не стремлением к созданию национальной письменности»¹.

Дешифровкой и анализом текстового материала этого памятника занялся и местный исследователь, ученый-филолог С. Я. Байчоров. Как и Н. П. Тульчинский, он датирует надпись 1711 г. По содержанию надписи С. Я. Байчоров тоже считает этот памятник карачаево-балкарским. «Исследование графофонетики дешифрованной нами надписи показало, – пишет автор, – что его алфавит отличается от известных нам тюркских, созданных на арабской основе, и сближается к графике волжско-булгарских эпитафий, но больше, чем последняя, приспособлен к передаче тюркской речи». В итоге С. Я. Байчоров приходит к выводу: «...надпись на плите из развалин башни над селением Скуру близ Холама – это памятник смешанного дз-(дь) и дж-диалекта старокарачаево-балкарского языка, сохранившего многое из протобулгарского»².

Балкарцы и карачаевцы этим алфавитом пользовались вплоть до самой Октябрьской революции³. Как бы там ни было, наличие такого памятника является немаловажным фактором. Оно свидетельствует о попытке балкарцев создать свою письменность на арабской основе, о проникновении к ним арабской грамоты. находка этой письменности доказывает, пишет Л. И. Лавров, что в начале XVIII в. среди балкарцев были люди, знающие грамоту. Ими являлись редкие одиночки, очевидно, принадлежавшие к немногочисленному тогда мусульманскому духовенству. Народные массы не имели доступа к учебе, а о феодалах в документе 1743 г. сказано, что они «в мухамеданском законе, токмо никакой грамоты не имеют». Расширению наших знаний в области истории культуры горских народов способствуют эпиграфические памятники, само наличие которых свидетельствует о существовании грамотных людей, которые их создали. Это, например, засвидетельствовано арабской надписью на надгробном памятнике 1734–1735 гг. в сел. Кюннум⁴.

Говоря о памятниках эпиграфики, свидетельствующих о попытках применения арабского алфавита для местных языков, Л. И. Лавров ссылается на сохранившуюся надпись 1715 г. на каменной плите на балкарском языке, найденную в 30-х гг. у аула Холам. «Само собой разумеется, – пишет он, – что появление этих памятников нельзя считать результатом сознательного стремления к созданию национальной письменности. То, что писец балкарской надписи взял из арабской графики только формы, присущие отдельно стоящим буквам, показывает слабое знакомство с арабской письменностью и объясняет причину составления им надписи на родном языке. Очевидно, арабского или турецкого он просто не знал»⁵.

¹ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. 4. С. 106.

² Байчоров С. Я. Указ. соч. С. 138.

³ Грамматика карачаево-балкарского языка. С. 90.

⁴ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. С. 106.

⁵ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1968. Ч. 2. С. 23.

Тщательно изучив эпиграфические памятники Северного Кавказа, Л. И. Лавров пишет, что их обилие «требуется пересмотра ходячего представления, будто народы Северного Кавказа до недавнего времени были бесписьменными». «Правда, – говорит он далее, – письменность эта была не на родных языках, но и широкое пользование латынью в средневековой Европе само по себе не означало отсутствия у европейских народов письменности»¹.

Кабардинцы и балкарцы пользовались другими письменными языками, особенно для своих внешних сношений. Для этой цели они использовали русский язык и русскую письменность. Но в связи с исламизацией народов края к ним стала проникать и арабская письменность. Как известно, вплоть до начала XX в. арабский язык соперничал с литературными фарси и тюрки (оба языка пользовались арабским алфавитом и имеют много заимствований из арабского) и удерживал позицию как языка науки, юриспруденции, религии и школы². На основе арабского литературного языка в течение веков были созданы многие выдающиеся произведения науки и культуры. В нашей стране из регионов наиболее широкого распространения арабской письменности был Кавказ, в том числе Кабарда и Балкария. И здесь она служила не только религии, но и обслуживала нужды делопроизводства, официальной частной переписки. Все местные арабомусульманские культурные достижения были связаны с нею.

Священная книга мусульман Коран – первый письменный памятник арабской литературы, являющийся по преимуществу религиозным и законодательным сводом и в то же время памятником мировой литературы³, – многие века существовала только на арабском языке, на котором была написана, – перевод ее на другие языки воспрещался. Поэтому арабский язык, как латынь в католической Европе, был широко распространен во всем исламском мире. На этом языке обращались к Аллаху, на нем читались проповеди в мечетях, ему учили учеников в медресе, представлявших своего рода средние духовные школы, в которых кроме Корана изучали арабскую грамматику, логику, мусульманское право, географию, астрономию и другие науки с богословских позиций ортодоксального ислама. Любой грамотный и образованный человек в государствах, где исповедовался ислам, обязательно знал арабский, говорил и писал по-арабски⁴.

В рассматриваемое время люди, обученные арабской грамоте, были также в Кабарде и Балкарии. В каждом кабардинском ауле, например, имелся мулла, который по своей должности являлся постоянным членом сельского суда (хеящ[э]). Он как знаток арабского языка, его письменности, что считалось первым признаком просвещенности и образованности человека среди мусульман того времени, вел судебное делопроизводство: на арабском языке составлял решение суда. Это постановление суда передавалось тяжущимся сторонам как оправдательный документ, и каждая хранила его.

В XVIII в. переписка Кабарды с Россией в основном велась на арабском и турецком языках. Здесь для составления писем на языке тюрки кабардинские князья, большая часть которых не знала письменности этого языка, диктовали их духовным лицам – муллам и эфендиям, знавшим арабский и турецкий языки, одновременно исполнявшим функции сельского письмоводителя, а также наемным писцам и другим лицам, владевшим грамотой.

¹ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1968. Ч. 2. С. 23.

² Халидов А. Б. Арабские рукописи в СССР и их изучение // Археографический ежегодник за 1977 год. М.: Наука, 1978. С. 64.

³ Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 167.

⁴ Васильев Л. С. История религий Востока. М.: Высшая школа, 1983 С. 160.

В рассматриваемый период, до утверждения русской административной власти на Северном Кавказе, тюркский язык нередко выступал языком межнационального общения. О том, что именно он был в это время основным языком официальной и частной переписки, свидетельствуют материалы XVIII в., хранящиеся в ЦГАДА. По этому поводу Иоганн Бларамберг писал о черкесах, что в необходимых случаях для связи «они прибегают к помощи гонца или же используют письменный арабский или татарский язык; последний широко распространен по всему Кавказу»¹. В другом месте, в разделе «Науки», развивая эту же мысль, он говорит: «...с тех пор, как они восприняли ислам, они пользуются арабским алфавитом и пишут на татарском наречии, называемом «Тюркю», которое среди них распространено...»². Говоря о месте и роли русского языка, русского письма среди черкесов, о духовных задатках у последних, автор высказывается относительно их недюжинных потенциальных возможностей, говоря, что «весьма легко дать образование этому народу, учитывая его природные наклонности и интеллектуальные способности», и доказательством этому служит, по его словам, то, что «многие черкесские и кабардинские князья научились читать и писать по-русски, так сказать, без чьего-либо участия и помощи и говорят на этом языке настолько чисто и с таким правильным произношением, что их можно принять за настоящих русских»³. О том, что «черкесы богато одарены умственными способностями»⁴, отмечал и Н. Ф. Дубровин. Об этом свидетельствовал Ш. Б. Ногмов, который писал, что адыги «одарены были хорошими умственными способностями, славились деятельностью и сметливостью»⁵.

Таким образом, можно говорить не о полном отсутствии в прошлом (XVIII в.) у кабардинцев и балкарцев письменности, а письменности на родных языках. Что же касается более позднего времени, то усилиями, умом и талантом видных адыгских просветителей, а также представителей русской передовой филологической науки, занимавшихся изучением адыгского языка, была создана письменность, которой пользовались уже в XIX в., хотя вследствие ряда причин она не получила широкого распространения и не стала достоянием всего населения. Если в Балкарии, где мусульманская религия стала внедряться позже и ислам еще не получил в тот период широкого распространения, то в Кабарде же, наоборот, проникновение мусульманства началось раньше, и эта религия уже была представлена гораздо большим количеством ее служителей, следовательно, и просто грамотных, арабски образованных толкователей ислама (улемов) было намного больше. «Ислам, – пишет Л. И. Лавров, – принес горцам письменность, и через него проникали к ним некоторые достижения культуры Ближнего Востока. Но результаты этого бесспорного положительного явления оказались на деле гораздо меньшими, чем следовало бы ожидать, так как письменность была на чуждом населению арабском языке (позже также на персидском и турецком), знакомом преимущественно лишь духовенству, а в культуре Ближнего Востока большое место занимала схоластика, которая не способствовала прогрессу населения»⁶, «одичавшего в средневековом застое»⁷.

¹ Бларамберг И. Указ. соч. С. 76.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 98.

⁴ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 85.

⁵ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 29.

⁶ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. С. 22.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 146.

В 1728 г. И. Г. Гербер писал о кабардинцах, что они «писем и грамоты не имеют; к тому же оные через обхождение с крымскими татарами начали татарский и турецкий язык употреблять; и для корреспонденции и укрепления их преимущества и протчих публичных дел и турецкой грамоте обучаются, через чего магуметанских книг у оных велись и закону тому ворота отворились, к которому оные помалу пристали, понеже оные все от христианства мало знали и у духовных греческий язык утратился»¹.

Еще в первой трети XIV в. знаменитый путешественник Востока ибн Баттута, посетивший в 1333 г. города Золотой Орды в степях Нижнего Поволжья, писал о столице ее – о городе Сарае: «В нем живут разные народы, как то: монголы – это настоящие жители страны и владыки ее, некоторые из них мусульмане, асы, которые мусульмане, кипчаки, черкесы и русские, и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стены окружают имущество купцов»².

Одним из свидетельств того, что в доисламский период в Кабарде имело распространение христианство, является наличие и в настоящее время во многих селениях фамилии Шогеновых и Шогенцуковых, ведущих свое начало от «шоджэн» (священник). По сообщению М. Цагова, священнослужители набирались исключительно из рода Шогеновых³.

О характере доисламских верований кабардинцев и балкарцев дают довольно ясные представления некоторые письменные известия XVII–XVIII вв., многочисленные их пережитки, еще до недавнего времени бытовавшие в Кабарде и Балкарии, остатки развалин христианских храмов на их территории, многие погребения, в том числе в мавзолеях (кешене), строившихся в Кабарде и Балкарии в XVIII в. и представлявших собой очень часто «эффективные памятники архитектуры»⁴.

Для восприятия одной из мировых религий, христианства, введение которого было прогрессом по сравнению с языческими верованиями, нужен был определенный уровень социально-экономического развития, благодатная культурная почва. Время проникновения и распространения христианства среди черкесов специалисты-историки, в том числе и Ш. Б. Ногмов, относят к эпохе императора Юстиниана I (483–565). «Под влиянием союза с Юстинианом, – пишет Ногмов, – греческое духовенство, проникши в Кавказские горы, внесло к нам миролюбивые занятия искусствами и просвещение. К этой эпохе относится построение Храмов Божьих в нашей земле... Предание сохранило даже название места, где обитал первый епископ, пришедший из Греции; оно находится в четырех верстах от крепости Нальчик и называется «Лесистый курган»⁵. Именно с этого времени адыги испытывали наиболее сильное византийское влияние, сами находясь на стадии прочной оседлости, имея сравнительно развитую земледельческо-скотоводческую экономику, на базе которой и шел интенсивный процесс феодализации и распространения христианства среди адыгских племен. Несколько позднее по-

¹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв.; Архивные материалы. М.: Восточная литература, 1958. С. 68–69.

² Путешествие в древность. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 62.

³ См.: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1979. Т. 3. С. 45.

⁴ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1969. Вып. 4. С. 115.

⁵ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 76–77.

средником в распространении христианства здесь выступила Грузия, с которой адыги имели давние прочные связи. Серьезным очагом христианства на Кавказе было и Тмутараканское княжество. Именно процесс становления и укрепления феодальных общественных отношений служил основой для дальнейшего распространения монотеистической системы религиозных верований, основанных на представлении о едином Боге религии среди адыгских и некоторых других народов Северного Кавказа. Здесь даже были созданы епархии, как, например, зихская (адыгская). Но разгром Византийского государства, наследника Римской империи, турками и падение Константинополя (1453), захват городов Восточного Причерноморья Османской империей прервали пребывание народов региона в лоне православия. С прекращением существования Византийского государства прекратилась и связь адыгских народов с христианским православным центром, а заодно с этим и деятельность греко-византийских миссионеров среди местного населения. Что же касается соседней Грузии, то она, ослабленная феодальной междоусобной борьбой и находясь под угрозой иностранного порабощения, не могла уделить должного внимания поддержке идеи христианизации. Поэтому влияние христианства начинает заметно падать в условиях начавшейся активной исламизации народов Северного Кавказа. И тем не менее разносторонние культурно-экономические связи адыгов с таким высококультурным государственным образованием, как Византийская империя, длившиеся многие столетия, имели свои положительные результаты. Греко-византийского толка христианство успело сыграть благую роль в эпоху Средневековья, оставить заметный след в истории адыгов и балкарцев, в их религиозной жизни, верованиях и всех других сферах духовной жизни. Оно как монотеистическая идеология способствовало развитию феодальных отношений, стимулировало поступательный процесс этнической консолидации горцев. Принятие христианства сблизило их с такими передовыми странами, как Византия, Русь, Грузия и др., ибо вероисповедание в то время играло немаловажную роль в межгосударственных отношениях, поднятии культуры местных народов на более высокую ступень развития. С принятием христианства горцы стали пользоваться греческой письменностью, о чем свидетельствуют памятники с надписями, сделанными греческими буквами. Но результаты могли быть более значительными, о чем с большим сожалением писал Ш. Б. Ногмов, страстно любивший свой народ и поэтому наряду с большими достоинствами подмечавший и его отрицательные черты: «Несмотря на христианскую веру, на возникающее просвещение, на водворение искусств и художеств и на сношения с образованными греками, адыхе продолжали гордиться дикими нравами своих предков. Надеясь на свое мужество, силу и многочисленность и не страшась никакого врага, они пропустили время, которое им даровала судьба для принятия гражданской образованности. «Могущественный случай был потерян, – говорит один древний гекуоко в своих стихах. – Хорошо быть диким, но не всегда; гордись, если никогда не отчаиваешься, храбрись, если просвещение содействует мужеству, – хай-хай, нехорошо и не всегда приятно быть самодовольным и свободным». К несчастью, в нашем народе природная гордость предков не исчезает и теперь»¹. О христианстве у адыгов писали многие авторы. «В прежнее время черкесы все исповедовали христианскую религию, – отмечал Н. Ф. Дубровин. – Песни, сказки и предания черкесов свидетельствуют, что христианство введено было при Юстиниане, что при нем воздвигнуты были храмы, поставлены священники (шогены), из которых глав-

¹ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 78–79.

ный, со званием епископа (шехник), по преданию, жил в четырех верстах от крепости Нальчик, на месте и до сих пор известном народу под именем Лесистого кургана». И далее, развивая это положение, автор продолжает: «Существование в Кабарде нескольких священных книг, частые находки зарытых в землю распятий и глиняных горшков с угольями и ладаном – неопровержимые свидетели присутствия между народом христианства»¹.

О религиозных верованиях черкесов в прошлом писал и Иоганн Бларамберг, менее отягощенный пристрастиями нового времени: «...черкесские племена, так же как и абхазцы, некогда исповедовали христианскую религию по греческому обряду... черкесы всегда склонялись более в пользу христианской религии, поскольку у них до сих пор сохранились руины древних церквей; которые до сего дня почитаются как священные и неприкосновенные убежища». И далее: «Черкесы относятся к секте суннитов и вследствие этого должны все свои дела решать в соответствии с Кораном, который для мусульман является как духовным, так и светским законом. Вместе с тем они сохранили свои древние обычаи, которые представляют собой, если так можно сказать, неписаный гражданский кодекс, который они твердо соблюдают. Народ в целом привержен магометанской религии менее, нежели князья и уздени, и нет никакого сомнения в том, что народ, если появится к тому возможность, охотно возвратится к своим прежним верованиям, чему всячески препятствуют князья и уздени из боязни того, что Россия может завладеть этим регионом путем налаживания религиозных связей с их подданными»². Что же касается балкарцев, то кабардинские князья М. Атажукин, А. Гиляксанов сообщили о них в Коллегии иностранных дел в 1743 г.: «Издrevле они были христианского закона, который и ныне многие из них содержат. И для того весной семь недель и при окончании лета две недели постятся и никаких мяс, молока и масла не едят»³. Христианские памятники в виде остатков церквей сохранились в Балкарском ущелье, в районе сел. Верхний Чегем и других местах. «Известно, – пишет Л. И. Лавров, – что фресковые изображения существовали в XIX в. в церквях Верхней Балкарии, Бызынги и в окрестностях Нальчика, а в XVIII в. – на стенах церкви в Верхнем Чегеме»⁴.

И.-А. Гюльденштедт в 1774 г. писал, что балкарцы были христианами греческого толка, «от чего еще сохранились: несколько древних церквей в этой области, празднование воскресенья, соблюдение Великого поста и употребление в пищу свинины»⁵. Другой автор XVIII в., П.-С. Паллас, то же самое писал о балкарцах, говоря, «что они были христианами и имеют у себя церкви, среди которых особенно замечательна одна на Чегеме». И далее: «Она расположена на скале, в которой вырублен витиеватый проход, снабженный с обеих сторон железными перилами. Здесь еще сохраняются остатки книг. Несколько листов из них, добытые оттуда со многими опасностями, оказались: один лист – из Евангелия на древнегреческом языке, другие – из (других) греческих церковных книг»⁶. Об

¹ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 49–50, 54.

² Бларамберг И. Указ. соч. 76–77.

³ Кокиев Г. А. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1934. Т. 6. С. 32.

⁴ Лавров Л. И. Альбом и макеты Д. А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1978. С. 74.

⁵ Гюльденштедт И.-А. Указ. соч. С. 461.

⁶ Цит. по: Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов. XIX в. С. 112–113.

этом же пишет и Г.-Ю. Клапрот в известном описании своего путешествия по Кавказу. Эти же сведения, но с большими подробностями и деталями, гораздо позже по времени, приводит и Иоганн Бларамберг, который писал: «Улу-Эльт, в высокогорье вблизи Чегема. Там на небольшом расстоянии можно видеть старинную церковь длиной в 3 сажени. Она построена на скале, в которой вырублен проход – лестница с железными поручнями по бокам. Там еще сохраняется то, что осталось от книг, упоминаемых Палласом. Клапроту во время его пребывания в этих краях удалось с большим трудом получить несколько листов, которые оказались страницами из греческого Евангелия и ритуальной книги западно-греческой церкви. Беременные женщины молят в этой церкви о счастливом разрешении; церемония состоит в том, что убивают животное и съедают его мясо с большой торжественностью»¹. По описанию путешественников XIX в. в Чегемском, Безенгийском, Черекском ущельях Балкарии находились до полутора десятков христианских церквей². А П. С. Потемкин в своем кратком историко-этнографическом описании кабардинского народа, составленном в 1784 г., отмечал, что «есть многие места в Кавказских горах, где видимы знаки бывших церквей, и, между прочим, есть одна еще целая, где и доньше хранят церковные книги и куда жители никого не впускают. Яко в самое священное место, куда смертные входить не должны»³. И народное предание говорит, что близ Чегема, на горе, в пещерах было когда-то хранилище христианских книг.

В связи с тесным сближением Кабарды с Россией в XVI в. возобновились и стали регулярными культурные связи, уходящие своими корнями вглубь веков, но нарушенные в период монголо-татарского господства. Эти связи особенно рельефно проявились в эпоху Тмутараканского княжества, население которого состояло из русских, а также предков современных кабардинцев, черкесов и адыгейцев – адыгов, среди которых, как известно, еще Тмутараканские князья в X в. распространяли христианство. И теперь черкесские и кабардинские князья обращались к русскому правительству с просьбой прислать к ним «попов христианских», чтобы они обратили население Черкесии и Кабарды в христианство⁴. «С подобной просьбой, например, от имени кабардинских князей обратились к Ивану IV кабардинские послы – князь Сибок в 1554 году и Чюрак-Муrza в 1559 году»⁵. И надо полагать, что просьба эта не осталась без ответа, ибо царское правительство само в политических интересах самодержавия старалось использовать христианство как средство идеологического воздействия на горцев. В целях христианизации горского населения, поощрения перехода горцев-мусульман в пределы России, склонения их к принятию христианской веры, крестившимся холопам предоставлялись личная свобода и льготы, был взят курс на невыдачу горским феодалам бежавших от них новокрещенных рабов и крепостных крестьян, получивший законодательное закрепление указом Сената от 23 декабря 1759 г. Христианизация местного населения являлась одним из многообразных методов колониальной политики царизма. Поэтому русское правительство старалось поддерживать миссионерскую деятельность здесь и в последующее время, рассматривая христианизацию как одно из средств быстрого подчинения местных народов власти русского самодержавия. Не случайно в 1777 г. в

¹ Бларамберг И. Указ. соч. С. 201.

² Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 121.

³ КРО. Т. 2. С. 362.

⁴ Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. Т. 1. С. 134.

⁵ Кокиев Г. А. Из истории сношений России с Кавказом (IX – XIX вв.) // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1946. Т. 1. С. 49.

Моздоке по воле императрицы Екатерины II была учреждена духовная комиссия «для приглашения из гор осетин и черкес и склонения их к православию и принятию христианской веры»¹. А в 1779 г. императрицей кабардинскому народу «была обещана полная свобода в принятии православия»². Даже в XIX в. царскими властями на Кавказе специально был поднят вопрос о возрождении христианства среди горских народов края. Так, в ноябре 1857 г., после ознакомления царя, из Военного министерства в Кавказский комитет в С.-Петербурге была передана записка Кавказского наместника о настоящем положении христианской веры между горскими племенами Кавказа и об учреждении особого братства под названием «Воздвижение Святого Креста»³. В этой записке генерал-адъютант князь Барятинский писал, что «несколько веков тому назад значительная часть кавказских горцев... была озарена светом истинной веры... Абхазцы, сванеты, осетины, южные лезгины, кистины, кабардинцы, многие чеченские общества, большая часть адыгов были когда-то христианами. До сих пор еще по самым глухим ущельям Кавказа рассеяно множество мест, которые горцы окружают благоговейным почтением, необъяснимым для них самих, в смутном понятии жителей о святости таких мест всегда мерцает как-нибудь след христианского предания. Но кроме преданий в горах сохранились вещественные остатки угасшей веры: обширные развалины церквей, «мшистые кресты на перепутье, полустертые надписи на скалах, перед которыми горцы и теперь еще шепчут молитвы по тому, в чье имя они сооружены. Было время, когда христианская православная вера становилась господствующей в Кавказских горах»⁴. Далее в записке указывалось на причины, приведшие к угасанию христианской веры у этих народов. Переписка по этому вопросу затянулась. 23 ноября 1859 г. наместник Кавказа пишет управляющему делами Кавказского комитета новую записку, в которой обосновывает название общества «Восстановление православия»: «Такое наименование признано было прежде всего вполне соответствующим самой сущности дела. В первоначальных моих соображениях изъяснено, что несколько веков тому назад большая часть кавказских горцев была уже озарена светом истинной веры. Кроме племен, укрывшихся в самой недосыгаемой глубине Кавказского хребта, все прочие горцы слышали уже евангельскую проповедь и следовали ей в течение долгих годов... Очевидно, если в горах существовала уже христианская вера, то ее надо было восстановить, но не распространять»⁵. Далее утверждалось, что восстановить «христианство там, где оно было, возвращать в лоно церкви отпадших от нее – есть дело простое и естественное. Распространение же христианства имеет совсем другой вид, особенно в глазах мусульман. Ожесточенная борьба их с нами истекала преимущественно из убеждения, что взамен их веры мы водворим свою веру»⁶.

31 января 1860 г. Кавказский комитет извещает Кавказского наместника о том, что его предложение было рассмотрено комитетом в присутствии императора 28 января 1860 г., и далее: «Для достижения сей цели его величество изволит признавать полезным образовать «предложенное вами особое общество», присвоив оному наименование Общества восстановления православного хри-

¹ Цит. по: Керашев А. Т. Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х гг. XIX в. // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991. Вып. 8. С. 230.

² Там же.

³ РГИА (СПб.), ф. 1268, оп. 9, ед. хр. 445, ч. 1, л. 1–2 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 80–80 об.

⁶ Там же, л. 81.

стианства на Кавказе»¹. 9 июня 1860 г. в Тбилиси было учреждено это Общество и утвержден его устав².

Эти документы проливают дополнительный свет на вопрос о былом доисламском вероисповедании северокавказских горцев и свидетельствуют о том, какое важное место отводилось царскими властями на Кавказе религии – православной вере в деле упрочения своих позиций на Северном Кавказе.

Но возрождения христианства так и не последовало.

На смену одной из мировых религий – христианству, проникшему на Северный Кавказ еще в домонгольское время из Византии и Грузии, пришла другая – ислам, который, как свидетельствуют современники, утвердился в Балкарии в конце XVIII в., а в Кабарде несколько раньше, куда он стал медленно проникать начиная с XV в. Но и ислам, как и христианство, проникшее еще в VI в. в адыгское феодальное общество и ставшее его идеологией, не пустил глубоких корней в рассматриваемый период. У кабардинцев и балкарцев сохранилось немало обрядов, связанных с языческими верованиями, их не смогли вытеснить из их быта ни христианство, ни ислам. В результате напластования, смещения различных религиозных представлений создалась сложная картина взаимно переплетавшихся верований, смесь понятий, синкретизм языческой, христианской и мусульманской религий.

Говоря об этом, К. Главани писал: «О религии черкесов невозможно сказать что-либо определенное, так как их верования смешанные: они соблюдают пятницу, субботу и воскресенье, празднуют Байрам с турками и Пасху с христианами»³. То же самое утверждал и Фредерик Дюбуа де Монпере, говоря о синкретизме религиозных верований черкесов: «Весьма трудно определить, какую религию исповедуют черкесы, настолько свойственно им смешение христианства, мусульманства и язычества»⁴.

О том, что религиозные верования и балкарцев в это время были весьма неопределенны и шатки, представляя из себя смесь язычества, христианства и магометанства, свидетельствуют известные путешественники XVIII столетия Гюльденштедт, Паллас, Георги и др. Несмотря на глубокие корни различных религий, существовавших в Кабарде и Балкарии, сами кабардинцы и балкарцы в целом все же не были столь уж ревностно религиозными. Они были набожны, но не фанатики. Принимая ту или другую религию, они приспособливали ее к своим обычаям и традициям, имевшим глубокие и прочные корни и сохранявшим основную главенствующую роль в общественной жизни, уступая религии лишь вспомогательные функции. И тем не менее религия была частью, компонентом их культуры, традиции, всегда присутствовала и играла активную роль и жизни горских обществ. Известно, что процесс смены религии, религиозных взглядов людей, народов всегда был очень сложным и болезненным. То ласками и угрозами, то огнем и мечом вводилась магометанская религия среди горцев, привыкших считать личную свободу высшим благом и оказавших ожесточенное сопротивление мусульманскому фанатизму.

Внедрение ислама сопровождалось массовым уничтожением христианских и языческих культурных памятников, которым балкарцы даже в конце XVIII в. продолжали поклоняться, хотя богослужения в церквях прекратились.

¹ РГИА (СПб.), ф. 1268, оп. 9, ед. хр. 445, ч. 1, л. 159.

² Там же, л. 201.

³ Главани К. Описание Черкесии // АБКИЕА. С. 161.

⁴ Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым // АБКИЕА. С. 448.

Христианские книги, которые проповедники ислама объявили писанными на языке «неверных» и подлежащими, как и храмы, уничтожению, местное население прятало в труднодоступных высокогорных местах и глубоких пещерах и ревностно охраняло. Эта была жестокая, бескомпромиссная борьба различных религиозных идеологий, в которой верх одержал ислам. Он мало-помалу, хотя и с большими препятствиями, водворился между народами и племенами, населяющими северные склоны Кавказского хребта. Все, что противоречило догматам ислама, не вписывалось в его строгие предписания, изгонялось, постепенно отодвинулось на задний план или вовсе забывалось.

Время шло. В жизни горцев происходили перемены большие и малые. Но ислам держался крепко, сохраняя свое влияние на широкие слои трудящихся. Это объяснялось хорошо известной приспособляемостью «так называемых мировых религий христианства, ислама и буддизма к изменяющимся социально-политическим условиям»¹.

Таким образом, при изучении истории развития культуры наших народов, т. е. кабардинцев и балкарцев, необходимо учитывать то положение, что эти народы, находясь на стыке двух материков – Европы и Азии, а также мощных различных религиозных потоков, соприкасаясь и общаясь с Русью и греко-римским миром, а также с другими соседними державами, испытали на себе влияние двух мировых цивилизаций – европейской и мусульманского Востока. Влияние это действительно было плодотворным, но не оно определило рост и совершенствование их социально-экономической жизни и культуры, а внутренний этнический процесс, внутреннее поступательное развитие по пути прогресса.

Из ближневосточных, арабоязычных мусульманских стран адыги, в том числе и кабардинцы, издавна входившие в зону влияния великих цивилизаций Востока, более тесно были связаны с Египтом. Как известно, возникновение здесь и в Шумере первых государств резко изменило ход мировой цивилизации. В бескрайнем море первобытных племен появились высокоархивные центры культуры². Даже в свое время считалось, что якобы род кабардинских владетелей ведет свое происхождение от египетского султана Инала³. «Прошлые связи Северного Кавказа с Египтом хорошо известны, – пишет Л. И. Лавров, – особенно для XIII–XIV вв. Именно на них в свое время основывалась гипотеза о египетском происхождении адыгских князей и даже адыгов в целом. Однако в XIX в. документы фиксируют преимущественно лишь заезды горцев в Египет при совершении ими паломничества в Хиджаз. Наша же надпись свидетельствует и о пребывании египтян на Северо-Западном Кавказе в XVIII в.»⁴. Эти давние традиционные связи адыгов с Египтом в известной мере объяснялись, видимо, существованием там продолжительное время (1382–1517) правящей династии черкесских мамлюков, родоначальником которой был Баркук – родом из области Зихи, или Черкесии». Черкесы стали проникать в страны Ближнего Востока и Северной Африки начиная еще с IX–X вв. Они попадали сюда в результате работорговли и найма черкесской молодежи на военную службу и пополняли привилегированную военную касту и становились людьми влиятельными – эмирами и даже султанами. Из десятилетия в десятилетие черкесские мамлюки все больше и больше пополняли войска восточных государств, и в частности Египта. «Черкесы были с самого начала более устойчивым и значительным элементом

¹ Жуков Е. Ж. Указ. соч. С. 202.

² Гребенюк А. В. Указ. соч. С. 289.

³ См.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Б. м. 1792. Т. 2. С. 9.

⁴ Лавров Л. И. Этнографические памятники Северного Кавказа С. 140.

(среди мамлюков. – Р. Г.), а с 1382 г. черкесская группировка находилась у власти в Каире почти непрерывно до падения султаната в 1517 г.»¹. После прихода черкесской группировки к власти в 1382 г. резко меняется этнический состав армии и администрации: все ключевые посты заняли преимущественно «выходцы из Черкесии, вербовка в войска Каирского султаната велась главным образом среди черкесов»². Современники высоко отзывались о боевых качествах черкесских мамлюков, стяжавших славу, по словам французского исследователя Клот-Бей, «лучшей кавалерии в мире»³. Они приобрели во всем мусульманском мире громкую славу сокрушителей язычников-монголов и христиан-крестоносцев. (Купцы из Черкесии стали чаще посещать Египет, зоной повышенных каирских интересов становится кавказско-черкесская зона. В историческом романе-эпопее «Звезды над Самаркандом» известного советского писателя Сергея Бородина о первом черкесском султানে в Каире сказано: «Задолго до того, как стать султаном ал-Малик аз-Захир Сайф-ад-дином Баркуком, его, девятилетнего черкесского мальчика, быстроглазого и шаловливого, купили в 1364 году на невольничьем базаре в гемузской Каффе (Феодосия. – Р. Г.) в Крыму, с толпой других ребят, и перепродали на таком же базаре в Каире. Он попал во двор к просвещенному эмиру Иль Багга, и тот отдал смышленного мальчика в школу. Мальчика как самого знающего после школы взяли во дворец султана ал-Ашрафа воспитателем к султанским детям. Воспитатель оказался так смышлен, что, едва умер воспитанный им султан, объявился султаном. Его поддерживали черкесы, служившие в дворцовой страже. Враги вскоре заточили самозванца в темницу, но дворцовая стража его освободила. С того дня он правил Египтом, поощряя земледелие и науки, торговцев и ремесленников. Он построил семинарию, где обучение было бесплатным. Он призвал ученых из многих стран, и они до конца своих дней оставались здесь, ибо ни в одной иной стране их знания не ценились так высоко, как в Каире»⁴. Прав Сергей Бородин. Черкесские мамлюки, действительно, как свидетельствуют исследователи, оставили глубокий след в истории и культуре стран Ближнего Востока и Египта. Каир во времена мамлюкских султанов стал не только торгово-экономическим, но и духовным центром всего мусульманского мира. Сюда под покровительство черкесских мамлюков, составлявших мощную партию правящей верхушки и занимавших господствующие позиции в мамлюкской системе, стекались лучшие умы: поэты, музыканты, художники, врачи, ученые, архитекторы. В эпоху черкесских мамлюков в Египте жили и творили два лучших историка того времени – аль-Макризи и Ибн-Халдун. Последний «был судьей при Баркуке, и многие положения его знаменитого труда «Пролегомена», касающиеся социальных проблем, остаются актуальными даже сейчас. Его книга стоит намного выше трудов Макиавелли, родившегося на сто лет позднее, и... он даже в чем-то предвосхитил марксистские взгляды на влияние орудий и средств производства на исторический процесс»⁵. Светлым умом и талантом этих незаурядных лиц был достигнут наивысший расцвет науки, культуры и искусства Египта. Строились прекрасные дворцы и мечети, библиотеки и больницы, ду-

¹ Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего Средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы М.: Наука, 1964 С. 51.

² Там же. С. 43.

³ Клот-Бей А. Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. СПб., 1843. Ч. 2. С. 78.

⁴ Бородин С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. Звезды над Самаркандом / Роман; Кн. 3. Молниеносный Баязет. Ташкент, 1976. С. 214.

⁵ Олдридж Джеймс. Каир. М., 1970. С. 86.

ховные училища-медресе и другие памятники культуры, многие из которых и поныне украшают города Египта и Сирии, являясь немymi свидетелями времен правления черкесских мамлюков. Особенно велики были достижения мамлюкского Египта в такой области, как архитектура. Вот что пишет по этому поводу известный английский писатель Джеймс Олдридж: «Последние дни средневекового Каира были, таким образом, последними днями черкесских мамлюков, которые все еще продолжали строить... город. До сих пор стоят почти все построенные ими великие памятники. Их очень много, но два памятника являются образцом их изошренного, декадентского и в то же время замечательного и чарующего вкуса в архитектуре»¹. Здесь писатель имеет в виду мечети мамлюкских султанов Муайада и Каитбея, по праву считающиеся одними из лучших памятников исламской архитектуры не только в средневековом Каире, но и на всем арабском Востоке. Первый адыгский правитель в Египте Баркук умер в июне 1399 г. в возрасте шестидесяти лет. После захвата турками Каира, 13 апреля 1517 г., последний мамлюкский султан Египта Ал-Ашраф Туманбей – человек недюжинной личной храбрости, воплощавший в себе лучшие качества черкесских мамлюков, ставших образцами истинного рыцарства, – был повешен под аркой Каирских ворот². С гибелью Туманбея Бурджитская (черкесская) династия мамлюкских султанов, правившая Египтом и Сирией 135 лет, вплоть до завоевания их османскими турками в 1517 г., прекратила свое существование. Но и после уничтожения их государственной самостоятельности черкесские мамлюки еще очень длительное время оставались могущественными феодальными сеньорами. Поэтому это время именуется «вторым периодом правления мамлюков». Формально Египтом правил паша, назначенный турецким султаном, а фактически все мухафазы (области) страны находились в руках мамлюкских эмиров, отныне именовавших себя беками. Что же касается горцев, то их связи с Портой и странами, попавшими под ее верховное владычество, продолжались. Действовал восточный мусульманский канал, главным предназначением которого были не культурно-просвещенческие цели, а распространение религиозных идей, утверждение новой веры как духовного орудия Османской империи с целью удержания горцев в сфере своего влияния, подобно тому, как римляне в свое время использовали религию как союзницу в своей борьбе за завоевание новых стран и народов, начертая на своем знамени: «Покоряй крестом». Но независимо от истинных желаний распространителей новой веры, прикрывавших свои захватнические интересы религиозными целями, даже вопреки им, наряду с религиозной мистикой в среде горцев-адыгов и балкаро-карачаевцев, сохранявших и развивавших свои собственные доисламские традиции, через восточный канал проникали и элементы прогрессивной культуры мусульманских народов Востока.

Как свидетельство появления зачатков культурного и взаимообмена между горцами и народами мусульманского Востока, исповедовавших ислам у магометанских народов региона, создается местная арабоязычная литература. Для подтверждения этого можно сослаться на выдающегося ориенталиста академика И. Ю. Крачковского, который пишет, что арабская культура своим влиянием на Кавказе, входившем в так называемую «арабскую зону», постепенно нараставшим с XVI в., «создавала в Дагестане, Чечене, Ингушетии, отчасти в Кабарде и Черкесии местную оригинальную литературу на арабском языке»³. Что это были

¹ Олдридж Джеймс. Каир. М., 1970. С. 92.

² Петросян Ю. А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Наука, 1990. С. 60.

³ Крачковский И. Ю. Избр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР 1960 г. Т. 6. С. 612.

за книги, к сожалению, неизвестно. История не сохранила ни их названий, ни имен авторов. Но примечателен сам факт их появления, о чем свидетельствуют и некоторые письменные источники конца: XVIII – начала XIX в.

Прогрессивно настроенные, грамотные, арабски образованные кабардинцы и балкарцы, владея арабским, турецким и персидским языками, имели возможность знакомиться с произведениями великих мыслителей и поэтов Востока, выступали носителями и распространителями тех духовных ценностей, которые проникали к горцам через восточный культурный канал.

Среди мусульманской горской интеллигенции с давних пор, как пишет З. М. Налоев, «была популярна поэзия легендарного Меджнуна (Одержимого), которая распространялась в народе в виде прекрасной легенды о трагической любви Лейли и Меджнуна»¹. И далее, говоря о влиянии идеи этой древнеарабской легенды, о полной страданий любви юноши-поэта, прозванного меджнуном * (одержимым), автор продолжает: «Сюжет этот проповедовал в среде адыгов ренессансные идеи и настроения. В момент проникновения поэзии Меджнуна и других замечательные памятников мировой литературы, «адыгское общество собственным развитием было подготовлено к восприятию подобных идей. Здесь, приблизительно с XVIII века, начинают появляться песни типа «Гуашегаг», «Химсад»** и др., утверждавшие самостоятельную ценность человеческой личности, ее права на собственный мир чувств. То обстоятельство, что джегуако подхватили и развили дальше песни, воспевающие любовь и любовные страдания, протестующие против подавления чувства, говорит о том, что стихотворения Меджнуна и другие сюжеты из восточной словесности заняли заметное место в духовной жизни адыгов, воспринимались ими правильно, т. е. в том же плане. Таким образом, лучшие произведения арабской литературы несли нам гуманистические идеи: вместе с «Песней Адиюх» Меджнун боролся против устарелых косных установлений адата². То же самое, говорит далее автор, можно сказать и о сказках «Тысячи и одной ночи», которые несли народу добра и справедливости, доставляя радость и наслаждения своей неисчерпаемой фантазией и искусством, и о книге «Калила и Димна», восходящей к индийской «Панчатантре». Через этот же канал проникла сюда и азербайджанская сказка об Ашиг Гарибе***, и восточные рассказы из цикла об остроумном Ходже Насреддине, пользующиеся громадной популярностью в народе³.

Прогрессивно настроенные адыгские и балкаро-карачаевские арабисты оказывали противодействие религиозным фанатикам, выступали как сторонники культурного роста демократических горских низов. Такова логика общественного развития, таковы явления, происходившие в духовной жизни наших народов в рассматриваемый период.

О назначении новой религии, о том, как горские верхи быстро разглядели ее социальную сущность и идеологические функции, свидетельствует тот факт, что в Балкарии, как и в Кабарде, проникновение ислама коснулось сначала только

¹ Налоев З. М. О восточном культурном канале // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века: (Материалы конференции 28–29 марта 1974 г.) Нальчик, 1976. С. 158.

² Налоев З. М. Указ. соч. С. 158.

³ Там же. С. 158–159.

* Настоящее имя Меджнуна – Гейс, по поэме Физули «Лейли и Меджнун».

** В архиве сохранился документ, в котором говорится, что дочь кабардинского князя Кучука Жанхотова вторично вышла замуж за ногайского князя Туганова в первой четверти XIX века, с чем связано появление этой песни.

*** Эта сказка легла в основу известного произведения М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб».

феодалов. Именно они первыми приобщились к новой вере с тем, чтобы приспособить мусульманство к своим классовым интересам, сделать его своей (господствующего класса) идеологией, которая «в различных формах оказывается одним из активных факторов формирования социальной психологии»¹. Как и любая другая религия, ислам, призывая к смирению и послушанию, предназначен был гасить социальную активность масс, направляя ее в мир иллюзорного, концентрируя ее в русле чисто религиозном. Указания Корана насчет частной собственности строги и недвусмысленны – она священна и неприкосновенна, и законы мусульманского права – шариата, учитывающего и нормы обычного права, адата и опирающегося на Коран и Сунну, а также на выработанные на их основе различными школами исламского права своды и кодексы законодательства, как известно, строго карают за покушение на нее. Такая социальная этика ислама вполне отвечала классовым интересам господствующей верхушки горских народов.

Вахушти Багратиони в 1745 г. сообщал, что в Басиане (т. е. Балкарском ущелье), как и в соседних обществах, «главари и знатные – магометане, а простые крестьяне – христиане, но они несведущи в той и другой вере: различие между ними состоит только в том, что кушающие свинину считаются христианами, а кушающие конину – магометанами. Все же они почитают подобие идола, которого называют Вачила»². «Свидетельство Вахушти доказывает, – совершенно справедливо заключает Л. И. Лавров, – что в середине XVIII в. большинство балкарских биев формально уже исповедовали ислам, но обращение в эту веру остального населения произошло позже»³. Таково было положение и в Кабарде, где ислам стал внедряться раньше, чем в Балкарии (да и здесь его проникновение, по мнению Л. И. Лаврова, началось, видимо, еще до XVIII в.).

Так, в кратком историко-этнографическом описании кабардинского народа, составленном в 1784 г. П. С. Потемкиным, отмечалось еще «слабое исповедание веры сей» кабардинцами⁴. Позже И. В. Шаховской, сведения которого относятся к 1834 г., писал: «Мне говорили, что в половине XVIII в. магометанство еще не было развито ни в Кабарде, ни в прилегающих к ней горах и что в пищу употреблялась там свинина; но в мое время распространение Корана было повсеместно»⁵.

О том, как долго и с каким трудом прокладывал себе дорогу ислам в горах, насколько серьезным было противодействие, оказанное становлению новой религии и идеологии со стороны народных масс, не желавших сменить свою старую веру на новую и приобщиться к последней, насколько результативной была борьба демократических элементов против фанатически настроенных клерикалов, свидетельствует и фольклор. «Видимо, ислам сумел глубоко затронуть только часть населения, – пишет З. М. Налоев, – ибо он остался чуждым адыгскому фольклору и не смог подчинить себе джегуако – самый творчески активный элемент общества. И вот интереснейшая деталь, характеризующая культурную и идеологическую жизнь дореволюционной Кабарды и Черкесии: два различных религиозных сознания в своем материальном проявлении оставались относительно автономны – языческое сознание, закрепленное в древних, но активно живущих хохах, песнях, эпосе, в популярном в народе творчестве – джегуако; му-

¹ Жуков Е. М. Указ. соч. С. 202.

² Цит. по: Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. С. 118.

³ Там же.

⁴ КРО. Т. 2. С. 362.

⁵ Цит. по: Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. С. 119.

сульманское сознание – в закирах, богословских сочинениях и проповедях мулл. Они не только соседствовали в своем живом проявлении, но и зачастую мирно уживались друг с другом»¹. И здесь ничего удивительного нет, ибо религия и вопросы веры во все времена оставались областью особенно деликатной.

Новая религия всегда одерживала победу над своей предшественницей только дорогой ценой – ценой крови, мук, страданий и горьких слез. Поэтому борьба за ее утверждение затягивалась иногда так долго, что нередко занимала целые века, так и не укоренившись до конца.

«Всегда бывает так, – пишет В. И. Абаев, – что внешние формы и термины религии усваиваются быстрее и легче, чем ее содержание. Воинственный пастушеский народ, полностью не изживший родового строя, приняв христианство под перекрестным влиянием Византии и Грузии, оставался весьма далек от его догматики и от его нравственных принципов. Он удовольствовался тем, что своим старым богам дал имена христианских святых, а свои старые языческие праздники календарно приспособил к христианским. Так возникли полуязыческие, полухристианские персонажи осетинского пантеона...»².

Кабардинцы и балкарцы с течением времени приняли ислам и старательно отправляли все его ритуалы. Они уважительно относились, но никогда слепо не следовали догматам этой новой веры, не шли на поводу у эмоций и религиозного фанатизма, всегда проявляли разумную веротерпимость. Для них вековые народные традиции и обычаи были важнее, чем неукоснительное соблюдение требований ислама. Они слишком дорожили ими, чтобы так легко и просто могли быть охвачены идеологией и порядками последнего. Мусульманство в Кабарде и Балкарии имело свои характерные, отличительные черты, проявлявшиеся в том, что оно не приняло таких жестких форм, как в некоторых других странах мусульманского Востока, особенно в арабских странах и странах Магриба, на которые указывал Карл Маркс³. Небезынтересно мнение об исламе Наполеона, который сказал, уже находясь на острове Св. Елены: «Я предпочитаю магометанскую религию: она не так нелепа, как наша»⁴. Кстати, Наполеон принимает католичество лишь внешне, как орудие власти: «У нас с вами, конечно, немного религии, но народ нуждается в ней». «Может ли быть государственный порядок без религии? Общество не может существовать без имущественного неравенства, а неравенство – без религии»⁵. Словом, считал Наполеон, там, где неравенство, там нужна и религия, чтобы освящать это неравенство и помогать власти в управлении людьми.

Но кабардинцы и балкарцы, как сказано выше, не отличались религиозным фанатизмом, не несли в себе заряд нетерпимости и обостренной неприязни к людям другой веры и обычаев. Религиозные убеждения совмещались у кабардинцев и балкарцев с идеей дружбы с инаковерующими народами, не мешали им поддерживать на протяжении веков добрососедские отношения с христианскими странами: на севере – с Россией и на юге – с Грузией. Именно продолжительное и близкое доброе соседство с ними, и прежде всего с Россией, постоянные все расширяющиеся контакты и тесные взаимовыгодные экономические и культурные связи с их народами, определившие в конечном итоге и политическую ори-

¹ Налоев З. М. О восточном культурном канале. С. 150.

² Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л.: Изд-во ЛИ СССР, 1949. С. 92.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1958. Т. 10. С. 167.

⁴ Мережковский Д. С. Наполеон. Нальчик: ЛОГОС, 1992. С. 236.

⁵ Там же. С. 262.

ентацию на Россию, сказались, возможно, тоже положительно и на смягчении наиболее отрицательных сторон магометанских догматов среди правоверных кабардинцев и балкарцев. Как известно, горцы не восприняли воинствующие формы религиозного фанатизма. В результате общения между народами постепенно смягчались нравы людей, они становились мудрее, добрее друг к другу.

Горцы, писал А. Олеарий, «теперь заметно мягче, может быть, потому, что живут среди русских... и ежедневно с ними общаются...» и «почти все они умеют говорить по-русски»¹. Кабардинцы и балкарцы никогда не были приверженцами джихада (газавата) – «священной» войны за веру мусульманскую.

Обратив свои взоры к России, сделав выбор в ее пользу и установив тесные связи с нею еще в середине XVI в., кабардинские и балкарские феодалы проявили мудрость и дальновидность. Этот исторический шаг, сделанный ими, явился поворотным в истории кабардинцев и балкарцев, имел важное значение в деле дальнейшего развития их национальных культур.

В условиях царской России народным массам горцев Кавказа трудно было, конечно, приобщиться к сравнительно передовой русской культуре, ибо в самой России «об образовании простонародия заботились мало. Существовал даже такой взгляд, что простой народ незачем учить грамоте, чтоб не отвлекать от черных работ...»². Режим эксплуатации, служивший огромным препятствием в деле развития русской национальной культуры, мешал и росту духовной жизни других национальностей. Царскому правительству были чужды культурные запросы трудящихся, оно боялось сближения и объединения народов, их совместных выступлений против произвола и угнетения. И несмотря на все это соседство и длительное общение, русско-северокавказские культурные связи, издавна начавшиеся складываться, обогатили материальную и духовную культуру горцев и русских, сослужили добрую службу историческому прогрессу горного края. Даже в условиях самодержавной России нельзя было не заметить начала сдвига, который намечался не только в хозяйственной деятельности, но и в области быта и культуры народов края. Взаимовлияние это носило эволюционный характер, оно сказывалось во всех сферах жизни казаков и горцев. В результате медленного, но неуклонного положительного взаимовлияния многие вредные обычаи – пережитки прошлые эпох, еще сохранявшиеся в быту и общественной жизни кабардинцев и балкарцев, как и других народов, в рассматриваемое время начинают сдавать свои позиции, неподдатливо изживаться или видоизменяться, принимая более легкие формы проявления, смягчается и нрав людей, объяснявшийся исключительной суровостью исторических условий жизни. Так, страшным бедствием, мертвой хваткой державшим горские народы со времен седой и дикой старины, являлась кровная месть – это порождение варварства, когда «раз совершенное преступление вело за собою ряд кровомщений, тянувшихся в нескольких поколениях, даже несколько веков»³. Это было в прошлом одним из нерушимых традиционных, сложившихся еще в условиях господства родоплеменных отношений, институтов обычного права горцев, являвшегося древнейшей формой правовых отношений. Повиновение этому неписаному закону, санкционированному адатом, регулировавшим общественную и семейную жизнь горцев, да шариатом – мусульманским правом, приводило к разорению и уничтожению населенных пунктов, полному истреблению целых родов

¹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 516–517.

² *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 181.

³ *Сталь К.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21.

и фамилий. На наличие кровной мести у горцев, на ее истоки и вред обращали внимание русские военные историки, в том числе и Н. Ф. Дубровин. Он писал: «Обычай мстить кровью за кровь, или кровомщение, было необузданное чувство и, вместе, обязанность, налагаемая честью, общественным мнением и личным убеждением каждого черкеса. Там, где своеволие лица не имеет никаких пределов, где столько случаев безнаказанно совершить преступление, кровомщение есть единственное средство, хотя до некоторой степени обуздывающее дикие страсти удальца, готового на всякий поступок. Не жажда к простому убийству руководила в этом случае черкесом, а жажда мести и восстановление своей чести. Примеров убийств преднамеренных, совершенных хладнокровно, с целью обобрать труп, или вообще разбойничества в прямом значении этого слова почти не встречалось между черкесами; убийства на дорогах бывали весьма редки и считались необыкновенным происшествием в крае; кровомщение, напротив, случалось весьма часто. За одного убитого нередко мстил аул аулу, род роду. Однажды совершенное преступление вело за собою целый ряд кровомщений, тянувшихся несколько поколений и даже несколько веков»¹. Постоянные феодальные междоусобицы, как смерч, пронесившиеся по краю, дополнявшиеся кровной местью, использовавшейся как средство для самообороны, «для обуздания дикой страсти удальца»², создавали обстановку крайнего напряжения, опасностей и тревог, неустойчивости и хаоса. Говоря об этом, астраханский губернатор А. П. Волынский, занимавшийся перед этим примирением кабардинских феодалов и принявший от них новую присягу на верность России, писал царю Петру I, что «понеже по исследовании дела не сыскался виноватый ни один и правого никого нет, а за что первая началась ссора, то уже из памяти вышло, итак, за что дерутся и режутся, истинно и один не знает, только уж вошло у них то в обычай, что и переменить невозможно»³. И тем не менее в результате дальнейшего развития общественной жизни горцев в «XVIII – начале XIX в. кровомщение (лыщ1эжын, къан алыу) постепенно заменялось платою за кровь (лыгуасэ), вместе с тем значительно сузился круг лиц, подвергавшихся мести: теперь она все чаще относилась лишь к непосредственному виновнику»⁴.

Не менее бедственным явлением в жизни горцев был и другой атрибут варварства – работорговля, которая поддерживалась и поощрялась Турцией и Крымом, предъявлявшими особо высокий спрос на «живой товар», имевший высокую стоимость. Но со временем был положен конец и этому крайне вредному и позорному пережитку старины; постепенно стихла и феодальная междоусобная борьба. В результате всего этого создаются более или менее благоприятные условия для дальнейшего развития культуры народов Кабарды и Балкарии.

Примечательно, что еще с XVII в. начинают привлекать внимание российских ученых и иностранных авторов и служить объектом их сбора, изучения и публикаций лексические материалы кабардино-черкесского языка. Работа эта становится более планомерной и результативной в 70-х гг. XVIII в.

Среди этих лексических материалов значительный интерес представляют записки академиков И.-А. Гюльденштедта и П.-С. Палласа, впоследствии в основной своей части вошедшие в т. н. екатерининские «Сравнительные словари...», появившиеся в двух частях в 1787–1789 гг. В этих частях, составивших первое

¹ Дубровин Н. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 200–201.

² Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 165.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. М., 1963. Т. 17–18. С. 375.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 288.

отделение словаря, содержатся материалы 200 языков, в том числе кабардино-черкесского¹.

Если в первом издании словаря содержалось 285 кабардино-черкесских слов, то во втором издании количество их с вариантами достигло 500. Слова эти, как правило, относятся к наиболее активной части лексики кабардино-черкесского языка: «анэ» (мать), «адэ» (отец), «кьуэ» (сын), «пхьу» (дочь), «кьуэш» (брат), «шыпхьу» (сестра), «ллы» (муж), «фыз» (жена), «сабий» (ребенок), «цлыху» (человек), «пхьэIэшэ» (соха), «тельафэ» (волокуша), «уэш» (топор) и мн. др.² «Несмотря на то, – пишет лингвист М. Л. Апажев, – что со времени фиксации этих материалов прошло более 200 лет, в них обнаружено всего лишь незначительное число слов, не имеющих распространение в современном кабардино-черкесском языке...»³.

Добрые традиции Гюльденштедта и Палласа по собиранию исторических и лингвистических материалов и изучению грамматического и лексического строя бесписьменных языков народов Кавказа продолжил другой выдающийся ученый востоковед, владевший многими восточными языками, – русский академик Г.-Ю. Клапрот, описавший, как отмечено выше, свое путешествие в фундаментальном труде, изданном в двух томах. Как в первом, так и во втором томах содержатся материалы по кабардино-черкесскому языку. Во втором томе наряду с грамматическими очерками о различных кавказских языках помещены краткий очерк о кабардино-черкесском языке, текстовые записи с переводом на немецкий язык, а также немецко-кабардинский словарь⁴.

Время пребывания Клапрота в наших краях (1807 и 1808 гг.) выходит за рамки исследуемого нами периода, но нас в данном случае интересует то, что помещенные во втором томе текстовые записи на кабардино-черкесском языке с переводом на немецкий язык, как это отметили Г. Ф. Турчанинов и М. Цагов, являются «текстами Гюльденштедта, которые не были опубликованы и находятся в собрании Аделунга»⁵.

О важности этих текстов, приводимых на семи кавказских языках, имевшихся еще в 1775 г. у Гюльденштедта, писал А. С. Чикобава, который отметил, что эти тщательно подобранные фразы, в основном простые распространенные или сложносочиненные предложения, составлены таким образом, чтобы охватить строго определенный круг понятий и соответствующую лексику⁶.

Сделав краткий обзор словарных материалов в трудах отечественных и иностранных авторов и самостоятельных лексикографических изданий, М. Л. Апажев отмечает, что текстовые записи «отражают важные для исторического адыгведения фонетические, лексико-семантические и грамматические особенности кабардино-черкесского языка» того времени, что при внимательном подходе почти у каждого из авторов XVII–XVIII вв. можно обнаружить «определенную логику, здравый смысл в отборе и описании лексики языка», при этом ни один из них «не отразил в своих «коллекциях», как правило, таких лексических единиц, которые находились бы на периферии языка», фиксируя «слова лишь из самых важных сфер кабардино-черкесского языка»⁷.

¹ Апажев М. Л. Из истории дореволюционной кабардино-черкесской лексикографии. Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 164.

² Там же. С. 166–168.

³ Там же. С. 168.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Цит. по: Апажев М. Л. Указ. соч. С. 169.

⁶ Там же. С. 171.

⁷ Цит. по: Апажев М. Л. Указ. соч. С. 171, 173–174.

Таким образом, в условиях отсутствия своего письма у кабардино-черкесов представители других народов, главным образом русские ученые и деятели академических учреждений России, «сыграли решающую роль в регистрации и накоплении ценнейших словарных материалов, явившихся необходимым этапом и важнейшей базой создания и дальнейшего становления дореволюционной кабардино-черкесской лексикографии»¹.

Подметив эту важную особенность, присущую всей дореволюционной кабардино-черкесской лексикографии, а также почти всем младописьменным языкам народов Северного Кавказа, – билингвистический ее характер, исследователь М. Л. Апажев приходит к заключению «о многосторонних связях северокавказцев с внешним миром, так и особенно о глубоких традиционных контактах народов Северного Кавказа с Россией и русским народом, его прогрессивной культурой и языком, что определяет главное направление и основное содержание развития этого региона в продолжение последних пяти столетий»². Здесь нелишне вспомнить глубоко справедливое высказывание Н. Г. Чернышевского о том, что «любовь к своей нации обязывает быть признательным к тем народам, влияние которых было полезно для нее»³.

Расширение и укрепление экономических, политических и культурных связей Кабарды и Балкарии с Россией находят свое художественное отражение в русском фольклоре, а также в устном народном творчестве кабардинцев и балкарцев, сказываются на военном быте и материальной культуре горцев и их русских соседей. «Влияние культуры горских народов нашло свое отражение не только в материальной, но и в духовной культуре терских и гребенских казаков, – пишет профессор Г. А. Кокиев. – Любопытно в этом отношении отметить отражение горской культуры в народном эпосе гребенского казачества. Народные сказки, легенды, поговорки и предания, весьма распространенные среди гребенских и терских казаков, судя по композиции, юмору и остроумию, как правильно подметил Немирович-Данченко, первоначально возникли у горцев Северо-Восточного Кавказа»⁴. Что же касается отражения горской культуры в материальной культуре казаков, то П. Зубов, говоря о Терском семейном войске в Кизлярском уезде, в станицах Бороздинской, Дубовской и Карагалинской, расположенных на берегу Терека, отмечал, что «казаки одеваются по-черкесски, а малая часть по-донски...»⁵. Тот же автор о Гребенском казачьем войске писал: «Одежда казаков, нравы, обычаи – все общее с горцами, потому что их предки давно обитали между кавказскими племенами, а потомки имеют частые сношения»⁶, т. е. все это было заимствовано у горцев русскими казаками еще в первом поколении. А о Кубанском казачьем полке сказано: «Казаки одеты по-черкесски, и в обычаях и правах много с ними сходствуют»⁷. В другом месте автор, касаясь линейных казаков, подробно пишет об этих сходствах: «Линейские казаки одеваются исключительно на черкесский манер: короткий кафтан, черного, желтого и других цветов, с пришитыми по обеим сторонам круглообразными патронташами, в которые кладутся патроны, под оным архалух или длинная фуфайка до колен с рукавами, стянутая узким поясом с пряжкой. Шаровары и шапка черкесская,

¹ Апажев М. Л. Указ. соч. С. 174.

² Там же.

³ Чернышевский И. Г. ПСС: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 15. С. 285–286.

⁴ Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 72.

⁵ Зубов П. Картина Кавказского края... СПб., 1835. Ч. 2. С. 119–120.

⁶ Там же. С. 122.

⁷ Там же. С. 135.

а сверх всего бурка, как необходимая вещь. Всякий казак вооружен ружьем, лежащим за плечами в суконном влагалище, парю pistols у пояса, отличную саблю и пикою»¹. Казаки заимствовали у соседних горцев различные принадлежности конской упряжи, сельскохозяйственного инвентаря. По словам историка гребенского казачества И. Попко, казаки «переняли у горцев их внутреннее убранство домов...».

Русско-кабардино-балкарские отношения не всегда складывались ровно, гладко и безоблачно. Были и периоды их обострения, имели место и конфликты и набеги на пограничные укрепления, и мелкие стычки, и даже столкновения и карательные экспедиции царских войск с применением военной силы по отношению к горцам. И все это объяснимо, если учесть характер эпохи, природу и социальную сущность феодализма, господствовавшей в то время в стране социально-экономической формации. Если к этому еще добавить негативные последствия жестокой колониальной политики царизма, высокомерно-вызывающего поведения представителей военной администрации, порой импульсивных, непродуманных поступков и действий горской знати и вмешательства западных держав и восточных монархий, соперничавших с Россией за господство на Кавказе, то становится ясным, в какой сложной и противоречивой обстановке происходило расширение и углубление русско-северокавказских связей в изучаемый период. И эти сложные переплетения нашли отражение как в русском, так кабардинском и балкарском фольклорах, о чем свидетельствует, например, «Песня Большого ночного нападения» («Жэщтеуэшхуэ») ². События, которым посвящена эта адыгская песня, нашли свое отражение и в памятниках русского фольклора в виде песни «Набег кабардинцев на крепость Марьевскую»³. «Песня Большого ночного нападения» относится к жанру историко-героических песен, которые в условиях отсутствия письменности играли особо важную роль, заменяя политическую письменную историю народа, правдиво отображая и сохраняя для потомства наиболее важные в его жизни факты и общественные события, персоналии и подвиги героев. Признано, что фольклор является очень важным индикатором настроения крестьян, источником для объективного представления об их оценке того или иного исторического события.

Фольклористы-исследователи путем анализа текста, сопоставления исторических фактов с песенными деталями установили фактическую основу этого произведения устно-поэтического творчества и дату события, которое нашло в нем отражение, отнеся его к последней четверти XVIII в. «Песня Большого ночного нападения» посвящена выступлению горцев против притеснений царизма, против строительства крепостей на Азово-Моздокской линии, проходившей через их земли.

Вопрос о возведении царизмом системы Кавказской укрепленной линии был весьма болезненным и опасным вопросом во взаимоотношениях царской военной администрации с горцами. Строительство целой кордонной (пограничной) линии военных крепостей и укреплений, переселение сюда большого количества казаков, естественно, сильно сокращало пастбищные угодья, создавало большие затруднения для занятия скотоводством, что не могло не вызвать решительного протеста со стороны кабардинцев и вообще горцев. На этой по-

¹ Зубов П. Картина Кавказского края... СПб., 1835. Ч. 2. С. 58.

² Полный текст этой песни на кабардинском языке и перевод его на русский в качестве приложения содержится в кн.: Налоев З. М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 112–114.

³ Исторические песни XIX века. Л.: Наука, 1973. С. 186–187.

чве русско-кабардинские отношения обострялись. Кабардинские князья безрезультатно слали многочисленные жалобы императрице Екатерине II о том, что царские власти отбирают у них лучшие земельные угодья, где раньше они пасли свой скот, используя их под крепости и поселения на Линии, чем вызывают большое недовольство населения Кабарды. В связи с многочисленными жалобами Государственный совет на своем заседании 11 октября 1789 г. одобрил мероприятия, содержащиеся в донесении командующего Кубанским и Кавказским корпусами И. П. Салтыкова из Георгиевской крепости от 19 сентября. В частности, в его резолюции говорилось, «что табуны и скот, принадлежащие некоторым преданным к нам кабардинцам, позволил по билетам с малым числом людей и без оружия пускать на степи, бывшие перед сим кабардинскими землями, а ныне к Кавказской губернии принадлежащие...»¹. Но такие «великодушные» уступки кавказской военной администрации, одобренные Государственным советом, не могли решить проблему и удовлетворить кабардинских владельцев. Поэтому жалобы продолжались.

В том ночном нападении на укрепление Марьевское, о котором рассказывает песня, кроме княжеского войска принимал участие и простой народ – карахалк. Предание рассказывает о героизме карахалка – народного пешего ополчения, брошенного на произвол судьбы отступившей княжеской конницей. Но при всем восхвалении мужества и отваги воинов автор песни не одобряет выступления кабардинцев, ибо он, как и вали (уалий) (главный князь Кабалы) Джанхот, считал его неразумным, он сторонник избежания кровопролития, мирных отношений Кабарды с Россией в интересах самосохранения кабардинского народа.

Автор песни не сомневался в храбрости и решительности адыгских воинов, но он считал, что здесь ставки на одно мужество, воинский дух недостаточно. Нужна еще и житейская мудрость, умение смотреть вперед, оценивать ситуацию на основании здравого смысла в контексте времени. Он призывал кабардинцев отвести любые эмоции, мешающие трезво мыслить, считаться в своих действиях с условиями реальной действительности, учитывать соотношение сил и не переходить за грань возможного; подумать о том, к каким тяжелым трагическим последствиям могут привести неосторожные решения и непродуманные поступки; сохранить свой народ, его нравственные устои, уберечь его от ненужных материальных потерь и людских жертв, не давать повода противной стороне для организации новых карательных экспедиций. Слова песни звучат, как предостережение на грядущие годы, как горький упрек предводителям кабардинского войска – князьям, которые не соотнесли свои намерения с имеющимися возможностями, не прислушались к совету уалия Кабарды Джанхота – человека с большим жизненным опытом, дальновидного политика, и принесли народу напрасные жертвы.

Таким образом, «Песня Большого ночного нападения» не только воспевала мужество воинов, но и, главное, заключает фольклорист З. Налоев, «проповедовала самую мудрую в тогдашних условиях политику отношения с Русским государством, и, надо думать, сыграла известную прогрессивную роль в русско-кабардинских... взаимоотношениях»².

Однако, с другой стороны, выбор был, к сожалению, не за горцами. Ночное нападение кабардинцев на укрепление Марьевское явилось вынужденной мерой,

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. документов. М.: Наука, 1988. С. 214.

² Налоев З. М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 110.

следствием захватнических действий царской военной администрации, проявлением наступательной тактики горцев по защите своего края.

Сочинителем этого устно-поэтического произведения считается один из придворных джегуако (особый тип народных поэтов Кабарды периода феодальной раздробленности) «Тоовых сын Тлепшука». В адыгском обществе всегда высоко ценилось меткое слово, в особом почете были люди, одаренные, способные сразу, экспромтом, откликнуться на те или иные события и поступки стихотворным афоризмом, дидактической притчей. Именно такие люди – живые носители вековой народной мудрости и остроумия – у горцев были окружены ореолом исключительного уважения. «Этих патриархальных певцов уважают и боятся, – писал Т. Лапинский. – Каждый хороший или плохой поступок, храбрость и трусость, корыстолюбие и самопожертвование, гостеприимство и скупость, красота и любовь, так же как и легкие нравы, находят своих панегиристов или беспощадных сатириков. Ими воспеваются старые сказания, геройские поступки и подвиги, различные чудесные истории»¹. Их обличительных песен и сатиры побаивались даже князья, наделенные неограниченной властью. Но джегуако являлись не только песнотворцами. Их деятельность отличалась большой разносторонностью. Они со своей группой, включавшей инструментальщиков (скрипача, флейтиста, балалаечника, арфиста, трещоточников), певца, сказителя, плясунов, в различных сочетаниях составлявших ансамбль, исполняли песни, танцы и т. д.

Джегуако со своей группой, как правило, оседал у князя, превращаясь в придворного певца, сопровождал сюзерена в его походах. «В старину, – писал Н. Ф. Дубровин, – в период могущества и самостоятельности черкесского народа, для знатных людей певцы-поэты были необходимы, так как за неимением среди народа письменности песня была единственным средством передать свое имя потомству. Давая знаменитым людям бессмертие, певцы всюду встречали за то покровительство и их щедро осыпали подарками»². И далее автор продолжает: «Поэзия – это жизнь, душа и живая летопись событий в земле черкесов... Содержание большей части песен составляет историю черкесского народа, его могущество, жизнь и славу его предков, и потому, естественно, человек, способный передать в поэтической форме все то, что составляет гордость и прошедшую жизнь Черкесии, не мог быть неуважаемым. Отсюда уважение к поэтам – импровизаторам и слагателям песен»³. Таким образом, певцы-импровизаторы, одаренные поэтическим воображением, были необходимы и любимы как прославатели народных героев, а их песни – как хранители событий. Черкесы думали, заботились прежде всего о том, что скажет о них потомство. Поэтому настоящий джигит (витязь) «презирал добычу и довольствовался одною славою лихого наездника»⁴. У черкесов был «зек1уэтхэ» (букв.: походный бог и покровитель наездничества), а также жизнеописательные песни, к числу которых относились и песни о наездничестве (зейк1уэ уэрэд). «Песни этого рода, – писал Н. Ф. Дубровин, – служили лучшим возбуждением буйной отваги воинственного народа»⁵. Желание приобрести известность, сделаться храбрым джигитом (витязем), прославиться своей удалью было велико. Витязь презирал опасность во время боя, «чтобы стать героем песни, предметом былин и длинного рассказа у очага бедной сакли», а этого нелегко было достигнуть при врожденной скромности черкесов и отсут-

¹ Лапинский Т. Указ. соч. С. 123.

² Дубровин И. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 120.

³ Там же. С. 120–121.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 124.

ствии хвастовства и самохвальства. Черкес знал, что, прославленный поэтом-импровизатором, он не умрет в потомстве, что слава его имени и дел переживет и самый гробовой гранит. «Его гробница, – говорит народная песня, – разрушится, а песня до разрушения мира не исчезнет»¹. А Адиль-Гирей Кешев считал характер адыгской песни лучшим доказательством того, что «главнейшим побуждением адыгского племени к войне остались все-таки врожденная склонность его к подвигам молодечества и желание сохранить свою независимость»². Народ, живший в вечной войне, не мог не стать народом военным и стал им, стяжавшим славу воина-рыцаря в мировой истории, а кинжал и шашка, говоря словами А. С. Пушкина, – сутью членов их тела, а младенец начинать «владеть ими прежде, нежели лепетать»³. «Но все-таки не корысть и не кровожадность, – как писал Адиль-Гирей Кешев, – а жажда подвигов и не умиравшая в сердце народа любовь к независимости и свободе одушевляли адыгов в продолжительной борьбе за политическое свое существование»⁴. Для черкесов, веками воспитывавшихся на высочайшем понятии свободы, была дорога и бесценна не окованная никакими узами независимость. Свобода для них была родной стихией. Тут приходят на память начальные строки оды А. Н. Радищева «Вольность»⁵:

О! Дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный.
Позволь, чтоб раб тебя воспел.

Князя, уезжая в Россию и оттуда в другие страны, нередко брали с собой джегуако – поэтов-импровизаторов, которые демонстрировали за пределами адыгской земли искусство кабардинцев, выступая одним из посредников культурного обмена. Об одном из таких фактов рассказал Николай Витсен – известный государственный деятель Нидерландов, долгое время занимавший пост бургомистра Амстердама. Он писал: «Черкесы много забавляются танцами и умеют очень красиво танцевать: в тысяча шестьсот девяносто седьмом году, когда я был приглашен в Амстердаме к столу его величеством Петром Алексеевичем и удостоился царской чести по случаю большой победы, одержанной войсками его царского величества над турками и татарами около устья Дона, тогда я видел, как танцевали двое из этих людей почти полтора часа, невозможно описать прыжки и быстрые изгибы тела, которые они делали; ...красивые прыжки, выгибания и тысяча быстрых движений тела под звуки инструмента придавали танцу и представлению приятность»⁶. «Большую роль в развитии музыкального фольклора балкарцев играли народные певцы-музыканты, известные под адыгским названием «гегуако». По словам С. И. Танеева, ни одно семейное или общественное торжество не обходилось без их участия; за это они получали соответствующее вознаграждение как от хозяина, так и от гостей»⁷.

¹ Дубровин И. Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 18.

² Каламбий (Адиль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик, 1987. С. 230.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. 6. С. 438.

⁴ Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 126.

⁵ Радищев А. Н. Избранные сочинения. М., 1952. С. 221.

⁶ Витсен Н. Северная и восточная Татария, или Сжатый очерк нескольких стран и народов... // АБККЕА. С. 97.

⁷ Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 102.

Традиции русско-кабардино-балкарских фольклорных связей получили свое развитие в художественной литературе русского народа, с ее глубокими демократическими традициями, в которой с конца XVIII в. кавказская тема начала занимать все большее место. Исторические связи Кавказа с Россией, с русским народом, с его культурой озарены целой плеядой известных имен русских поэтов. Крупнейший русский поэт XVIII в. Г. Р. Державин стал первым российским певцом Кавказа, который, как писал В. Г. Белинский, «сделался для русских заветною странюю не только широкой раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии...». Он, в стихах которого «перед нами разворачивается реальный, вечный мир во всей его чувственной наглядности, осязательности, в обилии красок, звуков, тонов, переливов»¹, впервые в русской поэзии дает правдивое поэтическое описание пленительной и суровой, величавой красоты природы нашего свободолюбивого края в известной оде «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797). А. С. Пушкин восхищался этим державинским описанием Кавказа. В примечаниях к «Кавказскому пленнику» он писал: «Державин в превосходной своей оде графу Зубову первый изобразил в следующих строфах дикие картины Кавказа», – и процитировал в доказательство две строфы – пятую и шестую державинского стихотворения:

О, юный вождь! Сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно над собою
Рожденье молнии и громов.

Ты зрел – как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навесаь, смотрит в темный бор;
А там заря злато-багряна
Сквозь лес увеселяет взор ².

Кавказский мотив прозвучал и в творчестве другого русского поэта В. А. Жуковского, который, по словам В. Г. Белинского, «был первым поэтом на Руси, которого поэзия вышла из жизни»³. Объектом его поэтического восхваления становится «Эльбрус двуглавый». Он впервые в истории мировой литературы показал черкеса, балкарца и других представителей многонационального

¹ *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII века. 4-е изд. М., 1960. С. 425–426.

² *Державин Г. Р.* Стихотворения. М., 1958. С. 170, 498.

³ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М.: Изд. АН СССР, 1955. Т. 12. С. 190.

Кавказа. В стихотворении «Могущество, слава и благоденствие России», написанном в 1799 г., поэт восхваляет страну, распростершую свое влияние на громадную территорию, излучающую благотворный свет просвещения, к которому тянутся малые и большие народы, в числе которых он называет и черкесов:

Окрест блестящего престола,
 В бесчисленный собравшись сонм,
 Стоят полночные народы,
 С почтеньем долу преклонясь:
 Славянин в шлеме златовидном,
 Татар с свинцовой булавой,
 Черкес в булатных, тяжких латах,
 Бобром одетый камчадал.
 С сетями финн, живущий в норде,
 С секирой острой алеут,
 Киргизец с луком напряженным,
 С стальной саблею сармат ¹.

Примечательно, что в рассматриваемое время на художественно-литературном поприще в России выступила и внучка (от дочери Елены) князя Григория Сунчалеевича Черкасского – княжна Прасковья Юрьевна Трубецкая-Салтыкова. Она писала стихи. Как отмечено в русском литературоведении первой четверти XVIII в., поэтесса Прасковья Юрьевна являлась автором «нескольких лучших любовных песен того времени». Эротические песни писала и дочь Петра, будущая императрица Елизавета. Именно с этого времени любовная лирика, которая почти совершенно отсутствовала в письменной поэзии допетровской Руси, становится одним из весьма популярных в стране стихотворных видов. Писанием стихов этого жанра обычно начинали свой творческий путь и все крупнейшие поэты XVIII в. ² Новым для русской художественной литературы жанром, порожденным переменами в семейном быту в эпоху петровских преобразований, была увлечена и Прасковья Трубецкая. Ее стихи «Ох, свет мой горький» и «Како не лишатся веселия мне ныне» стали очень популярными песнями, их пели в течение всего восемнадцатого столетия. Прасковья Трубецкая хорошо была знакома с известными русскими писателями того времени Антиохом Кантемиром и Михайлом Херасковым ³.

В это время первые шаги делает школьное обучение в крае. В Кизляре, главном культурном центре Северного Кавказа, возникли первые русские школы. В XVIII в. здесь функционировали две школы: гарнизонная и казачья. Последняя была предназначена для обучения грамоте детей командиров и имущих казаков Терско-Кизлярского казачьего войска, входившего в состав гарнизона Кизлярской крепости. Поскольку это войско по своему составу было многонациональным, то, следовательно, и в самой этой школе вместе с русскими ребятами обучались и дети кавказцев ⁴.

¹ Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 11.

² Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. 4-е изд. М., 1960. С. 49.

³ Опрышко О. Л. По тропам истории. Нальчик, 1976. С. 172.

⁴ Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 101–102.

Кроме того, были еще школы «при Кизлярском монастыре, а также при Осетинской комиссии», в которой обучались грамоте и началам христианской религии дети осетин, кабардинцев, черкесов и других горцев. Это была самая первая русская школа на Кавказе для обучения детей кавказских народностей. В 1765 г. эта школа вместе с Осетинской комиссией была переведена в Моздок, где продолжила свою деятельность¹. Благодаря стараниям некоторых членов Духовной комиссии также появились первые этнографические сведения о горцах, касающиеся их хозяйства, материальной культуры, традиций и обычаев, верований.

Определенную роль в развитии культурных связей Кабарды и Балкарии с Россией сыграла система аманатов, которая первоначально была одной из форм скрепления дипломатических сношений Московского государства с Кабардой. Известно, что в 1553–1557 гг. в Москве находились в качестве аманатов и учились русской грамоте в Кремлевском дворце сыновья крупнейших кабардинских князей Сибока и Темрюка – Кудадек и Султанук, названные после крещения первый – Александром и второй – Михаилом – брат царицы Марии. Восемь человек из числа братьев и ближайших родственников Темрюка Идарова после принятия христианства навсегда остались в Москве и стали русскими боярами. Наконец, хорошо известные в России княжеские фамилии Алеуковы, Мансуровы, Черкасские и Бековичи-Черкасские происходили из старинного рода кабардинских князей Джамбулатовых и в качестве аманатов попали в свое время в Россию. Многие из сыновей кабардинских князей, оказавшихся в качестве аманатов в России, занимали видные государственные посты. Одним из таких был широко известный в русской истории выходец из древнего кабардинского княжеского рода Джамбулатовых Александр Бекович-Черкасский, который попал в Россию в качестве аманата еще при Петре I².

Однако обычай аманатства, имевший широкое распространение между Россией и Кабардой, первоначально считавшийся признаком особого внимания со стороны московских царей к кабардинским князьям, в эпоху усиления колониальной экспансии на Кавказе со стороны царизма, диалектически перейдя в свою противоположность, сделался принудительным орудием захватнической политики. Со второй половины XVIII в. царизм принуждал горцев выдавать аманатов, которые являлись заложниками и содержались в качестве таковых в Астрахани, Кизляре, Моздоке, Екатеринограде, Ставрополе и в ряде тогдашних пограничных крепостей³. Таким образом, система аманатов, введенная царизмом и широко практиковавшаяся им исключительно на Кавказе, стала одной из жестоких, оскорбительных форм порабощения горских народов, средством для приведения к покорности и сдерживания антицарских выступлений горских владетелей, разновидностью ассимиляторской, русификаторской политики царизма. Последний насильственным образом разлучал сыновей с малолетства с родителями и превращал этих детей в верных слуг и сатрапов самодержавия. Причем число аманатов иногда достигало значительной цифры, насчитывая не единицы, не десятки, а сотни и более сыновей горских народов. С другой стороны, система аманатов объективно давала возможность горцам в какой-то мере приобщаться к русской культуре. В Кизляре и Астрахани были учреждены специальные пансионы, в которых воспитывались и обучались, вместе сносая тоску по

¹ Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 102.

² Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 57.

³ Там же.

* Речь идет об Осетинской духовной комиссии, образованной в 174 г. в Кизляре, а затем переведенной в Моздок, ставший крупным центром христианства на Северном Кавказе.

родному очагу, горские аманаты¹. В Кизлярской крепости, где для аманатов был построен особый двор, в 30-х гг. XVIII в. находилось 15 аманатов из Кабарды, которым регулярно выдавалось пособие в виде так называемых кормовых². В аманаты обычно брали детей (как правило, всегда мальчиков) из княжеских и дворянских семей в целях предупреждения возможности новых выступлений. При этом детям владельцев выдавали больше кормовых денег, чем узденским. Одни получали 124–144 руб. в год, другие – 18 руб.³ Возраст аманатов был разный: от 3 до 8 лет и более. Аманатом мог быть только родной сын от законной жены или родной внук⁴.

В особом предписании Коллегии иностранных дел, в котором были разработаны правила наблюдения за воспитанием и образованием аманатов, указывалось: «...обходиться с ними осмотрительно, осторожно, справедливо, приветливо, с умеренной ласкою, но не раболепно»⁵. И позже эти правила уточнялись. В одном из таких уточнений (1763) говорилось о том, чтобы аманатов кабардинских и кумыкских, содержащихся в Кизляре, всеми способами приобщать к русским порядкам: «...стараться искусным образом» влиять на их нравы, «вселять людность и лучшее обращение, и для того доводить их к частому обращению с русскими, призывать их в табельные дни к столам и учить грамоте российской и татарской»⁶. «В 1770 г., – пишет П. Г. Бутков, – высочайше повелено обучать кабардинских аманатов российской и татарской грамоте». И далее: «Подлинно из аманатов владелец Давлет-Мурза Хасаев и уздень Шабаз-Гирей Куденетов в кизлярских школах обучались и знали российской грамоте читать и писать»⁷.

Аманаты по учебной программе обучались не только русскому языку и татарской грамоте, но и арифметике⁸. «Живших в Кизляре кабардинских аманатов, – пишет В. Кудашев, – стали обучать русскому языку и старались всячески привить им европейские нравы»⁹. Многие из воспитанников занимали потом важные государственные посты в Российском государстве или, вернувшись в Кабарду, способствовали укреплению ее связей с Россией. Через систему аманатства прошли такие довольно известные в истории кабардинцы, как сподвижник Петра I Александр Бекович-Черкасский (Давлет-Гирей Бекмурзин), Измаил-бей Атажукин, Петр Татаров (Чукей), крещеный кабардинец, майор Астраханского военного гарнизона, часто приезжавший на родину со специальными поручениями в связи с происходившими здесь феодальными междоусобицами, братья Горичи (Бегидовы) и другие менее знаменитые адыги. Одним из таких аманатов был и вышеупомянутый кабардинский уздень Шабаз-Гирей Куденетов. Он еще мальчиком в 1735 г. содержался аманатом в Кизляре, где в школе был обучен русской грамоте. В 1764 г. Шабаз-Гирей Куденетов в составе кабардинской делегации ездил в Петербург с жалобой на «утеснение», произведенное Кабарде «от построения Моздока»¹⁰. Во время своего пребывания в Петербурге он «дал

¹ Бушуев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. С. 85.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722-го по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. Гл. 35. С. 157.

³ ЦГА Даг. Респ., ф. 339, оп. 1, ед. хр. 62, л. 65.

⁴ Там же, ед. хр. 23, л. 84–85 об.

⁵ Бутков Л. Г. Указ. соч. С. 162.

⁶ Там же. С. 157.

⁷ Там же. С. 268.

⁸ Бушуев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. С. 85.

⁹ Кудашев В. П. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 60–61.

¹⁰ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1801 год. СПб., 1869. Ч. 2. С. 8–9.

присягу уведомить... о всех происшествиях в Кабардах... Он во всю жизнь свою наблюдал верную привязанность к России; зная российский язык, много служил для пользы дел ее...»¹. Умер Шабаз-Гирей Куденетов в 1800 г. в чине майора ².

Важным шагом в развитии русско-горских культурных связей было открытие в Моздоке первой школы «для осетинских, ингушских и прочих горских народов детей». 27 сентября 1764 г. был издан указ «О заведении при урочище Моздок, где из новокрещенных горских народов селение заводится, для осетинских и ингушских и прочих горских детей школы, и о употреблении на содержание такой школы денег из тамошних доходов или из процентных Астраханского банка...»³.

В начале следующего года в Моздоке было получено предписание из Петербурга «о скорейшем заведении» Моздокской школы и «о поспешном построении для оной» деревянного дома, «где бы могли жить учителя и ученики», и «о приискании в учителя искусных людей, особливо знающих горские языки»⁴. Все это было приведено в исполнение. В том же 1765 г. школа была открыта. Учреждение и управление ею было возложено на астраханского генерал-губернатора Бекетова и кизлярского коменданта генерал-майора Ступишина, а непосредственное руководство – на начальника Осетинской духовной комиссии ⁵.

Школа была классовой. Иначе не могло и быть, когда вся структура учебных заведений в самой России была проникнута принципами сословности. По своему назначению школа эта должна была служить интересам царизма: готовить из детей привилегированных сословий горских народов Северного Кавказа преданных царскому правительству людей – активных проводников его политики в этом крае. Поэтому в школу принимались дети старшин и горских владельцев.

Учащиеся получали ежемесячную стипендию в зависимости от их социального происхождения: по 2 руб., а дети наиболее состоятельных родителей по 4 руб. При школе был пансион. Количество детей за все годы существования школы (1765–1793) колебалось от 9 до 46 человек ⁶.

Объективно моздокская школа служила важным средством для укрепления русско-горских отношений. Эта школа сыграла свою роль и в культурной жизни горских народов, в том числе кабардинцев и балкарцев. Так, с первых лет своего существования Моздок стал не только военным, но и своего рода и административным, экономическим и культурным центром для народов Северного Кавказа, в том числе для кабардинского и балкарского. Еще в то время в некоторых местах региона были открыты церковно-приходские школы. Такая школа была открыта и для детей моздокских кабардинцев-христиан и осетин, проживавших в Моздоке отдельной слободой и на хуторах, в Осетинской церкви Успения Божьей Матери, построенной в 1797 г.⁷ В этой школе «дети горцев получали первоначальное образование и могли пойти учиться дальше в средние и высшие учебные заведения»⁸. Так и было. Они учились также в духовной семинарии, открытой в 1777 г. в Астрахани ⁹, являвшейся одним из престижных учебных заведений

¹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1801 год. СПб., 1869. Ч. 2. С. 11.

² Там же. С. 332.

³ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. 5. С. 34.

⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 269.

⁵ Ларина И. П. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // Известия СОНИИ. 1957. Т. 19. С. 198–199.

⁶ Там же.

⁷ Калоев Б. А. Моздокские осетины. М.: Наука, 1995. С. 211.

⁸ Там же. С. 241.

⁹ Цигарели А. А. Сношения России с Кавказом в XVI–XIII столетия. СПб., 1891. С. 36.

тогдашней южной губернии. Туда отправляли учиться наиболее способных учеников-горцев, окончивших школу в Моздоке.

В 1793 г. в Моздоке была учреждена епископская кафедра с присвоением архиерею титула епископа Моздокского и Меджарского. В связи с этим Осетинская духовная комиссия была упразднена, и функции ее переданы Моздокскому епископу Гайю (до этого Грузинский архимандрит), хорошему знатоку русского и горских языков и народов. Перед ним были поставлены все те задачи, которые выполнялись Осетинской комиссией по распространению и утверждению православной веры в горах Кавказа, и вменялось ему в обязанность «по возможности посещать самому обращенные в христианство селения, завести мужеский и женский монастыри для обучения туземного юношества закону и разным мастерствам...»¹.

«Сверх того, – сказано далее в документе, – проповедниками оглашены словом евангельской истины два народа: дюгорцы и басиане, к коим по требованию и желанию их отправлены священники для крещения, по донесению тех проповедников, должно полагать дюгорцев до 900, а басиан до 500 домов, в коих жителей обоего пола 8000 душ»². Ему были присвоены все права начальника комиссии и «моздокской инородческой школы»³.

В последней четверти XVIII в. была сделана попытка создать светскую школу. В 1775 г. по просьбе кабардинских князей и дворян астраханский губернатор П. Кречетников вошел с ходатайством перед правительством об открытии в г. Астрахани светской школы для обучения детей кабардинских князей и дворян. Затем главнокомандующий войсками на Кавказе признал целесообразным открытие в г. Георгиевске и станице Екатериноградской специальных школ для обучения детей кабардинских владельцев. По замыслу автора проекта, эти школы должны были готовить учеников для поступления в кадетские корпуса. «Но эти проекты, – заключает профессор Т. Х. Кумыков, – остались на бумаге, и никаких школ в Кабарде до начала XIX в. не было»⁴.

Общение с русским народом, влияние его передовых представителей обусловили вступление на общественно-политическую арену таких видных государственных и общественных деятелей края, как Александр Бекович-Черкасский, Измаил Атажукин, и многих других, проявивших себя на государственной и военной службе в России.

Выдающийся общественный деятель Кабарды первой половины XVIII в. Джабаги Казаноко (1686–1750) был широко известен среди своего народа, а также других горцев Северо-Кавказского региона. Он пользовался у них большим авторитетом и влиянием, мудро призывал их к «межнациональному союзу», настойчиво советовал враждующим сторонам уладить все спорные вопросы мирным путем без вооруженных конфликтов. Устами Джабаги говорил голос разума, услышав который, горцы не раз прекращали распри и приходили к миру.

Джабаги Казаноко благодаря своему незаурядному уму сумел стать главным советником известного кабардинского деятеля, старшего князя-правителя Кабарды Асланбека Кейтукина, который, как отмечал Шора Ногмов в «Истории адыгейского народа», всегда руководствовался советами Джабаги Казаноко –

¹ ЦГИАЛ (СПб.), ф. 1268, оп. 9, д. 445, л. 248–248 об.

² Там же, л. 260 об.

³ Цигарели А. А. Указ. соч. С. 37.

⁴ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 335.

«человека благоразумного»¹, вынашивал объединительные идеи, отстаивал независимость и свободу Кабарды. Проявив себя дальновидным, прозорливым политиком и дипломатом, Джабаги Казаноко в области международных отношений, отличавшихся крайней сложностью, зыбкостью и изменчивостью, твердо держался стороны России, призывал свой народ к дружбе и политическому союзу с ней, что, естественно, сказывалось и на внешнеполитической ориентации старшего князя Кабарды. Как опытному дипломату ему не раз поручалось вести ответственные переговоры от имени кабардинского народа. В декабре 1722 г. Джабаги Казаноко как доверенное лицо Асланбека Кайтукина был послан в Астрахань, где встречался с Петром I и вел с ним переговоры по Кабардинским делам².

Будучи избранным народом главою Хейжа (по-кабард.: «хеяжIэ», «хей щIын» – оправдывать) – сельского суда, основанного на установлениях «адыгэ хабзэ» (адыгские обычаи), Джабаги Казаноко добился расширения функций этого судебного органа. Суд стал теперь заниматься не только третейским разбором семейно-бытовых вопросов, как раньше, а превратился в политический орган, отстаивавший интересы и права крестьянства против посягательств феодальной знати³. Фольклорные материалы свидетельствуют, что и тогда, когда Джабаги уже был советником главного князя Кабарды, и до него доходили сведения о неверных приговорах сельских судов, он подвергал их публичной критике и показывал примеры справедливого решения судебных дел. Он смело и решительно выступал против бесчинств крымских завоевателей (был одним из организаторов знаменитой Канжальской битвы, имевшей плачевный для татар исход), против феодальных междоусобиц, от которых больше всего страдали народные массы. Казаноко всегда держал сторону обездоленного крестьянства, боролся против таких диких пережитков старины, как кровная месть, пытался демократизировать некоторые бытовые традиции своего народа. Многочисленные сказания о Джабаги Казаноко, содержащиеся в фольклоре кабардино-черкесов, а также балкаро-карачаевцев и кумыков, свидетельствуют о его демократических устремлениях, гуманизме, последовательной защите им интересов зависимых сословий. В фольклоре кабардинцев и балкарцев имеется целый цикл пословиц и поговорок, известный под названием «Так сказал Джабаги»⁴. Многие крылатые изречения и наставления Джабаги Казаноко, являясь выражением выстраданной в веках самой народной мудрости, передаваясь от поколения к поколению, дошли до наших дней и сегодня восхищают глубиной мысли и прозорливостью их автора.

Джабаги Казаноко – общественный деятель, воплощение мудрости своего времени, подлинный выразитель интересов своего народа, философ-самородок, страстный поборник союза и дружбы с Россией – умер в почтенном возрасте, оставив добрую память о себе в народе. На надгробном памятнике, стоявшем до 1920-х гг. в окрестностях сел. Гунделен, а затем перевезенном в Нальчик и установленном в садике Свободы, имеется надпись на арабском языке, из которой мы узнаем точную дату смерти Джабаги Казаноко – 1750 г.⁵ Таким замечательным мудрецам, как Джабаги Казаноко, посвящено стихотворение Расула Гамзатова «Старые горы», в котором есть такие строки:

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 175.

² КРО. Т. 2. С. 38.

³ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 238.

⁴ Там же. Т. 2. С. 239.

⁵ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1968. Ч. 2. С. 58.

форматорам Ивану Грозному и Петру Великому. Князья Черкасские не просто занимали видное место в среде русской высшей феодальной знати, но и были в ряду знатнейших фамилий в России. Кстати, знатность и родовитость в России определялись по месту, занимаемому родом среди 31 (16 первостепенных и 15 второстепенных) фамилий, из которых 20 были княжескими. В списке первостепенных родов фамилии располагались в следующем порядке: «1. Черкасские. 2. Воротынские. 3. Трубецкие. 4. Голицыны. 5. Хованские. 6. Морозовы. 7. Шереметевы. 8. Одоевские. 9. Пронские. 10. Салтыковы. 11. Шеины. 12. Репнины. 13. Прозоровские. 14. Буйносовы. 15. Хилковы. 16. Урусовы»¹. Таким образом, в списке первостепенных родов России на первом месте стояли Черкасские.

Фамилия Черкасский и варианты этой фамилии – Черкесов, Черкасов – «связаны с этнонимом «черкес – черкас», т. е. были присвоены по происхождению самого носителя, выходца из Черкесии»². «Присвоение христианского имени адыгам сопровождалось утверждением для них фамильного имени Черкасский (по их этнической принадлежности), независимо от того, какую фамилию они до этого носили»³. Черкасскими именовались прежде всего потомки известного кабардинского князя Темрюка Идарова, приехавшие в Россию после завоевания Иваном Грозным Астрахани. А. А. Баскаков пишет: «Фамилии Черкесов, Черкасов, Черкасский, по всей вероятности, имеют общую основу – название известной народности «черкес», которая произошла из осетинского «cärgäs» – «cärkäs» «орел»...»⁴. «Фамильный герб Черкасских имеет несколько геральдических признаков восточного происхождения. В правой части в красном поле – черкес в золотой епанче и в княжеской шапке с пером, скачущий на белом коне с золотой сбруей, имеющий на плече золотое копье. Во второй части в голубом поле между трех шестиугольных серебряных звезд изображены крестообразно две серебряные стрелы, остроконечиями вверх поднятые, на которых поставлен щит красного цвета с серебряным на нем полумесяцем. В третьей части в серебряном поле – натурального цвета лев, держащий в передних лапах поднятый лук со стрелой»⁵. Они, как и многие другие представители блистательной плеяды Черкасских, ведущих свое происхождение, как свидетельствует их родословная, от правнука легендарного основателя фамилии Инала, Темрюка Идарова и его родных братьев, найдя в России вторую родину и связав с нею свою судьбу, еще со времени Ивана Грозного, став одним из знатнейших родов в России, остались здесь навсегда и посвятили жизнь служению ей.

Князья Черкасские, как свидетельствует их родословная в Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи (ОГДР), «по восприятию христианской веры служили Российскому престолу в боярах и других самых знатнейших чинах...»⁶, способствовали дальнейшему усилению влияния России на народы Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, укреплению дружбы между русским и кабардинским народами. Михаил Алегучевич Черкасский – «доблестный боярин... неустршимый в боях», «муж чести и правды», по характеристике академика Н. Г. Устрялова, стоявший у истоков преобразования «потешных» батальонов Петра I в настоящие боеспособные полки, – стал первым российским генералиссимусом.

¹ Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 266–267.

² Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. 2-е (репринтное) издание. М., 1993. С. 81.

³ Коков Дж. Н., Кокова Л. Дж. Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик, 1993. С. 55.

⁴ Баскаков Н. А. Указ. соч. С. 136.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Цит. по кн.: Баскаков Н. А. Указ соч. С. 81.

С 1715-го по 1719 г. князь Алексей Михайлович Черкасский – внук Урусскана-Мурзы (по крещению Яков Куденетович), считавшийся тогда «главою всего их рода»¹, т. е. Черкасских, выполнял обязанности обер-комиссара новой столицы России – Санкт-Петербурга, много сделал для организации строительства города на Неве, осуществляя надзор «за производством архитектурных работ». Под его непосредственным руководством были построены десятки прекрасных зданий, в том числе шедевры мировой архитектуры – такие дворцы, как Петергоф и др., и при этом проявились его незаурядные организаторские способности и тонкий вкус в зодчестве.

Заметную роль в изучении и освоении огромной, сказочно богатой, в значительной степени неизведанной страны – Сибири – сыграли Черкасские. В 1697 г. управлять этим краем был направлен Михаил Яковлевич Черкасский, а в помощники ему придан его же старший сын Петр. Со свойственной ему хваткой и энергией воевода Сибири Михаил Яковлевич с сыном Петром сразу же по прибытии в Тобольск принялся изыскивать руды, строить железоплавильные и орудийные заводы, прокладывать дороги и строить населенные пункты. В 1702 г. на смену умершему Петру был послан младший сын Михаила Яковлевича Алексей. В письме В. Н. Татищева на имя вице-канцлера А. И. Остермана и кабинет-министра А. М. Черкасского (5 ноября 1734 г.) сказано: «Да и пашен в Сибири не было, а возили хлеб с Вятки и Перми с великим убытком. Но тогда бывший воевода князь Черкасской, видя, что в Сибири хлебородных мест лежало множество впусте, первые слободы по Нейве и Исети рекам ссыльными начал селить. А к тому с Вятки, Перми и Поморья государственным крестьянам приходя селиться допустил, которыми завел десятинную пашню и, удовольствовав служивых, привоз хлеба с Руси отставил. Потом в 1702 году князь Михаил Яковлевич Черкасской же, видя, что в Сибири великой в железе недостаток, а руд довольно, первой Каменской завод в пустом месте завел. И в недостатке мастеров неколика своих из нижегородских вотчин крестьян и посторонних мастеров для пользы государственной собрав, в действо произвел, а для работ ссыльных при оном поселил. И вольноприходящим слободы селить для содержания оных допустил. Но как жителей населилось много, то чрез них другие руды сыскиваться и заводы умножаться стали»².

И все это не осталось не замеченным и не отмеченным в столице. Царь с большой похвалой и благодарностью отзывался о деятельности Черкасских в Сибири «за приумножение и неусыпное исполнение государственных дел, приумножение денежных доходов и хлебных запасов, беспристрастное и бескорыстное управление, учреждение железных заводов для отливки пушек, мортир, гаубиц, за делание в Тобольске фузей, тесаков и других орудий, необходимых к обороне не только Сибирского, но и Московского и прочих государств, подвластных великому государю, а также за отыскание в Сибири селитры и за верность и усердие в службе в самом Тобольске...»³. Сыграв выдающуюся роль в осуществлении планов и замыслов великого преобразователя и реформатора России Петра I по освоению Сибири, отец и сын Черкасские в 1710 г. вернулись в столицу. Через

¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. Кн. 3. Вып. 6–7. С. 133.

² Научное наследство. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. С. 169.

³ Павло-Сильванский Н. П. Черкасский, князь Алексей Михайлович // Русский биографический словарь (фрагмент письма Петра Великого, отправленного Черкасскому в январе 1703 г.) СПб, 1910. Т. 9. С. 184.

2 года Михаил Яковлевич умер, а его сына Алексея в 1719 г. назначили губернатором Сибири, где он вновь пробыл несколько лет. Здесь он с прежним старанием и знанием дела продолжал начатое еще отцом и братом дело освоения необъятного края. Будучи губернатором Сибири, А. М. Черкасский осуществлял здесь, как и раньше, планы Петра I, стремившегося к созданию могучего Русского государства. Широкий кругозор крупномасштабного государственного деятеля позволил царю, по словам Т. Н. Грановского, «опередившего своей мыслью время», обратить внимание и на такие вопросы, которые даже не пытались ставить в те времена другие правительства государств Западной Европы. Таковыми необычными для своего времени правительственными распоряжениями, которые исполнял А. М. Черкасский, были указы Петра I о централизованном сборе редких, случайно находимых в земле при разного рода работах древних предметов, которые остались от некогда живших на территории Российского государства народов. Это были предметы быта, орудия труда, культа и искусства древних и средневековых племен и народностей, которые должны были явиться важнейшим источником для воссоздания исторического прошлого народов нашей страны. По сути дела, в указах Петра I была дана настоящая археологическая программа, которая даже требовала графически фиксировать обнаруженные исторические памятники, снимать планы, копии и рисунки со старинных надписей и предметов¹.

В ответ на запрос 1720 г. сибирского губернатора князя А. М. Черкасского о том, покупать ли для царя добываемые из древних курганов золотые вещи, последовал правительственный указ 1721 г.: «Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору, или кому где надлежит, настоящею ценою и, не переплавлявая, присылать в Берг и Мануфактур Коллегию», а затем представлять самому царю. И губернатор Сибири А. М. Черкасский усердно выполнял петровские правительственные указы, которые способствовали не только сбору сибирских древних «антиквитетов и куриозных вещей», но и исследованию новой, тогда еще в значительной степени малоизвестной страны, присоединение которой только закончилось в начале XVIII в.²

А. М. Черкасский активно содействовал успешной работе первой русской экспедиции по исследованию Сибири, создавая для нее необходимые условия, попоная ее новыми способными работниками.

Указ о Сибирской экспедиции был издан Петром I 15 ноября 1718 г. Возглавлял экспедицию доктор наук Даниэл Готтлиб Мессершмидт, обладавший энциклопедическим образованием того времени. Он был врачом, географом и натуралистом, знавшим и восточные языки. Это позволило ему заняться «страноведением» Сибири, ее научным исследованием, «продолженное его младшими коллегами: Гмелиным, Палласом и др.»³ Ученому вменялось в обязанность заниматься изучением сибирских эпидемических заболеваний и выявлением лекарственных растений Сибири, географией страны с изучением ее флоры и фауны, но главное – он должен был составить описание сибирских народов, их языков, их древних памятников и собирать сведения о любых достопримечательностях и небывалых явлениях⁴.

¹ Путешествия в древность. Изд. Московского государственного университета, 1983. С. 19.

² Там же. С. 21.

³ *Грабош У.* К вопросу о немецко-русском обмене научными знаниями в XVIII веке // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. Изд-во Московского университета, 1987. С. 12.

⁴ *Вернадский В. И.* Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 159.

Шесть лет (с июня 1720 г. по март 1726 г.) в очень трудных условиях путешествовал Мессершмидт по безбрежным просторам Сибири и блестяще выполнил все возложенные на него и его экспедицию разнообразные задачи. По возвращении в марте 1727 г. в Санкт-Петербург Мессершмидт сдал в недавно организованную Российскую Академию наук 23 тома своих трудов, написанных в глубинах Сибири, громадный гербарий, карты, атлас рисунков и большую коллекцию древних предметов¹.

В выполнении обширной программы первой научной экспедиции доктора Мессершмидта, в результате которой были добыты драгоценнейшие, первые в русской науке обширные материалы, характеризующие «незнаемую» Сибирь, открыты для науки неведомые дотоле памятники письменности средневековых хакасов, памятники так называемой енисейской письменности², активно содействовал, как сказано выше, князь А. М. Черкасский, находившийся в тог-дашней столице Сибири – городе Тобольске, где размещалось генерал-губернаторство, управлявшее всей Сибирью. Именно сюда и прибыл 24 декабря 1719 г. Д. Г. Мессершмидт, явившись к сменившему М. П. Гагарина новому губернатору князю А. М. Черкасскому.

Здесь, и Тобольске, Д. Г. Мессершмидт познакомился с пленным шведским капитаном Филиппом-Иоганном Таббертом – человеком широко образованным, знающим топографию, собирающим различные материалы по географии Сибири, этнографии и языку ее народов. Кроме того, Табберт занимался составлением карты Сибири, которую у него дважды отбирал губернатор М. П. Гагарин с угрозой выслать его на берег Ледовитого океана. Только после ареста Гагарина при новом губернаторе А. М. Черкасском Табберту удалось успешно закончить составление карты и впоследствии поднести ее царю Петру.

А. М. Черкасский удовлетворил ходатайство доктора Мессершмидта о том, чтобы с ним отпустили в экспедицию Табберта и некоторых других лиц, могущих послужить с пользой делу большой научной важности. Была удовлетворена и просьба руководителя научной экспедиции, высказанная им в одном из своих рапортов в ходе переговоров с губернатором А. М. Черкасским, дать указание сибирским чиновникам, чтобы ему доставляли «любопытности, которые в сибирской губернии обрящутся», в особенности «к древности принадлежащие вещи якобы языческие шейтаны, великие мамонтовы кости, древние калмыцкие и татарские письма и их праотческие письмена, такжеже каменные и кружечные могильные образы и устроения»³.

В 1730 г. помощник Мессершмидта и участник первой части работ его экспедиции Ф. И. Страленберг, вернувшийся в 1723 г. в Швецию, подготовил и издал книгу, в которой изложил материалы, собранные им за 13 лет его пребывания в Сибири. Среди них были опубликованы и важнейшие достижения экспедиции Д. Г. Мессершмидта за 1721–1722 гг. с копиями рисунков сибирских древностей и каменных изваяний, в том числе и изваяний с енисейскими древнехакасскими надписями. Эта книга Страленберга получила мировую известность благодаря новизне ценных сведений о Сибири, в то время почти неизвестной Европе. Книга была затем переиздана в Германии и переведена на английский, французский и испанский языки⁴.

¹ Путешествия в древность. С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 32–33.

⁴ Там же. С. 47–48.

Небезынтересно отметить близкое знакомство А. М. Черкасского с В. Н. Татищевым, сподвижником Петра I, одним из тех, кого называли «птенцом из гнезда Петрова», выдающимся ученым-энциклопедистом и просветителем. В. Н. Татищев был знаменитым историком, выдающимся географом, геологом, этнографом, экономистом, видным государственным деятелем, дипломатом, активным участником петровских преобразований. Он был убежденным сторонником просветительского тезиса об определяющем значении знаний, просвещения, науки для общества. «Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать»¹, – писал Татищев. «Его специальностью было собственно горное дело, и для изучения его Петр отправил Татищева за границу, где тот пробыл много времени и потом всю свою жизнь в России посвящал этого рода деятельности. Но в то же время он полюбил отечественную историю и первый написал по-русски обширную историю России, к сожалению, оставшуюся неоконченной»².

С именем В. Н. Татищева связано превращение Урала в крупнейший центр металлургической промышленности России, куда он был послан для управления железными заводами. Он был руководителем казенной горнозаводской промышленности Урала и Сибири (1720–1723), основал Екатеринбург. Свои действия Татищев согласовывал и решал при поддержке сибирского губернатора А. М. Черкасского. Татищев, будучи в Тобольске, обратился к последнему с предложением «отказаться от единственно дозволенной дороги в Сибирь через Верхотурье и легализовать более короткий и удобный путь через Уктус»³. О ходе подготовки новой дороги в Сибирь Татищев донес сибирскому губернатору в июле 1721 г.⁴ Принимались меры по повышению производительности старых заводов. Татищев, получив санкцию сибирского губернатора, исправил ненормальное положение, когда в ряде случаев слободы, остроги и деревни были приписаны к заводам без учета расстояния от них, в результате чего крестьяне «принуждены были туда ездить с немалым трудом и потеряннием времени»⁵. В 1721 г. по просьбе сибирского губернатора А. М. Черкасского Татищев следил за восстановлением Каменского завода и изготовил, по его собственным словам, модели машин для «сверления, обтирания и подымания пушек», которые «потом в действо привел»⁶.

«С А. М. Черкасским, одним из самых богатых и влиятельных людей, – пишет А. И. Юхт, – Татищев был хорошо знаком еще с 1720 г. В те годы (1720–1722), когда Татищев руководил металлургической промышленностью на Урале, Черкасский был сибирским губернатором, и они встречались в Тобольске, куда Татищев ездил для решения разных вопросов. Черкасский ценил ум и хорошее перо Татищева»⁷. Об их взаимоотношениях свидетельствуют делового, служебного назначения письма В. Н. Татищева, одним из адресатов которого был А. М. Черкасский. 16 марта 1723 г. В. Н. Татищев писал сибирскому губернатору князю А. М. Черкасскому: «Хотя мне о делах губернских вам доносить причины нет, однакож за вашу ко мне показанную милость не донести сожалел, ибо ведаю,

¹ См.: Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высшая школа, 1978. С. 61.

² Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 180.

³ Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985. С. 60.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ Там же. С. 66.

⁷ Там же. С. 308.

что вы в сем деле бесстрастны. По отъезде вашем получил я от князя Семена Михайловича Козловского письмо, в котором он объявляет с сожалением, что по отлучении вашем правду невзлюбили, и правдивым и бесстрастным трудно, которое дало мне причину далее уведомляться»¹. Но это было началом, а не концом их встречи и знакомства. С годами они еще больше сблизились.

Близость А. М. Черкасского и В. Н. Татищева проявилась во время событий 1730 г., когда Верховный тайный совет («верховники»), состоявший из представителей старой родовой знати, предпринял попытку ограничить власть Анны Иоанновны – вдовствующей курляндской герцогини, дочери старшего брата Петра I, Ивана, – при вступлении ее на престол «кондициями» (условиями), которая была расценена основной массой дворянства как стремление к установлению в России власти олигархии. Дворяне выступили в 1730 г. сторонниками некоторых конституционных ограничений самодержавия. Однако они решительно предпочитали самодержавие олигархии, опасаясь «вместо одного самодержавного государя» получить десять самовластных и сильных фамилий – Голицыны, Долгорукие и др. Группа оппозиционного дворянства, объединявшая большинство участников движения, являлась основным центром борьбы против планов и действий родовитого Верховного тайного совета. Она подготовила свой проект формы правления, под которым было собрано наибольшее число подписей (361)².

Проект 361, предусматривавший некоторое ограничение самодержавия, был составлен группой шляхетства, возглавляемой кн. А. М. Черкасским, в доме которого на Никитской улице в Москве собиралась комиссия для выработки челобитной³. Активным участником этой группы был близко стоявший к главе оппозиционного дворянства В. Н. Татищев – один из образованнейших людей своего времени, блестяще владевший пером, обладавший твердым и решительным характером, оставивший заметный след в истории отечественной культуры и науки, к которым относился как к высшим самодовлеющим ценностям. Это ему и А. М. Черкасскому, красивый особняк которого хорошо был известен всей дворянской Москве, было поручено составление шляхетских проектов политического преобразования России. Сочиненный ими текст челобитной от дворянства зачитал А. М. Черкасский. Но невежественная и мстительная Анна Иоанновна, царствование которой, по словам В. О. Ключевского, – «одна из мрачных страниц нашей истории, и наиболее темное пятно в ней – сама императрица», и ее фаворит – одиозная фигура Бирон – не могли терпеть «свободомыслие» русских дворян. Усилились репрессии. Планы оппозиционного дворянства, предусматривавшие некоторые изменения государственного управления, ограничения самодержавной власти в России, потерпели крах. Не дала никаких результатов челобитная от оппозиционного дворянства, поданная императрице князем А. М. Черкасским. В связи с этим Н. И. Костомаров пишет: «Когда эта челобитная была подана, в зале произошло волнение. Гвардейские офицеры стали громко кричать о восстановлении самодержавия; со стороны шляхетства послышались возражения. Князь Черкасский, по прочтении челобитной, произнес краткую, приличную случаю, речь. Тогда Василий Лукич приглашал собрание успокоиться и, обратившись к князю Черкасскому, спросил: «Кто позволил вам, князь, присвоить себе право законодателя?» Князь Черкасский отвечал: «Вы вовлекли государыню в обман; вы уверили ее

¹ Научное наследство. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. С. 66.

² Юхт А. И. Указ. соч. С. 308.

³ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 137.

величество, что кондиции, подписанные ею в Митаве, составлены с согласия всех членов государства. Это неправда. Они составлены без нашего ведома и участия»¹.

На последнем этапе административной деятельности (1741–1745) В. Н. Татищев был астраханским губернатором и близко познакомился здесь со многими народами Юга России, в том числе кабардинцами и балкарцами, с большим интересом собирал материалы по истории этих народов, которые впоследствии вошли в «Историю Российскую» и в его «Лексикон». Это и понятно, ибо он был озабочен «сбором, описанием и публикацией источников по отечественной истории, письменных памятников, вещественных остатков, данных языка и обычаев населяющих страну народов и этнических групп. Предметом его особого внимания было изучение памятников истории Востока, русского востоковедения»². В его трудах мы находим ценные сведения об этногенезе и вероисповедании кабардинцев, их хозяйстве, языке и князьях, по истории русско-кабардинских связей, о характере присоединения Кабарды к России, о совместной борьбе русских и кабардинцев против крымско-турецкой агрессии, В силу своего служебного положения Татищев находился в курсе всех политических событий, происходящих в Кабарде. За время своего губернаторства в Астрахани и управления астраханским краем ему не раз приходилось сталкиваться и решать кабардинские дела, он старался расширять и укреплять русско-кабардинские отношения.

В бытность В. Н. Татищева астраханским губернатором под его наблюдением велись работы по составлению карт различных районов Северного Кавказа, местностей, прилегающих к Волге, Эмбе и Уралу, а также Каспийского моря, Астрабадского залива и др. Так, при письме Татищева президенту Петровской Академии наук К. Г. Разумовскому (30 сентября 1746 г.) были приложены карты Большой и Малой Кабарды и другие, которые были переданы в Географический департамент Академии наук. Сделанные с этих карт копии были отосланы Татищеву³. Большой интерес проявил В. И. Татищев к развалинам города Маджары на р. Куме. 13 августа 1741 г. он направил в Кабинет министров донесение, в котором, в частности, писал: «Ныне же... я посылаю в такие места, где немало разоренных городов, також идолов и камней с подписями находится, а о гистории не знаю, можно ли достаточное известие сыскать». Татищев просил определить к нему геодезиста и от Академии наук «живописного ученика». Такой ученик, Некрасов, был прислан в Астрахань весной 1742 г. Татищев отправил его и кондуктора инженерного корпуса А. Голохвастова на р. Куму, где находились развалины старого города Маджары. Первому он поручил нарисовать древние здания и все достойные внимания вещи «в самой их натуре», которые будут им обнаружены; второму – составить чертежи Маджар и съемку местности вокруг на 5 верст. В феврале 1743 г. Татищев отправил чертежи древнего строения на р. Куме, именуемого Маджары⁴. Что касается князя А. М. Черкасского, то он, осмотрительный политик, избегавший дворцовых интриг, и то сложное время, по характеристике известного русского историка князя М. М. Щербатова, «человек молчаливый, тихий», который «повсюду являл осторожность... у двора, невзирая на разные перемены в рассуждении его особы, был особливо уважаем», в течение многих лет находился на вершине российской власти, на высоких

¹ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 138.

² Вопросы истории. 1992. № 1. С. 177.

³ Научное наследство. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. С. 20, 405.

⁴ Там же. С. 290, 401.

должностях: при Петре I, Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне, младенце Иване VI и его регентше Анне Леопольдовне, а также при Елизавете Петровне. С 1731 г. – кабинет-министр, в 1740–1742 гг. – канцлер, высший гражданский чин (1-й класс) в царской России, в сложной «Табели о рангах» занимал первенствующее положение в стране, руководитель внешней политики (президент Коллегии иностранных дел). На вершине славы и высочайших почестей умер он в 1742 г.

Как отмечал А. И. Герцен в «Былом и думах», «богатые помещики, аристократы XVIII столетия, при всех своих недостатках были одарены какой-то шириной вкуса...»¹. Одним из таких чрезвычайно богатых аристократов того времени, действительно одаренных «шириной вкуса», был внук Алексея Михайловича (сын единственной дочери княжны Варвары, принесшей П. Б. Шереметеву в приданое все богатства Черкасских) – Николай Петрович Шереметев, получивший образование в Лейденском университете и много лет живший в Европе, который решил превратить одну из 24 огромных бывших вотчин и поместий Черкасских – их родовую усадьбу Останкино – в «чудо русского искусства и архитектуры» и построил в 1791–1797 гг. всецело силами своих крепостных архитекторов Миронова, Бизяева, Аргунова в нем дворец со знаменитым на всю Россию оперным театром с труппой из крепостных актеров.

Останкино – один из интереснейших микрорайонов Москвы, в недалеком прошлом большое подмосковное село, тесно связанное с русской историей и культурой, – с 1617 г. принадлежало князю И. Б. Черкасскому. Здесь в 1683 г. была построена великолепная церковь в стиле московского барокко, являющаяся памятником подмосковной усадебной культуры XVII в. В 1743 г. деревня (родовая усадьба Черкасских) Останково, ставшая селом Останкиным, в числе многих других вотчин и поместий была отдана в приданое за дочерью именитого кн. А. М. Черкасского, Варварой, вышедшей замуж за сына графа Шереметева, знатного вельможи, сподвижника Петра I². В «Топонимии Москвы», вышедшей академическим изданием (серия «Литературоведение и языкознание») сказано: «Расцвет села Останкино в русской истории связан с именем графа Н. П. Шереметева, внука героя петровских времен, птенца «гнезда Петрова». Н. П. Шереметев удачно сочетал в себе редкие качества: тонкий художественный вкус, большой ум, широкое образование, к тому же он был сказочно богат (Шереметевы были богаче Екатерины II)³. Детищем его ума, художественного вкуса и богатства и стал Останкинский дворец, построенный в стиле раннего классицизма, или, как говорил сам Н. П. Шереметев, «в чистом вкусе»⁴.

Семья талантливых русских художников и зодчих Аргуновых, также и актрис, в их числе и любимая им актриса Прасковья Ивановна Ковалева (Жемчугова), с которой он вступил официально в брак в 1801 г.⁴, принадлежала Алексею Михайловичу, но потом в числе других тысяч крепостных в качестве приданого своей дочери Варвары перешла к графу Петру Борисовичу Шереметеву – отцу Николая Шереметева⁵.

¹ Герцен А. Былое и думы. Ч. 1–5. М., 1969. С. 498.

² Смолицкая Г. П., Горбачевский М. В. Топонимия Москвы. М., Наука, 1982. С. 119.

³ Там же. С. 120–121.

⁴ Бахрушин С. Исторический очерк б. Московского уезда // Московский краевед. М., 1930. Вып. 5(13). С. 68.

⁵ Опышко О. Л. По тропам истории. Нальчик, 1976. С. 150–151.

* Граф Шереметев и обладателей 5000 душ называл мелкопоместными, «удивляясь от чистого сердца, каким образом они могут жить» (Эйдельман Н. Твой восемнадцатый век. М.: Детская литература. 1986).

Среди основанных при Петре I 178 мануфактур были оружейные и железо-плавильные заводы, построенные отцом Алексея Михайловича – Михаилом Яковлевичем Черкасским, активно поддерживавшим и проводившим в жизнь экономическую политику царя. Им были построены Каменские «железные заводы», на которых отливали пушки и артиллерийские снаряды. Эти заводы сыграли большую роль в укреплении русской армии. Будучи ближайшим помощником великого преобразователя, Михаил Яковлевич Черкасский выполнял ряд ответственных государственных поручений по обороне страны и получил широкую известность в петровской армии¹.

Наиболее подробно и полно источники отразили деятельность кабардинского князя Александра Бековича-Черкасского, одного из образованнейших людей своего времени и отличных способностей, видного государственного и дипломатического деятеля России Петровской эпохи, достойно вошедшего в историю русской и мировой науки, благодаря славным своим делам во имя отечества, как автора первой научной карты Каспийского моря, составленной во время Каспийской экспедиции 1714–1715 гг.

Александр Бекович-Черкасский (до крещения в православную веру Давлет-Гирей) приехал из Кабарды в Москву, где жил и воспитывался в доме князя Бориса Алексеевича Голицына – человека по тем временам хорошо образованного, бывшего воспитателя самого молодого царя Петра. Здесь, в старинной боярской семье Б. А. Голицына, Александр получил свое начальное образование, обучался русскому языку, латыни и различным наукам.

Он был послан Петром I за границу для изучения морского дела. По возвращении А. Бекович-Черкасский решал важные дела Адмиралтейской коллегии, а также выполнял серьезные поручения Коллегии иностранных дел. В то же время в рядах русской армии он значился в чине капитана лейб-гвардии Преображенского полка – свидетельство особого доверия, которое оказывалось ему самим царем. Именно близость к Петру I позволила раскрыться всем его недюжинным возможностям и способностям, выдвинула в ряд первых государственных деятелей России.

Сочетая хорошее образование со знанием Кавказа, А. Бекович-Черкасский играл важную роль в петровской дипломатии на Кавказе в первой четверти XVIII в. Он для упрочения связей и дружбы России с кавказскими народами ездил по поручению царского правительства на родину «по важнейшим государственным делам». Он решал вопросы организации борьбы с Турцией, изучения природных богатств края. Большую поддержку он оказывал кабардинским посланцам, приезжавшим к царскому правительству с просьбой о помощи в защите от внешней агрессии. Александр Бекович-Черкасский всеми силами способствовал укреплению Русского государства. Учитывая военно-стратегическое и экономическое значение Кавказа для укрепления могущества Русского государства, повышения его обороноспособности, он в 1714 г. составил специальную записку на имя Петра I, в которой подробно изложил свои соображения относительно Кавказа и проживавших там народов. «Коли б вы изволили знать пространно тамошний край, – писал он царю, – надеялся бы, что не малые б дела произвели через ваш ум и действо»².

Александр Бекович-Черкасский с тревогой пишет о захватнических устремлениях султанской Турции, о ее планах подчинения всех кавказских горцев своему владычеству, об отрицательных последствиях, к которым могло бы привести

¹ Вилинбахов В. Б. Александр Черкасский – сподвижник Петра I. Нальчик, 1966. С. 4.

² Бушует С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. С. 78.

осуществление этих планов. Он рекомендует Петру I меры, какие можно было бы принять, чтобы навсегда «оторвать» от Турции и Ирана этот край, богатый природными ресурсами и населенный воинственными племенами, «лучшими на войне, кроме регулярного войска».

В частности, А. Бекович-Черкасский советовал царю в целях нейтрализации и привлечения на свою сторону Ирана, в случае войны с Турцией из-за Кавказа, послать посольство в Иран для установления торговых сношений с ним и заключения договора о взаимной помощи.

Петр I послал в Иран с дипломатической миссией астраханского губернатора Артемия Волынского, а на самого Бековича-Черкасского возложил еще более сложную и ответственную задачу. Указом от 20 мая 1714 г. он направлялся к хивинскому хану «с поздравлением его на ханстве». Одновременно Бековичу-Черкасскому вменялось в обязанность ознакомиться «с землями, реками, местами, где можно построить крупные города», отыскать устье реки Амударьи и разузнать, где находится плотина, «загораживающая ей выход» в Каспийское море. В посольской миссии в Хиву князя Александра Бековича-Черкасского сопровождали два его родственника с двадцатью узденями¹.

В апреле 1715 г. Александр Бекович-Черкасский во главе эскадры вышел в море. Он проследил и описал весь северный и восточный берега Каспия до его юго-восточного угла. Во время прохода вдоль восточного побережья за мысом Песчаным (у 43° с. ш.) он обнаружил залив, названный позже его именем, описал к югу от него, за мысом Ракушечным Казахский залив и, по распросным данным, Кара-Богаз-Гол, у 41° с. ш. Он посетил затем Красные Воды (это название заливу дано им). Один важный географический результат был достигнут: «А. Черкасский правильно установил, что – по крайней мере во время его посещения – Амударья впадает не в Каспийское, а далеко к северо-востоку – в Аральское море». «В Астрахань А. Черкасский вернулся в конце октября «со всеми во благополучии», не потеряв ни одного человека. Тотчас же он сообщил Петру I: «... сделана карта оным местам, где мы были», т. е. северного и восточного берегов. На приложенной же к письму карте изображалось все Каспийское море»². Копия карты восточного побережья Каспия, составленная Черкасским, была выявлена и опубликована Л. С. Бергом в 1940 г. В 1951 г. П. М. Лукьянов опубликовал подлинную карту части Каспия (восточный берег), которую А. Бекович-Черкасский представил Петру I³. Петр, находившийся в это время в Либаве, с нетерпением ожидал приезда А. Бековича-Черкасского. В Либаву А. Бекович-Черкасский прибыл в начале февраля 1716 г., а уже в конце месяца он в чине капитана гвардии был отправлен назад в Астрахань с новым приказом: ехать в Хиву, попытаться склонить хана «к подданству» и предложить ему русскую гвардию, «чтоб он за то радел в наших интересах», – тысячи две казаков, а плотину, прикрывающую русло Амударьи, «разорить» и на этом месте построить крепость. И далее: «...если необходимо будет прорыть какой-то дополнительный канал к реке от моря, верст, например, в двадцать, – сделать это»⁴.

Поход в Хиву Александр Бекович-Черкасский совершил в 1717 г. во главе пяти тысячного отряда царских войск, в котором было много кабардинцев⁵.

¹ Бушуев С. К. Указ. соч. С. 78–79.

² Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1984. С. 135–136.

³ Вернадский В. И. Труды по истории науки в России (комментарии). М.: Наука, 1988. С. 385.

⁴ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 гг. М.: Наука, 1986. С. 8.

⁵ РГВИА, ф. 414, ед. хр. 434. Ч. 10. С. 537.

Поход был нелегким: люди страдали от палящего солнца и жажды. В русской исторической песне о Хивинском походе есть такие слова, с которыми А. Бекович-Черкасский обратился к участникам экспедиционного отряда перед выступлением из Гурьева:

Вот наш батюшко православный царь
Посылает нас на Аму-Дарью реку,
На Аму-реку, на Ургенч-город.
А теперь, братцы, вы послушайте,
Вы послушайте, казаки-братцы,
Что поход будет нам труднехонек:
На пути своем не встретим речушек –
Одна гола степь без дороженек.

Песня заканчивается оптимистическими словами обращения Черкасского:

А возьмем Хиву – погостим мы там,
И к холодной зиме мы домой придем.

Но, к сожалению, не суждено было славному кабардинцу вернуться домой¹. Там, по приказу хивинского хана, он был вероломно, варварски убит. И вправду говорят мудрые люди: великие просчитываются на мелочах и за это платят своими головами. Быть может, здесь сказалось и то, что накануне своей трагической кончины Александра Бековича постигло огромное горе – гибель его жены и детей. Пушкин писал: «Бекович в сие время (Хивинского похода) получил известие, что жена его (урожденная княжна Голицына) утонула с двумя своими детьми в Волге. Он впал в уныние и обезумел»². Петр I «тяжело переживал эту утрату – смерть умного и верного своего помощника».

«Предание гласит, – пишет А. С. Пушкин, – что Петр на одре смерти жалел о двух вещах: что не отомстил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве за убиение Бековича»³.

И после смерти А. Бековича-Черкасского Петр I не перестал осуществлять ценные замыслы, изложенные в записке преданного России кабардинца. Через 5 лет после гибели А. Бековича-Черкасского, в 1722–1723 гг., Петром I был совершен Персидский поход, целью которого было присоединение важных в стратегическом, экономическом и политическом отношении прикаспийских провинций Кавказа к России⁴. В результате этого похода Россия достигла значительных успехов. В Персидском походе активное участие приняли и кабардинцы во главе с владетелями, добровольно явившиеся к государю императору: младший брат А. Бековича-Черкасского (сподвижника Петра I) Эльмурза Бекович, князь Асланбек Кайтукин и малокабардинский владетель Асланбек Келеметов, которые со своими отрядами в течение всего похода находились при Петре I и «способствовали государю в его предприятиях». «По возвращении из похода они со своими подданными поселились отдельной слободой при крепости Святого Креста. С их поселением число жителей Черкасской слободы возросло до 300 се-

¹ Русская историческая песня. Советский писатель (Ленинградское отделение), 1987. С. 220.

² Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1981. Т. 8. С. 278.

³ Пушкин Александр. Исторические заметки. Лениздат, 1984. С. 392.

⁴ См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 413.

мей. За оказанные услуги Петр I произвел князя Черкасского в подполковники и назначил начальником так называемого иррегулярного войска, состоявшего из живших при крепости Святого Креста кабардинцев, окочан, новокрещен и других северокавказцев»¹. По договору, заключенному 12 (23) сентября 1723 г. в Петербурге с Ираном, к России отошло Южное побережье Каспийского моря, Дербент, Баку и ряд провинций. Это была большая политическая и дипломатическая победа Русского государства.

В честь А. Бековича-Черкасского – первого крупного исследователя Каспийского моря и автора его первой научной карты – залив у Мангышлакского полуострова назван Александр-Бай, а бухта у Красноводска – именем Бековича.

Но поскольку на более ранних иностранных картах восемнадцатого века залив этот был обозначен «Залив Александра Бековича», встал вопрос о восстановлении утраченного первоначального его названия. И решением Ученого совета Географического общества СССР заливу Александр-Бай восстановлено прежнее название – «Залив Александра Бековича-Черкасского» – в память о заслугах этого выдающегося человека и исследователя перед отечественной и мировой географией².

«Сподвижники Петра I Михаил Яковлевич, Алексей Михайлович, Александр Бекович Черкасские, – пишет Т. Х. Кумыков в предисловии к брошюре В. Б. Вилинбахова, – внесли определенный вклад в развитие русской науки и техники, в расширение и укрепление мощи Российского государства, в дело защиты его от иноземных захватчиков. Несмотря на то что они принадлежали к господствующей верхушке и защищали интересы крепостнической России, их деятельность отличалась элементами прогрессивности, объективно имела положительные последствия. Они способствовали расширению русско-кавказских связей»³.

В конце XVIII в. на историческую арену выступил другой кабардинский владелец, представитель древней влиятельной княжеской фамилии Измаил Атажукин, проявивший себя храбрым воином, дальновидным политиком, крупным общественным деятелем, искусным дипломатом.

Атажукин получил общее и военное образование в России, где он, покинув свою родину, долгое время жил. Позже, говоря о себе, Измаил Атажукин – прототип лермонтовского «Измаил-Бея» – в речи на народном собрании своих соотечественников заявлял: «Пройдем мимо всего, что до меня лично касающееся, ибо мое блаженство нахожу только в пользе и спокойствии моего любезного отечества, для выгоды которого я вырвался из круга моего семейства, оставил выгоды от преимущества моей знаменитой между соотечественниками природы, оставил свободу в тогдашней молодости моей, обещавшей мне все приятности в жизни, оставил, говорю, все то, дабы видеть и познать народы, где просвещение и наука очистили от буйности человека и произвели законы полезные и выгодные для всех и каждого. Я желал для благополучия своих соотечественников уподобить себя пчеле, дабы из всего извлечь полезное и перенести оное в любезное мое отечество»⁴.

Об этом у М. Ю. Лермонтова, проявлявшего живой интерес и глубоко уважительное отношение к жизни горских народов, сказано так:

¹ Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 79.

² Мельникова Т. В честь выдающегося исследователя // Кабардино-Балкарская правда. 1959. 29 авг.

³ См.: Вилинбахов В. Б. Александр Черкасский – сподвижник Петра I. Нальчик, 1966. С. 5.

⁴ Тугачов Р. У. Измаил-Бей. Нальчик, 1972. С. 65.

Четырнадцать лет оставил он
Края, где был воспитан и рожден,
Чтоб знать законы и права чужие...¹

И действительно, Измаил Атажукин в совершенстве овладел русским языком, изучил арабский и французский, знал обычаи и нравы русского народа, видел могущество и силу Русского государства, понимал большие достижения этой страны, восторженно говоря, «что в сем великом государстве и наука, и просвещение доведены до совершенства».

Он с оружием в руках сражался против внешних врагов России и Кабарды. Принимал активное участие в русско-турецкой войне 1787–1791 гг.

В 1794 г. Измаил Атажукин вернулся на родину, к которой он всегда был сильно привязан, имея заодно и правительственные поручения по части северокавказских дел. Но когда вскоре обнаружилось, что он не безоговорочно разделяет политику, проводимую царизмом на Кавказе, поддерживает выступления народа, Измаила сразу же удалили из Кабарды. И только спустя десять лет ему разрешили снова вернуться на родину, где он вновь включился в общественно-политическую жизнь.

Атажукина глубоко волновала судьба своего народа, он интересовался его историей. Он одним из первых правильно определил общественно-экономический строй Кабарды своего времени как феодальный, обратил внимание на угнетенное положение кабардинского крестьянства, которое, по его словам, находилось «в совершенном узничестве дворян и князей», подвергал критике реакционную роль части мусульманского духовенства, выступавшего в роли агентуры султанской Турции, «развращая вообще всех оных обитателей». Измаил Атажукин осуждал также междоусобную борьбу кабардинских феодалов, игнорирование ими интересов народа². С глубоким сожалением говорил он о том, что «во всем народе нет единодушия, нет главных, которых бы слушали», и предупреждал своих соотечественников об угрожающей опасности такого положения, говоря, что «и большие государства исчезли от внутреннего неустройства, и твердо помните, что не только целый народ, но даже и одна семья без хорошего начальника оскудеет и исчезнет»³. Измаил осуждал тех кабардинских князей и дворян, придерживавшихся протурецкой ориентации, и призывал их к сплочению с Россией.

Он неизменно, твердо и настойчиво проводил в жизнь линию на сохранение добрососедских, дружественных отношений с Россией, призывал к этому своих соотечественников на народных собраниях. «Благоразумие наших предков, которых память нам любезна... – говорил Атажукин в своей речи, произнесенной в Кабарде, – советовали нам жить под защитой сего (то есть русского. – *Р. Г.*) великого государства»⁴.

Вместе с тем Измаил Атажукин выступал против традиционной политики царизма на Кавказе, которая строилась на основе сформулированного еще древнеримскими императорами-завоевателями известного девиза – «разделяй и властвуй». Он писал: «Политика России с горскими жителями состояла до сей поры в том, чтобы содержать их между собою в некотором несогласии... Здесь не место исследовать, до какой степени такое правило с хорошей моралью мо-

¹ Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л., 1966. Т. 3. С. 180.

² История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 240–241.

³ Туганов Г. У. Указ. соч. С. 69.

⁴ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 140.

жет быть согласно»¹. Он осуждал карательные экспедиции царских войск, строительство военных укреплений и казачьих станиц на землях, отнятых у горцев, что приводило к значительному сокращению пастбищных и пахотных земель кабардинцев, нарушению их хозяйственной деятельности и мирного характера взаимоотношений между Кабардой и Россией. «До учреждения Кавказской линии, – писал Измаил Атажукин, – народы Северного Кавказа свободно торговали и поддерживали иные мирные связи с Россией... С учреждением Линии казаки стали притеснять всех горцев без разбора, виновных и невиновных»².

Атажукин безоговорочно стоял за укрепление экономических, политических и культурных связей северокавказских народов с Россией. Но это, по его мнению, должно было быть достигнуто не военно-феодальными методами, а мирными средствами, «кроткими мерами», путем «добровольного покорения».

Выходец из старинной знаменитой кабардинской княжеской фамилии Хатокшковых, или в русской транскрипции – Атажукиных, он оставался на позициях своего класса – «власть имущих», выражал, защищал и отстаивал прежде всего и главным образом его интересы и идеи. Но вместе с тем он, будучи патриотом своей родины, человеком высокообразованным и прозорливым, хорошо разбиравшимся в сложившейся внутренней и внешнеполитической обстановке, способным учитывать новые запросы общественного развития своей эпохи, занял правильную реалистическую позицию и сыграл важную роль в истории своего народа, укреплении русско-кабардинских отношений, оставив о себе добрую память, заслужив вечную признательность и благодарность потомков.

Свой след в истории кабардино-русских отношений в XVIII в. оставил и другой кабардинец – Петр Татаров. Он, один из кабардинских узденей, находился на службе в Терском войске с 1718 г.; в 40-х гг. сопровождал в поездках в Кабарду генерал-майора князя Эльмурзу Бековича-Черкасского и капитана Ивана Барковского³. Ряд документов, связанных с Татаровым, который был в чине майора, свидетельствует о том, что он ездил в Кабарду и позже, в 50–60-х гг. Татаров решал здесь широкий круг вопросов, связанных с изучением положения среди северокавказских горцев, со сбором сведений об экспансионистских планах и действиях султанской Турции и Крымского ханства, занимался примирением враждовавших между собой феодальных группировок в Кабарде – так называемых баксанской и кашкатауской партий и т. д.

Майор Татаров умело справлялся со своими поручениями, зарекомендовав себя способным дипломатом, опытным политиком. Каждый раз, когда обострялось положение в Кабарде и надо было кого-то послать туда, выбор падал на него. И этим занимался не только кизлярский комендант или астраханский губернатор, но и центральные правительственные учреждения. Так, в промемории Коллегии иностранных дел в Военную коллегию от 30 апреля 1753 г. говорилось о необходимости посылки в Кабарду майоров Барковского и Татарова для переселения кабардинских владельцев «кашкатауской партии» с Баксана «на прежнее их место в Кашкату»⁴.

Татаров, зная местные языки, народные обычаи и нравы, находил удачные пути и средства примирения враждующих сторон, урегулирования обострившихся взаимоотношений. Об этом говорит не только повесть, которым часто облекали его государственные и военные власти, но и письма самих кабардинских

¹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 135.

² Там же. С. 135–136.

³ Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. М., 1958. Т. 2. С. 193–194.

⁴ КРО. Т. 2. С. 186–187.

владельцев, которые просили «о немедленной присылке к ним для посредства к разбиранию» причин ссоры майора Петра Татарова¹.

В письме астраханского губернатора В. В. Неронова кабардинским владельцам баксанской группировки с требованием прекратить ссоры с «кашкатауцами» и выслать из Кабарды султанов, подданных хана крымского, сообщалось, что для примирения послали «ис Кизляра реченного майора Татарова, или Чюкея, приказав ему между вами, тремя братьями, кашкатаускими владельцами, зашедшую ссору разобрать по вашему обыкновению и вас по надлежащему удовлетворить, яко он, майор, и при прежнем разобрании вас был и о том деле довольно сведущий, и вы имеете во всем поступить по совету его, который следует едино в собственную вашу пользу и к восстановлению в Кабарде покоя и тишины...»². Из этого документа, датированного 15 января 1767 г., мы узнаем, что в связи с приездом майора Татарова кабардинским феодалам пришлось отказать от задуманного некоторыми из них вооруженного нападения на Моздок с целью насильственного возвращения бежавших туда своих холопов, которое, несомненно, имело бы негативные последствия для Кабарды³.

Часто бывая в Кабарде и подолгу оставаясь здесь, Татаров вел дневниковые записи. «Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 году» (записи делались им каждодневно с мая по ноябрь) был опубликован в «Ставропольских губернских ведомостях» за 1856 г., № 3–11, 13, 15, 17–19, 23–27, и перепечатан (Кобяков Д. А. Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Первое десятилетие (1850–1859). Тифлис, 1879. С. 168–224). «Дневник содержит ценный материал для характеристики внутренних, в частности сословных, отношений Кабарды»⁴.

Таким образом, несмотря на феодально-крепостнические порядки в стране и (реакционную, колонизаторскую политику царизма, в рассматриваемый период связи с Россией объективно привели к заметным экономическим и политическим сдвигам в развитии Кабарды и Балкарии, способствовали приобщению горцев к более передовым формам общественной жизни. Благодаря этим связям появились первые грамотные кабардинцы и балкарцы. Из числа обучавшихся в России горцев (представителей феодальной знати) вышли и высокообразованные, талантливые люди, которые проводили в жизнь прогрессивные идеи, в известной степени питавшиеся общенародными настроениями, и много сделали для развития русско-кабардино-балкарских отношений. Это было началом культурного сближения Кабарды и Балкарии с Россией.

¹ КРО. Т. 2. С. 210.

² Там же. С. 213.

³ Там же. С. 262.

⁴ Косвен М. О. Указ. соч. М.: Изд-во АИ СССР, 1955. Т. 1. С. 281.

Глава III

**КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII ВЕКЕ****§ 1. Внешнеполитическая обстановка на Кавказе к началу XVIII века.
Кабардинский вопрос как важная составная часть
кавказской проблемы**

В конце XVII – начале XVIII в. Кавказ в силу особо важного экономического значения (исключительно благодатные природно-климатические условия: высокоплодородные земли, леса, где произрастали редкие породы деревьев, в изобилии водились разнообразные животные и птицы, огромные богатства недр и т. д.), географического и военно-стратегического положения (он лежал на стыке Европы и Азии, связывал бассейны Черного, Каспийского и Азовского морей, открывал торговые караванные пути в страны Ближнего и Среднего Востока, в Индию и в другие земли), издавна привлекавший к себе взоры различных завоевателей и покорителей, по-прежнему оставался регионом столкновения геополитических интересов, объектом захватнических устремлений султанской Турции и сефевидского Ирана, ареной острого соперничества между этими двумя агрессивными и деспотическими государствами Востока.

Кабарда и Балкария оказались на острие противоречий между турецкими и иранскими завоевателями, а также царской Россией, которая усилила свой колонизаторский натиск на Кавказе в связи с небывалым до этого размахом экспансионистских стремлений в этот регион агрессивных азиатских держав. Кавказ все больше вызывал повышенный интерес у России, занимал важное место в ее внешнеполитических планах прежде всего в связи с решением проблемы южных морей – Каспийского и Черного.

Правители Ирана продолжали упорствовать в стремлении утвердить свое владычество на Восточном Кавказе, чтоб затем безраздельно господствовать в районе Каспийского моря, продвинуть даже северные границы своих владений до Терека, а феодальные правители Османской империи настойчиво добивались расширения сферы своего влияния за счет захватов значительной части Ирана, всего Закавказья, Прикубанья и других районов Северного Кавказа, установления контроля над бассейном Каспийского моря. Поскольку через Кабарду, Балкарию и другие северокавказские владения шли важные в военно-стратегическом и торговом отношениях пути, Порты упорно стремилась захватить этот регион и поработить населяющие его народы, с тем чтобы обеспечить беспрепятственный проход турецко-крымских войск через их территорию в Закавказье и Среднюю Азию. В то же время она подстрекала Крымское ханство, которое на правах «правопреемника» претендовало на господство над народами, некогда находившимися под игом золотоордынских ханов. При этом Порты и шахский двор упорно стремились использовать религиозные чувства мест-

ного горского населения в политических целях. Словом, борьба шла за полное овладение Кавказом, установление над ним безраздельного господства, покорения его народов и их ассимиляцию. Соперничество это все больше обострялось и усложнялось в связи со значительной активизацией на рубеже XVIII в. западноевропейских держав, каждая из которых преследовала собственные корыстные цели. Они поддерживали дерзкие притязания Порты и Крыма, чтобы самим укрепить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке и помешать проникновению сюда России. Отчаянная борьба Турции и России за упрочение своего влияния в Черноморском бассейне ставила в чрезвычайно сложные условия горцев Северного Кавказа – кабардинцев, балкарцев, осетин, ингушей др., через территории которых пролегали дороги к горным перевалам в Закавказье, откуда открывались кратчайшие караванные пути к рынкам восточных стран, а также в Индию. Шансы осуществления своих экспансионистских планов у этих соседних с Кавказом азиатских империй, вступивших к этому времени в полосу глубокого и затяжного социально-экономического и политического кризиса, сильно убавились, но жадный захватнический инстинкт, порождаемый и поддерживаемый самой природой, всей сутью военно-феодалного государства, оставался. Военно-ленная система, составлявшая основу этих империй, базировалась главным образом на постоянном притоке военной добычи, на поступлениях от разорительно-захватнических акций.

Как известно, Турция, находясь на стыке Запада и Востока, в течение довольно длительного времени «играла ведущую роль в противоборстве мусульманского мира и христианской Европы. Подобная ситуация способствовала преимущественному развитию тех общественно-политических институтов, которые обеспечивали ориентацию на внешнюю экспансию и позволяли османским султанам претендовать на мировое господство. Это обстоятельство дало К. Марксу основание рассматривать Османскую империю как «единственную подлинно военную державу средневековья»¹. Военные чины занимали все ключевые посты в империи, определяли ее внутреннюю и внешнюю политику. Приверженность к агрессивному внешнеполитическому курсу вынуждала Порту все более ориентироваться на войско, что приводило к быстрому росту его, состоявшего на казенном жаловании. А это оказывалось не под силу османским финансам, приводило к полному истощению государственной казны, к недовольству и возмущению, к частым выступлениям янычар, составлявших ударную силу турецкой пехоты, привилегированную часть турецкого войска. Янычары («еничери» – новое войско), в свое время заслужившие славу лучшей пехоты в мире, пронеся знамя османских султанов по многим странам Азии, Африки и Европы, к этому времени деградировали и превратились в постоянный источник нестабильности и смуты. Хотя они и являлись своего рода личной гвардией турецких султанов и получали жалованье от казны, но бунты, обычно возникавшие в одной из янычарских казарм и часто потрясавшие столицу, были опасны для самих монархов и высших сановников империи. Будучи оплотом феодально-клерикальной реакции, янычары играли главенствующую роль в дворцовых смутах и интригах, свергали и возводили на престол султанов, смещали великих визирей и министров. «Управы в государстве не стало: его держат в руках состоящие на жалованье янычары», – жаловал-

¹ См.: Мейер М. С. Новые явления в социально-политической жизни Османской империи во второй половине XVII–XVIII в. // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М.: Наука, 1986. С. 155.

ся еще в первой половине XVII в. известный османский публицист Мустафа Кочибей¹.

В XVIII в. янычарские бунты участились не только вследствие самовластия и выхода из-под контроля правительства этих войск, но и в известной степени они были показателем недовольства социальных низов². Война являлась главным ремеслом янычар, «наградой была военная добыча, ради которой совершались акты самой беспощадной жестокости. Грабеж, сопровождавшийся зверствами, был нормой для военных действий всего османского войска»³. Это в христианской Европе, где хорошо знали янычар, «в литературе утвердился образ жестокого фанатичного профессионального воина-пехотинца»⁴. Между тем в связи с внутренними, а также и внешними причинами и, в частности, возрастанием сопротивления и отпора со стороны соседних государств, против которых было направлено острие турецкой и иранской военно-феодалных экспансий, Турция и Иран стали безвозвратно терять свое бывшее военное могущество и политический престиж. Война 1683–1698 гг. завершилась полным поражением Османской империи. В результате Карловацкого конгресса 1698 г., закончившегося подписанием в 1699 г. Австрией, Венгрией и Польшей отдельных мирных договоров с Османской империей, турецкие войска, сильно ослабленные внутренними неурядицами и сокрушительным поражением под Веной в 1683 г., вынуждены были отступить из Европы. Турки лишились некоторых захваченных ими земель. И теперь они стремились компенсировать эти территориальные потери на европейском континенте захватами в Азии, в том числе и на Кавказе, однако Турция – одна из самых могущественных военных держав средневековья, в короткий срок подчинившая себе многие народы Европы и Азии, к середине XVIII в. превратилась в дряхлеющую империю, находящуюся во всевозрастающей экономической и политической зависимости от европейских держав. Ее армия, некогда наводившая страх на всю Европу, к XVIII в. оказалась, как показали войны конца XVII–XVIII в., гораздо слабее вооруженных сил ее противников. Миф о непобедимости султанских полчищ был уже развеян. К этому времени, по выражению Ф. Энгельса, «наступательная сила турок была сломлена»⁵. Словом, XVIII в. был веком дальнейшего ослабления Османской империи, веком полного расстройтва государственных и военных сил, веком военных поражений и экономических неурядиц, веком падения международного престижа этой некогда могущественной державы. В это время продолжала сдавать свои позиции и держава Сефевидов (шахский Иран). Для Ирана начала XVIII в. характерны были разложение феодального общества и резкое обострение классовых противоречий⁶. Кроме того, страна испытывала всевозрастающий мощный натиск кочевых племен с востока. Словом, первая четверть XVIII в. в истории сефевидской державы характеризовалась глубоким экономическим и политическим кризисом.

¹ См.: *Михеева Р.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII в. М.: Наука, 1985. С. 9.

² *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (Османизм-панисламизм). М.: Наука, 1985. С. 20.

³ Мевде- и Канун – и йеничери оджагы тарихи: (История происхождения законов янычарского корпуса). М., 1987. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 22. С. 17.

⁶ *Бондаревский Г. Л.* Историческое значение миссии Артемия Петровича Волинского и его дневника // Бушев П. П. Посольство Артемия Волинского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Наука, 1978. С. 3.

В этих условиях правящие круги Турции и Ирана, вовсе не отказываясь вообще от захватнических войн, решили компенсировать внешнеполитический и внутренний кризис экспансией на Востоке, где они с самого начала XVIII в. развернули свои агрессивные действия по отношению к Кавказу. Как известно, завоевательная политика Османской империи еще с первой четверти XVI в. была направлена не только против Юго-Восточной Европы, но и против Русского государства, Ирана и Кавказа. Теперь же речь шла об усилении и расширении агрессии воинствующих турецких феодалов в этом направлении. Иранские шахи-Сефевиды, считавшие себя политическими наследниками монгольских ханов династии Хулагидов, старались не только прочно и навсегда закрепиться в Прикаспии, но и раздвинуть северные границы своих владений и с этой целью завладеть всем Северным Кавказом, с его важнейшим стратегическим положением между Черным и Каспийским морями, Восточной Европой и Передней Азией, на важнейших коммуникациях, соединявших Восток и Запад.

Еще шах Аббас I, отличавшийся особым коварством, жестокостью и деспотизмом среди шахов династии Сефевидов, вынашивал общий стратегический план, заключавшийся в подчинении ему не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа, в «завоевании Кабарды»¹. Для его осуществления он планировал послать свои войска через Грузию и Дарьяльское ущелье в Осетию, Кабарду. В 1614 г. терскому воеводе сообщали, что «Кизылбашской Абас-шах идет войною на них, на кабардинских черкас, великою ратью прямою дорогою через Калканские кабаки»². Оттуда войска должны были идти в Дагестан. На соединение с ними предполагалось из Дербента направить шахские части, которые должны были завоевать одновременно и приморскую часть Дагестана, населенную в основном кумыками. Но этот план шаха провалился благодаря упорному противодействию народов Кавказа, которые не раз сражались с могучими империями Востока, громили войска «потрясателей вселенной», показывая образцы героизма и самоотверженности, помноженные на высокое искусство ведения войны в специфических местных условиях. Именно «сопротивление осетин и кабардинцев» не дало шахским войскам из Грузии пройти на Северный Кавказ и «вынудило их отказаться и от этого плана»³. В отражении агрессии войск сефевидских шахов народам Кавказа помогла Россия, решительно выступившая в их защиту. Приехавшему в Москву в 1614 г. шахскому послу Хозе Муртозе от имени русского правительства предостерегающе было заявлено, что «шаху Аббасу непригоже так делать, что... Грузинскую землю разорять и... на Кабардинскую и на Кумытскую землю войною людей своих посылать непригоже»⁴. Такие заявления Русское государство делало правительству шаха Аббаса I не раз – в 1615 г., 1620 г.⁵ Агрессивную политику своего предшественника Аббаса I по отношению к Кавказу продолжили другие иранские шахи, в планы которых входило покорение Восточного и Центрального Кавказа, строительство крепостей на Сунже и

¹ Сванидзе М. Х. Турецко-иранские отношения в 1613–1619 гг. и Грузия // Османская империя: Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М.: Наука, 1986. С. 188.

² Русско-дагестанские отношения в XVII–1-й четверти XVIII в. Махачкала, 1958. С. 33.

³ Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII – первой половине XVIII в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986. С. 60.

⁴ См.: Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 43, 44.

⁵ Там же. С. 44.

Тереке. Однако этому помешало сопротивление горцев и быстрое продвижение России на юг. Одно уже географическое расположение Кавказа (его называли мостом между Европой и Востоком) издавна делало этот регион сферой жизненно важных интересов России, а кавказский вопрос основным, ведущим компонентом ее восточной политики, важным военно-стратегическим плацдармом для ее проведения. От решения черноморско-кавказской проблемы зависело дальнейшее экономическое развитие страны, становление ее как великой державы, надежность защиты ее южных границ от турецко-крымской и иранской агрессии. О причинах, определивших эти основные направления внешнеполитической стратегии русского государства, говорили в свое время К. Маркс и Ф. Энгельс.

К. Маркс и Ф. Энгельс, беспощадно осуждавшие и разоблачавшие хищническую политику всех европейских монархов, особенно российских, вскрывая подоплеку их тайной дипломатии, иначе оценивали внешнюю политику Петра Великого, которую они считали главной составной органической частью его преобразовательной деятельности.

К. Маркс, изучив материалы Северной войны и в целом внешнюю политику России, пришел к заключению, что территориальные присоединения Петра I, в отличие от завоеваний его современников – Людовика XIV и Карла XII, были исторически оправданы объективными жизненно необходимыми потребностями социально-политического развития России и интересами ее безопасности, что побережья Балтийского и Черного морей, естественно, должны были принадлежать ей. Возвышение России, которому все европейские державы всячески старались противодействовать, Маркс считал результатом закономерного исторического процесса, а не просто «беспочвенным импровизированным творением гения Петра Великого»¹.

Н. А. Добролюбов не был большим поклонником Петра I и критически относился к его деятельности. И тем не менее писал, что он решал «вопросы, давно уже заданные жизнью народной»².

Оценивая внешнюю политику Петра I, Маркс писал: «Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в котором первоначально находилось государство Петра Великого. Никогда ни одна нация не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья в устьях рек были от нее оторваны. Россия не могла оставлять устье Невы, этого естественного выхода для продукции Северной России, в руках шведов, так же как устье Дона, Днестра и Буга и Керченского пролива в руках кочевых... – татар»³.

Внешнюю политику Петра I характеризовал и Ф. Энгельс, вовсе не склонный к идеализации коронованных глав – абсолютных монархий и их деяний. Он писал о Петре: «Этот действительно великий человек... первый в полной мере оценил исключительно благоприятное для России положение в Европе. Он ясно... разглядел, наметил и начал осуществлять основные принципы русской политики...»⁴.

Так оценивали внешнюю политику Русского государства при Петре I К. Маркс и Ф. Энгельс. Эта оценка особенно актуально звучит в связи с тем, что иностранная историография стремится исказить истинный смысл петровских преобразо-

¹ См.: Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения, 1984. С. 7.

² Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1962. С. 137.

³ Маркс К. Secret diplomatic history of «eighteenth century. L., 1899. P. 79 // Цит. по кн.: Суворов Л. В. Письма. М.: Наука, 1987. С. 413.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Наука, 1987. Т. 22. С. 20.

ваний, представить деятельность Петра I как экспансионистскую и захватническую, агрессивную, стремление к завоеванию мира, тогда как Россия получила самое необходимое для своего естественного развития. «Петр сначала интуитивно, а потом сознательно выразил национальные потребности и энергично ускорил то, что было продиктовано объективным ходом истории»¹. Нельзя стремиться «приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами»².

К изучению и оценке событий и процессов надо подходить конкретно-исторически, раскрывать в своих исследованиях внутреннюю сущность явлений, выяснять причинную их обусловленность, рассматривая события в общей цепи развития, в их возникновении и развитии, в связи с конкретными условиями и т. д.

Только такой научный, конкретно-исторический, непредвзятый подход к событиям прошлого необходим для раскрытия истории взаимоотношений народов Кавказа с Россией. Оценивая исторические события и факты, нельзя замалчивать, а, наоборот, надо глубоко вскрывать классовую сущность внешней политики царской России. К изучению ее внешней политики, дипломатии, в частности и петровской, основные направления и достижения которой получили положительную оценку у многих ведущих ученых, необходимо подходить критически, так как и они предопределялись в последнем счете социальной, классовой природой тогдашней России. Но вместе с тем, рассматривая историю международных отношений, в частности внешнюю политику России на Ближнем и Среднем Востоке, конкретно-исторически, с учетом сложившейся тогда ситуации в данном регионе, а также и внутреннего положения соперничавших держав, совершенно справедливо подчеркивать прогрессивное значение выступления России против турецкой и иранской агрессии, что непосредственно отвечало коренным интересам народов региона, в том числе кабардинцев и балкарцев.

Об объективно позитивной роли России по отношению к определенным территориям и населяющим их народам первыми сказали К. Маркс и Ф. Энгельс, в частности Ф. Энгельс, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к царизму, который он особо осуждал, избличая его колонизаторские действия в присоединенных к империи областях. Но вместе с тем Ф. Энгельс, будучи последовательно объективным ученым-историком, отметил, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку», что ее господство «играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»³. При этом важно подчеркнуть рост прорусской ориентации ряда самих кавказских народов, сильно страдавших как от междоусобиц, так и особенно от разорительных нападений со стороны Османской Турции и шахского Ирана.

Турецкие султаны стремились прибрать к рукам все Закавказье, а также подчинить себе степные народы, жившие между Кубанью и Волгой. Для властителей Османской империи, давно вынашивавших планы возрождения на обломках золотоордынского ханства мусульманского владычества на просторах Восточно-Европейской равнины, Кавказ имел значение важного военно-стратегическо-

¹ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 422.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 2. С. 125.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 241.

го плацдарма для развертывания наступления к берегам Волги и предгорьям Урала. «В этих настойчивых попытках турецких султанов проложить себе путь через Подонье и Предкавказье на Волгу нетрудно заметить определенную политическую тенденцию овладеть наследством золотоордынских ханов»¹, – пишет А. В. Фадеев. Именно эти агрессивные, далеко идущие захватнические планы и устремления лежали в основе факта усиления турецкой и иранской военно-феодальной экспансии на Кавказе с самого начала XVIII в., приведшей к исключительному обострению напряженности в международных отношениях.

С другой стороны, естественный ход событий, защита жизненных интересов России, ее географическое положение и потребности социально-экономического развития, считали правители страны, давно выдвигали перед Российским государством две важнейшие, основные проблемы: «балтийская» и «черноморско-кавказская», или «восточная», которые оказали решающее влияние на формирование внешнеполитической программы России, надолго определили почти все ее содержание. И вот процесс решения восточной проблемы – т. е. борьба за выход России к южным морям, имевшим огромное стратегическое и экономическое значение в становлении и развитии могущественного Российского государства, привел к расширению южнорусских границ.

По Константинопольскому договору 1700 г. с Турцией Россия приобрела устья Дона и Азова и начала строительство Таганрога, что обеспечило ей господство на Азовском море. Но главное – Россия благодаря договору получила свободу действий на севере. Но все это еще не давало возможности ей общаться морским путем со странами Европы. Черное море, как и Балтийское, оставалось закрытым, и ключ находился у турок. Поэтому за право свободного плавания русских кораблей по Черному и Средиземному морям предстояла длительная и упорная борьба с Портой, контролировавшей Керченский пролив, а также Босфор и Дарданеллы, считавшей Черное море внутренним водоемом Османской империи и даже вынашивавшей планы перекрыть Керченский пролив, чтобы не допустить русских к этому морю.

Однако в результате стремительного продвижения России на юг ее границы приблизились к Кавказу, и перед ней открылись новые возможности для дальнейшего расширения и укрепления своих древних дружественных связей с народами этого обширного, богатого и чрезвычайно важного в стратегическом отношении края. С годами все больше усиливалось политическое влияние России на Кавказе, что в немалой степени облегчилось возникшей еще в далекие времена и укреплявшейся с каждым следующим столетием прорусской ориентацией горцев, ростом их симпатий к России. Активная защита интересов Кавказского региона на международной арене с использованием различных исторических документов становилась составной частью деятельности русской дипломатии, решавшей сугубо собственные внутренние и внешнеполитические задачи российского правительства.

От ревнивого взора властителей Османской империи, стремившихся к захвату кавказских земель с населяющими их народами, не ускользнула активизация России в этом регионе. Они лихорадочно стали готовиться к тому, чтобы силой воспрепятствовать выдвиганию форпостов России на линию Кубани и закрыть для нее междуречье Кубани и Терека, через которое проходили пути, связывающие Предкавказье с Закавказьем, Европой и Востоком. Но поскольку Кабарда и

¹ Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 16.

Балкария находилась в этом междуречье и на этих торговых путях, имевших не только военно-стратегическое, но и торгово-экономическое значение, то они неизбежно становились одним из важных объектов острой дипломатической и вооруженной борьбы между соперничавшими на Кавказе державами¹. Симпатии горских народов в этой борьбе всецело были на стороне России, в лице которой они видели сильного и надежного защитника, кровно заинтересованного в реальной борьбе с турецко-крымской и иранской агрессией.

С самого начала XVIII в. происходит резкое усиление турецко-крымской агрессии на Кавказе. Активизация внешнеполитической экспансионистской политики властителей Османской империи, направленной на расширение завоевательных походов и войн, импонировавших турецкой военно-феодальной знати, и на этот раз имела и свои внутренние причины.

Новые завоевания и грабежи соседних народов, по мнению султана и его окружения, должны были укрепить их положение в стране, избавить последнее от внутренних неурядиц, поднять сильно пошатнувшийся к этому времени престиж монархической власти, пополнить крайне опустошенную султанскую казну, отвлечь угнетенные массы от острых социальных проблем, а янычар – привилегированные дворцовые войска, использовавшиеся обычно в качестве полицейских, карательных войск, – от вопросов внутренней политической жизни и тем самым обезопасить султанский трон от покушений с целью попытки государственного переворота.

Прежде всего османские правители занялись строительством новых крепостей и укреплением старых как опорных пунктов и плацдармов для развертывания наступления в глубь Кавказа и на юге России. В 1703 г. было завершено строительство крепости Еникале (Новая крепость) и закончено укрепление Керчи.

Усиление военно-политической экспансии Османской империи на Кавказе и на юге России особенно проявилось после прихода к власти в 1703 г. представителя наиболее агрессивных кругов османских феодалов Ахмеда III, который, кстати, был женат на черкешенке. Но эти родственные отношения не мешали ему организовывать разорительные походы на адыгские земли. Предшественник нового султана, его родной брат Мустафа, был лишен власти поднявшими бунт в Стамбуле янычарами. Характерными чертами политического быта и нравов султанского двора, как это верно было подмечено одним из самых умных и образованных людей Петровской эпохи, проницательным, хорошо изучившим страну и людей, стоявших у кормила власти, и составившим весьма подробное описание Османской империи, опытным и тонким дипломатом, первым постоянным российским послом в Стамбуле графом П. А. Толстым, были взяточничество, казнокрадство, алчность и продажность вельмож и чиновников всех рангов. Грабеж казны достиг таких огромных размеров, что в Адрианополе не могли набрать денег даже для уплаты жалованья янычарам, и те летом 1703 г. подняли бунт².

Ахмед III, заняв султанский трон с помощью янычар, хотел воспользоваться трудной обстановкой, сложившейся в России в ходе Северной войны, и взять реванш, вернув ранее утраченные Турцией позиции в районе Черного и Азовского морей и на Правобережной Украине. Однако этому мешала полная опустошенность казны. Поэтому султан первое время придерживался осторожной, выжи-

¹ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 160–161.

² Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1984. С. 150.

дательной позиции, сам воздерживался и сдерживал своего вассала крымского хана от прямых военных конфликтов с Россией. Но со временем в Стамбуле все больше усиливаются антироссийские воинственные настроения.

Султан Ахмед III устанавливает отношения со шведским королем Карлом XII и его союзником в Польше Станиславом Лещинским, направляет им дружественные послания. Заручившись их поддержкой, Ахмед III, провоцируемый дипломатией европейских держав, стремившихся всеми способами поссорить Османскую империю с Россией, помешать возвышению последней, перешел к решительным действиям, предъявив российскому правительству требование разрушить только что построенный морской порт Таганрог и уничтожить русскую флотилию на Дону¹.

Вместе с активизацией Турции подняли свои головы и крымские ханы, которых Порты ловко использовала в своих агрессивных целях, постоянно травлявая их против России и кавказских народов, с тем чтобы помешать их сближению, не допустить русских к выходу к южным морям. Крымские ханы и ногайские мурзы усиленно стали готовиться к новым опустошительным разбойничьим набегам в пределы Украины и Северного Кавказа. С резким усилением турецко-крымской агрессии в Предкавказье наступило особенно тревожное время в истории адыгов – кабардинцев.

Окрыленный активной поддержкой турецкого султана, крымский хан Каплан-Гирей, по отзыву русского посла в Стамбуле Толстого, человек «неспокойного духа», посылал отряд за отрядом на Кубань и дальше в Кабарду почти непрерывно – в 1699, 1700, 1701, 1703, 1707 гг. Активную военно-политическую поддержку Крыму в борьбе с адыгами оказывал кубанский сераскер Бахты-Гирей – правитель населения низовья Кубани, ставленник турецкого султана. Татары терроризировали местное население, проводили насильственную исламизацию горцев, опустошали целые районы. Они отбирали скот и недвижимое имущество, убивали, массами угоняли людей в рабство, сжигали селения и уничтожали на полях урожай. После них оставались трупы, пожарища, неисчислимы бедствия. В очередной раз, т. е. в 1708 г., хан Каплан-Гирей во главе большого войска переправился через Керченский пролив и двинулся походом на Кабарду. Прибыв сюда, он ультимативно потребовал от кабардинцев выдать в знак безусловной покорности ни много ни мало – три тысячи юношей и девушек, угрожая в противном случае полным разорением Кабарды.

Когда ему предложили 300 ясырей, Каплан-Гирей категорически отказался их принять, высокомерно заявив: «Меньше трех тысяч пленных я не беру». «Хотя и такое количество ясырей, – сказали представители Кабарды, – отдавать водилось у нас в обычае, но только ведь до сих пор в 15–20 лет один хан был сменяем. Теперь же каждый год новый хан – чьих детей мы будем отдавать?»² Но крымский хан остался в своих требованиях неумолим. Хан недооценил противника и предался беспечно-легкомысленному упоению от предстоящей победы, дикой оргии, напоминающей пир во время чумы. Хотя, видимо, народ, имевший богатую боевую традицию, устрасал его возможным проявлением общекабардинского единства, грозившего неминуемым поражением.

Кабардинцы, и раньше не раз имевшие вооруженные столкновения с кримцами, не испугались и этой очередной угрозы, а, «распри позабыв», объединили

¹ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 1. С. 328.

² Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889. Т. 15. С. 161.

свои силы и стали готовиться к защите родной земли от иноземных захватчиков. Поистине неисповедимы не только пути житейские, как и пути Господни, но и повороты судеб целых народов, примером тому – адыгский. Немилосердна, жестока была судьба этого свободолюбивого народа, в жизни которого было неизмеримо больше тревоги, чем покоя, почти не ведавшего передышек от бесконечных битв и сражений с внешними врагами, презиравшего удовольствия роскоши, издавна привыкшего к трудностям и лишениям, к суровой спартанской жизни с неприхотливым бытом, когда его витязи спали под открытым небом на голой земле, положив под головы седла и намотав на руки поводья своих резвых скакунов, чтобы вовремя, по первому сигналу боевой тревоги, ринуться в новое сражение с менявшимися, как в калейдоскопе, завоевателями и покорителями края. Словом, какие только тяжелые жизненные испытания не выпали на его долю, которые гнули его, он упорно сопротивлялся и выпрямлялся. Видимо, предопределено было ему быть вовлеченным в пламя многовекового всепожирающего пожара, раздуваемого захватническими страстями агрессивных держав, пройти на земле все адовы муки, чтобы убедительно продемонстрировать свою поразительную живучесть и способность к возрождению, лишний раз показать, сколь извилист путь, по которому идут народы. Столетия тянулась отнюдь не прямолинейная, насыщенная редким драматизмом история адыгов. Не миновали их опустошительные нашествия степных кочевников, завоевательные походы «потрясателя Вселенной» Чингисхана и «Батиево разорение»¹, «Железного хромца», владыки Средней Азии, всемирного завоевателя Тимура, персидских шахов, турецких султанов, крымских ханов и других чужеземных завоевателей, защищаясь от которых, они кровь свою проливали ручьями. Их жизненные силы были надорваны последовательными ударами судьбы. Но какие бы превратности судьбы ни испытывали, какой бы вызов ни бросала им жизнь, не становились на колени непокорные, закаленные в бедах адыги, считавшие унижением смирение перед любым противником. Они были не из тех, кого мог одолеть страх, кто избегал риска военного жребия, ибо адыги, будучи осященные свободой, превыше всего цтили героев, не теряющих силы духа, приносящих в жертву величайшую ценность – свою жизнь – во имя сохранения независимости своей родины, отстаивая свое право жить свободно на своей земле. Правда, отсутствие единства наносило много вреда черкесам, серьезно подрывало их силы. Но наивно было надеяться, тешить себя тем, что они разобщены по отдельным княжествам и поодиночке их можно легко одолеть. Тут враг мог жестоко просчитаться и потом дорого заплатить за свою ошибку, как это не раз случалось, ибо в трудный критический час своего исторического бытия, в час лихолетия, грозившего национальной бедой, все взрослые черкесы как один вставали на защиту родины, владельцы на время оставляли распри, проявляли дух сплоченности в условиях нависшей над страной опасности, сознавая, что теперь, когда на карту поставлена судьба народа, не время и место обидам, меряться знатностью и силой, становились ближе друг к другу, плечом к плечу, объединялись в единую силу, для того чтобы защититься от нашествия врага, в борьбе с которым никто не имел права оставаться в стороне, не рискуя покрыться глубочайшим позором и всеобщим презрением своих соотечественников. «При появлении врагов

¹ Известно, что золотоордынские ханы так и не смогли сломить волю горцев к свободе и независимости, что «противодействие черкесов не позволило Золотой Орде распространить свои владения далеко на юг вдоль берега Черного моря» (Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. С. 244).

внутри края, – писал Н. Ф. Дубровин, – понятия о чести и достоинстве требовали, однако, чтобы все участвовали в защите отечества, под опасением всеобщего презрения в случае неисполнения кем-либо этого долга чести и обязанности. Когда заблаговременно было известно о сильном вторжении неприятеля, тогда черкесы предпринимали и общие меры к обороне края: портили дороги, делали завалы и избирали предводителей, вокруг значков которых собирались партии, обязанные действовать по их указаниям»¹. И далее автор, отметив, что черкесы выказывали «удивительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвования», пишет: «В оборонительной войне они отлично умели пользоваться местностью и, при малейшей оплошности со стороны наступающего, вырастали как из земли, чтобы нанести неожиданный удар»². Эта оценка военных качеств и способностей черкесов одним из выдающихся военных историков России XIX в., профессиональным военным, артиллеристом, многого стоит.

Но стоило миновать угрозе, их объединившей, как они расходились по своим собственным владениям, маленьким княжествам, аулам и домам, каждый вновь становился сам себе хозяином, и как бы исчезала недавняя могучая сила, одолевшая смертельного врага. «Совершив общее дело и возвратясь домой, – писал Ш. Б. Ногмов, – всякий считал себя господином и владыкой в своей хижине»³. Каждый аульский князь, возвратившись в свою вотчину, продолжал по своему усмотрению управлять ею – этим мини-государством, считая себя чуть ли не царем всех адыгов, мечтая, опираясь на свою дружину, свергнуть существующего правителя, т. е. верховного князя (олиипша) Кабарды, и самому занять его место. Но и на этот раз, в связи с нависшей над родиной реальной угрозой, кабардинцы объединились и проявили самоотверженность – великое качество, которое проявляется у народа, мобилизовавшего все запасы своих материальных, физических, духовных и эмоциональных сил в момент грозной опасности, наступления черных дней. Они быстро оставили свои селения, расположенные на равнине, укрыли семьи и имущество в труднодоступных местах, а сами заняли выгодные для обороны позиции в горных ущельях. Разъяренный хан хотел жестоко наказать не подчинившихся его требованию горцев, готовясь штурмом взять их позиции, но не успел. Его опередили кабардинцы, выше всего ценившие мужество, но знавшие и то, что победа добывается не только кинжалом и шашкой, но мудростью и находчивостью, и прибегнувшие на этот раз к военной хитрости.

Они собрали около 300 ослов и привязали к каждому из них по две вязанки сена, ночью подожгли его и погнали животных на неприятельский лагерь. О том, что было дальше, повествует кабардинский историк Ш. Б. Ногмов: «Ослы ужасным криком своим до того перепугали неприятеля, что он в беспамятстве и смятении стал рубить друг друга, с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершенно их разбили, взяв много пленных и большую добычу»⁴. Помирать они еще могли, но побеждать уже были неспособны, поэтому остатки крымского войска в панике отступили к берегам Кумы. Хан Каплан-Гирей едва спасся с несколькими приближенными. Получив подкрепление, хан вновь вторгся в Кабарду, но опять потерпел полное поражение. На Кубани, куда на этот раз было отброшено ханское войско, среди расположившихся здесь лагерем крымцев во главе с великим неудачником Каплан-Гиреем, шедшим по шерсть, а воз-

¹ Дубровин Н. Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 228.

² Там же. С. 229.

³ Ногмов Ш. Б. Указ. соч. С. 35.

⁴ Там же. С. 172.

вращавшимся стриженным, распространилась эпидемия, и многие из них погибли от болезни и голода. Общие потери крымских татар в этом сражении составили свыше 30 тыс. человек.

Такое сокрушительное поражение татарского войска произвело удручающее впечатление не только на Крым, но и на Турцию. «Никогда не слыхано было такого их (крымцев и кубанцев. – Р. Г.) избиения», – заключает турецкий историк Мехмет Фундуклулу¹. В летопись адыгской военной славы вписалась новая яркая героическая страница под названием «Канжальская битва». Къэнжал (Канжал) – гора по правому берегу верхнего течения р. Малки. Название, хранящее память о битве кабардинцев с крымскими татарами, – из тюркского «къонжол» (йол) – «кровавая дорога» или «кровавая тропа». Место это, где произошла битва, завершившаяся полным разгромом врага, стало памятным в адыгской тхиде наряду с другими важнейшими историческими событиями. Восхождение на эту гору, ставшую национальной святыней, поклонение месту давно минувшей битвы словно очищает человека, просветляет его душу и ум, наполняет гордостью за своих предков, для которых свобода и независимость родины были превыше всего на свете. Давно бы пора воздвигнуть на этом месте в честь участников этого исторического победоносного сражения памятник-символ, достойный их подвига и величия духа.

Поражение настолько обескуражило Каплан-Гирея, что он даже не осмелился вернуться вместе с остатком своего войска в Крым, а остался у ногайских мурз в Прикубанье. Место отстраненного от ханской власти Каплан-Гирея по воле турецкого султана Ахмеда III занял Девлет-Гирей.

Примечательно, что цифру крымских потерь в 30 тыс. мы находим у А. С. Пушкина, отдавшего, как известно, много сил и времени русской истории XVIII в. В подготовительных текстах «Истории Петра I» он, говоря о посещении новым крымским ханом Девлет-Гиреем турецкого султана, писал: «Девлет, приехав, жаловался на своего предшественника, потерявшего 30 000 татар в безумном походе противу черкас...» Факт этот настолько заинтересовал великого поэта, что он не только зафиксировал его как значительное событие, но задавался вопросом: «Когда?»²

Значение разгрома татарского войска кабардинцами становится особенно понятным, если учесть, что это произошло именно в сложное для России время – исторический канун Полтавы. Говоря о событиях 1708 г., Пушкин писал: «Порта вошла тогда в сношение с Карлом, возмущаемая польским послом. Кубанские народы также шевелились. Карл хвалился явно, что придет в Москву и возмутит русских, уже готовых к бунту»³

Карл XII рассчитывал не только победить Петра и свергнуть его с престола, но и «выгнать» русский народ «со света» – даже не силой оружия, а плетью»⁴. Враг явно недооценил противника и, как это часто бывает, был жестоко наказан сам.

Удар, нанесенный кабардинцами Крыму, был настолько серьезен, что он долго не мог после этого оправиться. Исход битвы, имевший большое историческое значение для судеб как кабардинцев, так и других соседних горцев, не только сорвал попытку крымцев силой оружия подчинить тебе Кабарду и безнаказанно грабить ее население, но и похоронил далеко идущие планы Турции и Крыма,

¹ Цит. по кн.: Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе, в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 59.

² Пушкин А. С. Исторические заметки. Л., 1984. С. 376.

³ Цит. по кн.: Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1985. С. 195.

⁴ См.: Там же.

рассчитанные на то, чтобы расчистить путь выхода к Каспийскому морю. Более того, поражение в Кабарде явилось одной из причин того, что в следующем, 1709 г. татары уже не смогли прийти на помощь шведам под Полтаву, как это предусматривалось договором с Карлом XII. Полтавская победа принадлежит к величайшим событиям мировой истории. О месте и роли Полтавы в истории России Н. И. Костомаров писал: «Во всей русской истории ни одно сражение не имело таких последствий, как Полтавское, и ни одно, исключая разве Куликовской битвы, не отпечаталось до такой степени в народной памяти. Церковь... освятила его навеки ежегодным воспоминанием. И в самом деле, счастье для русского государства было неизмеримое. Честь Русской державы вырвана была из бездны почти неминуемой. Опасность была чрезвычайно велика»¹. Карл XII не сомневался в близости татар, надеялся, что они вот-вот явятся из Крыма в его лагерь. И когда заметили «идущую к ним новую ратную силу, думали: не татары ли это, которых обещал хан прислать...»². Но татар так и не было. У них, видимо, не хватило боевого духа для нового риска после недавно постигшего их в Кабарде поражения. А так они могли бы, как это не раз бывало, послушаться султана, подтвердившего мир с Россией и запретившего им выступить на помощь шведам. И тем не менее шведы после разгрома под Полтавой при выборе пути отступления склонились уходить в Крым к хану, подручному турецкого султана, «полагая, что там за них станет готовая воинственная сила орды»³. Да и сам хан прислал поверженному королю «в подарок коляску, запряженную четырьмя лошадьми»⁴. Но решительный отпор, полученный ханом Каплан-Гиреем в Кабарде и обернувшийся ему огромным несчастьем и крушением всех его надежд, не образумил организаторов новых разбойничьих нашествий. Новый крымский хан Девлет-Гирей, как и его предшественник, организовывал частые грабительские нападения на русские поселения в Нижнем Подонье, постоянно терроризировал и опустошал прикубанские адыгские аулы. Поощряемые Девлет-Гиреем вассально зависимые от него ногайские мурзы, кочевавшие между Кубанью и Еей, не раз разоряли русские казачьи станицы вблизи Азова. Не оставлял в покое крымский хан (послушно расчищавший путь в глубь Северного Кавказа для османских завоевателей) Кабарду и Балкарию. В 1720 г. крымский хан Саадет-Гирей по приказанию турецкого султана предпринял большой поход в Черкесию и Кабарду. Говоря об этом, Иоганн Бларамберг, сообщив о битве кабардинцев с крымцами в 1708 г., когда, по его словам, «на поле битвы полегло до 30 тысяч татар, а сам хан с остатками своего войска едва мог спастись бегством», пишет: «Однако идея покорения кабардинцев не оставляла крымских татар. В 1720 году хан Саадет-Гирей предпринял поход против кабардинцев, но по повелению императора Петра Великого астраханский губернатор Волынский упредил татар, придя в Кабарду с отрядом русских на помощь, татары ввиду этого возвратились без успеха. В 1729 году с тем же намерением двинул войска и хан Бахта-Гирей, но потерпел поражение и сам погиб в битве с кабардинцами. С того времени избавились черкесы от постыдной дани, которую обязаны были ежегодно платить крымскому хану мальчиками и девицами, не достигшими двенадцати лет»⁵.

¹ Костомаров И. И. Мазепа. М.: Республика, 1992. С. 321–323.

² Там же. С. 292.

³ Там же. С. 308.

⁴ Там же. С. 318.

⁵ Бларамберг И. Указ. соч. С. 49–50.

Нашествия вражеских полчищ неизбежно приводили к гибели множества людей, страшным разрушениям производительных сил, нарушению хода экономического развития, хозяйственному застою и даже регрессу. Это и понятно, ибо, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала»¹. И не раз кабардинцы и балкарцы начинали все сначала.

В основе непрерывного натиска крымцев на Северный Кавказ лежали социально-экономические причины. Для татарской феодальной знати, экономика которой базировалась на примитивном пастбищном скотоводстве, грабительские набеги служили важным дополнительным источником обогащения. В зоне постоянных враждебных разрушительных действий крымских ханов находился и Северный Кавказ, и в частности Кабарда и Балкария.

Но народные массы Кабарды и Балкарии, на чью долю выпала тяжесть неравной борьбы с многочисленными врагами, глубоко проникнутые чувством любви к отчизне и ненавистью к поработителям, не сдавались. Они, вдохновляемые высокими чувствами подлинного патриотизма – одним «из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»², героически отстаивали свою свободу и независимость. При этом они опирались на неизменную помощь России, южные границы которой подвергались постоянному нападению и разорению османско-крымских агрессоров.

Турецкий султан Ахмед III, поставивший перед собой явно непосильную задачу возродить былое могущество Османской империи, взять реванш за Карловацкий мир, сокрушить Россию, не переставал думать о возвращении Азова, о захвате юга Украины и Польши и т. д. Правители Османской империи развертывали военные приготовления, подтягивали войска к русским границам. В 1710–1714 гг. Турция четыре раза объявляла войну России, которой на протяжении всей Северной войны приходилось с тревогой оглядываться на Порту, мир с которой надо было сохранить любой ценой. «И цена эта была очень тяжелой. Приходилось даже терпеть практически постоянные набеги на незащищенные южные земли России турецких вассалов: крымских, кубанских, ногайских татар. Только в 1717 году их банды убили и угнали в рабство около 30 тысяч русских людей. Сотни деревень и городов ежегодно подвергались разбойничьим набегам; убытки исчислялись многими миллионами»³.

С усилением крымско-татарской агрессии небольшим по своей численности горским народам все труднее становилось сдерживать напор нашествия иноземных поработителей. Над кабардинцами и балкарцами нависла реальная угроза полного физического истребления. Для продолжения борьбы, от исхода которой зависело настоящее и будущее горцев, требовалась действенная помощь. И такую жизненно необходимую поддержку им могла оказать только Россия, с которой они еще полтора столетия назад заключили военно-политический союз.

К тому же и само Русское государство, юго-восточные границы которого к этому времени чуть ли не вплотную приблизились к Северному Кавказу, проявляло большую заинтересованность в налаживании более прочных взаимоотно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 54.

² Ленин В. И. Полн. соб. соч. Т. 37. С. 190.

³ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 387.

ношений с проживавшими здесь горскими народами. Этого требовали государственные интересы России, уже выходявшей в Причерноморье и заботившейся о прочном закреплении достигнутых здесь успехов, а также о дальнейшем расширении своих позиций в важном стратегическом, экономическом и политическом отношении Кавказском регионе.

Активизировалась деятельность представителей царских властей на Кавказе, занявшихся более подробным изучением положения дел в регионе, выяснением отношения местного населения к России. Петр I специально запрашивал недавно назначенного азовского губернатора о кавказских народах, в первую очередь имея в виду черкесов, интересуясь вопросом, «похотят ли они с нами заодно быть»¹. Ответ на вопрос, поставленный Петром I, был утвердительным.

Летом 1711 г. в связи с разрывом отношений между Россией и Турцией и началом военных действий в Кабарду прибыл со специальной миссией ясно сознававший серьезную опасность, нависшую над земляками и сородичами, Александр Бекович-Черкасский – выходец из знатного кабардинского рода князей Джамбулатовых.

Александр Бекович-Черкасский был одним из тех видных государственных деятелей, которых выдвинуло бурное время петровских преобразований первой четверти XVIII в.

Все исследователи, как правило, справедливо отмечают исключительную способность царя, преобразователя России, угадывать таланты, привлекать на службу одаренных представителей из самой разнородной национальной среды.

Будучи человеком, знатным по происхождению, с недюжинными способностями, А. Бекович-Черкасский принадлежал к числу приближенных и доверенных лиц царя, видных его сподвижников и помощников, он, как и другие «птенцы гнезда Петрова», вносил свою лепту в укрепление могущества России и преращение ее в великую европейскую державу.

В те времена дипломатическая служба перемежалась либо сочеталась с военной, ибо считалось, что чин боярина или титул князя мог обеспечить успех как на поле брани, так и за столом переговоров². Так и А. Бекович-Черкасский выполнял поручения Петра I, выступая в одних случаях как предводитель войска, в других – как дипломат.

Результатом его поездки на родину по заданию Петра было то, что кабардинцы вступили в войну на стороне России и приняли в ней активное участие, громя вместе с русскими войсками общего врага. С самого начала войны они поддерживали русские войска под командованием генерала П. М. Апраксина, выступившие из Азова в Кубанские степи против сосредоточившихся здесь крымских татар и ногайских мурз. Противник был зажат в тиски. Кабардинцы атаковали его с востока, в то время как русские войска теснили и громили его, наступая с севера. В результате противник потерпел сокрушительное поражение, потеряв убитыми 5 тыс. и пленными 22 тыс. Об этом кабардинские владельцы писали в своем донесении Петру I: «А как брат наш князь Александр Бекович, приехав к нам, сказал ваш, великого государя милостивый указ, дабы мы вашему величеству служили, и были за вами, и мы все, кабардинские князи, присягу и клятву дали истинно в том, что нам быть и подданстве и сколько можем служить всегда вам, великому государю, готовы... И мы по объявлению его всенамерению по-

¹ Письма и бумаги Петра Великого. М.; Л., 1948–1962. Т. 9. Янв.–дек. 1709 г.–1950 г. С. 688–689.

² См.: Павленко Н. И. Указ. соч. С. 7, 14.

ложили на том, что против присланного... указу все исполнить, потом по указу вашему, хотя и противно стали против веры нашей и на войско Нурадына Солтана, в котором было пятнадцать тысяч, мы били боем и рубили саблями; в который поход ходили на Кубань с братом нашим... Александром Бековичем, и сколько мочь наша была... вам, великому государю, служили. И из того войска Нурадына Солтана несколько побили до смерти, иных в реке потопили, а сам Нурадын Солтан ранен насилу ушел»¹. Петр I остался очень доволен храбрыми действиями кабардинцев в составе русского корпуса.

А Александр Бекович-Черкасский, успешно выполнив возложенную на него миссию, вернулся в Москву. Вместе с ним в Россию прибыло кабардинское посольство из 17 человек – представителей знатных кабардинских фамилий. Здесь члены посольства были встречены радушно. Они получили ценные подарки. Им была вручена грамота Петра I, в которой говорилось: «Присланные ваши к нам листы через сродника вашего, князя Александра Бековича-Черкасского мы получили, ис которых, також и из словесного доношения его, о ваших к нам верных службах и радетьельстве против неприятеля нашего и о храбрых действиях ваших на Кубани известны; за то мы, великий государь, вам зело благодарны и в милости нашей вас никогда не оставим. А за те ваши верные и радетьельные службы послали ныне к вам нашего, великого государя, жалованья с присланными вашими узденями. И понеже уповаем мы на вашу верность, что и впредь по своей к нам усердности всякие услуги показывать будете, того ради мы и впредь вас в милости нашей и в награждении жалованья оставить не изволим, в чем будьте благонадежны»².

Таким образом, совместная борьба русских и горцев против турецко-крымской агрессии, продиктованная общностью жизненно важных национальных интересов, еще больше сближала горцев с Россией. Древние их связи наполнялись новым содержанием. Но такой четко выраженный позитивный процесс, происходивший во взаимоотношениях местного горского населения с Россией, вызывал серьезное беспокойство среди правящей верхушки Оттоманской Порты, хорошо представлявшей себе значение Кабарды и Балкарии, располагавшихся на перекрестке важных в военно-стратегическом отношении дорог. В Турции также достаточно хорошо были осведомлены о той важной, ведущей политической роли, которую играла феодальная Кабарда на всем Северном Кавказе. Не случайно турецкий султан Ахмед III специально обратился к кабардинским князьям, упрекая их в отступничестве от ислама, и призывал опомниться пока не поздно и активно включиться в борьбу против «гяуров» – русских – «за торжество мусульманской религии». Особенно возмущался он по поводу того, что горцы вместе с русскими войсками громили полчища его вассала крымского хана на Кубани. «Чего ради, вы, московского государя войску пристав... на веру свою руку подняли?» – негодуя спрашивал султан и требовал от кабардинских князей послушания, предлагая им переселиться со своими подданными за Кубань, подальше от русских границ. «А буде того не учините, – угрожал Ахмед III, – и в нашей воле не будете, ни единая душа не спасется»³. Но очередные угрозы турецкого султана, сопровождавшиеся ссылкой на общность религии, не произвели желаемого впечатления на кабардинцев. Последние не только не изъявили по-

¹ КРО. Т. 2. С. 9–10.

² Там же. С. 12.

³ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Примеч. 55. С. 216.

корность и не поднялись на «священную войну» против «неверных», но и, решительно отвергнув наглые требования султана, прямо заявили, что они издавна находятся в союзе с Россией. «А вам до нас нет дела», – заключили они ¹.

О новых угрозах турецкого султана в адрес кабардинцев вскоре узнал их соотечественник Александр Бекович-Черкасский, который незамедлительно известил об этом Петра I. И заодно раскрыл перед царем планы османов, направленные на дальнейшее расширение своей экспансии на Северном Кавказе, на создание сплошного антирусского фронта от Черного моря до Прикаспийских персидских провинций с помощью кабардинских и других горских владельцев. Для того чтобы успешно воспрепятствовать осуществлению этих агрессивных планов общего врага России и горцев и укрепить позиции Русского государства на Северном Кавказе, Черкасский советовал Петру I направить сюда опытного дипломата – резидента, способного справиться с задачей объединения и сплочения разноплеменных местных владельцев, и одновременно ввести в Кабарду и Северный Дагестан русские войска.

Петр I признал доводы Александра Бековича-Черкасского убедительными и одобрил его предложения. В именном указе Сенату в мае 1714 г. царь предписал своим советникам тщательно продумать вопрос о том, «каким образом лучше при нашей стороне держать» северокавказских горских владельцев ². Однако для ввода русских регулярных войск и казачьих частей в Кабарду и Северный Дагестан, как это советовал Черкасский, время было неподходящим. Это могло послужить лишним поводом для новых вооруженных столкновений с Турцией, что было крайне нежелательным в условиях продолжавшейся Северной войны. Поэтому Петр I, занятый тем, чтобы прорубить «окно в Европу», возратить России исконно принадлежавшие ей земли на Балтийском побережье, отторгнутые Швецией в конце XVI – начале XVII в., воздержался от направления русских войск в вышеозначенные районы Северного Кавказа.

Но это не предотвратило нарастающую крымско-турецкую агрессию. Летом 1720 г. крымский хан Саадет-Гирей, подталкиваемый турецким султаном, с сорокатысячным войском вторгся в Кабарду, разорил целый ряд населенных пунктов и потребовал от кабардинцев четырех тысяч «ясырей» (рабов), «да сверх того, чтоб за все заплатили, что в то число, как войско ханское побили и взяли добычи коней, ружья, панцирей и прочего»³, т. е. возместили убытки, понесенные татарами в результате сокрушительного разгрома Каплан-Гирая в 1708 г.

Расчитывая укрепить свои позиции в Кабарде, крымский хан провозгласил старшим князем здесь одного из лидеров протурецки-крымски настроенной части местной феодальной знати Ислам-бека Мисостова.

Но несмотря на уловки хана, на его угрозы, сопровождавшиеся жестокими карательными действиями, кабардинцы не сдавались. Они со своим скотом и домашним имуществом перебазируются в труднодоступные горные «крепкие места» в районе Кашка-Тау, где было создано укрепление. Сюда же, к «городку Черек», подошли татарские войска. Татары сожгли все деревни, необрунный хлеб и сено в стогах в этом районе и осадили сам городок. Силы были слишком неравны. В городке было всего 20 тыс. человек, а татар было намного больше.

¹ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 161.

² Полное собрание законов Российской империи. Май 1714 г. Т. 5. № 2815.

³ Кумыков Т. Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957. С. 35.

На совете князей некоторые из них заколебались и склонны были к тому, чтобы помириться с ханом. Но Аслан-бек Кайтукин и другие и слышать не захотели об этом. Было решено немедленно направить своего посланца к русскому царю с просьбой о военной помощи. Кайтукин и его сторонники послали узденя Саадет-Гирея Салтаналеева с письмом Петру I, где извещали о нападении на Кабарду крымского хана и разорении ее, и просили прислать на помощь войско, а также построить в их крае «город» – крепость.

В письме кабардинских князей, адресованном в Посольский приказ, говорилось: «И сидим в засаде в городе своем. Вначале на вышнего Бога и на великого государя имеем надежду, а кроме них, никого не имеем»¹. К Петру I они также писали, что помощи ждать им больше не от кого, что у Кабарды и России общие друзья и общие враги: «...кроме вашего величества милости и надежды ни от кого себе не чаем, и ко всем, которые вам, царскому величеству, приятны и дружны, и мы к таким непротивны, а которые вам, царскому величеству, противны, и мы к таким являемся противны»². Кабардинские владельцы просили царя «в подмогу прислать донских и терских казаков», которые без его указа помогать и не могут. «А они, – говорилось далее в письме, – донские казаки от нас не в дальнем расстоянии, и могут поспевать в пятнадцать дней, а не больше. И всеконечно, государь, буде в нынешнюю зиму нам, рабам вашим, помощи не будет, то мы, всеконечно, пропали». Даже и в случае если помощь не подойдет, кабардинцы не собирались сдаться на милость врага. Они заявляли, что будут обороняться всеми имеющимися возможностями, хотя и «не хотели было иметь иной надежды, кроме Бога и нашего царского величества милостивейшего призрения»³.

Узнав об отъезде из Кабарды в Россию узденя Саадет-Гирея Салтаналеева, крымский хан направил к кабардинским владельцам своего посланца Агу Исмаила, который обратился к ним с вопросом: почему они отправили своего узденя к русскому царю? Отвечая, князья сказали, «они послали к великому государю просить о присылке в помощь войск, потому что они служат ему, великому государю, верно»⁴. На это смелое и откровенное заявление ханский посланец не без злой иронии заметил, что хотя кабардинцы и послали за помощью к русскому царю, но он «ваш-де государь далеко от вас» и «скорой присылки войск не будет, потому что дорога дальняя, а хан здесь, рядом, и он вас разорит, «и первых знатных велит перерубить, а остальных переведет на житье на Кубань...»⁵. Ага Исмаил от имени хана категорически потребовал от кабардинцев «чтоб они ему, хану, поддались и перешли б на Кубань или жили в старых местах, и давали б оному вместо дани с каждого двора по ясырю»⁶.

Действительно, русский царь находился далеко от Кабарды, а крымцы были на ее территории. Но тем не менее кабардинские владельцы твердо заявили, что они еще никогда у хана под владением не бывали; исстари как деды их и отцы, так и они служат его царскому величеству и у его великого государя пребывают всегда в верности. И далее с уверенностью и предостерегающе они сказали, что царское величество их оставить не изволит, а ежели хан им какое разорение учинит, то царское величество ему за то отомстит, и ясырей-де ему, хану,

¹ КРО. Т. 2. С. 26.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 30.

не дадут...»¹. После такого решительного отказа кабардинских владельцев хан больше своих людей к ним не посылал, а «озлобясь, на них свирепое нападение учинял и хлеб, и сено, и все прочее пожег», угнал большое количество скота и возвратился на Кубань.

Но отступив до Кабарды, крымский хан со своим войском расположился недалеко от ее границ, чтобы продолжать беспокоить и грабить непокорных кабардинцев. Поэтому кабардинские владельцы направили в Петербург второго посланца – узденя Бельшуку Шипшихова в сопровождении восьми других узденей и двух астраханских солдат, которые нагнали ранее посланного Саадет-Гирея Салтаналева в Москве. Бельшука известил Саадет-Гирея о том, что крымский хан снял осаду «городка Черек» и отступил на Кубань, но продолжает набеги и грабит Кабарду и в любое время может снова нагрнуть и чинить новый жестокий разбой. Бельшука передал Саадат-Гирею новые «листы», т. е. письмо кабардинских владельцев, адресованное Петру I. Кабардинские владельцы просили его «для защищения» их от неприятелей построить в пристойном месте город неподалеку от Терека. А именно какое место они считают самым подходящим для этого, Саадет-Гирей сообщил устно: местечко Бештамак. Они просили также прислать на помощь русские войска и «калмык Аюкиных» и обещали «пребыть в неперменном подданстве и верности его царскому величеству, так как и отцу его государеву блаженные памяти его величеству царю Алексею Михайловичу...»².

Несмотря на продолжавшуюся войну в Прибалтике, Петр I не оставил без ответа и внимания просьбу кабардинцев в эти тяжелые, критические для них дни, когда на них обрушилась новая волна крымско-турецкой агрессии. Астраханскому губернатору А. П. Волынскому было предписано оборонять кабардинцев от посягательства крымского хана и его войска. В указе Коллегии иностранных дел от 21 декабря 1720 г. говорилось: «И о вышеозначенном прошении кабардинских владельцев о присылке к ним помощи и о строении фортеции его царскому величеству в бытность его величества в апартаментах государственной Коллегии иностранных дел сего декабря 11-го дня докладовано, и его величество указал по именному своему указу по тому их кабардинских владельцев прошению учинить им тебе, полковнику и губернатору, помощь в потребном случае таким образом, что ежели на них, кабардинцев, будет наступление от хана крымского, то в таком случае послать тебе к ним на вспоможение и оборону донских и других казаков окольно сот человек пристойно будет»³. В то же время тем казакам запрещалось ходить в поход вместе с кабардинскими владельцами, если они такой предпримут на крымцев и кубанцев, «дабы тем не подать туркам причины к нарушению имеющих между его царским величеством и Портою Оттоманскою мирных трактатов, и все оное чинить тебе по своему рассмотрению только б их, кабардинцев, оборонять от нападения»⁴. В заключение указа Коллегии иностранных дел Астраханскому губернатору говорилось: «А в прочем обходиться тебе и поступать с ними, кабардинскими владельцами, тако ж и с присланными от них со всякою ласкою, дабы их тем наипаче утвердить к верности его царскому величеству»⁵.

¹ ТКРО. Т. 2. С. 27.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 30–31.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же.

Астраханский губернатор А. П. Волынский, обладавший большим опытом дипломатической работы в Турции и Иране, много сделал для дальнейшего укрепления позиций России на Кавказе, и в частности в Кабарде. В 1721 г. А. П. Волынский с небольшим отрядом войск прибыл на Терек. Его приезд сюда был тем более необходим, что этого требовали «дела в Кабарде, где беспрестанно ссорившиеся друг с другом князьки требовали посредничества астраханского губернатора»¹. 5 декабря А. П. Волынский писал царю: «Я сюда в казачьи верхние гребенские городки прибыл, куда некоторые кабардинские князья еще до меня прибыли, затагивая меня к себе, чтоб противную партию им через меня искоренить или по последней мере противных князей выгнать вон, а им в Кабарде остаться одним; однако я им отказал, и что я неволею мирить не буду, и призвал противную им партию ласкою, и так сделалось, что приехал и дядя их, с кем у них ссора, а оный первенство во всей Кабарде имеет, которого с великим трудом из Кабарды я выманил, ибо он зело боялся оттого, что крымскую партию держал; также при нем приехали мало не все лучшие уздени; и хотя я сначала им довольно выговаривал, для чего они, оставя протекцию вашего величества, приводили в Кабарду крымцев, однакож напоследок-то отпустил им и по-прежнему милостию вашего величества обнадежил и потом помирил их, однакож с присягою, чтоб им быть под протекцией вашею и притом и взятием верных аманатов. И тако вся Кабарда ныне видится под рукою вашего величества...»².

Для такого утверждения у Волынского были все основания, ибо к присяге на верность России были приведены почти все владельцы Малой и Большой Кабарды. Был арестован лидер протурецки настроенных феодалов Исламбек Мисостов и вместо него старшим князем провозглашен его племянник Асланбек Кайтукин – сторонник союза с Россией. Однако А. П. Волынский не был уверен в том, что мир, наступивший в результате его посреднической роли, продлится долго. «...Токмо не знаю, – писал он, – будет ли им из моей медиации впредь польза, понеже между ними и вовеки миру не бывать... понеже по исследовании дела не сыскался виноватый ни один и правого никого нет, а за что первая началась ссора, то уже из памяти вышло, и так, за что дерутся и режутся, истинно ни один не знает...»³

В итоге знакомства с положением дел перед астраханским губернатором открылась мрачная картина, сложившаяся в Кабарде в результате частых грабительских набегов крымских татар и непрекращающихся междоусобий кабардинских феодалов, подстрекаемых турецко-крымской агентурой. По этому поводу в донесении к царю говорилось: «Еще ж приводит их к тому нищета, понеже так нищи, что некоторые князья ко мне затем не едут, что не имеют платья, а в овчинных шубах ехать стыдно, а купить и негде, и не на что, понеже у них монеты никакой нет; лучшее было богатство скот, но и то все крымцы обобрали...»⁴.

Таким образом, А. П. Волынский, обратив внимание на сложность положения, остроту внутренней борьбы в Кабарде, на царившие здесь неурядицы и разорения, не смог увидеть классовые, социальные корни этого явления, изобразив его не как черту, свойственную определенной степени развития феодальных отношений, осложненную внешнеполитическим фактором, а как уникальное и вечное, утверждая, что «такого удивительного дела мало бывало или никогда»,

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1963. Кн. 9. Т. 17–18. С. 374.

² Там же. С. 375.

³ Там же.

⁴ Там же.

что «вошло у них то в обычай... и переменить невозможно»¹. При всей его положительной роли в истории России и Кавказа А. П. Волынский был типичным вельможей первой половины XVIII в.

Наступившее в Кабарде некоторое затишье в связи с пребыванием на Тереке Волынского было чисто внешним и временным. Не была снята угроза очередного грабительского нашествия со стороны Крыма. Поэтому кабардинцы по-прежнему продолжали обращаться со своими настойчивыми просьбами к русскому правительству. В частности, они просили воздвигнуть крепость на их территории с размещением в ней русского гарнизона. А. П. Волынский считал эту просьбу кабардинцев вполне обоснованной и активно поддерживал ее.

Однако Россия, занятая в это время неотложной проблемой в Прикаспии, не могла приступить к немедленному осуществлению планов А. П. Волынского и заодно удовлетворению просьбы кабардинцев о строительстве русской крепости на их территории. В тот период, в 20-х гг. XVIII в., возникла реальная угроза захвата кавказских владений Ирана Оттоманской Портой в связи с экономическим и политическим упадком Сефевидской империи.

Россия, для которой укрепление ее позиций на Каспийском побережье и расширение экономических и политических связей с Востоком было очень важно и являлось составной частью кавказской внешнеполитической стратегии, не могла допустить появления в этом районе серьезной соперницы в лице Турции. Это в корне противоречило торгово-экономическим и военно-политическим интересам Русского государства, намеревавшегося с окончанием Северной войны начать решение проблемы безопасности южных и юго-восточных границ, взять в свои руки посредническую торговлю со странами Азии, из которой европейские купцы через Россию вывозили шелк-сырец, извлекая большую выгоду. Это была борьба за мировые торговые пути, за европейско-азиатский транзит мирового значения»².

Предотвратить захват Турцией Прикаспийских провинций можно было только путем вступления русских войск в Прикаспий. Поэтому Петр I приступает к подготовке похода, задачи которого не ограничивались одними лишь торговыми интересами России и ее стремлением сдерживать турецкую экспансию. Он имел целью завершение внешнеполитических задач, стоявших перед всей петровской дипломатией, – утверждение России как великой европейской державы, прочно укрепиться на юге, как это было сделано на Балтике. «Практически это означало в качестве программы максимум установление южной границы по Черноморскому побережью и Кавказскому хребту и свободу плавания по Черному и Каспийскому морям»³.

Для ведения необходимой подготовительной к нему работы еще в 1719 г., как сказано выше, астраханским губернатором был назначен А. П. Волынский как компетентное лицо в иранских делах. С 28 августа 1716-го по 26 июня 1718 г. он в качестве посланника находился в Иране.

При выезде в августе 1716 г. А. П. Волынский встречался в Астрахани, ставшей для России отправным местом различных военных и дипломатических предприятий на Востоке, с А. Бековичем-Черкасским. Выведя свои суда за Соленые Бугры, он вернулся в город для встречи с ним. Бекович-Черкасский прибыл в Астрахань для организации похода «к низовьям Аму-Дарьи для поисков золо-

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1963. Кн. 9. Т. 17–18. С. 375.

² Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932. С. 7.

³ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 408.

та, установления сношений с хивинским и бухарским ханствами и разведки торговых путей в Индию»¹. Повидавшись с Бековичем-Черкасским, Волинский 7 августа вернулся на свой корабль и через день двинулся в путь².

Основная задача посольства Волинского состояла во всестороннем ознакомлении с состоянием Иранского государства в целях определения роли и места Ирана в русской южной и юго-восточной политике, направленной в основном на борьбу против Османской империи и Крымского ханства³. Волинский, как способный дипломат и тонкий наблюдатель, наделенный талантливым и живым умом, одаренный способностью к обобщениям, успешно справился с возложенной на него дипломатической миссией.

В результате 22-месячного пребывания в Иране Волинский составил ценный журнал, содержащий серьезный анализ социально-политической жизни страны, меткие характеристики государственных деятелей, красочные описания событий и бытовых явлений⁴.

Основной вывод российского посланника состоял в том, что сефевидский Иран находился на грани неминуемой катастрофы. В большой реляции от 30 мая 1718 г., отправленной Волинским в Петербург Петру I, говорилось: «И кто видел и мог приметить непорядки и нынешнее состояние здешнего государства, то иначе и сказать не может, кроме сего, что самая воля Божия спеет к конечному падению сея монархии...»⁵. Посольство со всей тщательностью и умением изучило состояние Иранского государства. Информирова о непорядках, повсеместных восстаниях, разложении государственного аппарата как в центре, так и на местах, о технической отсталости армии и ее полной неспособности, неспособности слабовольного, полностью находившегося под влиянием шиитского духовенства шаха Солтан Хосейна и его первого министра к управлению страной, Волинский сделал вывод о неизбежности скорого краха Сефевидской династии. «Однако, будучи сыном своей эпохи и среды, Волинский не смог понять истинные социально-экономические... причины падения Ирана... Всесторонняя информация Волинского о жизни Иранского государства и его выводы о неизбежности краха Сефевидской державы были настолько убедительными, что в какой-то мере побудили Петра I к проникновению в богатые сырьевыми ресурсами прикаспийские провинции Ирана с перспективой прямой торговли с Индией – страной сказочных богатств»⁶. Петр I, несомненно, учитывал, что «крушение Сефевидской державы в 1722 г., захват Османской империей западных и северо-западных областей Ирана в 1723–1724 гг. и ее дальнейшие агрессивные вождедения привели бы к гибели Ирана как суверенного, независимого государства и создали бы чрезвычайно опасную угрозу на южных и юго-восточных рубежах России»⁷. Большим достижением посольства Волинского было, как известно, заключение торгового соглашения с Ираном.

Однако некоторые такие пункты инструкции русского правительства от 7 июля 1715 г., как заключение военного союза с Ираном против Турции, оста-

¹ История СССР. С древнейших времен до 1861 г. М., 1956. Т. 1. С. 479.

² Бушев П. П. Посольство Артемия Волинского в Иране в 1715–1718 гг. М.: Наука, 1978. С. 35.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 227–228.

⁶ Там же. С. 264.

⁷ Там же. С. 265.

лись невыполненными. И это не случайно. Волынский видел его явную нереальность. Полный экономический и политический развал государства исключал возможность оказания Ираном какой-либо военной помощи России в предстоящей войне с Турцией¹. Упадок и развал страны дошли до того, что для пополнения крайне опустошенной государственной казны шах Солтан Хосейн, несмотря на его ортодоксальную религиозность, не остановился перед нарушением святости могил предков. Он «з дедушковых и з бабушкиных гробов золото и серебро все очистить изволил...»².

Таким образом, описание внутреннего состояния сефевидского Ирана начала XVIII в., сделанное А. П. Волынским в период пребывания его посольства в этой стране, еще раз свидетельствует о том, что собой представляла одна из восточных деспотических держав, претендовавших на господство над кавказскими народами, в том числе кабардинцами, балкарцами и другими северокавказскими горцами, о мрачной перспективе, ожидавшей их, окажись они под властью этой державы,

Впрочем, иранцы, не раз безуспешно пытавшиеся скрестить свое оружие с горцами, с тем чтобы силой подчинить их себе, помнили о боевых качествах последних. Волынский рассказывает о том, что персы считают «великими воинами шамфальцов» (кумыков. – Р. Г.). Они подобны «горским черкесам и... к войне имеют склонность»³.

В период своей деятельности в Иране в 1716–1718 гг. и в Астрахани и качестве ее губернатора в 1719–1725 гг. А. П. Волынский принимал самое активное участие в осуществлении восточных планов правительства Петра I.

В ходе подготовки к Персидскому походу правительство Петра I вело оживленные переговоры с владельцами Дагестана, Кабарды, Восточной Грузии (Картли-Кахетинским царством), армянскими меликами.

Наконец, успешно завершив 20-летнюю Северную войну со Швецией, прочно утвердившись на берегах Балтики, заключив в 1721 г. Ништадский мир, Российское государство во главе с Петром I, по предложению Сената принявшим новый титул, императора (страна стала называться Российской империей), активизирует свои действия в Прикаспии, приступает к предупреждению действий турок в этом регионе, предпринимает срочные и энергичные военно-политические акции, имевшие своим результатом занятие русскими войсками прикаспийских провинций.

В событиях, развернувшихся в Прикаспии, оказались заинтересованными, в частности, кабардинцы и балкарцы, которые видели в укреплении позиции России на Кавказе гарантию против турецко-крымской агрессии. Поэтому они не только искренне сочувствовали, но и активно содействовали успеху России⁴.

Позже, в феврале 1745 г., кабардинские владельцы Асланбек Кайтукин и Батука Беков в письме к императрице Елизавете Петровне, говоря о своей прежней службе России, писали: «Понеже из давних лет с начала бытности нашей в подданстве Всероссийской империи о верности нашей доказательствы учинены, а особливо во время пришествия блаженной памяти всепресветлейшаго государя его императорского величества Петра Великого под Дербент, по указом его величества порученные нам службы мы с крайним радением нашим отправля-

¹ Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иране в 1715–1718 гг. М.: Наука, 1978. С. 262.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 258.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 165.

ли, и за показанные наши службы всемилостивейшею грамотою пожалованы и от неприятелей наших защищены были»¹.

В результате выступления русских войск и занятия ими прикаспийских провинций был прегражден путь агрессивным устремлениям Турции на восток, предотвращено расширение ее экспансии к берегам Каспийского моря и дальше.

Как отмечают исследователи, в период подготовки и осуществления Каспийского похода Петр I сформулировал свою дальнейшую программу по отношению к Кавказу, рассчитанную на распространение влияния России в направлениях: от Азова до Кубани, от Астрахани к центральным «шелковым торгам» Ирана и «от Пятигорья до Тифлиса» – центра Грузии². Программа эта, по существу, нашла свое отражение в договоре, заключенном в сентябре 1723 г. в Петербурге между Россией и Ираном. Петербургский договор, подводивший черту под итогами Персидского похода; закреплявший за Россией прикаспийские провинции как бы с добровольного согласия Ирана, расценен был как в России, так и в Европе как крупный политический и дипломатический успех Петра I на Востоке. Но заключение в 1723 г. выгодного для России Петербургского союзного договора с Ираном, статья пятая которого установила оборонительный союз двух стран против Османской империи, еще больше обострило отношения России с Турцией, которая не только стремилась к господству на Кавказе, но и надеялась использовать неустойчивое положение иранского шаха Тахмаспа, чтобы завоевать все его владения. «Россия же была заинтересована в сохранении независимого иранского государства как противовеса Турции и пресечении турецкого продвижения к Каспийскому морю»³. Поэтому Турция еще с самого начала Персидского похода категорически потребовала его прекращения и отведения войск, в противном случае угрожая войной. Но и после завершения похода Оттоманская Порта, все время подстрекаемая Англией и Австрией, стремившимися спровоцировать новый русско-турецкий конфликт, не прекратила борьбу. Она упорно и настойчиво добивалась, чтобы Россия оставила прикаспийские провинции. Отвергая эти притязания Порты, русская сторона предъявила турецкому посланцу, прибывшему в Москву, обращение феодальных владетелей Прикаспия к России с просьбой о ее покровительстве. Но османскому правительству, настроенному крайне воинственно, эти доказательства казались неубедительными⁴.

А в самой столице Османской империи, Стамбуле, происходила острая дипломатическая борьба вокруг Каспийского похода Петра I. Представители Англии и Австрии упорно внушали османским правителям, что поход этот положил начало завоеванию Кавказа Россией. Но российские резиденты в Стамбуле, прекрасно осведомленные о положении дел в Османской империи, хорошо ориентируясь и сложной борьбе европейских держав за преобладающее влияние на султана и Порту, успешно разоблачили происки западных дипломатов. На попытку убедить русского дипломатического резидента при Высокой Порте в том, что все мусульманские народы, к числу которых относились кабардинцы и балкарцы, якобы находятся под властью и защитой Турции (султаны носили титул халифа – духовного главы всех мусульман-суннитов. Им («Великим Хункарам»), почитавшимся «наместниками Аллаха» на землях всего исламского мира, в рас-

¹ КРО. Т. 2. С. 126.

² Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е годы XIX века). Изд-во МГУ, 1955. С. 10.

³ Дипломатический словарь. М.: Политиздат, 1973. Т. 3. С. 89.

⁴ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 18.

сма­три­вае­мое вре­мя при­над­ле­жа­ли и зем­ли Ара­вий­ско­го по­лу­ост­ро­ва, где на­хо­ди­лись глав­ней­шие свя­ты­ни ис­ла­ма – мес­та па­лом­ни­че­ства пра­во­вер­ных му­суль­ман – Мек­ка и Ме­ди­на), И. И. Не­плюев ре­зон­но воз­ра­жал, го­во­ря, что ве­ра не слу­жит оп­ре­де­ле­ни­ем гра­ниц, ибо ина­че на ка­ком ос­но­ва­нии то­гда под вла­стью Тур­ции на­хо­дят­ся мно­гие хри­сти­ан­ские на­ро­ды. И он ре­ши­тель­но за­явил, что рус­ский им­пе­ра­тор не до­пус­тит к Ка­спий­ско­му мо­рю ни­ка­кую дер­жаву, осо­бен­но Тур­цию ¹.

Рус­ско-ту­ре­цкие от­но­ше­ния в кон­це 1723-го – на­чале 1724 г. ока­за­лась край­не на­пря­жен­ны­ми и чре­ва­ты­ми воен­ным сто­лк­но­ве­ни­ем. Од­на­ко до вой­ны де­ло не до­шло. Кон­фликт уда­лось ре­шить мир­ным, ди­пло­ма­ти­че­ским пу­тем. Тур­ция вы­нуж­де­на бы­ла от­ка­зать­ся от сво­их прит­язаний на Иран и Ка­спий­ское по­бе­ре­жье.

По Кон­стан­ти­но­поль­ско­му до­го­во­ру от 12 ию­ня 1724 г. Тур­ция при­зна­ла при­ка­спий­ские го­ро­да и про­вин­ции как «доб­ро­воль­но» ус­ту­плен­ные Ираном Рос­сии и от­ка­зы­ва­лась от сво­его на­ме­ре­ния за­во­е­вать весь Иран.

В ре­зуль­та­те Пе­тер­бург­ско­го 1723 г. и Кон­стан­ти­но­поль­ско­го 1724 г. до­го­во­ров Рос­сия обес­пе­чи­ла безо­пас­ность юго-вос­точ­ных рай­о­нов стра­ны, фак­ти­че­ски отод­ви­нув свою гра­ницу до Ка­вказ­ско­го хреб­та. Рус­ские по­зи­ции в рай­оне ме­жду Чер­ным и Ка­спий­ским мо­ря­ми укре­пи­лись, что за­труд­ня­ло пре­ж­нее ис­поль­зо­ва­ние Кры­мским хан­ством ча­сти му­суль­ман­ско­го на­се­ле­ния про­тив Рос­сии.

Хотя Рос­сии при­шлось по­йти на су­щес­вен­ные ус­ту­пки, в том чис­ле на при­зна­ние ту­ре­цко­го гос­под­ства над тя­го­тев­ши­ми к Рос­сии Вос­точ­ной Грузией и Вос­точ­ной Ар­ме­нией, в це­лом же Кон­стан­ти­но­поль­ский до­го­вор 1724 г. яв­ля­лся зна­чи­тель­ным дос­ти­же­ни­ем по­ли­тики Рос­сии на Вос­то­ке: Тур­ция не бы­ла до­пу­щена на по­бе­ре­жье Ка­спий­ско­го мо­ря; в За­кавказье бы­ло ус­та­но­в­ле­но вы­год­ное по тем вре­ме­нам для Рос­сии тер­ри­то­ри­аль­ное раз­гра­ни­че­ние ме­жду рус­скими и ту­ре­цкими вла­де­ния­ми ².

Хотя крепость, о со­ору­же­нии ко­то­рой про­си­ли ка­бар­дин­цы, бы­ла по­стро­ена не на их тер­ри­то­рии, а в Да­ге­стане, на р. Су­лак (Свя­той Крест), в ре­зуль­та­те че­го гра­ницы Ка­бар­ды оста­лись от­кры­ты­ми для вра­же­ских вто­р­же­ний, тем не ме­нее за­кре­пле­ние Рос­сии на Се­ве­ро-Вос­точ­ном Ка­вказе с вклю­че­нием в пер­вой тре­ти XVIII в. в ее со­став при­мор­ской ча­сти азе­р­бай­джан­ских и да­ге­стан­ских вла­дений еще боль­ше упрочило по­зи­ции сто­рон­ни­ков рус­ской ори­ен­тации в Ка­бар­де, Бал­карии и дру­гих гор­ских рай­о­нах Се­вер­но­го Ка­вказ­а. Рос­сия по­лу­чи­ла широ­кие воз­мож­но­сти для уг­луб­ле­ния и рас­ши­ре­ния сво­их свя­зей с мес­тны­ми на­ро­да­ми, для ока­за­ния более эф­фек­тив­но­го воз­дей­ствия на ход со­бы­тий в этом ре­ги­оне. Но в то же вре­мя ка­бар­дин­ский во­прос, за­ни­мав­ший до это­го одно из цен­траль­ных мес­т в рус­ско-ту­ре­цких от­но­ше­ниях, в XVIII в. при­об­рел еще более острый ха­рак­тер, сде­ла­лся одним из важ­ней­ших во­про­сов ме­жду­на­род­ной по­ли­тики. Ак­ти­ви­зи­ро­ва­лись дей­ствия и ди­пло­ма­ти­че­ских пред­ста­ви­те­лей Рос­сии в Кон­стан­ти­но­поле, ко­то­рые на­прав­ля­ли свои ус­и­лия на энер­гич­ную за­щиту на­ци­о­наль­ных ин­те­ре­сов Рос­сии и ка­вказ­ских на­ро­дов, в ча­ст­но­сти ка­бар­дин­цев и бал­кар­цев. «В 1732 го­ду ме­жду Рос­сией и Тур­цией встал во­прос о том, – пи­шет Г. А. Ко­киев, – ко­му из на­зван­ных двух дер­жав дол­жна при­над­ле­жать Ка­бар­да. Рос­сия не при­зна­ва­ла ни­ка­ких прав за Тур­цией и Кры­мом; в свою оче­редь, и Тур­ция не при­зна­ва­ла ни­ка­ких пре­иму­ществ за Рос­сией на об­ла­да­ние Ка­бар­дой.

¹ См.: Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 412.

² См.: Дипломатический словарь. Т. 3. С. 89.

В русских политических кругах существовало твердое решение не уступать Кабарду ни Крыму, ни Турции, тем более что она в то время играла весьма важную стратегическую роль. «Кабарды уступать нельзя, – писал русский посланник в Константинополе Неплюев Елизавете Петровне, и этим отворить дверь татарам в Дагестан»¹. Российское правительство через своих послов неоднократно ставило вопрос перед Турцией об оставлении Кабарды в покое и о невмешательстве в ее внутренние дела.

Но Турция в нарушение условий Константинопольского договора 1724 г., воспользовавшись ослаблением Ирана, вновь развернула борьбу за установление безраздельного господства в Закавказье и на Северном Кавказе. Она вновь стала подстрекать к активным агрессивным действиям и своего вассала крымского хана, который совершал нападения на Кабарду и опустошал многие ее районы. Вновь обострились отношения между Россией и Турцией, в которые вмешались Англия и другие европейские державы, заинтересованные в осложнении русско-турецких отношений.

Стамбульский двор никогда не оставлял мечту об осуществлении своих захватнических планов по отношению к Кавказу. Еще во время переговоров, которые велись летом 1726 г. в Петербурге, царь Карти Вахтанг VI, после захвата турками Восточной Грузии выехавший в Россию, представил свои соображения правительству Екатерины I, в которых подчеркивал, что турецкий султан стремился к захвату не только Закавказья, но и Северного Кавказа «от Кубани до Баки соединить желает», чтобы на Кавказе у него противников вообще не было, а, с другой стороны, «многие прибыточные места останутся без владения и оттого у него интерес и воинские люди умножатся»². Вахтанг VI советовал построить крепость на Северном Кавказе «близ чеченцев у теплых вод от Терека в двух днях расстоянием». Он подчеркивал, что Россия может и принять на свою службу кабардинских князей и других горцев и тем самым обеспечить путь через Северный Кавказ в Имерети и в Карти³. Как опытный политик Вахтанг хорошо понимал место и роль Кабарды в борьбе с турецкой и иранской агрессией, в расширении и укреплении связей России не только с северокавказскими горцами, но и с Грузией. Он просил дать жалованье кабардинским князьям, «черкесским владельцам Казы и Кайче» и особенно просил о своем шурине Адил-Гирее, которого лично «взяла в службу ея величества». Вахтанг VI подчеркивал, что кабардинских князей следует держать на своей стороне, так как через их владения проходит путь из России в Грузию⁴. И царское правительство, будучи заинтересованным в поддержке кабардинских князей, положительно решило вопрос о назначении им жалованья⁵.

Постоянно получая сведения о положении дел на Кавказе, Вахтанг VI информировал русское правительство о складывающейся в регионе ситуации, об агрессивных замыслах Ирана и Турции против России и кавказских народов. В 1729 г. он писал В. Долгорукову, как лицу, бывавшему на Кавказе и знакомому с ним, о том, что приехавший от Ксанского эристава архимандрит Арсений сообщил ему о планах турок построить крепости на Северном Кавказе, в частности «в Хеви... близ Кабарды и Чеченя». Но когда в правительстве России ознакомились с этим

¹ Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 64.

² Пайчадзе Г. Г. Русско-грузинские отношения в 1725–1735 гг. Тбилиси, 1965. С. 73.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 55. СПб., 1885. С. 127–129.

сообщением, то усомнились в его достоверности и нашли «невероятным, чтоб турки домогались на Кабардинской стороне крепость поставить...». Но все же, усматривая в этом определенную опасность, решили предпринять и некоторые меры предосторожности, а именно: еще более стараться склонить на свою сторону владельцев Большой и Малой Кабарды перед угрозой турецкой агрессии¹.

Наконец, в 1733 г. Вахтанг VI предложили представить письменно свои соображения о путях из России в Грузию, по которым могли выступить русские войска. Картлийский царь назвал две дороги: 1) через Шемаху и 2) через Хеви – ущелье, в котором брал свое начало Терек.

Характеризуя второй путь, Вахтанг VI писал: «Другую дорогою, которою течет Терек-река, хевинскою, от черкесского князя Казы, коему дается ея императорского величества жалованье, до которого от гребенских козаков в сутки езда, а от Хазы до Чимита верст с тридцать... А от Чимита до Хеви шестьдесят верст или меньше. И по той дороге есть места узкие, однакож с работою идти здесь можно и полковые пушки перевести. А провиант надлежит в Чими завезть заблаговременно, а от Чими можно через те узкие места на лошадях увьюча перевезть. А как прибудет войско в Чимит или в Хеви и тут встретят князья, которые к нам писали, о чем известно ея императорскому величеству. И сколько могут служить и способствовать станут. Да по оной же дороге грузинская, мелетинская и кахетинская земли все в близости стоят и служить ея императорскому величеству с радостью будут. Тако ж и горски разный народ против татар с российской стороны пойдут и служить будут»².

Между тем отправка русских войск по указанным дорогам в Грузию откладывалась, хотя ситуация для этого была благоприятной. Русский резидент в Константинополе Неплюев, знавший положение в Турции, значительно ослабленной внутренними неурядицами, в 1734 г. доносил, что Россия сможет добиться успеха и заставить Османскую империю отказаться от стремления укрепиться на Кавказе и угрожать югу России. Он предлагал воспользоваться этим обстоятельством, а также турецко-иранскими противоречиями и начать борьбу с Портой³. Однако в правительстве России не все рассуждали подобным образом. Вице-канцлер А. Остерман, в руках которого фактически были сосредоточены все нити управления внешней политикой страны, смотрел на это дело иначе. Он придерживался внешнеполитической линии не давать повода Турции к обострению отношений с Россией и в то же время не допускать ее примирения с Ираном, чтобы посредством турецко-иранской войны лишить Порту возможности активных действий в европейских делах, в первую очередь в польском вопросе⁴.

Нерешительная и уступчивая политика царского правительства, дипломатические промахи А. Остермана, стремившегося привлечь на сторону России пришедшего к власти шаха Надир хана («грозы Вселенной», как его называли на Востоке) для борьбы против Османской империи, отношения с которой к началу 30-х гг. XVIII в. снова обострились, и назревала война, привели в конечном счете к утрате приобретений Петра I на Восточном Кавказе, возвращению Россией Ирану полученных по Русско-Иранскому договору 1723 г. прикаспийских провинций. По Рештскому договору 1732 г., подписанному между этими держава-

¹ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С. 138–139.

² Там же. С. 143.

³ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 19; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 73.

⁴ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С. 147.

ми, провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад возвращались Ирану без права их передачи третьему государству¹. Рештский договор сохранял свою силу до заключения Гянджинского трактата от 10 (21) марта 1735 г., согласно которому царское правительство передало Ирану Дербент и Баку с их провинциями. Русская граница вновь была определена по р. Тереку, на левый берег которого были переведены войска, а крепость Святого Креста скрыта, ее жители переселены в Кизляр². По договору Иран обязался не допускать перехода этих городов под власть других держав, продолжать войну с Турцией, до тех пор пока не будут отвоеваны им все захваченные турками владения. Обе стороны обязались также ни в какие переговоры с турками, задевающие интересы одной из сторон, не вступать и участвовать в заключении мирных договоров совместно, соблюдать «нерушимо навеки» постановления Рештского договора 1732 г. Иран же обязался возвратить по отвоевании у турок Восточно-Грузинское царство Вахтангу VI. Договор подтверждал прежние соглашения России с Ираном, разрешавшие России свободную торговлю в Иране³.

Турецкое правительство по-своему расценило этот акт, усмотрев в нем ослабление интереса России к Кавказу, непрочность ее позиции в этом регионе. И Турция, подстрекаемая западными державами, сразу же активизировала здесь свою агрессивную деятельность, подталкивая также Крымское ханство к вторжению на Северный Кавказ, утверждая, что «Кабарда, а вместе с ней и ряд территорий на Северо-Западном Кавказе якобы принадлежат крымскому хану. Стремясь создать простор для агрессии Крыма в этом районе, Турция уже тогда, в начале 30-х гг. XVIII в., настаивала на провозглашении Кабарды нейтральной территорией, с чем Россия, представившая справку «О Кабардах Большой и Малой, о пребывании их в протекции или же в подданстве Российской империи, явно не могла согласиться»⁴.

И хотя историческая правда была на стороне русского резидента в Константинополе И. И. Неплюева, доказывавшего, что кабардинские князья издавна находились в союзе и под покровительством России, высшие турецкие сановники, поддерживаемые западными дипломатами, утверждали обратное, что те якобы являлись вассалами крымского хана. «Между тем, – писал Н. И. Костомаров, – у России с Турцией был еще и свой предлог к вражде. Турция считала, что страна, называемая Кабарда, истари принадлежит Крыму, зависимому от Турции; русские ссылались, что этот край по договору был объявлен независимым, а князья кабардинские отдались России»⁵. В 1734 г. крымские татары как турецкие данники вновь напали на Кабарду. Нарушая заключенные с Россией договоры, усилили свои агрессивные действия в этом регионе и сами турки, использовавшие крымских татар и на этот раз в своих захватнических целях. Поэтому А. Остерман в ноте султану указывал, что турки и крымцы совершают грабежи и убийства, разоряют и опустошают кавказские села и деревни⁶.

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 32.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 418.

³ СИЭ. М., 1963. Т. 4. С. 91.

⁴ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 19; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 73.

⁵ Костомаров П. Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1888. Т. 2. С. 200.

⁶ См.: Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 374.

Русско-турецкие противоречия на Кавказе вновь приобрели особую остроту в связи с заключением Гянджинского договора между Россией и Ираном в 1735 г. Договор этот вызвал крайнее раздражение у турецкого правительства. На совещании Великого дивана (тайного совещательного совета) у султана высшие сановники Османской империи решили снарядить крымского хана в поход через Северный Кавказ в Прикаспий для занятия уступленных Россией Ирану территорий¹. В ответ на это Россия заявила протест турецкому правительству, русские войска заняли Азов и вошли в Крым. Этим воспользовалась воинственно настроенная Порты, искавшая повода для еще большего обострения своих отношений с Россией. В 1735 г. верховный визирь Али-паша заявил И. И. Неплюеву о намерении его правительства разорвать свои отношения с Российским государством, бездоказательно обвинив его в том, что оно отобрало у Порты ее древнее владение на Северном Кавказе и подстрекает Грузию на борьбу против турок².

Турция не ограничилась одними угрозами, а стала открыто готовиться к войне, концентрировать свои войска в Закавказье. Узнав об этом, русское правительство, «ссылаясь на неоднократные нарушения Турцией заключенных с Россией договоров и на татарские набеги, направило Порте ноту с объявлением войны»³.

Обострившиеся таким образом отношения между Россией и Турцией не ограничились дипломатической борьбой, а вылились в открытый военный конфликт. Правитель Ирана Надир-хан оказался ненадежным союзником России. Вопреки своим обязательствам по Русско-Иранскому договору 1735 г. он в 1736 г. заключил сепаратный мир с Турцией. Единственным и надежными союзниками России в ее борьбе с Османской Портой были некоторые кавказские феодальные владетели (кабардинские князья, шамхал Тарковский и др.). За верную службу России, за активное участие в войне на ее стороне кабардинским князьям царским правительством было выдано в качестве жалованья 3 тыс. руб.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. произошла не только и не столько из-за Кавказа, а главным образом в результате обострения противоречий между Россией и Турцией после русско-польской войны 1733–1735 гг. Русская армия под командованием фельдмаршала Б. Х. Миниха 20 (31) мая 1736 г. овладела Перекопом в Крыму, а затем столицей Крымского ханства г. Бахчисараем, который не смогла удержать из-за начавшейся эпидемии, недостатка продовольствия, фуража и отошла на Украину⁴. Другая русская армия под командованием генерала П. П. Ласси 19 (30) июня 1736 г. захватила крепость Азов. 12 (23) июля 1737 г. П. П. Ласси в Салгирском сражении разбил войска крымского хана Фетхи-Гирея и обратил его в бегство⁵. В августе 1739 г. русская (Днепровская) армия в результате наступления в Молдавии добилась больших успехов.

17 (28) августа 1739 г. русские войска (48 тыс. чел., 250 орудий) под командованием фельдмаршала Б. Х. Миниха в крупном сражении у села Ставучаны (ныне в Черновицкой области Украины) наголову разгромили объединенные войска сераскера (главнокомандующего) Вели-паши, крымского хана Ислам-Гирея, турецких генералов Колчак-паши и Генж-Али-паши (общая численность – более

¹ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С. 162.

² См.: Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 74.

³ Дипломатический словарь. М.: Политиздат, 1971. Т. 2. С. 375.

⁴ См.: Банов А. Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909. Вып. 3. С. 47–52, 54–55.

⁵ См.: Ибрагимбейли Х. М. Салгирское сражение 1737 г. // Советская военная энциклопедия. М., 1979. Т. 7. С. 216.

80 тыс. чел., 170 орудий). В результате этого разгрома русская армия заняла 19 (30) августа крепость Хотин, а затем – большую часть Молдавии¹.

В начавшейся русско-турецкой войне 1735–1739 гг. кабардинцы приняли активное участие на стороне России. Многочисленные отряды кабардинских воинов храбро сражались в рядах русской армии против крымцев и турок в Прикубанье и на подступах к Азову.

Два конных отряда из отборных панцирников: один из Большой Кабарды под командой кн. Мисоста Кургокина, а другой – из Малой Кабарды во главе с кн. Кильчукой Таусултановым – участвовали во взятии крепости Азов. Третий в полторы тысячи всадников действовал на Кубани. Четвертый – из 600 конных – соединился с калмыками Дондука Омбы и 3 мая 1736 г. разбил 10-тысячный отряд кубанских татар Салтан-Улу². В 1737 г. кабардинцы участвовали в разгроме крымского войска в Салгирском сражении, а в августе 1739 г. они под командованием Арсланбека Кайтукина нанесли крупное поражение на берегу Лабы вторгшимся из Крыма разбойничьим войскам Кази-Гирея-Салтана³. Кроме того, кабардинские конники надежно охраняли коммуникацию русских войск, действовавших на Кавказе, – дорогу Кизляр–Астрахань⁴. Россия всегда высоко ценила эту традиционную верность кабардинцев, которые в самые сложные и трудные периоды для страны неизменно оставались на ее стороне⁵. Поэтому при рассмотрении международных проблем, касавшихся в какой-то мере и кабардинцев, Россия всегда старалась решить вопросы с учетом их интересов. Так было и теперь, когда в ходе войны между Россией, Австрией и Османской империей по предложению турецкого правительства на Украине, в местечке Немирове, состоялась встреча представителей воюющих держав с целью выработки примерных условий мирного договора. Здесь русская делегация во главе с П. П. Шафировым настойчиво добивалась перехода к России «Кубани, Крыма и земель между устьями Дона и Дуная с целью обеспечения спокойствия Русского государства...»⁶. Определение будущей русско-турецкой границы по р. Кубани вполне отвечало интересам Кабарды, которая осталась в тесном союзе с Русским государством.

Здесь нелишне заметить, что в мирных переговорах с Турцией на Немировском конгрессе 1737 г. в качестве одного из руководителей русской делегации участвовал А. П. Вольнский, бывший в 1719–1725 гг. губернатором Астраханской губернии, поддерживавший связи с кавказскими владетелями и, в частности, лично побывавший еще в 1721 г. на Тереке и ведший переговоры с кабардинскими князьями. Здесь же был и И. И. Неплюев, который, являясь русским резидентом в Константинополе, очень активно отстаивал законные права России и Кабарды, занимавшей важное стратегическое и политическое положение на Северном Кавказе.

Но на Немировском конгрессе стороны не пришли к соглашению. Срыв мирных переговоров, немаловажную роль и котором сыграла деятельность француз-

¹ См.: *Ибрагимбейли Х. М.* Ставучанское сражение 1739 г. // Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979. С. 513–514.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 430.

³ Там же. С. 432.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 167.

⁵ КРО. Т. 2. С. 93–95.

⁶ Дипломатический словарь. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 376.

ской дипломатии, толкавшей Порту на продолжение войны, а затем нарушение австрийским правительством своих союзнических обязательств и подписание им, несмотря на успех русских войск, 21 августа (1 сентября) 1739 г. сепаратного мирного договора с Турцией, изменили и осложнили общую стратегическую обстановку. Выход из войны Австрии и ухудшение отношений со Швецией обострили дипломатическую ситуацию вокруг России, вынужденной пойти на мирные переговоры. «Капитуляция Австрии делала для России бесперспективным продолжение затянувшейся войны, и 18 (29) сентября 1739 г. под Белградом был подписан мирный договор между Россией и Турцией»¹. Белградский договор, считающийся самым неудачным во всей истории русской дипломатии, был невыгодным и в отношении Кабарды. Он был оценен В. Н. Кудашевым как акт «политической ошибки», прерывавшей «естественную историческую связь Кабарды с Россией»². Правовое положение Кабарды, определенное по этому договору, не было сколько-нибудь жизненным и плодотворным. На Белградской мирной конференции, на которой была подведена черта под этой войной, русская делегация вынуждена была пойти на компромисс, отступив от первоначальной позиции, занятой на Немировском конгрессе, и согласившись с нейтрализацией Кабарды, предложенной турецкой стороной, давно вынашивавшей этот принцип.

Согласно статье 6 Белградского мирного договора Малая и Большая Кабарда объявлялись независимыми, «вольными», и призваны были служить нейтральным «барьером» между обеими империями, Россией и Турцией. Обе державы обязывались не вмешиваться во внутренние дела кабардинцев, но получили право «по древнему обыкновению» требовать у них аманатов (заложников)³ и «наказывать, когда причину к неудовольствиям подадут», т. е. как у России, так и у Турции в отношении Кабарды руки оставались развязанными. Следует подчеркнуть, что вопрос права Турции и России на требование у Кабарды аманатов свидетельствует о недоверии этих держав к кавказским владельцам и их народам, больше того – об оскорбительном и унижительном отношении к ним со стороны Константинопольского и Петербургского дворов.

Вскоре сама жизнь раскрыла планы турецких правителей, настойчиво добивавшихся «нейтрализации» Кабарды, занимавшей ведущее место в их кавказской политике. Прежде всего они боялись, и не без основания, что оставление Кабарды, занимавшей важное стратегическое и политическое положение в регионе, вместе с Россией лишит их возможности безнаказанно вмешиваться во внутренние дела горцев и грабить их, преградит путь османско-крымской агрессии с запада в район центральной части Северного Кавказа. Сама жизнь также раскрыла карты и царской России, которая в Кабарде, как и на всем Северном Кавказе, продолжала расширять и укреплять свои позиции.

«Нейтрализация» Кабарды была просто фикцией, намеренно, с определенной целью созданным положением, оставлявшим край ареной борьбы между Турцией, Крымом и Россией, беззащитным перед лицом новых разбойничьих вторжений иноземных завоевателей. Она могла служить только удобной ширмой для феодалов, продолжавших свою междоусобную борьбу, от которой прежде всего и главным образом страдали народные массы. Последние не могли не чувствовать на себе всей фальши этой «независимости» в условиях про-

¹ Дипломатический словарь. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 121.

² Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 52, 55.

³ Полное собрание Законов Российской империи. Т. 10. С. 899–901.

должавшихся феодальных распрей и грабительских набегов крымских татар. Поэтому горцы по-прежнему твердо держались русской ориентации, тянулись к традиционному союзу и дружбе с Россией, с надеждой на силу, способную избавить их от внутренних бесконечных неурядиц и уберечь от угрозы иноземного вторжения. Нельзя сбрасывать при этом со счетов субъективные, экспансионистские устремления русского царизма на Кавказе. Настроения и помыслы кабардинцев и балкарцев той исторической эпохи со всей полнотой и ясностью выражали такие передовые, прогрессивные деятели того времени, как вышеупомянутый Джабаги Казанок, глубоко осознавший весь вред, всю пагубность феодальных междоусобиц, подрывавших силы горцев, облегчавших внешним врагам осуществление своих захватнических устремлений.

§ 2. Провал захватнических планов иностранных держав на Кавказе и новый политический статус Кабарды

Возвращение Ирану по договорам с ним 1732 и 1735 гг. прикаспийских провинций с условием, что он не допустит завоевания этих земель Турцией, а также соглашение на объявление Кабарды «нейтральной» по Белградскому договору 1739 г. вовсе не означали отказа России от продолжения своей ближневосточной политики, ослабления ее интереса к Кавказу.

После смерти Петра I в целом русская внешняя политика продолжала служить государственным интересам России, «опираясь на еще не растраченное до конца наследие Петра...»¹.

Что же касается Северного Кавказа, то здесь в 1735 г. вместо оставленной русскими войсками крепости Святой Крест на Сулаке была сооружена другая крепость – Кизляр в нижнем течение Терека, ставшая плацдармом России на Северо-Восточном Кавказе.

Удержанию Россией своих позиций на Северном Кавказе сравнительно малыми силами способствовала сложившаяся на юге международная обстановка и соотношение сил в регионе.

Один из претендентов на Кавказ, жестокий завоеватель властитель Ирана Надир-шах Афшар (1736–1747), в зените своей славы в 1741–1743 гг. потерпевший поражение от горцев², был в это время (на рубеже 30–40-х гг. XVIII в.) занят завоевательными походами в Среднюю Азию, Афганистан и Индию, а его соперники по агрессии на Кавказе, османские правители, были скованы феодальными междоусобными смутами и народными восстаниями в своей собственной Османской империи. В этих условиях постепенно активизировалась и стала более энергично действовать и русская дипломатия на Кавказе, что особенно стало заметно после дворцового переворота 1741 г., приведшего к власти дочь Петра I Елизавету. В основе этой активизации лежал, прежде всего, социально-экономический фактор развития Российского государства. Повысившийся интерес правительства Елизаветы Петровны к Кавказу был продиктован стремлением русских помещиков и расширению сфер крепостнической эксплуатации за счет освоения южных и юго-восточных степных окраин, а также потребностями в новых источниках сырья для развивающейся промышленности России. С этим

¹ Молчанов Н. И. Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения, 1984. С. 429.

² Бушев П. П. Указ. соч. С. 123.

были связаны развернувшиеся в это время поиски рудных месторождений в Кавказских горах.

Новая императрица, проявляя интерес к кавказским делам, следуя традиционной политике своих предшественников, благосклонно принимала и поощряла тех горских владельцев, которые продолжали ориентироваться на Россию и искали ее покровительства и защиты.

В 1742 г. кабардинские владельцы Магомед Кургокин, Касай Атажукин, Карамурза Алибеков послали князя Магомеда Атажукина к императрице Елизавете Петровне с прошением, в котором излагались их заслуги в борьбе с крымским ханом и другими общими врагами России и Кабарды. В нем говорилось: «...несколько сот лет как прадеды, деды и отцы наши служили, так и мы служим; и ради такой нашей службы дабы мы, древняя раба, высочайшею милостию вашего императорского величества оставлены не были и всегда б в милостивейшей протекции содержаны были, а каким образом предки вашего императорского величества великие государи, дедов и отцов наших содержали чаятельно, что вашему величеству небезызвестно, понеже и после отцов наших по высочайшему указу блаженныя памяти великого государя, с войском российским и князем Александром Бековичем-Черкасским вместе мы на Кубань ходили и там крымского калгу-салтана с великим числом поиск его разбили»¹. Кабардинские владельцы просили императрицу ежегодно менять аманатов, отдавать обратно их холопов, уходящих в казачьи городки, и выдать им жалованье за верную службу, которое они уже несколько лет не получали. В их прошении подчеркивалось, что они «России в верности находятся» и что «до конца жизни» своей «в подданстве крымском быть» не хотят и поэтому «всепопданнейше» просили, дабы их «под милостивым защищением» «ея императорского величества содержаны были»².

Текст прошения кабардинских владельцев был передан ныне канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину 7 ноября 1742 г., а 28 ноября кабардинского посла приняла императрица Елизавета Петровна. Магомед Атажукин от имени кабардинских владельцев поздравил ее с «благополучным восшествием» на «родительский императорский престол» и заверил в их верности присяге. Запись ответа на речь кабардинского князя Магомеда Атажукина на аудиенции у императрицы Елизаветы Петровны гласит: «...ея императорское величество приезд его, владельца Мухамеда, со всенижайшим их поздравлением приемлет милостиво и обнадеживает их своею императорскою высочайшею милостию»³.

Магомед Атажукин дважды имел аудиенцию у императрицы Елизаветы Петровны. Первый раз в Москве (28 ноября 1742 г.), а второй раз уже в Петербурге (11 декабря 1743 г.).

Прибыв из Москвы в Петербург, кабардинский посол Магомед Атажукин в Коллегии иностранных дел передал другой документ от кабардинских владельцев Магомеда Кургокина и Касая Атажукина вице-канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину. В нем наряду с другими вопросами содержалась просьба о помощи войсками против крымцев и их сторонника Асланбека Кайтукина, все время стремящегося силой перевести кабардинцев на Кубань. В письме говорилось: «И покамест он, Асланбек, на свете будет, то им, кабардинцам, разорений чинить не оставит; а ежели ея императорское величество... желает, чтоб не пришли они во всеконечное разорение, дабы определено было к ним для всегдашняго пре-

¹ КРО. Т. 2. С. 102.

² Там же. С. 103–104.

³ Там же. С. 105.

бывания российское войско»¹, а «также бы о вспомоществовании их в потребное время определено было указом донское или калмыцкое войско»².

В ответе, данном в Коллегии иностранных дел кабардинскому послу Магомеду Атажукину от имени Елизаветы Петровны, кабардинцев заверили, что они в случае нападения крымцев «без защищения оставлены не будут»³. Что касается жалобы на кабардинского владельца Асланбека Кайтукина, то в ответе было сказано, что «для охранения их от оного Асланбека и ныне в Кабарде обретаецца один майор с командою»⁴. И тем не менее, как сказано далее в ответе, Елизавета Петровна, считаясь с просьбой кабардинских владельцев, учитывая их «постоянную к ея императорского величества верность, всемилостивейше указать соизволила послать в Кабарду знатную персону, бригадира и царицынского коменданта Кольцова, которому их, кабардинских владельцев, в зашедших между ими ссорам добрым способом примирить и согласить, причем им, владельцам баксанской партии, всевозможная ея императорского величества милость показана быть может»⁵.

Здесь же совершенно справедливо указывалось, что «из междоусобных их ссор на обе стороны никакой пользы, кроме народного разорения, произойти не может»⁶.

Через Магомеду Атажукина кабардинским владельцам Магомеду Кургокину, Касаю Атажукину и другим были посланы две грамоты императрицы Елизаветы Петровны.

«К нам, великой государыне, – сказано в первой из них, – к нашему императорскому величеству лист ваш через брата вашего владельца Магомеду Атажукина, и потом еще два здесь получены, по которым и по словесному помянуто брата вашего, владельца Магомеду, представлению о службах и прошениях ваших, нашему императорскому величеству известно. И мы, великая государыня, вашими верными к нам службами, пред сим при разных случаях показанными, всемилостивейше довольны». И далее в грамоте говорилось о том, что астраханскому губернатору Татищеву отправлен указ о выдаче им императорского жалованья 2000 руб. «А в протчем, – сказано в заключение, – всевозможное удовольствие вам чинить оной же губернатор указ наш имеет»⁷.

Во второй грамоте императрицы Елизаветы Петровны кабардинским владельцам речь шла о посылке к ним бригадира Петра Кольцова для примирения их между собой. Такого же содержания грамота была послана и противной стороне, т. е. кабардинским владельцам Асланбеку Кайтукину и Батуке Бекову⁸.

Вскоре с вышеозначенной миссией в Кабарду с отрядом в 400 солдат и казаков прибыл бригадир Петр Кольцов. Последний имел указ императрицы Елизаветы Петровны с наставлением как поступать в Кабарде при разных обстоятельствах, чтобы не дать повода Турции для заявления о нарушении Белградского мирного трактата⁹. Договор этот заставлял Россию действовать в отношении Кабарды с большой осторожностью. Поэтому офицерам, посылавшимся туда с небольшими отрядами для примирения кабардинских феодалов, предписывалось действо-

¹ КРО. Т. 2. С. 108.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 109–110.

⁶ Там же. С. 110.

⁷ Там же. С. 112–113.

⁸ Там же. С. 113.

⁹ Там же. С. 119–121.

вать чрезвычайно осторожно, чтобы эти экспедиции не носили характера военного вмешательства и не вызывали агрессивных действий со стороны Турции и крымского хана ¹.

Но задача оказалась настолько сложной и трудной, что Кольцову не удалось примирить враждующие стороны. Более того, кабардинские владельцы кашкатауской группы Асланбек Кайтукин и Батука Беков послали императрице Елизавете Петровне послание с жалобой на неправильные действия бригадира Кольцова. Их особенно возмутило, что он требовал явиться к нему без сабель. «В прошлые годы, – писали они, – когда его императорское величество Петр Великий приходил к Дербенту, и мы к нему к самому в саблях ходили, однако ж нам сабли складывать повеления не было»². Владельцы просили прислать другого человека, который «мог бы без всякого пристрастия» решать вопрос о примирении враждующих сторон ³. Поэтому с такой же миссией в 1744 г. был направлен находившийся на русской службе грузинский царевич Бакар Багратиони, а в 1750 и в 1753 гг. – майоры Барковский и Татаров ⁴.

Задача этих представителей русского военного командования состояла не только в примирении враждующих феодальных группировок разных ориентаций, хотя и это было немаловажно в плане консолидации сил горцев в целях отражения турецко-крымской агрессии на Северном Кавказе. Выполнили они и другие задания правительства.

Россия, несмотря на то, что она в своих действиях на Северном Кавказе была связана Белградским договором 1739 г., согласно которому Кабарда объявлялась нейтральной, «барьером» между нею и Турцией, продолжала расширять и укреплять свои экономические и политические связи с владельцами этого региона. Поэтому эмиссары царского правительства уделяли внимание изучению территории горских народов с точки зрения ее военно-стратегического значения как возможного театра военных действий против потенциального противника. С каждым годом возрастал интерес России к рудным месторождениям Кавказа, вставал вопрос о его геологическом изучении. Все это, вместе взятое, определило конкретные практические шаги, предпринимаемые Россией на Северном Кавказе, и в частности в Кабарде и Балкарии.

В 1744 г. геодезист Степан Чичагов составил подробную карту Большой и Малой Кабарды и дал к ней описание ее населенных мест ⁵.

Кстати, к началу XVIII столетия еще не было карты России, отвечавшей требованиям того времени. Лишь при Петре I было положено начало систематической научной картографии ⁶. Дальнейшим продолжением реализации огромной научной важности задачи, впервые поставленной им, явилось и составление карты Чичагова, которая в 1745 г. астраханским губернатором Татищевым была послана в Коллегию иностранных дел и использовалась русской администрацией при решении спорных вопросов между различными группировками кабардинских феодалов в деле их примирения. Когда кабардинские владельцы кашкатауской группы обратились к канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину с просьбой разрешить им жить на Чегеме и Шалушке, где они раньше жили. Коллегия

¹ КРО. Т. 2. С. 386.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 126–127.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 1. С. 168.

⁵ КРО. Т. 2. С. 114–115.

⁶ Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 114.

иностранных дел дала указ астраханскому губернатору И. О. Брилкину выяснить возможность поселения этих владельцев в означенных местах. При этом в указе, со ссылкой на карту С. Чичагова, было сказано: «А в кабардинской ландкарте, присланной сюда прошлого 1745 года при доношении тайного советника и прежде бывшего в Астрахани губернатора Татищева, назначено под № 28 между рек Чегема и Нальчиком, на двух речках Шалухах, двор владельца Арсланбека, 30-м – деревня владельца Батуки, да на двух речках Нальчиках под № 32 деревни онаго ж владельца Арсланбека. И потому хотя здесь и нечаятельно, чтоб пребывание владельца Арсланбека с братьями на прежних их местах, а именно на речках Шалухах и Нальчиках, баксанским владельцам было противно, однако же вам пристойным образом о том с ними, баксанцами (нимало не упоминая им о Баксане), снести, и когда им то будет непротивно, в таком случае и Арсланбеку с братьями в тех местах поселиться и жить позволить...»¹.

В другом документе – справке Коллегии иностранных дел для Кабинета императрицы Елизаветы Петровны, сказано, что из имеющейся в Коллегии «ландкарты кабардинским, кумыцким и другим горским местам, сочиненной нарочно посланными для того в 1743 году из Москвы в Астрахань геодезистами, усматривается, что близ лежащих по ту сторону реки Терка Щедрина и Червленого городков есть горячие и нефтяные колодези»². Таким образом, практическое значение этой карты сказалось сразу же после ее составления.

В то же время продолжались поиски возможных путей примирения враждующих партий и прекращения феодальных междоусобиц в Кабарде, наносивших большой вред прежде всего трудовому горскому населению, а также осложнявшими ее взаимоотношения с Россией.

Разборами и враждой между горскими феодалами стремились воспользоваться восточные державы, не оставлявшие свои претензии к Кавказу, искавшие себе опору среди враждующих феодальных группировок. В 1734–1735 гг. иранский Надир-шах вторгся в Дагестан и захватил ряд ханств, но не сумел сломить и подчинить вольнолюбивые народы, которые продолжали мужественно бороться против завоевателя.

Так, в 1741 г. Надир-шах со 150-тысячной армией вновь двинулся на непокорную Страну гор. Появление Надир-шаха в Дагестане и слухи о его приближении к русским границам породили в Петербурге серьезные опасения и тревогу. Надир-шах, вторгшийся со 150-тысячной армией в Дагестан, «простирали свои виды даже на Терек и говорил, что Кизляр как место, в древние времена, по мнению его, принадлежал Персии, должно войти в состав его владений»³. Более того, «в случае успешной операции в Аварии иранский правитель рассчитывал покорить не только Дагестан, но и Чечню, Ингушетию, Кабарду, Крым, Кубанскую область, а также российские земли до Астрахани»⁴. В связи с этим «у нас более всего опасались, – писал В. А. Потто, – чтобы на сторону шаха не передавались народы Северного Кавказа, а «наипаче сильнейшие из них – кабардинцы. Года за два перед там, когда кубанский сераскер угрожал Кабарде, у нас не рассуждено было за благо защищать их, и если бы даже кабардинцы сами просили о войсках, то уклоняться молчанием и разными причинами». Теперь, наоборот, туда был послан

¹ КРО. Т. 2. С. 135.

² Там же. С. 177.

³ Потто В. А. Два века терского казачества 1577–1801 гг. Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 57.

⁴ Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. С. 104.

полковник Кнутов «с лучшими из гребенских казаков», «чтобы всемерно стараться удержать кабардинцев от пересылок с шахом»¹. Поэтому Россия стремилась заручиться поддержкой местных владельцев, кабардинским и другим горским князьям были отправлены письма «об утверждении их в верности», выделено 10 тыс. руб. для «ободрения» против Надир-шаха. По сведениям и другого историка П. Г. Буткова, в Петербурге больше всего заботились о сохранении дружественного расположения владетелей Кабарды, о том, чтобы «не предали шаху жители Северной стороны Кавказа и наисильнейшие из них кабардинцы»². Но эти опасения были совершенно напрасны, ибо кабардинцы вовсе не помышляли «передаваться» на сторону шаха. Борьба горцев против кровавых полчищ последнего, являвшаяся героической вехой в освободительной войне народов Дагестана за свою свободу и независимость, нашла свое отражение как в исторических преданиях, так и в целом цикле историко-героических песен народов Страны гор, в котором с документальной точностью воссоздается «пафос объединительных тенденций разноязычного Дагестана в борьбе с общим врагом отечества – персидскими завоевателями...». «В песне «Сражение с Надир-шахом», – пишет Г. Г. Гамзатов, – с большой исторической достоверностью и художественной точностью» воссоздана «реальность событий и дух эпохи, к которой относится разгром в дагестанских горах 40-х гг. в XVIII в. 150-тысячной армии «грозы Вселенной» шах-ин-шаха Персии», который сам «чуть было не попал в плен»³. В 1745 г. территория Дагестана была полностью очищена от полчищ шаха. Его захватническая авантюра на Северном Кавказе провалилась. Другой пример о том, как кабардинские владетели заняли непримиримую позицию по отношению к Ирану, категорически отвергнув требования шаха принять подданство его страны. В марте 1745 г. дворянин Василий Черкесов, посланный кизлярским комендантом князем Оболенским с письмом астраханского губернатора Татищева к кабардинскому владельцу кашкатауской партии Асланбеку Кайтукину, возвратившись в Кизляр, сообщил: «Уведомился ж я чрез ногайца, который неотлучно живет при Расланбеке Кайтукине, что от шаха персидского послан в Крым Андреевский владелец Албирю Казанальпов (которого я и сам при Расланбеке видел) и к нему, Расланбеку Кайтукину, с призыванием в подданство к шаху персидскому приезжал. Токмо он, Расланбек, слышно, что к шаху в подданство не пошел, и он, Албирю, куда от него поехал, неизвестно»⁴.

Таким образом, несмотря на все старания, Надир-шаху не удалось ни покорить горцев Северного Кавказа, ни восстановить их против России.

Кабардинцы не только отказывались от подданства Ирана, но и отвергали всякие притязания Турции и Крыма, заявляя, что они находятся в союзе и под покровительством России, хотя по Белградскому мирному договору 1739 г. Кабарда была признана нейтральной. В сентябре 1745 г. Петр Горин, посланный кизлярским комендантом Оболенским к кабардинским владельцам, возвратился с письмом от Асланбека Кайтукина, в котором сообщалось о нападениях крымцев, о чинимых ими зверствах и грабежах. Кайтукин жаловался, что хотя кабардинцы не давали никакого повода для этого, крымцы «сами они, приехав,

¹ Потто В. А. Указ. соч. С. 57–58.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. С. 224.

³ Гамзатов Г. Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. М.: Наука, 1982. С. 36–113; Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. С. 61–62, 313.

⁴ КРО. Т. 2. С. 128.

от народа кабардинского дань требовали, и на то их требование сказано им было от людей, что они принадлежат к России и дани им давать не будут...»¹.

Устно Асланбек передал П. Горину, что приходил и кубанский сераскер «с войском к их абазинским деревням, которые-де ныне живут в вершине реки Кубани, и просил у оных подданных их ясаку и на то-де наши абазинцы сераскеру объявили, что они подданные российские, а ведомства владельца Асланбека Кайтукина, и для того ему, сераскеру, ясаку не дадут. И за то кубанский сераскер отогнал у абазинцев лошадей, и как-де он, Асланбек, услышал об отгоне лошадей, послал к сераскеру с прошением тех лошадей брата своего Жамбулата с тем объявлением, что ему у подданных абазинцев ясаку брать не надлежит, понеже они и все подданные российские, тако ж и лошадей силою отгонять не приличествует»². Как видно из документа, кубанский сераскер отказался вернуть лошадей. За ним была организована погоня. За Кубанью, на р. Лабе, произошел бой с сераскером и его войском, в котором «убили со стороны сераскировой Большого Нагая мурзу Касая Сыртланова да со сто человек ногайцев, а с их стороны убили они абазинского знатного владельца Касая Ловова и с 80 человек знатных узденей»³. Асланбек Кайтукин через посыльного Петра Горина просил кизлярского коменданта князя Оболенского, чтобы тот послал человека в Крым с протестом, почему кубанский сераскер требует ясака от кабардинцев, угоняет лошадей и теперь готовится идти на них войною. В случае, если он, комендант, не может этого сделать, Кайтукин просил передать его просьбу астраханскому губернатору⁴. Затем о нападении крымцев на владения Асланбека Кайтукина сообщалось в донесении кизлярского дворянина П. Горина в Коллегию иностранных дел.

Таким образом, несмотря на Белградский мирный договор 1739 г. между Россией и Турцией, турки и крымцы не оставляли край в покое, продолжали свои набеги и грабежи. И кабардинцы в своей борьбе против турецко-крымской агрессии продолжали опираться на помощь и поддержку России, которая заставляла Оттоманскую Порту и его вассала крымского хана придерживаться условий мирного договора относительно Кабарды, не вмешиваться в ее внутренние дела.

Так, когда некоторые кабардинские феодалы, изгнав одного из владетелей из Кабарды и опасаясь заступничества за него со стороны русских властей, обратились к крымскому хану, «что ежели от России за изгнание ими ис Кабарды Касая Атажукина будет на них наступление, или насильное взятъе аманатов, или введение в Кабарду владельца Касая, то он, хан крымской, в таком случае, будет ли их от россиян оборонять...», получили от него ответ, что «он за поставленным с Россиею миром оборонять их не может, а ежели они, кабардинцы, похотят из Кабарды выйти и поселиться у темиргоев, то он, хан, им того не запрещает...»⁵.

Несмотря на препятствия, возникавшие в результате осложнения международных отношений, не прекращалась связь Кабарды и Балкарии с Россией. К русскому правительству постоянно обращались многие феодалы из различных группировок. Они в своих письмах и прошениях поднимали самые разнообразные вопросы: о примирении, перемене местожительства, о нападении турок и крымцев и т. д. И Россия не оставалась безучастной к судьбе многострадальных горцев, оказывая им по возможности поддержку и помощь.

¹ КРО. Т. 2. С. 129.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 158.

В декабре 1745 г. кабардинские владельцы кашкатауской группы пишут письмо канцлеру гр. А. П. Бестужеву-Рюмину с просьбой помочь им поселиться на Чегеме и Шалушке из-за недостатка места в «Кашкатаве»¹. Бестужев-Рюмин в своем ответе поддерживал их просьбу с условием не начинать снова междоусобных ссор, ведущих к разорению Кабарды. При этом канцлер напомнил владельцам о содержании своего прежнего письма, где он писал о том, что от ссор с баксанцами «...никакого добра быть не может, кроме взаимного между вами разорения»².

Одновременно канцлер А. П. Бестужев-Рюмин направил письмо и к кабардинским владельцам баксанской группы о необходимости примирения их с владельцами кашкатауской группы³.

В переписке русской администрации с кабардинскими владельцами особое внимание уделялось, как это видно из документов, вопросу примирения враждующих феодальных группировок, являвшемуся самым больным местом, мешавшим укреплению русско-горских отношений, облегчавшим вмешательство иностранных держав во внутренние дела горцев, что приводило к разорению Кабарды.

В Кабарде существовали не только две враждовавшие партии феодалов, баксанская и кашкатауская, но внутри этих партий были также свои группировки: «...нынешние баксанские владельцы, – сказано в документе, – между собой поссорились и разделились на две части: в первой Магомед Коргокин и Джамбулат Койтокин с детьми, в другой Баток-бек со своими детьми и с детьми ж Расланбека Койтокина»⁴.

О том, какой остроты достигла междоусобная борьба феодалов в рассматриваемый период, свидетельствует описание кабардинского народа, хранящееся в материалах Коллегии иностранных дел, где, в частности, сказано: «Да и все владельцы кабардинские един от другаго всегда опасается убивства и для предосторожности оттого и по ночам спят в панцирях»⁵. Руководители внешней политики России хорошо понимали весь вред междоусобной борьбы кабардинских феодалов, как это видно из их обширной переписки с кабардинскими владельцами, и в частности из письма А. П. Бестужева-Рюмина кабардинскому владельцу Магомеду Кургокину от 29 сентября 1747 г. В нем говорилось: «И понеже напредь сего при отцах ваших Кабарда была в таком добром состоянии, что владельцы кабардинские, будучи между себя в согласии, общими силами не только неприятелям своим отпор чинили, но и некоторых из горских народов в покорении себе имели. А потом, когда владельцы кабардинские между себя разгласились и стали производить междоусобия и тем подали причину приходиться в Кабарду других народов войскам, то оттого и Кабарда стала приходиться в слабое состояние, а подлой кабардинский народ – в разорение. И ежели такие ваши междоусобия и впредь будут продолжаться, то и вся Кабарда еще ослабеет.

Того ради весьма полезнее вам, всем владельцам, жить между себя в добром согласии.

Я сей совет и дружеское мое наставление даю вам, в разсуждении доброго вашего ума, и что вы издавна над всеми кабардинскими владельцами находитесь

¹ КРО. Т. 2. С. 130.

² Там же. С. 131

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Там же. С. 159.

старшим и доньне продолжаете ея императорского величества нашей всемило- стивейшей государыне постоянную вашу верность»¹.

Для примирения кабардинских владельцев часто использовались и вы- ходцы из Кабарды, и находившиеся на русской службе лица. В данном случае, т. е. в сентябре 1747 г., с письмом вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина к кабардинскому владельцу Магомеду Кургокину о необходимости примирения с Касаем Атажукиным и прекращения междоусобных ссор был послан кабар- динец генерал-майор князь Эльмурза Черкасский. В письме говорилось: «И я уповаю, что вы с ним и с братьями его и ныне доброжелательно примиритесь и их по-прежнему в Кабарду к себе примете, и во всем том поступите по здоро- му вашему рассуждению и по добрым увещеванием астраханского губерна- ра, действительного камергера и кавалера господина Брылкина и брата вашего генерал-майора князь Эльмурзы Черкасского, которому для того с сим моим письмом велено к вам ехать нарочно, чем и во всей Кабарде тишина и покой восстановлены будут»².

Но примирение враждующих феодалов было далеко не легкой задачей. Представителям русской администрации приходилось действовать очень остро- рожно, проявлять большую гибкость, чтобы не вызвать лишних подозрений с чьей-либо стороны, не обострить обстановку в крае, не оттолкнуть наиболее вли- тельных владельцев от России. И тем не менее дипломатично исполнившаяся посредническая роль не всегда достигала желаемых результатов, как это было и с миссией Эльмурзы Черкасского. Ему не удалось примирить Касая Атажукина с другими владельцами, изгнавшими его из Кабарды. Кабардинские феодалы и слышать не хотели о примирении их с Касаем и его братьями, обьявив «учинен- ную между себя присягу, чтоб им до смерти своя их не видать и в Кабарду к себе из доброй воли не впускать, за что якобы они намерены убить владельца Магомеда Коргокина и притом просили, что ежели они, кабардинцы, потребны быть в подданстве ея императорского величества, то б с российской стороны в дела их не вступать и Касая с братьями к ним в Кабарду не впускать, и мириться, и судиться с ними не принуждать»³.

И все же усилия России в этом направлении давали свои позитивные ре- зультаты. И прежде всего в том, что сдерживали турецко-крымскую агрессию, не давали еще больше разгореться пламени междоусобной феодальной борьбы, от которой прежде всего и больше всего страдали народные массы. Этому спо- собствовала позиция крестьянства, которое твердо и неизменно держалось рус- ской ориентации. Примечательный факт на этот счет содержится в вышеназван- ном описании кабардинского народа. В нем сказано: «В бытность же бригадира Кольцова в Кабарде, Росланбек Кайтукин, имея от него и от баксанцев опасение, желал со всеми своей партии владельцами и подданными перейти за Кубань и в тамошних горах поселиться, токмо подданные его на Кубань идти не склонились и затем, вышед из Кабарды, житьем удержались по здешнюю сторону Кубани в вершинах реки Кумы у абазинских деревень...»⁴. Факт этот не единичный. Их можно привести много.

Автор того же описания кабардинского народа, излагая положение в Кабарде, говоря о ее взаимоотношениях с соседними государствами, подчеркивает, что

¹ КРО. Т. 2. С. 145.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 155–156.

⁴ Там же. С. 155.

кабардинцы никогда не возьмут сторону Крыма, а будут держаться на стороне России, и приводит свои доводы в пользу такого утверждения, которые сводятся к следующему: «1-е. Хотя они с крымцами и кубанцами однозаконцы, однако они от живущих на Кубани солтанов и мурз нередко воровством беспокоены бывают, а от российской стороны в том совершенной покой имеют. 2-е. Что они из Кабарды яко из крепкого места выйти и за Кубанью поселиться и тем природную свою волю потерять и в действительное крымскому хану подданство отдаться не похотят. 3-е. А в Кабарде будучи собственная их польза требует того, чтоб они больше держались российской стороны...»¹.

Отметив таким образом, что Кабарда сама добровольно никогда сторону Крыма, а следовательно, и Турции не примет, автор описания кабардинского народа, со ссылкой на факты из истории их взаимоотношений, говорит далее о том, что и силой хан не сможет подчинить себе кабардинцев, взять «крепкие в Кабарде места», как это не раз уже бывало.

В частности, он рассказывает о событии, имевшем место в начале XVIII в., когда кабардинцы с помощью других горских народов, и прежде всего балкарцев, разгромили многочисленное крымское войско. В описании сказано: «И ныне тому будет лет сорок, как хан крымской по приводу одного кабардинского владельца со многими крымскими и кубанскими войсками приходил на Кабарду, отчего кабардинцы, загнав свои скоты в горы, сами чрез долгое время сидели в осаде в Баксане, и хан, видя, что со степной стороны достать их невозможно, тайно послал большую часть войск своих в горы, чтобы кабардинцев и оттуда утеснить, но они, кабардинцы, о том уведав, все тесные проходы засели и чрез некоторые крымцов и кубанцов в горы впусая, камением те проходы заметали. И тогда в горах при одном солтане крымцов и кубанцов от кабардинцев и от других горских народов побито и с голоду померло больше 30 000 человек. И затем хан со оставшими принужден был от Кабарды бежать»².

Имея в виду это событие, а также неудачную осаду вражескими войсками кабардинских укреплений в районе Кашкатау, автор описания заключает, что «крымские и кубанские силы в Баксане и в Кашкатаве повредить их были не в состоянии, разве продолжительною своею под Кабардою бытностью могут их не допустить в полях хлеб сеять и скот из гор выгонять. Но такое замедление и самим крымцам и кубанцам недешево быть может»³.

Наряду с примирением враждующих феодальных группировок внутри самой Кабарды Россия продолжала, как и прежде, отстаивать интересы кабардинских, балкарских и других феодальных владений Северного Кавказа на международной арене. Так, 31 января 1747 г. русский резидент и Турции И. И. Неплюев вел переговоры с верховным визирем по крымско-кабардинским пограничным делам. Причиной для встречи послужила жалоба крымского хана на кабардинцев, которые якобы причиняли беспокойство кубанским татарам. На самом деле причина жалобы крылась в том, что кабардинцы решительно отвергали необоснованные притязания Крыма на Кабарду, заявляя, что они находятся под протекцией Российского государства.

Верховный визирь предлагал России и Крыму совместно потребовать от Кабарды подчиниться крымскому хану, пригрозив в противном случае наказанием.

¹ КРО. Т. 2. С. 161.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 161.

И. И. Неплюев отказался поддержать такое предложение, сославшись на шестой артикул Белградского мирного трактата 1739 г., в котором «ясно поставлено, что обои Кабарды имеют пребывать вольны и не быть под владением ни у которой из двух сторон, но служить за бориеру, и, следовательно, буде оные Кабарды какую причину к жалобе подали, то нимало до Всероссийской империи не касается»¹.

Визирь упорно продолжал настаивать на своем, говоря, что «и с стороны Порты равномерно Кабарды содержатся, только подданные оных, чиня кубанским татарам многие разорения, опосле прибегают под российскую протекцию и тем свое избавление имеют; да и сверх того черкесы, хану подлежащие, от должного ему послушания с российской стороны подговариваются, что для пресечения того надлежит с обеих сторон, от хана и со всероссийской, кабардинским владельцам объявить... что ежели они в покое не пребудут, и подданных ханских подговаривать, и кубанским татарам обиды причинять станут, то имеют быть наказаны неотменно, ибо несходно, дабы обоюдные империи от них что-либо претерпевали и обеспокоены были»².

Русский резидент не поддавался нажиму великого визиря и продолжал твердо стоять на своих позициях. Он вновь сослался на статью Белградского мирного договора и заявил, что «в подробности ни в какие вступать по неведению не может, но о том, что ему объявлено, всеподданнейшее доношение учинить...»³. Он решительно отверг необоснованное обвинение России в подстрекательстве, заявив, что «какие ханские подданные со всероссийской стороны были подговариваемы, то он смело объявляет, что учиненный о том Порте рапорт есть ложный и несостоятельный, что он, визирь, сам то ж признает, когда в рассуждение возьмет, откуда бы такое подговаривание чинено быть могло, а что чрез воздух то делать нельзя...»⁴. И. И. Неплюев заявил главе турецкого правительства, что если кто и нарушает Белградский мирный трактат 1739 г., то это не Россия и не Кабарда, а крымский хан и его подданные на Кубани. «...Но сие подлинно, – сказал И. И. Неплюев, – что кубанские татары в противность трактата, беглых российских подданных многих приемлют и оным прибежище подают, как то в письме астраханского губернатора к сераскер салтану кубанскому, из коего он, резидент, Порте копию сообщил, явствует, что хану вместо того, чтоб напрасно подданных ея императорского величества обвинять, надлежало было тех беглецов отдать и кабардинских владельцев в совершенном покое оставить, не приемля одних противу других партию»⁵.

Таким образом, русский резидент в Турции И. И. Неплюев решал крымско-кабардинский пограничный вопрос с великим визирем не как представитель нейтральной державы. Он защищал кабардинцев как «подданных ея императорского величества». Заявление русского резидента о том, что «хану вместо того, чтоб напрасно подданных ея императорского величества обвинять, надлежало было... кабардинских владельцев в совершенном покое оставить, не приемля одних противу других партию», не вызвало возражений со стороны великого визиря. Наоборот, турецкий сановник говорил, что «он в том не стоит, дабы от одних российских подданных продерзости чинились; ведает, что и их,

¹ КРО. Т. 2. С. 136.

² Там же. С. 136–137.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

турецкие, то же делают; но для того он, резидент, призван, чтоб с ним дружески говорить и обще меры взять, коими бы из среди отняты были все те непристойности, что когда от хана крымского и с российской стороны вышеозначенное увещание кабардинцам сделается, то, уповательно на Бога, с той стороны более ничего не слышно, и все в покое будет ко удовольствию высочайших монархов, которые добрую меж собою дружбу сохранить желают»¹. Таким образом, великий визирь фактически соглашался с мнением русского резидента в Турции относительно кабардинцев. Как было заявлено великому визирю, И. И. Неплюев сообщил в Петербург о «жалобах» крымского хана на кабардинцев 15 апреля 1747 г. Последовал указ императрицы Елизаветы Петровны астраханскому губернатору И. О. Брылкину с предложением выяснить в Кабарде действительное положение вещей. Для этого требовалось послать к кабардинским владельцам обеих, баксанской и кашкатауской, партий нарочного, «выбрав из офицеров способного к тому человека, придав ему доброго и искусного турецкого и татарского языка толмача...»².

Как видно из рапорта командующего войсками в Кизляре генерал-майора А. П. Девица в Коллегию иностранных дел от 28 июня 1747 г., в Кабарду с письмом астраханского губернатора и перечнем «жалоб» крымского хана на кабардинских владельцев в конце мая 1747 г. были направлены капитан Барковский, ротмистр Татаров и дворянин Мещеряков. Они пробывали в Кабарде около месяца, встречались и беседовали со многими представителями феодалов как баксанской, так и кашкатауской группировок, подробно выясняли их взаимоотношения с Крымом и его подданными в Закубанье. Выяснилось, что кабардинцы, считая себя «издревле подданными Российской империи», не хотели признавать зависимость от крымского хана, решительно отвергая все его необоснованные претензии. Кабардинцы заявили, что они подданным крымского хана народам «никогда никакова грабительства и защищения противникам крымского хана не показывали», что он «де хан оную жалобу произвел на них несправедно, закрывая подвластных своих своевольные поступки». Зато, говорили они, «многие-де нам от крымцев и кубанцев чинятся обиды».

Кабардинцы и балкарцы разоблачили враждебные происки крымцев и за кубанских татар, которые постоянно засылали в Кабарду и Балкарию своих агентов. Владельца Касая Атажукина емчек балкарец Азамат Абаев рассказал о том, что от владельца Хамурзы уздень Гирей Канбиев под предлогом отыскания своего ясыря послан с письмами к крымскому хану, а три человека, прибывшие от последнего, содержатся «в тайности»³. Мы «находимся в российском подданстве и впредь ненарушимо находиться будем», – сказали кабардинцы Ивану Барковскому и другим русским посланцам. Они, сообщив о том, что, по имеющимся сведениям, турки и крымцы «намерены-де нечаянное учинить на Россию нападение, и нас бы де, кабардинцев, от российского подданства охватить», обещали обо всех происках турецко-крымских агрессоров в регионе давать знать кизлярскому коменданту⁴. Так они и поступали.

В июле 1747 г. кабардинские владельцы направили письмо кизлярскому коменданту об убийстве десяти абазинцев людьми кубанского сераскера Крым-Гирей-султана, послужившем причиной столкновения кабардинцев с закубан-

¹ КРО. Т. 2. С. 137.

² Там же.

³ Там же. С. 141.

⁴ Там же. С. 139–143.

цами. В письме говорилось о том, что они, владельцы, следуя совету капитана Барковского, не переезжают границу, чтобы не обострять отношений с татарами и не давать повода крымскому хану для «жалоб» и вмешательства во внутренние дела Кабарды. Виновниками произошедшего столкновения, как сообщалось в письме, были люди кубанского сераскера, которые, явившись к абазинцам, стали насильственно переселять их, а отказавшихся это сделать начали грабить, избивать и даже убивать. В результате они «убили добрых людей 10 человек и одного владельца, и ограбя с них платья и зброю, и лошадей угнали, а потом к ним владелец Жанбулат ездил и объявил, что между двумя государи вечной мир, а вы его дело чего ради учинили, и при том просил своих лошадей» вернуть¹.

Кабардинцы отвергли необоснованные обвинения, предъявленные им посланцем хана, прибывшим в Кабарду. Кабардинский князь Магомед Кургокин заявил ему, что «река Кубань между Кабардою и закубанскими народами границею определена и что они, кабардинцы, ни с каким противным намерением за Кубань не ездят, тако же де и их мурзам из-за Кубани на сю сторону выезжать не надлежит»². Но крымцы и закубанские татары продолжали беспокоить кабардинцев, которые вновь в связи с этим вынуждены были обращаться к русской администрации. В письме астраханскому губернатору от 21 октября 1748 г. кабардинские владельцы, еще раз указав на необоснованность «жалобы» крымского хана, переданной через Оттоманскую Порту русскому правительству, писали, что «ежели б их причиненные нам обиды все предписывать, то истинную доносим, что того всего ум не осяжет»³. Действия, на которые жаловался крымский хан, были ответной мерой со стороны кабардинцев на многочисленные враждебные акции крымцев и закубанских татар. Они «чинят нам и подвластным нашим обиды и грабительства, – говорилось в письме, – чего во отмщение иногда и мы им чиним супротивление, однако в своих граничных местах»⁴.

Перед лицом опасности, исходившей от иноземных поработителей, кабардинские феодалы временами шли на примирение, которое встречало одобрительное отношение со стороны русской администрации, прилагавшей немалые усилия к прекращению их вражды. Так, в ноябре 1749 г. А. П. Бестужев-Рюмин послал письмо кабардинским владельцам Магомеду Кургокину и другим по поводу примирения их с Касаем Атажукиным. Владельцы извещались о том, что по этому случаю императрица «повелела дать вам всем вообще, кабардинским владельцам, своего императорского жалованья денег тысячу рублей, о чем к губернатору астраханскому и указ отправлен»⁵. В письме напоминалось кабардинским феодалам о том, какие бедствия и разорения приносит несогласие и междоусобная ссора как и им самим, так и их подвластным. Эти бедствия и разорения приходили, прежде всего, со стороны Крыма, который, ловко пользуясь феодальной раздробленностью Кабарды и междоусобицей кабардинских владельцев, безжалостно грабил край, истощая его материальные, физические и духовные ресурсы.

Прошел всего лишь месяц, как кабардинские владельцы жаловались на разбой и бесчинства крымских татар в Кабарде астраханскому губернатору И. О. Брылкину, как кизлярский дворянин А. Киреев сообщил командующему

¹ КРО. Т. 2. С. 144.

² Там же. С. 156–157.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ Там же. С. 165.

войсками в Кизляре генерал-майору А. П. Девицу о приезде в Кабарду посланных от хана крымского для взятия ясырей.

Прибывшему 24 ноября 1749 г. в Большую Кабарду по поводу аманатов Александру Кирееву кабардинские владельцы заявили, что они отказались дать ясырей крымскому хану, но «ежели-де от российской стороны повелено будет дать ясырей», то дадут, «понеже-де они от крымской стороны добродетели никакой не видят, а от российской стороны всегда защищение имеют...»¹.

Действительно, Кабарда имела постоянное «защищение» от России. Защита эта принимала как форму военную, когда присылались сюда вооруженные русские отряды, заставлявшие крымских татар уходить из Кабарды, так и дипломатическую. Законные жалобы на крымцев, с которыми кабардинцы обращались к русской администрации, не оставались безответными. Они решались не только на уровне России и Крыма, но и Оттоманской Порты, чьим вассалом являлся крымский хан.

27 августа 1750 г. русский резидент И. И. Неплюев вручил турецкому правительству записку с протестом против укрывательства в Крыму беглых российских подданных и беспрестанного вмешательства кубанского сераскера крымского султана в кабардинские дела.

Из записки видно, что кабардинский вопрос перед турецким правительством поднимался не раз. В ней сказано: «Сверх сего уведомляется о кабардинских делах (не в ответ на последнюю сообщенную мне записку, потому что много времени надобно, пока оной получится), то эмиссары сераскер султана кубанского беспрестанно в делах того обеих сторон независящего народа лишаются, возбуждают их ссоры и подбирают оных в Оттоманскую область перейти с разглашением о разрыве...»².

Разоблачив крымского хана и кубанского сераскера как главных виновников нарушений условий Белградского мирного трактата 1739 г. между Россией и Оттоманской Портой, их провокационную роль в разжигании междоусобной борьбы кабардинских феодалов, в возникновении многочисленных пограничных конфликтов, русский резидент в султанской столице И. И. Неплюев, от имени своего правительства предлагал турецкому правительству «накрепко запретить через крымского хана, реченному сераскеру и его людям, в дела часто упоминаемых кабардинцев более вступаться, также ссоры их возбуждать и оных из их жилищ выманывать. Тот образ, каковым Блистательная Порта в недавнем времени о том упомянутом народе сама изъяснилась, обнадеживает меня, что такие указы отправятся, и я в состоянии приведен буду донести о том с первым случаем моему августейшему двору...»³. Вскоре, 31 декабря 1750 г. Турции была направлена нота российского правительства. В ней содержался ответ на записку турецкой стороны от 16 июля 1750 г. о кабардинцах и запорожских казаках, врученную русскому резиденту в Константинополе.

В ноте опровергались вымышленные, ничем не обоснованные обвинения России в посылке своих послов с «казною», т.е. деньгами, в Кабарду для набора там войска. В ней говорилось, что послы российские действительно бывали в Кабарде, но вовсе не для этой цели, а совсем по другим поводам, которые не должны вызывать никакого подозрения у «Блистательной Порты».

Основное содержание ноты сводилось к защите кабардинцев от необоснованных обвинений турецко-крымской стороной. В ней опровергалось утверж-

¹ КРО. Т. 2. С. 166.

² Там же. С. 170.

³ Там же.

дение Крыма и Турции и том, что якобы кабардинские владетели не отпускают и насильственно держат у себя кубанских султанов, тогда как «в самой истине нынешний хан, отец оных султанов, нарочно их в Кабарде для особых видов оставляет»¹. Дело в том, что крымские ханы, исходя из политических расчетов, нередко женились на дочерях и сестрах кабардинских князей. И дети от этих браков (султаны) часто жили и воспитывались у их родственников в Кабарде. В одних случаях Турция требовала выдачи султанов, если это были опальные люди, в других – была заинтересована пребыванием их в Кабарде для усиления здесь своего влияния. Родственные отношения не мешали Крыму и Турции предпринимать грабительские и завоевательные походы в Черкесию, а пребывание султанов в Кабарде во всех случаях имело резко отрицательное значение. Они разоряли кабардинское население, собирали дань в виде ясырей и лошадей и переправляли все это в Крым, вмешивались в ссоры кабардинских владельцев и натравливали их друг на друга, ссорили кабардинцев с крымцами и т.д. Поэтому вопрос о находившихся в Кабарде султанах занимал большое место в переписке Коллегии иностранных дел по кабардинским делам с астраханским губернатором и резидентом в Турции Неплюевым,

Далее в ноте Турции от 31 декабря 1750 г. отмечалось, что со стороны России по отношению к Кабарде ничего противоречащего Белградскому трактату не делается, но зато «крымский хан и его подчиненной кубанской сераскер и другия, противно тому поступая, не перестают под разными предлогами в кабардинския дела мешаться, употребляя иногда ласкания, а иногда угрозу и силу к приведению тамошних жителей к тому, чтоб, оставя свое отечество, к ним перешли, на то несклонных из жилищ выгоняют, иных берут в неволю, других грабят, и все в непорядок приводят, стараясь, чтоб и остальных в свои руки прибрать; имеют из тамошних владельцев к себе переметчиков, которые, яко их помощники, к собственному своему вреду возбуждают в своем отечестве несогласие, которым хан, пользуясь уже большею частою из тамошних главных, столько овладел, что во всем и везде поступают то воле его и приказам»². «Но хан, – как сказано далее в ноте, – будучи и тем еще недоволен, чинит новые претензии, ибо требует от кабардинцев платы за кровь родного своего брата Бакта-Гирея Дели-Султана и другова султана, убитых в Кабарде в прошлом 1729 году в такое время, когда оной брат ево бунтовщиком и противником Блистательной Порты объявлен был, как об этом в 1725 году прежде посланнику, а после резиденту российскому и сама Блистательная Порта формально знать дала». Такое же отношение к Бакта-Гирею было и у самого крымского хана, который в 1724 г. писал киевскому генерал-губернатору что «ежели оной Бакта-Гирей где в российских границах появится, то б его поймать или убить». И теперь спустя столько времени, несмотря на все эти обстоятельства, не считаясь с условиями Белградского мирного трактата, «коим все прежняя происшествия преданы забвению, крымский хан несправедливо ныне за такие дела принимается».

Далее, говоря о насилиях, творимых крымцами и кубанскими татарами в Кабарде, в ноте подчеркивалось, что «неможно и того умолчать, что в 1747 году кубанские султаны, помянутые ханские дети, и с ними Бетьгиреев сын и Казы-Гирей или Сапелек-султан Бактыгиреев сын, и войско в Кабарду силою вводили, и хотели истребить со всем родом одного с ними несогласного из тамошних

¹ КРО. Т. 2. С. 171.

² Там же. С. 171–172.

владельцев именем Кассая Атажукина, ежели б оной со всеми своими от такой погибели не спасся бегом»¹.

Опровергая, таким образом, все попытки турок и крымцев переложить свою вину на кабардинцев и выставить последних в качестве виновников всех недоразумений и конфликтов, нарушителей условий мирных трактатов между Россией и Турцией, русское правительство в ноте выражало надежду, что Оттоманская Порта «далее такие непристойности допускать не будет...» Внимание турецкого султана обращалось на важность вопроса о кабардинских делах и необходимость его скорейшего решения, и тем самым «надлежит отвратить всякое худое следствие». Поскольку «все такие происшествия прямо противны мирному трактату, – говорилось в ноте, – того ради она (императрица) не оставит повелеть, чтоб крымский хан отозвал из Кабарды вышеупомянутых детей своих со всеми при них тамо находящимися татарами, и в ссоры кабардинских владельцев не мешались, и такова от Блистательной Порты оным повеления пристойно требуется, ибо сие без суждения таким делом есть, что из владельцев кабардинских те, которых они подкрепляют, надеясь на оное, других свою братью наглее обижает, и оттого между ними несогласие и ссоры умножаются, и пока они, хан и сераскер, и подчиненные им, от того не воздержатся, в тех делах вящей доуки и недоверения на обе стороны ожидать надлежит». В ноте подчеркивалось, что от чинимых крымцами и кубанцами «их тамошних насильств и подданные российские выключаемы не бывают, как то уже случилось с некоторыми купцами, с коих оне пошлину требовали...»².

Таким образом, содержание ноты российского правительства Оттоманской Порте свидетельствует о том, что Россия выступала не в роли простой посредницы между Крымом и Кабардой, а стойко и решительно защищала и отстаивала интересы последней, считая ее «своей давней подданной», хотя условия Белградского мирного трактата между нею и Турцией мешали прямо и открыто говорить об этом. Стало быть, Россия уже нарушала условия Белградского договора 1739 г., имея свои интересы. И сам факт обращения Турции с жалобами, хотя и несостоятельными, на кабардинцев к России, ее правительству и резиденту в Константинополе говорит также о том, что и сама Порта фактически вынуждена была признавать укрепление позиции русских в регионе и расширение их связи с горцами.

Россия, защищая Кабарду и Балкарию, как и другие горские владения Северного Кавказа, от внешних врагов вооруженной силой, а также отстаивая их интересы по дипломатическим каналам на международной арене, продолжала более подробно знакомиться с положением дел в этом крае, выяснять истинные причины незатухающей вражды между различными феодальными группировками. И как в этом убеждались эмиссары русского правительства, одна из главных причин этого состояла в беспрестанном вмешательстве Крыма и закубанских татар во внутренние дела кабардинцев. Так, на отрицательную роль этого изометного вмешательства в дела Кабарды было убедительно указано в рапорте полковника Шейдякова и премьер-майора Барковского астраханскому губернатору И. О. Брылкину от 21 апреля 1751 г. Отметив безрезультатность переговоров с кабардинскими феодалами относительно их примирения, они в рапорте указали на причины их несговорчивости и упорства: «...непрестанно, как из владельцев, так из узденей от владельцев в Крым и на Кубань посылаются; и от-

¹ КРО. Т. 2. С. 171–172.

² Там же. С. 172.

толь к ним нередко приезжают, как то и в нашу ныне бытность приехали три человека, двое Этешкульской орды, а третей от Казы-Гирей солтана, и живут у Хамурзы, о котором приезде по разведываниям оказывается, одне сказывают, что сераскер султан и брат его Казы-Гирей просит кабардинского войска, чтоб оную Этешкульскую орду канвоевать и препроводить в вершины Кубани... А другие сказывают, что их, владельцев, призывают к себе со всей Кабардой, чтоб они поселились в вершинах Кубани и были б с ними заодно...»¹.

Из сказанного видно: крымцы сеяли смуту в Кабарде, разжигали неумные страсти феодальных владельцев, провоцировали их против русских властей, призывали к переселению за Кубань.

В рапорте особо отмечалась неприглядная роль двух султанов, сыновей опального крымского хана, которые долгое время воспитывались у кабардинских владельцев Джембулата Кайтукина и Хамурзы Росланбекова и, выйдя из детского возраста, стали активно вмешиваться в кабардинские дела. По этому поводу в рапорте сказано следующее: «Крымского ж хана дети живут и оне в Кабарде у Хамурзы и Джембулата, которые немалые Кабарде разорения чинят. И обеих партий как кашкатавская, так и баксанская жители жалобы приносят: обируют ясырей, лошадей и скот, и все то отсылают в Крым и Кубань; как то и ныне же солтаны обще с Кайтукиными и Бекмурзинными разоряют Бамата Кургокина подвластные деревни, и с которых берут и оне часть ясырями, лошадыми и скотом и потому ж отсылают. Сепелек-салтана сына хотя ныне в Кабарде и нет, а живет в вершинах Кубани, при котором и жена владельца Баток-бека, но и того вскоре ожидают в Кабарду. А что ж крымского хана дети и Сапилек-салтан войска собирали, дабы всех подвластных из Кабарды силою взять...»².

Эти новые сведения о враждебных, разорительных и подрывных действиях представителей крымского хана и зависимого от него кубанского сераскера в Кабарде, а следовательно, и в Балкарии, вызвали новую серию ответных протестов со стороны российского правительства, его резидента в Константинополе.

Активная защита русской дипломатией кабардинцев, балкарцев и других горцев, их жизненных интересов на международной арене не оставалась безрезультатной. Это вынуждало Турцию вести себя более осмотрительно по отношению к горцам Северного Кавказа, временами делать «внушение» или давать прямые указания своему вассалу крымскому хану воздерживаться от прямых, открытых враждебных акций, могущих осложнить отношения с могущественной Российской империей. Об этом свидетельствовал и фирман (указ) турецкого султана, направленный в октябре 1751 г. крымскому хану об отзыве его сыновей из Кабарды.

Фирман начинался с напоминания хану о том, что Османская империя связана с Российской империей мирным трактатом и что Порты продолжает поддерживать с нею дружественные отношения. И далее хан извещался о представлении, сделанном царем султану относительно необходимости отзыва из Кабарды его, ханских, детей. «...Вышепомянутый двор, – говорилось в указе, – представил моему императорскому совету, коим образом пребывание в Кабарде детей ваших причинило реченному двору беспокойство, и просил оной, чтоб нашим императорским указом выведены они были из того места, дабы чрез то отнять помешательство, причиняемое от них покою». И вот в целях устранения и предотвращения причин, могущих нанести ущерб дружбе с Российской империей,

¹ КРО. Т. 2. С. 174–175.

² Там же. С. 175.

сказано в документе, «издан сей наш императорский указ, по получении которого вы, вышеупомянутый хан, немедленно прикажите выехать сыновьям вашим и употребите свое старание ко исполнению вышеозначенным образом по нашему императорскому диплому; и о том обстоятельное известие пришлите чрез самую ту особу, которая к тому определится». Хану повелевалось принять меры по наведению порядка и спокойствия на своих границах, недопущению «ничего противного» имеющимся договорам и соглашениям с Российской империей¹.

В связи с этим указом турецкого султана российский резидент А. М. Обрезков подал Турции записку с выражением удовлетворения мерами, принятыми для вывода султанов из Кабарды и невмешательства хана крымского в кабардинские дела. В записке говорилось, что без сомнения, «когда помянутых хана крымского детей и других людей, кои к ссорам повод подают, больше в Кабарде не будет» и «крымский хан с его подвластными в тамошние дела мешаться перестанут, то тишина в скором времени последует...»². Деятельность русской дипломатии на международной арене, безусловно, имела позитивное значение для Кабарды, Балкарии и других владений Кавказа, намного облегчала их положение в борьбе с иноземными захватчиками, и в частности с Крымом.

В связи с султанским фирманом, направленным по настоянию российского правительства крымскому хану, последний на некоторое время прекратил активные действия и стал несколько сдерживать кубанского сераскера от разбойничьих акций по отношению к кабардинцам, балкарцам и другим горцам региона. Но так продолжалось недолго, ибо «внушения» и указы турецкого султана своему вассалу крымскому хану часто носили чисто показной, декларативный характер. Султаны, сами все время вынашивавшие агрессивные планы по отношению к горским народам Северного Кавказа, не могли иначе поступать. Поэтому вскоре снова стали поступать сведения о приготовлениях крымских и закубанских татар к нападению на Кабарду и другие соседние горские народы. В июне 1752 г. майор П. Татаров, находившийся в Кабарде, рапортом доносил астраханскому губернатору О. И. Брылкину о том, что еще до его прибытия сюда на Кубани было собрано войско, числом тысяч до двенадцати, которое под командой крымского хана большого сына Салим-Гирея и кубанского сераскера находилось на р. Инчике. Войско это имело целью переселить бесленеевцев поближе к Крыму, а «собранное ныне крымское войско стоит на речке Лабе в старом городище и ожидает от крымского хана вдобавок еще войско и позволения внутрь Кабарды на кашкатавскую партию для взятия ханской племянницы у владельца Хамурзы Расланбекова и, по их обыкновениям, бещестия ста девиц, узденских дочерей...».

По вновь полученным известиям, как сказано в рапорте, для собранного на Кубани войска «привезено провианта на семистах арбах...»³. Далее в рапорте сообщались и некоторые другие сведения, и в частности о продолжающейся междоусобной ссоре кабардинских феодалов, о том, что владельцами кашкатавской партии направлены люди за помощью в Малую Кабарду, чтобы напасть и разорить владельцев баксанской группы.

Майор П. Татаров, и ранее неоднократно бывавший в Кабарде, и на этот раз безуспешно пытался примирить враждующих кабардинских владельцев, которые, проявляя исключительное упорство и несговорчивость, продолжали ссориться, разорять и истреблять друг друга.

¹ КРО. Т. 2. С. 176.

² Там же. С. 176–177.

³ Там же. С. 178–180.

Эта непрекращающаяся междоусобная борьба феодальных группировок не только наносила колоссальный вред Кабарде, ее населению, разрушая и уничтожая производительные силы, подрывая обороноспособность края, превращая его в арену непрерывного соперничества иностранных агрессивных держав, но и в какой-то мере отрицательно сказывалась на международной обстановке на юге, давая лишний повод к осложнению отношений России с Турцией.

Россия всегда выступала в защиту кабардинцев и сдерживала стремление Оттоманской Порты воспользоваться условиями Белградского мирного трактата, согласно которому, если «кабардинцы причину жалоб подадут одной или другой державе, то каждой позволяется их наказывать»¹. И все же турки находили повод, чтобы вмешаться в дела горцев и «их наказывать». Для этого они использовали внутривосточную обстановку в крае, часто обострявшуюся действиями и самим горских феодалов, которые старались решить свои проблемы силою оружия, не поддаваясь уговорам и советам представителей русской администрации, в том числе и своих соотечественников.

Россия, продолжавшая решать свою внешнеполитическую стратегическую задачу, связанную с кавказской проблемой, придерживаясь условий Белградского мирного трактата, не давая Порте повода для обострения отношений, не могла оставаться в стороне от событий, происходивших в Кабарде и Балкарии. Эти события непосредственно задевали интересы самой России. Поэтому Российское правительство так активно и настойчиво старалось водворить мир и спокойствие в регионе, положить конец бесконечным губительным распрям горских владельцев. Когда уже не действовали уговоры, оно прибегало к более строгим мерам воздействия. К этому особенно вынуждали представители кашкатауской партии владельцев, в адрес которых 23 марта 1753 г. было направлено письмо государственного канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. В нем содержалось требование прекратить самовольные действия, грозящие срывом мира с Турцией, и предлагалось им переселиться с Баксана в «Кашкатав». При неисполнении этого царское правительство могло применить воинскую силу.

Но, несмотря на настоятельное требование Российского правительства, кашкатауские владельцы не переселялись с Баксана в район Черка. Поэтому Коллегия иностранных дел обратилась 30 апреля 1753 г. с памятной запиской в Военную коллегию о необходимости посылки в Кабарду офицеров с «немалым конвоем». Здесь же говорилось также о надобности снарядить и держать «в готовности к походу две тысячи человек калмыцкого войска» и «тысячу человек и донских казаков». Такие приготовления, сказано далее в документе, «делаются при нынешнем первом случае как и выше сего упомянуто, токмо для того, дабы из того кабардинцы усмотреть могли, что они, в случае дальнейшего их к здешним требованиям непослушания и силою к тому принуждены быть могут, и коим образом уже и приготовления к тому чинятся»².

Таким образом, это была демонстрация, рассчитанная на то, чтобы оказать давление на непослушных кабардинских князей кашкатауской группы и заставить их подчиниться. Поэтому такой сбор казаков Донского войска должен был проводиться «из ближних городков к Черкасску, дабы о том в калмыцких улусах, а чрез них и в Кабарде скорее разгласиться могло». И только в случае, если это не подействует и владельцы будут продолжать упорствовать, планировалось вы-

¹ КРО. Т. 2. С. 180.

² Там же. С. 187.

ступление войска в поход в Кабарду «для принуждения тамошних противников к послушанию...»¹.

И действительно, слухи об этих приготовлениях вскоре дошли до Кабарды и оказали воздействие на кашкатауских владельцев, которые вынуждены были с Баксана переселиться в район р. Шалушки. Перебраться отсюда «в Кашкатав» они не собирались. Поэтому владельцы баксанской группы, Магомед Кургокин и другие, в своем прошении на имя императрицы Елизаветы Петровны от 19 июня 1753 г., выразив свою признательность и благодарность ей за присланный указ о переводе владельцев Джанбулатовской фамилии с Баксана «в Кашкатав», выражали неуверенность, что эти владельцы оставят их в покое, так как они поселились совсем недалеко, на р. Шалушке. Баксанские владельцы просили о присылке войска, говоря, что кашкатавцы, «не выдав такое войско, по указу вашего величества исполнение чинить не будут»².

Но дело до использования войск не дошло. Владельцы кашкатауской группы переселились в указанные им прежние свои места, о чем рапортом от 31 июля 1753 г. доносил кизлярский комендант И. Л. Фрауендорф в Коллегию иностранных дел³.

Трудности, связанные с переселением кашкатауских владельцев на свои прежние, старые места на Череке, имели и свой международный аспект, ибо им могли воспользоваться крымцы для обвинения российского правительства во вмешательстве в кабардинские дела в нарушение Белградского мирного трактата и для обострения отношений России с Османской империей, о чем говорилось в переписке Коллегии иностранных дел с русским резидентом в Константинополе А. М. Обрезковым и кизлярским комендантом И. Л. Фрауендорфом. Малейшего повода было достаточно для крымского хана, который, как доносил А. М. Обрезков в Петербург, самые «незначительные действия русских в Кабарде «при Порте сумнительными делать старается».

Согласно инструкции Коллегии иностранных дел, ответ на вопрос, который мог в связи с кашкатавцами возникнуть, состоял в том, что владельцы этой партии и переселились на Баксан «мирному трактату в противность, яко оные кашкатавцы вступили в Баксане уже по заключении того трактата», и что возвращение их на Черек особенно необходимо для того, чтобы прекратить набеги кашкатавцев за Кубань и «оттуда беглых к себе принимать не столь удобно...»⁴.

Таким образом, в результате продолжительных и настойчивых усилий царской администрации, кабардинские владельцы заключили соглашение о прекращении междоусобиц и об этом письмом от 25 октября 1753 г. известили императрицу Елизавету Петровну.

В письме кабардинских владельцев и узденей говорилось о том, что граница установлена по р. Чегем и для решения всех вопросов, связанных с примирением враждовавших феодальных групп, создан суд из двадцати узденей от каждой партии, т. е. из сорока человек.

Письмо было заверено пятью печатями, в которых заключались имена их владельцев, и чернильными пальцами остальных, т. е. узденей, не имевших своих печатей⁵.

¹ КРО. Т. 2. С. 187.

² Там же. С. 190.

³ Там же. С. 191.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Там же. С. 193.

Это был несомненный успех русской дипломатии, призванный служить делу консолидации сил Кабарды для борьбы против крымско-турецкой экспансии и дальнейшего укрепления позиций России на Северном Кавказе.

Одновременно с решением проблемы примирения кабардинских владельцев решался вопрос об укреплении русской кордонной линии на Тереке, строительстве новой крепости на восточной окраине кабардинских земель. Еще 19 августа 1753 г. указом Коллегии иностранных дел кизлярскому коменданту И. Д. Фрауендорфу было поручено разведать местности между р. Терек и устьем р. Курп с целью построения там крепости. «Того ради, – гласил указ, – надлежит вам сыскать какой-либо пристойный претекст для посылки в Малую Кабарду, и при том случае отправить туда геодезиста и велеть ему с вышеописанного места и с ближних к оному искусным образом и без разглашения снять план и учинить описание. И то все прислать сюда в Коллегию иностранных дел, а сей указ содержать в секрете»¹. Получив такое предписание, кизлярский комендант послал в Малую Кабарду инженера капитан-поручика Деколонга и о результатах геодезической съемки местности между р. Терек и устьем р. Курпа и возможности построения крепости в этом районе донес в Коллегию иностранных дел рапортом от 23 декабря 1753 г.²

Работу эту приходилось проводить втайне от агентов крымского хана, который зорко следил за всеми действиями русских в этом регионе, чтобы использовать малейший повод для обвинения России в нарушении условий Белградского мирного трактата и обострения и без того накаленных русско-турецких противоречий.

Вместе с тем крымские ханы, пользуясь Белградским договором, ограничивавшим действия России на Северном Кавказе, стремились не только к взиманию дани с адыгов, в том числе и с кабардинцев, пленниками и лошадьми, но и к полному их покорению, как отмечал французский консул в Крыму К. Пейсонель³.

Вмешиваться в дела горцев крымцам давала возможность обстановка в Кабарде, которая оставалась далеко не мирной и после временного примирения феодалов баксанской и кашкатауской партий. В это время обостряются отношения между владельцами Большой и Малой Кабарды. Все чаще начинают поступать письма от владельцев Малой Кабарды на имя Елизаветы Петровны с просьбой защитить их от обид и разорений, причиняемых князьями Большой Кабарды. В октябре 1755 г. малокабардинские владетели Кайжоко Келекстанов и другие отправили жалобу Елизавете Петровне о том, что князья Большой Кабарды, баксанской и кашкатауской партий, вместе напали на Малую Кабарду и завладели некоторыми населенными пунктами вместе с проживающими в них людьми. Они просили помочь вернуть захваченные кабаки и восстановить существовавшие до этого, при их отцах и дедах, дружественные, братские отношения с владельцами Большой Кабарды⁴.

Сохранилась запись, сделанная в Коллегии иностранных дел, о приезде в октябре 1760 г. Кургоки Кончокина (Андрея Иванова после крещения) в Петербург и объяснении им причины своего крещения. «...Он, Андрей Иванов, крестился по согласию трех двоюродных его братьев, дабы чрез то, по причине чинимых им от владельцев Большой Кабарды обид, получить им к переселению своему при здешних границах на выбранном ими к тому месте позволение...»⁵.

¹ КРО. Т. 2. С. 191.

² Там же. С. 196–197.

³ АБКИЕА. С. 199.

⁴ КРО. Т. 2. С. 198–199.

⁵ Там же. С. 204.

Но в это время возобновляется борьба владельцев в самой Большой Кабарде, между баксанцами и кашкатавцами. Не преминувший воспользоваться этим крымский хан вновь начинает активно вмешиваться в кабардинские дела, требовать повиновения, уплаты дани в виде ясырей, скота и т.д. Но кабардинцы и на этот раз не поддаются нажиму крымцев, смело и решительно отвергают все их необоснованные претензии.

В архиве внешней политики России сохранилась запись сообщения старшины войска А. Мокеева кизлярскому коменданту И. Л. Фраундорфу от 30 мая 1760 г. об отказе кабардинцев перейти в крымское подданство.

Как видно из документа, Андрей Мокеев был послан в Большую Кабарду для выяснения цели прибытия туда посланца от крымского хана. Для этого он встретился со многими кабардинскими владельцами, и в частности с Кара-Мурзой Алиевым. О том, что они сказали А. Мокееву, мы узнаем из его сообщения, в котором говорится: «...прибыл к ним до приезде моего дней за двадцать от крымского хана посланец с таким требованием, что они, кабардинцы, жительствоуют на земле, принадлежащей турецкому султану, и потому б именовались и были в подданстве его, крымского хана. А на то-де они, владельцы, ответствовали ему, что они издревле, как деды и отцы их, именовались и принадлежали более к российской стороне, потому и ныне в том его не слушают, причем-де тот посланник ответствовал, если-де они, кабардинцы, того не исполнят, то и силою к тому принуждены будут, против чего они, кабардинцы, объявили ему, что они таких угроз не боятся и силу их, как и прежде к ним приходило и ни с чем, только с одним уроном возвращалось, знают; и будут о том представлять российской стороне, и какое на то повеление воспоследует, по тому и исполнять должны, что и от посторонних, бывших при них владельцев, узденей и других людей, по разведыванию нашему явилось. И так оный посланник, получа вышеписанный ответ, на третий день приезда нашего из Кабарды выехал, и в тот же день и я, по получении от владельца Касая в подарок войсковому атаману Ивану Иванову однолетнюю кабардинскую кобылицу, отбыл сюда да и вышеписанные владельцы Касай Атажукин с прочими поднялись ехать на Куму к скотским своим табунам»¹.

Такой решительный отпор со стороны кабардинцев вызвал злобу у крымского хана Крым-Гирея. Посыпались его жалобы и обвинения в адрес кабардинцев. Ему вторил и кубанский сераскер.

17 октября 1760 г. крымский хан обратился с письмом к донскому войсковому атаману Степану Ефремову об урегулировании крымско-кабардинских конфликтов. В письме кабардинцы обвинялись в нарушении мирного трактата между Россией и Турцией, проявлявшемся в том, что они принимали в Кабарду под свою защиту беглецов из Крыма и Кубани. «...Кабардинцам, – писал Крым-Гирей, – хотя и писано об нас бывает, что такой их, беглецов наших, прием учиненному между обеими империями вечного мира трактату противно, ибо в заключенном трактате именно изображено как наших беглецов в Российской империи, так и российских беглецов в нашей империи не принимать; но они, кабардинцы, от того не воздерживаются, чего ради и с вашей стороны о сем обстоятельстве к ним, кабардинцам, подтверждено было, дабы они беглецов... не принимали и назад отдавали»². Документ этот примечателен в том плане, что в нем предоставление убежища турецко-крымским беглецам кабардинцами рассматривается как нарушение условий Белградского мирного трактата 1739 г., со-

¹ КРО. Т. 2. С. 202.

² Там же. С. 204–205.

гласно которым, как сказано в письме, Россия и Турция не имели права принимать у себя беглецов из договаривающихся империй.

Таким образом, крымский хан Крым-Гирей в своем письме к донскому войсковому атаману Степану Ефремову фактически считал, что за Кабарду должна нести ответственность и Российская империя, под протекцией которой она находится.

В ответ на усиление захватнических поползновений крымского хана и кубанского сераскера по отношению к горским народам Северного Кавказа, и в частности к кабардинцам и балкарцам, русская дипломатия, которая умело вела Россию среди подводных рифов европейской политики, активизировала свою деятельность по их защите. Как и раньше, она добивалась перед Оттоманской империей уяснения истинного положения дел, установления настоящего виновника обострения обстановки, снятия с горцев ложных обвинений и запрещения вмешательства в их внутренние дела со стороны крымского хана и кубанского сераскера. В результате 13 января 1761 г. в Коллегии иностранных дел была получена реляция русского резидента А. М. Обрезкова из Константинополя о рекомендации Оттоманской Порты хану крымскому не вмешиваться в кабардинские дела. В указе, посланном Портой крымскому хану, последнему указывалось, что «в силу поставленных между Блистательною Портою и Российскою империею освященных мирных договоров о невступлении никаким образом, ни прямо, ни посторонне, в дела кабардинские, вы, наблюдая освященные мирные договоры, в дела их вступать не имеете»¹. В случае возникновений каких-либо конфликтов с кабардинцами указ требовал от хана «о сем токмо Блистательную Порту обстоятельно уведомить»².

О дипломатической борьбе, проводившейся Россией на международной арене в защиту кавказских феодальных владений, хорошо знали в Кабарде, Балкарии и в других районах Северного Кавказа. Об этом местные феодальные владельцы периодически информировались царскими посланцами. Так, 24 марта 1761 г. кизлярский комендант И. Ф. де Боксберг доносил астраханскому губернатору В. В. Неронову о том, что им по указу государственной Коллегии иностранных дел от 29 ноября 1760 г. послан в Большую Кабарду к владельцам Магомеду Кургокину и другим «человек» с запиской, «сочиненной на российском и татарском языке», в которой говорилось «о приемлемом со здешней стороны старании освободить их от несправедливых требований хана крымского...»³.

С точки зрения выяснения места и роли кабардинского, балкарского народов и других северокавказских горцев во взаимоотношениях России с Османской Портой и Крымом в рассматриваемый период значительный интерес представляет указ Коллегии иностранных дел от 19 мая 1763 г. премьер-майору Никифоровичу при назначении его консулом в Крым. Указ этот был дополнением к уже данной ему инструкции о его обязанностях как консула.

«При бытности вашей консулом в Крыму, – говорилось и нем, – сверх надлежащего по данной вам инструкции исполнения еще надобно искусным образом наблюдать поступки хана крымского, какие он может иметь в рассуждения живущих близко Кубани в тамошних горах народов и калмыцкого здешнего подданного»⁴.

¹ КРО. Т. 2. С. 207.

² Там же.

³ Там же. С. 210.

⁴ Там же. С. 223.

В указе раскрывается, о каких, прежде всего, народах идет речь, и говорится, что «из горских народов, в тех околичностях находящихся, особливо примечания достойны кабардинской и темиргойской»¹. «Кабардинский народ, – говорилось далее в указе, – издревле почитаем был здешним подданным, напротив того с турецкой, следовательно, и с крымской стороны не оставлено было также называть их своими подданными»².

Далее в указе вкратце сказано о взаимоотношениях Кабарды и Крыма до заключения Белградского трактата 1739 г., которые характеризовались тем, что крымцы, используя раздоры между кабардинскими князьями, посылали свои ополчения на кабардинцев и «по большей части по крепости оных прогоняемы были от них с уроном...»³. Российское правительство, видя, что крымцам «великой удачи не будет», по мере необходимости посылало свои войска на помощь кабардинцам, боровшимся против крымских агрессоров. Но и после заключения Белградского трактата крымцы не оставили в покое Кабарду. Жалоб кабардинских владельцев на крымских и закубанских татар не только не стало меньше, но и «весьма однако ж противное тому случилось». В указе содержится объяснение, почему крымцы так упорно продолжали домогаться подчинения себе кабардинцев, несмотря на провозглашение Кабарды по условиям мирного трактата «вольной» и «независимой».

«Кабардинский народ, – сказано в указе, – почитаемой в тамошней стороне за превосходно храброй, разделяясь на Большую и Малую Кабарду, из которой в первой сколько здесь известно, с лишком с 6 тысяч человек военных людей набраться может, а в другой также с лишком с 3 тысячи, был всегда предметом ревностнаго старания ханов крымских иметь оной себе подчиненным.

Нужда в том для них превеликая, кабардинцы сверх того, что храбрыми почитаются, имеют еще из тамошних горцев многих и в своем подчинении. Если бы удалось которому из ханов крымских привести кабардинцев в свое послушание, мог бы он старание свое распространить о приобретении уже в свое подданство и других горских народов, а тем сделать себя сильным и во всех горах»⁴.

С другой стороны, кабардинцы, узнав о том, что они по Белградскому мирному трактату «оставлены вольными», но Крым по-прежнему продолжает свое «старательство о приведении их в свое подданство», стали еще более решительно выступать против этого намерения, «приносить» законные жалобы на крымцев. Крымские же ханы, в свою очередь, будучи стесненными условиями мирного трактата, не имея возможности «явным образом кабардинцев притеснять, но для того изобрели они между тем способ, чтоб производить на них частые при Порте Османской жалобы, будто в противных их с трактатом поступках, и тем их беспокоить»⁵.

Как сказано в указе, все крымские ханы: «И Селим-Гирей, и Арслан-Гирей, и Халим-Гирей, и Крым-Гирей совершали...» «покушение на Кабарду», обвиняли ее то в приеме беглецов с Кубани, то в «присвоении» «абазинцов Малой Абазы», то в приеме бесленеевцев и т.д. И заодно крымские ханы жаловались Порте и на Россию, что она стремилась «кабардинцев употреблять в службу против Швеции и Пруссии», принуждала их к «принятию христианскаго закона».

¹ КРО. Т. 2. С. 223.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Там же. С. 224.

О хане Крым-Гирее в указе сказано, что он, принося жалобу, «как будто бы он притом нимало и самой Порты не уважал, которая прежде бывшим ханам да и ему равномерно и неоднократно рекомендовала оставить кабардинский народ в покое»¹.

В указе более подробно говорилось о взаимоотношениях кабардинцев и хана Селим-Гирея. «Что касается до жалоб Селим-Гирей хана, оные хотя некоторым образом и могли происходить по причине малого уважения, от кабардинцев ему указанного, и следовательно, деланного от них препятствия в том, что он не был в состоянии ни к чему протчия тамошня народы преклонить, при всем том с противностию он видел и то, что кабардинцы не только его худо слушали, но имели еще у себя в воспитании и детей крымскаго солтана Арслан-Гирея, который по линии и по летам своим мог быть ему преемником, как и в самом деле он по нем ханом учинился, напротив того сей Арслан-Гирей, наставши ханом, ласкал себя надеждою немедленно и без всякого труда кабардинский народ себе подчинить»².

Далее в указе сказано о внутреннем положении Большой Кабарды, граничащей с кубанцами, о наличии здесь двух партий – баксанской и кашкатауской, из которых «первая издавна к здешней стороне верна и доброжелательна, а другая к Крыму...». Здесь же сказано о том, как крымский хан Арслан-Гирей употреблял «крайнее старание», чтобы обессилить баксанцев – сторонников России, вселить в их жилища кашкатауцев, на воспитании у которых находились его дети. Но баксанские владельцы Магомед Коргокин и Касай Атажукин с помощью России сумели заставить кашкатауцев вернуться на прежние свои места, а крымский хан по настоянию российского правительства перед Портой вынужден был забрать своих детей из Кабарды. Тогда, как сказано в указе, крымский хан предъявил свои претензии к абазинцам, но русские дипломаты доказали перед Портой их принадлежность кабардинцам. В указе содержится также объяснение относительно ложных обвинений России в насильственной христианизации кабардинцев, тогда как только один малокабардинский владелец Кургоко Кончокин принял крещение, и то добровольно, по собственному желанию, «прося о переселении его с подвластными в здешние границы, в чем ему по высочайшему е. и. в. указу, состоявшемуся 9 октября 1762 года, и дозволено, будучи и по трактату между обоими государствами постановлено и подданных обеих сторон назад не возвращать, которые в другой стороне тамошний закон примут толь меньше кабардинцам, как вольному народу, отказано быть могло б селиться при здешних границах».

Такое подробное дополнение к инструкции в виде указа потребовалось и для введения назначаемого консулом премьер-майора Никифоровича в курс прошлых и настоящих взаимоотношений Кабарды с Крымом, с тем чтобы он со знанием дела отстаивал интересы кабардинцев перед общим и традиционным врагом русских и горцев, за спиной которого стояла Оттоманская Порта.

Указ давал новому консулу в Крыму понять, что защита горцев Северного Кавказа, в частности кабардинцев, есть одна из серьезных задач русской дипломатии на международной арене, вытекающих из жизненных, национальных интересов самой России.

В указе прямо говорилось о том, что в «Кабардах со здешней стороны отнюдь властительно не поступается», но, однако, Россия не может безучастно взирать на

¹ КРО. Т. 2. С. 224.

² Там же.

события, происходящие здесь. И до тех пор, сказано в указе, пока Крым не оставит кабардинцев в покое, не перестанет «покушаться притеснять их или обманывать, как и напоследок присланным к ним письмом думал уверить их, что они по никакому новосочиненному у трактату будто уступлены в турецкую сторону не может досадовать в том, когда будет делано препятствие...»¹. Такая поддержка со стороны России намного облегчала положение Кабарды, давала ей возможность смело отвергать необоснованные притязания Крыма и Турции, давать решительный отпор их экспансионистским поползновениям. Однако следует заметить, что не интересы горцев Северного Кавказа волновали русский царизм, а стратегические и экономические проблемы, стоящие перед Российской империей.

Следуя примеру кабардинцев, и другие горские народы, даже находившиеся по другую сторону границы, в Закубанье, также часто отказывали в послушании крымцам, не давали подати, собираемые с них в виде ясырей и скота. Поэтому крымский хан периодически посылал свои войска для их наказания и приведения в послушание. Особенно много неприятностей крымцам доставляли близкие к кабардинцам темиргоевцы, которые в вышеприведенном указе Коллегии иностранных дел премьер-майору Никифоровичу при назначении его консулом в Крым названы как один «из горских народов, в тех околичностях находящихся, особливо примечания достойны... Сей народ, – говорилось в указе, – по положению своего жилища хотя почитается подвластным ханов крымских, но по крепости тех гор, в которых они живут, слушают их в чем сами хотят»².

И вот, когда хан Аслан-Гирей, захотев «темиргоевцев в большее себе повиновение привести», стал с угрозами требовать, «чтоб они и ежегодную подать ему платили, и назначивая оную по-прежнему в лошадях и пленниках, но большим против прежняго числом», темиргоевцы «оному требованию, как необыкновенному, воспротивились и совсем и от того малого послушания, какое напредь сего ханам крымским отдавали, отложились...»³.

В связи с этим, как доносил ротмистр И. Мещеряков кизлярскому коменданту Н. А. Потапову 12 января 1764 г., крымский хан готовился весной «переправиться на кубанскую сторону для наказания темиргойцев, причем-де не оставит он и им, кабардинцам, утеснения делать»⁴.

«И если-де подлинно он, хан, такое намерение имеет, – писал И. Мещеряков, – то когда он движение иметь будет, о том с Дону дать бы им знать заблаговременно, почему б они смогли привести себя во осторожность ухранением в крепких и безопасных местах, так и скот близ своих жилищ содержать, к чему б, ежели соизволено будет, в сохранность их и российскойю командою защищены были, дабы им можно было с ханом крымским по случаю причиненных от него им обид противиться. А ежели-де команды прислано и о движении хана крымского уведомлены не будут, то, конечно, в самую их неосторожность может он, хан, причинить им разорение отгоном окота и убийством людей»⁵.

В этот раз, как и раньше, кабардинцев вовремя предупреждали о движении крымского войска, чтобы они не были застигнуты врасплох, и при этом организовывалось встречное движение русских отрядов, что охлаждало воинственный пыл татар и воодушевляло горцев в борьбе против иноземных поработителей.

¹ КРО. Т. 2. С. 225.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 227–228.

Русское правительство, активно отстаивая интересы горцев перед иностранными державами на международной арене, оказывая им по мере необходимости и военную помощь в борьбе с превосходящими силами внешних врагов, в то же время выдвигало требования о необходимости соблюдения условий мирных трактатов, и в частности между Россией и Турцией. В связи с этим кабардинские владельцы большей частью воздержались от нарушений границ с Крымом, набегов на прикубанские земли, приема к себе беглецов – врагов султана и хана, чтобы не дать повода Турции и Крыму для обвинения России в нарушении условий Белградского мирного трактата, для вмешательства во внутренние дела северокавказских горцев. Так, когда темиргоевцы вышли из повиновения крымского хана и обратились за поддержкой к кабардинцам, те, хотя и были готовы помочь им, но воздержались от вмешательства в их отношения с Крымом.

Симпатии русских, как и кабардинцев, целиком были на стороне темиргоевцев, но вмешательство в их отношения с Крымом в данном случае, не суля особых успехов, могло привести к большим осложнениям и жертвам.

Однако в начале 60-х гг. XVIII в. русско-кабардинские отношения вступили в полосу серьезных затруднений. Причиной этому послужило недовольство кабардинских феодалов некоторыми мероприятиями царской администрации на Северном Кавказе, направленными на дальнейшее укрепление позиции России в Кабарде, усиление ее влияния и в других районах региона. К их числу, прежде всего, относилось расширение царским командованием кордонной линии на Тереке и строительство новой крепости Моздок в 1763 г. на восточной окраине кабардинских земель.

Инициаторами ее строительства были сами кабардинские владельцы, неоднократно обращавшиеся к русскому правительству с настойчивой просьбой заложить поблизости от их владений военную крепость для своевременного оказания им помощи при отражении частых набегов крымских и закубанских татар. И московское правительство под видом защиты тестя Ивана IV, кабардинского князя Темрюка Идарова, стало закладывать на Северном Кавказе укрепленные военные крепости, ставшие первыми форпостами колониальной экспансии на Кавказе¹. Вместе с тем Московское государство стремилось распространить свое влияние на гребенскую вольницу, с тем чтобы, включив ее в свою орбиту, превратить казаков в послушное орудие осуществления колониальной политики царизма в регионе². Но эта была не совсем простая задача, ибо речь шла о людях, недавно бежавших от глаз Московской Руси в поисках вольной и хорошей жизни за пределами этого же государства на далекий Кавказ, для которых общим было стремление избавиться от крепостной неволи, поэтому и названных одним именем – «казаки», что означало «вольные люди», это – во-первых. Во-вторых, с первых же дней оседания терско-гребенских казаков в низовьях рек Терека и Сунжи (не позднее середины XVI столетия) «между русскими переселенцами и горскими народами и племенами, ставшими непосредственными соседями и вступившими в повседневное общение, установились дружественные деловые отношения. Переселенцев – русских казаков – горские владетели встречали весьма радушно. Известно, что, «когда русские люди стали селиться на Северном Кавказе, кабардинский князь Мисост объявил их своими гостями»³, – т. е. взял их под свое покровительство и защиту. «Казаки, – писал историк терского казачества

¹ Коклев Г. А. Указ. соч. С. 58.

² Фадеев А. В. Указ. соч. С. 20.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 558.

И. Попко, – держались в своих гребнях благодаря поддержке князей Нижней, или Малой, Кабарды, землю которых они прикрывали, и приятельским связям с... соседними чеченскими обществами, из которых брали даже себе жен»¹. А казаки, в свою очередь, принимали в свою среду всех горцев, без различия племен и вероисповедания. И они, эти тесные добрососедские отношения, не нарушались до начала агрессивных в отношении горских народов политических акций царизма, который в колониальных целях усиленно насаждал в казачестве и горской среде «разлад, взаимное недоверие, национальную и племенную вражду и ненависть»². Однако и после перехода царизма к активным наступательным действиям против «непокорных» горцев, нередко прибегая к грубой военной силе, считая ее самым надежным орудием подчинения своей власти коренных жителей гор, что особенно отчетливо проявилось со второй половины XVIII в., «не война, а мирное сосуществование было обычной формой международных отношений между «гребенцами» и горцами³, выступавшими против наступательно-захватнической политики царизма, строительства крепостей на Тереке. И подобно римскому сенатору Марку Порцию Катону Старшему, который свои речи по всякому поводу заканчивал фразой: «А впрочем, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен!», кабардинские владельцы все свои обращения к царскому правительству, как правило, заканчивали требованием разрушить, снести крепость Моздок. И дело было тут не только в том, что новый русский форпост перехватывал скотоперегонные пути из Кабарды на Притеречную равнину, куда кабардинцы направляли издавна свои стада в зимнее время. Главная причина состояла в том, что Моздок стал притягивать к себе горских крестьян, бежавших сюда, в районы, контролируемые царской военной администрацией, в поисках защиты от произвола феодалов, спасаясь от их незатухающих междоусобиц, частых и разорительных набегов крымских и закубанских татар⁴. Коллегия иностранных дел нехотя признавала факты захвата кабардинских земель под строительство крепостей, говоря, что, «возможно, что с учреждением пограничной линии от Кизляра до Моздока» часть земель, которыми пользовались горские народы, отошла «внутрь сей линии...». Но недовольство и волнение кабардинских крепостных крестьян, считала она, возникает «во искушение свободы от приближения к их жилищам здешних крепостей»⁵.

Царское правительство, в свою очередь, поощряло переселение в Моздок кабардинцев и других горцев, стремясь тем самым укрепить свои позиции в крае, усилить свое влияние среди проживающих здесь горских народов. Все это не осталось незамеченным в Крымском ханстве, где больше всего боялись установления тесных отношений северокавказских горцев с могущественной Российской империей. Поэтому хан Крым-Гирей поспешил сообщить Турции о возведении Моздокской крепости. Турецкое правительство, встревоженное этим известием, послало на Терек тайных агентов для осмотра строящейся крепости. Коллегия иностранных дел России в сентябре 1765 г. вынуждена была предписать своему представителю в Константинополе Обрезкову и поверенному в делах Левашову принять все меры, чтобы успокоить Турцию⁶. Но крымский хан продолжал настойчиво просить правительство Порты воспрепятствовать переселенческому

¹ Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1980. Вып. 1. С. 5.

² Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 69.

³ Фадеев А. В. Указ. соч. С. 19.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 2. С. 169.

⁵ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1751–1776 гг., оп. 115/2, д. 3, л. 276.

⁶ См.: Ларина В. И. Очерки истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960. С. 40.

движению горцев в район Моздока, как ведущему к опасному усилению позиций России на Северном Кавказе. И Турция выразила России протест по этому поводу.

Указом Екатерины II от 9 октября 1762 г. Кургоке Кончокину (Андрею Иванову) было позволено с подвластными переселиться в урочище Моздок, где вскоре была основана одноименная крепость. В то время он, первым среди кабардинских владельцев приняв христианство, вместе со своими подданными оставил насиженные места своих предков и переселился за пограничную черту с Россией. И когда потом обострились отношения между русской администрацией и кабардинскими владельцами, выступавшими против строительства крепости Моздок на их пастбищных землях, а затем с категорическими требованиями о ее уничтожении, Кургоке Кончокин (А. Иванов) стал объектом нападения недовольных горских феодалов. Он представлялся им главным виновником строительства Моздокской крепости.

Феодалы совершали нападения на принадлежащие ему населенные пункты (кабаки), угоняли скот, уводили людей в плен.

27 июля 1764 г. специальным рапортом кизлярский комендант Н. А. Потапов доносил в Коллегию иностранных дел о преследовании владельцами Большой Кабарды Кургоки Кончокина (А. Иванова) и намерении убить его. При этом кизлярский комендант ссылался на донесение самого подполковника князя Андрея Кончокина-Черкасского, который просил «дать ему вспоможение, ибо ему по таковым обстоятельствам для уговаривания и переводу к поселению на Моздок братьев, узденей и подлой их народ, также Малой Кабарды владельцев с их узденями и подвластными и прочаго горского народа, ездить на ту сторону невозможно»¹.

Между тем побег горских крестьян на российскую пограничную линию, послужившие главной причиной осложнения отношений кабардинских владельцев с русской администрацией на Кавказе, настолько усилились, что в районе Моздока возникли целые кабардинские поселения. И, естественно, бегство подвластных крестьян, принявшее массовый характер, вызвало сильнейшее беспокойство и недовольство у кабардинских князей и уорков, увидевших в этом угрозу своим экономическим и политическим привилегиям. В силу сложившегося положения, в Большую Кабарду в середине декабря 1763 г. прибыл ротмистр И. Мещеряков с «секретным наставлением» от кизлярского коменданта Н. А. Потапова, где он представителям обеих партий (баксанской и кашкатауской), съехавшимся на собрание, старался внушать, что «они урочище Моздок принадлежащим к своим местам причитают несправедливо, ибо оное точно российское, а не их, и никто некрещенной при том жить, равно и беглые от них люди, не допустятся и никакой опасности оттого им признавать, паче же каково-либо чрез то утеснения почитать не следует и иметь того не могут; и будучи со здешней стороны от утеснений ханов крымских многократно защищаемы, довольную надежду имеют и впредь прибегать к высокой ея императорского величества милости, которую и получать могут, причем изъяснил, чтоб ко двору» для переговоров «одного знатного владельца от себя отправили»².

В ответ на это кабардинские владельцы заявили, что они «почитают себе за утеснение тем, якобы оное», т. е. урочище Моздок, «принадлежит им». А один из них – Месоуст Баматов – заявил, что «будто бы блаженные и вечной славы до-

¹ КРО. Т. 2. С. 232.

² Там же. С. 227.

стойный памяти первый император государь Петр Великий указом определил иметь им, кабардинцам, свои дачи да урочища Сатая, которое состоит по реке Терекке ниже того Моздока»¹.

Кабардинские владельцы заявили посланнику кизлярского коменданта, что если не будут приняты их требования, которые сводились к тому, чтобы прекратить постройку Моздока и не принимать их людей в Моздоке, то они вынуждены будут «отдаваться в послушание хана крымского». Последний делал все возможное, чтобы рассорить кабардинцев с Россией и привлечь их на свою сторону.

«При том же собрании владельцев изъяснили, – писал ротмистр И. Мещеряков, – что хан крымской и доньне их, кабардинцев, в свое подданство призывает, и когда будут они его подвластны, то он и аманат их, из России высвободя, отдаст им, и крови за убийство братьев его искать не будет. А подать брать с них имеет он, хан, с каждого двора только по одному бурметю, а за неимением того – по кунице...»².

Кабардинцы слишком хорошо знали крымских ханов, чтобы поверить им. Они просто хотели использовать факт домогательства Крыма для оказания давления на русскую администрацию и решения вопроса о Моздоке в свою пользу.

Между тем кабардинские владельцы после переговоров с представителем кизлярского коменданта И. Мещеряковым направили в Петербург специальное посольство во главе с владельцем Кайтуко Кайсыновым с просьбой о прекращении постройки крепости Моздок, недозволении крещеному Малой Кабарды владельцу Кургоке Кончокину там жить, возвращении крестившихся беглых крепостных крестьян и т. д.

Вопрос о Моздоке кабардинские владельцы считали настолько серьезным и неотложным, что, не ожидая возвращения посольства из российской столицы, связались с темиргоевцами, бесланеевцами и ногайцами, проживавшими по р. Лабее, чтобы договориться с ними относительно совместного нападения на Моздок в случае отрицательного ответа русского правительства о его срытии.

Так оно и случилось. Российское правительство, вновь приступившее к активным действиям на юге, в частности на Северном Кавказе, решительно отклонило просьбу кабардинских владельцев. В ответе, переданном 19 декабря 1764 г. вице-канцлером А. М. Голицыным кабардинскому послу Кайтуке Кайсынову, на прошение кабардинских владельцев к Екатерине II прямо заявлялось, что «урочище Моздок без всякого сомнения принадлежит к землям Всероссийской империи, потому начатое при оном селение и оставлено быть не может»³. Далее в ответе подчеркивалось, что переселение крещеного малокабардинского владельца Кургоки Кончокина на жительство в район Моздока не противоречит мирному трактату между Россией и Турцией. «По трактату между Всероссийскою империею и Портою Оттоманскою, – говорилось в нем, – положено и подданных одной стороны в другую принимать, которые природной свой закон переменяют. Для того кабардинскому владельцу Кургоке Кончокину, который крестился по собственному своему произволению, толь меньше в том отказано быть долженствовало, как не бывшему ни в чьем подданстве, но свободному человеку равным образом и прочие из кабардинцев, которые креститься пожелают, не могут быть отвергаемы»⁴.

¹ КРО. Т. 2. С. 227.

² Там же.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же.

Не отказывая горским крестьянам в защите, поддерживая и поощряя их переселение на российскую пограничную линию, русское правительство в то же время не хотело пойти на разрыв союза с горской знатью, рассматривая ее как свою классовую опору в крае. Поэтому для успокоения кабардинским владельцам, становившимся оппозиционной силой, разъяснялось, что от поселения крещеного Малой Кабарды владельца Кургоки Кончокина «при Моздоке как на российской земле не делается кабардинскому народу никакого притеснения и им в опасность от того приводить ни малейшей причины нет, потому что и крепости тут, как у них ложно разглашается, не строится. В сем же месте будучи напротив того дозволено всякому торговать беспошлинно кабардинцам, и такая из того выгода быть имеет, что они потребные для них вещи тут покупать могут, вместо того что ныне принуждены и за малым ездить в Кизляр»¹.

Предвидя, что в дело могут вмешаться Турция и Крым, в ответ неоднократно подчеркивалось, что поселение крещеных кабардинцев в районе Моздока не идет вразрез с условиями мирного трактата между Россией и Портой, которая «в подобных сему случаях в своих границах не иначе поступает»².

Таким образом, кабардинским феодалам было отказано в прекращении постройки Моздока и возвращении крестившихся беглых крепостных. Их послы вернулись на родину ни с чем.

Недовольством, охватившим в связи с этим кабардинскую знать, воспользовались протурецкие элементы, и в первую очередь некоторые служители ислама, которые, играя на религиозных чувствах, подстрекательски призывали к единению мусульман под зеленым знаменем шариата, т. е. к переходу под покровительство турецкого султана. Не преминул воспользоваться сложившейся ситуацией и обратиться к кабардинцам с новыми посланиями крымский хан, обещая свою поддержку в борьбе против русских на Тереке.

Но когда некоторые из феодалов в поисках выхода из создавшегося положения обратились к хану с просьбой помочь им добиться уничтожения Моздока и возвращения содержащихся в аманатах «детей владельческих», он выставил совершенно неприемлемые условия. Хан, извращая историю взаимоотношений Кабарды и Крыма в прошлом и суть просьбы кабардинских владельцев в настоящем, говорил посланцам и писал в письмах, что «как он, хан, так и кабардинцы единоверцы, и наперед сего они, кабардинцы, ханов крымских бывали, ежели и ныне они, кабардинцы, хотят себя подвергнуть хану крымскому и добровольно придут, то состоит в их воле, и будучи они между Российской империей и Оттоманскою Портою вольными как в вышеописанном Моздоке, так и в прочем по письму их, кабардинцев, без указа Оттоманской Порты, ничего им делать не в состоянии». Но если кабардинцы перейдут в его, хана, подданство, рассчитаются за разбитые ханские войска, дадут за кровь убитых его двух братьев 1500 «из лучших черкесских ясырей», по одному сыну каждого старшего из кабардинских родов в качестве аманатов и т. д., тогда хан о Моздоке и других кабардинских делах «стараться будет»³. В противном случае, хан не только не обещал поддержки, но угрожал, говоря, что «будущюю весною переправясь море, я туда приеду, и по приезде моем что будет, о том Богу известно»⁴.

¹ КРО. Т. 2. С. 238.

² Там же. С. 239.

³ Там же. С. 253–254.

⁴ Там же.

Кабардинские владельцы и уздени, собравшиеся на совете, решительно отвергли эти домогательства крымского хана и разошлись.

Но на этом не прекратилось вмешательство Крыма в кабардинские дела. Султан и его агентура продолжали подстрекать феодалов и духовенство к более активному выступлению против мероприятий российского правительства, проводимых на Северном Кавказе. В результате некоторые кабардинские князья, поддавшись агитации врагов России, в 1765 г. приняли участие в нападении на Кизляр, которое, однако, было отбито русским гарнизоном.

Однако крымский хан не унимался. Он продолжал настраивать кабардинцев против русских и призывал их к переходу под его покровительство. При этом, он, видя, что одним грубым нажимом кабардинцев не возьмешь, хотя они и оказались в затруднительном положении в результате обостренных отношений с Россией, изменил свою тактику. В своих новых письмах к кабардинским владельцам он разыгрывал роль великодушного добродетеля, говоря, что «прощает» им все их прошлые «грехи» и «обиды» и берет под свое покровительство, не выдвигая прежних условий. Когда к кабардинским владельцам, готовившимся к нападению на Моздок, приехал майор Татаров, то старший владелец Касай Атажукин показал ему письмо, полученное из Крыма.

«В присланном же из Крыма письме написано, – сказано в донесении пристава при калмыках подполковника И. Кишенского в Коллегию иностранных дел от 15 января 1767 г., – когда-де четыре владельца сыновей своих в аманаты отдадут, тогда они, черкесы, приняты туда будут, да и древнюю кровь свою взыскивать оставят и будут содержать их в покое без всяких податей»¹.

Кабардинские владельцы долго колебались, прежде чем принять какое-то решение. Проходили многодневные собрания князей и узденей с участием представителей обеих партий (баксанской и кашкатауской).

Одно из таких собраний, начавшееся 12 марта 1767 г., продолжалось пять дней. Не было единства среди его участников. Одни предлагали «от русской стороны отдалиться и быть в крымской протекции», другие, которых было подавляющее большинство, во главе с Касаем Атажукиным «особое же имели согласие и намерение, чтоб кроме российской, никакой другой протекции не искать, и напоследок на шестой день, то есть 18 числа марта, обще все обеих партий владельцы и уздени согласились, однако же, со владельцам Касаем Атажукиным чтоб быть им всем заедино и старшему их владельцу Касаю Атажукину во всем послушным; естли же он на которую сторону будет обращаться, то б им всем быть ни в чем неослушными»².

А Касай Атажукин же «секретно объявил» находившемуся в это время здесь, в Кабарде, ротмистру Кирееву, что «он прежнюю свою присягу нарушить, також и ныне от России отстать не желает. А пред тем хотя и соглашались, чтоб отдалиться с Баксану жилищем на Куму-реку в таком рассуждении, дабы людям их, за дальностию, побега к Моздоку чинить было неудобно, однако и то свое намерение оставили»³. Касай Атажукин также сообщил Кирееву о том, что на совете решено послать одного узденя «с просительными своими письмами» на имя кизлярского коменданта и императрицы, а пока «намерены поставить до приезда в трех местах заставы, а именно: 1-ю вниз по реке Терку в урочище Бештамак, 2-ю

¹ КРО. Т. 2. С. 262.

² Там же. С. 263.

³ Там же.

на реке Малке, 3-ю по ту сторону Кара-Терка в урочище Джулате, для воспрепятствования побегов»¹.

В своих письмах кабардинские владельцы вновь ставили вопрос о Моздоке и беглых крестьянах. Они писали, что если «от российской стороны на их прошении никакого себе милосердия и удовольствия не получат», то они вынуждены будут, «оставя нынешние свои места, перейти хотя и со слезами на Куму-реку или на Кубань и жить обще с кубанцами и иметь одну прежде положенную между ними присягу и не под ведением крымским». Объясняя причину этого, владельцы писали, что это будет сделано «того ради, чтоб их подвластные не могли в российскую сторону за дальностью побега чинить, а естли же от вас их часто упоминаемые прошения все представлены будут и чрез то себе удовольствие и милость получили б, то, конечно, от России с нынешних их мест в другую сторону отстать до смерти их и перейти не желают»².

Вскоре состоялось новое общее собрание (совет) князей и узденей обеих партий (баксанской и кашкатауской) Большой Кабарды. Оно продолжалось с 11-го по 21 апреля. Возникшие внешнеполитические осложнения временно сплотили кабардинских феодалов обеих партий, которые «единою присягой утвердились и чтоб ее никогда не нарушить, в такой силе быть бы всем во общем и союзном между собою согласии и никоторому как владельцу, так узденю без общего их положенного между собою под присягою совета никаких тайных дел для своей пользы, или с возмутительством, или с другим каким-либо делом пересылок чинить как российской, а более подтвердили к крымской стороне, а наипаче послушании быть всем старшего их владельца Касая Атажукина». По «общему своему совету» они написали письмо кизлярскому коменданту и «за руками приложенных своих к тому чернильных печатей» с изображением их имен передали его Кирееву. «И в том намерении ныне остались, – сказано в указе Коллегии иностранных дел кизлярскому коменданту Н. А. Потапову, – как и в прежних его рапортах вам было представлено от России милости искать и чтоб их ясыря, когда оне из Кабарды побег чинить будут, до крещения не допускать и обратно им бы отдавать»³.

В случае удовлетворения их просьбы в отношении Моздока, кабардинцы обещали «удерживать кубанцов... и прочих народов, которые побег будут чинить как на Моздок, так и на казачьи городки и до самой Астрахани...». В противном же случае, заявили владельцы, что «ни к которой (российской и крымской) стороне никакого зла причинять не будут», но вынуждены будут отдалиться от России и переселиться на жительство на Куме-реке или на Кубани, «чтоб не прийти в крайнее разорение чрез своих подвластных»⁴.

Не дождавшись положительного ответа от правительства России, в условиях все усиливающегося побега крепостных крестьян за кордонную линию некоторые кабардинские князья, спровоцированные крымским ханом Девлет-Гиреем, переселились за Кубань в верховья р. Кумы, направив русскому коменданту Моздокской линии послание, в котором говорилось: «Перейдем туда, чтоб безжавшим от нас холопьям нашим за дальностию места о побеге их было им неспособно и невозможно...»⁵.

¹ КРО. Т. 2. С. 263.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 267.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Цит. по кн.: Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955. С. 46.

Примечательно, что даже те кабардинские владельцы, которые переселились на Кубань, продолжали сохранять верность России. Один из них, старший кабардинский владелец, Касай Атажукин в своем письме к кизлярскому коменданту Н. А. Потапову в конце декабря 1767 г. писал, что хотя они и переселились к р. Куме, «к стороне ее величества, кроме верности, злого сердца не имеем...»¹.

Особенно крепко и неизменно «российской стороны» держались крестьянские массы Кабарды, которые, когда их владельцы стали переселяться за Кубань, в большинстве своем отказались следовать за ними.

Русское правительство отвечало решительным отказом на неоднократные обращения кабардинских владельцев относительно Моздока и беглых крестьян, а что касается их угрозы в связи с этим переселиться за Кубань, хорошо знало, что им это сделать будет очень трудно, ибо их подвластные не последуют за ними, так как они и слышать не хотят о подчинении крымскому ханству или Османской империи. «Между тем ротмистр Киреев от подвластных их людей неоднократно слышал такие отзывы, – говорилось в указе Коллегии иностранных дел кизлярскому коменданту Н. А. Потапову, – что если их владельцы и уздени намерение возымеют перейти с нынешних мест на Кубань или от России в другую сторону, то они все побег учинят на Моздок или в Кизляр, довольно ведая о насильствах крымских»².

«А как подлинно известно, – сказано в другом документе, исходящем из той же Коллегии иностранных дел, – что естли оне кочевать вознамерятся, что великая у них будет между собою сумятка и несогласие и несколько из подвластного их народа могут от них побег учинить на Моздок»³. Об этом же писал и астраханский губернатор, хорошо осведомленный в этом вопросе, говоря, что «черный народ о подданстве Крыму и слышать не хочет»⁴.

Таким образом, хотя по Белградскому мирному трактату 1739 г. Кабарда (Большая и Малая) была объявлена «нейтральной», не принадлежащей ни одной из империй, она фактически оставалась под влиянием и покровительством России. Горские владельцы, несмотря на сомнительные преимущества «вольности» Кабарды, по всем важным вопросам внешнего или внутривластного характера обращались за помощью и советами к царскому правительству. Да и Османская империя, и Крымское ханство, будучи вынужденными в какой-то мере считаться с этим фактом, адресовали все свои жалобы на кабардинцев России.

Малейшая неосторожность, нарушение условий Белградского мирного договора 1739 г. были чреватые печальными последствиями в конечном итоге для массы кабардинских крестьян, подвергавшихся разорительным нашествиям крымско-турецких полчищ.

Российское государство, в свою очередь, хотя и было связано Белградским трактатом, было вынуждено считаться с ним, оказывало кабардинцам возможную в тогдашних международных условиях помощь как войсками для отражения частых нападений со стороны крымских татар, так и в ликвидации состояния феодальной анархии. Вместе с тем такие мероприятия русской администрации, как расширение кордонной линии на Тереке, строительство здесь новых крепостей (Моздока), становившихся центрами притяжения изнывавших под тяжестью феодального гнета крепостных, стали вызывать острую отрицательную реакцию у кабардинских владельцев. Конфликт этот принял такие масштабы, что некоторые

¹ КРО. Т. 2. С. 275.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 268.

⁴ Акты Кавказской археологической комиссии. Т. 1. С. 82.

горские владельцы, спровоцированные крымским ханом, даже переселились за Кубань, в верховья р. Кумы. В то же время кабардинские крестьянские массы, мечтавшие о прекращении губительных междоусобиц эксплуататорской верхушки, об ограничении феодального произвола, избавлении от разорительных нападений крымских татар, неизменно оставались верными России, видя в сильном централизованном государстве силу, способную помочь в достижении своих надежд.

Время, прошедшее после Белградского мирного трактата, изолировавшего Кабарду от России, показало, что единение кавказских народов со своим могучим северным соседом являлось естественным, закономерным, неодолимым процессом. Несмотря на барьер, воздвигнутый Белградским трактатом между русскими и горцами, народы эти продолжали сближаться, пройдя важный этап на пути дальнейшего укрепления их связей и единства.

Серьезной проверкой прочности союза горских народов с Россией явилась новая русско-турецкая война, разразившаяся к концу 60-х гг. XVIII в.

Османская военно-феодалная империя с ее традиционной политикой искать во внешнеполитических агрессивных акциях спасение от разраставшегося кризиса феодального общества, активно поощряемая и подталкиваемая европейскими державами, 25 сентября (6 октября) 1768 г. объявила войну России. Причиной этой войны были агрессивные действия Османской империи против России, ее выступления против усиления русского влияния в Польше, а также стремление России выйти к Черному морю.

Военные действия, нарушившие хрупкую тишину звоном оружия, начались с 1769 г. сразу на трех театрах: в Подолии, на Дону и на Кавказе.

С самого начала войны царское командование придавало немаловажное значение тому, чтобы оградить Кабарду и Балкарию от турецко-крымских войск, против которых здесь и на Кубани действовал отряд генерал-майора де Медема. Это было тем более необходимо, что турецкий султан Мустафа еще за несколько дней до объявления войны России обратился к кабардинским князьям с предписанием, чтобы все мусульманские народы Кавказа были послушны крымскому хану, как его подданные, и были усердны «против нарушителей вечного мирного трактата» – «московских кяфиров»¹.

Проводил антирусскую политику в Кабарде и Балкарии и крымский хан. 17 января 1769 г. ротмистр Киреев доносил кизлярскому коменданту генералу Потапову о том, что 28 декабря 1768 г. в Кабарду из Крыма прибыл адъютант хана Магомет-ага с подарками и письмами, в числе которых были письма от турецкого султана Мустафы III, его верховного визиря и от нового крымского хана Крым-Гирея. Во всех этих письмах содержалось предложение кабардинским владельцам перейти под покровительство турецкого султана и в подданство хану крымскому². Магомет-ага послал от себя с такими же письмами человека в Малую Кабарду и другие районы, призывая всех мусульман, желающих служить турецкому султану, «готовиться к войне и весной напасть на российские пределы и их разорить»³.

Однако все эти обращения и письма не возымели действия на кабардинцев. Они не дали никакого ответа турецкому султану и крымскому хану. Более того, большинство кабардинских владельцев во главе с такими знатными и влиятельными князьями, как Джанхот Татарханов, Джанхот Сидаков, Касай Атажукин

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1768–1776, д. 19, л. 210.

² Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 94.

³ Там же.

и др., не только не поддержали султана и хана, но и, как только началась война, вновь подтверждая свою преданность России, встали на ее сторону и помогли российским войскам положить конец султанско-ханскому произволу на Северном Кавказе. При этом некоторые кабардинские владельцы, которые в 1767 г. в связи с отказом русского правительства уничтожить крепость Моздок переселились на р. Куму, вернулись на свои прежние места на Баксане. По возвращении они заявили, что выступают не против России, а за уничтожение Моздока, и что учиненную государыне присягу нарушить не могут. 19 июня 1769 г. кабардинский князь Джанхот Татарханов сообщил в Кизлярскую секретную экспедицию, что «владельцы Касай Атажукин с фамилиею, Джанхот Сидаков с братьями, Кази Кайсинов с братьями, Ниятша и Муса Карамурзины, Маматкирей Алимурзин с сыном и прочия, также уздени Куденетовы и Тамбиевы и народ все в подданство к ея императорскому величеству преклонились и присягали во всю жизнь быть в протекции... и в верности, как предки их находились и служили верно, и потом все на Баксан переселились»¹. Лишь только отдельные князья и уорки – Мисост Баматов, Хамурза Асланбеков, Джанбулат Кайтукин с сыновьями и др., всего до 200 человек, – заняли протурецкую позицию и отошли к верховьям

р. Кумы, в урочище Ешкакон, хотя почти все их подвластные возвратились на р. Баксан. Через несколько дней и они под нажимом вооруженной силы согласились вернуться на свои старые места, переселились на р. Баксан и дали аманатов в знак своей верности. В указанном сообщении кабардинского князя Джанхота Татарханова в Кизлярскую секретную экспедицию говорилось, что «на Куме ничьих кабаков не осталось, как и противных владельцев дома, жены и дети все переведены на Баксан»².

Что же касается кабардинского крестьянства, то оно, как всегда, твердо оставалось на стороне России, как об этом свидетельствовало секретное донесение кизлярского коменданта Н. А. Потапова от 8 апреля 1769 г., основанное на письмах кабардинского князя Кургоки Татарханова: «А народ явно говорит, если Кабарда отдастся под власть крымскую, они все напротив того передадутся к России». Астраханский генерал-губернатор Бекетов сообщал в Петербург 14 мая 1769 г., что кабардинцы преданы России больше, чем Крыму, что «черный народ о подданстве последнему и слышать не хочет!»³. Такая устойчивая прорусская ориентация народных масс, несомненно, оказывала большое влияние на позицию и горских владетелей.

Кабардинцы и на деле подтвердили свою приверженность России, приняв на ее стороне непосредственное участие в военных действиях против Турции и Крыма, политика которых по отношению к народам Северного Кавказа всегда отличалась откровенно насильственным экспансионистским характером. В 1768 г. они отбросили кубанского сераскера Сокур Арслан-бека, который с отрядом в 4 тыс. человек пытался прорваться к русским городам Моздоку и Кизляру, а в 1769 г. поддержали калмыков, разгромивших закубанцев⁴. Здесь же, в Моздоке, ставшем в годы войны крупным стратегическим пунктом для войск, действовавших на Тереке, сформировался русский корпус генерала Тотлебена, отправленный осенью 1769 г. через Дарьяльское ущелье в Грузию. При переходе этих войск через труднодоступные горы большую помощь им оказала Моздокская

¹ КРО. Т. 2. С. 290.

² Там же. С. 291.

³ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 95.

⁴ Там же.

горская команда из кабардинцев и осетин, входившая в состав Моздокского военного гарнизона¹.

Однако некоторые представители царской администрации на Северном Кавказе, не считаясь с этими и другими фактами, предвзято, с недоверием относились к кабардинцам и другим горцам. Чтобы подчеркнуть свои заслуги в приведении в покорность переменчивых горцев, оправдать свои колонизаторские действия, нередко приводившие к обострению отношений горцев с Россией, они сгущали краски, драматизировали политическое положение в Кабарде и других районах.

В этом отношении, а также в плане выяснения значения, которое придавали Кабарде в правящих кругах России в годы русско-турецкой войны, значительный интерес представляет указ Коллегии иностранных дел кизлярскому коменданту Н. А. Потапову от 11 марта 1769 г. с выражением неудовольствия по поводу его неуместных действий в Кабарде, выразившихся в захвате им у кабардинских владельцев 24 тыс. баранов.

«Едва только признаны войны оказываться стали, – сказано в этом документе, – то вам указом из Коллегии иностранных дел от 26 октября прошлого года изъявлено было, что если кабардинцы пристанут к противной стороне, подвержен будет опасности порученный вам край. Когда же война уже точно решилась, то другим указом от 16 ноября предписано вам употребить старание отторгнуть горских жителей, за рекою Кубанью живущих, для ослабления неприятельских сил, от сообщества с кубанскими татарами (ногайцами. – *Р. Г.*) и преклонить их в здешнее подданство, предоставляя им равные выгоды, каких они, будучи в подчинении ханов крымских, никогда иметь не могут»².

Напомнив таким образом генералу Потапову о тех указаниях, которые были даны ему накануне и в начале войны относительно кабардинцев и других горцев, в указе далее выражалось большое неудовольствие его произвольными, репрессивными действиями в Кабарде, пребывающей в верности и доброжелательности. Вместо того чтобы «отторгнуть» закубанских горцев от крымцев и склонить их на сторону России, используя для этого Кабарду, которая, «как сказано в указе, «есть наиспособнейшей делать пример всем на Кубанском кряжу живущим народам»³, кизлярский комендант своими неразумными действиями обострял отношения с кабардинцами. С серьезным упреком в его адрес в указе говорилось, что «когда ищется поколебать в верности к Порте и те горские народы, которые поныне в ее подданстве считались, то не странно ли долженствует казаться, что вы напротив того такой народ, который издревле держался Всероссийской империи, который, несмотря на бывший с Портою Оттоманскою; последний трактат (Белградский мирный договор 1739 г. – *Р. Г.*), однако же, из здешнего подданства себя не исключал, хотя и свободным был оставлен, и который теперь, когда война настает, заботится удостоверить, что и еще доброжелателен, изыскивая к тому способы то чрез наместника ханства калмыцкого, то чрез губернатора астраханского, привели строгим вашим поступком в отчаяние»⁴. В указе осуждались мероприятия, осуществленные кизлярским комендантом по отношению к кабардинцам, как неуместные и вредные. «При таком состоянии дел совсем и не видно, да и знать здесь не желается тех побудительных причин, для которых вы теперь, когда война настала и когда кабардинцы почитаются

¹ Калоев Б. А. Моздокские осетины. М.: Наука, 1995. С. 11–12.

² КРО. Т. 2. С. 287–288.

³ Там же. С. 288.

⁴ Там же.

небезнужными, вздумали с ними строгие и от здешней стороны отвращающие меры употребить»¹. А сами кабардинские владельцы, возмущенные высокомерным поведением кизлярского коменданта Н. А. Потапова, даже не соизволившего явиться в Моздок для переговоров, с резким выражением недовольства и сарказмом писали ему: «...хотя в Баксане или на Куме имея жительство наше, государыне нашей по-прежнему верно служить хотели; но Вы такое наше предприятие для чего за пристойное не приняли; и притом, превознося себя и похваляясь, что Вы нам склонность не покажете, также писали Вы, чтоб нам в Моздок приехать, где намерены были с нами помириться. И мы по тому Вашему обещанию со всеми князьями нашими на Моздок приехали, но Вы на то еще писали ж к нам, что Вам с таковыми людьми, каковы мы, говорить непристойно. Будучи Вы генералом, разве [что] с небесными ангелами говорить будете. Также во время приезда нашего из Моздока и в крепость допущены не будем, и приятного Вашего лица и вида не окажете – смотрением же лица Вашего в рай войти кто может ли? А мы, единственно, – рабы государыне нашей, а не Ваши; с таковыми Вашими письмами в страх нас не приведете, и чтоб мы были государыне нашей рабами, для чего оное Вы ненавидите и не любите»².

В июне 1769 г. Коллегией иностранных дел был направлен указ командующему русскими войсками на Кавказе генерал-майору де Медему, кстати сказать, не сумевшему, как и кизлярский комендант, найти общего языка с кабардинскими владельцами якобы из-за их сочувственного отношения к Турции и Крыму, в котором выражалось удивление по поводу того, что генерал Потапов, вместо того, чтобы активизировать действия против сторонников Турции, «единственно занят мыслями о кабардинцах». Де Медему предписывалось, оставив кабардинцев в покое, обратить все внимание на турецких подданных³.

Видимо, в Петербурге лучше знали настроения кабардинского народа, чем генералы де Медем и Потапов. В рескрипте Екатерины II на имя генерала де Медема от 3 ноября 1769 г. указывалось, что кабардинский народ, «к которому много еще есть не приставших к закону магометанскому, ничего больше не боится, как крымского подчинения», и что необходимо налаживать отношения с кабардинскими владельцами, «действительная польза и безопасность» которых заключается в союзе с Россией. Поэтому хотя рескрипт и одобрял выдачу генералом де Медемом князю Касаю Атажукину вознаграждения в размере 200 рублей «за сокрытие от кабардинского народа призывной Порты Оттоманской грамоты, к общему с татарами в настоящей войне содействию», но вместе с тем в нем подчеркивалось, что если бы призыв Оттоманской Порты и сделался известным кабардинскому народу, то последний «тем одним не развратился б». Далее в рескрипте Екатерины II одобрялись принятые командующим русскими войсками на Кавказе генералом де Медемом меры поощрения в отношении некоторых кабардинских владельцев за их верную службу, в частности определение братьям Джанхоту и Кургоке Татархановым жалования по 150 руб. и произведение последнего в капитаны⁴.

Примечательно, что даже в период обострения отношений, вызванного захватом большого количества скота кизлярским комендантом, кабардинские вла-

¹ КРО. Т. 2. С. 288.

² Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1763–1774 гг.: Сборник документов. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 257.

³ См.: *Смирнов Н. А.* Указ. соч. С. 97.

⁴ КРО. Т. 2. С. 99.

дельцы Касай Атажукин и другие писали генералу Н. А. Потапову: «Да изволите знать, что мы никогда, к стороне ее величества. противными не будем и быть не желаем». И далее с обидой добавляли, что «когда ее величество соизволит спросить вас и вы тогда изволите представить, что какой город кабардинцами разорен и какая противность оказана ¹.

Все попытки турецкого султана и крымского хана склонить кабардинцев к выступлению против России неизменно до самого конца войны кончались полным провалом. Кабардинцы оставались на стороне России и помогали ей в отражении вражеских набегов, участвовали в боевых действиях, развертывавшихся на Северном Кавказе, и в частности в Прикубанье.

В представлении в Коллегию иностранных дел, сделанном в октябре 1770 г. о поведении кабардинских владельцев в период русско-турецкой войны 1768–1774 г., капитан М. Гастотти, подробно указав на те большие усилия, которые прилагались Турцией и Крымом к тому, чтобы привлечь на свою сторону кабардинцев, отмечал, что по его «рассуждению Кабарда никогда на то не поступит, чтоб совершенно лишиться защищения России, но случиться может, что она взволнуется, когда удержат ее подданных»².

В представлении М. Гастотти в Коллегию иностранных дел содержалось и такое предложение: поскольку «под защищением России, да и в независимости живущие горские народы во всем следуют Великой Кабарде, то нужно, кажется, привести ныне Кабарду в такое состояние, чтоб впредь, а особливо в продолжение нынешней войны, можно было некоторым образом ее принудить ко всему, что нам удобно и потребно...»³. По его мнению, следовало «всегда возбудить распри и несогласия между кабардинцами и всячески не допускать, чтоб обе партии (баксанская и кашкатауская) примирились прежде, нежели то потребно будет»⁴. Внешнеполитическое ведомство согласилось с мнением М. Гастотти и отразило его в своем «Представлении» императрице от 15 июля 1770 г.

Предложения капитана М. Гастотти в Коллегию иностранных дел примечательны еще и тем, что в них были сформулированы принципы, положенные в основу всей последующей политики царизма в Кабарде, и, в частности, они нашли свое отражение в грамоте 1771 г. Екатерины II кабардинскому дворянству. Грамота эта, разрешавшая царским властям возвращать кабардинским феодалам беглых крестьян, но отказывавшая им в уничтожении Моздока ⁵, который якобы строится и содержится «не для наложения оков на свойственную кабардинцам вольность», широко комментировалась в дореволюционной кавказоведческой литературе как грамота кабардинскому народу. Фактически же эта грамота была адресована кабардинским феодалам, целиком отдававшая в их руки крестьян ⁶ и тем самым обнажившая классовую сущность царизма в отношении к горскому трудовому народу, участь которого менее всего его беспокоила.

«Рабы же кабардинския, – говорилось в грамоте, – как принадлежат господам своим без всякаго изъятия, составляя их доход своею работою и податью,

¹ КРО. Т. 2. С. 287.

² Там же. С. 298.

³ Там же. С. 297.

⁴ Там же. С. 297.

⁵ Там же. С. 299–303.

⁶ Там же. С. 388.

по состоянию же своему и способов не имеют к познанию христианского закона, для того мы, великая государыня, входя в хозяйство кабардинского народа, состоящее в скотоводстве и хлебопашестве, тем благоуспешнее отправляемое, чем больше кто из них работников имеет, узаконяем, чтоб все природные кабардинския холопы, впредь выбегать могущия, назад возвращаемы были в предприятие умаления нужных для работы людей в таком обществе, коего благополучие теперь нам приятно»¹. О целях строительства Моздокской крепости и полезности ее для края в грамоте утверждалось: «...единственно на тот конец, чтоб лежавшая впусе земля в некоторую для пограничных жителей обращена пользу. Ныне же, когда кабардинцы признали себя нашими подданными, и сами желать должны, чтобы в соседстве их укрепленное жилище находилось для защищения в опасных случаях и толь удобнейшего получения и размах со здешней стороны потребных вещей и товаров»².

И тем не менее грамота 1771 г. Екатерины II в Кабарде была встречена сдержанно, даже, можно сказать, с недоверием. Об этом свидетельствовало донесение князя Кургоки Татарханова И. Ф. де Медему о впечатлении, произведенном на кабардинское дворянство грамотой Екатерины II. Некоторые владельцы продолжали упорно стоять на своем, требуя, чтобы императрица «изволила повелеть разорить Моздок, и что в противном тому случае сколько б они награждены не были, подданными не останутся»³. «Это недоверие разжигалось турецкими и крымскими агентами, наводнявшими Кабарду, – пишет Н. А. Смирнов. – Попадавшие к русским войскам эти агенты показывали, что Турция и Крым не могут примириться с мыслью, что Кабарда навсегда ускользает от них»⁴.

И все же таки хану Селим-Гирею пришлось примириться с этой мыслью, ибо в связи с разгромом в 1771 г. русскими войсками крымского войска он вынужден был, оставив свой трон, бежать в Турцию. Новым ханом был избран Сагиб-Гирей, с которым Россия 1 ноября 1772 г. заключила договор «вечного союза и дружбы». По этому договору (статья 3) «Большая и Малая Кабарды» были признаны состоящими «в подданстве Российской империи»⁵. Один из очагов постоянной агрессии против Кабарды был ликвидирован. После 30 лет «нейтралитета», не исключавшего посягательств Порты на Кабарду, последняя вновь оказалась под российским покровительством.

Однако Турция крайне враждебно встретила договор 1772 г. между Россией и Крымским ханством, провозглашавший независимость последнего. Это и понятно, ибо он сильно задевал военно-стратегические, захватнические интересы Османской империи, фактически лишая ее такого важного плацдарма, как Крымский полуостров, и послушного орудия, как крымское войско, которые на протяжении длительного времени использовались турецкими султанами в агрессии против народов Северного Кавказа и юга России. Турция не признала также и нового хана Сагиб-Гирея, желая посадить на крымский трон своего ставленника, враждебно настроенного к России Девлет-Гирея, и тем самым сохранить вассальную зависимость Крымского ханства.

Поэтому Турция в спешном порядке вводит свои войска на только что покинутый русскими войсками Таманский полуостров. Здесь же начинает собирать

¹ КРО. Т. 2. С. 302.

² Там же. С. 301.

³ Там же. С. 305.

⁴ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 101.

⁵ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. М., 1869. Т. 2. С. 327.

остатки разгромленных отрядов татар и ногайцев претендент на ханский престол в Крыму Девлет-Гирей.

В середине декабря 1773 г. в Суджук-кале и других черноморских портах высадились турецкие войска численностью до 8 тыс. человек, которые соединились на Тамани с крымскими татарами Девлет-Гирея.

Стремясь захватить Северный Кавказ, турки активизировали свои происки в Кабарде, Балкарии, Осетии и других районах края. К кабардинцам, кумыкским и другим горским владельцам были посланы турецкие агенты с деньгами и письмами султана, призывавшими к совместной борьбе против России. Но «исламское правительство не смогло натравить горцев на Россию, провалились и замыслы заключить союз с черкесами и поднять их на борьбу против России»¹.

В начале июня 1774 г. объединенные силы турок и татар двинулись на восток, имея целью захватить Кабарду. «Овладение ею, по существу, означало бы установление власти над Центральным Кавказом. Стоило Турции и Крыму закрепить там, как они создали бы барьер, отрезавший предгорную часть Северного Кавказа и Закавказье от России. Именно в целях реализации подобного агрессивного плана, который позволил бы Турции не только сохранить свое господство, но и взять реванш над народами Кавказа, объединились в 1774 г. турецкие и крымские войска, «которые были брошены на Северный Кавказ, на моздокский участок российской пограничной линии»².

3 июня 1774 г. в решающих сражениях при урочище Бештамак под Моздоком и 27 августа того же года в Баксанском ущелье на р. Гунделен крымско-татарские войска во главе с Девлет-Гиреем были разгромлены русскими войсками³. В боевых действиях на Северном Кавказе активное участие на стороне России приняла «горская команда», сформированная из кабардинцев и осетин. «Команда» эта, насчитывавшая 205 человек, входила в военный гарнизон Моздока⁴.

Блестящие победы, одержанные русской армией и флотом в войне 1768–1774 гг., принудили Турцию к мирному договору с Россией, который был заключен 10 (21) июля 1774 г. в небольшой болгарской деревушке Кючук-Кайнарджи, расположенной на правом берегу Дуная, около крепости Силистра.

На основании этого договора к России отходили Азов (кстати, Азовское море ранее называлось Меотийским озером) и приазовские земли, приморские крепости Керчь, Еникале и Кинбурн, окружающие Крымский полуостров, с территорией между Днепром и Бугом. Крым и сопредельные татарские области провозглашались «вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти»⁵. Признавалась лишь духовная власть султана над крымскими татарами в качестве халифа всех мусульман. Этот пункт «о независимости Крыма облегчал в 1783 г. присоединение его к России»⁶. Дунайские княжества Молдавия и Валахия объявлялись автономными под покровительством России, Западная Грузия освобождалась от унижительной дани Турции людьми. Очень важным для империи было то, что Кючук-Кайнарджийский договор открыл Черное море и проливы для русского торгового флота, что «способствовало хозяйственному ос-

¹ Итоги и задачи изучения внешней политики // Советская историография. М.: Наука, 1981. С. 158.

² Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 32; Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 332.

³ РГВИА, ф. 144, ед. хр. 434, ч. 5, л. 203 об.– 204 об.

⁴ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 32.

⁵ Дипломатический словарь: в 3 т. 1971. Т. 2. С. 164.

⁶ Там же. С. 163.

воению южнорусских земель и укреплению их границ»¹. Граница России на востоке передвигалась на берег р. Кубани. Договаривающиеся стороны, определяя сферы своего влияния, делили территории, принадлежавшие не им, а суверенным народам. Так, Турция уступила Кабарду России, хотя сама ею не владела и не имела на нее никаких прав – ни исторических, ни моральных, ни юридических. Ни российская императрица, ни турецкий султан не удосужились спросить адыгов об их отношении к этой сделке. Подтверждались права России на территорию Кабарды, которая еще с середины XVI в. тесно была связана с Россией военно-политическим союзом, но не являлась составной ее частью. «Обе Кабарды, – говорилось в 21-й статье договора, – то есть Большая и Малая, по соседству с татарами, большую связь имеют с ханами крымскими, для чего принадлежность их императорскому Российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского с советом его и со старшинами татарскими»².

Хотя статья 21-я Кючук-Кайнарджийского договора окончательное решение вопроса о политическом статусе Кабарды передавала крымскому хану³, но ввиду того, что тот (Сагиб-Гирей) еще по договору с Россией в 1772 г. в г. Карасу признал Большую и Малую Кабарду состоящими «в подданстве Российской империи», то русско-турецкий договор 1774 г. надо рассматривать не иначе как новое подтверждение факта, зафиксированного в предшествующем русско-крымском договоре. Иными словами, кабардинский вопрос был решен в пользу России, хотя он в международном плане был снят с повестки дня лишь после присоединения Крыма к России в 1783 г. Это создавало достаточно прочные для России позиции на Центральном Кавказе и затрудняло деятельность «турецкой агентуры на Северном Кавказе»⁴.

О том, какое важное место отводилось Россией Кабарде при подготовке и заключении Кючук-Кайнарджийского мира, видно из основных условий, на которых предполагалось заключить этот русско-турецкий договор. Так, в инструкции для ведения мирных переговоров, данной русским дипломатам Г. Г. Орлову и А. М. Обрезкову, говорилось: «Основание переговоров состоит в следующих трех статьях: 1) в уменьшении способности для Порты нападать впредь на Россию; 2) в доставлении себе справедливого удовлетворения за убытки, понесенные в войне, объявленной со стороны Турции без всякой законной причины; 3) в освобождении торговли и мореплавания. По первой статье наши требования состоят в том, чтоб: 1) были уступлены нам обе Кабарды, Большая и Малая; 2) оставлена была граница от Кабарды чрез Кубанские степи до Азовского уезда на прежнем основании; 3) уступлен был нам город Азов с уездом; 4) чтоб все татарские орды, обитающие на Крымском полуострове и вне его, признаны были вольными и независимыми; 5) чтобы уступлены были грузинским владельцам все места, взятые русским оружием...»⁵.

Важное значение Кабарды хорошо понимало и правительство Османской империи, которое и после заключения и ратификации Кючук-Кайнарджийского договора пыталось проводить свою прежнюю политику. Подстрекаемое Англией и Францией, используя некоторые не совсем ясные положения договора 1774 г., оно добивалось пересмотра вопроса о Крыме и Кавказе. Решительно отказыва-

¹ *Пайчадзе Г. Г.* Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983. С. 82.

² *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 356.

³ Полное собрание законов Российской империи. Т. 19. № 14164.

⁴ РГВИА, ф. 144, ед. хр. 434, ч. 5, л. 205.

⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 14. Т. 27–28. С. 545–546.

ьясь признать русско-крымский договор от 1 ноября 1772 г., согласно которому Кабарда считалась состоящей в подданстве России, и по-своему трактуя 21-ю статью Кючук-Кайнарджийского договора, Турция не хотела признать Кабарду за Россией и продолжала занимать враждебную позицию в этом вопросе.

Но, несмотря на такое произвольное, неверное с точки зрения международного права, толкование Турцией некоторых его положений, Кючук-Кайнарджийский договор был, несомненно, большим успехом восточной политики России. Он не только открыл для Российского государства доступы к Черному морю, по существу решив черноморскую проблему для России¹, но и предопределил присоединение к нему Крыма и Кавказа, перекрывал главное направление опустошительных нашествий турецких войск на Северный Кавказ.

Договор 1774 г. серьезно укрепил позиции царизма на Черном море и Кавказе. Он способствовал значительному усилению влияния России среди кавказских народов.

Результаты русско-турецкой войны 1768—1774 гг. и условия Кючук-Кайнарджийского договора отвечали не только интересам русского, но они с одобрением были встречены многими северокавказскими горцами. Об этом доносили представители русской администрации на Северном Кавказе, которые знакомили местное население с условиями Кючук-Кайнарджийского договора. 10 ноября 1774 г. ротмистр Терского войска А. Батырев доносил кизлярскому коменданту И. И. Штедеру: «По всей моей там бытности и ото всех осетинцев слышал я, что они оказываются к России доброжелательными и весьма рады о заключении с Оттоманскою Портою мира, почитая тем и себя счастливыми»². Что же касается кабардинцев и балкарцев, то они, как это видно из рапорта командующего русскими войсками на Кавказе генерал-майора И. Ф. де Медема Екатерине II от 24 декабря 1774 г., были ознакомлены с содержанием Кючук-Кайнарджийского договора. В рапорте сказано: «Артикулы Кайнарджийского трактата, до кабардинцев касающиеся, прочитаны в собрании всех кабардинских владельцев, кроме некоторых противной стороны, которые не явились. Владельцы Малой Кабарды и кумыцкого народа сим известием были обрадованы. Но Большой Кабарды владелец Хамурза Арсланбеков вызвался, что они не могут себя почитать подданными российскими до тех пор, пока не получат из Крыма подтверждения»³. Об этом же свидетельствует и доклад астраханского губернатора П. Н. Кречетникова Екатерине II (апрель 1775 г.), где говорится о том, что восприняли «то известие с охотою»⁴.

Итак, после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., положившего начало новому этапу в развитии русско-кавказских отношений, в результате реализации внешнеполитической программы, осуществлявшейся Россией на Северном Кавказе, большая часть этого региона оказалась в составе России. «Такой исход дела заметно укрепил позиции России в бассейне Терека, открыл ей прямой путь через перевалы Большого Кавказа в Грузию и сблизил ее с закубанскими адыгами»⁵.

¹ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1978. С. 37.

² Русско-осетинские отношения в XVIII веке: Сб. документов. В 2 т. Орджоникидзе, 1984. Т. 2. С. 334.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. документов. М.: Наука, 1988. С. 153.

⁴ Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т. 2. С. 362.

⁵ История Кабардино-Балкарской АССР... Т. 2. С. 171.

Однако следует отметить, что обстановка в Кабарде после заключения Кючук-Кайнарджийского мира еще больше обострилась в связи с колониальной политикой царизма.

Договор этот не сразу повлек за собой полную ликвидацию политической самостоятельности Кабарды. Вначале было объявлено, что, несмотря на присоединение Кабарды к России, за кабардинцами сохраняются прежние их вольности и независимое общественное управление на основе их древних обычаев. В рескрипте генералу де Медему от 5 сентября 1774 г. Екатерина II, говоря об основных направлениях политики России на Северном Кавказе после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг., писала относительно кабардинцев, что они, «сохраняя должную к нам верность по силе присяги, при начале войны минувшей учиненной, в каком случае и впредь пользоваться могут всей свободностью в своем обращении и ни малейшего в том утеснения не опасаться, ибо, впрочем, и намерение Наше, что до них, кабардинцев, касается, единственно в том и состоит, чтоб их, как издревле еще в Нашей империи присвоившихся предков своих добровольной приверженностью, и ныне в числе наших подданных иметь без предосуждения... Мы соизволяем и наиточнейше повелеваем поступать с ними и в самом деле во всех случаях со всей возможной умеренностью, снисхождением и справедливостью и стараться через то приобрести их надеяние, дабы, наконец, они не только по нужде и необходимости были в обязанности признавать Нашу власть над собой, но, собственным подвигом и охотой к тому влекомые, и сущую для себя пользу находить могли в таком своем состоянии»¹. Но это было на бумаге, а на деле происходило обратное. Царское правительство, опираясь на Кючук-Кайнарджийский договор с Турцией, активизировало экспансионистскую политику на Северном Кавказе, развернуло активные действия по военному его захвату.

Если до середины XVIII в. царское правительство открыто еще не проявляло своих захватнических устремлений, то во второй половине века оно, укрепив свои позиции на Северном Кавказе в итоге многовековой борьбы с Турцией, переходит к широкому колониальному захвату на Кавказе, в политической истории которого в результате наступил новый важный период.

На очередь дня для России стал вопрос о дальнейшем заселении и освоении Предкавказских степей, т. е. продолжении военно-казачьей и крестьянской колонизации края, являвшейся порождением колонизаторской, захватнической политики царизма. Злободневной была и задача охраны с юга новых обширных владений Российского государства. Поэтому правительство России, получившее свободу действий на Северном Кавказе после окончания русско-турецкой войны, приступает к осуществлению здесь ряда мероприятий, и в частности, к сооружению сплошной кордонной линии от Моздока до Азова. Собственно говоря, речь шла о продолжении строительства системы Кавказских укрепленных линий, начатого еще в 30-х гг. XVIII в., соединении ранее созданной Моздокско-Кизлярской линии укреплений с Азовом. Проект новой Азово-Моздокской линии крепостей, представленный князем Г. А. Потемкиным, был утвержден Екатериной II, и в 1777 г. началось ее строительство. Здесь, в одной из крепостей – Георгиевской, потом была размещена штаб-квартира П. С. Потемкина, назначенного командующим на Кавказской линии. Кроме оборонительных функций (имеется в виду от турецко-крымской агрессии), сооружение кордонных укрепленных линий, завершившееся созданием правого фланга, центра и левого фланга, составивших к

¹ Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления Екатерины II: 1763–1774 гг.: Сборник документов. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 419–420.

концу XVIII в. единую Кавказскую линию, протянувшуюся вдоль Терека и Кубани от Каспийского до Черного моря, было мероприятием царизма, нацеленным на дальнейшее продвижение в глубь Кавказа с целью заселения и экономического освоения плодородных земель горцев, вытесняемых в горы. Проблема эта решалась царизмом обычными для него военно-феодальными методами. В итоге все плодородные предгорные и долинские земли оказались розданными царизмом русским, грузинским и осетинским дворянам.

В результате энергичных мер, предпринимаемых по заселению Кавказской линии, население ее стало быстро расти, главным образом за счет пришлового русского населения, достигнув в 1785 г. 200 тыс. душ¹.

События, развернувшиеся на Кавказе и в Крыму после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, со всей убедительностью свидетельствовали о том, насколько важными были эти оборонительного характера мероприятия для России. Несмотря на крупное военное поражение, Османская империя, упорно не желая уступить России Крым и потерять свое влияние на Кавказе, открыто готовилась к реваншу и уже летом 1774 г. вновь ввела свои войска в Крым. Все больше активизировал свои действия и турецкий ставленник Девлет-Гирей, обосновавшийся в Тамани и стремившийся к тому, чтобы с помощью турок ликвидировать независимость Крыма и вернуть его к прежней вассальной зависимости от турецкого султана. Более того, он вынашивал план насильственного присоединения к Крымскому ханству обширной территории Северного Кавказа, включая черкесские и кабардинские земли².

Готовясь к реализации своих агрессивных планов, Девлет-Гирей посылал агентов на Северный Кавказ, грубо вмешивался во внутренние дела горских народов. В сентябре 1776 г. он по указке Турции прислал своего дефтер-дара Касполата-агу в Кабарду и к русскому командующему на Кавказе генералу де Медему с заявлением о принадлежности кабардинцев Крыму и с требованием освободить кабардинских аманатов³. Хотя эти необоснованные претензии были отвергнуты, но они усилили раздражение и недовольство среди части кабардинских владельцев, не желавших отдавать своих сыновей в качестве аманатов.

В связи с этими враждебными происками, исходящими от Турции, по указанию Екатерины II генерал де Медем обратился к кабардинцам с декларацией, в которой разъяснялось, что они со времен царя Ивана IV «состоят в подданстве России» и поэтому обыкновение брать у них аманатов идет издавна, не прекращалось оно даже после заключения Белградского мирного трактата 1739 г., объявившего кабардинцев вольным народом. Далее в декларации говорилось о том, что по Крымскому договору 1772 г. Кабарда «признана состоящей в подданстве России», что подтверждено и Кючук-Кайнарджийским мирным договором 1774 г., и что поэтому Девлет-Гирей, захвативший ханскую власть насильственным путем, не имеет никакого права вмешиваться в кабардинские дела. Декларация заканчивалась предостережением кабардинским владельцам от возможных нежелательных для них последствий в случае, если они поддадутся на провокацию Девлет-Гирея и других врагов России и Кабарды⁴.

Отрезвляющее воздействие на спровоцированную турецкими агентами часть кабардинских владельцев оказали успехи русских войск в Крыму, провал попыток Турции силой вернуть его под свою власть.

¹ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 37.

² См.: Смирнов И. А. Указ. соч. С. 108.

³ Там же. С. 109.

⁴ См.: Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 41–42.

В результате в 1776 г. владельцы Большой и Малой Кабарды вновь были приведены к присяге и у них взяты аманаты, а хан Девлет-Гирей, претендовавший на Кабарду, вслед за турецкими войсками, вынужденными покинуть Кафу и Тамань, уехал в Турцию.

Однако это не означало отказа Турции от своих реваншистских планов. Стамбул по-прежнему продолжал мечтать о подчинении Кабарды Османской империи и готовился к этому. В своей записке «О положении на Кубани», составленной в 1778 г., генерал А. В. Суворов между прочим отмечал: «Чудно, как приятели наши стамбульцы простирают руки и до Кабарды...»¹. При этом в другой своей записке, написанной 30 ноября того же 1778 г., он говорит о феодальных распрях, господствовавших в то время в Кабарде², которые, как и раньше, создавали здесь благоприятные условия для происков турок и крымских татар, а также и для царизма в осуществлении его политики «разделяй и властвуй».

Уже в сентябре 1777 г. астраханский губернатор генерал Якоби доносил своему правительству об открытых приготовлениях Турции к новой войне с Россией.

Турки, упорно ведя дело к новому военному конфликту с Россией, требовали пересмотра мирного договора 1774 г., отказывались выполнять его отдельные статьи и конвенцию 1775 г. относительно открытия Черного моря и проливов для свободного русского торгового мореплавания, прекратили выплату контрибуции. Они укрепляли свои крепости на Днепре, Дунае и Черном море, добивались возвращения им Керчи и Еникале. Корабли и мелкие суда с поисками прибывали на главную базу турецкого флота на Кавказском побережье – Суджуккале, избранную центром приготовления к новой войне³.

Готовясь к новому столкновению с Россией, Османская империя рассчитывала поднять против нее кабардинцев, балкарцев и других горцев. С этой целью они посылали к ним своих эмиссаров с письмами от султана и деньгами. Однако, доносил А. В. Суворов фельдмаршалу П. А. Румянцеву, горцы «явно напасть на русских не хотят»⁴.

Такое открытое стремление Османской империи к реваншу, превращение ею Кавказского побережья в плацдарм для наступательных действий на Кавказе и против Крыма, развертывание подрывной деятельности среди горцев – вызвали ответные меры со стороны русского правительства. Оно, не ограничившись одними дипломатическими увещаниями, направило Кубанский корпус своих войск под командованием А. В. Суворова на правый берег р. Кубани, где в 1777–1778 гг. были созданы новые крепости: Александровская, Марьинская, Копыл, Новотроицкая и др.⁵ И с другой стороны, в связи с усилением деятельности турецко-крымской агентуры на Северном Кавказе среди горских народов больше внимания было обращено на Кабарду. Русское правительство хорошо понимало роль последних в регионе, особенно в условиях вновь обострившихся отношений с Османской империей, как это видно из ответа президента Коллегии иностранных дел Н. И. Панина на письмо вице-президента Военной коллегии Г. А. Потемкина от 4 апреля 1777 г. «...Кабардинцы, – говорилось в нем, – по месту своего пребывания, по силе своей и почтению между горскими народами, и по собственной своей предприимчивости... заслуживают и того достойны,

¹ См.: Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977. С. 173.

² Там же.

³ См.: Смирнов И. А. Указ. соч. С. 112.

⁴ См.: Киняпина И. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 40.

⁵ См.: Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 111.

чтоб они не отрываемы от здешней державы, но паче привлекаемы были. Всем прошедшим временем доказать можно, что доброжелательство кабардинских владельцев к здешней стороне, напредь сего бывшее, служило предохранением всему Кизлярскому краю...» от набегов горских феодалов, «так как с тех только пор, как они учинились недовольными по случаю заведенного в близости от них, в урочище Моздок, селения, и опасность от того настала, причинившая еще до войны, с Портою Оттоманскою бывшей, немалые затруднительства, о коих со всею подробностью и в Астраханской губернской канцелярии известно быть имеет»¹.

Но, несмотря на обострение русско-турецких противоречий, достигших особой остроты в конце 70-х гг. XVIII в. и приведших к концентрации войск, дело не дошло до вооруженного конфликта ввиду явной неподготовленности обеих сторон к новой войне².

21 марта 1779 г. между Россией и Турцией была заключена Айналы-Кавказская «пояснительная конвенция», подтверждавшая в основном условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. В частности, еще раз была подтверждена со стороны Турции независимость крымского хана от турецкого султана. По условиям этой же конвенции русские войска были выведены из Крыма и с Кубани³.

Таким образом, война между Россией и Турцией была предотвращена, но причины, которые чуть было не вызвали ее, остались. Отсрочка нового столкновения вовсе не означала отказа Османской империи от своих захватнических планов. Готовясь к их реализации, она использовала также и то обстоятельство, что по условиям конвенции 1779 г. была признана религиозная зависимость крымских татар от турецкого султана, являвшегося одновременно халифом (духовным главою) всех мусульман, что давало ему повод вмешиваться в дела Крыма, а также горцев Северного Кавказа и настраивать их против России. Для этого турки ловко воспользовались недовольством части кабардинской феодальной знати, вызванным постройкой крепостей Кавказской линии. Недовольство это имело свою продолжительную историю, начиная со времени закладки Моздокской крепости в 1763 г. Оно то затухало, то вспыхивало с новой силой, временами принимая форму вооруженного нападения части горских князей в союзе с закубанскими черкесами на русские крепости, чтобы заставить царские власти срыть их и вернуть земли местным феодалам.

В связи с создавшимся серьезным положением на Моздокской линии в июле 1779 г. Екатерина II издает секретный приказ, в котором командующему Кавказским корпусом П. С. Потемкину повелевалось наказать кабардинцев за их «дерзость» и «привести их в надлежащее повиновение и тишину»⁴. Приказ был приведен в исполнение царскими войсками самыми суровыми методами, в результате которых было уничтожено много кабардинцев, разорены их владения, а владетели насильственным путем вновь приведены к присяге царице и от них взято большое число новых аманатов. 9 декабря 1779 г. кабардинские князья вновь принесли присягу на верность России. В целях сдерживания горских владельцев от выступлений, пресечения их возможных действий в дальнейшем, в тексте присяги предусматривалось и обязательство подвластных им

¹ КРО. Т. 2. С. 321.

² Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX в. М., 1978. С. 41.

³ См.: Смцрнов Н. А. Указ. соч. С. 116.

⁴ РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 177–178.

крестьян не повиноваться им и не следовать за ними в случае их ухода в другие места. На кабардинцев была наложена значительная контрибуция. Они должны были вернуть бежавших к ним русских солдат. Уточнялась граница Большой и Малой Кабарды (для Большой – по р. Малке, для Малой – по р. Тереку), за пределы которой запрещалось выезжать без специальных пропусков, выдаваемых назначенным в Кабарду царским приставом, при поручительстве старшего князя Джанхота Татарханова.

Заключительная часть текста присяги содержала ограничение произвола кабардинских владельцев и узденей по отношению к их подвластным крестьянам, обещание «не притеснять, излишней подати не требовать, а содержать точно на основании обычаев и учреждений от предков и отцов их...», в противном случае лишались бы «своих холопов вечно»¹.

После принятия новой присяги на верность России в Кабарде на некоторое время наступило успокоение. Но затем под влиянием антирусской пропаганды турок и крымцев некоторая часть феодальной знати Кабарды вновь стала открыто выражать свое недовольство и раздражение, собираясь вместе со своими подвластными переселиться за Кубань или в Грузию.

«Конечно, – пишет профессор Н. А. Смирнов, – требовались серьезные причины для того, чтобы кабардинский народ, который видел в русском народе своего защитника, искал сближения с ним и не раз на деле доказал свою преданность России, теперь в конце XVIII в., когда практически осуществлялись его давние стремления к соединению с Россией, вдруг начал терять доверие к ней.

Основная причина этого заключалась в игнорировании русской администрацией экономических интересов кабардинского народа, среди которых главную роль играл вопрос о земле. Кабардинское население остро нуждалось в земле, а русские занимали ее для постройки крепостей»². Земли использовались не только для сооружения русских крепостей, но и щедро раздавались царизмом русским, грузинским помещикам и казачьим верхам.

О причинах протеста кабардинских владельцев против строительства русских крепостей на Кавказской линии писал еще известный историк В. Н. Кудашев: «Постройка крепостей и поселение в них воинов-земледельцев, т. е. казаков, естественно, уменьшало и стесняло пастбищные угодья и приволье кабардинцев. Постройка крепостей нарушала прежний их уклад жизни, их торговые и соседские отношения с ближайшими народами»³.

Да и само царское правительство знало о причинах недовольства кабардинских владельцев строительством крепостей на Кавказской линии. В «рассуждении» Коллегии иностранных дел (февраль 1778 г.) по поводу письма Г. А. Потемкина к Н. И. Панину от 24 декабря 1777 г. и полученных рапортов от астраханского губернатора И. В. Якоби от 20 ноября и 20 декабря того же года «касательно до прошения кабардинского черного народа о принятии онаго в высочайшее ее императорского величества покровительство» говорилось: «Может быть, при учреждении ныне в их соседстве крепостей, составляющих новую Линию от Моздока, некоторые урочища и воды, кои были до того в их употреблении, отошли внутрь сей Линии, следовательно, и не могут уже они там никакого хозяйства производить, того меньше какие-либо иметь жилища без здешнего дозволения...»⁴.

¹ См.: Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 61.

² Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 119.

³ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 70.

⁴ КРО. Т. 2. С. 329.

Но главную причину недовольства кабардинских владельцев строительством крепостей русская администрация на Кавказе видела не в этом, а в другом, а именно в бегстве горских крестьян на Линию. В рапорте командующего Кавказским корпусом П. С. Потемкина вице-президенту Военной коллегии Г. А. Потемкину от 18 ноября 1782 г. о требованиях знатных владельцев Большой и Малой Кабарды возвратить им бежавших подвластных крестьян на этот счет говорилось следующее: «Я почитаю лучшим средством держать владельцев в некотором обуздании и сия, то есть подлинная, причина, заставляющая владельцев вымышлять разные предлоги, якобы сооружение крепостей по Линии их утесняет; в самом же деле весьма опасаются они, чтоб черный народ не оставил их. Бывшие у меня владельцы Джанхот и прочие, кроме Девлетгирия, просили, чтоб я сих поселившихся близ нашей Линии, под названием кунаков, им возвратил. Но я им отказал»¹.

Возвращаясь к вышеприведенному мнению В. Н. Кудашева относительно причин недовольства кабардинских владельцев строительством крепостей и последствий этого строительства, необходимо заметить, что появление русских городов-крепостей на Северном Кавказе не привело к нарушению торговых и иных связей Кабарды с соседними народами, наоборот, они, в конечном итоге став центрами торговли России с местным населением, способствовали расширению торгово-экономических и других контактов горских народов между собою.

Что же касается приведенного выше тезиса Н. А. Смирнова о том, что кабардинский народ к концу XVIII в. «вдруг начал терять доверие к ней», т. е. России, то и здесь следует внести некоторые уточнения в том смысле, что строительство крепостей на Моздокской линии затрагивало, главным образом, интересы феодалов, обладателей многочисленных стад крупного рогатого и мелкого скота и табунов лошадей. Поэтому, естественно, против этого строительства рьяно выступали, прежде всего, представители феодальной знати Кабарды. Народ же кабардинский, т. е. трудовое крестьянство, разочаровывался не в русском народе, который ничего не имел общего с царским самодержавием и его сатрапами на Кавказе, и не в России, а в ее правителях. Даже в этих условиях «черный» кабардинский народ все сохранял верность России, в периоды обострения отношений части феодальной знати с Россией он сковывал действия владельцев, не давая им переселяться в другие места, решительно отказываясь следовать за ними, угрожая восстанием, отказываясь от участия в нападениях на русские крепости на Кавказской линии, несмотря на угрозы и принуждения со стороны феодалов, постоянно провоцируемых турецко-крымской агентурой.

Так, 19 декабря 1777 г. астраханский губернатор И. В. Якоби доносил в Коллегию иностранных дел о намерении кабардинских владельцев напасть на Моздок и об отказе крестьян участвовать в нападении. «На сих днях, – говорилось в рапорте, – от пребывающих на нововозведенной Моздокской линии полковых начальников и от господина подполковника Таганова, проживающего теперь в Кабарде, получил я известие, что кабардинские владельцы намерены были сделать нападение на наши крепости, но, будучи в собрании, сколько ни склоняли к тому дерзкому предприятию черный свой народ, но оный не согласился, зачем и оставили они то свое... намерение без исполнения»².

И в последующий период продолжали поступать в Коллегию иностранных дел рапорты от того же астраханского губернатора И. В. Якоби, в которых гово-

¹ КРО. Т. 2. С. 348.

² Там же. С. 324.

рилось о недовольстве среди части кабардинских феодалов, об их планах нападений на крепости на Линии, о непрерывных провокационных действиях турецко-крымской агентуры в Кабарде, о стойкости и верности «черного народа» своей присяге. «Касательно ж черного народа, – сказано в рапорте И. В. Якоби в Коллегию иностранных дел от 11 октября 1778 г., – то подполковник Таганов свидетельствует, что на сих днях были у него старшины от черни и уверили клятвою, что они никак не отстанут от подданнической к ее императорского величества... должности, всегда верными пребывая и надеясь на неисчерпаемые ее величества милости, а как скоро князья их взбунтоваться вздумают, то неотменно они со всеми своими семьями, отложась, уйдут под защищение в наши крепости, где только им позволитсЯ прибежище»¹.

Коллегия иностранных дел не только располагала документами, свидетельствующими о настроениях кабардинских крестьян, но и об их противодействиях осуществлению задуманных некоторыми феодалами ошибочных планов. Тот же астраханский губернатор И. В. Якоби 11 апреля 1780 г. секретным рапортом доносил Г. А. Потемкину о решении владельцев Малой Кабарды порвать с Россией и удалиться в горы и о сопротивлении этому со стороны крестьян. При этом в рапорте раскрывалась подстрекательская роль в этом деле Оттоманской Порты, которая «стараясь весь тот народ поколебавши подвигнуть к бунту против российской стороны, и чрез то б воспрепятствовать в достроении последних на Линии крепостей и уничтожить прежде построенные»².

И. В. Якоби, ссылаясь на донесения находящегося в Ейском городке «при союзных татарах приставом подполковника Лешкевича», докладывал о действиях кабардинских крестьян в этой обстановке: «А о черном народе пишет, – сказано в рапорте, – что оной сверх учиненной прежде генеральной присяги сделал между собою другую в том, что если бы владельцы их и намерены были уйти куда-нибудь в другое место или что предпринять, но они в таком случае, отрицаясь от подданства к ним, останутся или на прежних местах, или где позволено будет им поселиться, только б приняты с нашей стороны и защищены были от их владельцев». И далее: «Намерение сего черного народа справедливо тем, что Малой Кабарды владельцы Таусултановых кабаков подлинно сделали было бунт в своем народе и хотели отдалиться на жилище в горы, а не на Кубань, и, принуждая подданных своих к тому усиленно, делая им разные притеснения, а напоследок, видя их упорство и несогласие, рубили саблями и выгоняли вон. Однако ж чернь, окрепясь и храня данную в присяге клятву, не сделала им по той строгости послушания, а, оставя жен и детей в их руках, перебралась к Моздоку более 800 человек и просили защищения от нас»³. Все эти крестьяне были взяты русскими властями под свое покровительство, и им разрешили селиться в Моздоке, Кизляре и других местах, где они пожелают.

Царская администрация умело использовала эту привязанность «черного народа», т. е. кабардинского крестьянства, к России для обуздания непокорных кабардинских владельцев. Якоби советовал «более привязать к здешней стороне весь черный народ и обнадежить их покровительством, а владельцев предупредить от дерзких предприятий, поелику они не захотят лишиться своих подданных, без которых они ничего не значат, а в том и нужды мало будет, если одни князья с узденями удалятся»⁴.

¹ КРО. Т. 2. С. 333.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 335–336.

⁴ Там же. С. 336.

Для умирения восставших феодалов в Малую Кабарду был направлен небольшой отряд войск, который без применения силы водворил здесь спокойствие и порядок.

Примечательно то, что одним из главных, основных условий соглашения между феодальной верхушкой и «чернью» явилось и на этот раз соблюдение верности России.

«Из Малой Кабарды деташамент возвратился, и господин генерал-майор и кавалер Фабрициан уведомляет меня, – доносит И. В. Якоби Г. А. Потемкину 6 июня 1780 г., – что все тамошние князья, уздени и весь черный народ без всякого кровопролития успокоены и дали друг другу клятвы, чтоб впредь никаких обид своим подвластным не делать, также и черный народ своим господам присягал, что он никогда из послушания не выступит, если они не будут их притеснять, и останутся навсегда верными ее императорскому величеству, в чем и взяты с них подтвердительные пункты, с которых при сем имею честь препроводить к вашей светлости копию»¹.

Но несмотря на то, что строительство крепостей на Кавказской линии неизбежно вело к резкому территориальному сокращению и к серьезному ущемлению хозяйственных интересов горцев, оно считалось мероприятием, направленным на укрепление южных границ Российского государства, защиту края от происков агрессивных военно-феодальных восточных империй, за спиной которых стояли экспансионистские силы западных держав.

Ни устойчивая оппозиция части горских феодалов, ни провокационная деятельность турецко-крымской агентуры, ни суровые военно-колониальные методы, ни нередко принимавшая форму грубого произвола и насилия политика царской администрации на Кавказе не могли помешать дальнейшему расширению и укреплению позиций России на Кавказе, сближению русского и горских народов, ибо это был естественный, закономерный процесс, в основе которого лежали насущные жизненно важные национальные обоюдные интересы. Поэтому начало XVIII столетия знаменовалось вовлечением в российскую орбиту все новых горских народов, расширением и упрочением экономических, политических и культурных связей горцев Северного Кавказа с Россией. Как и раньше, инициатива установления тесных взаимоотношений с Россией исходила от самих горских народов, их феодальных владетелей, основная причина ориентации которых была обусловлена сохранившимися, как и прежде, крайне неблагоприятными внешнеполитическими условиями, угрожавшими их самосохранению как самостоятельного этноса. «Ориентация кавказских народов на Россию, – писал Г. А. Кокиев, – обусловленная в основном ирано-турецким давлением, завершилась в конце концов вступлением ведущих кавказских народов под протекторат России. Этот факт в условиях XV–XVIII веков следует рассматривать как «наименьшее зло...»². Первым серьезным шагом на этом пути было заключение военно-политического союза между Россией и Кабардой, ставшей крупным событием в истории русско-кавказских отношений. Союз с Кабардой, игравшей ведущую политическую роль на Северном Кавказе, значительно упрочил влияние Московского государства в регионе, т. е. на Кавказском перешейке. С другой стороны, с установлением тесных взаимоотношений между кавказскими народами и Россией последняя, прочно заняв важные стратегические позиции в Предкавказье и пользуясь поддержкой горских народов, местных владе-

¹ КРО. Т. 2. С. 337.

² Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 53, 78.

телей, стала надежной преградой на пути распространения турецко-крымской и иранской военно-феодальной экспансии на Северном Кавказе, давая отпор опустошительным набегам азиатских завоевателей, что создавало условия для более быстрого развития производительных сил, расширения экономических и культурных связей с самой Россией, стоявшей на значительно более высокой социально-экономической ступени развития, нежели ее соперницы, претенденты на Кавказ – султанская Турция и шахская Персия, а также с другими странами и народами. Следовательно, кроме неблагоприятной внешнеполитической обстановки, смертельной опасности, исходившей от иноземных поработителей, как главной причины, были другие стимулы, определившие ориентацию кавказских народов на Россию, побудившие их к сближению с русским народом.

В XVIII столетии активизировались связи России с Дагестаном и Грузией.

24 июля 1783 г. в крепости Георгиевской, вблизи Кабарды, Россия, представленная командующим войсками на Северном Кавказе генерал-поручиком П. С. Потемкиным, и Грузия, в лице ее полномочных представителей кн. И. К. Багратиони и кн. Г. Р. Чавчавадзе, подписали Георгиевский трактат, который связал тесными узами судьбу грузинского народа с Россией. Согласно условиям договора постоянным дипломатическим представителем Картли-Кахетинского царства при русском дворе был назначен Г. Р. Чавчавадзе, который в июне 1784 г. выехал в Петербург. Представителем русского правительства в Грузии был направлен С. Д. Бурнашев¹.

Георгиевский трактат был договором о дружбе и помощи, имел ярко выраженное оборонительное значение, а не преследовал агрессивных целей, как это ложно трактуется в современной зарубежной историографии. Поэтому для обеспечения постоянных связей России с Грузией и охраны торгового пути в Закавказье у входа в Дарьяльское ущелье в 1784 г. была поставлена Владикавказская крепость. Несколько раньше на границе Большой Кабарды на р. Подкумке была заложена крепость Константиногорская (на месте нынешнего г. Пятигорска).

Не менее успешно, чем на Северном Кавказе и в Закавказье, Россия укрепляла свои позиции в Крыму. В начале 80-х гг. XVIII в. здесь ханом стал сторонник России Шагин-Гирей. Поэтому Турция, ревниво следившая за действиями России на Кавказе и в Крыму, предпринимала все возможное для превращения Причерноморья и Закубанья в плацдарм для новых наступлений на Северный Кавказ, для восстановления своего влияния в Крыму. Ей удалось вовлечь в антирусскую политику не только население Крымского ханства, но и некоторую часть горцев Северо-Западного Кавказа. 18 мая 1781 г. в Тамани и Крыму началось восстание против Шагин-Гирея. В Крыму высадился Батыр-Гирей, приведший с Кубани 1,5 тыс. черкесов, абазинцев и др. Он занял Арабат. Турки начали восстанавливать свое владычество на Тамани и спешно направляли своих посланников в Кабарду. В Анапу прибыли турецкие войска, которые приступили к сооружению крепости².

В этих условиях Россия вынуждена была вновь ввести свои войска в Крым и на Кубань.

Восстание, поднятое в Крыму против сторонника России Шагин-Гирея, потерпело поражение. Вместе с этим провалилась и попытка турок вернуть себе Крым. Шагин-Гирей хан – последний крымский хан из рода Гиреев, потомков

¹ Пайчадзе Г. Г. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983. С. 137.

² См.: Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 121.

Чингисхана, правивших в Крыму с XV в., в феврале 1783 г. объявил, что не желает быть повелителем «такого беспокойного... народа», и отрекся от власти в пользу России¹.

8 апреля 1783 г. в Петербурге был опубликован царский манифест о присоединении Крыма, Таманского полуострова и земель до р. Кубани к России. В рескрипте, данном в тот же день Екатериной II на имя Г. А. Потемкина, этот акт мотивировался необходимостью предупредить дальнейшие возможные действия Оттоманской Порты, которая уже сделала попытки захватить Таманский полуостров и Кубань и организовала ряд заговоров в Крыму. При этом учитывалась возможность возникновения на этой почве новой русско-турецкой войны. Но войны удалось избежать, ибо Турция не была подготовлена к ней и не могла противостоять военным силам России. Турция признала акт о присоединении Крымского ханства к России 10 июня 1783 г.² По поводу присоединения Крыма к России В. А. Потто писал, что завершилось его покорение, «и грозное некогда ханство, висевшее... над русскою землею, превратилось в простую русскую область...»³.

Окончательное включение Крымского ханства в состав Российской империи явилось одним из основных достижений правительства Екатерины II на юге. Россия не только избавила себя, Украину и Северный Кавказ от набегов крымских ханов, но и, вытеснив отсюда Турцию, овладела военно-стратегическим плацдармом, необходимым для укрепления позиций на Северо-Западном Кавказе и значительного расширения своего влияния на побережье Черного моря, которое еще в X в. звалось Русским морем. По этому поводу Ф. Энгельс писал, что теперь Россия владела на Черном море «обширным побережьем и многочисленными гаванями»⁴.

После присоединения Крыма к России начинается новый этап во взаимоотношениях России с народами Северного Кавказа, а именно: «утверждение на Кавказе царского военно-административного аппарата, «насаждение самодержавных порядков как результата включения многонационального края в российскую государственную структуру»⁵.

Первым серьезным шагом на пути реализации идеи о включении занятых Россией предкавказских земель в единую политико-административную систему империи явился указ Екатерины II от 5 мая 1785 г. об учреждении особого Кавказского наместничества, или Кавказской губернии, в составе двух областей – Астраханской и Кавказской. Первым наместником Кавказа был назначен П. С. Потемкин (внучатый племянник Г. А. Потемкина), а центром наместничества и области стал Екатериноград, незадолго до этого основанный близ впадения Малки в Терек и возведенный из станицы Волжского полка Екатеринбургской в ранг губернского города. Кавказская область состояла из уездов: Екатериноградского, Моздокского, Кизлярского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского. Кавказская область охватывала огромную территорию – почти всего степного Предкавказья и граничила с Каспийским морем, Персией, Грузией, Турцией и турецкими владениями на Западном Кавказе, Азовским морем, Таврической областью и землей донских казаков.

¹ Суворов А. В. Письма. М.: Наука, 1987. С. 506–507, 533–534.

² Крым: прошлое и настоящее. М.: Мысль, 1988. С. 32.

³ Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 143.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 26.

⁵ Бузуртанов О. М., Виноградов В. Б., Умаров С. У. Навеки вместе. Грозный, 1980. С. 72.

В январе 1786 г. состоялись торжества по случаю открытия наместничества, в которых принимали участие также кабардинские и другие горские знатные князья и уздени¹.

В 1787 г. Екатерина II направила на Северный Кавказ сенаторов А. Р. Воронцова и А. В. Нарышкина, которые должны были инспектировать организацию административной и судебной власти в Кавказском наместничестве².

Как отмечено исследователями, «создание наместничества и централизация управления привели к серьезным изменениям в социально-политическом положении населения Предкавказья. Центральная власть, сосредоточенная у наместника, всячески стремилась к установлению в крае общих законов Российской империи... Население Предкавказья стали облагать повинностями, натуральными и денежными, сборами на содержание полиции. Гражданская администрация, издавая постановления, определявшие правила ухода за скотом, обработки марины, развития шелководства, фактически проникала во все сферы хозяйственной и бытовой жизни населения... В Кавказском наместничестве из-за напряженной военно-политической обстановки, по существу, не было разграничения функций между гражданскими и военными властями; военно-административный гнет тяжелым бременем ложился на трудовое население»³.

С учреждением Кавказского наместничества, созданием здесь российского административного аппарата началась интенсивная колонизация края, которая проводилась в целях удовлетворения запроса русских дворян-помещиков, которым и до этого (особенно после издания именного указа Сенату в 1782 г. «О раздаче желающим под поселение земель, составляющих обширную степь до линии Моздокской»⁴) уже было роздано немало земельных участков. На Северном Кавказе в результате «мощной переселенческой волны русские составили к концу XVIII в. больше половины проживавшего там населения»⁵. Поток помещицкой и крестьянской колонизации, вплотную подойдя к границам Кабарды, шел дальше, охватывая все новые части ее территории.

В. И. Ленин отмечал, что «переселенческая политика правительства руководилась лишь одними интересами кучки крепостников-помещиков и, вообще, господствующих классов...»⁶. Это было в духе времени Екатерины II, 34-летнее царствование которой стало «золотым веком» дворянства, ознаменовалось дальнейшим усилением крепостничества в России, когда переселение крестьян из центральных губерний на окраины, в том числе и в Предкавказские степи, принявшее с конца XVIII в. массовый характер, было «и попыткой царизма выйти из надвигающегося феодально-крепостнического кризиса. Этот процесс был тесно связан с ростом товарно-денежных отношений, охвативших не только центральные, но и окраинные районы страны»⁷.

¹ См.: *Смирнов Н. А.* Указ соч. С. 131; Отечественные записки. СПб., 1825. № 65. Ч. 25. С. 322–346.

² *Бентковский И. В.* Первоначальное устройство административных учреждений Кавказской губернии // СГВ. 1986. № 39.

³ *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Указ. соч. С. 59.

⁴ См.: *Бентковский И.* Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 года // Ставропольские губернские ведомости за 1876 г. № 41.

⁵ *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. С. 210.

⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 328.

⁷ *Чекменев С. А.* Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967. С. 116.

При правлении Екатерины II грубое насилие и полицейский произвол, запрещение крепостным крестьянам подавать жалобы на своих господ совмещались с правительственными манифестами о свободе и равенстве людей, пользе просвещения и ответственности всех перед законом. Это было похоже на то, как в «мрачные годы царствования Анны Иоанновны, отличавшиеся наибольшим произволом и беззакониями, было опубликовано больше всего указов с призывами блюсти законность»¹.

Говоря о сложной, лицемерной двойственности екатерининского царствования, Пушкин, в котором современники находили «сокровища таланта, на блюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные»², с глубоким возмущением писал, что Екатерина, которую он называл «Тартюфом в юбке и в короне»³, уничтожив на словах понятие «раб» (указом от 15 февраля 1786 г. она запретила подписывать обращенные к ней бумаги словом «раб». – *Р. Г.*), щедро дарила своим фаворитам государственные поместья и закрепостила вольную Малороссию. Вместе с государственными поместьями она, по словам Пушкина, «раздарила около миллиона государственных крестьян», превратив их из «свободных хлебопашцев» в помещичью собственность⁴.

Действительно щедрая для господствующего класса рука императрицы распростерлась и до степей Предкавказья, где царизм, насаждая дворянское землевладение, с 1785-го по 1804 г. русским помещикам раздал 160 тыс. десятин плодородной земли⁵.

Пушкин в своих «Зачетках по русской истории XVIII века», говоря, что «со временем история... откроет... народ, угнетенный наместниками», видимо, не исключал и горцев, оказавшихся под властью екатерининских наместников на Кавказе во главе с князем Г. А. Потемкиным-Таврическим, ведавшим в то время делами всего юга России, обладавшим правом по своему собственному усмотрению раздавать земли дворянству вдоль Азово-Моздокской линии⁶. В то же время, П. С. Потемкин, являясь генерал-губернатором Новороссийской, Екатеринославской, Астраханской губерний, значительно укрепил южные границы России, изучал нравы и обычаи малых народов, их историю, их быт, что очень помогало ему в деятельности по управлению этими южными губерниями империи.

Так, шаг за шагом правительство Екатерины II укрепляло свои позиции на Северном Кавказе, при этом местные феодалы, являясь братьями по классу русских помещиков, получали от императрицы вознаграждения за верную службу, в том числе и земельными участками. Среди получивших надель было немало и закавказских дворян. В лице представителей северокавказской и закавказской знати царизм стремился обрести верных слуг и надежную социальную опору в осваиваемом крае, искусственным путем создать класс крупных земельных собственников – оплот самодержавия в новых присоединенных к империи районах. «Азиатскому правительству нужна опора в азиатском крупном землевладении, в крепостнической системе «раздачи имений»⁷.

¹ Абсолютизм в России. М.: Наука, 1964. С. 420.

² Цит по кн.: *Фейнберг И.* Читая тетради Пушкина. М., 1985. Письмо А. И. Тургенева, 30 января 1837 г.

³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 8. С. 127.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ См.: *Фадеев А. В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 33.

⁶ ПСЗ. Т. 21.

⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 91.

Для осуществления своих целей «царизм сгонял с обжитых и плодородных земель коренное население, вытеснял в горы, раздавал отнятые участки русским помещикам и горской феодальной верхушке»¹. Только за период с 1718-го по 1804 г., по данным И. В. Бентковского, на Северном Кавказе было роздано 623 306 дес. земли, из которых за последние 20 лет, со времени открытия Кавказского наместничества (1785–1804), было роздано свыше 160 тыс. десятин². По сведениям Н. П. Гриценко, с которым согласен С. А. Чекменев, «в действительности земель было роздано значительно больше, т. к. мелкие «пожалования» не учитывались»³. Так, на протяжении XVIII в. русское правительство неоднократно укрепляло главную привилегию дворянства – «исключительное право на поземельную собственность»⁴. Царизм особенно любил щедро раздавать то, что ему не принадлежало. Рассказывают, будто чуть ли не сам Тимур, «Железный хромец», услышав двустиишие знаменитого поэта Востока Хафиза:

Когда красавицу Ширази своим кумиром избираю,
За родинку ее отдам я и Самарканд, и Бухару, –

вознегодовал: кто, мол, дал право стихотворцу так неразумно распоряжаться городами, которые ему не принадлежат⁵. Не в пример Тимур, у горцев действительно были все основания для негодования и требования ответа на вопрос: кто дал право русскому царю-самодержцу так бесцеремонно, по своему усмотрению распоряжаться землями, которые никогда ни ему, ни России не принадлежали? Ответ мог быть только один: никто. Но это был тот случай, когда говорят: «Сила выше права».

Мероприятия правительства России, направленные на дальнейшее расширение и укрепление своих позиций на Северном Кавказе, не оставались незамеченными султанской Турцией, которая ревниво следила за этим и, в свою очередь, готовилась к осуществлению своих новых экспансионистских планов по отношению к этому региону, используя для этого, как и раньше, Причерноморье и Закубанье в качестве удобного военно-стратегического плацдарма. С этой целью турки укрепляли старые и возводили новые крепости.

В то же время Турция развешивала кипучую деятельность на Кавказе, не жалея средств для разжигания антирусских настроений среди горских народов, делая при этом ставку на местное мусульманское духовенство.

Реваншистские устремления Оттоманской Порты, раздиравшейся внутренними противоречиями и искавшей выхода из кризисного положения и в этот раз на путях новой агрессии, поощрялись некоторыми западными державами, не желавшими мириться с возвышением Российской империи, превращением ее в великую морскую державу.

В результате к середине 80-х гг. русско-турецкие противоречия вновь достигли особой остроты. Причиной послужила «проблема Крыма», включавшая в себя и «проблему Кавказа».

¹ Чекменев С. А. Указ. соч. С. 106.

² Бентковский И. В. Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 г.

³ См.: Чекменев С. А. Указ. соч.; Гриценко И. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1961. Т. 4. С. 34.

⁴ Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1981. С. 45.

⁵ Липкин С. Волшебник из Ширази. Предисловие к книге «Ха-физ». Лирика. Уфа, 1973. С. 5.

Полностью овладев Крымом, Россия получила возможность навсегда преградить Турции путь на Северный Кавказ и в южные пределы империи. В случае же, если бы Турции удалось восстановить власть над Крымом, у нее могла появиться возможность проводить свою старую, традиционную агрессивную политику на южных рубежах России. Поэтому турки, лишь временно примирившись с Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г. и потерей Крыма и Тамани в 1783 г., выжидая удобного момента, готовились к возобновлению борьбы с Россией.

Предвидя неизбежность новой войны с Турцией, правительство России предпринимало меры по дальнейшему расширению и укреплению своих связей с кавказскими народами, и в частности с Кабадой и Балкарией.

С целью подготовки к предстоящей войне царское правительство в 1786 г. приняло решение о создании местных воинских формирований из горцев, и в частности из кабардинцев. Согласно рескрипту Екатерины II на имя П. С. Потемкина от 26 августа 1786 г. население Кабарды объявлялось «поселенным войском», из которого для действительной службы выделялись: от Большой Кабарды – шесть сотен при двенадцати князьях и двадцати четырех узденях, от Малой Кабарды – три сотни, при шести князьях и двенадцати узденях. В основу создания горского войска были положены принципы добровольности и денежной оплаты за службу. Всем находившимся на действительной службе назначалось жалованье. На кабардинские сотни возлагалась задача обороны отведенных им участков от набегов из-за Кубани. Во время войны кабардинцы в случае необходимости должны были выставить столько войска, сколько смогут.

На европейский театр военных действий из Кабарды было решено направлять только желающих из числа отборных наездников в количестве двухсот человек с жалованием, соответствующим положению каждого. П. С. Потемкину указом Екатерины II разрешалось иметь при себе в качестве ординарцев шесть князей и столько же узденей¹.

В том же 1786 г. кабардинское «поселенное», или «земское», войско (милиция) было создано. Его начальниками были назначены посланные Г. А. Потемкиным на Кавказ к горцам два брата, происходившие из кабардинского рода Бегидовых, – И. П. Горич (Большой) и его брат И. П. Горич (Меньшой), генерал-майор польской службы², а затем и генерал от кавалерии русской армии, участник русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Такой форсированный характер военных мероприятий, проводимых правительством Екатерины II на Кавказе, был связан еще и с начавшимся в 1785 г. в Чечне восстанием во главе с чеченцем Ушурмой, известным в исторической литературе как шейх Мансур.

Время выступления части горцев под предводительством Ушурмы характеризовалось дальнейшим усилением феодально-крепостнической эксплуатации внутри горских обществ и ужесточением самодержавного гнета, неизбежно распространяемого теперь и на горцев Северного Кавказа. Следовательно, в горском крае существовали серьезные социальные причины для недовольства, антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев.

Социальная и этническая база движения шейха Мансура была весьма пестрой. В нем принимали участие различные социальные слои и народы. Однако ядро восставших составлял «черный народ» – беднейшая часть горского населения, выступавшая в качестве главной движущей силы, что и определило его антифеодальную направленность. Это мощное массовое движение горцев Северного

¹ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 131–132.

² См.: Потто В. А. Исторический очерк Кавказской войны. Тифлис, 1899. Т. 1. С. 211.

Кавказа 1785–1791 гг., охватившее Чечню и соседние с нею районы, носило не только антифеодальный, но и антиколониальный характер. Оно было направлено против растущего гнета как со стороны царской администрации на Кавказе, так и со стороны «своих» владельцев, некоторые представители которых примкнули к антиколониальной борьбе.

Восставшие горцы во главе с пастухом-чеченцем из сел. Алды по имени Ушурма, известным как шейх Мансур, вели борьбу не против России и русского народа, а против всерастущего феодального гнета и эксплуатации, резко усилившейся колониальной экспансии царизма, сопровождавшейся возведением военных крепостей и укреплений на отнятых у горцев землях, раздачей захваченных земель царским сановникам, русским помещикам-крепостникам, грубым вмешательством царских генералов в своеобразную внутреннюю жизнь коренных народов. Это было народно-освободительное движение северокавказских горцев, движение «за свою независимость против колониальных захватов царизма. Восстание, происходившее под руководством Мансура, было направлено не только против колонизаторов, но и против сраставшейся с ним феодальной знати»¹.

Выступление горцев было вызвано глубокими социально-экономическими и политическими причинами, хотя оно было прикрыто религиозной оболочкой. Здесь акцент должен быть сделан на антиколониальном и антифеодальном характере движения горцев, а не на религиозном факторе в их борьбе, чтобы не преувеличивать место и роль последнего в нем.

Расширению этнической базы движения Мансура, вовлечению в его орбиту практически всех народов Северного Кавказа, что предопределило масштабность данного события, способствовали письма и прокламации шейха Мансура, с которыми он обращался к владельцам и подвластному им населению соседних горских народов. Степень вовлеченности в это движение различных народов и социальных слоев горского населения была неодинакова. Так, Мансуру не удалось добиться широкого участия кабардинцев в возглавляемом им движении. Однако его призывы нашли живой действенный отклик и среди определенной части неимущего трудового кабардинского крестьянства. Говоря о причинах такого поведения кабардинских крестьян, В. М. Букалова отмечала, что они, не получая от царской администрации на Кавказской линии реальной помощи во время своих выступлений против владельцев, присоединились в 1785 г. к движению шейха Мансура². Даже один из царских генералов, участвовавших в военных экспедициях, писал, что «нельзя не признать, что в успехе Мансура играли известную роль и более глубокие социальные причины... Зависимые сословия Кабарды, изнемогавшие под тяжким гнетом своих владельцев, с радостью приветствовали принесенное им (Мансуром. – Р. Г.) учение о незаконности княжеской власти»³.

Из-за антиколониальной направленности движения вначале на сторону восставших переходили и отдельные кабардинские владельцы, ущемленные захватнической политикой царизма, лишенные своих пастбищных угодий. Мансуру со своими узденями и подвластными крестьянами перешел малокабардинский

¹ Магомедов Р. М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939. С. 19.

² Букалова В. М. Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 1961. № 6. С. 84.

³ Руновский А. Записки о Шамиле // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. 1904. Т. 12. С. 1403.

князь Дол Мударов, ставший одним из первых его сподвижников. Но в связи с неудачными военными действиями повстанцев, а также в результате интриг, угроз и подкупов со стороны царских властей, в том числе и премьер-майора князя Уракова, находившегося в качестве пристава в Кабарде, он и другие горские владельцы покинули лагерь восставших. «Стоило России немного уступить в настоящих интересах владельцев или припугнуть вооруженным воздействием, – писал Б. В. Скитский, – они сразу отставали от движения»¹.

В борьбе против шейха Мансура совместно с русскими войсками принимали участие и «военные команды», укомплектованные из горцев. В конце 1786 г., потерпев поражение, Майсур скрылся, но, вооруженный опытом антиколониальной и антифеодальной борьбы, он еще не сложил оружия.

Наступил 1787 г. – год начала новой русско-турецкой войны, в которой кабардинцы приняли самое активное участие. 24 августа 1787 г. Турция, подталкиваемая англо-французской дипломатией, объявила России войну. В ответ на это 9 сентября Екатерина II издала манифест о разрыве отношений с Турцией и открытии военных действий. А уже 13 сентября П. С. Потемкин рапортовал президенту Военной коллегии Г. А. Потемкину: «Кабардинское земское войско собралось на Малке и ожидаю приезду из служащих владельцев с каждой фамилии по одному, которым назначу следовать к вершинам Кубани, и от Каменного моста спуститься по берегу до корпуса, о чем вашей светлости почитаю достойным донести»².

Вслед за этим, 28 сентября того же года, П. С. Потемкин докладывал генерал-аншефу А. П. Текелли: «Что касается устройства кабардинского земского войска, предмет по воле его светлости есть в том, чтоб войско Большой Кабарды охраняло всегда дистанцию от вершин Кубани. Кабардинцы же положили свою дистанцию от Каменного моста до Невинного мыса. Малой Кабарды войско 3 сотни должны иметь дистанцию от Татартупа до урочища Ста дерев»³. В конце октября 1787 г. братья Горичи, собрав кабардинское ополчение численностью до 5 тыс. воинов при 36 князьях и переправившись через Кубань, предприняли с ним активные наступательные боевые действия против неприятеля, который рассматривал Закубанский край в качестве удобного плацдарма для вторжения в Кабарду и разгрома Кавказской укрепленной линии, охрану которой несли кабардинские отряды. 24 декабря тот же отряд разбил турок «за рекою Лабою», захватив значительные трофеи и освободив многих пленных. Взятые у неприятеля пушки были доставлены в Георгиевскую крепость⁴.

Представляя императрице доклад об этих успешных боевых действиях кабардинцев, главнокомандующий князь Г. А. Потемкин-Таврический просил ее «удовлетворить» их землю, которая была у них отнята⁵.

«Таким образом, – пишет В. А. Потто, – первая служба кабардинцев увенчалась полным успехом; подвиги их были замечены, о них заговорили, и светлейший князь Потемкин, всегда благоволивший к гордой черкесской аристократии, взялся даже быть ходатаем за них перед императрицею. Он писал ей, что кабардинцы в последнее время сделались достойными монаршего внимания и что настал благоприятный случай согласиться на их постоянные просьбы о возвра-

¹ Скитский Б. В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута. Орджоникидзе, 1932. Т. 9. С. 117.

² КРО. Т. 2. С. 367.

³ Там же. С. 367.

⁴ Там же. С. 369–370.

⁵ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 155.

щении им занятых нами земель, под предлогом награды за их службу»¹. Но, как пишет далее автор, Екатерина, «невзирая на авторитетное ходатайство князя Потемкина, ограничилась одним изъявлением кабардинцам монаршего благоволения, объявленного 28 февраля 1788 г.»²

В следующем, 1788 г. подвластные старшего князя Большой Кабарды Жембулата во главе с Атажукой Хамурзиным участвовали в походе генерала Текелли на Анапу, предпринятом по приказанию князя Потемкина с целью отвлечения турецких сил от операций в Крыму. После ряда боев корпус генерала Текелли 14 октября подошел к Анапе и, простояв несколько дней под стенами крепости, не приступив к ее штурму, отошел обратно за Кубань³.

В 1788 г. бригадир Иван Петрович Горич (Большой), который за воинские отличия еще во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса, в составе Екатеринославской армии под командованием Г. А. Потемкина принимал участие в осаде и взятии турецкой крепости Очаков – оплота турецкого могущества на Северном Причерноморье.

Осада очаковской твердыни продолжалась с конца июня 1788 г. В день ее штурма Горич (Большой) командовал 6-й колонной, состоявшей из «охотников» и отборных войск, на которую было возложено взятие цитадели. 6 декабря 1788 г. после подавления отчаянного сопротивления противника крепость пала, и известие об этом потрясло Османскую империю до основания. очевидцы вспоминали, что никогда прежде не доводилось им видеть такого количества трупов врага. В числе пленных оказался и комендант Очакова Гусейн-паша, который в ответ на обвинение, высказанное ему Потемкиным: «Твоему упорству обязаны мы этим кровопролитием», заявил: «Оставь свои упреки. Я исполнил свой долг, как ты свой. Судьба решила дело»⁴. В этом кровопролитном сражении погиб и герой взятия Очакова И. П. Горич. В реляции так и было сказано: «...бестрепетный герой, бригадир Горич, ознаменовавший служение свое невероятной храбростью, вступил первым на бастион вместе со своею смертью»⁵. Похоронили его в Херсоне.

В память о его подвиге, в 1904 г. в Очакове на пересечении улиц Горича и Кутузовской И. П. Горичу (Большому) был воздвигнут памятник⁶, который, к сожалению, потом был разрушен и снова был воздвигнут в другом месте в 1978 г. с надписью: «Бригадиру Ивану Петровичу Горичу от благодарных очаковцев».

В одно время с Горичами в русских войсках служил и другой кабардинец Измаил Атажукин (Измаил-бей). Он вместе с И. П. Горичем (Большим) в 1788 г. участвовал и отличился в осаде и штурме Очакова, за что был произведен в премьер-майоры, блестяще аттестован в рекомендательном письме всеильного князя Г. А. Потемкина-Таврического на имя императрицы Екатерины II и представлен к награждению «убранной камнями медалью»⁷. В одновременно составленном письме к А. А. Безбородко Потемкин называл Измаила «храбрейшим наездником»⁸. Измаил-бей вместе с другим адъютантом главнокомандующего

¹ Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 173.

² Там же. С. 173–174.

³ Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977. С. 176.

⁴ Шахмагонов Н. Ф. Храни Господь Потемкина М., 1991. С. 146.

⁵ См.: Вилинбахов В. Б. Указ. соч.; Шетров А. Вторая турецкая война в царствование имп. Екатерины II. СПб., 1880. С. 176.

⁶ См.: Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 179.

⁷ См.: Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 179–180; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 131.

⁸ Андреев-Кривич С. А. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954. С. 18.

русской армией генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина графом Жерманьяном поддерживал А. В. Суворова, раненного пулей в шею 27 июля при отражении вылазки гарнизона Очакова ¹. В 1789 г. он участвует в военных действиях со Швецией. В 1790 г. подполковник Измаил Атажукин вновь в русских войсках, действовавших против Турции. Здесь он снова отличился во время знаменитого штурма считавшейся тогда неприступной турецкой крепости Измаил, укрепленной под руководством французских и прусских фортификаторов и имевшей 42-тысячный гарнизон с 265 орудиями, потрясшего военную мощь Оттоманской империи и произведшего огромное впечатление в Европе. Недаром Байрон впоследствии писал ²:

Пал Измаил; он пал, как дуб могучий,
Взлелеянный веками великан.
Что вырвал с корнем грозный ураган.

Поэты воспевали измаильский подвиг в стихах, а прославленный крепостной театр графа Н. П. Шереметева поставил оперу на сюжет штурма Измаила ³. Суворов говорил впоследствии: «На такой штурм можно решиться один раз в жизни».

За героический подвиг в этом бою, что было отмечено в рапорте А. В. Суворова князю Г. А. Потемкину-Таврическому, Измаил-бей был награжден одной из почетных боевых наград – орденом Св. Георгия 4-го класса. В представлении его к награде говорилось: «Сражался сильно, сбив неприятеля с вала, завладев оным». Рукой Г. Л. Потемкина против имени Измаил-бея была сделана пометка о том, что последний показал «храбрость и усердие»⁴.

Но, несмотря на то, что с самого начала войны кабардинцы, балкарцы и почти все другие северокавказские горцы активно поддерживали русских, турки не теряли надежды возбудить антирусское движение среди горцев, привлечь их на свою сторону и втянуть в пресловутую «священную войну «против» неверных», действуя с помощью демагогии и спекуляции на религиозных чувствах мусульманских народов Северного Кавказа. Об этом со всей красноречивостью свидетельствовал фирман турецкого султана Селима III, с которым он обратился в 1789 г. к кабардинцам, балкарцам и другим мусульманским народам, живущим на Кавказе.

В этом документе султан, стремившийся взять реванш, призывал всех мусульман-горцев соединиться с турками для общего совместного выступления против России, с присущей османским правителям жестокостью ставил перед ними программу конкретных действий: «ныне наступила священная война против неверных московитов; для того ко всем, исповедующим Мухаммеда, высочайший сей фирман послан, с тем чтобы по получении его, не медля ни одного часа, идти на брань и начать немедленно поражать противника... Разоряйте и расхищайте их области; берите в плен жен и детей, обогащайтесь их пожитками...»

Чтобы внушить горцам веру в скорую победу Оттоманской Порты над Россией, далее в фирмане сообщалось о скором появлении на Кавказе «победоносного» Гусейна Батал-паши с 60-тысячным войском и многочисленными пуш-

¹ Суворов А. В. Письма. М.: Наука, 1987. С. 624.

² См.: Равич Н. Две столицы. Исторический роман. М.: Советский писатель, 1982. С. 240.

³ Суворов А. В. Письма (Примечания). М.: Наука, 1987. С. 614.

⁴ См.: Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 180; Андреев-Кривич С. А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. Нальчик, 1949. С. 14.

ками для разгрома русских и богатой казной для награждения тех, кто выступит вместе с Турцией.

Вместе с тем, хорошо зная о настроениях горцев, их участии в войне на стороне России и поэтому будучи неуверенным в благоприятном исходе своей затеи, султан заключал свои призывы прямой угрозой: «Кто видел сей мой фирман, будет затем держаться стороны неверных, тот сущий богоотступник, и я никогда не перестану таковых преследовать, и коль скоро попадетя в мои руки, в тот же час повешен будет. А кои окажутся непослушны нашему Мансуру-эфендию, таковых пожитки разграбить и самих поработить позволяется в пользу верного воинства; всякий без греха и зазора именем и животом таковых обогащаться может»¹.

Как свидетельствуют факты, опасения султана были небезосновательными. Его фирман, содержащий не только призывы, но и прямые угрозы, не произвел на горцев желаемого в Стамбуле воздействия.

Новый султан Селим III, как и его предшественник Абдул-Хамид, просчитался, сделав ставку на разжигание антирусских настроений среди горцев при помощи религиозного фанатизма. Он не учел, что мусульманская религия, сравнительно недавно принятая горцами, еще не имела в крае глубоких корней, особенно это касалось Кабарды и Балкарии, намного дольше и больше находившихся в связях с соседними христианскими странами – Россией и Грузией. Более того, далеко не всеми горцами ислам был признан. Не случайно Ушурма (шейх Мансур), начиная свою деятельность как религиозный проповедник, собирался выступить в горы и в Кабарду «для приведения всех тамошних жителей в магометанский закон»².

Поэтому, когда приходилось выбирать между коренными национальными интересами, которые, как правило, связывались с русскими, или носителями мусульманской религии, т. е. турками, горцы всегда отдавали предпочтение первым. Поступив и на этот раз так же, они продолжали помогать России в войне с «единоверной» Турцией. Фирман султана Селима III их только насторожил, и они стали готовиться к отражению задуманного турками нового похода на Кавказ.

Решив вновь попытаться счастье, турецкое командование летом 1790 г. перенесло главный удар на Кавказское побережье Черного моря, направив в район крепости Анапа 40-тысячную армию Батал-паши для наступления на Кубань и подготовив десант в Крым. Имея в своем распоряжении 8 тыс. пехотинцев, 10 тыс. турецкой кавалерии, свыше 15 тыс. закубанской конницы и 30 орудий, развивая наступление на Кубани, Батал-паша направил главный удар на Кабарду и Кизляр, рассчитывая, что их захват даст возможность вытеснить Россию из Северного Кавказа, отрезать от нее Закавказье, оказать давление на дагестанских владельцев, чтобы они поддержали его, и завладеть Каспийским побережьем.

Над Кабардой, таким образом, нависла серьезная угроза. На нее двинулись турецкие войска во главе с Батал-пашой, переправившиеся 28 сентября на правый берег реки Кубани. Но вступить им в Кабарду не удалось.

30 сентября 1790 г. русские войска под командованием генерала И. И. Германа при содействии адыгских ополчений и конницы ногайцев наголову разбили турецкие войска Батал-паши в кровопролитной битве при р. Тохтамыш (приток р. Кубани, близ совр. г. Черкесска (ранее Баталпашинск))³. Турецкий командующий Гусейн Батал-паша, расхваленный в недавнем фирмане султана Селима III

¹ Цит. по: Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 156.

² См.: Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 139.

³ КРО. Т. 2. С. 376–378.

к горцам как «победоносный», попал в плен. Все 30 орудий, знамя, бунчук и булава самого сераскера, весь турецкий лагерь, множество пленных – все это досталось победителям. Так позорно провалилась очередная попытка турецких пашей взять реванш на Северном Кавказе. Вместе с тем тогда же была похоронена надежда Османской империи завладеть Кабардой.

На протяжении всей войны турки усердствовали, чтобы склонить горцев к борьбе против России, присылая для этого подарки и деньги. В июле 1790 г. к ним прибыл еще турецкий чиновник с деньгами, подарками и письмами от сераскера трехбунчужного Батал-паши, главноначальствующего в Суджук-кале и Анапе, приглашая их к совместным действиям против России¹. Горцы подарки взяли, но против России не выступили, наоборот, поддержали ее. Позиция горцев и их роль в этом сражении нашли свое отражение в историческом повествовании о городе Ставрополе историка по образованию, кавказоведа Иоакима Кузнецова. «Еще в ночь перед сражением генерал Герман нашел способ, – пишет он, – употребить в дело добровольческие отряды горцев, преданных России. Это была немалая сила – три тысячи лихих джигитов...

Герман распорядился сосредоточить добровольцев в лесах, оврагах и лощинах левого берега Кубани для того, чтобы в ходе сражения отвлечь подходящие резервы армии Батал-паши... Однако ожидаемый сераскером резерв турецкой армии сильно опоздал. В долине у Тохтамышских высот сражение уже шло к концу, когда из-за пригорка внезапно показалась неприятельская колонна... Три тысячи лихих джигитов вылетели из леса, оврагов и ложинок и кинулись догонять остатки турецкой армии...»². Спустя тринадцать лет, в 1803 году, на правом берегу Кубани у подножия Тахтамышских высот в честь победы русских и горцев над турецкой армией была основана казачья станица Баталпашинская (ныне город Черкесск).

После разгрома и пленения Батал-паши русским войскам было приказано переправиться через р. Кубань и двинуться на Анапу, «дабы истребить сие гнездо турков, положив навсегда предел беспокойствам, которые Порты, подкупая и подущая закубанцев, в том крае производила»³.

Турецкий султан Селим III вновь обратился к мусульманам Кавказа с открытым фирманом, в котором он грозил разлучить с женами и детьми всех тех из них, кто останется в бездействии в войне правоверных с «неверными», т. е. русскими.

Но горцы действовали с самого начала войны, но не на стороне Турции, а против нее. И теперь они принимают активное участие в осаде и взятии Анапы, выгодно расположенной в военно-стратегическом отношении и сильно укрепленной первоклассной по тем временам приморской крепости неприятеля, служившей бастионом его агрессии на Северном Кавказе. Она имела семь бастионов, вмещавших военный гарнизон численностью 10 тыс. турок, 15 тыс. крымских татар, ногайцев и закубанцев. Крепость была вооружена 83 пушками и 19 мортирами (горные пушки)⁴.

22 июня 1791 г. русские войска совместно с кабардинскими, осетинскими и дагестанскими ополчениями под общим командованием генерал-аншефа И. В. Гудовича штурмом овладели Анапой, захватив большие трофеи и множество пленных, в числе которых были сам комендант крепости трехбунчужный Мустафа-паша и Ушурма (шейх Мансур). В русских войсках, как отмечено выше,

¹ РГВИА, ф. 144, ед. хр. 434, ч. 5, л. 235.

² Кузнецов И. Крепость в степи. Ставрополь, 1987. С. 221.

³ Цит. по: Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 159.

⁴ См.: Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 160.

под командованием генерала Горича воевали 36 князей и 5 тыс. воинов-кабардинцев¹.

При осаде и взятии Анапской крепости мужеством и храбростью отличился отряд кабардинских конников во главе с Атажуко Хамурзиным. Последний, как свидетельствуют документы, со своими узденями в 1791 г. находился при главной русской армии и принимал участие в военных действиях за Дунаем². Многие кабардинцы за участие в русско-турецкой войне были удостоены военных чинов и наград России³. Блестящие победы русских войск под командованием великого русского полководца А. В. Суворова при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике и Измаиле, победы на Черном море, где российской эскадрой командовал прославленный русский флотоводец контр-адмирал Ф. Ф. Ушаков, которому, кстати, «не раз довелось слышать, что еще во времена Тмутараканского княжества» из древней Приазовской степи «вышел его предок Ушак, один из адыгейских князей...»⁴, победы русского оружия на Кавказе приблизили конец войны и вынудили султана просить Россию о мире.

29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) в Яссах был заключен мирный договор между Россией и Турцией, которым прежде всего восстанавливалось действие Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. и акт 1783 г. о присоединении Крыма и Кубани к России, а также все другие предшествовавшие Ясскому договору русско-турецкие соглашения, за исключением тех их статей, которые отменялись настоящим договором. Новая русско-турецкая граница устанавливалась по р. Днестру (к России отходили земли между рр. Южный Буг и Днестр), России предоставлялось право защищать христианские народы дунайских княжеств – Молдавии и Валахии, которые вместе с Бессарабией возвращались Турции. На Кавказе восстанавливалась граница по р. Кубани.

«Ясский мирный договор закрепил за Россией обладание всем северным Черноморским побережьем от Днестра до Кубани, включая Крым, и усилил ее политические позиции и на Кавказе и на Балканах»⁵.

Согласно 6-й статье Ясского договора Турция должна была «употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов на левом берегу реки Кубани, обитающих при границах ее, дабы они на пределы Всероссийской империи набегов не чинили» и не позволяли того же в отношении народов, населявших территории по правому берегу Кубани, считавшихся в подданстве, России»⁶. Таким образом, Россия фактически оставляла за Турцией черкесский берег Черного моря, «закубанцев» – территории, которыми она овладела в ходе войны.

Военно-политические итоги русско-турецкой войны могли и должны были быть более выгодными для России, если бы не вмешательство западных держав, особенно Англии (активно противодействовавшей в войне России и Австрии, рассматривающей их планы как угрозу своим интересам на Ближнем Востоке и в Индии) и Пруссии, которые в «формирование» Ясского договора сделали последний половинчатым. В частности, оставление черкесского берега Черного моря за Турцией и восстановление последней Анапской крепости означали сохранение за неприятелем выгодного плацдарма для организации новых агрессивных

¹ КРО. Т. 2. С. 375–378; История Кабарды. М., 1957. С. 64; Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 155.

² См.: КРО. Т. 2. С. 376.

³ Там же. С. 375–378..

⁴ Шторм Г. Ф. Ф. Ушаков. М.; Л., 1950. С. 28.

⁵ Дипломатический словарь М., 1973. Т. 3. С. 618.

⁶ См.: Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 162–163.

акций, от которых уже очень продолжительное время страдало население всего юга России, в том числе кабардинцы, балкарцы и другие горцы.

Так Ясским договором, заключение которого было ускорено революционными событиями во Франции, закончилась русско-турецкая война 1787–1791 гг., в которой горцы принимали самое активное участие. В течение этой войны кабардинцы не только участвовали в боевых действиях совместно с русскими войсками, но и «несли охрану Кавказской линии и показали себя с самой отличной стороны»¹.

Война была окончена, но причины, вызвавшие ее, сохранялись. Обстановка на всем Северном Кавказе продолжала оставаться напряженной. Угроза агрессии со стороны Турции и Ирана далеко еще не была снята. Все это требовало проведения новых мероприятий, направленных на укрепление южных границ империи. Поэтому после окончания войны было продолжено строительство крепостей на Кавказской линии, доведение ее до Азовского моря. Одновременно земли, отнятые у горцев, заселялись русскими крестьянами-переселенцами, занимавшимися хлебопашеством. Общее число крестьян мужского пола на Кавказской линии, по данным П. Г. Буткова, на год окончания русско-турецкой войны, т.е. 1791 г., составляло 23 960 человек².

Занятие земель под строительство новых крепостей, раздача участков царским генералам и чиновникам приводили, естественно, к дальнейшему резкому сокращению общего земельного фонда у местного населения – горцев, что вызывало их недовольство. Ответом на возмущение горских масс, связанное с захватом земель, произволом и злоупотреблениями кавказской военной администрации, не желавшей считаться с интересами, жизненным укладом и обычаями местного населения, были репрессии, принимавшие столь широкие размеры, что вынуждали даже царское правительство время от времени одергивать своих облеченных властью представителей и указывать им на необходимость применения более осторожных и разумных мер воздействия на кавказские народы, «неукротимые и от сотворения мира не признававшие ничьей власти»³.

Сильное раздражение вызывало у горцев не только отчуждение их земель, но и новые административные меры, которые проводились царским правительством в крае. Так, в 1793 г. решительное сопротивление встретило в Кабарде введение новой системы судов для горских народов: родовые суды для владельцев и родовые расправы для узденей. Введением этих судов нарушались привычные, веками действовавшие местные кабардинские обычаи и наносился ущерб привилегиям местных князей и дворян.

Деятельность родовых судов и расправ контролировал так называемый Верховный пограничный суд в Моздоке. «Поскольку власти оказывали давление на эти суды, они представляли собой не столько органы правосудия, сколько политическое орудие в руках русской военной администрации. Естественно, что все это вызывало большое недовольство среди местного населения»⁴. Хотя, надо заметить, что и суды, действовавшие в Кабарде на основе обычного права, и само обычное право не были свободными от давления со стороны господствующего класса и служили интересам этого класса.

Часть кабардинских феодалов, выступавшая против введенных новых судов, пыталась привлечь к движению за их ликвидацию и горское крестьянство, недовольное колониальной политикой царизма.

¹ Вилинбахов В. Б. Указ. соч. С. 174; Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 163.

² Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 255.

³ Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1. С. 273.

⁴ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 165.

И каждый раз раздражением горцев, обострением их отношений с кавказской военной администрацией старалась воспользоваться турецкая агентура для разжигания антирусских настроений среди горцев, организации их вооруженных выступлений. В Кабарде сразу появились турецкие эмиссары с фирманами и другими подстрекательскими письмами, ценными подарками и деньгами от султана. И все это иногда срабатывало, и часть кабардинских феодалов, поддавшись на провокацию, становилась на путь вооруженного противодействия царским властям, в связи с чем сюда направлялись русские войска, как это было в 1794 и 1795 гг.

Положение на Северном Кавказе, и в частности в Кабарде, оставалось сложным и напряженным и после кончины императрицы Екатерины II, последовавшей в 1796 г. Более того, Турция и Иран хотели воспользоваться сменой правителей в России для осуществления своих захватнических замыслов по отношению к Кавказу. Только в конце столетия, «после заключения русско-турецкого союзного и оборонительного договора от 23 декабря 1798 г., вызванного экспедицией французских войск во главе с генералом Бонапартом в Египет, наступил перерыв в русско-турецкой борьбе на Кавказе. С этого времени можно считать, что в русско-турецких отношениях кабардинский вопрос потерял свою остроту: он был решен в пользу России»¹.

Таким образом, русско-кабардино-балкарские связи с начала рассматриваемого периода проходят под знаком нарастающей политической и военной активности русского правительства на Кавказе и усилившегося тяготения кавказских народов к России, происходивших в сложных и трудных условиях международных отношений.

На рубеже XVIII столетия обстановка складывалась так, что на Кавказ, в том числе на его Северо-Кавказский регион, продолжали претендовать агрессивные восточные империи Османов и Сефевидов, неоднократно предпринимавшие попытки силой оружия захватить весь Кавказ и поработить его народы. Но последние, издревле связанные с Россией общностью национальных интересов, твердо держались русской ориентации. Кабардинский вопрос являлся важнейшей составной частью кавказской проблемы, решаемой русской дипломатией, широко использовавшей тяготение кавказских народов к России. «Активность русской дипломатии в отношении Кавказа сначала была обусловлена преимущественно заботой о стратегическом обеспечении доступов к южным морям, а затем, со второй половины века, и стремлением русских помещиков к расширению сферы крепостнической эксплуатации путем освоения Южных степей»². Положение осложнялось тем, что западные державы, напуганные быстрым возвышением Российской империи, превращением ее в великую морскую державу, всячески противодействовали осуществлению внешнеполитических задач России, активно вмешивались в кавказские дела, накаляли обстановку, обостряли противоречия между сопредельными с Кавказом восточными империями, нередко выливавшиеся в открытые военные столкновения.

В этих условиях Российское государство, исходя из собственных стратегических задач укрепления своего экономического и политического могущества, становления великой морской державы, твердо отстаивало интересы горцев на международной арене, при необходимости защищало их силой оружия от внешних врагов, всеми способами старалось заглушить губительную феодаль-

¹ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 169.

² Фадеев А. В. Указ. соч. С. 47.

ную междоусобицу, служившую источником внутренней слабости и мешавшую успешной обороне края.

В ответ на это кабардинцы и другие горцы стойко держались русской ориентации, принимали активное участие в вооруженной борьбе против общих врагов России и кавказских народов. Вместе с тем надо сказать о противоречиях во внешней политике самой Российской империи в XVIII в., которая переживала во второй половине этого столетия начало разложения феодально-крепостнической системы. Это накладывало отпечаток на характер и методы внешней политики царизма.

Самодержавный, эксплуататорский строй, существовавший в России, и агрессивная политика царизма, безусловно, накладывали свой отрицательный отпечаток на русско-кабардино-балкарские отношения.

Представители царской администрации на Кавказе, предвзято относившиеся к горцам, не желавшие понимать и считаться с их обычаями и нравами, нередко наносили большой урон дружественным традиционным связям России с кавказскими народами, являлись главными виновниками обострения их взаимоотношений.

С другой стороны, и местные феодалы, подстрекаемые иностранной агентурой, делали неоправданные шаги, приводившие временами к созданию конфликтных ситуаций с вытекающими из них крайне нежелательными последствиями.

Но, несмотря на все эти негативные моменты, русско-кабардино-балкарские отношения с начала XVIII столетия развивались по восходящей линии. Расширение и углубление связей России с горскими народами являлись главной, определяющей тенденцией в истории их взаимоотношений. Даже в период, когда по Белградскому мирному договору 1739 г. Кабарда была объявлена «барьерной», не зависимой ни от какой державы, нейтральной, кабардинцы не хотели отделиться от России, продолжали поддерживать тесные связи с нею. Удивительную преданность России проявил, говоря языком документов того времени, «черный народ».

В остром соперничестве государств горцы всегда держались стороны России, оставались верными союзу и дружбе с нею, что, естественно, способствовало провалу захватнических планов иностранных держав на Кавказе и упрочению положения России в Кабарде и Балкарии, как и в других частях региона. Но, к сожалению, Кавказская война, начавшая разгораться в последней трети XVIII столетия, нанесла серьезный урон традиционным связям горских народов с Россией.

Глава IV

**КАБАРДА И БАЛКАРИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
РОССИИ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ КАВКАЗА****§ 1. Роль Кабарды и Балкарии в укреплении связей
других народов Северного Кавказа и Дагестана с Россией**

XVIII в. является важным переломным периодом в истории взаимоотношений России с народами Кавказа, развивавшихся на базе сложившейся общности внешнеполитических и торгово-экономических интересов. В это время происходит дальнейшее расширение и углубление разносторонних русско-кавказских связей. Этому способствовали объективные причины. С окончанием Северной войны со Швецией активизируется восточная политика России, имеющая целью возвращение южных русских земель, а также выход к Черному и Каспийскому морям. От успехов решения этой проблемы во многом зависело дальнейшее развитие страны как великой державы. С другой стороны, социально-экономическая и политическая жизнь народов Северного Кавказа и Грузии, протекавшая в предыдущие столетия в условиях феодальных междоусобиц и постоянных войн с внешними захватчиками – Крымским ханством, Турцией и Ираном, еще больше осложнилась в XVIII в. В результате дальнейшего сближения с Россией кавказские народы могли отстаивать свою независимость, ликвидировать губительные последствия феодальных междоусобных войн и политически консолидироваться. Поэтому все они самостоятельно и активно участвовали в этом процессе. В основе их взаимосвязей с Россией лежали внутренние объективные причины развития этих народов. История русско-кабардино-балкарских взаимоотношений, охватывающих как область политических, так и экономических и культурных связей, протекала не изолированно, а в связи с историческими судьбами других соседних кавказских народов. Отношения Кабарды и Балкарии с этими народами и Россией «были взаимосвязаны и в значительной мере взаимообусловлены. Сложное переплетение судеб многих кавказских народов определило интенсивность и систематичность их взаимосвязей, их стремление к сближению с быстро растущим русским государством, а в конечном итоге – к присоединению их к России»¹. Таким образом, это был объективный закономерный процесс, отвечавший интересам обеих сторон, несмотря на субъективные, захватнические устремления русского царизма.

Успех активной внешней политики, проводимой Россией в восточном вопросе в XVIII в., во многом зависел от позиции, которую занимали народы Кавказа во внешнеполитических отношениях этого региона. Поэтому освещение межкавказских и русско-кавказских связей в XVIII в. вряд ли будет полным без учета той

¹ *Тогошвили Г. Д.* Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов Института истории, экономики, языка и литературы при Совете Министров Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1976. Т. 31. С. 145.

роли, которую в них сыграла Кабарда. Необходимость такого подхода вызывается местом русско-кабардинских отношений в общем процессе сближения кавказских народов с Россией, а также ее политическим влиянием на Центральном Кавказе в исследуемый период. «Нужно заметить, – писал Н. Ф. Грабовский, – что в описанный период, когда Россия не имела еще достаточной силы, чтобы поддержать на Кавказе свое владычество, кабардинцы стояли на стороне последней совершенно добровольно и оказывали помощь русским из простого чувства дружелюбия, не требуя за это никакого возмездия и даже не пользуясь, в свою очередь, в трудных обстоятельствах помощью со стороны русских войск»¹. Дальнейшее расширение и укрепление русско-кабардинских отношений в XVIII в. имело важное значение и в судьбах других горских народов, в установлении политических, экономических и культурных связей с русским народом.

«Существовавшие между Россией и Кабардой дружественные отношения в XV–XVIII вв., – писал Г. А. Кокиев, – сыграли в истории сближения горских народов Северного Кавказа с Россией весьма важную роль, а потому они заслуживают более подробного рассмотрения»².

Издавна народы Северного Кавказа – кабардинцы, балкарцы, осетины, чеченцы, ингуши и дагестанцы, западные адыги, карачаевцы и др. – поддерживали между собой тесные экономические, политические и культурные связи. Несмотря на этноязыковую пестроту, народы Северного Кавказа характеризуются общностью исторических судеб и близостью культур, имея в большинстве своем генетическое родство. В течение многих столетий живя по соседству и находясь в тесном общении, пройдя в своем культурно-историческом развитии большой и сложный путь, они не могли быть замкнутыми, изолированными друг от друга. Наоборот, они поддерживали постоянный контакт, перенимая и творчески усваивая опыт хозяйствования друг у друга, оказывая взаимовлияние, взаимообогащаясь различными культурными ценностями, в результате чего выработалось у них много черт региональной общности духовного развития. Общими у них были верования, большое сходство в обычаях, фольклорном материале, одежде, вооружении. Многие из горцев знали языки соседних народов. У них много общих терминов и слов. И несмотря на то что царское правительство старалось всеми возможными мерами поддерживать внутреннее несогласие между горскими народами, разобщить их, они сохраняли чувства единения и уважения друг к другу. «Материальная культура осетин, – пишет Б. А. Калоев, – характеризуется яркими специфическими особенностями, выработанными веками, и отличается большим сходством с материальной культурой соседних народов Северного Кавказа и Грузии, что свидетельствует о существовании тесных и длительных связей между ними. Близкие аналогии прослеживаются в поселениях, жилищах, одежде и пр.»³.

Ближайшими соседями кабардинцев и балкарцев на юго-востоке были осетины. «Общность социальных интересов являлась одной из основ мирных отношений между крестьянскими массами Осетии, Кабарды и Балкарии. В основе этих дружественных отношений между трудовыми массами Кабарды, Осетии и Балкарии лежали и общие экономические интересы. Они между собой вели торговлю, часто вступали в брачные отношения»⁴. В сообщении кабардинских

¹ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 118.

² Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 49.

³ Калоев Б. А. Осетины. М.: Наука, 1967. С. 116.

⁴ Тотоев М. С. Кабардино-балкарско-осетинские отношения в XVI–XVIII вв. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1966. Т. 25. С. 136.

феодалов Магомед Атажукина, Адильгирея Гиляхстанова, принадлежавших к баксанской группе, придерживавшихся прорусской политической ориентации и пребывавших в Петербурге в качестве послов, и кумыкского владельца Алиша Хамзина в Коллегию иностранных дел о горских народах Северного Кавказа, не позднее конца ноября 1743 г., говорилось: «...шестой народ – дюгор. Седьмой народ – сюрдигор, живут в горах, по вершинам реки Урюха и других ближних рек, против Малой Кабарды, расстоянием от деревни владельца Альдигирея Гиляхсанова день езды, и с тою Малою Кабардою постоянно имеют мир и некоторую малую кабардинцам дают и дань, и взаимно между собою женятся дюгоры и сюрдигоры на кабардинках, а кабардинцы на их дочерях...»¹. Смешанные браки были не редкостью и между балкарцами и осетинами, особенно дигорцами, что свидетельствовало об устойчивых межэтнических и культурно-бытовых процессах. «В с. Стур-Дигора, например, – пишет Н. Г. Волкова, – в настоящее время живет четвертое поколение таких семей, до сих пор сохраняющих связи со своими балкарскими родственниками. Осетино-балкарские семьи зафиксированы также в селениях Чикола и Хазнидон. Балкарские женщины в таких семьях выучивали дигорский язык, их дети считали себя дигорцами, но знали помимо дигорского также балкарский язык; сохранились связи с их балкарскими родственниками»². Существование особой близости балкарцев и осетин объяснялось еще и таким общепризнанным фактом, как активное участие в этногенезе балкарцев и карачаевцев аланского этнического компонента, что свидетельствует о длительности этнокультурных контактов между этими народами, проходивших на кавказском историко-культурном фоне.

Известный кавказовед Л. И. Лавров пишет, что «даже при поверхностном знакомстве со старым бытом карачаевцев и балкарцев бросается в глаза сходство с осетинами в способах содержания скота, технике земледелия, архитектуре жилищ и мавзолеев, типе утвари, обычном праве, нартских сказаниях, религиозных верованиях и пр.»³. Другой кавказовед-этнограф, Б. А. Калоев подчеркивает, что имеющиеся этнографические материалы «свидетельствуют о существовании у осетин, балкарцев, карачаевцев и ингушей одинаковых типов пахотных орудий, совершенно отличных от тех, которые применялись другими жителями нагорного Кавказа»⁴. А Иоганн Бларамберг отмечал большое сходство одежды осетин как мужской, так и женской с черкесской, а также и оружия⁵.

Важную роль помимо смешанных браков и других каналов в этнокультурных контактах между кабардинцами, балкарцами, осетинами и другими народами играли такие характерные для общественного быта кавказских народов социальные институты, как аталычество и куначество, с помощью которых устанавливались тесные взаимовыгодные связи между многими фамилиями и целыми родами соседних народов.

Тесное и постоянное деловое общение между кабардинцами, балкарцами и осетинами имело прежде всего экономическую основу. В первую очередь это связано с вопросом о земле. Говоря об экономической взаимозависимости Осетии и Кабарды, путешественник Клапрот писал: «Дигорцы отправляют свои стада в районы Малой Кабарды, а черкесы летом выводят свои стада из равни-

¹ Русско-осетинские отношения в XVIII в. Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 37 (далее: РОО.)

² Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // КЭС. IX. М.: Наука, 1980. С. 206–207.

³ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. IV. М., 1969. С. 77.

⁴ Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 219.

⁵ Бларамберг И. Указ. соч. С. 148, 149.

ны, где все выжжено и где их мучают слепни и комары, и отправляют в горы к дигорцам. Таким образом, обе народности связаны друг с другом»¹. В памяти народной сохранились сведения о том, что в те отдаленные времена осетины-дигорцы и соседние балкарцы совместно и мирно пользовались обширными горными пастбищами под названием «Харес». Они не раз вместе противостояли попыткам социальных верхов Дигории, которые пытались захватить эти земли, превратив их в свою собственность².

В XVIII в., как известно, у входа в Дигорское ущелье находились владения кабардинских феодалов Мударовых, у входа в Куртатинское ущелье, где ныне сел. Дзуарикау, находилось владение под именем Барукино, которое принадлежало крупному кабардинскому феодалу Гиляхстанову. Далее к западу от Барукино располагались феодальные владения Кубатей-кабак, Эльтюхов-кабак, Камбекуков-кабак, Тузуров-кабак и другие³. Осетины могли пользоваться землями предгорной равнины только с согласия кабардинских князей. Решение проблемы малоземелья было жизненно важным для осетинского народа. В донесении архимандрита Пахомия в апреле 1755 г. говорилось, что «живут внутри горах весьма тесно и неисправно и для своего пропитания подлые люди не имеют пашенной земли, где сеять хлеба и прочее»⁴.

Многие осетинские владельцы на определенных договорных условиях с кабардинскими князьями выселялись на плоскость. Прежде всего выселялись те феодальные фамилии, которые более тесно были связаны с кабардинскими владельцами. В результате этого возник ряд дигорских селений: «Туганово – ныне с. Дур-Дур, Караджаево – ныне с. Хазнидон, Кет, Карагач и др.»⁵ Более того, в результате миграции представителей осетинского общества в Кабарду, ставшей частью явления в XVIII в., среди кабардинцев появился ряд осетинских фамилий: Тугановы, Кубатиевы, Дударовы, Битуевы, Чегемовы, Слоновы, Хостовы, Тазиевы и т. д. С другой стороны, в Осетии немало фамилий, тождественных известным кабардинским: Кайтуковы, Касаевы, Шолоховы, Абаевы, Муртазовы, Кудаевы, Кудалиевы. Переселение осетин на плоскость и образование новых населенных пунктов приводили к дальнейшему развитию меновой торговли продуктами и товарами, служившей важной сферой в деле межэтнических связей, и в целом способствовали оживлению производительных сил. Как отмечал Б. В. Скитский, «особенно выгодным было расположение земель тагиатов, владевших главным путем, связывающим Северный Кавказ с Закавказьем... и с Кабардой»⁶. В хозяйственной жизни осетин все большую роль начинало играть земледелие. Офицер русской службы Л. Л. Штедер, направленный царским правительством к горцам в 1781 г. с целью изучить их социально-экономические отношения, писал о владениях осетинских феодалов: «...в садах они разводят, по примеру кабардинцев, бобы, турецкий маис, редьку, огурцы и большое количество обыкновенного зеленого табака. Всем этим они торгуют с Моздоком. Они хорошо обрабатывают поля и обменивают излишки на скот у кабардинцев»⁷. Если учитывать некоторую

¹ *Кланрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. Цит. по: *Тотоев М. С.* Указ. соч. С. 142.

² *Тотоев М. С.* Указ. соч. С. 142.

³ Там же. С. 140–141.

⁴ РОО. Т. 1. С. 380.

⁵ *Тотоев М. С.* Указ. соч. С. 141.

⁶ *Скитский Б. В.* Осетия в период феодальной раздробленности (XII – середина XVIII в.) // *Очерки истории горских народов. Избранное.* Орджоникидзе, 1972. С. 294

⁷ Цит. по: *Тотоев М. С.* Указ. соч. С. 141.

изолированность осетин в горах в предшествующие столетия, то становится понятным особенно важное значение их торговых связей с Кабардой, которая вела регулярно оживленную все возрастающую торговлю с Россией прежде всего, с Крымским ханством, Турцией и другими странами и народами. Размеры этой меновой торговли горцев с русскими были порой значительны. Иногда целые караваны с товарами собирались у границы с Россией по Тереку. Так, в 1751 г. был пропущен на Линию горец с 20 арбами¹. Поэтому Осетия, хотя и не имела в первой половине XVIII в. непосредственно свободного проезда в Кизляр и позже в Моздок, могла через территорию Кабарды поддерживать торговлю с проезжими русскими купцами и гребенскими казаками. Торговля эта носила в основном меновой характер. Осетины обменивали свои продукты сельского хозяйства и домашней промышленности, лошадей и скот, получая взамен ткани, рыбу, икру, соль, изделия из железа, хлеб и др. Меновую торговлю вели осетины прежде всего в самой Кабарде. Г.-Ю. Клапрот в своей работе «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.» писал: «Дигорцы не могут обходиться без Кабарды, получая оттуда соль, а в неурожайные годы – просо, а неурожаем в их возвышенной стране – обыкновенное явление»².

Следовательно, торговые связи с Кабардой, а через нее с Россией и другими странами имели для Осетии «жизненно важное значение»³.

Дальнейшему развитию меновой торговли между Кабардой, Осетией и Россией способствовало приближение границы России к территории горцев, основание пограничных городов-крепостей Кизляра (1735) и Моздока (1763). Русское правительство, которое при их основании учитывало местные природные ресурсы и возможности экономического освоения Северного Кавказа, способствовало переселению в эти населенные пункты не только русских, но и горцев. Здесь селились как владельцы разных горских народов и племен, так и зависимое от них население. Например, в 1764 г. в Моздоке насчитывалось 116 кабардинских семей⁴. Известно, что здесь кузнечным ремеслом занимались преимущественно осетины и черкесы⁵. В окрестностях Моздока возникло совместное поселение кабардинцев и осетин, относившихся к этнической группе «цайта». Они владели вместе с жившими здесь армянами и грузинами земельным участком № 141, который занимал большую территорию от Терека до Сунжи, включая часть брунов (песчаных земель)⁶. Переселенцам предоставлялись не только земельные участки, но и право беспошлинной торговли, свободного обмена своих сельскохозяйственных, животноводческих продуктов и ремесленных изделий на мануфактуру, соль, железо и прочие русские товары. Расширение и углубление торговых связей с русскими приводили к постепенному перерастанию меновой торговли в товарно-денежную, подрывали основы замкнутого натурального хозяйства северокавказских горцев.

Совместное проживание, тесные историко-культурные взаимосвязи и взаимовлияние кабардинцев, балкарцев и осетин привели к заметному взаимодействию языков, к обмену некоторыми элементами лексики. В настоящее время исследователями-языковедами подмечено значительное число адыгских эле-

¹ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. Т. 1. С. 148.

² Цит. по: Тотоев М. С. Указ. соч. С. 142.

³ Там же.

⁴ Ларина В., Бежанова И. Моздок. Исторический очерк. Орджоникидзе, 1970. С. 12.

⁵ Ларина В. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960. С. 53.

⁶ Калоев Б. А. Моздокские осетины, хозяйство и хозяйственный быт // КЭС. М.: Наука. 1980. Вып. 7. С. 63.

ментов в осетинском языке. Известны факты и обратного порядка. Что же касается взаимовлияния балкарского и осетинского языков, то здесь В. И. Абаевым доказано, что в первом «сохранились иранские (аланские) элементы»¹, выявлено более 200 лексических совпадений. Более того, иранский десятичный счет, которым и сейчас пользуются старики и животноводы для подсчета количества мелкого рогатого скота, первоначально принадлежавший осетинам, но утерянный ими, сохранился у балкарцев. «Бытование на языке карачаевцев и балкарцев иранского счета – явление довольно интересное, которое может быть объяснено только в свете этнологических связей карачаевцев и балкарцев с ираноязычными племенами»², т. е. осетинами. Как свидетельствуют исследователи, в 40-х гг. XVIII в. в верховьях р. Черек жили балкарцы, говорившие на тюркском и ираноязычным наречьях, и осетины, говорившие на дигорском диалекте осетинского языка и цокающем диалекте карачаево-балкарского языка. Это было смешанное, двуязычное население. «В этот период, – пишет Н. Г. Волкова, – видимо, имела место ассимиляция не только сравнительно поздних переселенцев в эти районы (сванов, осетин и др.), но и отдельных групп этноса – субстрата (осетин), находившегося в середине XVIII в. в стадии двуязычия»³. «Параллельное употребление генетически разных слоев появилось в результате смешения племен, взаимовлияния культур и соседних языков, взаимообогащения языков разных семей, сосуществования двуязычия (под двуязычием мы имеем в виду два периода: 1) исторический, когда в середине XVIII в. отдельные регионы, например Черекское ущелье, говорили на тюркском и иранском наречии, и 2) современный – карачаево-балкарско-русский), внутрисистемных процессов лексики (словообразования и формообразования)»⁴.

В. И. Абаев убедительно показал, что в языке и фольклоре как карачаевцев и балкарцев, так и осетин имеется много общего. Это не продукт поздних заимствований: они отражают реликты глубоко автохтонной кавказской этнокультурной среды. Таковы многие географические названия (топонимы), связанные с материальной культурой, названиями растений, культурные термины. «Можно полагать... – писал Я. А. Федоров, – что как у осетин, так и у карачаево-балкарцев были общие предки – носители кобанской культуры»⁵.

Иоганн Бларамберг отмечал, что дигорцы «говорят по-осетински, но у них свой диалект, многие из них также говорят на кабардинском языке и на языке имеретин, поскольку они торгуют с этими районами»⁶.

«Как отмечено выше, – пишет М. С. Тотоев, – знание кабардинского языка было обязательным, особенно для социальных верхов горских обществ. Это было, как правильно отмечал Б. В. Скитский, «своего рода патентом на высшее социальное положение в обществе».

Заимствование слов, усвоение языка без специального его изучения – один из показателей благотворного влияния народов друг на друга. Подтверждением этого является кабардинский и осетинский языки⁷.

¹ См.: Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. Изд-во Московского университета, 1983. С. 102.

² Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976. С. 165.

³ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 111.

⁴ Улаков М. З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1994. С. 64.

⁵ Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. Изд-во Московского университета, 1983. С. 101.

⁶ Бларамберг И. Указ. соч. С. 142.

⁷ Тотоев М. С. Указ. соч. С. 153.

В связи с развитием товарно-денежных отношений особенно остро стал для осетин вопрос о земле, решение которого зависело от кабардинских феодалов, в чьих руках находились почти все плоскостные и предгорные земли Центрального Предкавказья. В существующей исторической литературе довольно подробное освещение получил вопрос об определенной зависимости ряда горских народов, в том числе и осетин, от кабардинских князей и других владельцев. По мнению одного из знатоков истории Северного Кавказа Б. В. Скитского, суть этой зависимости сводилась к тому, что осетинские феодалы, желая получить в лице кабардинских князей и их вассалов покровительство и защиту, брались нести определенные повинности. Но вся тяжесть последних целиком ложилась на плечи осетинских трудящихся¹. Однако не эти отношения, которые устанавливались между кабардинской знатью и осетинской эксплуататорской верхушкой, являлись определяющими во взаимоотношениях двух соседних горских народов, трудящиеся массы которых издавна, многие столетия поддерживали между собой тесные многосторонние связи, и их исторические судьбы были схожи. Именно на их активной поддержке зиждилась прочность кабардино-балкаро-осетинских отношений, которые во многом предопределяли установление, расширение и укрепление тесных политических, экономических и культурных связей осетинских обществ с Россией в XVIII в.

Присоединение Осетии к России явилось естественным закономерным процессом, в котором немаловажную роль сыграла большая предварительная работа, проведенная Осетинской духовной комиссией. Русское правительство с самого начала создания много внимания уделяло деятельности комиссии, поручая ей «не только духовные дела, но и поддержку в Осетии русской политической ориентации»². Она развернула свою деятельность с 1745 г., опиралась на поддержку кабардинских князей, имея целью заниматься не только конфессиональными, но и политическими делами, т. е. путем распространения христианства способствовать упрочению влияния России на Северном Кавказе. Еще до отправки комиссии в Осетию канцлер граф Алексей Бестужев-Рюмин 5 января 1744 г. доносил Синоду о возможной помощи со стороны влиятельного кабардинского владельца Адильгирея Гиляхстанова, предлагая воспользоваться его услугами, могущими обеспечить безопасность миссионеров во время следования и по прибытии на место³.

11 июня 1744 г. Синод принял решение о назначении и выдаче денежного жалования в г. Кизляре архимандриту Пахомию, игуменам Христофору и Николаю и протопопу Георгию Давыдову, об оказании им помощи со стороны кизлярского коменданта и кабардинских владельцев во время следования их в Осетию и пребывания там. В протоколе Синода сказано: «А ежели собою оный комендант сделать чего не возможет, а из оного осетинского народа по принятии святого крещения некоторые, может, что пожелают сюды в Москву или Санкт-Петербург, чтоб оный комендант отправлял не задерживая, для проезду же де их от Кизляра через горских владельцев до Осетии потребно ко оным владельцам ея императорского величества указа о неоставлении во время их тамо бытия, а именно Большой и Малой Кабарды владельцам Алдигирею Гиляксанову, Мудару Жангерову, Казу Батирмизе Мударову с братьями и Чачанскому. А для лучшей де в проезде черке-

¹ Скитский Б. В. Осетия в период феодальной раздробленности (XII – середина XVIII в.) // Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе, 1972, С. 299–300.

² РОО. Т. 2. С. 10.

³ Там же. Т. 1. С. 43–44.

сами безопасности потребно с ними быть терских казаков 6 человек, того ради, что они в Черкесы непрестанно ездят и имеют соседство, тако ж знают их черкесской и татарской языки, а без оных-де казаков им ехать и быть тамо никак невозможно для того, что ограбят совсем, к тому же для пересылок от них в Кизляр и из Кизляра к ним никак обойтится невозможно, и оные-де черкесы, видя казаков, да них презентов по своему обыкновению просить от них духовных не будут»¹.

В этом же протоколе 7-м пунктом было указано: «К горским, кабардинским владельцам о показывании оному архимандриту с товарищи и во время их тамо бытия в потребных и опасных случаях благопристойного вспоможения и всякой благосклонности соблаговолено б было из Коллегии иностранных дел отписать»².

12 декабря 1744 г. состоялось решение Правительствующего синода о выдаче из Коллегии иностранных дел членам духовной комиссии рекомендательных писем к кабардинским владельцам Адильгирею Гиляхстанову, Мудару Жангерову и Битирмизе Мударову и др.³, через земли которых они будут следовать в Осетию. 1 мая 1745 г. кизлярский комендант князь В. Оболенский доносил в контору Синода о пропуске миссионеров через Кизляр в Кабарду⁴. Здесь члены духовной комиссии остановились у малокабардинского владельца Альдигирея Гиляксанова, у которого гостили несколько дней. Архимандрит Пахомий (руководитель осетинской духовной комиссии) доносил Синоду, что «по приезде его, архимандрита, с свитою из Кизляра в Кабарду, тамошний владелец Альдигирей принял их с почтением и в бытность их у него ездил он с ними в свое Татартупское* владение, показывая им бывшие тамо церкви и объявляя, какое они к оным имеют почтение; и просил он, Альдигирей, сродники своими, чтобы они, архимандрит с братиею, пребывали в их владении, а потом препроводил он их к Осетии и в местечке Дигории поручил их главным людям с таким приказом, что ежели какой им сделается ущерб, то он, Альдигирей, взыщет на них»⁵.

В начале июня 1746 г. архимандрит Пахомий доносил кизлярскому коменданту о том, что «находящийся в Татартупе кабардинский владелец Альдигирей в их нуждах не оставляет и со усердием своим во исправлении их дела, для которого они в Осетии обретаются, он им старатель и в тамошней стране верно служит»⁶.

«Татартупское владение» князя А. Гиляхстанова, о котором здесь идет речь, благодаря своему географическому расположению играло важное военно-стратегическое и торговое значение в крае. Поэтому его владелец являлся одним из наиболее влиятельных северокавказских феодалов в середине XVIII в.

В другом донесении от 12 июля 1745 г., адресованном теперь уже в Синод, Пахомий писал, что Адильгирей Гиляхстанов, приведя миссионеров в Осетию, поручил их дигорским феодалам Кубатовым (Кубатиевым) и приказал им: «...ежели-де что сим сделается ущерб, я-де на вас взыщу и потом 2 дни еще с ними был, а в 3-й день возвратился паки назад оной князь Альдигирей, к что его было возможности весьма трудился изрядно»⁷.

¹ РОО. Т. 2. С. 54–55.

² Там же. С. 57..

³ Там же. С. 64..

⁴ Там же. С. 72.

⁵ КРО. Т. 2. С. 133–134.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ РОО. Т. 1. С. 73.

* Татартуп – название высокого кирпичного минарета, сохранившегося от верхнего Джулата на левом берегу Терека, близ станицы Змейской, где в 1395 г. произошла битва, в которой Тамерлан разгромил золотоордынского хана Тохтамыша.

О том, что Осетинская духовная комиссия с самого начала пребывания ее на Тереке пользовалась активной поддержкой одного из наиболее влиятельных князей Кабарды Адильгирея Гиляхстанова, свидетельствует и тот факт, что осетинское подворье, состоящее из церкви и избы, в котором жили члены Осетинской духовной комиссии, было основано не в Осетии, где ему надлежало быть, а в Малой Кабарде при «Баруковом кабаке»¹. Позже, т. е. 24 октября 1774 г., малокабардинские князья Кайтука и Келемет Ахловы обратились к астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову с просьбой разрешить по-прежнему владеть местностью Осетинского подворья с обязательством защищать осетин. Они писали: «За сим еще, не умалчивая, вам изъясняем, что на котором месте ныне состоит Осетинское подворье, а оное место было перед сим в подвластии отцов наших, для того вашего превосходительства покорно просим приказать тем местом владеть нам по-прежнему, Осетинскому подворью быть тут же мы в том не препятствуем, только б жили с нами во обществе, с тем что паче чаяния, когда им от куртатцов и от наших подвластных горских народов причинятся какие обиды или притеснения, в таком случае должны мы их защищать...»², т. е. брать под свое покровительство и защиту.

Строительство Осетинского подворья на территории Малой Кабарды не осталось незамеченным Турцией, которая в 1765 г. выразила по этому поводу России протест³. Но, несмотря на протесты Турции и ее вассала, Крымского ханства, кабардинские владельцы продолжали играть активную и результативную посредническую роль в русско-осетинских отношениях.

Князь А. Гиляхстанов не только содействовал Осетинской духовной комиссии в проведении своей работы в Осетии, но и помогал ей поддерживать постоянную связь с Кизляром, а также с Синодом⁴. С просьбами о содействии и помощи руководители духовной комиссии обращались и к владельцам Большой Кабарды, в частности к влиятельному князю Магомеду Кургокину⁵.

Царское правительство хорошо понимало место и роль Кабарды в налаживании и укреплении связей России с другими кавказскими народами, и в частности с Осетией, поэтому нередко прибегало к разрешению возникающих здесь осложнений через самих кабардинских владельцев, как это было во время поездки представителей осетинских обществ в Петербург в 1749–1750 гг. Астраханский губернатор Брылкин обратился с письмом к владельцам, в котором просил их не препятствовать поездке осетинских старшин в Астрахань, и они быстро решили возникшую проблему. Немаловажную роль в решении вопроса сыграл и тот факт, что руководителем первого осетинского посольства был Зураб Елиханов, хорошо известный не только в Осетии, но и в Кабарде. Он свободно владел кабардинским языком, имел связи с такими влиятельными кабардинскими князьями, твердо придерживавшимися прорусской ориентации, как Адильгирей Гиляхстанов и др. В результате принятых мер все препятствия на пути посольства, в которое входили представители всех обществ Осетии, были устранены. 27 сентября оно прибыло в Кизляр и затем в Астрахань, а 9 февраля 1750 г. – в Петербург⁶.

Материалы русско-осетинских переговоров в Петербурге, куда первое Осетинское посольство прибыло 9 февраля 1750 г., хорошо отражают состояние ка-

¹ См.: РОО. Т. 2. С. 10, 137.

² Там же. С. 319.

³ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 25.

⁴ РОО. Т. 1. С. 118–120.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ См.: Блиев М. М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970. С. 124–125.

бардино-осетинских взаимоотношений в XVIII в. В записи беседы, прошедшей 29 октября 1751 г. между статс-секретарем и советником Коллегии иностранных дел В. М. Бакуниным, считавшимся специалистом по Кавказу, и осетинскими старшинами, входившими в посольство, был затронут вопрос о внешнеполитическом положении Осетии, об осетино-кабардинских отношениях, поскольку была поднята проблема переселения с гор, которое должно было произойти в один из районов, занятых кабардинцами. В связи с этим члены посольства характеризовали осетино-кабардинские отношения как дружественные и благоприятные для осетин. Послы заявили Бакунину, что «они со всеми кабардинскими владельцами, а паче с Альдигиреем Гиляксановым издавна имеют дружбу и соседство, и во время неприятельских на Кабарду приходов оные владельцы малолетних своих детей для лутчаго охранения присылают к ним в Осетию. И потому они от кабардинцев опасения не имеют...»¹. Как на своего главного врага, от которого исходит угроза, послы указали на Крымское ханство, наносившее разбойничьими набегами своих войск огромнейший урон².

Осетинское посольство в переговорах называло места, в которые хотели бы переселиться осетины. Таковыми районами являлись предгорные районы Северного Кавказа по течению рек Фиагдон и Ардон, «выше кабардинских Алимурзиных и Анзоровых деревень от 10 до 15 верст»³.

Руководитель Коллегии иностранных дел А. П. Бестужев-Рюмин, получив докладную записку – отчет от В. М. Бакунина, в свою очередь подал обширную записку в правительствующий Сенат, в которой поддерживал просьбу осетинского посольства о переселении осетин в предгорные равнины, в бассейны означенных рек, но высказал опасение, что в связи с этим могут быть осложнения с Кабардой. В этом случае канцлер не допускал вмешательства русского правительства в дело Кабарды и Осетии («войскам ея императорского величества охранять их (осетин. – Р. Г.) неспособно, а паче и несправедливо»). Бестужев-Рюмин считал, что если осетины будут настаивать на переселении в указанные ими места, то необходимо это согласовать с влиятельным кабардинским владельцем Адильгиреем Гиляхстановым, с которым он поддерживал хорошие личные отношения⁴.

Рассмотрев докладную записку Бестужева-Рюмина, игравшего большую роль в определении кавказской политики русского правительства, Сенат решил: «Быть во всем по представленному от Коллегии иностранных дел мнению»⁵. Хотя царское правительство и признало законность желания осетин переселиться на предгорную равнину и принять подданство России, но, будучи связанным условиями Белградского мирного договора и не желая обострять свои отношения с Турцией, оно не сочло возможным сразу удовлетворить их просьбу и ограничилось тем, что осетинам были даны льготы в отношении торговли в Кизляре и Астрахани, в частности, они были освобождены от торговых пошлин, и в Кизляре им выдавались кормовые деньги...⁶ Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, считая, что в развитии русско-осетинских отношений важное значение будет иметь покровительство осетинам со стороны кабардинских князей, 29 января 1752 г. обратился к одному из влиятельных князей Кабарды Адильгирею Гиляхстанову с просьбой оказывать и в дальнейшем покровительство осетинским старшинам. В послании

¹ РОО. Т. 1. С. 304.

² Там же.

³ Там же. С. 303.

⁴ Блиев М. М. Указ. соч. С. 153.

⁵ Там же. С. 154.

⁶ История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 131.

говорилось: «Почтенный господин Альдигирей, владелец кабардинский. Были здесь в приезде с грузинским архимандритом Пахомием осетинские нашего христианского закона старшины Зураб, Елисей и Егор, которые по своей к вам благодарности хвалились вашею к ним дружбою. А понеже оные Осетинцы по ближнему их с вами соседству чрез ваше владение в Кизляр для торгов и прочих своих нужд ездить имеют. Того ради и в рассуждении являемой к вам от ее императорского величества, моей всемилостивейшей государыни, высочайшей милости, я вам рекомендую и впредь с оными жить в дружбе и добром согласии, и в случае их проезда давать им до городка Червленного проводников...»¹.

Послание канцлера А. П. Бестужева-Рюмина не осталось без ответа. Малокабардинский князь Адильгирей Гиляхстанов оправдал надежды русского правительства и исправно исполнял взятые на себя обязательства содействовать расширению и укреплению русско-осетинских отношений. Поэтому ему по «представлению покойного царя грузинского Вахтанга дано годового жалования с 1727-го по 1737 год по 300 руб...»². Ему же с 1752 г. «за его, Альдигирееву, к ея императорскому величеству верность и за дружбу его с новакрещенными осетинцами» назначалось правительством ежегодное жалование в размере 150 рублей. Эти деньги ему должны были выдавать в Кизляре или же через Нарочного в Кабарде, но секретно от других кабардинских князей»³. Но владелец Малой Кабарды Адильгирей Гиляхстанов вскоре скончался, о чем астраханский губернатор И. О. Брылкин рапортом от 30 апреля 1752 г. доносил в Коллегию иностранных дел⁴.

Архимандрит Пахомий, возглавлявший Осетинскую духовную комиссию, в свою очередь, писал в правительствующий Синод о переселении осетин на равнинные земли и в случае положительного решения вопроса об определении к осетинам «для надзирания» сына генерал-майора князя Эльмурзы Бековича Черкасского – ротмистра Девлет-Гирея⁵. Но решение вопроса о переселении с гор на предгорную равнину затягивалось. Осетинские старшины, видя, что русское правительство в сложившейся ситуации не может решить вопрос о их переселении с гор на плоскость, начали сами самостоятельно, пользуясь давними личными дружественными связями с кабардинскими феодалами, выселяться с гор и заселять плоскостные предгорные земли. Об одном из таких случаев архимандрит Пахомий доносил в правительствующий Синод 1 апреля 1755 г.: «А как в прошлом же 1752 году из Санкт-Петербурга оные старшины в свое отечество возвратились, спрашивали их, что-де мы надзирателем человека просили, – какое на то повеление есть и как от них известились, что вышеписанное их прошение не исполнилось, – и тогда один из дигорских владельцев, в Кашкатау живущий в Кабарде, и у тамошнего кабардинского князя Кисинова сына Каззы друг был одному дигорскому владельцу, у онога Каззы взял сына и привез во свое жилище и потом поселился на ровном своем месте, где малая текущая река, именуемая Дурдурый, промеж двумя текущими реками Урас-Хвас и Урас-Донс»⁶.

Подводя итоги русско-осетинских отношений в 50-е – начале 60-х гг. XVIII в., М. М. Блиев пришел к выводу, что уже в этот период произошли существенные сдвиги в сближении Осетии с Россией. Связи эти приобрели более разносторон-

¹ РОО. Т. 1. С. 339.

² Там же. С. 313.

³ Блиев М. М. Указ. соч. С. 155.

⁴ РОО. Т. 1. С. 355.

⁵ Там же. С. 379.

⁶ Там же. С. 378.

ний характер, охватывая не только чисто политические, но и экономические вопросы. Открывалась реальная перспектива разрешения острейшего земельного голода путем переселения с гор на предгорную равнину. Не менее важным было и то, что в результате установления и развития русско-осетинских отношений создавалась более или менее благоприятная обстановка для Осетии, обеспечивающая ее внешнюю безопасность. В этом отношении, безусловно, немаловажное значение имело также и привлечение русским правительством «кабардинских князей» к «охране Осетии»¹.

Важной вехой в истории русско-осетинских отношений явилось основание в 1763 г. города Моздока. Прежде всего именно сюда, в район Моздока, началось переселение осетин с гор. В договоре русского правительства с кабардинскими князьями от 1779 г. содержался специальный пункт, который обязывал кабардинских владельцев не чинить препятствий «осетинам, принимающим крещение и переселяющимся в Моздок». Сюда же переселялись, как сказано выше, и кабардинцы, и другие горцы, сделавшие район с самого начала многонациональным. «Говоря о Моздокском районе, – пишет проф. М. С. Тотоев, – следует отметить, что история этого края не знает каких-либо конфликтов или неприятных эксцессов среди его смешанного многонационального населения. Наоборот, факты свидетельствуют о том, что отношения как между горцами (кабардинцами, осетинами, ингушами, черкесами, чеченцами и др.), так и между горцами и русскими всегда были мирными, добрососедскими, дружественными. Не раз бывало так, что когда отдельные районы края подвергались нападению со стороны неприятельских сил, то вместе с русскими объединяли свои усилия все горцы и совместно прогоняли противника. Постоянная внешняя угроза сплачивала многонациональное население края в одну дружную семью»². Заселение и хозяйственное освоение земель в этом районе значительно упрочило военно-политические позиции России в регионе. Это обеспечило расширение и укрепление русского влияния не только среди горских народов Северного Кавказа, но и открывало возможности для регулярных и беспрепятственных сношений с Грузией, политическое и стратегическое значение которой все яснее осознавалось в правящих кругах Российского государства. Установление тесных многосторонних контактов с Грузией обеспечивало России утверждение своих позиций во всем Закавказье, что весьма содействовало бы выходу к Черному и Каспийскому морям. В этих условиях закрепление России в Осетии, расположенной на главном пути, ведущем в этот регион, имело исключительно важное торгово-экономическое и особенно военно-стратегическое значение. «Единственная военная дорога, заслуживающая это название, – писал К. Маркс, – вьется от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье...»³.

В решении всех проблем, связанных с дальнейшим расширением и упрочением русско-грузинских отношений, Кабарда по-прежнему продолжала играть весьма важную роль. Поэтому не случайно в рассматриваемое время малокабардинскому владельцу Арсланбеку Таусултанову за налаживание отношений с осетинами, «живущими на дороге в Грузию», русское правительство определило ежегодное жалованье»⁴. Здесь надо отметить, что если в предыдущие века

¹ Блиев М. М. Указ. соч. С. 180–181.

² Тотоев М. С. Указ. соч. С. 152.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 408.

⁴ Тогошвили Г. Д. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов Северо-Осетинского института истории, экономики, языка и литературы. Орджоникидзе, 1976. Т. 31. С. 141.

Северный Кавказ был в основном сферой политических и военно-стратегических амбиций четырех держав – России, Турции, Крыма и Персии, то в XVIII в. все сильнее давало себя знать их экономическое соперничество. Россию особо интересовали рудные месторождения.

Учитывая большой интерес, проявляемый российским правительством к рудным месторождениям Кавказа, в начале второй четверти XVII в. кабардинский князь Пшемахо Казбулатович Черкасский от имени кабардинских владельцев отправил в Москву мурзу Битемукова к царю Михаилу Федоровичу с предложением прислать в Кабарду геологоразведочную экспедицию для исследования обнаруженной на кабардинской земле серебряной и медной руды. Заинтересовавшись предложением кабардинских князей, Михаил Федорович приказал отправить в Кабарду «немецкого рудознатца и золотознатца именем Самуила Фрича, а с ним вместе лозоходца или рудокопца Ивана Герольда»¹.

В 1628 г. царское правительство отправило на Терек специалистов для отыскания медной и серебряной руд в Кавказских горах. Экспедиция прибыла в Кабарду 21 августа 1628 г. Руководство московской экспедицией было возложено на терских воевод князей Ивана Александровича Дашкова и Богдана Герасимовича Приклонского, которые несли ответственность за нее перед московским правительством. Участники экспедиции в сопровождении терских казаков и местных проводников-горцев беспрепятственно проникли в горы и возвратились в Терский городок и оттуда вернулись в Москву в 1629 г. Результаты экспедиции «были доложены Михаилу Федоровичу, который повелел разработать план эксплуатации горнорудных богатств Кабарды»². С годами интерес к природным ресурсам Кавказа, необходимым для развивающейся русской промышленности, еще больше возрос. Последовал императорский указ астраханскому губернатору Бекетову, в результате которого были организованы и проведены три экспедиции в горы Осетии и другие районы в 1768, 1771 и 1774 гг. Но при этом русское правительство испытывало затруднения в организации разведки богатых залежей цветных металлов в Осетии из-за сложности международной обстановки, т. е. отношений с Турцией, которая ревностно следила за всеми действиями России на Кавказе, и непременно вызвала бы резкий протест с ее стороны организация геологоразведочных работ в горах. В рескрипте Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору Н. А. Бекетову в декабре 1767 г. говорилось: «Щастливая только война с Портою Оттоманскою, начинаемая когда-либо со здешней стороны по важным причинам или с ее стороны объявляемая по каким-либо намерениям, может облегчить предприятие горных работ как в Осетии, так потом и в других тамошних местах. Ибо для того надобно будет при воспоследуемом мире употребить все старание выговорить в здешнее подданство кабардинской народ как в тамошней стороне знатнейшим почитаемой и примеру которого и другие следуют»³. И кабардинцы оказали значительную помощь геологоразведочным экспедициям в Осетию, которые были организованы русским правительством в 60-е – начале 70-х гг. XVIII в. В 1768 г. в Осетию была организована экспедиция с целью определения запасов руд. Экспедиция пришла к выводу о наличии различных руд, в том числе золота и серебра.

Один из членов первой геологической экспедиции ротмистр А. Киреев в докладной записке от 21 июля 1768 г. на имя кизлярского коменданта писал:

¹ Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 64.

² Там же.

³ РОО. Т. 2. С. 123.

«По отправлении моем с известным вашему превосходительству человеком из Кизляра ездили мы во осетинские жилища, переправясь в Червленном казачьем городке, проезжали по той стороне реки Терека. И во-первых, захали в жилище Малой Кабарды владельца Расламбека Таусултанова, но, не получа ево в доме, явились той же Кабарды ко владельцу Батоке Таусултанову, коим приняты ласково, и под провожанием ево проезжали во осетинское подворье. А оттуда и Куртатинский уезд, где оной владелец Батоко остался...»¹. Следующая экспедиция в Осетию «к приисканию металлических руд» была организована в начале декабря 1771 г. под начальством ротмистра А. Батырева и горного мастера Ал. Кирхнера. Сопровождали экспедицию малокабардинские владельцы Батоко Анзоров и Мисост Дыкынов².

Рапорт Батырева от 2 декабря 1771 г. о результатах его экспедиции в Осетию убедительно свидетельствует о той большой роли, которую играли кабардинские владельцы в налаживании и упрочении русско-осетинских отношений, в проведении геологической экспедиции. Члены этой экспедиции были задержаны в Куртатинском ущелье осетинским старшиной Бахтигиреем Есиевым, у которого осенью 1769 г. в стычке с военной командой казаков был убит его родной брат Чумага Есиев. В этой сложной ситуации, когда работа экспедиции могла прерваться, в переговоры с Б. Есиевым вступил Б. Анзоров. В указанном документе говорится: «В таком случае принужденным себя находя из выписанных находящихся у нас проводников Малой Кабарды узденя Батаку Анзорова послали, чтобы ево уговорил и объявил бы, что оное произошло от казаков, может, неумышленно. Почему он, поехав к нему (Есиеву. – Р. Г.), и уговаривал и чрез то не стал препятствовать, потому что оной уздень убитому казаками доводился в емчекстве^{*} и притом же он, объявляя тому старшине Есиеву, что-де о сем нечаянном убийстве Россия поныне не ведает, ныне как он, так-де и я о сем главной команде донести имеем, может, и оставлен монаршескою милостию не будешь. А оной уздень Ботока в сем нужном случи услужил и впредь к Российской стороне служить в нужных необходимых случаях будет...»³. Таким образом, благодаря Б. Анзорову конфликт был улажен и экспедиция смогла продолжить свою работу. Возможностями использования экономических ресурсов Северо-Кавказского региона все больше стал интересоваться и Бахчисарай. Документы свидетельствуют об экономических планах Крым-Гирея в отношении Кабарды, который в 60-е гг. проявил интерес к «Эксплуатации золотых и серебряных рудников страны черкесов»⁴. Он не только проявил интерес, но и даже предпринял попытку разработки этих рудных месторождений. Но попытка эта осталась таковой, а Россия продолжала осуществлять свои экономические планы в отношении Северного Кавказа.

В результате успешного завершения для России русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в которой кабардинцы и осетины принимали активное совместное участие, был заключен Кючук-Кайнарджийский договор, аннулирувавший ограничения Белградского соглашения. Были сняты все препятствия политиче-

¹ РОО. Т. 2. С. 182.

² Там же. С. 247–249.

³ Там же. С. 249.

⁴ Рудаков В. Об экономическом соперничестве России, Крыма и Турции на Северном Кавказе в 60-е гг. XVIII в.: (В свете документов из Топканы) // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII – XIX в). Майкоп, 1995. С. 98–100.

* Емчекство, аталычество, аталык – (дядька), воспитатель сына кабардинского князя; в данном случае убитый брат Бахтигирея Есиева приходится емчком («дядькой») сыну кабардинского князя Батоко Анзорова (См.: РОО. Т. 2. С. 422).

ского характера в деле присоединения Осетии к России. Это стало возможным благодаря 21-й статье договора, согласно которой был ликвидирован так называемый «нейтралитет» Кабарды¹. Учитывая существовавшую определенную зависимость осетин от кабардинских феодалов в новых условиях, т. е. заключения договора по итогам войны с Турцией, русская администрация считала уже решенным вопрос присоединения Осетии к России. В докладной записке астраханского губернатора П. Н. Кречетникова Екатерине II от 2 декабря 1774 г. о рудных месторождениях в Осетии, русско-осетинских переговорах в Моздоке отмечалось: «Благостию божиею, а руководством вашего императорского величества по щастливом оной прекращении и по заключении славного нынешнего мира Большая и Малая Кабарда остались в точном подданстве вашего императорского величества, а как последняя из них осетинской народ, у коих те руды найдены, почитают своими подвластными, то и оной, с нею соединенной, надлежит к здешней стороне»². Н. И. Панин и И. А. Остерман, руководители внешней политики России, высказали свое мнение князю Г. А. Потемкину по поводу дальнейшей миссионерской деятельности в Осетии, переселения осетин в предгорные равнины и изменений на Северном Кавказе после завершения русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В сообщении сказано: «По мнению коллегии, два обстоятельства находятся тут, требующие уважения: первое, желание и прошение осетинцов о построении внутри их жилищ церкви, другое, о дозволении им селиться ближе к здешним пограничным местам... Оба сии прошения не теперь только начались, а издавна продолжаются, но ныне исполнены однако ж быть не могли по разным причинам». После завершения русско-турецкой войны и заключения Кючук-Кайнарджийского мира, считала коллегия, обстановка изменилась и причин этих не стало. «Во время настоящее, – сказано далее в сообщении коллегии, – когда кабардинцы по переменившимся обстоятельствам всего тамошнего края и сами принадлежат действительно к подданству здешняго императорского скипетра, всякие в рассуждении их новые меры свободны уже от зависимости соглашения с Портою и Крымом... Желание осетинцов в рассуждении церкви, учреждаемой в настоящих их жилищах, и переселении из них охотников в другие места Коллегия представляет ближайшему рассмотрению вашего сиятельства, поелику все сие с управлением кабардинского народа, под вашим начальством производимым губернатором астраханским, находится в связи и соответствии неразрывных, и дело имея с одним народом, надобно будет иметь уже и с другим»³. Таким образом, в 1774 г. основная часть Осетии была присоединена к Русскому государству. Присоединение Осетии к России, как и других горцев, не было единовременным актом. Говоря об этом, М. М. Блиев пишет: «Восточная Осетия (Тагаурия), явившаяся важным в условиях русско-турецкой войны 1768–1774 гг. районом, вошла в состав России в 1770 году, Куртатинское и Алагирское общества – в 1774 году, Дигорское – в 1781 году. Однако датой присоединения Осетии к России следует считать 1774 год. Это не только потому, что тогда большая часть Осетии вошла в состав России. Присоединение Осетии к России стало реальным фактом лишь после успешного окончания войны с Турцией в 1774 году. С этого года русское правительство стало рассматривать Осетию как район, входящий в состав Российской империи. Политическое присоединение к России еще не означало, однако, вхождения Осетии в административную си-

¹ ПСЗ. Т. 19. № 14. С. 164.

² РОО. Т. 2. С. 339.

³ Там же. С. 394.

стему России. Значительное время она продолжала сохранять независимость от царской системы государственного управления. В этом отношении вхождение Осетии в состав России не вносило каких-либо перемен во внутреннюю жизнь феодально-раздробленных осетинских обществ». По мнению автора, лишь 1784 г. можно «рассматривать как начало постепенного вовлечения осетин в административную систему Российского государства»¹.

Присоединение к России имело объективно-прогрессивное значение для политической, экономической и культурной жизни осетинского народа². Благодаря присоединению к России Осетия избавилась от реальной угрозы порабощения турецко-крымскими ассимиляторами и разорительных феодальных междоусобиц. Присоединение способствовало дальнейшему расширению и укреплению давних добрососедских отношений между самими горскими народами. Кабардинские, балкарские и осетинские крестьяне часто выступали сообща против своих угнетателей в лице господствующей знати. Особенно наглядно это проявилось в период восстания дигорских крестьян в 1781 г. К восставшим примкнули черкесы и балкарцы, а также отряд балкарского абрека Бекба (Бецба). Представитель русской военной администрации на Северном Кавказе, офицер русской армии Л. Л. Штедер, очевидец и участник этих событий, в сообщении кизлярскому коменданту Ф. И. Фабрициану писал, что Бекба «принес присягу вместе с дигорцами, объединился с общинниками и требует принесения формальной присяги в верноподданстве. Он служил с большим усердием на пользу России, чтобы этим заслужить милость вашего превосходительства и прощение его прежних проступков против русских подданных и имеретинов. Я обещал ему доложить вашему превосходительству, так как счастливый успех всего предприятия (операции) произошел благодаря ему»³. Л. Л. Штедер отмечал, что «распри между бадилатами и узденями Дигорского района» закончились заключением соглашения, первым пунктом которого было: «Те бадилаты, которые еще не приносили клятву, должны принести присягу» России⁴. Здесь же отмечалось, что «точно так же деревни тех черкесов и с ними малкары просили о милости – быть под русской защитой и объявили себя, как верноподданные»⁵. Он, записав подробности крестьянского восстания в Западной Осетии в 1781 г., тем самым сохранил для истории «один из ярких фактов классовой борьбы и движения за присоединение к России»⁶. Кабардинцы и осетины вместе с русскими войсками участвовали 3 июня 1774 г. в сражении под Моздоком против крымско-турецкого войска⁷.

Одним из важнейших последствий присоединения Осетии к России являлось расширение культурных связей с русским народом, зарождение осетинской письменности, открытие новых школ, распространение просвещения среди населения⁸. Во многом этому способствовала деятельность Осетинской духовной комиссии. 24 апреля 1775 г., астраханский губернатор П. Н. Кречетников отмечал: «Как уже от 2 декабря 1774 г. вашему императорскому величеству реляцию моею донесено, что сами Малой Кабарды два владельца Кайтука и Келемет Ахловы и потом все осетинския старшины двадцать человек письменно просили

¹ РОО. Т. 2. С. 394. С. 21.

² История Северо-Осетинской АССР. С. 136–137.

³ РОО. Т. 2. С. 397.

⁴ Там же. С. 398.

⁵ Там же. С. 397.

⁶ Там же. Комментарии. С. 426–427.

⁷ Кавказский сборник. Т. 18. С. 393.

⁸ История Северо-Осетинской АССР. С. 137.

Осетинское подворье возобновить, и в том строении помогать обещались защищенном от разных нападений и сами, вышед из гор, около оногo поселиться»¹.

В истории многовековых взаимоотношений кабардинского, балкарского и осетинского народов довольно четко прослеживаются благотворные результаты этих связей в материальной и духовной культуре каждого из них².

Особенно тесной была взаимосвязь и взаимовлияние культуры населения Малой Кабарды с традиционно-бытовой культурой соседней Осетии. Процесс многовекового тесного соседства и интенсивного делового общения этих горских народов нашел свое выражение и в их фольклоре.

Автор статьи «Бытовой фольклор: осетино-адыгские параллели» осетинский этнограф В. С. Уарзиати приходит к заключению: «Практически не изучавшиеся прежде обрядовые игры осетин открывают дополнительную возможность проследить основные направления и интенсивность этнокультурных контактов осетин с соседними народами на протяжении всего этнографически обозримого прошлого. Предпринятые изыскания выявили при всей культурной общности кавказских народов довольно интересные локальные особенности. В частности, впервые были определены неизвестные прежде осетино-адыгские параллели в обрядах и обрядовом фольклоре, засвидетельствовавшие давние и тесные контакты двух соседних народов»³. Нередко эти и другие соседние горские народы заключали различные соглашения и союзы, которые обычно скреплялись клятвой. «Одной из самых значительных присяжных клятв признавалась в прошлом клятва, данная перед Татартупским минаретом, стоявшим на берегу Терека, на границе между Кабардой и Осетией. Судя по данным Бурнашева, Ш. Ногмова и многих других авторов, жители феодальной Кабарды, а также соседней Осетии, Чечни и Ингушетии скрепляли здесь различного рода союзы, в том числе и политические»⁴. Для «утверждения братского союза и верности обета», как писал Ш. Ногмов, надо было «отправиться в Жулат (Татартуп) и там, по древнему обычаю, после клятвы в дружбе переломить надвое стрелу»⁵.

Заключение военно-политического союза между Россией и Кабардой в середине XVI в. сыграло важную роль в сближении русского народа с чеченцами и ингушами, с которыми адыги многие столетия жили по соседству, что обусловило их дружественные отношения, социально-экономические, политические и культурные связи, принимавшие все более разносторонний характер, что нашло свое отражение и в фольклоре.

Еще Ч. Э. Ахриевым, ингушским этнографом и фольклористом прошлого века, много сделано для изучения и публикации фольклора вайнахов, где отражены и их взаимоотношения с народами Кавказа, были опубликованы два этногенетических предания об адыго-вайнахских связях. В первом из них повествуется «об исходе первопретка адыгской народности из среды вайнахов», а в другом, наоборот, о происхождении галагаевцев (т.е. ингушей) от самих кабардинцев. «Они в духе патриархально-родовых представлений утверждают близкое родство двух соседних народов: адыгов и вайнахов. Подобные мотивы яв-

¹ КРО. Т. 2. С. 310; РОО. Т. 2. С. 354.

² См.: *Тотоев М. С.* Указ. соч. С. 153; *Скитский Б. В.* Осетия в период феодальной раздробленности (XII – середина XVIII в.) // *Очерки истории горских народов. Избранное.* Орджоникидзе, 1972. С. 302.

³ *Уарзиати В. С.* Обрядовый фольклор: осетино-адыгские параллели // *Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения.* Нальчик, 1986. С. 129.

⁴ *Бгажноков Б. Х.* Адыгские клятвы // *Общественный быт адыгов и балкарцев.* Нальчик, 1986. С. 91.

⁵ *Ногмов Ш. Б.* Указ. соч. С. 135.

ляются следствием глубокого уважения к другому народу, который объявляется кровнородственным»¹.

Одним из основных источников для изучения взаимоотношений горских народов служит фольклор. «В чечено-ингушском фольклоре много общего (в сюжетах, образах, мотивах, номенклатуре и именах персонажей) с сопредельными фольклорными традициями грузин, адыгов, осетин, дагестанцев», – пишет ингушский этнограф А. О. Мальсагов в предисловии к книге «Сказки и легенды ингушей и чеченцев». Эти связи имеют многовековую историю. «Эта общность, обусловленная сходством исторической, социально-экономической и культурной жизни и взаимосвязями горцев на протяжении многих столетий, проявляется в популярности одних и тех же сюжетов, мотивов, образов». Все это позволяет говорить об общекавказском фонде, который у каждого народа при наличии общих важнейших черт получает специфическое национальное оформление»².

О происшедшем в прошлом на Северном Кавказе активном процессе взаимного усвоения фольклорных ценностей различных народов пишет и исследователь И. А. Дахкильгов. Перечислив многие сходные сюжетно-тематические мотивы в адыгских и вайнахских преданиях, автор заключает: «Многие приведенные нами схождения сюжетно-тематических комплексов и образов имеются и в фольклоре других народов не только на Кавказе, но и за его пределами. Однако при определении типологической общности нас должно интересовать, насколько часто эти общие мотивы встречаются у двух народов и насколько эти общие мотивы в своем специфическом проявлении близки друг к другу. В этом плане у вайнахов и адыгов в их легендах и преданиях уже обнаруживается немало общих и локальных схождения сюжетов и образов, свидетельствующих о тесных контактах, в данном случае в фольклоре»³.

О том, что связи адыгов с вайнахами уходили своими корнями в глубь веков, пишет историк Я. А. Федоров: «Вместе с понтийским типом в майкопское время праадыгские диалекты распространились вдоль предгорий Северного Кавказа на восток вплоть до Чечни. Возможно, именно тогда отложились в нахском языке, предке чеченского и ингушского, элементы адыгской речи, отмеченные С. М. Трубецким. Продвижение носителей понтийского типа прослеживается на археологических памятниках конца III – начала II тыс. до н.э. Это – памятники эпохи бронзы Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Здесь майкопцы встретились с племенами куро-аракской культуры»⁴.

Во второй половине XVI в. в Притеречье уже было большое количество казачьих поселений, а также русские крепости – Терский город и Сунженский острог, жители которых поддерживали тесные деловые связи с коренным горским населением, в том числе с вайнахскими обществами. Эти взаимоотношения, носившие разносторонний характер, нашли свое отражение в русских документах XVI–XVII вв.⁵

Установившиеся еще в середине XVI в. дипломатические, а затем политические, экономические и культурные тесные связи Кабарды с Российским государством оказали положительное влияние на ориентацию горских обществ

¹ Дахкильгов И. А. Чечено-ингушские предания об адыго-вайнахских связях // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 100–107.

² Сказки и легенды ингушей и чеченцев. М.: Наука, 1983. С. 16.

³ Дахкильгов И. А. Указ. соч. С. 102.

⁴ Федоров Я. А. Указ. соч. С. 37.

⁵ См.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 59–88.

Чечни и Ингушетии на Россию, которые, постепенно осознавая преимущества российского покровительства, все чаще обращались к русскому правительству, с пониманием и охотой встречавшему их посланников. Так, владельцы аккинцев-ауховцев, представители которых служили в Терском городе, под влиянием кабардинских князей Черкасских обращаются в конце XVI – начале XVII в. к русскому правительству с просьбой о «подданстве». В 1605 г. во время поездки кабардинского князя Сунчалей Янглычева в Москву его сопровождал известный окоцкий владелец Батай Шахмурзин со своими узденями с целью заручиться поддержкой русского царя¹. После Сунчалей Янглычева его место князя над нерусским населением Терского города занял его сын Муцал. В июне 1645 г. из Посольского приказа в Терек была прислана царская грамота об утверждении Муцала Черкасского князем-правителем «в Терском городе над окочаны и над черкасы»². Обязанности Муцала оставались такими же, как и у его отца Сунчалей Янглычева. И заодно сообщалось о том, что о назначении Муцала терским князем царь Михаил Федорович поставил в известность иранского Абас-шаха.

Другой вайнахский владелец – Салтан-мурза, обращаясь к терскому воеводе, писал, что «слышал от узденей и брата своего Ших-мурзы Окуцкого, что кабардинские все князи били челом в службу государю вашему, а яз ныне хочу государю ж служить по свою смерть, как государю вашему служил брат Ших-мурза Окуцкой»³.

В документах XVII в. встречаются имена многих окочан, служивших вместе с кабардинцами и другими горцами в Терском городе: мурзы Кохостров, Бийтемирев, Айбир (Албир)-мурза Костров, или Кохостров, Чербаш Давруков, Чербаш Албеков и др.⁴

«Феодальная Кабарда, игравшая на Северном Кавказе ведущую политическую роль, после своего вступления под протекторат России много способствовала внедрению в горские общества русского влияния, – писал Г. А. Кокиев. – Некоторые из кабардинских князей агитировали среди кабардинцев и других горских племен за переход в подданство России. После избрания Михаила Федоровича на царство в 1613 году один из влиятельнейших кабардинских князей, Сунчалей Янглычев, разослал по Кабарде и Дагестану воззвание, обращенное к князьям и мурзам, с призывом, по примеру Кабарды, перейти в подданство России. В результате этого возвания кабардинские и кумыкские князья «Гирей с братьею, Алибек – князь Казикумухский, Сурхай – князь Карабулацкий, Машет-хан-Мурза с братьею, тарковские и иные кумыкские князи с узденями, Солох – князь кабардинский, Казимурза Шепшуков, Айтек-Мурза Алкасов и Мурда-Мурза с узденями по своей вере принесли присягу, шертовали и государю служат и прямят». Благодаря энергичным стараниям князя Сунчалей горские племена Северного Кавказа, следуя примеру Кабарды, от которой они находились в полной или частичной феодальной зависимости, также стали ориентироваться на Россию»⁵. В 1627 г. зафиксирована первая присяга от имени населенного пункта из 20 дворов⁶.

Усердие кабардинских князей Черкасских по распространению влияния России среди горских обществ получило высокую оценку у русского правитель-

¹ Юдин П. Мурза Сунчалей Янглычев // Русский архив. М., 1913. С. 152.

² КРО. Т. 1. С. 260.

³ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. Вып. 1. 1578–1615 гг. С. 150.

⁴ КРО. Т. 1. С. 94, 194, 195; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 81.

⁵ Кокиев Г. А. Указ. соч. С. 59–60.

⁶ Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980. С. 34–35.

ства¹. В 1614 г. Сунчалея Янгылчев занял руководящее положение в Терском городе, был пожалован царем Михаилом Федоровичем за верную службу «княжим именем, велел ему быть над окончаны надо всеми и над Черкасы, которые государю на Тереке служат, князем, судить и в ратном строенье и во всяких делах ведать... и на свою государеву службу с ними самому князю Сунчалею ходить и в поход их с государевыми людьми... посылать»². Точно такими же правами пользовались и потомки Сунчалея Янгылчева в Терском городе до конца XVII – начала XVIII в. В октябре 1640 г. из Терского города в Москву отправились посланцы Келмамета-мурзы Черкасского – уздень Румуков и окоченец Чербыш³. Здесь следует заметить, что в «условиях разобщенности чечено-ингушских «землиц» и отсутствия государственности присяги должны были время от времени повторяться. Как правило, после смерти владельца подданство России подтверждали его наследники»⁴. Принести присягу нужно было и новому русскому царю.

В конце 1646 г. терский воевода В. А. Оболенский сообщил в Посольский приказ о чеченцах, приведенных под покровительство России князем Муцалом Сунчалеевичем Черкасским: «...в прошлом-де во 154 году [7154 г. от С. М., или 1646 г. по Р. Х.] ехали из Мичкиския земли ясачные мичкизена с ясаком и твою государеву отчину в Терский город – Айдемирко с товарищи 3 человека, а тех-де, государь, мичкизень по твоему государеву указу призвал он, князь Муцал, под твою государеву высокую руку в вечное неотступное холопство...»⁵.

В 1647 г. после переговоров приняла присягу «вся Мичкисская земля» (современная юго-восточная Чечня), насчитывавшая 36 селений. В 1658 г. от имени общины чеченцев крупных населенных пунктов Аргунского ущелья приняли в Москве присягу и посланцы Шибутского «джамаата» (общества Шатой)⁶.

«Ясный дружественный и вполне закономерный союзно-оборонительный аспект в крепнущих взаимоотношениях составляет особенность этого важного периода русско-чечено-ингушских контактов, основная суть которых выражалась в том, что некоторые вайнахские общества на более или менее долгий срок, говоря тогдашней терминологией, «приложились» к России, учинились под ее рукой»⁷.

«Можно сказать, – пишет историк Я. З. Ахмадов, – что в целом русско-горские политические отношения этого периода носили объективно союзническо-оборонительный характер, а взаимные контакты, и совместные действия отвечали интересам обеих сторон»⁸.

С самого начала своего основания в 1580 г. в устье Терека Терский город служил не только военным форпостом России на Кавказе, но и стал центром политической и экономической жизни на Северном Кавказе. Он стал связующим

¹ Юдин П. Указ. соч. С. 160.

² Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 81; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. С. 160.

³ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 156.

⁴ Исаева Т. А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 17.

⁵ Крикунов Е. О. и Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке: (Документы) // Ученые записки КБПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 83.

⁶ Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980. С. 34–35.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Ахмадов Я. З. Политические события на Северном Кавказе в конце XVI – 40-х годах XVII века // Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 97–98.

звеном между Русским государством и Кавказом, много способствовал расширению и укреплению влияния России среди горцев Северного Кавказа. Здесь происходило подписание представителями горских народов актов присяги на верность Русскому государству. Крепость Терки длительное время служила также и важным торговым центром. Через нее шла торговля России со многими европейскими и восточными странами. Здесь же осуществлялись оживленные торгово-обменные операции русских с горцами, все более входившими в экономическое общение с населением юга России и других стран. В Терский город все прибывали представители горских народов, в том числе и выходцы из вайнахских обществ. Разноязычное его население мирно уживалось.

В тексте челобитной терских окочан (1616) говорится: «Вышли, государь, мы, холопы твои из Акоз и из Мичкиз в твою вотчину – в Терский город»¹. Со временем поселение окоцкой слободы, возникшей за крепостными стенами, под прикрытием стрельцов, стало увеличиваться, в ней кроме вайнахов в XVII – начале XVIII в. проживали и прибывшие сюда черкесы, и представители других горских народов².

Представители горских народов, поселившиеся в окрестностях и в самом Терском городе, стойко защищали последний от вооруженных нападений, которые нередко имели место. Один из таких боевых эпизодов относится еще к 40-м гг. XVII в., когда десятитысячный отряд калмыков, пришедших в начале этого века из степей Джунгарии в междуречье Яика – Волги, предводительствуемый старшим тайшой Хо-Орлюком, перешел на правый берег Волги и двинулся на Северный Кавказ. «Одновременно, – пишет калмыцкий историк М. М. Батмаев, – с главными силами внук Хо-Орлюка Ерке-тайша двинулся под Терский городок, 4 января 1644 г. атаковал заречные слободы Терка, потерпел неудачу, но остался близ городка и занялся набегами на ногайские улусы и поселения их союзников – кабардинцев. Между тем основные силы калмыков в начале 1644 г. опрометчиво втянулись в горные теснины, потеряли маневренность и были разбиты объединенными кабардино-ногайскими отрядами. Из десятитысячного отряда спаслось только около двух тысяч человек, 1000 воинов вместе с двумя тайшами попали в плен»³. В бою были убиты военачальник Орлюк и несколько его сыновей. И после этого преемники Хо-Орлюка продолжали стремиться все активнее вмешиваться в северокавказские дела, и «калмыцкая конница не раз подступала к горным теснинам, угрожая кабардинским селениям и ногайским кочевьям. В самой Кабарде также не было единства, где одна часть князей ориентировалась на Крымское ханство, а другая на Россию»⁴.

В этих сложных ситуациях большая помощь оказывалась астраханским воеводой (младшим братом Муцала) Сунчалеем (в крещении Григорий) Сунчалеевичем, Г. С. Черкасским, кабардинским князем на русской службе, Терскому городу и Кабарде, где «проживали его близкие родственники, благополучие владений которых не в малой степени зависело от характера отношений с калмыцкой знатью»⁵. Именно этим было продиктовано и согласие Г. С. Черкасского на брак своей племянницы, сестры знаменитого кабардинского князя на русской службе Касбулата Муцаловича Абуханы (Обеханы) с могущественным тайшой (калмыц-

¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 554.

² КРО. Т. 1. С. 194–196.

³ Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста, 1993. С. 94, 95.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Там же.

ким князем) Аюкой – первым действительным ханом Калмыкии, оставившим яркий след в истории своего народа. Установление династических брачных связей, как известно, было в то время модой, получившей широкое повсеместное распространение от королевских дворов до владетелей кочевых кибиток степных просторов. Известно о продолжительных (с середины XVII в.) близкородственных, а также дружественных взаимоотношениях между кабардинцами и калмыками, о связях Аюки с «некоторыми владетелями Северного Кавказа, особенно с кабардинскими князьями, которые временами скреплялись браками отдельных тайшей с кабардинскими княжнами»¹. Действительно, были и другие случаи, свидетельствующие о династических связях кабардинских владельцев с калмыцкой знатью. Так, на кабардинской княжне Джан был женат внук Аюки Дондук-Омбо – человек энергичный и талантливый. Хан Дондук-Омбо умер 21 марта 1741 г., назначив своим наследником сына Рандула, а до его совершеннолетия опекуницей – жену, молодую кабардинку², которая поддерживала постоянные связи со своей родиной Кабардой, обращалась к владельцам за помощью в связи с разгоревшейся в ханстве междоусобной борьбой за власть. Что же касается Терского городка, то в материалах П. Г. Буткова, относящихся к середине XVIII в., отмечалось: «В полуверсте от крепости (Терского города. – П. Г.) слобода Охочинская, населенная черкесами и другими горцами, оставшимися в магометанстве. Их при крепости Терки, Окоцкой слободе, в 1721 г. оставалось немного; но со времени похода Петра Великого в Дербент, когда явились к услугам его из Большой Кабарды рода Жанбулатова, фамилии Бекмурзиной, владелец Эльмурза Бекович, князь Черкасский, родной меньшей брат князя Александра Бековича-Черкасского; а из Малой Кабарды, Таусултанова рода, Асламбек Кельметов, то в сей слободе находилось уже в 1727 году до 300 фамилий, которые состояли в команде одного Эльмурзы Бековича, пожалованного Петром Великим в подполковники и оставшегося навсегда в службе российской»³. Эльмурза Бекович 15 июля 1744 г. был произведен в генерал-майоры при иррегулярных войсках и умер в Кизляре в 1765 г.⁴

В XVIII в., как и предыдущем столетии, на территории Чечено-Ингушетии имелся ряд независимых друг от друга обществ. Из них на территории плоскостной Чечни – общества: Качкалык, Герменчук, Чеченское общество, Алдинское, Гехинское, а в горной зоне Акхи, Малхи, Нохч-Мохк, Чебарлой, Шарой, Шатой, Чанты, Терлой, Пешхой, Шекарой, Майсты. В Ингушетии существовали локальные группы джейраховцев, цоринцев, галашевцев, назрановцев, мецхальцев, хамхинцев, веппинцев⁵.

В рассматриваемый период деловые связи между кабардинцами, балкарцами и этими вайнахскими обществами становятся более регулярными и тесными. Определяющим в этом деле было переселение чеченцев и ингушей из глубины суровых гор в предгорье и на плоскость в XVI–XVII вв. Одним из основных направлений этой вайнахской миграции, значительно расширившей этническую территорию этого народа на север, являлось переселение в Тарскую долину и бассейн р. Камбилеевки, куда передвижение ингушей происходило в тече-

¹ Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста, 1993. С. 189–190.

² Там же. С. 254.

³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... СПб., 1869. Т. 1. С. 77.

⁴ Там же.

⁵ Ахмадов Я. З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории классового образования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980. С. 58.

ние всего XVIII в. Другое направление – к р. Сунже в район Назрани и далее к Ачалукам, что имело место в 1771–1781 гг.¹ Как свидетельствует документ второй половины XVIII в., для «хлебопашества» ингуши спускались с гор на равнину, занятую в то время кабардинцами². Поэтому чеченцы и ингуши, поселившиеся на этой земле, оказались в некоторой зависимости от кабардинских феодальных владельцев. На этот факт указывал еще академик Российской Академии наук И. Гюльденштедт, совершивший свои научные путешествия по Кавказу в XVIII в., говоря, что некоторые чечено-ингушские племена были подвластны кабардинским и аксайским (кумыкским) феодалам³.

Эта «зависимость вайнахских выселенцев проявлялась в форме земельной ренты и подати за ограждение мирных поселенцев от хищнических набегов полufeодальных дружин»⁴. Не случайно И. Гюльденштедт, занимавшийся разносторонним изучением края, отмечал, что зависимость от князей имела характер их заступничества. Все это дополняется сведениями грузинского царевича Вахушти, который в своей «Географии Грузии» отмечал, что жители ущелий, расположенных к востоку от Терека, «повинуются и платят дань соседним черкесам, дабы получать от них жизненные продукты, одежду и соль»⁵. Но в целом переселение и хозяйственное освоение земель между Терекон и Сунжей имело весьма положительное значение для горцев. Это не только избавило их от малоземелья, но и в определенной степени способствовало разрушению старых патриархально-родовых отношений, сковывавших развитие общества, и обеспечило его экономический подъем. Даже в преданиях вайнахов, как и в их эпических песнях, иногда подчеркивается связь адыгских (кабардинских) князей с «московским царем», даровавшим им земли⁶.

Справедливо мнение о том, что «у той части чеченцев и ингушей, которые перешли на равнину и близко соприкасались с Кабардой, быстрее развивались производительные силы и феодальные отношения»⁷, – исторически прогрессивное явление, – которые, в свою очередь, на определенном историческом этапе способствовали консолидации чечено-ингушских племен и обусловили более тесное общение вайнахов и адыгов. Поэтому не случайно у вайнахов бытуют предания, где процесс феодализации, шедший в среде самих чечено-ингушских племен, часто связывается с адыгскими князьями, которые предстают положительными и достойными подражания, связь с ними становится одним из показателей могущества местного героя. «Они способствуют сохранению справедливости, основывают некоторые села, выручают местных героев из беды. Приравнивание героя предания к князю (царю)... согласуется с принципами фольклорной идеализации, типичными для многих народов»⁸. Взаимопомощь друзей – адыга и вайнаха, героев преданий, – бескорытна и основана на верности и нерушимости их дружбы. Многие герои вайнахских преданий находятся в самых тесных отношениях с адыгами. И эта дружба помогает герою-вайнаху в самую тяжелую

¹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 192–193.

² КРО. Т. 2. С. 307.

³ Гюльденштедт И.-А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 77, 83, 112.

⁴ Дахкильгов И. А. Указ. соч. С. 103.

⁵ Вахушти. География Грузии // Записки Кавказского отдела имп. Русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. 24, Вып. 5. С. 152.

⁶ Дахкильгов И. А. Указ. соч. С. 105.

⁷ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 180.

⁸ Дахкильгов И. А. Указ. соч. С. 104.

минуту его жизни. Так, в песне о кабардинце Сосле и «вдовьем сыне»-чеченце прославляется верность дружбе, а в другом варианте поется о дружбе кабардинца, чеченца и кумыка¹. Подобные песни, предания вайнахов, кабардинцев, балкарцев и других горцев способствовали укреплению дружбы между соседними народами, в том числе и казаками, утверждению специфическими фольклорными средствами высоких нравственно-этических норм. Дружба адыга и вайнаха – героев предания – настолько сильна, что столкновения во время набегов не приобретают ни общенародного, ни межнационального характера, в чем и состоит основной идейный пафос предания. Они, эти столкновения, имевшие место в жизни этих народов, были локальными, спорадическими, обычными, характерными для эпохи Средневековья, не были решающими во взаимоотношениях адыгов и вайнахов².

Чеченцы и ингуши, живя по соседству и повседневно общаясь с трудовыми массами Кабарды, Балкарии, а также казачеством, перенимали, в свою очередь, передавали и усваивали навыки производственной деятельности, орудия труда, перероднились. Это взаимовлияние и взаимообогащение сказывалось и в духовной культуре, в общественной жизни и семейном быту, образе жизни и нравах.

Как известно, живущие по соседству и поддерживавшие многообразные дружественные отношения с кабардинцами северокавказские горцы, в том числе и вайнахи, восприняли некоторые обычаи и нормы адыгского этикета³. Более того, на Северном Кавказе почти до конца XIX в. наблюдался довольно интенсивный процесс «распространения элитарных элементов адыгской культуры» – влияние адыгского этикета⁴. «Кабарда была и поныне еще остается для горцев школой хорошего тона и манер»⁵, – сказано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Говоря о взаимовлиянии культур народов Кавказа, В. И. Абаев пишет, что «все народы Кавказа, не только непосредственно соседствующие друг с другом, но и более отдаленные, связаны между собой сложными и прихотливыми нитями языковых и культурных связей. Создается впечатление, что при всем непроницаемом разноязычии на Кавказе складывался единый в существенных чертах культурный мир... что при всей языковой раздробленности существует единая кавказская этническая культура...»⁶. И поэтому адыгские и вайнахские народные обычаи и нормы этикета во многом схожи. «Про человека высокого этикета вайнахи говорят: «Черсе санна эзде кьонах ва из» (Он благороден, как черкес). Гордого мужчину называют «кура габарте» (гордый кабардинец)⁷.

Любопытно также и наличие у вайнахов и адыгов преданий, повествующих о любви юноши и девушки этих двух разных народов. Бытование подобных преданий, как правильно подмечено специалистами, обуславливалось не только имеющими место смешанными брачными союзами, но и «прежде всего – взаимными симпатиями двух народов, бывших довольно щепетильными в вопросах заключения брака с представителем другой этнической среды»⁸.

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., М.: Наука, 1988. С. 487.

² Дахкильгов И. А. Указ. соч. С. 103.

³ Алиев У. Карахалк. Ростов н/Д, 1927. С. 12.

⁴ Смирнова Я. С. Культурное взаимодействие и семья: (По материалам Северного Кавказа) // СЭ. 1977. № 5. С. 83, 85.

⁵ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1894. С. 780.

⁶ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. С. 89.

⁷ Дахкильгов И. А. Указ. соч. С. 105.

⁸ Там же. С. 106.

Естественный процесс тесного сближения горских народов особенно интенсивно протекал в местах существования этнически смешанных поселений из кабардинцев, чеченцев и ингушей. «В 1651 г. на реке Сунже между гребенскими городками и барагунскими селениями появилась крепость, а подле нее быстро образовалось предместье из кабардинских, чеченских и кумыкских выходцев»¹. Об образовании смешанных поселений говорят и другие источники. Так, ингушская народная песня «О князе Мусосте и Сурхо Адиевиче» повествует об основании кабардинским князем Мисостом аула на правом берегу Терека на земле ингушей»². В г. Кизляре, в квартале новоокрещенных, жили ногайцы, кумыки, кабардинцы, чеченцы и ингуши, в Окочирском – кумыки, в Черкасском – кабардинцы³. Кизляр, имевший широкие торговые связи с местными народами, русское правительство стремилось использовать и как опорный пункт для экономического освоения Северного Кавказа. Оно планировало для «усиления Кизлярского края» поселить здесь чеченцев, кумыков и «других из горских народов и ногайцев, креститься желающих»⁴. В проекте кизлярского коменданта Н. А. Потапова, переданном астраханскому губернатору Н. А. Бекетову, о таможенных привилегиях для горских народов, поселенных при Моздоке, составленном в 1764 г., упоминаются «гораздо зажиточные» люди из кабардинцев, осетин, кишгинцев и других наций⁵. Представители разноязычных горских народов, поселявшиеся в Кизляре и Моздоке, естественно, сближались как между собой, так и с русскими жителями этих городов. Кабардинцы с чеченцами жили также в чеченских аулах Барагуны и Шали, а в Новом Юрте – кабардинцы, кумыки, чеченцы и ингуши. В 1747 г. жители крупного чеченского общества и одноименного аула Герменчук призвали к себе владельцем сына генерал-майора русской армии Эльмурзы Черкасского – ротмистра Девлет-Гирея⁶. Говоря о причинах приглашения вайнахскими обществами кабардинских и кумыкских князей, автор XIX в. А. Л. Зиссерман пишет, что они, чеченцы, «искали покровительства у тамошних князей, платили им небольшую дань за защиту от притеснений» внешних врагов⁷. На следующий год после приглашения герменчукцами Девлет-Гирея и жители «деревни Чебутли» (вероятно, аргунские чеченцы-«шибуты») согласились быть в «ведомстве» князя Девлет-Гирея, «дабы им с купечеством в город Кизляр, гребенские городки тако в Андреевскую, Аксайскую и прочие деревни ездить под защищением было свободно». За этим последовали присяги Алдинского общества и аула Шали⁸. Из письма шибутских старшин князю Эльмурзе Черкасскому от 5 июля 1764 г. видно также, что Девлет-Гирею Черкасскому были подвластны как равнинные герменчукские и алдинские старшины и «простой народ», так и шибутские старшины⁹. В 1760 г. Девлет-Гиреем Черкасским было

¹ Гриценко Н. П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965. С. 17; Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1. С. 65.

² Скитский Б. В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 1. С. 175.

³ См.: Гюльденштедт И.-А. Указ. соч. С. 22; РОО. Т. 1. С. 51.

⁴ РОО. Т. 1. С. 451.

⁵ КРО. Т. 2. С. 230.

⁶ Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 258–259; Ахмадов Я. З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XIX в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 64–65.

⁷ Виссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). СПб., 1879. Ч. 2. С. 437.

⁸ Бутков П. Г. Указ. соч. С. 65.

⁹ Ахмадов Ш. Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – начало XX в.). Грозный, 1980. С. 54–55.

основано поселение из 200 дворов выше Червленного городка на левом берегу Терека, которое в дальнейшем было известно как Девлет-Гиреевская деревня¹.

Кабардинские князья пользовались большим влиянием и у карабулаков, третьего в то время народа Чечено-Ингушетии, наладивших контакты с русскими еще в начале XVII в. В 1771 г. количество карабулаков – «подданных» владельца Муртада-Али-Хаджи – составляло 300 дворов, которые зачастую ориентировались на кабардинских князей². Для защиты от врагов недавно вышедшие из гор жители чеченского аула Чульки-юрта на правой стороне Терека возле станицы Ищерской пригласили кабардинского князя Мудара (Мулдара), и с тех пор село носило его имя³. В свою очередь, значительное количество чеченцев и ингушей проживало в кабардинских селениях. В начале XIX в., по сведениям К. Ф. Сталя, в Малой Кабарде в одном сел. Псидаха насчитывалось 664 чеченца (166 дворов), а в селах Гайтиев и Эльджаруков – 416 ингушей (164 двора)⁴. В управлении Малой Кабарды состояли также чеченские поселения Кажакова и Мизиюрт. Чеченцы и ингуши проживали также в кабардинских селениях Бековича-Черкасского и Таусултановых, находившихся в районе между Эльхотовым и реками Курпом и Тереком. Совместная жизнь горцев в одних и тех же населенных пунктах способствовала быстрому сближению представителей самих горских народов, а также и установлению ими разносторонних связей с Россией. В сближении народов, в установлении дружественных отношений между ними большую роль играла торговля. Так, с октября 1748 г. правительство России разрешило пропуск «быков, коров, рыбы... полотняного товару» из Кизляра в Герменчук, владельцем которого был Девлет-Гирей Черкасский⁵. Кроме того, подвластные Девлет-Гирея, имеющие от него разрешение, получили право свободного проезда в гребенские (казацки) городки. Основными путями, по которым чеченцы и ингуши поддерживали торгово-экономические связи с Россией и соседними народами Северного Кавказа и Закавказья, были сухопутные магистрали. Одна из них от г. Астрахани пролегла через степь в Терский городок, а оттуда в г. Терки, находящийся на земле кумыков. Другой торговый путь шел от г. Терки до Сунженского городка, затем вверх по р. Сунже и через владения малокабардинских феодалов по Дарьяльскому ущелью уходила в Восточную Грузию. Через южную территорию Чечни также проходил торговый караванный путь «из восточной части Северного Кавказа в Дагестан и на Восток. Среди множества других торговых путей существовала также вновь ожившая старая торговая дорога, которая шла от берегов Черного моря и генуэзских колоний через земли западных адыгов, карачаевцев, кабардинцев и далее по Тереку через территорию юго-западной части Чечни в Дербент и страны Востока»⁶. Как видно, все эти торговые пути пролегли через г. Терки или по р. Терек, который «в свое время сыграл почти ту же роль

¹ Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 258, 259; РОО. Т. 2. С. 338.

² Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980. С. 48.

³ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа. С. 184–185.

⁴ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский календарь, 1900. Т. 21. С. 91–92.

⁵ Ахмадов Я. З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 65.

⁶ Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 76–77; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 49.

для народов Северного Кавказа, как и Волга для Среднего и Нижнего Поволжья», являлся «связующим звеном русского и кавказского народов»¹. С самого начала своего основания гг. Кизляр и Моздок стали основными пунктами обменной торговли на Северном Кавказе. В Моздоке, кроме ежедневной городской торговли два дня – понедельник и суббота – являлись постоянными базарными днями, а 25 апреля и 19 сентября ежегодно в течение недели организовывались многоярусные ярмарки, куда доставлялись промышленные товары, ремесленные изделия, продукты земледелия и скотоводства со всего Северного Кавказа². Торговля чеченцев и ингушей с соседними горцами и русским населением носила в основном меновой характер. Терские казаки вели торговлю солью, рыбой, домашними холстами, овощами и фруктами, т. е. не предметами роскоши, характерными для восточной торговли, а горцы – медом, скотом, бурками, башлыками, колесами и другими изделиями домашней промышленности. Большое место в торговле чеченцев занимал сбыт леса и таких изделий, как бочарные доски, обручи, таркалы³. Объем этой меновой торговли временами достигал значительных размеров. На рынок ехали целые караваны, насчитывавшие десятки арб⁴. Документы говорят о том, что чеченцы и ингуши поддерживали торговые связи прежде всего со своими ближайшими западными соседями – жителями Малой и Большой Кабарды. Так, в донесении узденей князя Эльмурзы Бековича Черкасского – Бамата Усеинова, Курман-Али Менькишиева на имя кизлярского коменданта отмечалось, что они в 1759 г. ездили для торговли в Малую и Большую Кабарду, имея при себе 24 рубашки из холста, перевозка которых вместе с пошлинами обошлась им в 12 рублей⁵.

Царские военно-колониальные власти рассматривали торговлю и как средство сближения горцев с русскими, мирного подчинения первых. В то же время они ревниво оберегали торговую монополию в Кизляре, что, несомненно, мешало частой их встрече и сближению. Но сила экономического развития, приводившая ко все большему расширению обменных (меновых) операций, развитию товарно-денежных отношений на основе освоения плоскостных земель, неуклонно толкала горцев на рынок, заставляла их изобретать всякие способы преодоления различных барьеров и преград на этом пути. Не случайно горские народы и отдельные общества непременно выдвигали при переговорах с русскими властями требование права на свободную торговлю вне своих пределов.

Нередко, чтобы избежать уплаты таможенных пошлин, чеченцы и ингуши везли свои товары в Кабарду, а оттуда уже в другие районы Северного Кавказа и за его пределы⁶. «В целях избежания уплаты таможенных пошлин чеченцы, а также и кумыки, – пишет Ф. В. Тотоев, – прибегали к обходным путям: караваны с товарами шли в Кабарду, а из Кабарды – по чеченской стороне реки Терека. Для обслуживания этой торговли из чеченцев появились специальные проводники,

¹ Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 9.

² Мамбетов Г. Х. К вопросу о взаимоотношениях Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией в XVI–XVIII вв. // Вестник КЕНИИ. Нальчик, 1970. Вып. 4. С. 23.

³ Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом // Известия Чечено-Ингушского НИИ. 1963. Вып. 1. Т. 3. С. 27.

⁴ Скитский Б. В. Указ. соч. С. 176.

⁵ Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 91.

⁶ Там же. С. 89.

водившие торговые караваны обходными путями и получавшие соответствующее вознаграждение»¹.

По данным профессора Н. П. Гриценко, в 1763–1764 гг. от горцев в Кизляр поступило товаров на 47 666 рублей и было вывезено на 44 770 рублей². Интенсивно развивалась и контрабандная торговля в связи с различного рода запретами царизма на товары – драгоценные металлы и др.

В ноябре 1764 г. было принято решение правительства России о дозволении кабардинцам и кумыкам беспошлинно торговать в Кизляре собственными изделиями, продуктами и скотом³, а также об освобождении их от уплаты пошлин при покупке товаров в Кизляре⁴. Платеж в обоих случаях был «возложен на жителей кизлярских»⁵. Несмотря на определенные ограничения, оно все-таки способствовало дальнейшему развитию торгово-экономических связей между горскими народами края, а также и с Россией. После отмены пошлины на товары горцев товарооборот между ними и Кизляром значительно увеличился. Под влиянием этого решения и чеченцы, и ингуши, с которых взималась пошлина в большем размере, ходатайствуют, в свою очередь, о привилегиях в торговле с Россией, просят кизлярского коменданта дозволить им «невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и прочие российские места и никаких обид не чинить...»⁶.

Профессор Б. В. Скитский, говоря о торгово-промышленных связях Чечни с Россией в XVIII – первой половине XIX в., считал, что для чеченцев это было жизненно необходимым⁷. Этот тезис совершенно верен и для всех других горцев Северного Кавказа.

А 17 апреля 1744 г. руководители Осетинской духовной комиссии сообщали в канцелярию Правительствующего синода, что «чачанской владелец Айдемир и с племянниками своими Алибеком и Султаном получают от ея императорского величества жалованье и с Россиею в союзе, для чего и сын ево имеется в Кизляре аманатом»⁸. Если благодаря усилиям Девлет-Гирея Черкасского в 1747–1748 гг. под российское покровительство вступили Герменчук, Чебутли, Шали, Алды и другие чеченские общества, то с 1756 г. и другие вайнахские общества тоже постоянно просят об этом же. И заодно с этим ингуши изъявили желание принять христианство и просили о разрешении им свободного проезда в Кизляр⁹. Чеченские владельцы Арсланбек, Бартыхан и Магомед Айдемировы в письме к кизлярскому коменданту И. Л. Фрауендорфу в 1756 г., ссылаясь на пример кабардинских владельцев, просились на службу России¹⁰.

¹ Тотов Ф. В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в. – 40-е годы XIX в. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 157.

² Бузуртанов М. О., Виноградов Б. В., Умаров С. Ц. Истоки проблемы // Вехи единства. Грозный, 1982. С. 39.

³ КРО. Т. 2. С. 237.

⁴ Бутков П. Г. Материалы по новой истории Кавказа. СПб., 1869. Т. 3. С. 104.

⁵ Там же. Т. 2. С. 10.

⁶ Ахмадов Ш. Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII в. // Вопросы истории классовобразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980. С. 67–68.

⁷ Цит по: Тотов Ф. В. Указ. соч. С. 168.

⁸ РОО. Т. 1. С. 51.

⁹ Там же. С. 393–397.

¹⁰ Оразаев Г. М.-Р., Ахмадов Я. З. К истории политических связей чеченского феодального владения с Россией в XVII–XVIII вв.: (Публикация источника) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). Грозный, 1983. С. 35–36.

Чечено-Ингушетия в те времена не была единым целым. При этом вайнахские общества обращались к России разновременно.

Одними из первых установили тесную связь с Россией карабулаки, среди которых было сильное кабардинское влияние. В 1762 г. в присутствии официального представителя России союз был оформлен на массовом сходе 22 старшин, которые представляли 8 наиболее крупных фамилий¹.

В 1768 г. для приведения к присяге из Кизляра в Чечню был послан ротмистр Адиль-Гирей Черкасский, который об исполнении поручения доносил кизлярскому коменданту Н. А. Потапову: «Все старшины и народ, вследствие вашего превосходительного письма и моего объяснения согласно объявили, что они... надеясь на высочайшую ея императорского величества милость и благоволение имеют состоять в прежней верности своей и данную от себя при Червленском горячем колодце присягу навсегда сохранить будут без нарушения в подтверждение которой, собравшись в мечети, весь народ через алкуран выговаривал, что оне во всякой верности к российской стороне быть желают и не только Алисолтану последовать не хотят, но ежели и настоящий их владелец Росланбек Айдемир на какие-либо дерзости поступит, то и его за владельца не считать и с ним не будут сообщаться. А бывшие в собрании при нас чеченские и алдынские старшины все признали сущую здешней стороны справедливость и сказали, что оне Россию весьма довольны»².

В феврале 1770 г. 24 ингушских старшины, «присланные от всего народа их общества», явились в Кизляр к коменданту с «доношением», в котором писали, что они имеют «усердное желание поступить в вечное... подданство» России³. И просили прислать в «Ингушетию «чиновного человека» с полномочиями принять присягу на верность России от ингушского населения». В феврале 1770 г., по мнению историков Чечено-Ингушетии М. О. Бузуртанова, В. Б. Виноградова, С. И. Умарова, «завершилось добровольное вхождение в Россию ингушей (их тогда называли «киштинцами»)»⁴. Что же касается чеченцев, то происходило дальнейшее их сближение с Россией.

По мнению этих же авторов, «роль прототипа тех документов, которыми было обозначено государственное оформление российского подданства чеченцев после исхода бурных и противоречивых 70-х годов XVIII в.», во многом сыграло русско-кабардинское отношение, известное как «присяга кабардинцев», 9 декабря 1779 г.⁵

Историк П. Г. Бутков считал, что чеченцы «присягнули на вечное подданство» России в январе 1781 г.⁶ Кизлярский комендант – единоначальник всей северокавказской российской администрации – А. М. Куроедов в донесении князю Г. А. Потемкину писал о работе, проведенной неоднократно посылавшимися к чеченцам капитаном князем Бековичем-Черкасским и Терского войска подпоручиком Н. Чориным, лично участвовавшими в выработке и проведении церемонии присяги 21 января 1781 г.⁷ 4-й пункт текста присяги был кратким и трафаретным⁸.

¹ Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979. Приложение. С. 41–42.

² Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч. С. 43.

³ Кияпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 28.

⁴ Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980. С. 57.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 63.

⁷ Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч. Приложение. С. 44.

⁸ Там же. С. 65.

По мнению вышеназванных авторов М. О. Бузуртанова, В. Б. Виноградова, С. И. Умарова, «после 1781 года в источниках по истории русско-чечено-ингушских отношении (в том числе и в официальных провозглашениях подданства) речь уже идет не о вхождении чеченцев и ингушей в состав России... а о сохранении ими верности Российскому государству, его администрации на Кавказе в случае обострения внешней и внутренней обстановки»¹.

Иного, и не без основания, мнения другой историк Чечено-Ингушетии Н. А. Тавакалян, который писал, что «неоднократные официальные присяги и разного рода обращения чеченцев и ингушей к представителям царизма о своем признании русского подданства с самого начала русско-чечено-ингушских отношений и вплоть до 1810 г. для ингушей и 1859 г. для чеченцев так и не получили силу юридического закона. Да и не было государственного акта о присоединении Чечни и Ингушетии к России. Поэтому на протяжении ряда веков присяги чеченцев и ингушей служили лишь как бы гарантийными актами о дружественном, добрососедском отношении с русскими, об их мирном сосуществовании. Но эти присяги, хотя они периодически и нарушались, все же бесспорно способствовали сближению Чечни и Ингушетии с Россией»².

Далее автор отмечает, что «присяги чеченцев и ингушей отчасти появились не без определенного нажима и угрозы со стороны царских властей, а также и по тактическим соображениям местных социальных верхов». «Включение Чечено-Ингушетии в административную систему России, – писала известный кавказовед Е. Н. Кушева, – было результатом Кавказской войны»³.

В последнее время большинство историков, занимающихся проблемой русско-кавказских отношений, пришло к плодотворному выводу, что включение северокавказских горских народов в состав России было не единовременным актом, а более или менее длительным процессом. По мере расширения и углубления этого процесса менялся и характер русско-кавказских отношений, его формы и содержание: от помощи и покровительства горским народам со стороны России и военно-политического союза между ними через протекторат к подданству и присоединению. При этом, по мнению известного кавказоведа профессора А. В. Фадеева, «сам по себе факт добровольного присоединения к России некоторых территорий отнюдь не означает того, что политика царизма не преследовала завоевательные цели и не осуществлялась типичными военно-феодальными методами»⁴.

Кабардинцы и балкарцы не только поддерживали добрососедские отношения с чеченцами и ингушами, но и не раз выступали совместно против внутренних и внешних врагов, находили друг у друга помощь и надежную защиту. «Непокорные» своим владельцам кабардинские и балкарские крестьяне уходили в Чечню и Ингушетию, и, наоборот, такие же выходцы из вайнахских обществ находили надежный приют в Кабарде и Балкарии⁵. В документах прослеживается связь не только между крестьянскими волнениями, происходившими в разных

¹ Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. соч. Приложение. С. 77.

² Тавакалян Н. А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его объективно-прогрессивное значение // Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 91.

³ Там же; Русско-чеченские отношения. (Вторая половина XVI – XVII вв.). Сб. документов. М., 1997. С. 415.

⁴ Фадеев А. В. Указ. соч. С. 57.

⁵ Ахмадов Ш. Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII в. // Вопросы истории классового образования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980. С. 71–72.

районах Северного Кавказа, но и за его пределами¹. И эти связи не ограничивались проявлением одной солидарности, но и оказывали друг другу конкретную поддержку и помощь². Горские крестьяне в своих требованиях к владельцам проявляли большую настойчивость и упорство. Так, в 1760 г. восстали крестьяне Герменчукской деревни, которые были недовольны произволом князя Девлет-Гирея Черкасского. Девлет-Гирей и его сын Бамат пытались при поддержке русских властей восстановить свою власть над Герменчукской и Шалинской чеченскими деревнями, но этого сделать им не удалось. По этому поводу в материалах, собранных П. Г. Бутковым, сказано, что «они (крестьяне этих деревень. – Р. Г.) не только не согласились, но и слышать о таком праве Бамата не хотели»³.

«Если притязания кабардинских, дагестанских и грузинских феодалов вызывали отпор, то общение ингушей и чеченцев с трудовыми слоями соседних феодальных владений было иным: шел обмен производственными навыками, накопленным хозяйственным опытом, бытовыми привычками, обычаями, устанавливались брачные связи»⁴. При этом многие кабардинские владельцы поддерживали добрососедские деловые связи с вайнахскими обществами. Некоторые из них, недовольные колониальной политикой царского самодержавия, уходили со своими подвластными в Чечню и Ингушетию. В конце XVIII – начале XIX в. здесь находились со своими людьми кабардинские феодалы Алмаксид Мударов, Адильгирей Атажуко и др. По официальным данным в Чечне в 1809–1810 гг. проживало свыше 160 семейств из Кабарды⁵.

Ингушский и чеченский народы всегда оказывали посильную поддержку кабардинцам и балкарцам в их борьбе с турецко-крымскими захватчиками, очень часто вторгавшимися в их земли. В статье, специально посвященной истории взаимоотношений Кабарды и Балкарии с Чечней и Ингушетией, Г. Х. Мамбетов приводит многочисленные примеры совместных выступлений горцев против общих врагов Кавказа и России, их активного участия в дипломатических мероприятиях по расширению и укреплению взаимоотношений Русского государства с другими горскими народами⁶. Горцы совместно с войсками русских гарнизонов и терскими казаками защищали пограничные рубежи от турецко-крымских и персидских вторжений.

В 1640–1670-х гг. объединенные отряды кабардинцев, чеченцев и ингушей, возглавляемые кабардинскими князьями Муцалом Сунчалеевичем и Каспулатом Муцаловичем Черкасским, совместно с русскими войсками нанесли ряд серьезных поражений Крымскому ханству. Это значительно стабилизировало политическую обстановку в южных районах России⁷.

Совместная борьба русских, кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей и других горцев против общих врагов имела место и в XVIII в. Как отмечено выше, горцы Кавказа принимали активное участие на стороне России в войнах

¹ Ахмадов Ш. Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII в. // Вопросы истории классового образования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980. С. 73.

² Там же. С. 74

³ Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 302.

⁴ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 59.

⁵ АКАК. Т. 4. С. 844–845.

⁶ См.: Мамбетов Г. Х. Указ соч. С. 40–43.

⁷ Исаева Т. А. Военно-политический союз народов Северного Кавказа в борьбе с турецко-иранской агрессией (вторая половина XVI–XVII в.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). Грозный, 1983. С. 47–50.

с Турцией и Крымом¹. В борьбе против общих врагов крепло и закалялось разностороннее содружество народов Северную Кавказа и России.

Как пишет Ш. Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа», составленной по преданиям кабардинцев, адыги «жили в мире и союзе» и с абазинами². По его же сведениям, легендарный родоначальник всех кабардинских князей Инал оказывал «свои милости» абазинским князьям Аше и Шаше³, а первая его жена была дочерью «славного абазинского князя Ашева»⁴.

Далее известно также, что в составе посольства адыгских князей в Москву, выезжавших в 1550-е гг., были князья Тудорык Езбозлуков и Алклыч Езбозлуков. По авторитетному мнению Е. Н. Кушевой, именно Тудорык упоминается под именем «абазинского мурзы Додоруко» в родословной черкесских князей, составленной в XVII в.⁵ Кабардинцы и абазины совместно не раз выступали против турецко-крымских агрессоров. В 1570 г. Темрюк Идаров приходил на помощь абазинам в борьбе с крымским царевичем Алди-Гиреем. В бою сам он был смертельно ранен, а сыновья его Мамстрюк и Беберюк были взяты в плен⁶.

Примерно к середине XVII в. абазины оказались в вассальной зависимости от кабардинских князей. В письменных источниках об этой зависимости впервые упоминается в прошении князя Большой Кабарды Магомеда Атажукина на имя императрицы Анны Иоанновны от 22 августа 1731 г. В этом прошении Атажукин пишет о службе кабардинцев России со времен Ивана IV и просит императрицу прислать 20 пушек и отряд калмыков, чтобы отразить нападения крымских ханов и вернуть подвластную ему деревню на р. Кубани, «в которой живет народ абазинский»⁷. Тот же М. Атажукин, прибыв в 1732 г. в Петербург в качестве посла, во время беседы в Коллегии иностранных дел заявил, что «абазинский народ из древних лет еще у предков их, кабардинцев, во владении были». В качестве места жительства абазин он называл луговую сторону р. Баксан, где находились 800 дворов, способных выставить 2000 конных и пеших воинов⁸. Здесь, видимо, речь идет о части абазин, которые под натиском крымско-турецких агрессоров переселились с верховьев Кумы и Кубани на р. Баксан, что произошло, вероятно, еще во второй половине XVII в.

Сведения о взаимоотношениях кабардинцев и абазин мы находим и у И.-А. Гюльденштедта, который сообщал, что вторые платят дань первым «потому, что народы Большой Кабарды прежние свои жилища, отступая далее, на восток к Баксану и Тереку, им уступили». Продвижение на восток ближе к кабардинцам и союз с последними обеспечивали абазинам возможность успешной борьбы с крымской агрессией и в какой-то мере обуславливало их зависимость от более могущественных, сильных кабардинских князей. Исходя из такого положения, Россия, считавшая кабардинцев своими подданными, рассматривала и абазин своими подданными, следуя правилу средневековья: «Вассал моего вассала мой вассал». Да и сами абазины нередко называли себя подданными России, как и кабардинцев. Так, осенью 1745 г., когда на абазинские селения верхней Кубани

¹ См.: *Потто В. А.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. С. 48; *Бутков П. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 205–208.

² *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 49.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 206.

⁶ КРО. Т. 1. С. 22–23.

⁷ Там же. Т. 2. С. 46.

⁸ Там же. С. 59.

напал кубанский сераскер и потребовал ясак, то ему заявили, что они «подданные российские, а ведомства владельца Араслам-бека Кайтукина, и для того ему, сераскеру, ясаку не дадут»¹.

В 1753 г., когда крымский хан вновь попытался вмешаться в кабардино-абазинские отношения, утверждая, что абазины его подданные, Коллегия иностранных дел России составила по этому поводу специальную «Записку», в которой, отвергая эти необоснованные домогательства, утверждалось, что он, хан, «присваивать их себе не может», так как абазины проживают вблизи Большой Кабарды и находятся в подданстве кабардинских владельцев Магомета Кургокина и Касая Атажукина². В связи с очередным новым осложнением в крымско-кабардинских отношениях русский резидент в Константинополе А. М. Обрезков подал Порте представление Коллегии иностранных дел, где, ссылаясь на заявление кабардинцев, капитану Барковскому, присланному к ним по жалобе крымского хана, напоминал о том, что они, кабардинцы, сражались, защищая абазин, когда в 1745 г. кубанский сераскир Крым-Гирей пришел к ним с войском и разорил их, взял многих из них в плен³. Поэтому Коллегия находила притязания Крыма несостоятельными и направленными на то, чтобы абазин, находящихся под покровительством кабардинцев, силою сделать своими подвластными. Следует заметить, что многие абазины, поселившись в черкесских и кабардинских аулах, естественно, в значительной степени перемешались с их жителями, что способствовало быстрому взаимному восприятию материальной и духовной культуры, заимствованию друг у друга форм и методов хозяйствования.

«Многовековые связи абазин и кабардинцев, – пишут исследователи К. Ф. Дзамихов и Ш. Ш. Хуранов, – какими бы сложными они порой и ни бывали, в конечном итоге сблизили оба народа. Процессы многосложных взаимовлияний привели к тому, что у этих народов сложилась очень близкая духовная и материальная культура. Этому во многом способствовало и то, что оба народа генетически родственны, принадлежат к абхазо-адыгской языковой группе»⁴. Более того, среди абазин был широко распространен кабардинский язык. Видимо, не случайно кабардинские князья в 1748 г. заявляли, что «абазины разговор имеют такой же, как и мы».

Тесные связи, существовавшие на протяжении многих столетий между кабардинцами, балкарцами и абазинами, привели и к взаимодействию фольклора этих народов. Ученый-этнограф из Карачаево-Черкесии, абазинец по национальности, В. Б. Тугов пишет: «Ряд сюжетов, мотивов, образов заимствован абазинами у соседних народов – абхазов, адыгов, карачаевцев, ногайцев, в тесном контакте с которыми абазины проживают на протяжении многих веков. В фольклор абазин вошли, например, такие произведения адыгского устного народного творчества, как историко-героические сказания об Андемиркане... предания о мудреце Джабаги Казаноко (в фольклоре абазин – «Джабаги, сын Казана»). Многие песни на кабардино-черкесском языке, являясь неотъемлемой частью фольклора адыгов и абазин, одинаково популярны среди тех и других... У адыгов, балкарцев и карачаевцев, – пишет далее автор, – широко бытует песня о трагической судьбе двух влюбленных – «Каншаубий и Гошагаг»; в абазинском фольклоре наряду с

¹ КРО. Т. 1. С. 129.

² Там же. С. 188.

³ Там же. 152.

⁴ Дзамихов К. Ф., Хуранов Ш. Ш. Из истории взаимоотношений абазин и кабардинцев в XVI – первой половине XIX века // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. С. 70.

самой песней зафиксирован ее прозаический пересказ – «Каншаубий и Гошагаг». В форме прозаического сказания известна абазинам и популярная карачаево-балкарская песня о Бийнегёре...»¹. А все это, в свою очередь, оказало соответствующее влияние на определение внешнеполитической ориентации абазин, как и других северокавказских горцев, и они установили тесные взаимоотношения с Российским государством.

Связи между кабардинским, балкарским и карачаевским народами имели давние исторические корни. Они установились еще в тот период, когда карачаевцы жили в верховьях р. Баксан. Русские документы первой половины XVII в., в частности статейные списки Ф. Елчина и П. Захарьева (1639–1640), упоминают о них в этих местах². Исследования ученых показывают, что в период между 1640-м и 1743 г. произошло переселение карачаевцев с Баксана на Верхнюю Кубань³. Однако это не прервало экономические, политические и этнокультурные связи этих соседних народов.

Издавна решающую роль в тесных взаимосвязях Кабарды с Карачаем играли проблемы экономического порядка. Карачаевцы, как и другие горские народы, пользовались кабардинскими зимними пастбищами⁴. Во многом это приводило к заимствованию друг у друга форм ведения хозяйства. Е. И. Крупнов, основываясь на исследованиях специалистов по животноводству, пришел к выводу, что карачаевская лошадь по своему физическому типу была ближе всего к кабардинской⁵.

Экономические и торговые связи с Кабардой и Балкарией способствовали тому, что в XVII–XVIII вв. карачаевцы получали через кабардинцев «российскую соль, бумажные материи, холст и сафьян». Они выменивали их на шерсть, толстое сукно, рожь, войлоки, лисьи и куньи меха⁶. К концу XVIII – началу XIX в. торговый обмен между Карачаем и Россией стал более регулярным. В этом важную роль сыграла система меновых дворов, в частности Прочноокопский, Баталпашинский и Тохтамышевский⁷.

Документальные источники и памятники устной традиции свидетельствуют и о тесных политических связях между описываемыми народами. Отметим здесь, например, такой факт, что баксанская территория, населенная карачаевцами, обозначалась в русских документах XVII–XVIII вв. не иначе как «Карачаева Кабарда»⁸. Господствующая верхушка Кабарды и Балкарии была связана узами аталычества и молочного родства с владельческими семьями Карачая. На наш взгляд, именно покровительство и поддержка кабардинских князей обусловили начиная с XVII в. внимание русской администрации Терского города к карачаевцам. В дальнейшем, т. е. в восемнадцатом столетии, благодаря тесным кабардино-русским взаимоотношениям Карачай попал в сферу влияния России. Например, в 1753 г. Россия, ссылаясь на то, что карачаевцы находятся под покровительством Кабарды, объявила, что «посему единому хан крымской при-

¹ Абазинские народные сказки. М.: Наука, 1985. С. 13–14.

² Белокуров С. А. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дидианскую землю // Чтения ОИДР. 1887. Кн. 2. С. 302, 304–305, 310, 312, 318.

³ См.: Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963. С. 50; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. С. 96.

⁴ Гольденштедт И.-А. Указ. соч. С. 150.

⁵ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа М., 1960. С. 309.

⁶ Гольденштедт И.-А. Указ. соч. С. 150.

⁷ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 277.

⁸ Белокуров С. А. Указ. соч.; Главани К. Описание Черкесии 1724 г. // СМОМПК. Тифлис, 1893. Т. 17. С. 155.

сваивать их себе не может...»¹. Таким образом, именно тесные связи с Кабардой дали возможность России отвергнуть притязания Турции и Крымского ханства на Карачай.

В глубь веков уходят своими корнями и дружеские взаимоотношения между Кабардой, Балкарией и народами Дагестана. Особенно тесными они стали с середины XVI в., когда через посредничество кабардинских князей под покровительство России вступили некоторые дагестанские владетели. Возникновение Терского города (Тюменского острога) в 1588 г. способствовало установлению и укреплению политических и экономических связей между Россией и Дагестаном. В 1589 г. аварские владетели принесли присягу в Терском городе России всей «Уварской и Черной земли». Наряду с этим в это же время дагестанцы из Аварии, Лакии, Кумыкии, Табасарании, Дербента, Кайтага приезжали в Терский город и Астрахань с просьбами о «помощи и покровительстве» против их «недругов», а также по торговым делам². Связи Дагестана с Россией особенно расширились и стали регулярными в XVII в., в течение которого 18 посольств прибыло в Москву. В 1610 г. в Терском городе приняли присягу на верность Российскому государству кумыкские князья Гирей, Эльдар и Сурхай, Махди Аварский, Алибеч Казикумухский, Сурхай Карабудагский и Будачи Эркелинский. В 1616 г. установил связи с Терским городом уцмий Кайтагский Рустем-хан³.

На протяжении XVII в. при активной посреднической роли кабардинских князей под покровительство России вступили многие крупные феодальные владетели Дагестана. Особо важную роль в налаживании русско-дагестанских и кабардино-дагестанских отношений сыграл известный кабардинский князь Сунчалей Янгличевич Черкасский. «В течение XVII в. Сунчалей и его потомки, пользуясь покровительством кабардинских князей, вошедших в круг московской феодальной знати, и поддерживая непосредственную связь с Посольским приказом, оказывали значительное влияние на решение различных вопросов, касающихся народов Северного Кавказа»⁴.

В 1616 г. эндирейский владетель Султан Магмут, обращаясь в Москву к царю Михаилу Федоровичу, писал, что «Сунчалей великому князю и белому царю холоп, а наш он друг, а до каких мест Сунчалей будет, и мы до тех мест шерть учиним»⁵.

Были начаты переговоры и с Кайтагским уцмием Рустем-ханом. По указанию свыше эти переговоры терским воеводой И. Вельяминовым должны были вестись при посредничестве Сунчалея Черкасского. «А велено мне, – сказано в донесении Вильяминова в Посольский приказ, – холопу твоему, о уцмие князе Кайдацком о всем говорити со князем Сунчалеем Черкасским и с Гиреем – князем кумыцким»⁶. И терский воевода сообщил об этом князю Сунчалею Черкасскому, чтобы его, уцмия князя, привести под «твою царскую высокую руку в холопство и шерть бы и аманаты у него Терской город взять». На это Сунчалей сказал, что «уцмий-де князь кайдацкой в горах человек первой и людьми силен, никому не служит, ни турскому, ни крымскому, ни кизильбашскому... а человек-де он гор-

¹ КРО. Т. 2. С. 188.

² См.: Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 8–11 (далее: РДО); Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 152–153.

³ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 178–179.

⁴ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 188.

⁵ РДО. С. 59.

⁶ Там же. С. 63.

дой, против Гирея-князя, не вставая, шапки не сымает, и Гирей-де перед ним с братом своим с Илдаром вместе не садятца и стоят на коленках». Поэтому князь Сунчалеи не очень верил в успех дела, говоря, что «человек-де он самовластной и гордой, а от Терского города удален и некоторые-де боязни себе не имеет, земля-де его в крепких местах»¹. И тем не менее в результате проведенных с ним переговоров, как об этом сказано в отписке терских воевод князя В. Щербатова и С. Татищева в Посольский приказ в феврале 1627 г., уцмий кайтагский пожелал принять русское подданство и отдать аманатов в Терский город².

В 1634 г. при активном содействии кабардинского князя Шолоха Сунчалеевича Черкасского велись переговоры между терскими воеводами и эндерейским феодалом Султан Магмутом и кумыкским шамхалом Ильдаром³.

В связи с этими переговорами в отписке терского воеводы князя М. П. Пронского и других в Посольский приказ сообщалось о том, какую важную роль в этом деле играл князь Шолох Сунчалеевич Черкасский. Положение осложнялось тем, что в то время многие горские владельцы часто меняли свою внешнеполитическую ориентацию, а иногда присягали на верность двум державам. У шамхала, писал И. Попко, была печать наподобие «двухсоставного кубка, воспетого в «Илиаде» Гомера: из одной половины возлили богам, а из другой пили за собственное здоровье; так и шамхаловой печати – на одной стороне была надпись, обозначающая персидское подданство, а на другой – московское, и он прикладывал ее к своим бумагам той или другой стороной, смотря по тому, куда писал – в Шемаху или Астрахань»⁴.

Из этих двух дагестанских владельцев намного сложнее было вести переговоры с Эндирейским Салтан-Магмутом, который, как сообщал кумыкский шамхал Илдар, «радеет и добра хочет турскому царю и крымскому и с ними обо всяких делах ссылку держит»⁵. И далее он предупреждает: «И только-де твоего, государева, повеленья на то не будет, что ево не смирить, и впредь-де от него некоторые правды и постоянства не будет». И настоятельно советовал: «И о том, быде для договору прислать к нему, к Илдар-шавкалу, князя Шолоха Сунчалеевича Черкасского»⁶. Через несколько дней с теми же предложениями в Терки прибыл уздень Илдар – шавкала Гуней. «И мы, – сказано далее в отписке, – холопи твои, князю Шолоху Сунчалеевичу говорили, что он для твоего государева дела к шавкалу на договор ехал. И князь Шолох Черкасской сказал нам, холопом твоим, что он для твоего государева дела на договор к шавкалу ехать готов и поедет вскоре...» «Да Илдаров же уздень Гуней говорил нам, холопом твоим, что Илдар Шевкал хочет сее весны послать сына своего к тебе, государю, бить челом о своих делах»⁷.

В 1638 г. терские воеводы И. О. Хилков и другие доносили в Посольский приказ, что с действенной помощью кабардинского князя Муцала Сунчалеевича Черкасского «учинили шерть» Сурхай-мурза Тарковский, Казаналп-мурза Эндирейский, Чупан-мурза Казикумухский, Салтан-бек Карабудагский и др.⁸ Об этом в донесении И. О. Хилкова говорилось: «И декабря, государь, во 12-й день сын

¹ РДО. С. 64–65

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 117–119.

⁴ Попко И. Указ. соч. С. 71.

⁵ РДО. С. 118.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 119.

⁸ Там же. С. 146–149.

боярской Василий Надобной да толмач Архип Микифоров прислали к нам двух человек терских стрельцов да Тарковского Сурхая – мурзы узденя и приказал к нам, холопом твоим, Сурхай-мурза Тарковский, что он к твоему государеву жалованью в Терский город ехать готов. А для, государь, утверждения выехать бы к нему на Оксай-реку Муцалу-мурзе Сунчалеевичу Черкасскому. И мы, холопи твои, Муцала-мурзу Сунчалеевича Черкасского в съезжую избу призывали и говорили ему, чтобы он тебе, государю, послужил, ехал к Сурхаю-мурзе на Оксай и ево б уговаривал и твоим государевым жалованием обнадеживал, чтоб он, Сурхай, к твоему государеву жалованью в Терской город ехал и правду свою тебе, великому государю, перед нами дал, шерть учинил, и по твоему государеву указу Муцал-мурза Сунчалеевич Черкасский к Сурхаю-мурзе Тарковскому на Оксай ездил. А с Муцалом, государь, мурзою посылали мы, холопи твои, голову стрелецкого Ортемья Шишмарева с стрельцы. И декабря, государь, в 15-й день Сурхай-мурза Тарковский в Терский город 7 человек мурз – Казаналп-мурза Салтан Матмутов, да Чепан-мурза Казикумухской, да Зюрум-мурза Албиреев, да Салтанбек-мурза Карабудацкой, да Ших-мурза Казаналпов, да Охлов-мурза Карабудацкой, да Казанбил-мурза Костров. И мы, холопи твои, велели ево, Сурхая, и мурз, которые с ним приехали, поставить в остроге на добрых дворах... И как, государь, Сурхай-мурза и Казаналп-мурза с товарищи тебе, государю, правду свою дали перед нами шерть учнили... И дав ему, Сурхаю, и мурзам, и их узденям твое государево жалованье, с Терека отпустили»¹.

Особым влиянием удагестанских владельцев пользовался Муцал Сунчалеевич. Благодаря ему в 1645 г. на р. Аксай принесли присягу на верность новому русскому царю Алексею Михайловичу Тарковский шамхал Сурхай, кумыцкий правитель Кафыр и около 150 дагестанских узденей². О том, какую роль в этом сыграл Муцал Сунчалеевич, мы узнаем из Отписки терского воеводы В. А. Оболенского в Посольский приказ от 20 декабря 1645 г.

Как сказано в Отписке, в связи с приведением к присяге царю Алексею Михайловичу к Сурхай-мурзе Тарковскому отправили посланцев для приглашения его в Терский город на шертованье. Но Сурхай-мурза, будучи связанным с персидским шахом Аббасом, фактически уклонился от посещения Терки. Тогда обратились за помощью к Муцалу Сунчалеевичу, чтобы он «государю послужил» – «послал к нему, Сурхай-шевкалу, от себя узденей своих и к нему писал же и наговаривать ево о том велел же»³. И Муцал Сунчалеевич согласился и послал с письмом узденей своих, им Сурхай сказал, что приедет на Оксай-реку, но с условием, «чтоб-де, государь, к нему, Сурхаю, для договору выехать с Терки князю Муцалу Сунчалеевичу Черкасскому». «И мы, – сказано далее в документе, – холопи твои, говорили князю Муцалу Сунчалеевичу Черкасскому, чтоб он тебе, государю, послужил, ехал с Терка к Сурхаю-шевкалу на Оксай-реку и твоим государевым делом порадел, чтобы ево, Сурхай-шевкала, к шертованью призвать под Терской город и привести к шерти. И князь Муцал Сунчалеевич Черкасской нам, холопом твоим, сказал, что по-твоему государеву указу к шевкалу на договор на урочное место ехать он готов и призывати ево, Сурхай-шевкала, к шертованью под Терской город учнет»⁴. И Муцал Сунчалеевич поехал в условное место «и привел Сурхай-шевкала и мурз и их узденей за все их владенье на Коране к

¹ РДО. С. 147, 149.

² Там же. С. 147; КРО. Т. 1. С. 261–270.

³ КРО. Т. 1. С. 266.

⁴ Там же. С. 267.

шерти перед ним, князь Муцалом...»¹. При этом в Отписке сказано: «И по нашему, холопей твоих, и по князь Муцалову Сунчалеевича Черкасского наговору Сурхай-шевкал и мурзы и их уздени все тебе, государю, шертовали без твоего государева жалованья и в том твоей государеве денежной и платяной, и суконной казне ничего расходов не учинилось»².

Очень часто инициатива исходила от самих дагестанских владетелей, требовавших, чтобы к ним для участия в переговорах присылали кого-нибудь из влиятельных кабардинских князей, проходивших службу в Терском городе, а иногда прямо называли их. Например, дагестанский владелец мурза Ахмат-хан Магдеев в 1648 г. считал, что исход переговоров будет зависеть от участия в них кабардинского князя Канбулата Пшимаховича Черкасского³. В своем письме к терскому воеводе В. А. Оболенскому и его товарищам он писал и словесно передавал, что «как-де Канбулат-мурза к ним приедет, и они-де перед ним тебе, великому государю, на Куране шерть учинят на том, что им быть у тебя, великого государя, со всем своим владеньем в вечном неотступном холопстве, и аманата на Терек пришлют с ним, Канбулатом»⁴. И приглашенный в связи с этим в съезжую избу Канбулат-мурза Черкасский взялся ехать к Ахмат-хану Магдееву, чтобы привести от него аманата в Терский город.

В результате переговоров с участием Канбулата Черкасского Магдеев согласился дать аманата.

В письме кумыкского шамхала Сурхая астраханскому воеводе князю Г. Черкасскому говорилось: «При предках наших повелось вами, Русь познали, а мать твоя, княгиня, мне мать названная, головы наши и дома были заодно. И по вашему слову оманатов в Русь давали»⁵. К ведению переговоров с дагестанцами привлекались и другие кабардинские владельцы. Так, в Отписке астраханского воеводы кн. И. П. Пронского в Посольский приказ в 1653 г. (не ранее 24 марта) сказано об участии узденей кабардинского владетеля Танжехана Арасланова в переговорах с дагестанским шамхалом Сурхаем и эндерейским мурзой Казаналпом⁶. В другом документе, датированном 21 июня 1653 г., сказано о том, что кабардинский князь Канбулат Пшимахович Черкасский с товарищами привели к присяге этих дагестанских владельцев – шамхала Сурхая и эндерейского мурзу Казаналпа⁷.

Особенно сложными и трудными были переговоры Терских воевод с джентугайским владельцем Ахматханом Махтеевым, который отказывался вести их, выдвигая свои условия. Он писал, что «он-де русским людям не верит, а будет-де приедет к нему Канбулат-мурза Черкасский да Казаналп-мурза и с ним договорятся, и он даст аманата им на руки»⁸. В 1659 г. эти переговоры были успешно завершены, в результате поездки Канбулата к Ахматхан-мурзе Махтееву. Они «договорились на том, – сказано в Отписке терских воевод в Посольский приказ, – что ему, Ахматхану, быти у тебя, великого государя, со всем своим владеньем в вечно неотступном холопстве, а для подлинного договору и шерти будет он, Ахматхан, под твой государев Терской город, к Копанскому городку, и в аманаты привезет сына

¹ КРО. Т. 1. С. 268.

² Там же.

³ Крикунова Е. О. и Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардою и другими народами Кавказа в XVII веке. С. 91–94.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ РДО. С. 180.

⁶ Крикунова Е. О. и Павлова И. М. Указ. соч. С. 97–100.

⁷ Там же. С. 100–103.

⁸ РДО. С. 197.

своего от прямые жены...»¹ Вскоре Касбулата мурзы Черкасского уздень Сох доложил терским воеводам, что «Ахматхан-мурза Махтеев приехал к Копанскому городку, и приказал-де он, Ахматхан, с ними, Сохом к нам, холопом твоим, чтоб к нему на Копань для подлинного договору и шерти отпустить мне, холопу твоему, Мелешке, товарища своего Григорья Волкова да Канбулата-мурзу Черкасского». И названные лица выехали в город Копань, где встретились с Ахматханом. «И договорясь я, – сказано далее в Отписке, – холоп твой Гришка, и Канбулат мурза Черкасский с Ахматханом-мурзою, что ему, Ахматхану, с своим владеньем быти у тебя, великого государя, в вечном холопстве под твоею царского величества, высокою рукою навеки неотступну, и впредь в аманаты в Терской город давать детей своих, привели ево, Ахматхана, по записи на Куране к шерти и взяли у него в аманаты сына ево прямова, Заузана-мурзу...»²

Таким образом, кабардинские владельцы, находившиеся в России и несшие службу в Терском городе, сыграли важную роль в установлении тесных взаимоотношений между Дагестаном и Россией.

В рассматриваемый период Северный Кавказ продолжал находиться в орбите международных интересов Турции, Ирана и России. Русское правительство не собиралось уступить никому этот важный в стратегическом отношении регион, который обеспечивал безопасность южных границ страны, а также служил надежным плацдармом для связи с народами Закавказья. А укрепление своих позиций в Дагестане открывало возможность для России контролировать всю европейскую торговлю с Востоком. Не случайно Петр I еще в 1700 г. дает указание астраханскому губернатору Мусину-Пушкину «завести дружественные и торговые сношения с дагестанскими горцами»³. Для усиления русского влияния на Северном Кавказе в 1711 г. в Кабарду и Дагестан был направлен кабардинский князь Александр Бекович-Черкасский, находившийся на русской службе. Последний обратился к горским владельцам с призывом объединиться в борьбе против турецкого султана и крымского хана, принять участие в войне с Турцией на стороне России. Он в своем письме, напомнив владельцам об их многочисленных жалобах на турок и крымцев, а также об обещании царя защитить их от этих недругов, порекомендовал: «...вам надлежит, видя к себе таковую его царского величества милость, в начале показать к нему, великому государю, свою службу и, собрав войска свои, итти на Крым или на Кубань и на иные татарские места и чинить над ними поиск»⁴. О том, что А. Бекович-Черкасский убедил горских владельцев, что его поездка на родину была плодотворной, свидетельствует тот факт, что летом 1711 г. кабардинцы вместе с русскими войсками предприняли поход на Кубань против крымских татар, атаковав их с востока, в то время как русские громили их с севера⁵.

В 1712 г. вместе с А. Бековичем-Черкасским в Москву прибыло кабардинское посольство. Русское правительство за активную военную помощь, придавая важное значение укреплению русско-кабардинских отношений, вручило посольству грамоту Петра I кабардинским князьям с благодарностью за храбрые действия на Кубани и обещанием жалованья. В ней, в частности, говорилось: «Присланные ваши к нам листы чрез сродника вашего, князя Александра Бековича-Черкасского

¹ РДО. С. 198.

² Там же. С. 199.

³ Исторические сведения о местах, на которых основан город Петровск // Кавказ. 1869. 14 декабря. № 147.

⁴ КРО. Т. 2. С. 4–5.

⁵ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 162–163.

мы получили, из которых, тако ж и из словесного доношения его о ваших к нам верных службах и радетельстве против неприятеля нашего и о храбрых действиях ваших на Кубани известны; за то мы, великий государь, вам зело благодарны и в милости нашей вас никогда не оставим»¹. Учитывая, что от позиции, которую займут кабардинцы, через чью территорию проходили важные стратегические пути из Прикубанья и Прикаспия, а также из Предкавказья в Закавказье, во многом будет зависеть решение восточного вопроса, русское правительство активно поддерживало Кабарду, ее ведущее положение и регионе.

В этой ситуации Турция и Крымское ханство разворачивают подрывную деятельность на Северном Кавказе, стремясь ослабить влияние Кабарды среди горцев, разобщить народы Дагестана и Кабарды, противопоставить их друг другу. Так, осенью 1712 г. кабардинские послы в Посольском приказе словесно доносили князю А. Бековичу-Черкасскому о попытках крымского хана склонить дагестанских владельцев Салтан Мамута, Адиль-Гирея «и других тамошних» кумыкских феодалов к совместному нападению на Кабарду для приведения кабардинцев в подданство крымскому хану².

В мае 1714 г. Петр I предложил Правительствующему сенату учинить совет, «каким образом их (горских народов. – Р. Г.) к нашей стороне склонить». На рассмотрение Сената было вынесено донесение князя Бековича-Черкасского Петру I, в котором содержалась характеристика политической обстановки, сложившейся на Северном Кавказе, и в частности в Кабарде и Дагестане, в результате турецких происков в регионе³. В донесении обращалось внимание Петра I на агрессивные захватнические планы турецкого султана по отношению к Кабарде и Дагестану, говоря, что «османы пытаются в край тот волю свою привести». Поэтому он советовал Петру I не дозволить Порте покорить Северный Кавказ, а также обращал внимание на то, что «утверждение Порты в Прикаспии представляло бы серьезную угрозу южным границам России».

В условиях все большего нарастания происков агрессивных государств на Северном Кавказе Россия активизировала свою деятельность по расширению и укреплению своих позиций в этом регионе. И результаты не замедлили сказаться. В 1717 г. к России с просьбой о принятии в подданство обратился шамхал Тарковский Адиль-Гирей. С аналогичной просьбой в 1719 г. обратился и посол шамхала Магомед-бек Алипкачев⁴. К России обращались также и аксаевские, костековские владельцы, уцмий кайтагский и др.⁵ В последних числах августа 1720 г. кабардинские князья во главе с Асланбеком Кайтукиным сообщили Петру I о совместном походе с донскими казаками против «недругов», о нападении на них крымского хана и разорении их и просили прислать на помощь донских и терских казаков, а также построить в их крае город⁶.

В противоположность Турции, Крыму, Ирану, проводившим по отношению к горским народам жестокую политику «разделяй и властвуй», Россия, укрепляя свои политические и экономические отношения с коренными жителями края, в то же время принимала все возможные меры, направленные на то, чтобы они жили в мире и согласии, старалась предотвратить всякие эксцессы. К примеру, русское правительство потребовало в эти годы от дагестанских владельцев, про-

¹ КРО. Т. 2. С. 12.

² Там же. С. 11.

³ РДО. С. 223; РДО. М.: Наука, 1988. С. 4.

⁴ История Дагестана. Т. 1. С. 339.

⁵ Там же.

⁶ КРО. Т. 2. С. 25.

воцируемых турецко-персидской агентурой, не совершать никаких нападений на Кабарду: «...дабы никакой противности и никаких нападений братьям нашим (т. е. кабардинцам) не чинили»¹.

После завершения Северной войны со Швецией и подписания Ништадского мира в 1721 г. Россия вплотную занялась Каспийским побережьем. «Перенесением своей столицы, – писал К. Маркс, – Петр возвестил, что он, наоборот, намерен действовать и на Востоке и в непосредственно соседних с ним странах путем активности на Западе»².

27 июля 1722 г. русские войска под командованием Петра I высадились в Аграханском заливе. 23 августа 1722 г. войска, радушно встреченные населением, вступили в Дербент и двинулись дальше вдоль Каспийского побережья на юг. Вскоре русские войска заняли все западное побережье и юг Каспия. Кабардинцы с самого начала поддерживали Каспийский поход Петра I. Кабардинские князья Эльмурза Черкасский (младший брат Александра Бековича-Черкасского) и Асланбек Келеметов со своими вооруженными отрядами присоединились к русским войскам, высадившимся в Дагестане, и участвовали вместе с ними в Прикаспийском походе Петра I³. В результате военных действий русскими войсками было занято все западное побережье Каспийского моря. По указанию Петра I на р. Сулак была заложена крепость Святой Крест, куда были переведены военный гарнизон и жители г. Терки.

В «Истории Петра» Пушкина сказано: «20 сентября (1722) прибыл Петр с армией к Сулаку. Там заложил он новый город... назван крепостью Св. Креста... Петр повелел в крепость Св. Креста перевести гарнизон и жителей терских и поселенных близ него черкес Нижней Кабарды (Ахочинская слобода, 300 семей, – старшина Эль-мурза, брат Бековича)»⁴.

В Каспийском походе принимали участие также кабардинские князья Касай Атажукин и Асланбек Кайтукин – двоюродный брат Александра Бековича-Черкасского. Последний, воспользовавшись удобным случаем, встретился с Петром I. В переговорах, которые велись в лагере на р. Сулак, участвовал и советник князя Кайтукина Джабаги Казанок.

В «Описании кабардинского народа», относящемся к 1748 г., по этому поводу сказано: «...кашкатавский владелец Раслан-бек Кайтукин в 1722 году в Дербентском походе приезжал сам и просил его императорское величество об обороне от баксанцев, и хотя то ему было и обещано, но за тогдашним состоянием персидских дел действительно оно не учинено»⁵.

Возле крепости Святой Крест возникло поселение, где проживали кабардинцы, кумыки и представители других горских народов, которое сыграло определенную роль в расширении и укреплении кабардино-дагестанских отношений. Во главе этого поселения был поставлен кабардинский князь полковник Эльмурза Черкасский⁶. В 1722 г. во время Персидского похода власть России признала Дербентское и Кубинское ханства. Спустя три года русское подданство приняли уцмий Кайтагский и Акушинские вольные общества⁷.

¹ См.: Мамбетов Г. Х. К истории взаимоотношений кабардинцев с народами Дагестана в XVI–XVIII вв. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 25. С. 50.

² Цит по кн.: Мавродин В. В. Петр I. Л., 1948. С. 261.

³ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 165.

⁴ Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1981. Т. 8. С. 304.

⁵ КРО. Т. 2. С. 154.

⁶ Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 50–51.

⁷ Гаджиев В. Г. Роль русского народа в исторических судьбах Дагестана. Махачкала, 1964. С. 10.

12 сентября 1723 г. в Петербурге между Россией и Ираном был заключен договор, согласно которому шах «добровольно уступил» России прикаспийские провинции. Как и предвидел Петр I, результаты Персидского похода привели к обострению русско-турецких отношений. Турция, зорко следившая за действиями России на Кавказе, сразу выступила против шагов, предпринятых Россией в Прикаспии. Через своих послов в Петербурге она потребовала от русского правительства прекращения военных действий в Дагестане и вывода своих войск, а также отказа от покровительства и помощи кабардинским владельцам. Обострить отношения Турции с Россией всячески старались Англия и Франция, активно поощряя экспансионистские устремления Оттоманской Порты¹. И заодно турецко-крымская агентура развернула антирусскую агитацию среди горцев и их владетелей с целью подтолкнуть их к выступлению против России, обещая им всяческое вознаграждение и активную военную помощь. Но все усилия Турции и Крыма оказались тщетными, ибо горцы приветствовали успех России в Прикаспии, чему в меру своих сил они способствовали. Угроза новой русско-турецкой войны была снята. В июне 1724 г. удалось заключить в Константинополе русско-турецкий договор. В соответствии с условиями этого договора в 1727 г. были разграничены владения России и Турции на Кавказе.

Обострение внутривосточной обстановки и осложнение международного положения России в конце 20 – начале 30-х гг. XVIII в. в известной мере сказались на ее восточной политике, в которой и так уже не чувствовалось петровской решительности и активности. После тринадцатилетнего владения она уступила все территории в Прикаспье Ирану, где политический кризис завершился приходом к власти нового правителя Надирхана, сумевшего организовать иранские вооруженные силы и одержать победу над турецкими войсками и перейти к завоевательным войнам. Такое решение, принятое 10 марта 1735 г., в Гандже (Ганджинский трактат), было встречено с неодобрением среди народов Кавказа. Однако, несмотря на договоры и соглашения с Ираном и Турцией, русское правительство продолжало по-прежнему оказывать всемерную дипломатическую и военную помощь кавказским народам в их борьбе с внешними врагами. Так, командующий в эти годы русскими войсками, дислоцированными между Курой и Тереком, В. Я. Левашов имел указание не пропускать крымские войска через Кабарду и Дагестан в Иран, оказав им противодействия вплоть до применения оружия².

Разгром в дагестанских горах в 40-х гг. XVIII в. 150-тысячной армии кровавого Надиршаха вызвал еще большее тяготение населения Дагестана к Российскому государству, что вызывало гнев и возмущение у противников России и Кавказа. Приехавшему к нему шавкалу Элдару (май 1746 г.) персидским шахом «дан был указ, чтоб ему противников его, шаха персидского, с данным ему 30-тыс. войском разорять всех дагестанских владельцев, а особливо, чтоб бывшего шавкала Казбулата поймать и живова к нему, шаху, прислать, а егда живова взять нельзя будет, то б убить и голову прислать»³. При повторной встрече шах ему же угрожающе объявил: «Я было-де зарекался: в Дагестан ходить, а ныне-де при наступлении нового месяца, которой наступит сего мая, неотменно буду в Дагистанию и всех-де дагистанских жителей вконец разорю и дома их сожгу»⁴. Но, несмотря на эти угрозы персидского шаха разорить и истребить непокор-

¹ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 67.

² КРО. Т. 2. С. 78–79.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. документов. М.: Наука, 1988. С. 80.

⁴ Там же.

ных, на антирусскую пропаганду турецкой и крымской агентуры, дагестанцы, как и другие горцы, руководствовались собственными интересами, твердо и неуклонно придерживались прорусской ориентации, находившей яркое и убедительное воплощение в целой серии постоянно нарастающих действий. Под влиянием этой все крепнущей тяги масс, а также внешнеполитических обстоятельств большинство владельцев Дагестана стало еще активнее добиваться покровительства России. В 1750–1760 гг. поочередно обратились к русскому правительству шамхал Тарковский, владетель Аварии Магомед-Мусохан, Мамат-хан-Сурхай, владетель Казикумухской, а в 1757 г. с просьбой о принятии в подданство и Андийское общество¹. Эти просьбы не оставались безответными. Русское правительство активно поддерживало владельцев российской ориентации. Так, в 70-х гг. XVIII в. благодаря этому Кубинский Фатали-хан сумел одержать верх над объединенными силами некоторых иной ориентации феодалов Дагестана, расширил границы своих владений, возвысился, намного усилив свое влияние на Восточном Кавказе². В это же время Россия продолжала предпринимать решительные шаги, направленные на укрепление своих позиций на Кавказе, создавать здесь новые опорные пункты и базы, планировалось возродить на р. Сулак крепость Святого Креста³. Успешное для России завершение русско-турецкой войны 1768–1774 гг. сильно подорвало престиж и авторитет султана в глазах кавказских мусульман, еще больше ослабило незначительное и так его влияние на горцев, в то же время оно выигрышно повлияло на русско-кавказские взаимоотношения. Заключение выгодного для России Кючук-Кайнарджийского договора нанесло сильный удар по Турции, подорвало престиж султана, еще теснее сблизило северокавказских горцев с русским народом. В исследовании, специально посвященном роли России в истории Дагестана, В. Г. Гаджиев пришел к выводу: «Присоединение Кабарды и продвижение России на Кавказ способствовали дальнейшему развитию и укреплению экономических и политических связей Дагестана с Россией». С этого времени влияние России здесь «росло с каждым годом»⁴. В одном из официальных документов, составленных вскоре после окончания русско-турецкой войны и заключения мира, сообщалось: «Владельцы Малой Кабарды и кумыкского народа этим известием (о Кючук-Кайнарджийском договоре. – Р. Г.) были обрадованы»⁵. Известный русский генерал Горич, кабардинец по происхождению, исходя из личных наблюдений и на основе многочисленных сообщений, которые поступали из нагорного Дагестана, в своем донесении от 3 февраля 1788 г. кн. Потемкину писал: «Хотя здесь со стороны турков распространяемые разные слухи, как-то об отправке турецких войск на Кавказ и в Дагестан, рассеиваются, но горцы сами видят, что то несбыточно... я нахожу во всех горских народах доброе к нам расположение и, если угодно будет вашей светлости, могу собрать войско из них»⁶.

С усилением позиций России на Северном Кавказе ослабевала или даже сводилась на нет зависимость некоторых горских народов от кабардинских и дагестанских феодалов, которые соперничали между собой, а иногда и выступали

¹ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 10.

² История Дагестана. Т. 1. С. 375–380.

³ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII–начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 352.

⁴ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 140.

⁵ АКАК. Т. 1. С. 89.

⁶ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 155–156.

вместе ¹. В истории взаимоотношений между Кабардой и Дагестаном имели место и феодальные распри, но в целом они развивались в мирном, добрососедском направлении.

Известные владельческие фамилии Дагестана и Кабарды были тесно связаны между собой. Прежде всего, эти связи закреплялись заключением династических браков, что было характерным явлением для эпохи Средневековья. В предании об основании Эндреевского владения говорится, что шамхал Чопан (Чопал) был женат на кабардинке из рода Анзоровых ². Их же сын Султан-Мут, который считается родоначальником кумыкских князей, был женат на сестре влиятельного кабардинского князя Мудара Алкасова ³. Известная кабардинская княжеская фамилия Атажукиных состояла в родстве с аксаевскими князьями Каплановыми ⁴. Мать князя Касая Атажукина, княжна по имени Ханым, была родной сестрой аксайского владельца князя Албека ⁵. По преданиям кабардинцев и кумыков, народные герои Кабарды Каншоубий и Дохшуко Бгуншоковы были женаты на кумыкских княжнах ⁶. По кумыкскому бекскому праву беки могли вступать в брак только с женщинами равных сословий, каковыми считались шамхалы тарковские и кабардинские князья ⁷.

В «Песне о Заруше» – замечательном памятнике кумыкской эпической поэзии – наиболее ярко отражены теснейшие исторические взаимосвязи Кабарды и Дагестана. Исследователь-фольклорист А. М. Аджиев доказывает, что прототипом матери Заруша и его брата была кабардинка, чей героический облик доведен до апогея. Эта необычайно твердая и мужественная женщина считала более легким испытанием смерть обоих сыновей, чем трусливый побег и спасение одного из них. Она родом из Кабарды и говорила о ней, как о своей, но жила в Кумыкии, где происходят события, описанные в песне, и не порывала связей с родиной ⁸.

Былые тесные взаимоотношения Кабарды и Дагестана нашли отражение и в фольклоре, они связаны с именем видного кумыкского исторического деятеля XVII в. Султан-Мута, младшего сына шамхала Чопана от второй жены, кабардинки из княжеского рода Анзоровых. «Видимо, – пишет далее автор, – сам Султан-Мут хотел еще более упрочить связи с Кабардой: он сам был женат на сестре князя Мудара Алкасова. Родственные связи ведут нас и в Чегем, о котором упоминается в песне о Заруше, – балкарский князь Чегемского ущелья Ахтуган Балкаруков был женат на дочери тарковского шамхала и только после этого, по преданию, балкарцы приняли ислам».

После смерти шамхала его сыновья от первой жены отказались признать Султан-Мута равным себе и лишили его доли наследства. Султан-Мут с помощью своих родственников по матери из Кабарды силой восстановил свои права на наследство. Это событие и нашло отражение в преданиях кумыков, а также в исторической песне о Султан-Муте.

¹ Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 51.

² Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 153.

³ КРО. Т. 1. С. 385.

⁴ Гашимов Ч. М. Дагестано-кабардинские политические связи в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. 4. С. 70.

⁵ ЦГА Даг. Респ., ф. 339, оп. 1, ед. хр. 62, л. 67.

⁶ Гашимов Ч. М. Указ. соч. С. 70.

⁷ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 171.

⁸ Аджиев А. М. О кумыко-кабардинских взаимосвязях, отраженных в эпосе кумыков // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 110–112.

«Песня о Султан-Муте, – пишет А. М. Аджиев, – в некотором роде даже полемична с эпосом: если основной пафос эпоса в борьбе с иноземцами, то в исследуемой песне воспет человек, приведший в Кумыкию кабардинцев. Этот факт говорит о возросшем сознании народа, который в местном феодале-угнетателе (шамхале) видит уже более опасного врага, чем в соседнем народе, имеющем так много общего с кумыками»¹.

Примечательным образцом кумыкских песен, в которых отразились и кумыкско-кабардинские взаимоотношения, А. М. Аджиев считает и песню о Казанбие. Автор приводит убедительные доводы, доказывая, что прототипом Казанбия был выдающийся общественный деятель Кабарды Джабаги Казаноко, чье имя было широко популярно не только среди адыго-кабардино-черкесов, но и среди балкаро-карачаевцев, осетин и притеречных кумыков, которым его деятельность импонировала².

Кроме того, в установлении близких взаимоотношений между отдельными представителями соседних народов известную роль играл обычай аталычества, имевший широкое распространение в XVIII в. (тюрк.: *аталык* – отцовство, от *ата* – отец, букв. подобный отцу, заменяющий отца), – обычай, по которому родители отдавали своего ребенка вскоре после его рождения на воспитание в другую семью. Воспитание детей феодалов в семье аталыка было в основном военно-прикладным. Главной обязанностью аталыка считалась профессиональная подготовка своего «названного сына» как хорошего воина, безукоризненно владеющего оружием и искусством верховой езды. Институт аталычества являлся, таким образом, «своеобразной школой, основной идеологической направленностью которой была подготовка будущего воина к условиям постоянных военных столкновений»³, к безропотному, чисто спартанскому перенесению всяких трудностей и лишений, связанных с ними. Воспитатель (аталык) возвращал воспитанника (къана) в родительский дом по достижении определенного возраста, т. е. совершеннолетия. Устраивался пышный пир, воспитатель получал почетное вознаграждение, и между семьями устанавливались особые близкие отношения, подобные кровнородственным. Аталычество – это древний обычай, возможно, зародившийся на Кавказе еще во времена родового строя, перехода от матриархата к патриархату, зарождения института наездничества. Видоизменяясь в условиях феодализма, оно приобрело ярко выраженный классовый характер, превратилось в социальный институт феодального общества, приняло форму установления тесных связей между князьями и дворянскими семьями, а также между эксплуататорскими верхами соседних народов⁴.

Кабардинцы издавна находились в аталыческих связях почти со всеми северокавказцами. Многие феодалы соседних горских народов являлись аталыками кабардинских князей, а само аталычество уже непосредственно было связано с вассальными отношениями. Даже в начале XX в. балкарский историк и просветитель Мисост Абаев писал о балкарском аталычестве, что оно, «так практиковавшееся в среде балкарцев, не успело еще и теперь выйти из моды окончательно», и приводил факты аталыческих связей балкарских таубиев с ка-

¹ Аджиев А. М. О кумыкско-кабардинских взаимосвязях, отраженных в эпосе кумыков // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 114.

² Там же. С. 115–117.

³ Панеш Э. Х. Холодное оружие адыгов // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л.: Наука, 1989. С. 62.

⁴ См.: БСЭ. Т. 3. С. 346.

бардинскими и осетинскими владельцами. «И сейчас, – пишет М. Абаев, – еще есть живые балкарские таубии, кормилицами (аталыками. – Р. Г.) которых были кабардинцы и осетины»¹. Не случайно в процессе воспитания аталык старался, чтобы его воспитанник усвоил обычаи своего и соседних народов. Кстати, у ряда исследователей имеются свидетельства бытования обычая аталычества в мамлюкской среде, привнесенного в Египет черкесскими выходцами с Кавказа, сохранявшими на берегах Нила много общих черт с культурой, традициями средневекового адыгского общества. И вот по этому обычаю, способствовавшему развитию и укреплению межэтнических связей, сближению между собою разноплеменных горских семейств, кабардинские и кумыкские князья нередко отдавали друг другу своих детей на воспитание, в результате чего их семьи связывались между собой как бы родственными узами. Многовековая жизнь по соседству, общение, разумеется, не могли не привести к установлению родственных связей, к скреплению отношений брачными узами не только между феодалами, но и между зависимым от них населением. Так, многие крепостные крестьянки малокабардинских князей Мударовых были замужем за кумыкскими крестьянами².

Как видим, особенно тесными были экономические, политические и культурные связи Кабарды и Балкарии с Кумыкией. Это и понятно, ибо балкарцы и кумыки имели определенное генетическое и историко-культурное родство, а кабардинцы и кумыки в течение нескольких столетий (XIV–XVIII вв.) имели общие границы, жили чересполосно и нередко, как уже отмечалось, в одних и тех же населенных пунктах, что нашло, естественно, свое отражение в эпосах и других фольклорных жанрах этих народов. Кумыкский фольклорист А. М. Аджиев в заключение своей статьи «О кумыкско-кабардинских взаимосвязях, отраженных в эпосе кумыков» пишет: «Мы остановились еще на нескольких памятниках кумыкского фольклора, из которых ясно, что кумыки издавна видели в кабардинцах своих друзей и добрых соседей. Примеры можно было бы продолжить. Например, как место охоты кумыкского казака в казачьих песнях часто упоминается кабардинская равнина. Нужно отметить, что сама кабардинская земля у кумыков нередко используется как поэтический образ чего-то необычно прекрасного. Так, девушка-кумычка, говоря о своей красоте, в лирической песне сравнивает себя с «кабардинской равниной». О том, какое устоявшееся представление о кабардинской земле было у кумыков, говорит и тот факт, что указанное выше сравнение стало «общим местом» целого ряда кумыкских песен. Кумыкско-кабардинские взаимосвязи нашли отражение и в ряде других фольклорных жанров (сказаниях, преданиях, сказках, устных рассказах, и т.д.), но изучение их – дело будущего»³.

Взаимоотношения народов Дагестана и Кабарды иногда омрачались междоусобной борьбой господствующей феодальной верхушки, постоянно подстрекавшей турецко-крымскими и персидскими агентами. К тому же шамхал Тарковский Адиль-Гирей пытался вытеснить кабардинских феодалов и из Терского города. Он неоднократно обращался к русскому правительству и лично к Петру I с настойчивой просьбой о предоставлении ему права на владение всеми мусульманами, живущими в Терском городе⁴. Спор разрешил Петр I, послал

¹ Абаев М. Балкария // Мусульманин. Париж, 1911. № 14–17. С. 602–603.

² Аджиев А. М. Указ. соч. С. 111.

³ Там же. С. 117.

⁴ История Дагестана. Т. 1. С. 388.

грамоту шамхалу Адиль-Гирею с отказом в его просьбе относительно предоставления ему права на владение мусульманами Терского города¹.

Кабарда занимала в то время важное место в кавказской политике России, потому вопрос о влиянии в Терском городе был решен в пользу кабардинцев, а не владельцев Северного Дагестана – шамхалов тарковских, придерживавшихся протурецкой ориентации.

Кабардинские и дагестанские феодалы часто вмешивались во внутреннюю междоусобную борьбу той или иной стороны. В XVIII в. на протяжении долгого времени в Кабарде враждовали две феодальные группировки — баксанская и кашкатауская. В эту борьбу наряду с другими соседними горскими феодалами были втянуты и представители дагестанской знати. Причем даже сами северо-дагестанские владетели разделились на два лагеря. Например, аксаевский владетель Султан-Махмуд поддерживал партию Кайтукина, а эндерейский владетель Чопан-шамхал — группировку Мисостовых². В 1745 г. кумыкские владетели Хамзин-Амиш, Салтан-Мамут Албек и другие выступили в качестве посредников между враждовавшими кабардинскими феодалами. Кабардинский князь Асланбек Кайтукин в своем обращении к русским властям указывал, что «они все наши дела знают и оне нас разберут и что они повелят, на том я и останусь»³. Русское правительство принимало все меры для урегулирования феодальных междоусобиц в Кабарде. С этой целью оно запретило кумыкским владельцам «под каким бы то ни было видом вмешиваться в кабардинские дела»⁴.

Тем не менее надо отметить, что нельзя взаимоотношения народов Кабарды, Дагестана и других горцев Северного Кавказа сводить к взаимоотношениям феодальных владетелей и рассматривать их как цепь набегов и столкновений. Да, имели место и конфликты, и набеги. С этим связаны и получившие распространение в дагестанском фольклоре так называемые песни о набеггах. Говоря об исторических и социально-экономических условиях, породивших их, нужно прежде всего учитывать, что эпоха феодализма характеризовалась возрастанием захватнических стремлений отдельных политических объединений. При этом эти экспансионистские поползновения феодальных владетелей нередко направлялись подстрекательской политикой шахского Ирана, султанской Турции и Крымского ханства, которые в течение столетий вели ожесточенную борьбу за овладение Кавказом и в своих захватнических целях сеяли рознь и вражду между отдельными владетелями⁵. Поэтому нельзя «квалифицировать те набеги, которые совершали феодалы Дагестана, как дагестанские набеги. Их совершали отдельные феодалы, вовлекая в это дело путем обмана и насилия небольшую часть подчиненных им простых горцев»⁶.

Внимательное изучение и анализ песен о набеггах показывает, что идея, вытекающая из их большинства, — это осуждение набегов. «Массы горцев — крестьян, занятых своим нелегким, но мирным трудом земледельцев и животноводов, в целом отвергали идею набегов, сопровождавшихся грабежом и разбоем»⁷. И не

¹ История Дагестана. Т. 1. С. 388–389.

² Гашимов Ч. М. Указ. соч. С. 61.

³ КРО. Т. 2. С. 124–125.

⁴ Грабовский Н. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССОКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 122.

⁵ Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. С. 56.

⁶ Абдулаев М. А. Несостоятельность буржуазной фальсификации взаимоотношений народов Кавказа // Из истории взаимоотношений народов Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1962. С. 168.

⁷ Цит по сб.: Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. С. 56.

эти набеги были главными во взаимоотношениях народов Кавказа. Основное направление во взаимоотношениях народов Дагестана, Кабарды и Балкарии развивалось в мирном русле и определялось добрососедскими отношениями. Особенно этот пафос объединительных тенденций разноязычного Кавказа проявился в период суровых для горцев испытаний, когда они вместе с русскими сообща выступали против общих врагов России и Кавказа, против турецко-персидских завоевателей, активизировавшихся в связи с обострением к исходу XVII в. восточного вопроса и осложнением политической обстановки на Кавказе.

В последней четверти XVIII столетия Турция и Иран, будучи реваншистски настроенными, делали отчаянные попытки, проявляли излишнее, неразумное усердие для того, чтобы поднять горцев-мусульман против христианской России под религиозными знаменами. С этой целью они засылали сюда своих эмиссаров, как это было летом 1790 г.¹, когда дервиш Фриз-Оглы или затем другой турецкий агент явился с фирманом султана Сулеймана к «кабардинским и дагестанским владельцам, эфендиям, хаджиям и ко всем обитающим от Черного моря до Дербента магометанским народам»². Султан извещал горских владельцев, служителей ислама, всех мусульман о том, что Порты Оттоманская предьявила ультиматум России отказаться от Крыма и Кабарды и в случае отрицательного ответа на требование намерена объявить русским войну. Накануне нашего иранского шаха Ага-Магомед-хана из династии Каджаров, пришедшего к власти в результате долгой междоусобной войны, завершившейся в 1794 г., на Закавказье весной 1795 г. турецкий султан обращался с призывом к феодальным владетелям Кабарды и Дагестана, чтобы «они вошли в сношения» с новым правителем Ирана и «чтобы они были бы готовы к войне с Россией»³. Но эти судорожные усилия турецкого султана не дали желаемых результатов. Горцы готовились к войне, но не против русских, а против турецко-иранских завоевателей, постоянно угрожавших их свободе и независимости. Когда в 1786 г. для защиты края от внешних врагов на Центральном Кавказе были созданы «военные команды», в их состав наряду с русскими войсками вошли и воинские формирования из горцев⁴. Воинские формирования из Дагестана и Кабарды особо отличились в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг.⁵ Бок о бок с русскими солдатами сражались горцы при штурме сильно укрепленной турецкой приморской крепости Анапа. В ходе этой военной кампании особо отличились кабардинские воины во главе с князем Атажуко Хамурзиным, а также дагестанские владетели Гирей-хан Чепалов, Муртазали Ахматханов, Устар-хан Хамзин, Али Алхасов, Хамза Алишев и др.⁶ Они были отмечены чинами и наградами Русского государства.

В это время усиление феодальной эксплуатации горского крестьянства вызвало обострение социальных противоречий на Северном Кавказе. В отличие от предшествующего периода антифеодальное движение характеризовалось разнообразием форм, а также большим размахом и упорством трудящихся масс в достижении поставленной цели. В этих выступлениях крестьяне различных этнических принадлежностей проявляли солидарность, поддерживали друг друга, совместно выступали против своих угнетателей – горских феодалов, нередко поддерживаемых русскими военными властями. В рассматриваемый период

¹ Грабовский И. Указ. соч. С. 171.

² Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 266.

³ Там же. С. 297.

⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 206–207; Т. 3. С. 198.

⁵ История Дагестана. Т. 1. С. 399.

⁶ КРО. Т. 2. С. 375–378; Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 159.

одним из самых распространенных видов социального протеста на Северном Кавказе являлись крестьянские побеги в русские населенные пункты, в частности в города-крепости Кизляр и Моздок. Как свидетельствуют архивные документальные материалы, специальные научные монографические исследования и статьи, посвященные этому вопросу, побеги совершались горскими крестьянами в основном из Кабарды и Кумыкии¹. Побеги горских крестьян приняли особенно массовый характер в конце 40 – начале 50-х гг. XVIII в.² Царская военная администрация на Кавказе (в зависимости от внутривосточной ситуации в стране и регионе) то заигрывала с «черным народом», то оказывала поддержку местным феодалам в угнетении трудовых масс, в подавлении их выступлений в период обострения социальных противоречий³.

Выступление крестьянства горских народов Терек в 70–80-х гг. XVIII в. характеризовалось совместными действиями против своих угнетателей⁴. Часто горские крестьяне, совершая побеги, укрываясь от своих преследователей феодалов, находили убежище в населенных пунктах соседних народов, например, дагестанцы – в Кабарде и Балкарии, а кабардинцы и балкарцы – в Дагестане, как об этом свидетельствует текст рапорта кизлярского коменданта А. Куроедова от 14 июля 1781 г. на имя астраханского губернатора генерал-майора Ф. Н. Фабрициана, где сказано о нахождении в Аксайской деревне бежавшего из Кабарды, от своего владельца Анфоки Таусултанова, крестьянина Батырбека Казчиева⁵. Сближению горских крестьян различных национальностей, их совместному выступлению способствовало возникновение смешанных поселений, в которых проживали дагестанцы, кабардинцы, балкарцы, чеченцы и другие горцы Северного Кавказа. Так, еще в 1651 г. на р. Сунже между городками гребенских казаков и поселениями барагунского владения возникла крепость, возле которой вскоре «образовалось предместье из кабардинских, чеченских и кумыкских выходцев»⁶. Совместные поселения продолжали появляться и в дальнейшем.

В Записке о кабардинцах, составленной в 1775 г. из материалов Коллегии иностранных дел с краткими сведениями о расселении кабардинцев, их занятиях и некоторых фактах из их истории, говорилось: «В числе многих иноплеменных народов, с давнего времени зашедших для жительства в Дагестан, поселились и черкесы, известные в России под названием кабардинцев, живущие в северной стороне тех гор от Черного моря до Кубани и верхней части реки Терека»⁷.

Как сказано выше, поселение со смешанным населением возникло в окрестности крепости Святой Крест. Говоря об этом факте, историк XVIII в. И. И. Голиков в своем многотомном труде о Петре I пишет следующее: «По возвращении же к начавшейся крепости Св. Креста [царь] определил перевести в оную как гарнизон и жителей терских, так и поселившихся у оного из населения Кабарды черкас»⁸. И далее автор приводит более подробные сведения о переселившихся

¹ См.: КРО. Т. 2. Док. № 218, 224, 245, 247, 249 и др.; *Скитский Б. В.* Холопский вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779). Владикавказ, 1930.

² *Беров Х. Ж.* Побеги горских крестьян в русские поселения на Северном Кавказе в 50-е годы XVIII в. // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России XVII–XVIII вв. М., 1983. С. 44–63.

³ См.: *История Кабардино-Балкарской АССР...* Т. 1. С. 150–159.

⁴ *Бутков П. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 57; *Потто В. А.* Два века терского казачества. Ч. 7. С. 105–127.

⁵ *Феодаева Ф. З.* Из истории классовой борьбы в Северном Дагестане во 2-й половине XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1976. Вып. 6. С. 159–160.

⁶ *Попко И.* Терские казаки с древнейших времен. СПб., 1880. Вып. 1. С. 65.

⁷ КРО. Т. 2. С. 318.

⁸ *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого. М., 1789 Т. 8. С. 268.

ся сюда черкесах, о их количественном составе и месте поселения: «Сих черкес или черкас переведено до 300 семей, которые поселены в полуверсте от крепости Св. Креста, и селение их названо Ахочинская слобода; над ними поставлен из их же народу начальник «именем Эльмырза, который состоял под ведением коменданта сея крепости»¹. Эти сведения приводятся и А. С. Пушкиным в его «Исторических заметках», где сказано: «Петр осмотрел минеральные терские воды, освидетельствованные доктором Шобером. Возвратясь, Петр повелел в крепость Св. Креста перевести гарнизон и жителей терских и поселенных близ него черкес Нижней Кабарды (Ахочинская слобода, 300 семей – старшина Эльмурза, брат Бековича)»².

Поселения со смешанным населением из кабардинцев и дагестанцев возникли в слободах вокруг городов-крепостей Моздока и Кизляра. На землях, «принадлежащих князьям Бековичам Черкасским (переведенным сюда из крепости Святого Креста), на канаве Атай-Батахан возникло селение Янги Юрт, населенное кизлярскими кабардицами»³. Поселения со смешанным населением возникли также в некоторых станицах Терека, куда переселялись феодально-зависимые горские крестьяне, которые скрывались от гнета владетелей. На переселение из Кабарды в Дагестан или наоборот влиял и бытовавший у горцев обычай кровной мести. В результате возникали целые фамилии не местного происхождения. В Кабарду и Балкарию, как и в другие места края, в поисках заработка переселились из Дагестана многие кустари-ремесленники, «которые навсегда оставались на новом месте жительства. Именно таким образом оказались в Кабарде и Балкарии выходцы из Дагестана – предки Кумыковых, Губачиковых, Шамхаловых, Иразовых, Казанишевых, Махатаевых, Касумовых, Эндиевых, Хаджиевых, Исаковых и других, – считающиеся ныне кабардинцами или балкарцами»⁴. А. Кабардиевы, Черкесовы, Анзоровы, Баташевы, Чегемовы, Тамбиевы и другие, проживающие в Дагестане, были выходцами из Кабарды и западных адыгов⁵. Только в одном малокабардинском сел. Турлове находилось в то время 64 кумыкских двора с населением в 266 душ обоюбого пола⁶. Много кумыков жило также в Девлет-Гиреевской деревне и др. В свою очередь, в центре Кумыкской плоскости кабардинцами, как гласит предание, было основано сел. Боташюрт, куда впоследствии переселились и кумыки. Кабардинцы, кумыки и чеченцы жили совместно в Брагунах; также много кабардинцев жило в Эндерее⁷. В Дагестане до сегодняшнего времени сохранились фамилии Черкесовых, Чегемовых, Азнауровых, Боташевых, Тамбиевых, Кабардиевых и других, предки которых когда-то выехали из Кабарды и Балкарии⁸. В конце XVIII – начале XIX в. беглые крестьяне из Кабарды и Кумыкии основали около Татартупа поселение из 30 дворов⁹. Возникновение смешанных поселений, в которых совместно проживали представители разных этносов, способствовало укреплению дружествен-

¹ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. М., 1789. Т. 8. С. 268.

² Пушкин А. Исторические заметки. Л., 1984. С. 494.

³ Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 128.

⁴ См.: Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 28; Гашимов Ч. М. О совместных поселениях горцев Дагестана и Северного Кавказа (XVI–XVIII вв.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 1. С. 83.

⁵ Гаджиев В. Г. Вековая дружба братских народов // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и другими народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 16; Аджиев А. М. Указ. соч. С. 111–112.

⁶ Сталь К. Ф. Указ. соч. С. 190.

⁷ Аджиев А. М. Указ. соч. С. 111.

⁸ Гашимов Ч. М. Указ. соч. С. 84.

⁹ Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 28.

ных взаимоотношений между горскими народами, взаимовлиянию их культур, выработке сходных во многом обычаев и традиций.

Важнейшей сферой деятельности, способствовавшей сближению народов, является торговля, получившая в XVIII в., и особенно во второй его половине, значительное развитие у горцев, к которым вплотную подошла русская граница – Кавказская кордонная линия. Происходило дальнейшее расширение и укрепление торгово-экономических отношений Дагестана с другими народами Северного Кавказа и их связей с Россией. При этом последняя во внешней торговле Дагестана уже во второй половине XVIII в. занимала ведущее место. Этому способствовали определенные льготы, которыми пользовались горцы в торговле с Россией. Как известно, они по указу Екатерины II от 1762 г. «были освобождены от взимания пошлин с ввозимых товаров...»¹. Через территорию Дагестана пролегал важный путь международной торговли, который связывал народы Закавказья и Иран с Северным Кавказом, Ногайской степью, далее с Крымом и Азовом, а также с Астраханью и волжским путем².

Одним из наиболее развитых и удобных для связи с соседними народами районов Дагестана в торгово-экономическом отношении являлась Кумыкия, куда съезжались представители северокавказских горцев для торгово-обменных операций. Здесь исторически существовали такие аулы – крупные торговые центры, как Эндереи (Адрей-аул, Эндирей), Тарки, Аксай и другие, находившиеся на выгодной трассе прикаспийского торгового пути. В этих и некоторых других дагестанских селениях, имевших вековую традицию крупных торговых пунктов Северо-Восточного Кавказа, через которые проходила «купеческая дорога, сообщающая посредством торговли народы от Каспийского до Черного моря живущие»³, регулярно собирались базары, шла оживленная бойкая торговля местных жителей с иранскими, закавказскими, русскими, крымскими и черкесскими купцами⁴. Кабарда издавна поддерживала торговые связи с Дагестаном, которые осуществлялись в основном двумя путями: первый из них проходил через Терский городок «в кумыкские земли до Таркова, а оттуда через Кайтагское владение в Дербент и Шемаху»⁵, другой – связывал Кабарду с Тарковским шамхальством и Эндерейским владением через Сунженский перевоз⁶, за контроль над которым кабардинские и дагестанские владельцы постоянно соперничали. При проведении торговых операций многие кабардинские и дагестанские владельцы поддерживали тесную связь, помогали друг другу. Так, посланец Якуп Тюкаев кизлярскому коменданту В. Е. Оболенскому 7 мая 1746 г. сообщал: «Будучи ж я во оной Аксайской деревне, известился от разных жителей, что оной деревни владелец Раслан-бек Салтамамутов в недавних числах поехал для провожания в Дербент кубанских, кабардинских и присланных от наместника ханства калмыцкого Дондук-Даши 60 лошадей, а всех 2600 лошадей... А оной Раслан-бек взял с каждой лошади по полтине проводить до Буйнак, а от Буйнак провожатым будет буйнацкий владелец Ислам-Бамат»⁷. Как видно из того же

¹ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. С. 17.

² Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 41.

³ Цит. по: Иноземцева Е. И. К вопросу о торгово-экономических связях Дагестана с народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 46.

⁴ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 159.

⁵ Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 29.

⁶ Там же. С. 29–30.

⁷ РДО. С. 80–81.

документа, посланец кизлярского коменданта Якуп Тюкаев после нескольких дней поездок по другим деревням возвратился вновь в Аксайскую деревню: «И с предписанной же Андреевской деревни по возврату прибыл он в Аксайскую деревню и известился, что реченной деревни владелец, уцмий Салтамамутов, до приезде ево за 3 дня пригнал из Кабарды в Аксайскую деревню с 400 лошадей, при которых-де лошадях имеются кубанцы, кабардинцы и киргизцы. А скоро оных лошадей в Персию еще не погонят, а будут ожидать вышеописанного владельца Раслан-бека, который погнал в Дербент лошадей, – какая там цена лошадям будет и пропустят ли за Дербент, и в Дербенте повольно ли будет продавать»¹. Дербент, куда гнали табуны своих лошадей кабардинские владельцы, был крупнейшим в раннем Средневековье городом, который впервые упоминается в армянской «Географии» VII в. Впоследствии Дербент (город и крепость), как известно, игравший важную роль в военно-политических событиях на Северном Кавказе и во взаимоотношениях его с Ираном и странами Закавказья, стал крупным центром внутренней и международной торговли на Восточном Кавказе, чему способствовало его выгодное географическое положение на важнейшей прикаспийской торгово-стратегической магистрали, связывающей страны Передней Азии, Закавказья с государствами Юго-Восточной Европы, с Россией. По торговой трассе Шемаха – Дербент (укрепление Дербентского прохода впервые было предпринято Сасанидами в IV в. н.э.) – Тарки – Астрахань шли с товарами большие караваны². Одна из главных дорог Северного Кавказа, которая шла из Азова до Дербента и дальше, так и называлась: Дербентская дорога. В своем начале она совпадала с Кабардинской дорогой (первые упоминания в источниках связаны с паническим бегством крымско-татарских войск из-под Астрахани до Азова в 1589 г.), шедшей из Терков по левому берегу Терека, связывая его устье и среднее течение и Пятигорье. По этим путям, а также по так называемой Османской дороге (это название связано с событиями 1583 г., когда турецкий Осман-паша с войском, шедшим из Дербента в Крым, «был побит на Тереке» казаками) осуществлялась связь Дагестана с Кабардой и Балкарией³. «Кабардинской дорогой» в XVII в. воспользовались два русских посольства в Грузию. Первое было в 1639 г., когда русские послы Федот Елчин и Павел Захарьев отправились в Имеретию. 22 сентября они двинулись в путь из Терского города вверх по Тереку и дальше, свернув с Кабардинской дороги, по р. Баксану и через перевал Донгуз-Орун вышли в Сванетию. 13 ноября они вступили в землю Левона Дадиани, а 22 мая 1640 г. покинули ее тем же путем. Второе: весной 1651 г. из Терского города вверх по Тереку двинулось посольство Н. М. Толочанова и А. И. Иевлева, направляющееся в Имеретию, где в это время находился Теймураз, изгнанный шахом Аббасом II из Кахети. Среди путевых ориентиров посольства упоминается «урочище Моздок близ реки Курпа», находившееся на трассе Кабардинской дороги. Затем послы оставили Кабардинский шлях и пошли по рекам Псыган-Су (Суен-Су), Череку (Крех), а затем через Дигорию и, перелезав труднодоступный перевал Гизе-ыфцык, достигли долины Риона, а потом и г. Кутаиси. 10 октября 1651 г. посольство двинулось обратно тем же

¹ РДО. С. 80–81.

² Магомедов Н. А. Торговые связи Дагестана с Россией в конце XVII – начале XVIII в. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 72.

³ Магомедова Т. С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI–XVII вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 24–31.

путем и 30 ноября было в Терском городе ¹. В том же, 1651 г. Кабардинская дорога упоминалась и в донесении кабардинского князя Муцала Сунчалеевича Черкасского об успешных совместных действиях горцев с казаками против «приступу кумыкских и кизыльбашских ратных людей» Сунженского острога, сообщая: «И после приступу, государь, те кумыцкие и кизыльбашские ратные люди пошли от меня вверх по Тереку-реке по Кабардинской дороге... и перешли через Терек-реку выше казачьих городков Верхнего Червлёново на урочище на Добрынском»². Было немало и иных дорог, но оказались зафиксированными в источниках только те из них, которые использовались в военных, дипломатических и других государственной службы целях.

В описываемый период стабильными центрами торговли между кабардинцами, балкарцами, дагестанцами, другими горцами и казаками были крепость Святого Креста на левобережье Терека (она была скрыта по договору 1735 г. между Россией и Ираном) и Татартуп. В начале каждой весны собирались многолюдные и многоязычные базары в окрестностях Татартупа, на границе с Кабардой, и в течение нескольких дней здесь шел оживленный обмен продуктами и ремесленными изделиями северокавказцев ³.

Развитию товарно-денежных отношений и обменных операций на Восточном Кавказе способствовала транзитная торговля с Востоком через Дагестан. С целью поощрения торговли с Востоком в 1723 г. в Астрахани было учреждено специально «торгующее в Персии купечество»⁴. К тому же указом Петра I от 1724 г. были разрешены вывоз из России в Дагестан железа, свинца, пороха, а также беспшлинный провоз и свободная продажа вина, табака, «всяких хлебных и мясных припасов» и скота в Дербенте, крепости Святого Креста и в других местах «новой провинции; местным торговым людям обычно предоставлялись льготы в торговле с Россией. К их услугам были и русские купеческие суда»⁵. Во второй половине XVIII в. торговля Астрахани с Дербентом заметно оживилась. Этому во многом способствовало укрепление русского влияния в Кубинском ханстве и возвышение Фатали-хана, по просьбе которого Екатерина II в 1765 г. дала указание русским судам, плывущим из Астрахани в Персию, заходить по пути в Дербент ⁶. Благодаря этому из Астрахани в Дагестан поступали различные ткани, медь и медная посуда, сахар, мука, стекло, мыло, хрустальная посуда, гвозди, замки, топоры, иглы, проволока, сундуки, бумага, краски и т. д. На обратном пути из Персии русские торговые суда вывозили из Дербента, куда съезжались и купить, и продать не только дагестанцы, но и другие соседние горцы, шерсть, фрукты, вино, скот и другие товары.

Особенно важную роль в развитии внутренней межэтнической обменной операции на Северном Кавказе, а также в расширении и укреплении торгово-экономических отношений их с Россией в рассматриваемый период сыграли города-крепости Кизляр и Моздок, в которых горцы приобретали необходимые им изделия русской промышленности, главным образом металлургической и хлопча-

¹ Магомедова Т. С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI–XVII вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 32.

² Там же. С. 31.

³ Гашимов Ч. М. Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 61.

⁴ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 383.

⁵ История Дагестана. Т. 1. С. 353.

⁶ Там же. С. 390.

тобумажной. Здесь казаки выменивали у горцев одежду (черкески), бурки, шубы, папахи и пр.; горцы приводили сюда для мены лошадей, волов, привозили меха, воск, муку и пр., а у казаков была рыба, икра, соль и пр.¹ О размерах торговых сделок в этих городах свидетельствуют пошлины, которые взимались с привозимых сюда для продажи горцами товаров. Как это видно из ведомости, представленной Коммерц-коллегией в Коллегию иностранных дел 30 июля 1764 г., в 1762 г. с товаров, провезенных через Кизлярскую пограничную таможенную «из Кабарды, из грузинских городов и из горских деревень», пошлинный сбор составил 2508 руб. 86 коп., а в 1763 г. – 2986 руб. 55 коп.; сбор с отвозимых в Кабарду и прочие места товаров в 1762 г. составил 2717 руб. 72 коп., а в 1763 г. – 2241 руб. 27 коп. Всего в 1762 г. с привозных отпусковых товаров сбор пошлин в Кизляре составил 18 162 руб.²

К началу XIX столетия только одному г. Кизляру принадлежало уже 90 процентов всех торговых оборотов на Кавказской линии, что составляло 600 тыс. руб.³

Царская администрация не без основания считала торговлю одним из основных действенных средств укрепления позиции России на Кавказе, распрощания ее влияния среди коренных жителей этого многонационального региона. Видимо, этим объясняется, как считают некоторые исследователи, появление указа от 23 октября 1760 г., разрешающего ввозить на Кавказ для продажи кабардинцам, кумыкам, осетинам, «как к подданным России, холст и другие предметы, вывоз которых в Иран был временно закрыт»⁴.

Такие поощрительные меры горцы ценили, но считали далеко не достаточными для развития торгового обмена по-настоящему, ибо торговые пошлины в русских северокавказских городах оставались непомерно высокими. Поэтому горцы неоднократно обращались к русскому правительству с настоятельной просьбой о снижении или вообще отмене пошлин⁵. В ответ на это русская администрация намечает ряд мероприятий, направленных на совершенствование торгово-экономических отношений с горцами, в частности, с кабардинцами и кумыками⁶. Правительственным указом от 9 ноября 1765 г. кабардинцы и кумыки были освобождены от уплаты торговых пошлин в Кизляре как при покупке товаров, так и при продаже своих изделий⁷. Уплата пошлин была возложена на тех, кто продавал им товары или покупал у них.

По далеко не полным данным, оборот торговли через Кизляр за четыре года, с 1777-го по 1780 г., составил 687 130 руб. В то же время тайные перевозки запрещенных товаров: золота, серебра, железа и т.п., – совершавшиеся по Кизлярскому пути из России на юг, минуя таможенную, составляли на сумму более миллиона рублей в год⁸.

Дагестанцы через Кизляр нередко приезжали в Кабарду с торговой целью. Так, 11 октября 1789 г. Государственный совет, рассмотрев на своем заседании донесение командующего Кубанским и Кавказским корпусами И. Г. Салтыкова,

¹ *Скитский Б. В.* К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. // *Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института* Т. 17. С. 175.

² КРО. Т. 2. С. 233–234.

³ *Очерки истории СССР XVIII в.* М., 1957. Ч. 2. С. 447.

⁴ *Феодаева Ф. З.* К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII в. // *Ученые записки Института истории, языка и литературы.* Махачкала, 1964. Т. 14. С. 159.

⁵ КРО. Т. 2. С. 215–218.

⁶ Там же. С. 228–230, 240–244, 245–248.

⁷ *Бутков П. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 10; КРО. Т. 2. С. 249–252.

⁸ *История Дагестана.* Т. 1. С. 391.

одобрил распоряжение командующего о пропуске дагестанцев через Кизляр для беспошлинной торговли в Кабарду. «Совет, – сказано в протоколе заседания Государственного совета, – отдавая полную справедливость прилагаемому оным главнокомандующим усердному попечению по вверенной ему части и находя все учиненные от него распоряжения весьма приличными, согласен был в надобности обитающим близ Кизляра горским и дагестанским жителям позволить ездить для торгу в Кабарды по нашей стороне, не платя пошлин...»¹.

Кабардинцы, балкарцы и другие горцы приобретали в Дагестане и у дагестанцев соль, медную посуду, дорогое оружие кубачинских мастеров, ювелирные изделия и т. д.

Примечательным во взаимоотношениях Кабарды и Дагестана является факт проведения совместных операций между их торговыми людьми, как это видно, например, из письма кабардинских владельцев Магомет-бека Кургокина и других астраханскому губернатору И. О. Брылкину от 21 октября 1748 г. В письме сказано, что шесть кабардинских, три кизлярских, несколько кумыцких купцов (эндреевских, аксайских и других деревень) «ездили в крымскую сторону для купечества». Правда, поездка была неудачной. При возвращении на купцов напали люди, «послушные крымскому хану», которые учинили разбой и забрали весь товар, «которого было на пяти арбах...»².

Тесные торгово-экономические связи, существовавшие на протяжении многих столетий между народами Кабарды, Балкарии, Дагестана и других горцев, привели к обмену духовными ценностями, к взаимовлиянию культур. Они перенимали друг у друга различные трудовые навыки ведения хозяйства, приспособив их к местным условиям. Так, садоводство, получившее в Дагестане значительное развитие, оказало положительное влияние на его распространение у кабардинцев. В свою очередь, накопленный опыт кабардинцами повлиял на дагестанцев в деле занятия пчеловодством. Кабардинцы учились у дагестанцев организации шелководства и производству шелковых изделий, переселяясь с этой целью в Дагестан на продолжительное время³. Взаимосвязь и взаимовлияние прослеживаются и в области ремесла, особенно в ювелирном производстве. Кабардинские мастера переняли у дагестанских золотокузнецов отдельные приемы и инструменты ювелирного дела, некоторые элементы их орнаментального искусства. Дагестанские же специалисты под влиянием искусства кабардинских мастеров усовершенствовали орнамент своих изделий и способ чернения серебра, пользовались для украшения своих произведений так называемым «чаргаснакыш» (черкесский узор)⁴.

На основе расширяющихся и углубляющихся торгово-экономических связей зародилось и получило широкое распространение во взаимоотношениях между горцами и казаками куначество – этот своеобразный обычай кавказского побратимства. Горец считал своим священным долгом оказывать моральную и материальную помощь нуждающемуся в этом кунаку – казаку. Точно так же относился и казак к своему кунаку-горцу. Складыванию побратимских отношений между горцами и казаками не мешали ни религиозные, ни национальные различия. Горские народы и казаки, таким образом, оказывали благотворное влияние друг на друга во всех сферах материальной и духовной культуры.

¹ РДО. С. 214.

² КРО. Т. 2. С. 162–163.

³ Мамбетов Г. Х. Указ. соч. С. 34.

⁴ Там же.

Расширялись деловые производственные связи и между горцами и казаками, которые были взаимозависимы и взаимозаинтересованы. «В Кумыках и Кабардах, – писал И. Попко, – были лучшие оружейники, седельники, серебряки; казаки водили знакомство с такими людьми, потому что нуждались в их изделиях»¹.

«У кубачинцев известен и орнамент, – пишет Ч. М. Гашимов, – который они сами называли «иноземными» или терминами «черкесский», «чеченский» и т. д. К тому же немало дагестанских ремесленников, в том числе и кубачинцев, жило и работало в этих областях. Вследствие творческих связей с дагестанскими мастерами в орнамент горцев Северного Кавказа – бывший в своей основе геометрическим, животным – проникли дагестанские растительные мотивы»². Прав В. И. Марковин, который пишет: «Культура любого народа создается в результате контактов с соседними народами»³.

Развитие русско-кабардинских торгово-экономических связей в XVIII в. позитивно сказывалось на положении и других горских народов. В 1780 г. в Ставрополе, Георгиевске и Моздоке были сооружены амбары и лавки для торговли с кабардинцами, а следовательно, и другими горцами. Были также приняты меры, направленные на развитие шелководства и производства шелковых тканей на Тереке⁴. В рассматриваемый период торговые связи между горскими народами и их с Россией получили заметное развитие. Что же касается торговых отношений между Кабардой и Дагестаном, то население последнего могло ездить в Кабарду «русской стороной» р. Терек без всякой уплаты каких-либо пошлин⁵.

Таким образом, расширение и укрепление торгово-экономических, политических отношений и культурных контактов между Кабардой, Балкарией и Дагестаном, как и другими соседними горскими народами, способствовали налаживанию и установлению тесных разносторонних связей горцев с Россией, подъему экономики, относительной стабилизации социальных отношений и обеспечению внешней безопасности края, в том числе дагестанских феодальных владений и обществ.

§ 2. Кабарда и Балкария во взаимоотношениях России с Грузией

Важное место во внешнеполитических связях Грузии издавна занимал Северный Кавказ, в частности Кабарда и Балкария. Грузины, являясь непосредственными соседями кабардинцев и балкарцев, поддерживали с последними тесные экономические, политические и культурные контакты и добрые отношения. Кавказские горы, которые служили серьезнейшим препятствием для величайших завоевателей мира, не мешали их многовековым дружественным добрососедским связям. «Недоступные вершины Большого Кавказа никогда не были непреодолимым препятствием для общения народов Северного Кавказа и Закавказья. С глубочайшей древности были известны перевальные пути: Марухский и Клухорский в верхней Кубани, Мамисонский в верховьях Риони,

¹ Попко И. Указ. соч. С. 302.

² Гашимов Ч. М. Из истории взаимоотношений Дагестана с Чечено-Ингушетией в XVI–XVIII вв. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 67.

³ Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. 1965 С. 110.

⁴ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 119.

⁵ Феодаева Ф. З. Вопрос о торговых пошлинах в русско-дагестанских отношениях // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1972. Вып. 3. С. 133–134.

Крестовый в верховьях Терека. Существовали и перевалы местного значения, их насчитывается несколько десятков»¹. Естественными союзниками народов Закавказья в их борьбе против экспансии Сасанидского Ирана и других внешних врагов были северокавказские горцы. «В середине I тысячелетия н.э., – пишет в комментариях к хронике «Жизнь картлийских царей» – этой уникальной древнегрузинской летописи XI в.; содержащей ценные сведения и о народах Северного Кавказа, историк Г. В. Цулая, – народы Закавказья вели упорную борьбу против иноземных захватчиков (Сасанидский Иран, Византия) за свою этническую целостность и культурную самобытность. И мы вправе считать, что в эту сложную для Армении и Картли эпоху племена и народы Северного Кавказа нередко являлись подлинно спасительной для них силой. Правда, захватчикам удалось ликвидировать независимость сперва Армении, а затем и Грузии. Однако в условиях противостояния внешним нашествиям процесс консолидации грузинского народа и широкой интеграции в него отдельных групп смежных племен северокавказского региона не прекращался, а, наоборот, получил новое развитие. Это было одной из важных причин того, что впоследствии грузины смогли противостоять такой грозной силе, как нашествие арабов в VII–VIII вв. Именно в это время были заложены основы будущего объединенного феодального грузинского царства»². «Жизнь картлийских царей», – пишет в предисловии к хронике Г. В. Цулая, – является необходимым источником для истории взаимоотношений этих народов, для освещения той важной роли, которую играли в древности предки современных адыгов, осетин, балкарцев, вайнахов, дагестанцев в исторических судьбах Грузии и всего Закавказья»³. Древнегрузинская летопись XI в., составленная на основе значительно ранних письменных и устных источников, содержит, в частности, сведения о предках кабардинцев, которые в IX–XI вв. «начинают играть активную роль в политических событиях Грузии», она свидетельствует «о древности связей грузин с племенами Северо-Западного Кавказа» и указывает на «разносторонность взаимоотношений отдельных грузинских племен с косогами-джиками». Автор хроники «Жизнь картлийских царей» Мровели Леонти пишет о последних, как о «военных союзниках иберов», о их совместных походах⁴.

Говоря о многовековых добрососедско-родственных отношениях между Кабардой и Грузией, сложившихся еще в раннем Средневековье, другой грузинский ученый – Дж. Бакрадзе пишет: «Кабардинцы всегда были нашими истинными братьями. Наша любовь обусловлена тем, что родительница нашей прекрасной матери Тамары (царица) была кабардинкой. А когда грузинам было очень трудно, ваши предки помогали царю Давиду Строителю и направили на поле битвы 50 тысяч воинов еще в первой половине XII века. Особенно важное значение в нашей дружбе – это создание тогда с помощью кабардинского оружия Картвело-Кахетинского царства в том же XII веке»⁵. К этому можно добавить, что «Кабарда не раз посылала своих «рыцарей Кавказа» на помощь мужественному объединителю и защитнику Грузии Георгию Саакадзе, мать которого тоже была из Кабарды, из рода узденей 1-й степени Мартазовых»⁶.

Как убедительно подтверждается архивными материалами – этими документальными свидетельствами былого, начиная с XVI в. в основе взаимоотноше-

¹ Федоров Я. А. Указ. соч. С. 11.

² Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М.: Наука, 1979. С. 92.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 65, 71.

⁵ Бакрадзе Д. В. Трудные минуты истории // КБП. 1991. 24 мая.

⁶ Эльмесов А. Где дух предков // Нарг. 1993. № 16. Июнь.

ний Грузии и Кабарды лежала, прежде всего, общность политических интересов, которые диктовались, с одной стороны, борьбой против общих врагов – ирано-турецких захватчиков, с другой – их стремлением к установлению тесных взаимоотношений с Россией. Если учесть, что именно через Кабарду, занимавшую центральное положение на Северном Кавказе, пролегал основной путь из Грузии в Россию, то становится вполне понятным значение кабардино-грузинских связей в установлении и укреплении русско-грузинских взаимоотношений.

В 1564 г., когда Иван Грозный отпустил посла кахетинского царя Левана, путь его вместе с другими иностранными дипломатами лежал «на Астрахань да на черкасскую землю, да и в грузинские земли». Это было первое документальное упоминание в русских источниках посольского пути в Грузию через Кабарду. Русские послы предпочитали ездить по «дороге на Черкасы», твердо освоенной и пролежавшей «в глубине союзных и лояльных владений»¹.

Оказавшись в конце XV столетия в окружении агрессивных государств – Турции, Крымского ханства и Ирана, все активизировавших свои враждебные происки, Кабарда и Грузия еще больше сблизилась и ускорила свою взаимную тягу к России. «С тех пор, – писал В. А. Потто, – как кабардинцы, верные союзники Грузии, вступили в русское подданство, та же мысль не покидала и Кахетинского царя Левона II, который, воспользовавшись пребыванием русского войска в Тюмени, послал просить Московского царя, чтобы он присоединил к своей обширной монархии и единоверную ей Кахетию»². С момента установления тесных военно-политических союзнических связей между Кабардой и Россией в 1557 г. и на протяжении последующих веков кабардинские и грузинские посольства частенько вместе представляли в русской столице интересы своих народов, о чем убедительно свидетельствуют многочисленные документальные материалы³ и написанные на их основе специальные научные исследования, посвященные русско-кабардинским, грузино-русским и грузино-балкаро-кабардинским взаимоотношениям⁴. В 1588 г. в Москву прибыло новое грузинское посольство. Вместе с грузинскими послами и на этот раз в столицу Российского государства приехали и посланцы кабардинского князя Алкаса, кабаки которого находились у входа в Дарьяльское ущелье на месте нынешнего Владикавказа, во главе с Асламбеком и ингушского владельца Шихамурзы, возглавляемые его племянником Батаем⁵.

Еще раньше, т. е. в год заключения военно-политического союза между Россией и Кабардой (1557), прибывшее летом в Москву кабардинское посольство от Темрюка Идарова во главе с Канклычем Кануковым, прося у московского царя покровительства и помощи в борьбе с внешними врагами, заявило, что «с кабардинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверский князь и вся земля Иверская и государю с ними же бьют челом, чтоб государь царь и великий князь

¹ Магомедова Т. С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI–XVII в. // *Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в.* Грозный, 1981. С. 26–27, 31.

² Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 9.

³ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом 1578–1613 гг. М., 1889. Вып. 1; Броссе М. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639-го по 1770 г. СПб., 1861; КРО. Т. 1.

⁴ См. подр. библиографию: Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1971. С. 7–11; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.

⁵ Исаева Т. А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // *Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI начале XX в.* Грозный, 1981. С. 20–21.

их по тому же пожаловал, как и тех всех»¹. Здесь речь идет о восточной части Грузии – Картли (античная Иберия), о попытке картлийского царя Левана, который решил связаться с Москвой посредством кабардинских послов, ездивших к Ивану IV в 1557 г. Такое совместное, единое дипломатическое представление двух народов в Москве указывает на тесные добрососедские взаимоотношения между Кабардой и Грузией, на общность их насущных интересов. В делопроизводственных материалах Посольского приказа найдено отражение роли, которую сыграл в развитии русско-кахетинских связей один из первых кабардинских дипломатов Хуршит, служивший при кахетинском дворе царя Александра и принимавший активное участие в переговорах с Россией в Москве в последней четверти XVI в.²

Восточно-грузинские царства (Картли и Кахетия), с которыми наиболее тесные связи поддерживали Кабарда и Балкария, высоко ценили дружественные взаимоотношения с последними, справедливо видя в них, в их посреднической роли один из существенных факторов в налаживании и расширении тесных политических контактов с Россией. С целью создания наиболее благоприятных условий для регулярных связей с Россией и получения своевременной военной помощи в борьбе с врагами Грузии кахетинские послы обратились в 1598 г. с просьбой к русскому правительству о построении военной крепости на границе Грузии с Кабардой, через территорию которой пролегали основные более удобные пути сообщения³.

Кабарда поддерживала связь не только с Восточной, но и с Западной Грузией (Имеретинским царством), которая осуществлялась через «Анзорovu Кабарду», непосредственно граничившую с грузинскими землями, и через территорию балкарцев. В мае 1650 г. в Имеретию к царю Александру и находившемуся у него царю Теймуразу, изгнанному шахом Аббасом II из Кахетии, из Москвы было направлено посольство во главе с Н. М. Толочановым и А. И. Иевлевым для ведения переговоров. Путь послов в Грузию пролегал через Кабарду и Балкарию. Они поднялись по рр. Псыгансу и Череку вверх по ущелью. С большими трудностями преодолев один из самых сложных кавказских перевалов Гезевцев, посольство спустилось в Имеретию. Проводниками посольства были балкарцы. Тяжелые вьюки и поклажу послов через перевал несли 240 пеших горцев. Среди балкарских владельцев, оказавших всяческую поддержку и разнообразную помощь русскому посольству в Грузию в 1650 г., в исторических документах названы Айдабула, Алибек, Бута, Хабим, Чеполов⁴. С этого времени путь, пролежавший через Кабарду по рр. Псыгансу и Череку вверх по ущелью, как наиболее удобный для сообщения стал использоваться русскими и грузинскими посольствами. Так, в 1655 г. через Кабарду и Балкарию в Имеретию проследовало новое русское посольство во главе с В. Жидовиным и Ф. Прошиным⁵. Русских послов в Имеретию и на этот раз сопровождал отряд балкарских владельцев. Послы везли в Грузию денежные средства («6000 ефимков, много соболей»), выделенные русским правительством в помощь кахетинскому царю Теймуразу I для его борьбы против иранской агрессии. Московские послы присутствовали на приеме у имеретин-

¹ КРО. Т. 1. С. 5.

² См.: *Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. I. С. 217–218.*

³ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 324–327.

⁴ Азаматов К., *Рехвиавили И. Истоки уходят в прошлое // Кабардино-Балкарская правда.* 1982. 18 октября.

⁵ *Броссе М. Переписка на иностранных языках... С. 61.*

ского царя Александра, где был совершен обряд крещения балкарского владельца Айдабулова. Этот факт свидетельствовал и о тесных культурных связях Грузии с соседними горскими народами. Из центра России до Терека русские послы могли ехать по таким трактам, как Воронежский (Москва – Моздок, 1723 версты) или Астраханский (Москва – Тамбов – Кизляр – Моздок, 1972 версты), относившимся к числу важнейших сухопутных транспортных маршрутов страны и имевшим наиболее важное административно-политическое и экономическое значение к концу XVIII в.¹ А от Моздока путники отправлялись далее в Закавказье.

Во взаимодействиях Грузии с Северным Кавказом и Россией важное значение имели пути сообщения, пролежавшие по Дарьяльскому ущелью и через Мамисонский и Клухорский перевалы. На дорогу для проезда посольств от Москвы до Грузии обычно уходило время от 3 до 4 месяцев, если им не мешали какие-нибудь непредвиденные обстоятельства, которые далеко не исключались и задерживали их в дороге год и более. Проход через Дарьяльское ущелье вообще был крайне опасен. Поэтому, когда летом 1657 г. находившийся в изгнании кахетинский царь Теймураз решил из Имерети выехать в Россию за помощью для освобождения Картли и Кахети, он писал царю Алексею Михайловичу: «Пусть придет войско в Малкары (Балкарию) отвести меня в Терки, чтобы я не погиб от агарян и не было бы греха перед Богом и перед людьми». Таким образом, царь Теймураз рассматривал Балкарию как надежную и дружественную. И не без основания. Прибывшего в Балкарию Теймураза весьма гостеприимно, как это свойственно горцам, встретили местные жители и провожали его в Россию с большими почестями. Вместе с Теймуразом в Москву в 1658 г. прибыл Айдабула Артухай – представитель знатной балкарской феодальной фамилии. Посольство Теймураза сыграло значительную роль в укреплении русско-кавказских, грузино-северокавказских отношений. Свидетельством существования в то время тесных грузино-северокавказских взаимоотношений является проживание в Балкарии ряда грузинских князей русской ориентации, скрывавшихся от своих врагов, например, известный политический деятель и поэт – имеретинский царь Арчил.

По сведениям грузинского историка А. А. Цагарели, «одна дорога, или скорее тропа, из России шла через Кавказские горы в Восточную Грузию, Кахетию, куда из г. Терки, через землю шамхала, можно было достигнуть в 14 дней; а другая такая же тропа шла через Кабарду и спускалась в среднюю Грузию, Карталинию, через Ксанское, или Арагвское ущелье, – эта последняя дорога была менее опасна...»². В XVIII в. особенно возросло значение пути через Дарьяльское ущелье, известного впоследствии как Военно-Грузинская дорога. В 1733 г., когда русская администрация, заинтересованная достоверными сведениями о наиболее удобных путях сообщения из России в Грузию, по которым могли выступить войска, картлийский царь Вахтанг VI, которому было предложено письменно представить свои соображения по этому вопросу, назвал две дороги: 1) через Шемаху и 2) через «Хеви», Дарьяльское ущелье, по которому течет Терек. Говоря о последнем из них, т. е. о традиционном пути по Дарьяльскому-Хеви-Арагвскому ущелью, Вахтанг VI писал: «Другою дорогою, которою течет Терек-река, Хевинскою, от черкесского князя Хазы (Казы. – Р. Г.), коему дается Ея Императорского Величества жалованье, до которого от гребенских казаков в сутки езда, а от Хазы

¹ Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1. Изд-во Московского университета, 1985. С. 270; Азаматов К., Рехвиашвили И. Указ. раб.; Цагарели А. А. Сношения России с Кавказом в XVI – XVIII столетиях. СПб., 1891. С. 27.

² Цагарели А. А. Указ. раб. С. 27.

до Чимита верст с тридцать»¹. По этим названным путям обратно из Грузии в Малую Кабарду можно было попасть на пятый день². Наиболее благоприятным для сообщений между Грузией, Северным Кавказом и Россией являлось сухое лето, а во время дождя, непогоды, зимней стужи проезда не было³. С упразднением в 1774 г. крупного феодального владения – Арагвского эриставства, возникшего еще к концу XVI в. в верховьях рек Арагви и Терека, на важнейшем участке дороги и по Дарьяльской теснине, из-за которого, при наличии тесных добрососедских отношений между Кахетией и Кабардой, русским послам приходилось пользоваться труднопроходимыми горными перевалами, стали более беспрепятственными сообщения по маршруту, где, говоря словами поэта:

С вершин стремятся водопады
И Терек бешено ревет.
В ущелье мрачного Дарьяла,
Клубясь, уносит он вперед
Следы последнего обвала

И орошает берега,
Где вековые снега
Белеют на хребтах высоких
И под ногами – облака
Дымятся в пропастях глубоких.

«В 1784 г. вьючный путь через Дарьяльское ущелье силами русской рабочей (воинской) команды был превращен в широкую проезжую дорогу с множеством мостов»⁴.

Подробное, очень обстоятельное описание Военно-Грузинской дороги содержится в монографии, во второй ее части, известного грузинского историка В. Н. Гамрекели, посвященной торговым связям Восточной Грузии с Северным Кавказом⁵. Он пишет, что «это кратчайший и самый удобный из всех горных путей, связывавших Тбилиси с Притеречьем, с предгорной равниной Центрального и Северо-Восточного Северного Кавказа»⁶.

Кабардинские и балкарские владельцы неоднократно оказывали помощь провиантом, проводниками, вооруженной охраной грузинским посольствам, которые ехали в Россию и обратно, а также русским послам, направлявшимся в Закавказье. Поэтому, говоря о политических связях Грузии, Кабарды, Балкарии и России в XVI–XVIII вв., надо особо отметить роль института проводничества в этих взаимоотношениях. На это обратил внимание исследователь В. Н. Гамрекели, который высказал мнение, что проводничество являлось своеобразным феодальным институтом, имевшим форму покровительства, подарков, услуг по взаимности⁷. Богатейший документальный материал содержится в ис-

¹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1733, д. 1, л. 1–4.

² РОО. Т. 1. С. 38.

³ Там же.

⁴ Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М.: Наука, 1966. С. 81.

⁵ Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточном Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1977. Ч. 2. С. 20.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Там же. С. 40.

точниках, относящихся к XVI–XVIII вв., о роли отдельных кабардинских и балкарских феодалов в обеспечении безопасности на дорогах, ведущих из Грузии в Россию и обратно. Известны случаи, когда антирусски настроенные некоторые горские феодалы совершали нападения на русских и грузинских послов. В таких условиях последних всегда выручали кабардинцы и балкарцы. Так, в 1653 г. кабардинские владельцы защитили внука кахетинского царя Теймураза – Николая, а затем имеретинского царя – писателя XVII в. Арчила, еще позже – картлийского царя Вахтанга VI при его переезде в Россию и т.д. Среди кабардинских владельцев в этом плане, как свидетельствуют источники, особо выделялся Адильгирей Гиляксанов. Именно он выручил картлийского царя Вахтанга VI, когда тот после занятия турками Тифлиса выехал в Россию и во время перехода со своим семейством и огромной свитой через перевал в Дигорское ущелье был задержан осетинами. Узнав о случившемся, Гиляксанов сразу выехал навстречу, и, когда дигоры его, Адильгирея, увидели, немедленно разошлись и царя грузинского оставили с покоем»¹. Чтобы впредь обезопасить пути сообщения из Грузии в Россию и обратно, Вахтанг VI, находясь в Петербурге, советовал русскому правительству выдавать жалованье кабардинским владельцам Казы, Канче, Адильгирею, через владения которых шла дорога в Грузию². Эти владельцы обеспечивали безопасность проезда. Вахтанг VI особо выделял Адильгирея, прося принять его на службу и учинить «оному жалованья и награждения, представляя, что путь в Грузию тако ж от него содержится и посланные через их владения ездят...»³.

Большую активность в деле обеспечения безопасности пути следования из Грузии в Россию и обратно проявляли и другие горские владельцы. Так, за посредническую роль по налаживанию отношений с осетинами, через земли которых осуществлялась связь России с Грузией, малокабардинскому владельцу Арслан-беку Таусултанову русским правительством определено было ежегодное жалованье⁴. Кабардинские и балкарские владельцы не только обеспечивали безопасность проезда русских и грузинских послов через свою территорию, но и давали им провожатых, а иногда для большой гарантии сами со своим отрядом сопровождали их. Так, в 1760 г. кизлярский комендант И. Л. Фрауендорф доносил астраханскому губернатору А. С. Жилину о прибытии грузинского царя Теймураза II на границу с Россией и при нем для препровождения находился малокабардинский князь Батоко Алиев с сыном и со свитой в 100 кабардинцев⁵. За большие добрые услуги, оказанные Грузии и России в деле поддержания связи между ними, северокавказские горцы получали солидные вознаграждения от русского правительства и грузинских царей в виде ежегодного жалования, а также различного рода жалованных грамот, дававших кое-какие преимущественные права⁶.

Хотя в предшествующие века связи России с Грузией налаживались и укреплялись, но русское правительство все еще не имело возможности оказывать существенную военную помощь Грузии в ее борьбе с агрессивными азиатскими

¹ РОО. Т. 1. С. 39.

² Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 107.

³ Там же. С. 108.

⁴ *Тогошвили Г. Д.* Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Сборник трудов Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1976. Т. 31. С. 114.

⁵ *Мачарадзе В. Г.* Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII в. Ч. 2. Посольство Теймураза в Россию. Тбилиси, 1968. С. 236–237.

⁶ История Осетии в документах и материалах: (С древнейших времен до конца XVII в.). Цхинвали, 1962. Т. 1. С. 104.

державами в лице Ирана и Турции, ограничиваясь дипломатической поддержкой на международной арене и частичной финансовой помощью. В рассматриваемый период, т.е. в XVIII в., быстрыми темпами Российская держава набирала силу, укреплялась ее мощь, рос международный авторитет, она возвращает свои исконные земли, раздвигает свои границы, как жизненная необходимость встает перед ней проблема выхода к южным морям, активизируется ее восточная политика. Seriously укрепив свои позиции на Северном Кавказе, Россия стала расширять свое влияние и в Закавказье. Этого требовала и сложившаяся международная обстановка, изменение расстановки сил на Ближнем Востоке. Междоусобная борьба и удары соседних афганских племен очень серьезно подорвали силы Сефевидской империи, ее военную мощь. Воспользовавшись этим, Турция намеревалась прибрать к рукам иранские владения на Кавказе. Эта создававшаяся угроза новых захватов Турцией на Кавказе ускорила выступление России. Был организован поход в Прикаспий с целью воспрепятствовать оккупационным устремлениям Турции, не допустить ее к побережью Каспийского моря и укрепить позиции России в Дагестане и других районах Восточного Кавказа. Царь Картли Вахтанг VI собрал двадцать тысяч ополченцев в помощь русским войскам и открыто выступил против шаха Ирана. В Персидском походе русских войск во главе с Петром I на стороне России активное участие приняли кабардинцы, над которыми постоянно висел дамоклов меч порабощения со стороны Турции и Ирана.

Турция и ее вассал Крымское ханство продолжали совершать опустошительные походы в Центральное Предкавказье. В очаге вооруженного насилия погибали безвинные люди, разрушались плоды труда многих поколений. Агрессоры упорно стремились завладеть Хеви – Кабардинской дорогой, имевшей важное стратегическое значение, связывая Грузию с Россией, служа серьезной коммуникацией для последней в ее борьбе с Турцией и Крымом¹. Грузинский царь Вахтанг VI, находясь в России, продолжал проявлять большое беспокойство относительно поддержания постоянной связи со своей родиной, внимательно следил за коварными планами и действиями турок, вовремя извещая обо всем этом российское правительство. Сохранился документ (1729), в котором он извещал генерал-фельдмаршала В. В. Долгорукова о намерениях Турции построить крепость на Тереке, в частности «в Хеви... близ Кабарды и Чечни». Он писал: «...мое мнение на сие вам доношу, что которые места они требуют под крепости, то место, где Кази обывает, которому от его Императорского Величества определено жалование. И ежели места оне получают и крепости поставят, то по здешней стране чачан, зурзук, глигви и лезгинцы у них будут. А с той стороны все Осети, Большая и Малая Кабарда Черкесская, Крым и Кубань все сообщаться и их будут. И ежели сие так сделается, то, я чаю, не без обиды российскому государству будет»². Учитывая эти предостережения, русское правительство решило прежде всего укрепить свои позиции в Кабарде. Было принято решение предупредить кабардинцев об агрессивных намерениях Турции, о ее планах построить близ них крепость³.

В связи с этим 8 сентября 1729 г. генерал-фельдмаршал В. В. Долгоруков сообщил в Коллегию иностранных дел свое мнение о необходимости предупредить кабардинцев о намерении Турции построить близ Кабарды крепость. При этом

¹ См.: *Вилинбахов В. Б.* Совместные русско-кабардинские военные действия со второй половины XVI в. до 1791 г. // Сборник статей КЕНИИ. Нальчик, 1959. С. 14.

² Цит по: *Пайчадзе Г. Г.* Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970. С. 159.

³ КРО. Т. 2. С. 40–41.

решено было обратить особое внимание на кабардинских владельцев Асламбека (Аслама) Мисостова и Казы, исходя из того, что «помянутой Казы живет в самом ущелье, где проход в Грузию, и тавлинцы в его послушании. Иною дорогою, кроме того ущелья, никак пройти невозможно. И когда посылаемые от нас в Грузию все через то ущелье путь имеют, а кроме никак нельзя, и берут провожатых от помянутого Казы, понеже живущие в том ущелье все ему послушны»¹. В. В. Долгоруков называл главные причины, весьма требовавшие необходимого для России усиления своего влияния в Большой и Малой Кабардах. Их две: «...первое... от турок и крымцов; другая, для страху дагестанцом...; и с начала и ныне кабардинцы весьма желают быть в нашей протекции. И прежде они жалованье из Астрахани получали до Волынского бытности в Астрахани. И ныне кабардинских владельцев дети в аманатах у нас в крепости Святого Креста и весьма надлежит жалованья помянутым давать для того, как выше сего показано, для нашей пользы»².

За действиями России на Северном Кавказе и в Дагестане ревностно следила султанская Турция, готовая по любому поводу пойти на обострение отношений с русскими, вплоть до развязывания военного конфликта. В поисках союзника в назревавшей войне с Оттоманской Портой русская дипломатия стала проводить курс на сближение с шахским Ираном. Русское правительство выступало против предполагаемого прохождения крымских войск через Кабарду и Дагестан в Персию. Об этом же, т. е. о намерении турок, крымских и кубанских татар вторгнуться в Кабарду, с тем чтобы, пройдя через нее, вступить в Дагестан и, соединившись с Сурхай-ханом, нанести совместный удар по Ирану, было поставлено в известность шахское правительство³. В 1735 г. Россия и Иран заключили Гянджинский договор, по условиям которого Россия в силу ряда внутренних и внешнеполитических причин вынуждена была после 13-летнего владения Прикаспием согласиться на перенесение границы между государствами на Терек. Заключение этого договора, а также позитивные результаты политики России на Кавказе вызвали сильнейшее раздражение у Порты. Сразу же после заключения Гянджинского договора она попыталась через Северный Кавказ проникнуть на прикаспийские земли Ирана.

В этой ситуации русское правительство стало принимать упреждающие меры, создавать новые военные укрепления на Северном Кавказе. Срочно в Кабарду был направлен грузинский царевич Бакар Вахтангович, состоявший в родственных отношениях с некоторыми кабардинскими владельцами⁴. В связи с обострением взаимоотношений России и Турции Грузия возобновила свою просьбу к Русскому государству о возведении крепости на территории Кабарды. Такое напоминание содержалось в письме имеретинского посла в России Т. Габашвили вице-канцлеру А. И. Остерману о том, что царь Александр просил, чтобы «на пути от Российской империи к Имеретинскому царству между обеими подданными российскими Кабардами горских черкес на реке Терках близ вершин построить крепость, чрез которую все тамошние российские подданные черкесские и горские народы в совершенном подданстве утверждены быть и всякие касающиеся до Российской империи от Имеретинского царства ведомости пересылаться»⁵. Готовясь к отъезду из России на родину, имеретинский посол, опасаясь враж-

¹ КРО. Т. 2. С. 40.

² Там же. С. 40–41.

³ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С. 174.

⁴ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 79.

⁵ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С. 226.

дебных действий со стороны турецко-крымской агентуры на Северном Кавказе, обратился с просьбой к русскому правительству помочь, чтобы находившийся на русской военной службе кабардинский владделец – полковник Эльмурза Бекович Черкасский написал своим родственникам и землякам в Кабарду об обеспечении безопасности его проезда в Грузию ¹.

Началом русско-турецкой войны (1735–1739) решил воспользоваться новый правитель Ирана Надир-хан, ставший в 1737 г. шахом, для осуществления своих широкомасштабных захватнических целей. Он стремился не только к покорению всего Закавказья и Северо-Восточного Кавказа, но и планировал раздвинуть свои границы и в северокавказском направлении, захватить земли кабардинцев и других народов и выйти к Волжско-Каспийской магистрале, создав тем самым реальную угрозу южным границам Российского государства ².

Шахский Иран не только строил планы, но и сумел осуществить кое-что из своих геополитических экспансионистских задач. В первую очередь он захватил Грузию и установил здесь оккупационный режим. Страна была подвергнута безжалостному ограблению. Все местное, грузинское разрушалось, преследовалось. Насаждалась чуждая, непонятная населению иранская система управления и налогообложения. Местный социально-политический строй «картвело́ба» заменялся персидским «кызылбашо́ба» и т. д. Налоговый пресс давил и душил всех как городских, так и сельских жителей. В результате проведенной в 1741 г. захватчиками переписи, по свидетельству современника, было взято на строгий учет все, вплоть до каждой виноградной лозы и каждого фруктового дерева, и обложено тяжелыми налогами. Особенно жестокому ограблению подвергалось население Картли ³. В результате политики безудержного грабежа и угнетения иранцами экономика Грузии была сильно подорвана. В стране наступило полное обнищание, приведшее в итоге к взрыву народного негодования. Начало открытому выступлению против иранцев в Картли было положено в 1741 г. Восставших картлийцев возглавил эристав Шанше Эристави. Попытки иранцев обезглавить выступление и подавить его в зародыше не дали результатов. Освободительная борьба в Картли продолжалась. В 1742–1745 гг. во главе ее стоял крупный феодал Гиви Амилахвари, придерживавшийся пророссийской ориентации. Как свидетельствует грузинский историк П. Орбелиани, значительную помощь повстанцам оказывали черкесы и осетины ⁴. Упорная продолжительная борьба грузинского народа за свою свободу и независимость подорвала основы иноземного иранского во главе с Надир-шахом господства, способствовала успеху политики Теймураза II, известного в грузинской литературе как хороший поэт и писатель, занятию им престола, восстановлению политической самостоятельности Картлийского царства ⁵. Острая междоусобная борьба, развернувшаяся в стране после убийства Надир-шаха в 1747 г., значительно подорвала силы Ирана и негативно сказалась на его позиции на международной арене. Старая его соперница Турция не преминула воспользоваться выгодной для себя создавшейся ситуацией и постаралась упрочить свое положение в Западной Грузии и Картли, усиленно наводняя своими агентами Дагестан, Кабарду и другие районы Северного Кавказа, безуспешно стремясь

¹ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С. 233.

² Боцвадзе Т. Д. Указ. соч. С. 54.

³ История Грузии. Тбилиси. 1962. Т. 1. С. 346–347.

⁴ История Осетии в документах и материалах... Т. 1, С. 71–77.

⁵ Ломидзе Д. И. Восточная Грузия в 1735–1749 гг. («кызылбашо́ба»): Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1986. С. 20.

настроить горцев против России. В совместной борьбе против общих врагов России и Кавказа населяющие их народы все больше и больше сближались. Что же касается конкретно Грузии, то здесь нарастали позитивные перемены во внутривосточном и внешнеполитическом положении. Занявшие в 1744 г. престол в Восточной Грузии (в Картли – Теймураз II, в Кахетии – Ираклий II) подняли народные массы на борьбу за полное освобождение Грузии от иранского господства. Значительное ослабление персидской державы позволило восточногрузинским царствам Картли и Кахети, объединенным в руках христианских царей, установить в этот период свое покровительство над Ереванским и Нахичеванским ханствами¹.

Картлийский царь Теймураз II и кахетинский царь Ираклий II не только вели ожесточенную войну с иранцами, но им приходилось обороняться от нападений со стороны Джаро-Белоканских джамаатов, т. е. вольных обществ, а также соседних с востока ханств, правители которых по велению персидского шаха не давали покоя Грузии, стремясь установить свое господство в Восточном Закавказье. В этой борьбе, которая велась в 40–50-х гг. XVIII в., помимо мобилизации внутренних сил и средств восточно-грузинские цари прибегали к найму военных отрядов из среды северокавказских народов, и в частности Кабарды, развивая традиционно установившиеся добрососедские, дружеские взаимоотношения и взаимопомощи вооруженными силами. Как свидетельствуют исторические источники, в феврале 1750 г. объединенное войско грузин, кабардинцев и осетин, выступившее в поход из Тифлиса, разбило наголову иранцев в Шамшадиле. После этого, отпраздновав победу в Тбилиси, «царь отпустил черкесского повелителя, дал много чего ему и его войску, а также войску потусторонних осетин и отправил в свои страны»². Ираклий II вновь воспользовался помощью кабардинских воинов и в 1751 г., когда он одержал внушительную победу вблизи Еревана, у Кирх-булаха, над владетелем Тавриза (Южный Азербайджан) Азат-ханом, совершившим поход на Ереван во главе 18-тысячного войска³. Сам Азат-хан с большим трудом избежал позорного плена.

Десять лет спустя после этого поражения тот же Азат-хан, как об этом свидетельствуют сведения, содержащиеся в дневнике майора Татарова, в результате междоусобиц оказавшись в Турции, возвращался оттуда с войском и богатыми подарками от султана. Об этом известили грузинского царя Ираклия II. Последний отправил свое войско «для препровождения его, Азат-хана, до его области, три тысячи человек, за которым конвоем он, Азат-хан, в область Ираклия-хана и прибыл...». При этом Азат-хан был обнадежен Ираклием, что «не только со своими подданными, но склоня и Кабарду и приведя их, кабардинцев, к вспоможению ему, Азат-хану, всекрайне помогать будет. И тако оными словами и обещанием склоня его, Азат-хана, войску его приказывал, чтоб они ехали в Дейджию, а его Азат-хана с малым числом людей введя в свой город Тифлис, арестовав и отобрав у него все богатое имение, посадил под караул»⁴. Да и самое войско Азат-хана «побил и несколько взял себе в плен...»⁵. И этот

¹ Сургуладзе А. Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России. Тбилиси, 1982. С. 26–27.

² История Осетии в документах и материалах... Т. 1. С. 71–77.

³ Там же. С. 75; Тогашвили Г. Д. Указ. соч. С. 135.

⁴ Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материалов в «Ставропольских губернских ведомостях». Первое десятилетие (1850–1859). Тифлис, 1879. С. 192.

⁵ Там же. С. 192–193.

штрих, содержащийся в документе о кабардинцах, свидетельствует не только о тесных кабардино-грузинских связях, но и о той роли, которую играла Кабарда и в международных делах.

Большую действенную военную помощь кабардинцы оказывали Восточной Грузии и в защите от частых нападений со стороны Джаро-Белоканских обществ, подстрекаемых иранцами. Посылки кабардинских военных отрядов на помощь Грузии, отражавшей вооруженный натиск некоторых проирански настроенных дагестанских феодалов, были ответом на просьбы картлийско-имеретинских царей, иногда прибегавших к посредничеству русского правительства¹. Из содержания переговоров, которые вело прибывшее в Москву в ноябре 1752 г. объединенное картлинско-имеретинское посольство, явствует, что грузины особо ценили военную помощь Кабарды, ибо, как отмечал один из членов посольства, дагестанские феодалы, узнав о привлечении черкесов, пришли в отчаяние, решив, что посланы русским правительством, взявшим под свое покровительство и защиту Грузию². Об одном из совместных выступлений грузин и черкесов против лезгин у П. Орбелиани сказано: «Сразились, одержали над леками большую победу; ...преследовали их до подножья горы Орбодзли, возвратились с победой и большой добычей черкесы и грузины»³. Особенно часто грузинские цари обращались за военной помощью к владельцам Малой Кабарды.

Но на этом нападения на Грузию не прекратились. Страна находилась в состоянии постоянного напряжения и повышенной боеготовности. Однако противников было настолько много и нашествия совершались так часто, что собственных сил для их отражения было далеко не достаточно. Поэтому грузинские цари, готовясь к очередной защите, часто прибегали к помощи извне. Так было и в 1752 г., когда коварный противник хан Шеки-Ширвана Аджи-Челеби, организовав антигрузинский союз мусульманских ханств, напал на Грузию. В связи с этим Теймураз II и Ираклий II, не имея достаточных сил для отражения нового опасного вражеского нашествия, в Кабарду направили грузинское посольство во главе с Мерабом Зедгенидзе за помощью⁴. Последовало ответное посольство во главе с малокабардинскими уорками Тахушино Качбекиновым и Догжием Качажоковым⁵. Но в связи с приближением врага царь Ираклий II сам выехал в Кабарду и остановился у Хеви, а оттуда послал в Черкессию князей⁶. К этому времени сюда, в Арагвское ущелье, подоспели войска из Кабарды, к которым присоединились вооруженные осетины (тагаур-куртаулы). В исторических источниках встречаются различные данные о количестве кабардинского войска – от двух до четырех тысяч человек⁷. Пока прибывшие на помощь горцы во главе с Ираклием II достигли Картли, враг успел нанести поражение войскам Грузии, занять ее земли от Шамшадилда до Алгети и начать грабить и разорять страну⁸. Не теряя времени, Теймураз II срочно собрал кахетинских и картлийских ополченцев и напал на противника, стоявшего лагерем в Байдаре. Враг дрогнул и начал отступать. Решающее сражение между объединенными силами грузин и

¹ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С. 246–247.

² Там же.

³ Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. С 1768-го по 1774 г. / Под ред. А. А. Цагарели. СПб., 1891. Т. 1. С. 7.

⁴ История Осетии в документах и материалах Т. 1. С. 71–77.

⁵ КРО. Т. 2. С. 179.

⁶ История Осетии в документах и материалах... Т. 1. С. 75.

⁷ Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 391; Кикодзе Г. Ираклий II. Тбилиси, 1948. С. 65.

⁸ История Осетии в документах и материалах... Т. 1 С. 241–242.

горцев и противником произошло на р. Загми, на границе Казах-Шамшадилу, в котором, как сказано в источнике, особенно отличались кизикские крестьяне и кабардинское войско¹. Враг потерпел сокрушительное поражение и позорно бежал. Папуна Орбелиани (историк XVIII в.) писал, что обратили «в бегство сына Аджи-Чалаба и ганджинского хана, врезались черкесы (в ряды противника) и, как кошек, рубили кизилбашей»².

Сведения об этом совместном сражении грузин, кабардинцев и осетин против хана Шеки-Ширвана Аджи-Челебия содержатся и у П. Г. Буткова.

Таким образом, в результате дальновидной, искусной политики, решительных боевых действий Теймураза II и Ираклия II, а также существенной военной помощи, оказанной Грузии со стороны Кабарды и Осетии, удалось выстоять, успешно отразив натиски врагов. Союз мусульманских ханств, угрожавший юго-восточным границам Картли-Кахети, был парализован и распался.

Победы над Азат-ханом и Аджи-Челебием, одержанные грузинами при поддержке кабардинцев и других северокавказских горцев, значительно укрепили положение Картли и Кахети, однако мелкие набеги и крупные вторжения дагестанских феодалов на территорию Грузии не прекращались. Одно из таких масштабных вторжений организовал в 1754 г. хунзахский владетель Нурсал-бек. В связи с этим, по сведениям историка Папуны Орбелиани, цари послали людей в Черкесию (Кабарду). Хотя с некоторым опозданием, но помощь подоспела. «Пришли в Ананури войска: черкесские (кабардинские), калмыкские, джигские, кистинские, глигвские, ногайские и осетинские» со своими предводителями. Они расположились в Дидубе, вблизи от Тбилиси. Им были преподнесены ценные подарки. Предводители воинов были одарены золотым и серебряным оружием. После битвы воины-горцы вернулись домой. Но борьба грузинского народа за свою свободу и независимость на этом не закончилась.

В 1755 г. Нурсал-бек с большими силами вновь вторгся в Грузию, имея целью одним сильным ударом уничтожить Картли и Кахети. «В Грузии, очевидно, ждали нового вражеского нашествия. До его начала в Кабарде побывал Рамаз Эндроникашвили с миссией собрать войско в помощь Грузии». Грозная опасность порабощения Грузии была устранена. Отряд кабардинцев, осетин и калмыков «был участником неравной, но героической победной борьбы грузинского народа за свою независимость. После разгрома Нурсал-бека цари наградили своих союзников – осетин, кабардинцев и отпустили их домой»³.

В России внимательно следили за событиями в Грузии. Но, будучи связанным в своих действиях условиями Белградского договора с Турцией, русское правительство не могло оказать ей военную помощь, даже открыто организовать поддержку своих надежных преданных союзников в лице северокавказских горцев⁴. И тем не менее правители Грузии продолжали через своих эмиссаров вербовать вооруженные вспомогательные отряды в Кабарде и Осетии, как это видно из донесений капитана князя Отара Туманова в Коллегию иностранных дел 17 июля 1754 г. и 22 мая 1756 г.⁵ Военные отряды кабардинцев и осетин, как сказано выше, приняли активное участие в эти годы в борьбе Грузии с хунзахским ханом

¹ История Грузии. Тбилиси, 1962. Т. 1. С. 359.

² История Осетии в документах и материалах. Т. 1. С. 71–77.

³ Тогошвили Г. Д. Указ. соч. С. 136–137.

⁴ Пайчадзе Г. Г. Указ. соч. С. 258.

⁵ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 134–135, 141–142.

Нурсал-беком и помогли избежать очередной серьезной опасности, угрожавшей Картли и Кахетии¹.

В результате одержанных военных побед и проведенных внутривосточных мероприятий под управлением Теймураза II и его сына Ираклия II Кахетинское царство значительно окрепло. Однако оставалась нерешенной главнейшая задача – полное освобождение Грузии от персидского господства. Для решения этой проблемы одних внутренних сил было недостаточно, требовалась серьезная военная и материальная помощь извне, т. е. России. С этой целью в Петербург выехал сам царь Картли Теймураз II. 30 апреля 1760 г. он в сопровождении малокабардинского князя Батоки Алиева с его людьми прибыл на русскую границу². В столице России Теймураз II просил военной или финансовой помощи, чтобы нанять вспомогательные отряды для борьбы против иранских захватчиков и других внешних врагов Грузии³. Переговоры были длительными, но безуспешными. К тому же во время переговоров, 8 января 1762 г., в России скончался царь Теймураз. Говоря о причинах такого исхода переговоров, грузинский историк Т. Д. Боцвадзе пишет: «Россия, которая на Северном Кавказе и в Прикаспии на протяжении всего отмеченного периода фактически осуществляла оборонительную политику как в отношении Турции, так и в отношении Ирана, не могла, естественно, решительно откликнуться на внешнеполитические запросы Грузии, поскольку эта последняя требовала от нее открытого выступления против Турции и Ирана»⁴.

Иной подход российского правительства к решению грузинского вопроса в данной политической ситуации вызвал бы дополнительные осложнения с Турцией, с тревогой следившей за продвижением России на юг и всеми силами безуспешно стремившейся изолировать от нее кавказские народы. «Тем более, что в ноябре 1759 г. турецкое правительство потребовало у русского резидента в Константинополе А. М. Обрезкова зачеркнуть в тексте верительных грамот, выданных русской императрицей, упоминание в тексте выражения «государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей»⁵. В то же время Российское государство всегда принимало близкое участие в политических судьбах Грузии, «не уклонялось от заступничества за Грузию перед Ираном и Турцией. Не случайно поэтому в продолжение XVI–XVIII вв. в русско-персидских дипломатических отношениях грузинский вопрос занимал одно из центральных мест»⁶. С не меньшим постоянством и настойчивостью русская дипломатия отстаивала интересы Грузии и перед Османской Портою.

Горцы Северного Кавказа, в том числе и джаро-белоканцы, вовлекались грузинскими царями Теймуразом II, Ираклием II и Георгием XII в борьбу с соседними ханами, а также в междоусобную борьбу в самих грузинских царствах и княжествах. Горцы Дагестана выступали против грузинских феодалов совместно с грузинскими крестьянами. Феодалы Дагестана, Северной Осетии и других областей совершали набеги на Грузию.

¹ История Осетии в документах и материалах... Т. 1. С. 71–77; *Тогошвили Г. Д.* Из истории грузино-вайнахских взаимоотношений // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1964. Т. 5. Вып. 1. С. 152.

² *Мачарадзе В. Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 236–237.

³ Там же. С. 91, 189.

⁴ *Боцвадзе Т. Д.* Указ. соч. С. 58.

⁵ *Пайчадзе Г. Г.* Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983. С. 65.

⁶ *Кокеев Г. А.* Сношения России с народами Кавказа // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 116.

Однако неправомерно сводить взаимоотношения народов Северного Кавказа и Грузии к феодальным набегам. Источники и глубокое их изучение дают основание считать, что «несмотря на наличие целого ряда факторов, вызывавших обострение политической обстановки, способствовавших осложнению грузино-дагестанских отношений, «ни в коей мере не прерывался ритм органических грузино-дагестанских отношений в культурно-экономической жизни, что указывало на полное отстаивание принципа многовековой дружбы и добрососедства между грузинскими и дагестанскими народами»¹. Иначе быть не могло: проживая бок о бок и постоянно общаясь, перенимая друг у друга культурные ценности с незапамятных времен, отстаивая свою честь и свободу в совместной вооруженной борьбе против одних и тех же иноземных завоевателей, народы Кавказа не могли не испытывать друг к другу чувства симпатии и солидарности, подлинно дружественных братских взаимоотношений.

«История убедительно свидетельствует, что религиозные и национальные различия не являются непреодолимой преградой на пути установления дружбы между народами. Известны случаи, когда дагестанцы, чеченцы, кабардинцы и другие мусульманские народы Кавказа совместно с христианскими грузинами и осетинами боролись против нашествия мусульманских стран, в частности Крыма, Ирана и Турции»². Добавим, что их всех в этой борьбе возглавляла христианская Россия.

После смерти Теймураза II царем объединенной Картли-Кахети стал его сын Ираклий II. Своим умелым правлением он сумел обуздать и подчинить усилившейся царской власти непокорных феодалов, завершив тем самым процесс объединения Восточной Грузии. Причастность северокавказских горцев, и в частности кабардинцев и осетин, к этому важному для Грузии историческому событию отчетливо прослеживается в документах. Об этом, например, красноречиво свидетельствует рапорт прапорщика Дмитрия Мангова в Кизлярскую канцелярию 25 сентября 1762 г. Мангов докладывал, что 20 августа прибыл в Грузию с письмом высшего начальства и вручил его царевичу (Ираклию II), но последний не дал ответа, так как спешно уезжал в Кахети и обещал составить таковое по возвращении из поездки. И далее в рапорте сказано: «Куда и отправился, и с ним черкесской владелец Батокай и с тремя человеками, да осетинский... со ста человеки отправилось, да черкасских и осетинских народов всех четыреста человек и с царевичем помирились и каждому человеку от него дано по десяти рублей, и царевич в Кахетии остался, а осетинцы и кабардинцы сентября 2-го числа приехали и Тифлис; царевич же писал из Кахетии, чтоб на четыреста рублей парчи отдать, как кабардинцов, так осетинцов вместе отправить в отечество свое...»³.

Теймуразу II и Ираклию II удалось разбить соседние ханства и сделать их своими данниками, но лезгинская «угроза», как тогда называли в Грузии все дагестанские нашествия, продолжала оставаться. Для участия в защите Грузии от непрекращавшихся мелких набегов дагестанских феодалов вновь прибыли кабардинцы. Прапорщик Д. Мангов сообщал в другом документе, что летом 1762 г.

¹ История, география и этнография Дагестана. Махачкала, 1958. С. 115; Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931. С. 52–53; Более подробно об этом см.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 402–405.

² Абдулаев М. А. Несостоятельность буржуазной фальсификации взаимоотношений народов Кавказа // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 169.

³ Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материалов... С. 311–312.

в Тифлис прибыл малокабардинский князь Батока с многочисленным отрядом¹. Князь, возглавлявший отряд, состоял в свойстве с покойным царем Теймуразом II. Поэтому, выразив соболезнование Ираклию II, кабардинцы приняли активное участие в войне с Джаром². В конечном итоге Ираклию II, государственному деятелю и полководцу, ставшему во главе объединенного Картли-Кахетинского царства и возглавившему борьбу за национальное возрождение, когда ирано-турецкая агрессия грозила самому существованию грузинского народа, удалось наладить отношения с Джаром и Дагестаном, а также заключить договоры с Турцией и Ираном. Но на долговечность союза с последними агрессивными опаснейшими врагами, давними соперниками за господство над народами Закавказья, нельзя было рассчитывать. Союз был хрупким и временным. Они ждали удобного момента для взятия реванша. Отлично понимая все это, Ираклий II продолжал рашарить и укреплять свои связи с Северным Кавказом и Россией. Его занимали проблемы путей сообщения с севером, он стремился привлечь внимание горцев к строительству дороги через Куртатинское ущелье. С этой целью он посылал своих эмиссаров к кабардинцам и осетинам, что видно из донесения ротмистра А. Киреева кизлярскому коменданту 21 июля 1768 г., в котором говорилось: «...один крещеной старшина Андрей, а по их названию Алегука, секретно мне сказывал, что хотя он, Ираклий, и призывает их якобы для совету о проложении новой дороги к безопасному проезду караванам, но, как он примечает, и у них есть известие, что персицкой Векиль Керим-хан и с ним высланной из России грузинский князь Александр Бакаров приближаются с войском к Тифлизу для доставления со стороны Керим-хана Тифлизу оному князю Александру Бакарову. То Иракли, будучи от сего в опасности, якоже все тифлиские жители имеют больше склонность к князю Александру, видно, желает, проложит такую дорогу, при неудачливом ему времени оною сам с фамилею укрытца во осетинакия пределы, и по призыву ево старшины и Малой Кабарды владельцы ехать к нему, Ираклию, намерены...»³.

Важной вехой в истории взаимоотношений народов Кавказа с Россией явились итоги русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в которой кавказцы приняли активное участие на стороне России, видя в ней свою союзницу и надежную защитницу. Грузинские части совместно с русскими войсками под командованием генерала Тотлебена участвовали в осаде крепости Аццури, занятой турками. В апреле 1770 г. грузинские войска во главе с Ираклием II одержали блестящую победу в сражении над турками. Вслед за этим они нанесли поражение еще более крупному четырехтысячному отряду противника. В годы войны, как и раньше, связующим звеном между Россией и Грузией выступала Кабарда, через земли которой русские войска беспрепятственно следовали из России в Грузию, встречая доброжелательное отношение и помощь со стороны местного населения⁴. Русское правительство высоко ценило такое расположение горцев, и в частности кабардинцев, к России, их готовность обеспечить безопасность путей сообщения последней с Грузией, ставшей одним из театров военных действий против Турции.

Россия, сказано в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «усердно заботилась о создании дружественных отношений с кабардинцами, которые...

¹ *Мачарадзе В. Г.* Указ. соч. Ч. 2. С. 551–554.

² Там же.

³ РОО. Т. 2. С. 182–183.

⁴ Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии... Т. 1. С. 35.

владели всеми дорогами, ведущими с плоскости к наиболее удобному перевалу через Главный Кавказский хребет»¹.

В инструкции надворному советнику князю Маурову от 27 мая 1769 г. говорилось: «Большой Кабарды владельцы, имеющие во всех горских народах инфлюэнцию (линию влияния), считают их себе подвластными, а важные причины были, и теперь настоят сих владельцев не раздражать. Вы можете получить обстоятельное известие от кизлярского коменданта о состоянии и обстоятельствах всех тамошних народов, о взаимном их соответствии, о сопряжении их дел и с грузинскими и о здешних в рассуждении их правилах; но без сомнения, ни жители Малой Кабарды, ни осетинцы в проезде вашем с архиереем никакого пренияства не сделают, а охотно вас от места до места проводят и всякое способствование делать будут, к чему, однако же, кизлярский же комендант подготовить их должен»². И в годы войны наряду с боевым содружеством не прекращались и дипломатические связи между Грузией и Россией. Из России шли войска в Закавказье на фронт, а из Грузии посольства направлялись в столицу Русского государства для ведения переговоров под охраной военных дружин кабардинских владельцев. Об одном из таких случаев, имевших место в январе 1769 г., кизлярский комендант Н. П. Потапов доносил. Речь шла о посольстве Имеретинского митрополита Максима в Петербург. Комендант писал: «Сверх того упросил я Малой Кабарды владельца Рослан-бека Таусултанова, бывшего у меня в приезде, чтобы он, охранив их, взял на свое попечение, который по усердию своему на то согласился и вслед за ними от меня отправился...»³

По условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключенного 10 июля 1774 г. между Россией и Турцией, не была обеспечена независимость Грузии, на что рассчитывали ее правители. Правда, в соответствии с 23-м параграфом Турция обязывалась амнистировать всех, кто сражался против нее в Западной Грузии, не притеснять христиан. Западная Грузия освобождалась от тяжелейшей и унижительной дани юношами и девушками, отправляемыми в Оттоманскую Порту. Турция обязывалась торжественно и навсегда отказаться отбывать дани людьми. В целом же, поскольку «помянутые народы (Западной Грузии) находятся подданными Блистательной Порты, то Российская империя не имеет совсем впредь в оные вмешиваться, иже притеснять их»⁴. Как подчеркивается в «Истории Грузии», этот параграф мирного договора имел для Грузии важное значение в том отношении, что «он демонстрировал готовность России официально брать под свою защиту интересы Грузии в Закавказье, и Турция признавала за Россией право на это»⁵. В целом, по заключению специалистов-историков, Кючук-Кайнарджийский договор «не только обеспечил России влияние на Северо-Западном и Центральном Кавказе, но и дал ей надежный ключ к проникновению в Закавказье»⁶. Как подчеркивает современный грузинский исследователь Т. Д. Боцвадзе, с данного времени «начался необратимый процесс присоединения Грузии к России»⁷. После внушительной победы, одержанной в русско-турецкой войне, значительно укрепилась позиция России на Кавказе и заодно власть имеретинского царя Соломона. Разграбленная страна с заключе-

¹ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1894. С. 780–781.

² Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии... С. 43.

³ Там же. С. 26.

⁴ Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974. С. 64.

⁵ История Грузии. Т. 1. С. 373.

⁶ Боцвадзе Т. Д. Указ. соч. С. 67.

⁷ Там же. С. 67.

нием мира в 1774 г. наконец обрела сравнительный покой. Но грузинская проблема не была решена. Предстояла еще серьезная борьба для полного освобождения ее от иноземного господства. Поэтому не ослабевало и внимание России к этой стране, она продолжала расширять и укреплять свои коммуникации, создавать опорные базы на путях сообщения с Закавказьем. Наиболее подходящим местом в плане географическом и стратегическом, местом для устройства такого пункта был определен район Татартупского городища в Малой Кабарде. Докладывая об этом выборе императрице, астраханский губернатор П. Кречетников в апреле 1775 г. писал: «Сей же город лежит в самом сердце гор, прикрывает Малую Кабарду от Большой и делает лутчую дорогу в Грузию, что и неоспоримо, что Малая Кабарда будет совсем в наших руках, да и Большая в лутчее по соседству обуздание неминуемо придет. Тогда ближней способ возымеем и о Грузии помыслить, как ей быть и от терпимых ею несносных от разных народов разорений охранить, ибо от Татартупа до Меретинских границ только два дня езды. Беспрекословное есть дело, что сие предприятие важного труда и прилежания требует...»¹.

Выдающийся прогрессивный деятель своего времени Ираклий II в 70–80-х гг. XVIII столетия проводит целый ряд важнейших реформ, направленных на возрождение экономики, совершенствование государственного устройства, поднятие престижа Грузии на международной арене. Среди этих важных мероприятий, проводившихся Ираклием II, серьезное место занимала проблема организации регулярной грузинской армии, преимущества которой перед плохо обученным и плохо вооруженным феодальным ополчением были очевидны. В связи с этим, чтобы иметь в составе своего войска кабардинцев, Ираклий II, хорошо знавший об их боевых качествах, делает попытки переселить их в Грузию². Однако, как видно из переписки русской военной администрации на Кавказе, Россия не разделяла этой идеи правителя Картлийско-Кахетинского царства. Да и сами кабардинцы, стойко привязанные к родной земле отцов и дедов, которая была для них бесконечно дорога и священна, и не желавшие удалиться от русских, не поддержали планы Ираклия II относительно их переселения. Малокабардинские владельцы, сообщившие об этом моздокскому коменданту Иванову, говорили: «Мы не хотя... нарушить учиненной присяги, от тово подговора удаляемся и совершенно желаем остаться при своих отцовских местах непоколебимо»³.

Несмотря на значительные успехи внутренней и внешней политики Ираклия II, положение его царства оставалось сложным и трудным. Своенравные грузинские феодалы, страшившиеся усиления центральной власти, не желавшие мириться с фактом объединения Картли и Кахети, продолжали оказывать упорное сопротивление. Они прибегали к помощи извне, заключали союзы с иранцами, турками и другими врагами Грузии. Кизылбаши против Ираклия II использовали проиранской ориентации тщеславного внука Вахтанга VI царевича Александра Бакаровича, претендовавшего на грузинский престол. К своей борьбе за царство Александр попытался привлечь и горцев Северного Кавказа, для чего он прибыл в Кабарду. Но на этот раз горцы отказались от поддержки, видимо, расценив затею царевича как бессмысленную авантюру⁴. Но на этом не прекратил

¹ Архив КБНИИ, ф. 1, д. 12, л. 346.

² КРО. Т. 2. С. 334, 342.

³ Там же. С. 334.

⁴ Маркова О. П. Феодальная реакция на прогрессивную политику единодержавия в Грузии // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966. С. 373–374.

свою борьбу царевич Александр, сын Бакара. Он с помощью владетеля Ширвана Фатали-хана, являвшегося в 80-х гг. XVIII в. наиболее сильным противником Грузии в Восточном Закавказье, собрал военные силы для похода против Картлийско-Кахетинского царства. Внешние и внутренние враги грузинского народа наращивали свои губительные действия. Над Грузией нависла реальная угроза, поставившая ее перед альтернативой: «...или, с одной стороны, быть поглощенной Турцией и «отуреченной», или быть поглощенной и ассимилированной Ираном, или оказаться под властью дагестано-джарских феодалов, или же, с другой стороны, вступить под протекторат царской России»¹. Выбор был сделан в пользу последней.

В декабре 1782 г. картлийско-кахетинский царь Ираклий II обратился к России с просьбой принять Грузию под свое покровительство. Просьба была поддержана российской стороной. 24 июля 1783 г. в Георгиевской крепости на Северном Кавказе между Россией и Грузией был заключен «дружественный договор» о добровольном вступлении Восточной Грузии под покровительство России, получивший название Георгиевского трактата. Заключение Георгиевского договора явилось историческим актом, выражавшим общность коренных интересов договаривающихся сторон, облегчавшим многовековую борьбу народов Кавказа против ига Турции и Ирана, важной политической вехой в истории русско-грузинских взаимоотношений, их естественным, закономерным этапом на пути завершения процесса присоединения Грузии к России в 1801 г.

С заключением Георгиевского трактата еще более остро стал вопрос о налаживании связи между Грузией и Россией, границы которой вплотную приближались к Главному Кавказскому хребту. Поэтому в 1783 г. Ираклий снова поднимает перед русским правительством вопрос о пользовании Дарьяльской дорогой – главным путем, по которому в Картли проходили союзники, осуществлялась межгосударственная связь. Ставился также вопрос о строительстве военной крепости прямо на границе с Кабардой, с которой Грузия имела давние династические связи, являвшиеся как всегда следствием тесных союзнических контактов, служивших логическим завершением политических взаимоотношений союзных народов. О том, что связи Картли и Кахети с государственными образованиями Северного Кавказа могут служить своего рода образцом военно-политических взаимоотношений, свидетельствуют древнегрузинские источники. По сведениям выдающегося грузинского историка и этнографа XVIII в. Вахушти Багратиони, сына Вахтанга VI, имеретинский царь Георгий II, мегрельский и гурийский владетели были женаты на трех сестрах – кабардинских княжнах. Родная сестра Алказа Джамурзина (внука малокабардинского князя Джиялхстанова) была матерью царя Кахети, а сестра самого Адильгирея Джиялхстанова была замужем за имеретинским князем Д. Орбелиани и т. д. Значение этих династических связей, особенно с малокабардинскими князьями рода Джиялхстановых, становится ясным при учете того обстоятельства, что основные пути сообщения между Россией и Грузией пролегали через земли этих владетелей, которые много способствовали налаживанию и укреплению русско-грузинских отношений². Как свидетельствуют документальные и письменные источники, в средневековой Кабарде при выходе замуж девушек из привилегированного владетельного сословия невесту сопровождали некоторые подданные родителей, которые, как правило, оставались при княжнах, поменяв таким образом постоянное ме-

¹ Боцвадзе Т. Д. Указ. соч. С. 74.

² Вахушти Багратиони. История Грузии. 1913. С. 292–293.

стожительство, а со временем и национальность. Именно таким путем, как об этом свидетельствуют исторические источники, оказались на южной стороне Главного Кавказского хребта предки грузинских князей Черкезишвили, дворян Пастамлишвили, которые в 1563 г. сопровождали кабардинскую княжну, ставшую царицей – женой грузинского царя Георгия II¹. Династические браки между кабардинцами и грузинами еще в XVII в. не были редкостью. Сын мегрельского владетельного князя Леона Дадиани, просившего в 1638 г. у московского государя защиты и покровительства от недругов, взял в жены дочь кабардинского владетеля Алегуки Шогенукова. В статейных списках, куда подробно заносилось все виденное и слышанное в Мегрели, прибывшими сюда послами России в ноябре 1639 г., толмачом Федором Елчиным и священником Павлом, говорилось: «Мая в 1 день Левонтья царя посланник из Алегукиной Кабарды, имя ему Тавей, а с ним от Алегуки пришел посол ко царю Левонтью, а имя ему Ельбуздук; договорились послы с царем Левонтьем и взять у Алегуки за сына своего дочь, а дать ему, Левонтью царю, Алегуке сто душ ясырю, да сто серебряных сосудов, да сто золотых платей, да сто кобылиц, сто быков, сто пищалей, на том у них и договор стал»². В исторических источниках XVII в. содержатся сведения также и о том, что дочь другого кабардинского князя, Кульчуки Килимбетова, была замужем за братом известного политического деятеля и поэта Грузии Арчила³.

Династические связи Грузии и Кабарды получили дальнейшее развитие в рассматриваемом XVIII в. Насколько они были нужными и полезными и выручали в критических ситуациях, свидетельствует брак картлийского царя Вахтанга VI. Он был женат на дочери кабардинского князя Таусултанова, которую, по словам П. Г. Буткова, в Грузии любовно называли «солнцеподобно сияющей царицей Русудан»⁴. Во время переезда в Россию в 1724 г. со своей семьей и свитой Вахтанг VI с большим традиционно кавказским радушием был принят в Малой Кабарде в гостеприимном доме родителей жены, а затем, погостив здесь, в сопровождении ее родственников направился к российским границам⁵.

Другой пример. В июле 1781 г. Ираклий II в письме к сменившему И. В. Якоби на посту астраханского губернатора генерал-майору Ф. И. Фабрициану писал: «Вы изволили прописать в своем письме о сродственнике нашем – Малой Кабарды владельце Келемете Ахлове, что вы по просьбе нашей во всем сделали ему удовольствие. За сие приношу нашу благодарность; да и впредь прошу не оставлять нашей просьбы»⁶.

Династические браки имели место не только между кабардинцами и грузинами, но и у последних с балкарцами. Подобные связи, как известно, прослеживаются между западногрузинскими (сванскими) князьями Дадешкелиани и балкарскими горскими князьями (таубиями) Урусбиевыми, из числа которых потом вышли известные просветители Балкарии⁷. Если, как сказано выше, некоторые грузинские фамилии происходят от кабардинских, то в Балкарии есть фамилии, которые ведут свое начало из-за Главного Кавказского хребта. Таковыми счи-

¹ Джанашивили М. Г. Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 56.

² Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: (Статьные списки). М.; Л., 1954. С. 222.

³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 5. С. 402, 405.

⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 505.

⁵ История Осетии в документах и материалах... Т. 1. С. 67.

⁶ Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии (конец 60 – начало 90-х гг. XVIII в.): Документы и материалы. Тбилиси, 1980. С. 52.

⁷ Азаматов К., Рехвишвили И. Указ. соч.

таются фамилии: Курдлар (от Курдиани), Эриставлар (от Эристави) и т. д.¹ Если династические браки заключались между представителями социальной верхушки Грузии, Кабарды и Балкарии, то в среде трудовых масс имели место и просто смешанные браки. Грузины разными путями попадали в Кабарду и Балкарию: в результате побега от своих феодалов², а также в качестве военнопленных из Дагестана. Оказавшись волею судеб в Кабарде и Балкарии, они здесь обзаводились семьями и начинали новую жизнь³. Грузины в Кабарде и Балкарии не считались чужаками, отношения у них с коренными жителями были отличные. Они жили вместе мирно и дружно, уважительно относились к сложившимся веками национальным обычаям и религиозным верованиям друг друга, берегли добрые отношения, установившиеся многими поколениями своих народов, трудились, перенимая опыт хозяйствования друг у друга, становились кунаками, заключали брачные семейные узы. Местом компактного совместного поселения кабардинцев и грузин в XVIII в. были северокавказские города Кизляр и Моздок. Говоря о месте и роли грузин на Тереке в рассматриваемую эпоху, исследователь В. Н. Гамрекели пишет, что «значение грузинского населения в истории Притеречья XVIII в. усугубляется тем, что Кизляр и Моздок были важнейшими политико-административными и торговыми центрами и относительно цивилизованными пунктами Притеречья и основными стратегическими базами России на Северном Кавказе. Следовательно, грузинские поселения легли конструктивными элементами в важнейших, решающих пунктах Притеречья»⁴.

Важное значение в деле налаживания межэтнических контактов, установления между ними доверия, взаимопонимания и уважения имела торговля. Торговые контакты между северокавказскими горцами и народами Закавказья, и в частности с грузинами, настолько древние, насколько древние связи этих народов. Как об этом свидетельствуют древнегрузинские и византийские источники, эти связи четко прослеживаются в античную эпоху. Торговые люди этих народов встречались на рынках как на Северном Кавказе, так и в самой Грузии, в ее первой древней столице Мцхете, «возникновение и расцвет которой тесно связаны с внутри- и внешнеполитическими обстоятельствами Картлийского царства античной эпохи, в истории которого, как известно, большую роль сыграли народы Северного Кавказа и Дагестана», торговое и стратегическое значение которой «было велико не только для Грузии, но и для Кавказа в целом. История древней Мцхеты – это, по существу, история Картлийского царства античной эпохи». «Мцхета являлась, – пишет Г. А. Меликишвили, – местом скрещения дорог, идущих из Северного Кавказа, Армении, Албании и Колхиды». Один из городов Картлийского царства в античную эпоху, Урбниси, «лежал на большой торговой магистрали, соединявшей народы Северного Кавказа с государствами Закавказья». Что же касается Тбилиси, то он «в большей мере, чем Мцхета, был одним из средоточий политической и экономической жизни Закавказья, через него пролегли торговые и стратегические пути, имевшие важное значение для Кавказа в целом»⁵. Как отмечается в «Истории Грузии», рассматриваемый XVIII в., точнее, его вторая половина, «явился эпохой возрождения как внутрен-

¹ Робакидзе А. Что удалось обнаружить этнографам // Заря Востока. 1959. 22 февр.

² Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии... Т. 1. С. 192.

³ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. С. 271–272.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Морели Леонти. Жизнь картлийских царей. (Комментарии). М.: Наука, 1979. С. 49, 50.

них, так и внешних торговых отношений, почти прекратившихся из-за ирано-турецких нашествий. Центром возродившейся торговли стал Тбилиси». Здесь же сказано, что роль последнего как международного торгового центра особенно возросла «после восстановления торгового пути через Дарьяльское ущелье. Теперь купцы из Тбилиси и других городов Грузии стали частыми гостями не только на ярмарках Астрахани, Моздока, Кизляра, но и в крупнейших торговых центрах России, Москве и Нижнем Новгороде»¹. Грузинские купцы вывозили на внешний рынок пушнину, шелк, шерсть, железо, порох, зерно, табак, кожевенные изделия, марену, топленое масло и др. Среди северокавказских горцев, посещавших Грузию в те годы с торговой целью, были и кабардинцы, привозившие оттуда хлопчатобумажные и шелковые ткани², а также порох³. А гнали туда лошадей, вывозили продукты скотоводческого хозяйства, изделия домашних промыслов и ремесел. При этом для развития торговли с северокавказскими народами, поощрения торговых людей из горцев, Грузией «по древним обычаям кабардинцы, лезгины и осетины» были «освобождены издревле от пошлин»⁴. Центрами традиционных торговых сделок балкарцев с грузинами являлись населенные пункты Рачинского уезда Кутаисской губернии, а также села Сванети⁵. Говоря об этом, Иоганн Бларамберг писал: «Они ездят торговать в Имеретию до Рачи. Они на реке Риони, эти населенные пункты удалены, по некоторым сведениям, на 55 верст от их главного поселения Улу-Малкар. В эти пункты можно попасть, лишь перейдя ужасные ущелья, утопавшие в снегах, где путники часто гибнут под снежными лавинами. Товары, которые они везут, это главным образом войлочные бурки, коричневое и светло-желтое сукно, считающееся очень качественным, войлок, башлыки и меха; они выменивают все это на хлопчатобумажные и шелковые ткани, иглы, золотые и серебряные блески, табак, трубки и галантерею»⁶.

Торговые сделки производились и в самой Балкарии, куда крестьяне грузинских сел Рача, Геби, Гори и других через Главный Кавказский снеговой хребет доставляли свои товары и обменивали их на шерсть, шкуры, различные изделия местных мастериц. Порою имели место и денежные расчеты, для чего использовались грузинские и турецкие монеты. При этом многие торговые люди из Грузии находились под покровительством и надежной защитой балкарских таубиев и других привилегированных лиц, которые содействовали сбыту грузинских товаров в балкарских обществах, соседних Кабарде и Карачае. Если же балкарцы с торговой целью ездили в Имеретию, то местные торговцы сопровождали их, способствуя реализации привезенного товара.

Заметную роль в торговых связях грузин и кабардинцев играл район Притеречья. Во второй половине XVIII в. только в одном Моздоке проживали 872 грузина, составляя 19,7 процента населения города⁷. Грузины и кабардинцы, жившие в Моздоке и других северокавказских городах, не только общались между собой и вступали в торговые сделки, но и, как свидетельствуют документы, грузинские торговые люди ездили со своими товарами в Кабарду. Так, среди архивных материалов канцелярий комендантов Дербента и крепости Св. Креста, а также

¹ История Грузии. Тбилиси, 1962. С. 378.

² Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936. С. 332.

³ КРО. Т. 2. С. 55.

⁴ См.: АКАК. Т. 1. С. 481; *Гамрекелли В. Н.* Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. Ч. 1. С. 28.

⁵ *Азаматов К., Рехвиашвили И.* Указ. соч.

⁶ *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 199.

⁷ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 52.

канцелярий гражданского суда крепости Св. Креста за 1728–1729 гг. встречается много таких бумаг, в которых упоминаются проживающими в крупнейшем в раннем Средневековье городе Дербенте и Св. Кресте «грузины и грузинские армяне», занятые хозяйственной деятельностью или едущие «для торгового промысла» в Астрахань, Кабарду, казачьи гребенские городки и более близкие пункты Северного Кавказа¹. В другом документе, относящемся к 1780 г., сказано, что «по билету г-на полковника Иванова» торгующий «здесь в Моздоке тифлисский житель католик Антонов» на пароконной телеге «в Большую Кабарду для торгу из крепости пропущен»².

Из года в год увеличивался объем посреднической торговли между Россией и Грузией, которая осуществлялась через Северный Кавказ по восстановленному после долгого бездействия старому торговому караванному пути Дарьяльского ущелья. Купцы из Тифлиса и других городов Грузии стали частыми посетителями базаров и ярмарок не только в Моздоке, Кизляре, в которых происходила бойкая торговля с северокавказскими горцами, но и в крупнейших торговых центрах России – Астрахани, Москве, Нижнем Новгороде и др.

По основному пути сообщения с Закавказьем – Дарьяльской дороге, военно-стратегическое и торгово-экономическое значение которой хорошо понимали и турецкие захватчики, неспроста сделавшие еще в 1729 г. неудачную попытку построить на ней крепость, только в одном 1760 г. было перевезено товаров на сумму около 160 тыс. руб., спустя 8 лет товарооборот возрос до 400 тыс. руб.³ Рост товарооборота в результате расширения русско-грузинских торговых связей приводил к неуклонному падению уровня экономических взаимоотношений между Грузией и шахским Ираном⁴. Расширение торгово-экономических связей между Россией и Грузией всегда позитивно сказывалось на развитии внутренней и внешней торговли Кабарды, торговые люди которой часто встречались с грузинскими купцами как на рынках Моздока и Кизляра, так и самой Грузии, как это было в декабре 1770 г., когда они, «несколько человек», оказались в Имеретии «для торгу»⁵. Примечательным являлся факт совместных согласованных действий кабардинских и грузинских купцов при совершении отдельных торговых сделок. Так, в октябре 1791 г. был составлен вексель, данный совместно кабардинским узденем и моздокским грузином-торговцем армянскому купцу о получении им в заем 660 руб.⁶ При этом торговые сделки носили различные формы⁷ и были значительными по своим размерам: в январе 1783 г. один из моздокских торговцев, грузин Т. Георгиев, вместе с двумя армянами закупили в Кабарде (Большой и Малой) «триста две лошади, которых гнали для продажи в Грузию»⁸. Еще раньше, т. е. 2 мая 1780 г., как видно из рапорта дежурного караула у проезжих ворот Моздокской крепости поручика И. Денисова в Моздокскую комендантскую канцелярию, по билету полковника Иванова торгующий здесь тифлисский житель грузин Тетия Егоров с двумя работниками «для пригону покупных

¹ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 31.

² Там же. С. 228.

³ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 30.

⁴ Там же.

⁵ Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 1. С. 181.

⁶ Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии... С. 55.

⁷ Там же. С. 188.

⁸ Там же. С. 63.

лошадей, а также и привозу овчин бараньих в Большую Кабарду с ево оружием, из крепости пропущены»¹. Торговля была выгодна для всех ее участников. Она способствовала разрушению хозяйственной замкнутости горцев, повышению уровня их жизни, расширению и укреплению межэтнических контактов.

Развитие русско-грузинских отношений, являвшихся органической составной частью общей кавказской политики России, «было немислимо без установления соответствующих связей с северными осетинами и кабардинцами, территории которых отделяли Грузию от России»².

Таким образом, подводя итоги, надо сказать, что в течение XVI–XVIII вв. роль Кабарды являлась существенной во взаимоотношениях Грузии, находившейся в полном окружении враждебного ей мира, с Россией. Она «явилась тем связующим звеном, посредством которого Грузия – как справедливо считает Т. Д. Боцвадзе, – смогла вырваться из указанного окружения (т. е. Турции, Крымского ханства и Ирана. – Р. Г.), сблизиться и в конечном итоге окончательно связать свою судьбу с Россией, а через нее установить связи с Западной Европой»³.

¹ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 224.

² Тогошвили Г. Д. Указ. соч. С. 137–138.

³ Боцвадзе Т. Д. Указ. соч. С. 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Связи кабардинцев и балкарцев, как и других северокавказских горцев, с Россией насчитывают многие столетия, имея на своем протяжении более или менее очерченные этапы и периоды.

Важнейшей, поворотной вехой в истории взаимоотношений России с горскими народами Северного Кавказа явилось установление тесного союза Кабарды с Россией, ставшего плодотворным, прогрессивным историческим актом. Оно положило начало сближению народов Кавказа с Россией. Первой исторической тропе, проложенной адыгами (черкесами), суждено было со временем превратиться в широкую столбовую дорогу, связывавшую Россию с Кавказом. Смысл заключенного союза по-разному воспринимался сторонами: Кабарда – как союз и покровительство, а Россия – как подданство. Да и сами кабардинцы в переговорах нередко пользовались термином «подданство», вкладывая в него тот же смысл – союз и покровительство. Отвергая притязания Турции и Крыма, кабардинцы всегда утверждали, что они «подданные России». Одно из первых мест в «Наказах», которыми снабжались посылавшиеся на Кавказ русские посольства XVI–XVII вв., писала Е. Н. Кушева, «занимали проблемы подданства, которое в то время для народов Кавказа хотя и носило весьма формальный характер в отношении России, все-таки в сложившейся политической ситуации, при осложняющихся отношениях России с Турцией, Персией и Крымским ханством несомненно имело определенный политический смысл не только для России, но и для народов Кавказа»¹.

Но «подданство» это имело свои существенные отличительные особенности, которые состояли прежде всего и том, что Россия почти не вмешивалась во внутренние дела горцев вплоть до создания здесь российского административного аппарата, ограничиваясь в основном примирением враждующих феодальных группировок. Начало введения в Кабарде русской военной администрации было положено в 1769 г., когда для наблюдения за горскими владельцами в Кабарду был назначен в качестве пристава секунд-майор Дмитрий Тоганов, которому было предписано летом жить в Кабарде, а на зиму переходить в Моздок и оттуда поддерживать постоянную связь с Кабардой². Но это не внесло особых изменений в характер взаимоотношений горцев с Россией, как об этом свидетельствовало Рассуждение Коллегии иностранных дел, составленное не ранее 15 февраля 1778 г. и касавшееся непосредственно Кабарды. В нем отмечалось, что «по крайней мере поныне еще нужды не было только близко иметь обращенным внимание здешнее на их внутреннее поведение, будучи довольствованность только присвоением их в политическом или наружном отношении к здешней стороне...»³. Поскольку документ этот был составлен по поводу жалоб кабардинского «черного народа» на притеснение со стороны своих владельцев и прошения «о принятии онаго в высочайшее ея императорского величества покровительство», в Рассуждении предписывалось ответить старшинам кабардинского «черного народа», что «однажды навсегда дано кабардинским владельцам императорским словом обнадеживание, содержать их в здешнем подданстве по примеру высоких ея императорского величества предков, монархов всероссийских, при всех их правах и

¹ Кушева Е. Н. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. документов. М., 1997. С. 271.

² См.: Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 100.

³ КРО. Т. 2. С. 329.

вольностях, с предоставлением собственному их распоряжению всех дел, касающихся до внутреннего их состояния и хозяйства, то при таких обстоятельствах и всякия непосредственныя разбирательства между их народом и владельцами не должны входить уже за пределы их кабардинского общества выходить...»¹.

Несмотря на стремление авторов Рассуждения в более выгодном свете представить политику самодержавной власти по отношению к местному населению, документ этот проливает некоторый свет на характер взаимоотношений России с горцами, которые даже после учреждения Кавказского наместничества в 1785 г. и создания здесь российского административного аппарата сохраняли относительную самостоятельность в решении вопросов внутренней жизни горских обществ. Так, в Особом повелении от 28 мая 1800 г. русской администрации на Кавказе предписывалось стараться как можно меньше вмешиваться во внутренние дела горцев между собой, если это не вредит интересам Российского государства, его границам, «разумея, что сии народы находятся больше в вассальстве российском, нежели в подданстве»².

Что же касается Кабарды, то еще в 1557 г. ею был установлен союз с Россией и покровительство со стороны последней. С этого времени вопрос о взаимоотношении с Россией, русским народом становится одним из узловых вопросов в истории кабардинского и балкарского народов. Только в связи с историей России, вступившей еще в XVII столетии в новый период своей истории, прошедшей через петровские преобразования начала XVIII в. и сделавшей большой скачок в своем развитии, ставшей мировой державой, можно рассматривать и понять историю этих и других народов Кавказа.

Россия, находясь на сравнительно высоком для того времени уровне развития, оказывала прогрессивное влияние на экономику, культуру и быт горцев, способствовала стабилизации их внутрисполитической жизни.

Русские города на Северном Кавказе – Кизляр, Моздок и другие, возникновение которых было связано с массовым заселением края переселенцами из внутренних губерний страны, как и все феодальные города России XVIII в., отличались многофункциональностью. Возникнув как военные укрепления, они одновременно выступали и как центры административных единиц, торгово-экономической, политической и культурной жизни, стимулируя развитие основных отраслей экономики края – земледелия и скотоводства, а также крестьянских промыслов и ремесла.

Заселение северокавказских земель русским крестьянством и казачеством, которое происходило в условиях отсталых феодально-крепостнических отношений и проводилось самодержавным правительством с его реакционными целями и методами, привело к резкому сокращению земельных угодий кабардинцев и сказалось на развитии их хозяйственной деятельности. Тем не менее «взаимное использование опыта, производственных навыков, знакомство с новыми культурами и методами труда сближали кавказские народы с русскими переселенцами и обогащали их...»³.

Вместе с тем происходил неуклонный процесс дальнейшего сближения и укрепления разносторонних связей между самими горскими народами, ставшими лучше понимать друг друга. С течением времени происходило значительное смягчение остроты межнациональной и междоусобной борьбы горских феодалов. Было сведено на нет такое уродливое социальное явление, как работорговля, долгое время поощрявшаяся Турцией, Крымом и Ираном, почти исчезла кровная месть – страшный бич горцев. Элементы просвещения стали постепенно проникать в их среду.

¹ КРО. Т. 2. С. 331.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. Т. 2. С. 562.

³ Чекменев С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и первой половине XIX в. Пятигорск, 1967. С. 349.

Такие позитивные сдвиги в социально-экономических отношениях, политической и культурной жизни горцев стали возможными во многом благодаря тому, что Россия, как надежный щит, прикрывала и защищала их от внешних врагов, и прежде всего от соседних агрессивных военно-феодалных восточных империй Османов и Сефевидов. За спиной этих империй, остро соперничавших за установление своего безраздельного господства на Кавказе, порабощение его народов, стояли западные державы, преследовавшие далеко идущие своекорыстные цели, всячески мешавшие возвышению России, превращению ее в великую мировую державу.

В этих условиях Россия должна была проводить очень осторожную, гибкую политику в кавказском вопросе, являвшемся составной частью всей восточной проблемы. Сама Россия, будучи кровно заинтересованной в укреплении позиции на Кавказе, твердо и неуклонно отстаивала интересы горцев на международной арене, силою оружия защищала их от внешних врагов. При этом задача осложнялась тем, что Кабарда и Балкария в рассматриваемое время не представляли единого целого, а находились в состоянии феодальной раздробленности. При наличии развитых феодальных отношений в Кабарде не было централизованного государства. Власть старшего князя была номинальной, как это отмечалось в рапорте командующего Кавказским корпусом П. С. Потемкина генерал-аншефу Г. А. Потемкину от 24 ноября 1782 г.: «...самый старший их владелец Джанхот, которому старшинство отдают по преимуществу лет... не имеет он ни прямой власти держать народ в повиновении...»¹. Феодалы, разделившись на враждующие между собой группировки, безжалостно истребляли друг друга, подрывали жизненные силы Кабарды, делали ее легкой добычей внешних врагов. Поэтому Кабарда и Балкария нуждались не только в военной защите от иноземных захватчиков, но и в «покровительстве» власти России, способной умиротворить местных владельцев, избавить горские общества от разорительных феодальных междоусобиц.

Кабардинцы и балкарцы, как и другие горцы, в свою очередь, стойко держались русской стороны, принимали активное участие в вооруженной борьбе против общих врагов России и кавказских народов. В ходе этой борьбы крепло их боевое содружество, закладывались основы традиций взаимной помощи и поддержки.

Многие выходцы из Кабарды – князья Черкасские и другие, – занимая высокие административные и военные посты в Российском государстве, преданно служили делу возвышения России, отличались на поле брани с ее врагами.

Самодержавно-крепостнический строй, существовавший в то время в России, безусловно, накладывал свой отрицательный отпечаток на русско-кабардино-балкарские отношения рассматриваемого периода. С другой стороны, и поведение некоторых своенравных местных феодалов также временами приводило к созданию конфликтных ситуаций, обострению отношений с Россией. Но, несмотря на все эти негативные моменты, русско-кабардино-балкарские отношения развивались по восходящей линии. Расширение и углубление разносторонних связей России с горскими народами являлись определяющей тенденцией в истории их взаимоотношений.

В остром соперничестве держав горцы всегда «держались российской стороны», оставались верными союзу и дружбе, что, естественно, способствовало решению кавказской проблемы в пользу России.

При этом кабардинцы и балкарцы, первыми положив начало установлению тесных союзнических взаимоотношений с Россией, не только подали пример другим кавказским народам, но и немало способствовали их сближению с Русским государством.

Наступление сравнительно мирной обстановки в регионе, сокращение разорительных войн с внешним врагом и междоусобиц, ликвидация работорговли благотворно

¹ КРО. Т. 2. С. 350.

отражались на экономике Северного Кавказа, открывались возможности для восстановления разрушенных населенных пунктов, развития торговли, хозяйственного освоения богатых природных ресурсов края. Но, к сожалению, характер взаимоотношений между Россией и северокавказскими горцами, и в частности с Кабардой, стали резко меняться примерно со второй половины XVIII в. Первоначально это был военно-политический союз Кабарды с Россией, направленный против общих внешних врагов и плодотворно служивший их обоюдным интересам. Кабарда как была самостоятельной, так и оставалась таковой. Российская администрация на Кавказе старалась не покушаться на ее независимость, на традиции, обычаи, быт, нравы и верования горцев, не разрушать специфику их хозяйственного и общественного бытия.

С течением времени, с усилением феодально-крепостнической эксплуатации, осложнявшейся развитием капиталистических отношений, царизм, укрепив свои позиции в регионе, стал распространять свое влияние на сопредельные народы, стал стеснять их свободу, подвергать поруганию их традиции и обычаи, имевшие силу закона, захватывать их земли и возводить на них военные крепости и укрепления. И ответом на рост эксплуатации и угнетения, на колониальную экспансию явились антифеодальные, антиколониальные выступления, которые подавлялись военной силой. Особую остроту эта борьба приняла в последней трети XVIII в., получив название Кавказской войны. Печальным финалом Кавказской войны, заключительным аккордом всех невзгод и страданий, выпавших на долю адыгов, в конце этой войны в результате колониальной политики царизма явилось массовое насильственное переселение их в Турцию, негативные последствия которого были настолько велики, что преувеличивать их просто невозможно. Это был период, полный драматических картин, гибели многих тысяч ни в чем не повинных людей, приведшей к крупнейшей демографической катастрофе, которая вместе с усиленной колонизацией края перекроила традиционный этнический облик Кавказа.

Говоря о жестокости и вопиющем антигуманном акте со стороны царизма, а также о далеко не благовидной роли Турции и стоявших за ее спиной некоторых западных держав, преследовавших своекорыстные, экспансионистские цели, необходимо всегда помнить, что лучшие умы России и Запада, представители передовой прогрессивной культуры всего мира осуждали Кавказскую войну, глубоко сочувствовали горцам, расценивая их борьбу как борьбу за свою независимость и свободу. Более того, трагическими эти события стали и для русского народа, который был ввергнут в войну царской колониальной политикой.

Взаимоотношения между Россией и кабардинскими, а затем и другими северокавказскими владетелями, первоначально носившие характер союза и покровительства, со временем трансформировались и приняли форму протектората, и завершился этот длительный процесс включением края в состав Российской империи не без использования колониальных методов, силовых действий.

И сегодня, изучая историю давно минувших дней, надо сказать, что ретроспективная оценка прошлого способна во многом прояснить и современную ситуацию, и будущую. Она дает возможность увидеть истоки нынешних проблем, извлечь из опыта прошлого значимые для социальной практики уроки. Как говорил еще В. Г. Белинский, мы допрашиваем прошлое для того, чтобы его поставить на службу настоящему. А настоящее – это веками накопленный опыт совместной жизни и труда наших народов, когда даже в самые острые кризисные моменты не зарастала тропа, ведущая друг к другу. Это опыт их боевого содружества против общих врагов России и Кавказа. Опыт их дружбы, выдержавшей испытания временем, опыт героической борьбы трудящихся горцев вместе с русским народом против русского царя за свое социальное и национальное освобождение.

**ВСПОМИНАЯ
РАШАДА ХУСЕЙНОВИЧА
ГУГОВА**

УЧЕНЫЙ РОССИЙСКОГО МАСШТАБА

Послевоенные годы ознаменовались появлением на Северном Кавказе плеяды талантливых историков, которые, по существу, положили начало качественно новому этапу северокавказской историографии. Среди этих историков видное место принадлежит выдающемуся ученому, крупному педагогу, активному организатору науки Рашаду Хусейновичу Гугову.

Мне довелось работать вместе с ним над коллективным многотомным трудом по истории народов Северного Кавказа, быть официальным оппонентом на защите его докторской диссертации, общаться с ним в Москве, Ростове, Нальчике.

Мои беглые заметки лишь малая часть для характеристики этого достойного сына Кабарды. Но я считаю своим долгом дополнить хотя бы несколькими штрихами образ человека, который был моим любимым младшим другом.

В начале 70-х годов прошлого века в недрах Института истории АН СССР зародилась идея создания нескольких многотомных региональных историй: народов Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, Поволжья и Северного Кавказа.

Идея, поддержанная учеными союзных и автономных республик, казалась перспективной и полезной – ведь документы свидетельствовали о том, что, несмотря на многочисленные трудности и конфликты, доминантой межнациональных отношений в регионах было дружеское, практическое сотрудничество. Значит, исторические свидетельства должны были споспешествовать дальнейшему укреплению сотрудничества и дружбы народов, их морально-политическому и культурному взаимообогащению.

Мы провели ряд встреч и совещаний, разработали проспекты, выпустив их отдельными брошюрами, создали вчерне авторские и редакторские коллективы, начали работу.

Однако вскоре стали возникать трудности, препятствия, противоречия. Один за другим возникали конфликты между учеными разных республик – армянами и азербайджанцами, узбеками и таджиками и т. д.

Думаю, что уже тогда у ряда историков проявлялись нездоровые тенденции националистического характера, приведшие в дальнейшем к открытым, далеким от науки шовинистически-сепаратистским взглядам.

Любопытно, что поначалу концепционная несовместимость касалась вопросов древней истории. Азербайджанский академик А. Сумбат-Заде со всей серьезностью говорил мне: «Вам, работающим по двадцатому веку, легко. Ответы на все исторические вопросы даны в партийных решениях, а дружба народа стала нерушимой».

Увы, почтеннейший ученый ошибался. Партийные документы не стали палочкой-выручалочкой, дружба народов во многих регионах была взорвана сепаратистами, а ряд ученых изменили свои оценки, сменив плюсы на минусы и наоборот.

Так или иначе, работа над региональными многотомниками прекратилась. Лишь по одному изданию «процесс пошел», и пошел хорошо. Это была четырехтомная история народов Северного Кавказа.

В 1975 году историки Северного Кавказа собрались в Нальчике для обсуждения планов работы. Из Москвы приехали А. Л. Нарочницкий, А. Новосельцев,

из Махачкалы – Г. Г. Гамзатов и (не буду перечислять, чтобы не утомить читателя) ведущие историки из всех автономий и областей Северного Кавказа от Ростова-на-Дону до Карачаево-Черкесии.

Тогда я и познакомился с Рашадом Хусейновичем Гуговым. Он активно включился в подготовку издания, в первую очередь третьего тома истории Северного Кавказа. Том (я был его главным редактором) охватывал 1917–1940 годы, Рашад Хусейнович стал одним из авторов и членом редколлегии.

Работа над томом имела ряд существенных особенностей. Надо было отразить историю всех республик и областей региона. В то же время нельзя было превращать работу в сборник изолированных республиканских мини-историй, в некое мозаичное панно. Нужен единый стержень, нужно показывать общее и специфическое, показывать конкретные межнациональные и межобластные связи – и это при постоянно менявшихся границах областей и республик и преобразовании их статуса. Применительно к каждой области и республике надо показать развитие экономики, культуры, государственное строительство, политическую жизнь. И при этом, не дай бог забыть, перечисляя деятелей культуры, кого-то из республиканских авторитетов.

Рашад Хусейнович в этой работе оказался незаменим. Его знание истории и соответственно исторических деятелей всех республик и областей региона – поражало. Он воспринимал все это, как родное, свое. Сказался как высокий профессионализм ученого, преподавателя, так и истинный интернационализм человека, не делавшего никаких различий между кабардинцем и аварцем, русским и черкесом, кумыком и карачаевцем.

Рашад Хусейнович решительно выступал против попыток оторвать события в том или ином регионе от общего процесса, представить их изолированными. Не было революции отдельно в Кабарде или Адыгее. Была единая общероссийская революция, волны которой захлестнули и Северный Кавказ, имея повсеместно свою специфику.

Не менее важным был и подбор авторов. Республики и области ревниво следили за составом участников издания. Проблема представительства в авторском коллективе считалась проблемой престижа. «Почему от этой республики три автора, а от этой только один?» – подобные вопросы постоянно звучали на совещаниях и обсуждениях. Но представительство представительством, а не менее важна компетентность авторов.

И здесь Рашад Хусейнович проявил широкую эрудицию и знание научных кадров. Вместе мы провели ряд совещаний, обсуждений глав и разделов. Его оценки были убедительны, предложения – разумны, критика – аргументирована. Он всегда находил общий язык с авторами, часто путем взаимного компромисса. Я видел, каким высоким был авторитет Р. Х. Гугова, причем он возрастал с каждым совещанием, а компетентность ни разу не подверглась сомнению.

После прекращения работы над историей Северного Кавказа (два тома вышли, а наш том, третий, было решено задержать, хотя он был готов), я не раз встречался с Рашадом, знал его активной научной и административной работе.

Достоинным завершением научного творчества Рашада Хусейновича явилось фундаментальное исследование «Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией», увидевшее свет в 1999 году.

Для каждого народа, входившего в состав Российской империи, а затем СССР, вопрос о взаимоотношениях с Россией является одним из кардинальных. Как, с какого времени, какой характер носили эти взаимоотношения, как было осу-

шествованию вхождение в состав России – эти процессы, сложные и противоречивые, служили предметом многих дискуссий. Были суждения юбилейно-лакировочные, были и есть высказывания, рожденные на гнилой почве сепаратизма и рисующие в черном свете сближение народов Северного Кавказа с Россией.

Ответ на неизбежно возникающие сложные вопросы может быть только один – тщательное, объективное, по-настоящему научное исследование, не скрывающее трудностей и противоречий процесса, вскрывающее как позитивные, так и негативные его стороны.

История плохо защищена от фальсификаций. Достаточно недобросовестному автору вычеркнуть одну фразу из важного документа, и все изложение может обрести противоположный смысл.

Рашад Хусейнович проявил себя подлинным ученым-исследователем, твердым сторонником правдивого, честного освещения истории. Он проделал гигантскую работу по сбору материалов. В Москве изучал фонды Центрального государственного архива древних актов, Архива внешней политики России, Центрального государственного военно-исторического архива; в Санкт-Петербурге – фонды Российского государственного исторического архива. Рашад Хусейнович обследовал фонды областных и республиканских архивов – в Астрахани, Краснодаре, Владикавказе, Нальчике, Махачкале, Ставрополе. Немало дней он провел в архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН, архива РАН, в отделах рукописей Российской государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Московского исторического музея, института востоковедения РАН.

Найти нужные материалы, перевести, проанализировать, сопоставить – только человек, сам наглотавшийся архивной пыли, поймет, какой титанический труд был проделан Рашадом Хусейновичем. А несметное количество печатных источников, в том числе редчайших! В современной литературе мало найдется исторических трудов, опирающихся на такую огромную источниковедческую базу.

Труд Р. Х. Гугова – настоящая энциклопедия жизни Кабарды и Балкарии в XVIII веке. Автор подробно, основательно рассказывает о территории и населении Кабарды и Балкарии, о хозяйственной жизни, исследует социальные отношения и политический строй. Он не идеализирует прошлое, а показывает и антифеодальные выступления, и феодальную междоусобную борьбу.

Специальная глава посвящена торгово-экономическим и культурным связям с Россией.

Кабарда и Балкария, находясь в сердце Кавказа, имели огромное значение для решения многих важнейших проблем, связанных с судьбой Кавказа в целом. Р. Х. Гугов разворачивает широкое полотно развития взаимоотношений Кабарды и Балкарии с Россией, Грузией, Дагестаном и другими кавказскими народами.

Талантливый исследователь, высокоэрудированный автор, прошедший прекрасную школу общения с московскими, ленинградскими, ростовскими, владикавказскими учеными, человек, бесконечно влюбленный в прошлое родного края, до конца преданный идее писать честно и правдиво, Рашад Хусейнович создал замечательный труд.

Он не очерняет историю взаимоотношений России с Кабардой и Балкарией, но и не лакирует ее. Он резко критикует тех флюгероподобных историков (к сожалению, их было много в советское время, а ныне вовсе не стало меньше), которые выпячивали прогрессивную цивилизаторскую роль России, предавая забвению жестокую колонизаторскую роль царизма. Не менее вредны и взгляды тех авто-

ров, которые искажают суть русско-кавказских отношений, выискивая только негатив.

Рашад Хусейнович в качестве эпитафии к своей книге выбрал примечательные слова А. С. Пушкина: «...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой Бог нам дал ее».

Вся жизнь и деятельность выдающегося сына кабардинского народа, крупного ученого российского масштаба Рашада Хусейновича Гугова говорит о том, что он неизменно и твердо следовал этому завету великого поэта.

Ю. Поляков,
академик Российской академии наук,
заслуженный деятель науки РФ

г. Москва

ВСХОДЫ МЫСЛИ

Р. Х. Гугов обладал многими положительными качествами, каждое из которых достойно специального рассмотрения. Среди них – его черты ученого и организатора науки. Именно в этих областях мне приходилось с ним общаться больше всего.

В середине 80-х годов научный совет АН СССР по проблеме российских революций разработал большой проект создания серии монографических работ по интервенции в Советскую Россию (под общей редакцией академика И. И. Минца). Каждая монография должна была раскрыть проблему в рамках отдельно взятого региона СССР. В качестве таковых было выделено около десятка больших районов страны, в числе которых значился и Дон с Северным Кавказом. К реализации проекта привлекались местные специалисты. Ответственным редактором монографии бюро вышеуказанного научного совета АН СССР утвердило автора этих строк как председателя его Северо-Кавказской секции.

В авторский коллектив вошли Д. Д. Гакаев, М. И. Гиоев, Р. Х. Гугов, Ю. К. Кириенко, А. И. Козлов, К. Т. Лайпанов, У. А. Улигов, К. А. Хмелевский, Л. А. Этенко. Каждый из них имел по составным частям проблемы значительные научные публикации, разделы в диссертациях, в индивидуальных и коллективных монографиях.

Однако работа над монографией потребовала больших дополнительных изысканий. Тем не менее все авторы, проявив завидное трудолюбие, представили порученные им разделы в установленный срок и на уровне, отвечающим научным требованиям. После редакторской работы рукопись оказалась готовой к коллективному обсуждению.

Вот тогда-то и встал вопрос, где и когда собираться авторскому коллективу. Дело это сложное, тонкое и щепетильное. Особенно на Северном Кавказе. Тем более значимо, что самым оптимальным вариантом большинством авторов был назван Кабардино-Балкарский НИИ истории, экономики и языка. Всех привлекла к себе обаятельность, культура, высокий профессионализм Р. Х. Гугова, которому самоотверженно во всем помогал неутомимый У. А. Улигов.

Рашад Хусейнович с готовностью принял предложение возложить на свои плечи обременительные хлопоты организатора. Без труда он достиг договоренности на этот счет со своим директором Х. И. Хутуевым, человеком основательным, деловым и энергичным, понимающим важность предстоящей встречи.

В начале летних отпусков, когда уже никого не сдерживали служебные обязанности, связанные главным образом с преподавательской деятельностью в вузах, авторы будущей монографии собрались в благословенном городе Нальчике. Разместились в новой гостинице на берегу большого озера, волны которого потихоньку набегали на берег, издавая ласковый тихий шелест.

Работали, что называется в поте лица. Уточнялись события, даты, документы, стыковались главы, параграфы. Весьма критично, но объективно, справедливо, по-товарищески тщательно просматривал рукопись внешний рецензент от научного совета В. Д. Поликарпов, специалист высокой квалификации с разносторонней профессиональной подготовкой, эрудиция которого помогала органически написать локальные события в контекст общероссийских и мировых процессов.

Царила атмосфера творческой дискуссии. Споры не прекращались нигде, порой жаркие и горячие, но всегда остававшиеся в рамках научной этики, потому что их вели ученые, стремившиеся к максимально правдивому показу исторического прошлого, хотя и в рамках господствовавшей тогда жесткой методологии. Реплики, замечания, выступления Рашада Хусейновича отличались сдержанностью, отточенностью. В силу присущих ему терпимости, мягкости, уважительного отношения к инакомыслию, он вносил в дискуссию умиротворение, способствовал поиску и достижению принципиально выверенного консенсуса. К его вескому слову внимательно прислушивались, как правило, соглашаясь с ним, все присутствующие.

Большой авторитет Р. Х. Гугова предопределялся уже опубликованными к тому времени многочисленными публикациями, монографическими в том числе, получившими высокую оценку научной общественности. Каждый его труд заключал в себе огромный корпус документов, впервые вводимых в научный оборот, глубоким и обстоятельным теоретическим его осмыслением. Диапазон его научных интересов был исключительно широким, простираясь от раннего Средневековья до современности. Знание ученым глубин истории способствовало всестороннему осмыслению им неразрывной связи времен, давало возможность просматривать прошлое как единый процесс со всеми присущими ему зигзагами, поворотами, катаклизмами. Такими он видел пути родной Кабарды к сближению с Россией.

Замечательный сын своего народа, один из самых популярных горцев Северного Кавказа, Рашад Гугов показал, что кабардинцы, будучи неразрывной частью россиян, не смогут существовать в отрыве от России, что объективный ход истории на веки вечные связал всех россиян – все населяющие страну народы – единой неразрывной судьбой, исключил любой сепаратизм как антинародное явление, от кого бы он ни исходил и каким бы знаменем ни прикрывался.

Центральное место в исследовательских поисках Р. Х. Гугова занимали события 1917–1922 годов, перевернувшие Россию и потрясшие весь мир. Тому, как они отразились и преломились в Кабарде, Балкарии, на всем Северном Кавказе, он посвятил капитальный труд, докторскую диссертацию, блестяще защищенную в Ростовском госуниверситете, целую серию всевозможных по жанру публикаций.

На одной из встреч в конце середины 80-х годов прошлого века, в которой принимали участие Р. Х. Гугов, автор этих строк и Лев Александрович Этенко –

энергичный и плодотворно работающий ученый, возникла идея написать монографию, посвященную приближающемуся 70-летию Октябрьской революции. Кажется, ее подал Л. А. Этенко, а мы подхватили ее. Р. Х. Гугов, тогда уже директор Кабардино-Балкарского НИИ, кроме авторства, возложил на свои плечи издательские заботы и хлопоты, всегда сложные, в том числе и в те времена.

Подготовка рукописи заняла больше года. Пришлось поднять огромные пласты литературы, сопоставить и проанализировать точки зрения десятков ученых Кабарды, Балкарии, Осетии, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Карачая, Черкесии, Ставрополя, Кубани и Дона, Москвы...

И вот в конце марта 1988 года Р. Х. Гугов прислал нам в Ростов несколько десятков еще пахнущих издательской краской книг.

В середине апреля я прилетел на несколько дней из Москвы (где стажировался в МГУ) в Ростов, и мы вместе с Л. А. Этенко подписали экземпляры для коллег, часть которых, улетая в Москву 16 апреля, я забрал с собой. А 18 апреля, увы, не стало Льва Александровича. Мы с Р. Х. Гуговым глубоко скорбели по невосполнимой утрате. Решили пока отложить написание второй книги, продолжающей первую, о гражданской войне на Юге России. Разные хлопоты, хвори и боли вынуждали нас откладывать реализацию идеи. Весной 2001 года Рашад Хусейнович позвонил мне: «Давай братья за книжку? В память о Леве. Я уже приступаю». Но судьба-злодейка снова распорядилась по-своему... Что он успел сделать, не знаю... Не исключено, что начатая рукопись существует. Рашад Хусейнович был человеком слова.

И еще об одном событии, непосредственно связанном с Р. Х. Гуговым.

...Конец 80-х годов. Перестройка, начатая М. С. Горбачевым, вступила в зенит. Как никогда до этого, актуализировалась проблема казачества. Ранее – в 1980-м и 1986 году – на базе Карачаево-Черкесского НИИ истории, экономики и языка, при активном содействии его директоров Р. А. Джанибековой и М. И.-А. Бирюкова, были проведены две научные конференции по участию казаков в революции и гражданской войне. Встала задача – раздвинуть хронологические рамки казачьей проблематики, опуститься в глубину веков.

Третью конференцию по казачеству, по предложению Северо-Кавказской секции научного совета АН СССР по революциям, решено было провести в Нальчике, на базе КБНИИ. Его руководитель Р. Х. Гугов воспринял это с большим интересом. Участие в конференции, состоявшейся в апреле 1990 года, приняли ученые со всех концов СССР и из-за рубежа. Она прошла организованно, на высоком научном уровне. Без преувеличения можно сказать, что именно эта встреча ученых наметила важнейшие направления дальнейшей разработки истории казачества, вокруг которых сложились коллективы специалистов.

Впоследствии конференции по казачеству обрели регулярный характер. Во многом благодаря усилиям профессора Кубанского государственного университета В. Н. Ратушняка и атамана Кубанского казачьего войска В. П. Громова. Но фундамент современной историографии по казачеству закладывался в Нальчике, и весомый вклад осуществлен руками Р. Х. Гугова.

...Засеянное Рашадом Хусейновичем Гуговым научное поле долго-долго будет колоситься всходами мысли, создавая новые пласты разумного и вечного.

А. Козлов,
доктор исторических наук, профессор РГУ,
заслуженный деятель науки РФ

И СВЕТОЧ, И ОГОНЬ...

Какой светильник разума угас,
Какое сердце биться перестало!
Н. А. Некрасов

По моему глубокому убеждению, издание книги о Рашаде Хусейновиче Гугове не просто дань уважения выдающемуся ученому, замечательному человеку, вся жизнь которого – высокий пример самоотверженного служения своему народу, науке, подлинным рыцарем которой он был. Это – нечто более возвышенное и актуальное для нынешних и грядущих поколений людей. Это – попытка в полный голос сказать правду о тех бесценных богатствах, которые оставил наш ушедший друг всем живым, богатствах, которые не исчисляются в злате и иных мнимых ценностях.

Содеянное им – итог трудового подвига, а любой ратный или трудовой подвиг человека принадлежит совершившему его только в момент свершения, дальше он становится общенародным достоянием.

Настоящий человек, каким и был Рашад Хусейнович, по-моему, имеет две жизни. Одну – земную, брентную, короткую, как выстрел, в рамках которой он реализует себя, и, естественно, связанную лично с ним. Другую – в памяти народной, над которой безвластно время, принадлежащую не ушедшему в мир иной, а народу. Вот почему все, что говорится и пишется о второй жизни человека, – достояние тех, для кого он был и светочем, и огнем.

Так уж устроены мы, что не можем по-настоящему оценить рядом живущего, даже если он выдающаяся личность. Видимо, это происходит потому, что частенько у нас нет возможности помнить и знать все об этом человеке, а, главное, в этом, очевидно, нет и необходимости. Мы даже о воздухе вспоминаем только тогда, когда его не хватает. Для того чтобы разглядеть гору, надо ведь тоже отойти от нее на какое-то расстояние. Невольно на ум приходят есенинские строки: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии».

Вот почему мне кажется, что следует обязательно отмечать юбилейные даты выдающихся людей, из ряда которых, безусловно, был Рашад Хусейнович. Это нужно не для громкого, многолюдного застолья. Речь идет о юбилеях-привалах, на которые соберутся соратники и единомышленники, чтобы сообща мысленно остановить время, подвести итог содеянного юбиларом, уточнить пути его дальнейшего восхождения. Об этом подумалось потому, что объективные причины помешали Рашаду Хусейновичу созвать друзей и коллег на 70-летие, а коварная смерть лишила нас возможности собраться на его 75-летие, до которого, к великому сожалению, он не дожил ровно пять дней. Поэтому его многочисленным соратникам и ученикам пришлось говорить о нем уже в траурной обстановке, как бы извиняясь перед ушедшим.

В тот скорбный день на кладбище в Баксане, еще не до конца веря, что закончился земной путь нашего верного друга, я впервые задумался над тем, кем он был для окружающих, кого лишился народ, кого потеряла отечественная наука и, наконец, кем он был лично для меня. Эти вопросы не покидали меня не только

по пути домой в Осетию, но и последующее время. В памяти прокручивались все события моей жизни, неразрывно связанные с ним, те почти 50 лет нашей ничем не запятнанной братской дружбы. Сведя воедино все, что мне известно о Рашаде Хусейновиче – педагоге, ученом, организаторе науки и общественно-политическом деятеле, пришел к выводу, что он в одну земную жизнь вместил столько содеянного, чего хватило бы на несколько полноценных человеческих жизней. И пожалуй, впервые до конца осознал, что он был не только самородком, одаренным природой ярким, многогранным, неповторимым талантом, но и подлинным кузнецом своего счастья, кузнецом мощным, начавшим ковать свое счастье с раннего детства.

Жизнь этого скромного, обаятельного, деликатного, мудрого человека можно сравнить с неустрашимым полетом могучего, гордого орла, который по мере прибавления сил рвется все выше и выше, раздвигая горизонты, покоряя все новые и новые высоты.

Обычно, когда хотят подчеркнуть неординарность мыслей и действий человека, используют эпитеты «оригинальный», «неповторимый» и т. д. В случае с Рашадом Хусейновичем такие слова лишь констатация фактов. В этом я убедился уже при первой нашей встрече, состоявшейся в конце пятидесятых годов в Москве в стенах Центрального партийного архива. Рашад – тогда сотрудник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института – упорно работал над темой кандидатской диссертации «Кабардино-Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР», которую несколько позже блестяще защитил в Институте истории АН СССР.

Познакомившись, на протяжении 15 дней мы ежедневно корпели над фондами архива, а вечерами долго беседовали, гуляя по Москве. В ходе этих бесед обсуждали самые разные проблемы истории, быта, традиций и обычаев не только своих народов, но и других национальностей, населяющих наш регион.

В этом красивом, молодом человеке, удивительно скромном, учтивом и уважительном в отношении старших, меня поражало все: и блестящее знание истории, и глубина, оригинальность суждений, и подлинная научная одержимость. Он трудился целыми днями, с полной отдачей сил.

Как-то он поведал мне свою биографию, начиная с босоногого детства, проведенного в селении Красное Гедуко Прималкинского района Кабардино-Балкарии, учебы в школе в суровые годы войны, по окончании которой он в 17 лет стал учителем, а вскоре и директором. Как в 1950 году, после окончания с отличием исторического факультета КБГУ, в возрасте 23 лет был оставлен при университете преподавателем истории, а спустя четыре года вместе с группой молодых перспективных товарищей направлен для укрепления Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

Слушал я его удивительную историю, а на ум пришли слова, сказанные знаменитым Расулом Гамзатовым: «Можно покорить весь мир, но тяжелее всего дастся родной аул». В самом деле, горцы – дети сурового края – скупы на похвалу и весьма взыскательны в отношении своих младших, которым надо проявить незаурядную удаль, чтобы заслужить признание и любовь. И подумалось: надо быть поистине бесстрашным нартом, чтобы отважиться в свои семнадцать лет на самое тяжелое – покорение родного селения.

Вспомнив эти факты, я заключил, что Красно-Гедукская школа явилась стартовой площадкой для будущего выдающегося учителя, неиссякаемого деятеля добра и света.

Говоря об учителе Р. Х. Гугове, я имею в виду не только его талантливые содержательные уроки, которые он давал в школьном классе и вузовских аудиториях. Рашад Хусейнович был учителем с большой буквы в каждый из прожитых им дней независимо от того, какую должность занимал, с кем общался. Он относился к той редкой категории людей, которые в любом качестве являются высоким примером для подражания, то есть всегда и всюду учат окружающих людей не только и не столько словом, сколько своими действиями и поступками.

Тогда же, в ходе наших первых московских встреч, Рашад преподавал мне замечательные уроки по истории Кабардино-Балкарии, которую он любил незабвенно. Именно благодаря его вдохновенным рассказам-урокам о кабардинцах, балкарцах, их истории, обычаях и традициях, он проложил в моем сердце тропу подлинной любви к народам соседней республики, о которых я имел представление в основном только по литературе.

Уже значительно позже мне посчастливилось сотрудничать с Рашадом Хусейновичем в совете по защите диссертаций при Кабардино-Балкарском государственном университете и наблюдать, как он заботливо, по-отцовски занимался формированием молодых ученых. Каждое его выступление по обсуждавшимся диссертациям отличалось не только квалифицированностью и содержательностью, но и искренней заботой о соискателях, независимо от их национальной принадлежности. Он понимал, что народ, у которого молодежь не становится умнее старших и не идет дальше их по жизни, не имеет будущего. Вот почему педагог Р. Х. Гугов утверждал, что любой ученый только тогда может считать выполненным свой долг перед народом, когда его ученики превзойдут его.

Трудно сосчитать, сколько молодых людей преуспело в науке благодаря усилиям, заинтересованности, доброжелательной помощи Р. Х. Гугова. Несмотря на постоянную занятость научной работой, он охотно выступал в качестве официального оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций в различных научных центрах страны.

Уже став руководителем научно-исследовательского института, он целенаправленно расширял фронт подготовки кадров через аспирантуру института.

Рашад Хусейнович неизменно оставался воспитателем-педагогом, даже будучи избранным в высшие партийные и советские органы республики.

Не будет преувеличением сказать, что нашему другу помогала стать подлинным учителем и светильником разума неразрывная связь с его народом, ярким представителем которого он был до последнего удара своего благородного сердца.

Книга памяти, задуманная в честь Р. Х. Гугова, не предполагает исчерпывающего анализа всей его творческой деятельности. Очень хотелось бы надеяться, что верные соратники и благодарные ученики целенаправленно займутся глубоким и всесторонним анализом его творческого наследия. Настанет, надеюсь, время для издания полного собрания его трудов, в которое войдут не только уже известные, но и неопубликованные исследования Рашада Хусейновича. Долгом своим считаю подчеркнуть, что российская историческая наука действительно многое потеряла с уходом из жизни одного из крупнейших современных ученых-историков.

Тот, кто занимался наукой, знает, какие каменистые тропы ведут к ее вершинам, не может не восхищаться не только разносторонностью яркого, блистательного таланта, но и всесокрушающим, целенаправленным трудолюбием Рашада Хусейновича. Такой обильный творческий урожай, какой оставил он, мог бы составить честь целому коллективу ученых.

В науке Рашад Хусейнович напоминал неутомимого, бесстрашного альпиниста, которому покоряются любые высоты. Он с одинаковым блеском и основательностью занимался проблемами как прошлой, так и современной истории не только Кабарды и Балкарии, но и всего Северного Кавказа. Достаточно сослаться на такие его широко известные исследования, как и «Совместная борьба народов Терека за Советскую власть», «Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией».

На протяжении почти полувека с именем Рашада Хусейновича неразрывно связано становление и успешное развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии, особенно в бытность его заведующим историческим отделом, а затем и директором научно-исследовательского института. Он принимал самое деятельное участие в написании и издании таких фундаментальных трудов, как «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней» в двух томах, «История Кабардино-Балкарской партийной организации» и других.

Труды Рашада Хусейновича всегда узнаваемы своей основательностью, безукоризненной логикой и прочностью источниковедческого фундамента.

В сокровищницу российской исторической науки наш неутомимый, самоотверженный друг внес многочисленные исследования, составившие в общей сложности более 200 печатных листов, среди которых 10 монографий.

Рашад Хусейнович пользовался высоким, непререкаемым авторитетом среди своих коллег не только на Северном Кавказе, но и в бывших республиках Советского Союза. В этом немалую роль сыграло его участие в написании 4-томной истории народов Северного Кавказа, а также книги «Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе» (в соавторстве с А. И. Козловым и Л. А. Этенко).

Можно только сожалеть, что при жизни ему не удалось опубликовать столь масштабную работу, как «Вопросы историографии и истории гражданской войны на Дону и Северном Кавказе».

Да, бесспорно, велики заслуги Р. Х. Гузова-ученого перед отечественной наукой. Об этом говорят и громкие звания, и титулы, которых он вполне заслуженно был удостоен. Но не вспомнить при этом, что он, как истинный гражданин своей страны, никогда не признавал «чистую» науку, т. е. науку ради самой науки, значит, не дорисовать портрет оригинального исследователя. По его убеждению, объективно изученная и осмысленная история народов может и должна поставить на службу живущим накопленный веками жизненный опыт, ратную и трудовую героику их предков. Такое понимание роли истории в судьбах современных и грядущих поколений имело особый смысл для многонационального кавказского региона. Он глубоко сознавал, что нормальная жизнь в нашем крае, где сплелись судьбы сотен народов и этнических групп, невозможна без дружбы и взаимопонимания; что любые, самые сложные проблемы, возникающие между соседними народами, не только нужно, но и должно решать только мирными путями, как это веками делали наши мудрые предки.

Помню, как искренне он обрадовался моему предложению совместно написать книгу «Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма». Он согласился и с моим мнением, что авторский коллектив тоже должен быть интернациональным. Посоветовавшись, мы пригласили в соавторы наших друзей, талантливых ученых профессоров З. А. Гойгову и У. А. Улигова. Благодаря полному взаимопониманию наша четверка в относительно корот-

кие сроки завершила работу, и в 1983 году книга увидела свет в издательстве «Ир» Северной Осетии.

Не помню случая, чтобы во время наших многочисленных встреч с Рашадом Хусейновичем мы не обсуждали вопросы нашего региона, взаимоотношений проживающих здесь народов, особенно после развала Советского Союза, когда в стране воцарился политический и экономический хаос, когда просторы родины превратились в поле межнациональных вооруженных конфликтов, в ходе которых гибли тысячи ни в чем не повинных людей.

Особенно мне запомнился разговор с Рашадом Хусейновичем сразу же после окончания работы чрезвычайного съезда народов Кавказа, созванного в Нальчике. Обстановка в регионе была накалена до предела. Вот-вот могла начаться война в Чечне с непредсказуемыми последствиями не только для народов Северного Кавказа, но и всего Юга России.

Конфедерация народов Кавказа, которая была организатором этого форума, подготовила проект документа, в котором содержался призыв поддержать чеченский народ путем формирования вооруженных отрядов. Делегация Всеосетинского народного Совета «Стыр Ныхас», которую как руководителю этой организации пришлось возглавить мне, сделала все возможное, чтобы не допустить принятия этого рокового решения, которое могло означать фактическое начало Кавказской войны.

Под впечатлением этих событий Рашад Хусейнович, взволнованный, как никогда, стремительно подошел ко мне и стал искренне благодарить нашу делегацию за проявленную, как он сказал, стойкость и мудрую дальновидность при решении этого судьбоносного для народов Кавказа вопроса.

В этом душевном порыве был весь наш друг – ученый, последовательный поборник мира и согласия между народами.

И еще о чем мне хотелось сказать, вспоминая Рашада Хусейновича. Он был одним из редчайших людей, кто в силу своей природной мудрости сумел выдержать суровое испытание славой и властью. Он всегда был прост и доступен, и поэтому для него противоестественной являлась даже сама мысль становиться в позу. В какой бы должности он ни оказывался, всегда оставался рядовым, не знающим усталости тружеником. Талантливый исследователь всегда видел и безошибочно определял стратегические задачи своего коллектива, а главное – имел моральное право настойчиво направлять сотрудников на их решение.

В течение полувека нас связывала братская дружба, которую, надеюсь, продолжат наши дети. Такая дружба представителей разных национальностей – это еще и прочные связующие нити между народами, так необходимые для укрепления мира в нашем регионе.

Убежден, что нашей счастливой дружбе семьями мы с Рашадом во многом были обязаны и нашему творческому союзу.

За долгие годы всякое бывало в нашей жизни, были радостные события, не обходилось и без черных дней. Но при всех обстоятельствах, в нужный час мы неизменно были рядом. Мы служили друг другу той опорой, которую немислимо приобрести ни за какие богатства. В долголетию нашей нерушимой дружбы особая заслуга принадлежит замечательной, бесконечно доброй, отзывчивой супруге Рашада – Люсе. Благодаря этой изумительной семейной чете, их ласке и доброте, Нальчик на многие годы стал нашим любимым местом отдыха. В 70–80-х годах прошлого века в столицу Кабардино-Балкарии съезжались на отдых ученые не только Северного Кавказа, но и Москвы, Ленинграда, других регионов

Советского Союза. В этих условиях гостеприимный семейный очаг Люси и Рашада становился местом постоянных наших встреч. Человеческого тепла хватало каждому, кто переступал порог квартиры Гуговых.

Мы с супругой Светланой всегда с благодарностью вспоминаем великолепный прием, который организовали нам Люся и Рашад в честь первого посещения Светланой Нальчика, совпавшего с днем ее рождения. Или еще один, о многом говорящий факт: мы с женой специально приехали в Нальчик, чтобы возложить цветы к могиле нашего друга Устирхана Алиевича Улигова. Естественно, позволили его супруге Тамаре и попросили ее подойти к научно-исследовательскому институту. Ожидая Тамару, поднялись в кабинет Рашада. После сердечных приветствий, он, как всегда, стал настойчиво звать нас в гости. Когда мы объяснили, что лишены такой возможности, стремительно встал и вышел из кабинета, попросив подождать его. Буквально через несколько минут возвратился с огромным букетом алых роз, которые вручил Светлане...

Думая об этой семейной чете, невольно приходишь к мысли, что подружиться и полюбить, видимо, может каждый, а пронести эти высокие чувства через всю жизнь – удел только людей высоконравственных, предельно честных и чистых, каким был наш друг Рашад, какой остается его верная спутница Люся.

Рашад Хусейнович Гугов был не только носителем лучших черт и качеств древнего мудрого кабардинского народа, его полномочным представителем, но и одним из творцов его подлинной чести и славы. Поэтому жить ему в памяти народной.

М. Гюев,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

г. Владикавказ

СЕЯ ДОБРОЕ НАЧАЛО...

История была моим любимым школьным предметом. Страсть к этой дисциплине оказалась непреодолимой. Став метеорологом, отдав дань романтике (работая в суровых условиях Камчатки), я по-прежнему мечтал об исторической науке. Служба в армии не погасила желания, и в 1964 году я поступил на первый курс историко-филологического факультета КБГУ. В нашей группе было около десяти бывших солдат Советской Армии – все люди серьезные, думающие, а главное – знающие, зачем пришли в университет.

Где-то на втором курсе куратором группы была организована встреча с учеными Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института – Т. Х. Кумыковым, Р. Х. Гуговым, Г. Х. Мамбетовым, позднее присоединился к ним Устирхан Улигов. Фактически они – это та ударная сила советской историографии в Кабардино-Балкарии, которой и создавались как коллективные исследования, так и личные, солидные монографические разработки, готовились статьи по интересным дискуссионным вопросам исторической науки, истории самой Кабардино-Балкарии, Северного Кавказа и Союза ССР, решалась задача по формированию национального самосознания в республике.

Это был свободный разговор, обмен мнениями по тем темам, разработкой которых были заняты названные ученые. Рашада Хусейновича помню, как сейчас, – обаятельную улыбку, его аргументированность, взвешенность, даже определенную осторожность в суждениях. Запомнились его слова: «Главное, что должен запомнить каждый из вас, кто решит связать свою судьбу с наукой, история – наука точная, она не терпит лжи и выдумки». Эти слова сохранили мои дневниковые записи.

Уже тогда Р. Х. Гугов был известен как автор нескольких научных работ, которые изучались студентами по курсу истории Северного Кавказа, Кабардино-Балкарской АССР. Это потом, позднее, появилось двухтомное издание «История Кабардино-Балкарской АССР».

Безусловно, каждый из исследователей имеет свои пристрастия, свою излюбленную тему, которой отдает себя всего без остатка. В те времена (конец 1960-х – начало 1970-х годов) самой значимой, даже «модной» являлась тема, связанная с разработкой истории Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны.

Наиболее последовательно эту тему в Кабардино-Балкарии разрабатывали Р. Х. Гугов и У. А. Улигов. На мой взгляд, подготовленные ими сборники материалов и документов по истории Октября и Гражданской войны, остаются и по сей день самыми богатыми по содержанию изданиями, обретая постепенно статус библиографической редкости.

В ходе дальнейшего обучения в университете такие встречи с учеными КБНИИ происходили неоднократно. Они имели свое продолжение на заседаниях «круглых столов», в дискуссиях. С каждым курсом «взрослели» и мы, студенты историко-филологического факультета, проявляя неподдельный интерес к чему-то конкретному в области истории. Становились более содержательными и наши встречи с профессиональными учеными. Несомненно, это была удачная «модель» выстраивания отношений между представителями старшего поколения историков и молодыми исследователями.

Одним словом, перефразируя стихотворные строчки кабардинской поэтессы Инны Кашежевой, можно сделать заключение: «Студенческой юности моей меридиан был счастливо отмечен этой встречей...».

Так сложилось, что после окончания КБГУ я был принят в аспирантуру Института истории СССР АН СССР, что на улице Дм. Ульянова, 19, в Москве.

Три года пролетели быстро... Учеба, будни, работа в библиотеках, архивах, защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, по теме, конечно же, связанной с историей Северного Кавказа – чрезвычайными органами власти – революционными комитетами (ревкомы). Одним словом, советы старших коллег и друзей не пропали даром, а общение с ними всегда было и приятным и полезным.

По служебным делам и в качестве исследователя частенько наведывался в Москву, в том числе и в Институт истории СССР АН СССР, Рашад Хусейнович. Там работали многие из его друзей, с которыми вместе учился, которые поддерживали с ним тесные контакты и имели общий научный интерес (Ю. А. Поляков, И. М. Некрасова, М. П. Ким, В. С. Лельчук). Там же состоялась и наша встреча. После моего «доклада» – сумбурного и малосвязного, так как хотелось «выпасть» все сразу, Рашад Хусейнович, как человек спокойный и уравновешенный, заметил: «Я чувствовал еще тогда, в Нальчике, что вы станете исследователем.

Не скрою, приятно, что выпускник нашего университета продолжает работу в ведущем исследовательском центре страны. Надеюсь на будущее сотрудничество...». Судя по всему, уже тогда Р. Х. Гугов предвидел, что такому совместному сотрудничеству быть.

Группа ведущих советских историков во главе с академиком А. Л. Нарочницким, Ю. А. Поляковым, М. П. Кимом выступила с инициативой подготовки и публикации многотомной «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен». Волею судьбы, мне, ведущему научному сотруднику сектора истории национальных отношений, выпала честь быть ответственным секретарем названного издания. Естественно, эта работа повлекла согласование многих организационных вопросов – о проведении встреч ученых, дискуссий. Душой этих встреч во многих случаях были ученые-историки Кабардино-Балкарии. Да и сами встречи в большинстве случаев проходили в Нальчике. При этом проявлялась даже определенная «ревность» коллективов историков других республик Северного Кавказа. Что касается меня, то, конечно же, не буду лукавить, в Нальчик тянуло. Радовали предстоящие встречи с друзьями, коллегами, среди которых М. Собилов, Х. Думанов, Ю. Асанов, А. Мусукаев, Б. Березгов, А. Тетуев, Б. Тетуев, долгие споры, задушевные беседы.

В каждую из поездок встречался и с Рашадом Хусейновичем. Меня удивляла всегда его чисто отцовская, родительская забота. «Ты не голоден?» – этот вопрос был первым.

«Сейчас обсудим проблемы, «порешим» все твои вопросы, а потом ко мне, домой, на обед – супруга Людмила Даниловна уже звонила по телефону». Как правило, никакие возражения в счет не принимались. В этом человеке буквально горело кавказское гостеприимство, но за столом он был строгим, даже жестким хозяином, четко соблюдал правила кавказского застолья, учил этому. Бывало, что на правах старшего мог и наказать... В приеме гостя он никогда не усматривал дополнительные хлопоты. Для него главным было общение, информация. Совместно обсуждали и его самую солидную монографию, касающуюся блока проблем истории Октября и Гражданской войны на Северном Кавказе, и планы на будущее.

Усилиями коллег-ученых, в которых заметной была и доля труда Р. Х. Гугова, были подготовлены первые два тома «Истории народов Северного Кавказа». Труд по своему содержанию уникальный, а главное – благодаря его созданию произошло своеобразное единение историков России, прежде всего тех, кто занимался историей Северного Кавказа.

Велась работа по подготовке двух оставшихся томов. Наступившие коренные преобразования в Союзе ССР, а затем и его развал внесли определенную сумятицу в ряды ученых. Работа была прервана. По этому поводу Рашад Хусейнович сокрушался: «Не следовало бы прерывать работу. Набран хороший темп, скомплектованы группы ученых по подготовке томов. Лучшим было бы потом что-то изложить по-новому, учесть изменения, происходящие в обществе». Однако жизнь распорядилась иначе.

Тем не менее наши устоявшиеся связи оставались неизменными. Многие из последующих встреч были связаны с обсуждением такой сложной проблемы, как депортация репрессированных народов Союза ССР, в том числе и народов Северного Кавказа.

Для меня лично важным было мнение Р. Х. Гугова. Он считал основополагающим отражать события так, как они получили освещение в архивных доку-

ментах, этой своеобразной летописи народов, их истории. Несомненно, фактор субъективизма здесь будет присутствовать, но тем не менее должен быть соблюден принцип историзма. Не должно довлеть чье-то личное мнение. Тема сложная, идущая на грани исторического и психологического принципов, значит, в подходах к ее освещению надо проявлять особую чуткость.

Возможно, что изменения в самом государстве оказали влияние на формировании наших подходов в освещении исторического процесса, однако остались прочными наши взаимоотношения. Возглавляя Департамент по делам депортированных и репрессированных народов в Миннац России (1993), мне неоднократно приходилось посещать Кабардино-Балкарию. Непременной составляющей этих служебных поездок были встречи с Х. И. Хутуевым, Р. Х. Гуговым, Т. Е. Шиковой, Х. Т. Медалиевым, Г. Х. Мамбетовым, Ч. Э. Кардановым, Н. Х. Тхамоковым, А. Х. Касумовым, а также своими однокурсниками, коллегами по перу.

Ситуация складывалась таким образом, что многие оказались на работе в государственных органах власти. Возможно, это была потребность времени. И в то же время их отношение к самой науке осталось неизменным. На мой взгляд, если человек связал с ней свою судьбу, то расстаться с этим сложно. Помнится, Рашад Хусейнович в одну из очередных встреч заметил: «Трудное это дело – власть. Смотри, будь осторожным в выборе друзей. Коль некоторые из вас пришли в органы власти, то и там отстаивайте историю как науку. Вы должны выдержать все испытания до конца, ощущать, что ваше присутствие там необходимо...». А ведь действительно, все так и было.

У каждого из нас свое призвание. Но по истечении многих лет я понял и отмечал это в наших последних беседах с Рашадом Хусейновичем в ходе вечерних прогулок по прекрасному нальчикскому парку, что ему надо было работать непосредственно на кафедре, со студентами. Его человечность, постоянное неподдельное внимание к людям, своим друзьям, коллегам, молодежи всегда подкупало. Он пользовался особым уважением и авторитетом. Но судьба распорядилась так, что он оставался на исследовательской работе, организовывая труд других, передавая через книги, статьи, выступления свои знания тем, кто шел за ним, сея доброе начало, которое и получает продолжение в наших трудах, повседневных делах.

Необыкновенным признанием и уважением пользовался Рашад Хусейнович и у ученых-историков Ростовского университета, Северо-Кавказского центра Высшей научной школы. Можно это подтвердить неоднократным участием Р. Х. Гугова в дискуссиях, устраиваемых с участием ученых Ю. А. Полякова, А. И. Козлова, М. И. Гиоева, К. Т. Лайпанова, К. А. Хмелевского и многих других. Сначала были жаркие споры, аргументы, затем постепенно следовал консенсус... А уж потом и анекдоты о самих же ученых. В этой ситуации Рашад Хусейнович был очень острым на словцо...

Его труд как ученого-историка, исследователя был признан государством. Не случайно он стал заслуженным деятелем науки Российской Федерации. Как-то меня пригласили в кабинет заместителя директора Института истории СССР АН СССР профессора Г. А. Трукан. Здесь же находился и ученый секретарь института Л. М. Гаврилов. Они поинтересовались моим мнением об историке Р. Х. Гугове, его трудах. Я достаточно долго говорил о содержании и значимости работ Рашада Хусейновича. Итогом этого разговора стало задание подготовить представление-обоснование для Комитета по присуждению званий государственного ста-

туса. Для меня оно было как почетным, так и приятным. Как известно, Р. Х. Гугов был удостоен этого высокого звания.

«О, как ты стремительно таешь, отпущенный жизнью удел!». Рашад Хусейнович – истинный ученый, доктор истории, и он всегда с нами.

Н. Бугай,
доктор исторических наук, профессор

г. Москва

ТАЛИСМАН ТЕПЛА

Мы познакомились в 1957 году, когда я работала в Нальчикском архиве над материалами по Баксанстрою. А познакомил нас Хатута Мутович Бербеков, в те годы работник обкома партии. Бербеков был частым гостем в Институте истории АН СССР, куда приезжал на консультации к своему учителю и другу Максиму Павловичу Киму. Рашада Хусейновича Бербеков высоко ценил как талантливого исследователя, особо отмечая его огромную работоспособность. Ценил Гугова и Антон Богданович Киневич, заведующий отделом обкома КПСС, курировавший архив. Эти два человека были участниками Великой Отечественной войны. Бербеков воевал на Кавказе, где и познакомился, а потом и женился на Антонине Васильевне Грудциной – бойце этого же отряда, с которой позже он познакомил и меня. Она была экономистом и интересовалась научными проблемами. Потребовалось не так много времени, чтобы я, представитель Института истории АН СССР, вошла в это «научное сообщество», членом которого являлся и Рашад Хусейнович Гугов. Мы нередко встречались не только по работе, но и семьями. Кавказское гостеприимство, общность научных интересов и весь жизненный уклад служили базой подобных взаимоотношений. Я хорошо знала и супругу Рашада, его двух мальчиков, участвовала нередко в научных конференциях, проходивших в те годы в Нальчике. Одна из первых работ, в которой, мне довелось принять участие, была книга «О происхождении балкарцев и карачаевцев», созданная на базе материалов научной сессии, проходившей 22–26 июня 1959 года в г. Нальчике (вышла в 1960 г.). В работе этой сессии приняли участие многие ученые страны, в том числе из Москвы, из институтов АН СССР.

Рашад Хусейнович Гугов был постоянным участником проходивших в Нальчике научных мероприятий. В 1960-е годы он был прикреплен к сектору истории индустриализации и рабочего класса Института истории СССР. Куратором его работы руководство сектора назначило меня.

Время стажировки Гугова и его проживание в Москве еще более укрепили наши взаимоотношения. Тогда мы встречались ежедневно в библиотеке, институте, нередко у меня дома, на Кутузовском проспекте, где проживала моя семья. Запомнился один случай, когда Рашад Хусейнович заявил мне, что вынужден прекратить стажировку и вернуться в Нальчик. Он объяснил и причину – обострение болезни почек. Одет он был в то время в демисезонное пальто на «рыбьем меху», а на дворе стоял ноябрь. Мы отговаривали его и, наконец, нашли выход. Дочь принесла свою шубку, из которой она уже выросла, и, перелицевав ее, сшила безрукавку. Весной кандидатскую диссертацию Рашада Хусейновича одобрили в секторе, и он вернулся в Нальчик.

Прошло много лет. В один из приездов в Нальчик на отдых я зашла к его жене Людмиле Даниловне и увидела в рабочем кабинете Рашада на спинке стула знакомую мне шубу. Я спросила Люсю, зачем эта старая вещь здесь висит, а та, улыбаясь, ответила, что Рашад не разрешает ее выбрасывать, так как это его талисман. Я не поверила, но когда Рашад вечером пришел с работы, то подтвердил на полном серьезе, что так оно и есть.

Р. Х. Гугов всегда помнил добро и людей, которые помогли ему в трудные минуты жизни. Именно поэтому так тяжело сознавать, что его уже нет с нами. Это был действительно добрый, отзывчивый и чрезвычайно талантливый человек.

И. Некрасова,
доктор исторических наук, профессор

г. Москва

СИЛА ДОБРА

...Весть о смерти Рашада буквально сразила меня, и даже сегодня, спустя время, трудно поверить, что его больше нет с нами. И потому ни одну статью не писал с такими муками, как это воспоминание о нем – глубоко эрудированном исследователе, чутком и отзывчивом товарище, с которым связана вся моя жизнь.

Мы оказались с ним тесно взаимосвязаны по убеждениям и образу жизни. Мой друг всегда всеми силами своего светлого ума боролся за сохранение духовного мира, чувства исторически сложившегося братства народов нашей Родины. Мы, его близкие товарищи, пока сами живы, будем чтить его память, сохраним все то, что он оставил нам. По-моему, еще не сказаны слова, достойные памяти Рашада Хусейновича Гугова. Не берусь сделать это и я, ибо подобное сделать можно только сообща, совместно.

И тут на память приходит гений Пушкина. «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! – воскликнул он под впечатлением встречи с арбой, на которой по горной дороге Закавказья везли тело великого русского драматурга и дипломата, убитого озверевшей толпой в Персии. – Написать его биографию, – заключил свою мысль Пушкин, – было бы делом его друзей, но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя о себе следов...».

Я прежде недоумевал: как же быстро у нас забывают о тех, которым сами обязаны своим становлением, и поскольку и другие о них нигде ни слова не вымолвят, память о многих добрых людях гаснет.

...Рашаду, подобно бесстрашному богатырю из былин Древней Руси, не раз приходилось мучительно размышлять у развилки трех дорог (у каждой из которых имелось грозное предупреждение): по какому пути, рискуя всем, следует идти дальше? И поэтому я решительно протестую против попыток поверхностно, мимолетно изображать крутые повороты в его жизни, а его самого показывать как покорного исполнителя чужих распоряжений. «...В 1950 г. в возрасте 23 лет был оставлен... на кафедре истории СССР в качестве преподавателя...», читаем в книге «КБИГИ – 75 лет» в разделе «Директора института», и далее «вскоре он... был переведен... на укрепление в Кабардинский научно-исследовательский институт...». То же (слово в слово) в некрологе, подписанном руководителями, видными деятелями науки и культуры КБР. Однако слова «остав-

лен», «переведен» создают превратное впечатление о молодом ученом. Получается, что распорядились им, кто как хотел. А сам он? Послушно шел туда, куда посылали?

А ведь руководство пединститута буквально «вцепилось» в подающего надежды выпускника Рашада Гугова и оставило его, что «тогдашний директор института Тузер Асхадович Жакомихов пошел на это с легкой душой...». Так пишет в своем очерке журналист А. Теппеев. А как было на самом деле? Долгие десятилетия я молчал об этом, и только сам Рашад всегда подчеркивал, кто именно «перевернул его судьбу». И кому, как не мне, единственному, кто еще знает что-то о том (в силу сходных в нашей жизни обстоятельств), сказать, как было?

По окончании пединститута Рашад, человек до удивительного скромный, никуда не собирался: ни в Москву в аспирантуру в престижный вуз, куда его собирались направить вне конкурса на выделенное место, ни устраиваться в Нальчике... Единственное, о чем мечтал – вернуться в родное село Красное Гедуко, где он совсем молодым начал свой трудовой путь – сначала, в пору суровой войны, учителем, затем директором школы. Вернуться, чтобы исполнить свой долг перед родителями, земляками и государством, которое, несмотря на все трудности, бесплатно дало ему образование, обеспечивало стипендией и общежитием. Родители ждали его, а он не считал возможным огорчить их.

И тут мне пришла в голову мысль: попытаться уговорить его остаться ассистентом на кафедре истории СССР. И Рашад согласился. Это был акт мужества и результат мучительных размышлений. Можно представить, сколько упреков он выслушал тогда. А на вопросы из обкома и деканата, родни и товарищей – почему не поехал в Москву? – отвечал с присущей ему невозмутимостью: «Зачем ехать туда? Здесь работы не меньше».

Кое-что могу сообщить и о «переводе» из пединститута в НИИ. Он страшно не хотел расставаться с нашей кафедрой. Рашад часто приходил к нам домой. Мы успокаивали его, а отец и мама, как раз приехавшие из Пятигорска навестить нас, с чувством объясняли ему, что и они не хотели бы, чтоб их сына Васю «куда-то переводили». С чувством горечи размышляли: как быть? И убедили его, что куда бы ни забросила его судьба, он всегда может рассчитывать на нашу поддержку. И опять Рашад проявил себя как мужчина, идущий на самопожертвование.

...Как много светлых и теплых воспоминаний хранит моя память о тех днях! О наших просто сказочных поездках по прекрасному Кавказу, в Москву, в Ростов-на-Дону... Они так возбуждают меня, что решительно не в силах их передать, они требуют живого сочного языка. Поэтому ограничусь лишь их далеко не полным перечнем.

Дерзкая поездка с Рашадом, Любой Татароковой и другими студентами на потрепанной военных лет полуторке (предоставленной нам благодаря первому секретарю Кабардинского обкома ВЛКСМ Б. Е. Кабалоеву) на родину Сталина в Гори. В разгар праздничной демонстрации в Тбилиси мы буквально прорвались сквозь тысячные толпы народа.

С Б. А. Цуциевым, М. С. Тотоевым и Г. В. Казбековым и моим сыном Колей по белореченскому ущелью к истокам речки.

С «ученым миром» (собравшимся на научную конференцию в Нальчик из Москвы, Ленинграда, ряда союзных республик) на Голубые озера. Организаторы заранее завезли сюда что поесть и что пить, но Устирхан и Рашад из сострадания к овцам пустили их с вечера попасться, а те куда-то забрели.

А поездки в Майкоп, Владикавказ, Москву, Пятигорск!

...Мой друг отличался редкой (в нашу пору) скромностью и во всем был сдержан, следуя давней традиции «Акъыл зиГэм шыГэ хэлъш» («Мудрый сдержан»).

В повседневное общение Гугова прочно вошло изречение из нартского эпоса: «Нарт сдержит свое слово», как и строгое предостережение: «Сделав зло, не надейся на добро».

Вспоминаю о присущей ему скромности и просто стораю от стыда, когда вижу, как часть современной молодежи лезет из кожи, чтобы изобразить из себя «радетелей нации» – «хранителей христианства» (не зная даже «Отче наш»), «правовверных мусульман», громко похваляясь этим в кабаках. А ведь для действительно истинно верующего мусульманина употребление водки – тяжкий грех. Недопустимо даже само присутствие на пьяном застолье. Если ты верующий и исповедующий ислам, то должен хотя бы знать, что, по шариату, мусульманин не имеет права не только сидеть за столом, где пьют вино, но и кушать там, притом даже просто пить для утоления жажды обыкновенную воду.

Без одобрения (и разрешения) бысыма (хозяина) из-за стола, который вел Рашад Хусейнович, нельзя было уйти, ибо он тут же пресекал сам намек четкой адыгской пословицей «Когда приходит – дело гостя, а когда уходит – дело хозяина». Расставаясь же, он никогда не давал уйти мне одному, ибо, как бы он ни чувствовал себя (даже когда болел или в ненастную погоду), не только желал доброго пути, всяческих благ, но и непременно шел меня провожать до дома.

Рашада Хусейновича всегда отличало искренне проявляемое гостеприимство, что я особенно почувствовал, когда у меня в Грозном все взорвали и сожгли. Пришлось не раз перебиваться в Нальчике и ночевать у него дома (а когда и у Б. М. Мокова и В. Ш. Шогеновой, в семье Доховых).

Присуще ему было и подчеркнутое уважение к старшим. А словосочетание «Можно войти к вам?» он воспринимал как оскорбление: «Какой вопрос? Для вас двери всегда открыты!». В присутствии гостя в семье никто без его разрешения не садился.

Рашад Хусейнович никогда не был озабочен собой: ему, погрузившемуся глубоко в науку, просто некогда было подумать о себе, так как вся энергия (не слишком крепкого здоровья человека) уходила в заботу о делах, о друзьях и ближних. «Я не могу о себе думать, – повторял он, – подобно праведнику из произведений Лескова, – когда есть кто-нибудь, кому надо помочь». «Вселенная когда-нибудь разрушится, – размышлял он, – каждый из нас умрет еще раньше, но пока мы живем и мир стоит, мы можем и должны увеличивать силу добра в себе и вокруг себя».

Сумма добра и зла в человеческом обществе может то увеличиваться, судя по циклам развития, то уменьшаться, и в этом не последним фактором служат усилия отдельных лиц, т. е. нас с вами, убежденно говорил он.

Он всегда брезгливо относился к перевертышам в науке, которые сегодня «выбивают» себе медали, громче всех выкрикивая о «добровольном присоединении Кабарды к России», а завтра доказывает совершенно обратное.

Рашад Гугов одним из первых среди моих друзей заметил удручающее равнодушие общества к духовным проблемам, нравственное падение человека. И, будучи глубоко просвещенным ученым, восклицал, ссылаясь на загадочного русского писателя Н. С. Лескова, что наступает «век, сам себя стыдящийся», а «стремление к развенчанию всего, некогда венчанного, есть преобладающая страсть нашего поколения...».

«Так падать, как падает эта среда, – это признак полной гадостности. Это какие-то добровольцы оподления... Все истинно честное и благородное сникло;

оно вредно и отстраняется, люди, достойные одного презрения, идут в гору... Бедная Родина! С кем она встретит испытания, если они суждены ей?».

Вклад Р. Х. Гугова в отечественную историю – 10 монографий и десятки научных статей – столь велик, что без этих работ уже никому не обойтись – ни у нас в России, ни за рубежом. В них раскрыты уходящие в седую старину связи горцев Северного Кавказа с Древней и Московской Русью, взаимоотношения Кабарды и Пяти горских обществ (Балкарии) с Россией в XVIII в., документально, по самостоятельно выявленным и осмысленным первоисточникам событий на Северном Кавказе в пору трех революций в России, иностранной интервенции и Гражданской войны. Особая заслуга Рашада Хусейновича в отражении процесса зарождения крупных очагов промышленности в республике, социальных переменах, изменений культурного облика масс.

Сегодня мало кто знает, что установление даты добровольного присоединения Кабарды к России связано с именем Р. Х. Гугова. Дело в том, что в 1954 году на конференции в Нальчике, обсуждавшей этот вопрос, большинство ведущих историков страны склонялось к мнению, что это событие произошло в 1955 году. Рашад, еще совсем молодой человек, без степеней и званий, осмелился выступить против мнения маститых ученых. Он, оставшийся на конференции в меньшинстве, апеллировал к летописным источникам, был последователен в отстаивании своей точки зрения, что требовало немалой смелости, скажу больше – отваги. Время подтвердило его правоту – впоследствии датой присоединения Кабарды к России был назван именно 1957 год.

Темы научного поиска Гугова естественно, как горный ручей, вытекали из окружающей действительности, из воспоминаний старших его рода и самозабвенного изучения документального материала. А когда настала мрачная полоса и пришлось мучительно думать с верной спутницей жизни Люсей о выживании, он бодро говорил мне: «Горька участь историка, сохраняющего в трудную пору собственное достоинство – но и велико счастье быть им».

До конца своей жизни он и остался им – честным ученым и человеком, достойным нашей памяти.

В. Крикунов,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки ЧИАССР

г. Георгиевск

В СОГЛАСИИ С ИСТИНОЙ

Познакомился я с Рашадом Хусейновичем Гуговым в начале 90-х годов во время работы в Верховном Совете КБР. Я был председателем Комитета по науке и образованию Верховного Совета КБР на освобожденной основе, а он, как депутат, входил в состав этого Комитета на общественных началах. Это был драматический для республики период падения авторитарного коммунистического режима, становления демократических методов управления в Кабардино-Балкарии, что было связано с ломкой устоявшихся взглядов и принципов у каждого, кто тогда работал в Верховном Совете.

Конечно же и у Рашада Хусейновича, как и у всех, происходила трансформация взглядов на многие стороны жизни, но у него была одна замечательная черта: он старался примирить противоборствующие стороны и постоянно находился в золотой середине – обычно там, где всегда истина. Ведь не правы были как те, которые защищали коммунистический режим, так и те, которые ратовали за вторую революцию (антиоктябрьскую). Крайности были не для Гугова. Его всегда отличала взвешенность в принимаемых решениях. В нем удивительно сочетались такие, казалось бы, несовместимые человеческие качества, как мягкость и принципиальность. Мягкость, когда это касалось человеческих взаимоотношений, и принципиальность, определенная жесткость, когда требовалось дойти до истины в своей профессиональной деятельности.

От него веяло добротой. Он был необыкновенно чутким человеком. Старался не обижать никого и переживал, если человек, которому он сделал что-то хорошее, не понимал его.

Позже, когда мы с Рашадом Хусейновичем стали работать в Президиуме Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, мне приходилось не раз убеждаться в его замечательных человеческих качествах. Когда мне, как руководителю, приходилось сглаживать какие-то неприятные спорные вопросы на заседаниях Президиума, я пускал в ход (давая слово Рашаду Хусейновичу) его взвешенность, его способность примирять противоборствующие стороны, его доброту и мудрость. И зачастую после его выступления не оставалось и следа от неприятных споров.

Он являлся для всех нас как бы старшим братом, и мы относились к нему именно так. Если бы этого не было, мы бы быстро его забыли, как это обычно бывает с недобрыми людьми после их смерти. А он был на редкость человеком доброжелательным. Именно по этой и по многим другим причинам нам его сейчас так не хватает.

А каким Рашад Хусейнович был тхамадой! Здесь проявлялось все – и образованность, и мудрость, и необыкновенно тонкий юмор. Поначалу кажущийся скучным, он буквально на глазах преображался.

Мы с ним относились друг к другу с большой человеческой симпатией, и я его, легко ранимого человека, старался всячески оберегать от грубости и черствости окружающего мира. А что касается профессиональной части его жизни, то он много сделал для своего народа, и мы должны гордиться им, как замечательным ученым и как прекрасным человеком, с которым нам посчастливилось жить рядом.

П. Иванов,
доктор технических наук, профессор

МНОГО ДОБРОГО...

Трудно говорить и писать о Рашаде Хусейновиче Гугове, используя слова «был», «говорил», осознавать, что его с нами уже нет. Тем более, что я собирался сказать добрые слова этому незаурядному человеку на его юбилее – 75-летию. Но жизнь так распорядилась, что он ушел буквально за несколько дней до этой даты.

Нам же, кому выпало судьбой с ним общаться, остается только помнить его, помнить не только как одного из ведущих историков Северного Кавказа, но и, в не меньшей степени, как интеллигентнейшего, умнейшего, широко эрудированного, кристально честного человека с искрометным чувством юмора. Это был,

безусловно, яркий человек, с которым было не только приятно работать, но и общаться в неформальной обстановке.

Так случилось, что мне пришлось работать вместе с Рашадом Хусейновичем в составе президиума КБНЦ РАН, членом которого он являлся с момента образования Центра. На заседании президиума всегда чувствовалось, что среди нас не только доктор наук, профессор, а в первую очередь старший товарищ, который всегда даст мудрый совет, внесет конструктивное предложение, остудит горячие головы, своевременной шуткой смягчив обстановку, разрядив ее без обид и взаимных претензий. Однако вряд ли было верным видеть в Рашаде Хусейновиче этакого аксакала-добрячка, готового отвечать реверансы и вашим и нашим.. Не может состояться крупный организатор науки, а именно таковым был Р. Х. Гугов, если он не проявляет твердость в отношении своих подчиненных, если он не умеет отстаивать свою точку зрения перед руководством различных уровней.

Значительная часть из тех более чем девяти лет, в течение которых Рашад Хусейнович возглавлял Институт гуманитарных исследований, пришлась на драматические, как для всей России, так и для нашей республики, годы конца XX века. Но ведь именно в это время Институт стал академическим, были закончены и изданы такие фундаментальные работы, как первый том «Толкового словаря карачаево-балкарского языка», «Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев», целая серия важных работ об адыгских и балкарских просветителях и деятелях культуры. Впервые за историю Института в эти сложные годы была организована и проведена комплексная научная экспедиция для изучения диаспоры в Турции, Сирии и Иордании. Именно в эти годы в Институте были открыты докторантура и аспирантура по целому ряду научных специальностей.

Думаю, издание настоящего сборника – очень нужное и полезное дело, ибо позволит большому числу людей узнать о жизни и научном пути прекрасного человека – Рашада Хусейновича Гугова.

П. Марченко,
главный ученый секретарь КБНЦ РАН

ТАЛАНТ И МУДРОСТЬ

Человек во все времена пытался определить свое место в системе мироздания. Даже в самый сложный и тяжелый период им добывались новые знания об обществе, его устройстве, назначении и месте каждого индивидуума в этом сложном мире. Однако объяснить все это оказывалось порой сложнее, чем проникнуть в глубины космоса.

История человечества подобна океану, из которого каждое поколение черпает поучительные примеры решения актуальных проблем своей временной модели.

Деятельность первых ярких представителей отечественной интеллигенции изначально способствовала пробуждению интереса местной общественности к вопросам формирования национального самосознания народов России, осмыслению культурного наследия своего народа, ретроспективно ориентируя на осознание его исторического прошлого на фоне судеб других народов, результатом чего было самоопределение места каждого этноса в мировой цивилизации.

Видным и ярким представителем первого поколения профессиональных историков Кабардино-Балкарии является Рашад Хусейнович Гугов. Его с полным основанием можно причислить к той большой группе общепризнанных деятелей отечественной науки, роль и значение которых в изучении культуры и истории народов Северного Кавказа трудно переоценить.

Свои достижения и успехи на поприще науки Рашад Хусейнович скромно относил к своему генетическому началу – к предкам. Вообще, он очень гордился своим происхождением и фамильными традициями. Как свидетельствуют архивные материалы, первое упоминание об основателе рода – Гуга – приводится в песне о Гуртижской битве. Об этом пишет в «Истории адыгейского народа» Шора Ногмов. Дед Рашада Хусейновича, Якуб Гугов, получив блестящее образование, преподавал арабский язык в школе еще до революции. Родовые традиции беззаветного служения своему народу продолжили известные кабардинские просветители – Махмуд-хаджи и его брат Индрис Гуговы.

Рашад Хусейнович успешно развивал в себе способности к науке и творчеству, унаследованные от предков. Присущие ему фундаментальный подход к процессу изучения проблем и обоснованность в научных суждениях сопутствовали на всем протяжении его длинного исследовательского пути. Природа щедро наградила ученого пытливым умом, даром к познанию, рациональным подходом к систематизации накопленных знаний. Неутомимый труженик и ученый от Бога, он почти полвека определял стратегию изучения истории народов Северного Кавказа. Его «научная соха» бороздила по целине национальной культуры, и сеял он здоровое «нартское зерно», удобряя возделанную ниву светом и добром. Тернистый путь, проделанный Р. Х. Гуговым, по преодолению высот отечественной исторической науки проходил по пикам проблем как прошлой, так и современной истории Юга России.

С именем Рашада Хусейновича связаны становление гуманитарной науки и развитие исследовательской базы в Кабардино-Балкарии. В составе авторского коллектива он принимал самое деятельное участие в написании и издании фундаментального двухтомного труда «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней» и четырехтомной истории Северного Кавказа.

Непререкаемый авторитет Рашада Хусейновича среди отечественных историков сыграл свою роль и при участии его в написании разделов для некоторых других коллективных трудов, весьма актуальных для своего времени. К ним относится книга «Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе», изданная в соавторстве с известными историками А. И. Козловым и Л. А. Этенко.

Много труда и сил вложил он в изучение до сих пор не утратившей актуальности темы гражданской войны. В последние годы работы он, с присущей ему прозорливостью, по-новому осмыслил некоторые подходы к данной проблеме, внося свою лепту в прояснение некоторых «белых пятен» истории народов Юга России. К сожалению, при жизни ему не удалось опубликовать уже готовые рукописи «Вопросы историографии и истории гражданской войны на Дону и Северном Кавказе» и «Бетал Калмыков».

Рашад Хусейнович тщательно и скрупулезно исследовал этот весьма непростой период истории народов Северо-Кавказского региона, постепенно открывая подробности трагических судеб таких революционеров, как Б. Калмыков, М. Энеев, Н. Катханов. Тема эта, в силу исторических и социальных особенно-

стей, имела две стороны, что отразилось и на судьбах революционных лидеров того времени. Поэтому дать непредвзятую историческую оценку этим неординарным личностям и сейчас архисложно. Катаклизмы, сотрясавшие Россию в этот период, не обошли никого, и судьбы этих людей несут на себе трагический отпечаток эпохи. Р. Х. Гугов собрал богатейший архивный материал о революционных деятелях Кавказа. Безукоризненная логика суждений, исследовательское чутье и огромный научный опыт по использованию новых источниковедческих данных и дополнительных экспедиционных материалов привели ученого к заключению, что эти люди – фанатично преданные интересам народа лучшие представители зарождающейся интеллигенции – не напрасно жили, боролись и отдавали свои жизни за светлое будущее народов. Они внесли огромный вклад в развитие исторической общности народов Северного Кавказа и укрепление государственности России.

Одна из последних опубликованных работ Рашада Хусейновича – «Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией» получила высокую оценку у специалистов и широкой научной общественности.

В последние годы жизни Р. Х. Гугов был руководителем проекта «История населенных пунктов КБР» – коллективного труда, представляющего несомненный интерес для республики. Эта важная во всех отношениях работа была доведена им практически до конца, но, к несчастью, он так и не увидел сигнального экземпляра.

Забота о молодой научной поросли у Рашада Хусейновича всегда стояла на первом плане. Он особо отмечал, что представители нового поколения с оптимизмом оценивают свои силы и прогнозы на будущее, ибо психологически быстрее адаптируются к новым условиям. Им часто цитировалась арабская поговорка о том, что человек похож на свое время больше, чем на своих предков. Он восхищался молодежью, верил ей и рассчитывал на нее.

Признанный ученый, Рашад Хусейнович был одним из тех, кто стоял у истоков создания Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, как никто прекрасно понимая его значимость для республиканской и региональной науки. По роду депутатской деятельности он хорошо знал и непосредственного организатора КБНЦ РАН – доктора технических наук, профессора Петра Мацевича Иванова, инициатива которого нашла безоговорочную поддержку у историка Р. Х. Гугова. Его мнение сыграло немаловажную роль в судьбе Кабардино-Балкарского научного центра РАН и вошедшего в его структуру, наряду с другими научными подразделениями, Института гуманитарных исследований.

Рашад Хусейнович входил в состав Президиума КБНЦ РАН, его мнение всегда уважали и с ним считались. Даже не будучи в последнее время директором Института гуманитарных исследований, на заседаниях Президиума и общих собраниях научного центра он с присущей ему дипломатичностью и обостренным чувством справедливости неизменно отстаивал интересы родного коллектива. Он знал о сотрудниках института почти все: их материальное положение, домашние проблемы, лично оказывал максимально возможную поддержку всем в трудную минуту, независимо от служебного положения. Не все смогли при жизни по-настоящему оценить широту его души, но и сейчас следует отдать должное его бескорыстию.

Мы всегда ладили с Рашадом Хусейновичем, что неизменно помогало в работе и неформальном общении. Несколько раз он бывал в Кенделене, посещал дом моих родителей, которые души не чаяли в нем. Мои отец и мать подробно рас-

спрашивали его о детях и внуках, интересовались здоровьем его супруги. Как-то, будучи приглашен в дом Р. Х. Гугова, за столом я услышал из уст его супруги Люси, что в ее роду имеются балкарские корни. Действительно, Людмила Даниловна из рода Башлоевых (Нижняя Жемтала), который состоит в близком родстве с Кязимом Мечиевым. Позже я обмолвился о том, что, оказывается, Рашад Хусейнович доводится мне зятем. Услышав это, он рассмеялся: «Да я родному шурина как зять толком не служу!..» Женитьба его внука Эльдара на девушке из балкарской семьи была поводом для того, чтобы он, назвав меня «младшим братом Махти», говорил о проведении предстоящей свадебной церемонии по «всем правилам кабардино-балкарских обычаев».

Как истинный горец, он всегда настоятельно приглашал коллег разделить с ним скромную трапезу, говоря, что в его доме всегда готов «рядовой» обед. В этом часто убеждался не только я, каждый находил радушный прием со стороны четы Гуговых – Рашада Хусейновича и его гостеприимной супруги Люси.

Говорят, талант – везде талант, а мудрый – мудр во всем. В любом коллективе работают бок о бок настолько разные люди, что можно себе представить, какую надо иметь выдержку и такт, чтобы избегать конфликтов и успешно руководить ими на протяжении долгих лет. Вспоминаю, как часто, обсуждая проблемы Института, он учил меня «не рубить с плеча». Ученый силен лишь в своей области, говорил он, а в быту он слабее слабого. Нарекания в адрес коллег он предлагал обсудить прежде в спокойной обстановке, во время прогулки после рабочего дня. В такие моменты он всегда мог убедить меня, что, несмотря на всю серьезность служебного проступка отдельных работников, не стоит доводить дело до выговора или лишения премии; а если речь шла о несвоевременном завершении кем-либо рукописи, всегда предоставлял возможность исправить ситуацию в разумные сроки. Однако в своих критериях оценки качества научных исследований коллег он был бескомпромиссен, поскольку и к собственным трудам проявлял высокую требовательность. Был нетерпим к лженаучным сведениям и популизму, говоря: «Все надо делать «не спеша быстро», но основательно, фундаментально». Невзирая на то, что он разрабатывал одновременно несколько научных тем, историографические труды Рашада Хусейновича отличает именно основательность и фундаментальность.

Немало сил и энергии вложено им в издание «Книги Памяти Кабардино-Балкарии», которую он называл «Книгой совести». Он привлек к ее написанию широкий круг организаций и компетентных людей республики, включая многочисленных коллег, родственников и знакомых, попутно разъясняя всю значимость проводимой работы по увековечению героизма сыновей и дочерей Кабардино-Балкарии. Особо отмечалась им роль подобных изданий в патриотическом воспитании молодежи. Каждый участник Великой Отечественной войны уже заслуживал в глазах Р. Х. Гугова почета и уважения. Много раз я оказывался свидетелем того, с каким огромным уважением относились ветераны к Рашаду Хусейновичу, им импонировало внимание такого авторитетного, кристально чистого и честного человека. Найти в человеке черту, пусть даже единственную, заслуживающую внимания, и преподнести ее красиво и убедительно, чтобы создать положительный его имидж даже авансом – это своеобразное искусство, которым Рашад Хусейнович владел в совершенстве. Ему был свойственен осознанный, мудрый и философский подход в этом деликатном деле. «Надо всегда быть снисходительным. В этом нуждаются и правители, и богатые, и мудрецы...» – говорил он.

Утверждать, что Гугов был сильным оратором, было бы, наверное, преувеличением, тем более что он всегда избегал громких эпитетов в своей оценке людей. Но многие не раз были свидетелями того, что речи его отличались содержательностью и емкостью, здравомыслием и убедительным изложением, были расцвечены пословицами и поговорками. Он всегда мог вставить меткое, колоритное выражение в любое серьезное выступление, проявляя природное чувство юмора и знание фольклора.

Память его поистине была безупречной, в чем я не раз убеждался, гуляя с ним и слушая интересные рассказы о его детстве, юности, научной деятельности. Помнится, с каким эмоциональным подъемом он говорил о том, что Б. М. Зумакулов первым сообщил ему радостную весть о присуждении почетного звания «Заслуженный деятель науки РФ», награждении орденом Почета. Он всегда помнил добро, но никогда не говорил о нанесенных ему обидах. Всегда отличался человекомлюбием и пониманием, о своих же недругах и недоброжелателях говорил: «Бог им судья...».

Здравый смысл и прозорливость Р. Х. Гугова были теми яркими чертами характера, которые позволяют нам говорить о его неординарности и таланте. И вполне закономерно и естественно, что бессменно возглавляемый им на протяжении почти десяти лет Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований внес ощутимый вклад в развитие республиканской науки, а его коллектив был застрахован от серьезных ошибок и просчетов в начальный период демократизации и стабильно работал на протяжении всего этого времени.

Рашад Хусейнович занял пост директора Института гуманитарных исследований в зрелом возрасте, пройдя путь от заведующего кафедрой всеобщей истории КБГУ и имея солидный 16-летний опыт руководства сектором в самом институте. В нем он проработал без малого 50 лет. К несомненным его заслугам, авторитету и влиянию следует отнести и то, что статус возглавляемого им института был существенно изменен, когда из рядового краеведческого учреждения он перешел в разряд академической структуры. Институт за последние годы действительно стал центром гуманитарных исследований регионального значения, с охватом в изучении зарубежных диаспор Иордании, Сирии, Турции.

В то время, когда по всей стране начался процесс всеобщей демократизации, наиболее яркие и талантливые деятели российской науки на периферии восприняли его с оптимизмом. У всех народов России зародились надежды на коренные перемены в своей судьбе. Немало светлых умов в этот период трудилось над разрешением проблемы дальнейшего самоопределения, существования и развития этносов. Однако выжидательная позиция, занятая многими видными учеными в силу недостаточной подготовленности к радикальным переменам, заставила их воспринять большинство демократических преобразований негативно.

Для Рашада Хусейновича эти процессы не были неожиданностью. Закономерности исторических процессов, системные постулаты о развитии цивилизации и смене общественных формаций, профессиональное чутье и прозорливость ученого-гуманитария позволяли ему своевременно принимать правильные решения, определяющие оптимальную составляющую в деятельности института. Доминантой в его жизни была беззаветная любовь к Институту, в котором он состоялся как ученый и проработал почти полвека, в коллективе которого он знал каждого сотрудника, их сильные и слабые стороны. И еще – он, бесспорно, отдавал должное значимости коллектива института в определении жизненных ориентиров населения Кабардино-Балкарии. В этот переломный период,

проблемный для всей страны, региона и республики, коллектив возглавляемого Р. Х. Гуговым института не избежал всеобщей судьбы, и его не обошло «брожение умов». Некоторые сотрудники, коллеги и друзья директора составили оппозицию его мягкой политике, оказавшись, так сказать, по другую сторону баррикад. Но, с присущей ему дипломатией, Рашад Хусейнович проявлял максимум тактичности и терпения в общении с коллективом, старался учесть интересы каждого сотрудника, сохранить человеческие отношения, не потерять давнюю дружбу.

Примером принципиальности и рационализма Р. Х. Гугова может служить выступление на собрании коллектива сотрудников института во время известных событий в г. Нальчике в 1993 году, на котором он жестко определил свою позицию по отношению к экстремизму и однозначно высказался за единство республики. Его выступление было поддержано большинством коллег, осудивших нетрадиционные для кабардинского и балкарского народов формы протеста – пикетирование, голодовку и т. д.

Рашад Хусейнович Гугов, человек, по своей природе чуждый какой-либо конфронтации и конфликтам, всегда предпочитал стабильность в отношениях, скромность и корректность в общении.

Занимая высокий пост народного депутата Верховного Совета КБР, Р. Х. Гугов придерживался этих же принципов до конца своей общественно-политической деятельности, никогда не использовал в личных интересах тот огромный, справедливо заслуженный им авторитет и доверие избирателей. Он всегда отдавал свой голос за консолидацию народов и их лучших представителей, особенно выделяя роль интеллигенции, выступал за толерантные отношения культур и религий всех этносов Северо-Кавказского региона. Рашад Хусейнович всегда считал, что ученые должны быть авангардом народа, определяющим приоритет его национально-культурной политики и направления экономической стратегии. В эти решающие для республики дни он непоколебимо стоял в рядах борцов за единство, согласие и мир. С точки зрения профессионального ученого, оценившего всю пагубность открытого вооруженного противостояния на исторических примерах братоубийственной гражданской войны, он не скрывал своей позиции в отношении невиданных по своим последствиям недавних локальных конфликтов – трагических событий грузино-абхазской, осетино-ингушской и чеченских войн. Анализируя с позиции историка их причины, характер и результаты, он подчеркивал, что никогда между народами Кавказа не было столь серьезных раздоров, поскольку стабильное сосуществование этносов обеспечивалось сложившейся на протяжении нескольких веков их психологической адаптацией, толерантными отношениями культур и религий, результатом чего стал общекавказский менталитет. Оценка им локальных войн сводилась к однозначному утверждению о том, что они представляют непосредственную угрозу для веками устоявшейся стабильности существования региона, играют разрушительную роль для сложившихся межнациональных отношений. Рашад Хусейнович предлагал свои, уникальные пути и механизмы решения этих проблем – он видел выход из сложившейся критической ситуации через испытанное средство – народную дипломатию в сочетании с политической волей формальных и общественной позицией неформальных лидеров всех северокавказских республик.

Он мог говорить об этом вполне обоснованно, имея объективную информацию от некоторых коллег и переживавших в его доме трудное время родственников, проживавших в Грузии, а также русских беженцев из Чечни. Его супруга Люся всегда радушно принимала многочисленных гостей и давних друзей семьи, со-

переживая им вместе с Рашадом Хусейновичем. В это трудное время проявился подлинный интернационализм, генетически свойственный всему роду Гузовых. Их семейные традиции в этом отношении не ограничивались разносторонним межнациональным общением, а были закреплены и многочисленными родственными связями на протяжении нескольких поколений. Эта традиция была свойственна не только семье Рашада Хусейновича, но и семьям его братьев, всегда имевших перед собой убедительный пример в лице старшего брата и всегда разделявших его жизненные позиции, которому они, в свою очередь, служили надежной опорой. «Брат братом силен», – любил повторять Рашад Хусейнович известную мудрую народную поговорку, подтверждая ее всей своей жизнью.

Человек скромный, он никогда не козырял своими регалиями. Даже в праздничные дни редко удавалось увидеть его с заслуженно полученным орденом. На вопрос, почему он не носит эту награду или знаки заслуженного деятеля науки РФ, КБР, он отвечал, что воевал на фронте науки не ради славы и наград. Он никогда не ставил себе в заслугу успехи и признание. В этом он был постоянен и в домашней обстановке, и на службе, будучи директором Института гуманитарных исследований. Единственное, в чем его смогли бы упрекнуть, так это в отсутствии на дверях регламента приема сотрудников. Двери его кабинета были всегда открыты для них. Он редко пользовался служебной машиной и еще реже звонил в другие города по служебному телефону. Но объем его переписки с коллегами был так велик, что становится вполне объяснима ненужность частых телефонных переговоров.

В его библиотеке множество книг. Он любил перечитывать классику, высоко ценил поэзию и, имея превосходную память, мог часами декламировать стихи. Все это делало Рашада Хусейновича человеком весьма интересным в общении. Великий знаток обычаев кавказских народов и их этикета, он всегда исполнял роль ведущего мудро, грамотно и очень тактично. В этом он также был признанным авторитетом. Зная обо всех его чертах и талантах, легко представить себе, каким замечательным и своеобразным тамадой он был за национальным столом.

До последних дней жизни он сохранил свою давнюю привычку – постоянно читать и писать. Его главное оружие – книга, и главное орудие труда – перо были с ним неразлучны. Как настоящий рыцарь науки, он не расставался с любимыми книгами, даже будучи больным, всегда держал их под рукой. Ибо книга была культурным атрибутом всей его жизни. Эта фамильная черта была всегда свойственна лучшим представителям рода Гузовых.

По складу характера Рашад Хусейнович был филантропом и оптимистом, имеющим широкую душу, знатоком и ценителем природы, всего изящного. Мы выезжали с ним в Приэльбрусье, бывали на Чегемских водопадах, в Долине нарзанов, на Голубых озерах, и там я видел, как умеет наслаждаться природой этот человек многогранной души.

Образ Р. Х. Гузова будет неполным, если не упомянуть о его страстной любви к футболу. Заядлый болельщик, он не пропускал ни одной игры, в любую погоду его можно было увидеть на городском стадионе, если там проводился матч. Он отдавал должное роли спорта, и при нем в институте был открыт спортзал, установлены тренажеры, и желающие могли приобщиться к настольному теннису. В свободное время молодежь и сотрудники старшего возраста с удовольствием пользовались этими благами.

Он всегда был предельно чуток с сотрудниками, многие из которых были его друзьями. Запомнилась его привычка ежегодно, на новогодний праздник, ровно

в полночь звонить коллегам и поздравлять их в самых теплых и дружеских выражениях.

Научная школа Р. Х. Гугова будет существовать и развиваться, пока будут жить и развиваться народы Кабардино-Балкарии.

М. Улаков,
доктор филологических наук

ДУША ЧИСТАЯ И РАНИМАЯ

В начале 80-х годов прошлого века я переехал из Северной Осетии в Кабардино-Балкарию. Как-то я работал в архиве КБНИИ, когда туда зашли Рашад Хусейнович Гугов и Магомед Алиевич Хаджиев. С последним мы были знакомы, он меня и представил Рашаду Хусейновичу. Чуть погодя я оказался в кабинете Р. Х. Гугова, где в книжном шкафу увидел портрет своего учителя, профессора М. С. Тотоева. Меня это приятно удивило. Рашад Хусейнович много интересного рассказал о Михаиле Сосланбековиче Тотоеве, о его вкладе в кавказоведение, о его помощи молодым кабардинским и балкарским историкам. Уже в те минуты я почувствовал, что с этим именитым, авторитетным историком у меня должны сложиться, несмотря на разницу в возрасте, добрые взаимоотношения.

Так и произошло. Эти отношения получили новый импульс благодаря моему наставнику профессору М. И. Гиоеву, с которым Рашада Хусейновича связывали дружеские узы. Как-то, в году 1984-м, М. И. Гиоев приехал в КБГУ со своим аспирантом Д. Пеньковским, которому предстояла защита диссертации. Не знаю уж по какой причине, но Михаил Ильич посоветовал Рашаду Хусейновичу обратиться на меня внимание. Впоследствии Р. Х. Гугов часто меня приглашал к себе в кабинет, где мы обсуждали некоторые вопросы истории народов Кавказа. Совместно мы подготовили ряд статей и рецензий на книги видных ученых-кавказоведов, в том числе «Национально-государственное строительство на Северном Кавказе» (Ошхамахо. 1987. № 5), «Некоторые аспекты культурной революции в Кабардино-Балкарии» (Минги Тау. 1988. № 1), которые были опубликованы в различных изданиях Нальчика, Владикавказа, Ростова-на-Дону.

Каждый раз, когда задумывали новую совместную работу, Рашад Хусейнович приглашал меня к себе в КБНИИ. За чашкой чая обсуждали аспекты будущей статьи, порой спорили, но всегда приходили к согласию. Мы приступили даже к написанию монографии о столь знаковой личности, какой являлся Назир Катханов. Правда, в силу различных причин работа эта осталась нереализованной.

Слушая и разговаривая с Рашадом Хусейновичем, забывал, что передо мной крупный ученый-кавказовед, многие труды которого представляют серьезный вклад в отечественное кавказоведение. К его авторитетному слову прислушивались не только ученые-историки Кабардино-Балкарии, но и всего Кавказа. Я видел в нем не только большого ученого, талантливого и уверенного в себе человека, но и близкого старшего товарища. Рашад Хусейнович импонировал своей рассудительностью, основательностью, тонким юмором; он, несмотря на любые обстоятельства, всегда умел владеть собой, казалось, что его невозможно вывести из себя. Но за внешним, поистине олимпийским спокойствием скрывалась чистая и легко ранимая душа. Он очень переживал, когда в 2000 году при об-

новлении специализированного диссертационного совета по историческим наукам в КБГУ, членами которого мы являлись, ему по непонятной причине не нашлось в нем места. Маститый ученый, отдавший всего себя исторической науке, очень переживал по этому поводу. А ведь он был единственным членом совета, удостоенным звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Он не жаловался, не писал писем в высокие инстанции, но боль обиды прорывалась в общении с близкими людьми. И это понятно, ведь было задето достоинство ученого. Ф. М. Достоевский мудро подметил, что «таланту нужно сочувствие, ему нужно, чтоб его понимали». К сожалению, в тот момент Р. Х. Гугова не поддержали. И я ничем ему помочь не смог. У него, как и у всякого неординарного человека, помимо друзей, соратников и учеников, были и завистники, действовавшие за спиной, старавшиеся задеть, уколоть, принизить. Эти несостоявшиеся «специалисты», посредственные «ученые», невежественные «коллеги» только на это и были способны. Впрочем, Бог им судья. Ведь еще французский мыслитель XVII века Жан де Лабрюйер говорил, что «смеяться над учеными людьми – такая привилегия глупцов», что «предвзятость низводит самого великого человека до уровня самого ограниченного простолюдина». Как часто мы бываем свидетелями того, что предвзятость случайно пригретого славой руководителя становится определяющей в судьбе известного ученого, талантливого человека.

Всякий раз, вспоминая Рашага Хусейновича Гугова, я думаю о народе, представителем которого он был. Счастлив народ, у которого есть мудрые и достойные сыновья и дочери. Кабардинцы, подарившие миру немало талантливых людей, по праву могут гордиться и Р. Х. Гуговым, внесшим немалый вклад в отечественную историческую науку. Думается, назрела необходимость увековечить имя профессора Р. Х. Гугова. Как это сделать – нам надо подумать сообща, выступив перед властными структурами республики с конкретными предложениями.

В. Дзидзоев,
доктор исторических наук, профессор

г. Владикавказ

ОБРАЗ СВЕТЛЫЙ...

С Рашагом Хусейновичем Гуговым мы были большими друзьями, 42 года проработав в стенах научно-исследовательского института.

Еще будучи ассистентом, а потом и преподавателем кафедры истории СССР Кабардинского государственного педагогического института, он показал хорошие знания по читаемым курсам. Р. Х. Гугов хорошо знал свой предмет, был требовательным, но всегда благожелательным и объективным. А ведь работать в пединституте в начале 50-х годов было не просто, так как практически не было учебников и учебных пособий.

Интересно и то, что однокурсники, которые закончили исторический факультет вместе с Р. Х. Гуговым, никогда не забывали его, почти ежегодно встречались, отмечая день окончания института. О каждом из них у Рашага Хусейновича находились теплые слова. Вспоминается, как по-доброму рассказывал он Х. Ф. Тазиеве, впоследствии преподавателе КБГУ, кандидате исторических наук, взявшем на себя организацию бытовой стороны жизни студентов, заботящемся

о том, чтобы Рашад, не отличавшийся достаточной предприимчивостью, не оставался без завтрака и ужина. На мой вопрос, а чем он отвечал на такую заботу, Рашад на полном серьезе ответил: «Уэлэхи, я отвечал ему глубокой благодарностью!».

К слову будет сказано, Рашад Хусейнович любил чаепития, хорошую компанию, хотя спиртное практически не употреблял. Он был незаменимым тхаматой, надо было видеть, как он распорядился за столом. При нем никто за столом не скучал.

Был он очень внимательным человеком, всегда готовым прийти на помощь, разделить чужие заботы. Он спешил выразить свое сочувствие тем, к кому поступалось горе.

В ноябре 1960 года, когда я только завершил второй год обучения в аспирантуре исторического факультета МГУ и начал работу над диссертацией, пришла телеграмма от директора КБНИИ Х. Г. Берикетова, в которой мне предлагалось вернуться в Нальчик для работы в секторе истории. Телеграмма застала меня врасплох, так как в аспирантуру меня направил не КБНИИ, а КБГУ. К тому же мне не хотелось прерывать учебу в Москве, работу в библиотеке им. В. И. Ленина, общаться со своим научным руководителем профессором МГУ А. В. Фадеевым.

Не зная, как поступить, я позвонил Т. Х. Кумыкову, но его на месте не было. Позвонил тогда Р. Х. Гугову, и он мне посоветовал возвращаться, так как предложенное мне место вскоре может оказаться занятым, а диссертацию можно закончить и в Нальчике. Рашад Хусейнович предложил свою помощь. Я вернулся и стал научным сотрудником сектора истории, а Т. Х. Кумыков и Р. Х. Гугов постоянно помогали мне в работе над диссертацией, за что я искренне благодарен им.

Рашад Хусейнович внес весомый вклад в развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии. Одна из первых его научных работ была посвящена истории становления и развития Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Особый интерес он испытывал к событиям 20–30-х годов, когда республика решала такие серьезные и важные задачи, как индустриализация, коллективизация, культурное строительство. Подготовленная им монография оказалась столь солидна и глубока, что за более чем сорокалетний период после ее выхода никто из историков Кабардино-Балкарии не вернулся к этому периоду.

Р. Х. Гугов вместе с У. А. Улиговым проделали большую работу по созданию источниковедческой базы для исследования истории Октябрьской революции и гражданской войны и национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии. По этой теме они издали ряд сборников архивных документов и материалов. Ими также подготовлены сборники документов и материалов, посвященных истории областной партийной организации, жизни и деятельности Б. Э. Калмыкова; созданы исследования, посвященные борьбе за Советскую власть в Кабардино-Балкарии, очерки истории революционного движения в нашей республике.

Р. Х. Гугов очень ответственно относился к изучению всех архивных и опубликованных материалов по изучаемым проблемам. Так, последняя его монография «Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией» опирается более чем на две тысячи источников.

Я не хочу утверждать, что у Рашада Хусейновича не было недостатков, они были у него, как у всех смертных. Но то, что он был порядочным и честным человеком, не подлежит никакому сомнению.

Хотел бы вспомнить и о супруге Рашада Хусейновича – Люсе Даниловне. Ее отличали гибкий ум, мягкость и внимательность. Я часто говорил своему другу,

как ему повезло, что он встретил на своем жизненном пути Люсю, что он должен в прямом смысле слова молиться на нее. На что Рашад смеялся: «Еще неизвестно, кому повезло больше!».

Имя Рашада Гугова, прославившего науку Северного Кавказа, навсегда сохранится в нашей памяти, вдохновляя нас на честный и добросовестный труд во имя Кабардино-Балкарии и ее Института гуманитарных исследований.

Г. Мамбетов,
доктор исторических наук, профессор

ОБАЯНИЕ БОЛЬШОГО УЧЕНОГО

Рашад Хусейнович вел размеренную, неспешную жизнь, всецело подчиненную науке. Во всяком случае, так казалось со стороны. Но необходимое для успешной научной деятельности внутреннее внимание сочеталось у него с развитым внешним вниманием, с вниманием к людям.

В повседневном общении с коллегами, друзьями, знакомыми он всем своим видом демонстрировал теплое, заинтересованное участие. Как будто не было у него ни одного дела важнее, чем эта встреча. Взгляд Рашада был обычно спокойным, открытым и одновременно испытывающим, пронизывающим, с какой-то едва уловимой, доброй хитринкой, с едва заметной улыбкой на губах. И казалось, ничто не остается вне поля его зрения, даже мельчайшие детали внешнего облика собеседника. При этом обычно он откидывался слегка назад, как будто желая увидеть человека в целом, стремясь лучше разглядеть в нем его суть. И все это без суеты, без спешки, нервозности, столь характерной для нашего времени. Его жизнь протекала как бы в ином пространстве. С другими, только ему известными координатами.

Люди, вообще говоря, разделяются на два типа, первый из которых является деятельным, а второй созерцательным. Рашад относился в гораздо большей степени ко второму типу. Будучи руководителем большого и сложного коллектива, он не принимал скоропалительных решений, предпочитая не спеша отслеживать ситуацию в надежде, что развитие событий подскажет наилучшее решение проблемы. Часто, хотя и не всегда, эти надежды оправдывались, и время само расставляло все на свои места. И мне казалось, что он получает истинное удовольствие от того, как правильно развиваются события в силу именно этого обстоятельства – от того, что он предотвратил грубое вмешательство в естественный ход вещей. Все это напоминало во многом традиции и установки буддистской философии, которые, как известно, присущи и моральной философии адыгов.

Отсюда и характерный для Рашада стиль управления коллективом: спокойный, уравновешенный – без авралов, без обидных упреков в адрес подчиненных, которые в силу разных причин не всегда справлялись с возложенными на них задачами. Рашад Хусейнович хорошо понимал всю сложность труда научных работников и, кроме того, учитывал массу всевозможных бытовых и других условий и обстоятельств, препятствовавших успешной работе коллег. Он всегда руководствовался в таких случаях принципом: «Не требуй от человека больше того, что он сможет сделать».

В то же время он никогда не позволял себе публичных высказываний, в которых одного ученого ставил выше другого, хорошо понимая, как разрушительно действует это на личность, на творчество. Вообще, у него не было ни любимчиков, ни врагов, ко всем он относился одинаково ровно и благожелательно. Никому не льстил, но так же, как видно, никому не завидовал и никого никогда не преследовал, пользуясь своей властью. Вместе с тем он высоко ценил всякую помощь и знаки внимания, которые оказывали ему друзья, родственники, сослуживцы. И в свою очередь сам следовал строго правилам этикета. Священным долгом считал проведать больного товарища или отдать последние почести ушедшему из жизни.

Все это делало Рашада человеком особенным, нетипичным для руководителей как старой, так и новой закалки. Например, он был в высшей степени деликатным и сдержанным, когда дело касалось планов, целей и амбиций сотрудников института, предоставлял (конечно, в рамках возможного) свободу выбора каждому работнику.

Отсюда еще одна характерная черта: боязнь навредить человеку или делу, связанная с этим крайняя осторожность в оценках, в принимаемых решениях, действиях. Не всегда и не всем это нравилось. Особенно тем, кто получает удовольствие от крупных скандалов или ссор, за которыми можно наблюдать, потирая руки, со стороны. Любители таких зрелищ являются нередко и зачинщиками конфликтов, возникающих на пустом месте. И они есть в любом коллективе. К таким людям Рашад относился с плохо скрываемым презрением.

Лично мне, как руководителю отдела, было очень легко и интересно работать с Рашадом Хусейновичем. Несмотря на то что на многие вещи мы смотрели по-разному, в конце концов, всегда находили общий язык. В то же время мы не были дружны настолько, чтобы делиться сокровенными мыслями; видимо, давала о себе знать разница в возрасте, в характере, во взглядах на жизнь. Но Рашад, если я не ошибаюсь, держался на определенной дистанции со всеми. И это тоже характерная черта его личности.

Иногда мы говорили с ним на некоторые отвлеченные темы, не имеющие отношения к текущим делам. С большой теплотой вспоминаю эти беседы. Передо мной был умный, интересный собеседник, умевший не только рассказывать, но и внимательно слушать. Однажды у нас зашел разговор о специфике научного творчества, и в связи с этим я рассказал ему такой случай. Во время экспедиции в Шапсугию, в ауле Большой Кичмай, я долго и дотошно расспрашивал одну пожилую женщину о всех нюансах исполнения одного обряда. Удивленная и уставшая от этих расспросов, она, в конце концов, воскликнула: «Неужели все эти мельчайшие детали так важны?» Услышав от меня, что в этом специфика работы этнографа и без этих деталей невозможно обойтись, она с большим сочувствием сравнила этот, по ее словам, адский труд с трудом человека, который роет колодец обыкновенной иглой. Рашаду очень понравилось такое сравнение.

Хочу сказать в этой связи, что он был большим знатоком и ценителем кабардинского языка и постоянно использовал в своей речи множество образных выражений, полных глубокого смысла пословиц, сравнений, эпитетов, притч, наставлений. Зная это, я часто обращался к нему, чтобы выяснить или проверить значение того или иного слова или пословицы, так же как и к другим старшим коллегам, хорошо знавшим тонкости родного языка. Особенно нравилось мне, что знание языка не было у Рашада чисто внешним, связанным с искусственным запоминанием и заучиванием. Чувствовалось, что запечатленный

в устойчивых языковых выражениях многовековой опыт мышления и поведения народа стал органичной частью характера, привычек, мировосприятия этого человека. И в этом смысле он был во многом настоящим и типичным кабардинцем – кавказцем, оставаясь для меня и для многих моих коллег образцом для подражания.

Традиции взаимного уважения и позитивного внимания друг к другу, заложенные в нашем институте Рашадом Гуговым и в целом его поколением, живы и сейчас, создавая в коллективе благоприятную атмосферу для повседневной работы и творчества. Для работы, всю сложность, ответственность и значимость которой так хорошо понимал этот скромный, благородный человек.

Б. Бгажноков,
доктор исторических наук

ЧЕЛОВЕК ПОДОБЕН ДРОБИ...

Известно, насколько колоритен был язык Рашада Хусейновича. Пожалуй, каждый, кто знал его в течение какого-то продолжительного времени, может привести примеры того, как одной остроумной репликой он мог разрядить обстановку, настроить в пользу того или иного варианта решения или же просто расположить к себе аудиторию. В подтверждение своих слов он всегда находил убедительные аргументы, которые с изяществом преподносил, сопроводив образным сравнением из классического литературного произведения или же ссылкой на афористическое выражение, принадлежащее знаменитым политическим деятелям, историческим личностям, а то и почерпнутым из мало кому известных документальных источников. Его пристрастие к употреблению метких народных изречений было настолько выраженным, что известный филолог А. Гукемух, многие годы занимавшийся собиранием пословиц и поговорок, записал у него немало уникальных адыгских афористических выражений.

Несомненно, все это делало Рашада Хусейновича фигурой колоритной и привлекательной. Мне одно время довелось вести документацию разных заседаний и собраний, и сейчас, вспоминая события 15–20-летней давности, я поражаюсь его способности привлекать к себе симпатии людей. Дабы не говорить без опоры на факты, сошлюсь на результаты одного голосования, прошедшего в ноябре 1987 года.

Это было время разгула горбачевской гласности, когда всей страной овладел психоз разоблачений: люди, которые десятилетиями делали общее дело в добром согласии, восставали друг против друга и начинали уличать других во всех смертных грехах. На любых выборах «черные шары» сыпались, казалось бы, вне какой-либо зависимости от деловых и человеческих качеств кандидатов. И вот в таких условиях у нас выбирали партбюро – семь из двенадцати кандидатов, которых назвало собрание. Я вел счетную комиссию, сам подсчитывал голоса, и не без удовольствия записал в протокол, что наибольшее количество «за» набрал Рашад Хусейнович с шестью голосами «против» из тридцати восьми.

Через некоторое время в институте развернулась кампания по выдвижению кандидатур на должность директора. Мы шутили, что у нас теперь целых десять директоров – именно столько было претендентов. И вот при предварительном рейтинговом голосовании снова на первом месте Р. Х. Гугов.

Такое случайно не бывает, особенно дважды или более (если считать, что и руководство республики признало его наиболее достойным). Вместе с тем никто не сказал бы, что это был человек, готовый угождать всем. При необходимости Рашад Хусейнович не раз проявлял решительность и принципиальность. Другое дело – что он ни от кого ничего не таил и зла никому не делал.

Каким он был директором? Естественно, не классическим администратором, ибо принял должность уже на седьмом десятке лет. Но, одаренный природной мудростью и тактом, которые успешно компенсировали отсутствие чиновнических навыков, он иногда мог дать фору некоторым кадровым руководителям в решении как хозяйственных, так и самых деликатных человеческих проблем. Однажды пришлось ему заниматься одним чрезвычайным и сугубо хозяйственным вопросом: у нашего здания прохудилась крыша. Потенциальные подрядчики пришли, осмотрели, составили смету расходов – назвали цифру в... сто миллионов (такие тогда были деньги). Причем со всевозможными скидками и поблажками. Гугов ничего не ответил, попросил немного подождать, а через некоторое время нашел организацию, которая за шестую часть той суммы устелила всю крышу железом – случай в те времена невероятный и возможный только для таких, как Рашад Хусейнович.

Кажется, Заур Налоев как-то процитировал запись из дневника Льва Толстого, где человек уподоблялся дроби: в числителе у него то, что он собой представляет, в знаменателе – то, что он сам о себе думает.

– Чем больше знаменатель, тем меньше значение дроби, – закончил цитату Рашад Хусейнович.

Думаю, у его дроби числитель не был меньше знаменателя. И это отражалось в его незаурядности. Коллектив, где главным орудием труда является голова, этот самый тонкий и легкоуязвимый орган человеческого тела, не может быть легким для управления. А «нестандартный» Гугов достойно справлялся с этим делом, иногда поступая и рассуждая и нестандартно, и в то же время единственно правильно.

Вспоминается случай. Работала у нас одна сотрудница, у которой в знаменателе стояло не менее, чем трехзначное число: первая цифра – положение в секторе, вторая – в коллективе, а третья была призвана заявить о ней в самых широких масштабах и в науке, и на общественном поприще. Но все дело было в том, что уже на первом уровне дама не была в состоянии выполнить план, хотя когда-то работала много и продуктивно.

Вот с чем пришлось столкнуться нам в пору директорства Гугова. Размышляя над этим, я сейчас думаю, что мы без особых осложнений разрешили бы эту проблему, если бы не одно обстоятельство. Всегда найдутся вампирического склада особы, которые с садистским удовольствием наслаждались страданиями бедной женщины, то и дело дергая ее воспаленные нервы. Именно поэтому наша дама утратила над собой контроль, стала агрессивной и нетерпимой. Все наши благие намерения наталкивались на враждебность, ожесточенное неприятие, будто это не Гугов защищал ее от нападок извне, и не мы пытались сообща выправить ситуацию.

Наконец, я совсем разуверился в возможности мирного разрешения проблемы и пришел к директору с намерением предложить самые радикальные меры. При этом я считал, что честно сделал все от меня зависящее для защиты этой сотрудницы, а потому, полагал я, начальник будет только рад моему мнению. Но случилось не так.

– Не горячись, – сказал Рашад Хусейнович. – Подумай-ка о том, что она просто человек, нуждающийся в доброте и сочувствии. При ее огромных амбициях наша суровость может ее окончательно добить. Какие же мы будем мужчины, если не стерпим норова слабой женщины. Пускай она думает и говорит, что хочет, а ломать ее судьбу мы не станем, как бы на нас ни давили.

Из кабинета директора я выходил с другим настроением. Мудрость и нравственная щепетильность заставили его нарушить букву закона, но позволили не совершать более тяжкого греха. Он не послушался ни той вампирической особы, ни ходоков в институт, которые также требовали строгих мер, а поступил по совести.

После того случая были еще стычки, были жалобы, но наш настрой уже был совсем иным. Дама наша, конечно же, до сих пор нигде доброго слова не сказала о Гугове, она и не ведает о нашем с ним разговоре. Я единственный, кто это знает и помнит, и мой долг – об этом рассказать.

За годы совместной работы между нами бывало всякое. Мы и спорили, и мирились, и, бывало, занимали принципиально разные позиции. Но преподанный мне урок человечности побудил меня, чуть ли не единственного в коллективе, встать в день ухода Рашада Хусейновича с поста директора и искренне поблагодарить его.

А. Гутов,
доктор филологических наук, профессор

НЕУТОМИМЫЙ ТРУЖЕНИК

Я пришла в институт, когда здесь, как говорили в коллективе, царили три кита от исторической науки: Е. Хакуашев, У. Улигов, Р. Гугов. Ушли из жизни Е. Хакуашев и У. Улигов, а теперь вот не стало и последнего из могикан. Я знала его в должности заведующего отделом истории и затем в течение почти десяти лет директора института. Знала как глубокого исследователя, пришедшего в науку не случайно, а по призванию, как неустомимого труженика, автора фундаментальных монографий, составивших основу отечественной исторической науки.

Р. Х. Гугов стал директором института в поздний ренессансный период его истории. Он бережно сохранял классическую структуру института, сумел в смутное перестроечное время консолидировать коллектив, добиться хороших результатов в выполнении плановых работ и изданий научной продукции, в соблюдении трудовой дисциплины. Как директор он был прост и доступен, с ним было удивительно легко работать. Он не давил административным пресом, всегда уважительно и корректно относился к сотрудникам, внимательно, не торопясь, выслушивал, вникал в научные интересы, житейские трудности. И вот таким благожелательным отношением добивался хороших результатов. Он осторожно относился ко всякого рода новациям, тщательно продумывая их возможные негативные последствия. Коллектив при нем был компактным, работал целенаправленно и результативно.

Р. Х. Гугов был увлекательным собеседником. Обладая большим научным потенциалом и жизненным опытом, он мог дать правильное направление в научных изысканиях, поделиться своими познаниями, дельными житейскими советами. Он всегда много работал, и работал до последних дней. Очень переживал,

что медленно завершаются «Очерки истории городов и сел КБР», издание которых он возглавлял последние годы, будучи уже главным научным сотрудником.

Рашад Хусейнович был начисто лишен какой-либо меркантильности, претенциозности, жил и вел себя как истинный ученый, которому нужны только книги и рабочий стол.

Бернард Шоу говорил: «Смерть – величайшее безумие, которое может себе позволить человек». Да, время и болезни безжалостны. Ушли из жизни один за другим замечательные ученые нашего коллектива: Аскерби Шортанов, Петр Багов, Тая Хашхожева, Рашад Туганов, создатели фундаментальной науки. И наш святой долг – беречь память о них.

Р. Хашхожева,
доктор филологических наук, профессор

ВОДА БЛАГОВОЛИЛА ЛИТЬСЯ...

Я хочу вспомнить Рашада как человека, с которым учился (он был двумя курсами старше меня), работал (в пединституте, научно-исследовательском институте), дружил, ходил на прогулки по городскому парку, говорил о науке, политике, о красивых женщинах... Иногда я его злил, иногда заставлял хохотать.

Познакомились мы в Нальчике, в пединституте. Будучи первокурсником, я, как и мои товарищи, несколько робели перед студентами старших курсов, смотрели на них, как на корифеев. Но и среди них выделялись несколько ребят – высокий, стройный Рашад Гугов, среднего роста, плотный Устархан Улигов, приземистый, широкоплечий Хажмурат Тазиев, белесый, плотный коротыш Женя Хакуашев...

Рашад, видимо, был самым способным из них, поэтому после окончания вуза его оставили преподавателем при кафедре истории СССР.

Когда и меня оставили ассистентом при кафедре кабардинского языка и литературы, мы сошлись ближе с Рашадом, который уже два года читал курс лекций по истории СССР. Он не важничал, как некоторые, не смотрел на тебя сверху вниз. С ним было легко и интересно общаться. Можно было даже поспорить, и я, начинающий лектор, иногда обращался к нему за консультацией по вопросам истории, методики построения лекции, ведения семинарских занятий. У него была прекрасная память, великолепные ораторские способности, в споре он легко мог убедить или переубедить оппонента.

Когда по расписанию у меня выпадало «окно», я подходил к аудитории, где Гугов читал свой курс, и слушал его. Мне нравилось, как он уверенно излагал материал, ясно и четко формулировал вопросы. Как-то он увидел меня у дверей аудитории и очень удивился: «Ты что тут делаешь?» Я ответил: «Изучаю историю СССР по первоисточникам». Рашад рассмеялся. Как и любому человеку, ему было приятно услышать такую шутивную похвалу, но при этом он никогда нас не задирал.

Мы нередко встречались в книжном магазине, что располагался тогда на улице Кабардинской. Зарплата наша была мизерной, оба уже были семейными, но умудрялись покупать все интересующие нас книги.

Мы понемногу накапливали профессиональные знания и опыт, любовь к своему делу. Думается, достигли бы неплохих успехов, если бы не 1954 год. В том году новый директор Кабардинского научно-исследовательского института Кам-

булат Наурузович Керефов решил укомплектовать учреждение новыми, местными, кадрами, а взять эти кадры кроме как из пединститута было неоткуда. В этот список вошли Буба Карданов, Рашад Гугов, Туган Кумыков и я. Б. Карданов сумел отговориться, а нас троих перевели в НИИ, где с 14 января мы и осели там вместе с Рашадом. (Т. Кумыков после защиты докторской диссертации вернулся в университет.)

Мы тогда жили в северном (преподавательском) крыле студенческого общежития, что на Затишье: Гуговы – на 2-м этаже (напротив жила семья министра сельского хозяйства республики Залимджерия Шауцукова), Налоевы – на 3-м этаже. И нам с Рашадом приходилось ежедневно по несколько раз (утром, в обед) ходить на работу с Затишья на Театральную, 6 (ныне улица им. адмирала Головки), где тогда находился Кабардинский научно-исследовательский институт, а сейчас книжное издательство «Эльбрус». Мы были тогда молодые (Рашаду 27 лет, мне – 26) и сухопарые, и нам легко было преодолевать это неблизкое расстояние. 2 часа, которые мы тратили на это «путешествие», заполняли разговорами на интересные нас обоих темами, я часто читал ему стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Есенина; Рашад же требовал Некрасова, которого он любил. Некрасовских стихов я знал гораздо меньше, и он корил меня за это. Чуть ли не каждый день он заставлял читать «Размышления у парадного подъезда». Однажды мне это надоело, и я прочитал ему миниатюру 1848 года:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную,
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

Рашад остановился и долго смотрел на меня изумленно. Потом упрекнул: «Почему до сих пор прятал его?»

Как-то по пути домой – а шли мы по Советской – меня снова потянуло на стихи. Если память мне не изменяет, я читал тогда Л. Мартынова: «Вода благоволила литься...». Неожиданно Рашад прервал меня: «Почему ты не читаешь свои?..» Сколько ни шарил по закоулкам памяти, не смог вспомнить ни одного своего стихотворения. Гугов рассмеялся: «Тоже мне, поэт! Кто захочет читать твои стихи, если ты сам их не можешь удержать в голове?». Конечно, он был прав, но я надулся и решил его уколоть: «А ты хоть одно стихотворение знаешь наизусть?» Рашад сомкнул губы, рот его превратился в еле заметную линию: тоже обиделся. Но курьез не имел последствий: пока обедали, все забылось.

Вскоре Гугов тяжело заболел – обострилась почечная болезнь. Мы все, его друзья, давно знали, что его беспокоят почки, и все же видеть обычно веселого и уверенного Рашада в таком состоянии было очень печально. Почти каждый вечер после работы я заходил к Гуговым, чтобы проведать друга, отвлечь его от тяжелых дум, от болезни. Он держался мужественно, не стонал, не жаловался и сохранял свой мягкий юмор, но упорно отказывался лечь в больницу: «Там мне станет хуже, – говорил. – Врачи дадут те же лекарства, что я принимаю дома, а уход будет намного хуже...»

Конечно, его супруга, красавица Люся, на редкость добрая, мягкая, отличная хозяйка и стряпуха, ухаживала за ним с любовью, и Рашад знал, что такого ухода и присмотра он не найдет ни в какой больнице.

Однако больному становилось все хуже и хуже. И однажды, придя после работы к Гуговым, я не застал Рашада. Люся рассказала, что Залимджерий Шауцуков, увидев тяжелое состояние друга, настоял на госпитализации, вызвал «скорую помощь» и отправил его в больницу. Врачи быстро поставили его на ноги. Собственно говоря, тогда Рашада спас именно Шауцуков: Аллах воздаст ему за это сторицей!

Я вспомнил этот случай, чтобы подчеркнуть одну черту характера Рашада. После больницы он понял, что необходимо изменить образ жизни, режим питания и выработал такой распорядок, который позволил ему до конца дней сохранить творческое, рабочее состояние. Такое удается далеко не всем людям, а только волевым и дисциплинированным. И еще: разумный режим жизни, конечно, необходим творческой личности, но во много крат необходимее заботливая, верная, добрая, терпеливая, умная жена. Видимо, Бог за что-то полюбил Рашада, коль одарил его такой женщиной. Таких, как Люся, следовало бы награждать орденами: думаю, в обществе повысилась бы доброта.

Адыги называют домашнюю хозяйку унэгуашэ, что в переводе означает «богиня дома». Эта характеристика как нельзя лучше подходит к Люсе, которая работала педагогом, воспитывала своих детей, создавала уют и отраду в доме, холдила мужа, который нуждался в уходе.

Не могу пройти мимо еще одного прекрасного качества Р. Гугова. Он был историк, читал в основном русские книги, писал свои произведения только на русском языке. То же следует сказать и о его коллегах. Я не считаю это достоинством, ибо и по этой причине (исключением является разве что Ч. Карданов) у кабардинцев язык исторической науки остался неразвитым. Но Рашад хорошо знал кабардинский язык, его лексику, фразеологию, идиоматику, речь свою пересыпал пословицами, побасенками, шутками, прибаутками... Такой знаток адыгской паремии, как поэт, фольклорист и лингвист А. М. Гукемух, записал у него много пословиц и поговорок. Ваш покорный слуга тоже часто записывал слетавшие с уст Рашада пословицы, притчи, слова, идиомы, нередко просил разъяснить семантику слова, поговорки. И другие коллеги пользовались его знаниями в области кабардинского языка и паремиологии. Мы, фольклористы и литераторы, высоко ценили это гуговское достоинство.

В области семантики и речевой культуры у меня были надежные консультанты, к которым я обращался в трудных языковых ситуациях. Среди них Хасан Эльбердов, Аубекир Гукемух, Николай Багов, Зарамук Кардангушев. К этой плеяде относился, конечно, и Рашад. И мне теперь, когда возникают языковые трудности, очень не хватает Гугова. Но, к счастью, Зарамук жив и да продлится его жизнь.

В 1956 году наш институт перевели с Театральной, 6, на Лермонтова, 14, где до этого располагался Президиум Верховного Совета КБАССР, а ныне – «Национальный банк КБР».

Гугов любил повторять китайскую пословицу: «Лучше совершать послеобеденные прогулки, чем держать дома аптеку». Он прибегал к этому аргументу для оправдания наших затяжных прогулок и получасовых опозданий. Мы обедали в ресторане «Нальчик» – тогда единственном в городе (если не считать «Привокзального»), и кормили там обильно, вкусно и дешево. Когда, пообедав, мы выходили на Республиканскую, Рашад вспоминал китайскую пословицу и улы-

бался заговорщически, я же отвечал, что только неразумные могут пренебрегать тысячелетним опытом великого народа, и сворачивали в городской парк: Гугов дышал кислородом, а я – папиросным дымом вперемешку с чистым воздухом.

В 1959 году институту выделили две двухкомнатные квартиры в доме по проспекту Ленина. Одну из них жилищная комиссия предоставила нашему коллеге и другу Киму Мамрешеву, а по второй квартире комиссия решила столкнуть нас с Рашадом: «Решайте сами, – сказали, – кому из вас она должна достаться». Я ответил: «При такой постановке вопрос может быть решен только в пользу Гугова». Рашад был старше меня, начал работать раньше меня, и – это было главное! – здоровье его оставляло желать лучшего. В 1960 году дали квартиру и мне.

Теперь мы обедали дома, а прогулки перенесли на вечер. Иногда к нам присоединялись В. Темиржанов, И. Чеченов, Дж. Хаупа. Наш маршрут лежал по Комсомольской или по Главной аллее до источника «Долинск» и обратно. Часто в выходные дни мы спускались к пойме реки Нальчик; около бывшей электростанции покупали мятные тульские пряники и ели их на берегу Курортного озера, спрятавшись за дерево: Рашад не любил, чтобы люди видели, как он на природе уплетает что-то. Считал неэтикетным, когда взрослые люди жуют на улице.

Чаще мы гуляли вдвоем, и тогда все темы становились для нас открытыми: рассказывали анекдоты, спорили по вопросам литературы и истории, вспоминали прошлое, друзей, голодные, но веселые студенческие годы. Рашад очень часто затевал споры о Сталине, которого он уважал больше других большевистских лидеров. Спорил он не со мной, а с Хрущевым, с какой-нибудь антисталинской статьей в прессе...

Надо сказать, что Рашад был настоящим коммунистом, ему доверяли и в обкоме, и в горкоме КПСС, часто выбирали членом парткома, а то и секретарем институтской парторганизации. Был он к тому же весьма осторожным человеком, и оценка Сталина была, пожалуй, единственным вопросом, по которому он в душе не соглашался с КПСС и ее ЦК. Он горячо и упорно, оживленно жестикулируя, утверждал, что Сталин был гениальным полководцем, великим руководителем великого государства, выдающимся теоретиком марксизма, восхищался точным, образным языком, ясностью стиля; нередко на память цитировал сатирические и юмористические места из его работ. Рашад придавал огромное значение смеховому дару вообще, культуре смеха в особенности.

Как пример сталинской иронии, он любил приводить ответ американскому журналисту Ричардсону. Он сохранился в моей памяти: «Ложные слухи о моей болезни распространяются в буржуазной печати не впервые. Есть, очевидно, люди, заинтересованные в том, чтобы я заболел всерьез и надолго, если не хуже. Может быть, это и не совсем деликатно, но у меня нет, к сожалению, данных, могущих порадовать этих господ. Как это ни печально, а против фактов ничего не поделаешь: я вполне здоров. Что касается г. Цондека, он может заняться здоровьем других товарищей, для чего он приглашен в СССР».

– Какая тонкая ирония! – восклицал Рашад, и трудно было с этим не согласиться.

Но гуговское сталинофильство никогда не отражалось на его сочинениях.

У живого человека всегда сложный характер, состоящий, схематично говоря, из положительных, отрицательных и смешных черт. Целиком положительный человек становится одномерным, неинтересным, даже неприятным, а Гугов был живой человек, и поэтому мне хочется рассказать о нескольких смешных случаях из нашей жизни.

Рашад не имел привычки торопиться. Даже был несколько медлителен. Я звонил ему еще до окончания рабочего дня: «Рашад, готовься на прогулку!»

– Куда торопишься, – говорит, – еще шести нет.

Захожу к нему в кабинет ровно в шесть.

– Ну, ты готов?

– Еще шести нет.

Я показываю ему часы. Он неторопливо начинает убирать стол: архивные документы, исписанные бумаги – в стол, книги, журналы, газеты – в шкаф. (Я, кстати, нередко оставлял свой стол неубранным, и у меня, случалось, исчезали нужные книги). Наконец, мы выходим из здания института. По пути в парк обязательно встречается кто-то из знакомых. Рашад здоровается с ним приветливо, начинает расспрашивать о житье-бытье, о здоровье, родителях, детях, о жене, о теще и тесте... Минут через пять, когда беседа закончилась и мы расстались с неизвестным, я спрашиваю:

– Кто это, Рашад?

– Уалагий, не знаю.

– Тогда почему ты его мучил вопросами?

– Мне показалось, что он знакомый, но вспомнить, кто именно, не смог.

Я смеюсь. Рашад обиженно сжимает губы, но через несколько минут хватается меня за правую руку и тоже смеется:

– В самом деле, что бы я ответил, если бы он спросил, кто я и почему интересуюсь его женой!..

Впоследствии, когда однажды я попал в неудобное положение, не узнав старого знакомого, подумал, что Рашад, видимо, поступал правильно: лучше незнакомца принять за знакомого, чем не узнать старого знакомого, а то и родственника.

Еще случай. Как-то в разгар рабочего дня я зачем-то зашел в кабинет к Рашаду. Он вычитывал рукопись, исправляя орфографические ошибки маленьким, сантиметра в два, остатком мягкого карандаша. Ему было трудно пользоваться этим огрызком, и, видя это, я отнял у него карандаш и выбросил в окно. Рашад разозлился:

– Ты что наделал? Как можно выбросить такой карандаш? Сегодня во всем мире уже нет такого!..

– Серьезно? – Я сделал вид, будто ошарашен тем, что выбросил столь раритетную вещь.

– Он был такой мягкий, удобный... Чем же я теперь буду писать?

На столе лежало несколько очиненных карандашей. Я взял и опробовал их – не тут-то было: они не столько писали, сколько царапали бумагу. Не раздумывая, я направился в магазин «Культтовары», что под окнами гуговской квартиры, купил самый мягкий и красивый карандаш, очинил его и вручил Рашаду. Он попробовал: карандаш писал мягко и четко.

– Где ты его достал? – удивился он.

– Как где? Выписал с Марса.

Рашад рассмеялся, а потом сказал:

– Все же мой был удобнее.

И еще. В 1975 году Гугов выпустил большую монографию «Совместная борьба народов Терека за Советскую власть», высоко оцененную специалистами. Я долго ждал, что он с автографом подарит эту книгу. Однажды увидел, как он подписывал книгу одному из своих коллег, и решил, воспользовавшись этим об-

стоятельством, поддеть его. Сбегал в книжный магазин, купил монографию, на форзаце написал: «Эту книгу мне никто не дарил, я ее купил сам» и положил на приставной стол так, чтобы Рашад сразу увидел ее. Но он долго не заходил. Как-то через месяц или полтора он зашел ко мне и сразу увидел книгу.

– А, ты уже купил, – улыбнулся он. – Дай, я надпишу ее тебе.

Я подал ему ручку. Он открыл переплет и увидел сделанную мною надпись.

– Да ну тебя! – нахмурился и ушел, унеся мою ручку.

На следующий день он принес мою ручку и, смущенно улыбаясь, спросил:

– Что теперь делать?

– Писать следующую книгу, – сказал я.

– Ну ты и черт! – сказал он, но уже не сердито.

Государство высоко оценило научное творчество Р. Х. Гугова. Он, конечно, гордился своими званиями и регалиями, но зазнайства за ним я никогда не замечал.

З. Налоев,
доктор филологических наук

ДАРИВШИЙ ТЕПЛО

Как важно вовремя успеть
Сказать кому-то слово доброе,
Чтоб от волненья сердце дрогнуло!
Ведь все порушить может смерть.

Андрей Дементьев

Рашад Хусейнович Гугов для меня не только большой ученый-историк, но и человек, к которому с глубоким уважением и благодарностью относился мой отец Мустафа Зумакулов, участник гражданской войны на Северном Кавказе. Мне помнится, как у нас дома собирались боевые друзья отца, говорили о делах минувших, вспоминали тех, кто погиб на полях сражений или ушел преждевременно, не выдержав испытаний и тягот, выпавших на их долю.

При этом на столе всегда были книги Рашада Хусейновича Гугова и Устархана Алиевича Улигова. С сердечной теплотой, с глубоким почтением ветераны говорили о них, авторах очерков об участниках гражданской войны. Теперь нет давно и моего отца Мустафы, и его товарищей, нет в живых и Рашада Гугова, и Устархана Улигова, но в нашей благодарной памяти навсегда остались имена этих двух великих ученых-подвижников, которые в трудных условиях по крупицам собирали факты и воссоздавали историю очень непростого для нашей республики периода.

«Если есть хоть малейшая возможность, – учили древние, – твори добро, и оно когда-нибудь вернется, не обязательно тебе, но, может быть, кому-нибудь станет теплее на душе». Рашад делал добро для многих. А главное, он вырвал из забвения сотни имен замечательных граждан нашей республики, осветил и одухотворил их дела своей душевностью и светлым талантом. Благодаря ему внуки и правнуки героев могут гордиться своими предками. Читая работы Р. Х. Гугова, они будут рассказывать сверстникам о своих дедах и прадедах, а это очень важно для воспитания гордости и патриотизма у молодых людей.

Открывая книги Р. Х. Гугова, я часто задумываюсь над тем, что стало бы с нашей историей, если бы в свое время не появилась плеяда таких ученых, как он. Ведь многие нынешние ученые если и обращаются к прежним десятилетиям, то только для того, чтобы очернить дегтем долгую и славную историю Отечества, страницы которой наполнены героизмом, массовыми подвигами советских людей на фронтах борьбы с фашизмом и трудовым энтузиазмом в годы мирной жизни. И поэтому Рашад Хусейнович Гугов был и навсегда останется в истории Кабардино-Балкарской Республики как талантливый ученый, заложивший основы фундаментальной исторической науки, человеком добрым, отзывчивым, высокоинтеллигентным, истинным горцем – мудрым и достойным.

Б. Зумакулов,
доктор исторических наук, профессор

ПАМЯТЬ СОХРАНИЛА...

Познакомилась я с Рашадом Хусейновичем еще в пятидесятых годах прошлого века, в самом начале его блестящей карьеры. Мы, молодые преподаватели педагогического института, жили в общежитии, часто и помногу общались. В нашу с П. П. Калашниковым комнату на чашку чая по вечерам заглядывали известный ботаник Юрий Кос, супруги Залим и Ляна Шауцуковы, Рашад... Скажу прямо: удивляло его желание постоянно узнавать что-то новое, неизвестное ему, причем речь шла отнюдь не только об исторической науке. Рашад Хусейнович мог подолгу беседовать с моим мужем Петром Петровичем, в то время деканом историко-филологического факультета, на темы языкознания. Тогда мы только приступили к изучению русских терских говоров Северного Кавказа, вместе с Петром Петровичем и студентами часто выезжали в казацкие станицы республики, Ставрополя, Северной Осетии. И помощь Рашада Хусейновича, рассказывающего об особенностях жизни народов Кабардино-Балкарии, в том числе и казаков, была очень кстати. Восхищали его компетентность, эрудиция, глубина познаний, высокая влюбленность в родимый край. А если к этому добавить, что был он на редкость человеком коммуникабельным, добрым, отзывчивым, тактичным, собеседником прекрасным, слушателем внимательным, то станет ясно, сколь приятными и запоминающимися были наши вечерние чаепития, память о которых сохранилась на долгие десятилетия.

Г. Яковлева,
преподаватель КБГУ

НАСТОЯЩИЙ АДЫГЭЛІ

...Мать Рашада и моя – двоюродные сестры, понятно, что я был в курсе его учебы, становления, успехов, научных поисков.

Радовался, когда он в числе 12 выпускников получил аттестат зрелости, когда с отличием окончил педагогический институт, за что, кстати, был награжден

Почетной грамотой обкома ВЛКСМ, когда решением областного комитета партии был направлен в научно-исследовательский институт.

Постоянно следил за его работами – одни из них мне дарил сам Рашад, другие я приобретал в магазинах, но ни одно из его многочисленных серьезных исследований не прошло мимо моего внимания. Поражался его завидной научной отдаче, глубине проработки поднимаемых проблем, обилию привлекаемых источников, широте взглядов и обобщений. Если бы у нас существовал рейтинг выдачи, так сказать, «на-гора» научной продукции, то Рашад был бы в республике недосягаем. Колоссальная работоспособность, настоящее самопожертвование, плюс к этому умение вычленить главное, постичь суть сделали Гугова тем, кем он стал – крупным ученым, общественным деятелем, педагогом.

От своих родителей Хусейна и Розы он унаследовал скромность и простоту, доброжелательность и великодушие, нравственную чистоту и любовь к своему народу. Его по праву можно назвать настоящим адыгэл. Таких людей в нашем обществе, к сожалению, очень и очень мало, а поэтому память о них достойна добрых слов, увековечения. Было бы справедливым в этой связи присвоить научно-исследовательскому институту, которому Рашад Хусейнович отдал почти пятьдесят лет своей жизни, которым руководил, оставив о себе светлые воспоминания, его имя.

М. Кушков,
заслуженный энергетик РФ

КАБАРДИНСКИЙ МОБЕД

...Бывает так, что всего лишь одна встреча раз и навсегда определяет твоё отношение к человеку. Моя первая беседа с Рашадом Хусейновичем, состоявшаяся в стенах научно-исследовательского института в 1969 году, запомнилась навсегда. Р. Х. Гугов в те годы являлся ведущим специалистом сектора истории. Судя по тому, как к нему обращались коллеги, в том числе и старшие по возрасту, я сразу понял: он в коллективе один из самых авторитетных и уважаемых ученых. Меня пригласили в институт на предмет поступления в аспирантуру при МГУ им. М. В. Ломоносова. Рашад Хусейнович долго, заинтересованно беседовал со мной. Подкупали его эрудиция, знания и исключительно уважительное отношение к совершенно незнакомому ему молодому человеку, в котором он видел вовсе не ученика, а равного себе, будущего ученого.

Рашад Хусейнович был не только крупным ученым, но и великолепным собеседником и рассказчиком. Когда он что-то рассказывал, он мне всегда напоминал мудрых стариков из моего детства, которых я слушал часами, затаив дыхание. Его невозможно было не слушать, ибо его рассказы были увлекательными путешествиями в прошлое.

А как он глубоко знал фольклор, народные пословицы и поговорки! Его речь была всегда насыщена ими, становясь от этого еще более увлекательной. О его исключительной начитанности можно было судить по тому, как он великолепно знал русскую и мировую литературу. В этом ему завидовали многие литераторы.

Рашад Хусейнович был исключительно отзывчивым человеком. Он получал удовлетворение от сделанного людям добра – чужим ли, знакомым ли. Он был рожден, чтобы творить добрые дела. Причем взамен он никогда ничего ни от

кого не ожидал. И еще запомнилась одна черта его характера: он никогда за спиной человека ни одного плохого слова о нем не говорил. Но проявлял принципиальность и настойчивость, когда в этом была необходимость.

Как правило, он настолько логично и убедительно говорил, что мало кто мог возразить ему по любому вопросу.

Здесь же надо отметить и присущую Р. Х. Гугову твердость, если речь заходила о вещах принципиальных. Как-то на заседании сектора истории института шло обсуждение рукописи первой книги «Боевая слава Кабардино-Балкарии». Спор зашел по поводу ряда имен. Один из присутствующих чиновников, пользуясь поддержкой руководства института, настойчиво предлагал включить в книгу очерк об участнике войны, чья биография была отнюдь не безупречна, а вот фамилия достаточно известна по причине нахождения во властных структурах республики его родственников.

Рашад Хусейнович возразил, но чувствовалось, что он не хотел бы дискутировать по этому поводу. Чиновник настаивал. Тогда Гугов произнес взволнованную, убедительную речь. Дело не в конкретном человеке, говорил он, хотя мы знаем, что не все так однозначно в его военной биографии, дело в самом подходе к данной работе. Ведь мы готовим не обычную работу, а книгу памяти о лучших сынах и дочерях Кабардино-Балкарии. Книгу, обращенную в первую очередь к молодежи, призванную на биографиях героев воспитывать у юношей и девушек патриотизм, любовь к отчизне, мужество, стойкость, честность. Но достигнем ли мы данной цели, если опубликуем неправду, пусть хотя бы малую, но неправду? Чиновник не нашелся что ответить, согласился с Рашадом Хусейновичем и члены сектора, приглашенные.

Превыше всего для Рашада Хусейновича была духовность. От общения с ним ты сам обогащался, становился добрее, на окружающих начинал смотреть иначе. Он всегда в любом человеке старался видеть прежде всего человека. А если что-либо не нравилось ему в нем, он указывал на эти недостатки с исключительной деликатностью.

Словом, Рашад Хусейнович был не только крупным ученым и общественным деятелем своего времени, но и кабардинским мудрецом или, как говорят на Востоке, мобедом. Таким он и останется в памяти всех, кому посчастливилось знать этого замечательного человека.

К. Унежев,
доктор философских наук, профессор

ДОЛГАЯ ПАМЯТЬ

Мое знакомство с Рашадом Хусейновичем состоялось в марте 1977 года, когда после окончания аспирантуры я стал работать в КБНИИ лаборантом, а он заведовал отделом истории. Заочно я уже знал о Р. Х. Гугове – очень тепло отзывался о нем академик И. И. Минц, человек высокой культуры и крупнейший специалист по истории Великого Октября.

В 1977–1978 годах я был закреплен за отделом истории для сбора вместе с У. А. Улиговым материалов об участниках революции и Гражданской войны в КБР.

Р. Х. Гугов внимательно следил за нашей работой. Был строгим, требовательным, но и доброжелательным. Всегда добивался выделения для нас транспорта, своевременной оплаты командировочных.

Рассказы и воспоминания Зеке Гелястанова, Сохта Настаева, Жабраила Каракизова, Зулкая Эттезова, Нуху Тохаева, Каплана Калабекова, Магомеда Мамсурова о видном государственном деятеле, председателе Балкарского окружкома, далее заместителе председателя Кабардино-Балкарского облисполкома Ако Джумакуевиче Гемуеве, ложно обвиненном и расстрелянном в 1930 году, заставили нас задуматься о том, чтобы принять меры к его полной реабилитации.

Наше мнение было поддержано Р. Х. Гуговым и Х. И. Хутуевым, и вскоре в книге об участниках Гражданской войны в Кабардино-Балкарии впервые был опубликован о нем очерк. Затем произошла и партийная реабилитация А. Дж. Гемуева.

Лучшие деловые и человеческие качества Р. Х. Гугова проявились на посту директора КБНИИ. Развал могущественного государства – Советского Союза и разгул «демократии» привели к появлению в начале 1990 годов в Кабардино-Балкарии экстремистски настроенных политических течений и общественных организаций, в деятельность которых оказались втянуты и сотрудники института. Рашад Хусейнович имел нелицеприятный разговор с властными органами республики. Позиция же его самого была четкой и принципиальной: он был твердым сторонником единства республики.

В 1992 году он был избран депутатом Верховного Совета КБР, одержав победу над серьезным соперником. В этом деле Рашаду Хусейновичу помощь оказывали молодые сотрудники КБНИИ Ю. Н. Асанов, Б. Ч. Бижоев, М. З. Улаков, П. М. Багов, А. И. Рахаев и старые его друзья Г. Х. Мамбетов, И. М. Чеченов, И. М. Отаров, М. А. Хаджиев, В. Х. Темиржанов.

В 1990 и 1994 годах он добивается в правительстве республики выделения средств на научные экспедиции в страны Ближнего Востока для сбора материалов по этнографии, языку, фольклору кабардинцев и балкарцев. Они прошли весьма успешно, результаты наших изысканий вскоре были изданы.

В 1996 году я выходил в ИМЛИ РАН на защиту докторской диссертации, а для этого требовалось издать свои исследования в виде монографии. Рашад Хусейнович сделал все, чтобы помочь мне, и книга оперативно вышла в свет.

В обеденное время мы с ним иногда гуляли по парку. Он очень любил восточную поэзию и знал многое из Хафиза, Омара Хайяма, Саади. В личной беседе я доверял ему свои проблемы и не помню случая, чтобы он оставался к ним равнодушен. Помню, как в связи с 75-летием института в 2001 году меня представили на звание заслуженного деятеля науки КБР, но в верхах решение никак не принималось. Рашад Хусейнович (тогда главный научный сотрудник) активно способствовал благоприятному для меня исходу.

В последние годы жизни Рашад Хусейнович жаловался на здоровье, а в 2002 году болезнь начала резко прогрессировать. Я старался как можно чаще навещать его в больнице, и он всегда встречал меня радостно. Как-то так получилось, что дня три-четыре я не был у него, за что Рашад Хусейнович высказал свою обиду, подчеркивая этим близость наших отношений. Чудовищные почечные боли он выносил с достоинством.

Он был одним из самых порядочных людей, которые встречались мне в жизни.

Х. Малкандуев,
доктор филологических наук

ЗЕРНА, ДАЮЩИЕ ВСХОДЫ

Вес Рашада Хусейновича в исторической науке КБР, его вклад в эту нелегкую для республики отрасль научных изысканий измеряются не только более чем двумястами его научных работ, в числе которых десять монографических исследований, что уже отмечалось здесь.

Для полноты его портрета как историка, для полноты его заслуг в области исторической науки республики считаю необходимым отметить два важных момента, «забываемых» нашими историками современного поколения. Во-первых, вплоть до 50-х годов исследования по истории Кабардино-Балкарии выполнялись в основном приглашенными из центра специалистами. Во-вторых, в них отсутствовала системность, в силу чего они носили описательный характер. Следовательно, для становления исторической науки Кабардино-Балкарии необходимо было создание национальных кадров-историков и преодоление ее описательного характера.

Известно, что к 70-м годам XX века обе эти проблемы в республике были решены. Решение их выпало на неокрепшие плечи историков поколения незабвенного Рашада Хусейновича Гугова, который в этой шеренге являл собой яркую звезду историка-исследователя. В таком качестве Рашад Хусейнович был в числе первопроходцев на сложном этапе прохождения исторической наукой Кабардино-Балкарской Республики трудного пути ее развития от описательного до системно-теоретического уровня.

На сегодня историческая наука республики характеризуется именно таким уровнем. Историки современного поколения КБР выросли, если так можно выразиться, «на плечах» тех первопроходцев. Как известно, первопроходцам всегда труднее и сложнее. Это к тому, что, к сожалению, у некоторых историков теперешнего поколения нередко можно наблюдать такое «легкое» отношение к научному наследию первопроходцев, т. е. к достигнутому, современному, уровню исторической науки КБР, творцами которого, как уже отмечено, были Р. Х. Гугов и его коллеги.

Рассмотрение проблем исследования, изучение исторического процесса на основе законов развития общества во всем его многообразии позитива и негатива – характерные черты стиля научной работы Рашада Хусейновича. Он неизменно руководствовался методом эмпирико-теоретического анализа фактов и явлений исторического процесса. Такой метод исследования далеко не самый «удобный», зато он научный. Это – та «малость», которая только и творит ученого-труженика науки и пера. В силу этого Рашаду Хусейновичу не пришлось пересматривать или переписывать свои работы в связи с политическими коллизиями измов в нашей стране. Другое дело, что работы Р. Х. Гугова могут не вписаться в философию сегодняшних измов РФ и КБР. Но они остаются нетленными зернами исторической науки, поскольку написаны «по правилам» науки.

Когда в 1962 году я пришел на работу в КБНИИ, Рашад Хусейнович был уже ученым, сказавшим свое «я» в исторической науке КБАССР. Запомнилось, что при обсуждении научных работ он неизменно произносил фразу: «Нет предела совершенству в научном исследовании». Естественно, это было обобщающее его кредо, или символ его веры и требований в научной работе.

Он часто говорил: «Научный работник умирает, если он перестает следить за своей профессиональной формой». Рашад Хусейнович был отличным стилистом, требовательным редактором научного текста. Безжалостно приводя текст «в норму», он приговаривал: «...в научном тексте не должно быть слова, не начиненного смысловой нагрузкой». Когда он рассуждал о слабой работе, всегда приговаривал: «...не читают, все время пишут, а результат – вот такой винегрет. Можешь попробовать».

Незадолго до кончины Рашада Хусейновича на полях одной претенциозной работы современного автора я заметил его убийственную пометку карандашом, которая гласила: «Здесь много нового и ценного. Но что ново – не ценно, а что ценно – не ново». На мою реплику-вопрос «не слишком ли убийственная оценка», он с сарказмом сказал: «Не волнуйся, его цель достигнута, – рукопись опубликована».

Подобное требование к научной работе он адресовал прежде всего к себе. Видимо, поэтому он стал ГУГОВЫМ в исторической науке КБР и Северного Кавказа, историком с союзной известностью на уровне заслуженного деятеля науки РСФСР и КБАССР.

Это все – о Гугове-ученом.

Есть что сказать и о Гугове-человеке, о Гугове-гражданине.

Рашаду Хусейновичу была чужда поза, но чувствовалось, что он всегда помнил, пусть молчаливо, о своем весе и в обычной жизни, и в вопросах по роду профессиональной деятельности. Видимо, этим объяснялось то, что он всегда держался спокойно и с корректным достоинством. У него были все возможные степени и звания. Как правило, у большинства научных работников и преподавателей после защиты, особенно докторской диссертации, присвоения звания «Заслуженный...» меняется даже тембр голоса. А Гугов оставался «на месте» при всех своих многочисленных научных регалиях. Как и до «этого», пил чай с шумком, по-крестьянски, без профессорских и французских манер.

Он умел бесшумно поддерживать, выручать человека в ситуациях, когда последний нуждался в этом, выступая против «праведной позиции» своего руководителя без рассуждений о служебных последствиях. Подобное его адвокатство спасло и меня в первые годы работы в КБНИИ, хотя решительно своенравный директор настаивал на своем более трех часов на заседании партбюро. В активе Рашада Хусейновича было немало поступков в подобном духе по самым разнообразным вопросам. Его качество делать добро распространялось не только «на чужих», но и на родственников, но в первую очередь, не стану скрывать, на свой род. В результате он поднял уровень своего рода и родственников на порядок. В этом он – достойный внук своего деда, заслуги которого в организации и материальном содержании баксанских просветителей общеизвестны.

Есть достойное подражания качество человека, не ставшее пока нормой для большинства. Речь идет об осознанно-сознательном постоянстве в научном, гражданском и политическом жизнепроявлении человека.

Как скользь уже упомянуто выше, он был постоянен в изучении литературы не только по специальности, но и по философии и политической экономии, прекрасно понимая, что быть ИСТОРИКОМ без двух последних – это то же самое, что быть врачом без капитального знания анатомии человека. Уже не говорю о том, что он буквально «купался» в исторических документах, архивных материалах. Все это он всегда делал с карандашом в руке, но почему-то очень коротеньким, в три-пять сантиметров. Без такого «букета» постоянства – теоретического

и эмпирического – его работы не могли быть отмечены «тавром» под названием «научно-аналитическое исследование».

Рашад Хусейнович был постоянен и требователен в соблюдении норм обычаев и этикета, в отправлении таких полярно противоположных гражданских функций, как посещение свадеб или похорон. Так, при поездках на свадьбы или иные торжества сотрудников института он говорил: «Мы едем туда не в качестве почетных гостей. Для нас это работа не только по поддержанию торжеств хозяев, но и по поднятию уровня их (торжеств) красоты. Поэтому будем придерживаться известных норм застолья до отъезда». При посещении похорон он бывал еще строже. Что там скрывать, в этих случаях появлялось желание возвращаться домой прямо с кладбища. А Рашад Хусейнович безапелляционно говорил: «Нет, вернемся во двор, сделаем дыуз, а потом пожалуйста. Не нами же придумана эта норма, чтобы с легкостью ее нарушать». Естественно, все это не сложно, но соль в том, что мы не часто поступаем в отправлении своих гражданских функций согласно нормам.

Понятно, сложнее и труднее оставаться в терпимых границах постоянства в области политики в условиях общественных катаклизмов. По понятным причинам, мне крайне приятно констатировать факт: до конца своих дней Рашад Хусейнович не отрекался от известных принципов, которым следовал долгие годы своей научной работы. Речь прежде всего идет о методологии (по-теперешнему, об «идеологии») в научном исследовании. Как одаренный исследователь, он прекрасно знал, что у науки «правила игры» неизменны, что они не связаны с «...измами». Поэтому он с неподдельным презрением отзывался о вчерашних «обществоведах-истпаргистах», которые после 1991 года стали устно и письменно выражаться в духе: «в годы тоталитарного режима, октябрьский переворот, ортодоксальный марксизм-ленинизм» и т. д. О таких Рашад Хусейнович говорил: «От науки за душой у них ничего не было, но поскольку надо было «жить», они с помощью обвешивания себя цитатами из «нужных» источников делали документ для бухгалтерии и публики. О них и их «работах» можно сказать: «По Сеньке и шапка!». Посему их можно понять. Но принять – ни в коем случае».

Все подобные высказывания, дорисовывающие портрет Рашада Хусейновича Гугова, ценны тем, что они основываются на холодном научном их понимании им, а не на упрямстве или прихоти по законам господина случая.

О Рашаде Хусейновиче Гугове есть что сказать в смысле научного созидания. Притом – без натяжки. Я из тех его коллег по работе в коллективе и друзей, кто это делает нелегко. Причина одна: говоря о его жизненном пути, приходится пользоваться глаголом в прошедшем времени. Но в подобном случае выбор отсутствует. Поэтому крайне трудно было говорить слова прощания в час последнего его пути. То же самое испытывал, выступая на траурном заседании ученого совета КБИГИ, посвященном памяти Рашада Хусейновича, где он трудился на поприще исторической науки более 48 лет, из которых 15 лет – заведующим отделом истории, 9 лет – директором института.

Прощай, дорогой Рашад. Ахърэт дахэ тхьэм кьуйт. Жаннет ли болсун. Пусть земля будет тебе пухом.

В. Темиржанов,
кандидат экономических наук,
депутат Государственной Думы РФ второго созыва

ДЕЛИКАТНОСТЬ И ПОРЯДОЧНОСТЬ

У каждого историка, как и у каждого человека, есть свой особый исследовательский почерк. При чтении работ Рашада Хусейновича всегда замечаешь основательность, точность и организованность в выборе проблемы и ее решении. Не менее поразительна историческая эрудиция автора, которая позволяет видеть изучение темы в общем контексте исторического процесса. Будучи чрезвычайно начитанным человеком, Рашад Хусейнович использовал свои обширные знания не только в исследованиях, но и в докладах и лекциях. Его информированность в области исторических исследований в значительной мере превосходила общепрофессиональный барьер, а блестящие знания по мировой литературе определяли необыкновенно высокий интеллектуальный уровень.

Рашад Хусейнович, будучи ученым с обширным научным диапазоном, разрабатывал проблемы как далекого прошлого, так и современной истории Кабардино-Балкарии, Северного Кавказа и Дона. В последние годы он плодотворно занимался изучением взаимоотношений Кабарды и России.

Рашад Хусейнович был известен не только как ученый, но и как талантливый организатор науки, что проявилось в годы его руководства отделом истории КБИГИ. И вот что интересно, если он не был согласен с исследователем по каким-то профессиональным вопросам, то не становился в позу, не настаивал на своем, никогда не мешал работать в нужном направлении.

В бытность Р. Х. Гугова директором института качественно изменилось его правовое положение как научного учреждения: открылись новые отделы и аспирантура, издавалось большое количество монографий по различным направлениям научной деятельности института, что значительно повысило его статус как научно-исследовательского центра не только в КБР, но и на Северном Кавказе.

Формирование Рашада Хусейновича как историка происходило не в простые времена для всей страны в целом, и для исторической науки в частности. Необходимо отметить, что, несмотря на сложную общественную и эпистемологическую ситуацию конца 40–50-х годов XX века, ряду крупных ученых-историков и конечно же Рашаду Хусейновичу Гугову удалось сформулировать свое понимание проблем отечественной истории. Определенные круги, в том числе и исторические, вообще не хотят сегодня видеть ничего позитивного в развитии нашей науки до конца 80-х годов, сводя на нет все достижения плеяды ученых и педагогов, к которым принадлежал и Рашад Хусейнович. Я бы хотела, наоборот, выразить этому поколению свою благодарность и почтительное уважение. Их научные исследования являются не просто определенным необходимым этапом, но и значительной эпохой в развитии исторической науки республики.

Особо хотелось бы остановиться на личностных качествах Рашада Хусейновича. Обладая широким кругозором, большим объемом знаний в различных сферах исторической науки, культуры, общественно-политической жизни, глубокой эрудицией, он при всем при этом отличался необыкновенной деликатностью, редкой человеческой порядочностью и особым, отеческим отношением к своим ученикам и подчиненным. Не во всякой семье так относятся к близким и родственникам, как относился Рашад Хусейнович к сотрудникам возглавляемого им отдела.

Не все, кто оставляет след в науке, оставляют след в человеческих душах. Рашад Хусейнович Гугов обладал этим редким даром души и ума: оставить благодарную память о себе как об истинном интеллигенте, настоящем ученом и добрейшем человеке.

И. Якубова,
кандидат исторических наук

ЯРКАЯ ЖИЗНЬ...

О человеке принято судить по его делам и творениям. Так было всегда. Рашад Хусейнович ушел из нашей среды в канун своего 75-летия. Ушел из жизни, оставив о себе добрую память в сердцах многих современников. Для этого он сделал немало. Во-первых, выучившись, стал образованнейшим человеком своего времени. Во-вторых, передал свои знания многим молодым людям, которых вывел на научную стезю. В-третьих, смог издать целый ряд капитальных монографических исследований и научных статей по истории своего родного края, на которые сегодня ссылаются авторитетнейшие ученые. В-четвертых, проявил себя не только как талантливый ученый и педагог, но и как умелый организатор науки, активный участник в общественной жизни своего коллектива, Нальчика, да и республики. В-пятых, был прекрасным семьянином, замечательным отцом и дедом, беспредельно дорожил честью и достоинством своих детей и внуков. Все это доставалось ему путем неимоверно большого труда и усердия.

В научном коллективе, служению которому он посвятил основную часть своей жизни, Рашад Хусейнович пользовался большим авторитетом и уважением. Он был высокопорядочным, честным, добросовестным товарищем. Чутким, отзывчивым, внимательным, простым и доступным. Умел понимать людей, по-братски разделять с ними радости и невзгоды.

Мне всегда было приятно с ним встречаться и общаться. Беседы наши в большинстве случаев проходили вечерами, после работы, в кабинете за чашкой чая, а летом – за минералкой комнатной температуры. Рашад Хусейнович не признавал кофе и не пил холодную минеральную воду. Он вел здоровый образ жизни: спиртное не употреблял и не курил. Одевался тепло, боялся простудных болезней и сквозняков. При этом с улыбкой признавался: «Береженого Бог бережет». Пытался беречь и поддерживать подорванное здоровье, в последние годы своей жизни почти ежегодно принимал санаторно-курортное лечение.

Рашад Хусейнович был широкоэрудированным ученым, он много читал и много знал. Меня всегда удивляла масштабность его кругозора. Интересно бывало говорить с ним не только на темы исторические, но и по проблемам международной жизни, экономики, экологии. Его сильно волновали процессы, происходившие в общественно-политической жизни.

Рашадом Хусейновичем постоянно двигало чувство высокого патриотизма. Он беспредельно любил свою Родину, отчий край, родную Кабардино-Балкарию, ее столицу город Нальчик, где прошла вся его жизнь. Будучи истинным патриотом, всегда выступал за мир, целостную и неделимую Кабардино-Балкарию, единство и братство народов, никогда не разделяя их на своих и чужих. Для него не имело значения, кто какой национальности. Ему важен был сам человек, с

присущими ему достоинствами. И друзей выбирал он по такому принципу. А их у него было много: адыгейцев, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, калмыков, грузин, армян, азербайджанцев...

Рашад Хусейнович не был избалован жизнью: он пережил войну, голод, разруху, сиротство, испытал немало трудностей. Естественно, все это не могло на нем не оставить своего отпечатка. Р. Х. Гугов не имел привычки говорить о ком-либо плохо за спиной. Все, что думал о человеке, говорил ему в лицо. Порой, казалось, несколько резко, эмоционально и категорично отстаивал свою точку зрения по вопросам, в которых считал себя правым. Но при этом не был злопамятным, мстительным, как говорится, камня за пазухой не держал.

Рашада Хусейновича очень волновала судьба подрастающего поколения, обустроенность молодых. В вопросах, касающихся их, он проявлял невероятную активность, напористость и настойчивость. В этом мне приходилось не раз убеждаться. Помнится, как настоятельно требовал Рашад Хусейнович от директора Х. М. Думанова, чтобы он взял на работу лаборанткой молодую девушку, которая заканчивала очную аспирантуру при институте. Его доводы и аргументы были настолько убедительными, что Хасан Мухтарович просто не смог отказать, несмотря на отсутствие вакансии. Протеже не подвела – в срок защитила кандидатскую диссертацию, в настоящее время успешно работает научным сотрудником в отделе истории.

Другой пример связан с тем, как Рашад Хусейнович женил своего внука Эльдара, который вырос у него на руках. Женил на балкарке Ариужан Текуевой из селения Хасанья. Свадьбу сыграли в Баксане в родительском дворе, в доме младшего брата Джабраила, дабы того не обидеть и родителям воздать. До такой степени братья жили дружно.

Все было исполнено на должном уровне, по горским обычаям и традициям, по этикету. В домашнем очаге молодой семьи Гуговых ныне царят счастье и радость, которые поддерживают соблюдение адыгэ хабзэ и тау адет. У Эльдара и Ариужан растут две девочки, глава семьи успешно занимается предпринимательской деятельностью. Всеми своими успехами они считают себя обязанными дедушке. Это ли не память!

У Рашада Хусейновича была еще одна поразительная черта: он отличался особой наблюдательностью. Не мог не заметить на близком ему человеке новый галстук, рубашку, костюм или туфли и не высказать комплимент по этому поводу. Делал он это искусно, деликатно и тактично, дабы, Боже упаси, ненароком не обидеть хозяина. Ему нравились аккуратные и опрятные люди, терпеть не мог неряшливо одетых.

Надолго сохранятся в памяти его любимые выражения: «Симпатичный человек», «Симпатичнейший человек». Если в адрес кого-либо он употреблял данные выражения, то мы знали: это самая что ни на есть высокая оценка. Исходя из этого, позвольте заключить: Рашад Хусейнович и сам был симпатичнейшим человеком.

О. Айшаев,
кандидат исторических наук

ВСПОМИНАЮ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ...

С Рашадом Хусейновичем Гуговым я работал в одном коллективе более тридцати лет. Несмотря на то, что специальности у нас были разные (он – историк, я – лингвист), мы, как друзья, постоянно интересовались издаваемыми нами научными трудами.

В какой бы должности Рашад Хусейнович ни работал – заведующим отделом, директором института, он оставался неутомимым тружеником.

Доброжелательность друг к другу особенно ценна в научном коллективе. И я с искренней благодарностью вспоминаю о том, что наиболее значительные свои научные работы, в том числе докторскую диссертацию, написал и опубликовал именно в те девять лет, когда директором нашего института был Рашад Хусейнович. Он так умел настраивать нас на успешный труд. Благодаря его всесторонней поддержке сотрудниками нашего отдела карачаево-балкарского языка был подготовлен к печати и издан первый том трехтомного «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» объемом более 80 печатных листов. На период работы Р. Х. Гугова в качестве директора института приходится и издание «Толкового словаря кабардино-черкесского языка».

В моей семье часто произносится имя и супруги Рашада Хусейновича – Люси Даниловны. Она преподавала в классе, где училась одна из моих дочерей, которая часто хвалила учительницу за ее приятный характер и педагогическое мастерство.

Хотелось, чтобы соратники и многочисленные ученики Р. Х. Гугова занялись глубоким анализом творческого наследия и изданием полного собрания его трудов, включая и неопубликованные исследования.

И. Отаров,
доктор филологических наук

СЛЕД МАСТЕРА

Без имени Рашада Хусейновича Гугова невозможно представить себе нашу историческую науку, которая так обеднела с его уходом.

Человек энциклопедических знаний, большой внутренней культуры, Рашад Хусейнович Гугов очень много работал над собой, постоянно занимался самосовершенствованием, исповедуя девиз древних: «Чем больше знаешь, тем больше ты человек».

В коллективе у Р. Х. Гугова была репутация кристально честного человека. Все отмечали высоту и чистоту его духовного и нравственного облика. Подкупала в нем доброжелательность, внимание к людям. Все в нем было подлинным – никакой позы и притворства. В его характере совершенно отсутствовало самодовольство. Никогда никого он не поучал, не впадал в менторский тон, не позволял грубости и высокомерия. Рашад Хусейнович, естественно, знал себе цену, но никогда не выпячивал своих заслуг, не требовал особого отношения. Он был интересным рассказчиком, говорил живо и образно, украшая речь поэзией. Он часто цитировал Шекспира, Хафиза, Есенина, Гамзатова, Кешокова, Кулиева. Остроу-

мие, тонкая ирония были особенно в нем привлекательны. Мне вспоминается, как он однажды ответил на чей-то дежурный вопрос «как дела» весьма оригинально: «Хуже, чем было, но лучше, чем будет».

В Р. Х. Гугове было много душевного тепла, он был очень хлебосольным человеком, как и его жена Люся – женщина милая и доброжелательная. Она из тех женщин, которые, будучи хранительницами домашнего очага, и сами являются необыкновенно привлекательными в личном плане. От встреч в доме Рашада Хусейновича у меня остались самые теплые воспоминания. Надо отдать должное и его сыну – Володе, который не только хранит память об отце, но и занимается его научным наследием.

Принято считать, что нет людей без недостатков, но в Рашаде Хусейновиче невозможно их припомнить. Он смог прожить так, что оставил о себе только добрую память. Окончена земная жизнь Рашада Хусейновича Гугова. К сожалению, никому не дано жить вечно. Об этом задумывался и Кайсын Кулиев, написав такие стихи:

Весна уходит, но весна вернется,
И снова травы на лугу пробьются.
Уходит осень, и она вернется,
И я уйду и не смогу вернуться.

Вернется туча, снова дождь прольется,
Напоит землю, серую от жажды,
Растает снег, и вновь зима вернется,
Я не вернусь, когда уйду однажды.

Уходит утро, и оно вернется,
Уходит день, и он придет обратно.
Хоть ночь уйдет, но все равно вернется,
Лишь человек уходит безвозвратно.

Ушел мастер. Но он жив в памяти людей, будет жить его научное наследие, ибо «след мастерства навеки остается».

И это главное.

Ж. Кулиева,
кандидат филологических наук

ДРУЖЕСКОЕ ПЛЕЧО

...Рашад Хусейнович Гугов не только мой родственник (троюродный брат), но и один из первых учителей и наставников. Повседневное общение с этим человеком, его чистая аура оказали на меня, сельского мальчугана из Герменчика, благотворное влияние. Жизнь сводила меня со многими замечательными людьми, но и среди них Р. Х. Гугов выделялся скромностью, мудростью и сдержанностью.

Я, как близкий родственник, знаю историю семьи Гуговых от моих родителей, которые высоко ценили этот достойный род, а особенно семью Хусейна Якубовича и его супруги Розы Кешевны, урожденной Шогеновой, рано ушедших из жизни. Отцы Хусена и Розы были уважаемыми представителями духовенства: Якуб –

эфенди селения Кучмазукино, а Кеш – селения Чегем. Семья родителей Рашада Хусейновича еще в 20-е годы прошлого века переселилась из старейшего кабардинского села Кушмызыкъуей (Баксан), в село, получившее название Красное Гедуко. Трудно было обжиться на новом месте новым жителям. Только отстроились, началась Великая Отечественная война – село стало полем боя. Жителям пришлось покинуть обжитые места, бросив свое имущество, и эвакуироваться в село Герменчик, где их приютили, обогрели, обустроили. Семья Гуговых с тремя детьми обосновалась в доме моего отца, где уже своих детей было семеро.

В конце пятидесятых годов я увлекся музыкой – сочинял мелодии, аккомпанируя на мандолине, подаренной моим братом Шихарби, поступил в музыкальное училище, где еще более активно стал заниматься написанием песен. Некоторые из них – на стихи Ф. Балкаровой «При встрече смотришь тайно на меня», Хабаса Шогенова «Песня о Нальчике», баллада для голоса с хором на слова Б. Куашева «Об Али Шогенцукове» – прозвучали по республиканскому радио. Услышав их, Рашад Хусейнович разыскал меня в общезитии и пригласил Научно-исследовательский институт, где он работал. С тех пор он не выпускал меня из поля своего зрения. Именно он познакомил меня с драматургом, писателем и ученым А. Т. Шортановым, многими известными в Кабардино-Балкарии людьми. Помогая мне осваивать городскую жизнь, Рашад Хусейнович принял на себя миссию отца-наставника, делал все от него зависящее, чтобы я вышел на большую творческую дорогу. Он вместе с Аскерби Тагировичем радушно встречал меня после занятий в музучилище, первым делом угощал горячим чаем с пирожками. Для меня, сельского мальчугана, жившего на скромные передачи, которые привозили сестры из Герменчика на попутных машинах, это было немалым подспорьем.

Самой великой заслугой Р. Х. Гугова и А. Т. Шортанова было то, что они вместе с педагогами училища смогли настроить меня на струну «ля», как говорят музыканты. «Духовное просветительство, стремление изменить мир и человеческие взаимоотношения посредством воздействия на самые тонкие и светлые струны человеческой души – вот к чему должен стремиться каждый молодой растущий творчески человек», – часто говорил Рашад Хусейнович, добавляя при этом, что верит в меня, в мою будущность как композитора. Фольклорные сюжеты, мудрые мысли, невыдуманные рассказы, которыми щедро делились со мной эти два глубоких исследователя, западали в душу, настраивали на работу души и ума. Как-то Рашад Гугов, Аскерби Шортанов, Хажисмель Жекамухов и я гуляли по Нальчикскому парку. В какой-то из моментов Хажисмель предложил мне написать музыку к его стихотворению, посвященному детям. При этом добавил, чтобы музыка получилась удачной, мне надо вспомнить свои детские годы, колыбельные песни, которые напевала моя мать Сайхат и только потом приступить к созданию песни. Надо уточнить, что никто из нас до этого не знал, что Жекамухов пишет стихи, тем более для детей. Как оказалось, это было его первое обращение к поэзии.

Аскерби лишь усмехнулся, а Рашад сказал так: «Дорогой Хажисмель, недавно я побывал в родном селе. Слышу, как из курятника доносится кудахтанье молодой курочки, снесшей свое первое яичко. Кудахтала она так, что сбежались не только все, находившиеся в доме, но и соседи. Яичко же оказалось столь маленьким, что его и не сразу заметили...». После этих слов Хажисмель сказал: «Уэлэхьи, Рашад, си бжъэр къыфІэпщІыкІам» (Дорогой Рашад, я был не прав, но ты мои рога обломал) и извинился. Для меня это был еще один урок скромности и достоинства.

И еще один эпизод, непосредственно связанный с Рашадом Хусейновичем. В 1966 году на выездном секретариате Союза композиторов России, проходившем в Нальчике, прозвучал первый акт моей оперы «Даханаго». Присутствовали многие известные композиторы, в том числе Анатолий Новиков, Ваню Мурадели, которым предстояло решать вопрос приема меня в Союз композиторов. В зале находились и Хачим Теунов, Аскерби Шортанов, Рашад Гугов. И вот музыка отзвучала, с волнением слушаю людей, чьи имена для меня дороги. Хачим Теунов, обращаясь в первую очередь к своим соплеменникам, сказал: «Пришел тот день, о котором мы мечтали, веря, что и у нас появятся свои национальные оперы и балеты». Очень теплые слова в мой адрес произнесли Аскерби и Рашад, кстати говоря, готовившие в то время тексты для Большой Советской Энциклопедии и внесшие в нее мое имя как автора первой национальной оперы.

...Покидая этот мир, ничего с собой не возьмешь. Но если бы меня спросили, что бы ты хотел унаследовать от друга, учителя, брата, старшего товарища, я бы ответил – его скромность и величайшую порядочность. Память о Рашаде Хусейновиче Гугове будет жить в наших сердцах.

В. Молов,
композитор, заслуженный деятель искусств РФ

ВСТРЕЧИ КАК ОБЩЕНИЕ

Встречи бывают разные. Можно жить на одной лестничной клетке, в одном подъезде, в одном доме, на одной улице – и не встречаться. Если рассматривать встречи как общение.

У Даниила Хармса есть миниатюра под названием «Встреча»: «Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси. Вот, собственно, и все».

Встретились ли они? Нет.

Встречи бывают назначенные, неожиданные и случайные. Встреча – это прежде всего общение. С Рашадом у нас были в основном встречи случайные, но нам было приятно, что видим друг друга в хорошем расположении духа, что дела идут неплохо. Происходили эти встречи в одних и тех же местах: на проспекте Ленина, у газетного киоска, в здании НИИ, в КБГУ, куда он приходил читать лекции.

Первая наша встреча состоялась в здании университета (тогда еще пединститута). После окончания учебы я приехал в Нальчик – был направлен на работу в НИИ. Но в тот момент там не оказалось вакантного места, и мы, помнится, с Петром Баговым направились в университет в надежде найти работу. Там и произошла встреча с молодым человеком, недавно окончившим институт и оставленном при нем. Это был Рашад Гугов.

Трудно было представить, что этот худенький, простенько одетый молодой человек уже преподаватель вуза. Меня тоже приняли в университет.

В НИИ я часто бывал у Петра Багова – оба филологи. Было что обсуждать.

Рашада перевели в НИИ для усиления сектора истории. Но он продолжал читать лекции в университете.

Иногда я бывал в кабинете Р. Гугова (в бытность его директором НИИ). Мы не были любителями «градусов», но моему удивлению не было конца, когда я увидел у него в шкафу набор коньячных емкостей. Оказалось, что он их просто коллекционировал и угощал гостей.

Рашад в науке был очень продвинутым. Будучи вовлеченным в довольно высокую власть, оставался одним из лучших представителей интеллектуальной элиты.

Один из величайших философов XX века утверждал: «Благородный – это тот, кто имеет происхождение. Не только его имеет, но в этом происхождении и пребывает его сущность». Я убежден, что Рашад Гугов имел происхождение и всю жизнь его суть пребывала в нем. Он ушел рано и неожиданно, но осталась история, которой он посвятил всю свою духовную жизнь, и достиг выдающихся успехов. Он был и остался авторитетным ученым не только в республике, но и далеко за ее пределами. Рашада ценили.

Наши встречи тоже закончились, места встреч опустели. Вряд ли его кто-нибудь может заменить, заполнить эту пустоту. Но его образ не уйдет из нашей памяти.

А. Шарданов,
доктор филологических наук

ВАН ГУГ, РАШАД!

Бывают встречи с людьми, которые – сколько бы лет ни пробежало – остаются в памяти яркими, живыми, в деталях и подробностях, словно они произошли только вчера. Такими в моей жизни были встречи с Трувором Карловичем Шейблером, Зауром Налоевым, Аскерби Шортановым, Рашадом Гуговым. Состоялись они в далекие шестидесятые годы прошлого века, когда я, учащийся Нальчикского музучилища, постигал первые азы в музыке. Уже не помню, по какому поводу я оказался в научно-исследовательском институте, что располагался тогда в здании на улице Лермонтова, где и познакомился с Аскерби Шортановым, Зауром Налоевым. Знакомство переросло в вечерние прогулки по Атажукинскому парку.

Как-то в один из теплых весенних вечеров мы в очередной раз встретились у здания института, и Заур сказал: «Сегодня к нам присоединится Рашад». Так впервые я услышал о Рашаде Гугове, а затем увидел его. К нам подошел высокого роста мужчина, с гордо поднятой головой, неторопливый в движениях, на челе которого лежал отпечаток пытливого ума. Подтянутость, внешняя, как и внутренняя аккуратность, были его визитной карточкой.

«Как, как звучит твоя фамилия? – переспросил он, когда я представился, а услышав, добавил: – Может, она и не очень благозвучна, но зато, не сомневаюсь, одна из древних».

Теперь наши прогулки проходили в расширенной компании. И вот что интересно: говорили в основном Заур, Аскерби. Рашад больше слушал. Слушал внимательно, заинтересованно, с неподдельным интересом. Он был поистине потрясающим слушателем. Он умел молчать, но в этом молчании оставался тем не менее собеседником. Его молчание вызывало желание продолжать разговор,

а его реплики – все к месту, все по существу, все осмысленные – свидетельствовали, что он не только тебя слушает, он обдумывает, пропускает через себя сказанное, анализирует его.

Мало того, не забывает сказанное, а может вернуться к нему через день, а то и месяц, но вернуться, обогащенный новыми знаниями, мыслями, суждениями. Спустя время я понял, что Рашад давал мне уроки интеллектуального подхода к разговору, который, даже если ведется, так сказать, ни о чем, может дать пищу и сердцу, и уму. Мудрое молчание, осмысление, постижение – как нам не хватает их сегодня, когда все спешат высказаться, перекричать друг друга, быть первыми. Беда времени: море – говорящих, единицы – слушающих. Это особенно ощутимо, когда Рашада, моего мудрого старшего друга, нет рядом. И не пройтись нам больше по парку, не порадоваться общению, не ощутить уз товарищества.

И еще, что меня всегда поражало в Рашаде – его искренняя радость по поводу моих скромных успехов. Он воспринимал их как свои, радовался как своим, давая мне возможность ощущения определенной значимости сделанного, какой-то весомости. Искренне радоваться чужим удачам может только человек, высокий духом, глубокий разумом, искренний чувствами.

Из бесед с ним, а позднее из его книг я узнал для себя много нового, незнакомого – о черкесах-рыцарях, традициях, обычаях адыгов, других исторических и этнографических деталях. В своих выводах я порой был поспешен и ортодоксален, отрицая важность тех или иных адыгских институтов. Рашад не спешил меня переубеждать, доказывать, что моя безапелляционность базируется прежде всего на незнании. Он в этом случае чаще всего говорил, что, вероятно, виноваты мы, ученые, коль есть сомневающиеся в том, в чем сомнений быть не должно.

Духовность, интеллигентность, учтивость, умение прощать – вот то главное, что отличало личность Рашада Гугова. Таким он остался в моей памяти. И пока я буду жить, он будет со мной – тихим, скромным чудом, ушедшим, как сказал Хименес, «на свою звезду».

И каждое утро, проходя мимо научно-исследовательского института, я шепчу про себя: «Ван Гуг, Рашад!». Так, перефразируя имя моего любимого художника Ван Гога, я здоровался с ним. И кажется, что вот-вот прозвучит в ответ его спокойное и приветливое: «День добрый, Джабраил»...

Дж. Хауна,
композитор

ПОЗЫВНЫЕ ДУШИ

Поверьте, язык не поворачивается говорить о Рашаде в прошедшем времени: в моем восприятии, да и в сердце моем, он, как и мой отец, ушедший в мир иной в одно время с ним, – непременно живой. Он – во мне. Так, видимо, будет и завтра, и послезавтра, и всегда, пока Богу будет угодно терпеть мое присутствие на этой грешной земле.

Народная мудрость гласит, что Всевышний забирает к себе, как правило, лучших землян. Видимо, в этом есть своя, не всегда понятная нам, логика. Даже ему – Все-сильному мира сего, спокойнее, когда рядом с ним такие умные, надежные, благо-

родные в своих поступках и мыслях бескорыстные советчики. Иначе зачем отрывать их в пору активной стадии жизни от своих семей, близких и родных им людей?

В этой связи хочу заметить: чем больше я думаю о своем старшем товарище, тем сентиментальней становлюсь. И мне не стыдно в том признаться, ибо, как заметил один из мудрых старцев, у этой слабости есть и своя сила. Но факт остается фактом: нередко случаи, когда воспоминания о наших с ним встречах так увлекают, так затрагивают душевные струны, что нервный ком, вдруг подкравшийся к горлу, надолго сковывает голосовые связки, а на глаза наплывают слезы. Позывные души нет-нет да и напоминают о внутренней скорби по поводу утраты близкого сердцу человека, каким, повторяюсь, остается для меня Рашад Хусейнович. Нас, конечно же, разделяли годы, но они, как подтвердило время, не отдалили нас друг от друга, а, вопреки всему, очень даже сблизили.

Истоки дружбы нашей

На улице был май 1962 года. Завтра – День Победы, а сегодня, 8 мая, ребята, приняв душ после тренировки на борцовском ковре, решили прогуляться в городском парке культуры и отдыха, что через дорогу от спорткомплекса. От пребывания там мы получили огромное удовлетворение. Не могли насытиться впечатлениями от увиденного. Предпраздничный Нальчик благоухал. Удивительную красоту пробуждающейся природы прекрасно дополнял зеленый ковер газонов вдоль тротуаров. Люди, заполнившие этот прекрасный уголок, встречались, обменивались теплом своих сердец, улыбками, хорошим настроением. И вот в этой череде лиц взгляд поймал лицо Рашада Хусейновича Гузова. В годы учебы, когда наш преподаватель Абисал Фокичев болел, его нередко приглашали из КБНИИ на замену. Рашад Хусейнович стоял в группе товарищей вместе с моим дядей – Хизиром Алиевичем Жанатаевым (родным братом моей матери), работавшим тогда заместителем председателя Нальчикского горисполкома.

Словом, я не мог не подойти к старшим, не поздороваться с ними.

Хизир, полуобняв меня своей сильной рукой, представил остальным:

– Это мой племянник Азрет – сын моей старшей сестры Аминат, студент госуниверситета, спортсмен, как видите...

Не раз позже доводилось общаться с ним в самых непредвиденных ситуациях и обстоятельствах, но не было случая, чтобы он забыл справиться о здоровье моих родителей (когда они были еще живы). О моих личных делах и интересах. Конечно же, этим я был в первую очередь обязан дяде, их с Рашадом добрым отношениям. Но главными носителями его добропорядочности, как подтвердило время, все же были неповторимые человеческие достоинства, характерные людям высокой морали и нравственности, в чем убеждался все последующие годы.

Свойственная ему манера общения, обогащенная теплом и радушием, добротой и юмором, ненавязчивой участливостью, позволяли чувствовать себя свободными от комплексов, помогали оставаться тем, кем ты есть.

...Начало 70-х годов. Областной комитет партии поставил перед КБНИИ задачу – подготовить в сжатые сроки очерки истории городов и сел республики. Осилить столь сложную по объему работу только силами одних сотрудников научно-исследовательского института было проблематичным, а потому его руководство по предложению заведующего сектором истории Рашада Гузова решило

привлечь к этому делу журналистов республиканских газет. В их числе на приеме у тогдашнего директора института Ханафи Исхаковича Хутуева оказался и я. Объяснив суть проблемы в общих чертах, директор представил нам Рашада Хусейновича, очень тепло о нем отозвался и с юмором сказал, что до тех пор, пока очерки не лягут на мой стол, вашим папой и мамой будет Гугов.

Уже в своем кабинете Рашад Хусейнович детально растолковал порученное нам, попросив проявить максимум ответственности к порученному делу... Меня он попросил задержаться. Подсев к приставному столику напротив меня, сказал следующее: «У тебя, мой юный друг, Кичмалка. Это особенное село, если учесть, что к истории его образования причастен основоположник балкарской литературы Кязим Мечиев. Думаю, сегодня еще живы многие из тех, кто захватил этот период и помнит детали заселения урочища Кичи-Балькь (отсюда и Кичмалка), которые нигде не зафиксированы. Поинтересуйся у старожилов, что они смогут вспомнить по существу. Ведь вопрос о переселении части жителей селения Безенги на другое место возник не за один день и не случайно. Запомни, нам с тобой в этом деле нужна объективная информация, а вопрос, который предстоит изучить, скорее политический, нежели исторический...».

Моя творческая командировка прошла, как говорят спортсмены, на одном дыхании. Я, как мне показалось, выполнил все рекомендации и наставления ученого, оперативно изложил узнанное на бумаге, отпечатал и принес в институт.

Рашад Хусейнович принял меня очень тепло, взял мой текст, пробежался по нему, как принято говорить – по диагонали, а потом, посмотрев в мою сторону, слегка улыбнулся. Он не стал анализировать мой «шедевр», а просто одобрительно заметил: для начала неплохо...

Главное – я ушел от него с верой в себя. Если даже то мое «творение» не стоило и ломаного гроша, Рашад проявил свойственную ему мудрость, не убил во мне веру в себя, не ранил душу.

...Наступил январь 1997-го. Год 70-летия Рашада Гугова. В канун его юбилея я пришел к нему как официальный гость от «Кабардино-Балкарской правды», где тогда работал.

...Посвящая свой материал юбиляру, не питал иллюзий, что смогу чем-то удивить людей старшего поколения. Моей задачей было рассказать о Рашаде тем, кто еще молод и, возможно, впервые узнает о нем именно с моей подачи. Так в газете появился очерк «Мечтам и годам нет возраста», который вызвал живой отклик тех, с кем когда-либо связывала ученого судьба.

«...Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» – так заявлял Рашад и, наоборот, знал, что говорил. По крайней мере, в его словах не было ни фальши, ни лукавства. Рашад верил, как великий Лев Толстой, что в жизни есть одно несомненное счастье – служить для других. В то же время я понимал, что для него жить, как и для Вересаева, не бремя, а крылья, творчество и радость. Вся его жизнь до последнего дня была ярким подтверждением справедливости утверждения, что она, как и басня, ценится не за длину, а за содержание.

Рашад Хусейнович считал, что ему очень повезло в жизни. Думаю, он имел основание так заявлять, ибо судьба была милостива к нему все прожитые им годы – его окружали дорогие сердцу люди – любимая жена, прекрасные дети, замечательные друзья, да и работа, без которой он не мыслил свое бытие.

В этой связи хотелось бы напомнить некоторые штрихи его биографии.

...1950 год. Тогда он с отличием закончил госпединститут в Нальчике. И тогда же был награжден Почетной грамотой обкома ВЛКСМ. Эта награда, говорил

Рашад Хусейнович, стала самой первой и самой дорогой. Позже было еще много наград высокого достоинства, в том числе – орден Почета, но та – первая.

В те годы в госпединституте не хватало национальных кадров. Поэтому его руководство буквально «вцепилось» в подающего надежды выпускника Рашада Гугова и оставило его на кафедре истории СССР. А было ему тогда немногим более 22 лет.

Вспоминая о том времени, Гугов с чувством глубокой благодарности отзывался о Василии Павловиче Крикунове, заведующем кафедрой истории СССР. Он говорил:

– Крикунов меня всегда поддерживал. И в том, что быстро освоился с новой для себя ролью, я обязан именно ему. У него я научился общению со студентами на лекциях и практических занятиях. Он никогда не обращался к ним иначе, чем на «ты». Я тоже следовал его примеру и, как говорится, не промахнулся.

...Хорошо запомнилось Гугову 11 января 1954 года. К институту подкатила красавица «Победа» (по тем временам не всем удавалось прокатиться на такой машине). А в тот день эта честь была предоставлена Рашаду Гугову, Тугану Кумыкову и Зауру Налоеву. Всех их привезли в обком партии, который находился в здании, где ныне школа-лицей № 2. В кабинете на втором этаже их уже ждали члены бюро обкома во главе с первым секретарем Василием Ивановичем Бабицем. Обращаясь к членам бюро, он сказал: «Есть предложение послать на укрепление Научно-исследовательского института товарищей Гугова, Кумыкова, Налоева». И судьба трех молодых ученых была решена в секунды...

– Скажу откровенно, – заметил как-то в беседе со мной Рашад Хусейнович, – никто из нас троих не хотел по своей воле менять вуз на научно-исследовательский институт. Мы хорошо сознавали, что «потеряли» и что «приобрели». Госпединститут был известным, солидным учебным заведением, где преподаватель – фигура, авторитет. А институт? Кто знал о его существовании? Каких-то три кабинета в здании книжного издательства... К тому же науку делали в нашей республике приглашенные специалисты из Москвы, Ленинграда... Вот почему Камбулат Наурузович Керефов еще раньше сменил кресло министра сельского хозяйства на кресло директора института и занялся национальными кадрами. В то время там уже работали талантливые ученые Хасан Эльбердов, Аскерби Шортанов, Петр Багов, Устархан Улигов. Позже пришли Евгений Хакуашев, Ким Мамрешев, Галим Мамбетов и другие. Именно при Камбулате Керефове институт стал нашей национальной гордостью. И об этом следует знать всем.

Именно в институте раскрылся великий талант Рашада Гугова. Его научная продукция составила почти 200 печатных листов. Он автор 10 крупных монографий. Научные работы ученого получили высокую оценку в отечественной историографии. Вот небольшая тому иллюстрация. Издательство «Наука» в 1981 году выпустило книгу «Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции». В ней отмечено: «Убедительную картину активного участия горских народов под руководством рабочего класса за социальное и национальное освобождение нарисовал Р. Х. Гугов в своей книге «Совместная борьба народов Терека за Советскую власть».

Аналогичные отзывы о его трудах имеются в труде «Изучение отечественной истории СССР между XIV и XXV съездами КПСС», в книге известного историографа Е. Н. Городецкого «Историографические и историковедческие проблемы Великого Октября», в журнале «Вопросы истории» и во многих других изданиях.

Рашад Гугов внес значительный вклад в подготовку и издание таких фундаментальных трудов, как «История Кабарды», «История Кабардино-Балкарской АССР» в двух томах, «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней» в четырех томах. Он один из составителей ряда сборников документов и материалов по истории республики и Северного Кавказа.

Как не сказать и о том, что Гугов был председателем редакционно-издательского Совета многотомной республиканской «Книги Памяти», получившей высокую оценку общероссийского оргкомитета по проведению 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. За более чем 45 лет научно-педагогической деятельности Рашад успел сформироваться как человек смелых и активных жизненных позиций. Он избирался депутатом Верховного Совета КБАССР, членом обкома КПСС. Энергичность, настойчивость, профессионализм и компетентность отличали его при постановке и решении исследовательских и научно-организационных проблем, нацеленных на укрепление интеллектуального потенциала республик, на приумножение ее духовного богатства.

Чувство фамильной чести...

Это был предмет его гордости. В ней он черпал истинное вдохновение. Вот что говорил по этому поводу доктор филологических наук Адам Гугов:

– Фамилия Гуговых – одна из самых древних и славных. Первое упоминание об этом роде мы находим у Шоры Ногмова. В приводимой им песне о Гуртижской битве есть такие слова: «Среди большого сильного войска блеском выделяется Гуга – сын Кенжж...».

В другой работе Ногмова – «История адыгейского народа» об этом сказано: «Всадники наши, громившие Дербент, украшаются блестящими шлемами: но всех лучше и богаче шлем князя Гугова».

Есть еще одно фольклорное произведение, в котором опять представлена эта фамилия, – предание о княгине Гошагаг, датируемое XVII веком: один из его персонажей – рыцарь Гугов Багатыр Яростный, а герой песни Гошагаг – Каншоуби, по версии большого знатока адыгского фольклора З. Кардангушева, его сын.

В народной памяти сохранилось название родника в небольшой роще, в районе селения Баксаненок, который и сегодня называют Гуговским (Гугухэ я псынэ).

В первые десятилетия нашего века Гуговы вновь прославились не менее чем дважды. Состоятельный владелец и известный просветитель Кабарды Махмуд-хаджи Гугов был инициатором открытия в Баксане одной из первых на Северном Кавказе духовных семинарий – важного центра просвещения и национальной культуры. Махмуд-хаджи был председателем попечительского совета этого учебного заведения и вложил немалые средства в его создание и содержание. Своей большой благотворительной деятельностью известен и родной брат Махмуда – Индрис Гугов.

Рашад Хусейнович не без основания гордился тем, что он из потомственной интеллигентной семьи, что его дед Якуб, сын родной сестры дедушки Али Шогенцукова – Пшикана, как человек, получивший блестящее духовное образование, преподавал арабский язык в школе еще до революции. Хорошее знание арабского языка, его письменности было первым признаком образованности человека того времени.

...Еще в 1918 году Махмуд Гугов избирался членом первого Нальчикского народного Совета, а затем и делегатом народных съездов Кабарды, Балкарии и Террека, а в Парламент КБР дважды избирался сын Рашада Хусейновича – Владимир.

Рашад трогательно и нежно благодарил отца Хусейна и мать Розу за то, что они – грамотные люди своего времени – воспитали детей, достойных внимания общественности в лучшем смысле этого слова.

А за что любили Рашада?

Ответом на мой вопрос стали отчасти и высказывания о нем его коллег. Их в моем активе было очень много, когда я готовил очерк. Сегодня же приведу в качестве примера только два отзыва.

Махти Улаков, доктор наук:

– Рашад Хусейнович считался ярким представителем первого поколения профессиональных историков республики, которым было присуще беззаветное служение народу... Он получил от природы дар к познанию и накоплению знаний, унаследовал от предков способность к науке и творчеству, умело пользовался житейской практикой (народным опытом), здравым смыслом, смекалкой и простой мудростью. Как ученый был консерватором в хорошем смысле этого слова, а как общественный деятель – оптимистом. Был нетерпим к псевдонауке и популизму.

Петр Багов, доктор наук (мы разговаривали незадолго до его смерти):

– За что любим? А за большой ум и огромную человечность, за беспредельную душевность и неповторимое бескорыстие. У него ум от Бога, широкая эрудиция, тонкий юмор, наблюдательность, сочувствие и участливость, постоянство в благодетельности.

У Рашада был редкий талант – способность радоваться чужому успеху и огорчаться неудачам другого. Врезался в память его звонок в редакцию по поводу моей статьи в газете «Всегда делили хлеб и соль, и никогда не враждовали», опубликованной в декабре 1992 года. В ней я высказал свою точку зрения относительно вековой дружбы кабардинского и балкарского народов. Аргументируя справедливость своих суждений, я обращался к мнению авторитетов: «...Нас связывает не просто дружба. Мы объединены узами подлинного братства, основанного на единстве целей и родстве душ... Разве не согласны со мной мои старшие товарищи кабардинцы – профессора Анатолий Текуев и Рашад Гугов?!»

– Спасибо за статью, – сказал Рашад Хусейнович и продолжил: – Эмоциям, мой юный друг (он обращался ко мне так даже в зрелые мои годы) всегда есть место, но в угоду торжества даже самой справедливой справедливости нельзя разлучать народы, которым Богом суждено быть вместе. Я не просто с тобой согласен, а незримо подписываюсь под каждой строчкой статьи. Она очень актуальна и полезна именно сегодня, ибо выражает позицию многих тысяч кабардинцев и балкарцев в наше смутное время...

Рашад Хусейнович был бескорыстным и добрым моим наставником. Знали бы вы, как он радовался, когда мне присвоили звание заслуженного журналиста Кабардино-Балкарии. В самый канун этого события он позвонил и под предлогом «срочного дела» попросил зайти к нему. Естественно, я это сделал безотлагательно. В кабинете директора уже сидел его заместитель Махти Улаков. После коротких приветственных слов Рашад Хусейнович многозначительно посмотрел на своего зама и тот со словами «все понял, шеф» вышел и тут же вернулся, но уже с пакетом в руках. Вскоре его содержимое было выставлено на стол: бутылка коньяка, закуска...

«С чего бы это, – подумалось мне, – неужели вышла очередная книга моего наставника, а я прошляпил... Но ведь Рашад Хусейнович отнюдь не любитель алкогольных застолий...»

Не успел я толком разобраться в своих догадках, как услышал:

– Чего, Махти Зейтунович, заскучал? Бери быка за рога...

Когда хрустальные бокальчики были наполнены, Рашад встал и, обращаясь к Махти, произнес:

– Давай в порядке исключения выпьем за успех моего юного друга Азрета и поздравим его со званием!

– Нет-нет, – выпалил я как ужаленный. – У меня нет никаких званий, у вас неправильная информация...

Но они меня вроде бы и не слышали, только многозначительно улыбались. А Рашад Хусейнович продолжил:

– Президент уже подписал Указ о присвоении тебе звания заслуженного журналиста КБР. Видел собственными глазами. Так что смело принимай наши поздравления...

Внимание, которое оказал мне в очередной раз этот прекрасный человек, расстроило до глубины души. Я даже не сразу нашел достойные Рашада слова признательности и благодарности за проявленное ко мне уважение.

Спасибо Вам, Рашад Хусейнович, за все, что Вы сделали, за Ваш бескорыстный труд во благо отечественной науки.

А. Тенпеев,
журналист

КРУЖИТ АИСТ НАД КРАСНЫМ ГЕДУКО

«...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя. Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой Бог нам дал ее».

А. С. Пушкин

Имя-то какое – Красное Гедуко! Богу угодно было, чтоб он родился здесь в далеком уже 1927-м. Оттуда шагнул в историю, чтобы остаться в ней на века.

Прошел через войну и голод и потому, наверное, на протяжении всей жизни отстаивал свое право быть первым в науке, честным и правдивым, ни перед кем никогда не прогибался и не давал ни малейшего повода усомниться в своей правоте.

Он был дитя своего времени. Времени, где почитали старших, где аксакалы вставали при виде мимо проходивших женщин. Земные ангелы не хотели его отпускать. Он ушел тихо, закрыв за собой двери, а мы стояли внизу у подъезда, чтобы накрыть его черной буркой перед дальней дорогой в один конец.

Он унес собой целую эпоху. Образовалась пустота, никем и ничем ее не заполнить. И с этим надо пока жить. Жить сегодня. А завтра, быть может, родится человек такого же размаха, как Рашад Гузов, и опять станет тепло и уютно в душах наших.

На пожелтевших листьях дремлет осень. Тишина укуталась сырým туманом. Затерянный во времени брошенный аул. Старое заросшее кладбище. Почернев-

шие памятники, как часовые затаились, прислонившись к земле. Мы вернулись на Родину Рашада.

Теперь я понимаю, почему отец так часто возвращался сюда. Тут слышны голоса. Аул жив.

Мы стоим у могилы бабы Розы, а над нами кружит одинокий аист.

Володя, может, это душа Рашада?

Может. Все может быть.

* * *

«Здравствуй, дорогой Вовчик! Как ты себя чувствуешь? Как твои дела? Ты, наверное, за время моего отсутствия вырос большой, стал тяжелым, и иньжи уже не могут тебя поднять. Но это, Вовочка, не твоя заслуга, а заслуга времени. Тебе нужно готовиться к единоборству с иньжами и силой их победить. Для этого нужно хорошо кушать. Скажи маме, пусть она купит виноградный сок, витамины, а то у нее привычка оставлять детей без внимания, когда меня нет дома. А привычка, Вовочка, как говорят, сильнее не только человека, но самого Господа Бога. Вова, я по тебе сильно скучаю. Такое мое к тебе отношение обязывает тебя быть хорошим мальчиком. А то я буду очень огорчен.

О себе: чувствую себя нормально, дела идут хорошо, даже очень хорошо. Мою работу дали четырем товарищам из академии на рецензии очень переживал, потому что требования к диссертациям с каждым днем повышаются, а я работал в потемках, без всякого научного руководства и т. д., но все обошлось благополучно. Письменные отзывы уже получил. Все они положительные. Даже отчасти хвалебные. Это, Вовочка, уже твоя заслуга. Я работал, а ты меня всегда воодушевлял, помогал: бегал вокруг стола, шумел. А ты знаешь, как в такой обстановке хорошо наукой заниматься?! Но нам, Вовочка, нельзя зазнаваться. Зазнайство – это самое плохое, что может быть в человеке. Человеку надо самому лучше видеть свои недостатки. А они имеются, и имеются в гораздо большем количестве, чем мы думаем и замечаем. На основании письменных заключений своих членов Сектор Социалистического строительства вынес решение о представлении моей работы на защиту и представил в дирекцию Института истории Академии наук.

Продолжаю работу в архивах. Работа далеко не закончена. Я попросил и мне продлили на несколько дней командировку. Не огорчайся, Вовочка, скоро приеду. Тебя и Толика обниму крепко. Передай привет маме.

Вовочка, на этот раз Москву я посмотрел хорошо, и есть у меня что тебе рассказать, когда я вернусь домой. Приготовься слушать.

10.05.1959. Рашад

* * *

Здравствуйте, дорогие детки Толик и Вова.

Поздравляю вас с началом новой четверти и желаю ее успешного завершения. Как провели каникулы? Каковы успехи в учебе? Пишите.

О себе: работаю, работаю очень много и не устаю. Я в какой-то степени имею право повторить слова великого русского поэта Некрасова:

*«Праздник жизни – молодости годы –
Я убил под тяжестью труда.»*

*И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени – не был никогда».*

Труд научного работника подобен труду пчелы. А знаете ли вы, детки, чтобы выработать 100 грамм меда, пчела должна посетить примерно миллион цветов. Пчела пролетает в час 65 км, то есть по быстроте может соревноваться со скорым поездом. Чтобы собрать 1 кг меда, пчелам нужно принести 120–150 тысяч нош нектара. Килограмм меда будет собран, когда пчела проделает путь от 360–460 км. Это расстояние в 8,5–11 раз больше окружности земного шара по экватору. Труд ученика тоже нелегкий, если он трудится по-настоящему. А делать нужно все по-настоящему.

Время командировки уже подходит к концу. Продумайте все хорошо и напишите, что вам привезти. Привет маме и Каракану.

01.06.1964. Рашад

* * *

Люся, у нас вышло большое разногласие. Вовчик очень настаивал ехать, а Толик не хотел. Вовчик говорил Толику: «Мы уедем, а ты останешься. Подумай, что ты будешь кушать?» Но Толик все-таки не захотел. Он сказал, что ему здесь лучше. Поэтому мы его накормили и оставили играть во дворе. Я с Вовчиком уехал домой (Вовчик взял меня с собой). Вернемся в воскресенье после обеда.

*С прив., Вовчик и Рашад.
Нальчик, квартира, 12 часов дня*

* * *

Здравствуй, Люся!

Люся, задержка с письмом была связана с тем, что я ждал твоего возвращения домой. Письмо идет все-таки долго, и оно не пришло бы в Жемталу до отъезда.

О себе: чувствую себя хорошо. Анализы неплохие. Принимаю почти каждый день ванны. Словом, процедур немного. Времени остается достаточно, чтобы отдохнуть.

До последнего времени жил в комнате один, других не было. Но теперь приехали два старика, и я перешел к ним жить. Живем недалеко от центра города, около памятника Ленину.

Рядом, где мы живем, выстроена новая школа. Слова «Добро пожаловать!», которые висят у ее входа, воскресили в моей памяти очень много чувств, связанных с детством, школьными годами. Я сразу вспомнил, как перед началом занятий мы приходили смотреть школу. Я почувствовал тут запах свежей краски. Словом, я не могу выразить словами, что вызвали у меня эти теплые, приятные, но уже не относящиеся к нам слова. Несколько раз ходил я на экскурсию по городу. Взбирался на самую высокую гору, изучил все тропинки.

Кормят хорошо. Я даже не справляюсь, и мне сделали замечание, как это, мол, такой огромный человек, а ест так мало.

В свободное время от экскурсий и процедур читаю художественную литературу. Прочитал «Автобиографию Тимура и богатырские сказания о Чингисхане». Читаю о Репине (великий русский художник). Я еще не кончил, но посмотрел конец. Имение Репина было разрушено во время войны. На экскурсию пришли люди. Пришла и одна мамаша с сыном – мальчиком. Дальше я цитирую по книге: «А мальчик, собиравший реликвии, нашел возле самой могилы осколок

артиллерийского снаряда. Он сунул его к себе за пазуху. Матери такой трофеей доверить нельзя». Прочитав эти слова, я вспомнил прежде всего Вовчика. Это мог сделать только мальчик в его возрасте. Ребенок! Сколько в нем наивности, душевной чистоты и прелести! Обними мальчиков. Привет Лене (Шогенцукова Елена Алиевна, внучка Али Шогенцукова, близкая родственница Рашада. – А. М.).

01.09.1958. Рашад

* * *

Здравствуй, Вова, Толя и Люся!

Что у вас нового? Как встретили праздник? Я как никогда скромно провел все дни праздника. Сидел дома и ни одного грамма. Получил поздравительную открытку от Тугана. Вначале у меня было не много процедур: соляно-щелочные ванны и водичка. Теперь их стало гораздо больше. Словом, успеваю только раздеваться да одеваться. На этот раз я лечусь более серьезно. В свободное время от процедур читаю книги. Уже прочитал «Журбины» Всеволода Кочетова и читаю «Искру» Соколова.

Люся! Привожу слова из книги о Журбиных, которые мне понравились: «Сколько подводных камней на пути семейного корабля, как зорко следить надо за ними, с виду иной раз ничтожными, но опасными! Команда такого корабля должна быть очень дружной, и каждый в ней обязан владеть лоцманским искусством».

Я согласен с таким мнением автора. В таких словах я вижу глубокое обобщение опыта жизни.

Пожалуй, все, что я могу сказать на этот раз. Меня ждет очередная процедура.

С горячим приветом, Рашад.
11.11.1959 г. Эссендуки

* * *

Здравствуй, дорогой Вовчик!

12-го числа прибыл в Москву, устроился в гостинице «Бухарест», это в самом центре, на берегу Москвы-реки, у Кремля. Очень удобно и красиво. Но у меня не отдельный номер, а общая шестиместная комната. Да еще, говорят, переселят в другую гостиницу, так как приедут какие-то иностранцы.

Был в Институте истории Академии наук. Директора не нашел, говорил с его заместителем. Сказали, завтра в пятницу. Посмотрим, что скажут. Сегодня иду в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Буду работать в архиве, не теряя времени. Ходил в ГУМ и ЦУМ. Нигде ничего особенного. Может быть, будет в конце командировки. Пока купил только шляпу за 143 рубля. Хожу в своих старых туфлях. Правда, купил еще и авторучку.

Вова, скажи Люсе, что я не совсем разобрался в ее списке. Пускай напишет подробно о качестве и цвете босоножек, кофточки, одеяла и т. д.

После 17-го пришлю свой точный адрес авиапочтой. Пока все, привет Толику, Люсе, Лене, Каракану, всем из Гуговского рода.

15.04.1959. Рашад

P.S. Толик пускай не обижается. Я и ему напишу письмо.

* * *

Здравствуй, Вовчик!

Я в Астрахани тружусь. Погода здесь такая же, что и у нас. Достопримечательных мест почти нет, если не считать Кремля – памятника XVI века – и пристани, откуда открывается величественный вид на реку Волгу. Волгу я видел впервые. Историю этой реки ты знаешь из географии. В Астрахани я задержусь еще два дня и полечу самолетом в Баку.

Из мира интересного: в одном журнале прочитал специально для тебя. Удивительная биология. На птицеферме из яйца вылупился четырехногий цыпленок. Через несколько дней этот случай повторился. Задние ноги у обоих цыплят расположились в конце позвоночника. Цыплята пользовались дополнительными ногами при ходьбе. В другом месте домашняя хозяйка обнаружила в желудке курицы живого цыпленка в возрасте 18–19 дней. Цыпленка поместили в формалин и отправили на кафедру аграрного института. Сейчас проводятся рентгеновские снимки, после чего на научном совещании будут обнаружены причины таких явлений (Венгрия).

Действительно, Вовчик, чего только не бывает на этом свете! Это тебе пригодится на уроках биологии. Пока хватит, как говорят, хорошего понемногу. Пишу на почте, спешу в библиотеку работать в архивах.

*Привет всем, Рашад.
23.11.1964 г. Астрахань*

И последнее:

Люся!

У меня очень подавленное настроение. И не знаю, с чего начать. Такое состояние вызвано результатами обследования состояния желудка и двенадцатиперстной кишки. Нормальная кислотность считается 40/60, а у меня – 0/20 – резкое падение кислотности.

По совету врача я был у самого опытного рентгенолога. Он оказался не только опытным, но и безжалостным человеком. Я сидел у него в кабинете, как у смерти в когтях. Это была проверка, насколько я подготовлен к смерти.

Он смотрел меня три раза. Говорил, что местные врачи ошибаются, вслух выражал какие-то странные иллюзии, рассказал, как он за восемь дней до смерти смотрел Куйбышева и т. д. Я слушал его и думал, что он готовит меня к тому, чтобы нанести удар, проверяет, насколько я подготовлен к этому. Мне ничего другого не оставалось, как сидеть и слушать его суровый приговор.

Он закончил, и я ушел. Я не стал его спрашивать, так как ничего хорошего не ожидал от него услышать. На следующий день пошел к врачу и узнал результаты. Они оказались гораздо лучше, чем я ожидал: сейчас купил разную медицинскую литературу и изучаю. А то у этих врачей трудно точно узнать, где находится желудок.

Люся, заканчивая книжицу о Репине, я встретил одно место, которое заинтересовало меня. Вот оно, это место: Жаркевич писал Репину о своей любви, о предстоящей женитьбе. И 8 августа 1888 года Репин ответил ему письмом, полным горячих мыслей о жене-друге, о том, какой брак может на всю жизнь привести к гармонии души. Собственный опыт, горечь незадачливой жизни водила пером художника, когда он наставлял своего молодого знакомого:

«Меня несколько успокоило известие о Вашей любви, о Вашей женитьбе. Вот где может быть причина того поэтического прекрасного настроения и светлого взгляда на жизнь!

Вот вечный лучезарный оптимизм к жизни! Любовь!!! Поздравляя Вас, обнимаю от души! Я уверен в вас обоих. Теперь так много любви, что Вам не страшно говорить все, что думает об этом пожилое сердце. Приготовьтесь заранее, что любовь Ваша пройдет, ее должна заменить дружба. А дружба рождается только из преданности. Если женщина способна быть преданной вполне интересам своего мужа, она – драгоценный друг, который необходим мужчине, с которым он не расстанется ни на минуту всю жизнь, которого он будет любить и уважать глубоко в душе всю жизнь. Если муж будет предан своей семье, детям, будет относиться с полным уважением к жене (в случае утраты любви), семья счастлива. Но если эти оба субъекта увлекутся свободой действий, самостоятельной эмансипацией, разнородной деятельностью, дающей каждому свободное положение, – семья пропала, разрыв неизбежен».

Репин глубоко прав! Нельзя с ним не согласиться!

Здесь холодно, было бы хорошо, если бы я имел теплое белье и новый свитер. Пришли их или привези. Если будешь ехать, то дай телеграмму: выезжаю во столько-то из Нальчика, я встречу тебя в Пятигорске.

Пока все. С приветом, Рашад.

Привет Лене, обними Толика и Вовчика».

* * *

Володя, вот ты и вышел из детства. Будто вчера это было.

Помню, я столкнулся с Рашадом на выходе из института.

– Рашад Хусейнович, вы, как капитан с тонущего корабля, последним покидаете мостик.

– А, Аслан! Ну, здравствуй, дорогой! Спасибо тебе за удачное сравнение. Ты прав. Мой институт – как огромный корабль. Но мы все делаем, чтобы он не пошел ко дну. Надеюсь, не пойдет и дальше. Если не спешишь, то, будь добр, проводи меня домой.

В руках у него несколько книг с пожелтевшими от времени газетами, взятыми, наверное, в архиве. Я предложил помочь, но он тут же отказался, прижав их еще крепче к груди.

– Как дома? Как сыновья?

– Дети – вечная проблема, Рашад Хусейнович. Вот на старшего жизнь положил. Моя надежда. Моя любовь. А он как-то в разговоре с матерью сказал, что у него не было детства. Не знаю, как воспитывал: то ли пряником, то ли кнутом. Выходит, кнутом. Думал, для его же пользы. Теперь вот понимаю, надо было больше говорить о любви.

– Вот здесь ты прав. Ну как признаешься в любви? Это наш кабардинский менталитет. Мой сын оправдал мои надежды. И у твоего еще все впереди.

Будто вчера это было... Я встретил его на улице Пушкина у института. Он стоял на капитанском мостике огромного корабля...

Володя, послушай меня! Слава Аллаху, у тебя все хорошо. Жива твоя мама, которую ты очень любишь и боготворишь, с тобой рядом любящие тебя жена и дочь, твои внуки. Ими ты как бы подытожил свою жизнь. Многие только мечтают об этом. Ты успешен. За 60 лет своей жизни ты достиг многого. Ты дважды был избран депутатом парламента Кабардино-Балкарии, много лет работал во власт-

ных структурах города, тебя знает и уважает вся республика. Я знаю, скольким ты помог в жизни – и материально тоже, порой отдавал последнее, как твой отец. Ты очень предан друзьям. Ты всегда первым приходил на помощь в трудную минуту. И в горе, и в радости ты всегда был рядом. У тебя поразительная черта – ты никогда не забываешь друзей своих, ушедших в мир иной. У своего отца ты унаследовал скромность и доброту, уважение к своему народу, любовь к ближнему. В тебе всегда присутствует чувство фамильной чести и гордости. Ты, как и твои предки, всегда занимался благотворительностью. Твое главное оружие – книга. Это фамильная черта семьи Гузовых.

Сегодня ты – самый богатый человек. Вокруг тебя на протяжении всей жизни твои друзья, которые любят тебя, гордятся тобой, которые никогда не предадут. Ты всегда был и останешься любящим сыном. Читаю твои слова, и комок подступает к горлу: «И я, навсегда расставшись со своим отцом в 2002 году, продолжаю с ним общаться. Вновь утверждаю, что никакой мистики в этом нет. Просто беру его монографию или книгу о нем и начинаю читать, а значит – разговаривать. Спрашиваю совета и нахожу ответ».

Володя, брат мой, чего тебе пожелать?! Лучше и не скажешь, чем сказал Михаил Ильич Гиоев, и здесь с ним я солидарен: «Володя, дорогой! Велика честь быть сыном такого отца, как Рашад, – созидателя Башни чести и славы своего народа. Но двойная честь – продолжить его славное служение народу. От души желаю тебе неиссякаемой энергии для гузовского служения славной Кабарде».

...Ночь-таки с трудом, но потушила окна в домах и уложила город спать. Перечитаваю письма Рашада. Я понимаю, он как истинный адыг не мог выразить свою любовь и чувства к жене и детям. Наверное, не позволял адыгский этикет. Между прочим, не им и не нами придуманный. Но когда вновь и вновь возвращаешься к его словам, к каждой его строчке, чувствуешь, с какой любовью и нежностью он относится к родным и близким.

Вот он пишет жене: «Если женщина способна быть преданной вполне интересам своего мужа, она – драгоценный друг, который необходим мужчине, с которым он не расстанется ни на минуту всю жизнь, которого он будет любить и уважать глубоко в душе».

Не признание ли это в любви мудрой, по-особому доброй, красивой женщине, матери двух его сыновей, которая была и оставалась всегда главным лоцманом на его семейном корабле. Которая, как могла, прикрывала его тыл и, где бы он ни был, обеспечивала ему тихую гавань, которая так была ему необходима, чтобы заниматься своим любимым делом.

Мама Люся... Почему «мама»? Да потому что и сегодня она являет собой суть гузовского бытия. Ей решать, каким курсом пойдет семейный корабль.

Я слушал эту женщину и вот о чем думал: как бы ее не утешали и не сочувствовали ей родные, близкие и просто знакомые, кто знал Рашада Хусейновича, она всегда обречена на одиночество. До конца дней суждено ей остаться в своем замкнутом пространстве. Она обречена жить в нем долгие-долгие годы, всю оставшуюся, отпущенную ей Богом жизнь. Жить с непроходящей болью, с теплыми воспоминаниями о нем, которые будут согреть ее сердце и душу. Она будет просыпаться по ночам, знакомый голос будет звать ее, а когда, наконец, вернется та зловещая, до боли в ушах тоскливая тишина в доме, от которой некуда бежать, она будет стоять у окна и ждать его, как ждала в той ушедшей молодости. Она будет чувствовать его дыхание, слышать его шаги. И вот это постоянное присутствие будет давать ей силы продолжать жить. Хотя, что там говорить, все

мы ходим под Богом. Пробьет и ее час, ее время, и она это знает. Позовет ее на небеса его ангел, и воссоединятся их родственные души, чтобы не расставаться уже никогда.

Письма эти стали семейной реликвией, гимном любви. И многие знавшие Рашада впервые прочтут и откроют для себя новые грани его характера, доселе не знакомые.

Он был сентиментальным, легко ранимым человеком, и в то же время лиричным и одиноким. Был верен друзьям, прощал обиды и в то же время был тверд и неуступчив. Гордился своими предками, своей фамилией, своей семьей. Мотался по всей республике, по всем домам рода Гузовых, и это было его нормой жизни. Он помогал всем, от мала до велика. Устраивал на работу, пробивал общежития и квартиры, помогал поступать в высшие учебные заведения, он хотел, чтобы все учились, помогал деньгами, бывало, отдавал последнее. Вот такой он был по сути своей, Рашад Хусейнович, знаменитый ученый...

Леночка – любимая внучка Рашада. Этот ребенок представить себе не может, насколько я ее обожаю и люблю. Красавица. Умница. Она уже мама, у нее своих двое. Я помню ее малышкой, как она сидела у деда на коленях, обхватив его за шею. Он гладил ее по голове, шептал разные вкусные слова на ухо и был самым счастливым дедом на земле. «Мы, младшие, – вспоминает она, – жили одним днем. Дожить до субботы и воскресенья, когда дедушка поведет нас на карусели, где ждали нас мороженое и разные сладости. То были самые счастливые дни в моем детстве. Мы возвращались домой вечером, взявшись за руки. И еще. Он остался в моей детской памяти с книгой в руках. Где бы я его ни видела – дома, во дворе, на улице, он никогда с ней не расставался. Бабушкина квартира, где мы проживали все свое детство, сплошь и рядом была завалена книгами. Он остался в моей памяти добрым, самым нежным, сказочным, с книжкой в руках».

...Откуда, откуда опять эта музыка? Она ворвалась с ночной прохладой в мое окно. Зачем она вновь и вновь возвращается ко мне? Зачем ворошит мою память, зачем сжимает тисками мое больное сердце и гонит в то далекое детство, где жил мой отец?

Он не был ученым, как дядя Рашад, а был простым учителем истории в богом забытом ауле в три десятка домов. От восхода до заката, и в дождь, и в стужу он приходил к своим ученикам, чтобы прикоснуться к их еще не окрепшим душам. Он говорил им, что они – дети самой великой страны. Он учил их быть добрыми, уважать старших, говорить только правду, гордиться своей национальной принадлежностью, своей историей, предками. А уже потом, далеко за полночь, он закрывал школу на замок и уходил домой, в одну-единственную крохотную комнатку, где под тусклым светом керосиновой лампы он растопит холодную печку, поставит чайник, разложит тетради на столе, закурит сигарету и окунется в волшебный, пока еще наивный мир своих учеников. И так изо дня в день. Пока однажды не отвезут в больницу, где я последний раз увижу его живым.

Память стерла последние морщины с его лица. Узнал бы я его сегодня, случайно встретив в толпе? Скорее всего, нет. Более полувека прошло со дня его ухода. Он не ездил в длительные командировки, не отдыхал в санаториях, просто однажды его вызвали в город на самый верх и сказали там, чтобы он, директор, в кратчайшие сроки из семилетки сделал десятилетку, и на этом закрыли вопрос. А потому он безвылазно сидел в Герпегеже, мотаясь между Кашхатау и Нальчиком, выбивал доски, гвозди, цемент. И, конечно, ему было не до писем. В моей

памяти так и остался наш почтальон на лошади с деревянной культей вместо ноги, который постоянно в одно и то же время суток проезжал мимо наших ворот. Я сидел на крыльце.

Я не ждал писем. Я ждал отца.

К чему все это я вспомнил? Мой отец был старше Рашада. Мать говорила, что он в совершенстве владел арабским, ну а знание кабардинского языка довел до совершенства. Здесь ему не было равных. Но, как и Рашад, отдавал предпочтение почему-то истории. Живы еще его ученики и, что удивительно, помнят его уроки.

А вообще-то в последнее время я живу одной шальной идеей, которая мне очень нравится. Воскресить бы всех ушедших, посадить их всех за один стол с ныне здравствующими, но при условии, что я буду шхагаритом: Бекмурзу Пачева, Кязима Мечиева, Тимбору Мальбахова, Алима Кешокова с Кайсыном, Валерия Кокова с Юрием Темиркановым, Рашада Гугова с моим отцом, Бориса Мирзоева – крупного хозяйственника, чье форелевое хозяйство гремело на весь Союз, моего зятя Бориса Керимова, который всю жизнь отдал медицине, Бориса Утижева с Владимиром Вороковым, Михаила Шемякина и еще Харуна Малкандуева с Нижнего Чегема – моего старшего друга, чабана всех времен и народов... Постоять бы рядом! Послушать, о чем они...

Но вначале был фильм. Вообще, Володя по натуре своей рискованный парень. Правда, в итоге риск всегда оправдывается. Пришел однажды ко мне и сказал: «Хочу снять фильм об отце. К его годовщине». На моих руках скудный архивный материал. А ведь у меня была возможность снимать Рашада на разных семейных торжествах, но как только я подходил к нему с камерой, он тут же просил меня не делать этого.

– Иди, Аслан, снимай молодежь, а нас, стариков, не надо. Мы только картинку испортим своим видом, – часто говорил он мне.

Правда, есть два десятка метров киноплёнки, где Валерий Мухамедович Кокков вручал ему государственную награду, и еще с очередного совещания в НИИ, где Рашад выступал с докладом. Но все это был материал для наших телевизионных новостей. А время поджимало. Вариантов было множество. Один из них – сделать фильм с наскока, за один-два дня, за что потом становится стыдно. Я предложил взяться за сценарий Аслану Карданову. Идея ему понравилась, тем более он знал и очень уважал Рашада Хусейновича. А Толику Дерико предложил поработать со мной в тандеме. Признаюсь, что почти за 40 лет работы на телевидении у меня было множество крупных работ, но этот фильм стоит среди всех особняком. За него мне не стыдно. Часто у Володи дома, в семейном кругу в который раз мы смотрим и смотрим этот фильм, и каждый раз на глазах появляются слезы.

Теперь вот о книге. С идеей издать ее он пришел к Виктору Котлярову. Как вспоминает сам издатель, раздумий и отговорок не было. Скажу сразу, книга удалась. Она стала знаковым событием в нашей республике и далеко за ее пределами. Я благодарен Володе за его титанический труд. Спасибо друзьям и коллегам Рашада Хусейновича, которые без колебаний и сомнений сразу откликнулись на просьбу его сына. Я так думаю, лучше профессора М. Гиоева тут не скажешь:

«По моему глубокому убеждению, издание книги о Рашаде Хусейновиче Гугова – не просто дань уважения выдающемуся ученому, замечательному человеку, вся жизнь которого – высокий пример самоотверженного служения своему народу, науке, подлинным рыцарем которой он был! Это нечто более возвышенное и актуальное для нынешних и грядущих поколений людей. Это попытка в полный голос сказать правду о тех бесценных богатствах, которые нам оставил

ушедший друг, всем живым, богатствах, которые не исчисляются в злате и иных мнимых ценностях».

* * *

Света встречает, как всегда, ухоженная и красивая. Когда она с дочерью выходит в свет, ее принимают за старшую сестру. Помню, в университете она была самой красивой студенткой. Мужская половина аудитории «стояла на ушах». Хвостом плелись, провожая ее до самого дома. Так получилось, что они с Володей жили в одном дворе. На свадьбе было очень много друзей. А потом пришло время, и мы поехали в роддом за дочкой Леной. Сегодня она воспитывает с мужем двух правнуков Рашада. Она домашняя, что явление в наши дни исключительное. Вот такое богатство привалило моему другу. Я ведь вижу и чувствую, как он любит своих женщин. Опять-таки адыгский этикет. А вот что касается внуков, здесь он, как когда-то Рашад, самый счастливый дед на свете.

– Проходи за стол. Звонил Володя, он немного задерживается на работе. Просил подождать. Есть твой любимый борщ. Есть и котлеты – парные со сметаной, как ты любишь.

Борщ с жирной бараньей пенкой с черным перцем, сыром, чесноком да с черным хлебом! Божественно!

– Света, помнишь, как твой отец всегда говорил: в день надо обязательно съедать хотя бы один зубчик чеснока от всех болезней?

– Ну, как пишется о Рашаде?

– Трудно. Теперь вот жалею, что мало общался с ним, разговаривал мало. Он много мог мне рассказать. Хотя бы взять этот случай из жизни Рашада, о нем мало кто знает. Его пригласили на самый верх. Выше не бывает. Выше – только к Богу. Приняли радушно. Посадили за стол, объяснили зачем вызвали, пообещав при этом торжественные проводы. Обычно из этого кабинета выходили с одним мнением – мнением хозяина.

Но у Рашада были свои аргументы, научно обоснованные. Устав Российской академии наук позволял ему оставаться в почтенном возрасте на своем месте и продолжать творить на благо родного института и родной республики. Дальше, видя неуступчивость характера, с ним разговаривали более жестко. Но в итоге прошло немного времени – и Валерий Мухамедович Коков вручал государственную награду Рашаду Хусейновичу не только за особые личные заслуги, но, я думаю, и за твердость духа и силу характера. А ведь никогда не скажешь о Рашаде... С виду такой интеллигентный. Другой бы на его месте уже на подступах к кабинету, в приемной, написал бы заявление об уходе и был бы обласкан властью за послушание. Света, а как ты выстраивала свои отношения с Рашадом?

– Ну, во-первых, выстраивала не я, а он. Я его очень уважала и никогда не забывала, что он – отец моего любимого мужа. Да у него и с собственными детьми, Толиком и Вовой, я бы сказала, были строгие адыгские отношения. Существовала грань дозволенного, за которую мы никогда не переступали. Другое дело – его внуки. Им было позволено все. С ними он был совсем другим человеком. Я наблюдала за всем этим. После его работы, его книг внуки были единственной его отдушиной. Совсем другое дело – баба Люся. С первых дней, как я пришла в дом Гузовых, мне с ней было легко и просто. Я всегда удивлялась, насколько они разные по характеру и насколько они любили друга.

Раздался звонок. Позвонили в калитку. Володя пришел.

– Здравствуй, дядя.

Обнялись.

– Сейчас помою руки и сяду за стол. Света, накорми дядю мясом.

Не успели сесть, как приехала Лена с детьми. Вся семья Гуговых в сборе. Чуть оговорился – конечно, Абазовых. Мурик позвонил, он уже в дороге. Алим тут же выскочил на улицу. Элина осталась с бабушкой. Она – ласковый, нежный ребенок. С Алимом очень трудно. Он еще мальчик, но уже не по годам взрослый. Многие вопросы и ответы ставят в тупик – особенно бабушку.

– Ты представляешь, с ним надо говорить на равных. Иногда теряюсь и не нахожу ответа (Света слегка улыбается). Это копия Рашада.

– Да? Дай Бог. Мы будем только рады.

– Дядя, вот ты спрашиваешь насчет отца. Он уходил утром и приходил вечером. Часто задерживался у родственников – у своих двоюродных братьев Нашурдина Жамборова и Пшикана Таова. Они жили здесь рядом. По субботам и воскресеньям ездил в Баксан к братьям Джабраилу и Юре, сестрам Жене и Асият, на Черную речку к Хабасу Гугову. Вот сколько я себя помню, в детстве мы пропадали во дворе. Это был особый двор. Сейчас таких дворов не бывает. В соседнем доме на первом этаже располагалась библиотека, где мы читали стихи, ставили маленькие пьесы, была большая спортивная площадка, там мы играли в футбол, теннис. Что я хочу сказать, мы не были брошены на произвол судьбы. Нами занималось государство. А сейчас посмотри, что творится во дворах!

...За окнами ночь. Мы сидим за столом и еще долго-долго вспоминаем Рашада. Я отказался от машины, решил пройтись пешком. И вот о чем думал, покинув гуговский дом. Весь вечер я наблюдал за Алимом. Он уже в таком возрасте заставляет своим поведением, характером относиться к себе как к равному. В нем уже заложена твердость духа, неуступчивость, свое собственное мнение, и он хочет, чтобы с ним считались.

И вот, что я хочу сказать тебе, Алим, дорогой! Завтра у тебя будет трудный день. Твой дед сказал мне об этом. Он с рассвета возьмет тебя с собой в Красное Гедуко. Я не знаю, о чем ты будешь думать у могилы бабы Розы (матери твоего прадеда) и почувствуешь ли ты особый вкус воды из гуговского родника, не знаю, но знаю одно и в этом я непоколебим. Тебе, Алим, как никому другому, суждено пройти по жизни дорогой Рашада. Тебе, Алим, начерчено самой судьбой стать большим человеком, и нам опять станет тепло и уютно в душах наших.

...На пожелтевших листьях дремлет осень. Тишина укуталась сырým туманом. Над Красным Гедуко кружит одинокий аист.

Алим. Это душа Рашада. Слышишь голос?

*А. Мамхегов,
кинооператор*

В НАШИХ СЕРДЦАХ

Вечной останется память в сердцах родных, близких, друзей, соратников по работе, да и просто жителей нашей республики о выдающемся деятеле науки, руководителе научно-исследовательского института, видном общественно-политическом деятеле нашей республики, замечательном муже, отце, брате, дедушке – Рашаде Хусейновиче Гугове. Память о том, каким он был человеком, что его заботило и волновало, должна быть сохранена и передаваться из поколения в поколение.

Вся жизнь и деятельность Гугова были посвящены науке, изучению и сохранению культуры народов Кабардино-Балкарской Республики. Его научное наследие бесценно.

Почти полвека он проработал в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте, из которых свыше 9 лет его возглавлял и оставил о себе память как о высококвалифицированном историке, незаурядном организаторе науки, чутком руководителе, порядочном и отзывчивом человеке. Его научная деятельность на протяжении долгих лет тесно переплеталась с общественно-политической жизнью республики.

Если задаться вопросом – что же это за профессия – историк, то в словарях мы находим простой ответ. Историк – это ученый, изучающий историю, исторический процесс, литературу и культуру. Но это лишь скупая формулировка того титанического труда, который ученый-историк, а в нашем случае Рашад Гугов, проделывал в течение всей своей жизни. Это и изучение прошлого человечества во всем его многообразии с использованием знаний о важнейших исторических фактах и процессах, воссоздание картины жизни государства, народов и отдельных личностей в разные времена. Это изучение и установление закономерностей развития общества и выявление причинно-следственных связей между произошедшими событиями. Конечно, это интересный, но очень кропотливый труд, ведь, чтобы докопаться до истины, приходится много времени проводить в библиотеках, архивах, выставочных залах и запасниках музеев, встречаться с учеными, участвовать в научных конференциях и симпозиумах, изучать историю зарубежных стран и, конечно, историю своего народа и других национальностей, населяющих наш регион.

Рашад Хусейнович был бесконечно влюблен в прошлое и настоящее своего края, вся его жизнь – пример самоотверженного служения народу. Неслучайно его работа «Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией» признана настоящей энциклопедией жизни в этот исторический период.

Умение оставаться самим собой в любых ситуациях, а тем более в тех, которые требуют отстаивания своих взглядов, является одной из фундаментальных характеристик творческой личности. Но у Рашада Хусейновича было много и других особых качеств, свойственных неординарной творческой личности, – это умение «держать удар», умение противостоять догмам, косности и безразличию людей, а порой и власти, и при этом безмерная заинтересованность, доброжелательная помощь своим ученикам, коллегам и просто людям. Он был прост и доступен, скромен в быту и предан своей семье, детям, своей замечательной спутнице Люсе.

Рашад Хусейнович, будучи моим братом, не мог не оказать большого влияния на мое становление. Он для меня был и остается высочайшим примером для подражания. Свое влияние на меня он оказывал не только словом, но и своими поступками.

Однажды он взял меня с собой в свое родное селение Красное Гедуко. Дело было глубокой осенью. Нас подвезли через Черную речку до реки Баксан, которую нужно было преодолевать вброд. Я приготовился снимать обувь, брюки, но Рашад мне это не позволил. Сам разделся, посадил меня на спину и таким образом мы переправились на другой берег. Свой поступок он объяснил так: «Не хочу, чтобы ты простудился в ледяной воде». Таких случаев, когда он в первую очередь думал и заботился о ближних, я наблюдал немало. Вот один из многих.

В сложные послевоенные годы родная сестра моей матери и матери Рашада, которая была замужем за Бегидовым Мухажидом, погибла в аварии в сел. Чегем 1. Для всей семьи и родственников это было невосполнимой утратой. Помнятся мне сильные переживания моей матери – на какие средства и как достойно похоронить сестру, – материальное положение в то время было очень тяжелое. Рашад, видя переживания родных, не раздумывая, пошел вместе со мной на базар, снял с себя новый плащ, продал его, а вырученные деньги отдал моей матери на похороны сестры. Это было естественным проявлением простых человеческих качеств, свойственных Рашаду.

Мой брат для меня был примером удивительной скромности, учтивости и уважительного отношения к старшим. Но более всего мне импонировало его глубокое знание истории, его оригинальные суждения об исторических событиях, научная одержимость и бесконечный поиск новых знаний. Особенно мне врезалось в память его высказывание о том, что молодежь должна становиться умнее старших и идти дальше их по жизни, иначе у народа нет будущего. Именно это его высказывание стало для меня путеводной звездой в моей трудовой, а затем и в научной деятельности.

С точки зрения историков науки, жизнь каждого незаурядного ученого, а таким и был Рашад Хусейнович, – это само по себе историческое событие, некий поворотный момент в развитии научного знания. Особенно оно важно для такой небольшой республики, как Кабардино-Балкария, поэтому имя Рашада Хусейновича Гугова – ученого, педагога, общественного деятеля – неотделимо от истории республики.

Мы верим, что он рядом, он в наших сердцах, делах и поступках, в научных свершениях. Светлая память об этом удивительном человеке останется навсегда. И я никогда не забуду его очень искреннее отношение ко мне, его братскую любовь.

П. Таов,
академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ

ПАМЯТЬ ХРАНИТ ВСЕ ДОБРОЕ

С Рашадом Хусейновичем Гуговым я познакомился в сентябре 1960 года, когда после окончания Московского государственного историко-архивного института стал работать в секторе археологии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Рашад Хусейнович в то время был сотрудником сектора истории этого института.

В КБНИИ мне довелось работать с Р.Х. Гуговым с 1960-го по 1964 год. И потом на протяжении многих лет поддерживать с ним добрые человеческие и творческие отношения. Особенно это проявилось в период издания институтом шеститомника книги «Боевая слава Кабардино-Балкарии», в которых я выступал как автор многих очерков, а затем и редактором в книжном издательстве «Эльбрус».

Хорошо помню с первых же дней знакомства с Рашадом Хусейновичем его ум и пылливость, общительность и искреннюю доброжелательность, стремление помочь всем, с кем ему доводилось встречаться и общаться. Именно поэтому отношение к нему со стороны всех его коллег и знакомых было поистине наполнено любовью и громадным уважением.

Вспоминаю 1961 год, когда Рашад Хусейнович защитил кандидатскую диссертацию и пригласил всех сотрудников института к себе домой на проспекте Ленина. Пришли тогда к нему и сотрудники университета. Мне запомнилось, как особо подчеркивали свое исключительное уважение к Рашаду Хусейновичу, поздравляя его с защитой диссертации, ректор КБГУ Хатута Мутович Бербеков и известный филолог Борис Хазешевиц Балкаров.

В КБНИИ я проработал четыре года, занимаясь археологией, участвовал в раскопках на территории Кабардино-Балкарии. Это была очень хорошая школа для меня в познании древней истории, очень много мне давшая. Но потом пришло осознание, что я прежде всего историк-архивист, и моя дальнейшая деятельность должна быть связана с этой областью. Были в связи с этим и сомнения, ведь мне предстояло, по сути, начать все заново.

Тогда, летом 1964 года, я обратился за советом к Рашаду Хусейновичу, зная о его добром отношении ко мне. До этого я неоднократно обращался к нему, консультируясь по вопросам истории народов Кабардино-Балкарии. И он сказал мне: «Выбирай тот путь в истории, к которому у тебя лежит душа и где ты сможешь найти себя».

Так, во многом благодаря Рашаду Хусейновичу, я пошел в дальнейшем по своим «тропам истории». И когда в 1976 году вышла в свет первым изданием моя книга «По тропам истории» (всего было четыре переиздания), один из первых авторских экземпляров я подарил Р.Х. Гугову.

В 1996 году в Фонде культуры отмечалось мое 60-летие. Были приветствия и подарки. И вот выступает сотрудник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института археолог Исмаил Чеченов и зачитывает текст поздравления: «Глубокоуважаемый Олег Леонидович! Дирекция и коллектив нашего института от всей души поздравляют Вас с шестидесятилетним юбилеем.

Свою трудовую деятельность Вы начинали в нашем коллективе, мы хорошо помним Вас и уверены, что привитая здесь любовь к науке, к истории наших народов еще многие годы будет светить Вам путеводной звездой, вдохновляя на создание новых научно-содержательных и художественно значимых книг...

Благодаря Вашим книгам широкая читательская аудитория впервые узнала о многих забытых, но славных страницах истории нашего края, о многих замечательных наших соотечественниках. Мы считаем Ваш труд сродни высокому подвигу и желаем Вам новых сил, здоровья и успехов в Вашем благородном деле».

Директор КБНИИ, профессор, доктор исторических наук Гугов Р.Х.»

Завершив чтение поздравления, Исмаил Чеченов передает мне папку с его текстом и говорит: «К юбилею мы тебе преподносим от института подарок. Идея сделать именно такой подарок принадлежит нашему директору Рашаду Хусейновичу Гугову. Направив меня к тебе на юбилей, он лично вручил мне вот этот самовар с самыми добрыми напутствиями».

Так, в тот июльский день 1996 года мне был подарен сувенирный Тульский самовар от Р.Х. Гугова, который я вместе с поздравительным адресом храню как памятные реликвии.

Прошли годы. Память хранит все доброе, связанное с замечательным человеком Рашадом Хусейновичем Гуговым – ученым и интеллигентом в высшем понимании этого значения, с которым я имел счастье жить в одно время и даже вместе работать в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте.

О. Опрышко,
кавалер ордена «За заслуги перед КБР»

МНОГО ОБЩЕГО

Когда в 1997 г. ушел на пенсию Р. Х. Гугов, работавший директором КБИГИ продолжительно и плодотворно, директором института был избран Х. М. Думанов. Мне было легко работать с ним, как и с Рашагом Хусейновичем. На мой взгляд, у этих двоих широко известных, умудренных опытом людей было много общего в характере. Как личности они были одарены природой многими светлыми человеческими качествами: мудростью, благожелательностью к людям, простотой и доступностью, готовностью помочь тем, у кого возникли затруднения в работе или личной жизни.

М. И. Докшоков,
государственный деятель КБР

ПРИМЕР ИСТИННОЙ ДРУЖБЫ

В братской республике Северная Осетия–Алания – знаменательное событие. Деятели науки и культуры, руководители властных структур чувствуют выдающегося ученого-историка, активного участника общественно-политических процессов, знаменитого сына кавказской земли Михаила Гиоева.

В свои 85 Михаил Ильич сохранил остроту ума, активность, работоспособность, беспредельное обаяние и чувство юмора. Он является авторитетом для старшего, среднего и юного поколений своих земляков. О нынешнем этапе его деятельности жители моей родной Кабардино-Балкарии, как и других регионов России, а также ближнего и дальнего зарубежья, узнают не только из публикаций в научных изданиях, но и из сообщений в периодике общественно-политического характера. В Кабардино-Балкарии проживает около пятнадцати тысяч осетин, и, конечно же, они внимательно знакомятся с материалами газеты всеосетинского народного общественного движения «Стыр Ныхас». Лидером этого движения является уважаемый Михаил Ильич, имя которого знают его соотечественники во многих странах мира. Вместе со своими кавказскими братьями и мы узнаем со страниц издания о том, чем живет сегодня осетинское сообщество.

Авторитетный педагог и наставник оказывает огромное влияние на формирование личности каждого молодого человека, которого жизнь сводит с ним. Это я могу засвидетельствовать на собственном примере.

Мне посчастливилось узнать этого удивительного человека, когда я был еще ребенком. Михаил Ильич дружил с моим отцом, Рашагом Хусейновичем Гуговым, который почти 50 лет проработал в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, прошел путь от научного сотрудника до директора этого учреждения.

В 60–70-е годы двадцатого столетия в Нальчик приезжали ученые со всего Советского Союза. Здесь проводились большие научные мероприятия – конференции, съезды, симпозиумы. Их участники нередко бывали у нас в гостях. Двери гостеприимного дома, а вернее небольшой квартиры моих родителей, были всегда открыты для добрых друзей, для коллег и единомышленников. У нас бы-

М. Гиоев и В. Гугов (в подаренных ему осетинским аксакалом бурке и папахе).
Владикавказ

М. И. Гиоев, Л. Д. Гугова и Елена, дочь Володи Гугова. Нальчик

вали В. К. Гарданов, Ю. А. Поляков, А. И. Козлов, Л. А. Этенко, К. А. Хмелевский, Х. М. Ибрагимбеили, И. М. Некрасова, Н. Ф. Бугай и многие другие видные ученые страны.

Михаил Ильич произвел неизгладимое впечатление на меня. Большой, шумный, веселый, он запомнился главным образом тем, что всегда лидировал, возглавлял компанию во время дружеских бесед, прогулок – все вертелось вокруг него. Тогда, как и сейчас, он незаменимый тамада в застолье. Умный, тактичный, хорошо знающий тонкости этикета народов Кавказа.

Наверное, все присутствующие знают, что Гиоев обладает редким ораторским даром. Я бы даже сказал – прекрасными актерскими данными. Слушать его – сплошное удовольствие. Мне не довелось быть его студентом и видеть мэтра исторической науки на университетской кафедре. Но его рассуждения по различным вопросам я слушал еще в детстве. В силу возраста мало что понимал, однако точно помню: речь его, мощный голос завораживали, приковывали внимание, не отпуская слушателя ни на секунду.

И сейчас, как самое теплое воспоминание, всплывает перед моим мысленным взором картина детства: вокруг большие и сильные мужчины, рядом с ними очаровательные в элегантно простоте женщины – моя мама, Людмила Даниловна, Инна Максимовна Некрасова, супруга Михаила Ильича – добрая и приветливая Светлана Николаевна, которой, к горькому сожалению, уже нет среди нас. Рядом с умными и важными взрослыми – мы с братом Толиком, в модных тогда матросских костюмчиках. Все это осталось запечатленным на многочисленных фотографиях конца 60-х – начала 70-х годов прошлого столетия. На черно-белых снимках – и прогулки по нальчикскому парку, и небольшие дружеские застолья, которые бывали в доме моего отца.

В то время я, конечно же, не знал ни одного осетина. Наверное, они жили рядом, только в те времена, как вы знаете, никто не заострял внимание на национальности соседа или коллеги. А вот приезжий человек – это гость из другого региона, области, республики. Окружающим его представляли с особым почетом и уважением, все пожимали гостю руку, в доме ему отводилось почетное место.

И вот таким образом я впервые осознал осетинскую принадлежность друга моего отца, а теперь и моего старшего, уважаемого друга. Михаил Ильич любит повторять, что каждый человек – полпред своего народа. Таковым он и сам является в полной мере, ассоциируя с собственным внушительным обликом представителей его нации, рассеянных в силу глобальных исторических процессов по всему свету.

Михаил Ильич олицетворял для меня весь народ Северной Осетии, который я впоследствии очень близко узнал и полюбил. У меня много друзей среди его земляков. Наверное, не без влияния Гиоева формировался мой взгляд на мир, и на Кавказ в частности.

Уже став взрослым, ознакомившись с трудами моего отца, его коллег, в том числе и заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора Гиоева, я понял, какому важному делу они посвятили свою жизнь.

Из года в год, из века в век все происходящее на нашей планете летит в стремительном порыве, и трудно угнаться за этим полетом, невозможно остановить мгновение, каким бы прекрасным оно ни было. Можно только попытаться зафиксировать на бумаге, видео- или, как теперь, цифровых носителях те события жизни общества, коим ты являешься современником.

Мир велик и разнообразен. Не только один день, но и один час не похож на другой. От сотворения мира не было даже двух похожих листиков на деревьях, а

В гостях у Гиоевых. Владикавказ

В. Р. Гугов, М. И. Гиоев с внучкой Эммой и дочерью Людмилой. Владикавказ

уж люди и народы, населяющие Землю, – с их эмоциями, страстями и стремлениями – это бесконечная палитра событий, фактов, свершений.

Сколь трудно быть летописцем, как велика ответственность за достоверность приводимых материалов и излагаемых свидетельств! В истории нашей планеты человеческая жизнь – всего лишь миг, но в нем, как в сверхмощной космической частице нейтрино, заключена огромная энергия. Энергия разума, озарившего наше многомиллиардное сообщество.

Вот сейчас я произнес слово «миг» и вдруг поймал себя на мысли, что инициалы нашего юбиляра, которого мы сегодня чествуем, дают именно это буквосочетание: Михаил Ильич Гиоев – МИГ. Я не мистик, но, возможно, в этом есть знак свыше – столь одаренному во многих областях человеку довелось практически всю жизнь заниматься скоротечной, быстро меняющейся, но такой интересной наукой – историей, в которой каждый миг важен и неповторим.

В ходе истории человечества и отдельных его сообществ порой происходят кардинальные перемены. Возникают и рушатся государства, один политический строй сменяется другим. Жить в эпоху перемен нелегко, и не стоит осуждать тех, кто вынужден приспособливаться к предлагаемым условиям существования. Все имеют право на благополучие.

В этих обстоятельствах особое уважение вызывают люди, придерживающиеся раз и навсегда принятых принципов. Убеждения – не vareжки, которые можно снять и бросить в зависимости от погоды. Гиоев не изменяет идеалам, вошедшим во времена молодости не только в его сознание, но и в его душу. Я знаю, уважаемый старший товарищ, что вы посвятили всю свою жизнь служению своему народу. Величие, счастье и процветание жителей Северной и Южной Осетии являются важнейшей, главной целью вашего существования. Многие люди обращаются к вам с просьбами о помощи в трудной ситуации. Наверное, вы не можете помочь всем, но душа ваша болит за каждого земляка, за каждого соотечественника. И в этом смысле вы сами, Михаил Ильич, существуете как часть истории, часть Земли. Глядя на вас, каждый может сделать вывод: «Я имею право делать то, к чему лежит душа. Никто этой привилегии не даст, ее надо добиваться».

Многие ваши ученики руководствуются вашим наставлением: учитель ничего не стоит, если он эгоист, если он не видит продолжения в своих учениках. Вы, как и мой отец, радуетесь, когда видите, как ученики постигают вершины науки. Хорошо осознавая, что наука – это часть жизни, а не жизнь – часть науки, своей многогранной деятельностью вы добились привилегии быть не только Учителем, но и выразителем чаяний народа – человеком, к чьему мнению прислушиваются сограждане. Многие яркие примеры характеризуют вас как великого общественного деятеля.

Свидетелем того, как ваше веское слово отзывается в душах здравомыслящих людей, был мой отец, с которым вы часто обсуждали проблемы нашего региона. Когда распался Советский Союз и пути народов, проживающих в нем, были несповедимы, в Нальчике созывается чрезвычайный съезд народов Кавказа. Обстановка напряженная, война в Чечне могла разразиться в любой момент.

Как разрядить ситуацию? Следует ли формировать добровольческие вооруженные отряды? Какие это может вызвать последствия для народов Северного Кавказа? Вопросов было много, и ответа на них не знал никто. Возглавляемая Гиоевым делегация «Стыр Ныхаса» предприняла все возможные меры для того, чтобы не допустить разжигания новой Кавказской войны. Сдержатъ излишние эмоции горячих горцев, безусловно, нелегко. Надо обладать недюжинной силой

В гостях у В. Р. Гугова. Нальчик

День уважения памяти друга. Баксан

характера, чтобы охладить пыл охочих до драки голов. Рашад Гугов был вашим сторонником и потому искренне благодарил осетинскую делегацию за проявленную стойкость и мудрость. Об этом и вы, уважаемый Михаил Ильич, пишете в одной из статей о моем отце, о своем единомышленнике.

О другом моменте, когда все помыслы Михаила Гиоева были направлены на принятие судьбоносных решений, могу свидетельствовать я. В столице Северной Осетии, в гостинице «Владикавказ», шли нелегкие переговоры между делегациями двух соседних республик – РСО–Алании и Ингушетии. Надо было решать, как жить дальше, преодолевая возникшую в приграничных районах напряженность, как развести враждующие стороны, действующие иногда противозаконными, проще говоря, бандитскими методами. Обмен мнениями продолжался несколько часов, все участники встречи испытывали немалое нервное напряжение, но необходимо было прийти к консенсусу, выработать единую стратегию дальнейших действий, чтобы привести регион к миру, и ради этой цели никто не жалел сил и времени.

Когда поздним вечером встреча завершилась, я вместе с несколькими товарищами отправился в дом Михаила Ильича, чтобы поздравить его, нет, не с успешным окончанием переговоров, а с его... 80-летием! До этого момента он даже не упомянул о круглой дате. Ни словом, ни намеком не привлек внимания к собственной персоне. Не сделали этого и находившиеся рядом друзья.

Все понимали: для Гиоева нет ничего важнее мира и спокойствия его земляков, жителей соседних республик. Его душевный покой прямо пропорционален степени счастья жителей родного края, и потому он стремился оказать максимальное стабилизирующее действие на ситуацию. «Раньше думай о Родине, а потом о себе» – так воспитано наше старшее поколение, под этим девизом проходит деятельность его представителей.

У вас, Михаил Ильич, как и у своего отца, который так же активно подключался к решению общественных вопросов, я учусь всю жизнь. Учусь дружбе, товариществу, умению ценить в дорогом тебе человеке то прекрасное, что называется душой. Руководствуюсь в жизни вашим советом: хочешь иметь надежных друзей – будь сам предан и надежен. Эту мудрость, как и жажду познания, стараюсь вложить в сознание своих младших.

Знаю, что вы очень трепетно относитесь к памяти о своих родителях. И я, навсегда расставшись со своим отцом в 2002 году, продолжаю с ним общаться. Вновь утверждаю, что никакой мистики в этом нет. Просто беру его монографию или книгу о нем и начинаю читать, а значит, разговаривать. Спрашиваю совета и нахожу ответ. Своего старинного друга не забываете и вы. Как я вам за это благодарен! При всей своей занятости вы находите возможность иногда приезжать в Нальчик, посещать могилу Рашада Гугова. Заранее стоворившись, мы встречаемся на гострассе «Кавказ», соединяющей наши республики, и направляемся в город Баксан, на мусульманское кладбище. Помолчав у могилы и возложив цветы, мы покидаем этот вечный приют и затем, по вашему непременно настоянию, поминаем отца скромной трапезой на лоне природы. Всякий раз, бывая в Кабардино-Балкарии, вы не забываете и о моей матери. Для нее вы устраиваете маленький праздник, наносите визит, беседуя за чаем с тремя ритуальными осетинскими пирогами, которые вы непременно привозите с собой.

Даже если бы вы просто мысленно вспоминали о Рашаде Гугове – уже это было бы благородством. Но визиты в память о коллеге и товарище – это одно из ярких проявлений бережно хранимого вами духа высочайшей братской дружбы. И это отношение – не показное, не наигранное. Оно абсолютно естественно, ор-

ганично и еще раз подтверждает ваши слова: «Полюбить и подружиться каждый горазд, остаться верным этим высоким чувствам до конца жизни – удел немногих божьих избранников».

Как большую ценность храню я в своем доме подаренные вами книги. И не просто храню – листаю, перечитываю их, когда душа просит общения. Автограф на вашей книге афоризмов «В мире мыслей» мне особенно дорог: «Володя, дорогой! Велика честь быть сыном такого отца, как Рашад – созидателя башни чести и славы своего народа, но двойная честь – продолжить его славное служение народу. От души желаю тебе неиссякаемой энергии для Гузовского служения славной Кабарде».

«Я – один из миллиардов рядовых землян», – говорите вы о себе. Но, согласитесь, не многие из наших планетян всерьез занимаются наукой и хорошо разбираются в происходящих общественно-политических процессах. Мы ценим вас как видного кавказоведа и как выразителя интересов общества. Вожаков, авторитетов не может быть много, это удел поцелованных Богом. В любом обществе есть люди-столпы, надежные опоры для тех, кто слабее духом. Вы – именно такой человек, смолоду, и до седых волос несущий на своих плечах заботы человечества. Умный учитель, мудрый советчик, искренний друг. Люди часто нуждаются в таком надежном товарище. Но бывает и более высокая форма признания, которой выпала участь удостоиться мне.

«Володе Гузову – моему сыну и надежному другу, – написано рукой Михаила Ильича на форзаце одной из подаренных мне книг. – С искренним пожеланием всегда и во всем быть достойным знаменосцем идей дружбы и братства между нашими народами, страстными пропагандистами которых полвека были мы с твоим незабвенным отцом Рашадом».

Вы оказываете мне огромную честь, называя своим сыном. Тем самым как бы признаете нашу, пусть не кровную, но некую духовную общность. Это я воспринимаю как большую ответственность – перед обществом, перед людьми, которые меня окружают – здесь, на Кавказе, или в далеких краях. Очень надеюсь, что судьба подарила мне возможность общаться с вами не случайно. Ведь случайность – это непознанная закономерность, в данном случае вытекающая из принципа преемственности поколений.

В ходе визитов во Владикавказ я сблизился с представителями младшего поколения рода Гиоевых: детьми Михаила Ильича – Петром и Людмилой, его племянниками и внуками, прекрасными людьми, унаследовавшими многие достоинства своих старших. Уверен, что заложенные нашими старшими отношения дружбы и братства будут продолжены и будущими поколениями.

Давно отгремели последние орудийные залпы и автоматные очереди войны, которая пронзила вечной болью молодость поколения, пережившего сороковые, роковые. Но для вас священна память о тех, кто, защитив молодежь от боли, страданий, ненависти, ушел давно, в грозные годы Великой Отечественной. Ни забыть, ни предать их вы не можете, и живете, как в песне поется, «за себя и за того парня».

За многих, многих парней, защитивших нашу землю от лютого врага и подаривших нам счастье жить в этом прекрасном мире, в нашем благодатном уголке земли с гордым именем Кавказ. Эти горы, эти села и города вы защищали в составе 155-й стрелковой бригады. Командир роты противотанковых ружей на всю жизнь остался смелым, честным в отношениях лидером для всех, кто в данный момент находится с ним рядом. Цепкая память историка позволила уберечь и сохранить для потомков множество фактов тяжелого периода, когда страна была в опасности. Раздумья фронтового офицера, хорошо знающего окопную прав-

ду войны, изложены в книге «Битва за Кавказ», прочесть которую, по моему мнению, должен каждый мыслящий житель региона, каждый, кто считает себя патриотом родной земли. Вот где ярко отражены воинская доблесть кавказцев и дружба народов, сражавшихся за свободу и независимость Родины. Пройдет время, и не станет свидетелей тех давних событий, но свидетельства останутся. Такие документальные памятники, как книга воспоминаний профессора Гиоева, и сейчас являются лучшими учебниками для воспитания патриотизма, для передачи знаний о подвиге, совершенном во имя жизни.

У каждого воина есть воспоминания, но не каждый может изложить их в законченной литературной форме. Историк Гиоев выполнил эту задачу за многих, кто с нею по разным причинам не справился.

«Любить живых, что рядом с тобою, – в том нет подвига. Хранить любовь к ушедшим в мир иной, помнить и ценить их добрые дела – признак глубокой порядочности». Если эти ваши слова хорошо усвоит молодежь, не прервется связь времен, и на примере старших будут воспитываться новые поколения, которым жить на земле предков.

Жизнелюбие, оптимизм – эти качества присущи вам от природы, и «заразиться» ими недолго. Совсем недавно, вместе с друзьями, довелось мне навестить вас, Михаил Ильич, в больнице, когда расшалилось ваше беспокойное сердце. Вроде бы мы, визитеры, сделали все, как полагается – поинтересовались у врачей состоянием пациента, узнали, нужны ли какие-то дополнительные лекарства. Вручили вам пакет с гостинцами, побеседовали, но вслед за этим последовало совершенно неожиданное продолжение. На полтора часа мы стали вашими пленниками. В нарушение всех больничных правил по вашей команде было организовано импровизированное застолье, и вы опять оказались в роли добродушного тамады, потчующего гостей.

Правда, в тот момент вам не позволялось даже пригубить животворного напитка, но это ничуть не помешало общению, и ваш взгляд сиял, как всегда, и беседа лилась, доставляя удовольствие всем ее участникам.

Думаю, я никогда не смогу вернуть вам долг доброты, участия, внимания, которыми вы щедро делитесь со мной вот уже на протяжении многих лет. Я могу только испытывать к вам благодарность и просить Всевышнего сохранить вам здоровье на многие годы, светлый ум и щедрую душу. В моей личной библиотеке всегда рядом две книги. Одна – об отце, другая – о вас. На обложках обоих изданий ваши лица, ваши образы, соединившиеся в моем сознании давно, навсегда. Схожие судьбы, общие взгляды, совместная работа, когда в творчестве – радость. И ваша статья о моем отце – теплые, добрые слова коллеги и единомышленника: «Почти 50 лет нашей ничем не запятнанной дружбы». Для меня это ключевые слова.

Дружить и ничем не запятнать отношений – ни предательством, ни невольным обманом, ни легкомысленным лукавством. Понятно, что такому не научишь, не передашь накопленный опыт. И все же я безмерно благодарен судьбе за то, что она даровала мне пример настоящей мужской дружбы. В таком тандеме не может быть ведущего и ведомого. Только равенство интересов, интеллектов и устремлений может лежать в основе таких отношений.

Товарищи отца отмечали, что его становление как ученого происходило во второй половине XX века, в период, когда Кабардино-Балкария поэтапно решала две взаимосвязанные задачи: формирование корпуса профессиональных национальных кадров историков. И на этой основе, путем системного исследования истории республики, и региона в целом, – избавление от описательности и при-

А. Калибатов, В. Гугов, М. И. Гиоев, В. Фардзинов, Ц. Гиоев.
Баксан

В. Р. Гугов, М. И. Гиоев и внук Тамик. Владикавказ

дание научного характера исторической науке Кабардино-Балкарии. «В ряду тех, кто уже в 70-е годы решил эту задачу, яркой звездой сиял Рашад», – отзываются коллеги о моем отце, написавшем десятки трудов по истории Северного Кавказа и Кабардино-Балкарии.

Подобную тематику разрабатывал и Михаил Ильич – у себя, в Осетии. Обладая незаурядным талантом, огромным желанием постичь причинно-следственные связи всего происходящего в мире, дополняя и обогащая друг друга, Гиоев и Гугов совместно работали в архивах, сотрудничали в совете по защите диссертаций при Кабардино-Балкарском государственном университете, в соавторстве писали труды по истории Кавказа, о событиях на Тереке в начале XX века. На мой взгляд, так и должно работать представителям различных субъектов России – коллегиально, с максимальной отдачей, используя имеющиеся у каждого ресурсы, а значит – наиболее эффективно.

Дружба народов – это пустой звук, если за этим не стоят конкретные отношения конкретных представителей разных народов. Эта мысль, которую вы, Михаил Ильич, неустанно повторяете, стала руководством к действию для тех, кто стремится к прочному и нерушимому миру в нашем регионе.

Мощный, энергичный, молодой по образу жизни, вы, дорогой друг, вдохновляете своим примером окружающих. Вам верят, за вами идут, вам подражают, потому что Михаил Гиоев – это звучит не только гордо, но и убедительно. Вы не сглаживаете острых углов, но это не придает вам жесткости. Вам чуждо низкоклонство, но тому, как уважительно вы относитесь к любому представителю нашего общества, стоит поучиться. Во все времена вы являете нам пример истинного интернационализма, пропагандируя идеологию дружбы и братства народов Кавказа. Этот благодатный край всегда был лакомым куском для разного рода завоевателей. Наша задача – сохранить мир – для себя, для детей и внуков. Кто как не историк, подробно изучивший коллизии развития человеческого общества, может и должен указать нам путь к спокойствию и благоденствию. Это умение видеть и предвидеть и отличает историка от остальных людей, представителей других профессий. Вы лучше других понимаете, на что следует обратить внимание, пока Земля вертится.

Но просто сознать проблему, видеть пути ее разрешения недостаточно. Необходимо убедить общество в своей правоте. И в этом деле трудно найти равных Гиоеву, обладающему широкой эрудицией, высокой культурой речи и природным остроумием.

Наша общая родина – Россия. И мы, жители Кабардино-Балкарии, с большим уважением относимся к прекрасному народу Осетии, знаем о его великих достижениях и успехах. Сегодня республика чествует одного из своих славных сыновей. Думаю, что мероприятие, посвященное 85-летию знаменитого ученого, общественного деятеля, педагога, воина, публициста Гиоева, является проявлением высочайшей культуры и исключительного духа нравственности осетинского народа. Я и мои товарищи хотим от всей души поздравить вас, Михаил Ильич, с очередным юбилеем. Братскому осетинскому народу на долгие века – счастья и процветания. Сегодня можно сказать – вам есть, чем гордиться, есть, чему радоваться, поскольку велик осетинский народ.

С праздником вас всех. Спасибо за это красивое мероприятие.

В. Гугов,
депутат Парламента ББР

ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ И БЛАГОРОДСТВА

Трудно найти человека, который не мечтал бы дожить до преклонных лет, не делал бы все возможное для достижения этой мечты, хотя старость – не самая лучшая пора человека. Еще А. С. Пушкин в своем стихотворении «Подражания пророку» верно заметил, что человек «на этот свет родился... дышит он недолгий век... слаб умрет, как слаб родился». Однако, несмотря на множество недугов, сопутствующих преклонному возрасту, у старости есть одно преимущество – она является как бы живой летописью человечества. Пожилой человек обладает большим жизненным опытом, владеет удивительными секретами, и о каждом из своих друзей может рассказать много неизвестного и интересного. Зачастую свои воспоминания и бесценные впечатления старые люди уносят вместе с собой, лишая подрастающее поколение важной и необходимой информации.

Как любой долгожитель, я тоже встречался на жизненном пути со многими людьми, с отдельными из них прожил всю свою жизнь. Уход из жизни такого близкого человека, друга, ставшего родным, любой неравнодушный человек переносит очень тяжело, с душевной теплотой сохраняет память о нем. Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне несколько таких замечательных искренних друзей, людей редкой порядочности и нравственной чистоты, которые разделяли со мной радости и горести, были для меня эталоном настоящего адыга. Одним из них был незабвенный Рашад Хусейнович Гугов.

Наше знакомство состоялось в 1952 году. Как аспирант пединститута, я жил со своим братом, студентом исторического отделения, в студенческом общежитии. Из-за нехватки жилья в городе в те годы многих преподавателей поселили туда же, они занимали полностью второй этаж четырехэтажного здания. Республика в те годы испытывала острую нехватку в национальных кадрах, в единственном вузе республики работало не более 10 кабардинцев. После успешного окончания исторического факультета пединститута Рашада Хусейновича приняли в качестве ассистента кафедры истории СССР и тоже поселили в общежитие. Много лестного о Рашаде я слышал от своего младшего брата Алексея, который посещал его содержательные лекции и ставил его очень высоко. В таких условиях, естественно, мы всех преподавателей хорошо знали, общались друг с другом, но считали их небожителями.

После моей женитьбы я от своей супруги Елены Шогенцуковой узнал, что Рашад – ее близкий родственник, в свое время она ездила в Жемталу за его невестой Люсей. Она очень тепло говорила о своем брате, часто вспоминала, как они вместе проводили детство у бабушки.

В 1956 году, когда я уже работал ассистентом кафедры кабардинского языка и литературы, мне тоже выделили одну комнату в общежитии. Наверное, судьбе было угодно, что наша комната, по счастью, оказалась прямо напротив двери Рашада Хусейновича. Семья Рашада и Люси, которая основывалась на глубоком уважении и любви друг к другу, была достойным примером для подражания.

Рашад уже тогда работал в научно-исследовательском институте, при переводе ему, как обычно, обещали предоставить отдельную квартиру, но время шло, а он вынужден был ютиться в общежитии.

Может быть, в то время такая жизнь для студентов была приемлема (кстати, общежитие и сейчас функционирует), но жить без элементарных удобств для пожилых преподавателей и семейных пар с детьми было тяжело. Трудно сейчас назвать количество жильцов, проживавших на втором этаже общежития, их было,

наверное, около 50-ти. Мы в своем распоряжении имели несколько умывальников и две точки туалета, у которых каждое утро выстраивалась длинная очередь. На хозяйственные нужды воду брали из умывальника и ведрами таскали по длинному коридору, большей частью пищу готовили на примусах и керогазах у своих дверей, поэтому в коридоре стены были черные от копоти, пахло дымом и гарью, душа вовсе не было, а в воскресные дни все ходили в общую баню.

Несмотря на жуткие условия, преподаватели, к их чести, стойко и безропотно переносили бытовые трудности, жили дружно, между ними не возникало никаких ссор и скандалов. Однако в таких условиях заниматься творческой работой не было никакой возможности, поэтому Рашад после занятий вынужден был часто уходить в читальный зал пединститута, сидеть со студентами.

Благодаря соседству, подаренному судьбой, две семьи сразу же сблизились, стали жить дружно, по-родственному ходили друг к другу, делились всем, что было. Следуя национальным обычаям своего времени, Рашад не занимался хозяйственными делами, все бытовые вопросы решала его супруга. На правах старшего он, по-видимому, решил, что и я буду неукоснительно соблюдать эти традиции. Как-то в нашем темном коридоре он встретил меня, когда я нес из умывальника ведро воды. Рашад спросил: «Что же ты делаешь?» Я в ответ: «Воду нес, не видишь что ли?» Он затем с укоризной говорит: «Не делай этого». Не соглашаясь с ним, отвечаю: «Кстати, я это делаю для твоей сестры, она хрупкая и с ребенком». Возможно, он беспокоился, что Люся попросит его выполнять те же функции, которые для адыгов поколения Рашада были все еще предосудительными.

Позже я убедился, что подобные взгляды (для меня – домостроевские) разделяли и женщины. Как-то с ведром воды подхожу к своей двери и вижу, что стоит какая-то девушка. Как только она увидела меня, сразу развернулась и стала ко мне спиной. Подумав, что она пришла не к нам, я занес ведро в комнату, но на всякий случай вышел, чтобы удостовериться еще раз. Оказалось, что она супруга моего университетского товарища, студентка-заочница нашего отделения и пришла по какому-то вопросу. На мой вопрос, почему она отвернулась, молодая женщина сразу же ответила: «Мне стало стыдно, что я увидела Вас с ведром».

В актовом зале института каждую субботу устраивали танцы, туда ходили в основном студенты и молодые преподаватели. С Рашадом мы уже были семейные, имели детей, он не любил шумные мероприятия, более того, думаю, не умел танцевать русские танцы.

В те годы мы с Рашадом проводили много времени у четы Калашниковых – Петра Петровича и Галины Анатольевны. Активный участник войны, доброжелательный и хлебосольный, он в неделю раза два приглашал нас на чаепитие. В одной из комнат стоял круглый стол, в центре – электрический чайник большой емкости, хозяйка ставила тарелку с сухарями, подавала варенье на любой вкус собственного приготовления с указанием даты производства. Затем, чтобы не мешать нам, Галина Анатольевна уходила в смежную комнату, и начиналось наше чаепитие. Если мы с Рашадом, не привычные к этой традиции, ограничивались двумя-тремя стаканами, то Петр Петрович пил безостановочно, сильно потел и постоянно обтирал лицо полотенцем. Наши ночные бдения и беседы длились долго, говорили обо всем, в основном, о литературе, истории. Петр Петрович вспоминал свои ратные дни. Интересно, что ни у его гостей, ни у хозяина никогда не возникало желания заменить чай какими-нибудь горячительными напитками.

Род Гузовых в родном Кучмазукино пользовался почетом и уважением. Дед Рашада, Якуб, был образованным человеком, еще до революции, если не оши-

баюсь, открыл мусульманскую школу и сам обучал детей. Выросший в такой семье, Хусейн, отец Рашада, дал своим детям достойное воспитание. С детских лет Рашад не только глубоко впитал в себя адыгэ хабзэ, но в любых условиях безукоризненно выполнял его предписания. Высокий, статный, всегда аккуратно одетый, – если сказать словами Горького, он был «прост, как правда», никогда не говорил о своих успехах, был беспредельно честен и нравственно чист. Рашад был сдержан в разговоре, говорил негромко, но убедительно, не обсуждал людей за спиной, не вмешивался в чужие дела. Хочу отметить особенное отношение к своему народу, – он его очень любил и до самой смерти бескорыстно служил ему.

Рашад никогда никому не завидовал, материальных благ не искал, со всеми был вежлив и тактичен, держался подальше от пьющих, но искренне любил своих друзей. Насколько помнится, в те годы наиболее часто он общался с Шауцуковым Залим-гери и Доловым Мухарби.

В послевоенные годы кабардинские рукописи, литература восстанавливались без участия наших историков. Одним из них являлся Рашад Гугов. Не проходило ни одного мероприятия, связанного с этим сложным процессом, где бы он не принимал участие, – писал статьи, развернутые комментарии...

Рашад Хусейнович в совершенстве владел как родным, так и русским языками, обладал глубокими знаниями, дружил со многими именитыми историками страны, на равных разговаривал с ними. Такие богатые знания он не мог получить в только что организованной в с. Красное Гедуко школе, такой уровень не мог дать даже пединститут, который в те годы не был укомплектован квалифицированными кадрами, да и библиотечный фонд не располагал сколько-нибудь значащей необходимой научной литературой. Если деревенский парень стал одним из известных специалистов отечественной науки, то эти успехи и достижения можно объяснить его целеустремленной и повседневной титанической самостоятельной работой.

Рашад не обучался в аспирантуре, – это было типично для того времени, свою кандидатскую диссертацию он написал, не имея научного руководителя.

Я не историк и не берусь квалифицированно оценивать творческую деятельность Рашада Хусейновича, но вызывает удивление то, что в те трудные послевоенные годы он, кроме общих сборников и многочисленных статей, издал 10 монографий, посвященных актуальным проблемам истории родного народа. Наиболее ценным и значительным из его работ, на наш взгляд, является капитальное и новаторское исследование «Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией», которая была издана в 1999 году. В этой монографии тщательно восстановлена вековая история взаимосвязей России с народами Кавказа и впервые использовано громадное количество новых архивных материалов, сопоставлено и проанализировано несметное количество фактов, деталей...

Рашад был из людей, кто делится своим богатым опытом. Научные работы Рашада Гугова стали богатым учебным материалом для многих поколений студентов. Человек, который жил с открытой душой и всю свою жизнь бескорыстно помогал людям... Своей искренностью, неизменной добротой он завоевывал любовь и уважение окружающих.

Научная общественность и руководство республики заслуженно оценили исследования маститого историка, – ему присудили Госпремию КБР и первому в республике присвоили высокое звание заслуженного деятеля науки РСФСР еще в 1981 году. Монументальные исследования Рашада Гугова стали значительным

вкладом в историческую науку, по ним нынешние поколения знакомятся с историей родного народа, а те, которые знали и любили его, до сих пор носят в душе его светлый образ...

А. Хакушев,
доктор филологических наук

ПАМЯТЬ НЕ ПОДЛЕЖИТ КОРРОЗИИ, ОНА – НЕТЛЕННА

15 лет назад, 15 мая 2002 года ушел из жизни замечательный ученый, порядочный человек, достойный гражданин Отечества – Рашад Хусейнович Гугов, не дожив до 75-летнего юбилея всего пять дней...

Ничто не ново под луной. Тысячи, тысячи поколений рождались, давали жизнь своим детям и уходили в другой мир. И с этой позиции преждевременный уход из материального бытия в иную ипостась – лишь еще один пример, подчеркивающий всеобщую закономерность человеческого существования. Были, есть, и, конечно, еще будут тысячи и миллионы любящих отцов, внимательных супругов, добрых соседей, которые так нужны каждому из нас, поскольку повседневность жизни они дополняют колоритом душевного богатства, отдавая частичку себя своим друзьям, родственникам, близким по духу и науке людям.

Но будут ли еще тысячи и миллионы историков ГУГОВЫХ? Таких, как он, пятьдесят лет честно служивших Музе КЛИО, исследуя многогранные процессы исторического прошлого народов Кавказа? Таких, как он, ежедневно открывавших двери различных архивохранилищ страны? Таких, как он, живших историей своего народа, обогащая историческую память своего рода, этноса, Отечества?

Да!

Конечно, нет!

Объединяя противоречивые суждения, мы объединяем противоречивую память общества. Были и будут молодые, талантливые последователи Николая Михайловича Карамзина, Сергея Михайловича Соловьева, Василия Осиповича Ключевского, Шоры Бекмурзовича Ногмова, Владимира Николаевича Кудашева, Тугана Хабасовича Кумыкова, Рашада Хусейновича Гугова и многих, многих других, но жизнь, творчество, научное наследие каждого из них оригинальны, неповторимы, уникальны!

История всегда была, есть и будет частью жизни общества. Она – неотъемлемая часть социума, открывающая «двери» в наше прошлое, настоящее и будущее. Наша история – это наша жизнь. Без истории, исторического опыта, который транслирует и передает нам опыт предшествующих поколений, «заглохла бы нива жизни». Человек, познавая свою историю, приобщается к малым и великим делам прошедших веков, осознает значимость и заслуги своих предков, исторических личностей, культуру своего народа, общества, Отечества.

Генетический код закладывается в нас с момента зарождения и несет в себе историческую память, которая формирует человека в человеке, социализирует его, приобщает к настоящему, через познание прошлого. Вместе с тем, я убежден, что одной генетики, наследственности, недостаточно, чтобы из ребенка вырос достойный гражданин своего Отечества. Нужна емкая работа семьи, школы, вуза, самообразования, конкретная работа над собой по освоению интеллектуального богатства прошлого, формирующего стержень личности. И воспомина-

ния друзей, коллег, известных ученых, размещенных в данной книге, наполняют конкретным содержанием путь становления Р. Х. Гугова, его первые успехи, трудности, победы над собой и над исследуемой темой.

Заходя на историко-филологический факультет КБГУ, кафедру истории СССР, возглавляемую профессором, соседом и другом Т.Х. Кумыковым, Рашад Хусейнович часто говорил нам, молодым, начинающим историкам: «Каждый человек должен знать свои корни, историю своей семьи. Ведь эти знания – воздух, которым он дышит». Трудно не согласиться с этим тезисом. Без истории и культуры нас, скорее всего, просто бы не было. Человек, знающий свою историю, уважает своих прадедов, культуру своей родины. Нет человека без памяти, нет памяти вне общества, нет развития человека и общества без исторической памяти.

Память многолика, т.к. это понятие вбирает в себя массу общественных граней. Есть память о Родине, о прошлом региона и своего народа, о родных и друзьях, о счастье и любви, и о многом другом. Каждая из этих граней очень важна для нас, но в еще большей степени они важны как некое целое, которое оказывает на нас колоссальное воздействие. В далеком и близком прошлом человек находил и находит источник для поиска своего места в окружающем мире. При амнезии, потере памяти, утрачиваются социальные связи, теряются опорные точки в жизни человека. Он превращается в манкурта.

История создавалась ровно столько, сколько существует общество homo sapiens, сапиенс. Тысячи известных и неизвестных героев своего времени – скотоводов и воинов, правителей и хлебопашцев, ремесленников и купцов, просветителей и учителей – по крупицам делали нашу жизнь такой, какой она досталась нам, какая она сегодня. И каждая минута этой жизни возможна только потому, что были столетия до нее. Об этом мы должны помнить, чтобы продолжать наследие предков, быть связующим звеном в непрерывном потоке времени.

В познании прошлого особую роль играют ученые-историки, профессионалы, которые посвятили себя, свою жизнь, а значит, в определенной степени и судьбы близких, Музе истории. Отрекаясь от повседневной суеты, мелочей быта, они годами и десятилетиями по крупицам собирают материал в архивах, вычитывают в фолиантах записок путешественников, купцов, разведчиков, дипломатов скупые строки свидетельств о прошлом. Они протаптывают тропинки, по которым их последователи все быстрее углубляются в канву ушедших лет.

Who are you? Кто же Вы, товарищ Р.Х. Гугов? Ответ на этот простой вопрос читателю даст Интернет, в котором размещены десятки статей и книг, освещающих различные стороны его творческой деятельности или упоминающих имя ученого. Конечно, его супруга, дети, внуки, соседи, друзья, коллеги, собраты по научному цеху. Но особенно много расскажут внимательному читателю книги ученого, его научная лаборатория, его отношение к прошлому и настоящему.

Размышляя над творчеством Р. Х. Гугова, вспомнились глубокие, полные сакрального смысла слова поэта Олега Анофриева:

*Призрачно все в этом мире бушующем.
Есть только миг – за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь.*

Для историка – миг – это его жизнь, наполненная кропотливой работой, а вечность – это объект его исследования. Для историка категория времени принци-

пиальна. Вне времени и пространства нет события, факта, исторического процесса. Но оно стремительно несется, унося в прошлое любимых, друзей, родных. Где якорь, который позволит остановиться мгновению, оглянуться назад в прошлое, подумать о будущем?

Человек издавна научился измерять Время. Способы его измерения различны: и по движению небесных тел (математическая хронология), и по психологическому восприятию (ведь было время золотое!), смены времен года (зима–лето), исторические эпохи (Средневековье, Новое, Новейшее время и др.). Менялся и процесс счета, часы (песочные, солнечные, механические, атомные, лазерные и другие), биологические часы. Но самая главная эпоха для человека – это социальное время – особая форма бытия общества, выражающая длительность исторических процессов, их смены, возникающих в ходе деятельности людей.

Какова же мера, видимый результат деятельности ученого во времени и пространстве? Критерии оценки работы-творчества историков различны. Это и количество опубликованных монографий, обобщающих трудов, сборников документов, статей, выступлений на конференциях, докладов на общественных мероприятиях, участия в радио- и телепередачах. Перечисленные внешне зримые единицы важны как количественные параметры, т. е. «вещи» в себе, но все-таки не отражающие их влияния на науку, общество, конкретного человека. Сегодня внедрены новые технологии определения значимости труда ученого. Это различные рейтинги, которые отражают цитируемость автора, востребованность статей и книг ученых. Но наши попытки выяснить обращение коллег к публикациям ученого дали только аморфные, приблизительные сведения, поскольку проблема регистрации ученого в системе РИНЦ 15 лет назад в РФ еще не стояла.

Так каково же влияние Р.Х. Гугова на общество и историческое время, а поскольку в социуме все связано, то, в свою очередь, какое место в исторической памяти этого общества он занимает?

90-летие Р.Х. Гугова позволяет сделать ряд предварительных выводов и высказать свое видение этого вопроса.

Лично для меня на первом месте стоит его вклад в историческую науку народов Кабардино-Балкарии, Северного Кавказа, России в томах обобщающих трудов, книг, очерков, размышлений. «Потускневшие» от времени историографические источники и факты, заявленные и научно обоснованные концепции становления власти советов, строительства новой формы государственности и гражданской жизни, героизм и беспримерная отвага земляков на фронтах Великой Отечественной войны. На склоне жизни оформилось новое увлечение к седым древностям Средневековья и Нового времени, вылившееся в семисотстраничную монографию о взаимоотношениях народов Кабарды и Балкарии с Россией.

Творчество ученого – это нерукотворный памятник, который он создает на века с помощью души, сердца, ума, исторических фактов, концепций. Оно не поддается тлению, издержкам времени, коррозии, поскольку, реконструируя исторические процессы, исследователь отражает историческую действительность, ставшую объектом изыскания. Сложнее обстоит дело с их оценкой в историографии.

Каждая минута, день, месяц, год, десятилетие, столетие, отделяющие нас от изучаемого прошлого, с одной стороны, углубляют пропасть между нами и исследуемым событием, унося в прошлое современников, очевидцев исторического действия, сокращая возможности адекватного изучения исторической проблемы. С другой, совершенствуются научные методы познания, разрабатываются новые методики анализа источников, выявляются новые группы неизвестных

фактов, превращающиеся в руках исследователя в неоспоримые исторические источники и факты. Диалектика исследовательского процесса такова, что с каждым годом, десятилетием, столетием историческая наука все глубже проникает в сердцевину явлений и событий прошлого, но никогда не в состоянии полностью отразить всю сложность реальной жизни, действий участников политических и социальных пертурбаций в обществе. Не будем забывать известные слова классика о том, что качество научного проникновения в прошлое зависит не от того, что не сделал ученый в конкретной статье или книге, а от того, что нового внес он, по сравнению с предшественниками, в понимание сущности объекта изучения.

Одновременно с развитием науки меняются методологические подходы осмысления прошлого. Монолинейный, формационный подход, в рамках которого вел изучение прошлого Р. Х. Гугов и тысячи замечательных советских историков, сменился многолинейным, плюрализмом методологических принципов исследования. Это, безусловно, обогатило науку, выросло качество исследований, появилась многомерность изучаемых исторических реалий, но, с другой стороны, множатся мифы о «расстрелянной» и изуродованной советской историографии, которая была «служанкой» партии большевиков и не внесла серьезного вклада в изучение прошлого. Отсюда у «перестроившихся» в свое время ряда молодых исследователей плохо скрываемое пренебрежение к трудам предшественников, которые «в рамках однолинейного, марксистского подхода вели эмпирические исследования». Их оценка творчества ведущих кавказоведов советского периода, как правило, мелка и не содержательна. Они пытаются убедить себя и других в том, что только им подвластен «комплексный анализ многомерного исторического процесса», только их «бесценные» статьи в три-четыре странички и, зачастую, компилированные диссертации вносят реальный вклад в историографию... Что ж, «собаки лают, а караван идет».

Большое видится на расстоянии. Прошедшее 15-летие наглядно свидетельствует, что в «Табели о рангах» в науке имя Р.Х. Гугова по-прежнему в числе самых востребованных.

В актив нетленной памяти внесем этот сборник трудов и воспоминаний, который сейчас открыт читателем. В его основе сборник «И жар души, и хлад ума... Вспоминая Рашада Хусейновича Гугова», подготовленный и изданный В. Н. Котляровым в 2005 году, в котором плеяда известных в СССР и РФ историков оставили свое видение беспримерного труда гражданина и ученого. Емкая телевизионная передача, посвященная жизненному пути ученого и человека, авторами которой являются Аслан Карданов и Аслан Мамхегов, которая периодически появляется в эфире. Подборка писем Р. Х. Гугова, недавно опубликованная Асланом Мамхеговым в журнале «Литературная Кабардино-Балкария». Улица имени Р. Х. Гугова в Юго-Западном микрорайоне г. Нальчика...

Но самый емкий информатор и индикатор научной и общественной деятельности ученого – это, конечно, Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. И в прямом, и в переносном смысле. В прямом, потому что семья Рашада Хусейновича передала архиву колоссальное количество документов, повествующих о научной, административной и общественной работе ученого. В переносном, потому что этот архив был самым «теплым» и «благодарным» местом в судьбе ученого. Именно здесь найдены тысячи свидетельств, которые тонко и объективно отразили перипетии исторического процесса и нашли свое место в книгах и статьях ученого.

По данным начальника отдела использования документов и методической работы УЦГА АС КБР Е.М. Шагопсоевой, с 17 марта 2006 года, когда был открыт фонд Р.Х. Гугова в ЦГА КБР, по февраль 2017 года к материалам фонда обратилось более 700 посетителей архива. Невозможно подсчитать число исследователей, открывающих опись фонда через Интернет. К сожалению, далеко не все посетители смогли просмотреть или проработать 952 дела личного фонда Р.Х. Гугова. Дело в том, что доступ к материалам личных фондов без специального разрешения членов семьи фондообразователя ограничен для работы.

Уважаемые Людмила Даниловна, Анатолий Рашадович и Владимир Рашадович! Обращаюсь к Вам от имени многочисленных исследователей, которые хотели бы познакомиться с делами фонда, окупиться в существо проблем, которыми ежедневно занимался Рашад Хусейнович на протяжении многих десятилетий, пожалуйста, откройте фонд для открытого доступа всем желающим!

Открытый доступ к материалам фонда даст реальную возможность студентам, аспирантам, сложившимся ученым оценить творческую лабораторию известного ученого. Пошагово проследить путь подготовки и написания статей, диссертаций, монографий, сборников документов ученым. Оценить количество и качество труда и времени, ушедшее на публикацию той или иной работы. Приобщиться к «Запискам на манжетах» ученого, размышлениям, мечтам и надеждам вашего отца и мужа.

А смотреть и думать в фонде есть над чем. Среди документов фонда отложились: рукописи, причем по несколько вариантов, монографий, сборников документов, статей и очерков, тексты выступлений, докладов, рецензий, переписка с учеными-коллегами, документы служебной и общественной деятельности, рецензии на научные труды Рашада Хусейновича и его рецензии на работы историков и писателей Северного Кавказа и т.д.

Работая с описью фонда, я провел первичный арифметический подсчет количества страниц в делах, которые отложились в фонде, и был поражен их объемом.

В разделе «Рукописи» – на подготовку, редактирование и рецензирование рукописей, превращающихся после публикации в монографии, размещено 9356 страниц!

В разделе «Статьи» – 4636 страниц!

В разделе «Рецензии Гугова Р.Х.» – 296 страниц!

В разделе «Рецензии на работы Гугова Р.Х.» – 236 страниц!

В разделе «Библиография» – 302 страницы!

В разделе «Документы, собранные для работы» – 9501 страница!

В разделе «Письма» – 214 страниц!

В разделе «Документы к биографии» – 88 страниц!

В разделе «Рукописи коллег» – 3397 страниц!

В разделе «Служебные документы» – 2988 страниц!

В разделе «Документы об общественной деятельности» – 149 страниц!

В разделе «Документы, отложившиеся в фонде» – 723 страницы!

Всего около тридцати двух тысяч страниц рукописных и машинописных листов! Какое же количество труда, сил, времени, нервов необходимо, чтобы просмотреть, прочитать, проанализировать, сформулировать свое отношение к материалу!

Приведенные данные и размышления о творческой работе ученого Рашада Хусейновича Гугова убеждают: «Память не подлежит коррозии, она – нетленна»!

П. Кузьминов,
профессор, КБГУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От издателя.</i>	
<i>Виктор Котляров.</i> Всесторонне и глубоко	5
<i>Галим Мамбетов.</i> Правдиво и объективно	6

**КАБАРДА И БАЛКАРИЯ В XVIII ВЕКЕ
И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ**

<i>Б. Бгажноков.</i> О книге «Кабарда и Балкария в XVIII веке»	10
<i>Х. Малкандуев, Б. Керефов.</i> Большой вклад в историческую науку	13
Введение	15
Г л а в а I. Социально-экономические и внутривнутриполитические отношения в Кабарде и Балкарии в XVIII веке	39
§ 1. Территория и население.	39
§ 2. Хозяйственное развитие Кабарды и Балкарии.	52
§ 3. Социальные отношения в Кабарде и Балкарии в XVIII веке.	133
§ 4. Антифеодальные выступления в Кабарде и Балкарии	160
§ 5. Политический строй Кабарды и Балкарии. Феодалная междоусобная борьба	202
Г л а в а II. Торгово-экономические и культурные связи в XVIII веке	223
§ 1. Торгово-экономические связи Кабарды и Балкарии с Россией	223
§ 2. Культурные связи Кабарды и Балкарии с Россией	259
Г л а в а III. Кабарда и Балкария в системе международных отношений в XVIII веке	310
§ 1. Внешнеполитическая обстановка на Кавказе к началу XVIII века. Кабардинский вопрос как важная составная часть кавказской проблемы	310

§ 2. Провал захватнических планов иностранных держав на Кавказе и новый политический статус Кабарды	341
Глава IV. Кабарда и Балкария во взаимоотношениях России с другими народами Кавказа	408
§ 1. Роль Кабарды и Балкарии в укреплении связей других народов Северного Кавказа и Дагестана с Россией	408
§ 2. Кабарда и Балкария во взаимоотношениях России с Грузией	463
Заключение	487

ВСПОМИНАЯ РАШАДА ХУСЕЙНОВИЧА ГУГОВА

<i>Ю. Поляков.</i> Ученый Российского масштаба	492
<i>А. Козлов.</i> Вспомысли	495
<i>М. Гиоев.</i> И светоч, и огонь...	498
<i>Н. Бугай.</i> Сея доброе начало...	503
<i>И. Некрасова.</i> Талисман тепла	507
<i>В. Крикунов.</i> Сила добра	508
<i>П. Иванов.</i> В согласии с истиной	511
<i>П. Марченко.</i> Много доброго...	512
<i>М. Улаков.</i> Талант и мудрость	513
<i>В. Дзидзоев.</i> Душа чистая и ранимая.	520
<i>Г. Мамбетов.</i> Образ светлый...	521
<i>Б. Бгажноков.</i> Обаяние большого ученого	523
<i>А. Гутов.</i> Человек подобен дробинке...	525
<i>Р. Хашихожева.</i> Неутомимый труженик.	527
<i>З. Налоев.</i> Вода благоволила литься...	528
<i>Б. Зумакулов.</i> Даривший тепло	533
<i>Г. Яковлева.</i> Память сохранила...	534
<i>М. Кушхов.</i> Настоящий адыгэлI	534

<i>К. Унежев.</i> Кабардинский мобед	535
<i>Х. Малкандуев.</i> Долгая память	536
<i>В. Темиржанов.</i> Зерна, дающие всходы	538
<i>И. Якубова.</i> Деликатность и порядочность	541
<i>О. Айшаев.</i> Яркая жизнь.....	542
<i>И. Отаров.</i> Вспоминаю с благодарностью.....	544
<i>Ж. Кулиева.</i> След мастера	544
<i>В. Молов.</i> Дружеское плечо	545
<i>А. Шарданов.</i> Встречи как общение	547
<i>Дж. Хауна.</i> Ван Гуг, Рашад!	548
<i>А. Тепнеев.</i> Позывные души	549
<i>А. Мамхегов.</i> Кружит аист над Красным Гедуко	555
<i>П. Таов.</i> В наших сердцах	565
<i>О. Опрышко.</i> Память хранит все доброе.	567
<i>М. Докшоков.</i> Много общего.	569
<i>В. Гугов.</i> Пример истинной дружбы	569
<i>А. Хакуашев.</i> Человек чести и благородства	580
<i>П. Кузьминов.</i> Память не подлежит коррозии, она – нетленна.	583

Литературно-художественное издание

Гугов Рашад Хусейнович

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

16+

Заведующий редакцией В. Н. Котляров

Художник Ж. А. Шогенова

Корректор Н. В. Римская

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 28.11.16. Подписано в печать 15.06.17.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif.
Усл. печ. л. 46,1. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-9368-1015-2

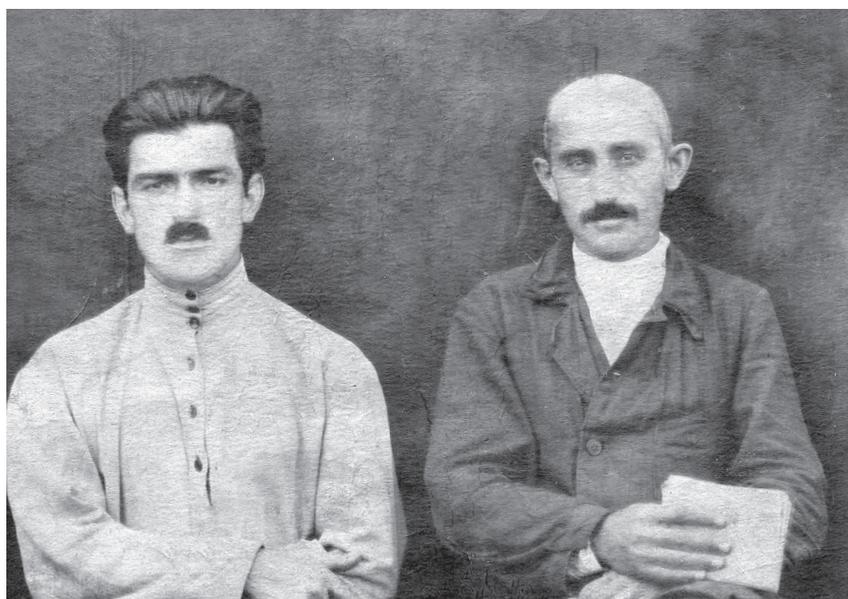
Издательство М. и В. Котляровых.
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19
Тел./факс: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru www.elbrus.ru

Хусейн Якубович
и Роза Кешевна (Шогенова) Гуговы,
родители Рашада Хусейновича

Х. Гугов и Х. Маршенов. 1930

Х. Гугов (с л е в а), Х. Маршенов. 1932, 20 августа

Шумсет, Нюра, Аслижан, Менсурет Гувовы. Кучмазукино, 1923

Ася Таова, Каракан, Женя и Рашад Гувовы (слева направо). 1930-е гг.

Татау Башчеевич Башлоев с внуками. 1930-е гг.

Данил Татаувич и Гошагаг Хажумаровна (Кертиева) Башлоевы, родители Людмилы Даниловны. 1953

Данил Татаувич и Гошагаг Хажумаровна с дочерьми Людмилой, Лялей и внуком Толиком. 1953

Внуки на каникулах. Н. Жемтала, 1964

Людмила Даниловна Гугова. 1950

Н. Жамборов, Т. Шогенцукова,
Р. Гугов и А. Таова. 40-е гг.

А. Касумов, У. Улигов и Р. Гугов. 1950-е гг.

С супругой. 1950

С семьей. Нальчик, 1956

Сотрудники Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.
С л е в а н а п р а в о: Х. Г. Берекетов, Б. Х. Цавкилов, А. Т. Шортанов, И. В. Тресков, Т. Х. Куашева, П. М. Багов, А. Ю. Бозиев, Р. Х. Гугов, Е. Т. Хакуашев, А. Х. Соттаев

Сотрудники Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института в год его 40-летия. В первом ряду (слева направо): Т. Х. Кумыков, Б. Х. Цавкилов, И. В. Тресков; во втором ряду: Г. Х. Мамбетов, Е. Т. Хакуашев, У. А. Улигов, А. К. Текуев, Р. Х. Гугов; в третьем ряду: О. Л. Опрышко, М. М. Цораев, А. Ю. Бозиев, П. М. Багов, И. М. Чеченов; в четвертом ряду: В. Х. Темиржанов, Б. Х. Ифраимов, Г. И. Ионе, А. З. Холаев, А. М. Гукемух, З. П. Кардангушев, К. Т. Мамрешев. 1966

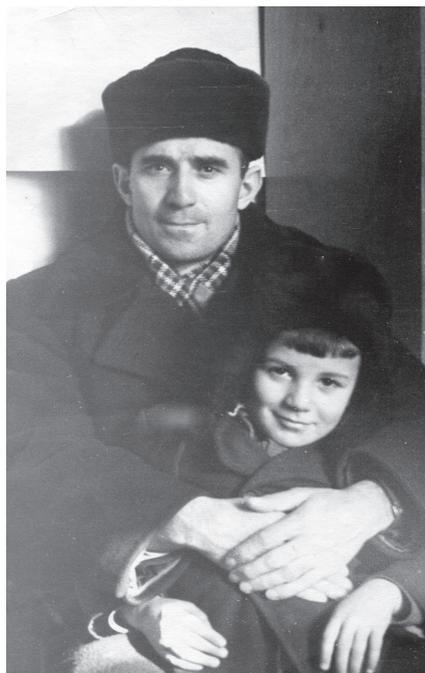
Коллектив научных сотрудников Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. 1957

Научная сессия Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. 1959, март

Рашад Гугов и Ануар Карданов.
Нальчик, 1950

С сыном Володей. 1960

Родные по материнской линии. В первом ряду (слева направо):
Залихан, сестра матери, Млита Шикобахова, Шаидат (супруга Али
Шогенцукова), Хангуаша, сестра матери; во втором ряду: Соня Аба-
зова, дочь Хангуаши, Рая Жамборова, Люся Гугова; в третьем ряду:
Каракан, брат Рашада, Рашад Гугов, Пшикан Таов. 60-е гг.

Однокурсники. К 10-летию окончания пединститута. 1960

И. Тресков, Р. Гугов, К. Кулиев, И. Берхин, Х. Бербеков, М. Геттуев (слева направо). 1960

Группа ученых на отдыхе. 1962

К 20-летию окончания пединститута

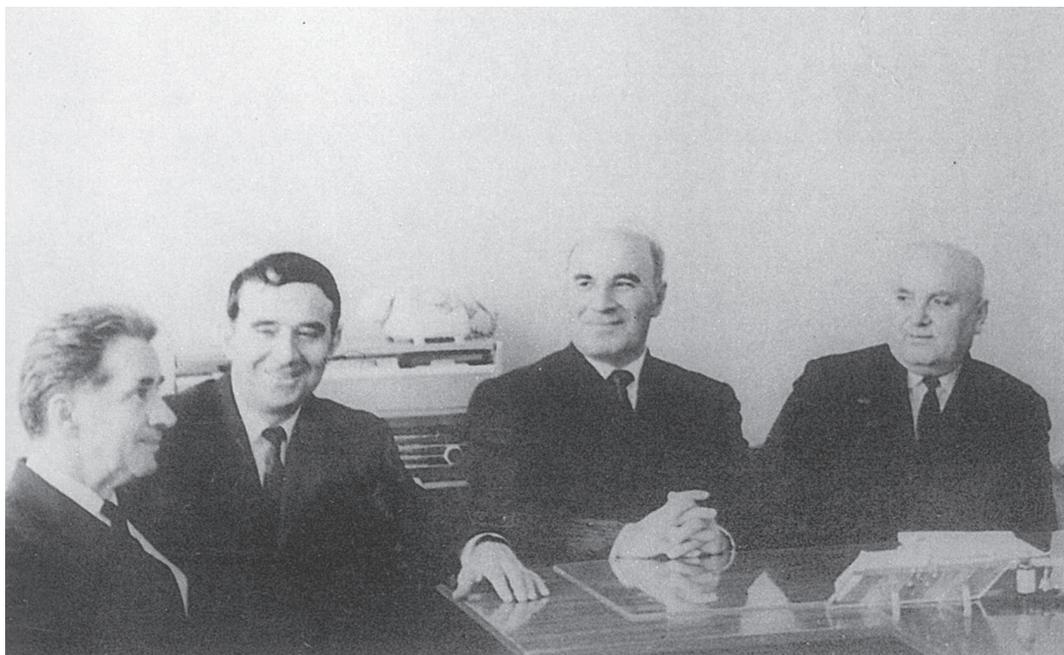
Е. Хакушев, Б. Цавкилов, Р. Гугов. 1967

На отдыхе. Анапа, 1962

А. Шогенцуков (второй с л е в а) и Рашад Гугов (с п р а в а) с участниками Великой Отечественной войны

З. Кардангушев, Р. Гугов, А. Шогенцуков, А. Шортанов. 1973

С супругой и сыновьями. 1973

К 25-летию окончания пединститута. 1975

Л. Д. Гугова с учениками. 1981

Л. Д. Гугова ведет урок. 1982

Первый ряд: Хажсет Азиков, Хабас Гугов (брат Рашада), Рая Гугова, Мухарби Жамборов; второй ряд: Анатолий Гугов, Асият Гугова, Руслан Шарданов, Жанна Гугова, Джабраил Гугов. 1974

С сотрудниками НИИ. 1976

Сотрудники НИИ (слева направо): П. Багов, Р. Гугов, У. Улигов,
В. Темиржанов. 1976

Г. Мамбетов, Р. Гугов, Д. Гудов, Х. Урусов. Нальчикский парк

Группа сотрудников НИИ, награжденных Почетной грамотой Президиума ВС КБАССР. В первом ряду (слева направо): П. Багов, Н. Шпилева, М. Кучмезова, Р. Гугов, В. Темиржанов; во втором ряду: И. Чеченов, У. Улигов, Х. Хутуев, З. Налоев, Г. Мамбетов. 1976

А. Т. Шортанов, А. Л. Нарочницкий, Х. И. Хутуев, Ю. А. Жданов, Т. Х. Кумыков, Р. Х. Гугов, Г. Х. Мамбетов на совещании по подготовке «Истории Северного Кавказа». Майкоп, 1976

Т. Кумыков (слева) и Р. Гугов на заседании ученого совета КБНИИ. 1980

С сотрудниками НИИ. 1980

На свадьбе младшего коллеги в сел. Алтуд. 1980

Р. Гугов и В. Тлостанов. 1981

А. Кишев, Ю. Темирканов, Х. Хутуев и Р. Гугов. 1981

Коллектив НИИ с Юрием Темиркановым и В. Гардановым. 1981

С коллективом НИИ. Третий (с л е в а) профессор Дамасского университета
Адель Абдуль-Салам (Лаш Адиль). 1983

А. Козлов с супругой Валей, Р. Этенко
и Р. Гутов с внуком Эльдаром. 1983

Г. Мамбетов, Р. Гугов, М. Бажев, М. Токмаков, У. Улигов. 1982

С внуком Эльдаром. 1984

С коллективом НИИ у Вечного огня. 1985

Т. А. Хмелевская, А. П. Пронштейн, С. Н. Гиоева, Г. Х. Мамбетов (слева направо); стоят Р. Х. Гугов и К. А. Хмелевский. 1985

Сотрудники сектора истории КБНИИ. 1988

Сотрудники института - участники Всероссийской научной конференции «Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа в XIX веке и проблемы мухаджирства». 1990

Писатель Петр Шевлоков, Рашад Гугов и певец Владимир Кодзоков. 1983

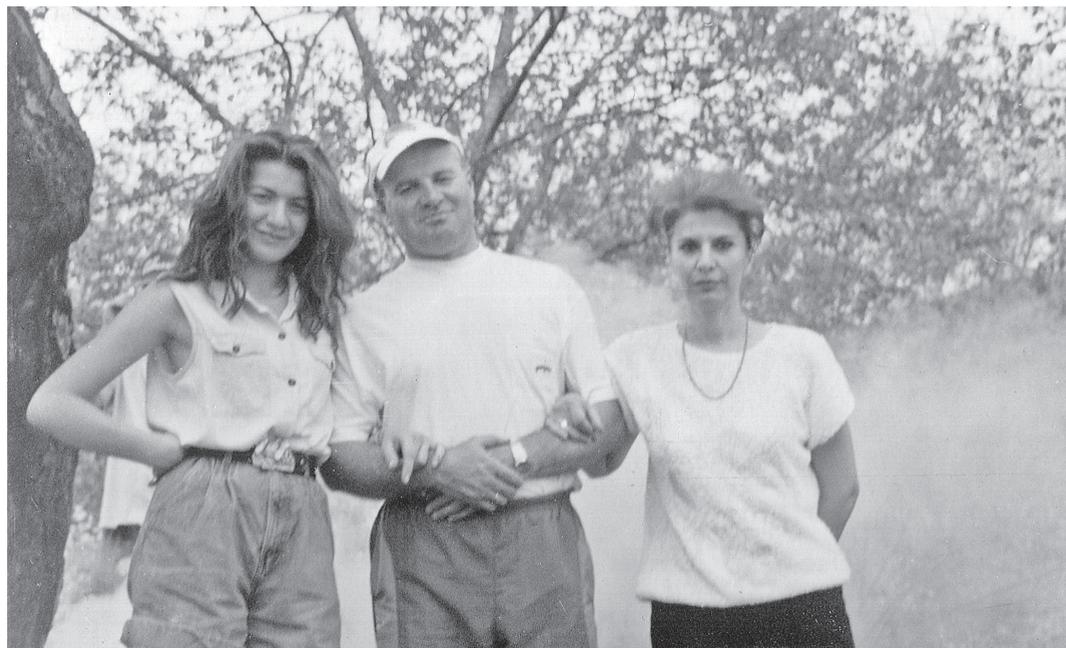
Чествование А. Кешокова. 1990

М. Улаков, П. Иванов, Р. Гугов, Х. Думанов. 1995

С Давидом Шабеевым. 1995

Владимир Гуров с супругой Светланой и дочерью Еленой. 1996

С родственниками. Черная Речка. 1999

Р. Х. Гугов и гости из Турции – Тевфик Эсенч (последний носитель убыхского языка), историк и журналист Иззет Айдемир. Нальчик, 1990

Всесоюзная научно-практическая конференция «Национально-освободительная борьба народов Кавказа и проблемы мухаджирства». 1990

После церемонии вручения ордена Почета. Р. Кертиев, Г. Губин, В. Коков, Р. Гугов, А. Шухостанов. 1996

На вручении Государственной премии. В. Коков, Р. Гугов, М. Тхакумашев. 1999

Торжественное собрание, посвященное 70-летию КБИГИ. Слева направо:
З. А. Нахушев, Г. М. Черкесов, П. М. Иванов, Р. Х. Гугов, Ю. К. Альтудов,
Г. С. Губин, М. Н. Жабоев, П. К. Таов. 1996

Торжественное собрание, посвященное 70-летию КБИГИ. 1996

Празднование 100-летия со дня рождения Али Шогенцукова. А. Хакуашев, В. Гугов, М. Хакуашева, Р. Гугов, Н. Шогенцукова. 2000

Супруги Гуговы с Юрием Темиркановым. 2003

Б. Мирзоев, Р. Гугов, П. Таов. 2000

Встреча выпускников – последняя для Рашада. 2000

С сыном Владимиром. 2001

Рашад и родственники из Сирии – Акрам Гугов с супругой

Ю. А. Поляков,
академик РАН

М. Гиоев и Р. Гугов. Нальчик, 2002

В. Крикунов с супругой и В. Гугов. Георгиевск, 2003

Р. Гугов с правнуком Алимом. 2002

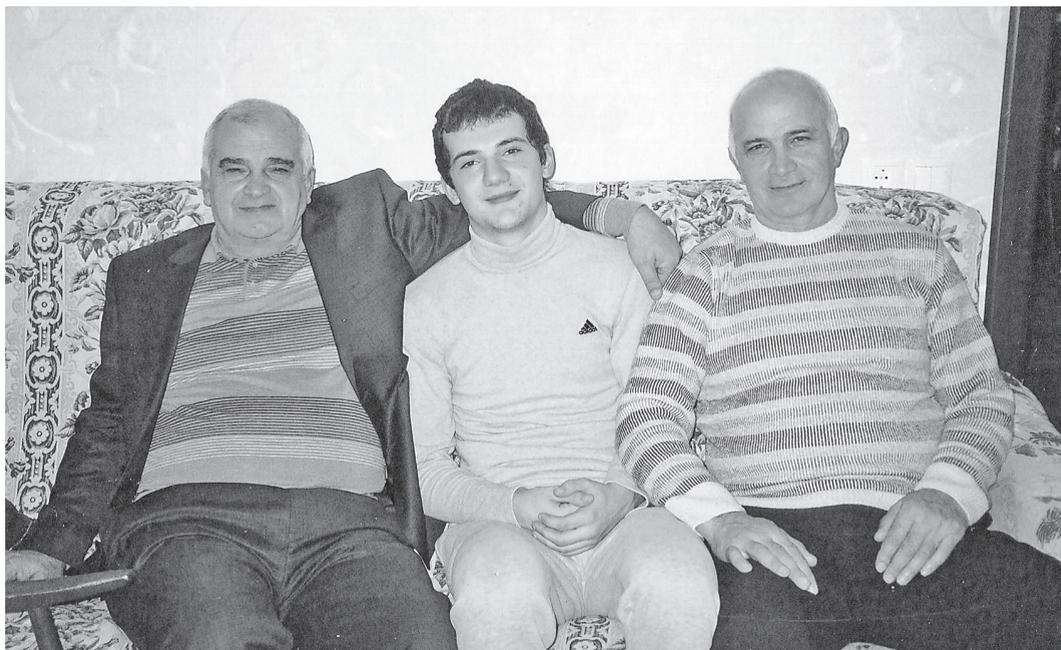
У младшего брата Джабраила с его детьми Залиной, Азаматом и Заремой.
2002

Л. Д. Гугова с внучками Леной и Элиной, правнуками Лаурой, Алимом, Элиной, Аишей (на руках у бабушки), Русланом (слева направо).
2005

Правнуки Умар, Аиша, Хадиджа и Лаура Гуговы
с Владимиром Гуговым. 2014

Джабраил, Мурат и Юрий Гуговы. 2014

Л. Д. Гугова с сыном Владимиром и сестрой Рашада Асият. 2017

Внучка Рашада Лена, правнуки Алим и Элина Абазовы

Внучка Рашада Элина, правнуки Руслан и Диана Берхамовы

Рашад Гугов

Христиан Готфрид Гейслер. Черкесский воин. 1793
Иллюстрация из: *Pallas, Peter Simon. Travels through the southern provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794. London, Printed for John Stockdale... 1803*

Адыгэ афэ, таж – кольчуга и шлем высокий черкесские. XVIII в.

Шлем черкесский мисюрка

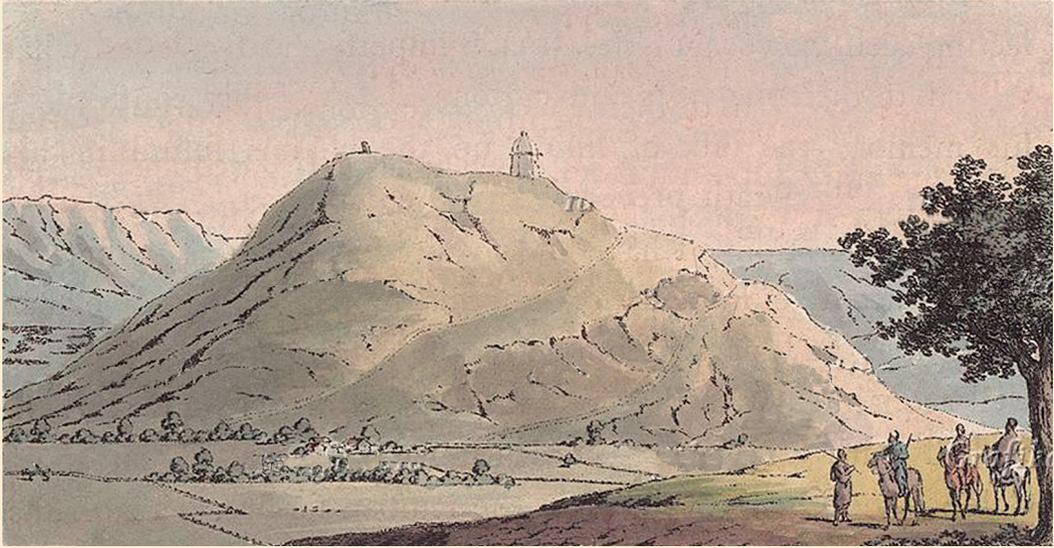

Христиан Готфрид Гейслер. Черкесское поселение на предгорьях Кавказа.
Иллюстрация из: *Pallas, Peter Simon.* Travels through the southern provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794. London, Printed for John Stockdale... 1803

Князь Малой Кабарды.
Гравюра *Гроза* по рисунку *Е. М. Корнеева*. 1803
Иллюстрация из: *Les peuples de la Russie...* / *Coqueret, grav.*; *Karl Rechberg, aut. du texte. D. Colas.* Paris, 1812–1813

Лук, стрелы и колчан черкесские

Христиан Готфрид Гейслер. Погребальный комплекс черкесских князей, расположенный близ реки Малки (в переводе «осетровая вода»)

Иллюстрация из: *Pallas, Peter Simon. Travels through the southern provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794. London, Printed for John Stockdale... 1803*

Христиан Готфрид Гейслер. Склепы семейства черкесского князя Джамбулата в долине реки Баксан

Иллюстрация из: *Pallas, Peter Simon. Travels through the southern provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794. London, Printed for John Stockdale... 1803*

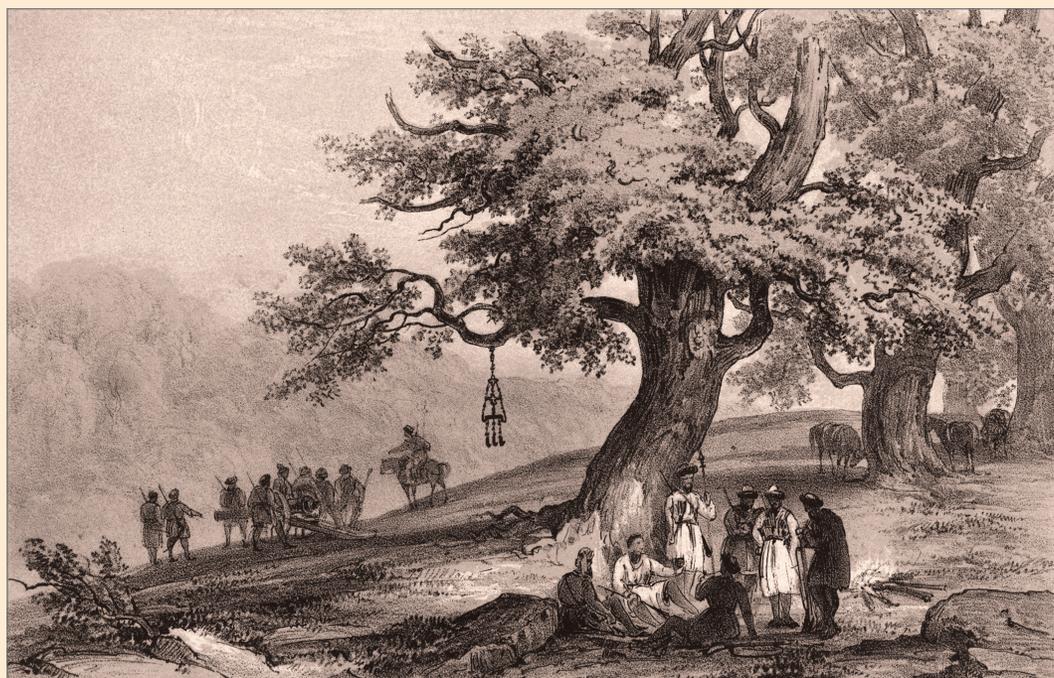

Жертвоприношение у черкесов

✓ Большой праздник креста в священном лесу в присутствии большого количества черкесских князей. 28 июля 1818 г.

Литографии Лайстери по рисункам Тебу де Мариньи
Иллюстрации из: *Taitbout de Marigny, Edouard, chevalier «Voyage en Circassie», 1821*

Древний висящий крест в долине Саше. 1838. Литография Г. Барнарда с рисунка
Дж. С. Белла

Иллюстрация из: *Bell, James Stanislaus* «Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838, and 1839». Vol. 2. London E. Moxon. 1840

Р. Я. Хаметон. Залив Цемес (черкесский танец «Удж хурай»). 1838

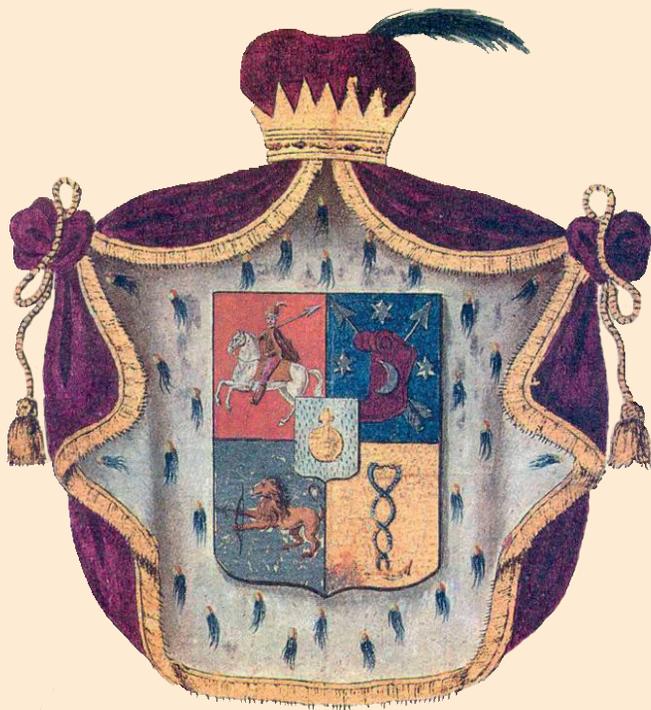
Иллюстрация из: *J. A. Longworth* «A year among the Circassians». Vol. 1. H. Colburn. London, 1840

Черкесская шашка с портупеей

Ф. Г. Солнцев. Черкес. 1834

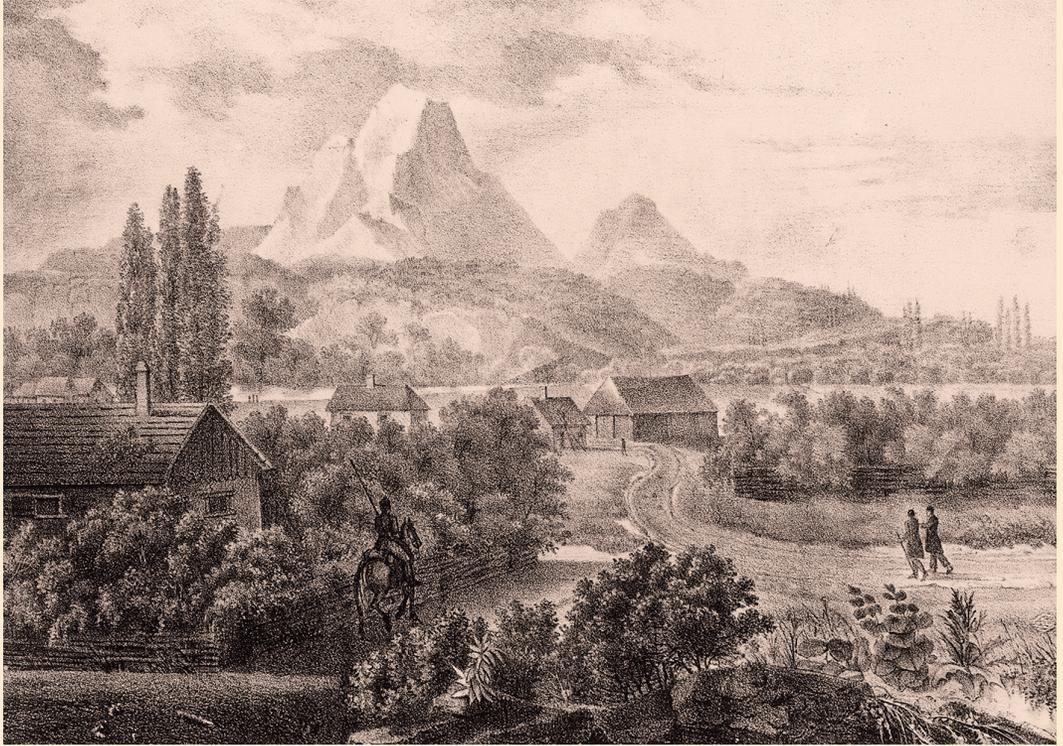
Из альбома «Одежды Русского государства». 1869

Герб князей Черкасских

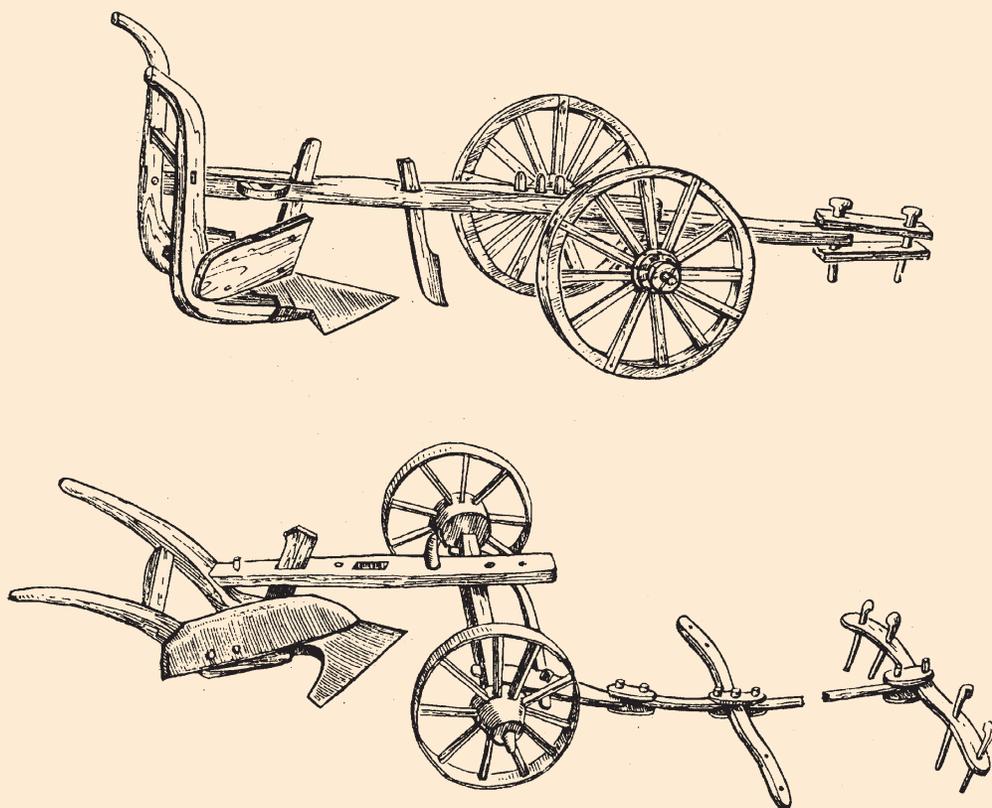
Пистолет, пороховницы и натруски, черкесские

Вид на г. Казбек из Моздока. Литография *Энгельмана* по рисунку *Шопена*. 1826
Иллюстрация из: *Gamba, Jacques François*. «Voyage dans la russie méridionale...». C.J. Trouvé.
Paris, 1826

Р. Я. Хаметон. Черкесское гостеприимство. 1840
Иллюстрация из: *J. A. Longworth* «A year among the Circassians». Vol. 1. London, H. Colburn, 1840

Адыгейские (черкесские) тяжелые плуги.
Иллюстрация из: Б. А. Калоев. «Земледелие народов Северного Кавказа». Москва, 1981

Плетеные пчелиные ульи у черкесов и ингушей.
Гейслер, Кристиан Готлиб Генрих.
Иллюстрация из: «Travels through the Southern provinces of the Russian empire». London, 1802

Инструменты мастера серебряных дел. >
XIX в.

Национальный музей Республики Адыгея

Изделия кузнечного производства. Внизу – ствол ружья, изготовленный кабардинским мастером Эржибом. XVIII в.

Национальный музей Кабардино-Балкарской Республики

Христиан Готфрид Гейслер. Простой черкес и знатный черкес в полном вооружении и на коне. Конец XVIII в.

Черкесское седло, нагрудник, его элементы

Черкесские девушки на открытках XIX века

